

A
10/11/16

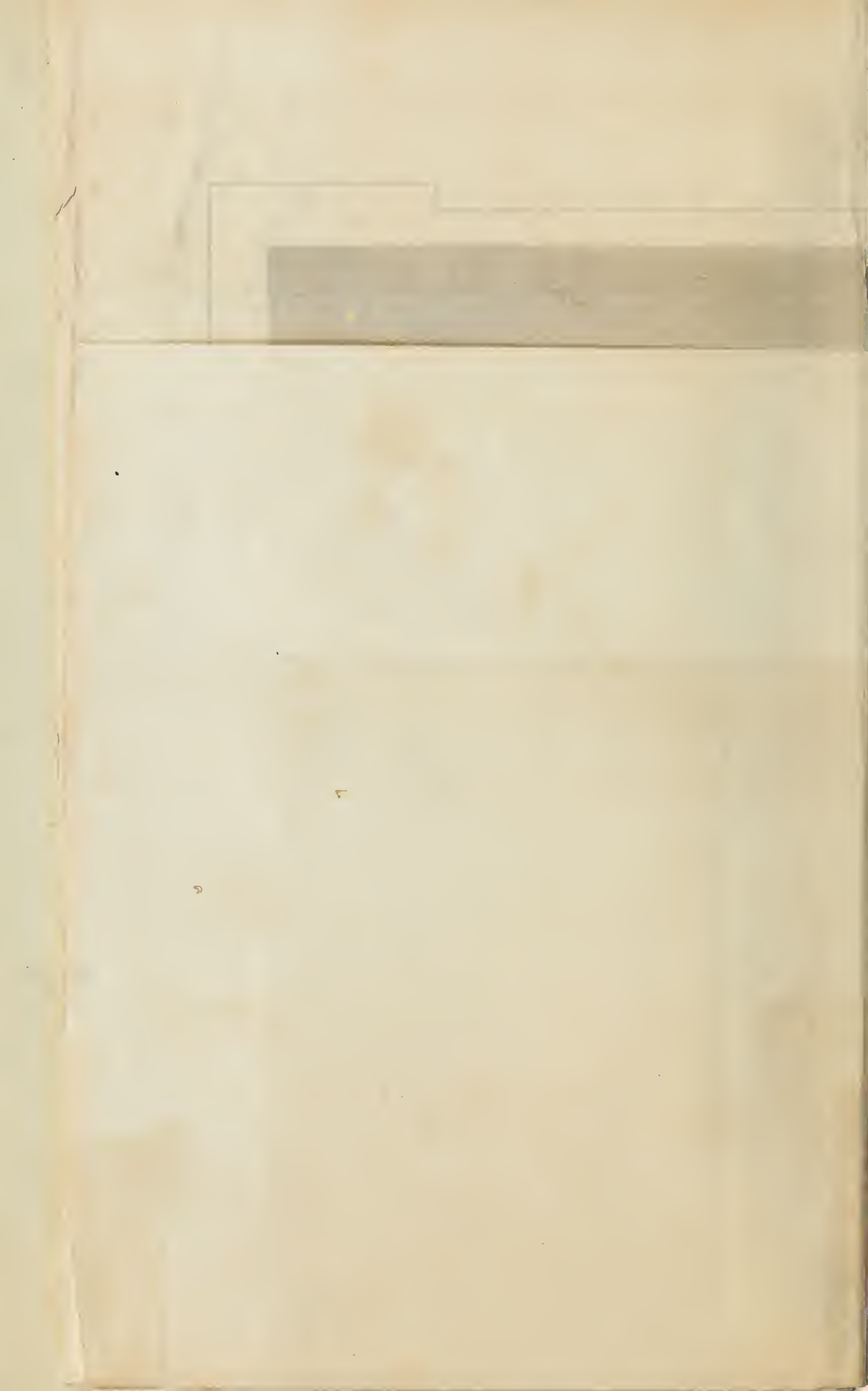
ВІДЪ РУССКАГО НА СВ. ГОРѢ АѦОНСКОЙ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ПАНТЕЛЕИМОНА МОНАСТЫРЯ СЪ ЮЖНОЙ СТОРОНЫ

Литографія А. Гринькова и др. въ Москвѣ. 1871

Видъ на монастырь св. Панталеимона на св. горе Афонской с южной стороны

А. Гриньковъ и др. нарисовали

М. Кудачка № 2.

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

АВОНСКІЙ ПАТЕРИКЪ.

АѦОНСКІЙ

ПАТЕРИКЪ

ИЛИ

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ СВЯТЫХЪ,

ВО СВЯТОЙ АѦОНСКОЙ ГОРЪ ПРОСІЯВШИХЪ.

Гора Божія, гора тучная: гора усуренная,
гора тучная. Вскую нещуете горы усуренныя?
гора, кже благоволи Богъ жити въ ней, про
Господь вселится до конца.

Псал. 67, ст. 16, 17.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ.

ИЖДВЕНІЕМЪ РУССКАГО ПАВТЕЛЕНМОНОВА МОНАСТЫРЯ НА АѦОНЪ.

ЧАСТЬ I.

LIBRARY

Toronto, Ontario

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1867.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Ценсуры печатать
позволяется. Февраля 18 дня 1866 года.

Цензоръ Архимандритъ Макарій.

Печатано въ типографіи духовнаго журнала «Странникъ» (близъ Смольнаго монастыря.
въ домъ Экгардта, № 60—3.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Извѣстно, что всѣ, — не только православные, но и ино-
вѣрные, даже невѣрные, всегда признавали и нынѣ при-
знаютъ, что святая Аѳонская гора находится подъ особен-
нымъ покровительствомъ Пресвятыя Госпожи Дѣвы Бого-
родицы, и что сіе мѣсто наречено Ея жребіемъ, какъ жре-
бій евангельскаго Ея слова. И безчисленные опыты оправды-
вали и оправдываютъ божественную Ея любовь и нѣжный
промысль о посвятившихъ себя здѣсь трудамъ подвижниче-
ской жизни. Всѣ также знаютъ, что, по державной Ея волѣ,
это мѣсто остается и останется, какъ говорятъ мѣстныя
преданія, до скончанія міра исключительнымъ жребіемъ му-
жескаго иночества. Съ давнихъ временъ Аѳонъ, и по законамъ
царей земныхъ, державствовавшихъ въ православной Греціи
до ея паденія, обреченъ исключительно пребыванію на немъ
отшельниковъ¹. Даже и послѣ разгрома Востока отъ нечести-
выхъ сыновъ Агари, святая гора грозными ихъ повелителями
оставлена въ прежнихъ ея правахъ². И съ тѣхъ поръ даже до-
нынѣ, во всѣ дни пребыванія Востока подъ сокрушительнымъ
игомъ магометанства, она остается собственностію иночества,

¹ Указат. актовъ св. горы Аѳонской, стат. 4, 1. 4.

² Смотри «Письма Святогорца о святой Аѳонской горѣ», ч. 1, 50. 51, и
«Очеркъ путешествія по европейской Турціи» Григоровича, стр. 92, Каз. 1848.

и есть какбы отдѣльный иноческій міръ, съ своими законоположеніями въ отношеніи къ нравственной и внѣшней его жизни, посреди господствующаго изувѣрнаго деспотизма чтителей ложнаго пророка. Магометанскія власти, не касаясь правъ и преимуществъ святой горы, обременяли и обременяютъ ея обители только налогами. Такимъ образомъ, святая гора, пребывая предметомъ материнской заботливости Приснодѣвы, какъ Ея наслѣдіе, и по человѣческимъ законамъ — достояніемъ иноческимъ, была во всѣ времена оплотомъ, убѣжищемъ и свѣточемъ православія, вертоградомъ, разсадникомъ, средоточіемъ православнаго монашества, училищемъ подвижничества. И эта-то, столь знаменитая и достопамятная гора по сю пору не имѣетъ отдѣльной, полной о себѣ исторіи; скажемъ болѣе, — ученые донинѣ не только не написали о ней исторіи, но даже не согласились еще между собою о началѣ поселенія на ней иноковъ. Изъ грековъ, блаженной памяти славный и ученый святогорецъ Никодимъ ¹, въ концѣ из-

---

¹ Издатель, въ началѣ составленнаго Никодимомъ собранія списковъ, приложили краткое жизнеописаніе сего великаго мужа, принесшаго столько пользы Церкви греческой своими прекрасными произведеніями. Этотъ великій аскетъ, глубокій богословъ и славный писатель, свѣтило новѣйшихъ временъ для Церкви православной, былъ уроженецъ одного изъ Кикладскихъ острововъ, Наксоса (Νάξος). Въ юности своей, Николай воспитывался въ Смирнѣ и получилъ приличное образованіе въ эллинскомъ языкѣ; потомъ, бѣгая мірскихъ суетъ и смятеній, и имѣя пламенное стремленіе къ жизни иноческой, удалился на святую Аѳонскую гору, въ 1765 году. Здѣсь вступилъ онъ сначала въ братство обители святаго Діонисія, гдѣ скоро удостоенъ былъ иноческаго ангельскаго образа, съ именемъ Никодима, и возведенъ на степенъ чтеца и писмоводителя обители; затѣмъ уединенно подвизался въ двухъ келліяхъ (послѣдняя его келлія, близъ Карен, и донинѣ стоитъ, напоминая собою о знаменитомъ своемъ насельникѣ). При постоянныхъ подвижническихъ трудахъ и злостраданіяхъ, онъ, весь преданный занятію божественнымъ Писаніемъ, чтенію святыхъ отцевъ и составленію душеспасительныхъ произведеній, не зналъ почти покоя ни днемъ ни ночью. Наконецъ, истощившись въ силахъ отъ постоянныхъ и безмѣрныхъ аскетическихъ и ученыхъ трудовъ, знаменитый сей мужъ, послѣ кратковременной болѣзни, мирно отошелъ ко Господу, въ 1809 году, іюля 14-го, будучи 60 лѣтъ отъ роду. Изданныхъ

даннаго имъ Номоканона (изд. въ листъ, въ Лейпцигѣ, 1800 года, стр. 549), сдѣлалъ о св. горѣ нѣсколько замѣчаній: но какъ это только замѣчанія, то они мало объясняютъ бытъ горы. По его изысканіямъ, Аѳонъ уже 15 почти вѣковъ продолжаетъ бытъ особымъ мѣстомъ, посвященнымъ исключительно на славословіе Божіе, и служитъ училищемъ благочестія и добродѣтели съ тѣхъ временъ, когда христіанская вѣра сдѣлалась на земномъ шарѣ господствующею. Напротивъ, другой ученый святой горы, епитропъ Филоѳея, Θεодоритъ, въ своихъ запискахъ объ Аѳонѣ, начертанныхъ около двадцатыхъ годовъ настоящаго вѣка, основываясь на житіи преподобнаго Евфимія (жившаго въ девятомъ вѣкѣ), видитъ на святой горѣ до девятаго вѣка совершенную пустыню. Изъ нашихъ соотечественниковъ, писавшихъ о Востокѣ, знаменитый паломникъ Барскій, высказавъ довольно много подробностей объ Аѳонѣ, ничего не написалъ опредѣленнаго о первоначальномъ его бытѣ. Блаженной памяти Святогорецъ, въ своихъ письмахъ о святой Аѳонской горѣ (см. письмо 4-е 1-ой части), сдѣлавъ о ней нѣсколько замѣчаній, обѣщалъ составить впослѣдствіи полную исторію Аѳона, но обѣщанія свои унесъ съ собою во гробъ. А. П..., въ предисловіи къ своему указателю аѳонскихъ актовъ, могъ только сказать, что дѣловые свитки аѳонскіе уцѣлѣли съ десятаго вѣка; другіе изъ ученыхъ русскихъ, посѣтившихъ Аѳонскую гору, основываясь тоже на житіи преподобнаго Евфимія, и соглашаясь съ рукописью помянутаго Θεодорита, до девятаго вѣка видятъ на Аѳонѣ тоже пустыню. Они говорятъ, что святой Евфимій, пришедши съ Олимпа на Аѳонскую гору, нашелъ въ ней одного только подвижника, именовъ Іосифа. Нынѣшній же аѳонскій любитель

и неизданныхъ еще книгъ Никодима въ жизнеописаніи его помѣчается 47. Кромѣ того, имъ написано было безчисленное множество тропарей, икосовъ, цѣлыхъ службъ, или только каноновъ, похвальныхъ словъ различнымъ святымъ и другихъ мелкихъ сочиненій.

помянуть дни древніе (Псал. 142, 5), Іаковъ ¹, не соглашаясь съ рукописью Θεодорита, дѣлаетъ на житіе святаго Евфимія нѣсколько замѣчаній, опровергающихъ мнѣнія сего ученаго, и доказывающихъ существованіе всельниковъ на Аѳонѣ еще прежде святаго Евфимія, слѣдовательно до девятаго вѣка. Но такъ какъ, и безъ этихъ замѣчаній, изъ житія святаго Евфимія ясно видно, что во время сего преподобнаго Аѳонская гора не была пустынею, и что подвизался въ ней не одинъ только Іосифъ, то мы, для краткости, при изложеніи жизнеописанія преподобнаго Евфимія (смотри его житіе), опустили замѣчанія Іакова. Кромѣ этихъ замѣчаній, въ запискахъ Іакова мы видѣли намеки, упоминающіе о ктиторствѣ на Аѳонѣ равноапостольнаго Константина, и свидѣтельствующіе о существованіи здѣсь иночества даже во время Θεодосія Великаго. Въ Νέον λεμονάριον встрѣтилось намъ житіе преподобныхъ Варнавы, Софронія и Христофора (память ихъ, по греческому синаксарю, авг. 17). Изъ нихъ Варнава и Софроній, скончавшіеся въ началѣ пятаго вѣка, при посѣщеніи разныхъ святыхъ мѣстъ, были и на Аѳонской горѣ, видѣли въ ней монастырь Ватопедскій и другія обители. Это-то вышеизложенное несходство мнѣній ученыхъ касательно святой горы и побудило насъ нынѣ всѣми способами убѣждать Іакова, или любаго изъ ученыхъ настоящаго времени здѣшнихъ грековъ, чтобъ они занялись составленіемъ полной, основательной исторіи Аѳона, и такимъ образомъ оставили полную по себѣ память, а не какъ другіе, — переселялись въ жизнь будущую, сдѣлавъ лишь нѣсколько замѣчаній о св. горѣ.

Аѳонъ, не имѣя о себѣ исторіи, не имѣетъ и собранія жизнеописаній, въ которыхъ изображалось бы житіе просіав-

---

¹ Это тотъ самый Іаковъ, о которомъ говоритъ авторъ «Писемъ съ Востока» (см. ч. 1, стран. 412), что онъ отыскалъ въ мѣстныхъ аѳонскихъ источникахъ имя игумена, къ которому приходилъ основатель нашего русскаго иночества, святой Антоній.

шихъ въ немъ святыхъ отцевъ, по крайней мѣрѣ болѣе извѣстныхъ; по сию пору никто еще не занялся этимъ дѣломъ и не потрудился составить патерикъ, подобный нашему печерскому. Изъ нашихъ соотечественниковъ, брался было за это дѣло покойный Святгорець, но предпріятіе его сошло съ нимъ въ могилу. Впрочемъ, обѣщанія его относительно аѳонскаго патерика отчасти оправдались и самымъ дѣломъ: изъ представляемыхъ теперь нами читающей публикѣ житій, нѣкоторыя принадлежатъ дѣйствительно его перу. Хотя эти труды оставлены намъ безъ окончательной отдѣлки, однако мысль и начало всякаго дѣла цѣнятся высоко. Мало того, что на св. горѣ нѣтъ собранія этихъ сельныхъ кривовъ, въ разныя времена процвѣтавшихъ на пустынныхъ высотахъ облачнаго Аѳона, а теперь благоухающихъ въ обителяхъ Отца небеснаго, святая гора скудна и историческими о нихъ записками. Даже и въ безцѣнныхъ для Церкви минеяхъ святителя ростовскаго, святаго Димитрія, мы видимъ только трехъ насельниковъ Аѳона: святаго Аѳанасія, Петра и столь славно и полезно потрудившагося для Церкви, знаменитаго Паламы. Поэтому много нужно было трудовъ, чтобы собрать и эти скудныя крохи изъ обильнаго святогорскаго аскетическаго вертограда. Гдѣ будемъ искать причины такого важнаго недостатка? Ее можно, кажется, полагать частію въ простотѣ первоначальныхъ насельниковъ-иноковъ святой горы, не обращающихъ вниманія на важность и цѣну памяти о своихъ отцахъ подвижникахъ для послѣдующихъ родовъ, и потому сохранявшихъ оную болѣе въ устныхъ преданіяхъ, нежели въ запискахъ; частію—въ особенномъ смиреніи здѣшнихъ святыхъ подвижниковъ, которые, какъ и всѣ ставшіе на истинную стезю подвижничества, не желали и не желаютъ быть славимыми отъ людей (см. житіе Нила Муроточиваго); частію—въ неоднократномъ разореніи святой горы набѣгами варваровъ и латиновъ, когда бібліотеки монастырей доходили до такой растраты, что ру-

кописи и книги были разбираемы не томами, а выносились цѣлыми кипами ¹. Миръ и спокойствіе, или перевороты державъ много значатъ не только для политическаго значенія народовъ, но и для быта иноческаго; поэтому судьбы Аѳона всегда болѣе или менѣе соединены были съ судьбами Востока, и особенно Константинополя. Есть много и другихъ причинъ такого важнаго упущенія. Но намъ извѣстно, что Аѳонъ, съ его аскетами, всегда милъ и дорогъ всякому русскому сердцу. Поэтому, желая познакомить своихъ соотечественниковъ съ прославленными святою Церковью подвижниками Аѳона, мы рѣшились сообщить имъ нѣсколько сихъ криновъ изъ небеснаго сада, могущихъ благотворно облагодухать ихъ. Говоримъ: нѣсколько, — ибо всѣ ли жизнеописанія святыхъ подвижниковъ Аѳона помѣстили мы въ своемъ патерикѣ, за то хорошо не ручаемся. Патерикъ сей мы сочли за лучшее изложить въ хронологическомъ порядкѣ, по вѣкамъ отъ Р. Х. Располагая житія святыхъ по вѣкамъ, мы имѣли цѣлю выставить на видъ замѣчательнѣйшую половину жизни всякаго святаго, относительно пользы, какую принесъ онъ Церкви. А такъ какъ печальная для Церкви эпоха взятія Константинополя агарянами сама собою раздѣляетъ весь соборъ описанныхъ нами святыхъ на два, рѣзко различающихся періода, что можно сказать не только объ аѳонскихъ, но и о всѣхъ святыхъ Церкви восточной, то это подало намъ поводъ раздѣлить свой патерикъ на двѣ части. Первый періодъ (или часть) его, какъ всякій увидитъ, можно и должно назвать преподобническимъ, а второй — мученическимъ. Касательно же памяти святыхъ, на Аѳонской горѣ просіявшихъ, надобно замѣтить, что, кромѣ дней, помѣчаемыхъ нами, или, что то же, празднуемыхъ всею

---

¹ Смотри «Письма съ Востока въ 1849—50 годахъ», ч. 1, стр. 213. Утраты книгъ и рукописей отъ стороннихъ для Аѳона причинъ г. Григоровичъ не принимаетъ. См. его «Очеркъ путешествія по европейской Турціи», стр. 96; но на стр. 94—8 онъ говоритъ нѣсколько иначе.

православною Церковію, всѣ аѳонскіе преподобные прославляются святою горою еще въ 1-ю недѣлю по недѣлѣ всѣхъ святыхъ; во 2-ю же по ней, Аѳонская гора празднуетъ всѣмъ новымъ мученикамъ. Святымъ, на Аѳонѣ просіявшимъ, есть у насъ отдѣльная служба, составленная блаженной памяти Никодимомъ, и отпечатанная въ Ермополѣ. Служба эта переведена и на славянскій языкъ, и отпечатана въ Будинѣ¹. Наконецъ, въ предотвращеніе могущихъ произойти здѣсь какихъ нибудь толковъ, считаемъ долгомъ сказать, что мы имѣли въ виду одну цѣль — доставленіе нашимъ соотечественникамъ способа ознакомиться съ Аѳономъ.

Quid potui, feci, faciant meliora potentes.

Св. Аѳонская гора,
Русскій монастырь,
1858 года, января 4.

---

¹ Въ честь всѣхъ преподобныхъ аѳонскихъ, въ русскомъ монастырѣ недавно сооруженъ благолѣпный храмъ, при больничномъ корпусѣ.

Богъ прославляемъ въ совѣтъ святыхъ (Псал. 78, 8).

Соберите Ему преподобныя Его (Псал. 49. 5).

Господи, аще не быхомъ святыхъ Твоя имѣли молитвенники, и благостыню Твою милующую насъ, како смѣли быхомъ. Спасе, пѣти Тя, Еюже славословятъ непрестанно ангели? Сердцевѣдче, пощади души наша (Октоихъ, гласъ 6, вторн. утра, на стиховиѣ стихиры, и Октоихъ гласъ 6, суббота утра, на хвалит. стихиры).

Восхвалимъ убо мужи славны, и отцы наши въ бытіи. Многу славу созда Господь въ нихъ величіемъ Своимъ отъ вѣка. Господствующе въ царствіихъ своихъ, и мужи имениты силою, совѣтующе разумомъ своимъ, провѣщавшіи во пророчествахъ; старѣйшины людей въ совѣтахъ и въ разумъ писанія людей; премудрая словеса въ наказаніи ихъ, ищуще гласа мусикійска, и повѣдающе повѣсти въ писаніихъ; премудрость ихъ повѣдятъ людіе, и похвалу ихъ исповѣсть Церковь (Премудр. Сирах. 44, 1—5. 14).

ВѢКЪ IX.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПЕТРА ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮНЯ 12-ГО.

Святый Петръ былъ родомъ изъ Царьграда. О имени и званіи его родителей нѣтъ достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній, а самъ онъ былъ однимъ изъ схоластиковъ ² византійской столицы, и вмѣстѣ имѣлъ чинъ полко-

¹ Изъ *ὁ ἀπλοῦς Ἐφραίμ*. Подъ этимъ заглавіемъ извѣстна у грековъ книга, въ которой заключаются жизнь и нѣкоторыя творенія преподобнаго Ефрема Сирина и нѣсколько жизнеописаній разныхъ святыхъ. Составителемъ жизнеописанія святаго Петра признается въ немъ пѣкій монахъ Николай, жившій въ самое время обрѣтенія мощей св. Петра; ибо, сказавъ о себѣ, въ началѣ своей повѣсти, что чудо избавленія святаго Петра изъ темницы читано имъ еще прежде, по изложенію Меѳодія, епископа патарскаго, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдаетъ себя за очевидца чудесъ, бывшихъ отъ святыхъ мощей Петра, и за слушателя изъ первыхъ устъ о всемъ, что самъ написалъ о немъ. Такимъ образомъ, полное житіе этого угодника Божія составлено на основаніи описанія Меѳодіева и на томъ, что самъ онъ видѣлъ и слышалъ о преподобномъ Петрѣ. Время жизни святаго Петра въ источникѣ не показано. Блаженной памяти агіоритъ Никодимъ, не означая времени, когда онъ жилъ, называетъ его только первымъ безмолвникомъ Аѳона, а Іаковъ, основываясь на разныхъ обстоятельствахъ, относитъ его къ девятому вѣку. Въ томъ же вѣкѣ видятъ жизнь его Кіевскій Мѣсяцесловъ и Библейско-біографическій Словарь Ѳ. И. Яцкѣвича. Слѣдуя этимъ свидѣтелямъ, и мы даемъ мѣсто св. Петру въ ряду отцевъ девятого вѣка.

² Схоластикъ—законоискусникъ, мудрый изъяснитель трудныхъ мѣстъ въ писаніяхъ. Такое значеніе имѣли они въ Церкви пятого вѣка. Смори «Начертаніе церковной исторіи» Иннокентія: вѣкъ святый; училища.

водца. Такъ какъ онъ былъ искусенъ и опытенъ въ воинскомъ дѣлѣ, то царь многократно посылалъ его на войну. Въ одинъ изъ таковыхъ походовъ на предѣлы великой Сиріи, лежащей на границѣ Вавилона и Финикіи, поущеніемъ Божиимъ случилось Петру потерпѣть совершенное пораженіе. Онъ, со многими другими воинами, взятъ былъ въ плѣнъ, и варвары отвели его въ одну изъ сильныхъ въ Аравіи крѣпостей, Самару, находящуюся на берегахъ Евфрата. Въ Самарѣ они обложили плѣнника тяжкими оковами и ввергли въ смрадную темницу, подъ крѣпкую стражу, запретивъ къ нему всякій входъ, и такимъ образомъ лишивъ его всякаго утѣшенія ¹. Неся столь горькую участь, благоразумный схоластикъ, вмѣсто ропота, сталъ безпрестанно испытывать себя: не былъ ли онъ самъ причиною такого своего несчастія?— и вспомнилъ, что когда-то, не одинъ разъ, обѣщалъ онъ Богу оставить міръ и вся, яже въ мірѣ, и быть инокомъ, а между тѣмъ и донынѣ не исполнилъ своего обѣщанія. Поэтому, вполнѣ сознавая себя достойнымъ своего злополучія, онъ много и жестоко обвинялъ себя, и, такимъ образомъ, съ благодареніемъ терпѣлъ ниспосланное ему отъ Бога наказаніе.

Много уже провелъ времени Петръ въ этомъ горькомъ своемъ заключеніи и, не чая никакихъ человѣческихъ средствъ для освобожденія себя, рѣшился просить помощи свыше, у всемогущаго Бога, могущаго освободить его отъ этихъ тяжелыхъ узъ недовѣдомыми судьбами, какъ извелъ Онъ апостола Петра изъ Иродовой темницы. Вспомнилъ тогда Петръ о великомъ чудотворцѣ Николаѣ, къ которому всегда питалъ великую вѣру и любовь, и глубоко благоговѣлъ предъ его чудеса-

---

¹ Все это случилось въ царствованіе Теофила, когда агаряне, завоевавъ Аммогею фригійскую, многихъ отвели въ плѣнъ въ Сирію и доставили мученической вѣнецъ извѣстнымъ 42-мъ мученикамъ въ Аммогею (смотри марта въ 7-й день). Агіоритъ Іаковъ.

ми, какія творилъ святой для всѣхъ, съ вѣрою призывавшихъ его въ своихъ нуждахъ. Посему, со многими слезами, сталъ онъ вопіять къ скорому помощнику всѣмъ сущимъ въ бѣдахъ, святителю Николаю. Такъ, — «знаю хорошо, святой чудотворче», говорилъ онъ, «что я недостойнъ получить отъ Бога прощеніе и свободу отъ этого горькаго плѣна, ибо многожды оказывался предъ Нимъ лжецомъ, — знаю, что праведно нахожусь въ этой смрадной темницѣ, и потому не дерзаю молить Его самого о своемъ освобожденіи, чтобы не прогнѣвать его еще болѣе: но святость твою призываю, отче святой; ибо ты имѣешь святое обыкновение утѣшать тѣхъ, которые претерпѣваютъ великія нужды, и облегчать скорби и страданія ихъ, когда они призываютъ тебя отъ полноты души своей. Къ тебѣ, всесвятый Николае, нынѣ прибѣгаю и я съ горькими слезами и мольбою о себѣ, тебя полагаю ходатаемъ о мнѣ и поручникомъ моимъ, отъ нынѣшняго дня, предъ благоутробнымъ Господомъ, въ томъ, что если Онъ восхощетъ устроить мое освобожденіе посредствомъ твоего прошенія, я оставляю всѣ попеченія и заботы мірскія, даже не зайду и въ отечество свое, а отправлюсь прямо въ великій Римъ, и тамъ, въ церкви верховнаго апостола Петра, принявъ иноческій образъ, въ иночествѣ проведу всю остальную мою жизнь, чтобы, по мѣрѣ моихъ силъ, служить Создателю моему и всещедрому Благодѣтелю Богу, и благоугождать Ему.» Это, или еще больше этого, говорилъ человѣкъ Божій со многою горестію и скорбію, въ молитвахъ своихъ къ святителю и чудотворцу Николаю. Къ симъ теплымъ своимъ мольбамъ святой Петръ приложилъ также и постъ, и бдѣніе, такъ что одинъ разъ въ продолженіе цѣлой седмицы не вкусилъ никакой пищи. По окончаніи столь напряженной молитвы узника, является ему во снѣ великій Николай, скорый помощникъ всѣмъ призывающимъ его, и говоритъ: «Братъ Петръ! прошенію твоему я внялъ, и скорбь сердца твоего

знаю, и человеколюбиваго Бога о тебѣ молилъ; но за твою прошедшую медлительность, въ исполненіи твоихъ обѣтовъ, и Онъ медлитъ исполненіемъ моего о тебѣ ходатайства, а можетъ быть, и инымъ образомъ устрояетъ спасеніе души твоей. Но такъ какъ мы имѣемъ Его заповѣдь: *просите и дастся вамъ* (Матѳ. 7, 7), то будемъ терпѣливо толкать въ двери Его милосердія и человеколюбія, въ той надеждѣ, что Онъ непременно исполнитъ наше прошеніе, если только служить оно къ нашей пользѣ.» И такъ, великій Николай заповѣдалъ тогда святому Петру имѣть терпѣніе въ трудахъ и, приказавъ ему подкрѣпиться пищею, сталъ невидимъ. Послѣ сего, Петръ еще болѣе усилилъ подвиги поста и молитвы, и святой Николай вскорѣ вторично является ему, но теперь уже съ нѣкоторымъ видомъ печали. «Повѣрь мнѣ, братъ Петръ», говоритъ онъ, «что съ того времени не переставалъ я молить Бога и утруждать человеколюбіе Его о тебѣ, но не знаю, по какимъ судьбамъ Онъ не соизволяетъ на освобожденіе твое отсюда. Иногда многоутробный нашъ Господь, промысля о нашей же пользѣ, благодворитъ намъ медленно, чтобъ мы долѣе не забывали благодати, съ трудомъ и чрезъ долгое время отъ Него принятой; а можетъ быть, Онъ хочетъ, чтобы умоляли Его другіе, болѣе достойные други, и потому наше прошеніе оставляетъ безъ исполненія. Въ этомъ случаѣ, я укажу тебѣ на одного Его друга, достойнаго и сильнаго къ Нему молитвенника. Примемъ сего угодника въ помощь въ нашихъ молитвахъ къ Богу, и я увѣренъ, что Богъ исполнитъ совокупное наше съ нимъ прошеніе о тебѣ, если только ты дашь рѣшительное слово устоять въ томъ, что обѣщаешь.» Тогда Петръ, въ недоумѣніи, говоритъ святому Николаю: «Владыко мой пресвятой! Ужели есть кто нибудь, чье моленіе было бы скорѣе твоего услышано Богомъ, если въ твоихъ молитвахъ находятъ утѣшеніе и отраду весь міръ!» — «Знаешь ли ты, Петре», сказалъ ему тогда святой Николай, «правед-

наго Сүмеона, названнаго Богопріимцемъ, потому что онъ въ іерусалимскомъ святилищѣ принялъ въ объятія свои Христа Бога нашего, насъ ради вочеловѣчившагося, когда Онъ былъ сорокадневнымъ младенцемъ?»—«Какъ не знать, святче Божій, того, о которомъ написано во святомъ Евангеліи!» сказалъ ему, въ умиленіи души, святой Петръ?—«Такъ его-то оба мы съ тобою будемъ просить», прибавилъ великій Николай, «да походатайствуетъ онъ со мною о тебѣ предъ Христомъ Богомъ; и я уповаю, что всеблагій Человѣколюбецъ услышитъ тогда насъ: ибо святой Сүмеонъ, предстоя престолу Владычнему съ честнымъ Предтечею и Крестителемъ Іоанномъ и Пресвятою Божіею Матерію, имѣетъ великое дерзновеніе ко Господу Богу, и силенъ у Него.» Съ сими словами видѣніе кончилось, и Петръ, пробудившись, отъ души благодарилъ святителя Христова Николая. Послѣ сего онъ сталъ еще болѣе поститься и усерднѣе просить Бога и святыхъ Его угодниковъ, Николая и Сүмеона.

Наконецъ, какбы съ торжествующимъ видомъ, является святому Петру чудотворецъ Николай, уже на яву, и говоритъ: «Дерзай, братъ Петръ, и воздай славу Богу: наконецъ услышалъ Онъ наше о тебѣ моленіе, и вотъ великій Сүмеонъ, котораго я предлагалъ тебѣ въ помощники въ нашихъ къ Богу молитвахъ, пришелъ освободить тебя отъ узъ.» Когда Петръ взглянулъ и увидѣлъ идущаго къ себѣ великаго подзаконнаго праведника, тогда, отъ чуднаго вида небеснаго посѣтителя, объялъ его невольный страхъ и трепеть. Священнолѣпный старецъ Сүмеонъ имѣлъ въ рукѣ своей златый жезлъ, и былъ облеченъ въ полное ветхозавѣтное архіерейское облаченіе. Дошедши до Петра, онъ сталъ возлѣ него и говоритъ ему: «Ты ли стужаешь брату нашему Николаю объ освобожденіи тебя отъ этого заключенія?»—Петръ, отъ объявшаго его страха, съ великимъ усиліемъ разверзая уста свои, отвѣчалъ: «Да, святче Божій, я тотъ окаянный, который спо-

ручникомъ моимъ къ Богу положилъ сего великаго Николая, а ходатаемъ предъ Нимъ о мнѣ и молитвенникомъ — твою святыню.» — «Но если ты полагаешь насъ споручниками къ Богу», спросилъ св. Сүмеонъ, «то исполнишь ли, что обѣщаешь, — т. е. будешь ли инокомъ и проведешь ли остальную твою жизнь въ постничествѣ, съ усердіемъ?» — «Я рабъ вашъ», отвѣчалъ блаженный Петръ съ глубокимъ смиреніемъ; «при помощи Божіей, исполню все это, и въ истинѣ моего обѣщанія васъ же самихъ полагаю достовѣрными свидѣтелями предъ Богомъ.» — «Если такъ», продолжалъ праведный Сүмеонъ, «то выходи изъ этой темницы безпрепятственно, и иди, куда хочешь.» Петръ показалъ ему ноги свои, которыя были забиты въ дерево. Но Богопріимецъ коснулся жезломъ своимъ оковъ, и онѣ во мгновеніе ока распались, какъ воскъ отъ огня. Освободивъ такимъ образомъ Петра отъ узъ, святой Сүмеонъ пошелъ вонъ изъ темницы и велѣлъ ему слѣдовать за собою: они всѣ трое, — святой Николай, Богопріимецъ Сүмеонъ и Петръ, тотчасъ же очутились идущими внѣ крѣпости Самарской. Петръ, отъ удивленія и изумленія, это совершившееся съ нимъ преславное чудо сперва почиталъ въ мысли своей сновидѣніемъ. «Не сновидѣніе видишь ты», замѣтилъ тогда праведный Сүмеонъ, «а истинное свое отъ узъ освобожденіе; что еще колеблешься въ своихъ мысляхъ?» Затѣмъ, поручивъ святому Николаю имѣть о Петрѣ попеченіе, онъ удалился. Послѣ сего, великій Николай велѣлъ божественному Петру укрѣпиться нищею и взять оной съ собою на путь.

Увѣрившись, такимъ образомъ, въ истинѣ чуднаго своего избавленія, и воздавъ благодареніе Богу и небеснымъ своимъ ходатаямъ Сүмеону и Николаю, божественный Петръ тотчасъ же началъ въ точности исполнять свои обѣты, данныя имъ Господу Богу во время своего злостраданія, — т. е. изъ Аравіи достигнувъ предѣловъ греческихъ, не отправился на свою

отчизну, но оттуда направилъ стопы свои прямо въ древній Римъ. Святитель же Христовъ Николай, однажды взявъ его подъ свой покровъ, уже не оставлялъ своею помощію на всемъ пути, но, какъ сострадательный и чадолюбивый отецъ, или какъ благій дѣтководитель, руководилъ его видимо и невидимо, и скоро привелъ въ Римъ, въ совершенной безопасности и благополучіи. Когда Петръ достигъ предѣловъ Рима, святой Николай замѣтилъ ему такъ: «Время, братъ Петръ, исполнить тебѣ, безъ отлагательства, свое обѣщаніе Богу; если же, по прежнему, замедлишь исполненіемъ, то знай, что поведутъ тебя связаннымъ въ самарскую темницу.» Желая удостовѣрить святаго Николая въ непремѣнности своего намѣренія, Петръ сказалъ ему: «Святче Божій! я и теперь еще боюсь гнѣва Божія за прежнюю медлительность; нѣтъ, во второй разъ не буду измѣнникомъ Христу, Владыкѣ моему, — не будетъ сего, не будетъ во вѣки! Я и въ домъ мой никогда не пойду, и не явлю себя никому изъ своихъ, чтобы они не воспрепятствовали мнѣ во святомъ стремленіи моей воли.» Затѣмъ вошелъ онъ въ Римъ, гдѣ рѣшительно никто не зналъ его. Предъ вшествіемъ Петра въ Римъ, святитель Христовъ Николай явился во снѣ папѣ, которому, держа Петра за руку, и указывая на него, рассказалъ все подробно, причемъ объявилъ ему и самое его имя, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалъ ему представляемаго имъ немедленно облечь въ иноческій ангельскій образъ, при гробѣ святаго верховнаго апостола Петра. Папа, вставъ отъ сна, долго размышлялъ о видѣнномъ имъ ночью. Когда же настало время литургіи, онъ отправился въ церковь. День тотъ былъ воскресный. Въ числѣ многихъ другихъ богомольцевъ, въ церковь верховнаго апостола пришелъ и Петръ. Папа прилежно разсматривалъ собравшихся молитвенниковъ, желая узнать чловѣка, видѣннаго имъ во снѣ, и лишь только, среди множества народа, распозналъ его, тотчасъ подалъ ему знакъ, чтобы онъ подошелъ къ нему. Па-

пою сдѣлано это два и три раза, но Петръ не понималъ его. Замѣтивъ наконецъ, что Петръ невнимателенъ къ его помаваніямъ, папа началъ звать его по имени: «Тебѣ говорю, Петръ, пришедшій теперь изъ Греціи, котораго изъялъ изъ темницы самарской великій чудотворецъ Николай! почему не хочешь ты придти ко мнѣ, когда я зову тебя?» Петръ изумился,—какъ папа столь скоро могъ узнать его, никогда прежде не видавши, и со многимъ смиренномудріемъ отвѣчалъ: «Я рабъ твой, преблаженный владыко!»—«Не дивись, братъ Петръ», говоритъ ему тогда папа, «что я зову тебя по имени: великій отецъ нашъ Николай, въ прошлую ночь, явился мнѣ во снѣ, и подробно разсказалъ о твоихъ страданіяхъ въ темницѣ самарской и объ освобожденіи тебя изъ оной, и объявилъ мнѣ твое имя и твое желаніе принять на себя въ церкви верховнаго апостола Петра иноческій ангельскій чинъ.» Засимъ папа тотчасъ же, предъ всѣмъ народомъ, облекъ Петра во святое одѣяніе. По принятіи этого святаго образа, Петръ пробылъ у папы нѣсколько времени, слушая душеполезныя и спасительныя его наставленія. А потомъ папа, слѣдуя открытой ему волѣ Божіей, отпустилъ его изъ Рима, и напутствовалъ святительскимъ своимъ благословеніемъ. И такъ, святой Петръ, испросивъ себѣ у отца своего, преблаженнаго паны, святыхъ молитвъ, и, съ своей стороны, пожелавъ ему вѣчнаго спасенія и привѣтствовалъ весь его клиръ, вышелъ изъ ветхаго Рима, съ усердною молитвою къ Богу, да сопровождаетъ Онъ его всюду всесвятою Своею волею, и скоро явился на берегу моря. Строеніемъ Божіимъ, случился тогда корабль, идущій на востокъ,—и Петръ, предавая себя промыслу Божію, вошелъ въ него. Скоро затѣмъ подулъ попутный вѣтеръ, и корабль понесся по своему направленію.

Чрезъ нѣсколько дней счастливаго плаванія, корабельщики пристали къ берегу, чтобы, въ знакомомъ имъ селеніи, запастись свѣжимъ хлѣбомъ. Въ домѣ, въ который, для этой

нужды, случилось имъ войти, всѣ страдали горячкою. Исправивъ, что было имъ нужно, корабельщики остановились здѣсь покушать свѣжей пищи. Но, не начиная еще вкуснаго своего обѣда, они позаботились и объ оставшихся у нихъ на кораблѣ,—то есть, о своемъ шкиперѣ и объ аввѣ Петрѣ, и поручили одному изъ своихъ товарищей снести имъ свѣжихъ хлѣбовъ. Услышавъ, что корабельщики, въ своихъ разговорахъ, упоминаютъ объ аввѣ, хозяинъ дома обратился къ нимъ съ усиленною просьбою: «братіе мои!» говорилъ онъ, «прошу васъ, ради любви Божіей, приведите сюда вашего авву, чтобъ онъ благословилъ насъ прежде нашей смерти; ибо и я, и сынъ мой, и всѣ мои домашніе, отъ великой, обдержавшей насъ болѣзни, какъ это видите вы и сами, находимся уже при смерти.» Корабельщики, умилившись слезною просьбою хозяина, пошли на корабль и рассказали святому Петру о бѣдствіи того дома и о дѣлаемомъ ему отъ хозяина приглашеніи. Святой, по смиренію своему, не хотѣлъ было идти: но когда сказали ему, что больные находятся при смерти,—онъ, помня будущее, на страшномъ судѣ, наказаніе жестокосердымъ (Матѣ. 25, 43) и движась чувствомъ челоуѣколюбія, склонился на просьбу корабельщиковъ, рѣшился посѣтить больныхъ и пошелъ къ нимъ вмѣстѣ съ корабельщиками. Лишь только святой вошелъ въ домъ и произнесъ: «миръ дому сему и живущимъ въ немъ!» тотчасъ,—о чудо!—больной домохозяинъ какбы всталъ отъ сна—совершенно здоровымъ и, притекши къ святому, палъ къ ногамъ его и со слезами лобызалъ ихъ. Святой поднялъ домохозяина съ земли, а этотъ, взявъ его за руку, повелъ ко всѣмъ кроватямъ своихъ больныхъ, чтобы онъ благословилъ ихъ. Обходя больныхъ, святой надъ каждымъ изъ нихъ творилъ знаменіе честнаго креста, и всѣ, помощію Божіею и молитвою его, вставали здоровыми и прославляли Бога, опечалившаго ихъ на нѣкоторое время, но потомъ пославшаго имъ такого скорого цѣлителя. Послѣ сего

корабельщики, вмѣстѣ съ Петромъ, возвратились на корабль, рассказали о чудѣ святаго Петра кораблеправителю, и все, воздавъ славу Богу, пали къ ногамъ святаго, и просили у него молитвъ и благословенія, въ чемъ онъ и не отказалъ имъ. А исцѣлѣвшій хозяинъ дома, взявъ съ собою хлѣбъ, вино и масло, со всеми исцѣлившимися, вслѣдъ за Петромъ, пришелъ на корабль и просилъ святаго своего благодѣтеля взять отъ него малые сіи дары. Но человекъ Божій похвалилъ доброе ихъ произволеніе, а даровъ брать не хотѣлъ, повелѣвая быть благодарными не ему, а Богу, и только уже послѣ усиленной просьбы какъ исцѣлившихся, такъ и корабельщиковъ, принялъ малую часть изъ принесеннаго ему, и это скудное, по усердное приношеніе отдалъ корабельщикамъ, чтобъ они раздѣлили его между собою и между всеми находившимися на кораблѣ. Дароносцы, отдавъ дары свои святому, возвратились съ неизреченною радостію домой, прославляли Бога и благодарили преподобнаго. Послѣ того корабль снова двинулся, и всеплыли, полные радости, съ благоговѣніемъ рассказывая другъ другу о чудѣ, какое совершилъ святой Петръ, причемъ много дивились безмѣрному его воздержанію; ибо онъ, въ цѣлыя сутки, вкушалъ хлѣба только по одной онгії, а воды, и то морской, пилъ по одной малой чашѣ.

Продолжая плаваніе, корабельщики, для исправленія своихъ нуждъ, снова гдѣ-то пристали къ берегу. Святой Петръ восхотѣлъ здѣсь немного уснуть, и лишь только легкій сонъ смежилъ его очи, является ему, осіяваемая небесною славою, Царица неба и земли, со святымъ Николаемъ, который, предстоя Ей со многими страхомъ и благоговѣніемъ, умолялъ Ее такъ: «Владычице, Богородице и Госпоже міра! если, предетательствомъ Своимъ предъ Сыномъ Твоимъ и Богомъ нашимъ, Ты освободила сего раба Твоего отъ горькаго того плѣна, то покажи ему и мѣсто, гдѣ бы онъ удобно могъ творить волю Божию во всю остальную его жизнь, какъ

самъ то обѣщалъ.»—«Для свободнаго служенія Богу», сказала Пресвятая Богородица святому Николаю, «нѣтъ другаго, болѣе удобнаго мѣста, какъ гора Аѳонская, которую Я пріяла отъ Сына Моего и Бога въ наслѣдіе Себѣ, дабы тѣ, которые хотятъ удалиться мірскихъ заботъ и смущеній, приходили туда и служили тамъ Богу безпрепятственно и спокойно. Отнынѣ гора эта будетъ называться Моимъ вертоградомъ. Много люблю Я мѣсто сіе, и придетъ время, когда оно отъ края и до края, на сѣверъ и югъ, наполнится множествомъ иноковъ. И если иноки тѣ отъ всей души будутъ работать Богу и вѣрно сохранять заповѣди Его, то Я сподоблю ихъ, въ великій день Сына Моего, великихъ дарованій: еще здѣсь, на земли, будутъ они получать отъ Меня великую помощь; Я стану облегчать болѣзни и труды ихъ и дамъ имъ возможность, при малыхъ средствахъ, имѣть довольство въ жизни, даже ослаблю вражескую противъ нихъ брань, и имя ихъ сдѣлаю славнымъ во всей подсолнечной.»

Проснувшись, преподобный мнилъ еще зрѣть бывшее ему во снѣ божественное видѣніе, а потомъ, успокоившись немного, отъ всей души славилъ и благодарилъ Бога, сподобившаго его видѣть божественное сіе чудо. Было тогда около третьяго часа дня. Корабельщики, какъ только подулъ благопріятный вѣтеръ, подняли вѣтрила и благополучно поплыли. Когда плыли они противъ святой Аѳонской горы, корабль ихъ, какимъ-то чудомъ, остановился между такъ называемыми нынѣ мѣстами: *Καραβοστάσι* и *Περδίσι*, и сталъ тамъ какъ вкопанный. Корабельщики, видя это неожиданное ими чудо, недоумѣвали о причинѣ остановки корабля; потому что и вѣтеръ былъ довольно силенъ, и глубина моря въ томъ мѣстѣ почти неизмѣрима. «Можетъ быть», говорили они со слезами, «мы въ чемъ нибудь согрѣшили противъ Бога, и Онъ хочетъ погубить насъ здѣсь.» Когда они, съ плачемъ и стенаніями, такимъ образомъ разсуждали, святой Петръ спросилъ ихъ:

«Чада мои о Господѣ! скажите мнѣ, какъ называется эта гора, — и, можетъ быть, я утѣшу васъ и разрѣшу ваше недоумѣніе.» — «Аѳономъ называется гора эта, честный отче», со слезами отвѣчали ему корабельщики. — «Такъ знайте, чада мои, что изъ-за меня сдѣлалось препятствіе въ плаваніи вашему кораблю, и если вы не высадите меня и не оставите въ этомъ мѣстѣ, то далѣе отсюда не двинетесь ни на шагъ.» Нерадостны были корабельщикамъ сіи слова святаго: но дѣлать было нечего: волѣ Божіей противиться они не дерзали, — и нехотя высадили святаго на берегъ горы. «Горе намъ! великаго сокровища, сильнаго покрова и крѣпкой помощи лишаемся мы!» съ плачемъ говорили корабельщики, высаживая святаго съ корабля своего. А святой утѣшалъ ихъ въ скорби молитвою о нихъ, и наконецъ, преподавъ имъ потребныя наставленія, благословилъ всѣхъ ихъ и, трижды ознаменовавъ знаменіемъ честнаго креста даже корабль, простился съ ними.

Оставшись на берегу горы одинъ, святой Петръ принесъ тамъ прилежную ко Господу Богу молитву, а потомъ, дѣлая знаменія честнаго креста на всемъ своемъ тѣлѣ, началъ восходить на гору по нѣкоей узкой, стремнистой тропинкѣ, слегка проложенной въ страшной густотѣ лѣса, не стопою человѣческою, а ногою дикихъ звѣрей, — въ намѣреніи найти мѣсто, совершенно соотвѣтствующее влеченіямъ души своей, то есть, во всѣхъ отношеніяхъ удобное для глубокаго безмолвія. Съ великимъ трудомъ и со многимъ потомъ восходилъ онъ на верхъ горы. Обозрѣвъ многія горы и юдоли, расщелины и пропасти аѳонскія, святой нашелъ наконецъ одну глубокую и весьма темную пещеру, такъ какъ входъ въ нее загромождался сгустившимися деревьями, но очень удобную для помѣщенія. Въ этой пещерѣ гнѣздились безчисленное множество змѣй и ядовитыхъ гадовъ, а еще больше демоновъ. Лишь только демоны увидѣли святаго, приближавшагося къ ихъ гнѣздилищу, явленіе его тамъ почли вели-

кимъ для себя зломъ, и возстали противъ него со всею своею злобою; но онъ, презирая злобу ихъ, рѣшился водвориться въ этомъ богосозданномъ убѣжищѣ, потому что находилъ его во всемъ соотвѣтствующимъ святой своей мысли. И такъ, призвавъ многомогущее имя Іисуса и Пречистой Его Матери, и вооружившись всемогущимъ оружіемъ креста, онъ дерзновенно вошелъ въ эту пещеру,—и все множество бѣсовъ и гадовъ, какъ дымъ, исчезло. Однакожъ, могло ли святому пройти даромъ это изгнаніе злыхъ духовъ изъ ихъ гнѣздилища? Того, что онъ потерпѣлъ отъ нихъ, не можетъ ни языкъ человѣческой высказать, ни ухо наше выслушать. Впрочемъ, коснемся нѣсколько этой жестокой брани своимъ рассказомъ.

Поселившись въ пещерѣ, бывшей неправеднымъ наслѣдіемъ бѣсовъ, святой началъ съ горячею любовію и съ великимъ усердіемъ, день и ночь, возсылать свои молитвы и благодаренія Господу Богу; тѣлесная же пища ему и на мысль не приходила. Но къ такимъ ангельскимъ подвигамъ святаго могъ ли долго быть равнодушнымъ уничижаемый имъ и низлагаемый врагъ всякаго добра, отецъ преисподней? Не прошло еще и двухъ недѣль отъ поселенія святаго въ пещерѣ, какъ древній завистникъ не могъ болѣе сносить пребыванія его тамъ. Для лучшаго же успѣха, въ своей злобѣ противъ святаго, поднимаетъ онъ на брань всю адскую свою силу. Воздвигши всѣхъ демоновъ и снабдивъ ихъ всевозможнымъ оружіемъ, онъ является къ пещерѣ добровольнаго мученика.

Окруживъ пещеру святаго, одни изъ демоновъ производятъ разнаго рода стрѣльбу, другіе устремляются на него съ копьями или мечами, тѣ мечутъ камни, эти мечтательно потрасаютъ самую горою,—и всѣ, производя всевозможные страхи, кричатъ во всю бѣсовскую пасть: «выходи немедленно изъ нашего жилища,—иначе мы сейчасъ убьемъ тебя.» Видя и слыша это демонское смятеніе и противъ себя возстаніе,

святый уже отчаявался въ самой своей жизни, ибо видѣлъ ясно, какъ бросали въ него стрѣлы и камни. Но премилосердый Богъ сохранилъ вѣрнаго Своего раба невредимымъ отъ злодѣйства діавольскаго. «Впрочемъ, выйду», сказалъ самъ себѣ святый Петръ, «и посмотрю, кто возстаетъ на меня, смиреннаго и безсильнаго, съ такимъ бѣшенствомъ.» Выходитъ, и видитъ,—безчисленное множество бѣсовъ окружило его пещеру. Бѣсы, лишь только увидѣли его, подняли предикіе вопли, свирѣпо взирали на него и готовы были поглотить его живаго, а пещеру разрушить до основанія. Тогда святый, возведши на небо душевныя и тѣлесныя свои очи, громогласно возопилъ: «Пресвятая Богородице! помоги рабу Твоему!» Демоны, услышавъ страшное для нихъ, вождѣльнѣйшее же намъ, имя Пресвятой Богородицы, тотчасъ сдѣлались невидимы, а святый, возблагодаривъ Пренепорочную, снова началъ подвизаться подвигомъ добрымъ, отъ глубины души прося Христа Господа не оставить его, грѣшнаго и недостойнѣйшаго раба, на поруганіе демону.

Прошло не болѣе пятидесяти дней, — демоны снова встаютъ противу святаго, вооружившись теперь уже другимъ образомъ. Они входятъ во всѣхъ звѣрей и горныхъ змѣй и, явившись къ его пещерѣ, устремляются на него съ остервененіемъ. Одни изъ нихъ наводятъ страхъ ужаснымъ своимъ свистомъ и шишѣніемъ, другіе только ползаютъ при ногахъ его, тѣ стараются уязвить его, устремляясь на самое лицо, а эти, зіяя своею пастью, покушаются поглотить его живаго. Зрѣлище было ужасное! Но святый Петръ, знаменіемъ честнаго креста и именемъ Господа Іисуса и Пресвятой Владычицы Богородицы, уничтожаетъ всю силу бѣсовскую, будто паутину.

Впрочемъ, демонъ всегда злобенъ, лукавъ, хитръ и безстыденъ. Испытавъ пораженіе отъ святыхъ, онъ не оставляетъ своей злобы противъ нихъ, и не прекращаетъ брани. Послѣ нѣсколькихъ поражений, кромѣ сказанныхъ, онъ, чрезъ

годъ послѣ поселенія святаго на Афонѣ, изобрѣлъ новое средство къ низложенію великаго сего подвижника, и средство самое хитрое, — а потому тѣмъ горше посрамился въ своихъ злоухищреніяхъ. Окаянный демонъ преобразуется въ одного изъ слугъ святаго Петра, является въ пещеру его и, съ крайнимъ безстыдствомъ, обнимаетъ и лобызаетъ своего господина, потомъ садится и начинаетъ, прикрытую самою ловкою и безстыдною лестію, бесѣду, сопровождая ее даже слезами. «Отъ многихъ слышали мы, господинъ мой, честь моя и свѣтъ мой», говоритъ бѣсъ плачевнымъ тономъ, «что варвары и безбожники, схвативъ тебя на войнѣ, увели плѣннымъ въ крѣпость Самарскую, и, оковавъ тяжкими желѣзами, окаянные, заключили тамъ въ самой гнусной и смрадной темницѣ. Повѣрь, скорби нашей объ этомъ твоёмъ зоключеніи я не могу и выразить. Но вотъ скоро Богъ благоволилъ и утѣшить насъ въ нашей скорби, и возвеселить сердца наши неизглаголанною радостію. Вдругъ мы слышимъ, что Онъ, Всеблагій, по молитвамъ и предстательству преблаженнаго Николая, извелъ тебя изъ той гнусной темницы и, подъ Своимъ руководствомъ, привелъ въ древній Римъ. Слыша такія благія вѣсти, мы, отъ радости, кажется, не слышали въ себѣ и души, и всѣ, кто ни есть въ славномъ твоёмъ домѣ, а особенно я, вѣрный твой рабъ, возжигались пламеннымъ желаніемъ видѣть нашими глазами любезное, ангельское твое лицо и насладиться мудрѣйшею и сладчайшею твоею бесѣдою. Но Богу снова было угодно повергнуть насъ въ глубокую печаль и неутѣшный плачь о лишеніи тебя: намъ неизвѣстно было, куда ты скрылся изъ Рима. Посему, желая найти тебя, мы ходили по многимъ крѣпостямъ, селеніямъ и пустыннымъ мѣстамъ. Когда же не могли нетолько найти тебя, но даже и слышать, что съ тобою дѣлается, — начали усердно просить великаго Николая, молясь ему такъ: «Пресвятой Николае! ты много уже благодѣяній оказалъ міру, да и теперь не престаешь

оказывать ихъ; ты и возлюбленнаго нашего господина освободилъ отъ горькаго того плѣна: вонми же нашему моленію, — яви намъ его, — смиренно просимъ тебя.» Святой Николай, теплый помощникъ всѣмъ, съ вѣрою призывающимъ имя его, не презрѣлъ насъ, недостойныхъ, и скоро открылъ намъ тебя, сокровенное и многоцѣнное наше сокровище, — и вотъ я, любящій тебя сильнѣе всѣхъ твоихъ рабовъ, предварилъ ихъ и пришелъ къ тебѣ, господину моему. Само собою ясно, что теперь тебѣ, господинъ мой, ничего другаго не остается дѣлать, какъ принять на себя трудъ отпавиться со мною въ нашъ славный домъ, и, явленіемъ своимъ въ кругу домашнихъ своихъ и друзей, неизреченно обрадовать ихъ. Послушавъ въ этомъ дѣлѣ меня, вѣрнаго твоего раба, ты не меня слушаешь, а великаго Николая, который открылъ намъ тебя. Симъ и приснославимый Богъ сугубо прославится. А о безмолвіи не заботься: ты знаешь, и въ нашемъ мѣстѣ есть много монастырей, и внутри и внѣ города, и даже немало мѣстъ отшельническихъ; можешь помѣститься, гдѣ тебѣ угодно, — и тамъ, уповаю на Бога, проведешь всю свою жизнь совершенно безмолвно. Впрочемъ, и самъ ты посуди, и скажи мнѣ истину по чистой совѣсти: чѣмъ изъ двухъ болѣе благоугождается Богъ, — принесеніемъ ли пользы многимъ душамъ человѣческимъ, или заботою всякаго изъ насъ о спасеніи одного себя? Если ты, чрезъ сладчайшее твое ученіе, спасешь и одну какую нибудь душу, обольщенную діаволомъ, то дѣло твое далеко превзойдетъ труды не одного, а многихъ пустынныхъ подвижниковъ. Богъ мнѣ въ томъ свидѣтель. Онъ самъ говоритъ чрезъ пророка: *аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Иерем. 15, 19). А ты самъ знаешь, какъ много въ нашемъ мѣстѣ людей, преданныхъ страстямъ, которые, для обращенія своего къ истинному богопознанію отъ лести діавольской, послѣ Бога, имѣютъ нужду еще и въ другомъ какомъ либо наставникѣ. Зна-

читъ, великая тебѣ отъ Бога готовится награда, если ты этихъ обольщенныхъ діаволомъ возвратишь отъ него къ законному Владыкѣ Богу. И насъ, твоихъ рабовъ, для чего столько презираешь, удаляясь отъ насъ и скрываясь въ этихъ каменныхъ разсѣлинахъ? И такъ, о чемъ еще думаешь? въ чемъ недоумѣваешь? почему нейдешь съ искреннимъ и преданнѣйшимъ тебѣ рабомъ, который любитъ тебя отъ полноты души, и есть благой твой совѣтникъ?» Это и другое, больше этого, говорилъ демонъ. Святой, не постигая самъ причины внутреннихъ своихъ волненій, во время безстыдной демонской бесѣды, началъ смущаться и невольно чувствовалъ непріятный трепетъ сердца. Но иначе и быть не могло: при демонскихъ явленіяхъ человѣку, душа его всегда смущается; въ присутствіи же ангела Божія, она радуется и чувствуетъ неизъяснимое удовольствіе¹. Находясь въ этомъ принужденномъ состояніи, святой плакалъ и, омочая лицо свое слезами, говорилъ демону: «знай, человѣче, что въ это мѣсто привелъ меня не ангелъ, не человѣкъ, а Самъ Богъ и Пресвятая Богородица, и потому, безъ воли ихъ, я не могу выйти отсюда.» Демонъ, лишь только услышалъ пресвятое имя Пренепорочной, вдругъ исчезъ, какъ призракъ. Святой Петръ не могъ надивиться злоумышленію, коварству и дерзости демона, и, отъ всей души возблагодаривъ Бога и Царицу небесную, началъ снова подвизаться со смиреніемъ и сокрушеніемъ сердца въ молитвѣ, воздержаніи и постѣ, такъ что достигъ въ мѣру истинной любви и чистоты ума. Разсѣдался демонъ отъ злобы, зависти и неудачъ, и не прекращалъ ухищреній своихъ противъ святаго, стараясь всевозможнымъ съ его стороны образомъ сокрушить крѣпость его добродѣтели и силу его преданности Богу.

---

¹ Мысль эта хорошо раскрыта у преподобн. Макарія Египт., — смотри его творенія, бесѣд. 7. Москва, 1842.

Спустя послѣ помянутаго искушенія семь почти лѣтъ, сынъ тьмы, коварный и многокозненный демонъ, снова преобразуется—уже въ ангела свѣтла. Дерзко и нагло похитивъ непринадлежащій ему образъ, оцъ, съ обнаженнымъ въ рукѣ мечомъ, становится близъ отверстія пещеры святаго и говоритъ ему: «Петръ, искренній служитель Христовъ! изыди вѣ, выслушай отъ меня нѣкія таинства Божіи и душеполезныя наставленія.» Святый на то демону: «а ты кто, и откуда пришелъ, и съ какими полезными для меня назиданіями явился сюда?» — «Я архистратигъ силы Божіей», отвѣчалъ демонъ: «Всемогущій послалъ меня возвѣстити тебѣ нѣкія пренебесныя тайны. Мужайся же, крѣпись и радуйся; ибо уготованъ тебѣ неувыдаемый вѣнецъ и божественная слава. Нынѣ ты долженъ оставить это мѣсто и идти въ міръ, чтобы отъ добродѣтельнаго твоего житія и высокаго ученія воспріяли пользу и другія души человѣческія. Въ намѣреніи переселить тебя отсюда, Господь изсушилъ и источникъ воды, изъ котораго ты пилъ.» Для лучшаго обольщенія святаго, прехитрый изобрѣтатель зла, злокозненный врагъ спасенія человѣческаго, попущеніемъ Божіимъ, дѣйствительно тогда воспрепятствовалъ теченію воды. Но святой Петръ падшей гордынѣ на надутую его лествицу отвѣчалъ самымъ смиреннымъ образомъ: «ужели я, смердящій и паршивый песъ, стою того, чтобы пришелъ ко мнѣ ангелъ Господень?» А лжеангелъ ему въ отвѣтъ: «Не удивляйся, святе! ты, въ нынѣшнія времена, своими подвигами превзошелъ древнихъ святыхъ и пророковъ: Моисея, Ілію, Даниїла и Іова; великимъ ты признанъ на небесахъ за превеликое твое терпѣніе. Ілію и Моисея ты превзошелъ по пропитанію (то есть, постомъ), Даниїла—по вселенію со смертоносными зміями, а Іова—совершенствомъ терпѣнія. Но выйди сюда, и собственными твоими очами увѣрся въ оскудѣніи воды, и потомъ, безъ всякаго сомнѣнія, иди въ монастыри мірскіе. Тамъ,—такъ гла-

голетъ тебѣ Господь Вседержитель, — тамъ Я всегда буду съ тобою, и многихъ тобою спасу. Вотъ прямая о тебѣ воля Божія!» Но святой явившемуся самозванцу отвѣчалъ: «знай, что если не придетъ сюда Госпожа моя Богородица, которая послала меня въ это мѣсто, и, помощникъ въ нуждахъ моихъ, святой Николай, я не выйду отсюда.» Діаволь, какъ только услышалъ имя Пренепорочной, тотчасъ исчезъ. Тогда блаженный Петръ увидѣлъ и крайнее злоумышленіе врага, и безпредѣльную вражду его противъ рабовъ Божіихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при державномъ защищеніи ихъ всемогущею десницею Божіею, — и все его противъ нихъ безсиліе. «Христе Иисусе, Боже и Господи мой!» произнесъ святой Петръ изъ глубины души, по удаленіи отъ него діавола: «вотъ, врагъ мой діаволь, яко левъ рыкая, ходитъ, ища поглотить меня, грѣшнаго; но Ты, Господи, не оставь меня, во всѣ дни живота моего, всемогущею Твоею помощію.»

Въ ту ночь, святой Петръ сподобился небеснаго утѣшенія: во снѣ явились ему, скорая Помощница всѣхъ христіанъ, Богородица и святой великій Николай. «Петръ!» изрекла ему тогда Владычица: «отселѣ уже не бойся злоумышленій врага, ибо Богъ съ тобою: завтра посланъ будетъ къ тебѣ истинный ангелъ Господень, съ небесною пищею, и, по повелѣнію Божію, всегда будетъ являться съ нею чрезъ сорокъ дней; онъ покажетъ тебѣ и манну, которая будетъ твоею пищею во всю жизнь ¹.» Такимъ образомъ утѣшивъ своего

---

¹ Небесная та пища, приносимая ангеломъ святому Петру чрезъ 40 дней, была приобщеніе пречистыхъ, животворящихъ Христовыхъ Таянъ, — то есть, опредѣленный на послуженіе ему святой ангелъ являлся къ нему въ назначенное Богомъ время и приобщалъ святыхъ Таянъ, какъ это было и съ тѣми преподобными отцами, которыхъ преподобный Шафнутій обрѣлъ въ пустынѣ (см. Іюня 12 дня). А манна была пища тѣлесная. Посему-то святой Петръ и не просилъ (какъ увидимъ ниже) обрѣтнаго его, по устроенію Божію, ловца принести ему святаго хлѣба, подобно преподобной Маріи Египетской (см. Апрѣля 1) и Осоктисѣ изъ Лезвы (см. Ноября 9), и многимъ другимъ свя-

раба, Владычица міра отошла въ пренебесныя селенія. Святый же Петръ, возбудившись, благоговѣнно палъ на то мѣсто, гдѣ стояли пречистыя ноги Пресвятыя Богородицы и великаго святаго отца Николая, и, лобызая ту землю, громогласно благодарилъ Бога, что Онъ удостоилъ его видѣть такія страшныя таинства. На утро, дѣйствительно, явился къ святому Петру ангелъ Бога Всевышняго, съ небесною пищею, указалъ ему и манну, какъ сказала Пренепорочная, и отлетѣлъ на небеса. Послѣ сего, святый, прославляя Христа Бога и Пренепорочную Его Матерь, спокойно подвизался въ ангельскихъ своихъ подвигахъ цѣлыхъ 53 года и, по благодати Божіей, уже не былъ стужаемъ никакими демонскими привидѣніями. Въ продолженіе столькихъ лѣтъ, онъ не видалъ даже и подобія человѣческаго. Во все это время, пищей служила ему манна, показанная ангеломъ; она падала съ неба въ видѣ росы, потомъ сгущалась и дѣлалась подобною меду. А объ одеждѣ, о постелѣ, о зданіяхъ и прочихъ требованіяхъ природы человѣческой онъ не имѣлъ и мысли: одеждою для него служила первобытная невинность; о дѣйствіяхъ зноя, бурь и холода, одушевляясь пламенною любовію къ своему Творцу и Богу и мыслию о будущемъ воздаяніи за всѣ свои страданія, онъ не беспокоился; ложемъ была для него земля, а покровомъ служило ему украшенное звѣздами небо. Однимъ словомъ,—онъ, какъ безплотный, жилъ на землѣ неземнымъ образомъ; до того же времени, какъ показана была ему манна, питался кореньями и пустынными зеліями.

Восхотѣвъ же явить ангельскую жизнь Своего угодника людямъ, Богъ устроилъ это такъ. Одинъ охотникъ, для ловли звѣрей, пришедши на гору Аѳонскую, обошелъ уже много на ней мѣстъ, и наконецъ достигъ до того мѣста, гдѣ свя-

---

тымъ, жившимъ отшельнически. Агіоритъ Іаковъ. У святителя ростовскаго, святаго Димитрія, разсказъ о небесной пищѣ, ангеломъ святому Петру приносимой, несходенъ съ нашимъ. С. А. II.

тый проводилъ равноангельную свою жизнь. Недалеко отъ пещеры Петровой увидѣлъ онъ одну огромную и красивую лань и, при видѣ такой хорошей добычи, оставивъ преслѣдованіе за всѣми другими животными, цѣлый день ухищрялся поймать только это прекрасное животное. Лань, какъ будто кѣмъ руководимая, долго избѣгала преслѣдованій ловца, и наконецъ остановилась у самой пещеры святаго. Ловецъ долго гнался по слѣдамъ ея, и теперь, почти уже догнавъ ее, только было хотѣлъ бросить стрѣлу, какъ вдругъ, въ правой сторонѣ пещеры, видитъ нѣкоего человѣка, съ предлинною сѣдою бородою, съ бѣлыми на главѣ волосами (покрывавшими до половины тѣло его) и неимѣвшаго на себѣ никакой другой одежды, кромѣ травныхъ листьевъ. Лишь только увидѣлъ онъ святаго, страхъ и ужасъ объялъ его. Принявъ это явленіе за демонское мечтаніе, онъ оставилъ добычу и пустился со всевозможною скоростію бѣжать. Святый, желая остановить бѣгущаго отъ себя ловца, сталъ громко кричать вслѣдъ ему: «Человѣче! что боишься? братъ! что бѣжишь отъ меня?—я такой же человѣкъ, какъ и ты, а не мечтаніе бѣсовское, какъ думаешь. Приди сюда ко мнѣ, и я расскажу тебѣ все; ибо для того Богъ и послалъ тебя сюда.» Испуганный ловецъ воротился. Тогда святый Петръ, сдѣлавъ ему о Христѣ привѣтствіе, началъ говорить: «дерзай, братъ! не бойся человѣка окаяннаго и грѣшнаго, во всемъ тебѣ подобнаго, кромѣ грѣховъ.» Успокоивъ его такимъ образомъ, святый рассказалъ ему, откуда онъ сюда пришелъ, сколько уже времени здѣсь живетъ, и чѣмъ питается, какія претерпѣлъ страданія ради небесныхъ утѣшеній, какія имѣетъ утѣшенія въ своихъ скорбяхъ и какіе получилъ залогомъ вѣчнаго блаженства: словомъ, описалъ ему подробно всю свою жизнь. Выслушавъ святаго, ловецъ, отъ удивленія, долго не могъ сказать ему ни слова. Наконецъ, нѣсколько успокоившись, отвѣчалъ: «Честный отче! теперь я узналъ,

что и меня, грѣшнаго, любить Богъ, ибо удостоилъ увидѣть тебя, сокровеннаго Его служителя. Отъ нынѣшняго дня, рабъ Божій, я не удалюсь отъ тебя, — буду, по моимъ силамъ, работать Господу Богу, вмѣстѣ съ тобою, чтобы спасти мнѣ многогрѣшную свою душу. Вижу, для того Богъ и открылъ мнѣ тебя.» Святый на то: «Чадо мое! въ настоящее время этого быть не можетъ. Ты долженъ прежде испытать себя, — можешь ли переносить труды подвижническіе, чтобы не быть впослѣдствіи посмѣяніемъ врагу нашему. Посему теперь иди въ домъ свой, и какое имѣешь состояніе отъ отца твоего, раздѣли бѣднымъ; затѣмъ, воздержись отъ вина, мяса, сыра и масла, а болѣе всего — отъ смѣшенія съ твоею женою; притомъ молись съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ, — и такимъ образомъ проводи весь слѣдующій годъ, а потомъ уже приходи сюда, и что откроетъ тебѣ Богъ, то и дѣлай.» Добрый ловець принялъ къ сердцу благій совѣтъ святаго. Отпуская ловца съ миромъ и молитвою въ его мѣсто, Петръ заповѣдалъ ему хранить узнанную имъ тайну: «ибо, когда является сокровище», говорилъ онъ ловцу, «тогда удобно крадутъ его тати. «И такъ, славя и благодаря Бога, что сподобился видѣть такого Его угодника, ловець удалился домой и, живя тамъ, провелъ весь слѣдующій годъ по наставленію святаго.

По окончаніи этого года, ловець, взявъ съ собою двухъ иноковъ и своего брата, прибылъ на святую гору. Вышедши на берегъ Аѳона, всѣ они направились къ пещерѣ святаго Петра. Ловець, имѣя большую противъ своихъ спутниковъ любовь къ нему, предупредилъ своихъ спутниковъ, и достигъ пещеры его прежде другихъ: но, — какое горе! — онъ нашелъ святаго уже скончавшимся о Господѣ; руки его были крестообразно сложены на персяхъ, очи, какъ слѣдовало, закрыты, и все тѣло честно лежало на землѣ. Смертельно пораженный такимъ неожиданнымъ событіемъ, ловець сперва палъ, почти замертво, на землю, а потомъ, послѣ столь сильнаго уда-

ра, въ горести, билъ себя руками по лицу и со слезами вопіялъ: «горе мнѣ, несчастному!— не удостоился я получить того, чего желалъ! увы мнѣ, окаянному!— лишился я такого праведника, не успѣлъ сподобиться святой его молитвы!» Между тѣмъ какъ это и подобное, съ горькимъ плачемъ, говорилъ онъ, пришли къ нему и его спутники, и, дивясь его сокрушенію, желали узнать причину его и спрашивали, кто такой этотъ неизвѣстный имъ мертвецъ, и отчего такое рыданіе о немъ. На этотъ вопросъ, ловецъ, заливаясь слезами, подробно разсказалъ имъ всю жизнь святаго, какъ онъ самъ передалъ ее, когда былъ еще въ живыхъ. Выслушавъ ловца, товарищи его умилились и пролили много слезъ, что не удостоились видѣть въ живыхъ столь великаго подвижника и святаго мужа, и не сподобились святыхъ его бесѣдъ и молитвъ.

Братъ ловца одержимъ былъ нечистымъ духомъ, который мучилъ его уже съ давняго времени. Но, лишь только приблизился страдалецъ этотъ къ мощамъ святаго, демонъ вдругъ бросилъ его на землю и, съ точеніемъ пѣны и скрежетомъ зубовъ, говорилъ громогласно: «Нагій и босый Петръ! развѣ не довольно тебѣ пятидесяти трехъ лѣтъ, въ которые, живя здѣсь, ты властвовалъ надъ нами? Тогда ты изгналъ меня изъ моего жилища и отлучилъ отъ товарищей: что же, не хочешь ли и теперь, будучи уже мертвецомъ, преслѣдовать меня?— Нѣтъ, мертваго-то, я не послушаю тебя.» Ловецъ и его спутники, слыша это отъ діавола, дивились и трепетали. Черезъ нѣсколько времени, они замѣтили, что мощи святаго облистались какимъ-то небеснымъ свѣтомъ, и демонъ вдругъ вышелъ изъ устъ бѣсноватаго, въ видѣ чернаго дыма; при этомъ страдалецъ, сильно потрясенный демономъ, лежалъ на землѣ, какъ мертвый. Потомъ, чрезъ нѣсколько времени, онъ опомнился, и просилъ своихъ товарищей, чтобъ они, вмѣстѣ съ нимъ, помолились человѣку Божию о совершенномъ его исцѣленіи. Слава Дарующему исцѣленіе всѣмъ намъ, грѣшнымъ,

чрезъ святыхъ Его! Больной, при помощи Божіей, по молитвѣ святаго, скоро всталъ и, чувствуя себя совершенно здоровымъ, душевно и тѣлесно, громко славилъ Бога и его угодника и, благодарно припадая къ цѣльбоподательнымъ святымъ мощамъ, умильно лобызалъ ихъ, а потомъ отъ всего сердца благодарилъ и брата своего, что онъ привелъ его къ сему небесному цѣлителю. Впрочемъ, благочестивымъ тѣмъ путникамъ медлить тамъ долѣе было нельзя. Посему, поднявъ на рамена свои мощи святаго, они съ радостію сошли съ горы, вошли съ ними на корабль и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, пустились было въ свое мѣсто. Но—о чудо!—корабль ихъ, плывя противъ обители ¹ Климентовой ², вдругъ сталъ тамъ, какъ вкопанный. Сколько ни силились они, не могли сдвинуть его съ мѣста,—и такимъ образомъ стояли отъ третьяго часа до девятаго. Монахи Климентовой обители дивились, видя такое чудо, и, чтобы лучше постигнуть эту тайну, послали нѣкоторыхъ изъ своей среды на корабль, чтобы они разспросили путниковъ о причинѣ стоянія ихъ на одномъ мѣстѣ. Связанные невидимою силою хотя и постигали дѣйстви-

¹ Не удивляйтесь, говоритъ Агіоритъ Іаковъ, слыша названіе обители, ибо въ продолженіе пятидесяти трехъ лѣтъ сокровеннаго пребыванія святаго Петра на горѣ начали созидаться на ней и обители. При томъ нужно замѣтить, что гора никогда не была совершенно необитаема; только тогдашніе монидріоны, во времена нашествія варваровъ и разбойниковъ, часто были разрушаемы, опустошаемы и уничтожаемы. Мы знаемъ, что обитель Зигъ существовала уже тогда, когда прибылъ на Аѳонъ преподобный Аѳанасій.

² Климентовою пристанью назывался заливъ близъ существовавшаго въ древности города—*Κλέσων*. Здѣсь присталъ корабль Богоматери; здѣсь же остановился и чудотворный образъ Богородицы Поргитиссы. По этому-то названію пристани, устроившійся тамъ въ первый разъ монидріонъ и получилъ названіе обители Климентовой. Во времена святаго Петра онъ носилъ то же названіе. Въ 960 году, явились изъ Грузіи Іоаннъ съ сыномъ своимъ Евфиміемъ, и создали тамъ пиргъ и храмъ, во имя Предтечи, подъ названіемъ *Πατρων* и *Χριστου*. Потомъ, въ 1030 году, прибылъ туда же изъ Грузіи Георгій Торникій Спаѳарій, и тамъ, на мѣстѣ монидріона, воздвигъ обширную обитель, которая донинѣ носитъ имя Иверской. Агіоритъ Іаковъ.

тельную причину, которая столь дивно удерживала ихъ корабль, но, желая утаить безцѣнное свое сокровище, не сказывали о немъ климентовцамъ. Климентовскіе иноки, однакожь, догадались, что имъ не говорятъ истины, и потому сами стали управлять кораблемъ, и только что направили его къ своей обители, тотчасъ же явились у своей пристани. Климентовскій игумень, подробно узнавъ отъ ловца о всемъ, что случилось съ нимъ и его товарищами, благоговѣнно дивился сему событію, и тотчасъ повелѣлъ іереямъ своего монастыря, въ полномъ священномъ облаченіи, со свѣчами и кадильнымъ еиміамомъ, перенести святыя мощи въ обитель. Здѣсь, по совершеніи съ ними крестнаго хода, онѣ, со мноюю честію и благоговѣніемъ, положены были въ церкви, гдѣ потомъ каждодневно совершались отъ нихъ многія и дивныя чудеса. Слава о сихъ мощахъ скоро и быстро разнеслась по всѣмъ окрестностямъ. Множество народа стало стекаться къ нимъ отъсюду, и всѣ приходившіе съ вѣрою получали исцѣленіе отъ болѣзней тѣлесныхъ и утѣшеніе душевное. Черезъ нѣсколько времени, мощи святаго переложили въ другую раку, поставили ихъ въ притворѣ параклиса Богоматери, и тамъ семь дней совершали надъ ними бдѣніе. А потомъ, благоухавъ ихъ ароматами, съ великою честію и благоговѣніемъ, погребли ихъ въ правой сторонѣ главнаго храма. Ловецъ и братъ его, по погребеніи мощей святаго, взявъ молитву и благословеніе отъ игумена и его братіи, отправились въ свое мѣсто, и за все славили Бога, благодарили святаго Его угодника; а сопутствовавшіе имъ монахи рѣшились какимъ нибудь образомъ похитить мощи святаго, и потому стали притворно просить игумена и его братію о принятіи ихъ въ обитель, выражая непремѣнное желаніе умереть тамъ, гдѣ обрѣли они, будто по откровенію Господню, многоцѣнное сіе сокровище. Игумень съ братіею, не провидя ихъ ухищренія, съ радостію приняли ихъ; а они, вскорѣ послѣ лицемѣрнаго

своего вступленія въ монастырь, избрали одну удобную для своего намѣренія ночь и, взявъ тайно мощи святаго, бѣжали съ ними со святой горы. Бѣглецы эти, съ похищенною ими святынею, достигли уже Фокиды (во Θρακίи), и здѣсь, при нѣкоемъ колодезѣ, остановившись отдохнуть и укрѣпить себя пищею, мѣшокъ (σάκκι), въ которомъ несли святыя мощи, повѣсили на вѣтвяхъ одной маслины. Прежде еще, чѣмъ начали они кушать, вдругъ явилось къ нимъ множество мужей, женъ и дѣтей, которые громогласно вопрошали: «гдѣ великій Петръ, пришедшій сюда съ горы Аѳона?—мы хотимъ встрѣтить его.» Причина, по которой къ святымъ мощамъ собралось такое множество народа, была слѣдующая. Близъ того колодезя, гдѣ, со святынею, остановились для отдыха бѣглецы иноки, находилось одно водохранилище, обширное и глубокое, которое отъ времени, однакожь, засыпалось землею и сдѣлалось жилищемъ лукавыхъ духовъ. Эти духи, по злобѣ своей, производили въ томъ мѣстѣ много зла—и людямъ и животнымъ, и когда иноки, со святынею, приблизились ко гнѣздилищу ихъ, тотчасъ же вышли изъ своего обиталища, удалились въ область, вошли въ тѣхъ, къ кому, по попущенію Божію, могли имѣть доступъ, взбѣсили ихъ и, противъ воли своей, объявляя всѣмъ о прибытіи въ то мѣсто великаго угодника Божія, явились къ маслинѣ, на которой висѣли святыя мощи, и, съ великими и дикими воплями, покушались низринуть вмѣщавшій ихъ мѣшокъ. Поэтому-то всякій, желая видѣть поразительнѣйшее сіе чудо, и бѣжалъ туда за этими несчастными. Но злобные демоны, вмѣсто уничтоженія святыхъ мощей, сами, силою молитвъ святаго Петра, были изгнаны не только изъ мучимыхъ ими людей, но и изъ самаго того мѣста. Кромѣ сего, тогда совершились и другія, многія и дивныя, чудеса отъ святыхъ его мощей. Въ тотъ же почти часъ, слава объ этихъ чудесахъ распространилась по всѣмъ окрестностямъ того мѣста, и посему туда во множествѣ яви-

лись хромые, прокаженныя, бѣснуемыя, разслабленныя и удручаемыя другими недугами, — и всѣ получали тѣлесное исцѣленіе и душевное утѣшеніе. Услышавъ о сихъ чудесахъ, епископъ города, Авдора, взявъ свой клиръ, подвигся къ цѣлбоноснымъ мощамъ святаго Петра съ крестнымъ ходомъ. Приближаясь къ нимъ, онъ и клиръ его довольное пространство шли непокровенныя и необутыя; явившись же на самое мѣсто, они сотворили приличную ектеніальную ко Господу Богу молитву, послѣ которой епископъ и всѣ бывшіе съ нимъ стали благоговѣйно лобызать св. мощи. Николай, составитель жизнеописанія святаго Петра, говоритъ, что и онъ былъ при этомъ. Между тѣмъ какъ святаыя мощи были лобызаемы, отъ нихъ совершались безчисленныя чудеса, и потому всѣ со слезами восклицали: «Господи помилуй!» и громогласно славили Бога, прославляющаго святаыхъ Своихъ еще и здѣсь, на землѣ. Тогда епископъ сталъ убѣдительно просить тѣхъ иноковъ, чтобъ они сіе многоцѣнное сокровище даровали благочестивому и христіолюбивому того мѣста народу, обѣщавшему создать великолѣпный храмъ, во отпущеніе своихъ грѣховъ и во спасеніе тѣхъ, которые принесли къ нимъ св. мощи, и за сей даръ предлагалъ имъ въ благословеніе сто златницъ и нѣкоторое другое вознагражденіе. «Вѣдь мнѣ кажется неприличнымъ», говорилъ имъ епископъ, «что многоцѣнный сей маргаритъ не имѣетъ постояннаго мѣста, что сей свѣтильникъ скрывается подъ спудомъ, что лучи благодати не для всѣхъ явны.» Иноки, владѣтели святаыхъ мощей, весьма неохотно, и только послѣ многихъ убѣжденій, даже преценій со стороны епископа и его клира, согласились разстаться съ ними, хотя, впрочемъ, взяли предложенныя имъ дары. Скорбя о лишеніи святаыхъ мощей, и вмѣстѣ утѣшаясь полученными за нихъ дарами, тѣ иноки удалились отсюда въ Анатолію. Вскорѣ по удаленіи ихъ, приближается къ сватымъ мощамъ одинъ бѣсноватый, и спрашиваетъ: «Гдѣ здѣсь Петръ Схоларій? Ему мало было про-

гнать меня съ Аѳона, — онъ и сюда пришелъ изгонять меня изъ моего жилища: но нѣтъ, теперь я сожгу его, чтобъ онъ уже впередъ не беспокоилъ меня». Бѣсноватый держалъ въ рукахъ своихъ двѣ горящихъ свѣчи (факела), и только что устремился съ ними къ святымъ мощамъ, чтобъ сжечь ихъ, вдругъ раздался нѣкій сильный ударъ и громкій вопль, и демонъ, въ видѣ молніи, вышедши изъ того человѣка, съ плачемъ и стenanіемъ исчезъ въ воздухѣ. Множество людей, видѣвшихъ это чудо, громогласно прославили Бога.

Послѣ того, епископъ, съ клиромъ своимъ, взявъ святые мощи, со псалмами и духовными пѣснями перенесъ ихъ въ епископію своего города, и тамъ почтилъ угодника Божія словесіемъ въ три нощенствія. И здѣсь также, отъ святыхъ сихъ мощей, совершились безчисленные чудеса, въ радость и утѣшеніе пришельцевъ и туземцевъ, во славу Единосущныя Троицы, въ честь и похвалу преподобнаго и богоноснаго отца нашего Петра, подвизавшагося на святоименной горѣ Аѳонской вышечеловѣчески. Молитвами сего угодника Божія, да украсимся и мы добрыми дѣяніями, и тако да обрѣтемся благоугодны предъ Христомъ, Господомъ нашимъ Богомъ, Ему же слава и держава во вѣки. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

ЕВФИМІЯ,

НОВАГО ФЕССАЛОНИКСКАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ОКТЯБРЯ 14-ГО ².

Нриснославный и блаженный отецъ нашъ Евфимій, во плоти ангелъ и, по исшествіи изъ тѣла своего, съ горними силами о Богѣ ликующій, земнымъ и временнымъ отечествомъ имѣлъ страну Галатійскую, а по высотѣ дѣятельныхъ и созерцательныхъ совершенствъ, справедливо былъ гражданиномъ вышняго Сіона. Нѣкогда божественный апостоль Павелъ, осуждая галатовъ за удобопремѣняемость мысли и непостоянство нрава, назвалъ ихъ безумными (Гал. 3, 1); но, ради сего блаженнаго, по-истинѣ восхвалилъ бы ихъ, какъ постоянныхъ и разумныхъ. Воспитавшее святаго Евфимія и стяжавшее честь произведенія его въ міръ селеніе называется

¹ Съ рукописи.

² А по нашимъ мѣсяцесловамъ, память его—октября 15-го, въ четинхъ же минеяхъ святителя ростовскаго св. Димитрія, краткія о немъ замѣчанія находятся подъ 14-мъ числомъ сего мѣсяца. Въ синаксарѣ Никодима, св. Евфимій показанъ подвизавшимся за св. иконы (ὁ ἅγιος Εὐφύμιος ὁ νέος ὁ ἐν Θεσσαλονίκη ὁ ὑπὲρ τῶν ἁγίων εἰκόνων ἀγωνισάμενος τελειοῦται): но изъ житія его не видно такихъ подвиговъ. Житіе святаго Евфимія написано ученикомъ его, архіепископомъ солунскимъ Василиемъ, причтеннымъ Церковію тоже къ лику святыхъ: память его, по греческому синаксарю, февралі 1-го.

Опсо; оно принадлежит галатійскому городу Анкирѣ, пользуется благораствореннымъ воздухомъ, отличается богатствомъ и многолюдствомъ и, ради восхваляемаго нами святаго, можетъ назваться жилищемъ святыхъ, отечествомъ спасаемыхъ, училищемъ добродѣтели и благочестія. Родители святаго Евфимія были богаты и праведны, и столько преуспѣвали въ добродѣтели, что не только сограждане, но и далеко жившіе имѣли благую и достолюбезную ревность подражать имъ. Кто видѣлъ ихъ и слышалъ о нихъ, для тѣхъ по истинѣ казалось чудомъ, что они, люди мірскіе, подлежащіе всѣмъ народнымъ повинностямъ, и потому, конечно, окружаемые многими заботами житейскими и удручаемые иногда горестями, утѣшали, однакожъ, и поощряли другъ друга и, всецѣло посвящая себя Богу, никогда не хотѣли сдѣлать даже малѣйшаго уклоненія отъ пути праваго. Они были сострадательны, умѣренны, благопокорны, кротки, страннолюбивы, нищелюбивы, а оттого и боголюбивы, и тихи, и милостивы, и исполнены нелицемѣрной любви, и, по этой любви, были всѣмъ вся. Отецъ блаженнаго Евфимія назывался Епифаніемъ, — тезоименитый божественнаго явленія, свѣтлый добродѣтели свѣтильникъ, сіявшій нѣкогда ближнему самимъ собою, а нынѣ намъ, далекимъ отъ него жителямъ, сіяющій сіяніемъ сына, котораго онъ возжегъ и явилъ вселенной, какъ бы нѣкій факель. Мать же его именовалась Анною, которая, бывъ сама пріятелищемъ божественной благодати, исполняетъ и насъ, чрезъ славу сына своего, божественныхъ благодатей. Родившись отъ такихъ-то родителей, священный сей и по-истинѣ Божій человекъ, славный Евфимій, отъ самаго рожденія исполнился благодати Святаго Духа, и потому, еще прежде совершеннаго возраста, былъ кротокъ, честенъ, сладокъ въ бесѣдѣ, благочиненъ, благопослушливъ, покоренъ родителямъ, удалялся отъ обычныхъ дѣтскихъ игръ, любилъ часто посѣщать святыя церкви и почиталъ благочестивыхъ

сродниковъ своихъ, какъ отцовъ. Великій отецъ нашъ Евфимій родился въ 6332 г. отъ созданія міра (то есть, въ 824 г. отъ Р. Х.)

Когда святому Евфимію былъ седьмой годъ отъ рожденія, — великій отецъ его по плоти перешелъ въ нестарѣющуюся, блаженную жизнь. По смерти остались у него, кромѣ Евфимія, еще двѣ дочери — Марія и, соименная ему, Епифанія. Мать святаго Евфимія, какъ жена благоразумная, не сочла приличнымъ ввести въ домъ свой втораго мужа; но, съ другой стороны, такъ какъ ей одной, съ слабыми женскими силами, тяжело было имѣть попеченіе о домѣ и семействѣ, а другаго дитяти мужескаго пола у ней не было, то всю заботу о себѣ и семействѣ своемъ она и возложила на юнаго Евфимія, который отъ самаго дѣтства показывалъ разумъ не по лѣтамъ. Подчиняясь, однако, постановленіямъ о военной службѣ, она должна была вписать въ воинскіе списки этого возлюбленнаго и единороднаго своего сына, именуемаго тогда Никитою. Имя это, какъ я думаю, дано было ему при рожденіи не безъ Божіяго мановенія: впоследствии онъ имѣлъ получить побѣду надъ врагами видимыми и невидимыми. И такъ, служа воиномъ, Никита вмѣстѣ съ тѣмъ и для матери своей былъ опорой во всѣхъ отношеніяхъ: — сыномъ, помощникомъ, попечителемъ, покровителемъ, въ печаляхъ облегчителемъ, въ радостяхъ привѣтствователемъ, заступникомъ, отцомъ, защитникомъ и по преимуществу — мужемъ, такъ какъ онъ воспріялъ на себя всякую заботу о внутреннемъ и виѣшнемъ благосостояніи своего дома. Нашедши, такимъ образомъ, полное въ немъ утѣшеніе, мать его стала заботиться о приисканіи столь любезному ей сыну достойной невѣсты, чтобы, чрезъ чадорожденіе, продолжить родъ свой и чтобы супруга его помогала ему въ его заботахъ. По строенію Божію, скоро нашла она дѣвицу, такую же разумную, происходившую отъ родителей богатыхъ и славныхъ, по имени Евфросинію, могущую угодить во всемъ достойному своему супругу, и съ нею

сочетала его. Чрезъ нѣсколько времени, родилась у нихъ дочь, которую, въ чаяніи возстановленія своего рода, назвали они Анастасією. Послѣ сего, преподобный, считая родившееся дитя достаточнымъ утѣшеніемъ и матери и супруги своей, рѣшается посвятить себя исключительно на служеніе Богу, то есть, избрать иноческую жизнь, — рѣшается тѣмъ болѣе, что и сестра его Марія, бывшая тогда уже замужемъ, жила въ собственномъ ихъ, отеческомъ домѣ. И такъ, съ большимъ, чѣмъ когда нибудь, духовнымъ веселіемъ отпраздновавъ праздникъ Воздвиженія честнаго и животворящаго креста, онъ, на другой день, въ память тезоименнаго ему святаго мученика Никиты, положилъ начало добраго своего намѣренія. Притворившись, будто идетъ видѣть пасшагося въ долину своего коня, Никита совершенно оставилъ свою родину, и обрѣлъ царствіе небесное, какъ нѣкогда Сауль, вмѣсто ословъ, — царство израилево. Въ то время Никитѣ было 18 лѣтъ отъ роду, а случилось это въ 842 г. отъ Р. Х. Обшедши многія мѣста, блаженный достигъ наконецъ неприступныхъ высотъ Олимпа, гдѣ посѣтилъ многихъ святыхъ отцевъ, и затѣмъ пришелъ къ великому Іоанникію, просіявшему тамъ ангельскими своими подвигами болѣе всѣхъ другихъ. Въ одинъ день, когда къ сему великому святому, пользы ради, пришли многіе отцы, былъ среди ихъ и этотъ юный его ученикъ. Богоносный отецъ нашъ Іоанникій, прозрѣвая горячее его желаніе монашеской жизни, будущую его славу и преуспѣяніе въ добродѣтели, и то, что, когда онъ сдѣлается инокомъ, по слѣдамъ его пойдутъ многіе иноки, а вмѣстѣ съ тѣмъ, желая обнаружить и другимъ скрывавшуюся въ немъ до того времени добродѣтель, притворно спросилъ сошедшихся къ нему иноковъ, — кто это между ними такой, что, въ образѣ мірскомъ, такъ смѣло обходится съ другими. Когда же всѣ отцы отвѣчали, что не знаютъ, — чудный Іоанникій, съ притворнымъ гнѣвомъ, закричалъ: «этотъ юноша — дурной человѣкъ»

и челоуѣкоубійца, — возьмите его и свяжите.» Тутъ отцы стали спрашивать Никиту, подлинно ли онъ убійца. Святой, еще прежде иночества стяжавшій послушаніе и смиреніе, объявилъ себя дѣйствительнымъ убійцею, достойнымъ всякаго наказанія, и потому съ усердіемъ готовъ былъ принять узы. Старцы съ удивленіемъ смотрѣли на юношу. Но великій Іоанникій вдругъ говоритъ: «Оставьте; я обвинилъ его предъ вами, какъ убійцу, только для испытанія. Если и въ юности, и въ мѣрѣ, не испытавъ еще нашего житія, онъ, ради послушанія, призналъ себя виновнымъ въ такомъ преступленіи, то какого вида добродѣтели не совершитъ, когда сдѣлается инокомъ!» Выслушавъ это, и ненавидя славу, блаженный удалился отсюда и подчинилъ себя другому старцу, по имени Іоанну, который жилъ далеко отъ того мѣста и тоже былъ славенъ у всѣхъ за добродѣтельную свою жизнь. Этотъ старецъ, съ радостію принявъ его и преподавъ ему уроки о подвигахъ иноческаго житія, скоро облекъ его въ ангельскій образъ и переименовалъ изъ Никиты въ Евфимія. Потомъ, разумный ученикъ, пробывъ довольно долго у прекраснаго своего наставника и хорошо научившись отъ него безмолвію и подвижничеству, по повелѣнію его, отходитъ въ киновію, именуемую Писсадинонъ, чтобы, упражняясь въ послушаніяхъ киновіи, еще болѣе научиться ему иночеству отъ старцевъ ея, — такъ какъ жизнь киновійная новоначальнымъ весьма полезна. Игуменъ обители той, Николай, управлялъ своимъ стадомъ съ великимъ благоразуміемъ, поручая всякому приличное послушаніе, и постепенно возводя учениковъ своихъ къ созерцанію. Принявъ блаженнаго въ свою киновію, разумный этотъ предстоятель сперва назначалъ ему разныя послушанія низкія; — и кто не удивится здѣсь смиренію и терпѣнію святаго Евфимія? Проходя сіи послушанія, онъ ни разу не возропталъ на сопряженные съ ними великіе труды, ибо считалъ ихъ истиннымъ врачевствомъ для юнаго своего

тѣла. Если же когда и приходили ему помыслы объ оставленномъ имъ богатствѣ, о женѣ, о сродникахъ, то онъ противопоставлялъ имъ неложныя слова Спасителя: *иже любитъ отца или мать паче Мене, иже Мене достоинъ* (Матѣ. 10, 36), и еще: *всякъ, иже оставитъ отца, или мать, или братію, или жену, или чада Мене ради, сторицею приметъ, и животъ вѣчный наследитъ* (Матѣ. 19, 29). Случавшіяся же безчестія и поруганія, считая себя достойнымъ всякаго наказанія, онъ принималъ съ великимъ удовольствіемъ, а отсюда, чрезъ безчестіе и христоподрожательное смиреніе, сдѣлался выше страстей, изгналъ изъ души своей уныніе, покорилъ себѣ чрево, обуздалъ языкъ, очистилъ слухъ и руки, такъ что преподобно воздѣвалъ ихъ на молитву, и приготовилъ ноги свои, да течетъ невозбранно во дворы Бога нашего. Къ тому же стяжалъ онъ еще и нравъ смиренный, привычку къ продолжительному псалмопѣнію, къ всенощному стоянію, къ непрестанной молитвѣ, къ слезамъ, къ чтенію божественныхъ писаній и частымъ колѣнопреклоненіямъ, къ строгому посту, къ постоянству и твердости мыслей, къ очищенію ума и къ возвышенію его горѣ,—за что и удостоился божественнаго осіянія и просвѣщенія.

Таковы были въ киновіи подвиги божественнаго Евфимія! Затѣмъ, получивъ отъ Христа Бога милость, обратилъ онъ взоръ свой къ жизни пустынной,—не потому, чтобы избѣгалъ послушанія и трудовъ, а потому, что въ безмолвіи желалъ болѣе приблизиться къ Богу, и по случаю тогдашняго удаленія изъ обители игумена Николая, уклонившагося отъ соблазновъ, воздвигнутыхъ въ Церкви лукавымъ діаволомъ. По кончинѣ блаженнаго Меѳодія, при коемъ проклята была гнусная ересь иконоборцевъ, патріархомъ Константинополя сдѣлался священный Игнатій. Такъ какъ онъ терпѣлъ много притѣсненій отъ царскихъ вельможъ, то, утомившись бесполезною борьбою съ неизлечимо болящими, добровольно отрекся отъ престола,

и захотѣлъ лучше бесѣдовать съ Богомъ, безмолвствуя въ своей обители. Блаженный Игнатій управлялъ Церковію только десять лѣтъ. Въ то время разнесся слухъ, что этотъ іерархъ изгнанъ изъ Церкви противъ его воли. Посему многіе отдѣлились отъ его преемника, и между ними былъ упомянутый Николай, по этой причинѣ удалившійся изъ своей обители. Въ Церкви происходило тогда много соблазновъ, не смотря на то, что новый патріархъ былъ православный и сіялъ всѣми добродѣтелями. Говорю о блаженномъ Фотіѣ, который своимъ ученіемъ просвѣтилъ концы вселенной и въ юности много пострадалъ за поклоненіе святымъ иконамъ; котораго жизнь была дивна, а кончина засвидѣтельствована отъ Бога чудесами. И такъ, да не соблазняется никто происходившими тогда явленіями; ибо какъ божественная благодать заранѣе предустраиваетъ причины великихъ дѣлъ, такъ и отступникъ діаволь усиливается или совершенно воспрепятствовать будущему нашему благу, или, по крайней мѣрѣ, омрачить оное. Посему и въ то время старался онъ устранить могущую прозойти отъ священнаго Фотія великую для Церкви пользу, но былъ постыжденъ, ибо Господь даровалъ Своей Церкви миръ. И такъ, святой Евфимій, видя, какъ мы сказали, отсутствіе въ обители пастыря ея, да и самъ притомъ желая безмолвія, рѣшился удалиться на Аѳонскую гору, слава которой достигла и его слуха. Но такъ какъ тогда не дано еще было ему великой схимы, а старецъ его Іоаннъ, облекшій его въ малую схиму, или мантию, уже скончался, то онъ пошелъ къ одному, тоже славному въ Олимпѣ, подвижнику, именемъ Θεодору и, открывъ ему о своемъ желаніи отправиться на Аѳонъ, принялъ отъ него великій ангельскій образъ. Чрезъ восемь дней, взявъ отъ старца своего молитву, святой Евфимій, послѣ пятнадцатилѣтняго пребыванія въ Олимпѣ, удалился оттуда съ другимъ братомъ, по имени Θεостирихтомъ. Движимый чистою родственною любовію, при-

шелъ онъ сначала въ Никомидію, чтобы узнать тамъ о своихъ сродникахъ: его извѣстили, что они живы, но, по причинѣ удаленія его, скорбны. Получивъ такое извѣстіе, Евфимій ввѣрилъ одному человѣку св. крестъ, чтобы онъ передалъ его матери, супругѣ и сестрамъ, и объявилъ имъ, что кровный ихъ родственникъ, благодатію Божію, уже инокъ, именуемый, вмѣсто Никиты, Евфиміемъ, и что, если хотятъ, пусть и онѣ послѣдуютъ его примѣру. Сначала онѣ удивились таковому его предложенію, и плакали, но потомъ, укрѣпленные помощію свыше, сдѣлались инокинями, а имѣніе свое оставили дочери преподобнаго — Анастасіи, выдавъ ее въ замужество. Но обратимся къ подвижничеству преподобнаго на Аѳонѣ;— оно было такъ высоко, что превышало силы человѣка.

Прибывъ на Аѳонъ, божественный Евфимій, съ усердіемъ и радостію вступилъ на узкій и прискорбный путь давно желаннаго имъ безмолвія, и презиралъ необходимо соединенныя съ нимъ тѣлесныя скорби. Такъ какъ Θεостириктъ, не перенося тѣсноты и злостраданія строгой безмолвной жизни, возвратился въ Олимпъ, то святой Евфимій, на подвижническомъ своемъ поприщѣ, соединился съ нѣкимъ Іосифомъ, древнимъ аѳонскимъ подвижникомъ. Этому Іосифу преподобный сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: «братъ! такъ какъ мы, будучи въ чести, по словамъ Давида, преступленіемъ заповѣдей уподобились несмысленнымъ скотамъ (Псал. 48, 13) и лишились своего благородства, то сочтемъ самихъ себя за скотовъ и, въ теченіе сорока дней, будемъ питаться одною травою, поникши къ землѣ, какъ животныя: можетъ быть, очистившись чрезъ это, мы опять получимъ свою, по образу Божію и подобію, красоту. Іосифъ принялъ предложеніе преподобнаго, и они сорокъ дней провели въ великомъ злостраданіи отъ жажды и голода, холода и жара. Отъ совершенія сего подвига получивъ, однакожь, немалую пользу, рѣшились они на другой, высшій подвигъ, чтобы такимъ образомъ, какбы по лѣст-

вицѣ, взойти на верхъ добродѣтели. Святый Евфимій снова предложилъ своему сподвижнику: «Оставимъ теперь, добрый Іосифъ, злостраданіе житія безпокровнаго, — заключимся въ какой нибудь пещерѣ, и будемъ оставаться въ ней невѣдомыми отъ всѣхъ другихъ, находящихся здѣсь иноковъ ¹; положимъ самимъ себѣ въ законъ, какбы онъ низшелъ къ намъ отъ Бога, и опредѣлимъ, чтобъ ни тотъ ни другой изъ насъ не выходилъ изъ пещеры прежде окончанія трехъ лѣтъ. Если кто изъ насъ, въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, умретъ, то будетъ воистину блаженъ, какъ человѣкъ, до конца жизни сохранившій размышленіе о смерти, и гробомъ для него да будетъ эта самая пещера. А когда, по изволенію Божію, оба мы пребудемъ живы, — умрутъ, по крайней мѣрѣ, сколько это можно, наши страсти и плотскія пожеланія, и мы измѣнимся добрымъ измѣненіемъ.» Добрый Іосифъ принялъ и это предложеніе, ибо былъ простъ, нелукавъ, хотя и происходилъ изъ области Армянской ². Послѣ сего, руководимые Богомъ, они обрѣли одну пещеру, и съ усердіемъ заключились въ ней; для необходимой же себѣ пищи, собирали близъ пещеры плоды, — какъ-то: желуди, каштаны, камарню, и этимъ едва поддерживали свою жизнь. Кто достойно опишетъ духовные ихъ тамъ подвиги, — всенощныя ихъ стоянія, непрестанную молитву и непрерывный постъ, по которому можно бы назвать ихъ почти безплотными, — строгое, достойное удивленія молчаніе, ибо если о чемъ и бесѣдовали они, то развѣ о молитвѣ и о другихъ какихъ нибудь душеполезныхъ предметахъ, — постоянныя колѣнопреклоненія, снаніе на голой землѣ, житіе безъ возженія огня, умерщвленіе плоти, или, такъ сказать, оставленіе и презрѣніе

¹ Какъ изъ этого, такъ и изъ другихъ мѣстъ жизнеописанія Евфиміева ясно видно, что святый Евфимій, пришедши съ Олимпа на святую гору, нашелъ ее не пустынею, какъ думаютъ нѣкоторые; только не видно, какъ въ то время жили на Афонѣ иноки: въ монастыряхъ ли, или въ скитахъ, или въ келліяхъ.

² Замѣчательная черта области Армянской въ девятомъ вѣкѣ.

ея, какъ врага, — тѣлесную наготу, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ только по одной обветшавшей одеждѣ, да и та, отъ ветхости и непрерывныхъ подвиговъ, распалась еще въ концѣ перваго года безпримѣрнаго такого ихъ подвижничества; — къ этому присоединимъ и безпокойство ихъ отъ множества разнаго рода насѣкомыхъ. Кто же, видя столь великое терпѣніе, поставитъ ихъ ниже мучениковъ? Впрочемъ, Іосифъ, послѣ перваго года, разслабѣлъ и, вышедши изъ пещеры, удалился къ другимъ монахамъ; а святой Евфимій, оставшись одинъ, вдался еще въ большіе подвиги и непрестанно бесѣдовалъ съ Богомъ. Разсѣдался отъ злобы діаволь, видя такіе подвиги преподобнаго, и сталъ всячески ухищряться, чтобы вытѣснить его изъ пещеры. Сначала онъ наводитъ на святаго уныніе и скорбь объ удаленіи брата, потомъ — боязнь уединенія. Но, не получивъ успѣха съ этой стороны, онъ возмущаетъ миръ души преподобнаго помыслами гордости: побѣжденный же смиреніемъ святаго и упованіемъ его на Бога, и отчаявшись изгнать его помыслами, исконный этотъ челоуѣкоубійца нападаетъ на него явно, какъ нѣкогда на великаго Антонія, — преобразившись въ варваровъ арабовъ. Эти варвары, въ самый полдень, являются къ преподобному, совершавшему тогда молитву, и повелѣваютъ ему выйти изъ пещеры. А такъ какъ преподобный не хотѣлъ слушать ихъ, то они, связавъ ему ноги, потащили его къ безднѣ, гдѣ, однакожь, благодатію Божіею, прогнаны были съ посрамленіемъ. Потомъ древняя эта злоба преобразуется въ великаго дракона и, устрашая его своимъ свистомъ, думаетъ такимъ образомъ выгнать его изъ пещеры. «Если ты звѣрь», сказалъ святой мнимому сему дракону, «то твори, что повелѣлъ тебѣ Богъ; а когда лукавый діаволь, — иди за мною», — и демонъ сдѣлался невидимъ. Потомъ злой духъ преобразуется во множество скорпіоновъ, которые, наполнивъ пещеру преподобнаго и уязвляя его, причиняли ему лютую боль: но святой, запретивъ имъ, прогналъ ихъ

честнымъ крестомъ и молитвою. Побѣжденный такимъ образомъ врагъ болѣе не являлся; священный же Евфимій, оставшись въ пещерѣ безъ искушеній, сталъ подвизаться еще усерднѣе. Такъ кончилъ онъ весь трехгодичный срокъ пребыванія своего въ пещерѣ и, исполнивъ это свое желаніе, изшелъ изъ ней, какбы съ неба. Между тѣмъ, внѣ пещеры давно уже ожидали его подвижники, узнавшіе о немъ отъ Іосифа, и горѣвшіе желаніемъ подражать ему. Довольно времени назидавъ ихъ добродѣтельною своею жизнію, святой удалился въ Олимпъ, куда призывалъ его честный старецъ Θεодоръ, облекшій его въ великую схиму, — чтобы онъ пришелъ туда и взялъ старца съ собою на Аѳонъ. Съ этою цѣлію, Θεодоръ нарочно послалъ къ нему съ письмомъ упомянутаго выше Феостирикта. Съ усердіемъ исполнилъ преподобный просьбу своего старца, — отправился въ Олимпъ, и оттуда возвратился съ нимъ на Аѳонъ. А такъ какъ Θεодоръ, отъ многого подвижничества слабый и безсильный, имѣлъ нужду въ нѣкоторомъ утѣшеніи, населеніе же святой горы того не представляло, потому что жилища мірскихъ людей лежали далеко отъ ней, то признательный послушникъ его, святой Евфимій, отыскалъ ему близъ селеній мѣсто, удобное и для безмолвія и для покоя тѣлеснаго, гдѣ построилъ келью, и съ великимъ усердіемъ служилъ ему въ оной. Это мѣсто называлось Макросина и находилось близъ Провлака. Но и здѣсь Θεодоръ, не смотря на усердную о немъ заботливость святаго Евфимія, впалъ въ жестокую болѣзнь: онъ сталъ страдать задержаніемъ мочи и рѣзомъ въ почкахъ, такъ что, для облегченія своей болѣзни, долженъ былъ обратиться къ врачевнымъ пособіямъ, и отправился къ христолюбивымъ и монахолюбивымъ христіанамъ въ Солунь, гдѣ скоро и почилъ о Господѣ, и погребенъ въ церкви святаго мученика Созонта. Отпустивъ старца своего въ Солунь, святой Евфимій остался на Аѳонѣ и, въ своихъ подвигахъ, восходилъ отъ силы

въ силу. Хотя, привыкши къ уединенію, святой отнюдь не хотѣлъ являться въ міръ, однако, услышавъ объ успеніи своего старца, и зная, что надобно почитать отцовъ своихъ и по смерти ихъ, онъ волею-неволею прибылъ въ христолюбивый и монахолюбивый городъ Солунь— поклониться на гробъ своему старцу, чтобы, на путяхъ своей жизни, охраняться молитвами его къ Богу. Между тѣмъ, солунскій народъ, давно уже слыша о добродѣтеляхъ святаго, и узнавъ теперь о приходѣ его, во множествѣ вышелъ къ нему навстрѣчу, чтобы привѣтствовать его и получить отъ него благословеніе. Такъ какъ и вслѣдъ за тѣмъ христіане стекались къ нему толпами, то онъ сталъ скучать, что нарушаютъ его безмолвіе: посему, чтобы и народъ назидать и самому назидаться въ безмолвіи, преподобный, облобызавши гробъ Θεодора, вышелъ изъ Солуня и, подобно Симеону Столпнику, взошелъ на столпъ, стоявшій недалеко отъ города. Съ этого столпа училъ онъ всѣхъ къ нему приходившихъ. Пробывъ на столпѣ довольно долгое время, святой многихъ обратилъ къ добродѣтели и жизни монашеской и уврачевалъ отъ долговременныхъ, неизлечимыхъ болѣзней; но потомъ снова возжелалъ прежняго безмолвія, потому что умножавшееся стеченіе къ нему благочестиваго народа болѣе и болѣе беспокоило его. Возымѣвъ этотъ помысль, онъ сообщилъ его солунскому архіерею Θεодору, тоже славному подвижнику, и собирався снова удалиться на Аѳонъ. Въ этотъ разъ, убѣжденный блаженнымъ іерархомъ, онъ принялъ рукоположеніе въ діакона, не ради гордости,—ибо и эта гнусная страсть, вмѣстѣ съ другими, поправа была преподобнымъ,— а для того, чтобы удобнѣе приобщаться въ пустынь пречистыхъ Христовыхъ Таинъ¹.

---

¹ Т. е., такъ какъ неосвященнымъ не позволено брать Христовы Тайны своими руками, то святой Евфимій принялъ діаконское рукоположеніе, чтобы ему можно было самому приобщаться въ пустынь запасными дарами. Агіоритъ Іаковъ.

Но и на Аѳонѣ святой Евфимій пробылъ недолго, потому что тамъ поселилось теперь много монаховъ, которые намѣревались подражать ему; множество ихъ было причиною шума, уподоблявшагося городскому, и беспокоило Евфимія,—тѣмъ болѣе, что многіе монахи, почитая его, какъ первенствующаго, и притомъ освященнаго, стали часто дѣлать ему свои посѣщенія. И такъ, желая избѣжать сего безпокойства, преподобный, съ двумя единомудренными и единомысленными подвижниками—Іоанномъ Коловомъ и Сүмеономъ, удалился на островъ, называемый Новыхъ (нынѣ святаго Евстратія), тогда еще необитаемый, и тамъ нашедши желаемое безмолвіе, думалъ, что наконецъ обрѣлъ пристанище невозмутимое. Но завистливый діаволь не могъ переносить брани противъ него этихъ трехъ ратоборцевъ, и, поущеніемъ Божиимъ, подвигъ на нихъ сарациновъ, которые, приплывъ на двухъ корабляхъ, плѣнили ихъ и хотѣли было увести съ собою. Но Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ чудомъ спасъ преподобныхъ Своихъ. Когда варвары, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, съ веселіемъ и радостію подняли паруса и пустились въ путь, и отплыли отъ острова съ милю, корабль, въ которомъ находились преподобные, вдругъ сталъ какъ вкопанный, никакъ не двигался съ мѣста, тогда какъ другой, въ которомъ находились ничтожныя вещи и нѣсколько книгъ, принадлежащихъ святымъ, плылъ хорошо. Это чудо изумило варваровъ, и одинъ изъ нихъ, понявъ причину такого явленія, говоритъ своимъ товарищамъ: «Ужели мы, глупые, не можемъ понять, что это случилось съ нами за сдѣланное насиліе рабамъ Божиимъ? Если не хотимъ погрузиться въ море, давайте скорѣе освободимъ ихъ.» Товарищи согласились съ нимъ безъ противорѣчія, и всѣ они, падши къ ногамъ святыхъ, просили у нихъ прощенія, которое тогда же и получили; послѣ сего корабль подвигся самъ собою, и они, возвратившись на островъ, дали святымъ полную

свободу. Потомъ преподобные стали просить у нихъ и ничтожныя свои вещи, какъ для нихъ необходимыя, но варвары презрѣли ихъ прошеніе, и отправились въ свой путь. Но когда отплыли они отъ острова на довольное уже разстояніе, внезапно подулъ противный вѣтеръ, и пригналъ ихъ опять къ тому же острову. Изумившись этому чуду, варвары тотчасъ же отдали святымъ все у нихъ похищенное: только одинъ изъ нихъ, взбѣшенный отъ этого возвращенія корабля, схватилъ Іоанна Колова и билъ его, пока не былъ остановленъ товарищами. Тогда святой Евфимій сказалъ имъ: «Арабы! еслибы вы освободили насъ безъ обиды, то мирно достигли бы отечества; а теперь, нанеши обиду брату, вы обидѣли Бога, и скоро узнаете, какъ велико это зло.» Не солгалось прореченіе святаго. На пути оттуда, встрѣтились они съ военными римскими кораблями, которые отвели въ плѣнъ тотъ самый корабль, гдѣ находился обидчикъ святыхъ, а другой, сверхъ чаянія, спасся. Такъ сохранены были святые, и прославился прославляющій ихъ Богъ; врагъ же діаволь остался посрамленнымъ.

Но такъ какъ есть заповѣдь не искушать Господа Бога, и бѣгать опасныхъ мѣстъ (Матѳ. 10, 23), то преподобные опять перешли на Аѳонъ. Впрочемъ, нападеніе варваровъ угрожало имъ и здѣсь, ибо нѣкоторые изъ братій были уже плѣнены ими; оттого каждый изъ остававшихся тамъ, опасаясь подобной, участи, избиралъ мѣста безопаснѣйшія. По этой причинѣ, преподобный Іоаннъ перешелъ въ такъ называемыя Сидирокавсіи, Сүмеонъ удалился въ Элладу, а священный Евфимій, съ своими учениками, перешелъ въ Врастаму. Тамъ же, въ Врастамѣ, жилъ тогда и прежній сподвижникъ преподобнаго—Іосифъ, о которомъ мы многократно упоминали, и который потомъ, уже состарѣвшись, почилъ тамъ о Господѣ. Многоцѣбное тѣло его видѣли и мы (то есть, Василій) въ пещерѣ, гдѣ онъ скончался, и поклонились ему; касаясь

же его своими руками, весьма дивились, что оно не только оставалось нетлѣннымъ, но, по благодати Божіей, даже источало изъ себя благоуханное миро, которымъ помазавшись, мы благоухали до трехъ дней. Это явленіе какъ ни чудесно, но оно весьма истинно, ибо есть много примѣровъ, что, по благодати всеблагаго Бога потъ подвижающихся ради Его, по смерти ихъ, превращается въ миро. Божественный Евфимій братіямъ своимъ построилъ келіи, а самъ безмолвствовалъ далеко отъ нихъ, въ глубокомъ рву, — впрочемъ, принималъ всѣхъ къ нему приходившихъ, и помѣщалъ ихъ въ келіяхъ братій; въ числѣ другихъ, принялъ онъ и Онуфрія, славнаго тогда подвижника, и поселилъ его одного, въ особой кельѣ. Смотри на соборъ этихъ, жившихъ тамъ, блаженныхъ отцовъ, всякій сказалъ бы, что онъ видитъ въ томъ мѣстѣ воплощенныхъ ангеловъ, или людей, ставшихъ ангелами. Между тѣмъ, преподобный иногда посѣщалъ братію, и сообщалъ имъ многое отъ своихъ дарованій, а иногда, горя безмолвіемъ, восходилъ изъ рва на Аѳонъ, гдѣ, бесѣдуя одинъ съ однимъ Богомъ, до того очистилъ умъ и сердце свое, что сподобился божественныхъ видѣній, и получилъ божественное откровеніе, говорившее ему такъ: «Евфимій! иди въ Солунь: тамъ, въ горахъ, къ востоку отъ города, найдешь ты вершину, называемую Перистеря, съ источникомъ воды, и увидишь храмъ святаго апостола Андрея Первозваннаго, древле благолѣпно созданный, а теперь превращенный въ овчарню; — очисти это мѣсто и, для спасенія душъ, преврати въ монастырь: Я помогу тебѣ во всемъ. Нехорошо тебѣ долѣе оставаться въ пустынѣ, въ борьбѣ съ демонами, которые, давно побѣжденные твоею добродѣтелью, удалились отъ тебя.» Услышавъ это, преподобный оставляетъ вершины Аѳона, приходитъ къ братіямъ, жившимъ въ келіяхъ Вростама, и, взявъ изъ нихъ двухъ, — Игнатія и Ефрема, отправляется съ ними изъ Аѳона въ Солунь, гдѣ былъ принятъ христіанами какъ сшедшій

съ небеси ангель. Прибывъ туда, онъ спрашивалъ о мѣстѣ, называемомъ Перистерѣ, и о томъ, кто владѣтель его. Нашедши знающихъ то мѣсто, взялъ онъ проводниковъ и, восшедши съ ними на указанную гору, увидѣлъ, сообщенныя ему въ откровеніи, ея признаки, открылъ также, на мѣстѣ храма, и овчарню, и возстеналъ, что даже христіанами унижается священное. Потомъ началъ онъ, съ бывшими при немъ, тщательно разрывать мѣсто и, немного спустя, замѣтилъ все основаніе храма. Находившіеся тамъ удивились, какъ оправдалось прореченіе преподобнаго, и, убѣдившись этимъ, что есть воля Божія быть тамъ училищу душъ, приняли созиданіе его на свои расходы; такъ воздвигнутъ былъ храмъ святаго апостола Андрея, съ придѣлами,—съ правой стороны—въ честь св. Іоанна Предтечи, а съ лѣвой—во имя Евфимія Великаго. Но, прежде чѣмъ окончены были священныя эти работы, святой испыталъ много трудовъ и вреда отъ завистливыхъ демоновъ, которые не только скрытно злоумышляли противъ работавшихъ, но и явно кричали и, бросая въ нихъ камни, старались отклонить ихъ отъ сего дѣла. Въ одинъ день, они опрокинули лѣса зданія и низринули сверху зодчаго: но такъ какъ онъ, Божіею помощію, остался невредимъ, то всѣ прочіе работавшіе, видя безуспѣшность коварства демоновъ, воодушевились еще большимъ дерзновеніемъ и усердіемъ. Впослѣдствіи, когда зданіе приближалось уже къ концу, демоны, въ одну ночь, поколебавъ лѣвую его сторону, ниспровергли ее всю, и надѣялись чрезъ это принудить мастеровъ оставить строеніе. Но такъ какъ, по увѣщанію святаго, навшее снова было, тцаніемъ народа, благоговѣйно воздвигнуто, то демоны, утомившись, стали строить козни уже самому святому,—старались устраничь его и грозились прогнать оттуда, противъ его воли. Разъ ночью, покушались они умертвить преподобнаго,—но онъ, знаменіемъ честнаго креста и молитвою, уничтожилъ ихъ покушеніе. Въ

другой разъ, когда преподобный поливалъ огородъ, демоны устремились на него во множествѣ,—но онъ съ дерзновеніемъ сказалъ имъ: «Для чего вы, когда уже вторично умертвилъ васъ Христосъ, дѣлаете зло Его служителямъ? Если дана вамъ отъ Него власть, употребите ее: вотъ, я одинъ среди васъ; а когда никакой власти не дано, удалитесь отъ меня, ибо я до смерти не оставлю этого мѣста.» Тогда демоны, съ громкими криками, удалились отъ святаго. Такъ, по молитвамъ преподобнаго отца Евфимія, воздвигнутъ былъ и храмъ и монастырь: это совершилось въ лѣто отъ сотворенія міра 6371, отъ Христа же 863-е, въ первый годъ царствованія Василія Македонянина, индиктіона 1-го. Нельзя оставить безъ вниманія и тѣлесныхъ трудовъ святаго, какіе предпринималъ онъ при строеніи,—да будутъ и они предметомъ подражанія для людей, удивляющихся его подвигамъ. Ночи проводилъ онъ въ молитвахъ, а дни въ трудахъ, участвуя лично во всѣхъ работахъ. Блаженный уподоблялся мудрому Веселеилу, который, воздвигнувъ скинію Господу, спасъ въ ней множество народа, исшедшаго съ Моусеемъ изъ Египта грѣха и демонской мамы, и достигшаго небесной земли обѣтованія. Сюда къ преподобному собралось множество, движимыхъ ревностію къ добродѣтели, иноковъ. Пустыня сдѣлалась градомъ; люди всякаго возраста, рода и состоянія, отрекаясь сродниковъ, друзей, міра, и предпочитая небесныя блага земнымъ, охотно поручали себя духовному руководству святаго и отеческому его о нихъ попеченію. Такимъ образомъ, вокругъ его—если не совсѣмъ уничтожилось зло, то уменьшилось, и замѣнялось процвѣтаніемъ всякаго добра. Какъ древле народъ израильскій, для устроенія скиніи, давалъ Моусею все,—такъ и теперь христіане приносили къ преподобному и золото, и серебро, и священные сосуды; приводили разнаго рода скотъ, дарили плодоносныя земли, и вообще все, что требовалось къ созиданію обители и пропита-

нію подвижающихся въ ней, чтобы они молились о принесшихъ. Видя, что многіе отрицающіеся міра и приходящіе въ его обитель были новоначальные и неискусные въ подвижничествѣ, и зная различныя коварства хитраго врага, святой, какъ пастыръ добрый, опасался за свою паству, и потому непрестанными и усердными молитвами просилъ Господа о спасеніи ихъ. И Господь, внимающій молитвамъ Своихъ праведныхъ и творящій волю боящихся Его, соблюдалъ его стадо невредимымъ. Впрочемъ, всегда ожидая нападенія отъ врага, святой, тѣмъ не менѣе, утверждалъ ихъ продолжительными поученіями, и говорилъ: «Братіе! врагъ нашъ діаволь, по Писанію, яко левъ рыкая, ходитъ, чтобы, нашедши кого изъ насъ нерадящимъ о спасеніи своемъ, поглотить его: да хранимся же и подвижаемся. Если мы отреклись міра, то отсѣчемъ пожеланія плоти; если мы распяли плоть свою и облеклись въ смерть Господню, то да не увлекаемся удовольствіями плотскими, и да ходимъ духомъ; если, для царствія небеснаго, облеклись мы въ ангельскій образъ, то да жительствуемъ какъ ангелы; если мы дѣйствительно любимъ Господа, то должны хранить Его заповѣди; если мы не хотимъ стяжать славы Его по любви къ небу, то, по крайней мѣрѣ, да убоимся вѣчныхъ мученій. Да работаемъ своими руками, ибо отъ праздности и лѣности мы изнемогаемъ и разслабѣваемъ для творенія добрыхъ дѣлъ,—и тогда бесплодіе и оскудѣніе бываетъ необходимымъ нашимъ удѣломъ: *не смотряи своего дому, насльдитъ вѣтры*, говоритъ премудрый (Притч. 11, 29); а апостоль Павелъ говоритъ: *аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Сол. 3, 10). Храните смиреніе, любовь, послушаніе къ предстоятелю, имѣйте къ нему вѣру и ничего не скрывайте отъ него: исповѣдуйте ему ваши помыслы, и такимъ образомъ очищайте ваше сердце и умъ, ибо это есть путь спасенія.» Преподобный напоминалъ имъ и о киновіи, какъ свѣтло представилъ ее свя-

тый Іоаннъ Лѣствичникъ, и съ такою духовною мудростію училъ ихъ всему полезному. Слущающіе говорили, что божественная благодать вдохнута ему Святымъ Духомъ, какъ вдохнута она была святымъ апостоламъ. Плъненныя богодуховеннымъ его ученіемъ, подчинились ему и мы (то есть, Василій), постригшись отъ него въ Ормилии, въ храмѣ мѣровождедѣннаго великомученика Димитрія, и, по назначенію его, сидѣли немного времени въ отшельническихъ его кельяхъ, ибо весьма любили безмолвіе, хотя послѣ, побѣжденные славолюбіемъ, предпочли многмятежную жизнь городскую. Тогда-то, движимые божественною ревностію и поощряемые желаніемъ святаго пастыря, сожгли мы и еретическую книгу Антонія манихея, прельщеннаго монаха, обитавшаго въ Кранеяхъ.

Здѣсь, изъ многихъ прореченій святаго, я упомяну только о прореченіи его мнѣ, дабы вы узнали, что онъ достигъ высокаго созерцанія, чрезъ которое, получивъ даръ пророчества, предузнавалъ будущее. Когда я былъ постриженъ имъ и пробылъ въ церкви уже три дня,—какъ есть обычай у монаховъ, по постриженіи, оставаться внутри храма до семи дней,—Божій сей человѣкъ, по-истинѣ восшедшій отъ дѣянія къ видѣнію и чрезъ то стяжавшій предвидѣніе будущаго, получивъ вдохновеніе отъ благодати Святаго Духа касательно моей будущности, въ полдень приходитъ въ храмъ и, отведши меня въ сторону, говоритъ: «Василій! хотя я и недостойнъ свѣтосіянія или дара прозорливости, но такъ какъ вы притекли подъ руководство моего достоинства для пользы вашей, то всеблагій Богъ благоволилъ кануть и мнѣ нѣкую каплю благодати, чтобы, провидѣвъ имѣющее случиться съ вами, сказалъ я вамъ полезное ко спасенію. И такъ, знай, что ты, по любви къ наукамъ, скоро удалишься изъ монастыря и будешь архіереемъ: но тогда поминай и меня, какъ отца твоего, и обитель нашу, и братій.» Слѣ-

дуетъ здѣсь сказать и о нѣкоторыхъ чудесахъ преподобнаго, чтобы вы знали, какое имѣлъ онъ дерзновеніе къ Богу. Ходя нѣкогда по пустынному мѣсту, я и другой братъ—Іоаннъ, именуемый безмолвникъ, — были мы въ опасности умереть отъ голода и утомленія: но святой внезапно доставилъ намъ пищу, и мы, укрѣпившись, пошли въ свой путь. Въ другой разъ, я и преподобный были далеко отъ обители,—въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Коронія: тамъ объявилъ онъ мнѣ объ удаленіи изъ обители двухъ братій—Іоанна и Антонія, вслѣдствіе ссоры съ братією. Въ Солунѣ, подвизаясь на столпѣ, изгналъ онъ бѣса изъ нѣкоего человѣка, и средствомъ къ тому употребилъ молитву и помазаніе отъ священнаго елея. Выгналъ онъ также бѣса и въ Перистерѣ, изъ монаха Иларіона, который, однакожъ, начавъ осуждать святаго, снова подпалъ подъ власть демона. Эти два чуда видѣли мы своими очами. Еще одно чудо совершилъ преподобный на Аео-нѣ: однажды ученики его рѣшились взойти на вершину горы; долго удерживалъ ихъ святой отъ этого дѣла, какъ неимѣющаго для нихъ никакой пользы, но они не послушали его, — пошли; во время пути, вдругъ выпалъ снѣгъ, и они подвергались опасности быть застигнутыми смертію: но чадолюбивый отецъ ихъ, провидя духомъ опасность, поспѣшилъ къ нимъ на помощь, и такимъ образомъ непослушныхъ своихъ учениковъ спасъ отъ холода и голода. Много и другихъ чудесъ сотворилъ святой, но мы, для краткости, оставляемъ ихъ.

Пасши стадо свое богоугодно 14 лѣтъ, и оставаясь неизвѣстнымъ для своихъ родственниковъ 42 года, святой наконецъ дозналъ былъ ими,—какъ Іосифъ своими братіями. Призвавъ ихъ къ себѣ, мужей опредѣлилъ онъ въ свою обитель, а женъ—въ женскій монастырь, который тогда создалъ на купленномъ нарочно для того мѣстѣ, и сдѣлалъ начальницею надъ нимъ сестру свою, названную во святой схимѣ Евфимією. Послѣ сего, оба эти монастыря поручивъ главному

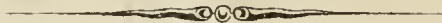
смотрѣнію и попеченію солунскаго митрополита Меѳодія, и такимъ образомъ освободившись отъ всѣхъ заботъ, святой Евфимій опять взошелъ, для безмолвія, на древній свой столпъ. Но, не нашедши тамъ желаемаго безмолвія, по причинѣ множества приходившихъ къ нему, святой снова удалился на высоты Аѳона, гдѣ, однакожь, тоже обезпокоиваемъ былъ приходившими. Предузнавъ наконецъ день своего успенія, и желая, по крайней мѣрѣ, провести его въ покоѣ и наединѣ, преподобый, 7-го мая, въ память перенесенія мощей святаго Евфимія, призвалъ къ себѣ на трапезу бывшихъ съ нимъ братьевъ, и, въ обществѣ ихъ отпраздновавъ этотъ день, простился съ ними; а на другой день, никому ничего не объявляя, взялъ, для служенія себѣ, только нѣкоего Георгія монаха, и удалился съ Аѳона на островъ, такъ называемый Священный. Тамъ нашелъ онъ одну пещеру, поселился въ ней и, подвизаясь до 5-ти мѣсяцевъ, наконецъ, какъ человѣкъ, послѣ краткой и легкой болѣзни, 15 октября¹, почилъ о Господѣ, — и приложился ко всѣмъ святымъ, которыхъ добродѣтелями постоянно украшался. Спустя два мѣсяца послѣ отшествія святаго ко Господу, узнали о томъ иноки обители его Перистеры и, желая имѣть въ немъ своего стража и заступника даже по смерти, послали на островъ тотъ монаха Павла и іеромонаха Власія, чтобы они священныя его мощи перенесли въ обитель. Прибывъ туда, они нашли тѣло святаго въ пещерѣ, гдѣ онъ почилъ, цѣлымъ и безъ всякаго признака тлѣнія, хотя оно лежало тамъ очень долго, и 13-го января перенесли его въ богатый мученическими мощами городъ Солунь², къ ученикамъ его. Находясь здѣсь, святой, священными своими мощами, чудесно исцѣляетъ тѣлесныя наши болѣзни, а святою душою, предстоя престолу

¹ Слѣдовательно, въ нашихъ мѣсяцословахъ память его обозначена вѣрнѣе, чѣмъ въ греческомъ синаксарѣ.

² По этой причинѣ, святой Евфимій и называется Тессалоникскимъ, хотя отечествомъ его было совсѣмъ другое мѣсто. — Іаковъ.

Всевышняго, молитъ Его о душевномъ нашемъ спасеніи и улучшеніи ¹.

Молитвами преподобнаго и богоноснаго отца нашего Евфимія, да избавимся и мы всѣ отъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и да сподобимся царствія небеснаго о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, которому подобаетъ всякая честь и слава, купно со безначальнымъ Его Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

¹ Послѣ сего слѣдуетъ обширное обращеніе признательнаго ученика—архіепископа Василія, къ учителю своему, святому Евфимію, но мы, для краткости, оставляемъ его.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПАВЛА

КСИРОПОТАМСКАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮЛЯ 28-ГО.

Креподобный Павелъ былъ родомъ изъ Константинополя. Отецъ его, императоръ Михаилъ Куропалатъ, прозванный Ранкавей, человекъ миролюбивый и богобоязненный, не перенося ежедневныхъ, происходившихъ при немъ, замѣшательствъ и безпорядковъ, сложилъ съ себя царское достоинство, и поступилъ въ монастырь, выстроенный имъ самимъ и названный Мүрелеонъ, гдѣ и скончался въ иночествѣ. Мать Павла, Прокопія, жизни также весьма благочестивой, была дочь царя Никифора Геника и сестра царя Ставрикія. Нося во чревѣ своемъ этотъ плодъ брачнаго союза, она, въ одну ночь, видѣла сонъ, — будто разрѣшилась отъ бремени на хлѣбной нивѣ, и родила агнца, и будто на этого агнца, когда онъ оправился, вдругъ бросились два льва и хотѣли растерзать его, но онъ сталъ въ оборонительное положеніе. При видѣ опасности непорочнаго агнца, царица кинулась защитить его отъ нападенія львовъ: приближается къ нему, — и видитъ, что это не агнецъ, а дитя мужескаго пола, державшее въ рукахъ своихъ крестъ, силою котораго и низложены были львы. Вслѣдъ за тѣмъ Прокопія проснулась, и ро-

¹ Изъ *νεον ἐκλόγιον*.

дила Прокопія, такъ нареченнаго во святомъ крещеніи. Впослѣдствіи она толковала свой сонъ слѣдующимъ образомъ: агнецъ означалъ кротость и незлобіе отрока; умерщвление двухъ львовъ силою креста было предзнаменованіемъ иночества, въ образѣ котораго Прокопій возьметъ на рамо свое крестъ Христовъ,—орудіе противъ страстей, и побѣдитъ имъ двухъ страшныхъ, непріязненныхъ иноческой жизни львовъ,—именно: міръ, со всею славою его и удовольствіями, и діавола, со всею его силою и полчищами; груда хлѣба означала, что ученіемъ и примѣромъ ангельской своей жизни Прокопій напитаетъ души, алчущія божественнаго утѣшенія, и очистивъ многихъ отъ плевеловъ плотскихъ страстей, содѣлаетъ ихъ достойными небесной житницы.

Рожденіе Прокопія торжествовалъ весь Константинополь, и радовался о немъ. Между тѣмъ, едва только дитя было отнято отъ груди, отецъ его, Михаилъ Куропалатъ, какъ мы сказали, отказался отъ царственнаго вѣнца. Праздный престолъ греческой имперіи, вмѣсто него, былъ занятъ Львомъ Армяниномъ. Хотя Левъ и принялъ бразды правленія съ совершеннымъ полномочіемъ самодержавія, однако, зная, что Прокопій имѣетъ полное право царственнаго наслѣдія и впослѣдствіи можетъ воспользоваться имъ, рѣшился оскотить этого опаснаго совмѣстника державной своей славы и величія. Впрочемъ, и при такомъ варварскомъ поступкѣ со стороны императора, Прокопію дано было блестящее воспитаніе и образованіе. При необыкновенныхъ природныхъ дарованіяхъ, соединенныхъ съ прилежаніемъ и трудами, онъ достигъ до такой степени образованія, что всѣ мудрецы того вѣка уступали ему право на славу и удивленіе современнаго свѣта. Памятниками высокаго его образованія остались для насъ—слово на введеніе Пресвятыя Богородицы, канонъ сорока мученикамъ и канонъ (писанный ямбическими стихами) честному кресту. Императоръ Романъ старшій, въ

царской своей грамотѣ (хрисовулѣ), данной впоследствии Павлу на устройство обители на святой горѣ Аѳонской, называетъ его величайшимъ изъ философовъ.

При высокомъ образованіи и при такомъ блестящемъ положеніи въ свѣтѣ, Прокопій, однакожъ, вполне постигъ суету міра и понялъ во всей силѣ изреченіе Макарія: «душа, неосвободившаяся отъ мірскихъ попеченій, и Бога не возлюбила истинно, и діавола не отверглась должнымъ образомъ», — понялъ это, и рѣшился, отказавшись отъ всего, удалиться въ пустыню. Особеннымъ побужденіемъ къ этому послужило то обстоятельство, что имя Прокопія было на устахъ всѣхъ: одинъ хвалилъ его любовь и привѣтливость, другой — смиреніе, тотъ — мудрость, воздержаніе и цѣломудріе, а иной — милосердіе, презрѣніе мірской славы и проч.; — однимъ словомъ, кромѣ похвалъ, Прокопій въ свѣтѣ ничего не слышалъ: дань, съ одной стороны, конечно, справедливая, но съ другой — опасная. Чтобъ, ради славы человѣческой, не подавить въ себѣ чувства смиренія и не увлечься превозношеніемъ и гордостію, онъ перемѣнилъ одежду на разодранную и старую, принялъ видъ нищаго и, вышедши изъ Константинополя, какъ птица отъ сѣти, понесся изъ міра на Аѳонскую гору. Тамъ, прежде всего, обозрѣлъ онъ обители, всмотрѣлся въ образъ подвижнической жизни и, чувствуя невыразимое спокойствіе духа въ кругу спасающихся иноковъ, поступилъ въ такъ называемую обитель Ксиропотамъ, которая основана была царицею Пульхеріею и незадолго предъ тѣмъ опустошена набѣгами пиратовъ, въ неистовствѣ своемъ расхитившихъ монастыри, а иноковъ предавшихъ мечу и разнаго рода насильственной смерти. Живописное мѣстоположеніе, невозмутимая тишина пустыни и безмолвіе восхитили Прокопія: онъ сначала построилъ себѣ, на развалинахъ обители, небольшую келью, и поселился въ ней для молитвенныхъ подвиговъ. Въ то время, тамъ же, въ сосѣдствѣ, жилъ благочестивый

пустынный Косма, съ которымъ Прокопій скоро сблизился, и принялъ отъ него ангельскій образъ, подъ именемъ Павла. Съ принятіемъ постриженія, Павелъ къ прежнимъ постнымъ и молитвеннымъ трудамъ приложилъ новые, — такъ что постелью для него была земля, а возглавіемъ — камень. Слѣдствіемъ такихъ лишеній и крестнаго самоотверженія были для него слезы и плоды Святаго Духа, которые перечисляетъ апостоль Павелъ, — т. е. духовная любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость и воздержаніе (Гал. 5, 22, 23). Слава о высокой его жизни пронеслась по всей святой горѣ, и была для многихъ побужденіемъ и назидательнымъ образцомъ подражанія. Хотя Павелъ, въ чувствѣ смиренномудрія, и старался, съ своей стороны, представлять себя въ виду всѣхъ неученымъ и простымъ, но, по выраженію Евангелія, какъ градъ, стоя верху горы, не можетъ укрыться (Матѣ. 5, 14), такъ и онъ не въ силахъ былъ утаить себя; слава о немъ скоро дошла и до Прота. Разъ, когда онъ былъ на Кареѣ, Протъ узналъ о немъ, призвалъ его къ себѣ и спрашивалъ, кто онъ и откуда; — Павелъ отвѣчалъ на это: «я нищій инокъ, какъ ты самъ видишь, святой отецъ, — уединяюсь въ развалинахъ ксиропотамскаго монастыря.» Тронутый смиреніемъ Павла, Протъ оставилъ его въ покоѣ, а иноки съ той поры начали называть его Павломъ ксиропотамскимъ, да и самая обитель Пульхеріи впоследствии усвоила и сохранила донынѣ названіе Ксиропотама, что значитъ, въ русскомъ переводѣ, «сухой потокъ».

Между тѣмъ, Господь восхотѣлъ возстановить изъ развалинъ ту обитель, гдѣ подвизался смиренный Его рабъ, и представить самому ему славу и честь ея возобновленія, слѣдующимъ образомъ. Императоръ Романъ, по чувству родственной любви къ Павлу, какъ скоро вступилъ на престолъ, тотчасъ сдѣлалъ повсемѣстное о немъ розысканіе. Посланные для этой цѣли нашли преподобнаго на святой горѣ, и едва

упросили его, и то чрезъ Прота, идти въ Константинополь, для свиданія съ державнымъ сродникомъ и со всѣми близкими его сердцу въ родственныхъ отношеніяхъ. Встрѣча преподобнаго въ Константинополѣ была достойна подвижнической его славы и царственнаго происхожденія: весь городъ принялъ его какъ ангела, — торжественно и съ необычайною радостію. Не смотря на то, что смиренный Павелъ, не измѣняя долгу иноческому, явился, среди придворнаго блеска и великолѣпія, какъ нищій, — въ разодранной ряскѣ и съ крестомъ, вельможи, съ почтительнымъ видомъ и раболѣпнымъ уваженіемъ, припадали къ нему и желали принять его благословеніе. Такъ изумительна сила добродѣтели, не смотря на внѣшнее ея смиреніе и простоту! Между тѣмъ какъ царствующій градъ ликовалъ такимъ образомъ и радовался о святомъ Павлѣ, самъ императоръ Романъ находился въ тяжелой болѣзни: Павелъ, видя это, и тронувшись страдальческимъ его положеніемъ, только что возложилъ на него свои руки, больной выздоровѣлъ. Это чудо еще болѣе прославило преподобнаго. Признательный царь, въ продолженіе пребыванія его въ Константинополѣ, оказывалъ ему постоянное благоволеніе и родственную пріязнь, давая ему полную свободу вести себя при дворѣ согласно аскетическимъ правиламъ и обѣтамъ отшельнической жизни. А чтобъ всегда пользоваться сладкими его бесѣдами, императоръ поручилъ ему воспитаніе и образованіе въ правилахъ христіанской нравственности собственныхъ своихъ дѣтей. Такимъ образомъ время текло. Романъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ доволенъ Павломъ. Но Павелъ, съ своей стороны, начиналъ грустить по оставленной имъ пустынѣ, тѣмъ болѣе, что всюду видѣлъ мятежъ и смуты, и не находилъ ни удовольствія, ни утѣшеній во всѣхъ видахъ царственнаго великолѣпія и придворныхъ торжествъ. Наконецъ, не въ силахъ будучи выносить томительное свое положеніе, онъ рѣшился просить у импе-

ратора увольненія на святую гору Аѳонскую. Кратко, но трогательно выразилъ предъ нимъ Павелъ душевныя свои чувства: «Государь!» говорилъ онъ, «какъ рыба безъ воды, такъ и инокъ безъ условій келейной жизни и пустыннаго безмолвія жить не можетъ;—онъ мертвъ для Бога и безжизненъ для того, чтобъ въ точности исполнять свой долгъ и обязательства въ отношеніи къ Богу. Міръ не иноческая стихія! Поэтому позволь мнѣ удалиться въ мою пустыню, гдѣ бесѣда съ Богомъ составляетъ верховное благо моей души.» Грустно было императору разстаться съ божественнымъ Павломъ, къ которому питалъ онъ самое глубокое уваженіе и родственную любовь; но Романъ не рѣшился удерживать его при себѣ, противъ собственной его воли и желанія. Онъ сказалъ только: «Не хотѣлось бы мнѣ, святой отецъ, разлучаться съ тобою, доколѣ я живъ, потому что ты много доставилъ мнѣ утѣшенія и былъ руководителемъ въ путяхъ спасенія; но насильно удерживать тебя не смѣю. Прошу только объ одномъ: возьми сколько угодно моихъ сокровищъ, и расточи ихъ по бѣднымъ, въ поминовеніе души моей.»—«Государь!» отвѣчалъ на это Павелъ: «не нуждаюсь я въ твоихъ сокровищахъ и не могу раздавать ихъ: есть множество нищихъ и здѣсь,—призирай ихъ самъ. Впрочемъ, если желаешь оставить вѣчную по себѣ память, благословеніе и молитвенную помощь душѣ твоей за гробомъ,—возобнови на святой горѣ монастырь, основанный царицею Пульхеріею и нынѣ пиратами превращенный въ развалины. Предложеніе преподобнаго было принято съ удовольствіемъ и радостію. Императоръ изъ собственныхъ сокровищъ отпустилъ суммы на возобновленіе монастыря, поручилъ это дѣло своимъ повѣреннымъ, и Ксиропотамъ съ тѣхъ поръ—въ достойной царственнаго ктисторства красотѣ и великолѣпіи. Не довольствуясь этимъ, Романъ, для освященія храма въ новой обители, назначилъ сына своего Теофила, занимавшаго тогда кафедру константинополь-

ской церкви. И этого мало: въ изъявленіе особеннаго своего благоволенія и внимательности къ святому Павлу, царь, при отбытіи его изъ Константинополя, ввелъ его въ свою сокровищницу и предложилъ ему, въ напутствіе, безцѣнный и божественный даръ — значительнаго размѣра часть животворящаго древа Креста Господня. Самъ императоръ, въ своей грамотѣ, данной на имя святаго Павла, говоритъ объ этомъ такъ: «Съ нѣкоторыми изъ вельможъ моихъ, вошедши въ царскую мою сокровищницу, я, между частицами древа животворящаго Креста, нашелъ болѣе другихъ значительную, достойную удивленія, — особенно тѣмъ, что на ней и донынѣ видѣнъ незабвенный памятникъ Владычней страсти — дыра, гдѣ была пригвождена божественная плоть Господа моего, въ очищеніе грѣховъ нашихъ, и гдѣ струилась пресвятая Его кровь. Длина и поперечникъ этой частицы въ локоть слишкомъ, а ширина — въ мѣру двухъ сложенныхъ перстовъ, толщины же — въ одинъ перстъ; вѣсу въ ней сто драхмъ. Это святое сокровище, это страшное знаменіе небеснаго Царя, долженствующее явиться на небѣ предъ пришествіемъ Сына человеческого на судъ живыхъ и мертвыхъ, это божественное орудіе спасенія нашего я съ любовью пожертвовалъ преподобнѣйшему Павлу ксиропотамскому, въ неотъемлемую собственность обители, на мое царское иждивеніе возобновляющейся, — пожертвовалъ до того времени, когда придетъ Господь. Требую, чтобы этотъ даръ отпущенъ былъ съ церковными и военными почестями; а положить его пусть во святомъ алтарѣ, въ освященіе и утвержденіе царской нашей обители.»

Получивъ честное древо, блаженный Павелъ благополучно прибылъ на святую гору и, по возобновленіи обители и освященіи соборнаго храма, честное древо, согласно царскому повелѣнію, положилъ въ алтарь, на святомъ престолѣ. А такъ какъ слава святаго пронеслась всюду, предпочтительно же по святой горѣ, то скоро собралось къ нему множество

монаховъ, чтобы, подъ мудрымъ и опытнымъ руководствомъ его, проходить крестный путь жизни, достойно иноческаго ихъ назначенія. Избѣгая, однакожь, молвы и многолюдства, преподобный Павелъ уклонился отъ всѣхъ и, поручивъ правленіе обителю одному изъ благочестивыхъ братій, удалился въ подгоріе Аѳона, гдѣ и посвятилъ себя совершенному безмолвію и строгому уединенію. Но искренно преданные Павлу, питая чувство дѣтской привязанности къ нему и нуждаясь въ личномъ его руководствѣ на жизненной стези, и тамъ нашли его, и поселились съ нимъ вмѣстѣ. Поэтому и здѣсь пустыня святаго Павла, въ короткое время, приняла видъ иноческой обители, ибо число собравшихся къ нему учениковъ простиралось до 60-ти человѣкъ. Такое общество, по необходимости, требовало положительныхъ правилъ и условій пустынной жизни; а съ тѣмъ вмѣстѣ и внѣшнее положеніе ихъ, открытое съ моря, было небезопасно — тѣмъ болѣе, что въ то время нерѣдко случались нападенія, хищничества и разбой отъ сарацинъ. Въ крайности подобнаго рода, преподобный Павелъ снова обратился къ константинопольскому двору, съ испрошеніемъ милостыннаго пособія на основаніе новой обители, въ чемъ ему и не было отказано. Эта обитель была посвящена святому великомученику и побѣдоносцу Георгію и, отъ имени своего основателя, донынѣ носитъ названіе Святопавловской. Первымъ ея настоятелемъ былъ самъ преподобный Павелъ, — впрочемъ, ненадолго: потому что, вскорѣ по основаніи ея, наступилъ день и часъ блаженной его кончины, которая заблаговременно была открыта ему отъ Бога. За два дня до кончины, созвалъ онъ братство ксиронотамской и новой своей обители, и, когда братіи окружили болѣзненный одръ его, преподобный Павелъ отверзъ старческія свои уста и, прощальнымъ голосомъ, произнесъ: «Дѣти! еще два дня,—и меня не будетъ между вами. Вы знаете и видѣли, какъ я жилъ въ этомъ святомъ мѣстѣ;

какъ, отъ юности своей, хранилъ заповѣди отцовъ моихъ: умоляю и васъ твердо хранить ихъ, возлюбленные! Въ юности моей, когда усиливалась ересь иконоборства, я такъ ратовалъ противу нея, защищая православіе, что, изъ любви ко Христу, готовъ былъ пролить кровь мою до послѣдней капли. Обличеніе и уничтоженіе этой богоненавистой ереси, на основаніи преданій и свидѣтельствъ святыхъ отцевъ, которыя я излагалъ и письменно и устно, стоили мнѣ многихъ палочныхъ побоевъ. Говорю объ этомъ не по тщеславію, а для того, чтобъ и вы переносили великодушно всякое искушеніе и скорбь, въ чаяніи за то райскихъ вѣнцовъ отъ Бога.» Горькій плачъ и слезы братства заглушали предсмертныя слова божественнаго Павла.—«Отче», говорили ему братіи: «не оставляй насъ въ сиротствѣ, и не лишай духовныхъ твоихъ наставленій; — видя дивныя твои подвиги, мы полагали, что ты никогда не долженъ умереть, а между тѣмъ ты отходишь отъ насъ, — утѣшеніе наше, отецъ нашъ и наставникъ!» Тронутый слезами и плачемъ братіи, заплакалъ и самъ умирающій и, сквозь слезы, продолжалъ: «Перестаньте, братіе, плакать!—не смущайте своимъ плачемъ моего сердца. Что дѣлать!—настало время, котораго постоянно желала душа моя и страшилась плоть моя.» При этихъ словахъ, онъ всталъ, надѣлъ на себя мантию и, довольно помолвившись, пріобщился пречистыхъ Таинъ. Вдругъ на лицѣ его заигралъ божественный свѣтъ, такъ что окружавшая его братія, бывъ поражена такою славою лица его, преклонилась ницъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сѣлъ и, проговоривъ всегдашнюю свою молитву: «упованіе мое Отецъ, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святой, —Троице Святая, слава Тебѣ!» — обратился къ братіи и сказалъ: «болѣе всего, чада мои и братіи, любите другъ друга, молитесь, смиряйтесь и имѣйте божественное послушаніе: монахъ, чуждый этихъ сердечныхъ качествъ и свойствъ ангельскаго образа, недо-

стоинъ называться монахомъ,—онъ не лучше мірянина.» Потомъ присовокупилъ: «горе монаху, если онъ увлекается обращеніемъ и дружествомъ съ отроками!—трудно такому убраться сътей демонскихъ и знаменаться свѣтомъ лица Божія.» На вопросъ же одного брата: «какъ пріобрѣсть слезы умиленія?»—святой сказалъ: «имѣй всегда въ умѣ твоемъ страшный судъ и грѣхи твои,—тогда не-хотя потекутъ у тебя слезы.» Наконецъ, преподобный склонился на смертный одръ и, скрестивши на груди рѣки, возвелъ молитвенныя очи на небо, вздохнулъ—и душа его тихо и мирно отошла къ Богу. Это было Іюля 28-го дня.

Согласно волѣ и завѣщанію преподобнаго, братіи не похоронили смертныхъ его останковъ на святой горѣ, а думали отдать ему послѣдній долгъ на полуостровѣ Лонгосъ (противолежащемъ святой горѣ). Но Богъ устроилъ иначе. Отправившись на корабль со святой горы вечеромъ, и проѣхавъ ночью возлѣ полуострова Лонгосъ, поутру, сверхъ всякаго чаянія, очутились они въ виду Константинополя. Вѣсть о прибытіи аѳонскихъ монаховъ съ смертными останками преподобнаго Павла быстро разнеслась по Константинополю, и наконецъ проникла въ чертоги царскіе. Обрадованный такимъ неожиданнымъ событіемъ, императоръ и дворъ его торжественно вышли навстрѣчу преподобному Павлу, въ соупствіи патріарха и всего клира. Стеченіе народа было чрезвычайное. При блескѣ безчисленныхъ свѣчей, съ кадильнымъ ѳиміамомъ, мощи были положены въ великой церкви ¹, во славу Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. Да воздастся Ему и отъ насъ честь, слава и благодареніе во вѣки. Аминь.

---

¹ Нѣкоторые говорятъ, что святые мощи его были погребены въ обители Перивлентосъ, что нынѣ армянскій *сулу*—монастырь (смотри «Письма съ Востока», часть 1, стр. 300).

ВѢКЪ X.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

АВНАСІЯ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮЛЯ 5-ГО ².

В того небеснаго человѣка, земнаго ангела, безсмертныхъ похвалъ достойнаго мужа, въ смертную жизнь ввелъ великій городъ Трапезундъ, въ наукахъ возрастилъ Константинополь, а представили въ немъ жертву Богу Киминъ и Авонъ. Родители его славились благородствомъ и богатствомъ, и всѣмъ извѣстны были своею знатностію и благочестіемъ. Отецъ его происходилъ изъ великой Антіохіи, а мать—изъ Колхиды; въ Трапезундѣ же они имѣли только жительство. Отецъ его умеръ еще до рожденія святаго, а мать, родивъ его и освятивъ крещеніемъ, едва успѣла воздоить его своимъ

¹ Изъ Καλοχαρίη.

² По греческому синаксарю;—тогда же память и 6-ти, пострадавшихъ съ нимъ, учениковъ его.

молокомъ, какъ перешла, вслѣдъ за мужемъ, изъ временной жизни въ вѣчную. Этому, еще въ пеленахъ осиротѣвшему, младенцу дано было, при святой купели, имя Авраамій. Впрочемъ, лишившись земныхъ своихъ родителей, онъ не остался безъ попеченія и промысла о себѣ небеснаго Отца сиротъ. Господь, вседѣтельнымъ Своимъ маниемъ, возбудилъ къ милосердію сердце одной монахини,—благородной и богатой дѣвы, знакомой и подруги Аврааміевой матери: она взяла его къ себѣ и стала заботиться о немъ, какъ о своемъ дитяти. Авраамій съ самаго своего малолѣтства показывалъ уже, каковъ онъ будетъ современемъ. Скромность во всемъ его поведеніи, благочиніе, понятливость, старческая разумность, великое воздержаніе—были отличительными чертами дѣтскаго его возраста. Когда онъ игралъ съ другими дѣтьми, эти, своими играми, пророчествовали ему будущее: собираясь въ пещеру, они избирали его не царемъ, или воеводою, а игуменомъ, и подчинялись ему,—что впоследствии и исполнилось,—и многія изъ тѣхъ дѣтей, съ возрастомъ, сами сдѣлались иноками. Видя что монахиня, его воспитательница, постоянно упражняется въ молитвахъ и пребываетъ въ частыхъ постахъ, Авраамій удивлялся ей, и спрашивалъ ее о причинѣ такого ея поведенія. Она, замѣтивъ въ немъ удобопріемлемость для благихъ назиданій, усердно и всячески старалась на этой благой и плодоносной почвѣ посѣвать возможно болѣе сѣмянъ благочестія. И ненапрасно было святое ея стараніе. Авраамій съ душевною радостію внималъ наставленіямъ своей воспитательницы, и съ того времени, оставляя дѣтскія игры, сталъ вкоренять въ сердцѣ своемъ страхъ Божій, который есть начало премудрости, а со страхомъ—и любовь къ Богу, и, по степени развитія дѣтскихъ своихъ силъ, укрѣпляемый благодатію Святаго Духа, началъ упражняться въ подвигахъ добродѣтели. Воспитательница Авраамія, питая сердце его благочестивыми назиданіями, не пренебрегала и образовані-

емъ его ума. Отрокъ отданъ былъ ею въ наученіе книжное. Обладая счастливыми отъ природы умственными способностями, онъ понималъ уроки столь легко, что былъ дивомъ и для учителя и для своихъ товарищей.

Но, когда минуло Авраамію семь лѣтъ его возраста, онъ снова осиротѣлъ: духовная мать его, монахиня, изъ сей юдоли нашего пришествія переселилась въ небесную отчизну. Послѣ сего, онъ возымѣлъ сильное желаніе отправиться въ Византію, чтобъ посвятить себя тамъ высшимъ наукамъ. Господь, пекущійся о сиротахъ и видящій направленіе нашихъ желаній, призрѣлъ на чистоту сердечнаго его стремленія, и потому премудро устроилъ дѣло по желанію его сердца. По устроенію Божію, съ Аврааміемъ познакомился одинъ евнухъ тогдашняго царя Греціи Романа старшаго, бывшій въ то время въ Трапезундѣ таможеннымъ чиновникомъ. Видя цѣломудріе и умъ отрока, онъ полюбилъ его, взялъ съ собою въ столицу, и отдалъ тамъ въ наученіе одному славному наставнику, именемъ Аѳанасію. Учась у Аѳанасія, юный Авраамій, при счастливыхъ умственныхъ способностяхъ, быстро шелъ впередъ въ своемъ образованіи, и въ короткое время обладалъ уже многими свѣденіями по всѣмъ частямъ преподаваемыхъ ему наукъ. Но, при своемъ стараніи объ образованіи ума, Авраамій не оставлялъ въ небреженіи и образованія нравственнаго. Сколько питалъ онъ свой умъ уроками философіи, столько же умерщвлялъ плоть свою строгою жизнію и воздержаніемъ,—и вскорѣ сдѣлался почти тѣмъ же, что былъ и Аѳанасій.

Въ то время въ Византіи былъ одинъ военачальникъ, по имени Зефиназеръ. Онъ женилъ своего сына на одной сродницѣ Авраамія, которая посовѣтовала своему мужу взять юношу въ домъ свой. Сынъ вельможи тотчасъ согласился на предложеніе юной своей супруги. Но Авраамій не вдругъ рѣшился исполнить волю своей сродницы. Только послѣ многократно

повторенной просьбы юныхъ супруговъ, явился онъ въ ихъ домъ; да и явившись, не хотѣлъ пользоваться однимъ съ ними столомъ, ибо желалъ скрыть воздержную свою жизнь, которой научился почти съ пеленокъ. Поэтому въ услуженіе ему дали двухъ человѣкъ, которые отъ господъ и доставляли все для него нужное. Но блаженный Авраамій, не желая баловать свой вкусъ роскошными вельможескими блюдами, уговаривалъ прислужниковъ, чтобъ они тѣ снѣди продавали, и покупали для него только ячменный хлѣбъ; да и ячменный хлѣбъ вкушалъ онъ чрезъ два дня, съ сырыми зеліями, питіемъ же его была одна вода; рѣдко когда, къ малому утѣшенію своей природы, вкушалъ онъ нѣкоторые изъ плодовъ. Чтобы умерщвлять такимъ образомъ плоть свою, онъ никогда не насыщалъ чрева, и считалъ истиннымъ питаніемъ воздержаніе, находя невыразимое наслажденіе въ частыхъ и долгихъ постахъ. Не болѣе этого былъ онъ снисходителенъ къ себѣ и въ отношеніи сна, считая истинною для себя жизнь бодрствованіе. Для борьбы съ сномъ, онъ наполнялъ тазъ водою, полагалъ въ нее снѣгу (если онъ былъ), и когда одолевала его дремота, мылъ свое лицо этою холодною водою. Малый же сонъ, допускаемый по необходимому требованію природы, принималъ онъ, успокоиваясь не на одрѣ, а сидя на стулѣ. Будучи такимъ немилосерднымъ врагомъ своей плоти, Авраамій, напротивъ, къ нищимъ своимъ братіямъ былъ необыкновенно милостивъ и сострадателенъ, такъ что все получаемое отъ сродниковъ и друзей передавалъ въ руки нищихъ и бѣдныхъ; если же не имѣлъ ничего, что могъ бы дать имъ, то снималъ съ себя нижнее платье, и отдавалъ оное въ милостыню, а самъ оставался въ одномъ верхнемъ одѣяніи, лишь бы только прикрыть свое тѣло. Слуги, видя это, докладывали своей госпожѣ, и она присылала ему новую одежду: но и съ этою поступалъ онъ такъ же, считая наготу своего тѣла царскимъ одѣяніемъ, а холодъ—пріятною теплотою. Такъ, дер-

жавно подчиняя плоть и душу свою урокамъ мудрости, и свѣтло просвѣщаясь ими, онъ, еще прежде облеченія въ иноческій образъ, оказывался уже истиннымъ инокомъ, и прежде пастьерскаго совершенства—совершеннымъ пастьеремъ. За такую дивную свою жизнь, за сладость и утѣшеніе въ бесѣдахъ, за богатство мудрости онъ пользовался любовію и уваженіемъ всѣхъ. Поэтому самые товарищи Аврааміевы, питая неподдѣльное къ нему расположеніе, желали видѣть и имѣть его своимъ наставникомъ, и просили о томъ царя. Царь, узнавъ и самъ высокую жизнь Авраамія и глубокую его мудрость, съ удовольствіемъ согласился исполнить ихъ просьбу, и сдѣлалъ его, по должности наставнической, равнымъ учителю его Аѳанасію. Но недолго сидѣлъ Авраамій на каѳедрѣ наставнической. Такъ какъ ученіе его стало славиться больше, чѣмъ ученіе Аѳанасія, его наставника, отчего къ нему собиралось больше учениковъ, чѣмъ къ послѣднему, то Аѳанасій, по слабости человѣческой, сталъ завидовать бывшему своему ученику Авраамію, и даже ненавидѣть его. Узнавъ объ этомъ и не желая служить камнемъ претыканія своему наставнику, Авраамій оставилъ должность учителя, и проводилъ, въ домѣ воеводы, жизнь частную, упражняясь въ обычныхъ подвигахъ добродѣтели. Скоро воевода, по повелѣнію царя, долженъ былъ, въ видахъ нѣкоторыхъ государственныхъ нуждъ, отправиться на острова Эгейскаго моря. Питая великое расположеніе къ Авраамію, онъ взялъ и его съ собою. Когда они, посѣтивъ Авиду, были на островѣ Лемносѣ, Авраамій увидѣлъ оттуда Аѳонскую гору,—возлюбилъ ее, и положилъ въ своей мысли намѣреніе вселиться въ ней. По совершеніи царскаго порученія, возвратились они въ столицу.

Наставничество въ своей столицѣ устроилъ Авраамію царь земной, самодержецъ; а Богъ Вседержитель иное промышлялъ объ ученикѣ Своемъ.

Въ тѣ дни, по устроенію Божію, прибылъ въ Византію

святѣйшій Михаилъ Малейнъ, славный игумень монастыря киминскаго, что подлѣ горы Аѳонской. Слыша о добродѣтеляхъ его (ибо онъ былъ славенъ и всѣмъ извѣстенъ), Авраамій явился къ нему и, рассказавъ ему подробно всю свою жизнь, открылся и въ томъ, что имѣеть давнее, сильное и постоянное желаніе сдѣлаться инокомъ. Божественный старецъ тотчасъ провидѣлъ, что онъ имѣеть быть избраннымъ сосудомъ Святаго Духа. Во время духовной ихъ бесѣды, строеніемъ Божиимъ, пришелъ посѣтить святаго старца племянникъ его, славный Никифоръ, который былъ тогда военачальникомъ всего Востока, а потомъ сдѣлался самодержцемъ Греціи. Никифоръ имѣлъ взглядъ весьма проницательный: посмотрѣвъ на Авраамія и его сложеніе, нравъ и поведеніе, онъ тотчасъ понялъ его, какъ челоуѣка дивнаго. Когда Авраамій вышелъ отъ старца, Никифоръ спросилъ своего дядю, кто это такой и зачѣмъ онъ;—преподобный рассказалъ ему все, и съ того времени этотъ военачальникъ помнилъ его до гроба. Лишь только преподобный Малейнъ возвратился въ Киминъ, тотчасъ явился къ нему и Авраамій, сгаравшій желаніемъ скорѣе сдѣлаться инокомъ. Припавъ къ ногамъ преподобнаго, онъ усердно и смиренно просилъ у него святой иноческой одежды. Старецъ, зная его прошедшее и провидя будущее, не медлилъ исполнить его просьбу, и тотчасъ же, безъ обыкновеннаго искуса, удостоилъ его ангельскаго образа, переименовавъ изъ Авраамія Аѳанасіемъ; даже облекъ его во власяницу, чего у нихъ тамъ въ обыкновеніи не было, и такимъ образомъ вооружилъ его какбы броней противъ всѣхъ враговъ нашего спасенія. Сдѣлавшись Аѳанасіемъ, Авраамій, по ревности своей къ подвижнической жизни, хотѣлъ вкушать пищу только разъ въ седмицу, но старецъ, чтобы отсѣчь волю его, велѣлъ ему принимать пищу однажды въ три дня и спать на рогожѣ, а не на стулѣ, какъ спалъ онъ прежде. Зная истинную цѣну послушанія,

Аѳанасій безпрекословно исполнялъ все ему повелѣваемое, — не только игуменомъ, но и другими начальственными въ обители лицами. Въ остающееся же отъ монастырскихъ послушаній время, онъ, по волѣ старца, занимался каллиграфіей. Такимъ образомъ, вся киминская братія называла его сыномъ послушанія, любила его и дивилась ему.

Въ четыре года, этотъ новый достохвальный подвижникъ, частыми своими постами, бдѣніями, колѣнопреклоненіями, всенощными стояніями и другими дневными и ночными трудами и потомъ, возшелъ на верхъ подвижнической жизни. Посему святой старецъ, сознавая его приготовленнымъ и способнымъ для божественныхъ созерцаній, позволилъ ему вступить на поприще безмолвія, и для того назначилъ ему одно уединенное мѣсто, за милю отъ лавры. Въ этомъ безмолвіи, старецъ заповѣдалъ ему вкушать хлѣба, и то сухаго, не въ три, а въ два дня, и немного воды, а во время четырехдѣсятницы принимать пищу чрезъ пять дней, спать — на сѣдалищѣ, какъ прежде, а во всѣ воскресные дни и господскіе праздники бдѣть въ молитвахъ и славословіяхъ отъ вечера до третьяго часа дня. Блаженный сынъ послушанія свято исполнялъ волю духовнаго своего отца.

Упомянутый воевода Востока, Никифоръ, однажды явился въ Киминъ посѣтить своего дядю, что дѣлалъ онъ часто. Бесѣдуя съ нимъ, вельможа спросилъ его о юношѣ Аврааміѣ, котораго видѣлъ онъ у него въ Царьградѣ. Преподобный сказалъ ему, что этотъ юноша изъ Авраамія переименованъ уже Аѳанасіемъ, и рассказалъ подробно о дивныхъ его подвигахъ. Въ это время случился тамъ и братъ Никифора, Левъ Патрикій, domestikъ Запада. Вельможи захотѣли непременно видѣть Аѳанасія. Удовлетворяя желанію своихъ племянниковъ, преподобный согласился показать имъ дивное свое сокровище, — чуднаго Аѳанасія, и они всѣ трое отправились къ нему въ безмолвіе. Слушая мудрыя и пріятныя

бесѣды его, вельможи столько утѣшались, столько радовались въ душѣ своей, и такую привязались къ нему любовію, что едва разстались съ нимъ. Эта любовь и впоследствии была источникомъ искренняго ихъ расположенія, почтенія и даже благоговѣнія. По возвращеніи въ обитель, Никифоръ и Левъ, вполне растроганные свиданіемъ съ Аѳанасіемъ и пораженные мудростію духовныхъ его бесѣдъ, говорили своему дядѣ: «ты обогатился по-истинѣ великимъ сокровищемъ; очень благодаримъ тебя, что показалъ намъ его.» А старецъ, видя такое расположеніе своихъ племянниковъ къ Аѳанасію, призвалъ его, и ввѣривъ ему души и тѣла ихъ, заповѣдалъ имъ впередъ обращаться къ нему, какъ къ духовному своему отцу, и во всемъ повиноваться ему. Племянники отъ всей души благодарили своего дядю за такое устроеніе духовнаго ихъ отношенія и за попеченіе о нихъ. Послѣ сего вельможи снова имѣли бесѣду съ Аѳанасіемъ, и не переставали дивиться его мудрости. Да и самъ старецъ удивлялся благодати, исходившей изъ устъ духовнаго своего сына. Между тѣмъ, Никифоръ объявилъ Аѳанасію наединѣ богоугодное свое намѣреніе непременно сдѣлаться инокомъ. «Имѣй надежду на Бога», сказалъ ему на то Аѳанасій, «и Онъ устроитъ, что тебѣ полезно. Послѣ этого, Никифоръ и Левъ, съ молитвою, съ миромъ и великою для своихъ душъ пользою, удалились изъ Кимина. Съ того времени питали они къ Аѳанасію большее благоговѣніе и почтеніе, чѣмъ къ своему дядѣ. Послѣ сего не только они, но и всѣ другіе изъ синклита и знатныхъ вельможъ, приходившіе къ преподобному Михаилу для молитвы и благословенія, посылаемы были имъ для этой цѣли къ Аѳанасію. Но, любя смиренномудріе и ненавидя славу человѣческую, Аѳанасій рѣшился удалиться изъ Кимина,—особенно, когда услышалъ, что святой старецъ Михаилъ хочетъ сдѣлать его вмѣсто себя игуменомъ. Разъ, говоря объ Аѳанасіѣ съ однимъ своимъ знакомымъ, преподоб-

ный дѣйствительно сказалъ: «вотъ мой преемникъ!» Но свя-
тый Михаилъ имѣлъ здѣсь въ виду не преемничество въ
игуменствѣ своемъ: зная отъ Духа Святаго, что Аѳанасій
много успѣетъ въ добродѣтели, взойдетъ на высоту созер-
цаній и будетъ жилищемъ благодати Божіей, онъ пророче-
ствовалъ, что духовный его сынъ сподобится подобныхъ ему
дарованій, будетъ и пастыремъ многихъ словесныхъ овецъ,
только въ другомъ мѣстѣ, и люди будутъ благоговѣть къ нему.

Съ теченіемъ времени божественный Михаилъ больше и
больше старѣлъ и дряхлѣлъ, а потому часто и болѣлъ. На-
чальнѣйшіе въ обители иноки, надѣясь, что, по смерти его,
будетъ начальствовать въ ней Аѳанасій, часто посѣщали его
въ келіи и, выхваляя его, оказывали ему разныя ласки и
услуги, чего прежде не дѣлали. Удивляясь такому ихъ пове-
денію, Аѳанасій сначала не постигалъ причины измѣнивша-
гося ихъ обращенія: но вскорѣ потомъ узналъ отъ одного
монаха, что преподобный Михаилъ наименовалъ его себѣ
преемникомъ. Получивъ такое извѣстіе, Аѳанасій хотя и
жалѣлъ о разлукѣ съ возлюбленнымъ своимъ отцомъ, но, из-
бѣгая начальствованія и соединенныхъ съ нимъ заботъ, а
болѣе всего—считая себя недостойнымъ этого сана, оставилъ
Киминъ, и не взялъ съ собою ничего, кромѣ двухъ книгъ, имъ
же самимъ написанныхъ,—четвероевангелія съ дѣяніями свя-
тыхъ апостолъ и священнаго кукуля преподобнаго отца сво-
его, который онъ всегда имѣлъ, какъ священное нѣкое сокро-
вище. Оставивъ Киминъ, онъ удалился на Аѳонъ, который,
какъ мы сказали выше, видѣлъ и полюбилъ уже давно.

Желая лучше ознакомиться съ пустынною жизнію здѣш-
нихъ подвижниковъ, онъ посѣтилъ многихъ отшельниковъ
и, при посѣщеніи ихъ, видя чрезвычайно строгое ихъ житіе,
дивился имъ, и вмѣстѣ веселился духовно, что нашелъ такое
мѣсто, какого желалъ съ давняго времени. Чудные аѳонскіе
отцы проводили жизнь безъ всякихъ развлеченій: не воздѣлы-

вали земли, не торговали, не имѣли никакого тѣлеснаго пощенія, не держали рабочаго скота, не строили для себя даже и келій, а только сплетали изъ травъ малыя каливы и жили въ нихъ со многими злостраданіемъ, — во время лѣта отъ солнечнаго жара, а во время зимы—отъ холода. Пищею для нихъ были только каштаны и другіе подобныя плоды. А кто доставлялъ имъ пшеницу, или огородныя овощи, тому платили они за то дикими плодами. Но это случалось весьма рѣдко, потому что Аѳонъ былъ пристанищемъ безбожнѣйшихъ критскихъ варваровъ, которые являлись сюда часто и, либо немилосердно убивали, либо отводили въ плѣнъ святыхъ подвижниковъ¹. Посѣщая пустынныхъ безмолвныхъ подвижниковъ, Аѳанасій узналъ, что преподобный Михаилъ Малейнъ отшелъ ко Господу, и пролилъ о немъ слезы скорби и сожалѣнія, какъ сынъ объ отцѣ.

Обозрѣвая такимъ образомъ Аѳонъ, преподобный Аѳанасій достигъ обители Зигъ². Здѣсь, внѣ обители, нашелъ онъ одного простаго, но опытнаго въ духовной жизни старца безмолвника, и остался у него въ послушаніи, назвавъ ему себя Варнавою и сказавшись потерпѣвшимъ кораблекруше-

---

¹ Нужно замѣтить, что, со временъ Льва Исавра, а по другимъ, со временъ Константа, внука Иракліева, агаряне такъ усилились, что простирали власть свою не только на Египетъ (*) и на всю почти Ливію, но и на Италію, Сицилію и Испанію: Критъ держали они до воцаренія Никифора Фоки; тогда и самый Константинополь, еслибъ не было ему помощи свыше, близокъ былъ къ паденію,—какъ это видно изъ синаксаря субботы акаѳистной. Опасность грозила ему сперва при Иракліѣ, а потомъ, отъ агарянъ, при Константинѣ Погонатѣ и Львѣ Исаврѣ. Турка Ниссиръ, во времена Льва Флософа, изъ Крита наадалъ съ своимъ флотомъ на острова, лежащіе на Эгейскомъ морѣ, и опустошилъ Лесбосъ.

(*) Кедринъ говоритъ, что сарацины, усилившись въ царствованіе Ираклія, завладѣли Дамаскомъ, Финикіею и Египтомъ и поселились въ нихъ (см. его Истор., въ кн. седьмой, царствованіе Ираклія) С. А. П.

² Смотрите,—обитель внутри горы, а внѣ обители—безмолвники; и тѣ и другіе,—и безмолвники и иноки обители,—всѣ собираются на Карею, въ Протать, трижды въ годъ (какъ это увидимъ немного ниже).—Агіор. Іаковъ. ;

ніе корабельщикомъ, — совершеннымъ невѣждою. Такъ поступилъ онъ съ тою цѣлію, чтобы оставаться никому неизвѣстнымъ, и чтобы не могли отыскать его вельможи — Никифоръ и Левъ, почитавшіе его духовнымъ своимъ отцомъ и питавшіе къ нему глубокое благоговѣніе. Старець Аѳанасіевъ, по преклонности лѣтъ и дряхлости, не могъ много трудиться: поэтому онъ, будучи молодъ и смиренномудръ, старался восполнять недостатокъ трудовъ своего старца, и исполнялъ всякое дѣло — высокое и низкое. Спустя немного времени, сталъ онъ просить своего старца, чтобъ этотъ поучилъ его грамотѣ. Старець, искренно желая научить его книжной мудрости, написалъ ему азбуку, и приступилъ къ объясненію буквъ: но славный византійскій учитель, когда преподаваема была ему азбука, къ крайнему искушенію терпѣнія мнимаго своего наставника, показывалъ видъ, что онъ нетолько не знаетъ грамоты, но даже и не можетъ научиться ей. Поэтому простецъ нерѣдко бранилъ мудрѣйшаго, и даже выгонялъ отъ себя. Мудрый Аѳанасій все это терпѣлъ, и даже радовался порицаніямъ своего отца.

Благочестивый Никифоръ, услышавъ объ удаленіи Аѳанасія изъ Кимина, чрезвычайно опечалился, и рѣшился употребить всѣ возможныя съ своей стороны средства къ отысканію его. Онъ не зналъ мысли Аѳанасія объ Аѳонѣ и желанія его удалиться туда: однакожъ, вѣроятно по предположенію написалъ солунскому судьѣ убѣдительное письмо, прося его, чтобъ онъ принялъ на себя трудъ отправиться на Аѳонъ, для отысканія тамъ сердечнаго его друга, монаха Аѳанасія, ставя обрѣтеніе его верхомъ своихъ желаній, и за то обѣщавъ судьѣ искреннее свое расположеніе и всегдашнее вниманіе. Въ письмѣ своемъ, Никифоръ очертилъ судьѣ внѣшнія Аѳанасіевы примѣты, нравственнымъ же отличіемъ выставилъ высокую ученость Аѳанасія и глубокую его мудрость. Получивъ письмо Никифора, судья тотчасъ отправился на

Аѳонъ, но поиски его были тщетны, и онъ возвратился безъ всякаго успѣха; потому что объ ученомъ и мудромъ Аѳанасіѣ ни протъ горы, ни другой кто никогда и не слыхалъ. Впрочемъ, разставаясь съ судьбою и желая утѣшить его, протъ сказалъ ему, что на предстоящемъ праздникѣ Рождества Христова онъ будетъ высматривать искомаго имъ монаха, и, можетъ быть, встрѣтитъ его. По обычаю того времени, всѣ святогорцы собирались въ карейскую лавру трижды въ годъ (въ Рождество Христово, Пасху и Успеніе Пресвятой Богородицы), составляли тамъ совокупный праздникъ, утѣшали себя пріобщеніемъ пречистыхъ, животворящихъ Христовыхъ Таинъ, подкрѣпляли постническія свои силы общею трапезою и потомъ расходились по своимъ обителямъ. И такъ, когда всѣ святогорцы собрались въ Протатъ, протъ въ нѣкоемъ инокѣ Варнавѣ дѣйствительно призналъ внѣшнія примѣты друга воеводы Никифора; но Варнава былъ простецъ, а другъ Никифора—мужъ ученый. Для лучшаго дознанія истины, протъ рѣшился сдѣлать Варнавѣ испытаніе. Онъ предписалъ канонарху, чтобъ Варнавѣ, послѣ 3-ей пѣсни, назначено было чтеніе для братіи¹. Варнава извинялся, что не знаетъ грамоты, и тоже утверждалъ старецъ его, говоря, что онъ едва выучилъ начало перваго псалма, и просилъ прота, чтобъ онъ назначилъ другаго чтеца. Но протъ велѣлъ Варнавѣ читать, какъ онъ можетъ. Преподобный началъ читать, складывая по слогамъ, какъ дитя. Тогда протъ сталъ угрожать ему епитиміею, если онъ не будетъ читать, какъ дѣйствительно можетъ. Тутъ Аѳанасій, связуемый страхомъ запрещенія, не могъ болѣе скрываться, повиновался постановленной отъ Бога власти, разрѣшилъ благоголивый свой языкъ и сталъ читать съ такою мудростію, такъ сладко и витіевато, что весь ликъ стар-

¹ Послѣ первой каѳисмы, иногда и послѣ второй, потомъ послѣ 6-й пѣсни, иногда же и послѣ 3-й, назидательныя чтенія, не только въ праздники, но даже и въ будни, бываютъ и по сию пору на святой горѣ.

цевъ, смотря на него и слушая его, изумлялся; а мнимый преподаватель, старецъ его, сначала удивился слышимому отъ мнимаго ученика своего, и ужаснулся, — потомъ заплакалъ отъ умиленія, стыдился своего учительства, и съ тѣмъ вмѣстѣ славилъ и благодарилъ Господа Бога, сподобившаго его быть учителемъ такого мудрѣйшаго мужа. Когда Аѳанасій окончилъ чтеніе и, по обычаю, положилъ на оба клироса поклоны, — встали всѣ отцы и сами поклонились ему. А одинъ изъ почетнѣйшихъ отцевъ святогорскихъ—Павель Ксиропотамскій ¹ ко всему собору отцевъ сталъ, въ духѣ пророческомъ,

---

¹ По мнѣнію Агіорита Іакова, этотъ Павель—не сынъ Михаила Ранкавел, по Кедрину, сосланнаго Львомъ Армянномъ въ монастырь, на островъ Проту, въ 813 году, а внукъ Романа старшаго, именовавшійся до иночества Петромъ, и скончавшійся между 1020 и 27 годами. Въ самомъ дѣлѣ, первый типикъ аѳонскій составилъ при Іоаннѣ Цимисихѣ, въ 972 году, вслѣдствіе жалобы святогорцевъ на Аѳанасія. Для принесенія этой жалобы царю, какъ показываетъ типикъ, представлялся къ нему, съ протомъ горы, и Павель Ксиропотамскій. Подъ типикомъ онъ подписывается просто: «Павель, монахъ и пресвитеръ.» Но видно, что онъ былъ мужъ важный, игумень если не обители, то монидріона, и имѣвшій на горѣ вторую степень по Аѳанасіѣ: ибо правилами сего типика поставлено было являться ему въ общее собраніе святогорцевъ съ однимъ послушникомъ, Аѳанасію—съ двумя, проту—съ тремя, а прочимъ игуменамъ *, келіотамъ и безмолвникамъ—всегда безъ послушниковъ. Слѣдовательно, если, во время составленія перваго аѳонскаго типика, подъ Павломъ Ксиропотамскимъ разумѣть сына Ранкавел, то ему тогда было болѣе 160-ти лѣтъ: между тѣмъ какъ Павель Ксиропотамскій является потомъ еще въ двухъ аѳонскихъ актахъ—1011 и 1016 годовъ. Со всѣмъ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ Іакова исторіи Аѳона: тогда объяснится и усмотренная архимандритомъ Порфиріемъ поддѣльность въ ксиропотамскихъ хрисовулахъ Романа старшаго о возобновеніи монастыря ксиропотамскаго и о честномъ Древлѣ (смотри его «Указатель актовъ святой Аѳонской горы», стр. 29), и первоначальная судьба Ксиропотама и обители святаго Павла, которая теперь представляется недовольно ясною.

* Древнее названіе «игумень»—то же, что нынѣ старецъ;—т. е. старшій инокъ, у котораго были подъ духовнымъ руководствомъ два или три послушника, назывался игуменомъ: ибо подъ первымъ типикомъ только Аѳанасій подписался опредѣленно, назвавъ себя игуменомъ великой лавры, прочіе же подписались (всѣхъ подписавшихся подъ типикомъ—до 60-ти лицъ) хотя тоже игуменами, но безъ означенія своего мѣстопробыванія; а это показываетъ, что они управляли только какими нибудь разсѣянными по горѣ скитами, или даже келіями.

говорить объ Аѳанасіѣ такъ: «братіе! этотъ братъ, пришедшій въ гору сію послѣ насъ, по добродѣтели—впереди насъ, и въ самомъ царствіи небесномъ будетъ выше насъ славою; ибо станетъ начальникомъ этой горы, многихъ направитъ ко спасенію, и всѣ будутъ повиноваться ему.» Тогда для прота ясно открылось, кто былъ престецъ Варнава, и онъ, отведши Аѳанасія въ сторону, объявилъ ему, что его ищутъ византійскіе вельможи Никифоръ и Левъ. Преподобный смиренно и убѣдительно просилъ, чтобы протъ никому не объявлялъ о немъ. Не желая и самъ лишиться такого для горы сокровища, протъ обѣщалъ ему хранить его тайну, и назначилъ ему для житія одну отшельническую келію, разстояніемъ отъ Карей на три мили. Безмолвствуя тамъ, Аѳанасій получалъ себѣ пищу отъ рукодѣлія, или занятія каллиграфіей. А писалъ онъ такъ скоро, что въ шесть дней кончалъ всю псалтирь, и такъ искусно и красиво, что не было другаго, подобнаго ему. Деньги же, получаемыя имъ отъ этого труда, онъ раздавалъ въ милостыню, удерживая самое малое количество только на то, чтобы какъ нибудь содержаться со своимъ товарищемъ, который содѣйствовалъ ему въ трудахъ его жизни.

Въ то время, братъ Никифора, магистръ Левъ, начальникъ надъ всѣми полками на Западѣ, побѣдивъ Скиѳовъ, на возвратномъ пути, прибылъ на Аѳонъ,—съ одной стороны, для того, чтобъ благодарить Пресвятую Богородицу, даровавшую ему славную надъ варварами побѣду¹, а съ другой—и затѣмъ, чтобъ самому удостовѣриться, не живетъ ли здѣсь Аѳанасій. Такъ какъ, по Писанію, не можетъ укрыться градъ, верху горы стояй, то скоро явился міру и этотъ мудрый отшельникъ. Левъ, по тщательномъ испытаніи, узнавъ о немъ, при-

---

¹ Изъ этого видно, что Аѳонъ издревле былъ извѣстенъ какъ жребій Богоматери. Почему и Левъ приходитъ сюда съ благодарностію къ Всенепорочной.—Агіоритъ Іаковъ.

шелъ въ безмолвную его келію и, обрѣтши своего отца и досто-
чимаго наставника, отъ сильной радости, плакалъ, обнималъ
его и лобызалъ. Отцы Аѳона, видя столь великое расположеніе
могущественнаго вельможи къ преподобному, предложили ему,
чтобъ онъ попросилъ воеводу о деньгахъ на устройство хра-
ма въ Кареѣ (то есть, въ протатѣ), бѣльшаго, чѣмъ прежній;
ибо старый былъ малъ и не вмѣщалъ всей святогорской
братіи, когда у нихъ бывали собранія,—чѣмъ братіи очень
стѣснялись и затруднялись. Преподобный предложилъ объ
этомъ Льву; Левъ съ радостію далъ имъ тогда же столько
денегъ, сколько имъ было нужно, — и на мѣстѣ иноческихъ
ихъ собраній скоро сталъ красоваться храмъ превосходный.

Проведши нѣсколько дней въ мудрыхъ и богодухновен-
ныхъ бесѣдахъ съ Аѳанасіемъ, Левъ удалился съ Аѳона.
Вслѣдъ затѣмъ, по всей святой горѣ разнеслась слава объ
Аѳанасіѣ, и многіе стали каждый день приходить къ нему
для душевной пользы. Но онъ, любя безмолвіе и избѣгая по-
водовъ къ тщеславію, удалился во внутреннія части горы,
чтобы найти тамъ мѣсто по своей мысли. Богъ же, промыш-
ляя не о его только пользѣ, но и о пользѣ будущей его паст-
вы, привелъ его на самый конецъ Аѳона, — на мысъ его.
Тамъ преподобный устроилъ себѣ небольшую каливу, и въ
подвигахъ восходилъ отъ силы въ силу. Мѣсто это, должен-
ствовавшее послужить утвержденіемъ всему Аѳону, называ-
лось *Μελανιά* (черныя). Между тѣмъ, сынъ тьмы и доброненавист-
никъ діаволь, видя великіе подвиги преподобнаго, не могъ
быть равнодушнымъ, и готовилъ войну на своего противобор-
ца. Сначала онъ уязвлялъ святаго стрѣлами нерадѣнія и всяче-
ски старался возбудить въ немъ ненависть къ избранному имъ
мѣсту, чтобы, такимъ образомъ, удалить его оттуда. Но это
все было по строенію и поущенію Божию, чтобы святой,
опытомъ собственной брани, научился распознавать враже-
скую хитрую брань съ человѣкомъ, и умѣлъ потомъ помо-

гать въ искушеніяхъ будущимъ своимъ чадамъ. Такъ какъ тамъ не было никого, съ кѣмъ бы могъ онъ посовѣтоваться, что ему дѣлать, то утвердился въ слѣдующей мысли: «буду терпѣть годъ,—и тогда уже, что Господь устроитъ со мною, то и сдѣлаю.» Рѣшивъ такимъ образомъ свою судьбу, святой остался тамъ, и весь тотъ годъ терпѣлъ непрерывную брань. Въ послѣдній день, когда онъ заутро намѣревался идти на Карею, чтобъ тамошнимъ отцамъ исповѣдать обстоятельства своей жизни, внезапно, по прочтеніи имъ третьяго часа, облисталь его небесный свѣтъ и окружилъ его всего. Супостать, діаволь, не вынося этого небеснаго сіянія, удалился отъ Аѳанасія, съ темными своими наважденіями,—и сердце преподобнаго исполнилось неизреченнаго веселія, которое источало обильныя и сладкія слезы. Съ этого времени, святой получилъ даръ умиленія, и плакалъ безъ труда, когда только хотѣлъ, и столько полюбилъ то мѣсто *Μελανά*, сколько прежде ненавидѣлъ его.

Въ то время, славный и благочестивый Никифоръ, назначенный отъ царя верховнымъ вождемъ всей римской арміи, отправлялся, съ воинствомъ, на островъ Критъ, гдѣ гнѣздились тогда нечестивые агаряне и много беспокоили римлянъ. Узнавъ же отъ брата своего Льва, что Аѳанасій находится на Аѳонѣ, онъ послалъ туда царскій корабль, съ письмомъ къ преподобнымъ отцамъ святой горы, и, прося святыхъ молитвъ ихъ ко Господу Богу о всесильной Его помощи къ побѣжденію и посрамленію нечестивыхъ, убѣждалъ ихъ послать къ нему Аѳанасія съ другими двумя добродѣтельными старцами. Святогорцы, прочитавъ письмо полководца, дивились, что онъ питаетъ такую пріязнь къ преподобному. Съ охотою согласились они исполнить просьбу и моленіе воеводы; но на волю и желаніе ихъ не вдругъ согласился Аѳанасій, такъ что они, въ этомъ случаѣ, принуждены были прибѣгнуть къ сильной противъ него мѣрѣ запрещенія. Тогда

онъ уже и противъ воли повиновался имъ. Святогорцы дали ему и одного старца, въ сопутники,—но Аѳанасій началъ повиноваться ему, какъ ученикъ своему учителю. Отпустивъ отъ себя Аѳанасія, всѣ насельники св. горы стали какъ о немъ, такъ и о Никифорѣ возносить прилежную ко Господу Богу молитву,—и храбрый Никифоръ славно побѣдилъ критскихъ агарянъ. Скоро и благополучно прибылъ туда и искренній другъ его Аѳанасій. Съ неизреченнымъ веселиемъ встрѣтилъ его здѣсь счастливый воевода, и много дивился великому его смиренію, что онъ съ удовольствіемъ несъ долгъ послушанія простому старцу. Побѣдоносный Никифоръ, прежде чѣмъ сталъ рассказывать другу своему о мужественныхъ подвигахъ, совершенныхъ имъ въ настоящей славной войнѣ, напомнулъ ему о прежнихъ своихъ обѣщаніяхъ быть инокомъ, и говорилъ: «Страхъ, отче, который вы имѣли прежде, во всей горѣ, отъ нечестивыхъ агарянъ, нынѣ, по святымъ молитвамъ вашимъ, кончился. И я, уже неоднократно обѣщавъ святынѣ твоей удалиться отъ міра, теперь къ исполненію этого моего обѣщанія не имѣю никакого препятствія. Только усердно прошу тебя, отче: прежде создай для насъ безмолвное убѣжище, гдѣ бы мы могли уединяться съ другими братіями,—потомъ устрой особо великую церковь для киновіи, куда бы можно было намъ ходить всякое воскресенье, для приобщенія божественныхъ Христовыхъ Таинъ.» Говоря это, Никифоръ тогда же давалъ преподобному и довольное количество денегъ, на нужды и расходы по предполагаемымъ постройкамъ. Но Аѳанасій, избѣгая заботъ и попеченій житейскихъ, не принялъ отъ своего друга ненавистнаго злата, а заповѣдалъ ему всегда хранить страхъ Божій и внимать своей жизни,—такъ какъ онъ находится среди сѣтей міра, и только сказалъ: «если есть воля Божія, исполнится и то, чего ты желаешь.» Выслушавъ этотъ отказъ Аѳанасія, Никифоръ впалъ въ великую печаль, по

не отлагалъ желанія и надежды устроить на Аѳонѣ монастырь для себя и своего друга. Наконецъ, проведши нѣсколько дней во взаимныхъ и пріятныхъ бесѣдахъ на завоеванномъ Критѣ, друзья разлучились: преподобный возвратился на Аѳонъ, а стратигъ, побѣдившій полчища агарянскія, отправился въ столицу. Воспламенившись сильнымъ и непремѣннымъ желаніемъ построить монастырь, Никифоръ скоро послалъ къ Аѳанасію одного духовнаго своего друга, — именемъ Меѳодія, сдѣлавшагося потомъ въ горѣ Киминской игуменомъ, — съ письмомъ и шестью литрами золота, и убѣдительно просилъ его начинать постройку монастыря. Преподобный, размышляя о горячемъ желаніи и добромъ намѣреніи благочестиваго воеводы, увидѣлъ, что есть воля Божія создаться монастырю, и потому, принявъ посланное ему золото, въ 6469 г. (961 г.), въ мѣсяцъ мартъ, 4-го индиктіона, усердно приступилъ къ построенію — сперва, какъ желалъ Никифоръ, безмолвнаго убѣжища, гдѣ и создалъ храмъ ¹ во имя всеславнаго Предтечи, а потомъ, ниже старой своей въ Меланахъ каливы, началъ строить превосходную церковь во имя и честь Пресвятыя Богородицы, для предполагаемой киновіи, — чего также хотѣлъ Никифоръ. Видя сіи дѣла преподобнаго, раздирался отъ злобы немощный супостатъ діаволъ, и рѣшился препятствовать ему въ строеніи. Когда строители начали рыть землю для основаній храма, безсильный доброненавистникъ, демонскими своими дѣйствіями, ослабилъ руки ихъ такъ, что они не могли ими коснуться даже устъ своихъ. Святой Аѳанасій, сотворивъ о нихъ прилежную къ Богу молитву, разрѣшилъ руки ихъ, и такимъ образомъ посрамилъ лукаваго. Это было первое его чудо. Послѣ того, онъ взялъ орудіе для копанія и, къ большей досадѣ демона, началъ самъ копать землю: вслѣдъ за нимъ стали безпрепятственно работать и мастера. Видя, какое надъ ними совершено Аѳанасіемъ чудо,

¹ Онъ и теперь существуетъ, — только въ заустѣніи.

они возчувствовали великое къ чудотворцу своему благоговѣніе и, припавъ къ ногамъ его, усердно просили, чтобъ онъ удостоилъ ихъ иноческаго ангельскаго образа. Аѳанасій исполнилъ святое ихъ желаніе и благодарилъ Господа Бога за то, что Онъ еще прежде, чѣмъ построенъ монастырь, посылаетъ ему уже обитателей. Тогда зиждущіе стали строить для себя убѣжище не какъ наемники, а какъ хозяева. И потому дѣло шло скоро и росло успѣшно.

Но такъ какъ слава о великихъ добродѣтеляхъ преподобнаго и слухъ о божественномъ его дѣлѣ пронеслись вездѣ, то отовсюду собирались къ нему многіе, желавшіе сожителствовать съ такимъ святымъ человѣкомъ и, по своимъ силамъ, подражать высокой подвижнической его жизни. При содѣйствіи помощи Божіей, по молитвамъ преподобнаго, тотъ божественный, изящный и чудный, крестовидной формы храмъ, во имя Пресвятыя Богородицы, былъ конченъ. Потомъ святой создалъ еще два малые храма, на правой и лѣвой сторонѣ великаго,—одинъ во имя чудотворца Николая, а другой—во имя святыхъ сорока мучениковъ. Тогда только преподобный принялъ великую схиму,—отъ нѣкоего добродѣтельнаго отшельника, именемъ Исаи; ибо до того времени не былъ еще совершеннымъ инокомъ, хотя своими добродѣтелями давно уже былъ высокъ и предъ Богомъ и людьми и, какъ свѣтлое солнце, сіялъ предъ всѣмъ міромъ. Послѣ сего, построилъ онъ келіи для братіи, трапезу, вмѣщавшую въ себѣ двадцать одинъ столъ — изъ бѣлаго мрамора, изъ которыхъ за каждымъ могли сидѣть по 12-ти человѣкъ, потомъ—больницу, страннопріемницу, баню для больныхъ и странныхъ и другія необходимыя принадлежности богоугоднаго своего заведенія. Такъ какъ вблизи созидающейся лавры не было достаточнаго количества воды, то святой искалъ ея въ различныхъ мѣстахъ горы, и наконецъ, въ одномъ высокомъ, неудобопроходимомъ мѣстѣ, разстояніемъ отъ обители на 70

стадій, нашелъ онъ нѣсколько родниковъ, источающихъ превосходную воду. Не смотря на неодолимыя и неисчислимыя трудности, онъ или разрылъ, или сокрушилъ гигантскіе утесы, положилъ межъ ними водоточныя трубы, собралъ и соединилъ въ нихъ нѣсколько водяныхъ ключей и привелъ въ лавру столько воды, что тамъ могъ раздѣлить ее на нѣсколько водоемовъ, устроенныхъ отдѣльно для всѣхъ служебныхъ заведеній, — какъ-то: хлѣбни, поварни, и проч. и проч., — что всякій можетъ видѣть и понынѣ.

Повѣствовать о прочихъ зданіяхъ и заведеніяхъ преподобнаго, — какъ-то: о параклисахъ внутри и внѣ монастыря, о мельницахъ, огородахъ и виноградникахъ, о различныхъ, имъ насажденныхъ, деревьяхъ, о пріобрѣтенныхъ имъ метохахъ и другихъ угодьяхъ, которыя онъ устроилъ для доставленія братіи выгодъ, также о живописи въ храмѣ и о всѣхъ чиноположеніяхъ и законоположеніяхъ въ церкви и внѣ ея, — я, говоритъ жизнеописатель, считаю излишнимъ, такъ какъ это дѣло исторіи, а не повѣсти о его жизни. Скажу только, пишетъ онъ, что во всѣхъ сказанныхъ выше трудахъ всегда принималъ участіе и самъ преподобный. Онъ былъ такъ крѣпокъ и силенъ, что много разъ одинъ, съ одной стороны, волокъ какой нибудь грузъ, тогда какъ съ другой волокли его три человѣка и едва успѣвали за нимъ слѣдовать. Къ нему отвсюду собиралось множество народа: одни — принять отъ него благословеніе, другіе — спросить его о предметахъ сомнительныхъ или неизвѣстныхъ; и онъ всѣхъ принималъ ласково и назидалъ спасительными бесѣдами, такъ что никто не возвращался отъ него безъ душевной пользы. Къ церковнымъ службамъ прилагалъ онъ все свое стараніе, и заботился, чтобъ онѣ совершались богоприлично и со всею точностію. Посему во время службъ никто у него не дерзалъ разглагольствовать, или выходить изъ церкви безъ крайней нужды. Внѣ церкви постоянно держалъ онъ двухъ братьевъ,

которые испытывали выходящихъ изъ ней, и кто изъ нихъ не имѣлъ благословной причины къ выходу, тому выходить не дозволяли. Кромѣ того, одинъ братъ ходилъ по церкви, когда происходило чтеніе, во время котораго, по обычаю, сидять, и будилъ тѣхъ, которые спали, или останавливалъ разговаривающихъ; другому брату повелѣвалось замѣчать, когда кто приходитъ въ церковь, и доносить о томъ подробно и точно, а послѣ онъ уже самъ испытывалъ всѣхъ, и съ тѣхъ, которые приходили къ службѣ поздно,—именно по причинѣ безпечности и нерадѣнія,—взыскивалъ строго. Кратко сказать: преподобный былъ управитель мудрѣйшій и пастырь неусыпный, тщательно заботившійся, чтобъ хищный волкъ не пожралъ ни одной овцы изъ словеснаго его стада. За эту-то душеполезную его точность въ управленіи ввѣренною ему паствою, за премное усердіе къ церкви, за богоугодную его собственную, сокровенную жизнь и за великое его благоговѣніе къ Приснодѣвѣ и Препоблагословенной Богородицѣ, онъ много разъ удостоивался видѣть Ее, многомилостивую къ роду человѣческому, даже чувственными очами,—какъ умными видѣлъ Ее всегда. Изъ многихъ таковыхъ случаевъ расскажемъ объ одномъ.

Тогда какъ святой Аѳанасій строилъ свою лавру, поупущеніемъ Божиимъ, случилось, что въ одинъ годъ сдѣлался въ ней такой неурожай и голодъ, что во множествѣ стекшіеся къ нему братіи, не вынося строгихъ подвиговъ и постигшаго лавру искушенія, одинъ по одному разошлись, такъ что наконецъ остался одинъ только святой Аѳанасій, и притомъ—безъ куска хлѣба. Какъ ни былъ силенъ въ подвигахъ и твердъ въ духѣ терпѣнія святой Аѳанасій, но голодъ превозмогъ его,—твердость духа поколебалась, и онъ рѣшился оставить лавру и идти куда нибудь въ другое мѣсто. Наутро, святой Аѳанасій, съ желѣзнымъ своимъ жезломъ, въ смутномъ расположеніи духа, уныло шелъ по до-

рогъ къ Кареи, и въ пути провелъ уже два часа: наконецъ силы его истожились, и онъ хотѣлъ было присѣсть, чтобы отдохнуть, какъ вдругъ нѣкая жена, подъ голубымъ, воздушнымъ покрываломъ, показалась идущею къ нему навстрѣчу. Святой Аѳанасій пришелъ въ смущеніе и, не вѣря собственнымъ глазамъ, перекрестился. «Откуда взятыя здѣсь женщины?», спросилъ онъ самъ себя, «когда входъ женщинамъ сюда невозможенъ?» Удивляясь видѣнію, пошелъ онъ навстрѣчу незнакомкѣ. «Куда ты, старецъ?» скромно спросила незнакомка святаго Аѳанасія, повстрѣчавшись съ нимъ. Святой Аѳанасій осмотрѣлъ незнакомку съ ногъ до головы, взглянулъ ей въ глаза, и, въ невольномъ чувствѣ почтительности, потупился. Скромность одежды, тихій дѣвственный взоръ ея, трогательный голосъ,—все показывало въ ней женщину не случайную. «Ты кто? какъ зашла сюда?» сказалъ старецъ незнакомкѣ, «и къ чему тебѣ знать, куда я? Ты видишь,—я здѣшній инокъ. Чего же болѣе?»—«Если ты инокъ», отвѣчала незнакомка, «то иначе, нежели обыкновенные люди, долженъ и отвѣчать, — быть простодушнымъ, довѣрчивымъ и скромнымъ. Я желаю знать, куда ты идешь; знаю твое горе и все, что съ тобою дѣлается, могу тебѣ помочь,—но прежде желаю услышать, куда ты?» Удивленный бесѣдою таинственной незнакомки, святой Аѳанасій рассказалъ ей бѣду свою. «И этого-то не вынесъ ты?» возразила незнакомка: «ради насущнаго куска хлѣба, бросаешь обитель, которая должна быть славною въ роды родовъ? Въ духѣ ли это иночества? Гдѣ же твоя вѣра? Воротись», продолжала она,—«я тебѣ помогу: все будетъ съ избыткомъ даровано, только не оставляй твоего уединенія, которое прославится и займетъ первое мѣсто между всѣми возникшими здѣсь обителями.»—«Кто жъ ты?» спросилъ Аѳанасій.—«Та, имени которой ты посвящаешь твою обитель, которой ввѣряешь судьбы ея и твоего собственнаго спасенія. Я—Матерь Господа твоего», отвѣчала незнакомка. Святой

Аѳанасій недовѣрчиво и сомнительно посмотрѣлъ на нее, и потомъ началъ говорить: «Боюсь вѣрить, потому что и врагъ преобразуется въ ангела свѣта. Чѣмъ ты убѣдишь меня въ справедливости словъ твоихъ?» прибавилъ старецъ. — «Видишь этотъ камень?» отвѣчала незнакомка: «ударь въ него жезломъ, —и тогда узнаешь, Кто говоритъ съ тобою. Знай притомъ, что съ этой поры Я навсегда остаюсь домостроительницею (экономиссою) ¹ твоей лавры.» Аѳанасій ударилъ въ камень, и онъ разразился какбы молніею: изъ трещины его тотчасъ выбѣжалъ шумный ключъ воды и запрыгалъ по скату холма, несясь внизъ, до самаго моря. Пораженный такимъ чудомъ, святой Аѳанасій обернулся, чтобъ броситься къ ногамъ Божественной Незнакомки, —но Ея уже не было; Она, какъ молнія, скрылась отъ удивленныхъ его взоровъ. Съ той поры ключъ этотъ цѣлительно струится даже донынѣ, въ разстояніи двухъ часовъ ходу отъ Лавры ². Таковой благодати, въ утѣшеніе свое и назиданіе, сподоблялись не только Аѳа-

---

¹ Поэтому въ лаврѣ не бываетъ эконома, а только подѣкономъ. Впослѣдствіи въ лаврѣ была устроена икона Пресвятыя Богородицы Экономиссы. Икона эта изображаетъ Ее сѣдящую на престолѣ; на Ея лонѣ Предвѣчный Младенецъ. Съ правой стороны престола святой Михаилъ Синадскій (а не Николай Чудотворецъ, какъ сказано въ «Писъм. Святог.», см. ч. 1, стр. 168, изд. 1850 г.), съ лѣвой—святой Аѳанасій: оба въ молитвенномъ положеніи; послѣдній держитъ на своихъ рукахъ видъ своей лавры, образуя тѣмъ особенное свое храненіе, покровительство и заботливость о ней. Эта икона—въ скромномъ кивотѣ и устроена среди монастыря, раздѣленнаго на двѣ части. Свѣтъ неугасимой лампады тихо разливается предъ изображеніемъ Божественной Экономиссы.

² Разказъ объ этомъ заимствованъ изъ другой греческой книги: *ἀμαρταλῶν σωτηρία*. Въ память явленія на этомъ мѣстѣ святому Аѳанасію Божіей Матери, воздвигнута, въ честь Ея, небольшая церковь, съ неугасимою лампадою предъ иконою, изображающею совершившееся здѣсь чудо. При пути устроена открытая галлерей, для отдыха пришельцевъ и поклонниковъ,—особенно въ лѣтнюю пору, когда жары бываютъ утомительны и едва выносимы. Иноки со-сѣдственной кельи, живописно отсюда рисующейся на значительной высотѣ прибрежнаго холма, теплятъ здѣсь неугасимую лампаду.

насій, но и нѣкоторые изъ пасомыхъ имъ. Въ числѣ ихъ, таковъ былъ нѣкто Матѳей. Разъ, во время утрени, вдругъ открылись очи души его, и онъ видитъ, что въ церковь вошла нѣкая жена, облеченная небесною славою и честію, съ двумя, въ бѣлыхъ какъ свѣтъ одеждахъ, юношами, изъ которыхъ одинъ держалъ горящую свѣчу и освѣщалъ ей путь, идя предъ нею какъ рабъ, а другой слѣдовалъ за нею, и оба относились къ ней съ великимъ благоговѣніемъ. Когда эти необыкновенные посѣтители стали осматривать всѣхъ присутствующихъ въ церкви, чудная та жена раздѣляла всей братіи дары:—тѣмъ, которые были на клиросахъ, она давала каждому по золотой монетѣ ¹, стоящимъ внутри храма— по 12-ти серебряныхъ монетъ, а находившимся въ притворѣ— по 6-ти серебрянниковъ всякому; нѣкоторымъ же изъ братій дала даже по 6-ти золотыхъ монетъ. Самъ же благоговѣйный Матѳей получилъ лишь 6 серебряныхъ монетъ, ибо и онъ стоялъ въ притворѣ. Лишь только кончилось это видѣніе, онъ тотчасъ пошелъ на клиросъ, возвѣстилъ о немъ отцу своему, и просилъ у него позволенія помѣститься въ ликъ поющихъ. Преподобный призналъ видѣніе истиннымъ, объяснивъ притомъ, что получившіе по 6-ти *μικαρίσια* благоговѣйнѣе прочихъ, и за то, по святымъ и богатымъ своимъ помысламъ, которыми занимались во время службы, они получили и богатое вознагражденіе. А что касается до того, что благоговѣйный и добродѣтельный Матѳей получилъ даръ наравнѣ съ нерадивыми, то это сдѣлано съ цѣлію, чтобы онъ, получивъ награжденіе высшее, не возгордился и не вознерадѣлъ, но, принявъ меньшій даръ, пребывалъ въ смиренномудріи и старался еще болѣе возрастать въ добродѣтеляхъ.

Преподобный Аѳанасій, строгій и точный въ своихъ пра-

---

¹ Монеты, нынѣ несуществующія. У святителя Ростовскаго онѣ называются «златница» и «цата».

вилахъ относительно церкви, таковъ же былъ и внѣ ея. Въ трапезѣ бесѣды были совершенно запрещены; во время стола, никто не долженъ былъ удѣлять другому брату изъ своей части пищи или питія; а кто разбивалъ даже самый ничтожный сосудъ, тотъ у всѣхъ публично просилъ прощенія. Послѣ повечерія, не дозволялось никакихъ бесѣдъ и запрещалось посѣщать келію другаго. Празднословіе было забыто, общежитіе сохранялось строго, никто не дерзалъ даже произнести холоднаго слова *мое* или *твое*, ибо это отдѣляетъ насъ отъ блаженной любви; тогда у всѣхъ было все общее, какъ повелѣваетъ Василій Великій. А кто какую бы то ни было вещь находилъ, тотъ полагалъ ее на открытомъ для всѣхъ мѣстѣ, чтобы удобно нашелъ ее всякій, кому она дана для употребленія; — кратко: руководствуемые имъ иноки проводили нѣкую жизнь блаженную и предивную.

Тогда какъ святой Аѳанасій столь богоугодно правилъ своею паствою, является къ нему одинъ человѣкъ, съ пріятною, по его мнѣнію, для святаго вѣстію, что великоименитый другъ его Никифоръ сдѣлался царемъ. Аѳанасій, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, крайне опечалился этимъ; ибо онъ потому только и строилъ монастырь, что Никифоръ обѣщалъ ему принять иночество и потомъ пребывать съ нимъ всегда неразлучно, раздѣляя труды уединенія. И такъ, преподобный обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: всѣ заботы его остались тщетными, и цѣль, для которой отступилъ онъ отъ житія безмолвнаго, утрачена. Какъ скоро Никифоръ, причинившій Аѳанасію столько безпокойствъ, не соблюлъ своего обѣщанія, и вѣнчался на царство, Аѳанасій рѣшился оставить свой монастырь. Не объявляя никому своей мысли, онъ взялъ съ собою трехъ иноковъ и удалился съ ними изъ лавры, сказавъ, что отправляется къ новому царю, по нуждамъ монастыря. Достигши острова Лемноса, старецъ послалъ одного изъ иноковъ къ царю съ письмомъ, въ кото-

ромъ сильно, но пристойно, замѣчалъ ему, что онъ презрѣлъ обѣщанія свои Богу, и предпочелъ царство временное небесному, всегда пребывающему; въ концѣ же этого письма выразился такъ: «Царь! ты видишь, что не другимъ кѣмъ, а тобою вовлеченъ былъ я во многіе тщетные и бесполезные труды. Посему теперь я иду въ какое нибудь безмолвное мѣсто, чего постоянно желалъ и желаю; монастырь же предаю, во первыхъ, Богу, а потомъ—въ твои руки. Въ лаврѣ есть добродѣтельный, достойный уваженія, инокъ, именемъ Евфимій,— онъ можетъ быть игуменомъ.» Монахъ съ этимъ письмомъ представился царю. Царь, даже не прочитавъ его, обрадовался, когда узналъ, что оно—отъ Аѳанасія. Сколь же велика была его скорбь, по прочтеніи этого вѣщаго письма!—горько тогда плакалъ онъ и жестоко порицалъ себя. Не менѣе царя плакалъ и письмоносецъ монахъ, когда узналъ отъ него о безвѣстномъ удаленіи отца своего. А другаго инока, именемъ Θεодота, преподобный отослалъ тогда въ монастырь, какбы для посѣщенія братіи и освѣдомленія о состояніи монастыря. Третьяго же инока, Антонія, святой удержалъ при себѣ и бѣжалъ съ нимъ въ Кипръ. Тамъ остановились они въ одной обители, называемой обителію Священныхъ, пока не услышатъ, что произойдетъ изъ всего этого. Между тѣмъ, царь послалъ во всѣ мѣста своей державы строгія повелѣнія, чтобъ непременно отысканъ былъ Аѳанасій. Когда пришло такое повелѣніе и въ Кипръ, и вѣсть объ этомъ дошла до Аѳанасія, онъ удалился изъ Кипра. Оставивъ Кипръ, хотѣлъ было онъ идти во Іерусалимъ, но, услышавъ, что въ Палестинѣ всѣ подъ страхомъ, по причинѣ нашествія безбожныхъ агарянъ, отложилъ свое путешествіе. Тогда святому стало тѣсно съ той и другой стороны: въ Палестинѣ—агаряне, а въ Греціи—поискъ. Въ такой своей скорби, Аѳанасій обратился съ усердною молитвою къ Богу, да откроетъ Онъ, что ему теперь дѣлать. Ночью, преподобный сподобился ви-

дѣтъ Господа, который повелѣвалъ ему возвратиться въ созданную имъ обитель, обѣщая ему съ избыткомъ возрастить ее и многихъ спасти тамъ чрезъ него. Аѳанасій безпрекословно повиновался волѣ Господней, и тотчасъ же отправился, съ своимъ ученикомъ, въ прежнее мѣсто, сухимъ путемъ. Нѣсколько уже дней были они въ пути. Отъ долготы и трудности дороги, у Антонія опухла нога; къ этой болѣзни присоединилась еще горячка,—столь сильная, что онъ лежалъ неподвижно, какъ мертвый. Но преподобный, вознесши о немъ ко Господу Богу молитву, исцѣлилъ его отъ всѣхъ этихъ недуговъ. Не желая, однакожъ, вполне явить свою чудодѣйственность, святой Аѳанасій, предъ симъ, набралъ разныхъ травъ и обвязалъ ими больныя части тѣла у Антонія. Поэтому и казалось, что больной исцѣлился не силою молитвы, а дѣйствиемъ травъ. Между тѣмъ, упомянутый выше Θεодотъ, явившись въ лавру, нашелъ тамъ всю братію въ великомъ смущеніи и скорби о томъ, что они лишились своего отца, а Евфимій не принималъ предстоятельства. Посему, пробывъ въ лаврѣ нѣсколько дней, онъ оставилъ ее, и пошелъ отыскивать преподобнаго отца своего, котораго, къ несказанной своей радости, и нашелъ въ Атталіи. Услышавъ отъ Θεодота о смущеніи въ лаврѣ, Аѳанасій тотчасъ же послалъ его обратно—утѣшить братію и сказать, что онъ возвращается къ нимъ; а вслѣдъ за Θεодотомъ не замедлилъ явиться въ лавру и самъ. Иноки, увидѣвъ своего отца и пастыря, возрадовались болѣе, нежели сколько веселится слѣпой, когда увидитъ солнце: одинъ лобызалъ руки его, другой—ноги, иной—самыя его рубища. Почти молніею разнесся слухъ по святой горѣ, что Аѳанасій возвратился на Аѳонъ, а потому каждый день собиралось множество иноковъ видѣть его; и всякій непременно что нибудь несъ съ собою: одинъ—пшеницу, другой—масло, тотъ—иное что нибудь изъ сѣбстнаго; ибо лавра, по удаленіи изъ нея Аѳанасія, при-

шла въ такую скудость, что, при возвращеніи его, не имѣла уже и муки даже на одни хлѣбы. Но, съ явленіемъ пастыря, всѣ дѣла въ священной его оградѣ тотчасъ же приняли иной оборотъ.

Чрезъ нѣсколько времени, по нѣкоторымъ нуждамъ монастыря, надобно было самому Аѳанасію отправиться въ столицу. Царь услышалъ, что явился къ нему другъ его, и много тому обрадовался, но вмѣстѣ стыдился видѣться съ нимъ въ достоинствѣ царя, а не въ образѣ инока. Посему, вставъ съ царскаго своего трона, онъ пошелъ къ нему навстрѣчу не какъ царь, а какъ частный человѣкъ, и встрѣтилъ его съ великимъ смиреніемъ. Высказавъ Аѳанасію дружеское привѣтствіе, онъ взялъ его за руку и повелъ во внутренніе свои чертоги. Здѣсь много и смиренно извинялся предъ нимъ и говорилъ: «Знаю, отче, знаю, что я, а не другой кто, виновникъ всѣхъ трудовъ и скорбей твоихъ,—я, забывъ страхъ Божій, попралъ святыя свои обѣты. Но прошу тебя, долго терпи мнѣ, ожидая моего обращенія, пока удостоитъ меня Господь воздать Ему по обѣщаніямъ моимъ.» Преподобный радовался, видя богобоязливость царя и великое его смиреніе. Святой, хотя тогда же предузналъ духомъ, что Никифоръ имѣетъ кончить жизнь свою на престолѣ, но не объявилъ ему о томъ, а только напоминалъ ему, чтобъ онъ имѣлъ смиреніе, оплакивалъ свои грѣхи, сокрушался о нарушеніи обѣта—принять иноческій образъ,—ибо солгалъ Богу, не исполнивъ сего обѣщанія,—чтобъ онъ прощалъ согрѣшившимъ противу себя и былъ милостивъ къ бѣднымъ. Проведши нѣсколько дней въ душеполезныхъ съ царемъ бесѣдахъ и исправивъ всѣ нужды монастырскія, Аѳанасій оставилъ столицу и, при отбытіи своемъ, предсказалъ приближеннымъ Никифора, что царь ихъ скоро умретъ. Разставаясь и прощаясь съ другомъ своимъ, царь далъ ему хрисовуль на каждагоодное полученіе съ острова Лемноса дани—двухсотъ со-

рока четырехъ золотыхъ монетъ; тогда же даровалъ онъ лаврѣ Аѳанасія и большой монастырь въ Θεссалоникѣ, назначивъ его метохомъ лавры. Такъ какъ иноки святой горы просили Аѳанасія, при отправленіи его въ столицу, чтобъ онъ испросилъ у царя даръ и для церкви карейской, то христілюбивый Никифоръ и карейскому храму назначилъ ежегодно выдавать изъ царскихъ суммъ, сверхъ трехъ, получавшихся прежде, еще четыре литры золота.

Аѳанасіева паства умножалась со дня на день, но щедрый дародатель, даже въ избыткѣ, посылалъ вѣрнымъ своимъ служителямъ все нужное. Поэтому ласковое и щедрое страннопріимство считали они непремѣнною своею обязанностію. А такъ какъ лавра не имѣла еще тогда хорошей пристани для кораблей, что было бы полезно для монаховъ не только лавры, но и всей святой горы, и даже для странныхъ, то преблаженный и страннолюбивый Аѳанасій, много сокрушаясь о томъ, наконецъ рѣшился устроить, какую могъ, пристань. Доброненавистникъ же діаволъ, позавидовавъ и сему доброму его дѣлу, успѣлъ, по демонской своей злобѣ, причинить преподобному, попущеніемъ Божиимъ, значительную скорбь. Когда въ пристань спускали одно огромное дерево, спускавшимъ оное, по своему обыкновенію, помогалъ и святой: онъ влекъ дерево съ нижней части, а мастера были сверху, и осторожно спускали оное по скату горы. Въ это время, дѣйствіемъ демона, дерево стремительно двинулось книзу и, сдавивъ ногу святаго, сокрушило ее въ голени и лодыжкѣ. Отъ этого преподобный три года пролежалъ въ постели, и едва выносилъ страданія. Прежде чѣмъ приключилось это со святымъ, одинъ старецъ, имѣвшій просвѣтленныя очи души, видѣлъ цѣлый полкъ бѣсовъ, пришедшій съ великимъ негодованіемъ на святую гору. Начальникъ ихъ послалъ сотню по всей святой горѣ—искушать иноковъ, а съ девятью стами, разъяренный злобою отправился самъ—въ

лавру Аѳанасіеву. Святый, къ досадѣ демона, и во время болѣзни своей не хотѣлъ быть празднымъ. Онъ и тогда, по обычаю, занимался каллиграфіею, — въ шесть дней написалъ псалтирь, а въ сорокъ — патерикъ, и не преставалъ побѣждать злобу отца преисподней, расторгать коварныя его сѣти, устрояемыя имъ противъ его паствы.

Въ это время, благочестивый царь Никифоръ земную жизнь перемѣнилъ на вѣчную. Въ царствованіе преемника его (Іоанна Цимисхія), лукавый нашелъ благопріятный для себя случай снова искутить преподобнаго. Онъ возбудилъ простецовъ монаховъ, жившихъ въ другихъ частяхъ горы, жаловаться на святаго новому царю, что онъ уничтожилъ прежніе аѳонскіе обычаи, совершенно извратилъ древнія постановленія, сдѣлалъ произвольно разныя нововведенія, завелъ множество скота, насадилъ виноградники, построилъ множество изящнѣйшихъ зданій, — словомъ, сдѣлалъ святую гору мірскимъ селеніемъ: отчего въ горѣ происходитъ много соблазновъ. Поэтому и просили они царя, чтобъ онъ изгналъ Аѳанасія изъ святой горы и разрушилъ горделивыя его зданія. Царь, слышавъ о высокой добродѣтели святаго, не вдругъ повѣрилъ клеветѣ, а написалъ къ обвиняемому, чтобъ онъ самъ явился къ нему, для личнаго объясненія. Аѳанасій, исцѣлившись отъ болѣзни, явился. Увидѣвъ его и убѣдившись въ личныхъ его достоинствахъ, царь выразилъ глубокое къ нему уваженіе и, вмѣсто того, чтобъ сдѣлать ему какое нибудь зло, облагодѣтельствовалъ его, подобно своему предшественнику Никифору, принялъ участіе въ устроеніи монастыря, назначилъ его лаврѣ ежегодную выдачу изъ царскихъ суммъ 244 золотыхъ монетъ и далъ ему на то свой хрисовуль. Святогорцы, видя, что они, неправедною своею жалобою на Аѳанасія, принесли ему не вредъ, а сущую пользу, познали, что діаволь оболѣстилъ ихъ строить козни праведнику, на ихъ же погибель; и потому, раскаявшись, смиренно просили у святаго

прощенія. Между тѣмъ, полный ненависти и злобы супостатъ, видя, что этимъ способомъ нисколько нельзя повредить преподобному, скрежесталъ на него зубами и готовился къ новой и сильнѣйшей брани. Это его приговореніе видѣлъ одинъ изъ имѣвшихъ чистыя душевныя очи, — старецъ Θома. Въ третій часъ дня, пришелъ онъ какбы въ изступленіе, и видитъ, — всѣ горы и юдоли Аѳона полны были иноковъ, мрачныхъ какъ эѳіопы, которые съ великимъ гнѣвомъ и яростію говорили другъ другу: «Братія! что мы терпимъ здѣшнихъ всельниковъ? почему не истребимъ ихъ? почему не разтерзаемъ ихъ зубами нашими? Долго ли еще терпѣть и начальника ихъ, — этого жестокаго нашего сокрушителя? отчего до сихъ поръ не уничтожимъ его? Не видите ли, что онъ самымъ жестокимъ образомъ изгналъ насъ изъ мѣста нашего?» Тогда какъ это и другое, больше сего, демоны, со всею бѣсовскою злостію, говорили, Θома видитъ, что преподобный вышелъ изъ своей келіи, съ жезломъ въ рукѣ, и началъ жестоко бить злившихся эѳіоповъ: мурины, не терпя ударовъ святаго, исчезли какъ дымъ, и удалились нетолько отъ Меланъ, но и со всей святой горы. Видѣніе это скоро пришло въ исполненіе. Исконный человѣкоубійца въ одномъ несчастномъ инокѣ лавры возбудилъ такую ненависть къ Аѳанасію, что тотъ рѣшился непременно убить незлобиваго своего отца; и потому, выточивъ ножъ, онъ тихо пришелъ ночью къ его келіи, когда святой возносилъ прилежную къ Господу Богу молитву за него же, неблагодарнаго, — и говоритъ: «отче, благослови!» — Гласъ Іаковль, но руки Исавли. — Аѳанасій, праведный какъ Авель, не зналъ, что внѣ стоитъ Каинъ, и зоветъ его на убіеніе. Спросивъ извнутри келіи: «кто тамъ?» преподобный отворилъ дверь. Но лишь только дерзкій и коварный сынъ увидѣлъ кроткаго своего отца, — руки его невольно оцѣпенѣли, и гибельное его оружіе упало на землю: вслѣдъ за тѣмъ онъ палъ къ ногамъ невиннаго своего отца,

и съ горькимъ плачемъ говорилъ: «помилуй, отче, своего убійцу! прости беззаконіе мое и оставь нечестіе сердца моего!» Преподобный, зажегши огонь, увидѣлъ на землѣ изощренный на закланіе его ножъ, позналъ адское противъ себя намѣреніе своего сына—измѣнника и, удивившись этому, говоритъ: «На разбойника ли ты пришелъ на меня, чадо мое? Впрочемъ, Богъ да проститъ тебѣ беззаконіе твое! Оставь же свои слезы, и не объявляй никому объ этомъ несчастномъ своемъ дѣлѣ.» Говоря такъ, святой лобызалъ его, какъ своего друга и, во увѣреніе своего забвенія нанесенной ему обиды, далъ ему нѣкіе дары о Господѣ, а впослѣдствіи всегда любилъ его — не только живаго, но и послѣ смерти, и оплакивалъ его болѣе всѣхъ другихъ братій. Такъ-то блаженный былъ непамятозлобивъ! Между тѣмъ, этотъ отцеубійца, тронутый до глубины души незлобіемъ своего отца, рыдая и сокрушаясь о своемъ беззаконіи, никакъ не могъ удержаться, чтобъ не проповѣдывать о высотѣ отчей къ себѣ любви и о своемъ великомъ преступленіи, и умеръ съ чувствомъ глубокаго покаянія. И другой братъ, подвигнутый тоже дѣйствіемъ исконной злобы на ненависть къ преподобному, непремѣнно хотѣлъ потребить его отъ земли живыхъ: но, не зная, какъ успѣть въ этомъ преступнѣйшемъ своемъ замыслѣ, онъ предался волхвованію и чарованіямъ, и однакожъ, къ удивленію, увидѣлъ, что всѣ чары его противъ незлобиваго отца не имѣютъ никакого успѣха. Этотъ жалкій инокъ случайно спросилъ другаго своего брата: «могутъ ли имѣть какое нибудь дѣйствіе на чловѣка чарованія?» Братъ отвѣчалъ: «на чловѣка благочестиваго и живущаго по Богѣ волхвованія не имѣютъ никакого дѣйствія.» Слыша это, омрачившійся злобою братъ пришелъ въ себя; зная же о незлобіи своего отца къ подобному себѣ отцеубійцѣ, явился онъ къ нему и, припадши къ ногамъ его, съ великимъ рыданіемъ исповѣдалъ ему грѣхъ свой и просилъ у него прощенія, — что и получилъ отъ то-

го, который подражалъ Возлюбившему грѣшный міръ даже до крестной смерти. Таковъ былъ Аѳанасій къ согрѣшающимъ противъ него!

Святый подавалъ скорую помощь больнымъ и слабымъ и былъ сострадательнѣйшимъ о нихъ попечителемъ. Онъ всегда говорилъ своимъ инокамъ, въ назиданіе: «знайте, чада,—отъ каждаго человѣка Богъ хочетъ того, чтобъ мы, сколько можемъ, помогали своимъ братіямъ,—прежде въ отношеніи къ тѣлу, а потомъ и въ отношеніи къ душѣ, и словами назиданія приводили ихъ къ покаянію; да и недостойные у Владыки нашего содѣлаются достойными и честными.» Когда случались тяжело больные, покрытые ранами и струпами,—монахи ли то были, или и странные,—и когда приставники къ больнымъ, не вынося смрада и зловонія отъ ранъ, нерадѣли о нихъ, онъ самъ, своими руками, очищалъ согнившіе члены ихъ. Кромѣ того, онъ занимался и другими низкими дѣлами, и всегда старался совершать ихъ, по возможности, тайно. Почему и Господь, видя великое его смиреніе и трудъ, часто чудомъ исцѣлялъ больныхъ,—и такимъ образомъ исцѣлились многіе. Но преподобный не объявлялъ объ этомъ, утверждая, что они выздоровѣли отъ травъ. Если же узнавалъ онъ духомъ, что какому нибудь больному исцѣлиться не было воли Божіей, то, со всѣми братіями, совершалъ всенощное бдѣніе и просилъ Бога, чтобы Онъ, какъ благоутробный, упокоилъ его, избавляя такимъ образомъ и больнаго отъ мученія, и приставниковъ отъ напрасной тягости. И къ утру, когда они кончали свои молитвы, кончалъ, бывало, свою жизнь и больной. По великому своему смиренномудрію, преподобный всегда говорилъ, что причиною этого чуда была молитва всѣхъ братій. Нерадѣнія, лѣности, праздности въ паствѣ его не существовало. Самые немощные и старые имѣли соразмѣрное съ своими силами дѣло. Притомъ всякое дѣло непременно сопровождалось у нихъ молитвою и псалмопѣніемъ, а не

празднословіемъ, чтобы, такимъ образомъ, и самое дѣло благословлялось и душа освящалась.

Свѣтомъ великихъ своихъ подвиговъ Аѳанасій свѣтилъ всему почти міру и, такимъ образомъ, своими добродѣтелями прославлялъ Отца небеснаго, за что и Богъ возвеличилъ его еще въ земной его жизни. Святой былъ общій отецъ и наставникъ, предстатель о всѣхъ предъ престоломъ Всевышняго, ангель-утѣшитель, посланный свыше. Слава добродѣтелей его пронеслась звучнымъ эхомъ не только по всей святой горѣ, но и далеко внѣ ея предѣловъ. Поэтому не одни аѳонскіе отшельники оставляли свое безмолвіе и приходили къ нему, чтобы подчиниться его руководству, считая это подчиненіе полезнѣе своего безмолвія;—къ нему являлись странники изъ Греціи и изъ другихъ различныхъ странъ: какъ-то, изъ древняго Рима, Италіи, Калабріи, Амальфіи, Грузіи и Арменіи,—являлись иноки и люди мірскіе, простые и благородные, бѣдные и богатые, и искали его водительства на пути къ небу; являлись даже игумены киновіи и епископы, оставляя свои престолы и начальственные жезлы, и подчинялись мудрому его управленію. Древность передала намъ имена — патріарха Николая, славнаго харонита ¹, Андрея Хрисополита, знаменитаго подвижника и великаго мудреца, дивнаго аскета Акакія и многихъ другихъ пустынниковъ, веригоносцевъ, состарѣвшихся въ подвижничествѣ: всѣ они, то по божественному строенію, то по прямому свыше откровенію, приходили къ преподобному и поступали подъ его начальство. Одинъ изъ такихъ былъ и блаженный Никифоръ, подвизавшійся въ Калабріи со святымъ Фантиномъ. Имъ бы-

---

¹ У святителя Ростовскаго объ этомъ патріархѣ Николаѣ сказано: онъ же назывался и Харитонъ. Но этого нѣтъ ни въ Эллінской рукописи житія святаго Аѳанасія, ни въ нашемъ источникѣ. Харонитъ (*περιβόητος Χαρωνίτης*), нужно думать, означало или мѣсто происхожденія патріарха, или его фамилію,—подобно тому, какъ назывался славный Малешъ, знаменитый Палама.

ло божественное видѣніе, повелѣвавшее Фантину идти въ Солунь, а Никифору отправиться на Аѳонъ, и подчиниться тамъ начальнику горы Аѳанасію. Никифоръ такъ и поступилъ, — явился къ преподобному, который съ удовольствіемъ принялъ его и, на малое время, предоставилъ ему жить по прежнему его обычаю. Онъ былъ одѣтъ одною только власяницею, а ѣлъ разъ въ день, по захожденіи солнца, и то отруби съ теплою водою, и болѣе ничего. Преподобный же одѣлъ его въ одежды киновіатскія и повелѣлъ ему ѣсть то, что ѣли и прочіе. Состарѣвшійся подвижникъ не пререкалъ новому своему руководителю, но усердно повиновался всѣмъ его велѣніямъ, и посему достигъ такой высоты добродѣтели, что, когда онъ преставился, изъ костей его текло чудное миро, благовоннѣе всѣхъ земныхъ ароматовъ. Такіе-то великіе мужи посылаемы были Богомъ подъ управленіе Аѳанасія! И такъ, если плодъ показываетъ достоинство дерева, а дерево — силу и качество корня: то изъ плода наставляемыхъ Аѳанасіемъ видно, каковъ былъ самъ онъ. Но время уже, хотя кратко, коснуться и нѣкоторыхъ чудесъ, которыми Богъ прославилъ этого великаго Своего угодника.

Сподобившись, за необыкновенныя свои добродѣтели, дара чудесъ, святой совершалъ ихъ въ неисчислимомъ множествѣ. Часто однимъ прикосновеніемъ своей руки, или даже своего жезла, либо однимъ своимъ словомъ, или знаменіемъ креста, исцѣлялъ онъ различные недуги — душевные и тѣлесные. Но надобно замѣтить, что при этомъ, столь легкомъ цѣленіи человѣческихъ недуговъ, онъ всегда соображался съ истинною пользою страждущихъ, которую просвѣтленными очами своей души видѣлъ ясно. Поэтому однихъ исцѣлялъ онъ не вдругъ, страданія другихъ облегчалъ лишь нѣсколько, или исцѣлялъ ненадолго, а у нѣкоторыхъ только пресѣкалъ дѣйствіе болѣзни, оставляя въ душѣ ихъ противныя помыслы, давая имъ случай къ подвигамъ. Начнемъ описаніе чудесъ его съ дара

прозорливости. — Разъ, во время тяжелой и суровой зимы, онъ вдругъ призвалъ къ себѣ одного брата, именемъ Θεодора, занимавшагося рыболовствомъ, и говоритъ ему: «возьми, братъ, пищи и иди скоро, направляясь отъ Керасія ¹ внизъ къ морю; — тамъ находятся въ опасности умереть отъ голода и холода одинъ инокъ и два мірянина, выброшенные на берегъ бурей: укрѣпи ихъ пищею, а потомъ приведи сюда съ собою.» Братъ отправился къ морю, и дѣйствительно нашелъ тамъ тѣхъ, о комъ предсказалъ ему отецъ его. Несчастные, укрѣпившись, пришли въ лавру съ радостію и громко благодарили Бога и святаго раба Его.

Въ другое время, святой, по какой-то нуждѣ, рѣшился съ нѣсколькими братьями отправиться моремъ въ одно мѣсто. Вошли въ барку, и уже отплыли отъ берега на довольное разстояніе, какъ злобный демонъ злоумыслилъ потопить ихъ: онъ возмутилъ и взволновалъ море сильнымъ вѣтромъ, опрокинулъ барку вверхъ дномъ, — и вода, въ одно почти мгновеніе, покрыла всѣхъ плившихъ. Но едва только барка перевернулась, — какое чудо, Господи! — святой тотчасъ же оказался сидѣвшимъ наверху ея, а прочіе ходили по водамъ, и всѣ они, извлекаемые изъ воды отцемъ своимъ, одинъ по одному, безъ всякаго вреда, взошли на хребетъ барки. Не видно было только одного кипрянина, именемъ Петра, который, какъ древній Петръ, за свое невѣріе, погрязъ въ водахъ. Не видя его, преподобный возгласилъ: «гдѣ ты, Петръ, чадо мое?» — и море немедленно выкинуло его наверхъ. Между тѣмъ монахи лавры, приходившіе въ пристань проститься съ преподобнымъ, видѣли оттуда все происходившее тогда на морѣ, и тотчасъ же, вошедши въ другую барку, явились къ уто-

---

¹ Керасія — черешня. Въ области лавры, такъ называется одно мѣсто, отстоящее отъ ней на два часа ходу, и носитъ это имя отъ обилія тамъ черешень. У святаго Ростовскаго оно по ошибкѣ названо Кесарійскимъ.

павшимъ своимъ братіямъ, пересадили ихъ на свою, а опрокинутую демономъ снова обернули. Къ большому еще удивленію иноковъ, въ море не упало ни одного сосуда, и ничего даже изъ самыхъ мелкихъ, находившихся въ лодкѣ, вещей. Съ того времени, братіи лавры усугубили свою вѣру и благоговѣніе къ преподобному.

Одинъ монахъ, именемъ Матѳеѣй, мучимый лютымъ демономъ, былъ принятъ преподобнымъ въ лавру, и только словомъ его избавленъ былъ отъ этого жестокаго и неправеднаго мучителя чловѣковъ.

Другой изъ иноковъ лавры имѣлъ такую слабость, что во время сна вытекала у него урина. Отчего одежды его, естественно, отзывались зловоніемъ. Впрочемъ, онъ былъ весьма усердный подвижникъ. Много и сильно скорбѣлъ бѣдный инокъ о своей слабости, но никому не открывалъ причины своей скорби. Лукавый всегда скорь съ своею, пагубною для насъ, помощію въ бѣдахъ нашихъ, если мы сами благовременно не ищемъ помощи свыше. Онъ, окаянный, въ скорби находившемуся иноку присовѣтовалъ повѣситься, чтобъ скорѣе избавиться отъ поношенія. Несчастный уже рѣшился было исполнить этотъ адскій совѣтъ: но всеблагій Богъ не допустилъ, чтобы погибли усердные его труды и подвиги. Онъ вдохнулъ въ сердце несчастнаго самоубійцы исповѣдаться преподобному страшный свой грѣхъ. Исповѣдуясь святому, онъ показывалъ ему гибельную свою петлю, которою намѣревался удавиться, но стыдился открыть причину такого преступленія, и едва-едва объявилъ ее, когда уже самъ святой ласково склонилъ его къ тому. «Омраченный!» (это слово святой употреблялъ, когда когонибудь бранилъ), съ гнѣвомъ тогда сказалъ ему преподобный: «почему же ты не говорилъ мнѣ объ этомъ прежде? иди, и не дѣлай болѣе.» И—о чудо!—слово его было дѣломъ: инокъ навсегда избавился отъ своей немощи.

Еще одного монаха, именемъ Θεодора, снѣдаемаго страш-

ною и неисцѣлимою болѣзнію — ракъ, святой исцѣлилъ только изображеніемъ на немъ знаменія честнаго креста. Чтобы испытать терпѣніе и послушаніе Теодора, святой сначала поручалъ его пользоваться врачу лавры — Тимоѳею. Этотъ, хотя и зналъ, что ракъ неизлечимъ, но, чтобы не явиться ослушникомъ, взялъ больного подъ свое смотрѣніе. Такъ часто дѣлалъ преподобный.

Въ одинъ годъ, на островъ, называемый Новыхъ¹, гдѣ лавра имѣла свой метохъ, напало столько саранчи, что она истребила тамъ почти всякую растительность, отчего произошелъ голодъ и моръ скота. Святой самъ отправился на этотъ островъ, сотворилъ тамъ прилежную ко Господу Богу молитву, — и, по молитвѣ его, тотчасъ же, налетѣло туда столько птицъ, что онѣ въ одинъ день истребили всю саранчу.

Неразъ также святой услаждалъ морскую воду и дѣлалъ ее годною для питья.

Одного брата лавры, именемъ Герасима, жестоко страдавшаго грыжею и ревматизмомъ, святой исцѣлилъ молитвою и назнаменованіемъ на немъ спасительнаго креста. Послѣ праведной кончины преподобнаго, этотъ Герасимъ, свидѣтельствуясь Богомъ, исповѣдалъ слѣдующее: «Въ одинъ день, когда святой находился въ храмѣ святыхъ апостолъ, мнѣ нужно было съ нимъ побесѣдовать; — я пошелъ къ нему, смотрю въ дверную щель, и вижу — лицо его подобно пла-

---

¹ Надобно замѣтить, что здѣсь, на этомъ островѣ, по распоряженію святаго, жили молодые лаврскіе иноки и, до извѣстнаго времени, упражнялись въ дѣлѣ иночества подъ надзоромъ одного благоговѣйнаго и опытнаго старца. Такъ былъ искусень и разсудителень преподобный въ дѣлѣ руководства всѣхъ и каждаго ко спасенію. На пути къ небу, онъ не отказывалъ въ своей помощи и юнымъ, но, для избѣжанія соблазна, не держалъ ихъ не только въ лаврѣ, но даже и на горѣ. Островъ этотъ: *ἡ τῶν νέων νῆσος*, потому такъ и названъ, какъ говоритъ эллиногреческая рукопись житія святаго Леанасія, что онъ былъ мѣстомъ понеченія о юныхъ, что тамъ, изъ монаховъ лавры, предупражнялись *οἱ νεώτεροι*.

мени огня; я отступилъ немного, потомъ снова возвратился, и опять вижу—лицо его блещетъ еще большимъ свѣтомъ, даже самъ онъ окруженъ какимъ-то ангельскимъ сіяніемъ. Тогда я затрепеталъ отъ страха, и невольно возгласилъ: «отче!» Святой, утѣшая меня, сказалъ: «не бойся, чадо! впрочемъ, даю тебѣ заповѣдь: не объявляй никому того, что ты теперь видѣлъ, пока я живъ.» И, сохраняя заповѣдь отца моего, я не сказывалъ вамъ этого даже до сего дня.»

Одинъ братъ, по нѣкоей монастырской нуждѣ, посланный преподобнымъ въ міръ, вознерадѣлъ о своемъ спасеніи, и впалъ тамъ въ плотской грѣхъ. Возвратившись въ лавру, съ отчаяніемъ о своемъ спасеніи, онъ исповѣдалъ преподобному свой грѣхъ. Святой, какъ опытный врачъ, утѣшая его и убѣждая не отчаяваться, но имѣть надежду на Бога, оставилъ его при прежнемъ монастырскомъ послушаніи. Узнавъ объ этомъ, другой монахъ, именемъ Павелъ, соблазнился, и сталъ открыто осуждать какъ павшаго брата, такъ и преподобнаго, — что святой не изгналъ изъ обители преступника, за совершеніе такого незаконнаго и постыднаго дѣла. Преподобный, строго посмотрѣвъ на него, сказалъ: «Павелъ, что ты дѣлаешь?—себѣ внимай, а не братніе грѣхи разсматривай. Писано: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. 10, 12).» Съ того времени, попущеніемъ Божиимъ, и самъ Павелъ ощутилъ въ себѣ сильную блудную брань, и жестоко страдалъ уже трое сутокъ, такъ что началъ отчаяваться во спасеніи; но, что всего хуже, стыдился открыться отцу своему объ этой гнусной брани, и просить его помощи. Преподобный зналъ духомъ все это и, приличнымъ образомъ, самъ внушилъ ему смѣлость исповѣдаться. Тогда-то уже Павелъ открылъ ему свой грѣхъ и просилъ у него прощенія, какъ у отца, къ согрѣшающимъ сострадательнаго. Послѣ сего, преподобный прежде вразумилъ его, чтобъ онъ не осуждалъ падающихъ, но болѣе бы сострадалъ имъ и молился за нихъ, а

потомъ уже, видя его смиреніе и сокрушеніе, помолился о немъ Богу, и освободилъ его отъ этой скверной брани: Павелъ ощутилъ какой-то хладъ, на главу его пролившійся и распространившійся по всему его тѣлу, — отчего похотное разженіе тотчасъ же въ немъ погасло.

А братъ лавры Аѳанасій исцѣлился отъ водяной болѣзни чрезъ одно только прикосновеніе Аѳанасія къ животу его и произнесеніе сихъ словъ: «иди, чадо, — у тебя нѣтъ никакого недуга.» Кромѣ описанныхъ нами, святой, до своей кончины, сотворилъ много и другихъ чудесъ, но, для сокращенія своего повѣствованія, мы оставляемъ ихъ. Теперь время намъ сказать о кончинѣ его и о чудесахъ, которыя сотворилъ онъ послѣ своего преставленія, и привести повѣсть свою къ концу.

Такъ какъ къ преподобному собиралось, почти со всего міра, много братій, которые, для душевнаго своего спасенія, подчинялись ему, то братіи его скоро не могли помѣщаться въ прежней церкви. Это заставило святаго приступить къ расширенію соборнаго храма. Постройка шла, и только своды алтаря не были еще приведены къ окончанію. Тогда преподобный Аѳанасій, провидя, что пришло ему время отойти къ желаемому имъ всегда Христу, призвалъ къ себѣ всю братію и, предложивъ имъ сначала поученіе изъ Θεодора Студита, простеръ къ нимъ такую бесѣду: «Братія и чада мои! да блюдетъ каждый изъ васъ языкъ свой, ибо лучше упасть съ возможно большой высоты, чѣмъ испытать паденіе отъ языка: всякій изъ васъ да ожидаетъ себѣ искушенія, ибо мы идемъ въ царствіе небесное путемъ скорбей и искушеній. Посему не печальтесь о бѣдствіи, какое имѣетъ произойти со мною, и не соблазняйте имъ, но полагайте, что совершающееся устроеніемъ Божиимъ направляется къ вашей пользѣ; ибо иначе судятъ люди, и иначе устрояетъ Премудрый.» Слушая это, братіи недоумѣвали, о чемъ говоритъ имъ отецъ ихъ, и много о томъ размышляли. Потомъ преподобный во-

шелъ въ свою келью, и надѣлъ на себя свою рясу, мантию и священный кукуль блаженнѣйшаго отца своего Малеина, который обыкновенно возлагалъ на себя только въ дни великихъ господскихъ праздниковъ, или когда приобщался святыхъ Христовыхъ Таинъ. Промедливъ довольно времени одинъ въ своей келии, онъ вышелъ изъ ней. Состояніе духа его было весьма радостное, что выражалось и на самомъ лицѣ его. Братіи, видя его такъ украсившимся и лицо его столь свѣтлымъ и веселымъ, дивились этому необыкновенному зрѣлищу. Послѣ того святой, съ шестью человѣками изъ братій, взошелъ наверхъ храма—видѣть строеніе и помочь зиждущимъ. Какъ скоро зошли они туда, подъ ногами ихъ, недождьдомыми судьбами Божиими, разсѣлся верхъ храма, и всѣ они ринулись книзу. Пятеро тотчасъ же предали души свои въ руки Божіи. Преподобный же Аѳанасій и зодчій Даніилъ, хотя и были завалены каменьями, но оставались живы. Всѣ слышали, что преподобный, лежа подъ каменьями, до трехъ часовъ говорилъ: «слава Тебѣ, Боже! Господи Іисусе Христе, помоги мнѣ!» Братіи, съ великимъ плачемъ и обильными слезами, кто чѣмъ могъ, откапывали своего отца, но откопавъ, нашли его уже скончавшимся о Господѣ. Положеніе тѣла его было таково: голова была обращена къ святому сопрестолію, руки сложены крестовидно, ноги же, находясь въ прямомъ положеніи, были простерты вверхъ, какбы шествовалъ онъ на небо; святые мощи его не имѣли на себѣ никакой раны,—только правая нога была немного расцарапана деревомъ. Поднявъ святаго изъ груды камней, братіи положили его на одрѣ и, называя самихъ себя окаянными, всѣ плакали о немъ неутѣшно, такъ какъ потеряли въ немъ искуснаго управителя, скоропомощнаго и мудраго врача и благаго отца. Тѣло его оставалось непогребеннымъ три дня, чтобы, для совершенія надъ нимъ подобающаго надгробнаго псалмопѣнія, успѣли собраться иноки со всей

святой горы. Въ эти три дня, оно, къ общему изумленію, и не опухло, и не почернѣло, и не издавало обычнаго смрада, — нисколько не перемѣнилось. Когда со святой горы всѣ собрались, и совершали надъ нимъ пѣніе, замѣчено было поразительное явленіе, что изъ уязвленной ноги его выходила свѣжая кровь. И не одно только это совершилось тогда чудо, что тридневный мертвецъ испускалъ свѣжую кровь, — въ тотъ же самый часъ прославилось и лицо его, сдѣлавшись необыкновенно благообразнымъ и бѣлымъ, какъ снѣгъ. Одинъ старецъ убрисцемъ своимъ обтеръ эту кровь, и она потекла еще болѣе: посему всѣ стали брать ее, и мазаться ею, въ освященіе души и тѣла. Наконецъ многопобѣдное святое тѣло сіе, сосудъ Всесвятаго Духа, было благоговѣйно и честно погребено. Когда вынули изъ подъ камней другихъ шесть братій, тѣла пяти изъ нихъ оказались совершенно раздавленными, и честно погребены еще прежде погребенія святаго; строитель же Даніиль, человѣкъ духовный и добродѣтельный, — не смотря на то, что былъ весьма изъязвленъ, — оставался въ живыхъ еще нѣсколько дней. Въ это время онъ всѣмъ говорилъ, что, въ ночь предъ кончиною святаго, видѣлъ дивное видѣніе, — будто царь послалъ человѣка за Аѳанасіемъ: Аѳанасій взялъ съ собою еще шестерыхъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, — говорилъ Даніиль. Когда мы дошли до царскихъ палатъ, преподобный, съ другими пятью, вошелъ въ палату, а я оставался за дверьми и плакалъ. Тогда кто-то сказалъ мнѣ изнутри: «напрасно и бесполезно плачешь; — тебѣ невозможно войти сюда, пока не возьметъ тебя Аѳанасій.» Послѣ того я горько зарыдалъ, и вижу идущаго ко мнѣ сладчайшаго моего отца, который, взявъ меня за руку, пошелъ со мною къ царю, и я сподобился тамъ благоговѣйно поклониться ему. — Согласно съ этимъ видѣніемъ совершилось и дѣло: преподобный отшелъ къ небесному царю сначала съ пятью братіями, а потомъ слѣдовалъ за нимъ и благоговѣйный зда-

тель Даниилъ. Вотъ какимъ образомъ паства святаго Аѳанасія осталась сиротствующею! Да не подумаетъ кто либо, что такая кончина его нечестна; напротивъ, *смерть преподобныхъ*, по Писанію, всегда *честна предъ Господемъ* (Псал. 115, 6). Она сему угоднику Божию исходатайствовала у Бога, сверхъ преподобническаго, вѣнецъ и мученической. Объ ней не безъизвѣстно было и самому святому, какъ мы можемъ видѣть это изъ выше-сказанныхъ его дѣйствій предъ кончиною. Да и кромѣ сего, ясно провидя ее духомъ, онъ, за нѣсколько времени до святаго своего преставленія, говорилъ ученику своему Антонію: «путь, лежащій намъ въ Царьградъ, прошу, соверши ты одинъ, ибо мнѣ, по изволенію Царя небеснаго, не придется уже видѣть царя земнаго.» Аѳанасій, предъ кончиною своею, имѣя въ виду нѣкоторыя монастырскія нужды, дѣйствительно собирался къ царю.

Разкажемъ теперь сокращенно о нѣкоторыхъ чудесахъ святаго, которыя совершилъ онъ и послѣ своего преставленія. По кончинѣ преподобнаго, игуменомъ лавры былъ одинъ добродѣтельный инокъ, по имени Эвстратій. Онъ имѣлъ невыносимую болѣзнь въ своихъ почкахъ, ибо мочился кровію, съ трудомъ и невыразимою болью. Семь уже лѣтъ страдалъ онъ и, испытавъ безъ пользы средства многихъ, даже столичныхъ, врачей, наконецъ отрекся отъ всякаго человѣческаго врачеванія, возложилъ все свое упованіе на Бога и молился о своемъ исцѣленіи преподобному своему отцу. Молитва его услышана Богомъ: прибѣгши къ сему мощному, безмездному и скорому на помощь врачу, тотчасъ же получилъ онъ исцѣленіе. Въ одну ночь, явился ему во снѣ преподобный и, подавая сосудецъ съ какимъ-то питьемъ, велѣлъ выпить его весь. Эвстратій, отказавшись отъ всякаго врачеванія, и подаваемый ему сосудецъ почитая за обыкновенное лекарство, не хотѣлъ было принять его и пить: но, услышавъ сладкій отеческій голосъ: «не бойся, чадо,—пей;

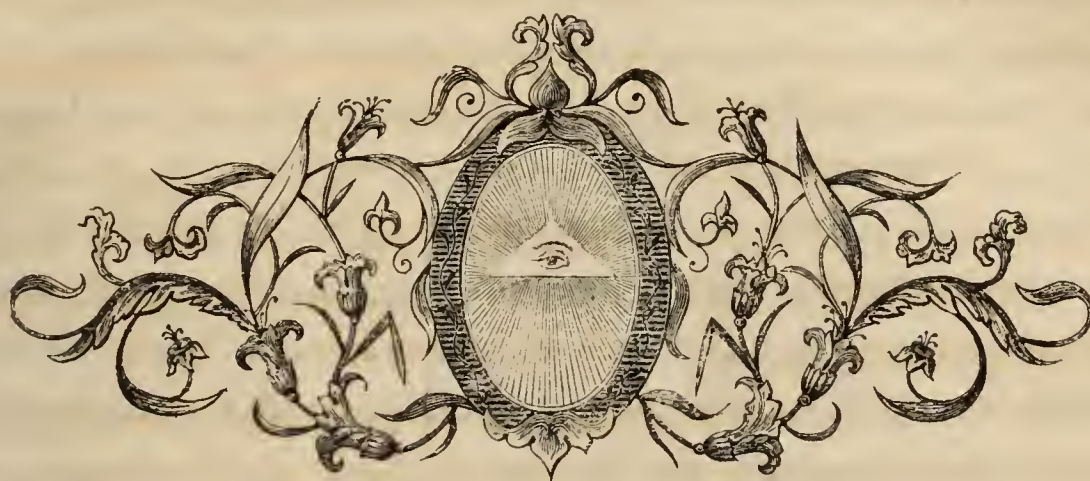
это послужить тебѣ во здравіе», — повиновался. Пробудившись и видя у себя естественное теченіе урины, онъ прославилъ Бога и возблагодарилъ святаго, и всѣмъ рассказывалъ о великомъ этомъ чудѣ.

Одинъ монахъ былъ мучимъ лютымъ демономъ. Несчастный, пришедши ко гробу святаго, помазался масломъ изъ горящей тамъ лампы: послѣ сего, внутренность бѣснуемаго тотчасъ же возмутилась, и онъ, изплевавши кровь съ какими-то мелкими животными, освободился чрезъ это отъ демона, и пошелъ домой, радуясь и славя Господа. Подобно этому, и слѣпой сынъ нѣкоего Аѳанасія, помазанный елеемъ изъ лампы святаго, получилъ прозрѣніе, а одинъ юноша, съ вѣрою помазавшись елеемъ изъ той же лампы, исцѣлился отъ проказы.

Кромѣ того, въ Смирнѣ, одна кровоточивая жена, съ вѣрою и призываніемъ имени святаго Аѳанасія, выпивъ крови его, которую далъ ей случившійся тамъ въ то время инокъ лавры, совершенно исцѣлилась отъ этой трудной болѣзни. А въ пристани Певкійской, одинъ матросъ, помазанный кровію святаго, которую принесли туда съ собою иноки лавры — Георгій и Симеонъ, возсталъ съ смертнаго одра, на которомъ 8 дней уже лежалъ какъ мертвый, безъ всякаго движенія и голоса.

Какое имѣетъ преподобный дерзновеніе у Владыки Христа и Царя всей твари, совершенно достаточно показываетъ и то, что мы написали, — говоритъ жизнеописатель святаго Аѳанасія. Кто можетъ исчислить звѣзды небесныя, или песокъ морской, тотъ лишь могъ бы пересказать и безчисленные чудеса преподобнаго. Посему, воздавъ славу и честь премудрому и всеильному Богу, дивному какъ во всѣхъ святыхъ, такъ и въ преподобномъ Аѳанасіѣ, окончимъ свою повѣсть. Молитвами же преподобнаго отца нашего Аѳанасія и всѣхъ святыхъ, да сохранимся и мы всѣ безпорочными, да тако избавимся вѣчнаго мученія и получимъ вѣчное блаженство о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ
ІОАННЪ ИВЕРСКІЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО МАЯ 13-ГО.

Огоносный отецъ нашъ Іоаннъ былъ родомъ изъ Иверіи (Грузіи), изъ области Тао, происходилъ отъ царскаго рода иверскаго ² и славился въ своемъ отечествѣ; но, изъ любви къ Богу, оставилъ міръ и вся, яже въ мірѣ, и, принявъ на себя иноческій образъ, подвизался сначала въ находящихся въ Иверіи монастыряхъ. Сперва поступилъ онъ въ братство монастыря, находившагося близъ его родины; потомъ, какъ мудрая и трудолюбивая пчела, желая болѣе со-

¹ Изъ *Ακολούθια τῶν ἀγιορείτων πητέρων*.

² Въ книжкѣ «Сказаніе о чудотворной иверской икопѣ Божіей Матери», Москва, 1843, на стр. 2-й, пишется: «Въ 1009 году по Р. Х., во время раздѣленія Грузіи на удѣлы, многіе грузинскіе князья, коимъ не досталось удѣловъ въ своемъ отечествѣ, поступили на службу греческой имперіи. Изъ числа ихъ, Іоаннъ (который, съ сыномъ своимъ Евфиміемъ, перевелъ священное Писаніе на грузинскій языкъ,) и Георгій, происходившіе отъ царскаго рода, приняли монашество въ лавръ святаго Аѳанасія.» Но изъ мѣстныхъ источниковъ мы видимъ, что Іоаннъ съ сыномъ своимъ Евфиміемъ происходили не отъ такихъ князей Грузіи, и что священное Писаніе перевелъ на грузинскій языкъ не Іоаннъ, а сынъ его Евфимій; сверхъ этого еще нужно сказать, что Іоаннъ, будучи другомъ святаго Аѳанасія, кажется, не могъ быть однимъ изъ князей Грузіи 11 вѣка.

братъ меду добродѣтелей съ цвѣтовъ сада духовной мудрости, перешелъ въ монастырь, тоже въ Иверіи, бывшій на горѣ, такъ называемой Колпа, а отсюда — на Олимпъ; съ Олимпа же, гдѣ безмолвствовалъ довольно времени, онъ перешелъ на Аѳонъ. Но слава добродѣтели Аѳанасія аѳонскаго достигла и высочайшихъ горъ и неприступныхъ высотъ, и такимъ образомъ оттуда привлекла сего подвижника, какъ магнитъ желѣзо, къ подвижнику аѳонскому. Пришедши къ Аѳанасію, Іоаннъ сдѣлался искреннимъ его другомъ и истиннымъ послушникомъ: поэтому въ послѣдствіи святой Аѳанасій отзывался о немъ съ особенною похвалою. Черезъ нѣсколько времени, оставивъ лавру святаго Аѳанасія, онъ, иждивеніемъ Василя, сына Романа, греческаго царя, создалъ славную обитель, которая и донинѣ известна подъ названіемъ Иверской, — вмѣсто дотолѣ бывшей малой и скудной, называемой Климентовою.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО
ЕВФИМІЯ
НОВАГО (НВЕРСКАГО) ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО МАЯ 13-ГО.

И преподобный Евфимій былъ родомъ грузинецъ, изъ области Тао. Отецъ его, именитый и богатый, по сердечному влеченію къ ангельской жизни, оставивъ богатство и славу міра и, въ духѣ нищеты Христовой, шествуя крестнымъ путемъ жизни подъ именемъ Іоанна, принятымъ въ постриженіи, удалился изъ Грузіи въ Константинополь. Между тѣмъ Евфимій, бывшій въ то время еще въ младенческихъ лѣтахъ, оставался на родинѣ съ своимъ дѣдомъ,—подъ старческимъ руководствомъ котораго и воспитывался въ правилахъ строгой христіанской нравственности. Впрочемъ, и дѣдъ недолго оставался съ нимъ въ Грузіи: взявъ съ собою Евфимія, онъ отправился тоже въ Константинополь, чтобъ

¹ Изъ Νέον ἐκλόγιον.

найти тамъ сына своего Іоанна и убѣдить его возвратиться въ отчизну. Такъ и случилось: онъ отыскалъ Іоанна, и со слезами упрашивалъ его идти съ нимъ домой; но Іоаннъ не только не соглашался на это самъ, да и сына своего Евфиміа не хотѣлъ отпустить отъ себя. Вслѣдствіе сего, огорченный старецъ долженъ былъ, въ разсужденіи Евфиміа, войти съ сыномъ своимъ въ большой споръ: Іоаннъ желалъ оставить его при себѣ, а отецъ Іоанновъ не хотѣлъ разстаться съ любимымъ своимъ внукомъ ни подъ какимъ видомъ, такъ что наконецъ это дѣло дошло до свѣденія царствовавшаго тогда Никифора. Пораженный трогательнымъ споромъ о дитяти между его отцомъ и дѣдомъ, Никифоръ приказалъ представить къ нему всѣхъ троихъ. Когда они предстали, и предъ лицомъ царя возобновили споръ объ отрокѣ, — Никифоръ рѣшилъ такъ, чтобы ни тотъ ни другой не оставлялъ его при себѣ противъ собственной его воли, но чтобы поручили это суду Божію, — то есть, къ кому отрокъ пойдетъ, пусть при томъ онъ и будетъ. А надобно замѣтить, что Евфимій почти и не видалъ хорошенько и не зналъ своего отца. Когда, такимъ образомъ, оставили отрока на собственную его волю, онъ бросился къ своему отцу, котораго, какъ сказано, и не видалъ и не зналъ до настоящаго часа, — такъ что этимъ растрогалъ, удивилъ и привелъ въ слезы всѣхъ бывшихъ тамъ.

Тогда блаженный Іоаннъ принялъ сына своего какбы прямо отъ Бога, и потому, какъ даръ Божій, немедленно посвятилъ его на служеніе Господу, — облекъ въ иноческую одежду и озаботился образованіемъ его въ наукахъ виѣшнихъ, въ большей или меньшей мѣрѣ нужныхъ для инока. Прекрасныя способности и чрезвычайное прилежаніе Евфиміа скоро совершили его въ образованіи виѣшнемъ, а между тѣмъ неуклонное шествіе по крестнымъ стезямъ христіанскаго самоотверженія, подъ строгимъ и бдительнымъ руководствомъ отца, привлекло на него благословеніе свыше, такъ что онъ сдѣ-

лался наконецъ пріятелемъ Святаго Духа. Можетъ быть, сколько, съ одной стороны, занятія классическія, столько, съ другой, строгія лишенія плоти, даже въ существенныхъ ея требованіяхъ, изнурили жизненные его силы, и онъ заболѣлъ тяжело; но и здѣсь Господь не оставилъ его: предстательствомъ и помощію Пресвятыя Госпожи нашей Богородицы, Евфимій сперва оправился отъ болѣзни, а наконецъ и совершенно освободился отъ нея. Такая очевидная милость Божія и заступленіе Пренепорочной Дѣвы Богородицы были новымъ для него побужденіемъ и возлагали на него священный долгъ — болѣе прежняго посвятить себя подвижническимъ трудамъ и преспѣванію во всѣхъ дѣлахъ благочестія. При содѣйствіи благодати Божіей, онъ, дѣйствительно, былъ для своего времени свѣтлымъ образцомъ иноческой жизни, достойнымъ не только подражанія, но и удивленія. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, довольно рассказать объ одномъ обстоятельстве. Однажды пришелъ къ нему еврей — поговорить о вѣрѣ. Блаженный Евфимій никакъ не хотѣлъ входить съ нимъ въ бесѣду подобнаго рода, почитая пустословіемъ — отъявленнымъ врагамъ Христовымъ излагать и объяснять божественныя таинства вѣры; впрочемъ, изъ уваженія и почтительности къ своему отцу, много убѣждавшему его къ бесѣдѣ съ евреемъ, наконецъ согласился на это. Когда началъ онъ приводить еврею различныя изреченія и предсказанія ветхаго завѣта о Божественномъ Мессіи, — Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, котораго отвергли евреи, — слушавшій его еврей онѣмѣлъ, невольно убѣждаясь въ справедливости его словъ и не находя на нихъ, съ своей стороны, никакихъ возраженій. Однакожь, этотъ отверженникъ, пристыженный святымъ Евфиміемъ, вмѣсто того, чтобъ принять къ сердцу глаголы святой истины, по упорству, свойственному невѣрнымъ, дерзнулъ произносить нечистыми своими устами хулы на Господа нашего Исуса Христа. «Да онѣмѣютъ уста, хулящія Господа Бога нашего!» воскликнулъ тогда святой Ев-

фимій, воспламенившійся божественною ревностію, — и въ то же мгновеніе еврей онѣмѣлъ, ринулся оземь, и изъ богохульныхъ его устъ начала клубиться пѣна. Въ такомъ ужасномъ положеніи, нечестивецъ на другой день испустилъ преступный свой духъ. Это чудо навело на всѣхъ страхъ и ужасъ, и по всему Константинополю пронеслась слава и молва о святомъ Евфиміѣ.

Конечно, по духу міра, событіе подобнаго рода и человѣческая слава могли бы другаго осуетить и привязать къ жизни среди столицы; но блаженный Евфимій, — какъ и всѣ истинные подвижники, глубоко чувствуя и зная, что окруженный славою міра чуждается славы Божіей, и воспринимаетъ мзду свою отъ людей, — какъ птица отъ тенетъ, какъ узникъ изъ темницы, понесся изъ Константинополя, въ соупутствіи своего отца, на святую гору Аѳонскую, и поселился въ лаврѣ преподобнаго Аѳанасія. Аѳанасій съ любовію принялъ ихъ, и такъ еще протекло нѣсколько времени. Между тѣмъ, божественный Аѳанасій видѣлъ прозорливыми духовными очами, что святой Евфимій, за сердечную чистоту, былъ избраннымъ сосудомъ Святаго Духа, — и потому началъ убѣждать его къ принятію священства. Долго не соглашался на это смиренный Евфимій, отзываясь собственнымъ своимъ недостойнствомъ и важностію священнаго сана; однакожь, наконецъ, какъ истинный послушникъ, отдалъ себя въ волю святаго Аѳанасія, и принялъ рукоположеніе. Въ этомъ высокомъ санѣ, Евфимій возвысился болѣе прежняго тайными подвигами, прилагая воздержаніе къ воздержанію и добродѣтель къ добродѣтели, такъ что впослѣдствіи, чувствуя силы и благодать Всесвятаго Духа, принялъ на себя трудъ — перевести все священное Писаніе на грузинскій языкъ. Кромѣ того, составилъ онъ много полныхъ высокой мудрости книгъ и собственнаго своего произведенія, возобновилъ многіе храмы и больницы, и такимъ образомъ возвеличилъ святую гору съ ея пустынями и придалъ имъ еще большую красоту. Надобно признаться, что сер-

дечной его доброты и христіанской внимательности ко всѣмъ и каждому, неподражаемаго его смиренія, съ какимъ онъ служилъ 14 лѣтъ больному своему родителю и великому Аѳанасію, невозможно выразить на языкѣ человѣческомъ. Когда же преподобный Аѳанасій отошелъ ко Господу, блаженный Евфимій, по просьбѣ и желанію братства, принялъ управленіе священною лаврою, а впоследствии и вся святая гора избрала его своимъ правителемъ; потому что онъ былъ въ дѣятельности неусыпелъ и бдителенъ, и слово священныхъ устъ его, исполненное мудрости и утѣшенія, точило для всѣхъ врачевство духовное. Впрочемъ, онъ недолго оставался въ своемъ званіи: любовь къ строгому безмолвію влекла его въ уединеніе. Вслѣдствіе сего, избравши для лавры вмѣсто себя игуменомъ сродника своего Георгія, онъ погрузился въ пустыню, и только Богъ зналъ и видѣлъ тайные его подвиги и молитвенные труды. Но такъ какъ *не можетъ*, по слову Писанія, *укрыться градъ, верху горы стоя* (Матѳ. 5, 14), то и жизнь святаго Евфимія не утаилась отъ вѣденія человѣческаго: Самъ Богъ прославилъ его и явилъ дѣла его, какъ увидимъ это изъ нижеслѣдующаго.

Однажды преподобный Евфимій прибылъ въ Солунь, гдѣ и былъ весьма ласково принятъ тамошнимъ епископомъ, — мужемъ жизни весьма благочестивой. Епископъ былъ коротко знакомъ съ однимъ изъ солунскихъ евреевъ, котораго онъ хотя постоянно убѣждалъ къ принятію христіанской вѣры, но тотъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался на это. Въ бытность преподобнаго у епископа, упомянутый еврей пришелъ къ нему и, по прежнему, былъ убѣждаемъ къ вѣрованію во Христа. Но, вмѣсто того, чтобы принять убѣжденія архипастырскія если не съ уваженіемъ и покорностію, то, по крайней мѣрѣ, съ скромностію и молчаніемъ, еврей считалъ слова епископа за пустословіе и шутку, и дерзко отзывался о христіанской вѣрѣ. Слыша это, епископъ просилъ

святаго Евфимія поколебать мудрыми своими убѣжденіями упорство еврея: но преподобный, какъ истинное чадо кротости и смиренія Іисуса Христа, говоритъ, что это относится болѣе къ обязанности и долгу епископа, и что онъ, съ своей стороны, считаетъ себя въ этомъ случаѣ человѣкомъ стороннимъ. Впрочемъ, когда епископъ сталъ настоятельно просить его объ этомъ, послушный Евфимій отверзъ уста свои, исполненныя благодати и силы Святаго Духа, и всѣ возраженія еврея, въ разсужденіи христіанской вѣры, опровергъ ясными свидѣтельствами ветхаго завѣта, изложилъ, на основаніи пророческихъ рѣченій, всѣ истины Евангелія, такъ что обезоруженный израильтянинъ долженъ былъ наконецъ со стыдомъ умолкнуть. Послѣ сего, кипя негодованіемъ на святаго Евфимія, такъ пристыдившаго его въ виду собранія, онъ не вынесъ движеній огорченнаго сердца и, вмѣсто возраженій на доказательства святаго о божественности Іисуса Христа, дерзнулъ произнести хулу на Него. Тогда, строго возрѣвъ на него, святой Евфимій сказалъ: «за то, что ты смѣлъ произнести хулу на Творца и Владыку всѣхъ, Господа Іисуса, да умолкнутъ уста твои, незаконный!» И еврей онѣмѣлъ, упалъ на землю, и богохульныя уста его и глаза извратились. Такое чудо поразило всѣхъ находившихся тамъ евреевъ и христіанъ чрезвычайнымъ ужасомъ. Припавши къ ногамъ преподобнаго, они просили сжалиться надъ евреемъ и исцѣлить его. Преподобный, сколько строгій къ хульникамъ имени Христова, столько же и сострадательный къ бѣдствующимъ, послушалъ ихъ, и, напечатлѣвъ на евреѣ знаменіе животворящаго креста, исцѣлилъ его. Тогда еврей громогласно исповѣдалъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, Творецъ всего, обладающій всякимъ дыханіемъ, и крестился, съ домашними своими и со всѣми евреями, находившимися тамъ и видѣвшими это чудо. Впослѣдствіи, увѣровало во Христа много и другихъ, слышавшихъ объ этомъ, евреевъ. Исцѣлившійся,

въ изъявленіе своей благодарности, пожертвовалъ святому большое количество серебра, но онъ отказался, и повелѣлъ этотъ даръ раздать нищимъ.

Въ одно время, на святой горѣ сдѣлалась засуха: всѣ отцы чрезвычайно скорбѣли отъ бездождія и просили преподобнаго, чтобъ онъ помолился о дождѣ. Послѣ долгихъ убѣжденій, наконецъ святой, съ великимъ трудомъ, рѣшился на это,—удалился въ церковь пророка Іліи, находящуюся близъ обители Иверской, и, какъ только помолился всемилостивому Богу, со слезами и съ принесеніемъ безкровной жертвы, тотчасъ полился сильный дождь, напоившій изсохшую землю. Всѣ прославили Бога, прославляющаго славящихъ Его.

У иноковъ святой горы, издревле и донынѣ, соблюдается обычай—на праздникъ преображенія Господня всходитъ на самую вершину Аѳона, для всенощнаго бдѣнія и литургіи. Однажды, къ сему празднику, въ числѣ другихъ братій, взошелъ наверхъ и святой Евфимій. Братіи окружили его и усердно просили, чтобы онъ совершилъ божественную литургію. Послушный пресвитеръ уважилъ просьбу братіи, и приступилъ къ священнодѣйствію. Когда, при литургіи, онъ возгласилъ: *побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще*, и братіи воспѣли: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ!*—внезапно облисталъ всѣхъ чрезвычайный свѣтъ, гора потряслась въ своемъ основаніи, и пораженные тѣмъ иноки всѣ пали ницъ на землю, кромѣ преподобнаго Евфимія, который стоялъ неподвижно, осіяваясь дивнымъ свѣтомъ и имѣя видъ огненнаго столпа. Послѣ этого чуда, преподобный болѣе прежняго прославился всюду.

Въ то время, отшелъ къ Господу архіепископъ кипрскій: Греческій императоръ Василій отправилъ отъ себя посольство, съ собственноручнымъ письмомъ, къ преподобному Евфимію, убѣдительно прося его принять пастырскій жезлъ управленія кипрскою Церковію. Но преподобный и слышать

не хотѣлъ о такомъ іерархическомъ достоинствѣ, отзываясь тѣмъ, что, при своемъ недостоинствѣ, онъ не только не можетъ управлять другими, но и самъ требуетъ сторонняго водительства на крестныхъ стезяхъ иноческой жизни. Такъ онъ былъ смиренномудръ, зная, что смиренномудріе есть мать всѣхъ добродѣтелей!

Впрочемъ, при всеобщемъ къ нему уваженіи и славѣ, которою славилъ Богъ Своего угодника, завистливый врагъ діаволь, всегдашній противникъ добра, не вынося постоянного уничиженія и побѣдъ, которыми преподобный низлагалъ и сокрушалъ гордую его выю, избралъ своимъ орудіемъ одного изъ иноковъ для того, чтобы убить Евфимія. Несчастный, забывъ строгіе свои обѣты и ужасныя слѣдствія сатанинскаго замысла, и только увлекаясь завистію къ доброй славѣ Евфимія, рѣшился на убійство, и, скрывъ подъ одеждою ножъ, взошелъ на башню, гдѣ была келья преподобнаго. Но Богъ не далъ жезла грѣшнаго на жребіи праведнаго. Послушникъ святаго, замѣтивъ у убійцы ножъ, прежде нежели тотъ успѣлъ ворваться въ дверь, заперъ келію и не позволилъ ему войти туда. Неудача взбѣсила несчастнаго: въ неистовствѣ своемъ, онъ поразилъ ножомъ блаженнаго ученика преподобнаго и, ударившись бѣжать, въ бѣшенствѣ, съ безчиннымъ крикомъ и воплемъ, встрѣтилъ другаго ученика преподобнаго, поразилъ и того ножомъ, и вслѣдъ за тѣмъ былъ самъ постигнутъ праведнымъ судомъ Божиимъ: произнося хулы нечистыми своими устами, онъ ударился оземь, и испустилъ духъ. Между тѣмъ святой, благодарію Святаго Духа, узнавъ о томъ, что случилось, по дѣйствию діавола, съ ранеными учениками, поспѣшно сошелъ къ нимъ, и облекъ ихъ въ великую схиму, — послѣ чего вскорѣ отошли они ко Господу. Наглый же и зловонный песъ діаволь, никакъ не терпя дѣла святаго, снова побудилъ къ убіенію его одного садовника, который, пришедши къ

преподобному съ ножомъ, поразилъ его, и чаялъ, что съ одного удара убьетъ преподобнаго: но, хранимый Богомъ, Евфимій не потерпѣлъ никакого вреда, потому что окончность убійственнаго ножа согнулась, и желѣзо, потерявши свойственную ему твердость, умягчилось, какъ воскъ, а между тѣмъ рука, посягнувшая на жизнь угодника Божія, осталась недвижимою и изсохшею. Пораженный такимъ чудомъ, садовникъ со слезами палъ къ стопамъ преподобнаго, искренно исповѣдалъ свой грѣхъ, и трогательно умолялъ его о прощеніи и исцѣленіи изсохшей руки. Незлобивый старецъ смиренно простилъ его, и, помолившись Богу, даровалъ ему не только тѣлесное, но и душевное здравіе.

Но, излагая такимъ образомъ нѣкоторыя свѣтлыя черты изъ дивной жизни преподобнаго, что можемъ мы сказать надлежащимъ образомъ о сердечныхъ его качествахъ, — именно, о милосердіи, кротости и безгнѣви, о сострадательности ко всѣмъ и каждому, равно какъ и о постоянныхъ его подвигахъ молитвенныхъ и о всѣхъ свойствахъ иноческаго образа, которыя возвышаютъ человѣка надъ всѣмъ чувственнымъ и видимымъ и прежде времени доставляютъ ему ангельское безстрастіе и божественную славу? Это выше всякаго описанія и человѣческой рѣчи. При всѣхъ этихъ, такъ сказать, сокровенныхъ и внутреннихъ, свойствахъ, преподобный Евфимій, и по обстоятельствамъ виѣшнимъ, оставался для всей святой горы украшеніемъ и славою, такъ что гдѣ требовала нужда какихъ нибудь царственныхъ пособій, и святогорскіе отцы просили его ходатайства предъ императоромъ, — онъ съ удовольствіемъ принималъ на себя трудъ лично ходатайствовать предъ нимъ и просить о пользахъ святой горы. А императоръ, зная его съ давняго времени и постоянно слыша прекрасные отзывы о святой его жизни, съ особенною внимательностію и чувствомъ уваженія принималъ его просьбы, и тотчасъ исполнялъ ихъ. Такъ слу-

чилось, когда на святой горѣ проявились нѣкотораго рода нестроения: святой Евфимій, по просьбѣ отцовъ, немедленно отправился въ Константинополь, и слѣдствиемъ сего были для святой горы желанный миръ и тишина, а для самого преподобнаго—страдальческая кончина. Находясь тамъ, онъ, по надобности, отправился однажды на мулъ, въ соупутствіи инока, въ часть города, называемую *Πλατεία*. Въ одной улицѣ сидѣлъ нищій и просилъ милостыни. Сострадательный Евфимій, не трогаясь съ мула, хотѣлъ подать просившему что нибудь, но безсмысленное животное, испугавшись движеній нищаго, одичало, понеслось вдоль улицы, и преподобный, не въ силахъ будучи удержать его, былъ сброшенъ на землю и разбился смертельно. Стеклись христіане, подняли его, и едва дышущаго отнесли въ домъ, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе. Преподобный недолго могъ переносить убійственный ударъ, и чрезъ нѣсколько дней мирно предалъ святую свою душу Господу, мая 13-го. Такъ судилъ Господь преподобному Евфимію окончить подвижническую свою жизнь! а въ проявленіе святости и дерзновенія его предъ лицомъ Своимъ, тотчасъ прославилъ его: отъ священныхъ мощей преподобнаго потекло много исцѣленій и чудесъ. Впослѣдствіи мощи его перенесены были на святую гору и положены въ обители честнаго и славнаго пророка, предтечи и крестителя Іоанна, обновленной преподобнымъ Евфиміемъ, и прозванной потомъ Иверскою, во славу Отца, Сына и Святаго Духа, единаго Божества и царства ¹. Аминь.

---

¹ Въ рукописи иверской, заключающей въ себѣ жизнеописаніе ктиторовъ сей обители—Іоанна, Евфимія и Георгія, усматриваются нѣкоторыя несообразности со взятымъ нами изъ *νεόν ἐκλήβιον* жизнеописаніемъ преподобнаго Евфимія; есть также нѣкоторыя особенности, относящіяся къ житію святаго Анастасія. О всемъ этомъ излишнимъ считаемъ сказать здѣсь. Въ рукописи сей значится, что Іоаннъ жилъ уже на Афонѣ, когда прибылъ въ Константино-

поль дѣдъ Евѳиміевъ, занимавшій при дворѣ высокую должность, какъ мужъ способнѣйшій, избранный тогдашнимъ царемъ Иверіи, по нѣкоторымъ государственнымъ дѣламъ, отправиться къ царю Никифору; собиравсь въ Константинополь, онъ имѣлъ мысль посѣтить и сына своего, слава добродѣтелей котораго далеко уже распространилась, и хотѣлъ вызвать его въ отечество, чтобы тамъ устроилъ онъ монастырь и подвизался, какъ на Аѳонѣ. Но случилось такъ, что, къ пріѣзду его въ Константинополь, куда вмѣстѣ съ нимъ, почти противъ воли, прибылъ и Евѳимій, чрезмѣрно желавшій узнать отца своего, явился тамъ и Іоаннъ, посланный къ царю Аѳанасіемъ и другими отцами, по нѣкоему общему для всей святой горы дѣлу. Евѳимій, безъ всякаго между его отцомъ и дѣдомъ спора, увидѣвъ, при неожиданной встрѣчѣ въ столицѣ, взаимныя, родственныя, радостныя ихъ другъ другу поздравленія, понялъ, что то былъ отецъ его, и убѣдился въ этомъ тѣмъ болѣе, что замѣтилъ нѣкоторое внѣшнее между ними сходство. Поэтому, движимый внутреннимъ влеченіемъ и природнымъ чувствомъ, онъ притекъ въ объятія своего отца. Іоаннъ, отъ всей души возблагодаривъ Бога за явное къ нему, въ этомъ отношеніи, благоволеніе, оставилъ Евѳимія въ Константинополѣ—обучаться греческому языку и другимъ полезнымъ предметамъ, а потомъ Евѳимій самъ уже прибылъ на Аѳонъ. Іоаннъ, 14 Іюня, Евѳимій, 13 Мая, и Георгій, 28 Іюля, ублажаются многими похвалами и въ Грузіи, на языкѣ иверскомъ. Всѣ они вмѣстѣ вышли изъ лавры Аѳанасія, и создавъ Иверскую обитель, были въ ней, одинъ послѣ другаго, игуменами; игуменомъ же лавры не былъ никто изъ нихъ, хотя Аѳанасій и очень желалъ того, скорбѣлъ о разлукѣ съ ними, и только предвидя изъ этого великую для многихъ человѣческихъ душъ пользу, согласился разстаться съ ними. Наконецъ латиняне, бывшіе здѣсь, на горѣ, какъ говоритъ преданіе, взяли съ собою мощи какъ Евѳимія, перенесенныя изъ Константинополя, такъ и Іоанна и Георгія, вмѣстѣ съ сосудами обители, и оставили ее въ запустѣніи.

ПРЕПОДОБНЫЙ
ГЕОРГІЙ ИВЕРСКІЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО МАЯ 13-ГО.

Мсей богоносный отецъ нашъ Георгій происходилъ тоже изъ Иверіи. Онъ былъ племянникъ Іоанна и двоюродный братъ Евфимія; тоже старался объ украшеніи и распространеніи созданной Іоанномъ обители, вновь воздвигъ отъ основанія соборный храмъ (каѳоликонтъ) ея, и потому почитается также ея ктиторомъ. Что соборный храмъ созданъ Георгіемъ, видно изъ надписи, которая сдѣлана имъ на мѣдномъ кругѣ, лежащемъ на полу, въ срединѣ этого священнаго храма, подъ хоросомъ, гдѣ святой пишетъ такъ: «Я утвердилъ столпы сіи, и въ вѣкъ не подвижутся.— Георгій, монахъ Иверъ и ктиторъ ².»

¹ Изъ *Ακολουθία τῶν ἀγιωρειτῶν πατέρων*.

² Въ вышеупомянутой книжкѣ объ иверской иконѣ Божіей Матери, на стран. 12, пишется: «Они-то (Іоаннъ, Евфимій и Георгій) были первыми основателями Иверской обители,—тогда еще малою и скудною, и устроили въ ней церковь во имя святаго Іоанна Предтечи.» Но существующій теперь храмъ (каѳоликонтъ), съ подписью святаго Георгія, посвященъ Успенію Богоматери. До святаго Георгія, былъ тамъ храмъ дѣйствительно во имя честнаго Предтечи.

1. ОТРОЧЕСТВО И ВОСПИТАНІЕ ПРЕПОДОБНАГО ГЕОРГІЯ.

Блаженный Георгій происходилъ изъ области Тріалетской, отъ благочестивыхъ родителей Іакова и Маріи, родился во дни благовѣрнаго царя иверскаго и абхазскаго Георгія I-го, въ 1014 году. Отецъ его былъ однимъ изъ приближенныхъ вельможъ царя, и неоднократно, по дѣламъ государственнымъ, ѣздилъ въ Персію. Исполнивъ царскія порученія, вступилъ онъ въ супружество и водворился въ домъ родителей своей жены, въ сельскомъ, мирномъ убѣжищѣ. У него было три сына и три дочери: первородную назвалъ онъ именемъ первомученицы Феклы и, по данному обѣту, посвятилъ ее Богу, постригши въ дѣвической Самцхетской обители; послѣ дочери родился сынъ, котораго родители назвали Іоанномъ и, удержавъ его при себѣ, дали обѣтъ, — если родится у нихъ второй сынъ, посвятить его Богу, говоря, что посвятить ему должно не агницу, а агнца.

Однажды ночью, явился Маріи свѣтлый мужъ и сказалъ: «ты родишь сына агнца, избраннаго Богомъ; посвяти его, Кому обѣщала, и дай ему имя Георгій.» Проснувшись, Марія въ страхѣ рассказала свое видѣніе мужу, и оба со слезами благодарили Бога. Имя Георгія, или, по переводу на русскій языкъ, «земледѣльца», знаменовало, что онъ будетъ усердный дѣлатель нивы Господней. Вотъ и родился у нихъ обѣтованный младенецъ и, возрастая тѣлесно, исполнялся Духомъ Господнимъ, какъ древо, насажденное при водахъ многихъ, и обѣщавшее, въ свое время, принести обильный плодъ. По совершеніи семилѣтняго возраста, родители, во исполненіе своего обѣта, послали отрока въ монастырь, къ его сестрѣ, гдѣ могъ бы онъ изучить церковное богослуженіе, болѣе, чѣмъ въ ихъ домѣ: тамъ провелъ онъ три года, и всѣхъ удивлялъ своимъ разумомъ.

У отца Георгіева было два старшихъ брата, въ обители Богоматери Хахульской, что на берегахъ рѣки Куры, и оба они исполнены были благодати Божіей. Первый изъ нихъ, Георгій, назывался Писателемъ, такъ какъ былъ начальникомъ письмоводителей царя Давида Куропалаты и занималъ первую степень при дворѣ его; а имя втораго—Савва: оба были праведны предъ Богомъ, и съ богатствомъ жизни духовной соединяли обиліе благъ земныхъ. Услышавъ, какія блестящія надежды подавалъ о себѣ Георгій, они просили брата своего Іакова отпустить племянника къ нимъ въ обитель, для довершенія духовнаго его воспитанія, и съ любовію привели юнаго Георгія къ бывшему тогда настоятелю Хахульской лавры — преподобному Макарію, который сдѣлалъ его участникомъ церковной молитвы и принялъ въ число духовныхъ чадъ своихъ. Представили его также, въ этой обители, и царственному Василию, сыну Баграта, который, для житія иноческаго, оставивъ высокій свой санъ, былъ просвѣтителемъ страны своей. По совѣту благоговѣйныхъ старцевъ своей обители, разсудили они отдать племянника богодухновенному наставнику, и не могли найти никого лучше великаго Иларіона, въ то время сіявшаго на высотѣ духовныхъ добродѣтелей. Святый авва не отказался принять къ себѣ отрока, и онъ, подъ руководствомъ сего старца, такъ усовершенствовался въ благочестіи и изученіи божественныхъ книгъ, что превзошелъ разумомъ всѣхъ своихъ сверстниковъ.

Но кто научилъ отрока Георгія эллинской мудрости? Учителемъ его въ этомъ былъ Ферисъ,—мужъ царевны, сестры Василия Багратида: онъ и супруга его искали себѣ опытнаго наставника, и пригласили въ домъ свой Писателя Георгія, который взялъ съ собою юнаго племянника, бывшаго тогда уже канонархомъ и отлично знавшаго всѣ церковныя пѣсни. Ферисъ и благочестивая его супруга любили Георгія, какъ роднаго сына, и подъ ихъ руководствомъ провелъ онъ мно-

гіе годы, доколѣ бѣдственная кончина не постигла этого вельможи. Область Триалетская находилась тогда подъ вліяніемъ Царяграда: Фериса оклеветали въ измѣнѣ предъ императоромъ Василиемъ Вулгароктономъ, который велѣлъ отсѣчь ему голову, а супругу его, со всѣми домашними, отвести въ Царьградъ, гдѣ оставались они двѣнадцать лѣтъ. Въ теченіи этого времени, дядя Георгія, Писатель, и еще болѣе царевна, вдова Фериса, озаботились отдать юношу въ наученіе философамъ и риторамъ, — но не изъ мірскаго сословія, а изъ духовнаго, чтобы вмѣстѣ съ плодами наукъ приобрѣталъ онъ и плоды духовные: такъ созрѣлъ дивный этотъ учитель земли иверской. Послѣ двѣнадцатилѣтняго заточенія въ землѣ греческой, царевна возвращена была въ свои владѣнія, и съ ней возвратились оба Георгія, дядя и племянникъ. Къ нимъ присоединился и отецъ Георгія, Іаковъ, который тогда лишился уже супруги.

2. ПУТЕШЕСТВІЕ ГЕОРГІЯ ПО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ.

Но юноша искалъ большихъ подвиговъ; онъ уже достигъ двадцатипятилѣтняго возраста, и хотя съ юныхъ лѣтъ велъ образъ жизни монашескій, однако не былъ еще постриженъ. Георгій пошелъ сперва къ дядѣ своему, иноку Саввѣ, въ обитель Хахульскую, а оттуда — къ бывшему наставнику своему, великому Иларіону, которому оставалось прожить немного уже лѣтъ земной жизни, — и отъ его руки принялъ постриженіе. Тогда Георгію пришло внушеніе свыше — предпринять подвигъ странничества, въ страну далекую отъ присныхъ, и поклониться тѣмъ святымъ мѣстамъ, гдѣ воплотив-

шееса Слово Божіе совершило домостроительство нашего спасенія. Такъ иѣкогда Господь вызвалъ и праотца нашего, Авраама, изъ земли отеческой, когда заключалъ съ нимъ завѣтъ Свой, и Моисея удалилъ отъ его племени, чтобы сдѣлать его боговидцемъ. Георгій тайно бѣжалъ, и направился въ страну палестинскую. Огорчились авва Макарій и другіе старцы обители Хахульской, когда узнали о бѣгствѣ юнаго инока, и послали искать его по всѣмъ путямъ: но Георгій, предчувствуя погоню, обмѣнялся одеждою съ нищимъ и, взявъ себѣ проводника, продолжалъ свой путь. Небезопасна была для него дорога по неприютнымъ горамъ, и страшна первая почъ, настигшая его въ пустомъ мѣстѣ, — какъ самъ онъ впоследствии рассказывалъ: гремѣлъ громъ, сверкали молніи, и діаволъ семь разъ повергалъ предъ нимъ того убогаго, котораго избралъ онъ себѣ проводникомъ; этотъ несчастный страшно скрежеталъ зубами и пѣна текла изъ устъ его, — но Георгій не утрашился, и пламенно молился Господу о бѣснуженіи, пока злой демонъ не оставилъ его. Исцѣленнаго такимъ образомъ Георгій привелъ въ ту обитель, которой тотъ желалъ достигнуть, когда брошенъ былъ на пути своими спутниками, а самъ одинъ, въ рубищѣ, безъ обуви и безъ покрыва, продолжалъ трудное странствованіе, и, не смотря на изнурительный подвигъ, онъ разъ только въ день позволялъ себѣ вкушать пищу.

Сперва, въ предѣлахъ малой Арменіи, посѣтилъ онъ гору Черную, гдѣ иѣкогда спасался великій пустынножитель Никонъ, съ двумя стами своихъ учениковъ; потомъ, по сосѣдству Антіохіи, достигъ горы Дивной, гдѣ поклонился чудотворной ракъ Сүмеона дивногорца и блаженной матери его Марѣы; такъ обошелъ онъ и всѣ обители, разсѣяныя въ горахъ Ливанскихъ, прося себѣ молитвъ и благословенія у великихъ подвижниковъ. Георгій, прежде всего, искалъ себѣ опытнаго наставника, зная, что безъ руководства нельзя усо-

вершенствоваться въ жизни иноческой, — и въ каменной расщелинѣ обрѣлъ желаннаго старца, заключившагося въ пещерѣ и отстранившагося отъ всего земнаго. Это былъ великій затворникъ Георгій, — свѣтило своего времени, родомъ изъ Иверіи. Человѣкъ Божій обрадовался пришествію благодатнаго ученика, ибо, по любви къ своей родинѣ, давно желалъ найти просвѣщеннаго мужа, который бы могъ довершить трудъ великаго Евфимія аѳонскаго и исправить погрѣшности языка, какія еще оставались въ его переводѣ священныхъ книгъ. Духомъ прозрѣлъ блаженный, что онъ обрѣлъ такого мужа въ пришельцѣ иверскомъ, и, съ отеческою любовію, принялъ его подъ свое руководство въ пустыню, гдѣ жилъ недалеко отъ обители святаго Романа.

Три года оставался при немъ Георгій, въ постоянномъ подвигѣ и совершенномъ послушаніи, а въ обители Романовой въ то же время усердно служилъ болящимъ. Затворникъ видѣлъ, что въ зрѣломъ возрастѣ имѣлъ онъ опытность старческую, — и облекъ его въ великій ангельскій образъ, или схиму, и отпустилъ во святыи градъ. Паломникъ съ пламенною любовію и слезами обошелъ всѣ святыя мѣста, и какбы видѣлъ предъ собою Самого Господа тамъ, гдѣ пострадалъ Онъ за человѣчeskій родъ; изъ Палестины Георгій возвратился къ своему наставнику, въ пустыню Романову, и хотя совершенно созрѣлъ для перевода священнаго Писанія, однакожь, по своему смиренію, не рѣшался принять на себя этотъ трудъ, и достойнымъ его находилъ только авву Евфимія. Но затворникъ говорилъ ему: «Господь, неоднократно спасавшій отъ смерти преподобнаго Евфимія и открывшій ему даръ вѣденія языковъ, можетъ споспѣшествовать и тебѣ: будемъ молить святаго отца нашего Евфимія, чтобы онъ помогъ тебѣ, своимъ благословеніемъ, довершить начатое имъ святое дѣло.» Такимъ образомъ, послѣ многихъ усилій, старецъ убѣдилъ Георгія идти на святую гору, къ великому аввѣ, и искать у него ду-

ховной мудрости, чтобы напоить ею жаждущія души земли иверской: ибо этотъ Евфимій былъ для нея вторымъ Златоустомъ, и краснорѣчивыми своими писаніями утвердилъ въ ней православную вѣру на всѣ грядущія времена.

Напутствуемый благословеніемъ своего наставника, Георгій благополучно совершилъ путь, и промыслъ Божій видимо благопріятствовалъ ему въ его одиночествѣ. Проходя Анатолю, приблизился онъ къ большой рѣкѣ, которую хотѣлъ перейти въ бродъ, но, по чрезвычайной глубинѣ ея, не могъ, и тутъ же, на противоположномъ берегу, увидѣлъ свѣтлаго юношу, на бѣломъ конѣ, который сказалъ ему: «не бойся, вступи въ рѣку», а самъ, устремившись къ нему навстрѣчу, перевелъ его за руку чрезъ глубокія воды. Преподобный, съ душевнымъ восторгомъ, узналъ въ немъ небеснаго покровителя земной своей родины, — тезоименитаго ему великомученика Георгія.

Но, достигнувъ святой горы, Георгій уже не засталъ тамъ блаженнаго Евфимія, такъ какъ преждевременная кончина похитила его въ Царьградѣ. Преподобный могъ только поклониться его гробницѣ и просить его молитвъ. Съ радостію приняло его братство обители Иверской, которою управлялъ тогда соименный ему Георгій, родственникъ Евфимія. Смиреніе пришельца, строго исполнявшаго всѣ послушанія монастырскія, было столь велико, что его приняли сперва за простеца и невѣжду: ибо, въ продолженіи первыхъ семи лѣтъ, никто не могъ предполагать въ немъ глубокихъ его познаній. Когда же наставникъ его, затворникъ Георгій, въ отдаленной Сиріи, узналъ, что ученикъ его въ великой лаврѣ Иверской, на Аѳонѣ, живетъ праздно, хотя и въ строгихъ подвигахъ иночества, не приступая къ переводу священнаго Писанія, и еще не удостоенъ сана священническаго, тогда послалъ къ нему другаго благоговѣйнаго ученика своего — Теодора, съ Черной горы, съ изъясненіемъ своего неудовольствія за неисполненіе даннаго имъ повелѣнія. Георгій, по чувству крайняго своего

смирения, прежде уклонявшійся, а теперь побуждаемый этимъ отеческимъ внушеніемъ, рѣшился наконецъ принять предлагаемый ему санъ священства, и вскорѣ потомъ былъ избранъ настоятелемъ церкви или благочиннымъ въ обители Иверской.

Послѣ сего, не дерзалъ онъ болѣе медлить, и приступилъ къ занятіямъ духовнымъ. Прежде всего перевелъ онъ синаксарій, какъ необходимое украшеніе Церкви, по истолкованію ея празднествъ,—ибо книга эта была только вкратцѣ изложена Евфиміемъ;—потомъ перевелъ все Евангеліе, по зачмъ, алаи праздничныя пареміи, большой требникъ, толкованіе на книгу Бытія, первый мѣсяцъ минеи и всѣ апостольскія посланія. Братія, увидѣвъ наконецъ, какой чудный свѣтильникъ возжегся для нихъ на святой горѣ, общимъ согласіемъ, возвели его на степень настоятеля обители Иверской. Долго противился Георгій и требовалъ, чтобы избраніе совершилось по жребію,—и три раза бросали жребій: но изъ трехъ именъ, возлагаемыхъ во время литургіи на божественную трапезу, три раза выпадало имя Георгія. Тогда воспріялъ онъ настоятельство, и усугубилъ иноческій свой подвигъ,—облекся во вретище, отказался отъ вина и молока, даже и въ разрѣшенные Церковью дни, и, поучая свою паству словомъ, показывалъ ей путь къ вѣчной жизни на самомъ дѣлѣ, собственнымъ примѣромъ.

Тутъ только открылась вся глубокая его мудрость, долго таившаяся на днѣ его души: съ самаго прибытія своего на святую гору, старался онъ отъ присныхъ учениковъ великаго Евфимія вывѣдать всѣ подвиги его, равно какъ и отца его Іоанна, Торникія и другихъ подвижниковъ, радѣвшихъ объ устройствѣ Иверской лавры, о правилахъ ея и уставахъ, и впоследствии, когда принялъ жезлъ пастырскій, все это, на память будущимъ родамъ, собралъ въ одинъ свитокъ. Однимъ изъ первыхъ дѣяній настоятельства его было, для храненія мощей блаженнаго Евфимія, приготовить

драгоценную раку, въ которую, съ великимъ торжествомъ, перенесъ онъ мощи святаго изъ церкви Крестителя, гдѣ были онѣ первоначально погребены, въ новоустроенный благолѣпно храмъ Богоматери. Десницу же Евфимія, богомудрыми писаніями просвѣтившую народъ иверскій, положилъ въ особенный ковчегъ, съ святыми мощами первомученика Стефана, богоносца Игнатія, Іакова перскаго, Косьмы и Даміана, сорока мучениковъ и цѣлителя Пантелеймона,—и этотъ кивотъ всегда носилъ съ собою, такъ что имя Евфиміево отъ святой горы до горы Черной славилось нераздѣльно съ другими великими угодниками Божиими. Не хотѣлъ благочестивый Георгій оставить внѣ сыновней ограды и родителя Евфиміева, который дотолѣ почивалъ въ церкви архангеловъ: онъ мощи старца Іоанна положилъ подлѣ любимаго имъ сына, и потомъ озаботился обрѣтеніемъ и перенесеніемъ въ тотъ же храмъ мощей прочихъ великихъ подвижниковъ, помогавшихъ Евфимію въ переводѣ священнаго Писанія. Это были — блаженный Арсеній, епископъ ниноцминдскій, для безмолвія пустыннаго на святой горѣ, оставившій кафедру свою въ Кахетіи, и, знаменитый своею ученостію, священноинокъ Іоаннъ Гердзелидзе,—оба скончавшіеся въ затворѣ, внѣ обители, и погребенные при малой церкви святаго Сѹмеона Столпника.

Много перевели они и переписали своею рукою священныхъ книгъ, ибо тогда Аѳонъ былъ духовными Аѳинами, разсадникомъ просвѣщенія для земли иверской. Георгій и самъ, какъ великій писатель, умѣлъ достойно оцѣнить труды ихъ и восхотѣлъ сохранить потомству самыя ихъ останки. Онъ скорбѣлъ духомъ, что не зналъ мѣста погребенія ихъ, но промыслъ Божій, для возбужденія большей вѣры, открылъ ему это. На общей ихъ могилѣ выросло финиковое дерево, котораго корни, глубоко проникнувъ въ землю, обвились около этихъ святыхъ мощей и распространяли благоуханіе ихъ. Георгій, вынувъ мощи изъ среды корней, положилъ ихъ въ

притворѣ южной части соборной церкви, близъ мощей святаго Евфимія, и запечаталъ гробницу, чтобы никогда не открывать ея, украсивъ ее иконою и крестомъ, и установилъ, чтобы постоянно горѣли предъ ними три неугасимыя лампы.

Послѣ того, преподобный началъ заботиться объ украшеніи самой церкви, въ которую тогда проникала вода, такъ какъ церковь эта вначалѣ не была покрыта свинцомъ,—и для того, въ 1050 году, отплылъ въ Константинополь—просить пособія у императора Константина Мономаха. Мономахъ принялъ его съ великою честію, ибо зналъ его лично и, уповавъ на его молитвы, много уважалъ. Онъ спросилъ челоуѣка Божія о причинѣ его прибытія, и Георгій отвѣчалъ: «Радуйся во Христѣ, свѣтлѣйшій между державными: Пресвятая Богородица, упованіе и прибѣжище богоспасаемаго твоего царства, повелѣваетъ тебѣ, черезъ меня, убогаго, чтобы мѣсто постоянного Ея хваленія, храмъ Ея въ честной нашей обители Иверской, не былъ допущенъ тобою до совершеннаго разрушенія отъ воды, за неимѣніемъ крова, въ него проникающей. Повели отпустить свинецъ, чтобы въ обновленномъ тобою храмѣ могли постоянно возноситься молитвы о благополучномъ твоёмъ царствованіи!» Императоръ съ радостію исполнилъ прошеніе преподобнаго,—велѣлъ отпустить ему свинецъ и доставить на царскихъ корабляхъ.

Возвратившись на святую гору, Георгій благолѣпно покрылъ храмъ и соорудилъ надъ нимъ куполь — въ томъ видѣ, въ какомъ красуется онъ донынѣ. Воспользовавшись своимъ путешествіемъ, онъ испросилъ у императора новыя хрисовулы, которыми подтверждались древнія, и тѣмъ немало расширилъ владѣнія монастырскія,—особенно же обильныя пастбища для большихъ стадъ. Черезъ нѣсколько времени, плавалъ онъ въ Царьградъ и въ другой разъ, когда услышалъ о приѣздѣ туда абхазскаго царя Баграта III-го и матери его Маріи, со всѣмъ дворомъ ихъ. Обрадовались дер-

жавные, увидѣвъ святаго соотечественника, о которомъ столько слышали, и много приобрѣли отъ него душевной пользы; съ своей стороны, они осыпали щедрою милостынею обитель его и оградили ее отъ обиды мѣстныхъ властей новыми хрисовулами. Царица Марія избрала Георгія духовнымъ отцомъ своимъ и отъ руки его приняла ангельскій образъ; при этомъ пожертвовала въ Иверскую обитель, для вѣчнаго поминовенія, литру золота, каковому примѣру послѣдовали и многіе грузинскіе вельможи. Въ то время, въ Царьградѣ былъ кудесникъ, славившійся волхвованіями, производившій родъ свой отъ Симона волхва, и умѣвшій заговаривать хищныхъ звѣрей. Императоръ Мономахъ и царь Багратъ дивились обаяніямъ его: но блаженный Георгій, скорбя духомъ о такомъ оболъщеніи христіанскихъ царей, крестнымъ знаменіемъ уничтожилъ всю силу обаяній кудесника, и тѣмъ возбудилъ къ себѣ столь великую довѣренность царя Баграта, что этотъ всѣми силами старался перезвать его въ свое отечество. Багратъ предложилъ ему первую епархію своего царства—чхондидскую, получившую имя отъ того дуба, близъ котораго проповѣдалъ просвѣтитель Грузіи, первозванный апостоль: но аѳонскій труженикъ смиренно отклонилъ отъ себя санъ святительскій и поспѣшилъ возвратиться въ свою лавру, гдѣ съ любовію приняла его братія. Вскорѣ послѣ сего онъ снова явилъ свою силу надъ духами нечистыми.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ помѣстій Иверской обители, находившемся въ пустынныхъ дебряхъ и горахъ Оракіи, куда еще не доходилъ никто изъ святыхъ отшельниковъ,—въ такъ называемой Ливадѣ, обитали пришедшіе изъ далекихъ странъ славяне,—люди тогда еще грубые и христіанствомъ непросвѣщенные. Они поклонялись идолу-бабѣ, изсѣченному изъ мрамора, и приносили ему жертвы. Душа блаженнаго Георгія возмущалась такимъ душевнымъ омраченіемъ словесныхъ твореній. Однажды, странствуя сухимъ путемъ въ Царь-

градъ, онъ посѣтилъ это селеніе: жители, признававшіе надъ собою господство лавры, гостепріимно встрѣтили ея настоятеля, и совѣтовали ему, если хочетъ имѣть успѣхъ въ своемъ предпріятіи, поклониться идолу. Георгій спросилъ, гдѣ кумирня ихъ, — и славяне привели его въ глухую дебрь, къ бездушному истукану. «Завтра посовѣтуюсь съ нимъ», сказалъ Георгій, — и на разсвѣтѣ, вооруженный однимъ лишь молотомъ, пошелъ опять въ ту дебрь, съ своимъ экономомъ и двумя поселянами изъ славянъ. Приблизившись къ идолу, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и прочелъ первое зачало Евангелія Іоаннова: *въ началъ бѣ слово*. Славяне говорили ему: «богъ нашъ убьетъ тебя», но мужественный воинъ, осѣнивъ себя еще однажды знаменіемъ креста, взялъ тяжелый молотъ, разбилъ истуканъ на мелкія части, и тѣмъ истребилъ заблужденіе язычниковъ: пораженные этимъ, они обратились къ христіанской вѣрѣ.

Былъ ему данъ свыше и даръ пророчества. Правила тогда государствомъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ, вдова Мономахова, императрица Θεодора, и просила царя Баграта отдать ей на воспитаніе дочь его царевну Марѳу. Багратъ отпустилъ юную дочь въ Царьградъ, подъ надзоръ матери своей Маріи, обитавшей въ столицѣ греческой. Въ то время былъ тамъ, по своимъ дѣламъ, и блаженный Георгій. Случилось такъ, что въ самую ту минуту, когда вступала въ городъ царевна абхазская, скончалась императрица Θεодора, и Георгій, по духу прозорливости, при многихъ вельможахъ, сказалъ Маріи: «сегодня вышла царица, и царица явилась.» Царевна Марѳа возвратилась къ своему отцу, но, спустя немного времени, новый императоръ Константинъ Дука потребовалъ ее обратно, и избралъ своею невѣстой: тогда всѣ увидѣли истину пророческихъ словъ Георгія.

Но, часто странствуя въ Царьградъ, по дѣламъ своей обители, и въ самой лаврѣ — обремененный непрестанною заботою

о многочисленной братіи, блаженный Георгій съ прискорбіемъ сознавалъ, что завѣщаніе духовнаго его отца, затворника сирскаго, не исполняется, и данный ему отъ Бога талантъ зарывается въ землю, ибо переводъ священнаго Писанія, — постоянная благочестивая цѣль всей его жизни, впередъ не подвигался. Посему преподобный началъ просить себѣ увольненія отъ должности настоятельской, — и, сколько ни умоляла его братія, со слезами припадая къ ногамъ его, остался непреклоннымъ. Онъ удалился изъ обители, не взявъ съ собою ничего изъ ея достоянія: даже оставилъ въ лаврѣ и тѣ священныя рукописи и переводы, надъ которыми много потрудился, и вышелъ изъ обогащеннаго имъ Иверскаго монастыря въ такомъ убожествѣ, что, внѣ его ограды, боголюбивые люди сочли нужнымъ дать ему немного хлѣба, для продолженія странствованія. За этимъ вскорѣ слѣдовало и второе его бѣгство, — ибо сперва онъ уклонился только отъ должности настоятельской и хотѣлъ водвориться въ уединеніи на святой горѣ, но потомъ, видя, что и въ пустынѣ не можетъ обрѣсти желаннаго безмолвія, отъ молвы людской и непрестанныхъ посѣщеній, рѣшился совершенно оставить Аѳонъ.

Но, пришедши къ духовнику своему, на Черную гору, гдѣ думалъ обрѣсти подъ его сѣнію желанное успокоеніе, Георгій былъ встрѣченъ горькимъ укоромъ — за то, что оставилъ ввѣренное ему отъ Господа стадо. Старецъ сирскій напомнилъ ему слова Господни апостолу Петру: *любиши ли мя? — паси овцы моя,* — и велѣлъ немедленно возвратиться на святую гору. Сынъ послушанія повиновался, и, пришедши на Аѳонъ, по просьбѣ братіи, принялъ опять настоятельство. Нѣсколько времени управлялъ онъ обителью, и устроивъ дѣла монастырскія, снова удалился, чтобы исключительно посвятить себя переводу божественныхъ книгъ. А такъ какъ братія не хотѣла отпустить его, то онъ отплылъ въ Царьградъ, и тамъ, съ помощію царицы Маріи, испросилъ себѣ увольненіе отъ

самого императора. Взявъ съ собою царскую увольнительную грамоту и хлѣба, сколько было нужно на трехъ человѣкъ, пошелъ онъ опять на Черную гору, гдѣ былъ принятъ всѣмъ братствомъ съ чрезвычайною любовію; но въ житіи его ничего уже не упоминается о строгомъ его духовникѣ, котораго, быть можетъ, не засталъ онъ въ живыхъ.

Вскорѣ послѣ сего, мать Багратова, царица Марія, отпущена была съ великою честію изъ Царьграда, на поклоненіе святымъ мѣстамъ, и прибыла въ Антиохію, гдѣ патриарху и намѣстнику велѣно было принять ее съ возможнымъ великолѣпіемъ. Но патриархъ и правитель, вмѣстѣ съ преподобнымъ Георгіемъ, который случился въ то время въ Антиохіи, разсудили, что неприлично матери царей иверскихъ ѣхать въ область сарацинскую, ибо святой градъ, по грѣхамъ христіанъ, находился тогда въ рукахъ невѣрныхъ. Сколь ни тяжело было такое запрещеніе, однако благочестивая царица, какъ покорная по духу дочь преподобнаго, со смиреніемъ приняла его совѣты, и только просила совершить за нее благочестивое странствованіе и раздать лично, въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, ту царственную милостыню, которую приготовила она для убогихъ церквей и обителей святаго града.

Это порученіе нелегко было для труженика, который болѣе всего искалъ уединенія и покоя, чтобы ничто не отвлекло его отъ перевода божественныхъ книгъ: однако пріятно было ему исполнить и волю царственной своей дочери, для спасенія души ея. Вспомнилъ онъ и слова апостола Павла, по слѣдамъ коего шелъ, для исполненія возложеннаго на него дѣла: *се нынѣ восхожу во Іерусалимъ, служити святымъ* (2 Кор.), и, при помощи Божіей, съ однимъ лишь ученикомъ, благополучно прошелъ всѣ опасныя мѣста на пути къ святому граду. Вторично посѣтивъ Іерусалимъ, онъ имѣлъ утѣшеніе поклониться всѣмъ святымъ мѣстамъ и принять благословеніе отъ святыхъ отцевъ; милостыню же царскую роз-

далъ по всѣмъ убогимъ церквамъ и обителямъ. Въ то время блаженный отецъ Прохоръ, по волѣ царя иверскаго Баграта III-го, строилъ близъ Іерусалима монастырь святаго Креста, на томъ мѣстѣ, гдѣ срублено было древо для креста Господня. На устроение сей обители Георгій пожертвовалъ много денегъ, но благочестивый Прохоръ, какъ любитель духовнаго просвѣщенія, просилъ его пожертвовать въ обитель животворящаго Креста первый плодъ его перевода священныхъ книгъ, и Георгій, во исполненіе сей просьбы, посвятилъ обители дѣло рукъ своихъ—цвѣтную тріодъ. Возвратившись на гору Черную, гдѣ ожидала его царица, преподобный утѣшилъ ее извѣщеніемъ объ исполненіи ея порученія, и она уже не возвратилась въ Царьградъ, но рѣшилась остатокъ дней своихъ провести въ Иверіи, при своемъ сынѣ, царѣ Багратѣ.

Послѣ сего, среди безмолвія Черной горы, блаженный Георгій весь погрузился въ боголюбивый трудъ свой, и, при содѣйствіи благодати Духа Святаго, продолжалъ переводить священные книги. Трудился онъ, по большей части, ночью, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не оставлялъ иноческаго правила и церковныхъ службъ, не давалъ себѣ ни малѣйшаго покоя, и, какъ трудолюбивая пчела, готовилъ сладчайшій медъ въ своемъ ульѣ,—переложение всего священнаго Писанія на языкъ иверскій, которымъ усладилъ этотъ дотолѣ несовершенный языкъ, и неоцѣненнымъ сокровищемъ обогатилъ свою Церковь. Все, что было до него переведено невѣрно или грубо, онъ очистилъ, какъ золото, въ горнилѣ своего ума; все, что было начато или неполнѣ изложено блаженнымъ Евфиміемъ, онъ докончилъ, распространилъ и тщательно сличилъ съ подлинниками греческими,—особенно книги новаго завѣта.

Мѣстомъ пребыванія Георгія были — то обитель святаго Сумеона дивногорца, то пустыня Романова, или монастырь

Калипность; неусыпными своими трудами равно изумлялъ онъ и грековъ, и грузинъ и сирійцевъ. Часто призывалъ его къ себѣ, для духовной бесѣды, блаженный Іоаннъ, патріархъ антїохійскій, и совѣтовался съ нимъ не только о пользѣ душевной, но и о дѣлахъ церковныхъ, — особенно когда въ Антіохіи сгорѣлъ кафедральный храмъ святаго Петра. Патріархъ сильно потрясенъ былъ симъ пожаромъ, но Георгій, словомъ утѣшенія, разсвѣялъ душевную его скорбь. «Отче святыи!» говорилъ ему Іоаннъ: «еслибы не твое сладостное слово, — душа моя доведена была бы до унынія.» Послѣ кончины этого кроткаго пастыря, мѣсто его на кафедрѣ антїохійской заступилъ ученый мужъ Теодоръ Вальсамонъ, — но вначалѣ онъ не имѣлъ духовной опытности, и заимствовалъ ее изъ бесѣды съ Георгіемъ.

Нѣкоторые изъ приближенныхъ къ патріарху стали внушать ему, что земля иверская, обращенная проповѣдію святой Нины, была крещена патріархомъ антїохійскимъ Евстафіемъ и его клиромъ, и долгое время находилась въ зависимости отъ этого престола, но впоследствии начала имѣть независимыхъ католиковъ и не по праву вышла изъ подъ зависимости антїохійской Церкви, ибо никто изъ апостоловъ лично въ ней не проповѣдывалъ. Патріархъ Теодоръ спрашивалъ о томъ блаженнаго Георгія и предлагалъ ему употребить свое вліяніе, чтобы внушить царямъ иверскимъ снова подчинить Иверію престолу антїохійскому, — угрожая, въ противномъ случаѣ, жаловаться другимъ вселенскимъ патріархамъ, чтобы невѣжество народа иверскаго просвѣщено было правилами церковными. Но блаженный Георгій смиренно отвѣчалъ патріарху: «Напрасно, владыко святыи, упрекаешь ты кроткій и благочестивый народъ нашъ въ невѣжество; — вотъ я, послѣдній изъ братій, дамъ тебѣ за нихъ отвѣтъ. Если сомнѣваешься касательно проповѣди апостольской въ землѣ нашей, — вели принести книгу, называемую «Странствованія апостола Андрея Первозваннаго», и тамъ найдешь истину.»

Патріархъ велѣлъ немедленно принести изъ книгохранилища эту книгу, и она была принесена находившимся при немъ Теофиломъ, родомъ изъ Грузіи, который впоследствии занялъ кафедру митрополіи тарзской. Между тѣмъ Георгій говорилъ патріарху: «Ты хвалишься, владыко святой, что занимаешь кафедру верховнаго апостола Петра: но мы — достояніе брата его, который самого Петра призвалъ ко Христу. Притомъ проповѣдывалъ намъ не одинъ Первозванный, но и другой изъ апостоловъ — Симонъ Кананитъ, почивающій въ абхазской нашей землѣ, въ городѣ Никопсіи; съ тѣхъ поръ мы твердо стоимъ въ православіи и въ заповѣдяхъ апостольскихъ. Мы, если должно, будемъ покоряться тебѣ, но, владыко», — съ улыбкою продолжалъ онъ, — «не прилично ли и то, чтобы званный покорялся призвавшему его? Напрасно упрекаете вы насъ въ невѣжествѣ и легкомысліи: бывали и такія времена, когда православіе потрясено было въ предѣлахъ Греціи, и готскій епископъ принужденъ былъ искать себѣ рукоположенія у насъ, — въ престольномъ городѣ нашихъ царей и католикосовъ, Мцхетѣ, — какъ описано это въ синаксарѣ.» Патріархъ изумился глубокимъ познаніемъ и краснорѣчію святаго мужа, и сказалъ своимъ епископамъ: «посмотрите, — одинъ простой инокъ побѣдилъ все наше собраніе; будемъ остерегаться, чтобы онъ не превзошелъ насъ не только словомъ, но и дѣломъ.» Съ тѣхъ поръ и Θεодоръ Вальсамонъ, подобно предмѣстнику своему, блаженному Іоанну, сталъ во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ совѣтоваться съ пришельцемъ иверскимъ, и весь клиръ и народъ антїохійскій начали любить его и уважать, какъ духовнаго своего отца и наставника.

Между тѣмъ, всѣ монастыри Черной горы, населенные преимущественно грузинами, напоялись очищавшимъ души ихъ потокомъ книгъ святаго Георгія; ибо каждая обитель переписывала для себя это сокровище. Болѣе же всѣхъ рев-

новаль о томъ блаженный Антоній Липарить, изъ владѣтельнаго дома князей Орбеліановъ, который велѣлъ переписать новый переводъ священнаго Писанія для монастыря своего—святаго Варлаама, въ Абхазіи. Когда вѣсть объ этомъ дошла до слуха благочестиваго царя Баграта, онъ написалъ отъ себя похвальную грамоту труженику Георгію, благодаря его за совершенный трудъ, которымъ мало по малу стали украшаться всѣ иверскія церкви. Багратъ, его мать, царица Марія, и сынъ Георгій, католикосъ и всѣ епископы Абхазіи и Иверіи, исполненные уваженія къ великому свѣтилу, востекшему на небосклонѣ отечественной ихъ Церкви, умоляли святаго, письменно и чрезъ посланниковъ, утѣшить родную землю своимъ присутствіемъ, чтобы всѣ они могли насладиться его лицезрѣніемъ.

Убѣдительное всѣхъ писала ему духовная дочь его, царица Марія, отъ лица своего сына: «Отче святой!» говорила она: «тамъ, на Черной горѣ, мало нашихъ монастырей, ибо это страна чуждая; но царство мое обширно и славно: много въ немъ кафедръ епископскихъ и обителей иноческихъ, весьма именитыхъ. Да возбудить же Господь святость твою придти къ намъ, чтобы и мы получили отъ тебя благословеніе и просвѣщеніе духовное, и церкви наши исполнились животворящимъ потокомъ богодухновенныхъ твоихъ книгъ.» Но Георгій не соглашался, опасаясь молвы людской; особенно же боялся, какъ бы не посвятили его, противъ желанія, въ санъ епископскій. Узнавъ о томъ, благочестивый Багратъ собственноручно удостовѣрилъ его, что не будетъ ничего сдѣлано вопреки его волѣ, и что одно только питаетъ онъ желаніе—заимствовать отъ старца просвѣщеніе духовное и ввѣрить себя, сына, царскій домъ и все свое царство святымъ его молитвамъ и духовному руководству.

Блаженный Георгій не могъ долѣе противиться столь искренней любви царской и усердному моленію: однакожъ,

хотѣлъ, по всегдашнему своему обычаю, и на этотъ разъ испытать волю Божию, и, положивъ на престолъ два вопроса—о томъ, идти ли ему въ Иверію, или нѣтъ, молитвенно взялъ съ престола одну изъ написанныхъ имъ хартій: жребій выпалъ—идти, и онъ сталъ собираться въ путь. Услышавъ о такомъ рѣшеніи, обрадовался царь Багратъ, и послалъ къ нему собственнаго служителя Іоанна, съ конемъ и нужными деньгами, чтобы святой могъ взять съ собой и присныхъ своихъ учениковъ, о чемъ писалъ также патріарху и намѣстнику антиохійскому.

3. ПУТЕШЕСТВІЕ ГЕОРГІЯ ВЪ ГРУЗИЮ.

Здѣсь измѣняется самый образъ разсказа, и писатель житія какбы уже отъ своего лица пишетъ тѣмъ, кто просилъ его описать житіе преподобнаго: «Здѣсь конецъ нашему слову къ вышеупомянутымъ собратіямъ, которые убѣдили насъ описать жизнь святаго со дня его рожденія. О блаженнѣйшій! доселѣ ты зналъ все это, и только представлялъ, будто не знаешь жизни того, кто не скрывалъ отъ тебя ни одной іоты изъ сердечныхъ своихъ помысловъ. Теперь сообщу святынѣ твоей объ отъѣздѣ нашемъ на Востокъ (т. е., въ Иверію), и о всемъ, что произошло до возвращенія въ столицу греческую и до преставленія святаго. Такъ какъ ты настоятельно повелѣвалъ мнѣ, недостойному, написать о немъ что либо приличное, то я вкратцѣ изложилъ все, что могъ. Слишкомъ далекъ я отъ святости блаженнаго Георгія,—какъ далекъ призракъ отъ человѣка: но повелѣніе твое заставляетъ меня описать, какъ мы совершили свой путь въ Иверію, и какова была блаженная кончина святаго. Я подобенъ лѣнивому путнику, который, не дошедши до предположеннаго мѣста, останавливается на пу-

ти, ибо постоянно кружусь около горы, и не могу взойти на самую гору; но да будетъ со мною Христосъ, истинный Богъ, и святое твое благословеніе, чтобы мнѣ безпрепятственно шествовать по пути моего слова.» Умолчалъ о себѣ невѣдомый писатель; неизвѣстно имя его, равно какъ и того лица, къ кому обращена его рѣчь: но можно предполагать, что это говоритъ блаженный затворникъ, духовникъ Георгія, если только былъ онъ еще живъ.

Оставляя дивную эту гору, — пишетъ онъ, — мы помолились надъ гробницею Сүмеона и Марѣы, и, въ напутствіе, отъ нихъ и отъ тебя получили святое благословеніе. Потомъ выѣхали изъ Антиохіи и приблизились къ рѣкѣ Евфрату: здѣсь узнали мы, что, по грѣхамъ нашимъ, турки овладѣли всею Месопотаміею и Сиріею, и—поворотили къ Севастѣ, надѣясь, что тамъ все еще мирно,—однакожь, турки и здѣсь опередили насъ и сожгли городъ. Не вѣдая о томъ, мы продолжали путь, и едва было не попали въ руки враговъ; одно только милосердіе Божіе спасло насъ: ибо отвсюду слышался намъ голосъ: «куда идете?» хотя,—Богъ свидѣтель,—не видно было никого, кто говорилъ бы намъ это; предостерегалъ насъ именно голосъ ангела. Оставивъ большую дорогу, пошли мы малыми стезями, чрезъ дремучіе лѣса и непроходимыя ущелья: и, послѣ утомительнаго странствованія, днемъ и ночью, достигли наконецъ Кесаріи, а оттуда направились уже къ морю, ибо идти далѣе по сушѣ было невозможно. Такъ вступили мы въ Евхайтъ, гдѣ поклонились гробу святаго великомученика Θεодора. Мѣстный епископъ, мужъ святой и благочестивый, благосклонно принялъ насъ и много бесѣдовалъ съ нами о спасеніи души. Изъ Евхайта пришли мы къ ближайшему приморскому городу Самисону, и здѣсь, продавъ своихъ коней, на корабляхъ отплыли въ Абхазію, благополучно достигли до крѣпости Поти и, поднявшись по рѣкѣ Ріону, прибыли въ столичный Кутаисъ во время винограднаго сбора.

Царь Багратъ въ то время находился въ Карталии, и едва только узналъ о пришествіи святаго аввы, немедленно прислалъ одного изъ своихъ сановниковъ, чтобы послѣдній, съ великою честію, привелъ къ нему блаженнаго Георгія. Намъ сопутствовалъ епископъ кутаисскій Иларіонъ, смиренно ставшій въ число учениковъ аввы Георгія. За три часа разстоянія отъ столичнаго города Мцхета, царь Багратъ выслалъ къ намъ, для почетной встрѣчи, архіереевъ и сановниковъ своихъ, а самъ встрѣтилъ насъ въ дверяхъ своей палаты. Съ духовною радостію принялъ онъ благословеніе отъ святаго старца, ввелъ его за руку въ палату и, посадивъ возлѣ себя, сказалъ: «благословенъ Господь! нынѣ спасеніе всему моему царству,—ибо я удостоился видѣть втораго Златоуста»,—и всѣ сановники говорили: «благословенъ Господь, явившій намъ такого мужа, для спасенія душъ нашихъ!» Велика была радость во всемъ царствѣ.

Спустя мѣсяць послѣ нашего приѣзда, царь Багратъ, съ помощію Божіею, одержалъ славную побѣду надъ мятежными князьями Абашидзе, которые, гордые своимъ богатствомъ, силою мышцы и множествомъ народа, долго воевали противъ него и домогались взять въ плѣнъ самого царя; но Багратъ плѣнилъ всѣхъ ихъ пятерыхъ, какъ безсильныхъ младенцевъ. Послѣ того, немедленно послалъ онъ за святымъ аввою, чтобы сообщить ему свою радость, и, въ духѣ христіанскаго смиренія, отвѣчалъ на отеческое его привѣтствіе: «эта побѣда, отче святой, дарована намъ твоими молитвами, ибо много разъ поднималъ я оружіе на непокорныхъ, и никогда не имѣлъ успѣха: нынѣ же, ради твоего пришествія, совершилось чудо, и твоими молитвами возвеличилось мое царство.» При этомъ открылъ ему царь всѣ лукавыя замыслы рода Абашидзевыхъ. Такъ какъ наступала уже зима, то Багратъ, по своему обычаю, собирался провести ее въ Абхазіи, на тепломъ поморіи, и просилъ святаго Георгія сопутство-

вать ему, чтобы отдохнуть зиму въ благорастворенномъ климатѣ. Но когда достигли они обители Мартвильской, въ Мингрелии, мѣстный епископъ чхондійскій, бывшій также ученикомъ аввы, не пустилъ его далѣе, и умолилъ остаться у себя на зиму.

Весною царь Багратъ, возвращаясь въ Карталинію, опять пригласилъ съ собою святаго старца, и, для его успокоенія, далъ ему въ лучшихъ мѣстахъ благоустроенныя лавры: сперва— обитель Недзви, въ Карталиніи, а потомъ— знаменитую лавру Шатберди, въ Кларджетѣ; но и тутъ не хотѣлъ съ нимъ разстаться, и, не смотря на ежедневныя свиданія, не могъ довольно насытиться сладостію рѣчей изъ медоточивыхъ его устъ. «Отче святой!» говорилъ ему царь: «для того мы и утруждали твою святость, чтобы ты исправилъ всѣ недостатки и заблужденія душъ нашихъ, чтобы тайное обличилъ тайно, а явное уврачевалъ явно, безъ всякаго лицепріятія, — ибо все, что ты ни повелишь, я приму какбы изъ устъ самихъ апостоловъ.» Царь подвелъ къ аввѣ старшаго своего сына Георгія, и, положивъ его руки въ руки старческія, сказалъ: «вотъ отдаю тебѣ душу этого отрока, и потребую ее отъ тебя въ день судный, предъ Богомъ.» Георгій благословилъ юнаго царевича и сказалъ: «Господь да благословитъ тебя и въ сей жизни и въ будущей, и, какъ нѣкогда великому Константину, да покоритъ всѣхъ враговъ къ подножію ногъ твоихъ.» Кромѣ того, написалъ онъ душеполезныя поученія и вручилъ ихъ отроку, чтобы этотъ постоянно читалъ ихъ, удаляясь отъ людей стропотныхъ и нечестивыхъ. Царевичъ, съ любовію принялъ поученія святаго старца, и во всемъ покорялся ему, какъ послушный сынъ доброду отцу.

Съ тѣхъ поръ начали постоянно притекать къ святому аввѣ и приносить предъ нимъ покаянiе въ грѣхахъ своихъ не только царь и католикось, но и сановники и пресвитеры,

иноки и инокини, люди богатые и бѣдные, и до такой степени со всѣхъ сторонъ обступали его, что мы едва успѣвали принимать пищу. Просвѣщенный свыше человекъ Божій просвѣтилъ всю свою страну, исправляя недостатки ея, тайные и явные. Первое свое обличеніе, безстрашно и нелицемѣрно, обратилъ онъ противъ самого Баграта, увѣщевая его, чтобы каедръ епископскихъ не ввѣрялъ онъ невѣждамъ и нечестивцамъ, привыкшимъ къ суетѣ міра и скитальческой жизни, но чтобы избиралъ людей достойныхъ, воспитанныхъ въ иночествѣ, подъ надзоромъ добрыхъ наставниковъ, дабы молитвами ихъ преуспѣвало въ мирѣ царство, и міряне не были осуждены за грѣхи духовныхъ. Святый старецъ поучалъ также царя о судѣ и правдѣ, внушая ему, чтобы, по слову Давида, оправдывалъ смиреннаго и убогаго, и изъ лицепріятія не склонялъ вѣсовъ правосудія, особенно же — чтобы возлюбилъ онъ милостыню, ибо милость и правду любитъ Господь, и чтобы начиналъ исправлять безпорядки съ самого себя, и потомъ уже искоренялъ бы ихъ въ народѣ.

Подобнымъ образомъ наставлялъ святой старецъ и иноковъ, и инокинь и весь народъ, и свои наставленія предлагалъ въ видѣ поученій, какія соотвѣтствовали ихъ званію: невѣждамъ напоминалъ онъ о нуждѣ познанія, богатымъ внушалъ милосердіе, бѣднымъ — терпѣніе, и не съ пустыми руками отпускалъ своихъ слушателей, но укрѣплялъ и возставлялъ падшихъ, исцѣлялъ уязвленныхъ стрѣлою невидимаго врага, спасалъ утопающихъ въ волнахъ страстей, не допуская ихъ до конечной гибели, и, какъ искусный кормчій, направлялъ всѣхъ къ безбурной пристани. — Знаю, святой отче, — говоритъ писатель житія его, — что ты желаешь узнать отъ меня и то, какъ совершилось собраніе сиротъ, и какимъ образомъ блаженный Георгій совокупилъ воедино такое множество ихъ.

Сперва нашли мы, что присные великаго аввы на своей

родинѣ бѣдствуютъ: это были два его племянника, — сыновья его сестры, и малолѣтнія ихъ дѣти. Георгій принялъ ихъ по словамъ Писанія: *приснаго рода твоего да не отвергнешь*. Другихъ сиротъ собралъ онъ изъ чуждыхъ мѣстъ: тѣхъ обрѣлъ въ пустынѣ, этихъ выкупилъ изъ рабства, или спасъ отъ гибели нравственной, и отъ такого паденія возвелъ ихъ на степень пресвитеровъ Христовыхъ. Слухъ о томъ, что Георгій призрѣваетъ сиротъ, распространился по всей Иверіи, и дѣти начали собираться къ нему отъсюду: иныхъ приводили родители, и иногда тайно оставляли у дверей его дома; другіе сами бѣжали отъ родителей въ тихое пристанище, — и такимъ образомъ собралось ихъ до сорока человекъ. Къ собранію этихъ сиротъ было много причинъ: во-первыхъ, богоподражательное его милосердіе, во-вторыхъ, сильное его желаніе, чтобы народъ еще въ дѣтствѣ изучалъ переведенное имъ на родной языкъ священное Писаніе, — ибо нѣжная природа дѣтскаго возраста, какъ мягкій воскъ, удобно пріемлетъ всѣ впечатлѣнія, и юные ученики могли современемъ сами сдѣлаться учителями. Георгій и не обманулся въ своемъ ожиданіи. Была еще и третья причина: самъ онъ, на святой горѣ, проходя сперва должность діакона, а потомъ настоятеля, много видѣлъ подвиговъ, совершаемыхъ ея иноками, — но земля наша далеко отъ этой святой горы: немного ученыхъ мужей пріѣзжало отсюда къ намъ, а кто и пріѣзжалъ, тотъ въ скоромъ времени возвращался. Блаженный Георгій желалъ собранныхъ имъ дѣтей, какъ словесное стадо и чистѣйшую жертву, привести къ святому отцу нашему Евфимію и сдѣлать ихъ пѣвцами или чтецами въ святой его церкви, чтобы память богоносныхъ мужей совершалась здѣсь торжественно (слова эти показываютъ, что самъ писатель житія обиталъ на Аѳонѣ, въ лаврѣ Иверской).

Георгій пребывалъ въ землѣ иверской пять лѣтъ: многія епископскія каѳедры и иноческія обители переписали

его переводъ священнаго Писанія, многое исправилъ онъ въ церковныхъ обрядахъ, и всѣмъ показалъ путь къ вѣчной жизни, объяснивъ заповѣди и церковныя правила письменно и словесно. Такъ умножилъ онъ данный ему отъ Бога талантъ, — ибо просвѣщеніе и принесеніе столькихъ душъ въ жертву Богу едва ли не выше было и чуднаго его перевода божественныхъ книгъ: блаженный Георгій довершилъ дѣло проповѣди святыхъ апостолъ Андрея и Симона, ибо Первозванный прошелъ всю страну нашу, а Кананитъ совершенно вселился въ ней, такъ какъ въ Никонсіи почиваютъ святые его мощи.

Въ это время, въ наказаніе за грѣхи наши, возсталъ изъ Вавилона второй Навуходоносоръ — султанъ сельджукидовъ Альпъ-Арсланъ, и явился въ Ахалкалаки, что въ Джавахетіи, гдѣ были собраны всѣ сироты блаженнаго отца. Однажды, около полудня, сидѣли мы въ келіи Георгія: внезапно на лицѣ его выразились сперва изумленіе, потомъ испугъ, и онъ, сказавъ: «на этотъ городъ идетъ гнѣвъ Божій», — немедленно велѣлъ всѣмъ собираться въ путь. Къ вечеру мы уже вышли изъ города, а чрезъ три дня, дѣйствительно, постигъ его гнѣвъ Божій: не только жители его, но и знаменитѣйшіе сановники земли иверской — всѣ погибли подъ мечомъ. Благочестивый Багратъ впалъ въ уныніе; но человекъ Божій, словомъ утѣшенія, разсѣялъ душевную его тоску, и самъ царь сознавался впоследствии, что умеръ бы отъ печали, еслибы не видѣлъ святаго старца.

---

4. КОНЧИНА ГЕОРГІЯ.

Между тѣмъ, по откровенію свыше, Георгій уразумѣлъ, что уже приблизилось время его кончины, и онъ подвигся духомъ идти на святую гору, чтобы положить кости свои тамъ, гдѣ возсіялъ ему свѣтъ разума божественныхъ Писаній, и утвердить собранныхъ имъ чадъ въ оградѣ святаго Евфимія. Но какъ нѣкогда сему великому аввѣ, такъ и самому Георгію суждено было окончить дни свои не на святой горѣ, а въ престольномъ градѣ.

Георгій, прежде чѣмъ предпринялъ послѣднее свое путешествіе, посѣтилъ благочестиваго царя Баграта, чтобы выразить ему свою благодарность за радушный приѣмъ и объявить о своемъ удаленіи; онъ исполнилъ это словами, проникнутыми божественною мудростію. «Государь!» говорилъ Георгій: «я покорился твоему повелѣнію, и оставилъ землю, которая не входила въ планъ моихъ подвиговъ и гдѣ отдыхалъ я отъ многихъ тревоженій міра; послушайся нынѣ и ты моего убожества, и отпусти меня опять, какъ и прежде, въ землю моего странствованія, напутствуй туда твоими молитвами и благословеніями, да достигну я мѣста погребенія духовныхъ моихъ отцовъ, какъ нѣкогда кости родоначальника Іакова, скончавшагося въ Египтѣ, и кости Іосифа, по завѣщанію ихъ, перенесены были въ землю обѣтованную, въ общую гробницу отцовъ ихъ Авраама и Исаака. Если благочестіе твое что либо приобрѣло отъ моего присутствія, и устроилось твое царство, то это дѣло принадлежитъ тебѣ, ибо призвалъ меня ты, а не самъ я къ тебѣ явился. Вотъ и грамота твоя, нѣкогда ко мнѣ писанная, которою ты, какъ царь этой земли, обѣщаль мнѣ безопасность и полную свободу: и такъ, отпусти меня нынѣ къ Царю вселенной, въ Царьградъ, собирающій и упокоивающій всѣхъ тружениковъ.»

Умилился царь и пролилъ много слезъ, со всѣми своими сановниками и епископами. Напрасно старался онъ умолить старца, чтобы тотъ остался въ родной землѣ: Георгій пребылъ непреклоннымъ. Наконецъ державный Багратъ долженъ былъ отпустить его, и отпустилъ съ великими дарами. Все царство скорбѣло о немъ,— всѣ, какъ дѣти, плакали о лишеніи отца своего, ибо всѣ сановники и епископы были духовными его чадами. Царь вручилъ ему письмо къ императору Константину Дукѣ, который, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, просилъ царевну Марю въ невѣсты сыну своему,— и царица Марія, прощаясь съ Георгіемъ, напомнила ему о давнемъ его предсказаніи. Со святымъ старцемъ отпущены были инокъ Петръ, бывшій нѣкогда патрикіемъ, Ааронъ и другія лица, духовныя и свѣтскія. Плаваніе ихъ хотя было бурно, такъ что всѣ отчаявались за жизнь, однакожь, молитвами преподобнаго, благополучно достигли они Константинополя.

Императоръ обрадовался прибытію святаго мужа, и на другой же день пригласилъ его въ свои палаты. Георгій привѣтствовалъ какъ его, такъ и сына его, кесаря, похвальною рѣчью, исполненною искренности и смиренія,— и державный подивился краснорѣчію его. «Благодарю севастоса Баграта», сказалъ онъ патриарху константинопольскому, «что прислалъ онъ намъ человѣка, подобнаго ангеламъ, который хотя родомъ и грузинъ, по во всемъ слѣдуетъ обряду нашему.» Изъ грамоты же Багратовой еще болѣе увѣрился онъ въ достоинствѣ святаго мужа, ибо Багратъ писалъ, что «посылаетъ къ нему учителя всей Иверіи, угодившагося безплотнымъ, который своими молитвами утвердитъ вселенское его царство.» Посему императоръ объявилъ Георгію, что исполнить всѣ его желанія, и вступилъ съ нимъ въ духовную бесѣду о дѣлахъ церковныхъ и обрядахъ вѣры.

Въ то время, при царскомъ дворѣ находилось много именитыхъ мужей, изъ числа римлянъ и армянъ, и самъ послѣд-

ній царь армянскій—Гагикъ, бѣжавшій въ Царьградъ изъ покоренной сарацинами столицы его Ани. Императоръ, въ присутствіи ихъ, спрашивалъ святаго старца о различіи исповѣданій, извиняясь тѣмъ, что, какъ державшій всегда мечъ и скипетръ, онъ мало знакомъ съ предметами церковными, хотя, по настоящему, православіе должно утверждаться отъ царей. Константинъ желалъ знать, во всемъ ли согласна Церковь иверская съ православною Церковію греческою,—и весьма былъ утѣшенъ, когда святой Георгій, ясными доказательствами, засвидѣтельствовалъ, что Церковь иверская, принявши однажды православіе, никогда отъ него не отступала. Императоръ возблагодарилъ за это Бога, и потомъ спрашивалъ еще о разности, какая существуетъ въ догматахъ и обрядахъ между греками, римлянами и армянами; — на всѣ эти вопросы авва Георгій давалъ ему удовлетворительные отвѣты, такъ что державный, святитель и сановники изумлялись ясности, съ какою излагалъ имъ Георгій самыя глубокія истины и то, чего не могли изъяснить имъ ни римляне ни армяне.

Архимандритъ Иверской лавры и Аѳонской горы, Георгій, находился тогда въ Царьградѣ; этотъ человѣкъ, добрый и праведный, весьма обрадовался, узнавъ о возвращеніи святаго Георгія, котораго зналъ на святой горѣ. «Благословенъ Богъ!» говорилъ старецъ: «Самъ Господь привелъ тебя обратно къ намъ; вотъ и монастырь твой предъ тобою.» На другой день, опять потребовали Георгія и бывшихъ съ нимъ къ императору; съ ними вмѣстѣ предсталъ предъ лицо царское и архимандритъ. При этомъ державный сказалъ Георгію: «Иди, благочестивый старецъ, опять въ свою обитель, и тамъ воспитывай твоихъ сиротъ;—ибо такъ писалъ намъ о тебѣ братъ нашъ севастось Багратъ; доброе дѣло, что онъ прислалъ къ намъ настоятеля лавры Иверской. Но покажи мнѣ твоихъ сиротъ, чтобы я могъ оказать имъ милость; исполню и всѣ другія твои просьбы, какія только предложишь мнѣ.»

Наступилъ праздникъ святаго Іоанна Предтечи: мы пошли въ обитель Студійскую, поклониться честной его главѣ; и пріобщившись тамъ святыхъ Таинъ, возвратились на свое подворье Ксеалонъ. Доселѣ, блаженнѣйшій, ровень и пріятень былъ путь моего слова, но теперь лучше бы мнѣ умолкнуть, ибо сердце мое стѣсняется и руки дрожать, когда помышляю о сиротствѣ своемъ. Какъ опишу тебѣ послѣдніе дни жизни моего аввы и прощальныя рѣчи? Но, послушанія ради, подвигну слабый языкъ мой и доскажу свою повѣсть.

Святой отецъ нашъ предчувствовалъ блаженную свою кончину, когда, на обратномъ пути изъ обители Студійской, началъ изнемогать, и когда мы думали, что это только отъ одной усталости, ибо святой авва имѣлъ обычай—на самыя отдаленныя богомолія ходить не иначе, какъ пѣшкомъ. За два дни до праздника святыхъ апостоловъ, онъ сказалъ намъ: «будьте готовы взять съ собою моихъ сиротъ, чтобы представить ихъ царю»,—такъ какъ намъ было уже объявлено опредѣленіе царское, что сироты должны предстать предъ лицо царя внѣ города, — въ долину, называемой Филопатросъ. Потомъ Георгій присовокупилъ: «если не увидимъ его сегодня, то завтра это будетъ уже не въ нашихъ рукахъ;»—мы не поняли тогда значенія его словъ. Старецъ, безъ посторонней помощи, легко сѣлъ на коня и такъ же свободно сошелъ съ него, въ предназначенной долину, гдѣ ожидали мы возвращенія царскаго. Когда императоръ и сынъ его приблизились верхами, всѣ мы пали на землю и пропѣли ему многолѣтіе. Державный изумленъ былъ множествомъ сиротъ и ихъ малолѣтствомъ, ибо нѣкоторымъ было едва ли по семи лѣтъ: и всѣ они были облечены въ короткія монашескія мантии. Державный похвалилъ милосердіе страннолюбиваго старца.

Тутъ блаженный Георгій подалъ челобитную царю, и сказалъ ему: «Я собралъ этихъ сиротъ въ Иверіи и научилъ ихъ

имени Божію, а нынѣ представилъ ихъ предъ лицо царскаго твоего величества. Воспитывай ихъ по своему благоволенію и охраняй, какъ молитвенниковъ о душѣ твоей, ради благоденствія собственныхъ твоихъ чадъ.» Съ императоромъ стояли три его сына и царь армянскій, съ сановниками римскими. Вручивъ челобитную, Георгій присовокупилъ: «послѣ Бога, предаю ихъ тебѣ.» Императоръ велѣлъ сиротамъ прочитывать часы, чтобы испытать ихъ въ чтеніи, но блаженный велѣлъ имъ, вмѣсто того, пропѣть отходную пѣснь святаго Сѹмеона Богопріимца: *нынѣ отпуцаеши раба Твоего, Владыко,*—знаменуя тѣмъ близкое свое отшествіе къ Богу. Это знаменательное слово мы поняли, однакожъ, только на другой день, когда старецъ уже скончался.

Наканунѣ праздника верховныхъ апостолъ, когда никто не ожидалъ всѣхъ насъ поразившаго горькаго удара, мы нечаянно узнали, что блаженный отецъ нашъ тихо преставился къ Богу,—и никто изъ насъ не былъ свидѣтелемъ мирной его кончины. Прежде всѣхъ узналъ о томъ бывшій патрикій, священноинокъ Петръ, пламенно любившій своего наставника. Исполненный скорби, пришелъ онъ передать плачевную вѣсть императору. «Миръ державѣ твоей», сказалъ онъ, «и многая тебѣ лѣта, съ царственнымъ твоимъ сыномъ!—Тотъ святой инокъ, который еще вчера вручалъ вамъ обоимъ сорокъ безпріютныхъ сиротъ, нынѣ уже самъ предался въ руки Божіи и отъ царя земнаго перешелъ къ Царю небесному. Вчера онъ умолялъ тебя о покровительствѣ своимъ сиротамъ, а сегодня самъ молится за тебя Отцу сирыхъ, Судіи вдовъ и Царю царей земныхъ.» Прослезился царь, и, послѣ перваго изумленія, за все воздалъ хвалу Богу.

Мы положили священные останки блаженнаго Георгія въ ковчегъ изъ негниющаго дерева, и отплыли моремъ на святую гору, куда благополучно и достигли. Святогорцы благосклонно приняли насъ, какъ своихъ присныхъ братьевъ, а

святаго отца нашего, хотя уже усопшаго, — какбы живаго наставника, ибо изъ прежнихъ его учениковъ въ лаврѣ Иверской оставалось въ живыхъ еще много. Съ тѣми же почестями, съ какими нѣкогда встрѣчали они блаженные останки Евфиміевы, встрѣтили и раку Георгіеву: на рукахъ іерейскихъ принесли ее въ церковь и поставили предъ гробницею святаго Евфимія, а оттуда перенесли въ церковь всѣхъ святыхъ, гдѣ оставалась эта рака около года, доколѣ не пришло повелѣніе отъ патрікія Петра и достопочтеннаго настоятеля нашего Георгія Ольтисели, котораго утвердилъ императоръ въ этомъ званіи послѣ кончины блаженнаго. Оба они приплыли на гору Аѳонскую; въ ихъ присутствіи открыта была гробница великаго ктитора лавры, Георгія Торникія, и нетлѣнныя останки святаго старца Георгія, вынутыя изъ ковчега какбы совершенно живыми, положены въ одну мраморную гробницу съ Торникіемъ, какъ останки втораго ктитора лавры. Погребеніе ихъ совершалось 24-го мая 1067 года; но лавра Иверская установила совершать память Георгія 30-го іюня, въ день дванадесяти апостолъ, ибо, за равноапостольные его подвиги, причла его къ ихъ лику, какъ тринадцатаго.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНЫХЪ И БОГОНОСНЫХЪ ОТЦЕВЪ НАШИХЪ
ЕВФИМІЯ И НЕОФИТА
ДОХІАРСКИХЪ ¹.

ПАМЯТЬ ИХЪ НОЯБРЯ 9-ГО.

Имена родителей преподобнаго отца нашего Евфимія неизвѣстны, равно какъ и значеніе ихъ въ свѣтѣ. Достоверно только то, что самъ Евфимій былъ изъ числа византійскихъ вельможъ, современникъ преподобнаго Аѳанасія аѳонскаго, другъ его еще въ мѣрѣ, постриженникъ его въ иночество и ученикъ его въ иноческой жизни ². Живя съ Аѳанасіемъ довольно долго еще до основанія великой лавры, онъ видѣлъ, какъ устроилъ преподобный священную киновію, и съ благоговѣніемъ удивлялся собранію добродѣтельныхъ и преподобныхъ мужей въ единую ограду, будто расточенныхъ овецъ, подъ бдительное попеченіе единаго пастыря. Онъ питалъ глубокое благоговѣніе ко всѣмъ этимъ святымъ мужамъ, но болѣе всего—къ великому отцу своему Аѳанасію, по причинѣ добродѣтельной и изумительной подвижнической его жизни. За примѣрное братолюбіе, за достохвальную кротость и скромность, за особенное рвеніе къ ангелоподобной

¹ Изъ *Προσκλητᾶριον μοναζηρίου Δοχειαρίου*.

² Авторъ *Κοινόν προσκλητᾶριον τοῦ ἁγίου ἁρως*, называя святаго Евфимія тоже другомъ святаго Аѳанасія, полагаетъ его жившимъ при Никифорѣ Вотаниатѣ. Но Вотаниатъ жилъ цѣлымъ вѣкомъ позднѣе святаго Аѳанасія. Ясно, что здѣсь переименованъ Никифоръ Фока съ Никифоромъ Вотаниатомъ (см. стран. 88).

подвижнической жизни, святой Евфимій удостоенъ былъ Ана-насіемъ первой по немъ степени въ братствѣ, и назначенъ проходить должность дохіара: на немъ лежала забота о всемъ продовольствіи, о всѣхъ вещественныхъ нуждахъ братства, — и онъ проходилъ ее съ такимъ усердіемъ, вѣрностію и честностію, какбы она возложена была на него Самимъ Богомъ, а не отцомъ его духовнымъ.

Но блаженная душа святаго дохіара хотѣла большихъ подвиговъ, — горѣла желаніемъ безмолвія. Какъ истинный послушникъ, предлагаетъ онъ свою мысль на обсужденіе своего друга, наставника и отца. Святой Ананасій, предвидя духомъ, что онъ сдѣлается примѣромъ подвижнической жизни, и будетъ виновникомъ вѣчнаго спасенія многихъ душъ, не только соизволилъ на святое его желаніе, но позволилъ идти съ нимъ въ безмолвіе и другимъ, кто пожелаетъ, изъ священной его дружины. И такъ, святой Евфимій, съ нѣсколькими братьями, вышедши изъ лавры, создалъ, въ мѣстѣ, называемомъ Дафна, монастырекъ (монидріонъ), во имя святаго Николая, и, въ память своего послушанія, проходимаго имъ въ лаврѣ святаго своего отца, назвалъ его Дохіаромъ. Внимательно смотрѣлъ святой Евфимій за всѣми движеніями своей души, на новомъ, отшельническомъ пути къ небу, старательно обходилъ сѣти коварнаго врага, разставляемыя имъ на пути нашемъ ко спасенію, усугубилъ здѣсь и постъ и молитву. Постоянно напоминалъ и малой своей дружинѣ о глубокомъ къ самимъ себѣ вниманіи, объясняя, что наша брань, по апостолу, — *не къ крови и плоти, но къ началамъ и ко властямъ и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего* (Ефес. 6, 12). Не могъ равнодушно смотрѣть на такіе подвиги святаго Евфимія начальникъ преисподней и непримиримый врагъ рабовъ Божіихъ. Скоро успѣлъ онъ причинить скорбь святому, употребивъ въ орудіе для этого сарацинъ. Въ одинъ день, святой Евфимій, увидѣвъ ихъ изъ своего убѣжища въ пристани

Дафны ¹, предузналъ, что люди эти явились здѣсь не съ благою цѣлю. Поэтому онъ заблагоразсудилъ уступить гнѣву исконнаго нашего врага, — удалился изъ своего убѣжища, вмѣстѣ съ своимъ братствомъ, и скрылся въ сосѣдномъ густомъ лѣсу горы. Злодѣи, явившись въ монастырекъ, расхитили священные сосуды церкви и небольшой хозяйственный запасъ и приборъ. Но не удовольствовался этимъ доброненавистникъ. Онъ возбудилъ орудіе свое — сарацинъ на крайнюю и бессмысленную ярость, — они разрушили до основанія церковь и стѣны монастыря, и такимъ образомъ, оставивъ послѣ себя развалины, удалились. Возвратившись изъ лѣсу съ своею дружиною, и увидѣвъ въ такомъ жалкомъ и достойномъ слезъ положеніи монастырь свой, святой позналъ, что злодѣи простерли свою ярость на самыя зданія, безъ всякой для нихъ пользы, конечно, по дѣйствию лукаваго. Но малодушіе и ропотъ были далеки святаго Евфимія. Отъ всей души благодарилъ онъ Бога за посѣщеніе его и скорбію и милостію, — скорбію, что злодѣи лишили его имѣнія, — милостію, что жизнь его и бывшихъ съ нимъ сохранилась отъ опасности. Воодушевлялъ онъ также и свое братство, вооружалъ ихъ противъ малодушія, укрѣпляя своими отеческими и святыми наставленіями. — А такъ какъ пристань, бывшая недалеко отъ его монастырька, привлекала въ Дафну множество разнаго народа, то діаволъ, по зависти своей, легко могъ снова возбудить кого нибудь противъ святаго: поэтому, чтобъ не испытать опять такого же несчастія, святой Евфимій рѣшился оставить Дафну. Путеводимый Богомъ, онъ нашелъ мѣсто болѣе удобное къ безмолвію, — то самое, гдѣ теперь красуется священный монастырь Дохіарскій. Это мѣсто полюбилось ему и возбудило въ немъ желаніе основаться здѣсь.

¹ Это нынѣ главная аѳонская пристань. Мѣсто, гдѣ она находится, и нынѣ извѣстно подъ тѣмъ же названіемъ. Это отъ монастыря Сиропотамскаго — на три четверти часа ходьбы.

Посему онъ явился къ проту святой горы, котораго звали авва Исаакъ, и объявилъ ему о своемъ намѣреніи. Проть не взялся рѣшить это дѣло одинъ, но призвалъ къ себѣ игуменовъ всѣхъ монастырей, и предложилъ имъ на обсужденіе благочестивое желаніе святаго Евфимія. Тогда и проть и всѣ игумены единомысленно одобрили такое богоугодное предложеніе святаго; ибо всѣ питали къ нему великое благоговѣніе и уваженіе, какъ за добродѣтельную его жизнь, которая стала извѣстна всѣмъ на святой горѣ, такъ и ради знаменитости его рода: поэтому тотчасъ же дали ему грамоту, за печатью прота, съ подписью игуменовъ, на владѣніе просимымъ имъ мѣстомъ. На новомъ мѣстѣ святой Евфимій опять воздвигъ монастырекъ,—и тоже въ честь и память святаго Николая, и уже никѣмъ болѣе не былъ безпокоимъ, но пользовался любимымъ, всегда желаннымъ и высоко цѣнимымъ безмолвіемъ. Какъ дорого святой цѣнилъ безмолвіе, видно изъ того, что для него презрѣлъ онъ дикость и суровость мѣста и недостатокъ важнѣйшей жизненной потребности — воды! Иноческіе его подвиги и здѣсь пошли обычною чредою,—и онъ со дня на день восходилъ отъ силы въ силу, служа образомъ и примѣромъ для малаго своего братства.

Вскорѣ по водвореніи святаго Евфимія на новомъ мѣстѣ, прибылъ къ нему изъ византійской столицы племянникъ его, именемъ Николай. Онъ былъ изъ числа знаменитыхъ тамошнихъ вельможъ и опытнѣйшихъ совѣтниковъ славнаго царя Никифора Фоки, пользовался великою царскою милостію и даже почтенъ былъ саномъ патрикія. У Николая родители были также славные и благочестивые. Отецъ его имѣлъ достоинство великаго дукса, и назывался Іоанномъ, а мать именовалась Евдокією. Николай съ раннихъ лѣтъ пламенно стремился къ иночеству. Еще на двадцатомъ году своего возраста, когда былъ въ должности перваго государственнаго письмо-

водителя, онъ оставилъ было славу и чести міра, и скрылся въ священной Студійской обители. Родители, пораженные тайнымъ удаленіемъ своего сына, подняли море и сушу,—всюду были разосланы царскіе слуги—отыскивать его. Имъ удалось наконецъ найти его и вручить ему призывныя родительскія письма. Николай показалъ эти письма игумену той обители, и этотъ присовѣтовалъ ему возвратиться къ родителямъ, чтобы не навлечь на себя отвѣтственности въ грѣхѣ преслушанія. Такимъ образомъ, по совѣту мудраго своего духовнаго вождя, Николай тотчасъ возвратился въ столицу, явился въ отеческій домъ и, по прежнему, сталъ заниматься государственными дѣлами, хотя огонь любви къ иночеству, возжегшійся въ его сердцѣ, не погасалъ. Родители его, заботясь о земной славѣ единороднаго и горячо любимаго ими сына, хотѣли видѣть въ немъ воскресителя и продолжателя славнаго ихъ рода. Но не такъ думалъ Николай. Не занимало его земное величіе, не льстила слава—быть отсвѣтомъ скоропреходящаго блеска своихъ предковъ. Душа его вся занята была произвольною нищетою и смиреніемъ ради Господа славы, и потому онъ только выжидалъ удобнаго времени, чтобы исполнить свое желаніе безъ скорби для своихъ родителей. Находясь уже нѣсколько лѣтъ въ этой мысленной брани, онъ вдругъ, противъ своей воли, дѣлается великимъ патрикіемъ. — Но мірская слава крайне тяготила его; эту высокую государственную должность, возложенную на него земнымъ царемъ, проходилъ онъ въ чистотѣ совѣсти, хотя, въ то же время, возлагая полное упованіе на Пресвятую Богородицу, не отпадалъ благихъ надеждъ на перемѣну блестящаго своего, по миѣнію міролюбцевъ, состоянія. Наконецъ, родители его, прошедши съ честію указанное имъ Промысломъ земное поприще, и воздавая общій долгъ смертной человѣческой природѣ, сошли о Господѣ съ позорища сего міра и оставили Николая

единственнымъ наслѣдникомъ огромнаго имѣнія, движимаго и недвижимаго. Впрочемъ, со смертію его родителей, еще не вдругъ насталъ конецъ всѣмъ препятствіямъ къ исполненію давней святой его мысли. Онъ зналъ любовь и расположеніе къ себѣ царя,—видѣлъ, что ему нелегко склонить вѣнценосца на свое желаніе; поэтому обратился съ теплою молитвою къ Пресвятой Богородицѣ, чтобъ Она Сама, имиже вѣсть судьбами, устроила его жребій, и расположила сердце цареву въ его пользу. Однажды, въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, смиренный патрикій, во время всеобщаго бдѣнія, со слезами просилъ Царицу небесную облегчить трудность его положенія. Послѣ этой молитвы, воодушевляясь несомнѣнною надеждою, предсталъ онъ предъ царя, и, падши къ царскимъ стопамъ, смиренно просилъ снизить на его просьбу,—дать ему царское согласіе на приведеніе имъ въ исполненіе того, чего душа его желала еще съ первыхъ лѣтъ возраста. Жаль было царю лишиться достойнѣйшаго патрикія; но, зная хорошо твердую его рѣшимость, царь уступилъ его просьбѣ, и даровалъ ему державное свое согласіе столь легко, что такой неожиданной перемѣнѣ царскихъ мыслей удивился самъ патрикій. Николай ясно видѣлъ здѣсь призрѣніе на смиренную его молитву Владычицы всей твари, и потому отъ глубины души, отъ полноты сердца благодарилъ свою Заступницу. Согласившись на просьбу своего патрикія, царь отечески обласкалъ его, просилъ его молиться о благосостояніи его дома и всего его царства, заповѣдалъ ему обращаться къ державѣ его во всѣхъ нуждахъ, обѣщая удовлетворять его щедро и поцарски. Можно представить, что чувствовалъ тогда Николай! Воздавъ подобающее благодареніе и поклоненіе вѣнценосцу за такое его къ себѣ расположеніе, онъ устремился изъ міра въ пустыню, какъ не стремится и жаждущій елень на источники водные,—немедленно удалился на святую гору, явил-

ся къ дядѣ своему, святому Евфимію, игумену Дохіарскаго монастыря, и, все свое имущество посвятивъ обители, себя самого предалъ духовному вождю—дядѣ, какъ желѣзо ковачу. Сѣмена духовной жизни, посѣваемые искуснымъ сѣятелемъ на землѣ благой, начали быстро произращать на ней обильные плоды. Поэтому, въ непродолжительномъ времени, Николай былъ облеченъ духовнымъ своимъ отцомъ и дядею въ иноческій ангельскій образъ, съ именемъ Неофита. Это новое растеніе, прозябши на нивѣ иноческаго житія, быстро возрасло въ великое древо, и принесло Богу обильные плоды—въ постахъ, молитвахъ и колѣнопреклоненіяхъ. Святой Евфимій, усматривая, что духовными плодами Неофита достаточно можетъ пользоваться малое его братство, и видя, что всѣ братіи питаютъ къ нему великое уваженіе и благоговѣніе, за высокую подвижническую его жизнь, заблагоразсудилъ, съ общаго согласія, передать на его попеченіе монастырекъ и сдѣлать его игуменомъ съ полною властію. А самъ, послѣ сего, возлюбилъ безмолвіе, и въ послѣдніе дни своей жизни утѣшался только племянникомъ своимъ; достигши же наконецъ глубокой старости, мирно почилъ о Господѣ, въ основанномъ имъ монастырѣ.

Принявъ въ свои руки кормило духовнаго правленія, святой Неофитъ, сѣтію мудрыхъ своихъ наставленій и святыхъ дѣяній, уловилъ въ свой монастырекъ многихъ, такъ что малая его обитель въ короткое время возрасла въ лавру. Посему онъ принужденъ былъ, по причинѣ тѣсноты, испытываемой его братіею, позаботиться о распространеніи и увеличеніи своего монастырька; а такъ какъ дикость мѣста, и особенно недостатокъ воды въ этомъ мѣстѣ требовали, для сей цѣли, огромныхъ суммъ, то святой смиренно предложилъ своему царю быть ктиторомъ монастыря. Царь принялъ предложеніе Неофита съ благодарностію и благоговѣніемъ, и тотчасъ же послалъ ему съ своими людьми, изъ царской со-

кровищницы, значительное количество золота, прося у него молитвъ и за себя и за всѣхъ своихъ предковъ. Такимъ образомъ, въ короткое время, явился совершенно новый монастырь, въ той самой величинѣ, въ какой видится онъ и теперь, подъ названіемъ тоже, какъ и прежде, святой обители Дохіарской, и съ главнымъ храмомъ, опять въ честь и память святителя Христова Николая. Заботясь объ устроении святой своей обители, преподобный Неофитъ не опустилъ изъ вниманія средствъ содержать ее, но постарался приобрѣсть въ разныхъ мѣстахъ многіе метохы, или участки земель, и подворья.

Созидавая обитель и приобрѣтая, для содержанія ея, недвижимое имѣніе, святой истратилъ всѣ деньги, царскія и свои, а въ храмахъ его не была еще окончена живопись, не доставало еще для нихъ священныхъ сосудовъ и одеждъ. Въ такомъ трудномъ положеніи, онъ скорбѣлъ и не зналъ, что дѣлать; писать же къ царю о новомъ вспоможеніи—считалъ неприличнымъ. Не видя ниоткуда человѣческой помощи, святой Неофитъ рѣшился, по наставленію царепророка, возвергнуть печаль свою на Господа, да Онъ препитаеъ (Пс. 54, 23),—и обратился съ теплою молитвою къ верховному Управителю нашихъ судебъ. Богатый въ милостяхъ и скорый на помощь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ, Богъ, чтобы содѣлать осязательно очевиднымъ дивный Свой промыслъ о прославляющихъ Его, не замедлилъ явить чудесную Свою помощь съ нуждою зиждущемуся храму славы Своея. Еще въ царствованіе Никифора Фоки,—ктитора Дохіарской обители, совершилось слѣдующее, достойное удивленія и изумленія, чудо. Противъ святой горы, въ виду Дохіара и другихъ монастырей, лежащихъ на южномъ склонѣ святой горы, на разстояніи отъ ней не болѣе четырехъ часовъ плаванія, находится полуостровъ, извѣстный подъ названіемъ Лонгосъ, или Сика. Святой Неофитъ стяжалъ здѣсь метохъ. Близъ

этого метоха, съ давнихъ лѣтъ, стоялъ одинъ эмблематическій столпъ, на вершинѣ котораго находилась каменная статуя, изображавшая человѣка, и имѣвшая на головѣ своей слѣдующую надпись: «ударившій меня по головѣ найдетъ множество золота.» Эта надпись уже много лѣтъ оставалась загадкою безъ разрѣшенія. Многіе ударили статую по головѣ, и надпись на ней всегда оказывалась ложною. Тайна эта такъ долго оставалась тайною не безъ особеннаго смотрѣнія Божія. Настало время,—и сокровенный смыслъ ея легко разрѣшился по божественному вдохновенію. Въ сказанный метохъ святымъ Неофитомъ посланъ былъ, для исправленія разныхъ монастырскихъ нуждъ, одинъ юноша (20-ти лѣтъ), — монастырскій послушникъ, именемъ Василій. Ходя часто на мѣсто, гдѣ былъ столпъ, Василій дивился и столпу и надписи на немъ,—но таинственность этой надписи все-таки оставалась неизъяснимою для него. Въ одинъ день, съ восхожденіемъ солнца, пришелъ онъ къ этому столпу, и, умудренный свыше, ударилъ по головѣ тѣнь статуи, потомъ раскопалъ ту часть земли, гдѣ своею тѣнью голова падала, и — нашелъ множество золота въ мѣдномъ котлѣ, сверху покрытомъ мраморнымъ камнемъ. Юноша былъ полонъ удивленія и радости отъ этой нечаянности, но не уязвился златолюбіемъ. Закрывъ опять золото со всею осторожностію, онъ тотчасъ же, прежде срока своего послушанія, отправился въ монастырь. Святой, недоумѣвая о преждевременномъ прибытіи юноши, спросилъ его наединѣ, что это значитъ. Узнавъ причину поспѣшнаго явленія къ себѣ своего послушника, святой воздалъ славу и благодареніе Богу, что Онъ, Всеблагій, услышалъ его прошеніе, и не допустилъ ему снѣдаться долго печалію о скудости внутренняго украшенія священнаго храма. И такъ, съ разсвѣтомъ, не объявляя ничего братству, святой Неофитъ назначилъ, по прошенію юноши, отправиться съ нимъ тремъ честнѣйшимъ

отцамъ, на своемъ монастырскомъ суднѣ, на полуостровъ Лонгосъ. Достигши цѣли своего плаванія, повѣренные старцы съ удивленіемъ убѣдились въ истинѣ сказанія юноши. Доставъ изъ земли мѣдный котелъ, полный золота, они внесли его, вмѣстѣ съ камнемъ, служившимъ ему крышкою, на судно, и немедленно поплыли обратно въ монастырь, взявъ съ собою и юношу. Но эти три отца, какъ люди, не устояли предъ соблазнительнымъ блескомъ золота. Хотя они были и опытны въ добродѣтели, но и лукавый хитръ на зло: онъ, по разнымъ, съ виду благословнымъ, причинамъ, убѣдилъ ихъ утаить золото. А нужно только занести ногу къ нему въ бездну, — тамъ ему уже нетрудно и совсѣмъ увлечь насъ къ себѣ. И дѣйствительно, для осуществленія одного беззаконія, онъ внушилъ имъ совершить другое, еще горшее преступленіе; — именно, чтобы утаилось отъ людей ихъ хищеніе, врагъ склонилъ отцовъ умертвить невиннаго юношу, и все это дѣло закончить обманомъ духовнаго ихъ отца. Но верховный Управитель нашихъ судебъ не такъ судилъ быть этому лукавому и беззаконному сплетенію. Наставленные діаволомъ, несчастные иноки, связавъ юношѣ руки и ноги и повѣсивъ на шею его мраморный камень, которымъ было закрыто золото, бросили его въ море. Это было ночью. А сами, достигши монастыря, раздѣлили золото между собою, и каждый свою часть скрылъ внизу монастырской пристани, — до времени, пока не найдетъ удобнаго случая удалиться изъ монастыря. Но Богъ чудесъ, Единъ вѣрно распознающій злоухищренія врага и Единъ, всемогущею Своею силою, ниспровергающій ихъ, промышляя о душевномъ спасеніи этихъ иноковъ и о жизни сего добраго юноши, равно какъ объ украшеніи священнаго храма, о коемъ столько умолялъ Его вѣрный Его служитель, измышленное лукавымъ зло премудро и чудно направилъ ко благу. Лишь только юноша былъ брошенъ въ море, тотчасъ явились, осіяваемые небес-

нымъ свѣтомъ, ангельскіе чиновначальники— Михаилъ и Гавріиль,—и юноша, подобно пророку Аввакуму, въ одинъ часъ принесенному ангеломъ изъ Іерусалима въ вавилонскій львиный ровъ, въ то же мгновеніе лежалъ уже въ монастырѣ, внутри запертой церкви, предъ святымъ алтаремъ, на полу ¹ у царскихъ вратъ, и въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ былъ брошенъ въ глубину морскую. Потрясенный предшествующими обстоятельствами, и оттого лишившійся чувствъ, юноша погруженъ былъ теперь въ глубокой сонъ. Когда пришло время утренней службы, кандилловжигатель, по обыкновенію, взявъ благословеніе у игумена ударять въ току, — деревянную доску, — пошелъ сначала во храмъ — зажечь лампы предъ иконами, и вдругъ видитъ предъ царскими вратами, связаннаго по рукамъ и ногамъ, спящаго юношу. Возжигатель лампадъ, пораженный такимъ зрѣлищемъ, и почитая это мечтаніемъ бѣсовскимъ, тотчасъ пошелъ изъ храма—возвѣстить о видѣніи игумену. Игумень, упрекнувъ его въ малодушіи и робости, велѣлъ ему идти въ храмъ, оградить себя знаменіемъ крестнымъ и сказать: «Господи! оружіе на діавола крестъ Твой далъ еси намъ; трепещетъ бо и трясется, не терпя взирати на силу его, — яко мертвыя возставляетъ, и смерть упраздни. Сего ради, поклоняемся погребенію Твоему и возстанію ².» Кандилловжигатель извѣстилъ игумена, что молитва и крестъ не имѣютъ усиѣха. Тогда святой Неофитъ, познавъ, что видимое не есть обманъ и мечта бѣсовская, самъ пришелъ съ кандилловжигателемъ въ церковь, и — о чудо! — видитъ въ столь странномъ положеніи того самаго юношу, который возвѣстилъ ему объ обрѣтеніи золота. Исполненный тоже удивленія и ужаса, святой Неофитъ долго стоялъ надъ юношею недвижимо, опершись на свой жезлъ, и не могъ дать

¹ На Аѳонѣ, во храмахъ, предъ иконостасомъ нѣтъ амвоновъ.

² Октоихъ 9-го гласа. Воскресная служба стихиръ на хвалитехъ.

себѣ никакого отчета въ видимомъ. Послѣ долгаго раздумья, наконецъ онъ жезломъ своимъ легко коснулся юноши. Несчастный пробудился, и не зналъ ни того, гдѣ онъ находится, ни того, что съ нимъ дѣлается. Успокоенный и вразумленный святымъ Неофитомъ, онъ наконецъ пришелъ въ себя и объяснилъ преподобному эту загадку. «Посланные тобою, отче», сказывалъ онъ, успокоившись, «повѣренные отцы, получивши указанное мною золото, согласились утаить его, а для соблюденія своего преступленія въ тайнѣ, рѣшились утопить меня. Поэтому, связавши мнѣ руки и ноги, и привѣсивъ этотъ камень на мою шею, — какбы выдѣляя и мнѣ часть изъ найденнаго нами сокровища, — они бросили меня въ море. Далѣе я ничего не знаю. Какъ вышелъ я изъ глубины морской и очутился здѣсь, — не знаю; одно только помню, — что, лишь только погрязъ я въ безднѣ морской, тотчасъ явились какіе-то двое златокрылые, какбы орлы, осіяваемые неизреченнымъ свѣтомъ, и восхитили меня куда-то.» Услышавъ эту повѣсть, святой понялъ, кто были златокрылые орлы. Всегда возлагая по Богѣ свое упованіе на сильную помощь архангеловъ Михаила и Гавріила, онъ несомнѣнно вѣрилъ и видѣлъ, что Богъ, предстательствомъ ихъ, какъ юношу освободилъ отъ глубины морской, такъ и тремъ тѣмъ инокамъ не попустилъ погибнуть въ безднѣ ада. Святой Неофитъ, чтобы болѣе изумить братство этимъ чудомъ, и вмѣстѣ лучше обличить трехъ дѣлателей беззаконія, — ибо онъ узналъ, что они въ ту ночь прибыли къ монастырской пристани, — опредѣлилъ юношѣ остаться до утра въ этомъ жалкомъ положеніи, а утрению благословилъ читать въ притворѣ храма; самый же храмъ велѣлъ кандиложигателю на ночь запереть, строго запретивъ ему объявлять братству причину такой новости и странности. Утромъ, благіе и вѣрные рабы явились съ пристани въ монастырь. Святой Неофитъ, призвавъ ихъ къ себѣ, спрашивалъ ихъ о юношѣ и

сокровищѣ. «Тщетенъ нашъ трудъ», отвѣчали они: «лжець этотъ юноша,—обманулъ насъ, и, устыдившись своей лжи, убѣжалъ, неизвѣстно куда.» Святой, показывая видъ, будто вѣритъ словамъ ихъ, сказалъ: «благословенъ Богъ! пойдете въ церковь, совершимъ славословіе Богу,—и Онъ, какъ благій и сильный, пошлетъ намъ богатую Свою милость, имиже вѣсть судьбами.» Между тѣмъ, по повелѣнію его, ударили въ колокола,—собрались всѣ отцы, и вошли купно въ божественный храмъ, въ предшествіи святаго и тѣхъ трехъ старцевъ. Едва только увидѣли они юношу въ этомъ жалкомъ положеніи, какъ виновниковъ такого явленія объялъ страхъ и трепетъ, а прочихъ отцовъ, незнавшихъ о томъ прежде,—недоумѣніе и изумленіе. Тогда юноша, на вопросъ святаго, повторилъ то самое въ присутствіи всѣхъ, что прежде разсказалъ ему одному. «Великъ Ты, Господи, и чудны дѣла Твои!» единогласно воскликнуло все священное братство, когда юноша замолчалъ. А тѣ три несчастные инока, падши ницъ, и открыто исповѣдуя свое беззаконіе, горько раскаявались въ немъ, и со слезами просили святаго Неофита и прочее братство помолиться ко Господу Богу и святымъ архангеламъ о прощеніи имъ великаго ихъ преступленія, и, съ неутѣшнымъ плачемъ, указывали мѣсто, гдѣ скрыли они гибельное золото. При этихъ трогательныхъ и поразительныхъ обстоятельствахъ, радость игумена и всей братіи была неописанна. Хвалили и благодарили Бога, славили и архангеловъ. Но такъ какъ ангельскіе чиновначальники осязательно и явно показали, сверхъестественными своими дѣлами, что они священный сей монастырь получили отъ Бога въ жребій себѣ, то братство сочло благословнымъ — главный храмъ монастыря, который прежде, какъ выше сказано, былъ сооруженъ во имя святаго Николая, посвятить божественной двоицѣ архангеловъ. А сему святителю былъ опредѣленъ храмъ придѣльный. Такимъ образомъ, совершивъ всенощное бдѣніе и божественную ли-

тургію, братіи, съ того времени, благопристойно посвятили главный храмъ монастыря пречестнымъ именамъ великихъ чиноначальниковъ Михаила и Гавріила и прочихъ съ ними безплотныхъ силъ. А на согрѣшившихъ монаховъ святой Неофитъ, по принятіи отъ нихъ золота, наложилъ епитимію, и, какъ святотатцевъ, убійць и лжецовъ, изринулъ ихъ на время изъ монастырскаго братства. Но когда они исполнили свою епитимію, слезами и покаяніемъ умилиствовали Бога,— тогда святой снова причислилъ ихъ къ святому лику, и они, по исполненіи дней, мирно отошли ко Господу.

Святой Неофитъ, получивъ свыше даръ для своего монастыря, расписалъ божественный храмъ его прекрасною живописью, снабдилъ богатыми священными сосудами и одеждами и сдѣлалъ весьма много другихъ полезныхъ приобрѣтеній. А юношу Василія, нашедшаго сокровище, по желанію его, святой облекъ въ ангельскій образъ, переименовавъ Варнавою, и упражнялъ его во всякой добродѣтели. Но такъ какъ слава добродѣтелей святаго Неофита прошла по всей святой горѣ, то всѣ преподобные отцы аѳонскіе, по смерти тогдашняго прота, почли достойнымъ поставить на это мѣсто игумена Дохіара. Святой Неофитъ, видя, что невозможно ему избѣжать сего порученія святой горы, передалъ, съ согласія всего братства, священный монастырь для управленія Варнавѣ, какъ мужу испытанному имъ самимъ и всѣмъ братствомъ, а самъ перешелъ въ протатъ, и несъ обязанность прота много лѣтъ. Наконецъ этотъ труженикъ о Господѣ, послѣ многолѣтнихъ святыхъ своихъ трудовъ, возымѣлъ нужду и въ покой. Бывъ уволенъ, по преклонности лѣтъ, отъ трудной должности прота, онъ возвратился въ свой монастырь, гдѣ вскорѣ и отошелъ на вѣчный покой въ лоно Авраама, будучи полонъ дней. Молитвами святыхъ отцевъ Евфимія и Неофита, да сподобимся и мы стяжать наслажденіе вѣчными благами. Аминь.

ВѢКЪ XII.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА КУКУЗЕЛЯ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ОКТЯБРЯ 1-ГО.

Іоаннъ Кукузель ² родился въ Диррахіи. Въ дѣтствѣ, оставшись сиротою, онъ поступилъ въ придворную константинопольскую школу, гдѣ, по чрезвычайно нѣжному голосу, по милovidности и отличнымъ дарованіямъ, обратилъ на себя вниманіе императора (Комнина) и двора его, и скоро опередилъ всѣхъ школьныхъ своихъ товарищей, — такъ что наконецъ сдѣлался единственнымъ придворнымъ пѣвцомъ. Юнаго Іоанна осыпали ласками, лелѣяли за трогательное его пѣніе о скромности; но сердце его, при всемъ этомъ, томилось неизъяснимымъ для него чувствомъ тайной скорби и пренебреженія ко всѣмъ удовольствіямъ жизни. Среди всѣхъ очарованій двора, среди живительныхъ и сладкихъ надеждъ въ будущемъ, Іоаннъ страдалъ — тѣмъ еще

¹ Изъ книги *Συτήρια ἁγιοπατέρων*. Въ письмѣ Святогорца, изданія 1850 года.

² Кукузель—дѣтское, шуточное названіе. Іоаннъ, какъ болгаринъ родомъ, находясь при дворѣ греческомъ, сначала не зналъ хорошо греческаго языка. Когда спрашивали его сверстники: что онъ сегодня кушалъ?—тотъ просто душно отвѣчалъ имъ: куку (*κοκκία*—бобы, зелень). Отъ этого дѣти, шутя, и прозвали его Кукузелемъ (бобы и зелія). И вотъ дѣтскій этотъ шуточный эпитетъ и переходитъ теперь изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

болѣе, что не было сердца, которому бы могъ онъ открыть свои томленія, которое бы подѣлилось съ нимъ сочувствіемъ и уладило страдальческую тоску его. Страданія его умножились, когда провѣдалъ онъ, что императоръ думаетъ принудить его ко вступленію въ бракъ. Мысль, что ради временныхъ наслажденій жизни можно потерять радости царствія Божія, до того тревожила юнаго Іоанна, что онъ рѣшился непремѣнно убѣжать изъ столицы и скрыться въ какой нибудь отдаленной пустыни. Богъ видѣлъ чистоту намѣреній его, и Самъ благопоспѣшилъ исполненію ихъ.

Когда юный дѣвственникъ сталъ тяготиться придворною жизнію, и придумывалъ средства избавиться отъ ней, со святой горы Аѳонской прибылъ въ Константинополь лаврскій игумень, по монастырскимъ своимъ дѣламъ. Іоаннъ случайно увидѣлъ старца, и юное его сердце запрыгало отъ радости. Онъ нѣжно и дѣтски полюбилъ святогорскаго выходца, — сблизился съ нимъ, открылъ ему свои мысли и намѣренія, и требовалъ на нихъ приговора. Когда старецъ не только одобрилъ, но и благословилъ ихъ, Іоаннъ, вслѣдъ почти за нимъ, скрылся изъ столицы, и, въ видѣ странника, явился на святую гору, у лаврской порты. На вопросъ привратника: кто онъ, откуда и чего требуетъ?—Іоаннъ отвѣчалъ, что онъ простолюдинъ пастухъ, и хочетъ быть монахомъ. «Молодъ еще», замѣтилъ привратникъ. — «Благо — въ юности взять яремъ Господень на ся,» отвѣчалъ скромно Іоаннъ, и убѣдительно просилъ доложить о немъ игумену. Привратникъ доложилъ про незнакомаго пришельца игумену и братіи, которые рады были ему, потому что нуждались въ пастухѣ для пустынскихъ козлицъ. Іоаннъ былъ принятъ и сопричисленъ къ братству: его постригли и поручили ему пастушить, на горныхъ пажитяхъ, монастырское стадо. Эта должность, сама по себѣ новая, чрезвычайно обрадовала небожнаго пѣвца: онъ погрузился, со стадомъ своимъ, въ глубь

святогорскихъ пустынь, и любимымъ его занятіемъ тамъ было богомысліе и молитва.

Между тѣмъ, императоръ, узнавши о бѣгствѣ любимца своего, крайне огорчился, и послалъ въ нѣкоторыя изъ отдаленныхъ мѣстъ нарочныхъ, для отысканія пѣвца: но, покрываемый Богомъ, Іоаннъ остался въ совершенной неизвѣстности, не смотря на то, что посланные императора были и на святой горѣ, и даже въ лаврѣ святаго Аѳанасія.

Тихо и спокойно текли дни и годы Іоанна, въ строгой пустынноческой жизни: онъ не могъ нарадоваться новому своему положенію. Однажды, въ трогательномъ и глубокомъ раздумьи, сидѣлъ онъ при своемъ мирно пасшемся стадѣ: мысль его переносилась чрезъ пространство всего минувшаго, и сердце трепетало чувствомъ живой признательности къ Богу и всепѣтой Его Матери, за Ихъ промыслъ о немъ. Думая, что никого нѣтъ въ пустынѣ и никто не слышитъ его, Іоаннъ началъ пѣть, какъ бывало, божественныя свои гимны, и ангельскій его голосъ, далекимъ эхомъ, переливался и замиралъ на пустынныхъ высотахъ Аѳона мелодическими своими звуками. Долго и въ сладость пѣлъ умилившійся Іоаннъ, не видя и не зная, что одинъ пустынникъ, таившійся близъ него въ дикой трещинѣ скалы, подслушивалъ его. Звуки пастушескаго пѣнія потрясли сердце строгаго пустынника, растрогали до слезъ и произвели благодатное впечатлѣніе на растеплившуюся его душу. Пока пѣлъ Іоаннъ, пустынникъ не сводилъ съ него глазъ своихъ, не понимая, — откуда взялся въ пустыни такой ангельскій голосъ, такой неподобный пѣвецъ. Изумленіе пустынника достигло высшей степени, когда онъ замѣтилъ, что самыя козлища не паслись подъ гармоническими звуками пастушескихъ пѣсень, — что самыя животныя, притаивъ дыханіе и окруживши своего пастуха, неподвижно стояли предъ нимъ и не сводили съ него безмысленныхъ глазъ своихъ, какъ будто усыплен-

ныя, какъ будто очарованныя ангельскимъ его голосомъ. Въ то же время пустынный отправился въ лавру, и извѣстилъ игумена о дивномъ пастухѣ и трогательномъ его пѣніи. Иоаннъ былъ вызванъ изъ сокровенной пустыни, и не-хотя, закливаемый Богомъ, открылся игумену, что онъ придворный сладкопѣвецъ Иоаннъ. Игумень едва могъ узнать въ потухающемъ его взорѣ и въ безжизненныхъ ланитахъ любимца церева, съ которымъ онъ сблизился въ Константинополѣ, и который тогда былъ въ полномъ развитіи жизни, съ плѣнительнымъ взоромъ и съ играющимъ на щекахъ румянцемъ. По слезной просьбѣ скромнаго Иоанна, настоятель оставилъ его при прежнемъ пастушескомъ послушаніи; впрочемъ, боясь императора, на случай еслибъ донесся до него слухъ объ открытіи его любимца, игумень отправился въ Константинополь, и лично представился государю. «Помилуй, государь, раба твоего!» воскликнулъ старецъ, цѣлуя ноги своего царя: «во имя Бога, желающаго всѣмъ и каждому изъ насъ спасенія, умоляю тебя, выслушай отечески мою просьбу, исполни ее, да и Богъ исполнитъ во благихъ желанія твои!» Тронутый глубокимъ вѣрноподанническимъ смиреніемъ старца, императоръ поднялъ его и ласково спросилъ: «чего ты, отецъ, хочешь отъ меня?» — «Прости меня, государь, если я буду дерзокъ предъ твоимъ величествомъ! Просьба моя ничтожна для того, чтобы ее исполнить. Тебѣ это легко, и ничего не стоитъ съ твоей стороны, кромѣ одного твоего слова; между тѣмъ, исполненіе ея составитъ утѣшеніе и радость самыхъ ангеловъ и благо моей лавры.» — «Чего же ты хочешь?— говори, я все исполню,» ласково промолвилъ императоръ. — «Царское слово свято», почтительно замѣтилъ игумень: «оно неизмѣнно!» — «Такъ, такъ, отецъ!» сказалъ императоръ, растроганный простотою старца: «чего жъ ты хочешь?» — «Подари намъ одного изъ твоихъ подданныхъ, который ищетъ вѣчнаго своего спасенія и молится о державѣ твоей;—болѣе ничего», сказалъ игумень, и

замолчалъ.— «Изволь», весело отвѣчалъ императоръ: «кто жъ онъ и гдѣ?»— «У насъ уже, и даже въ ангельскомъ образѣ», боязненно произнесъ старецъ: «имя его — Іоаннъ Кукузель...» — «Кукузель?» съ поспѣшностію сказалъ императоръ, — и слезы невольно выступили изъ глазъ его и скатились на царственную грудь.

Тогда игуменьъ разсказалъ подробно объ Іоаннѣ. Императоръ внимательно слушалъ, и наконецъ съ чувствомъ воскликнулъ: «Жаль мнѣ единственнаго пѣвца! Жаль мнѣ моего Іоанна! Но если онъ уже постригся, — нечего дѣлать! Спасеніе души дороже всего: пусть молится о спасеніи моемъ и царства моего.»

Старецъ благословилъ Господа и милостиваго своего государя, и весело воротился въ свою лавру. Съ той поры Іоаннъ остался спокоенъ, — выстроилъ себѣ келью, съ церковію во имя архангеловъ, и, уединяясь тамъ шесть дней, въ воскресенье и другіе праздники приходилъ въ соборъ, становился на правый клиросъ и умирительно пѣлъ, въ числѣ другихъ пѣвцовъ. Разъ, такимъ образомъ, пропѣвши въ субботу акаѳистъ, послѣ бдѣнія, онъ сѣлъ въ форму, — такъ называются братскія сѣдалища, — напротивъ иконы Богоматери, предъ которою читался акаѳистъ, и тонкій сонъ упокоилъ утомившіяся его чувства. «Радуйся, Іоаннъ!» — вдругъ произнесъ кроткій голосъ. Іоаннъ смотритъ... Въ сіяніи небеснаго свѣта стояла предъ нимъ Богоматерь. — «Пой и не переставай пѣть», — продолжала она, — «Я за это не оставлю тебя.»

При этихъ словахъ, Богоматерь положила въ руку Іоанна червонецъ, и стала невидима. Потрясенный чувствомъ невыразимой радости, Іоаннъ проснулся, и видитъ, что дѣйствительно въ правой его рукѣ лежитъ червонецъ (златница). Слезы искренней признательности потекли изъ очей пѣвца: онъ заплакалъ и благословилъ неизреченную милость и благоволеніе къ нему Царицы небесной. Червонецъ былъ при-

вѣшенъ къ Богоматерней иконѣ, предъ которою пѣлъ Іоаннъ и удостоился явленія небеснаго, и поразительныя чудеса совершались отъ иконы и отъ самой златницы. Съ тѣхъ поръ, Іоаннъ усерднѣе прежняго началъ проходить клиросное свое послушаніе, но, сколько отъ тайныхъ келейныхъ подвиговъ, столько же и отъ долгихъ стояній въ церкви, ноги его отекли, открылись на нихъ раны и закипѣли червями. Недолго, впрочемъ, страдалъ Іоаннъ. Ему, какъ и прежде, въ тонкомъ снѣ, явилась Богоматерь, и тихо произнесла: «будь отнынѣ здоровъ!» Раны исчезли, и признательный Іоаннъ остатокъ дней своихъ провелъ въ изумительныхъ подвигахъ созерцательной жизни, и до такой степени просвѣтился духомъ, что удостоился провидѣть часъ и день своей кончины. Умилительно простился онъ съ собравшеюся къ нему братіею, и, заповѣдавши похоронить свое тѣло въ Архангельской, созданной имъ, церкви, съ райской улыбкою на молитвенныхъ устахъ, отшелъ ко Господу, и теперь на небесахъ, купно съ ликами ангельскими, устами уже не земными и тлѣнными, немолчно славить Приснославимаго, — Ему же и отъ насъ да будетъ честь и слава и благодареніе, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Примѣчаніе. Времени жизни святаго Іоанна Кукузеля въ источникѣ не показано; основываясь на указаніи Святогорца (изданіе 1850 года, — см. его «Письма», часть 1, стр. 169), мы отнесли его къ 12-му вѣку.

ПРЕПОДОБНЫЙ
СУМЕОНЪ,
КТИТОРЪ ХИЛАНДАРЯ.

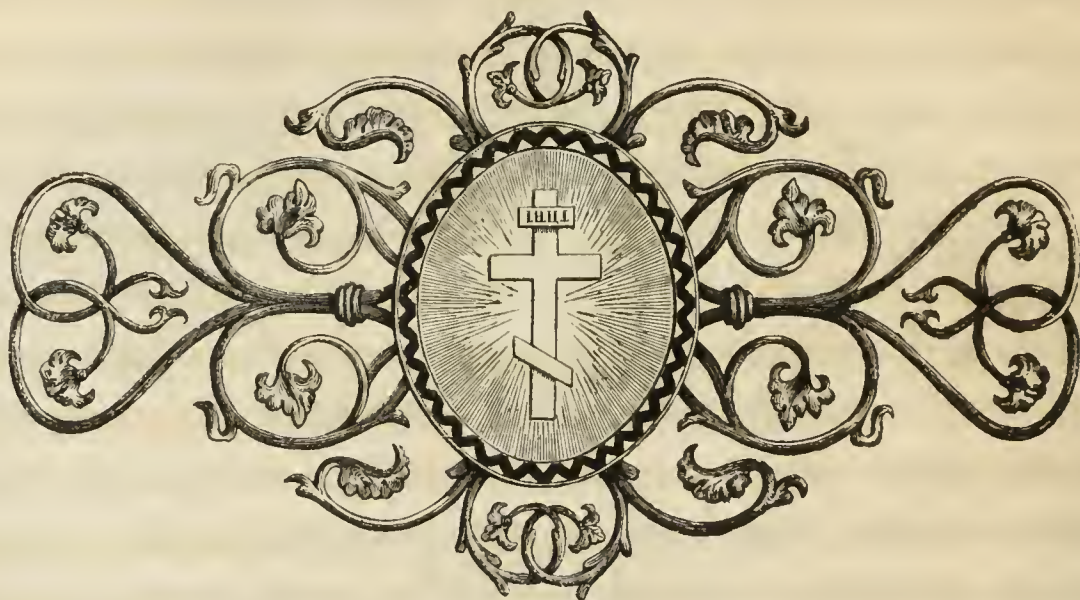
ПАМЯТЬ ЕГО ФЕВРАЛЯ 13-ГО.

Нреподобный отецъ нашъ Сумеонъ былъ царемъ Сербіи: но, презрѣвъ всю суетную славу міра сего, удалился во святую Аѳонскую гору, гдѣ сначала вступилъ въ братство обители Ватопедской; а потомъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ преподобнымъ Саввою, они устроили для своего рода славную обитель Хиландарскую. Смотри о немъ въ житіи святаго Саввы, архіепископа сербскаго.

ЖИТІЕ
ПРЕПОДОБНАГО САВВЫ,
АРХІЕПИСКОПА СЕРБСКАГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

В держимый нищетою разума и не имѣя ничего въ домѣ ума своего, что могъ бы достойно предложить на трапезу, полную словесъ евангельской пищи для присныхъ рабовъ богатаго Владыки, я, возбуждаю васъ самихъ отцы мои, на молитву: да подастся миѣ, отъ неоскудныхъ сокровищъ, ясность языка и слово, текущее разумомъ; наипаче же да озаритъ меня свѣтъ, могущій прояснить мракъ души моей и мысленныя очи, чтобы миѣ предпринять сказаніе о житіи богоноснаго Саввы, прасіявшаго добродѣтелию въ родѣ нашемъ. Не ищу похвалъ ему, ибо похвала праведнымъ отъ Господа, но ищу пользы отъ него—и себѣ и другимъ. Если нужно было описывать житіе древнихъ великихъ мужей, ради проистекавшаго отсюда блага, то тѣмъ нужнѣе, даже возжелѣннѣе это нынѣ, въ послѣднемъ и лѣнивомъ родѣ нашемъ,

когда уже приближается кончина и мало-спасаемыхъ. Взирая на житія ихъ, какбы на высокіе столпы, горѣ воздвигнутые и одушевленные, мы будемъ невольно обращать взоры и на самихъ себя, и самихъ себя представлять на судъ собственной совѣсти, что, увлекшись суетною жизнію, такъ далеко отстали отъ нихъ. Намъ нужно возбуждать себя отъ лѣности, какбы остриемъ стали, чтобы подражать имъ. Сказаніе это, быть можетъ, одушевитъ и наши сердца къ исправленію жизни по столь высокому образцу.

«Повинуясь повелѣнію отеческому, я предлагаю повѣсть о житіи всеблаженнаго и всехвальнаго Саввы, который постился прежде на святой горѣ Аѳонской, а потомъ былъ первымъ архіепископомъ и учителемъ народа сербскаго. Не по слуху только составлялъ я это житіе, но многое припаялъ изустно отъ честныхъ учениковъ блаженнаго, которые постились и странствовали вмѣстѣ съ нимъ, и потомъ жизнь его изложили на хартіи, для собраннаго по немъ стада, чтобы доставить и другимъ общеніе съ блаженнымъ отцомъ ихъ. Не что либо вымышленное предлагаю здѣсь для похвалы великаго Саввы, а сущую истину. Мы боимся оскорбить истину ради похвалъ, и почтемъ себя блаженными, если въ состояніи будемъ изложить и то одно, что дѣйствительно было, а похвалы воздаются ему на небесахъ—ангельскія и божественныя, и нечистый умъ нашъ не въ силахъ изглаголатъ ихъ. И такъ, призвавъ на помощь Самого Господа и святыхъ Его молитвенниковъ, я, по силѣ своей, начинаю повѣсть о великомъ Саввѣ, откуда слѣдуетъ:—прилично изводить отрасль отъ самага корня; ибо не отъ тернія приедемъ благословенныя грозды, а отъ доброй лозы.»

Такъ смиренно пишетъ, въ предисловіи своемъ, преподобный Домитіанъ, священноинокъ лавры Хиландарской, что на святой горѣ Аѳонской, основанной великимъ подвижникомъ, котораго житіе и чудеса пространно излагаетъ.

1. ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВЯТАГО САВВЫ, ДО ЕГО ПОСТРИЖЕНІЯ.

Великій жупанъ, самодержецъ сербскій, Неманя Стефанъ, владычествовалъ надъ всѣми землями сербовъ, Далматіею и Травуніею, Богеміею, Славоніею, Россіею и отчасти Иллиріею, которыя съ запада и съ востока граничили съ областями ветхаго и новаго Рима. Благочестивый, богобоязненный и нищелюбивый, болѣе нежели кто либо, сіялъ онъ и мужествомъ, какъ воевода силъ, богатѣлъ всѣми благами земными, наипаче же добрыми нравами, украшался правдою и милостию. Супруга его Анна, дочь греческаго императора Романа, ни въ чемъ не уступала добродѣтели своего мужа, и въ благословенномъ бракѣ прижили они многихъ сыновей и дочерей, наставленныхъ ими на тотъ же путь спасенія; но, спустя нѣсколько лѣтъ, заключилась утроба Анны, какъ нѣкогда Ліи, супруги Іаковлевой, и перестала она рождать. Скорбѣли о томъ оба супруга: они желали имѣть еще одно благословенное чадо, и, въ ночной молитвѣ, со слезами воззвали ко Господу: «Владыко, Боже Вседержителю, послушавшій древле Авраама и Сарру и прочихъ праведниковъ, молившихся Тебѣ о чадахъ, услыши и насъ, грѣшныхъ рабовъ Твоихъ: даруй намъ, по Твоей благодати, прижить еще чадо мужескаго пола, которое будетъ утѣшеніемъ нашимъ и жезломъ старости нашей; возложи въ него руки, мы почіемъ въ мирѣ, и нынѣ даемъ тебѣ обѣтъ — послѣ зачатія дѣтища сего, отлучиться отъ общенія брачнаго, и до конца жизни сохраниться въ чистотѣ тѣлесной.»

Господь близокъ ко всѣмъ призывающимъ имя Его: Онъ услышалъ молитву сихъ праведниковъ, и это было начаткомъ неизглаголанныхъ судебъ Вожіихъ, столь свѣтло просіявшихъ въ житіи преподобнаго, чуднаго и въ самомъ рожденіи, ибо рожденіе его было произведеніемъ не одного лишь закона чело-

вѣческой природы, но и плодомъ молитвы. Дарованный отъ Бога, младенецъ и нарекъся Божіимъ; утѣшенные родители прославили Господа и вторично породили свое чадо, водою и Духомъ, въ новую жизнь, давъ имя ему: Растко, — ради добраго его возраста. Дитя возрастало о Господѣ, и когда достигло отроческихъ лѣтъ, отдано было въ наученіе божественныхъ книгъ. Безмѣрна была любовь родителей къ этому дитяти, — они не могли отвлечь отъ него ненасытныхъ взоровъ: ибо красотою тѣлесною и душевною превосходило оно всѣхъ своихъ братьевъ, и въ дѣтствѣ еще изумляло каждого разумомъ. На пятнадцатомъ году его возраста, Стефанъ отдѣлилъ ему особенную область въ своей державѣ, гдѣ бы юноша могъ потѣшаться, съ благородными сверстниками, охотою, ристаніемъ и другими, свойственными его лѣтамъ, забавами.

Но иное было направленіе ума благоговѣйнаго Растки: еще юный, взошелъ онъ уже въ разумъ священныхъ книгъ, которыя непрестанно читалъ, заимствуя изъ нихъ начало премудрости — страхъ Божій, и разгараясь день отъ дня божественною любовію, какбы огонь прилагалъ къ огню. Ни во что вмѣнялъ онъ царство и богатство, славу и благоденствіе, и почиталъ, какъ тѣнь мимотекущую, всѣ временныя многоятежныя блага, и суетнымъ — все человѣческое на землѣ. Растко избралъ себѣ правый путь, — единый непреткновенный: не лѣбно стоялъ на службахъ церковныхъ, любилъ постъ, избѣгалъ празднословія и смѣха; нечистыхъ словъ и вредныхъ пѣсней, разжигающихъ юношеское желаніе, ненавидѣла душа его; ко всѣмъ былъ привѣтливъ, нищелюбивъ и кротокъ, — особенно уважалъ санъ иноческій, такъ что и сами родители, взирая на высокую его добродѣтель, чувствовали себя пристыженными юношею, какъ будто онъ не отъ нихъ родился, а по-истинѣ дарованъ имъ отъ Бога.

На семнадцатомъ году его жизни, отецъ и мать хотѣли сочетать его законнымъ бракомъ, но благодатный юноша избѣгалъ

всякихъ узъ міра, чтобы упразднить себя для единого Бога. Слыхалъ онъ о святой горѣ Аѳонской и о прочихъ пустынныхъ мѣстахъ, ибо къ отцу его приходили отвсюду за милостынею, да и самъ онъ посылалъ отъ себя во святыя мѣста — раздавать преподобнымъ милостыню. Господь не оставилъ безъ исполненія сердечнаго желанія юнаго Растки. Однажды, вмѣстѣ съ благородными сверстниками, посѣтилъ онъ родителей своихъ, — и обрадовались державные пришествію возлюбленнаго сына: пиршества, во изъявленіе общей радости, смѣнялись пиршествами. Случилось, промысломъ Божиимъ, въ тѣ торжественные дни придти инокамъ со святой горы Аѳонской, за милостыней. Одинъ изъ нихъ былъ родомъ русинъ: тайно пригласивъ его къ себѣ въ храмину, благодатный юноша спрашивалъ его подробно о святой горѣ; и взялъ съ него обѣщаніе — никому не открывать бесѣды ихъ. Инокъ русскій съ любовію рассказывалъ о пустынномъ жительствѣ и общежительномъ уставѣ: какъ, на святой горѣ, пребываютъ по двое и по трое въ келіяхъ, и какъ уединяются отшельники на безмолвіе во глубину пустыни, для поста и молитвы. Краснорѣчиво описалъ все это пришелецъ аѳонскій, ибо не простой былъ чернецъ, а искусный въ словѣ, и посланъ отъ Бога: внимая ему, юноша проливалъ потоки слезъ, и сонъ бѣжалъ очей его. «Вижу, отче», сказалъ онъ старцу, «что всевидящій Богъ, которому открыта болѣзнь моего сердца, послалъ твою святыню возбудить меня, грѣшнаго: нынѣ, въ самомъ дѣлѣ, утѣшилось мое сердце, и неизреченною радостію исполнилась душа моя; нынѣ я уразумѣлъ то, чего безъ сознанія желалъ постоянно. Блаженны сподобившіеся столь безмятежнаго житія! Что же мнѣ дѣлать, отче? какъ избѣжать многомятежнаго міра, для этой ангельской жизни? Если родители сочетаютъ меня бракомъ, любовь плотская удержитъ меня. Между тѣмъ, я не хотѣлъ бы оставаться здѣсь ни одного дня, чтобы не во-

зобладала мною сладость житейская и не отвлекла души моей отъ любви ангельской, — хотѣлъ бы бѣжать, но пути не знаю. Притомъ всюду стерегутъ меня: отецъ настигнетъ и возвратитъ; я только наведу на него скорбь, а на себя позоръ, и устраненъ буду отъ желаннаго подвига.»

— «Вождельнна любовь родителей», отвѣчалъ старецъ, «и неразрѣшимъ союзъ естества; отрадно единство семейное, — но Владыка всяческихъ, ради Него, чтобы за Нимъ послѣдовать, внушаетъ оставить и это, и даже, если случится, пострадать за Него, — а не тѣлеснаго искать покоя, — и прилежать бдѣнію и молитвѣ, въ алчбѣ и наготѣ, съ плачемъ и сокрушеніемъ сердца. Вотъ какой путь предлагается боголюбивымъ душамъ и вмѣняется имъ въ истинную славу.» Какъ земля доброплодная пріемлетъ сѣмя, такъ принималъ юноша въ сердце свое словеса старческаго, и дивился старецъ теплой любви его къ Богу, пламенѣвшей въ душѣ его, исполненной цѣломудрія и умиленія. «Вижу, чадо», сказалъ онъ, «что во глубину души твоей проникла уже любовь Божія: но успѣши совершить доброе свое желаніе, пока злой сѣятель не успѣлъ посеять плевелъ въ сердцѣ твоёмъ и заглушить добрую пшеницу, а иначе благая мысль твоя измѣнится въ любосластіе. Удержанный здѣсь, ты ничего не достигнешь, и подвергнешься укоризнѣ евангельской, подобно тѣмъ, которые предпочли села и упряжь воловъ и новобрачную жену безсмертной вечери Господней, и явили себя недостойными призванія небеснаго Царя. Я самъ готовъ быть споспѣшникомъ благому дѣлу и проведу тебя до святой горы, куда стремишься ты духомъ, — лишь бы только мы имѣли коней, для избѣжанія погони.» Юноша возблагодарилъ Бога, утвердившаго сердце его пришествіемъ странника, благодарилъ и самого, посланнаго къ нему отъ Бога, старца, который исполнилъ душу его радостію.

Нимало не медля, вошелъ онъ къ родителямъ и просилъ,

по обычаю, благословенія въ путь. «Въ горахъ, недалеко отсюда», сказалъ онъ, «есть довольно добычи: благословите на ловлю и, если замедлю, не скорбите, потому что тамъ много оленей.» Желая сдѣлать ему угодное, благословилъ его отецъ, благословила и мать, какъ обычно матерямъ, и заповѣдала скорѣе возвращаться: не угадали они, что не оленей хочетъ ловить сынъ ихъ, а что онъ самъ, какъ олень, жаждетъ источниковъ водныхъ, и ищетъ истиннаго источника—Христа. Для большаго успокоенія родителей, послалъ онъ въ горы ловцовъ, какбы для того, чтобы облавою согнать звѣрей къ одному мѣсту. Къ вечеру, Растко остался подъ горою съ своею дружиною, и, когда всѣ уснули, въ глубокую ночь, съ немногими изъ присныхъ своихъ, которыми извѣстна была тайна, предводимый Богомъ и посланнымъ отъ Него инокомъ, пустился бѣжать. Насталъ день: благородные юноши искали своего господина, но нигдѣ не могли найти, — и говорили между собою: «не посмѣялся ли онъ надъ нами и не возвратился ли къ отцу?» Не видя, однако, ни инока, бывшаго съ ними, ни присныхъ служителей князя, они стали недоумѣвать и, оставивъ ловитву, возвратились къ державному, съ вѣстью объ утратѣ его сына.

Услышавъ печальную эту вѣсть, скорбные родители едва не лишились жизни, — и тутъ же уразумѣли, что увлекъ его не кто иной, какъ русскій инокъ, и не въ иное мѣсто, какъ на святую гору, куда издавна было его стремленіе. Собрались вельможи и народъ, и подняли громкій плачь о горькой утратѣ: родители оплакивали сына, брати—брата, рабы—владыку. Но вскорѣ державный отецъ ободрился духомъ, и велѣлъ утолить плачь: «не подвергнемся мы такой обидѣ отъ иноковъ», сказалъ онъ, «и не лишимся сына, котораго даровалъ намъ Господь свыше всякой надежды; мы еще увидимъ его и насытимся его любовію.»—Стефанъ призывалъ одного изъ своихъ воеводъ: «испыталъ ли ты», гово-

рилъ онъ, «болѣзнь чадолюбія,—этотъ вѣчно горящій огонь, незнающій утоленія? Если мы когда либо дѣлали тебѣ добро, то вотъ теперь случай тебѣ возблагодарить насъ. Ступай и возврати сына моего, — и тѣмъ утѣшишь сердце отца и освободишь отъ смерти мать: мы будемъ имѣть тебя вмѣсто друга и наградимъ многими, выше прежнихъ, благами.» Скорбный отецъ призвалъ дружину благородныхъ юношей и, польстивъ ихъ надеждою наградъ, велѣлъ стремиться внутрь святой горы; написалъ и посланіе къ греческому епарху города Солуни и умолялъ его силою извлечь сына изъ обителей аѳонскихъ, съ угрозою достигнуть этого войною, если не исполнить просимаго добровольно.

Воевода и дружина гнали сильныхъ коней своихъ день и ночь, и достигли славнаго города Солуни, гдѣ вручили епарху письмо державнаго. Епархъ, очень любившій властителя сербовъ, сильно огорчился и написалъ отъ себя къ проту, или верховному игумену святой горы, письмо, въ которомъ умолялъ его—не презирать требованій жупана Сербіи; ибо теперь надобно совершить не простое какое либо дѣло, а немедленно возвратить сына державному отцу его, чтобы не нарушилъ онъ пріязни своей къ грекамъ и не нанесъ имъ многихъ скорбей. Епархъ съ воеводою сербскимъ отпустилъ и довѣреннаго своего человѣка. Вступивъ въ предѣлы святой горы, они вездѣ дорогою спрашивали, не ходилъ ли искомый ими юноша,—и при этомъ описывали внѣшній образъ его и красоту. Наконецъ услышали они, что, незадолго предъ ними, такой юноша прошелъ въ русскій монастырь: тогда, отложивъ путь свой къ проту Аѳонской горы, посланные поспѣшили въ Руссикъ, чтобы взять юношу, пока онъ еще не постригся; и бѣглець, дѣйствительно, найденъ въ Руссикѣ еще въ одеждѣ княжеской. Когда вошли они въ церковь святаго великомученика Пантелеимона и увидѣли своего князя, тогда забыли, отъ радости, трудный

путь и со слезами пали къ ногамъ его: въ страхѣ, какъ бы опять не лишиться его, хотѣли они возложить на него узы, но не дерзнули поднять руки на своего господина, — только поставили около него почетную стражу, чтобы, отдохнувъ нѣсколько, взять его съ собою.

Подивился юноша, что отецъ послалъ за нимъ такого именитаго воеводу, и какбы стыдился смотрѣть въ лицо этому мужу, поднявшему ради него столь тяжкій трудъ. Растко отвелъ его въ сторону и спрашивалъ: «какъ могъ онъ столь быстро совершить такой далекій путь?» Воевода рассказалъ ему о горести родителя, о письмѣ его къ епарху и отъ епарха къ проту, не скрылъ и твердаго намѣренія возвратить князя, волею или неволею, въ домъ отеческій. Уразумѣлъ юноша предстоявшую опасность, но еще надѣялся отклонить ее просительнымъ словомъ къ воеводѣ. «Если хочешь», говорилъ князь, «ты можешь оставить меня здѣсь, не опасаясь измѣны, и, какъ сильный человѣкъ, укротить моего отца, а самъ я напишу къ нему и умиротворю его сердце: только ты поступи съ братскою любовію, — не препятствуй миѣ совершить то, для чего я пришелъ.» Но воевода отвѣчалъ: «Нѣтъ, владыка мой, ты и не начинай такого моленія къ рабу твоему, такъ какъ исполнить его невозможно. Государь мой и твой отецъ возложилъ это дѣло на меня, какъ на человѣка вѣрнаго. Пусть бы еще мы обрѣли тебя въ иноческомъ образѣ, — тогда могли бы, пожалуй, имѣть хоть нѣкоторое извиненіе: но такъ какъ Господу угодно было, чтобъ ты удержалъ донинѣ тотъ самый видъ, въ какомъ желаютъ видѣть тебя отецъ твой, братья и вельможи, то кто я, чтобы могъ отважиться на такой помыслъ, и съ какими очами явлюсь предъ лицо отца твоего? И такъ, отложи всякую мысль о сопротивленіи, и, хотя съ сердцемъ скорбнымъ, послѣдуй за нами; угаси пламень, возженный въ сердцѣ родительскомъ страннымъ твоимъ побѣгомъ, ибо знаешь самъ,

что ты былъ единственною утѣхою твоего отца. Если же не захочешь идти съ нами, то принудишь меня сдѣлать то, о чемъ не хотѣлось бы и говорить: принудишь наложить на тебя узы, ибо я боюсь твоего отца болѣе всего, и такое принялъ отъ него повелѣніе.»

Видя неумолимый нравъ воеводы, юноша принялъ на себя веселый видъ и сказалъ: «да будетъ воля Господня!» Увѣряя, что пойдетъ съ ними, онъ тайными воздыханіями взывалъ къ Господу, чтобы Милосердый былъ ему помощникомъ въ этой напасти, и позволилъ, благочестія ради, употребить хитрость, — ибо сердце его было исполнено мудрости. Князь просилъ игумена приготовить свѣтлую трапезу, для утѣшенія сербскихъ пришельцевъ, а между тѣмъ съ вечера начать утреннюю службу, и открылъ ему тайную свою мысль. Игумень успѣшилъ исполнить желаніе его: устроилась обильная вечеря, и самъ настоятель служилъ при трапезѣ, которая продлилась далеко за полночь. Это было наканунѣ воскресенья. Игумень велѣлъ ударить въ било ко всеобщему бдѣнію, а самъ, вмѣстѣ съ юношею, всталъ отъ вечера; всталъ и воевода съ своею дружиною, чтобы присутствовать при службѣ церковной, ибо не дерзалъ спустить глазъ съ своего князя. Медленно шло пѣніе и чтеніе, по уставу святыхъ отцевъ; сторожившіе юношу, утомленные еще отъ дороги, и послѣ пиршества исполненные виномъ, забылись сномъ въ церковныхъ сѣдалищахъ. Ревностный Растко, едва только замѣтилъ это, тотчасъ всталъ изъ среды ихъ и, поклонившись предъ святымъ алтаремъ, произнесъ Господу обѣты иноческіе. Потомъ взялъ онъ съ собою одного старца инокъ, почтеннаго саномъ священства, и, вмѣстѣ съ нимъ, взошелъ на высокій монастырскій пиргъ, заключивъ за собою желѣзные двери. Священноинокъ, сотворивъ молитву, отрѣзалъ власы главы его и облекъ его въ ризы ангельскаго образа: Растко мірское имя свое измѣнилъ на имя Саввы, которымъ

прославилась земля сербская. Простершись на землю, много пролил онъ слезъ и произнесъ благодарныя молитвы къ Господу, исполнившему пламенное желаніе его сердца. Старецъ инокъ пристыженъ былъ плачемъ юноши, который въ столь нѣжные годы показывалъ уже такую высокую ревность по Богѣ.

Покамѣстъ совершалось это на высокомъ пиргѣ, внизу, въ храмѣ великомученика Пантелеимона, всенощное бдѣніе окончилось: очнулись стражи, проспавшіе своего князя, и ужаснулись, не видя его между собою; они стали искать его всюду, въ церкви и въ обители, и, не находя, начали досаждать игумену и бить монаховъ. Воевода, утишивъ молву, говорилъ братіи: «Мы приняли отъ васъ, честные отцы, неправду и безчестіе: но, стыдясь ангельскаго вашего образа, кротко и человѣколюбиво обходились съ вами. Не тотъ ли изъ васъ, что приходилъ просить дара у владыки нашего,—не онъ ли, льстецъ, достойный смерти, въ ничто вмѣнивъ этотъ даръ бѣжалъ, и похитилъ сына у отца, родителей повергъ въ смертный плачь, а насъ—въ безвыходныя затрудненія? Теперь же вотъ опять укрыли вы отъ насъ господина нашего. Откуда такое своеволіе? какъ можете вы ругаться надъ нами? Головою своею дадите намъ отвѣтъ: откройте, гдѣ скрыли вы князя?»

Слыша на высокомъ пиргѣ, что воевода готовъ уже свирѣпствовать и что нещадно бьютъ иноковъ, юноша убоился суда Божія, еслибы злоба довершилась убійствомъ. Онъ приникъ съ вершины башни и, во мракѣ ночи, воззвалъ къ своимъ: всѣ обрадовались, услышавъ голосъ его, и устремились къ пиргу, взирая на высоту и какбы желая проникнуть очами мглу ночную, чтобы утѣшиться его лицезрѣніемъ. Инокъ Савва, бывшій князь Растко, сказалъ воеводѣ: «ты ли въ сѣдой головѣ носишь умъ юноши и, имѣя съ собою, въ странѣ чужой, полкъ людей, высоко думаешь о себѣ?» а благороднымъ говорилъ: «Бога ли вы не боитесь, ни ангельскаго не стыдитесь образа?—годится ли вамъ вооружаться на

инокъ во святынѣ храма? Какое зло сдѣлали они вамъ? Если ищете меня, то вотъ я предъ вами; — впрочемъ, нынѣ еще не свободенъ, а завтра увидите меня; оставьте же этихъ въ покоѣ.» Объятые страхомъ и стыдомъ, благородные воины сербской дружины безмолвствовали, и не знали, что отвѣчать своему князю, а только обступили пиргъ и стерегли его во всю ночь. На разсвѣтѣ же, князь-инокъ опять приникъ съ высоты столпа, уже облеченный во все украшеніе ангельскаго образа, и возгласилъ къ своей дружинѣ. Узрѣвъ его въ такомъ видѣ, подняли они горькій плачъ и со слезами пали на землю. Инокъ же Савва, сострадая ихъ горю, утѣшалъ ихъ слѣдующими словами: «Сдѣлавшееся со мною угодно было Богу: Самъ Господь привелъ меня сюда, такъ что вы не настигли меня, и Онъ же теперь опять избавилъ меня отъ рукъ вашихъ. Вы хотѣли совратить меня съ добраго, желаннаго мною пути, и похвалиться предъ вашимъ владыкою: но Богъ мой, на котораго уповаю, вышелъ я изъ дому отческаго, и здѣсь былъ мнѣ помощникомъ, какъ вы сами видите; Онъ и впредь направитъ жизнь мою по Своей волѣ. Прошу васъ не скорбѣть и не сокрушаться о мнѣ: напротивъ, восхвалите вмѣстѣ со мною Бога, удостоившаго меня этого спасительнаго и желаннаго мною образа. Возьмите съ собою, знакомую вамъ, княжескую мою одежду и волоса отъ моей головы, да и возвращайтесь съ миромъ восвояси; отнесите эти залого родителиамъ и братіи моей, чтобы они повѣрили вамъ, что вы нашли меня въ живыхъ, но, по благодати Божіей, уже инокомъ: Савва — имя мое.»

Сказавъ это, новый инокъ бросилъ съ вершины пирга свою одежду и юношескіе волосы, а съ ними вмѣстѣ и хартію, написанную его рукою въ утѣшеніе родителямъ, которыхъ онъ умолялъ — «не имѣть о немъ ни малѣйшей скорби и не плакать, какбы о погибшемъ, а скорѣе молить Господа, чтобы ихъ молитвами совершить ему доброе. Пусть и они,

по мѣрѣ своихъ силъ, попекутся о душѣ своей, и пусть не чаютъ его болѣе видѣть во временной жизни,—развѣ только Богъ позволитъ ему, во святой горѣ, дожидаться владыки отца своего, насладиться зрѣніемъ честныхъ сѣдинъ его и насытиться изліяніями сладкой его любви!» Многое къ этому еще присовокупилъ Савва, изъ словъ евангельскихъ, о правдѣ, милости и судѣ, и о томъ, чтобы не дѣлать другимъ, чего себѣ не желаешь, и заключилъ слѣдующимъ обѣтованіемъ Господнимъ: *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, и мене Моего ради, сторицею приметъ и животъ вѣчный наследитъ* (Матѣ. 19, 29).

Поднявъ, брошенная съ пирга, княжескую одежду, хартию и волосы, воевода и его дружина положили все это предъ собою и оплакивали живаго, какбы мертваго. «Что ты сдѣлалъ съ нами, князь!» восклицали они: «намъ горче смотрѣть на тебя теперь, когда ты найденъ, чѣмъ тогда, когда бѣжалъ отъ насъ; такое обрѣтеніе печальнѣе самой утраты! Вотъ и княжеская одежда: но какъ мы отдадимъ ее родителямъ и братіи! Вотъ волосы съ любимой головы, которыми донынѣ утѣшались сердца и взоры ихъ: но теперь не покажутся ли они несчастнымъ какбы вервю удавленія! Все это—исполнено не радости, а плача! Какое примемъ за тебя возмездіе? въ какую свѣтлую одежду облекутъ насъ тѣ, которыхъ сами мы облечемъ въ одежду сѣтованія? Предложенный намъ ночной пиръ исполненъ былъ прелести,—онъ уподоблялся той трапезѣ, которою обольстилъ Іаковъ отца своего, чтобы исторгнуть у него благословеніе! Подносимая тобою чаша, князь, казалась полна меда любви, а между тѣмъ она растворена была горькою жолчью! О ночь, въ которую мы заснули, будь ты темна, но слову Іова, и да не причтешься ты къ ночамъ луннымъ! Въ эту ночь мы, какъ безумные, достойные всякаго осмѣянія, въ одинъ часъ упустили изъ рукъ труды мно-

гихъ дней! Сонъ по грѣхамъ нашимъ одолѣлъ насъ; а еслибы, какъ было намъ повелѣно, мы обложили бѣжавшаго узамы, то были бы теперь свободны отъ скорби смертной. Какъ явимся владыкѣ нашему! Какой камень или какое желѣзо выдержитъ ту повѣсть, которую мы принесемъ твоимъ родителямъ и братіи!»

Такой плачъ, такіе вопли слышны были и внизу, на землѣ, и вверху, на пиргѣ, — ибо и Савва нисколько не меньше плакалъ тамъ, какъ эти здѣсь. Да и какой безчувственный камень не умилился бы, внимая такому плачу! — Такъ прошелъ день. Къ вечеру рыданіе нѣсколько утихло: сербская дружина стала уже собираться въ путь и, возводя взоры на столпъ, къ своему князю, посылала ему прощальное цѣлованіе и укоризны, со слезами любви: «Прощай, владыко нашъ, — прощай и благоденствуй, насыщай безъ насъ каменную твою утробу! Приметъ ли Господь тебя, прельстившаго родителей? Достанетъ ли у тебя духа говорить, что боишься Бога, обманувши насъ?» Взывая къ нему такимъ образомъ, въ сердечной горести, они, въ то же время, испрашивали у него молитвъ и благословенія, и, взявъ съ собою печальную его одежду, пошли въ обратный путь; но дорогою не разъ останавливались, обращаясь къ роковому пиргу съ полными слезъ глазами, пока можно было еще видѣть его издали.

Послѣ того, инокъ Савва сошелъ со столпа, въ новомъ ангельскомъ своемъ образѣ, поклонился игумену и братіи, и отъ всѣхъ былъ привѣтствуемъ съ любовію. Тѣхъ изъ братій, которые приняли за него оскорбленія, онъ умолялъ простить своимъ досадителямъ, чтобы они съ миромъ возвратились восвояси: ибо эти досадители только по ихъ молитвѣ возвратились съ праздными руками. Внимая смиреннымъ его рѣчамъ, всѣ исполнились радости, а тѣ, которые приняли за него раны, утѣшались ими, какбы приобрѣли какую корысть.

2. ИНОЧЕСКІЕ ПОДВИГИ САВВЫ, ПОСТРИЖЕНІЕ ОТЦА ЕГО.

Вскорѣ пронеслась молва по всей пустыни, въ общежитіяхъ и по келіямъ отшельниковъ, что сынъ самодержца сербскаго, оставивъ царство и возлюбивъ безмолвіе болѣе міра, вселяется съ ними: поэтому всѣ желали видѣть его. Наступилъ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы,—это былъ храмовый въ первенствующей обители аѳонской, Ватопедѣ: настоятель и братія пригласили честнаго инока Савву участвовать въ радости торжества и похвальныхъ пѣніяхъ Пречистой Дѣвѣ. Пришедшій на зовъ принять былъ съ честью и любовію, и, насладившись праздникомъ, осмотрѣлъ благолѣпіе чудной обители. Игуменъ и братія ватопедскіе, съ согласія прота всѣхъ обителей святой горы, убѣдили преподобнаго поселиться вмѣстѣ съ ними; потомъ, спустя немного времени, испросилъ онъ благословеніе у игумена идти поклониться прочимъ обителямъ святой горы, взойти на самую ея вершину и посѣтить всѣхъ разсѣянныхъ по пустыни отшельниковъ. Игуменъ согласился, и отпустилъ съ нимъ опытныхъ иноковъ, которые бы указали ему всѣ святыя мѣста: вездѣ принимаясь онъ былъ съ особенною честью. Совершая трудные пути босыми ногами, путешественникъ пришелъ въ лавру святаго Аѳанасія, гдѣ едва только принялъ молитву и благословеніе и далъ себѣ малый покой, какъ устремился на вершину Аѳона, куда издавна влекло его желаніе сердца. Тамъ на колѣняхъ простоялъ онъ всю ночь на молитвѣ, одождивъ священную вершину теплыми слезами. Спустившись съ горы, посѣтилъ онъ множество постившихся въ вертепахъ, у ея подошвы, гдѣ проводили они самое строгое житіе, и радовался, что сподобился видѣть рабовъ Божіихъ, какихъ трудно встрѣтить на землѣ. Блаженные эти отцы, хотя еще и не могли называться ангелами, ради плотской своей оболочки,

однакожь, по-истинѣ были выше человѣковъ, такъ какъ упразднились отъ всего земнаго, не заботились ни о чемъ тѣлесномъ, не занимались ни куплями, ни земледѣліемъ или виноградниками: молитвы и слезы были ежедневнымъ ихъ дѣланіемъ, умъ же ихъ всегда былъ устремленъ къ Богу; тѣсныя ихъ каливы поросли травою и оглашались только древеснымъ шумомъ и пѣніемъ птицъ, возбуждавшихъ къ прославленію Бога; а нѣкоторые отшельники гнѣздились въ каменныхъ ущеліяхъ, земныхъ пропастяхъ и на морскихъ утесахъ, подобно птицамъ, гдѣ были обуреваемы вѣтромъ и дождями, опаляемы солнцемъ, лишены всякой отрады, и гдѣ не грозила имъ опасность отъ хищниковъ, ибо у нихъ не было ничего, кромѣ рубищъ. Пища была по силѣ каждому: одни изрѣдка питались хлѣбомъ, другіе — древесными плодами или дикимъ быліемъ; питіемъ же служила имъ текущая изъ камня вода. Всѣ они, однажды отрeksiсь отъ всего мірскаго, уже совершенно забыли міръ, и мало чѣмъ не достигли естества ангельскаго.

Блаженный Савва, написавъ на хартіи своего сердца такіе труды ихъ и такую преданность Богу, глубоко вздыхалъ и укорялъ себя за свое нерадѣніе: онъ со слезами припадалъ къ ногамъ преподобныхъ, прося ихъ молитвы и благословенія, и съ сердцемъ, какбы уязвленнымъ стрѣлою, возвратился въ свою обитель Ватопедъ, гдѣ былъ принятъ съ прежнею любовію. Братіи спрашивали его о странствованіяхъ по святой горѣ и, видя что онъ унылъ лицомъ и утратилъ цвѣтъ юности, приписывали это непривычному хожденію босыми ногами по камнямъ. Но они не вѣдали тайны души его, не знали, что желаніе пустынное снѣдало самую плоть его и не давало ему покоя. Онъ пришелъ къ игумену и исповѣдалъ ему болѣзнь сердечную, умоляя отпустить его на подвигъ пустынный: но игумень не далъ ему на это благословенія, пока не утвердится онъ на первой ступени общежитія, чрезъ послушаніе. «Все хорошо въ свое время», говорилъ опытный старецъ:

«ни время, ни возрастъ не позволяютъ еще тебѣ искать столь труднаго подвига; къ тому же, знаютъ, чей ты сынъ, ибо приходъ твой не утаился и отъ державныхъ. Что же если, по смутѣ человѣческаго врага, встрѣтитъ тебя въ пустынѣ мужъ крови, и мы все за тебя примемъ поношеніе?» Не безъ промысла Божія послѣдовалъ этотъ отказъ, чтобы пустынное свѣтило не скрылось въ горахъ подъ спудомъ, и не лишились свѣта имѣвшіе просвѣтиться отъ него. Со смиреніемъ послушался аввы преподобный, и началъ раздѣлять съ братіею труды общежитія: работая для каждаго, онъ пріобрѣлъ общую любовь; днемъ занимался службою тѣлесною, а ночь проводилъ въ бдѣннѣи молитвенномъ, истомля тѣло поклонами, какъ будто душа его заключена была въ мѣдной плоти, или какбы плоть вовсе не принадлежала ему, — ибо не чувствовалъ онъ никакой усталости; едва позволялъ себѣ вкушать немного хлѣба и воды, а зной и холодъ были для него безразличны; зимою довольствовался онъ убогою власяницею, только для прикрытія наготы, и ходилъ всегда босыми ногами; огрубѣвшая кожа ступней его уже не боялась острія камней. Но, врагъ своего тѣла, онъ былъ обходителенъ и кротокъ со всеми: въ обители дивились, какъ въ столь юномъ возрастѣ и въ столь короткое время, могъ онъ достигнуть такого совершенства духовнаго, какое недоступно и многолѣтнимъ подвижникамъ.

Между тѣмъ воевода и благородные юноши, возвратившись къ родителямъ блаженнаго Саввы, рассказали имъ все, что съ нимъ было; они принесли и красную одежду, и свѣтлорусые волосы юноши, и, написанную его рукою, прощальную хартію. Оружіе прошло сердце родителей и братій, когда увидѣли они, что утрачена ихъ надежда: громкими воплями звали отсутствующаго: одежду и волосы его дѣлили между собою, какъ нѣкое сокровище, окропляя ихъ слезами, и прилагали къ очамъ своимъ, какбы врачевство. Вмѣстѣ съ царственнымъ домомъ, плакали, будто объ усопшемъ, и все под-

властные и, ради сѣтованія, по обычаю мірскому, облеклись въ черныя одежды. Но мало по малу сердца родителей умилились: страхъ Божій возвратился въ ихъ души и они уразумѣли, какой благой примѣръ показалъ имъ юноша, предваряя ихъ на пути спасенія.

Державный Стефанъ послалъ отъ себя на святую гору много золота, чтобы царственное его дѣтище ни въ чемъ не нуждалось и имѣло деньги для раздачи убогимъ; родитель не безъ страха написалъ ему посланіе и, стыдясь называть его сыномъ, скорѣе называлъ отцомъ и учителемъ, представителемъ предъ Господомъ и молитвенникомъ о нихъ къ Богу. «Домъ нашъ въ рукахъ твоихъ», писалъ старецъ: «души наши и мы всѣ въ твоей волѣ, ибо ты удивилъ родившихъ тебя своею добродѣтелію; но отними отъ насъ скорбь тяжелой нашей болѣзни и утѣшь своимъ пришествіемъ; мы обѣщаемъ опять возвратить тебя въ пустыню.» Получивъ отеческое писаніе, богомудрый Савва оросилъ его обильными слезами, помолился о родителяхъ и благодарилъ Бога. Принявъ отъ руки ихъ много золота, онъ отдѣлилъ только необходимое на хлѣбъ, а самъ, ходя босымъ по монастырямъ и пустынямъ, сѣялъ повсюду милостыню щедрою рукою, и тѣмъ созидалъ обитель отцу своему на небесахъ; потомъ опять возвращался въ монастырь свой Ватопедъ, на прежніе подвиги.

Однажды напекъ онъ свѣжихъ хлѣбовъ и, навьючивъ ими монастырскихъ лошаковъ, ночью поднялся въ путь, вмѣстѣ съ погонщиками, которымъ ввѣрены были мулы; босой, шелъ онъ впереди, и проникалъ въ дальнѣйшія пустыни, чтобы угостить пустынниковъ, постившихся отъ трехъ до пяти дней и даже по недѣлѣ, судя по силѣ cadaго, ибо это было время великой чотыредесятицы. День тогда насталъ субботній, и Савва думалъ насытить постниковъ теплыми хлѣбами, чтобы, въ замѣнъ, воспріять себѣ отъ нихъ теплыя молитвы. Когда достигъ онъ мѣста, называемаго Нилопотамъ, напали на него

разбойники и отняли все. Огорчился блаженный, — но не оттого, что впалъ въ руки разбойниковъ, а оттого, что этимъ замедлился путь его и не могъ онъ поспѣть вовремя къ трапезѣ отшельниковъ. Хищники спросили его: кто онъ, и изъ какой обители? Савва назвалъ себя ученикомъ отца Макарія, и сказалъ, что, ради монастырской нужды, былъ онъ посланъ въ сосѣдній Есфигмень, гдѣ задержала его братія, чтобы послать съ нимъ теплые хлѣбы въ пустыню, старцамъ, Христа ради постящимся, — ибо таковъ обычай отеческій. Говоря это, вознесъ онъ изъ глубины сердца теплую молитву, съ полною вѣрою ко святымъ мужамъ, которыхъ шелъ посѣтить, — и получилъ нечаянную свободу. Разбойники умилились, — ибо Господь коснулся сердца ихъ, и отпустили Савву со всѣми его запасами: ревностный инокъ успѣлъ еще вовремя принести хлѣбы преподобнымъ и рассказалъ имъ, какъ, молитвами ихъ, сподобился избѣжать рукъ вражихъ.

Когда прошло первое изумленіе разбойниковъ, они начали говорить между собою: «что это было съ нами? не обаятель ли какой обаялъ насъ? или мы видѣли по-истинѣ человѣка Божія? — Посмотримъ, дѣйствительно ли онъ — ученикъ преподобнаго Макарія?» — а преподобный Макарій по своей добродѣтели извѣстенъ былъ всѣмъ. Пришли они къ Макарію, какбы за благословеніемъ, и увидѣли при немъ блаженнаго юношу. Старецъ пригласилъ ихъ сѣсть, и предложилъ имъ все, что имѣлъ въ своей келіи, — пустынныхъ овощей и маслинъ; болѣе же всего насытилась душа ихъ доброю бесѣдою: имъ казалось, что небесный огонь опалитъ ихъ, или земля поглотитъ живыми, если они причинятъ ему какое либо зло. Вопросъ ихъ былъ одинъ: въ самомъ ли дѣлѣ юноша ученикъ его, — ибо славное видѣли о немъ знаменіе. Внимая имъ, старецъ прослезился, и сказалъ: «чада мои! юноша этотъ ученикъ Божій, по иночеству — одинъ изъ братій нашихъ, а по рожденію — сынъ благочестиваго царя сербскаго. Онъ оставилъ

царство, презрѣлъ славу родителей и всѣ приманки міра; возлюбилъ нищету и, какъ сами видите, вселился съ нами. Въ настоящее время, Богъ посылаетъ его обходить пустыни и утѣшать страждущихъ въ горахъ и вертепахъ.» Изумились хищники великому смиренію юноши, нисшедшаго съ такой высоты Бога ради, и не могли безъ слезъ смотрѣть на власяное рубище и босыя ноги Саввы, представляя прежнее его величіе: они пали къ ногамъ его и просили себѣ благословенія, — какъ отъ юноши, такъ и отъ старца, обѣщаясь болѣе не дѣлать разбоевъ. Старецъ и юноша тоже, съ своей стороны, поклонились имъ до земли и съ любовію обнимали ихъ, радуясь внезапному ихъ обращенію. Съ тѣхъ поръ блаженный уже безъ страха странствовалъ по пустынѣ.

Савва опять пожелалъ идти въ лавру святаго Аѳанасія, и, по обычаю, — пѣшкомъ, ибо до пришествія отца своего никогда не рѣшался сѣсть на коня. Игумень, милуя странника, и желая облегчить ему путь, отпустилъ его, съ нѣсколькими изъ братій, въ малой ладѣѣ. Они были уже недалеко отъ лавры, — какъ вдругъ, изъ за утесовъ, выплыли на нихъ морскіе разбойники: одинъ изъ иноковъ успѣлъ бѣжать съ этою вѣстью въ лавру, — и исполнилось скорбію сердце игумена о блаженномъ юношѣ. Опасаясь, какъ бы злодѣи не узнали царскаго его рода, онъ послалъ своего старца на берегъ, чтобы умягчить суровость разбойниковъ и пригласить ихъ въ лавру, гдѣ обѣщаль дать имъ все нужное. Что же? — ожесточенные дѣйствительно повиновались слову старческому. Плѣнники сказались лавріотами; а Савва между тѣмъ возсылалъ теплыя молитвы къ Богу. Благоразумный старецъ, взглянувъ на юношу, какъ будто призналъ его, и съ великимъ гнѣвомъ воскликнулъ: «не туда-то ли послалъ тебя игумень, — а ты еще здѣсь? Развѣ такъ-то исполняютъ приказанія?» И при этомъ словѣ устремился не него съ посохомъ, какбы хотѣлъ ударить его. Савва уразумѣлъ хит-

рость, и, будто испугавшись нечаяннаго гнѣва, соскочилъ съ ладьи и бросился бѣжать въ лавру, а разбойники, обезумѣвшіе въ эту минуту, и не подумали удержать его, и ни въ чемъ не прекословили старцу. Такимъ образомъ, князь сербскій избѣжалъ опасности, и прославилъ Бога за свое спасеніе. Пришедши въ лавру, хищники даже и не спросили о бѣжавшемъ: игумень угостилъ ихъ, и отпустилъ съ миромъ. Когда же впослѣдствіи узнали они, кто былъ юноша, котораго они отпустили, — яростію исполнилось сердце ихъ, и они, гдѣ только могли, вездѣ наносили оскорбленія лавріотамъ. Савва, поклонившись гробу святаго Аѳанасія, благополучно возвратился съ путниками своими въ Ватопедъ.

Нѣсколько времени спустя, родители опять писали блаженному Саввѣ, умоляя его придти къ нимъ, и послали ему золота больше прежняго, кромѣ особыхъ даровъ для обители Ватопедской, — золотыхъ сосудовъ, честныхъ иконъ и тканыхъ золотомъ завѣсъ, — такъ что Ватопеду всѣ завидовали, даже самый протъ. Блаженный принялъ писаніе родительское съ радостію, хотя и не безъ слезъ, и благодарилъ Бога за присланную ему милостыню: часть полученнаго даянія удѣлилъ онъ нищимъ, а все прочее употребилъ на сооруженіе трехъ-ярусныхъ келій въ Ватопедѣ, гдѣ братія умножалась. Тутъ же, на оградѣ, за великимъ соборомъ, началъ онъ строить одну церковь — во имя Рождества Богородицы, другую — во имя Златоуста, третью, на великомъ пиргѣ, — во имя Преображенія; съ соборной крыши велѣлъ онъ снять каменные плиты и покрылъ ее оловомъ, какъ видно это и донинѣ. Совершая такія постройки внутри Ватопеда, блаженный говорилъ: «если призреть на меня Господь и дастъ мнѣ видѣть здѣсь отца моего, то я поселю его въ своихъ келіяхъ.» Много и другаго сдѣлалъ онъ для обители, — такъ что его называли вторымъ ктиторомъ Ватопеда.

Родителямъ и братіи преподобный написалъ отъ себя

слово любви: «Вашею о мнѣ жалостью и благосклоннымъ писаніемъ, вы отнимаете у меня мою душу: болѣзную въ разлукѣ съ вами; но не должно любить кого либо больше Бога, — ибо сказано: *любай отца или матеръ паче Мене, ильсть Мене достоинъ*. Это самое препятствуетъ мнѣ идти къ вамъ; но я припадаю къ святому моему отцу, и молитвенно взываю: въ земномъ твоёмъ царствѣ ты подвизался апостольски и людей своихъ просвѣтилъ православіемъ, — прогналъ ереси, опровергнулъ бѣсовскіе храмы, соорудилъ церкви Божіи, и всѣмъ явилъ свое страннолюбіе и милосердіе; но еще остается тебѣ исполнить одно слово евангельское: *кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ* (Матѹ. 16, 24). Да будетъ пріятель тебѣ совѣтъ мой: презри земное богатство, какбы не сущее, и все красное міра, какъ суетное и маловременное, и послѣдуй мнѣ тѣмъ крестнымъ путемъ, который я приготовилъ тебѣ въ той же пустыни; вселись со мною и, упразднившись отъ всего мірскаго, готовляй себя къ созерцанію Божію, молитвою и постомъ. Если ты сподобился благодати во дни земнаго царствія, то смиреніемъ иноческаго образа достигнешь вѣнца въ пустыни, а мою душу, любовію твоею и лицезрѣніемъ, избавишь отъ печали, ибо я опять буду съ тобою. Хорошая мать моя, въ своей области, да послѣдуетъ тому же примѣру. Молю васъ, славы ради царствія и многаго ради богатства, не оскорбитесь моими словами, какъ нѣкогда оскорбился евангельскій юноша. Вѣру имѣй, отче, что, оставивъ земное царство, ты пріобрѣтешь небесное; если же презришь слова мои, — не надѣйся увидѣть меня болѣе въ этой временной жизни. Миръ Божій и любовь святыхъ отецъ пустынныхъ и моя грѣшная молитва да будутъ съ тобою.»

Принявъ въ руки сыновнее писаніе, какбы нѣкую святыню, державный отецъ всталъ съ своего престола, поклонился и поцѣловалъ драгоцѣнныя для него строки; но про-

честь ихъ не могъ, — ибо пламенные слезы отеческой любви затмѣвали его взоры. Наконецъ, успокоившись духомъ, онъ прочиталъ письмо, и подивился премудрости и силѣ изложеннаго въ немъ слова, ибо глубоко въ сердце его проникъ укоръ о евангельскомъ юношѣ, который ради земнаго богатства оставилъ Христа, и державный ублажилъ своего сына, сдѣлавшагося ему учителемъ. Немедленно велѣлъ онъ со всей своей державы созвать епарховъ, воеводъ и благородныхъ мужей, малыхъ и великихъ, и назначилъ день великаго государственнаго совѣта: а между тѣмъ распредѣлилъ все свое богатство, назначивъ его, по частямъ, убогимъ, хромымъ, слѣпымъ, сирымъ и вдовицамъ. Когда всѣ собрались, такъ что царскія палаты едва могли вмѣстить благородный синклитъ, — вышелъ въ средину этого сонма владыка и велѣлъ сперва прочесть во услышаніе всѣхъ сыновнее писаніе; потомъ сказалъ: «Други мои, братіи и чада, внимайте моему слову: жизнь моя извѣстна вамъ съ самаго начала; каждого изъ васъ вскормилъ я, какъ брата или друга, и вы всегда были послушны мнѣ. Вотъ, мы сохранили нашу землю нераззоренною отъ враговъ, — однако, спасались, уповая не на лукъ нашъ: крѣпость наша состояла въ вѣрѣ во Отца и Сына и Святаго Духа; мы были сильны противъ враговъ крестомъ Христовымъ. Нынѣ заклинаю васъ соблюсти святую вѣру въ единосущную Троицу чистою отъ всякой ереси, — такою чистою, какою мы приняли ее при святомъ крещеніи, — изгнавъ изъ среды себя всякую ересь. Умоляю васъ быть вѣрными, какбы мнѣ лично, тому, кого я поставлю вмѣсто себя владычествовать надъ вами. Божиимъ церквамъ и ихъ служителямъ воздавайте должную почесть: вы видѣли, какъ самъ я всегда воздавалъ подобающее святынѣ.»

Внимая этой неожиданной рѣчи, вельможи недоумѣвали; а державный, между тѣмъ, заключилъ ее слѣдующими словами: «Возлюбленный и Богомъ дарованный мнѣ синклитъ! вы

слышали, какъ отрицается отъ меня сынъ мой и не хочетъ болѣе видѣть меня въ этой жизни, если я не послѣдую ему. При вашемъ содѣйствіи, довольно было у меня радостей земнаго владычества, довольно воинскихъ дѣлъ и обильныхъ трапезъ, довольно пресыщенія удовольствіями міра: нынѣ отпустите меня съ любовію и крестомъ на раменахъ, да послѣдую сыну, да настигну его въ пустыни, гдѣ надѣюсь упраздниться отъ своихъ золъ и попекусь о своемъ спасеніи.» Едва только объявилъ онъ эту печальную вѣсть, какъ отовсюду поднялся громкій вопль и огласилъ весь дворецъ. Всѣ плакали,—благородные и неблагородные, чуждые и сродники по плоти, сыны его и сыны сыновъ,—раздирая на себѣ княжескія одежды. Чего не дѣлали они, какихъ умиленныхъ словъ не говорили, чтобы какъ нибудь удержать отца своего и владыку!—«Не оставляй насъ, отецъ нашъ и учитель,—иначе и мы пойдёмъ съ тобою! Если хочешь воспріять крестъ Христовъ, заключись въ своемъ монастырѣ, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, могли утѣшаться твоимъ лицезрѣніемъ. Какая будетъ тебѣ похвала, если ты, какъ одинъ изъ странныхъ, да еще и на чужой сторонѣ, окончишь жизнь свою?» Но державный отвѣчалъ: «Что плачете и ослабляете мою душу? Вы слышали, какъ отрекается меня сынъ мой, если не послѣдую ему! Не хочу лишиться его.» Тутъ призвалъ онъ старшаго своего сына Стефана,—богобоязненнаго, исполненнаго добродѣтели и мужества, и, вмѣстѣ съ епископомъ Каллиникомъ и со всѣми благородными, вошелъ въ церковь святыхъ верховныхъ апостолъ. По совершеніи божественной службы, самодержецъ отецъ и преосвященный епископъ молитвенно осѣнили избраннаго честнымъ крестомъ и возложили на главу его руки, благословляя Стефана быть великимъ жупаномъ, владыкою и самодержцемъ всей земли сербской; потомъ всѣ благородные вельможи поклонились ему и возгласили «многая лѣта!»

Въ царскихъ палатахъ приготовленъ былъ свѣтлый пиръ, и Стефанъ приглашалъ всѣхъ, говоря: «пріидите, возлюбленные друзья, братіи и чада,—раздѣлите со мною послѣднюю трапезу: уже никогда вмѣстѣ съ вами не вкушать мнѣ отъ этихъ яствъ; возвеселимся въ послѣдній разъ.» Во время пира, принесены были свѣтлые дары, и державный надѣлилъ каждаго изъ своихъ присныхъ: оба Стефана,—отецъ и сопрестольникъ его, — щедро раздавали подарки, одинъ—по случаю оставленія, а другой—по случаю пріятія царства. На слѣдующее утро, все измѣнилось: смиренный Стефанъ Неманя и супруга его Анна пошли въ храмъ Пресвятыя Богородицы, ими же самими созданный въ Студеницѣ, и тутъ, поклонившись предъ царскими дверьми, произнесли Богу иноческіе обѣты. Тотъ же епископъ Каллиникъ обоихъ ихъ облекъ въ ангельскій образъ, и нарекъ бывшаго властителя Стефана инокомъ Свмеономъ, а подругу его, благочестивую Анну,—инокинею Анастасіею. Анастасія, собравши вокругъ себя ликъ черноризицъ, вмѣстѣ съ ними упражнялась въ пощеніи и молитвахъ; а Свмеонъ вначалѣ подвизался съ иноками, бывшими въ Студеницѣ, потомъ же, собравши много золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, для раздачи аѳонскимъ обителямъ, пустился съ ними въ путь. Сынъ его, самодержецъ Стефанъ, со всѣмъ дворянствомъ сербской земли, провожалъ его до предѣловъ греческихъ, обливаясь горькими слезами, и тамъ разстался съ нимъ, а нѣкоторые изъ дворянъ послѣдовали за нимъ и на святую гору.

Достигнувъ Ватопеда, державный инокъ былъ принятъ въ немъ съ честію. Игуменъ и братія, послѣ благодарной молитвы, привѣтствовали старца въ соборной церкви, а потомъ въ отчія объятія призвали и сына. Какими словами описать радость давно желаннаго свиданія? Не было тутъ звуковъ рѣчи или словъ, были только слезы; и еслибы старца не поддерживали, — онъ упалъ бы на землю: слезы его лились на

вождедѣнную главу юнаго сына, склонившуюся къ его сердцу, — и какихъ благодареній не возсылалъ къ Богу богобоязненный юноша, изъ глубины обрадованнаго сердца, видя, что отецъ его исполнилъ заповѣдь Божию! Оба они, Господа ради, отчуждившись всего, сдѣлались на землѣ странниками. Отдохнувъ отъ пути, преподобный Сүмеонъ принесъ въ даръ обители драгоценные сосуды и завѣсы, привелъ избранныхъ коней и лошаковъ для работы, и надѣлилъ серебромъ всю братію, отъ перваго до послѣдняго, начиная съ игумена. Изъ дворянъ, провожавшихъ бывшаго своего владыку, иные остались съ нимъ въ обители, хотя и вопреки его желанію: «у тебя прославились мы въ земномъ воинствѣ», говорили они, «теперь съ тобою вмѣстѣ будемъ воинствовать Царю небесному, и ничто не разлучитъ насъ отъ любви твоей.» Всѣ они впослѣдствіи, на удивленіе святой горѣ, сдѣлались опытными иноками.

Скоро по горѣ Аѳонской пронеслась молва о пришествіи сербскаго владыки. Всѣ удивлялись смиренію его, и прославили Бога. Игумены, изъ своихъ обителей, и преподобные, изъ глубины пустынь, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ протомъ, памятуя благодѣянія его сына, пришли поклониться державному иноку: старецъ всѣхъ надѣлялъ нескудною милостынею, и у всѣхъ просилъ себѣ молитвъ и благословенія, — такъ что наконецъ непрестанныя посѣщенія Ватопедской обители становились уже въ тягость. Князья-иноки сербскіе, чтобы устранить это неудобство, дали ей еще довольно золота, и требовали, чтобы всѣмъ приходящимъ страннымъ всякій день была пища, хлѣбъ и вино. Потомъ пожелалъ и Сүмеонъ обойти святую гору, чтобы поклониться всѣмъ ея обителямъ. Испросивъ благословеніе у игумена, онъ взялъ съ собою Савву, какъ жезлъ своей старости. Юноша, по обычаю, хотѣлъ идти съ нимъ босыми ногами, но нѣжный отецъ не могъ того вынести, хотя доблестный юноша со слезами

просилъ его объ этомъ, какъ о милости, пока будетъ въ силахъ. «Помилуй, чадо мое», говорилъ ему отецъ: «приражающимися къ ногамъ твоимъ камнями ты будешь терзать мое сердце!» Савва, не желая оскорблять родителя упорствомъ, впервые послѣ многихъ лѣтъ, обулся и сѣлъ на коня: такъ прибыли они сперва на средину святой горы, гдѣ обиталъ протъ, старѣйшій надъ всеми монастырями, въ обитель Богоматери на Кареѣ. Бывшій владыка сербскій надѣлилъ прота и всю братію великолѣпными дарами; имена его и сына вписаны, для поминовенія, между именами царскихъ ктиторовъ святой горы. Изъ Кареи спустились они въ обитель Иверскую, а дорогою посѣтили и другіе монастыри, вездѣ записывая имена свои,—и такъ достигли святой лавры: но старецъ, ослабѣвшій ногами, не могъ взойти на вершину святой горы Аѳонской, и только у подножія ея, издали, съ вѣрою поклонился ей. Въ лаврѣ помолился онъ надъ гробомъ святаго Аѳанасія, основателя аѳонскаго общежитія, и щедрѣе, чѣмъ въ иныхъ монастыряхъ, одарилъ игумена и братію. Изъ сосѣднихъ и дальнихъ скитовъ стеклось много преподобныхъ пустынниковъ, для духовнаго собесѣдованія съ державными сербскими иноками. Наконецъ, возвратившись въ Ватопедъ, отецъ и сынъ поселились вмѣстѣ, въ устроенныхъ заблаговременно келіяхъ.

Единомысленные во всемъ, они раздѣляли между собою труды и молитвы: сынъ подвигамъ училъ отца, но старецъ, какъ старецъ, не могъ слѣдовать по стопамъ его, и потому юноша старческую немощъ восполнялъ избыткомъ своихъ силъ,—постился и трудился и за себя и за отца. Чуденъ былъ этотъ старецъ: какъ нѣкогда, живя въ мірѣ, онъ безъ труда, хотя и безъ обиды, своими щедротами осыпалъ нищихъ, и тѣмъ какбы грабилъ свое царство, такъ и въ иноческихъ подвигахъ казался лихоимцемъ;—не имѣя силъ исполнить все самъ, онъ лежа собиралъ плоды сыновніе,—собиралъ съ со-

крушеніемъ сердца и со смиреніемъ души, проливая отъ сердечнаго умиленія много слезъ. Юноша трудился, а старецъ болѣзновалъ мысленно, творя столько же поклоновъ, сколько и тотъ, и состраждущею ему душою, при всенощномъ его распинаніи, какбы поддерживалъ простиравшіеся долу члены своего сына. Усугублялъ ли юноша постъ за себя и за старца, усугублялъ и старецъ слезы и воздыханія за себя и за юношу,—ибо плакалъ о юности сына, истомляемой подвигами, плакалъ и о своемъ ожесточеніи, и о своемъ безсиліи для подвиговъ, и о томъ, что не могъ страдать вмѣстѣ съ сыномъ. Унылый и дряхлый, съ трясущеюся отъ ветхости головою, онъ укорялъ себя и сидѣлъ, а юноша старчески утѣшалъ отца: «не унывай, батюшка! мое стояніе, мой постъ и поклоны пусть будутъ и твоими; я приѣмлю твои труды на себя, ибо ты послушалъ меня, и отъ меня взыщетъ Господь душу твою.»

Внимая такимъ словамъ, дряхлый старецъ обливался потоками слезъ, изумлялся чрезвычайному смиренію и послушанію своего сына, и даже не смѣлъ называть его своимъ сыномъ, а только, наклонивъ къ себѣ и лобызая священную его главу, говорилъ: «Ей господинъ мой! ей утроба моя! во-истину все оставилъ я и тебѣ единому прилѣпился! Что же воздамъ тебѣ, исторгшему меня изъ суетнаго міра и столько болящему о душѣ моей? — Благословенъ ты отъ Бога, благословенъ и день, въ который ты родился,—не мое чадо, а Божіе.» Такъ утѣшался старецъ, видя въ сынѣ какбы нѣкоего борца или искуснаго воеводу, который подвизается за него, и, вмѣняя себѣ сыновніе подвиги, оставался благонадеженъ. Такимъ образомъ, труды доблестнаго сына и воздыханія отца его къ Богу, равно какъ сугубая молитва ихъ, сливались въ одно,—и оба они веселились о Господѣ, оба ограждали, какъ внутренно—свою душу, такъ и извнѣ—обитель Ватопедскую, возстановляя въ ней все разоренное.

3. НАЧАЛО ХИЛАНДАРСКОЙ ОБИТЕЛИ.

При входѣ во святую гору, на мѣстѣ, называемомъ Просфори, издавна былъ монастырь, съ церковію святаго Сүмeона Богопріимца; но эта церковь, по раззореніи монастыря корсарамн, оставалась въ заустѣннн. Игуменъ и братія Ватопеда напомннлн о ней преподобнымъ, н онн на ея обновленіе великодушно дали много золота, которое обнльно приноснлн нмъ отъ самодержца Стефана. Вскорѣ церковь сооруднлась н благолѣпно украснлась; подннлись — н высокій, стоящій донннѣ пнргъ, н около него ограда съ палатамн. Кромѣ того, державные инокн много сдѣлалн н для обнтели Ватопедской, — распространнлн н расписалн ея трапезу, сооруднлн келнн, насаднлн виноградннкн н приписалн къ ней метохн, нлн подворья, которья испроснлн у державшаго тогда скнпетръ греческій императора Алексія Ангела, который исполнялъ всякое прошеніе преподобныхъ, — не оттого только, что находнлся въ родственныхъ съ нмн связяхъ, но н потому, что днвлся странннческому нхъ подвнгу.

Когда же, съ теченіемъ времени, различныя нужды побуднлн самого игумена ндтн въ Царьградъ, — ходатайствовать о дѣлахъ монастырскнхъ, н онъ боялся, что не будетъ уваженно его прошеніе, — братнн внушнлн ему убѣднть блаженнаго Савву ндтн вмѣсто себя. Кннзъ-инокъ сербскій принятъ былъ въ Царьградѣ сватомъ своимъ, императоромъ, съ великою честію; юный лнкъ его предъ взоромъ всѣхъ представлнлся ангельскнмъ. Императоръ спрашнвалъ его о здравнн н образѣ жнзнн отца его, — н Савва, разсказавъ все, что зналъ, возбуднлъ при дворѣ общее всѣхъ изумленіе. Кесарь ублажнлъ святаго старца, уклоннвшагося отъ многнхъ попеченій н избравшаго себѣ благу ю часть. Богомудрый, пользуясь царскою любовію, нзложнлъ, что было ему поручено отъ обн-

тели Ватопедской, и императоръ всѣ его прошенія исполнилъ, обѣщая даровать сверхъ того все, о чемъ еще сталъ бы онъ просить. Тогда Савва сказалъ кесарю: «есть на святой горѣ запустѣвшій монастырь, называемый Хиландарь; если царство твое хочетъ сотворить добро мнѣ и отцу моему, то даруй намъ эту обитель: а мы, какбы отъ себя уже, предадимъ ее Ватопеду, и это наше даяніе прослыветъ милостію твоего царства.»

Юный инокъ просилъ съ боязнію, какбы сомнѣваясь въ успѣхѣ; но кесарь, ободряя его, сказалъ: «я уже предварилъ тебя, что все, о чемъ ни попросишь, дамъ твоей святости.» И такъ, кесарь пожаловалъ имъ Хиландарь, со всѣмъ его населеніемъ, и утвердилъ даръ свой багряною подписью и хрисовуломъ; самого Савву, почтивъ многими дарами, отпустилъ съ любовію, а преподобному Сүмеону написалъ грамоту о взаимномъ утвержденіи мира между сербами и греками, и просилъ себѣ его молитвъ. Обрадовалась Ватопедская братія, что исполнены ея прошенія. Савва поспѣшилъ къ своему отцу: молча сидѣлъ старецъ, невыходившій изъ своей келіи со дня отбытія сына. Но, съ возвращеніемъ его, какбы свѣтомъ зари просіяло его сердце, и прояснилась душа его: онъ воздѣлъ преподобныя руки свои къ Богу и, благодаря Его, палъ со слезами въ сыновнія объятія. Савва возвѣстилъ ему о царскомъ привѣтствіи, вручилъ письмо, вмѣстѣ съ дарованнымъ золотомъ, и объявилъ, что Хиландарь пожалованъ имъ царскимъ хрисовуломъ: за все это старецъ воздалъ хвалу Богу. На другой день, преподобный Сүмеонъ призвалъ игумена и братію и, показавъ имъ хрисовулъ, приписалъ Хиландарь въ Ватопеду, и все присланное царемъ золото уступилъ на пользу обители: такую любовь питали они къ монастырю, въ которомъ полагали окончить дни свои!

Но Господь, древле распространившій въ Египтѣ прішельца Іакова, чрезъ прекраснаго сына его Іосифа, распро-

странилъ теперь на святой горѣ и новаго Израиля, посредствомъ благообразнаго подвижника Его Саввы, и землю вольнаго ихъ странствованія населилъ не плотскими, а духовными ихъ чадами. Нѣкто богобоязненный старецъ пришелъ къ блаженному Саввѣ и сказалъ: «Страннолюбіе ваше, питаніе нищихъ и любовь ко святымъ монастырямъ, а особенно къ Ватопеду, достойны хвалы и пріятны Богу: но благоразумно было бы вамъ подумать и о самихъ себѣ во дни вашей жизни;—примите добрый мой совѣтъ, какъ совѣтъ человѣка, желающаго вамъ добра. Нынѣ все вамъ возможно о Господѣ: въ своей землѣ вы самодержцы и сродники по плоти царствующему кесарю, всякое ваше прошеніе исполнится. И такъ, испросите себѣ запустѣвшій монастырь и, обновивъ его, утвердите за своимъ отечествомъ, и пусть называется онъ Сербскимъ; пусть и изъ среды вашего народа, любящіе Бога и убѣгающіе отъ суеты мірской послѣ васъ обрѣтутъ тамъ пристанище спасенія, и сами вы, многихъ ради спасенныхъ, сподобитесь большихъ почестей отъ Бога.»

Блаженный Савва принялъ это внушеніе, какбы внушеніе Самого Господа, и, поблагодаривъ соплеменнаго ему старца, съ любовью и дарами отпустилъ его на родину. Потомъ вошелъ онъ въ келію отца своего и сообщилъ ему данный совѣтъ: преподобный Сүмеонъ, одолѣваемый старостію, какбы воспрянулъ отъ сна; ослабѣвшія колѣна его изнемогали отъ поста,—однакожь, поддерживаемый сыномъ, какбы посохомъ, онъ поднялся съ одра своего, и, ставъ на молитву, воздѣлъ горѣ руки, со слезами благодарилъ Бога за такой совѣтъ, и наконецъ вотъ что сказалъ любимому сыну: «Вѣруй мнѣ, Божіе чадо,—Богъ для нашего спасенія восхотѣлъ, чтобы мы сперва сами временно пожили подъ властію, пришельцами, руководствуясь не своею волею, и чрезъ то стяжали бы себѣ смиреніе; оттого донынѣ и скрывалъ Онъ отъ насъ этотъ совѣтъ. Теперь же послалъ Онъ къ намъ стар-

ца, или ангела Своего, и мы должны неукоснительно послѣдовать этому, данному намъ Богомъ, совѣту.»

Тогда блаженный Савва, вмѣстѣ съ отцомъ, пошелъ къ игумену и открылъ ему свою мысль: но игумень, посоветовавшись съ братією, не одобрилъ такой мысли и не позволилъ осуществить ее дѣломъ; ибо ему хотѣлось удержать у себя царственныхъ иноковъ, отъ которыхъ текло много богатства въ монастырь. Послѣ сего, богомудрый Савва пошелъ въ Карею и свое намѣреніе изложилъ проту: протъ одобрилъ мысль его—обновить на святой горѣ падшій монастырь и соорудить, въ пользу своего отечества,—Хиландарь ли, вначалѣ дарованный имъ царемъ, или иную обитель, гдѣ покажется. Съ такою утѣшительною вѣстію Савва возвратился къ отцу, и объявилъ ему о сочувствіи прота. Старецъ, движимый теплотою духа, хотѣлъ было немедленно самъ идти осмотрѣть мѣсто для обители, но уже изнемогалъ отъ дряхлости, и даже не въ силахъ былъ сидѣть на конѣ. Поэтому Савва между двухъ коней привязалъ носилки, на которыя, какбы на одрѣ, положилъ родителя и, странствуя съ нимъ такимъ образомъ, обошелъ многія мѣста; но ни одно изъ нихъ не понравилось имъ, кромѣ Хиландаря, и они возвратились въ Ватопедъ. Между тѣмъ игумень опять совѣщался съ братією: «Въ теченіе многихъ лѣтъ», говорилъ онъ, «сколько пользовались мы отъ этихъ царственныхъ пришельцевъ, и донинѣ не они ли были кормителями нашего монастыря? Такъ худо будетъ, если они удалятся отъ насъ прогнѣванными: если хотимъ сохранить пріязнь ихъ, отдадимъ имъ Хиландарь, который они же испросили для насъ у царя.» И такъ, призвавъ къ себѣ святаго Савву, они даровали ему Хиландарь, и положили между собою завѣтъ, чтобы Ватопедъ и Хиландарь взаимною любовію составляли какбы одно. Написали они и къ самодержцу Стефану, объявляя ему, что хотятъ устроить монастырь, въ

которомъ имѣлъ бы участіе и онъ и, по немъ, сыны его и внуки.

Возрадовался христоролюбивый самодержецъ, и послалъ родителю и брату много золота, работниковъ и лошаковъ, предлагая и впредь присылать все, что имъ будетъ нужно, и благодаря за то, что пекутся о душѣ его: богоносные же иноки, Сѹмеонъ и Савва, вознесли теплую молитву къ Творцу и къ Пресвятой Матери Божіей, призывая Ихъ на помощь предпринимаемому ими дѣлу. Принявъ благословеніе отъ игумена и отъ отца своего, Савва, со множествомъ работниковъ, пришелъ въ Хиландарь, и въ короткое время совершилъ весьма многое. Въ Хиландарѣ нашелъ онъ все въ запустѣніи, кромѣ церкви: надлежало укрѣпить ограду, соорудить обширную трапезу для братства и довольно келій, обновить и церковь, расписавъ по золоту ея стѣны, и украсить ее иконами, завѣсами и сосудами. Все это, съ помощію Божіею, совершалось спѣшно, ибо преподобный Сѹмеонъ торопилъ сына, говоря: «еслибы сподобилъ меня Господь видѣть монастырь нашего имени, то благо было бы мнѣ,— тогда тамъ настигъ бы меня и конецъ жизни!» Пламенное желаніе старца исполнилось; благодаря сыновнему усердію Саввы, онъ успѣлъ переселиться изъ Ватопеда въ свою обитель Хиландарь, которой соборная церковь праздновала Введеніе во храмъ Божіей Матери. Братство сербское совокупилось; учредилась обычная служба, по уставу, взятому изъ Ватопеда, и былъ поставленъ игумень, для наблюденія за чиномъ церковнымъ.

Державные иноки испросили у прота, который благоволилъ къ нимъ, запустѣвшіе масличныя сады и виноградники окрестъ Хиландаря, да около святаго Георгія и святаго Николая, что въ Малеи; а у самого прота купили они на Карей обширное мѣсто, гдѣ соорудили двухъярусныя келіи, для успокоенія игумена и братіи, когда случится имъ прихо-

дить изъ Хиландаря (это происходило около тысячи двухсотого года). Для бѣльшаго утвержденія и распространенія обители, преподобный Сумеонъ вторично уже отправилъ сына въ Царьградъ, къ свату своему императору Алексію, съ просьбою, чтобы онъ даровалъ монастырю ихъ званіе царской ставропигіи, и чтобы Хиландарь не зависѣлъ даже отъ прота всѣхъ аѳонскихъ монастырей, а зависѣлъ только отъ одного кесаря. Преподобный опять съ великою любовію принять былъ въ Царьградѣ. «Живъ ли старецъ, отецъ твой?» спросилъ императоръ, --- и Савва отвѣчалъ: «старецъ, молитвенникъ царства твоего, еще живъ.» Кесарь вздохнулъ и сказалъ: «благословенъ этотъ человекъ отъ Бога; — получивъ земное, онъ усердствуетъ достигнуть и небеснаго.»

Блаженный Савва, въ царствующемъ градѣ, былъ отпущенъ на покой въ обитель Матери Божіей Эвергетиссы, (Благодѣтельница), которой почитался онъ ктитормъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, потому что на ея сооруженіе пожертвовали они много золота. На другой день, посѣтивъ опять императора, Савва рассказалъ ему, какъ составили они новую обитель на святой горѣ, и просилъ для ней царскаго утвержденія; вспомнилъ онъ и о другомъ запусѣвшемъ монастырѣ, именно о Зигѣ, и также испросилъ его себѣ, со всѣмъ первобытнымъ его достояніемъ. Монастырь этотъ былъ нѣкогда царскимъ, и такъ, чрезъ новое даваніе его, въ число ктиторовъ хиландарскихъ входилъ теперь самъ императоръ. Алексій радовался, что и онъ, вмѣстѣ съ ними, будетъ общникомъ въ молитвахъ на всѣхъ церковныхъ службахъ, и немедленно пожаловалъ Хиландарю просимую обитель, со всѣми ея метолами и садами, объявилъ самый Хиландарь царскимъ монастыремъ, и все это утвердилъ хрисовуломъ, съ золотою печатью и багряною подписью. Кромѣ того, кесарь далъ еще преподобному изъ своей руки жезлъ, и велѣлъ поставить его въ церкви, чтобы, при поставленіи игу-

мена, братія держала этотъ жезлъ посрединѣ, въ знаменіе того, что игумень поставляется по волѣ царской и приѣмлетъ власть какбы изъ рукъ самого царя. Исполнивъ, такимъ образомъ, желаніе преподобнаго, императоръ отпустилъ его къ отцу со многими дарами и, ради воспоминанія о взаимной любви, велѣлъ сказать ему: «все твое прошеніе исполнилъ я, отче святой; — молю твое преподобіе, не забудь и насъ въ святыхъ твоихъ молитвахъ къ Богу.»

Возвратившись изъ дома кесарева въ обитель Матери Божіей Эвергетиссы, преподобный Савва золото, данное императоромъ для доставленія отцу, роздалъ нищимъ, ибо все отеческое почиталъ своимъ, равно какъ и отецъ все свое почиталъ сыновнимъ, кромѣ развѣ одной души, — да и ту, Бога ради, готовъ былъ отдать сыну: такова была любовь между отцомъ и богодарованнымъ ему сыномъ. Старецъ, почитая Савву не человѣкомъ, а какбы ангеломъ, совѣстился принимать отъ руки его какую либо услугу. За то и сынъ, съ своей стороны, служилъ ему во всемъ какъ рабъ, и никому не уступалъ этой священной обязанности. Старецъ, съ полною утѣшенія душою, непрестанно молился о немъ, а Савва щитомъ его молитвы мужественно ограждался отъ искушеній бѣсовскихъ.

Когда въ обитель Эвергетиссы приходили нищіе за милостынею, пришла къ преподобному между прочими благообразная жена, и сказала: «Угодникъ Божій! Господь и Пречистая Матерь Его повелѣли миѣ объявить тебѣ, что на святой горѣ, въ области твоего монастыря, въ двухъ мѣстахъ таятся сокровища, которыя ты найдешь, и тѣмъ довершишь устройство обители.» Преподобный принялъ это слово съ вѣрою. Простившись съ иноками обители, Савва поклонился еще царю и патріарху, и пустился въ обратный путь, на святую гору, спѣша утѣшить старца родителя вѣстію о царскомъ благоволеніи и дарованныхъ имъ хрисовулахъ. Оба

преподобные, съ общаго согласія, предали свой монастырь державной заботѣ сербскаго владыки Стефана, — чтобы онъ заботился о новой обители, какъ о своей присной: благочестивый Стефанъ съ радостію принялъ на себя такую заботу, и приписалъ къ Хиландарю много имѣнія, движимаго и недвижимаго, такъ что этотъ монастырь съ того времени сдѣлался обителью собственно сербскою.

4. КОНЧИНА И ЯВЛЕНІЕ ПРЕПОДОБНАГО СУМЕОНА.

Преподобный Сумеонъ немного лѣтъ пожилъ въ основанной имъ обители, и достигъ предѣла земнаго своего жительства. Призвавъ возлюбленнаго сына, онъ говорилъ ему: «чадо! приблизилось время моего отшествія; если и прежде заботился ты о благѣ души моей, то теперь наступило время помочь ей еще болѣе, ибо я знаю, что все, чего попросишь ты отъ Бога, будетъ дано тебѣ.» Припавши со слезами къ своему отцу, Савва обѣщала за него молиться, и обратно — самъ просилъ молитвъ его, какъ и прежде, во дни земной жизни, ибо только его теплыми ко Христу молитвами избавлялся отъ всякаго зла; а въ часъ отхожденія старца къ Богу, вѣровалъ, что родительская молитва о всѣхъ чадахъ, плотскихъ и духовныхъ, о землѣ родной и о церкви, для которой столько трудился, будетъ еще дѣйственнѣе. Старецъ плакалъ и говорилъ: «если получу дерзновеніе у Бога, не оставлю васъ», — и, возложивъ преподобныя руки на возлюбленнаго сына, благословилъ его, долго держалъ въ своихъ объятіяхъ и со слезами далъ ему послѣднее цѣлованіе; затѣмъ помолился о немъ, вспомнилъ и о родныхъ сербскихъ церк-

вахъ, и заповѣдалъ довершить многое неоконченное; что же касается смертныхъ своихъ останковъ, то просилъ, чтобы въ благопріятное время, когда изволитъ Богъ, Савва перенесъ ихъ въ землю родную, въ созданный имъ монастырь Студеницы. Савва обѣщаль исполнить все заповѣданное. Потомъ умирающій призвалъ къ себѣ всю иночествующую братію и, называя каждого по имени, благословлялъ, просилъ себѣ его молитвъ, и предавая всѣхъ ихъ Господу и Пречистой Его Матери, а съ Божіей помощію, и своему преподобному сыну, распустилъ братію по келіямъ.

Была уже ночь,—и вотъ, въ крайней дряхлости, внезапно встаетъ онъ съ одра своего юношески, и какбы ожидаетъ свѣтлыхъ гостей небеснаго Царя: украсившись одеждою святаго ангельскаго образа, Сүмеонъ причастился принесенныхъ ему въ келію страшныхъ и животворящихъ Таинъ, и за все благодарилъ Бога. Послѣ того, объяли его, какъ человѣка, предсмертныя страданія; во всю ту ночь любимый сынъ не отходилъ отъ отца, и, исправляя послѣднюю ему службу, прочиталъ у его одра весь псалтирь. Они взаимно увѣщавали другъ друга не скорбѣть, и вмѣстѣ возсылали къ Богу благодарныя молитвы. Когда разсвѣло, Савва внесъ родителя своего въ церковный притворъ. Умилительно было зрѣлище крайняго смиренія: тотъ, кто нѣкогда, во дни своего величія, возлегалъ на златомъ и мягкомъ одрѣ, теперь лежалъ на рогожѣ при послѣднемъ издыханіи. Вокругъ его стояла братія и плакала, разставаясь съ отцомъ; преподобный едва могъ подать знакъ рукою, чтобы удержались отъ плача. Свѣтло было лицо его: казалось, будто, вмѣстѣ съ таинственными посѣтителями, поетъ онъ псаломъ,—но никто не видѣлъ этихъ посѣтителей и не могъ слышать псалма, кромѣ послѣднихъ словъ: *всякое дыханіе да хвалитъ Господа*. Тогда только уразумѣли, что отходившій воспѣвалъ пѣснь ангельскую, вмѣстѣ съ ангелами, и до конца

жизни прославлялъ Бога. Послѣ сей пѣсни Сѹмеонъ уже ничего болѣе не говорилъ, а только свѣтло взиралъ на образъ Христовъ, какбы вручая Ему свою душу; благовоніемъ вишіама исполнилась вся храмина: такъ сладостно уснулъ святой старецъ!

Возлюбленный сынъ припалъ къ честному лицу его и, вмѣсто теплой воды, омывъ его горячими слезами, положилъ ему на перси знаменіе креста. Потомъ, въ сопровожденіи всей братіи, со свѣчами и кадилами, проводилъ тѣло усопшаго внутрь созданной имъ церкви Богоматери, и положилъ его въ мраморномъ благолѣпномъ гробѣ. Осиротѣвшій, въ одно и то же время, чувствовалъ и печаль и радость: печаль — о лишеніи добраго сподвижника и участника въ молитвахъ, а радость — о томъ, что сподобился видѣть его украшеннымъ всеми добродѣтелями, до конца совершившимъ свое теченіе и уже теплымъ предстателемъ, ходатайствующимъ о немъ у Христа. Дни поминовенія родительскаго Савва ознаменовалъ обильною милостынею нищимъ, — роздалъ приходящимъ все, сколько было у него золота, потому что никому не хотѣлъ отказывать или что нибудь оставить у себя. По оскудѣніи же нужнаго для монастырскихъ потребъ золота, вспомнилъ онъ слово благоговѣйной жены, сказанное ему въ Царьградѣ, — то есть, слово о сокровищахъ, таящихся въ окрестностяхъ Хиландаря, но не безъ молитвы рѣшился онъ искать этихъ сокровищъ. Савва такъ молился Господу: «Слышалъ я Давида, глаголющаго: *богатство аще течетъ, не прилагайте сердца*; тѣмъ болѣе достоинъ укоризны человекъ, раскапывающій землю, для пріобрѣтенія сокровищъ, которыхъ самъ туда не клалъ. И такъ, не дай, Господи, чтобы врагъ мой поругался надо мною, возбуждая во мнѣ желаніе гибельныхъ и тлѣнныхъ богатствъ: но если это не искушеніе противника, если это сказано мнѣ было отъ Тебя, то пусть будетъ по волѣ Твоей, Господи, — пусть явится сокро-

венное, или же пусть скроется и отъ насъ, рабовъ Твоихъ, какъ прежде отъ другихъ.»

Савва, съ ученикомъ своимъ, пришелъ на указанное мѣсто, и едва только копнули они землю, тотчасъ обрѣли отверстіе пещеры: такъ что какъ будто сама земля отдавала имъ хранимое въ ней сокровище. Можно подумать, что Матерь Божія Благодѣтельница Сама являлась преподобному въ обители царьградской, и только ради смиренія не призналъ онъ явившейся. Принесши въ монастырь найденное золото, Савва почиталъ его не своимъ, и не лихоимствовалъ, но одну часть послалъ въ Царьградъ, въ обитель Эвергетиссы, другую роздалъ по монастырямъ святогорскимъ, третью — по пустыннымъ келіямъ отшельниковъ, а четвертую внесъ въ Хиландарь и раздѣлилъ нищимъ, — ибо для того и являлась ему Благодѣтельница, чтобы онъ благодѣтельствовалъ.

И прежде говорили мы, какое сильное желаніе имѣлъ святой Савва упраздниться отъ всего мірскаго и безмолвствовать въ уединеніи; но тогда онъ былъ удерживаемъ отъ этого — сперва по уваженію къ его молодости, потомъ по случаю прибытія къ нему отца, затѣмъ по поводу двукратной его отлучки въ царствующій градъ, а наконецъ по надобности создать собственную обитель. Когда же все это, для спасенія братій, устроилось, — когда и игумень поставленъ былъ, и сопровожденъ въ землю отецъ, Савва могъ позаботиться и о самомъ себѣ. И вотъ удалился онъ въ Карею, гдѣ нашелъ прекрасное мѣсто, оживленное источникомъ воды и плодоносными деревьями. Купивъ это мѣсто у прота, Савва построилъ себѣ тамъ молчальную келію, съ малою церковью, во имя освященнаго Саввы іерусалимскаго. Отрекшись отъ многихъ сожителей, онъ удовольствовался лишь тремя, которые строго исполняли весь церковный уставъ; а самъ, безмолвствуя въ келіи, упражнялся только въ молитвѣ, и больше прежняго возобновилъ юношескіе свои труды, состоявшіе въ постѣ и бдѣніи, въ

колѣнопреклоненіяхъ и ночныхъ стояніяхъ. Онъ сталъ выше того, чѣмъ былъ нѣкогда, и, забывая заднее, по слову апостольскому, простирался въ преднее (Филипп. 3, 13): кто изочтетъ умиленные его слезы и тайныя воздыханія? Въ такомъ подвигѣ Савва пребывалъ, по смерти преподобнаго своего отца, всякій день, и всякій день какбы умиралъ памятію смертною. Отъ чрезвычайнаго пощенія страдала его печень и до такой степени стѣснилась его утроба, что, хотя бы и желалъ онъ въ послѣдствіи принимать пищу, внутренняя болѣзнь возбраняла ему это. Впрочемъ, и самую свою болѣзнь принималъ онъ съ любовію, какбы она послана была ему свыше, ибо смерть по Богѣ предпочиталъ онъ житію, преданному страстямъ, и помнилъ слово апостольское, что когда истлѣваетъ внѣшній человѣкъ, тогда обновляется внутренній.

Одно было у него сердечное желаніе—сподобиться получить какое нибудь извѣщеніе отъ усопшаго родителя, — и объ этомъ возсылалъ онъ пламенные молитвы къ Богу: и вотъ, однажды ночью, является ему преподобный Сумеонъ, облеченный неизреченною славою, въ вѣнцѣ, сіявшемъ свѣтозарнѣе солнца, и въ сообществѣ иныхъ свѣтлыхъ лицъ. Какбы удерживая своего сына отъ унынія, усопшій весело говоритъ ему: «Не унывай и не скорби о мнѣ, сынъ возлюбленный, а скорѣе радуйся; вотъ, по твоему прошенію, Богъ являетъ тебѣ твоего родителя, и ты видишь, какъ почтилъ Онъ меня славою, и какими, въ вѣчномъ царствѣ Христовомъ, обогатилъ меня благами. Воспріавъ нынѣ то, о чемъ ты говорилъ мнѣ при жизни только въ упованіи, я радуюсь и наслаждаюсь созерцаніемъ невообразимой для васъ красоты. Благословенъ отъ Бога ты, бывшій мнѣ вожатаемъ къ вѣчному блаженству и безконечной жизни, ибо твои за меня труды и подвиги, молитвы и милостыни, взошли на память Господу, и за нихъ ожидаетъ тебя великое воздаяніе. Но прежде ты самъ обогатишься отъ Бога благодатію и властію апостольскою

вязать и рѣшить, прежде ты самъ, въ санѣ святительскомъ, просвѣтишь своихъ соотечественниковъ, научишь ихъ вѣрѣ и покаянію и приведешь ко Христу; поклонись ты и святымъ мѣстамъ, гдѣ плотію странствовалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и гдѣ совершились всѣ Его страданія за насъ: все это начертаешь ты на скрижаляхъ сердца твоего, для многихъ будешь образомъ добродѣтели, и всѣ заповѣди Христовы утвердишь на незыблемомъ основаніи въ своемъ отечествѣ. Послѣ этого приидешь къ намъ и сподобишься еще большихъ даровъ, — какъ за меня, такъ и за многихъ, — и украсишься двойнымъ вѣнцомъ, сколько ради постничества твоего, столько же ради учительства, и, сподобившись безсмертнаго блаженства, будешь ликовать со всѣми святыми въ безконечные вѣки, насладишься не гадательно, а существенно — лицезрѣніемъ Пресвятыя Троицы.»

Пришедши въ себя послѣ таинственнаго видѣнія, преподобный Савва ощутилъ въ сердцѣ своемъ миръ и тихую радость: ему казалось, что его жителство уже не на землѣ, а на небесахъ. Всталъ онъ съ убогой своей рогожины, простеръ къ небу руки и, на колѣняхъ, орошалъ землю обильными потоками слезъ, прославляя Бога за ниспосланное ему утѣшеніе. Молитвенно взывалъ онъ и къ отцу своему, видя его предъ глазами, какбы живаго, и, улажая за неизмѣнную любовь, которая не разлучала ихъ и по смерти, утѣшалъ унылую душу свою видѣніемъ ангельскаго явленія. Но и среди уединенной жизни, Савва продолжалъ быть утѣшеніемъ отшельниковъ въ ихъ пустынѣ и благодетелемъ нищихъ, прибѣгавшихъ къ нему изъ странъ дальнихъ и ближнихъ: разбился ли у кого корабль, или разрушился домъ, или тяготила кого иная какая крайность, — пристанищемъ всѣхъ обуреваемыхъ была его келія. И сокровища у него никогда не оскудѣвали, — земля ли открывала ему богатство, или присылалъ его державный братъ, смотрѣвшій на него какъ на ангела Божія.

Есть на святой горѣ монастырь, по имени Каракаллъ. Разъ ночью ограбили его морскіе разбойники, и на своихъ корабляхъ увезли нетолько монастырское достояніе, но и самого игумена съ братією. Хищники мучили своихъ узниковъ, ибо нечѣмъ было имъ откупиться. Несчастные привезены были въ великую лавру, и тамъ выставлены на продажу, какбы приговоренные къ смерти; но ихъ было много, и выкупить всѣхъ не имѣлось средствъ, потому что продавались они не иначе какъ всѣ вмѣстѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, узники, посоветовавшись съ своимъ игуменомъ, рѣшились свой монастырь со всѣмъ его достояніемъ, подчинить лаврѣ, чтобы только избавиться отъ смерти. Лавріоты, — сперва неумолимые, когда дѣло касалось челоуѣколюбія, — ради корысти рѣшились выкупить плѣнниковъ и, такимъ образомъ овладѣвъ обителью и достояніемъ ея, изгнали игумена со всею братією. Изгнанные прибѣгли къ преподобному Саввѣ, какъ всегдашнему пристанищу обуреваемыхъ. Боголюбивое сердце его не стерпѣло такой неправды, и много пролилъ онъ слезъ, внимая плачевной ихъ повѣсти: но, не довольствуясь однѣми слезами, Савва открылъ щедрую свою десницу и, заплативъ монастырскій долгъ, возвратилъ Каракаллъ прежнему настоятелю и братіи, а все разоренное въ немъ обновилъ, да промыслилъ и о пропитаніи братства.

Отъ тѣхъ же разбойниковъ опустѣлъ на святой горѣ и другой монастырь, во имя сорока мучениковъ, называемый Ксиропотамъ, и близокъ былъ къ паденію. Игумень и братія, готовые уже, ради своего убожества, оставить обитель, пришли къ преподобному и стали просить его милости. Савва, богатѣвшій не въ себя, но въ Бога, милосердовалъ и о нихъ: онъ выкупилъ все, что было заложено монастыремъ, и возстановилъ разоренное, а соборную церковь всю расписалъ и благолѣпно украсилъ, и съ того времени носилъ имя ктитора ксиропотамскаго. И третій монастырь, называемый Филоѳей,

испыталъ также силу его щедротъ. Онъ начать былъ однимъ боголюбомъ, который, однако, не могъ довершить его; строитель пришелъ къ Саввѣ, и сталъ просить его участія, чтобы, вмѣстѣ съ нимъ, былъ ктиторомъ обители,—и преподобный, для довершенія начатаго, далъ ему довольно золота. Вообще, милостыня его была выше всякой жертвы, молитвы и пощенія.

Утѣшенный славою родителя, Савва усугубилъ постъ и молитву, и еще большее возымѣлъ дерзновеніе къ Богу;—и упованіе не измѣнило ему. Пламенная любовь его къ отцу и къ своему народу внушила ему желаніе, чтобы слава отчая, которою втайнѣ наслаждался онъ одинъ, сдѣлалась достояніемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ его; и онъ усердно помолился всемогущему Богу, чтобы Господь ниспослалъ Духа Своего Святаго, и прославилъ на землѣ подвизавшагося ради Него державнаго инока Сѹмеона: пусть бы обновились кости его и помазались благовоннымъ мѹромъ, въ изъявленіе того духовнаго помазанія, которымъ была исполнена душа его; и пусть бы та благодать, которою наслаждается блаженный предъ лицомъ ангеловъ Божіихъ, сдѣлалась явною и предъ челоуѣками; самъ же онъ, Савва, хотя и недостойный рабъ Господень, еще большее получилъ бы упованіе, видя, что Господь исполняетъ молитву его. Съ вѣрою молился Савва, и самъ вѣрилъ исполненію просимаго. Подобно тому, какъ сынъ, что либо просящій у своего отца, и несомнѣвающейся, что получить желаемое, заблаговременно призываетъ своихъ присныхъ и сосѣдей, чтобы они насладились ожидаемымъ даромъ,—такъ и Савва, какбы уже напередъ зная волю Господню, по чрезвычайной своей вѣрѣ, въ годовщину памяти блажнаго отца своего, дерзновенно призвалъ въ Хиландарь прота, съ прочими игумнами и старцами именитыхъ аѳонскихъ обителей. Собралось множество гостей, званныхъ и незваныхъ,—такъ что въ обители стало тѣсно.

Благолѣпно украшены были и церковь и самый гробъ блаженнаго Сѹмеона. По обычномъ чтеніи псалтири, узаконенномъ по усопшимъ, когда, послѣ гостепріимной вечери, настало время успокоенія, преподобный Савва призвалъ въ церковь прота и сказалъ ему: «отче святой, я, вмѣстѣ съ братією моею, взойду на пиргъ, чтобы тамъ совершить утреннее славословіе на языкѣ славянскомъ, а ты, со всѣми своими, здѣсь, въ великой церкви, пой утреннее пѣніе, ради памяти преподобнаго отца моего, и моли о его упокоеніи; буду молиться и я, и, если Богъ прославить раба Своего, вы призовете меня, и я приду къ вамъ.» Затворивъ церковь, отдалъ онъ ключи проту и, съ его благословенія, возшелъ на пиргъ. Недоумѣвалъ протъ, о чемъ говорилъ ему преподобный и, вручивъ ключи служащему іерею, самъ пошелъ на покой, въ келію, равно какъ и всѣ бывшіе съ нимъ; но богоносный Савва съ вечера началъ всенощное бдѣніе, и о чемъ прежде пламенно молился, о томъ же началъ взывать къ Господу Вседержителю и теперь, — чтобы Онъ изліялъ благодатную Свою росу на истаявшія, Бога ради, постомъ кости раба Божія отца его, и обновилъ ихъ благовоннымъ мѹромъ; пусть бы родитель его одинаково прославился—на землѣ и на небесахъ, а всѣ видѣвшіе чудо пусть бы прославили Господа и познали милость Божію къ вѣрнымъ рабамъ, оставившимъ, ради Него, всѣ удовольствія міра.

Настало время утренняго славословія. Протъ и бывшіе съ нимъ игумены совершали службу въ соборной церкви, и, поминая преставльшагося, испрашивали ему упокоенія у Господа. Въ это время, вся церковь внезапно исполнилась запахомъ благовонной масти и благодать Божія излилась на сухія кости. Всѣ усладились сердцемъ и, въ неизреченной радости, спрашивали другъ друга: «откуда это? чувствуете ли, что какое-то ароматное благоуханіе вѣетъ отъ гроба?» Близъ стоявшіе хотѣли видѣть, что внутри,—и увидѣли мраморный гробъ бла-

женнаго, наполнившійся благовоннымъ муромъ, которое текло изъ него ручьями и исполняло все благоуханіемъ. Всѣ объятые были ужасомъ. Протъ, съ бывшими при немъ, подошелъ къ гробу, и увидѣлъ такое обиліе мұра, что оно какбы источникомъ текло по землѣ. Тутъ, оставивъ утреннее иѣніе, всѣ, со страхомъ и слезами, стали вопіять: «Господи помилуй!» Вспомнилъ тогда протъ, что сказалъ блаженный Савва: «если буду позванъ, приду и я»,—и не медля велѣлъ позвать его. Преподобный съ радостію спустился съ пирга и, увидѣвъ желанное чудо, прославилъ всеблагаго Бога, что Онъ удостоилъ блаженнаго отца его явиться муроточцемъ во гробѣ, и теплыми слезами любви окропилъ гробъ отеческій.

Прежде всѣхъ протъ благоуханнымъ муромъ крестообразно помазалъ себя и своихъ; потомъ помазывалась имъ и вся братія славянская, освящаемая какбы отъ руки самого владыки своего и отца. Въ то же время, чрезъ прикосновеніе къ гробу и чрезъ помазаніе святымъ муромъ, начали исцѣляться одержимые нечистыми духами и другими тяжкими болѣзнями, и всѣ ублажали угодника Божія. Муромъ истекало не только отъ костей блаженнаго Сүмеона, но и отъ сухаго камня и отъ его иконы, написанной на стѣнѣ надъ его гробомъ. «Господи помилуй!» единогласно взывала вся церковь: «дивенъ Богъ во Святыхъ Своихъ и великъ въ дѣлахъ Своихъ! Довлѣетъ намъ, грѣшнымъ, извѣщеніе Твоей милости, и сколь велика любовь Твоя къ человѣкамъ, сохраняющимъ заповѣди Твои! Слава милосердію Твоему!»

По окончаніи утренняго славословія и по совершеніи божественной литургіи, протъ, со всѣми игуменами, благословилъ преподобнаго Савву праздновать со святыми память святаго отца его и, чрезъ писаніе, сдѣлать незабвеннымъ житіе его. Утѣшенный сынъ для пришедшихъ въ обитель устроилъ свѣтлое торжество, осыпалъ щедротами своими всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго, и три дня удержалъ про-

та съ игуменами, чувствуя ихъ братскою трапезою и богатыми дарами. Потомъ, когда всѣ разошлись по обителямъ, Савва, пользуясь тишиною, вошелъ въ церковь, гдѣ былъ гробъ отца его, и, затворившись въ ней, простерся на землю. Поражая себя въ перси, онъ, съ пламенными слезами, взывалъ къ Богу: «Кто я, Господи, и что есть домъ отца моего, что удивилъ Ты на насъ такую милость и не презрѣлъ моленія грѣшнаго и недостойнаго раба Твоего! Что воздамъ Тебѣ за всѣ Твои блага! изнемогаетъ умъ мой, не могу достойно хвалить Тебя! Слава Тебѣ, послушающему молящихся Тебѣ съ вѣрою! Слава Тебѣ, что предъ лицомъ всѣхъ людей поставилъ раба Твоего, отца моего, дабы и въ этихъ странахъ познали, что мы и все наше племя — истинные рабы Твои, вѣрно Тебѣ поклоняющіеся во Святой Троицѣ!»

Потомъ Савва припалъ на гробъ блаженнаго отца своего, обнималъ его и цѣловалъ: слезы его растворялись благовоннымъ муромъ, и онъ умащался имъ, освящая всѣ свои чувства, уста, очи и самое сердце; какбы во дни жизни, лицомъ къ лицу, бесѣдовалъ наединѣ съ родителемъ, называя его приснымъ своимъ молитвенникомъ и предстателемъ въ настоящемъ и будущемъ. «Скользко здѣшнее житіе», говорилъ онъ: «человѣчество склонно къ паденію, и никто не изъять отъ страстей и пороковъ!» — потому особенно сынъ и просилъ помощи блаженнаго родителя. Онъ собралъ въ стекляницу многоцѣнное муро отъ честныхъ мощей, чтобы послать его въ благословеніе самодержцу Стефану и утѣшить братію свою участіемъ въ благодати отеческой: потомъ, получивъ назидательнымъ словомъ братію Хиландарской обители, возвратился на свое безмолвіе, въ карейскую келію.

5. СВЯЩЕНСТВО И СТРАНСТВОВАНИЯ ПРЕПОДОБНАГО САВВЫ.

Благочестивый протъ Дометій, называвшійся Іерусалимитомъ, былъ исполненъ благодати Святаго Духа и благоговѣлъ къ преподобному Саввѣ, видя въ немъ много благодатныхъ даровъ. Находясь въ духѣ пророческомъ, этотъ старецъ предсказалъ ему также славу отца его, когда всѣ они приглашены были въ его обитель. Прозорливый провидѣлъ въ немъ добраго пастыря Христову стаду, на пажитяхъ благочестія, наставника заблудшимъ и утѣшеніе печальнымъ, ради чрезвычайной его простоты и смиренія, и потому питалъ къ нему искреннюю любовь. На соборахъ святыхъ отцовъ въ Кареи, протъ всегда отличалъ его предъ всѣми, сажалъ на почетное мѣсто и, желая получать отъ него благословеніе, убѣждалъ принять санъ священства. Но Савва избѣгалъ славы человѣческой и отрекался по своему недостоинству; наконецъ, едва могъ онъ убѣдить смиреннаго инока, только съ помощію многихъ. «Да совершится воля Господня и твое повелѣніе, отче святой!» сказалъ Савва, и пришелъ въ Хиландарскую обитель, куда призванъ былъ епископъ Николай, сосѣдняго города Ерисса, имѣвшій власть рукополагать на святой горѣ. Епископъ посвятилъ его во діакона и пресвитера; новопосвященный предложилъ обильную трапезу всему духовному клиру и всей нищей братіи, и, благословивъ всѣхъ иноковъ хиландарскихъ, опять удалился на безмолвіе въ свою келію на Кареѣ. Тамъ, пришедши къ проту, чтобы извѣстить его объ исполненіи воли его, Савва хотѣлъ, по обычаю, принять отъ него благословеніе, но протъ, съ любовію привѣтствуя преподобнаго, какъ сына, принялъ самъ отъ него благословеніе, какъ отъ отца, поцѣловалъ руку его, положивъ ее себѣ на главу, и, послѣ братской трапезы, отпустилъ его на постническіе подвиги.

Спустя нѣкоторое время, монастырскія нужды побудили преподобнаго идти въ Солунь: тамъ, поклонившись гробу великомученика Димитрія и помазавшись святымъ его мѣромъ, водворился онъ въ своей обители, называемой Филокалія, которой почитался ктиторомъ, такъ какъ для ея сооруженія пожертвовалъ много золота. Въ Солуни посѣтилъ онъ митрополита Константія, который много слышалъ о его добродѣтели и давно желалъ видѣть его. Въ то же время въ Солуни случился и епископъ Ерисса Николай: онъ рассказалъ владыкѣ бывшее знаменіе истекшаго мѣра отъ гроба преподобнаго Сѹмеона и о томъ, каковы были подвиги самого Саввы; митрополитъ весьма утѣшался этимъ и, часто призывая его къ себѣ, наслаждался его бесѣдою. Однажды, въ день праздничный, митрополитъ хотѣлъ совершить литургію съ тремя епископами: Николаемъ ерисскимъ, Михаиломъ кассандрскимъ и Димитріемъ адрамитскимъ. Эти епископы пригласили служить вмѣстѣ съ собою и преподобнаго Савву, и соборно благословили его носить набедреникъ, давъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ санъ архимандрита. Блаженный Савва послалъ изъ Солуни мѣро, отъ гроба отца своего, къ державному брату, съ описаніемъ всѣхъ бывшихъ отъ него чудесъ, а самъ возвратился на святую гору. Посланные принесли въ сербскую землю благословенный даръ сей, и утѣшился Стефанъ небесною славою своего родителя: съ благоговѣніемъ облобызалъ онъ честное мѣро отъ святыхъ его мощей и, призвавъ епископа своего и весь благородный синклитъ, прочелъ во всеуслышаніе братнее письмо и повѣсть о чудесахъ при гробѣ родителя.

Хочу здѣсь сказать о враждѣ между братьями, да стыжусь, —говоритъ писатель житія. Впрочемъ, не братьевъ теперь осудимъ мы, а древняго виновника всякой ненависти, который, отъ гордости спадши съ небесъ, завистію подвигъ перваго чловѣкоубійцу Каина на брата своего Авеля и Исава на Га-

кова. Онъ-то именно и нынѣ возбудилъ вражду великаго князя Вулка противъ его брата, самодержца Стефана, по поводу благословенія отчаго. Преподобный Сумеонъ, отходя на святую гору, вмѣсто себя самодержцемъ всей сербской земли поставилъ сына своего Стефана, и благословилъ его на свой престолъ. По удаленіи родителя, Вулкъ, движимый завистію, говорилъ самъ себѣ: «когда скончаются дни отца моего, отмщу за себя», и послѣ его преставленія, по совѣту нечестивыхъ, началъ всячески озлоблять державнаго брата, призывалъ и венгровъ себѣ на помощь, чтобы низвергнуть его съ престола; но, хотя воздвигалъ онъ много браней, все онъ сокрушались о благословеніе отчее, какъ о неодолимую стѣну. Вулкъ, съ позоромъ обращаемый въ бѣгство, вынужденъ былъ укрываться въ ущеліяхъ горъ. Отъ междоусобія страдала сербская земля, поля ея оставались невоздѣланы, а отъ многократныхъ кровопролитій, пустѣли города и селенія. Тогда державный Стефанъ написалъ христоролюбивому брату своему Саввѣ, умоляя его подвигнуться на общій гласъ воздыханія и принести съ собою въ землю сербскую мощи святаго отца ихъ, чтобы укротить междоусобіе и смирить иноплеменниковъ.

Услышавъ это, человекъ Божій возскорбѣлъ духомъ и, желая утѣшить печальную душу брата своего, подвигся упованіемъ, что если изліяніе мұра во святой горѣ ознаменовало святость преподобнаго отца его, то оно же въ сербской землѣ умиротворитъ и братнюю вражду. И такъ, взявъ съ собою мощи родителя, онъ пошелъ съ ними въ сербскую землю, и заблаговременно возвѣстилъ о своемъ шествіи царствующему брату, чтобы тотъ успѣлъ, съ подобающею честію, встрѣтить святыя мощи. Утѣшился самодержецъ, что идетъ отецъ его отъ святой горы умиротворитъ несогласіе семейное: онъ молитвенно возблагодарилъ Господа за такое милосердіе, и съ епископомъ, со всеми черноризцами и благороднымъ синклитомъ, пошелъ въ срѣтеніе отцу и брату. При

пѣніи псалмовъ, съ кадильнымъ ѳиміамомъ и радостными слезами, поклонились они честнымъ мощамъ, прикасаясь къ нимъ очами и устами, чтобы освятиться благовоннымъ мѹромъ, и на своихъ рукахъ понесли священную раку. Братъ и всѣ бывшіе съ нимъ со слезами обнимали богоноснаго Савву, прося святыхъ его молитвъ, и благодаря за принесенное имъ сокровище. Изумлялись аѳонскіе иноки смиренію самодержца Стефана, который преклонялъ предъ ними въ прахъ царственную главу и багряницу свою, припадая къ стопамъ убогихъ отшельниковъ.

Дивно по-истинѣ было это зрѣлище, не только для челоуѳковъ, но и для ангеловъ: теперь уже не кости древняго Израиля переносимы были Іосифомъ, съ простыми погребателями изъ Египта, — земли рабства: но сопровождался отъ святой горы сыномъ ангеломъ, и встрѣчаемъ былъ сыномъ самодержцемъ державный нѣкогда и преподобный Сѹмеонъ мѹроточецъ, новый Израиль и патріархъ, воспріемлемый сынами сыновъ своихъ, всѣмъ соборомъ и синклитомъ. Съ такою честію проводили его въ сооруженную имъ, во имя Богоматери, обитель Студеницы: положивъ тамъ честныя его мощи въ мраморномъ гробѣ и совершивъ божественную службу, братья обильною трапезою насытили не только всѣхъ пришедшихъ, но и собравшихся къ погребенію святаго Сѹмеона нищихъ. Блаженный Савва, съ пришедшими съ нимъ аѳонскими иноками, остался въ Студеницѣ до второй годовщины святой памяти блаженнаго его отца, чтобы потомъ опять возвратиться на святую гору.

Наканунѣ того дня было совершено вечернее славословіе; но богоносный Савва не удалился на покой, подобно другимъ: напротивъ, какъ нѣкогда на святой Аѳонской горѣ, онъ во всю ночь не далъ дреманія очамъ своимъ, умоляя Господа, чтобы повторилось то же знаменіе мѹра предъ всѣмъ народомъ сербскимъ, какое было на святой горѣ, дабы всѣ про-

славили Господа и Его угодника, и пришедшіе съ нимъ познали православіе угодившей Богу земли сербской. Преподобный сынъ молитвенно обратился затѣмъ и къ отцу своему и умильно говорилъ ему: «Всѣ мы здѣсь—люди твои и дѣти твои, которыхъ далъ тебѣ Богъ, всѣ мы здѣсь—чада твоей церкви, и ждемъ отеческихъ твоихъ щедротъ. Не скрывай для себя единаго дарованную тебѣ отъ Бога благодать, но открой и предъ нами небесное твое богатство, изліяніемъ мѹра, во увѣреніе твоихъ чадъ и людей твоихъ на землѣ, гдѣ нѣкогда ты царствовалъ, дабы всѣ твои возрадовались о тебѣ, и душа моя не омрачилась печалію.»

Потомъ Савва велѣлъ ударить въ било къ утрени и самъ, совершая божественную службу во глубинѣ алтаря, проливалъ много слезъ и съ воплемъ крѣпкимъ взывалъ къ Богу, чтобы Господь услышалъ его молитвы и подалъ то, что будетъ на пользу просящимъ. Внялъ Господь гласу его смиренія: во время божественной литургіи, внезапное ощутилось въ церкви благоуханіе, и опять, какъ было на святой горѣ, повѣяло ароматами отъ гроба. Державный Стефанъ, предстоявшій гробу, хотѣлъ самъ видѣть, откуда такое вѣяніе: и внезапно увидѣлъ, что мраморный гробъ родителя, какбы водами многими, исполненъ былъ кипящимъ мѹромъ, которое отъ преизбытка изливалось повсюду. Тутъ въ ужасѣ воскликнулъ онъ: «Господи помилуй!» и всѣ присные стеклись къ нему и, въ радостномъ изумленіи, взывали: «дивенъ еси, Господи,—слава Тебѣ!» Между тѣмъ сдѣлалось въ храмѣ такое волненіе, что преподобному отъ шума и плача невозможно было совершать божественную службу: онъ самъ, отъ слезъ и рыданій, не въ силахъ былъ говорить народу, и едва могъ наконецъ вымолвить самодержцу и всѣмъ плачущимъ, чтобы утихли. Мѹро текло нетолько отъ гроба, но и отъ лица преподобнаго, въ трапезѣ церковной, и оно собираемо было въ драгоценные сосуды. По окончаніи службы, Савва, приступивъ

ко гробу родителя, помазалъ мѹромъ державнаго брата своего, присныхъ, весь народъ и пришедшихъ съ нимъ отъ святой горы: мѹро это всѣ брали себѣ въ дома на благословеніе.

Тогда блаженный сказалъ брату, синклиту и народу: «Видите, что открылось предъ вами; это было отъ Господа, и дивно предъ очами вашими; возрадуемся же, по слову псаломному, въ сей день, который сотворилъ Господь (Псал. 117, 24). Вотъ, отецъ нашъ, недавно еще отшедшій ко Господу, опять духовно приходитъ къ намъ, и своею молитвою не отступаетъ отъ насъ: какъ прежде, во дни жизни, веселилъ онъ насъ въ дѣлахъ житейскихъ, такъ нынѣ, и еще несравненно болѣе, веселитъ въ духовныхъ. Прежде, подобно Аврааму, собиралъ онъ нищихъ и странныхъ и предлагалъ имъ гостепріимную трапезу: а теперь пріемлетъ ихъ въ лонѣ Авраама, которому подражалъ, и вмѣстѣ съ нимъ радуется. Вчера смиренно преклонялъ онъ предъ нами главу свою: а нынѣ мы сами преклоняемся и цѣлуемъ святой гробъ его. Вчера съ любовію черпалъ онъ для насъ чашу воды: а сегодня изъ той же чаши умащаетъ насъ мѹромъ святыхъ своихъ мощей, и изумляетъ чудесами. Сколь благъ Богъ Израилевъ къ правымъ сердцемъ! Онъ возноситъ смиренныхъ на высоту и даетъ милость боящимся Его всегда, нынѣ и во вѣки! Не удивимся ли сему, не скажемъ ли съ апостоломъ: не забываетъ Богъ о трудахъ и воздаяніи рабовъ Своихъ, послужившихъ во имя Его святымъ и нищимъ!—Вотъ и молитвы, и милостыни, и все доброе въ жизни отца нашего вошло нынѣ на память предъ Богомъ, и онъ по дѣламъ своимъ воспріялъ благое: вы сами видѣли прославленіе его предъ вами, ибо не только отъ святыхъ мощей своихъ источаетъ онъ мѹро, на исцѣленіе недужныхъ и отгнаніе нечистыхъ духовъ, но и писанный на стѣнѣ честный ликъ его увлажняется мѹромъ: это уже совершилось однажды въ странѣ чуждой, на святой горѣ,—это же повторилось и нынѣ, посре-

ди чадъ его, въ землѣ собственнаго его народа. Такъ восходитъ онъ отъ славы въ славу, дабы мы, видя честь отца нашего, поревновали добрымъ дѣламъ его, какими угодилъ онъ Богу. Господь являетъ намъ любовь Свою, чудодѣйствуя для насъ Своими святыми, дабы мы уразумѣли, что Онъ вѣдаетъ любовь каждаго къ Нему; и кто ради Его творитъ какое либо добро, тотъ никогда не укроется отъ всевидящаго ока Божія, ибо Господь есть Воздаятель благимъ. Святые, восшедшіе отъ земли на небо, не требуютъ себѣ земной славы, ни человѣческой почести, но наслаждаются такими благами, какихъ и око не видѣло и ухо не слышало, ибо наслаждаются любовію Воспріявшаго ихъ на небесахъ, и, вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ, вопіютъ: *что мы есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли* (Псал. 32, 25)? И все это дѣлается нашего ради спасенія, чтобы мы славили Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ и, ублажая достойно благоугодившихъ Ему на земли, поревновали дѣламъ ихъ.

«Посему и я умиленно нынѣ прошу сродниковъ моихъ по плоти подражать дѣламъ отца нашего, истинной его вѣрѣ и правдѣ, смиренію и кротости, любви къ ближнимъ, щедротѣ къ нищимъ, милости къ подобострастнымъ намъ человѣкамъ, братіямъ вашимъ по святому крещенію, хотя и подъ властію вашею находящимся, памятуя, что и у васъ есть Господь на небеси, и что у Бога нѣтъ лицепріятія. Предъ Нимъ станетъ владыка съ рабомъ, царь съ воиномъ, отецъ съ сыномъ, когда престолы поставятся, и Богъ возсядетъ на судъ, и рѣка огненная потечетъ съ шумомъ, готовая воспріять грѣшныхъ, и книги нашихъ дѣяній отверзутся, гдѣ все написано перстомъ Божиимъ; когда горы надъ нами станутъ обличать грѣхи наши, ибо на страшномъ томъ преніи подвергнется испытанію каждый: нельзя тамъ будетъ прикрыть истину ложью, --- каждый узритъ все свое и убоится, и не останется мѣста, куда можно бы

бѣжать, ибо Самъ Господь будетъ судить людей Своихъ; а страшно, — говоритъ апостоль, — впасть въ руки Бога живаго! сего ради и я внушаю вамъ отгребаться отъ всякаго зла и творить все, что предъ вашими очами творилъ отецъ нашъ, дабы и вы, избѣгши страшныхъ этихъ золъ, наследовали съ нимъ неизреченное благо въ безконечные вѣки. Богъ мира и любви, молитвами святаго отца нашего, со всѣми нами и вами. Аминь.»

Внимая страшному сему оглашенію, самодержецъ и всѣ его вельможи со слезами преклонили свои выи, и отъ глубокаго умиленія забыли даже о хлѣбѣ, хотя день склонялся уже къ вечеру, и время трапезы давно миновало. Изумлялся старѣйшій державный братъ сладкой рѣчи, исходившей изъ устъ меньшаго, и всѣ, падши ницъ къ ногамъ его, просили, да исходатайствуетъ онъ имъ благодать — не только быть слышателями его словесъ, но и дѣлателями оныхъ. Когда церковный соборъ разошелся, всѣ сѣли за трапезу, и послѣ духовной пищи наслаждались тѣлесно, не забывая при этомъ, ради памяти общаго отца ихъ Сүмеона, и о людяхъ убогихъ. Вскорѣ потомъ преподобный Савва началъ напоминать о своемъ отшествіи на святую гору, — и это слово было острымъ копіемъ, пронзавшимъ сердце державнаго. «Не оставляй насъ, отче святой», говорилъ онъ брату, «чтобы не исторгнуть души моей прежде времени. Приникни къ мольбамъ святаго отца нашего Сүмеона и останься въ созданной имъ обители Пресвятой Богородицы: начальствуй надъ братіей, не славы ради, а ради блага братій своихъ и всѣхъ людей отечества твоего, — ибо для того, думаю, и послалъ тебя Богъ, чтобы довершить неоконченное отцомъ нашимъ; я же — рабъ твой во всемъ, чего пожелаешь, — буду служить тебѣ, какъ господину моему. Но если, имѣя власть сдѣлать намъ много на пользу душевную, ты убѣжишь отъ насъ ради лѣности, то воздашь отвѣтъ Господу нашему.

Кроткая душа Саввы, нехотѣвшая оскорблять никого,

видя усердную мольбу брата, вельможъ и всѣхъ пришедшихъ съ нимъ иноковъ, была и на этотъ разъ побѣждена своимъ благоутробіемъ: «воля Господня и твое желаніе да совершатся!» сказалъ онъ брату. Возрадовался державный Стефанъ и всѣ его присные, — какбы приобрѣли великое нѣкое сокровище. Савва водворился во святой лаврѣ—Студеницѣ, созданной его родителемъ, до удаленія его на Аѳонъ, и такъ какъ самъ поставленъ былъ въ Солуни архимандритомъ, то и этой обители доставилъ званіе архимандріи. Такимъ образомъ, не подъ спудомъ остался этотъ свѣтильникъ, но поставленъ на свѣщникѣ въ своемъ отечествѣ, и тамъ продолжалъ подвиги аѳонскіе, умерщвляя плоть свою и проповѣдуя слово Божіе въ народѣ, къ общему утѣшенію братіи. Сладостнѣе меда и сота были рѣчи его, а чудеса запечатлѣвали благодатную силу ихъ, ибо молитвою его исцѣлялись болящіе и изгонялись бѣсы: всѣ благоговѣли предъ нимъ, не какъ предъ человѣкомъ, а какъ предъ пророкомъ Божіимъ. Пришествіе Саввы было умиротворительно и для присныхъ, ибо самодержецъ Стефанъ снова сблизился съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Вулкомъ, на котораго подѣйствовало слово священноинока: устыдился онъ и оставилъ коварные замыслы, въ которые былъ вовлеченъ дурнымъ совѣтомъ, и, при взаимной любви братской, усилилась къ нему любовь народа.

Молитвами святыхъ отецъ Сүмеона и Саввы, въ странѣ сербской стало распространяться и благочестіе. Въ это время начали строить великую церковь Вознесенія Господня, для каѳедры архіерейской, на мѣстѣ, называемомъ Житчи; преподобный архимандритъ создалъ много деревянныхъ и каменныхъ церквей и въ Студенцахъ. Однажды Савва, вмѣстѣ съ самодержцемъ, пришелъ посмотреть зданіе архіепископіи, для котораго созваны были лучшіе каменщики и художники изъ земли греческой. Тутъ увидѣлъ онъ человѣка, кото-

рый расслабленъ былъ всѣми членами и, прося на пути милостыни, въ такомъ безпомощномъ положеніи пѣлъ псалмы Давидовы. Прослезился Савва о немощи человѣческой и, по слову Христовой притчи о милосердомъ самарянинѣ, съ однимъ изъ учениковъ своихъ, положилъ на свою мантию расслабленнаго и внесъ его въ церковь, предъ икону Спасову: здѣсь, оставшись съ нимъ наединѣ, онъ сперва исповѣдалъ грѣхи свои предъ Богомъ, а потомъ испросилъ милость Божію и болящему; здѣсь умастилъ онъ болѣзненные его члены отеческимъ мѣромъ, раствореннымъ его слезами и, воззвавъ молитвенно къ Господу, разрѣшилъ больнаго; — расслабленный всталъ и началъ ходить. Скоро слухъ о чудномъ этомъ исцѣленіи распространился повсюду, и многіе начали приносить къ преподобному своихъ недужныхъ; преподобный исцѣлялъ ихъ молитвою и мѣропомазаніемъ. Слыша о совершающихся чудесахъ, жители окрестныхъ странъ исполнились благоговѣніемъ — не только къ преподобному Саввѣ, но и къ державному его брату, и просили его принять ихъ подъ крѣпкую свою руку.

Одинъ страшный случай еще болѣе ознаменовалъ чудодѣйственную силу Саввы, — когда онъ долженъ былъ явиться защитникомъ невинныхъ и карателемъ преступныхъ, и щитомъ молитвы охранять страну свою отъ кровопролитія. Стефанъ призрѣлъ у себя въ Сербіи одного изъ родственниковъ бывшаго краля болгарскаго Калояна. Этотъ краль погибъ нечаянною смертію, когда, пользуясь завоеваніемъ Царьграда оружіемъ франковъ, хотѣлъ раззорить Солунь: была общая молва, что самъ великомученикъ Димитрій не допустилъ его до своего города. Имя князя болгарскаго, искавшаго себѣ защиты подъ сѣнію Стефана отъ гоненія новаго краля Борилла, было Стреза. Бориллъ боялся воинскихъ доблестей Стефана и близкаго родства его съ умершимъ Калояномъ. Нѣсколько разъ обращался онъ къ властителю сербскому,

то съ предложеніемъ даровъ, то съ угрозами, чтобы выданъ былъ ему Стреза: однако благочестивый Стефанъ нетолько не соглашался на низкое дѣло, но еще честилъ покровительствуемаго имъ какъ сына, и даже назвалъ его крестовымъ своимъ братомъ, запечатлѣвъ духовный союзъ этотъ клятвою надъ Евангеліемъ, не смотря на то, что многіе изъ вельможъ предваряли Стефана о жестокомъ нравѣ и кровожадности этого болгарскаго выходца. Стефанъ пользовался его вліяніемъ и родственными связями, чтобы привлечь подъ свою державу нѣсколькихъ малыхъ болгарскихъ владѣльцевъ, княжившихъ въ окрестностяхъ Солуня и Охриды.

Наконецъ онъ далъ ему во владѣніе крѣпкій замокъ Просѣкъ, на неприступномъ утесѣ, надъ широкою рѣкою Вардаръ, и тутъ-то, вмѣстѣ съ крайнею свирѣпостію Стрезы, обнаружилась вся его неблагодарность. Любимою его потѣхою было—сидѣть на вершинѣ утеса, и свергать съ высоты его въ рѣчную пучину людей, навлекшихъ на себя его негодование, хотя и по самой ничтожной винѣ. Не было никому свободнаго проѣзда мимо замка: каждому угрожала опасность отъ прихоти суроваго властелина. Окрестные жители неразъ обращались съ жалобою къ жупану сербскому, и неоднократно посылалъ отъ себя Стефанъ присныхъ къ извергу, чтобы смягчить его сердце. Стреза, на неприступномъ своемъ утесѣ, смѣялся надъ увѣщаніями Стефана, и наконецъ, собравъ около себя толпу подобныхъ себѣ злодѣевъ всякаго званія, дерзнулъ выступить противъ своего благодѣтеля. Тогда-то уже, но слишкомъ поздно, узналъ свою ошибку Стефанъ, и вынужденъ былъ собрать сербскую дружину противъ закоснѣлаго злодѣя. Онъ возложилъ надежду свою на Господа, Заступника правыхъ, и самъ вышелъ въ поле наказать бывшаго своего друга, оказавшагося недругомъ.

Съ горестію услышалъ Савва о походѣ брата и о предстоявшемъ кровопролитіи. Исполненный духа любви Христо-

вой, вызвался онъ идти самъ въ станъ непріятельскій, чтобы словомъ кротости умиротворить врага. Не безъ страха отпустили его присные; но Савва боялся единого Бога. Смѣло вступилъ онъ во враждебный станъ: Стреза, знавшій его при дворѣ братнемъ, встрѣтилъ съ честію и даже палъ къ ногамъ его, прося благословенія. Сладостною рѣчью началъ убѣждать преподобный ожесточеннаго, чтобы отсталъ онъ отъ своихъ злодѣяній, напоминая ему прежнюю любовь и царственныя щедроты Стефана,—но не могъ тронуть каменнаго сердца ни ласкою, ни угрозами грядущаго на него гнѣва Божія, и наконецъ сказалъ: «Такъ какъ, упоая на свое оружіе, ты не приемишь благихъ нашихъ совѣтовъ, то самъ себѣ готовишь гибель. На Господа возлагаемъ нашу надежду, и не страшимся твоихъ полчищъ: Господь разсудитъ между нами.» Такъ разстались они, и Савва, возвратившись въ свой шатеръ, воззвалъ къ Богу отца своего Сүмеона, чтобы Онъ призрѣлъ на рабовъ Своихъ и смирилъ неправеднаго, обративъ на него собственное его оружіе. Не дождавшись разсвѣта во вражьемъ станѣ, преподобный ночью пустился въ обратный путь, и въ ту же ночь страшный вопль и тяжкіе стоны понеслись изъ шатра болгарскаго влстителя. Спѣшно собрались къ нему отроки, и нашли его на одрѣ, пронзеннаго собственнымъ мечомъ. «Грозный юноша», сказалъ онъ, «назвавшій себя посланцемъ Саввы, напалъ на меня спящаго и, исхитивъ мечъ, пронзилъ мою внутренность.» Онъ просилъ послать вслѣдъ за преподобнымъ, чтобы умолить его объ исцѣленіи, но его уже не настигли, и такимъ образомъ, оставшись безъ всякой помощи, неблагодарный Стреза испустилъ нечистую свою душу. Испуганная его дружина быстро разсѣялась, и Стефанъ избавился отъ напраснаго кровопролитія. Владыка сербскій и всѣ его присные прославили Господа за легко полученную ими побѣду, приписывая ее молитвамъ святаго Саввы.

Руками Саввы продолжали совершаться непрестанныя чудеса, возбуждая народную молву и общее къ нему благоговѣніе. Устрашился преподобный, какъ бы не утратить вѣчныхъ благъ ради временныхъ, и вспомнилъ о безмолвномъ своемъ жительствѣ на святой горѣ и объ уединенной келии на Каревѣ, свидѣтельница столкихъ подвиговъ пустынной жизни. Сколько ни старался убѣдить его державный братъ остаться въ Сербіи, Савва пребылъ неумолимъ и, поставивъ на свое мѣсто игумена въ лавру Студеницы, простился съ братомъ и всѣми присными. Горько было это разставанье, ибо какъ одна душа въ двухъ тѣлахъ, такъ единокровны были оба брата: удаленіе Саввы представлялось Стефану какъ бы удаленіемъ собственной его души изъ тѣла. Давъ ему много золота, державный проводилъ его до предѣловъ греческихъ, и взялъ съ него обѣщаніе возвратиться. Но съ какою горестію провожали его здѣсь, съ такою же радостію встрѣчали на святой горѣ—и настоятели и старцы всѣхъ обителей, а особенно братія роднаго Хиландаря. Теперь онъ снова водворился въ безмолвной келии, которая и донинѣ слыветъ постницею Саввы на святой горѣ, по чрезвычайнымъ подвигамъ поста его въ ней.

Вскорѣ, по таинственнымъ судьбамъ Божиимъ, престало истекать муро отъ гроба преподобнаго Сүмеона, и державный Стефанъ, принимая это за изъявленіе гнѣва Божія къ ихъ недостойнству, строго испытывалъ свою совѣсть, усугубилъ молитву и милостыню, и часто приходилъ плакать на гробъ родительскій. Наконецъ рѣшился онъ писать къ брату на святую гору, чтобы этотъ пришелъ утѣшить его своимъ лицезрѣніемъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ оставило насъ твое преподобіе, отвратился отъ насъ и святой отецъ нашъ Сүмеонъ, ибо изсякло утѣшавшее насъ святое муро, истекавшее отъ мощей его, и онъ, донинѣ милосердовавшій о насъ отечески, теперь какбы ожесточился, и болѣе не внемлетъ намъ, по грѣхамъ

ли то нашимъ, или потому, что тебя нѣтъ съ нами! И такъ, прииди уврачевать нашу болѣзнь, не презри мольбы единокровнаго твоего брата, хотя человѣка и грѣшнаго: быть можетъ и отецъ нашъ, утѣшенный твоимъ пришествіемъ, возвратитъ намъ милость свою, и твоими молитвами потечетъ опять святое мѣро отъ мощей его.»

Но Савва не могъ отторгнуться отъ сладости безмолвнаго житія и не тронулся братнею мольбою: онъ только написалъ отъ себя посланіе къ отцу своему, какбы къ живому, — «чтобы онъ простилъ прегрѣшенія чадъ своихъ, и раскрылъ опять заключенный въ немъ источникъ: какъ нѣкогда, находясь еще во плоти», писалъ Савва, «внималъ ты моленіямъ сыновнимъ и, отходя отъ сей жизни, обѣщался исполнять мольбы наши, такъ и нынѣ да явится отеческая твоя любовь, и не посрамитъ нашего упованія.» Написалъ онъ утѣшительное письмо и къ брату, которое послалъ съ ученикомъ своимъ, честнымъ старцемъ Иларіемъ. Но, вручивъ ему то, которое было написано къ отцу, Савва не велѣлъ открывать его, доколѣ не будетъ оно прочтено, послѣ божественной литургіи, надъ самымъ гробомъ преподобнаго. Священноинокъ Иларій исполнилъ все въ точности по велѣнію своего аввы. Державный братъ, хотя и дивился, что Савва не исполнилъ пламенной мольбы его, однако съ великою честію принялъ посланнаго. Вмѣстѣ съ Иларіемъ, пошелъ онъ въ лавру Студеницы: во время всенощнаго бдѣнія, аѳонскій пришелецъ изумлялся молитвенному стоянію и слезному умиленію державнаго, который превосходилъ подвигами, повидимому, и убогихъ аѳонскихъ иноковъ, ибо не таковъ былъ Стефанъ, каковы бываютъ иные мірскіе властители: мудрый въ совѣтѣ, доблестный въ воинствѣ и свѣглый среди вельможъ своихъ, на трапезѣ и во дворцѣ, онъ превосходилъ и самыхъ иноковъ на молитвѣ, омывалъ землю потоками слезъ, украшалъ достоинство вѣнца своего любовію къ нищимъ.

Послѣ божественной литургіи, весь освященный соборъ, со свѣчами и кадилами, приступилъ ко гробу преподобнаго Симеона, близъ котораго стоялъ самодержецъ, обливая его слезами. Честный Иларій, державшій въ рукѣ посланіе, прочелъ его надъ гробомъ во услышаніе всѣхъ, и внезапно потокомъ воскипѣло изъ него благовонное муро, такъ что сосудами не успѣвали собирать его, и умастился имъ весь помостъ церковный. Утѣшенный Стефанъ, стоя при гробѣ, сказалъ умиленное слово братіи и народу, ублажалъ отца своего и брата и взаимную любовь ихъ, ознаменованную чудомъ, — ибо слыхано ли было когда, чтобы живой писалъ къ усопшему, и усопшій внималъ ему съ послушаніемъ, какъ живой! Съ великою честію отпустилъ Стефанъ инока Иларія на святую гору, и далъ ему благодарное писаніе къ брату, которому послалъ много даровъ и отеческое муро.

6. СЯТИТЕЛЬСТВО СЯТАГО САВВЫ.

Нѣкоторыя монастырскія нужды побудили преподобнаго опять идти къ царю и патріарху — ходатайствовать о святой горѣ и Хиландарской обители, но уже не въ Царьградъ, гдѣ тогда владычествовали франки, завоевавшіе въ 1204 году столицу имперіи, а въ древнюю Никею, прославленную первымъ и седьмымъ вселенскими соборами: тамъ царствовалъ Теодоръ Ласкарисъ, родственникъ сербскихъ царей, — ибо дочь его была выдана за князя Радослава, племянника святаго Саввы и сына Стефанова. Императоръ принялъ его съ великою любовію, ибо, наслышавшись о его подвигахъ на святой горѣ, давно уже желалъ видѣть его, и исполнилъ всѣ монастырскія его прошенія. Савва хотѣлъ уже оставить Никею, когда пришла ему отъ Господа благая мысль — воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и poradѣть о землѣ сербской.

«Приду ли когда либо сюда еще въ моей жизни?» подумалъ Савва и, возложивъ упованіе на Бога, приступилъ къ царю. «Господь Богъ, хотящій всѣмъ спасенія», сказалъ онъ, «стараніемъ отца нашего и нашимъ, удалилъ отъ земли нашей ересь (вѣроятно латинскую, или богомиловъ, разсѣянныхъ въ то время въ Болгаріи): православіе въ Сербіи возрастаетъ и умножается. Но одинъ у насъ недостатокъ: мы не имѣемъ своего архіепископа, который посвящалъ бы для насъ іереевъ и училъ бы насъ заповѣдямъ Господнимъ (вѣроятно, въ то время святительствовали въ Сербіи греки). Поэтому особенно молимъ ваше благоутробіе: повели, царь, святому отцу, вселенскому патріарху, — единаго изъ пришедшихъ съ Аѳона братій моихъ посвятить архіепископомъ, въ утѣшеніе наше и въ похвалу благочестія вашего.» Императоръ отвѣчалъ: «съ радостною душою исполню твое прошеніе, но хочу видѣть избраннаго тобою брата, — благоволитъ ли къ нему душа моя; ибо великъ долженъ быть мужъ, на котораго падетъ сей высокій жребій.» — «Пусть всѣ пріидутъ предъ царскія твои очи», сказалъ ему Савва, — «и ангелъ твой укажетъ тебѣ, къ кому Господь расположитъ твою душу.» Когда собрана была вся братія хиландарская, державный сказалъ: «всѣ братіи твои честны и святы, но я не могу ни одного изъ нихъ возвестъ на такую высоту сана и апостольскаго сѣдлица: къ тебѣ самому благоволитъ о Богѣ душа моя, ибо житіе твое не скрылось отъ насъ съ первыхъ дней твоей юности.»

Смутился Савва, и отрекался отъ высокой степени, которой почиталъ себя недостойнымъ. Между тѣмъ императоръ объявилъ о прошеніи его патріарху, и сказалъ, что выборъ его не падетъ ни на кого иного: патріархъ принялъ слово царское съ радостію, ибо тоже много любилъ преподобнаго. Кесарь, вмѣстѣ съ первосвятителемъ, снова приступилъ къ святому Саввѣ, и умолялъ его — «не чуждаться апостольскаго званія, возвѣщаемаго Духомъ Святымъ въ сердцахъ ихъ, но Бога ради

принять совѣтъ ихъ для пользы сербовъ, чтобы слово ученія его было въ народѣ со властію, и чтобы онъ не себя единого спасалъ пустыннымъ молчаніемъ, а многихъ въ мірѣ обратилъ бы отъ заблужденія,— что вмѣнится ему въ большую любовь къ Богу.» Но, одержимый любовію къ пустынной жизни, преподобный убѣгалъ высокихъ почестей, какъ птица тенеть, предпочитая всему ангельское житіе и подвигъ поста. Онъ продолжалъ упорствовать предъ царемъ и патриархомъ, и отрицался своимъ недостойнствомъ, доколѣ наконецъ императоръ, огорчившись, сказалъ ему: «Гдѣ слыхано, чтобы неимуцій отказывался отъ чего либо съ такимъ любовреніемъ;—гораздо приличнѣе было бы тебѣ повиноваться богугодному совѣту многихъ, чѣмъ не покоряться и противустоять. Такъ какъ ты хочешь утвердиться въ своей волѣ, то ищи себѣ посвящающихъ: мы на это не согласны.» Сказавъ такъ, царь удалился въ свои покои.

Что же смиренномудренная и праведная эта душа, ненавидѣвшая почестъ, какбы хулу и безчестіе?— на что рѣшилась она, видя огорченіе царя и понужденіе отъ патриарха и всѣхъ вельможъ?— Савва рѣшился покориться волѣ державной, и сказалъ: «изволеніе Божіе и святое ваше повелѣніе да совершится надъ нами грѣшными.» Тогда утѣшенный императоръ велѣлъ отъ царской палаты приготовить всю нужную утварь для посвященія архіерейскаго. Въ день Успенія Богоматери, 1221 года, вселенскій патриархъ Германъ рукоположилъ Савву архіепискомъ всей сербской земли; царь присутствовалъ при посвященіи со всѣми вельможами и возглашалъ: «аксіось»,—достоинъ, и достоинство его явлено было отъ Господа. Нѣкто, сподобившійся божественнаго видѣнія, сказалъ впослѣдствіи патриарху, что, во время возложенія святительскихъ рукъ на главу поставляемаго, внезапно изліялся на него чудный свѣтъ, и весь онъ сіялъ предъ ними, какбы огненный. По окончаніи божественной службы, импе-

раторъ и всѣ присные его приблизились къ новому святителю принять отъ руки его благословеніе. Кесарь пригласилъ къ себѣ на трапезу патріарха, со всѣми епископами, и патріархъ новаго архіепископа сербскаго посадилъ подлѣ себя, какъ сопрестольника. Всѣ пріяли щедрую милостыню отъ руки царской и въ радостный этотъ день не были забыты нищіе.

Вскорѣ потомъ святой Савва началъ собираться въ родную землю, на указанный ему отъ Бога жребій; но ему опять пришло на мысль, для избѣжанія дальняго путешествія въ Никею и большой траты денегъ, испросить у державнаго и первосвятителя право на посвященіе архіепископовъ сербскихъ въ собственной землѣ ихъ, ибо частыя войны между западными и восточными властителями могли иногда преграждать пути, либо даже нерасположеніе самихъ первосвятителей или кесарей могло кааедру сербскую повергать въ продолжительное вдовство. Разсудивъ все это въ сердцѣ, святитель Савва пожелалъ устроить Церковь свою свободно отъ всѣхъ этихъ бѣдъ, самовластною и ни въ чемъ независящею ни отъ Востока ни отъ Запада. Призвавъ себѣ на помощь преподобнаго отца своего Сумеона, и съ полнымъ упованіемъ приступивъ къ императору, онъ говорилъ: «если, по внушенію Божію, благоизволилъ ты показать намъ совершенную любовь, то доверши оную повелѣніемъ твоей тихости, чтобы, благословеніемъ устнымъ и письменнымъ святаго отца нашего вселенскаго патріарха, даровано было право не приходить впредь архіепископамъ нашимъ для посвященія въ царствующій градъ, а рукополагаться соборомъ своихъ епископовъ.»

Измѣнилось лицо царя, когда услышалъ онъ столь нечаянное прошеніе: не понравилось оно ни патріарху, ни вельможамъ, ибо они хотѣли, чтобы Церковь сербская была подчинена вселенскому престолу, и прибѣгала къ нему со многими дарами. Но, съ другой стороны, императоръ, по чрезвы-

чайной любви къ святому Саввѣ, стыдился отпустить его скорбнымъ, не исполнивъ прошенія, и потому, хотя съ трудомъ, однакожъ утолилъ негодованіе патріаршее и снизшелъ къ желанію родственнаго ему святителя. По убѣжденію царскому, святѣйшій патріархъ написалъ отъ себя грамоту, чтобы, съ того времени, ищущему достоинства архіепископа сербскаго не приходитъ изъ сербской земли въ царствующій градъ, но быть посвящаемымъ у себя соборомъ святыхъ епископовъ: эта грамота была подписана соборомъ всѣхъ присутствовавшихъ въ Никеи митрополитовъ и епископовъ. Патріархъ, неоднократно приглашая къ себѣ новопоставленнаго архіепископа, научалъ его всѣмъ правиламъ церковнымъ и, надѣливъ утварью, вручилъ ему такую грамоту: «Германъ, Божіею милостію, архіепископъ Царьграда, новаго Рима, и вселенскій патріархъ, имени ради Господа нашего Іисуса Христа, посвятили Савву архіепископомъ всей земли сербской, и дали ему власть по всей его области церковной, посвящать епископовъ, іереевъ и діаконовъ, вязать и рѣшить вины человѣческихъ согрѣшеній, и всѣхъ учить и крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа: всѣ православные христіане да послушаютъ его, какъ меня самого.»

Щедро одаренный патріархомъ, Савва пришелъ проститься къ императору, который, съ любовью прося благословенія его, сказалъ ему: «всѣ твои прошенія исполнены, отче; молимъ твою святость, чтобы твоими молитвами быть намъ благопріятными Богу; сопровождаемый ангеломъ Господнимъ, да приидешь ты благополучно къ своимъ и извѣстишь насъ о твоёмъ здравіи.» Императоръ далъ ему все нужное въ путь, а когда онъ отрекался, со смиреніемъ говорилъ: «ему, какъ новопоставленному, необходимо будетъ дорогою подавать всѣмъ просящимъ у него, да молятся о немъ.» Такой-то великій подвигъ совершилъ святой Савва, въ краткое время, для всей сербской земли, удостоивъ ее не только архіепископскаго са-

на, но и независимаго святительскаго престола! Моремъ отплылъ онъ во святую Аѳонскую гору: здѣсь пустынные отцы, услышавъ, что бывшій ихъ сожитель приходитъ къ нимъ, уже облеченный властію святительскою, все устремились къ нему въ срѣтеніе изъ пустынныхъ горъ, изъ пещеръ и каменныхъ расщелинъ, съ радостію и вмѣстѣ съ печалію, ибо чувствовали, что блаженный долженъ оставить ихъ. Все они спѣшили принять отъ него благословеніе и послѣднее цѣлованіе, и, восхваляя Бога, стекались въ Хиландарскую обитель, гдѣ святитель, на пути въ свою родину, водворился временно.

Грустно было думать имъ, что спостникъ ихъ и сподвижникъ, съ дѣтскихъ лѣтъ возросшій вмѣстѣ съ ними въ пустынѣ и осыпавшій ихъ своими благодѣяніями, навсегда оставить ихъ. Протъ и игумены старѣйшихъ и меньшихъ монастырей, узнавъ, что патріархъ далъ ему власть рукополагать въ своей церковной области, одинъ за другимъ призывали его въ свои обители служить съ ними божественную литургію и посвящать у нихъ іереевъ и діаконовъ. Такъ обошелъ онъ въ послѣдній разъ все монастыри, поклонился всемъ церквамъ и, простившись съ протомъ и игуменами, возвратился въ Хиландарь. Тамъ еще однажды поучилъ настоятеля и братію страху Божію и всякой добродѣтели и, преподавъ имъ во Христѣ цѣлованіе, вышелъ изъ обители съ нѣсколькими избранными иноками, которыхъ предполагалъ посвятить епископами въ Сербіи. Но, оставляя святую гору, святитель неоднократно обращался взорами и мыслями къ краснымъ ея пустынямъ, и съ любовію взиралъ на острые каменные пути, по которымъ часто проходилъ босыми ногами, посѣщая святыхъ отшельниковъ; воспоминалъ блаженное житіе этихъ пустынныхъ отцовъ, которыхъ умъ непрестанно возвышался къ Богу въ молитвахъ, и съ благодарностію приводилъ себѣ на память, что отъ ихъ созерцанія и самъ научился многому, въ первые годы пустынножительства.

Все это съ любовію вспоминалъ святой Савва, и когда помышлялъ, что ничего подобнаго не встрѣтитъ въ своей землѣ и что ему предстоитъ тамъ положить основаніе архіерейской кафедры, еще болѣе чувствовалъ всю тяжесть настоящей разлуки: исходя изъ святой горы, какбы изъ нѣкоего божественнаго рая, подобно древнему Адаму, онъ горько плакалъ и восклицалъ: «О сколькихъ благъ лишился я, окаянный! Сколько было здѣсь богатства! Здѣсь могъ я, безъ всякой мірской печали молиться въ тишинѣ Богу,—и все это измѣнилъ теперь на тщету человѣческой славы! Увы мнѣ! Кто не восплачетъ о моей участи? Съ какой высоты ниспалъ я, и что приобрѣлъ! Господи Боже мой, на котораго уповаю, удаляюсь отъ сей святыни, ухожу отъ святой горы! если есть о мнѣ воля Твоя благая, молитвами пречистой Твоей Матери и угодника Твоего Сүмеона, отца моего, не оставь меня въ такой скорби, утопающимъ въ уныніи!» Такъ, шествуя весь день, дряхлый и унылый, съ трудомъ достигъ онъ до перваго ночлега, внѣ горы святой, и тамъ сталъ опять вздыхать о лишеніи ея. Но, по слову псаломному, гора мысленная и святая, гора Божія, гора тучная, гора усыренная духомъ, гора небеси подобная и превышая всѣхъ горъ и всѣхъ ангельскихъ силъ, всечистая Дѣва и Матерь Божія, отъ коей, какъ отъ горы великой, возсіялъ Христось, въ сонномъ видѣніи воздвигла отъ уныніа душу его, говоря: «Имѣя Меня споручницею къ Царю всѣхъ, Сыну и Богу Моему, о сихъ ли еще скорбишь?—Возставъ, иди со тщаніемъ на дѣло, на которое избралъ тебя Господь, ни о чемъ болѣе не думая, ибо все о Господѣ будетъ споспѣшествовать тебѣ во благое.»

Воспрянувъ отъ видѣнія, святой Савва, почувствовалъ сладостное утѣшеніе въ своемъ сердцѣ и, обливаясь слезами,—уже не печали, а радости,—возблагодарилъ Бога за то упованіе, которое обновлено въ немъ словами Пречистой Божіей Матери, и весело продолжалъ путь свой. Пришедши въ ве-

ликій городъ Солунь, онъ поклонился гробу святаго великомученика Димитрія и, посѣтивъ митрополита, водворился въ своей обители Филокаліи. Немедленно велѣлъ онъ написать двѣ мѣстныя большія иконы, Господа Вседержителя и явившуюся ему гору Божию, всечестную Матерь Господа, и, украсивъ ихъ золотыми вѣнцами съ драгоценными каменьями, поставилъ въ церкви Филокаліи, на память бывшаго ему явленія. Въ Солуни приготовилъ онъ также и всю церковную утварь, необходимую для его архіепископіи, и, провожаемый митрополитомъ и епархомъ, направилъ путь въ родную землю.

Двойною радостію исполнился державный Стефанъ, когда услышалъ, что возвращается братъ его блаженный Савва, и возвращается уже не просто архимандритомъ, а первосвятителемъ всей земли сербской. Будучи самъ одержимъ тяжкою болѣзнію, послалъ онъ къ нему, вмѣсто себя, дѣтей своихъ, до предѣловъ земли греческой. Когда же пришелъ Савва къ болѣзненному одру брата, онъ не могъ даже и подняться, чтобы обнять святителя,—такъ безнадежна была болѣзнь его! но здѣсь, съ пришествіемъ Своего угодника, Господь измѣнилъ всеобщую печаль на радость. Святой Савва животворящимъ крестомъ освятилъ воду, напоилъ и омылъ ею болящаго и, возложивъ руки на главу его, помолился о немъ съ теплыми слезами: болѣзнь внезапно исчезла, смертную блѣдность замѣнилъ румянецъ жизни; больной, неимѣвшій силъ приподняться, самъ всталъ съ одра, и даже могъ раздѣлить трапезу съ братомъ и вельможами,—да и нетолько онъ одинъ, исцѣлялись и всѣ тѣ, на которыхъ святитель возлагалъ свои руки.

Стефанъ совѣщался съ братомъ своимъ и вельможами, гдѣ бы устроить архіепископію и поставить епископовъ.— Всѣ направились въ святую лавру Студеницы: тамъ святой Савва обновилъ обычаи святой горы, ввелъ порядокъ божественной службы, и всѣхъ поучалъ покаянію. Чудное было зрѣлище, и повторялось непрестанно: когда первосвятитель,

во время литургии и всенощной, приходилъ покладить гробъ отца своего, — преподобный Сүмеонъ, какбы воздавая сыну почестию за почеть, внезапнымъ изліяніемъ мѹра исполнялъ церковь; усоншій вѣяніемъ ароматовъ отвѣчалъ живому. Такими дивными знаменіями утверждались въ вѣрѣ всѣ православные. Изъ лавры пошелъ святой Савва на предназначенный ему престолъ архіепископіи, во вновь сооруженную великую церковь Вознесенія Господня, на мѣстѣ, называемомъ Житчи. Она еще не была довершена, но святой украсилъ ее стѣннымъ писаніемъ, и святую трапезу утвердилъ на мощахъ мученическихъ. Тамъ посвятилъ онъ двѣнадцать избранныхъ учениковъ своихъ во епископы Сербіи и, не смотря на всѣ эти святительскіе труды, днемъ и ночью не преставалъ поучать всѣхъ къ нему приходившихъ, а особенно новопоставленныхъ, чтобы во всемъ слѣдовали они ученію соборовъ и святыхъ отецъ, и потомъ каждаго отпускалъ во ввѣренную ему область.

7. ЦАРСКОЕ ВЪИЧАНІЕ СТЕФАНА.

Когда окончательно создана была въ Житчи великая церковь, для которой конописцы и мраморъ выписываемы были изъ Царьграда, архіепископъ Савва велѣлъ брату своему созвать всѣхъ его правителей и вельможъ, а самъ съ своей стороны созвалъ епископовъ и игуменовъ и, посреди ихъ сонма, въ кафедральной церкви, возсѣвъ вмѣстѣ съ братомъ на престолѣ, сказалъ во услышаніе всѣхъ о причинѣ настоящаго необычайнаго собранія: «Всѣмъ вамъ извѣстно двукратное мое отъ васъ бѣгство, знаете вы и то, что ничего изъ прелестей міра не предпочелъ я любви Божіей; молитва къ Богу

всегда была лучшимъ для меня на землѣ блаженствомъ. Васъ ради, моихъ соплеменниковъ, оставилъ я святую, сладкую мнѣ пустыню, и пришелъ сюда искать не чего либо вашего, а васъ самихъ, — ради вашихъ душъ возненавидѣлъ свою, поминая древнихъ святыхъ, сердобольствовавшихъ о своемъ племени. *Аще спасая спасеши люди сія*, говорилъ Моисей Богу, *спаси: аще ли ни, то и мене испиши отъ книгъ, въ нижже вписалъ мя еси* (Исх. 32, 32); и Павелъ апостолъ желалъ самъ быть отлученъ отъ Христа, ради братій своихъ по плоти (Рим. 9, 3). Соревнуя имъ, и я болѣзную о васъ, и я, ради вашего спасенія, не забочусь о своемъ; но если, чрезъ послушаніе ваше, узаконится благое, то усвоеніемъ васъ Богу приобрѣту свое спасеніе и я. Посему молю васъ, будьте послушны мнѣ во всемъ, что предложу вамъ о Господѣ. Господь Богъ вашъ, молитвами угодника своего, святаго праведнаго отца нашего Сүмеона, утвердилъ васъ и распространилъ: много между вами начальниковъ и воеводъ, много жупановъ малыхъ и великихъ. Но властвующему у васъ не подобаетъ носить одинакое съ прочими наименованіе своей власти: напротивъ, онъ, какъ и я, ради васъ облеченный властію священства и поставленный во главу Церкви, долженъ для вашей чести, славы и величія украситься вѣнцомъ царствія.» Умилились всѣ, внимая слову, исполненному любви, и съ радостію покорились посланному къ нимъ отъ Бога, обѣщая во всемъ повиноваться ему.

Наступилъ свѣтлый праздникъ Господа и Спаса нашего, и, во время божественной литургіи, въ урочное время предъ совершеніемъ даровъ, призвалъ Савва брата своего, великаго жупана, предъ святой жертвенникъ, молитвенно облекъ его въ царскую багряницу, препоясалъ драгоцѣннымъ поясомъ, возложилъ на главу его вѣнецъ царствія и, помазавъ освященнымъ муромъ, провозгласилъ его, милостію Божіей, самодержавнымъ кралемъ сербскимъ. Вельможи и народъ — всѣ

единодушно поклонились ему и взывали: «буди, буди.» По окончаніи божественной службы, для архіепископа и новаго краля приготовленъ былъ великій пиръ, на которомъ присутствовали всѣ благородные и епископы, причемъ не были забыты и убогіе. Не вѣнцу царскому радовался Стефанъ, и не драгоценной багряницѣ, почитая все это тлѣннымъ и скоропреходящимъ, а радовался болѣе великому собранію своего народа и благолѣпію храма, котораго былъ ктиторомъ,—ибо не щадилъ для него своихъ сокровищъ: церковь эта представлялась какбы земнымъ небомъ. На другой день, архіепископъ снова призвалъ державнаго брата, облеченнаго всѣми знаками царской своей власти, и весь его синклитъ и, возсѣвъ среди ихъ на престолѣ вмѣстѣ съ кралемъ, преподавалъ народу слово Божіе: онъ внушалъ всѣмъ быть твердыми въ вѣрѣ отеческой и чуждаться ересей, непрестанною молитвою отражать искушенія враговъ невидимыхъ и сознаваться въ своихъ заблужденіяхъ, когда кто одержимъ какою либо ересью, чтобы вѣрою и покаяніемъ обратиться къ православію,—ибо страшно власть въ руки Бога живаго.

Внимая сему оглашенію, всѣ засвидѣтельствовали предъ святителемъ, что они вѣруютъ такъ, какъ онъ повелѣваетъ имъ, и исповѣдуютъ такъ, какъ учитъ ихъ. Послѣ сего, святой Савва, со всѣми епископами, приступилъ къ совершенію божественной литургіи. Когда вошли они въ алтарь и возсѣли на горнее мѣсто для слушанія Апостола, сопрестольникъ апостольскій, послѣ словъ евангельскихъ, съ высоты горняго мѣста, сперва самъ во услышаніе всѣхъ исповѣдалъ символъ вѣры, потомъ повелѣлъ произнести его самодержцу Стефану, первовѣнчанному кралю, и всѣмъ его вельможамъ, а за ними и всему народу, который, по слову святителя, долженъ былъ повторить его; потомъ троекратно приказалъ всѣмъ громко произносить за собою: «Пріемлемъ всѣ соборы въ различныя времена и въ разныхъ мѣстахъ сошед-

шихся святыхъ отецъ для утвержденія православной вѣры; отъ кого они отрекались, и мы отрекаемся, кого проклинали, и мы проклинаемъ. Поклоняемся же и цѣлуемъ всечестный образъ человѣческаго насъ ради воплощенія Христа, Слова Божія и Отчаго; покланяемся и цѣлуемъ образъ Пречистыя Его Матери, и Сію Приснодѣвою и сущею Богородицею исповѣдуемъ; покланяемся святому древу честнаго креста и цѣлуемъ его, ибо на немъ, Животъ всѣхъ, пригвоздился Христосъ; покланяемся божественнымъ и святымъ Тайнамъ Христа Бога нашего и, съ вѣрою причащаясь имъ, приедемъ не простой хлѣбъ и вино, а самую плоть Христа Бога нашего и самую святую и животворящую кровь Его, изліянную за животъ міра; покланяемся святымъ божественнымъ церквамъ и святымъ мѣстамъ, почитаемъ и священные сосуды, покланяемся и образамъ всѣхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, достойно чтимъ ихъ и цѣлуемъ, слѣдуя апостольскимъ преданіямъ и правиламъ святыхъ отецъ: такъ вѣруемъ и такъ исповѣдуемъ; всѣхъ же еретиковъ и всю ересь ихъ злую проклинаемъ.»

Изъ этого исповѣданія и отреченій видно, противъ какой ереси они особенно были направлены: павликіяне или богомилы въ то время свирѣпствовали въ Болгаріи и, педвигаясь далѣе къ западу, полагали начало протестанству, отвергавшему священное преданіе Церкви. Умилительное было зрѣлище всенароднаго собранія въ храмѣ, гласно исповѣдующаго свою вѣру и обличающаго ересь. Такъ нѣкогда собирались всѣ на Іорданъ къ Іоанну Предтечѣ, когда очищеніе наше, Самъ Господь Іисусъ, крестился посреди грѣшниковъ, чтобы очистить ихъ отъ грѣховъ. Савва, какбы другой Предтеча, стоялъ посреди народа и всѣмъ вопіялъ: «покайтесь!» Стефанъ краль, нравомъ нетерпѣливый, стоялъ здѣсь кротко, изумлялся неслыханному у нихъ дѣлу братнему и многими слезами покаянія обливаль помость.

И на третій день Савва созывалъ въ архіепископію синклитъ и народъ, поучалъ всѣхъ правой вѣрѣ, безъ которой не пользуются благія дѣла, и внушалъ болѣе всего соблюдать святыя догматы. Преподавъ всѣмъ миръ и благословіе, онъ отпустилъ краля и благородныхъ его во свояси, а исповѣдавшихъ ересь удержалъ при себѣ въ церкви, для болѣе тщательнаго испытанія: здѣсь некрещенныхъ, огласивъ по чину церковному, сподобилъ онъ святаго крещенія, а державшихъ латинскую ересь, по истинномъ исповѣданіи, утвердилъ въ православіи святымъ миропомазаніемъ. Такъ научилъ онъ дѣйствовать и своихъ епископовъ, а многихъ благочинныхъ пресвитеровъ послалъ по церковной своей области — освятить таинствомъ брака тѣхъ, которые взяли за себя женъ безъ благословенія, хотя бы они были уже въ старости и имѣли дѣтей. Самъ же святой Савва, проходя всю свою землю, утверждалъ въ православіи народъ, очищалъ нравы, возбуждалъ въ покаянію, устанавливалъ церковныя службы и привлекалъ всѣхъ къ соборной апостольской Церкви, обѣщая имъ милость брата своего краля и отлучая отъ Церкви заколѣтыхъ еретиковъ.

Царское вѣнчаніе Стефана возбудило зависть въ кралѣ угорскомъ, который не могъ радоваться величію Сербіи и объявилъ ей войну. Смутился Стефанъ, неприготовленный къ брани, и просилъ святаго брата своего идти умиротворить врага. Благодушествовалъ Савва, и, возложивъ упованіе на Бога, смѣло пошелъ въ Венгрію, гдѣ собралось уже много комановъ, чтобы идти на сербскую землю. Съ честію принять былъ Савва, какъ святитель и царскій братъ, но благое слово его сперва не подѣйствовало, — какъ непреклонный кипарисъ, не внималъ ему краль; однако упованіе Саввы не ослабѣло. Знойный былъ день: посреди жаркой бесѣды святитель пожелалъ прохладить жажду свою холодною водою; посланъ былъ служитель принести немного льда, но

въ великомъ смятеніи возвратился съ вѣстію, что отъ чрезвычайнаго жара ледъ весь растаялъ. Кралеь огорчился, а свя-
тый, поднявъ къ небу преподобныя руки, просилъ Господа, молитвами Богородицы и преподобнаго отца его Сумеона, сотворить знаменіе, для обличенія людей ожесточенныхъ, и послать градъ съ небеси, чтобы прохладить народъ. Внезапно, по его молитвѣ, блеснула молнія, прокатился громъ и разсыпался градъ широкою полосою на всю окрестность. Ужаснулся кралеь съ бывшими съ нимъ, и отъ страха взывалъ: «Господи помилуй!» Потомъ, по слову святителя, страшная буря опять стихла. Савва велѣлъ собрать полный сосудъ града, и сперва самъ вкусилъ отъ него, какбы отъ нѣкоего благословенія, потомъ поднесъ кралею и сказалъ: «такъ какъ у твоего королевства не было льда, то я испросилъ эту прохладу у Творца временъ, и Господь, отъ своихъ неоскудныхъ сокровищъ, даровалъ мнѣ ледъ, чтобы я могъ подать его и тебѣ въ благословеніе.»

Съ благоговѣніемъ принялъ кралеь подносимый ему даръ Божій и умилился въ своемъ сердцѣ, — и не только онъ, но и всѣ его вельможи съ любовію приходили поклониться святому, прося его быть у нихъ приснымъ гостемъ и простить все сказанное вопреки ему. Всѣ просили его благословенія и цѣловали его власяницу, ибо видѣли въ немъ чловека Божія: ради него измѣнили враги прежнюю вражду свою къ Сербіи на твердую любовь. Особенно полюбилъ святаго Савву кралеь, уважая его какъ отца своего и учителя, и пожелалъ исповѣдать предъ нимъ всѣ грѣхи своей жизни и свою вѣру, чтобы убѣдиться, въ истинѣ ли онъ пребываетъ. Святитель съ любовію принялъ его покаяніе, и внушилъ ему отречься отъ ереси латинской, чтобы затѣмъ держаться уже православія. Послѣ троекратнаго отреченія отъ ереси и исповѣданія вѣры, архіепископъ приобщилъ его святыхъ Таинъ и наставилъ въ добромъ ученіи. Утѣшенный кралеь съ миромъ

и благословеніемъ отпустилъ Савву къ брату его Стефану со многими дарами. О кралѣ венгерскомъ говорятъ, что онъ до самаго конца своей жизни помнилъ поученіе святаго и сохранилъ православіе, отличаясь истиннымъ смиреніемъ и наипаче любовію къ нищимъ: когда же этотъ блаженный Владиславъ преставился къ Богу, Господь прославилъ его чудесами; венгры и донинѣ хвалятся, что имѣютъ у себя мощи святаго и чудодѣйственнаго краля.

Вскорѣ послѣ умиротворенія съ Владиславомъ, Стефанъ краль объятъ былъ тяжкою болѣзнію: призвавъ брата, онъ молилъ облечь его во святой ангельскій образъ, но блаженный Савва отрекался, говоря, что, когда придетъ время, онъ самъ напомнитъ о томъ: Стефанъ, между тѣмъ, на краткое время получилъ облегченіе. Но едва только архіепископъ возвратился на свою кафедру, какъ болѣзнь опять усилилась,— и тогда братъ снова написалъ ему плачевное посланіе, въ которомъ умолялъ поспѣшить пріѣздомъ, если только захочетъ застать его въ живыхъ. Однако, какъ ни спѣшилъ блаженный Савва, братъ не дождался его: а безъ святаго никто не смѣлъ постричь его, и никому изъ сыновъ своихъ не могъ онъ завѣщать свое царство, говоря: «Не мое оно, а Божіе и потрудившагося о немъ владыки брата моего. Какъ мнѣ сперва дано было оно молитвою его и благословеніемъ, такъ и нынѣ пусть онъ же вручитъ его, кому Богъ наставитъ.»

Дѣти и всѣ вельможи плакали надъ нимъ и приготовлялись къ погребенію, а святаго Савву послали предварить, чтобы онъ не утруждалъ себя спѣшнымъ путемъ, потому что братъ его уже преставился, хотя и не въ иноческомъ образѣ. Оружіе прошло душу святителя, когда услышалъ онъ о кончинѣ братней; сошедши съ быстрого коня, онъ много плакалъ,—но не ропталъ, а взывалъ: «слава Господу о всемъ!» Но еще болѣе, чѣмъ о кончинѣ, святой Савва скорбѣлъ о томъ, что державный не успѣлъ воспріять иноческаго обра-

за, и жестоко укорялъ себя въ этомъ лишеніи: впрочемъ, не терялъ упованія, но воззвалъ къ Богу отца своего, Господу Иисусу, который прослезился надъ умершимъ Лазаремъ, воскресилъ его четверодневною, возвратилъ къ жизни сына вдовицы и дочь Іаира, и молилъ Его съ твердою вѣрою, «чтобы Онъ удержалъ въ тѣлѣ душу раба Своего Стефана только до наступающей ночи, чтобы возможно было ему, по желанію, воспріять ангельскій образъ, утраченный ради его замедленія.» Послѣ пламенной молитвы, онъ воскликнулъ: «на Тя, Господи, уповаю, да не постыдимся во вѣки!»—и, сѣвъ на коня, устремился въ путь еще быстрѣе.

Пришедши въ царскія палаты, онъ удалилъ всѣхъ плачущихъ и, горькими слезами окропивъ лицо усопшаго, втайнѣ помолился тайновѣдцу Богу, положилъ руку свою на сердце брата и, во имя Святыя Троицы, осѣнилъ его знаменіемъ честнаго креста. Внезапно ощутилъ онъ, что сердце бьется подъ его рукою, и согрѣвается холодное тѣло брата. Возрадовался духомъ Савва, и сказалъ плачущимъ дѣтямъ и народу: «не плачьте и не дѣлайте молвы: не умеръ краль, а спить, и душа его въ немъ», и, какбы возбуждая его отъ сна, говорилъ: «встань, владыка мой, встань!» Стефанъ открылъ очи свои, объятый смертнымъ сномъ, узналъ святаго, поцѣловалъ его руку и, поддерживаемый имъ, сѣлъ. Святитель немедленно облекъ его въ ангельскій образъ, измѣнивъ царское имя Стефана на иноческое Сүмеона; потомъ привелъ къ нему старшаго сына его Радослава, повелѣвая передать ему кралевство, и краль-инокъ сказалъ: «я вручаю ему царство властію скиптра, а ты—благословеніемъ молитвы.» Сүмеонъ цѣловалъ иноческое свое одѣяніе съ любовію, радуясь власяницѣ своей больше, чѣмъ царской багряницѣ. Потомъ архіепископъ приобщилъ его божественныхъ Таинъ, возблагодарилъ Бога, что Онъ услышалъ молитвы его, говоря: «пріими паки, Господи, пріими въ мирѣ душу его, чтобы,

чрезъ воздвиженіе его, равно какъ и чрезъ преставленіе, одинаково прославилось святое имя Твое!» Пока Савва молился, инокъ Сүмеонъ, въ его объятіяхъ, предалъ Господу душу свою, въ радости сердечной, такъ что общая печаль превратилась въ радостное изумленіе. Савва, со всеѣмъ освященнымъ соборомъ и синклитомъ, проводилъ тѣло усопшаго до великой Студеницы, и тамъ положилъ его близъ гроба святаго родителя.

8. СТРАНСТВОВАНІЯ САВВЫ ВО СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ.

Послѣ преставленія первовѣнчаннаго краля, святой архіепископъ вѣнчалъ на царство и старшаго сына его Радослава, въ кафедральной своей церкви Житчахъ, и, утвердивъ въ рукахъ его скипетръ сербской земли, самъ недолго остался съ нимъ. Давно уже было у него сердечное желаніе посѣтить святую землю и поклониться мѣстамъ, гдѣ совершились страданія Христовы. Напрасно удерживали его краля, епископы и вельможи: они принуждены были наконецъ отпустить его въ долгій путь, въ надеждѣ на его возвращеніе. Радославъ, готовый уступить ему и весь царскій свой домъ, далъ ему много золота. Сперва святитель направился въ Далматію, а оттуда моремъ, на своемъ кораблѣ, въ святую землю; благополучно достигъ восточныхъ предѣловъ и, вошедши во святой градъ, со слезами облобызалъ святой гробъ Христовъ и страшную Голгоѳу. Въ Іерусалимѣ съ честію принялъ его патріархъ Аѳанасій и вмѣстѣ съ нимъ служилъ божественную литургію въ великомъ храмѣ Воскресенія. Потомъ, съ патріарнаго благословенія, странствовалъ онъ по всей его области, и вездѣ на святыхъ мѣстахъ со-

вершалъ литургію: на Сіонѣ, въ Виѳлеемѣ, Геѳсиманіи, на Елеонѣ, въ Виѳаніи, въ великой пустынѣ Четыредесятницы, и вездѣ раздавалъ обильную милостыню. Затѣмъ пошелъ онъ на Іорданъ, на мѣсто Божоявленія, и, по ту сторону его, поклонился пещерной церкви святаго Крестителя, гдѣ былъ принятъ съ любовію отъ всей братіи, совершилъ божественную службу, и далъ милостыню пустыннымъ. Они проводили его опять чрезъ Іорданъ въ обитель святаго Герасима, а оттуда въ великую лавру тезоименитаго ему Саввы, гдѣ нѣ сколько отдохнулъ онъ отъ трудовъ своихъ. Въ лаврѣ, братія вручила ему пастырскій жезлъ своего аввы, по древнему завѣщанію, переходившему у нихъ изъ рода въ родъ, — чтобы жезлъ сей отданъ былъ не кому иному, какъ святителю, носящему имя Саввы: посохъ этотъ до сихъ поръ хранится въ одной пустынной келіи Аѳона, называемой Патерица.

Не уклонился онъ также и отъ посѣщенія пустыни и всѣхъ мѣстъ, ознаменованныхъ страдальческими подвигами освященнаго Саввы и всѣхъ преподобныхъ, постившихся около его лавры, и пустился по юдоли плачевной, къ Мертвому морю, заходилъ въ пещерныя келіи молчальниковъ, жившихъ какбы уже внѣ плоти, умилялся ангельскому ихъ житію и наслаждался духовною бесѣдою: обогатившись же молитвами ихъ, возвратился онъ въ лавру, которую одарилъ больше всѣхъ монастырей. Святый Савва не миновалъ и пустынной лавры великаго Евфимія и обители Θεодосія Киновіарха, и такимъ образомъ совершилъ весь пустынный обзоръ вокругъ Сіона. Изъ Іерусалима отправился онъ въ Назаретъ и на Өаворъ, потомъ опять возвратился въ святой градъ, гдѣ съ любовію былъ встрѣченъ патріархомъ: всѣ удивлялись постническимъ его трудамъ. Въ свободное время совѣщался онъ съ Аѳанасіемъ о правилахъ церковныхъ и, научая другихъ, учился самъ. Въ Іерусалимѣ и въ окрестныхъ обителяхъ, пріобрѣлъ онъ много святыхъ мощей и священной утвари,

на благословеніе своему отечеству, и опять совершивъ божественную службу въ великой церкви, вмѣстѣ съ патриархомъ, пустился къ дальнѣйшій путь.

Окормляемый Богомъ, святитель благополучно отплылъ изъ Акры и достигъ Nikei. Греческая держава тогда раздѣлилась на двое: въ Солуни царствовалъ Θεодоръ, который впоследствии взятъ былъ въ плѣнъ и ослѣпленъ болгарскимъ царемъ Асаномъ; а въ Nikei тридцать пять лѣтъ мощною рукою держалъ скиптръ Кало-Іоаннъ Ватацій, и это продолжалось почти до освобожденія Царьграда. Ватацій съ великою честью принялъ святаго Савву и многіе дни держалъ у себя чтимаго всѣми святителя. Императоръ благословилъ его честнымъ древомъ креста Господня, святыми мощами, драгоценною утварью, и на вооруженныхъ судахъ со многими дарами отпустилъ на святую гору. Царское и свое собственное золото блаженный Савва щедрою рукою расточалъ по обителямъ, гдѣ съ необычайною любовію встрѣченъ былъ опять протомъ, игуменами и всею братіею. Долгое время пробылъ онъ въ Хиландарѣ, поклонился упраздненному гробу отца своего и направился въ Солунь: тамъ съ равною почестью принятъ былъ другимъ императоромъ— Θεодоромъ, который желалъ соблюсти миръ съ сербскою землею. Когда достигла вѣсть къ сербскому кралу Радославу, о возвращеніи дяди его, — самъ онъ со всѣми присными выѣхалъ къ нему далеко навстрѣчу, и оба возрадовались вождельному свиданію.

Тотчасъ по пріѣздѣ, святой Савва поспѣшилъ въ лавру Студеницы—поклониться гробу отца своего, облагодухаться мромъ его и умаститъ имъ труженическіе свои члены. Отдохнувъ отъ дальняго пути, призвалъ онъ епископовъ и игуменовъ, въ день памяти первовѣчаннаго крала, чтобы совершить божественную службу, и, открывъ гробъ, обрѣлъ мощи его нетлѣнными, причемъ церковь исполнилась благо-

уханія. Тогда поднялъ прославленное тѣло почившаго и изъ лавры перенесъ его въ великую соборную церковь, созданную имъ въ Житчахъ: тамъ опять совершилъ божественную службу и, устроивъ трапезу на повиновеніе души его, щедро угостилъ нищихъ. Потомъ обошелъ онъ всю сербскую землю, всѣхъ утверждалъ въ вѣрѣ, а въ обителяхъ исправлялъ иноческіе уставы, по образцу аѳонскихъ и палестинскихъ. Богатымъ міра сего внушалъ апостольски, невысокомудрствовать и, болѣе нежели на свои богатства, уповать на благія дѣла, не забывая, что и они изъ той же персти, какъ и убогіе: воиновъ, по слову Крестителя, убѣждалъ удерживаться отъ обидъ и неправеднаго хищенія; всѣхъ возбуждалъ къ любви христіанской и призрѣнію нищихъ, всѣхъ призывалъ къ покаянiю, къ милованію сиротъ и вдовицъ, къ искупленію плѣнныхъ, къ уваженію духовныхъ лицъ и святыни, — и такою проповѣдію просвѣщалась вся земля сербская.

Между тѣмъ, лестію діавольскою, снова возникли междоусобія единокровныхъ: меньшій братъ Владиславъ возсталъ на старшаго, ибо краль Радославъ, вначалѣ всѣми хвалимый, впоследствии предался женской любви и началъ дѣйствовать безразсудно; вельможи его, избѣгая гоненій, передавались меньшему брату, — и святой Савва, сколько ни старался умиротворить братьевъ, не могъ достигнуть этой благой цѣли. Радославъ былъ изгнанъ, и бѣжалъ въ городъ Драчи (Диррахіумъ), гдѣ вскорѣ лишился обольстившей его жены, которую, ради ея красоты, отнялъ у него одинъ сильный франкскій властитель того города. Самъ Радославъ едва спасся отъ смерти бѣгствомъ и укрылся подъ сѣнь святаго дяди, который убѣдилъ его принять ангельскій образъ. Послѣ краткаго подвига въ иночествѣ, инокъ Іоаннъ, бывшій краль Радославъ, мирно преставился къ Господу. Тогда святитель благословилъ и вѣнчалъ на царство меньшаго племянника Владислава, который хотя и незаконно принялъ власть, но

оправданъ былъ потомъ судьбами Божиими. Это было въ 1230 году. Савва обручилъ его съ дочерью краля болгарскаго и загорскаго Асана, чтобы этимъ брачнымъ союзомъ еще болѣе утвердить престолъ сербскій.

Однимъ изъ первыхъ дѣяній Владислава было созданіе новой обители, называемой Милешево, во имя Вознесенія Господня, ибо онъ былъ во всемъ послушенъ святителю и принималъ съ любовію каждое его слово, какбы посланное ему свыше отъ Бога. Радовался святой Савва духовному процвѣтанію земли сербской, украшавшейся благочестіемъ и храмами Божиими,—радовался, что не тщетны были труды его. Между тѣмъ видя, что уже совершилъ свой подвигъ, пожелалъ онъ исполнить давнее желаніе своего сердца—окончить дни свои странникомъ въ землѣ чужой. Эту тайную свою мысль Савва открылъ Владиславу, и, хотя краля и присные его не хотѣли и слышать о такой разлукѣ, однако не могли побѣдить твердаго его намѣренія. Савва объявилъ имъ, что хочетъ идти на гору Синайскую и потомъ, возвратившись къ нимъ, пребывать въ безмолвіи. Созвавши всѣхъ епископовъ, онъ еще однажды училъ ихъ твердо держаться преданій апостольскихъ, предъ всѣми свидѣтельствовать истину и внимать стаду, которое предалъ имъ Господь. Въ кафедральной своей церкви, предъ всѣмъ соборомъ и синклитомъ, избралъ онъ на свое мѣсто одного изъ учениковъ своихъ, іеромонаха Арсенія, котораго испыталъ какъ мужа преподобнаго и богобоязненнаго, рукоположилъ его во епископа и, поставивъ на архіерейской своей кафедрѣ, поручилъ его любви самодержца: потомъ преподалъ всѣмъ прощальное благословеніе и послѣднее о Христѣ цѣлованіе, и снова взялъ странническій свой посохъ, чтобы идти въ дальній и невозвратный путь.

Святитель опять отплылъ Адриатическимъ моремъ въ Палестину, а между тѣмъ, разнеслась молва, будто онъ везетъ

съ собою много сокровищъ, и, скрывавшіеся въ заливахъ, морскіе разбойники хотѣли было схватить его; но Господь покрылъ мглою корабль угодника Своего и такимъ образомъ спасъ его отъ хищниковъ, которые увидѣли его уже въ безопасной пристани бриндской. Тогда, принявъ на себя личину раскаянія, они вышли на берегъ къ святому, исповѣдывали предъ нимъ злое свое намѣреніе и просили молитвъ его. Незлобивый Савва принялъ ихъ великодушно, какбы сострадая напрасному труду ихъ, и, надѣливъ ихъ дарами, безбоязненно пустился опять въ морское плаваніе. Послѣ нѣсколькихъ дней, поднялась страшная буря, вѣтры бушевали, волны вливались въ корабль, и на море палъ сумракъ ночной: руки корабельщиковъ опустились, и самъ кормчій отчаялся въ спасеніи; такую тяжкую скорбь навелъ Господь на Своего избранника, испытывая его любовь и вѣру. Тогда всѣ бывшіе на кораблѣ приступили къ святому и говорили: «погибаемъ, отче, и надѣемся спастись только твоими молитвами!» Но святой отвѣчалъ имъ: «чада моя, молитесь вмѣстѣ со мною Тому, чье мы созданіе, ибо я человекъ грѣшный, и эта пагуба постигла васъ ради меня». Однако они еще сильнѣе вzywали: «помилуй насъ, отче, мы приходимъ въ отчаяніе», — и, припадая къ ногамъ его, умоляли испросить имъ милосердіе у Господа. Тогда святитель Божій повелѣлъ имъ прекратить плачь и втайнѣ, безмолвною молитвой, молиться о себѣ и о бывшихъ съ ними на кораблѣ. Потомъ приказалъ онъ своимъ ученикамъ поднять себя и держать, ибо стоять отъ морскаго волненія было невозможно, а людямъ на кораблѣ вzywать: «Господи помилуй!» — и началъ пламенно молиться Тому, Кто, нѣкогда возбужденный посреди бури Своими учениками, запретилъ морю и вѣтрамъ. Вслѣдъ за тѣмъ, съ великимъ дерзновеніемъ къ Богу, простеръ онъ руки противъ вѣтра и высоко воздымавшихся волнъ. и, осѣнивъ ихъ знаменіемъ креста, запретилъ имъ именемъ

Творца стихій: тогда, при имени Господа Іисуса, вѣтры и море внезапно унялись, волны въ немъ сокрушились, и снова просіяло солнце. Послѣ сего, бывшіе на кораблѣ въ ужасѣ прославили Бога и Его угодника, а святой смиренно относилъ это чудо къ ихъ молитвамъ, и внушалъ имъ исправить свою жизнь.

Достигнувъ акрской пристани, святитель водворился на покой близъ церкви святаго Георгія, на подворьѣ лавры святаго Саввы Освященнаго, которое, во время перваго своего путешествія, выкупилъ изъ рукъ франковъ и возвратилъ лаврѣ. Жители города, услышавъ отъ корабельщиковъ о совершенномъ чудѣ, приходили посмотрѣть на человѣка Божія и принять его благословеніе. Изъ Акры, чрезъ Кесарію и Яффу, достигъ онъ опять святаго града, и тамъ остановился въ своей обители, въ домѣ Іоанна Богослова, который выкупилъ также изъ рукъ сарацинскихъ. Вмѣстѣ съ игуменомъ и лаврскою братіею святаго Саввы, вошелъ онъ въ свѣтлый храмъ Воскресенія и поклонился святой Голгоѣѣ и всѣмъ мѣстамъ страданія Господня, проливая радостныя слезы. Патріархъ іерусалимскій Аѳанасій, услышавъ о вторичномъ пришествіи знакомаго ему святителя, поспѣшилъ въ храмъ, привѣтствовалъ его и пригласилъ къ себѣ на трапезу. Приходу его обрадовались всѣ нищіе святаго града и всѣ устремились къ нему, какбы къ отцу своему: тутъ опять обильно потекла его милостыня во всѣ обители.

Принявъ благословеніе отъ патріарха, направился онъ въ Александрію, гдѣ съ усердіемъ поклонился храму евангелиста Марка, и съ честію принятъ былъ патріархомъ, который давно ожидалъ его: въ дружеской съ нимъ бесѣдѣ, узнавъ какого отца онъ сынъ, какъ оставилъ свой престолъ и отплылъ путникомъ ко святымъ мѣстамъ, ради любви Христовой, патріархъ дивился подвигу его и сблизился съ нимъ въ чувствѣ святой любви. Оба святителя много бесѣдовали другъ

съ другомъ о дѣлахъ духовныхъ и разстались со взаимными дарами. Святый Савва пожелалъ видѣть отшельниковъ пустыни египетской, надѣясь встрѣтить въ ней такихъ же подвижниковъ, какіе бывали тамъ искони, и патріархъ отпустилъ съ нимъ опытныхъ мужей, чтобы удовлетворить благочестивой жаждѣ его. Помолившись въ великомъ городѣ Александріи, въ церкви безсребренныхъ Кюра и Іоанна и мученика Мины, Савва пошелъ въ пустынный путь свой, на край Ливіи и въ Мареоту,—подивиться ангельскому жительству молчальниковъ и обогатиться духовною ихъ бесѣдою: прошелъ онъ всю пустыню скитскую и проникъ во глубину Фиваиды, гдѣ, какъ солнечные лучи, просіявалъ священный сонмъ ихъ; всѣ пустынники сдѣлались участниками щедрой его милостыни.

Послѣ сего Савва возвратился въ Іерусалимъ и предпринялъ новое странствованіе въ—Вавилонъ, чтобы оттуда пройти на Синайскую гору. Миновавъ пустыню іорданскую, успокоился онъ въ обители Богоматери Каламони, гдѣ Сама Пречистая Дѣва, съ предвѣчнымъ Своимъ Младенцемъ и обручникомъ Іосифомъ, отдыхала во время бѣгства въ Египетъ. Оттуда отправился онъ въ замокъ Каракъ, или аравійскую Петру, на южной оконечности Мертваго моря и, по трудномъ шествіи чрезъ пустыню, достигъ наконецъ Вавилона. Онъ послалъ учениковъ своихъ къ владѣвшему тѣмъ краемъ султану—просить себѣ дома для жилища и, хотя этотъ сарацинскій властитель враждебенъ былъ христіанамъ, однако смирился предъ нимъ, какбы объятый невольнымъ страхомъ, и велѣлъ приготовить ему приличное жилище. Въ церкви трехъ вавилонскихъ отроковъ, съ любовію принятый христіанскимъ митрополитомъ, святый Савва вмѣстѣ съ нимъ, представлялся султану, который встрѣтилъ его съ особенною честію, велѣлъ удовлетворить всѣмъ его нуждамъ и проводить со всею безопасностію къ египетскому султану, въ Каиръ.

И этотъ властитель принялъ его также благосклонно, назначивъ ему для пребыванія древнюю митрополию, гдѣ Матерь Божія три года пребывала съ предвѣчнымъ Младенцемъ въ Египтѣ.

Утѣшенный пришествіемъ святаго Саввы, дивился митрополитъ Каира, какими почестями осыпалъ его султанъ, еще никому изъ христіанъ до того времени такъ не благопріятствовавшій. Испросивъ себѣ благословеніе у митрополита старцаинока, Савва углубился опять въ пустыню, посѣтилъ обители великихъ подвижниковъ Антонія и Арсенія, и со слезами любви привѣтствовалъ вольныхъ страдальцевъ, спасавшихся тамъ по слѣдамъ святыхъ отцевъ. Египетскій султанъ, узнавъ, что святитель хочетъ посѣтить Синайскую гору, ради царскаго его рода, послалъ къ нему своихъ вельможъ, съ богатыми дарами индійскихъ ароматовъ и финиковъ, коней для пути и охранную стражу. Вельможи сарацинскіе съ благоговѣніемъ прикасались къ его одеждѣ и говорили, что еще никто подобный ему не приходилъ къ нимъ изъ христіанъ, и что во-истину это—человѣкъ Божій. Благополучно достигнувъ Синая, онъ поклонился мѣсту неопалимой купины; епископъ синайскій, заступавшій иѣсто игумена, любезно принялъ его и возвелъ на вершину горы, гдѣ бесѣдовалъ Господь съ Моисеемъ. Въ обители пустынной святой Савва провелъ всю четырехдесятницу, въ строгомъ подвигѣ, и всякую субботу восходилъ на вершину священной горы, совершая тамъ всенощное бдѣніе, къ утру же возвращался въ обитель Преображенія, къ божественной службѣ.

Въ эту великую лавру пожертвовалъ онъ много золота, записавъ въ синодикъ ея имена своихъ присныхъ, родителей и братій, и благополучно возвратился оттуда въ Іерусалимъ. Тамъ, въ послѣдній разъ, отслужилъ божественную литургію, въ храмѣ Воскресенія, усердно помолился о царяхъ христіанскихъ и о церкви Господа надъ Его гробомъ, и,

съ обильными слезами облобызавъ святой гробъ и Голгоѳу, простился съ патриархомъ Аѳанасіемъ. Изъ Іерусалима святой Савва направился въ великую Антиохію, гдѣ также встрѣченъ былъ съ любовію патриархомъ, и много бесѣдовалъ съ нимъ о дѣлахъ церковныхъ. Съ людьми патриаршими посѣтилъ онъ обитель святаго Сүмеона Дивногорца, и поклонился его гробу. Много даровъ оставилъ святой Савва въ Антиохіи, а патриархъ, съ своей стороны, одарилъ его мощами святыхъ. Потомъ прошелъ онъ всю Арменію и, чрезъ предѣлы турецкіе опять достигъ берега морскаго, чтобы плыть въ Царьградъ.

9. ПРЕСТАВЛЕНІЕ СВЯТАГО САВВЫ.

Это было послѣднее странствованіе святаго Саввы. Отъ многихъ трудовъ и морскаго плаванія болѣльнъ одолѣла его, и негдѣ было ему выдти на берегъ, чтобы получить хоть какую нибудь ослабу; душа его была близъ смерти, и ученики недоумѣвали, что имъ дѣлать. Со слезами приступили они къ болящему и говорили: «теперь, какъ и всегда, Богъ послушаетъ тебя: такъ помолись Ему по крайней мѣрѣ ради насъ о спасеніи твоей жизни, пока мы не достигнемъ какой либо знакомой земли, и ты не изведешь насъ, отче, изъ этой пучины къ вѣрнымъ людямъ: вѣдь если не будетъ тебя съ нами, насъ продадутъ въ рабство иноплеменнымъ, или, ради несомаго нами богатства, бросятъ въ пучину!» — «Не скорбите чада и не унывайте», сказалъ имъ святой: «уповаю на Бога, что ни одна изъ представляемыхъ вами бѣдъ не коснется насъ». При этомъ ученики умоляли его обрадовать души ихъ и вкушеніемъ пищи, чтобы не умереть ему отъ многодневнаго голода. Но все, что ни подносили они болящему, не

было ему по вкусу; одно только, казалось, могло бы быть ему полезно, — пища свѣжая: однако, когда ученики начали просить о томъ начальника корабля, онъ грубо укорилъ ихъ за безразсудное прошеніе, ибо корабль быстро неся по волнамъ и ни откуда не было видно берега.

Этотъ суровый отвѣтъ корабельщика передали они Саввѣ, и онъ отвѣчалъ: «воля Господня да будетъ о мнѣ!» Въ эту минуту, поднявшаяся волна выплеснула на корабль, къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ труженикъ, большую рыбу, нисколько не обрызгавъ его плескомъ. Онъ съ умиленіемъ принялъ даръ, посланный ему отъ Бога, и велѣлъ приготовить свѣжую пищу, не только для себя, но и для всѣхъ бывшихъ на кораблѣ. Изумился начальникъ судна и, принавши къ ногамъ святаго, просилъ прощенія за суровое слово, чтобы благополучно довершить плаваніе. Вкушеніе свѣжей пищи внезапно укрѣпило силы болящаго, такъ что уже незамѣтно было въ немъ никакого ослабленія; окрыляемый Богомъ, переплылъ онъ великую пучину и достигъ царствующаго града. Тамъ, поклонившись святымъ церквамъ, отдохнулъ въ обители Эвергетиссы, собиралъ для своей земли святыя мощи и церковныя сосуды. Такъ окончилъ Савва свое странствованіе, обтекши какбы на крыліяхъ всю Палестину, Сирію и Персію, Вавилонъ, Египеть и Анатолию, повсюду посѣщая святыя мѣста, вездѣ отыскивая великихъ старцевъ, съ которыми могъ бы духовно побесѣдовать, и собирая священные останки святыхъ.

Изъ Царьграда отплылъ онъ опять на кораблѣ въ загорскую землю, потому что хотѣлъ видѣть свата своего Асана, краля болгарскаго, котораго дочь была за племянникомъ его Владиславомъ. Изъ приморскаго города Месемвріи, подалъ онъ вѣсть о себѣ Асану, и краль немедленно прислалъ дружину свою, слугъ и коней, чтобы безопасно довести святителя до столичнаго города Тырнова. Въ Тырновѣ державный

съ любовію встрѣтилъ его и, ради тогдашней стужи, помѣстилъ въ теплыхъ своихъ палатахъ. Насталъ свѣтлый праздникъ Богоявленія: краль и блаженный патріархъ болгарскій Іоакимъ пригласили его освятить воду въ навечеріи, а патріархъ долженъ былъ совершить это освященіе на утро. Святый Савва охотно согласился на это, и когда прочиталъ надъ крещальницею молитвы освященія, да крестообразно благословилъ воду, она трижды разступалась въ купѣли подъ его рукою, и оная трижды чуднымъ образомъ соединялась подъ нею. Окропивъ краля и всѣ его палаты въ самый день Богоявленія, святитель сербскій, вмѣстѣ съ патріархомъ, участвовалъ въ царской трапезѣ.

Вскорѣ послѣ сего Асанъ собрался на охоту въ нижніе предѣлы Болгаріи, и просилъ святаго пробить у него до свѣтлаго праздника, ради зимней стужи, причемъ заповѣдалъ своимъ, чтобы въ царскихъ палатахъ все было къ его услугамъ. По отшествіи краля, святителя постигла болѣзнь: онъ почувствовалъ, что это уже Божіе призваніе, и поручилъ своимъ ученикамъ, изъ всей принесенной имъ съ Востока святыни и драгоцѣнной утвари, одну часть отнести въ его архіепископію, а другую въ лавру Студеницы. Съ ними же Савва послалъ миръ и благословеніе кралю Владиславу, намѣстнику своего престола — архіепископу Арсенію, и всему народу земли своей, при грамотахъ, а самъ остался только съ немногими избраными. И въ патріархію болгарскую далъ онъ священныя одежды и книги, окованные золотомъ, богато украшенные свѣщники и сосуды церковныя, которые долго сохранялись тамъ на память святителя; ущедрилъ онъ и нищихъ, не оставляя у себя ничего, чтобы облегчиться въ дальній путь, и благодарилъ Бога, что Онъ исполняетъ желаніе его предать душу въ странѣ чужой.

Въ эти дни приходитъ къ нему патріархъ Іоакимъ и, видя его уже при послѣднемъ издыханіи, предлагаетъ ему послать

вѣсть къ кралою; но святой не хотѣлъ утруждать державнаго, который и безъ того довольно уже благодѣтельствовалъ его своею милостію, даже просилъ и самого патріарха оставить его наединѣ, чтобы могъ онъ въ тишинѣ предать душу свою Господу; послѣ сего они дали другъ другу взаимное во Христѣ цѣлованіе, и патріархъ удалился. Въ полночь, на воскресенье, причастившись божественныхъ Таинъ, Савва произнесъ то же самое, что любилъ повторять всегда: «Слава Богу о всемъ!» и возвеселился духомъ, какъ будто пришелъ къ нему кто либо изъ присныхъ его; духовная эта радость была свидѣтельствомъ приближенія къ нему ангеловъ Божіихъ, ибо лицо его сіяло несказаннымъ свѣтомъ, выражая душевную чистоту. Такъ, до конца благодаря Господа, Савва предалъ въ руки Его святую свою душу; это было двѣнадцатаго января 1241 года. Блаженный Іоакимъ патріархъ, съ епископами своими, игуменами и начальниками города, недоумѣвали, гдѣ погребсти его, ибо святитель не оставилъ объ этомъ никакого завѣщанія. Необходимо было послать спросить Асана, и онъ сильно огорчился на патріарха, что не извѣстили его о болѣзни святаго мужа. Краль велѣлъ положить его въ великой церкви Сорока Мучениковъ, которую самъ соорудилъ въ своей столицѣ, и, по любви къ усопшему, роздалъ много милостыни нищимъ; потомъ, возвратившись съ охоты, Асанъ, прежде чѣмъ вступилъ въ царскій свой домъ, пришелъ поклониться гробу святаго, благодаря Господа, что онъ сподобилъ обитель его столь великаго сокровища. Немедленно велѣлъ онъ украсить мраморомъ гробницу святителя, покрыть ее багряницею и поставить сверху драгоценный свѣщникъ, являя ему по смерти ту же любовь, какую питалъ къ нему во время жизни его.

По прошествіи года, преемникъ святительскаго престола, архіепископъ Арсеній, поболѣлъ за святаго отца своего и учителя предъ благочестивымъ кралемъ Владиславомъ и ска-

завъ ему: «Странно и неприлично, предъ Богомъ и людьми, оставлять намъ святаго отца нашего, равноапостольнаго, отъ Христа дарованнаго намъ учителя, который подъялъ столь великіе подвиги и труды о землѣ сербской и украсилъ ее церквами, кралевствомъ, престоломъ архіепископскимъ и всѣми законами православія, и допустить, чтобы святыя мощи его пребывали внѣ своего отечества и престола. На тебѣ лежитъ забота— всѣми силами стараться перенести ихъ изъ чужой земли въ свою». Возрадовался краль предложенію святителя и послалъ почетнѣйшаго изъ своихъ вельможъ къ тестю своему кралою Асану, съ прошеніемъ возвратить ему тѣло святаго Саввы. Асанъ огорчился и отвѣчалъ: «еслибы святое тѣло его лежало у насъ безчестно и небрежно, праведно было бы просить его, для подобающей ему почести; но такъ какъ усопшему въ Бозѣ воздается у насъ такая же почестъ, какая была бы и у васъ, что видите вы сами, и покоится онъ въ храмѣ Божіемъ, то для чего утруждаете насъ и святаго напрасною просьбою?» Съ такимъ словомъ отпустилъ онъ посланныхъ.

Потомъ Владиславъ прислалъ къ тестю своему еще большее число благородныхъ мужей и умолялъ его: «если я обрѣлъ предъ тобою благодать, не затвори предо мною отеческой утробы и не оставь меня погруженнымъ въ глубокую скорбь, — даруй мнѣ святыя мощи отца моего и учителя, для возвращенія ихъ въ родную землю!»— Недоумѣвалъ краль болгарскій, что ему дѣлать; ибо не хотѣлъ лишить царства своего столь великой святыни, тѣмъ болѣе, что положилъ ее въ царской своей обители: призвалъ онъ на совѣщаніе патріарха и вельможъ, но всѣ они единогласно воспротивились прошенію сербскому, и говорили, что весь городъ Тырновъ вознегодуетъ, если ты удовлетворишь оному. Тогда краль Асанъ написалъ слѣдующее утѣшительное письмо къ зятю своему Владиславу: «Если Господу угодно

было, чтобы святитель упокоился въ нашихъ предѣлахъ, столь же вѣрныхъ Христу, то кто же я, чтобы воспротивиться волѣ Божіей? и какъ дерзну потревожить гробъ и святыя мощи, когда святой ничего не заповѣдалъ предъ смертію о своемъ перенесеніи?—Все, чего изволишь просить у меня, сынъ мой, исполню съ радостію, но перестань понуждать меня къ тому, что исполнить невозможно, ибо патріархъ, вельможи и весь городъ воспрепятствуютъ это».

Владиславъ, видя что тестъ его неумолимъ, а между тѣмъ опасаясь укоризны отъ своихъ людей и гнѣва Божія, за отчужденіе приснаго святителя, рѣшился самъ идти къ тестю, съ своими епископами и благородными мужами, а напередъ послалъ вѣстниковъ, которымъ ввѣрилъ много золота, для патріарха и царскихъ совѣтниковъ, чтобы они расположили краля внять его просьбѣ. Далекъ вышелъ на встрѣчу зятю своему Асанъ и принялъ его съ великою честію; но Владиславъ, прежде чѣмъ взойти въ палаты царскія, просилъ позволенія, со всѣми своими, поклониться гробу сербскаго святителя въ обители Тырновской. Проливая горячія слезы и ударяя челомъ о землю, онъ молилъ святаго простить ему согрѣшенія, если чѣмъ оскорбилъ его. «Знаю отче», взывалъ онъ, «знаю, что мое согрѣшеніе было первою виною твоего бѣгства и возбранило тебѣ преставиться въ своемъ отечествѣ, а быть можетъ, оно же ожесточаетъ теперь и краля, чтобы не возвратить намъ своего сокровища: но умилосердись нынѣ, презри грѣхи мои и, хотя я недостойнъ нарещись сыномъ твоимъ, не отринь однако дитяти брата твоего и прими покаяніе исповѣдующаго грѣхи свои предъ тобою: призри на мою скорбь и трудъ тебя ради, вонми вѣрѣ моей и не оставь своего отечества, для котораго ты столько подвижался и поднималъ безчисленныя болѣзни,—не облеки меня стыдомъ, оставаясь въ чужой сторонѣ. Твоими молитвами къ Богу наставь державнаго исполнить мое прошеніе о тебѣ,

чтобы не возвратился я безъ всякой надежды, какбы прогнанный, не имѣя тебя съ собою.»

Такъ молился Владиславъ надъ гробомъ, и глаза его опу- хли отъ слезъ, когда былъ онъ позванъ къ кралю на торже- ственную трапезу. Въ наступившую затѣмъ ночь, въ сон- номъ видѣніи, предсталъ кралю Асану, въ образѣ святаго Саввы, ангелъ Божій и повелѣлъ ему отпустить мощи его въ землю людей своихъ. Краль ужаснулся и, призвавъ пат- ріарха и вельможъ, рассказалъ имъ свое видѣніе: тогда ура- зумѣли они посѣщеніе Божіе и совѣтовали кралю, во избѣжа- ніе бѣдъ, отпустить тѣло святаго. Послѣ сего краль призвалъ зятя своего, со всѣми его епископами и вельможами, и хотя опечаленъ былъ усердною ихъ просьбою о возвращеніи свя- тыхъ мощей, но, уstraшенный бывшимъ явленіемъ, отпустилъ мощи святаго Саввы въ Сербію, какъ нѣкое благодатное со- кровище, говоря: «хотѣлъ я удержать у себя въ обители дарованнаго Богомъ мнѣ святаго мужа, и украсилъ честный гробъ его, надѣясь, что мощи его никогда не будутъ изне- сены отсюда; но такъ какъ ты самъ, съ высоты твоего престола, пришелъ ко мнѣ, отцу твоему; ходатайствовать о святыхъ мощахъ, то не хочу сына моего отпустить скорб- нымъ: возьми же отца своего и владыку и отнеси его въ землю свою, какъ самъ знаешь.»

Владиславъ, не ожидавшій столь скорого разрѣшенія отъ своего тестя, въ радостномъ изумленіи, палъ предъ нимъ на землю, ибо въ самомъ дѣлѣ глубоко чувствовалъ, что уни- лосердившійся краль этимъ благодатнымъ даромъ обога- тилъ его свыше всѣхъ царскихъ сокровищъ: радостна была для него свѣтлая трапеза въ палатахъ тырновскихъ. Приго- товивъ все нужное для подъятія святыхъ мощей изъ нѣдръ земныхъ, Владиславъ пригласилъ епископовъ своихъ совер- шить надъ ними поминовеніе въ храмѣ, гдѣ они долго почи- вали, и, когда открыли гробъ, нашли святителя въ совер-

шенномъ нетлѣннѣи, какбы спящаго: благоуханіе ароматнаго мѣра разлилось по всему храму, а еще болѣе мѣра потекли исцѣленія—не только отъ святыхъ мощей, но и отъ самаго мѣста, гдѣ онѣ лежали. Граждане тырновскіе толпами устремились къ святому—получать врачеваніе своихъ недуговъ, ибо великая сила исходила отъ него: духи нечистые бѣжали, разслабленные укрѣплялись, хромы ходили, глухіе слышали. Тѣ которые, отъ безчисленнаго стеченія народа, не могли приблизиться къ самымъ мощамъ, во освященіе домовъ своихъ, съ вѣрою брали персть отъ его могилы, и роптали на своего краля, зачѣмъ уступаетъ онъ такое сокровище. Смутился Владиславъ, опасаясь, какъ бы опять не ожесточилось сердце тестя его: и велѣлъ поспѣшить въ обратный путь. На прощальной трапезѣ, Асанъ съ любовію укорялъ своего зятя, называя себя плѣнникомъ его; ибо, пришедши къ нему, Владиславъ взялъ въ плѣнъ лучшее его сокровище: потомъ усердно помолился святому, чтобы этотъ угодникъ Божій, за искреннюю любовь, которую краля питалъ къ нему при жизни и по смерти, испросилъ и ему милость отъ Бога. Въ заключеніе же всего, оба краля почтили другъ друга взаимными дарами; долго граждане тырновскіе приносили дары свои ко гробу святаго, ибо и послѣ перенесенія мощей, продолжали получать исцѣленія отъ благовоной персти гроба его: благочестивому Асану казалось, что человѣкъ Божій еще пребываетъ въ его обители; а потому велѣлъ онъ собрать остатки дерева отъ его гроба, съ благовоною перстію, и попрежнему соорудилъ гробницу, и украсилъ ее багрянымъ покровомъ, съ златокованнымъ подсвѣчникомъ, въ честь святаго.

Былъ въ той обители инокъ, по имени Неофитъ, много лѣтъ уже разслабленный, ползавшій по землѣ на колѣняхъ и на рукахъ. Онъ въ царской обители питался милостынею и еще при жизни святаго Саввы довольно получалъ ее. Послѣ

перенесенія мощей, пришедшіе богомольцы однажды угостили убогаго обильною трапезою и напоили виномъ, такъ что не могъ онъ доползти до своей рогозины и остался въ церковномъ притворѣ. Не помня самъ себя, легъ онъ на гробовой камень святаго и заснулъ; но въ полночь какой-то свѣтлый мужъ разбудилъ его, и онъ, внезапно воспрянувъ съ камня, сталъ на своихъ ногахъ и не понималъ самъ, что съ нимъ было,—тотъ ли это Неофитъ, который дотолѣ ползалъ по землѣ. Обрадованный, припалъ ко гробу святаго, и съ благодарными слезами восхвалялъ Господа, который, вмѣсто должнаго наказанія за его дерзость, разрѣшилъ его узы. Въ такомъ положеніи исцѣленнаго засталъ пономарь, пришедшій зажигать кандила для утрени, и сперва принялъ его за ночнаго татя, хотѣвшаго ограбить церковь. Неофитъ рассказалъ о явленіи свѣтлаго мужа, который, прикоснувшись къ нему жезломъ, велѣлъ ему сойти съ своего гроба; при этомъ онъ показалъ даже свои костыли и ремни, которыми были обвязаны его колѣна. Тогда пономарь увѣрился и поспѣшилъ возвѣстить о томъ архимандриту обители, а настоятель возвѣстилъ кралю и патриарху, и все прославили Бога.

Стеченіе народа ко гробу святаго, ради исцѣленій, наконецъ стало докучать монастырской братіи; однако все-таки не смѣли они, изъ опасенія гнѣва благочестиваго крала, возбранять приходящимъ: когда же Асанъ въ скоромъ времени преставился, иноки старались не допускать народа до гроба. Около того времени скончался въ Тырновѣ одинъ изъ болгарскихъ митрополитовъ, и присные его испросили цѣною золота дозволеніе положить тѣло ихъ родственника въ упраздненномъ гробѣ святаго Саввы. Иноки согласились на это съ радостію, чтобы чрезъ то уменьшилось народное стеченіе къ священному мѣсту, но и этимъ не могли они удержать изліяніе чудесъ на притекавшихъ къ святому съ вѣрою.

Между тѣмъ краль Владиславъ переносилъ мощи святы-

теля въ свою землю и, съ радостію предшествуя имъ, какъ нѣкогда Давидъ святому ковчегу, въ свѣтлой одеждѣ воспѣвалъ предъ ними псалмы Царя Пророка. Въ срѣтеніе ему вышли блаженный архіепископъ Арсеній, со всѣми епископами, игуменами и множествомъ народа, поклониться мощамъ угодника Божія, отъ которыхъ истекало столько исцѣленій. Дошедши до монастыря Вознесенія, несшіе съ торжествомъ положили великаго святителя на мѣстѣ, называемомъ Милешево, которое сооружено было Владиславомъ, и послѣ того именитый соборъ земли сербской разошелся. Спустя немного времени, одному богобоязненному старцу, жившему въ обители, явился въ сонномъ видѣніи святитель и сказалъ: «не подъ землею, а въ храмѣ подобаешь лежать мощамъ моимъ». По этому внушенію, святые мощи немедленно были вынуты изъ подъ земли и положены внутри церкви, которая отъ нихъ облагодухалась. «Отъ этихъ святыхъ мощей», говоритъ писатель житія Саввы, «приходящія съ вѣрою и донинѣ получаютъ исцѣленіе, и донинѣ ограждается ими отечество. Оба сіи святые, — и преподобный Сүмеонъ и Освященный Савва, охраняютъ землю сербскую отъ нашествія сопротивныхъ и передаютъ преемственно отъ отца къ сыну сербское королевство: эти ангелы Божіи, на помощь намъ посылаемые, иногда являются даже предъ сербскими полками, въ своемъ собственномъ образѣ. Многіе изъ воиновъ свидѣтельствовали, что сами видѣли святыхъ Сүмеона и Савву предъ своею дружиною; одного въ смиренной одеждѣ иноческой, а другаго въ свѣтломъ облаченіи святительскомъ, и съ благоговѣніемъ чудились, какъ поражали они супостатовъ, возстававшихъ на землю сербскую».

(Изъ рукописи 16-го вѣка, принадлежащей Троицкой лаврѣ, называемой Серблякъ, или житія святыхъ сербскихъ № 9).

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКИ,

ПОСТРАДАВШЕ ОТЪ ЛАТИНОМУДРЕННЫХЪ ЦАРЯ МИХАИЛА ПАЛЕОЛОГА
И ПАТРИАРХА ВЪВКА, ЗА ОБЛИЧЕНІЕ ИХЪ ВЪ ЕРЕСИ ¹.

1) Въ Ватопедѣ: игумень Евѡимій и съ нимъ двѣнадцать иноковъ. Игумень былъ потопленъ въ морѣ, а иноки повѣшены. Память ихъ — января 4-го.

2) Въ обители Зографской: игумень Ѳома и съ нимъ иноки: Варсонофій, Кириллъ, Михей, Сѡмонъ, Иларіонъ, Іаковъ, Іовъ, Кипріанъ, Савва, Іаковъ, Мартиніанъ, Косма, Сергій, Мина, Іоасафъ, Іоанникій, Павелъ, Антоній, Евфимій, Дометіанъ, Парѡсній и четыре мірскихъ, которыхъ имена въ повѣсти не обозначены; всѣхъ двадцать шесть. Всѣ они были сожжены въ пиргѣ (башнѣ). Память ихъ — сентября 22-го. Но въ Зографѣ празднуютъ имъ октября 10-го, въ день ихъ мученичества.

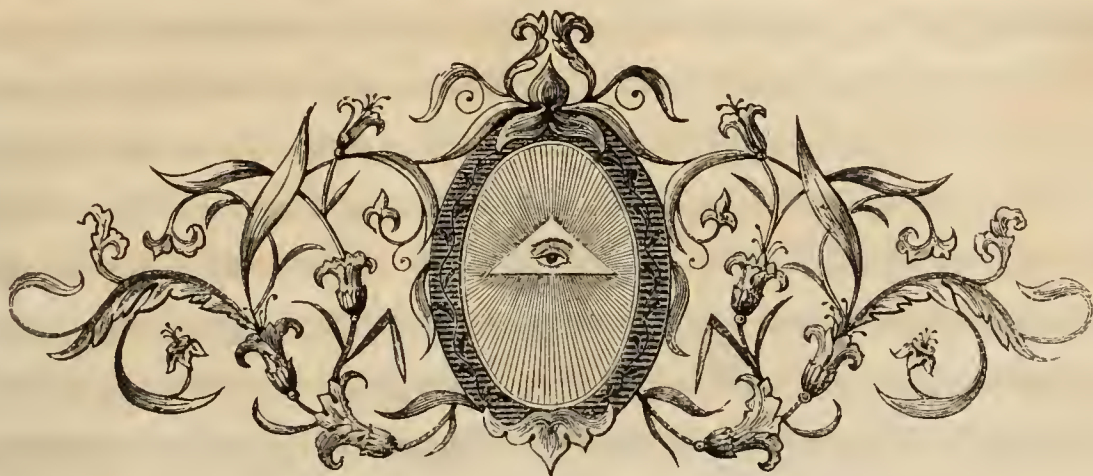
¹ О нашествіи на святую гору еретиковъ-латинъ есть на святой горѣ пространная рукописная повѣсть на славянскомъ (въ Зографѣ) и греческомъ языкахъ. Въ Зографѣ есть даже книга подъ названіемъ «Рай мысленный», въ которой между прочими статьями изложена и эта повѣсть. Изданіе валдайскаго Иверскаго монастыря, 7167, октября 28-го.

3) Въ обители Иверской: одни изъ мужественныхъ иноковъ этой обители потоплены были еретиками въ морѣ, а другіе отведены въ плѣнъ. Память ихъ—мая 13-го.

4) На Кареѣ: протъ святой горы и съ нимъ жившіе кругомъ Кареи, въ келіяхъ, иноки. Протъ былъ еретиками по-вѣшенъ, а иноки усѣчены мечомъ. Память ихъ—декабря 5-го.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО
СУМОНА МУРОТОЧИВАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ДЕКАБРЯ 28-ГО.

вятость и особенное достоинство аскетической жизни своей, преподобный Сумонъ проявилъ дивными подвигами и чудесами, которые совершилъ какъ при жизни, такъ и по смерти, а особенно точеніемъ мура, подобно великомученику Димитрію Солунскому. Но откуда былъ онъ родомъ, кто были его родители, какъ воспитанъ, и наконецъ, гдѣ положилъ начатки иноческихъ своихъ подвиговъ, объ этомъ нѣтъ ни историческихъ свѣдѣній, ни даже мѣстнаго преданія. Что же касается до прекрасной его жизни на святой Аѳонской горѣ, это покажетъ слѣдующее повѣствованіе. Помня старческое изреченіе, что безъ послушанія спастись невозможно, преподобный Сумонъ прежде всего постарался, по приходѣ своемъ на святую гору, найти духовнаго старца, которому бы могъ подчинить себя безусловно, такъ, чтобы онъ былъ ему не только вѣрнымъ водителемъ

¹ Изъ νέον λεμονάριον.

ко спасенію и свѣтлымъ образомъ совершеннаго подвижничества, но и строгимъ судіею въ отношеніи къ его немощамъ. Вслѣдствіе сего, подобно оленю, жаждущему животворныхъ струй источника, онъ проходилъ по всеѣмъ монастырямъ и скитамъ святой горы, въ чаяніи найти себѣ желаемаго руководителя. При каждой встрѣчѣ съ иноками, испытанной жизни, пришлецъ входилъ съ ними въ подробныя распросы и сужденія о добродѣтеляхъ иноческихъ; и наконецъ, во множествѣ ихъ, нашелъ искомага старца, совершеннаго во всеѣхъ отношеніяхъ подвижничества. Единственнымъ правиломъ всеѣхъ своихъ дѣйствій, по тонкомъ раскрытіи предъ старцемъ всеѣхъ обстоятельствъ минувшей своей жизни, поставилъ онъ безусловную покорность всему, чтобы ни повелѣвалъ ему старецъ, положилъ исполнять въ точности и безъ всякаго размышленія каждое изъ отеческихъ его словъ, такъ какбы слова эти исходили не изъ устъ старца, а отъ Самаго Бога. Такая покорность ученика радовала учителя. Впрочемъ, чтобъ не подать ему случая къ тщеславнымъ помысламъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ усовершенить его въ опытахъ крестной жизни и безусловнаго послушанія, старецъ, вмѣсто хвалы и снисхожденія, не только постоянно бранилъ его, но даже нерѣдко и билъ. А блаженный принималъ это съ великою радостію и благодареніемъ. Слѣдствіемъ сего, при содѣйствіи благодати, было съ его стороны то, что когда старецъ, вмѣсто побой и униженія, начиналъ оказывать ему внимательность, онъ скорбѣлъ и считалъ это важнымъ ущербомъ въ дѣлѣ спасенія. Такимъ образомъ между ними воцарилась такая взаимность сердечной любви, которая составляетъ счастье и радость какъ родителей, такъ и дѣтей, и которою къ сожалѣнію иногда не пользуются ни тѣ, ни другіе. Сладкіе плоды подобной любви преподобный очевидно проявлялъ съ своей стороны въ неподражаемомъ благоговѣніи и привязанности къ своему старцу. Эта при-

вязанность простиралась до того, что онъ, когда старецъ спалъ, лобызалъ ноги его и даже то мѣсто, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе отдыхать послѣ трудовъ своихъ, или молитвенно бесѣдовать съ Богомъ. Что все это дѣлалъ онъ по чистымъ побужденіямъ сердца, объяснялось его же словами: онъ говорилъ другимъ, что сколько съ одной стороны должны мы любить Бога, приведшаго насъ изъ небытія въ бытіе, столько же съ другой и старца, ибо и этотъ послѣдній, при помощи Божіей, преобразуетъ въ насъ внутренняго человека, нѣкоторымъ образомъ возстановляетъ и обновляетъ образъ Божій, падшій и сокрушенный нашимъ небреженіемъ и тяжкими грѣхами. Такъ глубоко проникнутъ былъ преподобный чувствомъ важности и необходимости безусловнаго повиновенія старческой, а не собственной волѣ. Этимъ образомъ мыслей о добродѣтельной жизни, преподобный Сумонъ скоро прославился по всей горѣ, такъ что равные съ нимъ по возрасту благоговѣли предъ нимъ, а старшіе любили его; потому что тѣ и другіе, въ юномъ его возрастѣ, видѣли разумъ старческой, въ подвигахъ—неподражаемое терпѣніе, въ разумѣ—совершенство, въ словѣ—назиданіе, строгую разсудительность, и наконецъ искреннюю ко всѣмъ любовь, составляющую вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей. Однимъ словомъ, святой Сумонъ сдѣлался на святой горѣ украшеніемъ своего времени и свѣтлымъ образцомъ испытаннаго послушанія, которое полагается въ незыблемое основаніе смиренія и прочихъ подвиговъ иночества. Наконецъ и старецъ, удивившись постоянными опытами въ истинно—безусловномъ послушаніи Сумона, совершенно измѣнился въ обхожденіи съ нимъ, такъ что, при отеческой внимательности къ нему, онъ располагалъ имъ какъ послушникомъ, а обходился съ нимъ, какъ съ братомъ, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ просилъ его совѣтовъ и разсужденія. Какія же были слѣдствія такой измѣны для смиреннаго Сумона въ старческомъ обхожденіи?

Вмѣсто того, чтобъ радоваться внимательности старца, онъ чрезвычайно огорчался, и положилъ оставить его, подѣ тѣмъ предлогомъ, что ищетъ себѣ совершеннаго безмолвія. Когда передалъ онъ это своему старцу и, заливаясь слезами, началъ просить его благословенія, — тотъ хотя и съ сердечнымъ прискорбіемъ, однако изъявилъ старческое свое соизволеніе. Такимъ образомъ святой Сѹмонъ разстался съ своимъ старцемъ, для котораго въ послѣднее время былъ уже не столько ученикомъ, сколько другомъ и дивнымъ сподвижникомъ.

Святой Сѹмонъ долго искалъ себѣ, по святой горѣ, такой сокровенной пустыни, гдѣ бы никто не могъ ни знать, ни найти его, доколѣ наконецъ, при Божіей помощи, обрѣлъ, по желанію, пустынную скалу, и при ней пещеру на южной сторонѣ святой горы, гдѣ нынѣ существуетъ монастырь Сѹмопетръ, основанный, какъ увидимъ ниже, этимъ самымъ преподобнымъ. При вступленіи своемъ въ пещеру, зная, что ему предстоитъ ратовать противъ невидимыхъ враговъ, онъ, при содѣйствіи Святаго Духа, облекся въ духовное всеоружіе, облобызалъ крестъ, молитву, вѣру, терпѣніе, постъ и все, что уничтожаетъ демонскія козни и возвышаетъ чело-вѣка до ангельской чистоты и младенческаго безстрастія. Трудно представить крѣпость и тайныя сѣти ловительства и брани сатаны противъ святаго Сѹмона, который, впрочемъ, царственно наступилъ и попралъ его гордыню, и низложилъ всѣ козни. Изъ множества такихъ случаевъ, представимъ слѣдующій. Въ одну ночь святой молился, — вдругъ является предъ нимъ демонъ въ видѣ страшнаго дракона. Зевнувъ пастью, онъ хотѣлъ проглотить его; но такъ какъ не было на то соизволенія свыше, не могъ умертвить его, хотя однимъ ударомъ своего хвоста повергъ преподобнаго наземь такъ сильно, что святой Сѹмонъ, въ совершенномъ изнеможеніи чувствъ, едва могъ собраться съ духомъ и воспѣть съ пророкомъ: *приближишася на мя злобующіи, во еже*

сильсти плоти моя; — азъ же яко глухъ не слышай, и яко немъ не отверзаяй устъ своихъ, (Пс. 37, 14.) Между-тѣмъ страшный драконъ не преставалъ бить его хвостомъ своимъ, съ намѣреніемъ, если не совсѣмъ умертвить, когда бы допустилъ это Богъ, то, по крайней мѣрѣ, навести страхъ, и такимъ образомъ выгнать его изъ пустыни. Но вмѣсто страха, не смотря на чувство невыносимой боли, святой Сѹмонъ обратился къ Богу съ молитвеннымъ воплемъ страдальческой души, и зная, что не чувственный драконъ напалъ на него, а подъ видомъ его вооружился сатана, противупоставилъ ему имя Господа Саваоѳа, и драконъ, какъ дымъ, исчезъ въ виду его. Слѣдствіемъ сего подвига и непостыдной надежды на помощь Господа было то, что едва только исчезъ демонъ, тихій божественный свѣтъ разлился въ пещерѣ, повѣялъ райскій ароматъ, и святой Сѹмонъ, исполненный сердечнаго веселія и мира, услышалъ свыше голосъ: «мужайся и крѣпись, послушный и вѣрный рабъ Сына Моего!» Такимъ образомъ святой Сѹмонъ остался по прежнему въ пещерѣ, и провелъ въ ней много лѣтъ, не смотря на постоянную борьбу съ невидимымъ врагомъ своего спасенія, и на чрезвычайныя скорби и лишенія съ внѣшней стороны.

Между тѣмъ, узнавъ о строгой его жизни и особенномъ духѣ вѣдѣнія и разсудительности, многіе изъ иноковъ святой горы начали ходить къ нему; ибо, по слову Божію, *не можетъ укрытися градъ верху горы стоя* (Матѳ. 5, 14),— и получали великую пользу для души своей отъ душеполезныхъ его совѣтовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ удостоился получить отъ Господа даръ прозорливости и предвѣдѣнія. Впрочемъ, по своему смиренномудрію, нетерпя съ одной стороны славы, а съ другой—избѣгая докучливости людской, онъ тяготился своимъ положеніемъ, особенно когда увидѣлъ, что посѣщеніе братіи служило препятствіемъ его безмолвію, и потому хотѣлъ было перейти оттуда въ мѣсто болѣе пу-

стынное. Но Богъ, промышляющій и пекущійся о пользѣ и спасеніи всѣхъ и cadaго, воспренятствовалъ такому его намѣренію. А какъ это было,—послушаемъ:

Въ одну ночь, упражняясь въ молитвѣ, преподобный видитъ пещеру, какъ и прежде, осіянную божественнымъ свѣтомъ, неизъяснимое благоуханіе разливалось вокругъ него, и вотъ слышался ему свыше голосъ: «Сүмонъ, Сүмонъ, вѣрный другъ и служитель Сына Моего! не удаляйся отсюда, Я положила прославить это мѣсто, ты будешь для него свѣтомъ, и имя твое будетъ славно». Сначала Сүмонъ не повѣрилъ сему видѣнію, изъ предосторожности, не сѣти ли это лукаваго, зная, что, по словамъ апостола, сатана преобразуется и въ ангела свѣтла. По этому онъ все-таки не преставалъ думать, куда бы удалиться ему на безмолвіе. Это было предъ Рождествомъ Христовымъ. И вотъ въ одну ночь, вышедши изъ пещеры, онъ видитъ страшное явленіе: ему представилось, что съ неба опустилась звѣзда, и стала надъ скалою, гдѣ впоследствии созданъ имъ честный монастырь. Это видѣніе повторялось нѣсколько ночей сряду: но преподобный Сүмонъ все-таки боялся, не есть ли это дѣйствіе вражеское, а потому и не довѣрялъ ему. Когда же наступила ночь на Рождество Христово,—онъ видитъ снова свѣтлую звѣзду, и слышитъ божественный голосъ: «Сүмонъ! ты долженъ здѣсь основать иноческое общежитіе. Оставь твое сомнѣніе, Я Сама буду тебѣ помощница; а иначе за твое невѣріе будешь наказанъ!» Голосъ этотъ слышитъ онъ трижды. И въ это время (какъ говорилъ онъ впоследствии ученикамъ своимъ) ему представилось, что онъ находится въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ, на мѣстѣ пастырей, и слышитъ сладкіе звуки ангельскаго пѣнія: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ чловѣцхъ благоволеніе! не бойтеся, се-бо благовѣствуется вамъ радость велія, яже будетъ всѣмъ людемъ* (Лук. 2, 10). Послѣ сего, говорилъ святой, страхъ и изступленіе оста-

вили меня, и я веселился духовно, таинственно созерцалъ событія виѳлеемскія, когда тамъ, въ ясляхъ, Владычица Богородица и праведный Іосифъ благоговѣнно предстояли божественному Младенцу, повитому пеленами. За тѣмъ прошло нѣсколько дней отъ Рождества Христова, и вотъ приходятъ къ преподобному три мірянина, братія по плоти и люди очень богатые: припадши къ нему, они исповѣдались ему во всѣхъ грѣхахъ своихъ, и потомъ стали убѣдительно упрашивать его о принятіи ихъ къ себѣ въ послушаніе. Это было слѣдствіемъ того, что слава добродѣтельной жизни преподобнаго пронеслась уже по Македоніи и Ѳессаліи. Не вдругъ склонился на прошеніе ихъ святой Сумонъ, подъ предлогомъ великихъ трудностей, какія сопряжены съ обѣтами иноческой жизни и безусловнаго послушанія. Однако же они, не взирая на то, какъ свыше посланные въ сотрудничество преподобному при созиданіи киновіи, не преставали умолять его, чтобъ онъ оставилъ ихъ при себѣ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько дней. «А когда не будешь доволенъ нами» говорили они, «тогда вышли насъ отсюда». Такое усиленное ихъ моленіе тронуло преподобнаго: онъ принялъ ихъ и, по надлежащемъ искусѣ, облекши въ ангельскій образъ, на литургіи приобщилъ ихъ Пречистыхъ Таинъ *). Тогда-то уже, какъ своимъ дѣтямъ по духу, онъ открылъ имъ о божественномъ видѣніи, повторявшемся неоднократно надъ сосѣдственною скалою пещеры его, прося никому не сказывать о томъ до тѣхъ поръ, пока онъ живъ. Братія, выслушавши его сказаніе, съ любовію предложили преподобному все свое богатство на устроеніе киновіи и, согласно желанію и благословенію его, озаботились немедленнымъ приготовленіемъ всего нужнаго къ этому столь важному и богоугодному дѣлу. Явились мастера, подготовлены матеріалы, и оставалось только

*) Отсюда видно, что преподобный былъ іереемъ.

назначить мѣсто, гдѣ положить основной камень возникающей обители. Но когда преподобный Сумонъ указалъ имъ, гдѣ строить церковь и прочія зданія, строители ужаснулись, видя отвѣсную скалу, которая должна была, по его указанію, служить основаніемъ обители. «Шутишь ты, Авва», говорили ему, «или говоришь правду? Посмотри, можно ли приняться за дѣло, когда эта скала можетъ быть опасна и для строителей, а тѣмъ болѣе для тѣхъ, которые будутъ жить здѣсь. Какъ хочешь, а мы противъ тебя». И дѣло, такимъ образомъ, осталось нерѣшеннымъ. Между тѣмъ святой Сумонъ, видя, что не можетъ убѣдить ихъ приступить къ постройкѣ, велѣлъ приготовить трапезу.

Когда они кушали, одинъ изъ учениковъ преподобнаго, поднося имъ вино, по зависти демонской, запнулся и упалъ со скалы внизъ, въ страшную пропасть, держа въ одной рукѣ сосудъ, а въ другой—налитый изъ него стаканъ вина. Пораженные такимъ несчастнымъ случаемъ, мастера строго замѣтили преподобному: «видишь, Авва, начатки убійственныхъ слѣдствій твоего неосновательнаго предпріятія! Сколько бы могло быть подобныхъ случаевъ смертоубійства, если бы мы рѣшились строить здѣсь обитель!» Святой ничего не отвѣчалъ имъ, а между тѣмъ втайнѣ молился Владычицѣ Богородицѣ, да не постыдится онъ въ чаянія Ея заступленія. И что же? Сколь неизреченны чудеса Твои, Владычице, и кто можетъ восхвалить величіе Твое!— Не прошло и получаса, какъ братъ, неосторожно павшій въ пропасть, выходитъ изъ нея съ противоположной стороны, заступленіемъ Пресвятыя Богородицы, не только совершенно здоровый и невредимый, но и съ неразбившимся стаканомъ и сосудомъ въ рукахъ, такъ что и вина изъ нихъ не было пролито ни одной капли. Такое чудо привело мастеровъ въ трепетъ и ужасъ; они пали къ ногамъ святаго и, прося прощенія, говорили: «теперь мы узнали, отче, что ты точно человекъ Бо-

жій», и по усердному ихъ желанію, всѣ они приняты были преподобнымъ въ число его учениковъ, и вскорѣ удостое ны ангельскаго образа. Тогда-то подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ и распоряженіями самаго преподобнаго Сумона, ученики его, бывшіе дотолѣ мастеровыми, приступили къ построенію монастыря. Но такъ какъ имъ нужно было прежде всего положить въ основаніе огромной величины камень, то святой указалъ имъ для сего на одинъ, находившійся вблизи ихъ, и велѣлъ перенести его: а они, забывъ чудо преподобнаго, и видя, что не только нельзя имъ общими силами донести эту тяжесть до назначеннаго мѣста, но и сдвинуть ее, стояли въ недоумѣніи и не знали, что дѣлать. Видя это, святой подходитъ къ нимъ и, напечатлѣвъ на томъ камнѣ знаменіе животворящаго креста, поднимаетъ его на свои плечи безъ всякой сторонней помощи и, принеши, полагаетъ его тамъ, гдѣ было нужно. Такимъ образомъ онъ на дѣлѣ показалъ истину словъ, которыя сказалъ Господь апостоламъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, аще имате въру, яко зерно горушно, и речете горь сей: двинися и верзися въ море, будетъ тако.* Человѣкъ, совершенно изсохшій отъ постническихъ трудовъ и подвижнической жизни, поднимаетъ тяжесть, превышающую человѣческія силы. Не видно ли изъ этого, что преподобный, въ семъ случаѣ, сдѣлался очевиднымъ орудіемъ всемогущей десницы Вышняго? что подтверждается и слѣдующимъ чудомъ. Когда монастырь, — которому преподобный, по явившейся надъ нимъ звѣздѣ, далъ имя новаго Виелеема, — былъ устроенъ, и братство его умножилось, однажды хищные сарацины показались у монастырской пристани съ цѣлю — разграбить монастырь. Замѣтивъ непріязненныя ихъ дѣйствія, святой, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ, спустился къ пристани, и поднесъ имъ хлѣбъ и плоды. Сарацины взяли приношеніе, но желая расхитить монастырскія сокровища,

приступили къ преподобному и требовали, чтобъ онъ показалъ имъ начальника обители. Святой кротко отвѣчалъ имъ, что смиренный настоятель ея — онъ самъ, и что кромѣ вынесенныхъ къ нимъ даровъ у нихъ нѣтъ ничего. Недовольные такимъ отвѣтомъ, разбойники бросились на святаго, какъ дикіе звѣри, съ неистовствомъ, а одинъ даже обнажилъ мечъ, чтобы убить его; но Богъ не допустилъ совершиться этому: рука дерзкаго убійцы внезапно изсохла, а прочіе сарацины поражены были слѣпотю. Вразумленные такимъ небеснымъ гнѣвомъ, злодѣи въ одинъ голосъ закричали по-сирски: «аллахъ, аллахъ», и заливаясь слезами, смиренно начали просить святаго объ исцѣленіи; «умилосердись надъ ними, Авва», воііяли они, «и исцѣли насъ; мы даемъ слово быть христіанами!» Незлобивый старецъ, подражатель незлобиваго Учителя Христа, тронулся несчастіемъ враговъ своихъ и, пославши одного изъ учениковъ за елеемъ отъ лампы Спасителя, помолился о нихъ, потомъ помазалъ крестообразно глаза сарацыновъ, а также изсохшую руку товарища ихъ, и всѣ они, пораженные чудомъ исцѣленія, не только, по обѣщанію, приняли крещеніе, но и остались въ этой обители въ числѣ братства. Наконецъ дивный Сумонъ достигъ глубокой старости и, узнавъ, что приблизилось уже время и часъ отшествія его ко Господу, призвалъ всѣхъ учениковъ своихъ и далъ имъ прощальный завѣтъ: «вотъ, братіе мои и чада возлюбленныя о Господѣ», говорилъ онъ, «я отхожу отъ васъ, но не скорбите объ этомъ, потому что всѣ мы скоро опять увидимся. Если же я получу дерзновеніе предъ Богомъ, то буду всегда посѣщать васъ и хранить отъ всякаго искушенія видимаго и невидимаго, впрочемъ съ тѣмъ, если и вы сохраните уставъ общежитія, благочиніе церковное и все, чему я научилъ васъ и словомъ и дѣломъ. Вотъ единственное съ моей и съ вашей стороны условіе! Не любите временнаго

богатства, бѣгайте тщеславія, не прельщайтесь, не принимайте въ киновію дѣтей; вы знаете, что сдѣлалъ великій Евѳимій со святымъ Саввою въ дѣтствѣ его: хотя и зналъ онъ, что святой Савва былъ освященъ отъ чрева матери, однакожъ не принялъ его въ киновію. И въ старчествѣ замѣчено, что въ древнее время опустѣли четыре лавры—именно отъ того, что приняты были туда дѣти. И Богоносный отецъ нашъ Аѳанасій, основатель здѣшней лавры, заклалъ учениковъ своихъ не принимать дѣтей, хотя бы они были и царской крови. Будьте миролюбивы, страннолюбивы, отправляйте праздники духовно, а не помірскому, т. е., не занимайтесь въ такіе дни празднословіемъ, шутками и смѣхомъ: праздникъ есть освященіе и просвѣщеніе души, которое должно происходить отъ молчанія, молитвы и чтенія священныхъ книгъ; на службѣ церковной пойте съ благоговѣніемъ, а не съ безчиннымъ крикомъ, и наконецъ отъ души любите игумена. Если это соблюдете по смерти моей, какъ исполняли при жизни, то духомъ я всегда буду съ вами. Въ противномъ случаѣ, придется намъ судиться на страшномъ и всемірномъ судѣ!» Когда святой такъ поучалъ, братія и ученики, окруживъ его, безутѣшно плакали о разлукѣ съ нимъ. Наконецъ, помолившись о нихъ единому Богу въ Пресвятой Троицѣ славимому, да соблюдетъ ихъ и по смерти его, подъ покровомъ Богоматери и всѣхъ святыхъ, умолкъ, и въ слѣдующую за тѣмъ ночь предалъ святую свою душу Богу. Это было декабря 28-го дня, 1287 года. На другой день утромъ, лице почившаго праведника просвѣтилось дивнымъ свѣтомъ, въ присутствіи всего братства. Совершивъ надъ нимъ погребальное пѣніе, они съ благоговѣніемъ и слезами опустили его въ могилу.

Преподобный Сумонъ, какъ свѣтлозарная звѣзда, сія въ своей жизни и творя безчисленныя чудеса, не преставалъ исцѣлять различныя болѣзни и послѣ своей смерти.

Отъ него получила исцѣленіе дочь царя Іоанна углешскаго. Углешскій Іоаннъ царствовалъ въ 1264 году, отъ Р. Х. въ западной части Сербіи. У него была бѣснующаяся дочь. Скорбя о такой ея болѣзни, онъ часто молился о ней Богу и нѣкоторымъ изъ великихъ святыхъ, прося ихъ быть ходатаями предъ Нимъ. Но Богъ, желая исполнить прошеніе отца не тогда, когда онъ хотѣлъ, а послѣ, какбы не внималъ его молитвамъ. Это чрезвычайно трогало и печалило царя. Наконецъ, однажды, вдругъ слышитъ онъ отъ демона, который мучилъ дочь его: «напрасно ты, царь, трудишься; если не придетъ съ Аѳонской горы Сѹмонъ, я не выйду.» Удивленный этимъ, царь немедленно отыскалъ нѣкоторыхъ аѳонскихъ монаховъ, распросилъ ихъ о святомъ Сѹмонѣ и, узнавъ, что хотя онъ и давно уже отшелъ ко Господу, но постоянно творить чудеса, источая изъ гроба своего мѹро, весьма возрадовался этому, и тогда же, вошедши въ домашнюю церковь, припалъ ко Господу и, во имя святаго Сѹмона, просилъ у него милости своей дочери. Когда такимъ образомъ царь молился, съ вѣрою и благоговѣніемъ испрашивая у Бога, предстательствомъ Сѹмона, исцѣленія своей дочери, — демонъ завопилъ и, ударивши дѣвицу на землю, зарыкалъ, привелъ въ сотрясеніе все ея тѣло, и тутъ же вышелъ изъ нея: съ той поры она, по благодати Христовой, сохранила свое здоровье въ мирномъ состояніи, во всѣ дни и лѣта своей жизни, за что премного славилла Бога и прославленнаго Имъ божественнаго Сѹмона. А царь, отецъ ея, видя чудо столь скорого исцѣленія, помощію преподобнаго, убѣдился въ великомъ его дерзновеніи предъ Богомъ, и немедленно отнесся въ святогорскій протать, прося у него дозволенія устроить обитель святаго Сѹмона съ царскимъ великолѣпіемъ, въ благодарность дивному благотворителю преподобному Сѹмону, и въ заявленіе всѣмъ, что сотворилъ онъ съ его дочерью. Протъ и всѣ святогорцы приняли пред-

ложеніе Іоанна съ любовію и съ чувствомъ благодарности. Изъ сохранившихся же актовъ и изъ владѣемыхъ обителей метоховъ, въ различныхъ мѣстахъ, можно видѣть, какъ ущедрилъ ее признательный царь Іоаннъ. Но этимъ однимъ чудомъ не ограничиваются благодать преподобнаго Сумона и данныя ему отъ Бога силы. Для пользы читателей, предлагаемъ и слѣдующее, прекрасное и душеполезное повѣствованіе.

Въ царствованіе того же Іоанна углешскаго, турки, владѣя Иконіею—главнымъ городомъ Анатолиі, производили во владѣніяхъ греческихъ царей великія опустошенія. Когда же греки заключили съ ними миръ, они вторглись въ Сербію и, опустошая ее, пошли открытою войною на Іоанна. Іоаннъ напалъ на нихъ, и при содѣйствіи брата своего Карла, разбилъ ихъ и одержалъ надъ ними побѣду, что впрочемъ имѣло для него худыя слѣдствія; потому что эта побѣда успокоила его, и онъ предался безпечной жизни. Замѣтивъ это, турки внезапно напали на него ночью, и поразили войско его смертью и страхомъ, такъ что, устремившись въ бѣгство, многіе изъ рати его утонули въ рѣкѣ Тенарѣ. Въ числѣ прочихъ былъ убитъ и царь Іоаннъ. Вслѣдствіе сего турки во всѣ предѣлы Сербіи внесли грабежъ, опустошеніе и смерть. Это зло разлилось тѣмъ болѣе, что сынъ Іоанна, отъ страха ли, или по тайнымъ побужденіямъ къ безмолвной жизни, не принялъ на себя сана, а удалился въ пристанище спасенія — на святую Аѳонскую гору. Тамъ, никѣмъ незнаемый, онъ посѣтилъ монастыри и скиты, и пришелъ наконецъ въ устроенный отцомъ его монастырь преподобнаго Сумона. Когда, вошедши въ портикъ, царственный юноша просилъ позволенія вступить въ обитель, привратникъ, по обычаю святогорскому, докладывая о немъ игумену, говорилъ, что пришелъ юноша прекрасный собою, воинственнаго вида, но сиромаша (бѣдный по одеждѣ), и

повидимому, истинный рабъ Христовъ; онъ желаетъ бесѣдовать съ твоею святостію. Игуменъ принялъ его и, согласно его желанію и просьбѣ, дозволилъ пожить нѣскольکو времени въ обители. Такимъ образомъ юноша остался въ числѣ братства. Благочиніе монашеское, безусловное повиновеніе игумену, усердіе къ службамъ церковнымъ, строгое молчаніе, порядокъ въ церкви и прочее, — все это восхищало пришельца, такъ что онъ не могъ нарадоваться своему положенію, и о всемъ прославлялъ Бога. На вопросъ игумена, нравится ли ему обитель и порядокъ въ ней, — юноша отвѣчалъ: «очень нравится, отче!» — «И такъ ты хочешь остаться здѣсь, какъ и прочіе, въ чаяніи царствія Христова?» — «Да, если позволишь, и если твоими святыми молитвами будешь поддерживать мою немощь.» — «Чѣмъ же ты можешь заниматься здѣсь?» — «Единственное мое занятіе», отвѣчалъ юноша, — «ухаживаніе за садомъ.» — «И такъ благословенъ Богъ», сказалъ игуменъ: «ты остаешься до конца жизни твоей копать землю, садить, поливать, и трудиться зимою и лѣтомъ въ саду, для трапезы братней, изъ любви къ Богу!» — «Обѣщаюсь», произнесъ царевичъ; — и вслѣдъ за тѣмъ принялъ въ свое распоряженіе садъ. Тамъ, въ теченіе трехлѣтняго своего искуса, по словамъ Давида, *полагая восхожденія въ сердце своемъ*, онъ преуспѣвалъ въ подвигахъ послушнической жизни, и трудился для братіи, а по истеченіи этого времени принялъ на себя иноческій образъ. Тихо и въ безмолвіи проводилъ жизнь свою юный, никому незнаемый инокъ: но врагъ спасенія наблюдалъ, видѣлъ, и не стерпѣлъ того, — въ какомъ смиреніи, трудахъ и униженіи служилъ Богу царственный юноша, низлагавшій его чрезвычайнымъ своимъ терпѣніемъ и самопроизвольною нищетою, и вооружился на него всею силою демонскаго своего неистовства. Сначала сталъ онъ тайно наводить на него скуку, потомъ раскаяніе въ избранномъ имъ послушаніи, представляя въ

какомъ низкомъ занятіи протечеть вся жизнь его. Вслѣдъ за тѣмъ діаволь возбудилъ въ его сердцѣ чувство недовольства и презрѣнія къ братіи, потомъ нерадѣніе къ молитвѣ и другимъ подвижническимъ трудамъ, и проч. и проч.; не довольствуясь же нападеніемъ на него со стороны собственнаго его сердца, сатана началъ ратовать противъ него и со стороны самихъ братій. Нашлись легкомысленные изъ среды братства, которые упрекали садовника за то, что онъ взялся не за свое дѣло, какъ неспособный къ садоводству, что онъ нерадиво воздѣлываетъ гряды, и наконецъ дѣлается предметомъ соблазна и смуть. Но напрасно ратовалъ сатана. Блаженный, въ отношеніи къ братіямъ, сокрушалъ его крѣпость своимъ смиреніемъ и терпѣніемъ, прося у нихъ во всемъ прощенія, и обѣщаясь быть исправнымъ; а въ отношеніи къ самому себѣ, — дѣлаясь болѣе бдительнымъ и строгимъ; рѣшительно же низложилъ онъ врага оружіемъ креста Христова и непрестанною молитвою: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя;» — такъ что вышедши изъ всѣхъ подвиговъ, по благодати Божіей, побѣдителемъ, онъ наконецъ сдѣлался избраннымъ сосудомъ Святаго Духа, и удостоился божественнаго откровенія объ отшествіи своемъ къ Богу. Вскорѣ послѣ того, какъ водворился миръ въ его душѣ, послѣ многоразличныхъ демонскихъ искушеній, онъ слегка заболѣлъ и, зная, что настаетъ время отшествія его къ Богу, чрезъ одного изъ братій, приглашаетъ къ себѣ игумена, для открытія ему тайны. Удивленный этимъ, игумень приходитъ и на вопросъ, — что желаетъ онъ открыть ему, — царевичъ отвѣчалъ: «Отче! скоро Господь позоветъ меня отъ васъ въ царство славы Своея; и, такъ, мнѣ хочется открыть тебѣ, что я сынъ царя Іоанна, строителя сей святой обители.» Услышавъ это, игумень ужаснулся. — «Почему же, чадо мое, ты не объявилъ намъ этого прежде? Зачѣмъ до сихъ поръ скрывался? Почему бы тайны своей не от-

крыть мнѣ? — «Еслибы я открылъ это, то лишился бы райскаго вѣнца и милости Божіей. Въ такомъ случаѣ, зная, кто я, вы принимали бы меня за царевича, и эта честь очень легко могла бы лишить меня нетолько надежды небесной, но и душевнаго спасенія.» Сказавъ это, онъ мирно вздохнулъ и, въ присутствіи игумена, предалъ духъ свой Господу. Тайна не осталась тайною: игумень тотчасъ объявилъ всей братіи, кто такой былъ смиренный ихъ садовникъ, и, тронутые смиреніемъ царственнаго подвижника, своего собрата, братіи почтили почившаго своего садовника духовнымъ торжествомъ и всенощнымъ славословіемъ, и, согласно его завѣщанію, похоронили его на братскомъ кладбищѣ, прославляя дивнаго Бога, укрѣпившаго его совершить столь великій подвигъ. Таковъ разсказъ о сынѣ царя Іоанна! Разскажемъ еще нѣсколько чудесъ, совершенныхъ преподобнымъ Сумономъ, — чтобы мы знали, какое дерзновеііе имѣетъ онъ предъ Богомъ.

Одинъ изъ братіи священной обители преподобнаго, не имѣя страха Божія и оставаясь подъ вліяніемъ сатанинскаго искушенія, поносилъ подвижника Христова, не хотѣлъ признать его за святаго и, наравнѣ съ прочими, праздновать годовую его память. Случилось разъ, когда всѣ отцы отиравляли преподобному бдѣніе, — этотъ несчастный братъ, волнуясь чувствами сомнѣнія и невѣрія въ святость Сумона, вышелъ изъ церкви и, удалившись въ свою келію, легъ спать. Тогда является ему во снѣ преподобный Сумонъ, осіяемый молніевиднымъ свѣтомъ, въ сопутствіи двухъ первыхъ своихъ учениковъ, и говоритъ: «ужели не нравится тебѣ, нечестивецъ, та слава, которою прославилъ меня Богъ!» При этихъ словахъ, по знаку его, ученики положили невѣрнаго и хулителя лицомъ ницъ, и преподобный далъ ему нѣсколько ударовъ по пятамъ палкою, такъ что несчастный отъ боли и безмѣрнаго страха проснулся, — и видитъ, что но-

ги его распухли. Объятый чрезвычайнымъ ужасомъ, онъ немедленно пришелъ въ церковь и, павъ къ ногамъ игумена, признался ему въ своихъ грѣхахъ противъ преподобнаго, а потомъ, обращаясь къ братіи, сказалъ: «простите меня, отцы! —теперь я убѣдился, что преподобный отецъ нашъ Сумонъ дивно прославленъ Богомъ; отнынѣ и я вѣрую и кланяюсь ему, какъ единому отъ древнихъ святыхъ, каковы были— Антоній, Евфимій, Савва и прочіе.» Потомъ, возвысивъ голосъ, воскликнулъ предъ иконою преподобнаго Сумона: «благодарю тебя, угодниче Божій, что ты избавилъ меня отъ демонскаго искушенія, насильства и гибели!» Тогда же, заливаясь слезами, онъ, среди церкви, рассказалъ всему братству о явленіи преподобнаго въ небесной славѣ, и всѣ прославили Бога, *нехотящаго смерти грѣшнику, но еже обратится и живу быти ему.*

Другой братъ обители преподобнаго долго боролся съ демономъ блуда, но, не имѣя силъ устоять въ подвигѣ, съ благоговѣніемъ палъ предъ священнымъ его образомъ, и со слезами просилъ его избавить отъ сей брани. Послѣ сего, помазавшись елеемъ отъ лампы, теплившейся предъ ликомъ преподобнаго, онъ совершенно освободился отъ сквернъ демонскихъ и нечистыхъ движеній плоти.

Въ другой разъ, въ годовую память святаго, во время великой вечерни, вошелъ въ церковь одинъ братъ, именемъ Савва, изъ обители святаго Діонисія, что на Олимпѣ,— чтобъ приложиться къ святому лику преподобнаго. Но замѣтивъ, что икона его очень мала, оскорбился и сказалъ: «я не хочу кланяться такому образу.» Конечно, это было слѣдствіемъ его невѣжества, а не пренебреженія къ преподобному, однакожь преподобный все-таки исправилъ его слѣдующимъ образомъ. Когда этотъ инокъ удалился изъ церкви въ келью, данную ему для отдохновенія, и заснулъ, ему—видится, что открылся верхъ кельи, и страшный змій, дыша пламенемъ и испу-

ская дымъ и смрадъ, разинулъ пасть, чтобъ поглотить его. «Тебѣ не нравится малый образъ святаго», человѣчески говоритъ явившійся змій, «и ты съ негодованіемъ вышелъ изъ церкви, не дождавшись конца службы: такъ знай, — ты мой, я поглочу тебя»; — и съ ужаснымъ шумомъ бросился на него. Несчастный Савва, виѣ себя отъ страха и трепета, завопилъ: «преподобный Сѹмоне, помоги мнѣ!» — и въ это мгновеніе, пробудившись, съ ужасомъ пошелъ въ церковь, гдѣ, павъ на колѣна предъ образомъ преподобнаго, съ любовію лобызалъ его нѣсколько разъ, такъ что всѣ бывшіе тутъ удивились перемѣнѣ сего брата, — ибо лицо его было блѣдно, какъ у мертвеца. Тогда же рассказалъ онъ всѣмъ, что за свое невѣжество пострадалъ отъ сатаны. «Малый образъ, братъ мой», замѣтилъ при этомъ одинъ изъ старцевъ, «при теплотѣ вѣры и благоговѣніи, при чистотѣ ума и непорочности тѣла, ничѣмъ не различается отъ большаго; посему будь внимателенъ, воздавай достойную честь святымъ и священнымъ ихъ ликамъ, — малые ли они, или большіе.» Такимъ образомъ исправленный братъ воздалъ славу Богу и благодареніе преподобному.

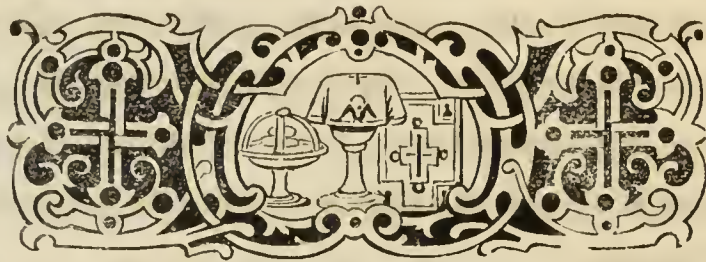
Другой братъ, именемъ Герасимъ, бывъ на всеобщемъ бдѣніи въ праздникъ преподобнаго Сѹмона, съ великимъ усердіемъ и благоговѣніемъ слушалъ чтеніе о его подвигахъ, искушеніяхъ, какія переносилъ онъ отъ діавола, и о томъ, съ какимъ терпѣніемъ послушенъ онъ былъ божественному своему старцу, — и крайне удивлялся, отчего онъ, до тѣхъ поръ, не слышалъ объ этомъ. — Что же? Во время литіи, когда вышли священникъ съ діакономъ и прочіе братіи въ притворъ, неся, по обыкновенію обители, и икону преподобнаго, братъ тотъ не пошелъ, но остался въ храмѣ, и размышлялъ о славѣ, какую имѣютъ святыя на небесахъ и на земли. Во время такого размышленія, Герасимъ видитъ тѣлесными очами свѣтоносное облако, покрывшее алтарь и икону преподобнаго, стоявшую близъ престола. Небесный свѣтъ и сія-

ніе облачное осѣняли алтарь до конца литіи. Когда же кончилась литія, и начались стихиры, свѣтлое облако само собою взялось на высоту, и видѣніе кончилось. Таковы подвиги и чудеса преподобнаго отца нашего Сумона, егоже молитвами и насъ да не лишитъ Господь царствія Своего во вѣки. Аминь.

ВѢКЪ XIV.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

КОСМЫ,

ОТШЕЛЬНИКА ЗОГРАФСКАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО СЕНТЯБРЯ 22-ГО.

Нреподобный Косма былъ болгаринъ, благороднаго происхождения, и родился по извѣщенію свыше. По достиженіи совершенныхъ лѣтъ возраста, когда, при благочестивомъ воспитаніи, онъ хорошо изучилъ греческій и болгарскій языки, родители хотѣли женить его; но Косма, въ пламенномъ желаніи иноческаго образа, тайно удалился отъ нихъ на святую Аѳонскую гору. Чтобъ въ самомъ началѣ такого самоотверженія положить благочестивому юношѣ преграду, и уничтожить прекрасныя его намѣренія, діаволь мечтательно представилъ ему обширный проливъ, отдѣлявшій со всѣхъ сторонъ святую гору отъ материка, въ то время, какъ святой Косма уже достигъ аѳонской границы. Не понимая, какимъ образомъ иноки могутъ имѣть сообщеніе съ міромъ, въ отношеніи жизненныхъ продовольствій, и какъ отъ одно-

¹ Изъ Νέον ἐκλόγιον.

го берега переплываютъ на другой, безъ необходимой для того ладіи или судна общественнаго, святой Косма, безъ пособій со стороны человѣческой, для достиженія святой горы, обратился къ Богу и началъ молиться такъ: «Господи Іисусе Христе! ради Всенепорочныя Твоея Матери, открой миѣ путь, по которому желающіе пустынной жизни на святой горѣ проходятъ къ ней.» Едва только онъ такимъ образомъ помолился, мечтаніе демонское тотчасъ исчезло, и, вмѣсто моря, открылся ему сухой путь. Святой Косма, узнавъ изъ этого козни сатанинскія, благодарилъ Бога и Пречистую Его Матерь. Послѣ сего, онъ весело ступилъ на святую гору, и съ перваго же раза прибылъ въ Зографскую обитель. Здѣсь, тронутый привѣтливостію иночествующей братіи и строгостію ихъ жизни, онъ рѣшился остаться, и былъ принятъ съ любовію. Съ тѣхъ поръ протекло довольно времени; послушный во всемъ Косма ревностно проходилъ возлагаемыя на него обязанности, и наконецъ, удостоенный ангельскаго образа, былъ опредѣленъ въ число еkkлiсiарховъ. Первыя лѣта аѳонской его жизни замѣчательны тѣмъ, что Божія Матерь благоволила видимо открыть ему Свою заботливость о святой горѣ. Это было на праздникъ Благовѣщенія, который совершается въ Ватопедѣ. Въ числѣ прочей зографской братіи, на праздникъ былъ и Косма, и видѣлъ въ церкви жену, царственной красоты и величія, которая сама распорядилась всѣмъ—и въ церкви, за службою, и въ трапезѣ. Видя жену, среди множества иноковъ, и замѣчая притомъ, что все находилось въ самовластномъ ея распоряженіи, юный пришлецъ крайне огорчился. Смутно возвратился онъ къ старцу своему, въ Зографъ и, на вопросъ, — отчего онъ такъ грустенъ?—разказалъ ему свое видѣніе въ Ватопедѣ. «Какого вида эта жена? Какое одѣяніе на ней?» спросилъ старецъ; и когда Косма описалъ ему незнакомку, тотъ со вздохомъ замѣтилъ: «и ты не узналъ, что за жена являлась

тебѣ въ обители, которая посвящена Божественной Маріи? — ты видѣлъ Царицу нашей горы и всея твари!» Услышавъ это, Косма благодарилъ небесную Владычицу, удостоившую его такового Своего явленія.

Послѣ того, по прошествіи нѣкотораго времени, онъ рукоположенъ былъ въ діакона, а потомъ удостоенъ и пресвитерства, что было для него новымъ побужденіемъ къ большимъ подвигамъ и къ безусловному исполненію священнаго своего долга и прочихъ послушаній монастырскихъ.

Какъ-то разъ, оставшись одинъ въ церкви, святой Косма молитвенно обратился къ святой иконѣ Пресвятыя Богородицы и возопилъ: «Пресвятая Богородице! помолись къ Твоему Сыну и Богу, да наставитъ меня на путь спасенія!» Едва произнесъ онъ это, какъ услышалъ голосъ Богоматери: «Сыне и Боже Мой! научи раба Твоего, какъ снастись ему.» И былъ на это отвѣтъ: «пускай удалится изъ монастыря на безмолвіе.» Вслѣдствіе такой воли Божіей, по благословенію настоятеля, святой Косма удалился въ одну изъ сосѣдственныхъ пустынь, и изсѣкъ себѣ пещеру въ скалѣ, которая видна изъ оконъ монастыря на западъ. Какъ тамъ подвизался святой Косма, видѣлъ только Богъ, — однако могли заключать отчасти и люди, потому что дивный отшельникъ, конечно за чистоту жизни и строгіе подвиги, наконецъ получилъ даръ предвѣденія и прозорливости.

Разъ къ святому Космѣ пришли два Священника Хиландарскаго монастыря, изъ любопытства — взлянуть и на него самого и на самый образъ его жизни. Между тѣмъ, на пути скрыли они въ лѣсу тыквицу съ лознымъ виномъ, въ намѣреніи взять ее на обратномъ пути своемъ къ дому: но это не утаилось отъ отшельника. При разставаніи съ гостями, святой Косма замѣтилъ имъ: «тыквицу съ виномъ, скрытую вами на пути, разбейте; потому что въ вино тайно вползла змія, и пустила въ него свой ядъ.» Удивленные та-

кимъ предвѣденіемъ, хиландарцы сокрушили тыквицу, и дѣйствительно нашли тамъ гнѣздившуюся змію. Прославляя Бога за избавленіе ихъ отъ смертельнаго яда, они благодарили и столь дивнаго своею прозорливостію святаго Косму.

Такъ же точно, просвѣтленными, въ опытахъ созерцательной жизни, очами души своей, видѣлъ онъ и дѣйствія демоновъ на пространствахъ воздушныхъ мытарствъ, которыми проносились души на небо. Нѣкогда, въ великій четвертокъ, рано утромъ, онъ увидѣлъ на воздухѣ борющуюся съ демонами душу хиландарскаго игумена, и послалъ въ тотъ монастырь ученика своего, съ извѣстіемъ и просьбою, чтобъ помолились Богу за почившаго. Когда посланный объявилъ въ Хиландарѣ слова Космы и его видѣніе, старцы того монастыря съ недовѣрчивостію отвѣчали: «Мы только что, по отходѣ утрени, видѣли нашего игумена, который сейчасъ хочетъ служить литургію; съ чего же взялъ твой старецъ такую нелѣпость? Помѣшанный! выдаетъ себя за святаго!» Впрочемъ, изъ любопытства, пошли они въ келью къ игумену, чтобъ передать ему слова прельщеннаго пустынника, и дѣйствительно увидѣли, что игумень ихъ скоростижно скончался.

Близъ Есфигменскаго монастыря, съ сѣверозапада, возвышается гора, такъ называемая Самарія. Тамъ уединялся инокъ Даміанъ, между прочимъ имѣвшій заповѣдь отъ своего духовнаго старца—«никогда не оставаться на ночь и не спать въ чужой кельѣ.» Случилось, что, по собственной какой-то надобности, онъ отправился къ сосѣднему брату, и такъ какъ тотъ былъ въ отсутствіи, то Даміанъ долженъ былъ дожидаться его до самаго вечера. Наконецъ является братъ, и Даміанъ, исполнивъ свою надобность, торопился на ночь въ свою пустынную келью. Напрасно другъ его просилъ остаться у него на ночь, представляя ему опасность ночнаго пути и начинавшагося дождя. Даміанъ, вѣр-

ный старческой заповѣди, остался непреклоненъ. Опасенія его друга не прошли даромъ. Даміанъ, по причинѣ чрезвычайной темноты и проливнаго дождя, дѣйствительно сбился съ дороги и не зналъ, гдѣ онъ находится, куда идетъ. Въ этой крайности, воззвалъ онъ къ Господу: «Господи! спаси меня, я погибаю!»—и вдругъ видитъ, что онъ стоитъ у своей кельи. Пораженный такимъ чудомъ, онъ немедленно отправился къ преподобному и рассказалъ о случившемся съ нимъ. «Братъ, Храни заповѣдь старческую», замѣтилъ тогда святой Косма, «и Богъ сохранитъ тебя отъ смерти.»

Однажды преподобный сильно заболѣлъ, и въ болѣзни, по человѣческой немощи, ему крайне захотѣлось рыбы. Что же? Богъ, питавшій Илію чрезъ врановъ, утѣшилъ и святаго Косму отеческимъ Своимъ промысленіемъ. Святой Косма вдругъ видитъ пустыннаго орла, который, спустившись съ высоты, положилъ у его пещеры свѣжую рыбу. А надобно сказать, что въ сосѣдственной пустынѣ, близъ святаго Космы, подвизался духовный старецъ Христофоръ, который, для собственной трапезы, приготовляя доставленную ему рыбу, мылъ ее въ водѣ; но, во время самаго мытья, налетѣлъ орелъ, восхитилъ изъ рукъ его рыбу, и скрылся съ нею изъ виду. Тогда какъ святой Косма, поблагодаривши Бога за чудесное о немъ попеченіе, изготовилъ для себя рыбу, и только что хотѣлъ было ѣсть, вдругъ доносится до него таинственный голосъ: «оставь часть изготовленной рыбы для Христофора, потому что это—его собственность.» На слѣдующій день Христофоръ дѣйствительно является къ святому, и едва только сотворилъ молитву предъ его пещерною дверью, преподобный сказалъ ему: «добро пожаловать, отецъ,—я ожидалъ тебя, и часть рыбы, тобою изготовленной, оставлена для подкрѣпленія постническихъ твоихъ силъ.» Когда Косма рассказалъ Христофору, какимъ образомъ Богъ даровалъ ему рыбу, и когда взаимно Христофоръ передалъ ему о хищни-

чествѣ орла, они возвеселились духовно, и прославили Бога, такъ дивно пекущагося о нихъ.

Предсмертные дни святаго Космы были для него послѣднимъ и самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ земныхъ искусовъ; потому что сатана, попущеніемъ Божиимъ, окружилъ его своимъ полчищемъ и до такой степени избилъ и изранилъ, что страдалецъ едва могъ прійти въ себя. Впрочемъ, и въ самомъ страдальческомъ своемъ положеніи отшельникъ имѣлъ утѣшеніе и залогомъ будущаго блаженства: незадолго предъ тѣмъ являлся ему Самъ Господь, предсказавъ то, что съ нимъ сдѣлаетъ сатана и, между прочимъ, обѣщавъ ему за то вѣнецъ Своего царствія. И это явленіе ему Господа онъ передалъ своему другу, сосѣдственному пустыннику Христофору. Христофоръ, пришедши разъ къ его пещерѣ, слышитъ, что кто-то бесѣдуетъ съ нимъ. Когда кончилась бесѣда святаго Космы съ таинственнымъ посѣтителемъ, Христофоръ, съ обычною молитвою, постучалъ въ дверь. Отворилась пещерная дверь, и друзья взаимно привѣтствовали другъ друга, вошли въ пещеру и, помолившись, сѣли. Христофоръ, не видя никого у преподобнаго, спросилъ его, съ кѣмъ онъ разговаривалъ. По нѣкоторомъ раздумьи, святой Косма, возбуждаясь чувствомъ дружескаго расположенія къ старцу, и не имѣя возможности скрыть отъ него посѣщеніе Господне, смиренно отвѣчалъ: «Меня посѣтилъ Христосъ Богъ нашъ, и между, прочимъ, подкрѣпляя немощь мою, извѣстилъ, что, по Его попущенію и по тайнымъ судьбамъ спасенія, вѣдомымъ Ему единому, нападетъ на меня сатана съ своими полчищами, измучитъ мою грѣшную плоть, и это будетъ предвѣстіемъ и залогомъ скорого моего отшествія въ наслѣдіе царствія Его. Для этого собственно ты и посланъ ко мнѣ. И такъ, мы теперь разстанемся, потому что я чувствую необходимость въ уединеніи и тишинѣ, а въ такой-то день ты навѣсти меня.» Тронутый этимъ извѣще-

ніемъ, Христофоръ печально удалился отъ преподобнаго Космы, въ ожиданіи назначеннаго дня, когда ему будетъ можно посѣтить его. Когда же наступило то время, старецъ Христофоръ приходитъ къ святому Космѣ, и находитъ его полумертвымъ. На вопросъ: «что это значитъ?» святой Косма отвѣчалъ: «Съ вечера, на нынѣшній день, явился сюда сатана со множествомъ демоновъ и, дыша злобою и неистовствомъ, рыкая отъ зависти и неудачъ, грозно вопіялъ къ полчищамъ своимъ: беспечные и немощные! и до сего времени никто изъ васъ не могъ низложить и сокрушить этого врага моей державы и силы! такъ ли поступаютъ съ низложителемъ нашимъ, столь многократно и постоянно побѣждавшимъ и посрамлявшимъ насъ? Неистовствуя такимъ образомъ, сатана напалъ на меня, и избилъ меня чрезвычайно, какъ видишь по оставшимся на тѣлѣ моемъ ранамъ.» Но недолго страдалъ божественный Косма. На третій день послѣ сатанинскихъ побой, приобщившись пречистыхъ Таинъ, онъ, въ словословіи и съ молитвою на устахъ, мирно предалъ Господу духъ свой, — мѣсяца сентября 22 дня, 1323 года отъ Рождества Христова.

Когда по окрестнымъ пустынямъ и по обителямъ сосѣдственнымъ разнеслась вѣсть о кончинѣ Космы, для погребенія священныхъ останковъ его собралось множество отцовъ и братій. Въ то же время Богъ, прославляющій славящихъ Его, чуднымъ образомъ прославилъ по смерти и преподобнаго Косму. Когда совершалось погребеніе преподобнаго, къ пещерѣ его стеклись пустынные звѣри, со всѣхъ сторонъ слетѣлись пернатые птицы, — и всѣ эти безмысленныя творенія, какъ будтобы понимавшія общую потерю святой горы, молча окружали отиѣвшаго праведника, не сводя съ него очей своихъ; а когда тѣло опустили въ могилу и стали засыпать землею, каждое изъ животныхъ издало печальный свой голосъ, и, по отданіи столь дивной почести угоднику

Божію, разсынались они по пустыннымъ мѣстамъ своимъ. Потомъ, когда протекло сорокадневное поминовеніе по усопшемъ праведникѣ, зографскіе братіи собрались въ его пещеру, совершили тамъ всенощное бдѣніе, и рѣшились открыть святыя останки, чтобъ перенести ихъ съ честью въ обитель: но останковъ не нашлось. Что сдѣлалось съ ними, никто не знаетъ донынѣ; это вѣдаетъ только Богъ, царствующій надъ всѣми и во всѣхъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

ЖИЗНЬ, ПОДВИГИ И ЧУДЕСА
ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО
МАКСИМА КАВСОКАЛИВСКАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ЯНВАРЯ 13-ГО.

Нреподобный отецъ нашъ Максимъ родился въ Лампсакѣ, отъ родителей благородныхъ и благочестивыхъ. Будучи бездѣтны, они молились Богу со слезами о дарованіи имъ дитяти, и молитва ихъ была услышана: Богъ даровалъ имъ этого блаженнаго Максима, названнаго во святомъ крещеніи Мануиломъ. И такъ, получивши его отъ Бога какъ даръ, они воспитывали его съ особенною заботливостью и, по наступленіи времени, начали учить его священнымъ книгамъ, а когда достигъ онъ отроческихъ лѣтъ, поселили его при храмѣ Пресвятыя Богородицы, и посветили Богу. Такимъ образомъ, Мануиль, постоянно пребывая въ Богородичномъ храмѣ, славословилъ Бога и, въ простотѣ непорочнаго сердца, ходатайствовалъ у Его Всепѣтой Матери о своемъ спасеніи. Какъ второй Самуиль, преуспѣвая въ возрастѣ и благодати, онъ былъ хвалимъ и любимъ всеми; потому что, при незрѣлости еще дѣтскаго возраста, выказывалъ уже старческаго разума. Сему много содѣйствовало, съ одной сто-

¹ Изъ Νέον ἐκλήγιον.

роны, и то, что часто ходилъ онъ къ нѣкоторымъ старцамъ, безмолвствовавшимъ вблизи того храма и, обращаясь съ ними, по возможности услуживая имъ, внималъ совѣтамъ ихъ, и такимъ образомъ, назидаясь и примѣромъ богоугодной ихъ жизни и наставленіями, пламенѣлъ божественнымъ желаніемъ оставить міръ и, сдѣлавшись инокомъ, хранить строгое безмолвіе. При такихъ прекрасныхъ свойствахъ и желаніи непорочнаго сердца, онъ часто, видя нищихъ, пренебрегалъ холодъ и отдавалъ имъ собственныя одежды, чтобъ согрѣть ихъ; равнымъ образомъ дѣлилъ съ ними и хлѣбъ. А чтобы начатковъ добродѣтельной своей жизни не погубить льстивою похвалою со стороны міра, онъ принялъ на себя видъ юродиваго, хотя это и не скрыло его отъ внимательности людей. Между тѣмъ родители, забывъ, что Мануилъ посвященъ ими Богу, приготовлялись женить его, чтобъ, связавъ его узами брака, имѣть въ немъ утѣху собственной жизни.

Узнавъ объ этомъ, юный Мануилъ, вкусившій уже сладость духовной жизни, на 17-мъ году возраста, оставивъ родителей, отечество и міръ, и тайно удалившись на гору Ганъ, принялъ тамъ на себя ангельскій образъ, съ именемъ Максима, и предался безусловной покорности и послушанію старца Марка, свидѣтельствованнаго въ опытахъ иноческой жизни и извѣстнаго по всей Македоніи. Подъ мудрымъ его водительствою, юный Максимъ быстро преуспѣвалъ во всѣхъ подвигахъ иноческой жизни и, восходя отъ силы въ силу, былъ любимъ жившими тамъ старцами, исключая только его наставника Марка. Маркъ, желая утвердить въ смиреніи скромнаго и дивнаго своего послушника, непрерывно уничижалъ и поносилъ его, не смотря на чрезвычайныя и постоянныя его труды. Впрочемъ, недолго божественный Максимъ оставался при этомъ старцѣ: Богъ воззвалъ сего преподобнаго отъ жизни временной въ вѣчныя обители, вслѣдствіе чего Максимъ, оставивъ гору Ганъ, пустился странствовать по

Македоніи, въ чаяніи найти другаго, подобнаго первому, старца,—и Богъ исполнилъ его желаніе. На пустынныхъ горахъ Папикійскихъ, въ тамошнихъ пещерахъ, онъ нашелъ нѣсколько отшельниковъ чрезвычайно строгой жизни, отъ которыхъ и занялъ много полезныхъ совѣтовъ и опытовъ жизни совершенно ангельской. Оттуда отправился онъ въ Константинополь, гдѣ, восхищаясь великолѣпіемъ и божественною красотою храмовъ, и поклоняясь святынямъ, хранящимся въ нихъ, онъ наконецъ пришелъ во влахернскій храмъ Пресвятыя Госпожи нашей Богородицы Одигитріи. Тамъ, созерцая дивныя чудеса, точившіяся отъ иконы Пресвятыя Одигитріи, и поклоняясь Ей, размышлялъ, какую чрезвычайную славу имѣетъ Она въ небесахъ, и отъ сего и подобныхъ тому созерцаній восхищаясь духомъ и неизреченно радуясь сердцемъ, въ теченіи всей ночи пробылъ безъ сна, оставался безъ обуви на ногахъ, безъ покрыва на головѣ, и имѣлъ на себѣ только ветхую власяную одежду. Въ такомъ видѣ казался онъ всѣмъ, какъ юродивый, да и самъ притворялся такимъ, подобно великому Андрею, Христа ради юродивому, и, какъ тотъ, дѣлалъ въ виду людей глупости и безчинства. При всемъ томъ, ему удивлялись всѣ и почитали его не дѣйствительно, а только Христа ради юродивымъ.

Узналъ какъ-то о святомъ Максимѣ царь Андроникъ Палеологъ и пожелалъ его видѣть; для этого призвалъ его во дворецъ и вступилъ съ нимъ въ бесѣду, въ присутствіи вельможъ. Божественный Максимъ, по своему обыкновенію, отвѣчалъ царю либо словами Григорія Богослова, либо божественнаго Писанія, такъ что самые риторы, находившіеся тутъ во дворцѣ, дивились, какъ хорошо знаетъ онъ творенія Богослова и священное Писаніе. Но такъ какъ Максимъ, при обширныхъ своихъ свѣденіяхъ, не зналъ грамматики, а потому и говорилъ неправильно, то великій логоуетъ Каниклій замѣтилъ: «гласъ,—гласъ Іаковль, руцѣ же,—руцѣ Иса-

вовы. Выслушавъ это, преподобный тотчасъ удалился изъ дворца, осмѣялъ разумъ разумныхъ, и, называя ихъ безумными, впоследствии уже никогда не являлся къ нимъ. Между тѣмъ, онъ часто ходилъ къ тогдашнему патріарху святому Аѳанасію, и бесѣдовалъ съ нимъ, — радостно внималъ ему и отзывался о немъ всѣмъ, какъ о новомъ Златоустѣ: а патріархъ, узнавъ про жизнь святаго Максима, старался всячески склонить его къ вступленію въ одну изъ киновій, которыя онъ устроилъ въ Константинополѣ. Но преподобный ни за что не хотѣлъ оставить влахернскаго храма Богородицы, пребывая въ притворѣ его, въ алчбѣ и жаждѣ, бдѣніи и молитвѣ и всегдашнихъ воздыханіяхъ и слезахъ, а по днямъ юродствовалъ въ виду народа, стараясь такимъ образомъ утаить свои подвиги, и избѣгалъ чрезъ то суетной похвалы.

Наконецъ, по довольномъ времени, святой Максимъ, для поклоненія великому Димитрію муроточивому, отправился въ Θεссалоники, а оттуда прибылъ на святую гору Аѳонскую. Тамъ, обошедши священныя обители, пришелъ онъ наконецъ и въ лавру святаго Аѳанасія. Жизнь и подвиги сего угодника, равно какъ и святаго Петра аѳонскаго, чрезвычайно удивляли его, такъ что онъ рѣшился, оставшись на святой горѣ, подражать въ безмолвіи святому Петру, а въ общеніи съ братією и въ строгомъ храненіи заповѣдей Господнихъ — Аѳанасію. Впрочемъ, не довѣряя собственному выбору и влеченію своей мысли, прежде начатія иноческихъ подвиговъ на святой горѣ, отнесся онъ къ тамошнимъ святымъ отцамъ, требуя ихъ совѣта, — какимъ путемъ предпочтительно идти ему? Тѣ посовѣтовали ему сначала подчинить себя старцу, съ безусловнымъ исполненіемъ не своей собственной, а его старческой воли, и чрезъ то самое, усвоивъ себѣ, при содѣйствіи благодати Христовой, божественное смиреніе, — какъ начало и корень всѣхъ добродѣтелей, — наконецъ удалиться въ пустыню, на безмолвіе.

Такъ и поступилъ преподобный. Оставшись въ лаврѣ святаго Аѳанасія, онъ покорилъ себя игумену и, наравнѣ съ прочими братіями, проходилъ сначала низшія послушанія; потомъ, имѣя хорошій голосъ и зная церковное пѣніе, опредѣленъ былъ на клиросъ. Такимъ образомъ, воспѣвая хвалы свои Господу, онъ возносился къ Нему сердцемъ и мыслию, и много плакалъ отъ умиленія, трогаясь, при чтеніи и пѣніи, безконечнымъ человѣколюбіемъ Бога, даровавшаго намъ благодать Духа Святаго къ достойному созерцанію Его, даже и тогда, когда мы живемъ еще въ тѣлѣ. Слѣдствіемъ сего было то, что, пламенѣя чувствомъ божественной любви, онъ, и среди множества братій, постоянно былъ мыслию въ мирѣ и безмолвіи, и упражнялся умною молитвою,—т. е. безпре-
станнымъ молитвеннымъ въ тайнѣ сердца взываніемъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!»—что, по чрезвычайной трудности и потребныхъ къ тому нерасхищенности ума и безмолвію сердца, рѣдко кому дается; а сей преподобный отъ юности получилъ такую благодать молитвы, ходатайствомъ Пресвятой Богородицы, за особенное благоговѣніе къ Ней и за свои подвиги. И такъ, пребывая въ монастырѣ съ должнымъ повиновеніемъ и усердіемъ, онъ велъ себя и здѣсь такъ же строго, какъ и при влахернскомъ храмѣ. Въ лаврѣ не имѣлъ онъ даже и келіи, и ничего другаго, что доставляло бы тѣлесное удовольствіе, а пользовался только пищею изъ трапезы, и то для того, чтобъ поддержать жизненныя силы; вмѣсто же келіи, проводилъ ночи, въ бдѣніи, въ притворѣ церковномъ,—къ чему приучилъ себя отъ юности.

Но какъ Моисея—призвала Синайская гора, Илію, Кармилъ, а крестителя Іоанна—пустыня, такимъ точно образомъ и преподобнаго Максима призвалъ пустынный Аѳонъ,—красота и цвѣтъ горъ, — дабы и на немъ процвѣлъ праведный, яко кринъ, и иночествующей братіи, опытами и чрезвычайными

подвигами духовной своей жизни, произвелъ желанные плоды Святаго Духа. Въ недѣлю святыхъ отецъ, бывающую послѣ божественнаго Вознесенія, является ему Богоматерь, имѣя въ объятіяхъ младенчествующаго Господа, и говоритъ: «слѣдуй за Мною, Мой избранный, на самую вершину Аѳона, чтобы тамъ, по желанію твоему, принять благодать Святаго Духа.» Видя два и три раза это божественное явленіе, онъ оставилъ великую лавру, и, по истеченіи недѣли, взошелъ на вершину горы, въ субботу пятидесятницы, гдѣ и провелъ, въ обществѣ прочихъ братій, всю ночь безъ сна. Братіи, по совершеніи тамъ божественной литургіи, спустились съ горы, а божественный Максимъ остался на ней, и провелъ въ молитвенномъ подвигѣ трое сутокъ. Богъ только вѣдаетъ, что вынесъ онъ, въ теченіе этого времени, отъ искушеній сатаны и враждебныхъ его полчищъ, силившихся прогнать оттуда святаго. Чтобъ устрашить его, сатана производилъ во время ночи громы и молніи, такъ что, казалось, вся гора Аѳонъ приходила въ сотрясеніе: скалы трещали и распадались на части,—а днемъ слышались дикіе голоса, какъ будто отъ множества вооруженныхъ безобразныхъ людей, которые, производя возмущеніе, устремлялись со всѣхъ сторонъ на вершину горы, чтобъ ринуть оттуда преподобнаго. Но такъ какъ все это было мечтательнымъ явленіемъ демонскихъ козней, то, полный духа вѣры и благодати, святой Максимъ не обращалъ на то вниманія, а только постоянно возносился молитвеннымъ духомъ и мыслию къ Богу и Пречистой Его Матери, и просилъ Ихъ заступленія и помощи. И онъ былъ услышанъ. Является ему, окруженная множествомъ небесныхъ силъ и осіяваемая небесною славою, Царица всея твари, держа на рукахъ Сына Своего, младенчествующаго Господа. Пораженный видѣніемъ божественнаго свѣта и явленіемъ, Максимъ, однакожь, не вдругъ увлекся чувствомъ довѣрія, ибо зналъ, что и сатана принимаетъ на себя видъ

ангела свѣтла; но прежде обратился къ молитвѣ, и потомъ, увѣрившись, что то не былъ демонскій обманъ, а истинное явленіе Богоматери, въ неизреченной радости, поклонился Ей и Господу, и воскликнулъ: «радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!»—и прочее тому подобное. Когда Господь благословилъ его, Всесвятая рекла: «прими, избранникъ Мой, власть на демоновъ, и поселись въ подгоріи, ибо на это есть воля Сына Моего, чтобъ ты, возвысившись въ подвигахъ, и для другихъ былъ путеводителемъ на пути спасенія ихъ.» Послѣ сего, въ подкрѣпленіе ослабѣвшихъ его силъ, данъ былъ ему и хлѣбъ небесный. Между тѣмъ какъ онъ принялъ, такимъ образомъ, данную ему пищу, послышалось ангельское пѣніе, окружилъ его божественный свѣтъ, и Богоматерь, въ виду его, вознеслась на небеса. Видѣніе это, божественный свѣтъ и благоуханіе, разлившееся надъ вершиною горы, такъ усладили и восхитили сердце преподобнаго, что онъ три дня и три ночи оставался еще тамъ, въ молитвенномъ подвигѣ и славословіи Бога; потомъ спустился съ вершины и, согласно волѣ Пресвятой Богородицы, пришелъ въ храмъ Ея, гдѣ пробывъ нѣсколько дней въ бдѣніи и молитвѣ, опять поднялся на верхъ горы и лобызалъ то мѣсто, на которомъ въ неизреченной славѣ явилась ему Богоматерь. Какъ тогда, такъ и впоследствии, при воспоминаніи сего видѣнія, онъ исполнялся чувствомъ невыразимой радости и веселія, и каждый разъ разливалось вокругъ него райское благоуханіе и божественный свѣтъ.

Впрочемъ, не смотря на такія дивныя проявленія міра духовнаго, святой Максимъ, спустившись съ горы, удалился на Кармилъ, — такъ называемое мѣсто, гдѣ, при церкви святаго пророка Іліи, уединенно спасался старецъ, — и открылъ ему о своихъ видѣніяхъ. Старецъ, сколько строгій въ подвижничествѣ, столько жъ и недовѣрчивый къ опытамъ проявленія міра духовнаго, выслушавъ исповѣдь его, положи-

тельно замѣтилъ и передавалъ впослѣдствіи другимъ, что Максимъ обманутъ мечтами демонскими, отчего и стали съ того времени называть его прельщеннымъ, боясь всякаго съ нимъ общенія и сношеній касательно иноческой жизни. Въ-сто того, чтобъ огорчиться такимъ пренебреженіемъ къ нему и недовѣрчивостію, преподобный Максимъ радовался, и приписываемое ему заблужденіе обратилъ въ собственную пользу, — подъ видомъ прелести и гордости скрывалъ дивные свои подвиги, всеобщимъ презрѣніемъ подавлялъ въ себѣ непріязненное чувство самомнѣнія и глубоко укоренялъ въ своей мысли и сердцѣ смиренномудріе, — этотъ божественный даръ Святаго Духа, составляющій основу и красоту подвижничества. Чтобы лучше утвердить общую молву между святогорцами касательно своего юродства, онъ избралъ себѣ странный родъ жизни: не обиталъ на одномъ мѣстѣ, но, какъ юродивый или помѣшанный, переходилъ съ мѣста на мѣсто; гдѣ останавливался на нѣсколько времени, тамъ дѣлалъ изъ травы малую каливу, чтобы только помѣстилось многопобѣдное тѣло его, потомъ, спустя немного, сожигалъ ее и, уходя на иное мѣсто, дѣлалъ новую каливу. Отъ этого и называли его кавсокаливитомъ, т. е. сожигателемъ каливъ. Нестяжательности его можно дивиться, а не говорить о ней: у него не было даже необходимаго, — онъ жилъ, какъ невещественный и безплотный, и всю свою жизнь провелъ въ мѣстахъ пустынныхъ и неприступныхъ. Между тѣмъ, божественной благодати, тайныхъ радостей сердца и надеждъ, какъ плодовъ всегдашней молитвы, сокровеннаго его поста, неподражаемыхъ для обыкновеннаго человѣка подвиговъ и лишеній, странническаго терпѣнія зимою и лѣтомъ и постоянного одиночества никто не вѣдалъ и не зналъ. Рѣдко когда, удовлетворяя существеннымъ требованіямъ природы, приходилъ онъ къ кому либо изъ братій, вкушалъ предлагаемый ему хлѣбъ и небольшую чашу лознаго вина, какъ

чашу любви и страннопріимства. По причинѣ такой его нестяжательности, одинъ изъ святогорцевъ справедливо отзывался о немъ евангельскими словами: *воззрите на птицы небесныя, яко ни сютьз, ни жнутз, ни собираютз въ житницы, и Отецз вашз небесный питаетз ихз* (Матѳ. 6, 26). Такъ и Максимъ, какъ птичка, или, лучше сказать, какъ безплотный, носился по горнымъ скаламъ святогорскихъ пустынь и распиналъ, по божественному Павлу, плоть свою, со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24).

И при такомъ ангельскомъ образѣ жизни, при такихъ поразительныхъ подвигахъ и трудахъ, святой Максимъ долго оставался у всѣхъ въ пренебреженіи, такъ что и тѣ, которые дивились его жизни, зная чрезвычайныя его лишенія и скорби, смотрѣли на него съ предубѣжденіемъ, тогда какъ онъ достигъ уже высоты и совершенства созерцательной жизни, подобно древнимъ великимъ отцамъ Антонію и Павлу еврейскому, Петру и Аѳанасію аѳонскимъ, сіялъ благодатию Святаго Духа и удостоивался таинъ откровенія и видѣній божественныхъ. Но не навсегда и онъ остался въ такомъ положеніи: мало по малу, входя въ бесѣды и общеніе съ великими старцами святой горы, онъ былъ наконецъ совершенно понятъ ими, такъ что, вмѣсто прежняго предубѣжденія, они стали смотрѣть на него съ благоговѣніемъ, и, удивляясь благодати Божіей, дѣйствовавшей въ устахъ его, нарекли его свѣтиломъ своего времени.

Въ то время прибылъ на святую гору преподобный Григорій синаитъ и, поселившись въ скитѣ Магулѣ¹, былъ для всѣхъ отцовъ горы весьма вождельбненъ, особенно же для тѣхъ, которые жили въ безмолвіи; потому что, проведши всю жизнь въ безмолвіи и постоянно занимаясь умною молитвою, онъ зналъ очень хорошо сѣти и тайныя прилоги демо-

¹ Въ области монастыря Филоѳейскаго.

новъ, что составляетъ особенное достоинство и безцѣнный даръ истинно подвижнической жизни. Посему безмолвники заимствовали у него таинства умной молитвы, изучая изъ его бесѣдъ и разсужденій признаки дѣйствій благодати и сокровенныхъ козней и тонкихъ сѣтей демонскаго обмана. Нѣкоторые изъ нихъ извѣстили его о преподобномъ Максимѣ, рассказывая о чрезвычайныхъ его подвигахъ и юродствѣ и признакахъ явнаго заблужденія. Все, что ни слышалъ божественный Григорій о святомъ Максимѣ, удивляло его: онъ непремѣнно желалъ видѣть этого подвижника и бесѣдовать съ нимъ, почему и послалъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ своихъ пригласить святаго Максима къ нему, для свиданія и бесѣды. Долго посланные не могли найти преподобнаго Максима, такъ какъ тогда было время зимнее, въ теченіе котораго преподобный то скрывался въ пещерахъ, то скитальчески проводилъ дни и ночи среди пустынныхъ лѣсовъ. Наконецъ, по истеченіи двухъ дней, утомленные трудными путями и зимними непогодами, пришли они въ келію святаго Маманта, чтобы тамъ отдохнуть, — и вотъ туда же является божественный Максимъ, привѣтствуетъ каждаго порознь, и, между прочимъ, объясняетъ посланнымъ отъ преподобнаго Григорія, куда онъ хочетъ идти со святой горы, съ какимъ намѣреніемъ и цѣлью. Но когда посланные сказали, что старецъ ихъ Григорій приглашаетъ его къ себѣ, для свиданія, онъ всталъ и, тогда же отправляясь съ ними, запѣлъ: *возведохъ очи мои въ горы, отнюду же придетъ помощь моя*, и проч. (Псал. 120). «Послушайте, братіи», сказалъ преподобный Максимъ своимъ спутникамъ, когда приблизились они къ келіи Григорія: «старецъ теперь, послѣ молитвеннаго подвига и трудовъ, покоится, — успокоимся и мы»; — и съ сими словами, оставивъ ихъ, погрузился въ пустынный лѣсъ, прослезился и запѣлъ: *исправи, Господи, стопы моя предъ Тобою, да не обладаетъ мною всякое беззаконіе*, и проч. (Псал. 118, 133).

Наконецъ преподобный Григорій и божественный Максимъ увидѣлись. Чтобъ присутствіе другихъ не могло нарушить покоя ихъ и искренности, Григорій приказалъ удалиться всѣмъ, и остался только съ преподобнымъ Максимомъ. Когда они остались наединѣ, божественный Григорій, между прочимъ, спросилъ святаго Максима, занимается ли онъ умною молитвою. «Прости меня», отвѣчалъ съ улыбкою тотъ: «я человекъ прельщенный.»—«Оставь теперь это», возразилъ Григорій, «и ради Господа, ради моей собственной пользы, скажи мнѣ о дѣлахъ твоихъ: я ищу не празднословія, а славы Божіей.» Тогда божественный Максимъ, убѣжденный именемъ Божиимъ, началъ рассказывать ему о своей жизни, о божественныхъ видѣніяхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ—о демонскихъ искушеніяхъ. «Я», говорилъ онъ, «имѣлъ великую вѣру къ Господѣ моей Богоматери, плакивалъ предъ Нею въ моихъ молитвахъ, испрашивая благодать умной молитвы, и разъ, вошедши, по обыкновенію, въ храмъ Ея, со слезами просилъ Ее объ этомъ. Приступивъ для сего къ божественному лику, чтобъ облобызать его, я вдругъ ощутилъ теплоту, которая, согрѣвая сердце, приводила въ движеніе всѣ чувства и волновала ихъ сладостнымъ умиленіемъ. Съ тѣхъ поръ умъ и сердце мое постоянно заняты сладкою памятію моего Іисуса и Богоматери, и молитва сердечная остается постояннымъ моимъ занятіемъ. Но прости меня.»

— «Скажи мнѣ», продолжалъ божественный Григорій: «при постоянномъ дѣйствіи молитвы Іисусовой въ сердцѣ твоемъ, замѣчалъ ли ты въ себѣ какое нибудь божественное измѣненіе,— или восторгъ или какой нибудь другой плодъ молитвы и благодати Святаго Духа?»

— «Чтобы духъ молитвы чувственнѣе и обильнѣе проявлялся во мнѣ», отвѣчалъ божественный Максимъ, «я погрузился въ пустыню, и постоянно искалъ безмолвія: тогда этотъ плодъ молитвы я дѣйствительно замѣчалъ въ божествен-

номъ желаніи и восхищеніи ума ко Господу.»— «И это точно такъ», возразилъ синаитъ. А божественный Максимъ, потупившись, улыбнулся и сказалъ: «дай мнѣ покушать и не любопытствуй о заблужденіи.»— «О, еслибы я дошелъ до такого заблужденія!» воскликнулъ святой Григорій. «Но, умоляю тебя, скажи мнѣ откровенно: во время молитвы, когда мысль твоя возносится къ Богу, что созерцаетъ душа? Можетъ ли тогда дѣйствовать сердечная молитва?»— «Никакъ», отвѣчалъ онъ: «когда благодать Святаго Духа, во время моей молитвы, овладѣетъ умомъ, тогда молитва не дѣйствуетъ; потому что, не имѣя своей собственной силы, умъ въ тѣ минуты остается подъ вліяніемъ Святаго Духа, и Духъ уже дѣйствуетъ, вводя и изводя его въ видѣнія божественныя, осіявая его неизреченнымъ свѣтомъ и, по мѣрѣ достоинства человѣка, доставляя ему свое утѣшеніе. Въ такомъ положеніи бывали святыя пророки и апостолы, и восходили до такой степени въ созерцаніи откровеній, что для людей казались изступленными или какбы упившимися. Какъ святой Исаія удостоился видѣть Господа *на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*, окружаемаго серафимами (6, 1), или какъ Стефанъ первомученикъ зрѣлъ *небеса отверста и Сына человеческого одесную стояща Бога* (Дѣян. 7, 56), и проч.; точно такъ же и нынѣ рабы Христовы сподобляются различныхъ видѣній, хотя нѣкоторые и не вѣрятъ сему, считая это невозможнымъ, а потому и думаютъ, что то заблужденіе, а не истина. И очень странно, что бѣдные люди не признаютъ благодати Святаго Духа, хотя она еще чрезъ Іоила обѣщана Богомъ: *излію*, сказалъ чрезъ него Богъ, *отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ* (2, 28). Эту божественную благодать и нынѣ даруетъ Христосъ всякому изъ вѣрующихъ, и, какъ обѣтовалъ Самъ, она не оскудѣетъ до скончанія вѣка. При дѣйствіи сей благодати, душа становится выше всего чувственнаго, и погружается въ таинства со-

зерцанія, такъ что о чемъ умъ дотолѣ и вообразать не могъ, то, какъ говоритъ божественный Павелъ, ясно открывается ему. Чтобы понять, какъ умъ созерцаетъ то, *еже око не видѣтъ*, и чего не могъ онъ постичь самъ собою, объяснимъ это такъ: воскъ, какъ ни растирай его руками, безъ содѣйствія огня, не сдѣлается текучимъ; а положи его въ огонь, онъ прежде всего растопляется, потомъ объемлется пламенемъ и, сливаясь съ нимъ, вспыхиваетъ, объемлется свѣтомъ и самъ превращается въ свѣтъ, — такъ что невозможно уже оставаться ему въ своемъ собственномъ видѣ, напротивъ, онъ разливается въ пламени, какъ вода. Такъ бываетъ и съ нашею душою: безъ содѣйствія благодати, она предоставляется силѣ собственнаго своего разсужденія; но когда божественный огонь, или благодать Святаго Духа, объемлетъ ее, она остается уже подъ вліяніемъ и дѣйствіемъ Его свѣта, дѣлается сама свѣтомъ, и такимъ образомъ, воспламенившись огнемъ божественнымъ, не можетъ дѣйствовать собственными силами, — или думать и разсуждать по своему произволу, — но дѣйствуетъ и разсуждаетъ въ силѣ и духѣ божественной благодати.»

— «Но это не суть ли только признаки заблужденія», возразилъ тогда святой Григорій, «отъ которыхъ должно отличать еще другіе?» — «Признаки заблужденія», отвѣчалъ на это великій Максимъ, «и признаки благодатныхъ дѣйствій — не одно и то же. Лукавый духъ заблужденія дѣйствуетъ не такъ: онъ производитъ въ душѣ движенія смѣшанныя, умъ становится мраченъ, сердце каменѣетъ, — слѣдствіемъ чего и бываетъ боязнь и страхъ, высокое о себѣ мнѣніе, пренебреженіе къ другимъ, волненіе мысли непріязненными чувствами въ отношеніи ко всѣмъ, что и въ самыхъ бесѣдахъ чловѣка обнаруживаетъ опасное положеніе мечтательнаго ума и враждебнаго сердца. Такой чловѣкъ, самъ замѣчая въ себѣ дѣйствіе непріязни, смущается; въ немъ хотя и не

можетъ быть истиннаго смиренія и молитвенной слезы, однакожь, онъ, въ тщеславіи своемъ, хвалится собственными подвигами такъ, что наконецъ доходитъ до помѣшательства, и совершенно погибаетъ. Такого несчастія да избавить насъ Господь, твоими молитвами! Между тѣмъ, признаки благодати»,—продолжалъ святой Максимъ,—«слѣдующіе: Духъ Святой, осѣняя умъ, совершенно хранитъ его и всѣ чувства отъ развлеченія и разсѣянности, и потомъ, приводя на память человѣку смертный часъ, грѣхи его и вѣчныя за нихъ наказанія, невольно погружаетъ его въ смиренное о себѣ мнѣніе, трогаетъ и доводитъ до слезъ и плача. И чѣмъ болѣе такимъ образомъ дѣйствуетъ на человѣка благодать, тѣмъ совершеннѣе смиряетъ его, и, въ этомъ смиреніи, утѣшаетъ его вмѣстѣ безмѣрнымъ человѣколюбіемъ Господа, который пострадалъ за него. Вслѣдствіе же сего, умъ, погружаясь въ таинства созерцанія и божественныхъ видѣній, относитъ все это не къ собственнымъ своимъ силамъ и подвигамъ, а къ всемогуществу и силѣ Бога, и сердце въ тишинѣ производитъ плоды Святаго Духа: радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе и — оплотъ всѣхъ сихъ плодовъ—божественное смиреніе. Отъ этого душа человѣка чувствуетъ неизреченное веселіе.» Божественный синаить, пораженный бесѣдою святаго Максима, съ тѣхъ поръ называлъ его не иначе, какъ земнымъ ангеломъ.

Послѣ сего онъ убѣдительно просилъ, чтобы преподобный Максимъ не сожигалъ уже каливъ своихъ. «Укрѣпись», говорилъ онъ, «на одномъ мѣстѣ и сиди, какъ говоритъ мудрый Исаакъ,—чтобы сколько, съ одной стороны, и себя утверждать въ опытахъ подвижничества, столько же, съ другой, и инымъ доставить пользу и назиданіе. Ты уже состарѣлся»,—продолжалъ онъ,—«а смерть приходитъ часто преждевременно: поэтому не скрывай таланта; не для тебя собственно данъ онъ тебѣ Богомъ, но для того, чтобъ ты передалъ его и

другимъ. Оставь юродство и пребывай на одномъ мѣстѣ; а то что за польза, если тобою будутъ только блазниться? Хорошо ли, если ты, вмѣсто того, чтобъ передать твои опыты въ строгомъ подвижничествѣ, и такимъ образомъ однихъ утвердить въ нихъ и болѣе возвысить, а въ менѣе сильныхъ возбудить святую ревность къ подражанію, заставишь и тѣхъ и другихъ имѣть о тебѣ зазрительное мнѣніе? Господь не для того даетъ благодать Святаго Духа, чтобы, подобно лѣнивому рабу, скрывали ее; мы, подражая апостоламъ, должны быть свѣтомъ міру, и *свѣтъ* нашей жизни *да просвѣтитъ предъ чловѣки*, а не предъ пустынными скалами. И такъ, да просіяетъ собственный твой свѣтъ предъ здѣшними отшельниками, да видятъ дѣла твоя и прославятъ Отца нашего, Иже на небесѣхъ. Послушайся меня и поступи такъ. Я совѣтую тебѣ, какъ искренній другъ и братъ: а знаешь, что *братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ* (Притч. 18, 19), по выраженію священнаго Писанія.» Когда и прочіе старцы узнали объ этихъ совѣтахъ божественнаго Григорія, переданныхъ Максиму, у нихъ тоже родилось желаніе употребить всевозможныя убѣжденія къ тому, чтобъ онъ утвердился на одномъ мѣстѣ. Вслѣдствіе сего, божественный Максимъ, какъ истинно смиренный и послушный волѣ старческой, избралъ себѣ постояннымъ жилищемъ пещеру, въ сосѣдствѣ знаменитаго старца Киръ Исаи, окружилъ ее легкою загородкою, на одну сажень въ ширину и на одну въ длину, — но не изъ камней или дерева, а изъ вѣтвей и травъ, по своему обыкновенію: и съ той поры, дѣйствительно, провелъ тамъ остатокъ жизни своей, въ обычной своей нестяжательности, восходя отъ силы въ силу и день отъ дня преуспѣвая въ подвижничествѣ, — такъ что наконецъ достигъ высоты ангельскаго безстрастія. При пещерѣ своей онъ выкопалъ себѣ могилу и, каждодневно удаляясь туда во время утрени, плакалъ надъ могилою и плачевнымъ стар-

ческимъ гласомъ пѣлъ надгробныя пѣсни, составленныя имъ самимъ. Такимъ образомъ тихо текла жизнь его. Демоны, конечно, не преставали тревожить его жестокими своими нападеными, но, ставши выше всѣхъ ихъ козней, онъ низлагалъ ихъ; врачевалъ приходившихъ къ нему, и источалъ всѣмъ и каждому струи вещественныхъ и духовныхъ цѣлений, убѣждая всѣхъ къ исправленію своей нравственности и къ строгому храненію церковныхъ законоположеній, и запечатлѣвая такія убѣжденія конечнымъ совѣтомъ, — по очищеніи совѣсти, пріобщаться пречистыхъ Таинъ Христовыхъ, въ извѣстные праздники, во исцѣленіе души и тѣла. Изъ числа многихъ чудесъ преподобнаго Максима, представимъ слѣдующія, — чтобы показать, какую силу и власть пріялъ онъ отъ Господа надъ демонами, и какимъ даромъ предвѣденія и прозорливости украсилъ его Господь. Замѣтимъ предварительно, что онъ получалъ иногда и хлѣбъ насущный отъ Бога чрезъ ангела.

Однажды пришли къ преподобному нѣкоторые изъ лаврской братіи, для полученія отъ него назиданія душевнаго. Пришелъ съ ними и мірянинъ. Преподобный, какъ только увидѣлъ послѣдняго, строго закричалъ на него и прогналъ его далеко, приговаривая: «это окаянный Акидинъ!» Между тѣмъ, пришедшіе съ міряниномъ не знали, что онъ питалъ непріязненныя чувства и мысли въ своемъ сердцѣ, въ отношеніи къ пустынному подвижничеству. Когда мірянинъ, такимъ образомъ, былъ выгнанъ, преподобный началъ объяснять братіи заблужденія Акидина, называя его еретикомъ, слугою антихриста и пріятелемъ демонскихъ сквернъ. Такъ преподобный Максимъ былъ строгъ въ отношеніи и къ другимъ еретикамъ и противникамъ восточнаго православія: онъ проклиналъ ихъ. Точно такимъ же образомъ, въ другой разъ, выгналъ онъ отъ себя и вольнодумца.

Аѳонскій инокъ хотѣлъ, по своей надобности, путеше-

ствовать въ Константинополь, и рѣшился было сѣсть на прибывшій къ святой горѣ солунскій каикъ. Когда же прибылъ онъ къ преподобному Максиму, чтобы благословиться отъ него на такой дальній путь, тотъ не отпустилъ его, предсказывая гибель каика, — что и оправдалось: по истеченіи трехъ дней, во время сильной бури, каикъ залило волнами, и онъ, вмѣстѣ со всѣми бывшими на немъ пассажирами, погрузился въ море.

Пришли къ преподобному нѣкоторые міряне, имѣя съ собою одержимаго демономъ несытости, — потому что больной ѣлъ за пятерыхъ, и при всемъ томъ не насыщался. Повергшись къ ногамъ преподобнаго, міряне умоляли исцѣлить больнаго. Тронутый просьбами ихъ, святой взялъ сухарь, и, давая страждущему, сказалъ: «во имя Господа нашего Иисуса Христа, вкушай не болѣе этого сухаря, будь сытъ и мирень», — и съ той поры несчастный не только исцѣлился, питаясь такъ, какъ заповѣдалъ преподобный, но, пришедши въ сокрушеніе, отрекся міра, сдѣлался инокомъ и, подъ руководствомъ своего врача, преподобнаго Максима, достигъ совершенства иноческой жизни.

Изъ многихъ случаевъ, доказывающихъ, въ какой степени преподобный имѣлъ даръ предвѣденія и прозорливости, приведемъ слѣдующій. Въ одно время, онъ предсказывалъ приближеннымъ своимъ братіямъ, что къ нему придутъ греческіе цари, но не для душевнаго назиданія, а для того, чтобъ узнать судьбы будущаго. Такъ и случилось.

По прошествіи малаго времени, дѣйствительно, прибыли къ нему Іоаннъ Кантакузень и Іоаннъ Палеологъ, греческіе императоры. Преподобный много утѣшилъ ихъ старческими своими совѣтами, открылъ имъ тайныя судьбы грядущей ихъ жизни, убѣждая къ великодушію и терпѣнію всѣхъ превратностей; отпуская же ихъ отъ себя, обратился къ Кантакузену и сказалъ: «отецъ игумень!» а Палеологу: «Дер-

жи, неудержимый, и не обманись: царство твое будетъ продолжительно, но бѣдственно и смутно. Впрочемъ, идите съ миромъ!» Вскорѣ послѣ сего онъ послалъ въ Константинополь Кантакузену сухарь, часть луку и чесноку, приказавши сказать: «ты будешь монахомъ, и вотъ твоя пища!» Такъ и случилось. По возникшей непріязни и смутамъ, утѣсняемый Палеологомъ, Кантакузенъ уклонился отъ него, и наконецъ скончалъ дни свои въ иночествѣ, на святой горѣ. Когда случилось ему впоследствии питаться сухарями и обычною иноческою пищею, онъ вспоминалъ пророчество святаго Максима и дивился его предвѣденію. И Палеологъ, равнымъ образомъ, вспоминая слова преподобнаго, трогался сердечно дивною его прозорливостію.

Въ одно время, прибылъ на святую гору изъ Константинополя ученый чиновникъ, или такъ называемый грамматикъ, и, желая видѣть преподобнаго, слава котораго разносилась всюду, пришелъ къ нему. Но, прежде нежели могъ онъ выговорить что нибудь, преподобный, провидя сердечныя его чувства и мысли, напалъ на него. «Видалъ ли ты», строго и гнѣвно спрашивалъ онъ грамматика, «подвиги и боренія святыхъ и благодать, которая даруется имъ за то отъ Бога? И ты смѣешь хулить ихъ, полагая, что святые не такъ подвизались, какъ пишутъ о нихъ въ житіяхъ ихъ, что будто бы историки дѣлаютъ имъ милость, прибавляя много небывалаго! И, въ разсужденіи чудесъ, которыя они творили, ты смѣешь умствовать, что это вымысль, а не дѣйствительная правда! Отстань отъ такихъ сатанинскихъ помысловъ,—иначе ты раздражишь Бога, и молнія поразитъ тебя за твое заблужденіе и неправыя мысли. Напротивъ, знай, что изъ жизни святыхъ только часть передается описанію, потому что никто не въ силахъ подробно описать тайны ихъ подвиги, которые вѣдомы только единому Богу. И такъ, если хочешь себѣ добра, смирись, оставь глупыя

рѣчи эллинскихъ твоихъ мудрецовъ, и обратись къ Богу всею силою души: тогда не только не будешь отвергать дивные подвиги святыхъ, но убѣдишься истинно, что какъ благодать Божія, дѣйствовавшая во всѣхъ ихъ мысляхъ, начинаніяхъ и подвигахъ, выше слова человѣческаго, такъ и самые подвиги святыхъ выше описанія историческаго!» Пораженный прозорливостію преподобнаго, грамматикъ затрепеталъ, и не только исправился самъ, но, при помощи Божіей, дѣйствовалъ и на сердца другихъ вольнодумцевъ.

Пожелалъ видѣть преподобнаго Максима и бесѣдовать съ нимъ архіерей траянопольскій. Въ сопутствіи своего діакона, прибылъ онъ на святую гору. Чтобъ увѣриться въ справедливости молвы о прозорливости преподобнаго Максима, архіерей сказался діаконъ, а своего діакона облекъ въ архіерейскія свои одежды. Когда, такимъ образомъ, предварительно явился къ нему архіерей, въ видѣ діакона, прося позволенія видѣться съ нимъ траянопольскому владыкѣ, преподобный отвѣчалъ: «Не искушай моей худости, святой владыка, но благослови меня. Прости мнѣ», продолжалъ онъ: «я видѣлъ, какъ вы съ діаконъ перемѣнились одеждами.» Архіерей просилъ прощенія у преподобнаго, и возвратился отъ него съ великою для души своей пользою.

Въ то время дѣла сербской Церкви находились въ такомъ положеніи, что потребовалось въ Сербіи присутствіе вселенскаго владыки: поэтому, по волѣ царя, тогдашній святой патріархъ Каллистъ и подвигся туда съ своимъ клиромъ. Отправляясь по назначенію, онъ посѣтилъ и святую Аѳонскую гору. Посѣщая здѣсь различныя святыя обители, онъ почелъ необходимымъ побывать и въ убогой келии богатаго добродѣтелями и всѣмъ имъ извѣстнаго святаго Максима. Преподобный подобающимъ образомъ встрѣтилъ святаго владыку, и принялъ отъ него святительское благословеніе. Послѣ приличнаго своего привѣтствія владыкѣ, онъ

сказалъ присутствующимъ слѣдующее шуточное изреченіе: «старецъ этотъ погубилъ свою старицу (т. е. Константинополь)»; а провожая отъ себя святаго патріарха, запѣлъ, вслѣдъ за нимъ, слѣдующіе надгробные стихи: *блажени непорочнии, въ путь ходящии*, — и сказалъ бывшимъ тутъ, что патріархъ не воротится на свою кафедру, что смертные его останки приметъ въ свои нѣдра земля сербская. Такъ и случилось.

Разъ посѣтилъ святаго Максима смотритель лаврской больницы святаго Аѳанасія, именемъ Григорій, съ другимъ братомъ лавры. Это было зимою. Вошедши въ каливу преподобнаго, они видятъ теплый хлѣбъ, необыкновенной чистоты, и издающій столь чудное и обильное благоуханіе, что наполнилась имъ вся калива святаго. Между тѣмъ, не нашедши въ каливѣ даже и признаковъ того, чѣмъ зажигается огонь, и не видя никакого въ нее слѣда, — ибо тогда только что выпалъ свѣжій снѣгъ, — они дивились этому явленію и изумлялись. Ясно, такимъ образомъ, убѣдившись, что это былъ хлѣбъ неземной, они припали къ ногамъ преподобнаго и просили его сподобить и ихъ этой небесной пищи. Святой съ любовію удѣлилъ имъ половину небеснаго хлѣба, обязавъ ихъ, впрочемъ, никому не объявлять объ этомъ, пока онъ находится въ сей скоропреходящей жизни. Сподобившіеся видѣть такое чудо, лаврскій больничный Григорій и другой братъ лавры, по преселеніи святаго въ жизнь нестарѣющуюся, рассказывали о немъ, свидѣтельствуясь Богомъ, и присовокупляли еще, что онъ въ то же время далъ имъ и воды необыкновенно пріятной.

Многіе говорили также, что святой Максимъ неоднократно услаждалъ предъ ними морскую воду, и дѣлалъ ее годною для питья.

Наконецъ, по истеченіи 14-ти лѣтъ безмолвной своей жизни въ глубокой пустынѣ, преподобный, на остатокъ дней

своихъ, оставилъ строгое свое уединеніе и поселился близъ лавры преподобнаго Аѳанасія, гдѣ и окончилъ подвижническую свою жизнь, 23-го января, въ глубокой старости,—будучи 95-ти лѣтъ.

Какъ при своей жизни, такъ и по смерти, преподобный Максимъ много творилъ и творить чудесъ. Писатель его житія ¹, перечисляя и излагая ихъ, говоритъ: «призываю Бога во свидѣтели, что и самъ я былъ очевидцемъ нѣсколькихъ чудесъ его: разъ, напр., видѣлъ его перенесшимся по воздуху съ одного мѣста на другое; слышалъ, какъ преподобный пророчески предсказалъ мнѣ, что я буду прежде игуменомъ, а потомъ охридскимъ митрополитомъ, открылъ мнѣ даже и о страдальческихъ подвигахъ моихъ за Церковь»,—и все это, какъ замѣчаетъ біографъ, исполнилось. Мало того,—по смерти своей, преподобный Максимъ являлся ему, и исцѣлилъ его отъ смертной болѣзни. Молитвами сего преподобнаго, да удостоимся и мы получить отъ славимаго въ Троицѣ Бога милость и спасеніе вѣчное. Аминь.

---

¹ Проггумень Ватопедской обители Теофанъ.

Ж И Т І Е

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ПАЛАМЫ,
АРХІЕПИСКОПА ТЕССАЛОНИКСКАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО НОЯБРЯ 14-ГО, И ЕЩЕ ВО ВТОРУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

ожественный отецъ нашъ Григорій имѣлъ родителей благородныхъ и добродѣтельныхъ: отецъ его, въ царствованіе Андроника втораго Палеолога, занималъ при дворѣ высшую государственную должность. При такой любви царя земнаго, онъ пользовался особенною благодатію и небеснаго, чему яснымъ свидѣтельствомъ служитъ то, что, предвидя исходъ свой отъ времени въ вѣчность, онъ сложилъ съ себя званіе государственное и, подъ именемъ Константія, мирно отшелъ ко Господу. Между тѣмъ Григорій, по смерти отца своего, продолжалъ классическія занятія, посвящая себя изученію философскихъ наукъ и всего, что входило въ составъ тогдашняго юношескаго образованія. Замѣчательно, между

¹ Изъ Νέον ἐκλόγιον.

прочимъ, было въ немъ то, что, не довѣряя собственной своей памяти, онъ положилъ себѣ за правило—предъ каждымъ урокомъ класть три земныхъ поклона, съ молитвою предъ иконою Госпожи Богородицы,—и такимъ образомъ успѣхи его были быстры. Самъ императоръ, по тайному расположенію и сердечной привязанности къ осиротѣвшему отроку, принималъ въ его положеніи живое участіе, и отечески озбочивался его воспитаніемъ. Постоянные успѣхи и отлично скромное поведеніе были слѣдствіемъ царственнаго попеченія о Григоріѣ: по своимъ дарованіямъ и сердечнымъ качествамъ, онъ былъ дивомъ для всѣхъ и радостію сердца царева. Но, тогда какъ внимательный Палеологъ имѣлъ въ виду земныя цѣли и земное благо въ отношеніи къ юному Григорію, Григорій, съ своей стороны, по тайнымъ побужденіямъ дѣвственнаго сердца и по чувству пламенной любви къ Богу, становился выше земнаго своего предназначенія и всѣхъ временныхъ благъ, располагаясь оставить міръ и славу его и удалиться въ пустыню. По этому побужденію, часто имѣя сношенія и встрѣчи съ святогорскими иноками, онъ требовалъ отъ нихъ совѣтовъ, въ разсужденіи своего положенія, признавалъ образъ подвижнической жизни, и наконецъ, согласно общимъ ихъ убѣжденіямъ, рѣшился, не оставляя двора и своихъ занятій, испытывать силы,—можетъ ли онъ быть дѣйствительнымъ инокомъ. Прежде всего, блестящія свои одежды замѣнилъ онъ ничтожными и худыми рубищами, потомъ началъ мало по малу измѣнять свои прежнія привычки и образъ внѣшняго поведенія,—оставилъ всѣ условія свѣтскихъ приличій,—что, само собою, обратило на него общее вниманіе свѣта, такъ что всѣ признали его сумасшедшимъ. Самъ Григорій могъ предвидѣть это и зналъ, но не измѣнялся, съ удовольствіемъ принимая насмѣшки людей и общее къ себѣ пренебреженіе. Протекло уже нѣсколько лѣтъ такой строгой жизни,—и ни убѣжденія импе-

ратора, ни его внимательность и желаніе возвесть его на степень государственной службы, ни ласки искренно преданных ему друзей, ни родственныя связи,—ничто не могло остановить его на крестномъ пути къ небу. Между тѣмъ назидательная его жизнь, убѣжденія, полныя силы и благодати, дѣйствовали уже на нѣкоторыхъ изъ его домашнихъ: нѣсколько человѣкъ изъ его прислуги, вслѣдствіе его убѣжденій, удалились отъ міра и остались навсегда въ ангельскомъ ликѣ. Вслѣдъ за ними, и самъ Григорій, въ сопровожденіи своихъ братій, погрузился въ пустынную лавру Ватопедскую, на святой горѣ Аѳонской, подчинивъ себя безусловно, свидѣтельствуванному тогда отъ всѣхъ, извѣстному между святогорцами, старцу Никодиму, отъ котораго впоследствии и постриженіе въ иноческій образъ.

Во второй годъ своего пребыванія у старца Никодима, Григорій былъ удостоенъ божественнаго явленія. Въ одинъ день, когда мысль его была погружена въ Богѣ, внезапно сталъ предъ нимъ честный мужъ, — это былъ Іоаннъ Богословъ — и, смотря на него весело, спросилъ: «что за причина, что, взывая къ Богу, ты всякій разъ только повторяешь: просвѣти тьму мою, просвѣти тьму мою?» Григорій отвѣчалъ: «чего другаго долженъ я просить, кромѣ этого,—да просвѣщусь и узнаю, какъ творить волю Его святую!» Тогда говоритъ ему евангелистъ: «по волѣ Владычицы всѣхъ, Богородицы, съ этой поры я буду съ тобою неотступно.»

По истеченіи трехъ лѣтъ безусловнаго послушанія и подвижнической жизни, подъ мудрымъ водительствомъ и опытностію божественнаго старца Никодима, Григорій лишился его: онъ, въ глубокой старости, отшелъ ко Господу. Тогда святой Григорій удалился въ великую лавру святаго Аѳанасія,—и тамъ приняли его отцы съ великою честію, ибо давно слышались о добродѣтельной его жизни. Тамъ онъ пробылъ три года, удивляя всѣхъ своими подвигами и муд-

ростію. Когда кончилось это время искуса, игумень поручилъ ему служеніе съ братією въ общей трапезѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и должность церковнаго пѣвца. И здѣсь и тамъ чудный Григорій былъ изумительнымъ образцомъ иноческаго совершенства, такъ что нетолько безмысленныя движенія плотскихъ страстей царственно и навсегда укротилъ онъ и подавилъ, но и въ самыхъ существенныхъ требованіяхъ природы имѣлъ строгое ограниченіе, какъ будто не нуждаясь ни въ чемъ земномъ, и представлялъ собою утѣшительный примѣръ ангельскаго безстрастія и божественной чистоты. Самый сонъ, безъ котораго нельзя обойтись никому, у него былъ такъ побѣжденъ, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ боролся съ нимъ, не давая себѣ ночью ни покоя, ни отдыха, за исключеніемъ только слабой дремоты, въ которую погружался ненадолго послѣ обѣда,—и то собственно изъ предосторожности отъ пагубныхъ слѣдствій долгой и изнурительной бессонницы. Само собою разумѣется, что, при такомъ образѣ жизни, общеніе съ братією много отвлекало его отъ совершеннаго удовлетворенія требованіямъ безсмертнаго духа, и—Григорій скрылся изъ лавры.

Изъ лавры святой Григорій удалился въ такъ называемый скитъ Глоссія, гдѣ обитало много отшельниковъ, подъ руководствомъ старца Григорія, родомъ тоже изъ Константинополя. Этому-то дивному старцу, въ тогдашнее время славившемуся опытами созерцательной жизни и сердечной или умной молитвы, поручилъ себя Григорій, и отъ него впоследствии занялъ и изучилъ таинства созерцанія или умнаго дѣланія и божественной чистоты. Нельзя выразить, конечно, ни на какомъ человѣческомъ языкѣ и никакимъ словомъ, тѣхъ таинствъ, когда умъ человѣка, сердце и какъ бы все существо его сливаются въ одно желаніе воли и силы—благоугождать Богу, любить Его, и молитвою непрестанною, какъ щитомъ, ограждать себя отъ всякаго пополз-

новенія къ плотскому мудрованію и отъ непріязненныхъ дѣйствій сатаны; но самыя плоды такой созерцательной жизни объясняютъ собою, или проявляютъ тайны благодатныхъ даровъ, которыми Богъ обогащаетъ избранныхъ Своихъ. И святой Григорій, погружаясь во глубину молитвеннаго духа и озаряясь имъ, доходилъ до такой степени умиленія и плача сердечнаго, что слезы струями текли изъ очей его, и были постоянны и неизсякаемы. Впрочемъ, Григорій и его сподвижники не могли наслаждаться всегда благимъ безмолвіемъ—тамъ, въ Глоссіи, по причинѣ нападеній, какія дѣлали агаряне на монаховъ, безмолвствовавшихъ внѣ монастырей. Посему, во избѣжаніе опасностей, Григорій и собраніе его, состоявшее изъ двѣнадцати человѣкъ, принуждены были удалиться въ Фессалонику, и тамъ, посовѣтовавшись между собою, согласились идти во Іерусалимъ, для поклоненія святымъ мѣстамъ, а если возможно,—и для окончанія жизни гдѣ нибудь въ пустынномъ безмолвіи. Божественный Григорій желалъ узнать, благоугодно ли Богу намѣреніе ихъ,—и вотъ, когда онъ помолился объ этомъ, и послѣ того заснулъ, представилось ему, какъ самъ онъ говоритъ, будто онъ находился въ царскомъ дворцѣ, съ сподвижниками своими, предъ трономъ дивнаго царя, окруженнаго безчисленнымъ множествомъ вельможъ и тѣлохранителей. Одинъ изъ числа царственной свиты, какъ будто великій князь, отдѣлился и, приблизившись къ Григорію, дружески обнялъ его, а потомъ, обращаясь къ собратіямъ его, сказалъ: «я удерживаю Григорія у себя,—такъ угодно это царю; а вы подите, куда хотите.» Это видѣніе великій Григорій объявилъ своимъ собратіямъ,—и какъ самъ онъ, такъ и прочіе объясняли оное слѣдующимъ образомъ: великій князь, удержавшій божественнаго Григорія, былъ не иной кто, какъ святой великомученикъ Димитрій,—почему и рѣшились не оставлять Фессалоники, гдѣ почиваетъ этотъ великій угодникъ Божій.

Здѣсь, въ Солуни, братіи начали убѣдительно просить божественнаго Григорія о принятіи священства, на что онъ, съ своей стороны, и соглашался, но не прежде, какъ узнаетъ, что на это есть воля Божія. По сему случаю, назначили постъ и молитву: молитва была услышана Богомъ,—и святой Григорій вслѣдъ за тѣмъ принялъ священство.

Послѣ рукоположенія, въ сонутствіи небольшой своей братіи, онъ удалился въ тамошній скитъ, гдѣ и начали они подвизаться снова. Образъ жизни его былъ таковъ: Пять дней въ недѣлѣ, онъ и самъ вовсе не выходилъ никуда, и къ себѣ не принималъ никого; въ субботу только и въ воскресенье, по совершеніи священнодѣйствія и по принятіи божественныхъ Таинъ, онъ входилъ въ духовное общеніе съ братіями, назидая и утѣшая ихъ увлекательною своею бесѣдою. Тогда ему было еще немного болѣе 30-ти лѣтъ отъ роду. Совершенное здоровье и тѣлесныя силы не измѣняли ему. А чтобы плоть во всѣхъ отношеніяхъ подчинить духу, онъ продолжалъ жизнь чрезвычайно строгую и для плотскаго мудрованія и воли изнурительную, что имѣло благотворными слѣдствіями—назиданіе для братіи и высокій образецъ совершенства иноческаго.

Случалось такъ, что иногда онъ весь какбы погружался въ глубокое безмолвіе и тишину: тогда слезы рѣкою текли изъ молитвенныхъ его очей. Когда же открывалъ онъ уста свои для бесѣды, слышавшіе дивныя его рѣчи, трогались сердечно, увлекались и плакали. Въ часы же, слѣдовавшіе за его затворомъ, а особенно послѣ литургіи, лицо его было славно,—на немъ игралъ дивный свѣтъ божественный. Въ это время, отошла ко Господу великая въ добродѣтеляхъ мать его, именемъ Каллиста. Дочери и сподвижницы ея, сестры Григорія, тотчасъ дали знать о томъ Григорію, прося его придти къ нимъ, для утѣшенія ихъ сиротства и для духовнаго наставленія. Григорій повиновался призыву

родственной любви, и прибылъ въ Константинополь, къ сестрамъ своимъ, которыя потомъ, при отбытіи его въ Веррію, послѣдовали за нимъ, и были опредѣлены имъ въ женскій монастырь. По возвращеніи святаго Григорія на свое мѣсто, къ братіи, случилось ему войти въ дружескія отношенія и близкое знакомство съ однимъ простымъ старцемъ, безмолвникомъ Іовомъ, который, слушая однажды божественнаго Григорія, выражавшаго мысль, что не только подвижники, но и всѣ христіане должны молиться непрестанно, по заповѣди апостольской, — не соглашался съ нимъ, и возражалъ, что непрестанная молитва есть долгъ только монаховъ, а не мірянъ. Святый Григорій, не желая оскорбить старца, и не любя многословія, замолчалъ. Но, едва только возвратился Іовъ въ свою келію, и сталъ на молитву, является ему, въ небесной славѣ, божественный ангелъ, и говоритъ: «не сомнѣвайся, старецъ, въ истинѣ словъ Григорія, — онъ говорилъ и говоритъ правду; такъ умствуй и ты, и другимъ передавай.» Наконецъ, по истеченіи 5 лѣтъ безмолвной жизни Григорія въ Верріи, онъ былъ принужденъ, по причинѣ частыхъ набѣговъ албанцовъ, снова удалиться на святую гору, въ лавру святаго Аѳанасія, гдѣ и принятъ былъ отцами и братіями съ великою любовію и веселіемъ. И здѣсь также, уединяясь внѣ монастыря, въ безмолвіи святаго Саввы, кромѣ субботы и воскресенія, онъ никуда не выходилъ, ни съ кѣмъ не видѣлся; никто не видѣлъ и его, не разговаривалъ съ нимъ, — развѣ по нуждамъ священнодѣйствія. Всѣ прочіе дни его и ночи текли въ молитвенномъ подвигѣ и божественномъ созерцаніи.

Однажды, въ вечеръ спасительныхъ страстей Христо-выхъ, по древнему обыкновенію, было въ лаврѣ великолѣпное бдѣніе, на которомъ былъ и святый, участвуя съ братіею въ славословіи. Здѣсь было ему открыто очень ясно, — такъ что не только душевными, но и тѣлесными очами, уви-

дѣлъ онъ, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, тогдашняго игумена лавры Макарія. Чрезъ 10 лѣтъ послѣ сего видѣнія, Макарій дѣйствительно былъ возведенъ въ достоинство архіерея Солуни, гдѣ и скончался.

Въ другой разъ, въ келейной своей молитвѣ предъ Богоматерію, святой Григорій ходатайствовалъ и просилъ Ее, чтобъ, въ устраненіе отъ него и его собратій всякаго развлеченія и препятствій къ безмолвію и совершенной иноческой жизни, благоволила Она принять на себя заботливость и промышленіе о всѣхъ житейскихъ его потребностяхъ. Всемилостивая Владычица удостоила его явленія Своего, въ соупутствіи множества свѣтоносныхъ мужей. Она предстала святому Григорію, и, въ виду его, обращаясь къ тѣмъ свѣтоноснымъ мужамъ, произнесла: «отнынѣ и навсегда будьте попечителями о нуждахъ Григорія и его братіи.» Впослѣдствіи признавался святой Григорій, что, со времени явленія Богородицы, онъ, дѣйствительно, гдѣ ни находился, вездѣ видѣлъ дивные опыты божественнаго о немъ промышленія. Въ третій годъ пребыванія своего въ безмолвіи, однажды, во время молитвы, Григорій чувствуетъ, что онъ погрузился въ сонъ, и ему представилось, будто въ рукахъ его—сосудъ чистаго молока, до такой степени полный, что оно переливается чрезъ край; вслѣдъ за тѣмъ показалось, что молоко приняло видъ лознаго ароматическаго вина, которое, переливаясь также чрезъ край сосуда, смочило руки его и одежду, и потомъ, струясь всюду, выдыхало изъ себя дивный аромат. Чувствуя сладость аромата, Григорій радовался. Между тѣмъ является ему свѣтлый юноша, и говоритъ: «Почему бы тебѣ не передать и другимъ этого чуднаго питья, такъ утрачиваемаго тобою безъ всякаго вниманія? Или не знаешь, что это неизсякающій даръ Божіей благодати?»— «Но если въ настоящее время нѣтъ нуждающихся въ такомъ питіи», отвѣчалъ Григорій,— «кому передать?»— «Хотя въ настоящее время дѣйстви-

тельно нѣтъ жаждущихъ», возразилъ юноша, «но ты все-таки обязанъ исполнять долгъ свой и не пренебрегать даромъ Божиимъ, въ которомъ Владыка потребуетъ отъ тебя отчета.» При этихъ словахъ видѣніе кончилось. Значеніе молока святой Григорій впоследствии объяснялъ такъ, что это даръ слова обыкновеннаго, для сердецъ простыхъ, требующихъ нравственнаго ученія; а перемѣнѣ молока въ вино придалъ онъ смыслъ гораздо высшій,—именно, этимъ означалось, что нужда современемъ потребуетъ отъ него слова догматическаго и небеснаго. Вскорѣ послѣ сего богомудрый Григорій былъ избранъ игуменомъ въ Есфигменскій монастырь, гдѣ братство тогда состояло изъ 200 монаховъ. Съ той поры, кромѣ слова устнаго, святой Григорій началъ составлять систематическія свои произведенія и проявлять даръ чудотворенія.—Въ монастырѣ, однажды, не достало елея, а между тѣмъ въ немъ была крайняя нужда. Святой Григорій, со всѣми братіями, приходитъ въ подвалъ, гдѣ обыкновенно хранились всѣ продовольствія обители, и, по молитвѣ, благословилъ пустой сосудъ: вдругъ сосудъ, въ виду всѣхъ, наполнился елеемъ. Узнавъ же, что причиною недостатка елея—маслины, непринесшія обычнаго плода, святой Григорій, вмѣстѣ съ братією, приходитъ въ масличныя сады, благословляетъ деревья,—и съ тѣхъ поръ они сдѣлались плодовитыми. А въ доказательство чудодѣйственной силы молитвы и благословенія Григорія, тѣ изъ деревьевъ, къ которымъ онъ приближался или прикасался, впоследствии оказались чрезвычайно плодоносными.

Впрочемъ, немного времени былъ онъ игуменомъ. Желаніе безмолвія и пустынной тишины увлекло его снова въ лавру. Тогда, въ первый разъ, прибылъ на святую гору изъ Калавріи Варлаамъ, и показывалъ видъ, будто соглашается съ восточною Церковью, вслѣдствіе чего желаетъ быть монахомъ. Въ удостовѣреніе, составилъ онъ обличительные

доводы—въ опроверженіе мудрованія латинянъ. Не смотря, однакожь, на это, божественный Григорій явно возставалъ на Варлаама и обличалъ его лукавство,—что самое и было первою причиною вражды Варлаама къ святому Григорію. Между тѣмъ, визнавъ образъ мыслей аѳонскихъ отшельниковъ, въ разсужденіи таинствъ созерцательной жизни и сердечной молитвы, онъ, чрезъ малое время, удалился въ Константинополь, и тамъ, вошедши въ связи съ простѣйшими изъ монаховъ, занятіемъ которыхъ была умная молитва и трезвеніе, притворился, будто дѣлается ученикомъ ихъ и другомъ. Впослѣдствіи, слыша отъ нихъ простыя изложенія словій, необходимыхъ монахамъ въ начаткахъ умной молитвы, Варлаамъ явно возсталъ и противъ нихъ, и противъ молитвы, и противъ таинственнаго созерцанія. Его возраженіями по началу увлекся самъ императоръ, и даже патріархъ. Но, прежде нежели клеветы Варлаама на аѳонскихъ иноковъ сдѣлались гласными, этотъ обманщикъ, за предосудительное и укоризненное свое поведеніе, былъ высланъ патріархомъ съ безчестіемъ. Сильно огорченный, Варлаамъ удалился въ Солунь, неся съ собою и туда свои клеветы на монаховъ, и усиливался доказать, между прочимъ, то, что древніе богоносные отцы и учителя были виновниками увлеченія монаховъ въ еретическія мудрованія касательно созерцательной жизни. Потрясенія со стороны Варлаама были сильны. Отъ природы быстрый и увлекательный въ словѣ, онъ взволновалъ умы солунянъ, такъ что иноки солунскіе вынуждены были, не имѣя собственныхъ силъ противустать Варлааму, вызвать со святой горы божественнаго Григорія. Святой Григорій, по прибытіи въ Солунь, сначала дѣйствовалъ въ духѣ кротости, стараясь убѣдить такимъ образомъ и обезоружить дерзкаго своего врага; но, когда увидѣлъ, что мѣры кроткія не дѣйствуютъ, и что потрясенія Церкви и ея законоположеній день отъ дня становятся со стороны Варлаама

чувствительнѣе, началъ всюду уничтожать возраженія и клеветы Варлаама не только словомъ, но и сильными своими писаніями, исполненными высокихъ истинъ и доводовъ божественнаго слова. Самъ Варлаамъ, узнавъ произведенія пера Григоріева, оставилъ въ покоѣ монаховъ и ихъ созерцаніе, и со всею силою напалъ личными и заочными клеветами на божественнаго Григорія. Но когда и это не помогло, — когда Григорій всюду тѣснилъ его, ниспровергая всѣ его возраженія, въ виду всѣхъ, пристыженный и обезсиленный Варлаамъ скрылся изъ Фессалоники, и прибылъ снова въ Константинополь.

Съ той поры протекло три года. Все это время, оставаясь въ Солуни, святой Григорій занимался изложеніемъ началъ православія, сильно поборая за чистоту ихъ. И здѣсь, въ это время, обычный плачь и совершенное уединеніе и безмолвіе были любимымъ занятіемъ келейнаго его досуга. Но такъ какъ среди многолюдства онъ не могъ имѣть всѣхъ удобствъ пустынной тишины, то, по крайней мѣрѣ, всячески старался избѣгать связей и отношеній къ міру. Для сего, въ отдаленной части дома, въ коемъ жилъ, сдѣлалъ онъ малую келейку, и тамъ безмолвствовалъ, сколько могъ. Однажды, въ праздникъ великаго Антонія, ученики его были всѣ вмѣстѣ у чуднаго Исидора отшельника, и тамъ совершали бдѣніе божественному Антонію, а святой Григорій между тѣмъ остался въ своемъ затворѣ. Вдругъ является ему великій Антоній, и говоритъ: «Хорошо и совершенное безмолвіе, но и общеніе съ братствомъ иногда необходимо, — особенно во дни общественныхъ молитвъ и псалмопѣній. Посему и тебѣ должно теперь быть съ братіями, на бдѣніи.» Убѣжденный такимъ видѣніемъ великаго Антонія, божественный Григорій явился тогда же къ братіямъ, которые приняли его съ радостію, — и всенощное бдѣніе протекло для нихъ съ особеннымъ торжествомъ. Кончивъ письменныя свои занятія въ

защиту аѳонскихъ иноковъ и въ опроверженіе еретическихъ мудрованій Варлаама, святой Григорій возвратился на святую гору, и показалъ тамошнимъ безмолвникамъ и старцамъ все, что написалъ о благочестіи противъ заблужденій Варлаама. Общій похвальный отзывъ былъ явнымъ свидѣтельствомъ правоты мыслей божественнаго Григорія.

Между тѣмъ, при отбытіи его изъ Солуня на святую гору, сестра его, именемъ Θεодотія, находилась близъ смерти. Поэтому ученики и друзья спрашивали его о похоронахъ сестры, думая, что она уже болѣе не увидится съ нимъ. «Нѣтъ нужды спрашивать вамъ объ этомъ», отвѣчалъ Григорій: «по волѣ Божіей, я возвращусь къ ней еще прежде кончины ея.» Такъ сказалъ,—и слово оправдалось дѣломъ: ибо, когда наступилъ послѣдній часъ Θεодотіи, она спросила о братѣ своемъ Григоріѣ,—гдѣ онъ; узнавъ же, что онъ удалился на святую гору, опечалилась сердечно, и называла себя несчастною, что не удостоилась послѣдняго свиданія съ нимъ. Съ той самой минуты она погрузилась въ самозабвеніе, не отвѣчала на вопросы окружающихъ ее,—и въ такомъ безжизненномъ ея положеніи прошло восемь дней; только слабое дыханіе и движеніе глазъ показывало, что она была еще жива и какбы ожидала своего брата. Наконецъ, при наступленіи вечера 8-го дня, прибылъ съ горы Григорій и, ставши близъ сестры, произнесъ ея имя. Умиравшая устремила на него прощальный взглядъ, и, не въ силахъ будучи говорить, съ послѣднимъ усиліемъ подняла благодарственно руки свои къ Богу, а чрезъ нѣсколько минутъ тихо испустила послѣдній вздохъ.

Наконецъ наступило время, когда божественный Григорій долженъ былъ ратовать противъ своего врага въ виду всего свѣта, и за свой подвигъ получить безсмертную славу и вѣнецъ. Варлаамъ, врагъ истины, прибывъ изъ Солуня въ Константинополь, увлекательною силою слова и вѣщ-

ней мудрости, какъ мы сказали, въ короткое время успѣлъ предубѣдить и совершенно склонить на свою сторону патріарха. А при чрезвычайности такихъ успѣховъ, вслѣдъ за тѣмъ произвелъ общее броженіе умовъ, возбудилъ сомнѣніе, и довель наконецъ дѣло до того, что патріархъ грамотою вызвалъ на судъ Церкви Григорія, какбы виновнаго, вмѣстѣ съ его сподвижниками. Григорій, однакожь, не смутился этимъ. Въ сопутствіи Исидора, Марка и Θεодора, — искренно преданныхъ ему друзей, — онъ прибылъ въ Константинополь, и, замѣнивъ спора и состязаній личныхъ съ Варлаамомъ, представилъ на общее разсмотрѣніе и строгій судъ Церкви аскетическія свои сочиненія и отвѣты на пустословіе Варлаама. Когда этотъ трудъ смиреннаго аѳонскаго инока былъ разсмотрѣнъ, обсужденъ и наконецъ всѣми признанъ въ высшей степени удовлетворительнымъ въ оправданіе и защиту православныхъ вѣрованій и правилъ аѳонскаго подвижничества, — Варлаамъ провозглашенъ отъявленнымъ врагомъ истины и восточнаго православія, а Григорія, между тѣмъ, провозгласили учителемъ благочестія, во всемъ согласнымъ съ божественными отцами Церкви, и патріархъ отдалъ справедливость произведеніямъ его. Впрочемъ, не смотря на это, такъ какъ дѣло Варлаама съ божественнымъ Григоріемъ было чрезвычайной важности, въ отношеніи догматическомъ, патріархъ, съ своей стороны, призналъ необходимымъ созвать мѣстный соборъ, на что изъявлялъ царственное свое желаніе и волю самъ императоръ. Вслѣдствіе сего и стеклось множество знаменитыхъ тогдашняго времени отшельниковъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны Давидъ и Діонисій: послѣднему были предварительно открыты свыше слѣдствія сего собора и торжество божественнаго Григорія. Мѣстомъ собора назначенъ храмъ святыя Софіи. Какъ ни силенъ былъ въ своихъ бесѣдахъ Варлаамъ, опиравшійся притомъ на полную довѣренность императора (Кантакузена),

но простота слова Григоріева, въ изложеніи божественныхъ истинъ, доставила православію и Церкви рѣшительную побѣду надъ Варлаамомъ и его приверженцами. Только притворное его раскаяніе и признаніе предъ всѣмъ соборомъ своихъ сочиненій еретическими спасли его жизнь, обреченную на проклятiе и вѣчный стыдъ. Уничтоженный такимъ образомъ, и не вынося общаго къ нему презрѣнія, онъ скоро послѣ того скрылся изъ Константинополя, и удалился въ свою отчизну, къ своимъ латинамъ, оставивъ во многихъ изъ грековъ, силою увлекательнаго своего краснорѣчія, глубокое впечатлѣніе. Но этимъ не были вовсе подавлены заблужденія Варлаама. Едва только скрылся онъ, въ защиту еретическихъ его мудрованій возсталъ Григорій Акидинъ, и объявилъ себя послѣдователемъ его; этотъ сильно напалъ на аскетическую жизнь пустынниковъ, — усвоилъ имъ характеръ и свойства мессалианъ, евхитовъ и квіетистовъ. Новыя потрясенія и волненія умовъ были сильны: нужда требовала новаго церковнаго собора и новыхъ подвиговъ со стороны божественнаго Григорія. Акиндина сильно поддерживалъ самъ патріархъ, не смотря на то, что Григорій рѣшительно уничтожилъ, какъ и прежде, всѣ клеветы на пустынное подвижничество, и изъ подвига за его чистоту вышелъ побѣдителемъ, опровергъ всѣ еретическія мысли Варлаама и жаркаго его послѣдователя Акиндина, — опровергъ сколько, съ одной стороны, священнымъ Писаніемъ, столько же, съ другой, ясными свидѣтельствами учителей и древнихъ отцовъ Церкви. Тогда, уничиженный въ лицѣ Акиндина, патріархъ рѣшился лично мстить Григорію, который неоднократно убѣждалъ его подорожить миромъ церковнымъ. Чтобъ удачнѣе достигнуть своей цѣли, патріархъ призналъ Григорія виновникомъ всѣхъ тогдашняго времени нестроеній и церковныхъ смуть, разгласилъ это въ народѣ, и, чтобъ придать собственному своему суду болѣе силы и значенія, Акин-

дина возвелъ на степень діакона, имѣя въ виду въ послѣдствіи почитать его достоинствомъ іерейскимъ и званіемъ церковнаго проповѣдника, а Григорія, между тѣмъ, по его повелѣнію, схватили и бросили въ мрачную тюрьму. Четыре года томился тамъ невинный страдалецъ.

Впрочемъ, такая несправедливость патріарха не осталась ненаказанною. Тогдашняя императрица, Анна, узнавъ дѣйствія патріарха и привязанность его къ Акиндину, на двухъ соборахъ уже признанному еретикомъ и отъявленнымъ врагомъ Церкви, нашла еретика Акиндина незаслуживающимъ и недостойнымъ церковнаго общенія и священнаго сана, и приказала выгнать его изъ церкви. Между тѣмъ и самъ, патріархъ (Іоаннъ) испыталъ на себѣ гнѣвъ Божій. Увлеченный Никифоромъ Григорасомъ въ еретическія мудрованія Варлаама и Акиндина, онъ признанъ былъ врагомъ истины и, какъ еретикъ, лишенъ кафедры и церковнаго общенія. Слѣдствіемъ сего были наконецъ церковный миръ и свобода невиннаго страдальца, святаго Григорія. Патріархъ Исидоръ, занявшій кафедру патріаршую послѣ Іоанна, торжественно почтилъ заслуги Григорія, и хотя Григорій, съ своей стороны, отрекался, но императоръ Кантакузень и патріархъ убѣдили его принять на себя іерархическое служеніе Церкви. Григорій былъ рукоположенъ въ санъ солунскаго митрополита, и отпущенъ къ своему мѣсту съ благоволеніемъ царственнымъ и патріаршимъ. Однакожъ, по случаю возникшихъ въ Солуни смуть, новый митрополитъ не былъ принятъ паствою, что и побудило его удалиться на святую гору. Въ то самое время, какъ Солунь отрекся принять Григорія, наступилъ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы. Одинъ изъ солунскихъ іереевъ, — сиропитатель, — располагаясь служить литургію въ числѣ прочихъ, смиренно молилъ Господа, чтобы Онъ благоволилъ открыть, дѣйствительно ли, какъ думаетъ народъ, Григорій въ заблужденіи, по своимъ мудрованіямъ и

вѣрованіямъ, въ отношеніи къ иноческой жизни, и имѣеть ли онъ у Господа дерзновеніе? Это откровеніе іерей просилъ показать на разслабленной своей дочери, три года уже бывшей безъ всякаго движенія и чувства: «если, Господи, истинно рабъ Твой Григорій, — молитвами его, исцѣли несчастную дочь мою!» Господь послушалъ іерея сиропитателя: потому что дочь его вдругъ сама собою поднялась съ постели, и съ той поры получила совершенное здоровье, какъ будто никогда никакихъ болѣзненныхъ припадковъ прежде и не имѣла. Это чудо прославило Григорія.

Въ настоящее пребываніе святаго Григорія на святой горѣ, прибылъ туда же болгарскій царь Стефанъ и, зная добродѣтели и заслуги его, убѣдительно просилъ и умолялъ его отправиться съ нимъ въ Болгарію, съ тѣмъ, чтобъ тамъ занять кафедру: однакожъ, ничто не могло склонить и убѣдить къ тому божественнаго Григорія. Впрочемъ, и на святой горѣ Григорій не нашелъ себѣ прежняго спокойствія и тишины: нужды Церкви скоро вызвали его опять въ Константинополь; а потомъ, непринятый снова своею паствою, по случаю народныхъ смутъ и замѣшательствъ клира, онъ удалился на сосѣдственный святой горѣ островъ Лемносъ, гдѣ, творя чудеса и знаменія и немолчно проповѣдуя слово Божіе, оставался до того времени, пока сами солуняне не почувствовали необходимость въ его присутствіи для паствы, долго сиротѣвшей и тяготившейся чуждымъ вліаніемъ на дѣла церковныя и народныя.

Тогда представители клира и высшіе сановники Солуня прибыли въ Лемносъ и, съ чрезвычайнымъ торжествомъ, возвратились оттуда въ Солунь съ своимъ пастыремъ. Радость народная, при встрѣчѣ его, была невыразима, — такъ что Церковь солунская, какъ будто вдохновенная свыше, предъ лицомъ своего пастыря, при настоящемъ случаѣ, представляла видъ совершенно торжествующій: вмѣсто обычныхъ хвалеб-

ныхъ пѣснопѣній, клиръ и народъ пѣли пасхальные гимны и канонъ, не давая ни себѣ ни другимъ отчета въ своихъ чувствахъ и въ необычайномъ торжествѣ и радости. Такимъ образомъ, святой Григорій занялъ наконецъ свою кафедру. По истеченіи трехъ дней послѣ своего прибытія, онъ, при безчисленномъ собраніи народа, совершилъ крестный ходъ и литургію, при которой Богъ прославилъ его новымъ чудомъ. У того же самаго сиропитателя іерея сынъ страдалъ падушею болѣзнію: когда настало время причащенія, іерей палъ къ стопамъ своего архипастыря и смиренно умолялъ, чтобъ онъ самъ, своими святительскими руками, преподалъ болѣзненному дитяти пречистыя Тайны. Тронутый смиреніемъ іерея и страдальческимъ положеніемъ сына его, божественный Григорій исполнилъ его просьбу, — и дитя сдѣлалось здорово. Тихо и спокойно съ тѣхъ поръ текла жизнь святаго Григорія: клиръ составлялъ исключительный предметъ его заботливости; поучая всѣхъ и cadaго словомъ, онъ не менѣе того назидалъ паству строгою и благочестивою своею жизнію.

Но, тогда какъ солунская Церковь, подъ мудрымъ его правленіемъ, наслаждалась миромъ и тишиною, единомысленники Варлаама и Акиндина не переставали снова смущать православную Церковь въ Константинополѣ, — такъ что императоръ Катакузенъ и патріархъ признали необходимымъ, для умиротворенія волнующихся умовъ и для утвержденія правоты церковныхъ истинъ, открыть новый соборъ. Для сего, прежде прочихъ, грамотами царя и патріарха, былъ приглашаемъ въ Константинополь божественный Григорій. Отказаться было нельзя: нужда Церкви требовала новыхъ подвиговъ, — и послушный Григорій явился на соборъ. Враги истины, какъ и прежде, были посрамлены и уничтожены, и личные бесѣды святаго Григорія и его догматическія произведенія, читанныя на соборѣ, сомкнули уста еретическія. Напутствуемый внимательностію и уваженіемъ царя, лю-

бовію и благословеніемъ патріарха и Церкви, Григорій съ честію оставилъ Константинополь и отправился было къ своей паствѣ: но, въ то время пребывавшій тамъ, Іоаннъ Палеологъ не допустилъ его до Солуни, и святой Григорій принужденъ былъ отправиться на святую гору, откуда, впрочемъ, чрезъ три мѣсяца, самимъ же Палеологомъ былъ вызванъ съ честію на солунскую кафедру.

Однажды, въ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы, святой Григорій совершалъ литургію въ дѣвическомъ монастырѣ. Монахиня, именемъ Елеодора, слѣпая однимъ глазомъ, узнавъ, что митрополитъ совершаетъ литургію, скрытно приблизилась къ нему, и тайно приложила святительскую одежду его къ слѣпому своему глазу: глазъ тотчасъ же получилъ зрѣніе. Проведши одинъ годъ на кафедрѣ, святой Григорій впалъ въ чрезвычайную и продолжительную болѣзнь, такъ что всѣ опасались за жизнь его: однакожь, Богъ еще продлилъ ее, для новыхъ подвиговъ. Не успѣлъ онъ оправиться совершенно отъ своего недуга, какъ получилъ отъ Іоанна Палеолога убѣдительное письмо, которымъ царь приглашалъ его прибыть въ Константинополь и подавить ссоры и несогласія въ царственной семьѣ. Іоаннъ Палеологъ былъ въ большой немилости у своего тестя, Іоанна Кантакузена, что и было причиною, что на нѣкоторое время Палеологъ удалялся въ Солунь. Не жалѣя собственнаго спокойствія и силъ, Григорій не замедлилъ, для доставленія спокойствія и взаимной любви царственнымъ особамъ, отправиться въ Константинополь. Однако Богъ судилъ иначе. На пути въ Константинополь, онъ былъ схваченъ агарянами и отвезенъ въ Азію, какъ плѣнникъ и рабъ. Но и здѣсь не оставался онъ празднымъ: цѣлый годъ, продаваемый изъ города въ городъ, онъ всюду входилъ въ состязаніе съ агарянами о вѣрѣ, невѣрныхъ просвѣщалъ свѣтомъ Евангелія, а поработеннымъ и плѣннымъ христіанамъ вдыхалъ жизнь и утѣшенія, убѣж-

дая ихъ къ безропотному ношенію страдальческаго своего креста, въ чаяніи наградъ и вѣнцовъ за гробомъ. По истеченіи года, болгаре выкупили изъ рукъ агарянскихъ чуднаго Григорія, и такимъ образомъ возвратили солунской Церкви ея ангела.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ іерархической своей дѣятельности, послѣ агарянскаго плѣна, святой Григорій сотворилъ нѣсколько чудесъ надъ болящими. Друга своего, іеромонаха Порфирія, онъ дважды возставилъ отъ болѣзненнаго одра молитвою. Самое его прибытіе изъ плѣна въ Константинополь было ознаменовано чрезвычайнымъ торжествомъ невидимыхъ ликовъ, носившихся надъ божественнымъ Григоріемъ, и сладкими пѣніями въ похвалу его, приведшими въ движеніе пристань, гдѣ онъ долженъ былъ выступить на берегъ.

Незадолго до своей кончины, онъ исцѣлилъ, знаменіемъ честнаго креста и молитвою, пятилѣтнее дитя золотошвеи, страдавшее чрезвычайнымъ кровотеченіемъ и уже обреченное на смерть, и возвратилъ ему совершенное здравіе.

Но, при такихъ знаменіяхъ и чудесахъ, совершенныхъ имъ надъ обреченными уже къ смерти, и самъ онъ, какъ человекъ, долженъ былъ исполнить общій долгъ. Цѣлившій другихъ отъ болѣзней всякаго рода заболѣлъ, слегъ въ постель и окружавшимъ его предсказалъ день своего отхода въ вѣчность. «Друзья мои!» говорилъ онъ имъ, послѣ праздника Златоуста, — именно, въ 14-й день ноября: «я отыду отъ васъ ко Господу. Это знаю я потому, что являлся мнѣ въ видѣніи божественный Златоустъ и, какъ своего друга, съ любовію призывалъ къ себѣ.» Такъ и случилось. Когда же умирающій Григорій испускалъ послѣдній вздохъ, окружавшіе его видѣли, что уста его еще что-то шепчуть; при всемъ усиленномъ вниманіи вслушаться въ слова, они могли только слышать: «въ горняя, въ горняя!» Съ этими словами,

святая душа его тихо и мирно отдѣлилась отъ тѣла и унеслась въ горняя! Григорій имѣлъ отъ роду всего 63 года. Когда же блаженная его душа разлучилась съ тѣломъ, лицо его просвѣтилось, и вся та комната, гдѣ онъ почилъ, озарилась свѣтомъ, чему былъ свидѣтелемъ весь городъ, стекавшійся къ святительскимъ мощамъ, для послѣдняго цѣлованія. Такимъ чудомъ Богъ прославилъ Своего угодника конечно потому, что и при жизни своей онъ былъ свѣтлымъ жилищемъ благодати и, по выраженію константинопольскаго святѣйшаго патріарха Филовея ¹, сыномъ божественнаго свѣта. Составитель жизни и подвиговъ святаго Григорія, извиняясь невозможностію исчислить множество чудесъ и знаменій, сотворенныхъ имъ и при жизни и по смерти, желающему знать о нихъ указываетъ на пространное описаніе жизни божественнаго Григорія. А чтобъ доказать, что Григорій былъ дѣйствительно великъ предъ Богомъ, и что православная Церковь, празднующая память его, какъ единого отъ своихъ дивныхъ святыхъ, есть точно святая Церковь и божественная, въ заключеніе, приводимъ слѣдующее событіе, оправдывающее истину словъ нашихъ.

Чтобъ обличить и уничтожить ложь и клеветы латинянъ, обвиняющихъ святую восточную нашу Церковь, и полагающихъ, что, по отступленіи отъ нея западной, т. е. римской Церкви, нѣтъ въ нашей болѣе ни чудесъ, ни новыхъ святыхъ, прославленныхъ Богомъ, святой Нектарій, поставленный патріархомъ іерусалимскимъ въ 1660 году отъ рождества Христова, выставляя на видъ многихъ новыхъ святыхъ, просіявшихъ въ восточной Церкви, повѣствуетъ, между прочимъ, и о святомъ Григоріѣ ессалоникскомъ. На островѣ Сантуринѣ, въ день памяти божественнаго Григорія,—именно, во вторую недѣлю великаго поста, франки разгулялись,—на-

---

¹ Имъ и составлено было жизнеописаніе божественнаго Григорія.

брали съ собою мальчиковъ и пустились плавать на легкихъ каикахъ, или лодкахъ, по морю, при совершенной тишинѣ и ясной погодѣ. Между тѣмъ какъ они такимъ образомъ веселились, демонъ внушилъ имъ злую мысль, на собственную ихъ погибель: всплескивая руками, какъ неистовые, они и безиравственные ихъ дѣти, вопили: «Анаѳема Паламѣ! анаѳема Паламѣ! Если святъ Палама, — пусть утопитъ насъ!» И божественный Григорій Палама, по ихъ собственному суду, испросилъ имъ у Бога желаемое ими отмщеніе. Пучина зѣвнула, — и несчастные, вмѣстѣ съ каиками, погрузились въ море и потонули. Это чудо подтверждаетъ и іерусалимскій патріархъ Досіеѳей (въ словѣ о любви, листъ 31). Такимъ образомъ, Богъ проявилъ славу Григорія, какъ единаго отъ великихъ Своихъ святыхъ, въ которыхъ Онъ и дивенъ и страшенъ.)

Въ пространномъ житіи святаго Григорія, между прочими другими, помѣщается слѣдующее замѣчательнѣйшее и назидательнѣйшее чудо, совершенное имъ уже по исходѣ изъ этой временной жизни.

Инокъ, по имени Ефремъ, пришедши изъ Касторіи въ Солунь, рассказывалъ о себѣ слѣдующее. Назадъ тому два года, необходимость заставляла меня пойти изъ моей обители въ Фессалію. Исполнивъ тамъ свои нужды, я, на возвратномъ пути, потерпѣлъ несчастіе: по моей неосторожности, въ правую ногу мою вонзилась терновая игла, отчего я чувствовалъ сильную боль въ теченіе нѣсколькихъ дней; потомъ изъ правой ноги, не знаю, какимъ образомъ, перешла боль въ лѣвую, и такъ была сильна, такъ невыносима, что я не могъ ни заснуть, ни даже укрѣпиться пищею. По прошествіи нѣсколькихъ дней, на ногѣ появилась ужасная опухоль, и открылось болѣе сорока ранъ, которыхъ знаки видны и теперь, по исцѣленіи. Изъ ранъ текла заразительная и нестерпимо гнилая матерія. Такъ протекло полтора года.

Всѣ пособія врачей были совершенно бесполезны, такъ что я отчаялся въ выздоровленіи отъ этой болѣзни, и даже тяготился уже самою жизнію. Въ такомъ мучительномъ положеніи, услышалъ я наконецъ отъ соотечественниковъ моихъ и отъ приходящихъ изъ Солуни о весьма многихъ и преславныхъ чудесахъ дивнаго Григорія, — вѣрилъ отъ сердца слышанному и, судя по чудесамъ и знаменіямъ, не иначе думалъ о немъ, какъ о великомъ свѣтильникѣ Церкви, исполненномъ апостольской силы и благодати. При такой вѣрѣ, я обратился къ нему съ теплою молитвою. Лежа на болѣзненномъ одрѣ, я горько плакалъ и просилъ у святаго Григорія исцѣленія, обѣщаясь, тотчасъ по исцѣленіи, сходить въ Солунь, для поклоненія святымъ его мощамъ, и для заявленія всѣмъ величія Божія и благодати, данной ему отъ Господа. Окончивъ свою молитву, я заснулъ, — и вотъ, вижу, приходитъ ко мнѣ старецъ, въ архіерейскомъ облаченіи. Онъ, казалось, попривѣтствовалъ меня, потомъ сѣлъ близъ меня, и спросилъ о здоровьѣ. Въмѣсто отвѣта, я показалъ ему больныя ноги и раны, и рассказалъ о страданіяхъ, какія вынесъ въ теченіе полутора года. Тогда онъ охватилъ обѣими руками мою ногу, началъ выдавливать изъ ранъ, и выдавилъ всю гнилую матерію. «Теперь будь покоенъ: болѣзнь твоя кончилась», кротко сказалъ мнѣ явившійся, и — удалился. Послѣ этого видѣнія, я погрузился въ сладкій сонъ, какого никогда, въ теченіе болѣзни, у меня не было. Между тѣмъ настало время утрени: я почувствовалъ въ себѣ силы, не ощущая уже никакой боли въ ногахъ, и, опираясь на свой жезлъ, явился въ церковь на славословіе. Изумленные внезапнымъ моимъ появленіемъ въ церкви, братіи окружили и спрашивали меня, какъ я внезапно получилъ здравіе. Я рассказалъ имъ чудо преславнаго исцѣленія, и привелъ ихъ еще въ большее удивленіе.

Прошло послѣ того 8 дней. Я чувствовалъ себя совер-

шенно здоровымъ, и потому отправился въ божественный храмъ, въ которомъ находится священный образъ чудотворца Григорія, чтобы поклониться ему, и въ чувствѣ сердечнаго благодаренія, возвратился въ монастырь. Но этого мало: нужно было исполнить обѣщаніе, которое далъ я божественному своему врачу, прося отъ него исцѣленія, а между тѣмъ время было зимнее, — значитъ и путешествіе, особенно мнѣ, старику, —тяжкое и трудное. Оставляю путешествіе въ Солунь, сказалъ я самъ себѣ, потому что теперь не то время. А вмѣсто исполненія обѣщанія странствовать въ Солунь, я попрошу обитель отправить торжественно службу святому Григорію, — и такимъ образомъ воздадимъ Богу должное благодареніе и честь святому угоднику. Такъ я и сдѣлалъ.

Но неприятно это было святому Григорію. За чудомъ перваго моего исцѣленія слѣдовали новыя знаменія. До наступленія еще того дня, когда мы готовились въ обители торжествовать память его, появилась у меня сильная горячка: снова показалась жестокая опухоль на ногѣ, и боль, не менѣе прежней. Я тотчасъ понялъ причину новой болѣзни, началъ горько каяться въ моей неблагодарности къ святому Григорію, и непременно обѣщался исполнить обѣтъ, какъ только получу здравіе. Черезъ день послѣ сего, болѣзнь моя совершенно исчезла; и я, пробывъ мало дней въ обители, прибылъ иѣщимъ въ Солунь, для поклоненія священному гробу моего исцѣлителя, и всюду прославлялъ чудеса, которыя чрезъ него сотворилъ надо мною Богъ. Дивному во святыхъ Своихъ Богу — слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

НИФОНТА¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮНЯ 14-ГО.

Нреподобный Нифонтъ родился въ области, называемой Аргирокастронъ, отъ священника селенія Лукови. Когда ему исполнилось десять лѣтъ, братъ отца его, бывший въ монастырѣ святаго Николая экклизіархомъ, взялъ его къ себѣ, для утвержденія въ правилахъ строгой христіанской нравственности. Монастырь святаго Николая былъ основанъ Константиномъ Мономахомъ, на мѣстѣ, называемомъ нынѣ Месопотамъ. По принятіи отрока въ монастырь, дядя прежде всего озаботился обученіемъ его грамотѣ, а потомъ облекъ его и въ иноческій образъ. Начатки образованія въ священномъ Писаніи были такъ успѣшны въ отрокѣ, а безусловное послушаніе и скромность его—такъ назидательны, что вскорѣ онъ былъ сдѣланъ чтецомъ; по достиженіи же совер-

¹ Изъ Νέον ἐκλόγιον.

шеннаго возраста, удостоенъ и священства. При такомъ божественномъ достоинствѣ, постоянно упражняясь въ чтеніи священнаго Писанія и житій святыхъ, Нифонтъ до такой степени уязвился любовію къ Богу и желаніемъ непорочнаго храненія святыхъ Его заповѣдей, что рѣшился оставить все, и погрузиться въ глубокую пустыню, гдѣ бы, при всѣхъ условіяхъ безмолвія, можно было ему вполне посвятить себя единому Богу. Вслѣдствіе сего, онъ удалился изъ монастыря святаго Николая на гору Геромеріенъ, гдѣ тогда уединенно подвизался одинъ старецъ, прибывшій съ горы Синайской. Тамъ, при руководствѣ и наставленіяхъ опытнаго синаита, юный Нифонтъ, восходя отъ силы въ силу, вполне почувствовалъ, что и горная пустыня Геромеріона неудовлетворительна для порывовъ пламенной его души, жаждавшей безмолвія совершеннѣйшаго и пустынныхъ подвиговъ. Поэтому, подавляя въ себѣ чувство привязанности къ родинѣ, къ сродникамъ, друзьямъ и ко всему, что удерживаетъ мысль въ связи съ міромъ, онъ отправился на святую Аѳонскую гору и, при тайномъ водительство Промысла, достигъ до пещеры ¹ святаго Петра аѳонскаго, гдѣ тогда безмолвствовалъ чудный отшельникъ Θεογностъ, которому и поручилъ себя Нифонтъ, какъ чадо отцу и рабъ владыкѣ, скрывая предъ нимъ свое священство. Такимъ образомъ, Нифонтъ, какбы новоначальный, три года безусловно повиновался своему старцу. Наконецъ, по истеченіи этого времени, Θεογностъ, узнавъ какъ-то случайно, что его послушникъ облеченъ саномъ пресвитерскимъ, ни подъ какимъ видомъ не захотѣлъ имѣть его послушникомъ, тѣмъ болѣе, что подвиги и труды его казались ему чудными и назидательными. Сколько, съ своей стороны, ни убѣждалъ Нифонтъ и ни умолялъ старца, чтобъ онъ былъ попрежнему руководителемъ

---

¹ Въ области лавры святаго Аѳанасія.

его, объясняя, что это для него необходимо, какъ еще для несовершеннаго въ опытахъ отшельнической жизни, Теогность, ради крайняго своего смиренія, не согласился на то. Посему божественный Нифонтъ удалился отъ него въ сосѣдственный скитъ великаго Василя¹, и тамъ четырнадцать лѣтъ провелъ въ крайнемъ безмолвіи, разъ только въ недѣлю подкрѣпляя свои силы малымъ количествомъ сухаго хлѣба.

Между тѣмъ въ лаврѣ открылась моровая язва: множество братій сдѣлалось ея жертвою, — такъ что игумень вынужденъ былъ пригласить святаго Нифонта въ лавру, для божественнаго священнодѣйствія. Такимъ образомъ три лѣта провелъ онъ въ дѣлѣ сего великаго служенія. Впрочемъ, это послушаніе какъ ни было само по себѣ важно, но влеченіе сердца къ совершенному безмолвію не давало ему покоя. Не въ силахъ будучи подавить въ себѣ это чувство и влеченіе, онъ ушелъ оттуда въ Вулевтиріе, — гдѣ нынѣ скитъ святыя Анны², — и тамъ, въ пустынной тишинѣ, провелъ много лѣтъ скитальчески, безъ кущи и крова, питаясь только травою и кореньями.

Сколь ни высока, сколь ни безстрастна была жизнь Нифонта, сколь ни назидательна для всѣхъ, однакожъ, нашлись завистники, которые выставили его на видъ игумену священной лавры, какъ прельщеннаго. Доказательство своей клеветы усиливали они тѣмъ, что преподобный будто бы гнушается хлѣбомъ, какъ грѣховной и непозволительной снѣдію, и потому питается пустыннымъ зеліемъ. Чтобъ узнать справедливость обвиненія, игумень призвалъ къ себѣ преподобнаго Нифонта, и спросилъ, — къ чему онъ такъ строго ведетъ себя, гнушаясь даже свойственною человѣку пищею. «Древніе отцы», говорилъ онъ, «питались зеліемъ въ пу-

¹ Въ области лавры святаго Аѳанасія.

² Тамъ же.

стыняхъ, потому что не было тамъ хлѣба, а здѣсь есть и хлѣбъ и другія яства, которыя слѣдуетъ употреблять во славу Божию, съ умѣренностью, избѣгая, такимъ образомъ, сатанинскаго киченія отъ неумѣреннаго и строгаго поста. Какъ истинный послушникъ, преподобный принялъ смиренно совѣтъ старческой. Между тѣмъ, избѣгая новыхъ непріятностей, онъ уклонился изъ скита святыя Анны, и впоследствии сблизился съ преподобнымъ Максимомъ Кавсокаливитомъ, такъ что сей послѣдній, послѣ многолѣтняго сопостничества съ дивнымъ Нифонтомъ, въ доказательство своей искренней къ нему привязанности и дружбы, уступилъ ему собственную свою кущу, или шалашъ, а себѣ устроилъ близъ него другую.

Но такъ какъ къ святому Максиму многіе стекались ради чудесъ, которыя совершалъ онъ, и ради пророчествъ о будущемъ, то святой Нифонтъ, не терпя молвы, съ соизволенія и по совѣту святаго Максима, удалился въ пещеру противу святаго Христофора, и тамъ безмолвствовалъ. Немного протекло времени, какъ пришелъ къ нему, съ его родины, инокъ Маркъ, у котораго былъ братъ, — чтобъ подчинить себя старческому его водительство. Святой принялъ его съ любовію, и повелѣлъ ему построить каливу, какъ себѣ, такъ и брату. «Что ты, отче?» возразилъ удивленный Маркъ: «братъ мой — мірянинъ, и живетъ въ кругу своихъ родныхъ.» — «Прости», отвѣчалъ ему смиренный Нифонтъ: «я помѣшанный, и не знаю самъ, что говорю. Не слушай меня, и дѣлай, что тебѣ угодно.» Между тѣмъ насталъ праздникъ святаго Аѳанасія. Преподобный, посылая Марка въ лавру на этотъ праздникъ, сказалъ ему: «возвращаясь съ праздника, приведи съ собою и брата твоего.» Маркъ на это возразилъ святому Нифонту то же, что и прежде. Но, приближаясь къ лаврѣ, онъ вдругъ видитъ брата своего у монастырскихъ воротъ. Пораженный пророчествомъ святаго, радостно обнялъ онъ пришедшаго и, по окончаніи лаврскаго праздника, воз-

вратившись, вмѣстѣ съ нимъ, къ своему старцу, палъ къ ногамъ святаго, и просилъ у него прощенія въ своемъ маловѣрїи. Вскорѣ за тѣмъ, Маркъ до крайности разболѣлся, и святой, упрекнувъ его за маловѣріе и сомнѣніе въ чудодѣйственной силѣ Божіей, помазалъ его елеемъ отъ неугасимой лампы, и Маркъ возсталъ отъ болѣзненнаго одра. «Се здоровъ еси; кому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ», сказалъ ему при этомъ святой Нифонтъ. Спустя нѣсколько времени послѣ сего, Маркъ сталъ просить у Нифонта позволенія половить рыбы въ морѣ, и услышалъ отъ него слѣдующее: «научись прежде уловлять и замѣчать нечистые помыслы, а отъ моря и ловли рыбъ откажись, да не погрузишься въ море искушеній.» Маркъ не обратилъ вниманія на старческій совѣтъ и, подъ предлогомъ измовенія загрязнившагося платья, спустился къ морю, закинулъ удочку, и наслаждался совершеннымъ удовольствіемъ. Преслушаніе не прошло даромъ. Въ то самое время, какъ Маркъ весь былъ погруженъ въ свое занятіе, вдругъ изъ моря выпрыгнулъ и кинулся прямо на него огромной величины звѣрь. Маркъ ужаснулся и, молитвенно призвавъ на помощь своего старца, едва-едва кое-какъ избавился отъ звѣря. Находясь внѣ себя отъ страха, и въ то же время держа въ рукахъ пойманную рыбу, онъ прибѣжалъ къ святому; но этотъ, съ отеческимъ участіемъ, сказалъ: «Преслушнице! тотъ, кто преобразился въ змія, на прельщеніе праотцевъ, и нынѣ принялъ видъ морскаго пса, на твою гибель, и только Христосъ, пришедшій въ міръ для упраздненія вражеской силы, по неизчислительной Своей благодати, помогъ тебѣ, въ ожиданіи твоего покаянія. Что же касается до пойманной тобою рыбы, какъ плода преслушанія, я ни подъ какимъ видомъ не рѣшусь коснуться ея.» Тронутый старческимъ выговоромъ, Маркъ палъ къ стопамъ его и плакалъ слезами раскаянія. Съ того времени онъ исправился и оказывалъ полное по-

слушаніе святому, до самой своей смерти, которая не замедлила посѣтить его. По смерти Марка, въ услуженіи святому остался племянникъ его Гавріиль.

Еще до шести мѣсяцевъ, преподобный Нифонтъ предвидѣлъ, что святой Максимъ Кавсокаливскій уже близокъ къ исходу въ вѣчность, и сказалъ ученикамъ своимъ: «пойдемъ къ святому Максиму, для принятія отъ него послѣдняго благословенія,—потому что болѣе не увидимся съ нимъ въ настоящей жизни.» И вотъ они пришли. По взаимномъ привѣтствіи другъ друга, святой Максимъ сказалъ: «радуйтесь, возлюбленная братія! — это привѣтствіе уже прощальное; съ этой поры мы болѣе не увидимся.» Какъ предвидѣлъ преподобный Нифонтъ кончину преподобнаго Максима, такъ она и послѣдовала.

По прошествіи многихъ лѣтъ послѣ того, на святой горѣ опять открылось моровое повѣтріе, и послушникъ Нифонта, Гавріиль, былъ пораженъ смертельно. Тогда у Гавріила живъ былъ еще отецъ его, Досиѳей, который плакалъ по немъ неутѣшно. Святой Нифонтъ утѣшалъ его и говорилъ: «не плачь, братъ,—сынъ твой, ради послушанія моему недо­стоинству, нынѣ не умретъ.» Потомъ, обратившись къ востоку, помолился ко всецелому Богу втайнѣ,—и больной всталъ съ смертнаго одра, слава Бога. Потомъ святой, бесѣдуя съ бывшими при немъ, сказалъ: вотъ братъ нашъ, помощію Божіею, выздоровѣлъ, а я во время Петрова поста долженъ умереть.»

Наконецъ насталъ постъ святыхъ апостоловъ. Въ субботу первой недѣли, вставши утромъ, преподобный помолился, потомъ причастился божественныхъ Таинъ, и наконецъ сказалъ своимъ ученикамъ: «Чада возлюбленныя о Господѣ! настало время моего отшествія ко Господу, котораго, съ юности моей, любилъ я отъ всей души моей.» Ученики смутились отъ старческихъ словъ. «Не смущаться и плакать

надобно вамъ», сказалъ онъ, замѣтивъ ихъ смущеніе, «а радоваться,— потому что во мнѣ вы будете имѣть молитвенника предъ Богомъ о спасеніи вашемъ, только бы и съ вашей стороны исполняемы были заповѣди Его.» На другой день, то есть въ воскресенье, преподобный приказалъ имъ прежде укрѣпиться пищею, а потомъ выкопать ему могилу и приготовить все нужное для погребенія: «время идти мнѣ», сказалъ, «въ землю, отъ неяже и взять быхъ.» Когда все это было исполнено, онъ всталъ съ одра и долго молился, съ поднятыми къ небу очами и руками; наконецъ, по совершеніи молитвы, благословилъ всѣхъ, у всѣхъ просилъ прощенія, возлегъ на смертный свой одръ и, скрестивши на груди преподобныя свои руки, мирно испустилъ и предалъ духъ свой Богу. Тогда лицо праведника, въ знаменіе небесной его славы и дерзновенія предъ Богомъ, просвѣтилось, какъ солнце. Преподобный Нифонтъ почилъ 14-го дня іюня. Всѣхъ лѣтъ его земнаго житія было 96. Много сотворилъ онъ и чудесъ, въ теченіе своей жизни; изъ нихъ, кромѣ сказанныхъ, предлагаемъ здѣсь еще слѣдующія.

Духовный и добродѣтельный старецъ Феодулъ пожелалъ однажды видѣться съ преподобнымъ Нифонтомъ, ради душевной пользы: всталъ и пошелъ къ нему. Но дорогою, при одной стремнинѣ, онъ поскользнулся, и такъ уязвилъ ногу о камень, что, отъ множества истекшей крови и отъ боли, пришелъ въ крайнее изнеможеніе и ожидалъ смерти. Наконецъ, въ духѣ вѣры, горько возстеналъ онъ предъ Господомъ и сказалъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Если Нифонтъ дѣйствительно имѣетъ дерзновеніе предъ Тобою и благодать, избавь меня, ради его молитвъ, отъ неминуемой смерти и страданій». Едва старецъ произнесъ это,—теченіе крови остановилось, болѣзнь совершенно утихла и старецъ, слава Бога и Его угодника, выздоровѣлъ.

Одинъ изъ иноковъ лавры преподобнаго Аѳанасія, питая

леніе чадъ своихъ и на окончательное устройство обители, онъ остался попрежнему безъ средствъ, какъ въ отноше- ніи жизненныхъ продовольствій, такъ касательно и прочихъ церковныхъ нуждъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, снова обратился онъ къ божественному Дометію, и требовалъ его совѣта, — что дѣлать въ такой крайности: идти ли опять къ императору, или оставить дѣло на произволъ неисповѣ- димыхъ судебъ Божіихъ. Когда же Дометій положительно из- рекъ, чтобъ отправиться еще разъ къ императору, Діонисій, не смотря на множество путевыхъ неприятностей и трудовъ, принялъ совѣтъ его съ безусловною покорностію и, остав- ляя монастырь, поручилъ его старческому надзору и попечи- тельности Дометія. «Тебѣ, отецъ мой», сказалъ онъ прощаль- нымъ голосомъ, «по Господѣ Богѣ и послѣ великаго Предте- чи, — тебѣ поручаю обитель сію: предчувствую, что мнѣ не видѣть ни ея, ни тебя, отецъ мой!» — «Да», отвѣчалъ вдохно- венный старецъ: «мы уже не узримъ другъ друга на зем- лѣ; за то тамъ, — въ небесахъ, — предъ лицомъ Божіимъ, бла- женствуя безконечно, не разстанемся во вѣки.» — Такъ и сбылось.

По прибытіи въ Трапезунтъ, преподобный рассказалъ брату своему, а потомъ, представленный къ императору, пе- редалъ и ему о случившемся несчастіи, и смиренно испра- шивалъ царственныхъ пособій для своей обители. импера- торъ съ участіемъ выслушалъ старца, и утѣшилъ его надеж- дою на возможную помощь съ царской его стороны. Но святой Діонисій не дожилъ до того дня, когда императоръ предпо- ложилъ исполнить свое слово; потому что, чрезъ нѣсколько послѣ сего дней, наступилъ преподобному послѣдній день жизни на землѣ. Призвавъ брата своего и попросивъ императора, онъ поручилъ заботливости ихъ обитель свою, и при нихъ же, обра- тившись съ молитвою о нихъ къ Богу, тихо испустилъ по- слѣдній вздохъ жизни, — отошелъ ко Господу, на 72-мъ году отъ

роду. Это было 25-го іюня. Братъ его, митрополитъ трапезунтскій, торжественно отдалъ послѣдній долгъ преподобному,—съ должною честію и благоговѣніемъ совершилъ погребеніе тѣла его, отъ коего впослѣдствіи истекло множество чудесъ—для призывавшихъ молитвенно преподобнаго въ помощь себѣ. Между тѣмъ братіи, сопутствовавшіе преподобному, были облагодѣтельствованы богатою милостынею, какъ отъ императора, такъ и отъ митрополита, и потомъ отправились на Аѳонскую гору. Когда вѣсть о кончинѣ преподобнаго была передана ими монастырю,—все рыдали о лишеніи такого отца. А святой Дометій, утѣшавшій ихъ поначалу, хотѣлъ было уйти отъ нихъ на безмолвіе; но все братство, со слезами, пало къ ногамъ его, и просило не оставлять ихъ совершенными сиротами, но заступитъ мѣсто преподобнаго Діонисія. Послушливый Дометій тронулся слезами ихъ, и нехотя принялъ на себя правленіе обителію—до тѣхъ поръ, пока не отошелъ ко Господу, въ глубокой старости. Богу нашему слава во вѣки. Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ И БОГОНОСНЫЙ ОТЕЦЪ НАШЪ

ФЕОДОСИЙ,

МИТРОПОЛИТЪ ТРАПЕЗУНТСКІЙ.

ПАМЯТЬ ЕГО ЯНВАРЯ 11-ГО.

нъ былъ сначала игуменомъ обители Филофеевской, потомъ возведенъ на кафедру митрополитскую въ Трапезунтъ. (См. о немъ въ житіи святаго Діонисія, ктитора обители честнаго Предтечи,—бывшаго его брата по плоти).

ПРЕПОДОВНЫИ
ДОМЕТІЙ,
ИГУМЕНЪ ДЮНІСТАТСКІЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮНЯ 25-ГО.

ухоносный и богоносный отецъ нашъ Дометій былъ сподвижникомъ и другомъ святаго Діонисія, ктитор-ра обители честнаго Предтечи, а послѣ кончины его, — пастыремъ и игуменомъ сей обители.

¹ Изъ *Ακολουθία τῶν ἀγιορειτῶν πατερῶν.*

ПРЕПОДОБНЫЙ
ГРИГОРІЙ ВИЗАНТІЙСКІЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО АПРѢЛЯ 6-ГО.

Нреподобный отецъ нашъ Григорій родомъ былъ изъ Византіи, а равноангельскимъ своимъ житіемъ просіялъ въ предѣлахъ лавры святаго Аѳанасія. Объ этомъ отцѣ извѣстно только то, что онъ былъ наставникомъ божественнаго Григорія Паламы въ трезвенномъ любомудріи, и что, за равноангельскую высоту своей жизни, удостоился принимать пищу изъ рукъ ангельскихъ.

¹ Оттуда же.

ПРЕПОДОБНЫЙ
Г Р И Г О Р І Й,
ДОМСТИКЪ ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ОКТЯБРЯ 1-ГО.

Въ лаврѣ святаго Аѳанасія просіялъ также высокимъ своимъ житіемъ и благоговѣйнѣйшій пѣвецъ и домстикъ, преподобный Григорій. Онъ особенно извѣстенъ по слѣдующему славному, чудесному событію, которому удостоился быть причастнымъ. — Святѣйшій вселенскій патриархъ Каллистъ (см. о немъ ниже), во дни патриарха Филоѳея и во время игуменства въ лаврѣ преподобнѣйшаго Іакова Прикана, опредѣлилъ на литургіяхъ Василія Великаго, во время диптиховъ (на задостойникѣ), пѣть: «о Тебѣ радуется»; но преемникъ его, святѣйшій Филоѳей, отмѣнилъ постановленіе своего предшественника, повелѣвъ пѣть: «Достойно есть», какъ кратчайшее. Отъ этого въ Церкви родилось нѣкоторое недоумѣніе. Разъ, наканунѣ Свѣтовъ (Богоявленія), Григорій александрійскій ² повелѣлъ сему домстику Григорію пѣть: «о Тебѣ радуется», — но державшіеся стороны Филоѳея противились сему: однакожъ, Григорій александрійскій настоялъ, и dome-

¹ Изъ *ἱερά καθήκοντα* (стр. 136).

² Кто онъ былъ, — въ источникѣ не показано.

стикъ пропѣлъ: «о Тебѣ радуется...» Послѣ бдѣнія, совершавшагося на сей великій праздникъ, легкой сонъ, на нѣсколько времени, смежилъ очи утомившагося пѣвца Григорія, и — о чудо! — онъ видитъ предъ собою Владычицу міра, которая говоритъ ему: «пріими воздаяніе за твое пѣніе, domestiche! — много благодарю тебя за твою пѣснь въ честь Мою.» Сказавъ это, Она дала ему златницу, которая тогда же была повѣшена на святой иконѣ Богородицы, въ сей святой лаврѣ. Съ того времени, Церковь опредѣлила — на литургіяхъ Василя Великаго и на навечеріяхъ пѣть: «о Тебѣ радуется»¹.

---

¹ И Каллистъ и Филоѳей, по Мелетію (том. 3, 203), восходили на престоль по дважды: въ которое изъ ихъ патриаршествованій случилось это, — въ источникѣ не показано.

ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦЪ НАШЪ

НИКОДИМЪ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮЛЯ 11-ГО.

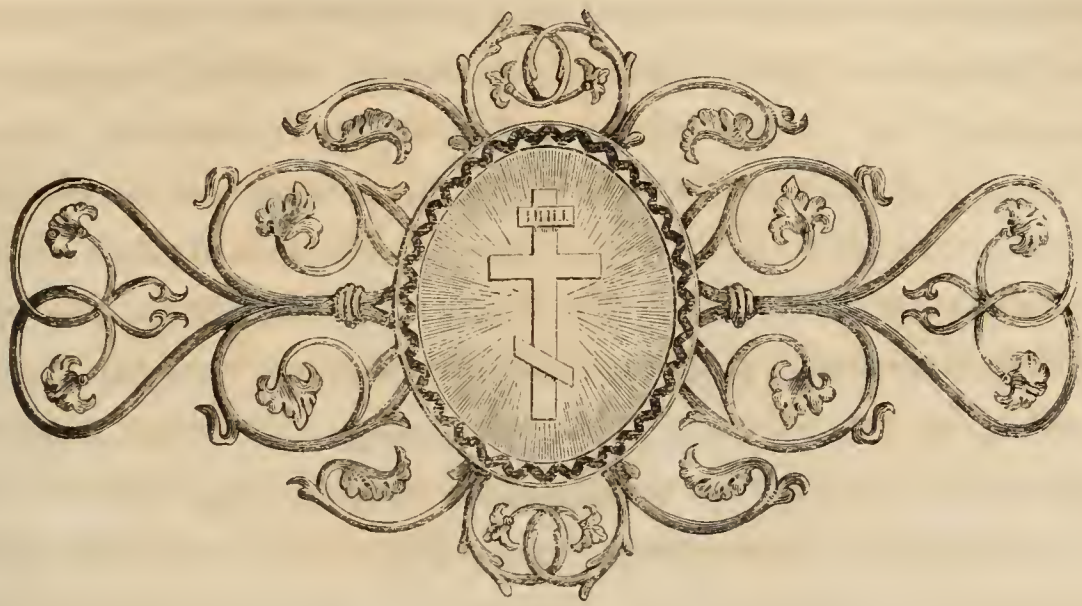

тотъ богоносный отецъ дивнымъ своимъ житіемъ просіялъ въ предѣлахъ ватонедскихъ. О немъ извѣстно, что онъ былъ старцемъ и по Христѣ наставникомъ въ любомудріи божественнаго Григорія Паламы.

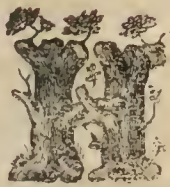
— 101 —

¹ Изъ *Ακολουθία ἁγιωτάτου πατερῶν.*

КРАТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СВЕДЕНІЕ
О НИКИФОРѢ МОНАХѢ.

реподобный отецъ нашъ Никифоръ, провождавшій подвижническую жизнь на святой Аѳонской горѣ, и процвѣтавшій въ сороковыхъ годахъ четырнадцатаго столѣтія, былъ наставникомъ и тайноводителемъ Григорія ѳессалоникскаго, въ высокомъ ученіи подвижническаго любомудрія, — какъ самъ нѣгдѣ о томъ свидѣтельствуется. Въ свободномъ отъ попеченій безмолвіи, бесѣдуя съ однимъ собою, и чрезъ то неизреченно соединяясь съ премірнымъ, высочайшимъ Предметомъ желаній, онъ получилъ блаженный даръ всуществленнаго въ сердцѣ свѣта благодати. Такимъ образомъ, будучи сперва самъ богато одаренъ неизобразимымъ боготворнымъ сокровищемъ, этотъ блаженный послѣ, въ лежащемъ сочиненіи, отечески и обильно преподамъ и намъ оно, если желаемъ удостоиться одинаковыхъ съ нимъ наградъ. Здѣсь изъ жизнеописаній святыхъ отцовъ собралъ онъ разныя мѣста, дающія понятіе о трезвеніи, вниманіи и молитвѣ, и, присовокупивъ нѣчто отъ себя, такимъ об-

разомъ, для желающихъ спасенія, поставилъ самые вѣрные вѣсы священнаго трезвенія и лѣствицу чистой, неразсѣянной молитвы и проистекающихъ изъ нея благъ.

И такъ, восходите, восходите всѣ, желающіе, чтобы обиталъ въ васъ Христосъ, и хотящіе, во образъ Духа Святаго, преображаться отъ славы въ славу, чтобы тѣмъ обоготвориться и сподобиться свѣтлаго достоянія спасаемыхъ.

НИКИФОРА МОНАХА

СЛОВО

О ТРЕЗВЕНІИ И ХРАНЕНІИ СЕРДЦА. ИСПОЛНЕННОЕ НЕМАЛОЙ ПОЛЬЗЫ.

ы, которые желаете узрѣть велелѣпное явленіе божественнаго свѣта Спасителя нашего Іисуса Христа, которые сердечно хотите ощутить пренебесный огонь! — которые тщитесь опытомъ и чувствомъ удостовѣриться въ примиреніи съ Богомъ; которые, чтобы найти и приобрѣсть сокровенное сокровище на полѣ сердець вашихъ, оставили все мірское; которые вознамѣрились отнынѣ свѣтло возжечь свѣтильники душевные, и все настоящее отринули; которые ищете познать и получить, разумѣніемъ и опытомъ, царствіе небесное, внутри васъ находящееся, — приидите, я преподамъ вамъ науку вѣчной, небесной жизни, или, лучше, — способъ, по которому дѣйствующій безъ труда и утомленія вводится въ пристанище безстрастія, и не подвергается никакому обману или возмущенію отъ бѣсовъ,

кромѣ того случая, когда мы, по непослушанію, выходимъ далеко внѣ той жизни, въ которую васъ ввожу,—подобно какъ и Адамъ нѣкогда, презрѣвъ заповѣдь Божию, подружившись со змѣемъ и возмнивъ, что онъ вѣренъ, до пресыщенія напился отъ него плодомъ прельщенія, и такимъ образомъ бѣдственно низринулъ себя и всѣхъ потомковъ своихъ во глубину смерти, мрака и тлѣнія. И такъ, дайте мнѣ, братія, возводитъ себя, или, правильнѣе, — возвратимся къ себѣ самимъ, отвращаясь совѣта зміинаго и круженія въ вещахъ, влекущихъ насъ къ землѣ; ибо примиренія и союза съ Богомъ достигнуть можно не иначе, какъ прежде употребивъ всѣ усилія—возвратиться къ себѣ, или, лучше, войти въ себя, устранившись отъ коловращенія міра и суетнаго попеченія, и держаться неослабно царствія, внутри насъ сущаго. Дѣло необычайное! Потому жизнь монашеская и называется искусствомъ искусствъ и наукою наукъ; ибо это преподабіе приноситъ намъ не тѣ тлѣнныя вещи, въ которыхъ лучшее погребается худшимъ, но обѣщаетъ дивныя нѣкія и неизреченныя блага, которыхъ око не видѣло и ухо не слышало, и которыя на сердце человѣку не восходили (1 Кор. 2, 9). Также и брань наша—не противъ крови и плоти: но противъ началъ, и властей, и міродержителей тьмы вѣка сего (Ефес. 6, 12). Если же настоящій вѣкъ есть тьма: то да бѣжимъ отъ него; а бѣжать должно мыслию. Ничего да не будетъ у насъ общаго со врагомъ Божиимъ: ибо кто захочетъ быть ему другомъ, тотъ будетъ врагъ Божій (Іак. 4, 4); а сдѣлавшемся врагомъ Божиимъ кто поможетъ? И такъ, станемъ подражать отцамъ нашимъ и, подобно имъ, искать сокровища внутри сердецъ нашихъ, чтобы, обрѣтши оное, держать его крѣпко, дѣлая и вмѣстѣ храня (Быт. 3, 15); ибо къ сему опредѣлены мы въ самомъ началѣ. Если же явится другой Никодимъ,—станетъ спорить и скажетъ: «какъ можетъ кто либо войти въ свое сердце, и тамъ дѣлать или

жить?»— подобно какъ возразилъ Спасителю и тотъ: «какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ? неужели можетъ онъ вторично войти въ утробу матери своей, и родиться (Іоан. 3, 4)?» — то да слышитъ и нынѣ, что духъ дышетъ, гдѣ хочетъ. Кто съ такимъ невѣріемъ относится къ предметамъ дѣятельности, тому какъ достигнуть области созерцанія?—вѣдѣльница къ созерцанію есть дѣятельность. Тому нельзя удостоверить въ противномъ, безъ доказательствъ изъ писаній. И такъ, раскроемъ житія святыхъ, и что ими письменно изложено, представимъ въ этомъ словѣ, въ пользу многихъ,—чтобы каждый могъ убѣдиться разсужденіями ихъ и отложить всякое сомнѣніе. И такъ, начавъ слово отъ великаго отца нашего, перейдемъ потомъ къ послѣдующимъ, и, по возможности, собравъ нѣкоторыя изреченія и дѣянія ихъ, предложимъ все это для увѣренія.

Изъ житія преподобнаго отца нашего Антонія.

«Нѣкогда къ аввѣ Антонію шли два брата. Въ пути достало у нихъ воды, отчего одинъ умеръ, а другой былъ близъ смерти. Не могли болѣе идти, онъ лежалъ на землѣ и ожидалъ послѣдняго вздоха. Антоній, находясь на горѣ, позвалъ случившихся тутъ двухъ монаховъ и сказалъ имъ: «Возьмите кувшинъ воды, и бѣгите по египетской дорогѣ; изъ двухъ шедшихъ одинъ уже умеръ,—умретъ и другой, если не поспѣшите. Мнѣ открылось это въ молитвѣ.» Монахи пошли, и нашли одного лежащаго мертвымъ, и погребли его: а другаго, сохранивъ ему жизнь водою, привели къ старцу: разстояніе было на день пути. —Еслибы кто спросилъ, для чего Антоній не сказалъ объ этомъ прежде, чѣмъ одинъ изъ путешественниковъ умеръ, то вопросъ былъ бы неправиленъ: потому что опредѣленіе смерти зависѣло не отъ Антонія, а отъ Бога, — который одному опредѣлилъ умереть, а о другомъ открылъ Антонію. Антоніево чудо состояло только въ томъ,

что онъ, находясь на горѣ, имѣлъ сердце трезвенное, — и Господь показалъ ему отдаленное.»

Видишь, что Антоній, за трезвеніе сердца, сдѣлался боговидцемъ и провидцемъ: ибо въ сердцѣ Богъ является уму—вначалѣ, по словамъ Іоанна Лѣствичника, какъ огонь, очищающій любителя, потомъ, — какъ свѣтъ, озаряющій умъ. и содѣлывающій его боговидцемъ.

Но да перейдетъ слово къ прочимъ отцамъ.

Изъ житія святаго Θεодосія, начальника общежитія.

«Божественный Θεодосій такъ произенъ былъ сладкою стрѣлою любви, и такъ связанъ узами ея, что дѣломъ исполнилъ эту высокую и божественную заповѣдь: *возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумніемъ твоимъ.* А сіе не иначе могло быть, какъ чрезъ устремленіе всѣхъ естественныхъ силъ души не къ какимъ либо настоящимъ вещамъ, по единственно къ возжеланію Создателя. И это-то называю я умною дѣятельностію души. Такимъ образомъ, онъ и тогда, когда умолялъ, былъ многимъ страшенъ, и тогда, когда укорялъ, — любезенъ, и во всемъ пріятенъ. Кто столько, какъ онъ, полезенъ, даже при обращеніи со многими? Кто столь искусенъ собирать чувства и обращать ихъ внутрь — такъ, чтобы среди самыхъ волненій пребывать въ большей тишинѣ, нежели среди пустыни, и быть одинакову во многолюдствѣ и въ уединеніи?»

Видите, что и великій Θεодосій, чрезъ то, что собиралъ чувства и вводилъ ихъ внутрь, произенъ былъ любовью къ Создателю.

Изъ житія святаго Арсенія.

«Чудный Арсеній остерегался, между прочимъ, чтобы ни

письменныхъ вопросовъ не предлагать, ни писемъ не писать. И это — не потому, чтобы онъ не могъ. Какъ не мочь писать тому, кому такъ же легко было прекрасно говорить, какъ другимъ легко только говорить? Причиною сказаннаго была привычка къ молчанію и то, что онъ неохотно показывался. Посему-то и въ церквахъ, и въ собраніяхъ, онъ всячески старался — и не видѣть никого, и не быть видимымъ отъ другихъ. Чтобы скрыться, онъ становился за столпомъ, или за какою либо другою преградой, и, не будучи примѣчаемъ, избѣгалъ сообщенія съ другими, съ намѣреніемъ внимать себѣ, собирать умъ внутрь, и такимъ образомъ удобно возноситься къ Богу.»

Такъ и этотъ божественный мужъ, земной ангелъ, внутрь собираетъ умъ, чтобы тѣмъ удобнѣе возноситься къ Богу.

Изъ житія святаго Павла Латрсакаго.

«Божественный Павелъ всегда жилъ въ горахъ и пустыняхъ, обращаясь съ дикими звѣрями, какъ съ сосѣдями, и дѣлясь съ ними пищею; иногда, впрочемъ, приходилъ и въ лавру, удостоивая посѣщенія братію: онъ увѣщавалъ и училъ не малодушествовать, не облѣиваться отъ трудныхъ дѣлъ добродѣтели, но со всякимъ вниманіемъ и разсужденіемъ держаться евангельскаго житія, и благодушно противоборствовать духамъ злобы. Притомъ излагалъ имъ и способъ, которымъ могли бы они и прежнія страстныя впечатлѣнія изглаждать, и новыя сѣмена страстей отвергать.»

Примѣчай, какъ этотъ божественный отецъ училъ невѣдущихъ учениковъ способу, какимъ можно отражать нападенія страстей. Способъ его былъ не иной, какъ храненіе ума; ибо симъ только, а не другимъ, оно совершается.

Но простремъ слово далѣе.

Изъ житія святаго Саввы.

«Божественный Савва, нашедши, что отрекшійся отъ міра и правила монашеской жизни вѣрно изучилъ, и уже могъ хранить умъ свой и противоборствовать сопротивнымъ помысламъ, да и изгналъ изъ мысли памятованіе мірскихъ вещей, давалъ ему келію въ лаврѣ, — какъ скоро тотъ былъ слабъ и немощенъ тѣломъ; а когда здоровъ и крѣпокъ, то повелѣвалъ строить келію ему самому.»

Видишь, какъ и божественный Савва требовалъ отъ учениковъ храненія ума, и потомъ, давая имъ келіи, позволялъ сидѣть въ нихъ. Что же будетъ съ нами, которые въ келіяхъ сидимъ праздно, — даже и не вѣдая, есть ли на свѣтѣ храненіе ума?

Изъ житія аввы Агаѳона.

«Одинъ братъ спросилъ авву Агаѳона, говоря: «скажи мнѣ, авва, что больше, — тѣлесный трудъ, или храненіе внутренности?» Авва отвѣчалъ: «Человѣкъ подобенъ дереву: тѣлесный трудъ — листья, а храненіе внутренности — плодъ. Какъ, по словамъ Писанія, *всякое дерево, неприносящее плода, посякаютъ, и бросаютъ въ огонь* (Матѳ. 3, 10), такъ, очевидно, надобно говорить и о храненіи ума. Впрочемъ, для покрова и украшенія, нужны и листья, которые суть тѣлесный трудъ.»

Чудно, какой приговоръ произнесъ этотъ святой на всѣхъ, неимѣющихъ храненія ума, а хвалящихся одною дѣятельностію, — сказавъ, что всякое дерево, неприносящее плода, — то есть, храненія ума, — а имѣющее одни листья, — то есть, дѣятельность, — посякаютъ и бросаютъ въ огонь. — Страшно рѣшеніе твое, отче!

Слова аввы Марка къ Николаю.

«И такъ, если хочешь, сынъ мой, имѣть внутри соб-

ственный свѣтильникъ—умнаго свѣта духовнаго познанія, чтобы ты могъ непреткновенно ходить въ глубочайшей ночи сего міра, и чтобы, по пророческому изреченію, отъ Господа управляемы были стопы твои,—чтобы, то есть, ты крѣпко восхотѣлъ пути (Псал. 36, 23) евангельскаго, и съ пламенною вѣрою, чрезъ желаніе и молитву, сдѣлался причастникомъ совершенныхъ евангельскихъ заповѣдей Господнихъ; то я покажу тебѣ удивительный способъ и изобрѣтеніе духовнаго искусства, требующее не тѣлеснаго труда или подвига, но труда духовнаго, ума и внимательной мысли, вспомошествоваемой страхомъ и любовію къ Богу: этимъ искусствомъ тебѣ можно будетъ удобно прогнать полчище враговъ. И такъ, если хочешь одержать побѣду надъ страстями,—то, молитвою и помощію Божіею, войди въ самого себя, проникни во глубину сердца, преслѣдуй сихъ трехъ сильныхъ исполиновъ: забвеніе, лѣность и невѣденіе, которые составляютъ подкрѣпленіе мысленныхъ иноплеменниковъ,—чрезъ которыхъ входятъ, дѣйствуютъ, живутъ и усиливаются въ душахъ любосластныхъ и прочія злыя страсти. Чрезъ великую внимательность и напряженіе ума, съ вышнею помощію, нашедши невѣдомое многимъ, ты возможешь, такимъ образомъ, при великой тщательности и молитвѣ, избавиться отъ злыхъ исполиновъ: ибо усердіемъ къ истинному познанію, къ памятованію слова Божія и къ доброму согласію,—если таковое усердіе, посредствомъ дѣятельной благодати, прилежно возбуждается и тщательно сохраняется въ сердцѣ,—изглаждаются въ немъ слѣды забвенія, невѣденія и лѣности.»

Видишь ли согласіе духовныхъ изреченій! Видишь ли, какъ ясно излагается въ нихъ искусство вниманія!

Смотри также, что говорятъ намъ и слѣдующіе.

что слышалъ отъ преданнаго ученика его Герасима. По словамъ этого блаженнаго, божественный Григорій всякое служеніе, назначаемое ему предстоятелемъ, исполнялъ безъ всякаго отлагательства и со всѣмъ усердіемъ, всегда представляя себѣ, что на дѣло его взираетъ Самъ Богъ. Между тѣмъ, при всѣхъ своихъ послушаніяхъ, онъ никогда не оставлялъ и обычныхъ своихъ молитвословій. Обыкновенно дѣлалъ онъ такъ: ввечеру, получивъ благословеніе отъ настоятеля, входилъ въ свою келію и запиралъ за собою дверь, — здѣсь коленнопреклоненія, псалмопѣнія, воздвѣянія рукъ къ Богу, съ устремленіемъ всего ума къ Нему, продолжались до удара къ утрени; съ первымъ ударомъ къ утренней службѣ, онъ первый стоялъ уже у двери церковной, пришедши же въ церковь, никогда не выходилъ изъ нея прежде окончанія службы, и притомъ, вошедши въ храмъ первымъ, выходилъ изъ него всегда послѣднимъ. Пища его состояла изъ небольшого количества хлѣба и воды, — и только для того, чтобъ можно было жить. Назначено ему было служеніе въ поварнѣ. Болѣе трехъ лѣтъ трудился онъ въ этомъ тяжеломъ послушаніи: кто можетъ достойно восхвалить чрезвычайное его здѣсь смиреніе? Онъ всегда думалъ, что служить не человѣкамъ, а ангеламъ, и мѣсто службы своей почиталъ Божіимъ святилищемъ и алтаремъ. Надобно сказать, что преподобный былъ весьма искусенъ и въ каллиграфіи. Но, при всѣхъ своихъ занятіяхъ тѣлесныхъ, онъ не оставлялъ занятій и умственныхъ. Чтеніемъ священнаго Писанія и другихъ благочестивыхъ книгъ занимался онъ едва ли не болѣе всѣхъ тамошнихъ отцовъ, а познаніями превосходилъ почти всѣхъ ихъ. При занятіяхъ своихъ, онъ имѣлъ еще благочестивое обыкновеніе каждодневно восходить на святую вершину Синая, для совершенія тамъ благоговѣйнаго поклоненія, на мѣстѣ тѣхъ древнихъ славныхъ и великихъ чудесъ.

Могъ ли доброненавистникъ равнодушно смотрѣть на

святаго Григорія, видя таковыя его подвиги? Чтобъ воспрепятствовать святому на пути его къ совершенству, онъ успѣлъ посѣять плевелы смущенія между сподвижниками Григорія, и возбудить въ нихъ страсть зависти. Григорій, какъ ученикъ кроткаго и смиреннаго Іисуса, замѣтивъ въ нихъ эту преступную страсть, тайно удалился изъ монастыря, и взялъ съ собою сего, достойнаго всякой чести, Герасима. Герасимъ былъ родомъ съ острова Эврипа, и находился въ родствѣ съ владѣтельнымъ его княземъ: но, презрѣвъ міръ, со всѣмъ суетнымъ его блескомъ и славою, удалился на гору Синай. Здѣсь онъ узналъ божественнаго Григорія и, удивляясь чрезвычайнымъ его подвигамъ, прилѣпился къ нему и сдѣлался однимъ изъ учениковъ его. При помощи Божіей, и онъ восшелъ на высочайшую степень дѣланія и созерцанія, такъ что, послѣ великаго Григорія, сдѣлался для многихъ примѣромъ жизни подвижнической.

И такъ, удалившись съ Синая, они пришли въ Іерусалимъ, на поклоненіе животворящему гробу. Потомъ, обошедши всѣ тамошнія святыя мѣста, и благоговѣйно поклонившись имъ, отправились судномъ въ Критъ, и пристали въ мѣстѣ, такъ называемомъ «хорошія пристани». Преподобный, не хотя тратить напрасно время, сталъ отыскивать со всѣмъ тщаніемъ какое нибудь безмолвное мѣсто, вполне способное для уединенной жизни. Послѣ немалыхъ трудовъ, нашли они по желанію своему пещеры, и тамъ съ радостію поселились,—и стали продолжаться подвиги святаго Григорія, въ сугубой противъ прежняго мѣрѣ, такъ что на Григоріѣ, въ собственномъ смыслѣ, оправдались слова царепорока: *азъ, яко сьно, изсхохъ, кольна моя изнемогоста отъ поста, и плоть моя измънися елея ради* (Псал. 108, 24). Дѣйствительно, лицо его, отъ безмѣрнаго воздержанія, сдѣлалось желто, члены изсохли и едва были способны двигаться. При всемъ томъ, блаженный этотъ о Богѣ труженикъ имѣлъ пламенное желаніе

обрѣсти какого либо духовнаго, который бы могъ наставить его въ томъ, чего, на пути къ совершенству духовному, не успѣлъ еще онъ достигнуть. Скоро Господь призрѣлъ на святое желаніе вѣрнаго Своего раба, и устроилъ дѣло Своимъ премудрымъ образомъ. Черезъ особое откровеніе, извѣщается божественный Григорій объ одномъ отшельникѣ, безмолвствовавшемъ въ той странѣ, — старцѣ опытномъ въ дѣланіи и созерцаніи, именемъ Арсеніѣ. Будучи движимъ Духомъ Божиимъ, Арсеній самъ приходитъ въ келію святаго Григорія. Съ радостію принимаетъ гостя святой Григорій. Послѣ обычной молитвы и привѣтствія, умозрительный этотъ старецъ повелъ разговоръ, какбы изъ нѣкоей божественной книги, о храненіи ума, о трезвеніи и вниманіи, объ умной молитвѣ, объ очищеніи ума посредствомъ творенія заповѣдей, о возможности сдѣлать его свѣтовиднымъ, и о многомъ другомъ. Послѣ такой бесѣды, онъ спросилъ святаго Григорія: «а ты, чадо, какого рода употребляешь дѣланіе?» Тогда божественный Григорій рассказалъ ему о себѣ все, со дня почти своего рожденія. Божественный Арсеній, знавшій уже очень хорошо путь, ведущій человѣка на высоту добродѣтели, сказалъ ему: «все это, чадо, о чемъ ты рассказалъ мнѣ, богоносные отцы называютъ дѣланіемъ, а не видѣніемъ (*θεωρία*, — видѣніе, созерцаніе). Услышавъ это, блаженный Григорій тотчасъ падаетъ къ ногамъ его, и усердно просить, заклиная даже именемъ Божиимъ, научить его умному дѣланію и объяснить ему созерцаніе. Божественный Арсеній, не желая скрывать талантъ, данный ему отъ Бога, со всею охотою согласился исполнить просьбу преподобнаго и, въ непродолжительное время, научилъ его всему, что самъ богато принялъ отъ божественной благодати. При этомъ открылъ онъ Григорію, сколь многообразны и неисчислимы козни врага нашего спасенія, — т. е. рассказалъ ему о томъ, что случается съ упражняющимися въ подвигахъ добродѣтели отъ человеко-

ненавистниковъ демоновъ и отъ завистливыхъ челоуѣковъ, которыхъ употребляетъ лукавый, какъ орудія своей злобы.

Получивъ такіе безцѣнные уроки отъ божественнаго Арсенія, святой Григорій прибылъ на святую Аѳонскую гору. Желая видѣться со всѣми святогорскими отцами, воздать имъ подобающее поклоненіе и сподобиться святыхъ молитвъ ихъ и благословенія, онъ обошелъ всѣ тамошніе монастыри, скиты, кельи, — также пустыни и мѣста непроходимыя. Обращаясь съ святогорскими отцами, онъ видѣлъ между ними многихъ подвижниковъ, весьма украшенныхъ дѣятельными только добродѣтелями; когда же вопрошалъ ихъ, упражняются ли они въ умной молитвѣ, трезвеніи и блюденіи ума, — они ему говорили, что и не знаютъ, что называется умною молитвою, или храненіемъ ума и трезвеніемъ. Обозрѣвши всю святую гору, пришелъ онъ въ скитъ Магула, лежащій близъ обители Филоѳеевской ¹, и нашелъ тамъ трехъ монаховъ — Исаію, Корнилія и Макарія, которые упражнялись не только въ дѣланіи, но и въ созерцаніи. Здѣсь построилъ онъ келіи для себя и для учениковъ своихъ, — и келію для себя поставилъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ келій учениковъ, чтобы ему всецѣло погружаться въ одномъ Богѣ, чрезъ умную молитву, и быть Имъ постоянно заняту, — т. е., чтобы, по урокамъ божественнаго своего наставника Арсенія, безпрепятственно предаваться созерцанію. И такъ, собирая внутрь себя всѣ чувства, соединивъ умъ съ духомъ и пригвоздивъ его ко кресту Христову, онъ часто повторялъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!» — молился съ умиленіемъ и сокрушеніемъ сердца, съ воздыханіями изъ глубины души, и орошалъ землю теплыми слезами, текшими, какъ рѣка, изъ очей его. И Господь не презрѣлъ такого его моленія: *сердце сокрушенно и смиренно*

---

¹ Нынѣ онъ въ развалинахъ.

Богъ не уничижитъ (Псал. 8, 19), — но весьма скоро услышалъ его, ибо *воззваша праведнїи, и Господь услыша ихъ* (Псал. 33, 18). Посему, разгорѣвшись душою и сердцемъ и, по дѣйствию Святаго Духа, измѣнившись благимъ и преславнымъ измѣненіемъ, увидѣлъ онъ, осіяваемый божественною благодатию, что домъ его былъ полонъ свѣта. Исполнившись радости и неизреченнаго веселія, и изливая опять источники слезъ, онъ снѣдался божественною любовію. По-истинѣ на немъ исполнилось самымъ дѣломъ отеческое то изреченіе: «дѣло видѣнія—восхожденіе (*πράξις θεωρίας ἐπίβασις*)». И такъ какъ преподобный былъ превыше плоти и міра, то проникся весь божественною любовію, — и съ того времени этотъ свѣтъ не переставалъ освѣщать его: *свѣтъ праведнымъ всегда* (Притч. 13, 9). Славный этотъ отецъ, на вопросъ мой и соучениковъ моихъ о созерцаніи, отвѣчалъ, — говоритъ составитель жизнеописанія святаго Григорія: «тотъ, кто возвышается къ Богу, благодатию Святаго Духа, видитъ, какбы въ зеркалѣ, всю тварь свѣтовидною, — *аще въ тьмѣ, аще кромѣ тьма, не вьмѣ* (2 Коринѣ. 12, 2), по словамъ божественнаго Павла, — видитъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится съ какимъ нибудь препятствіемъ во время созерцанія, заставляющимъ его прійти въ самого себя.

Однажды, видя его выходящимъ изъ своей кельи съ радостнымъ лицомъ, я, въ простотѣ сердца, спросилъ его о причинѣ такого явленія. Приснопамятный этотъ мужъ, какъ чадолюбивый отецъ, отвѣчалъ мнѣ такъ: «Душа, прилѣпившаяся къ Богу и снѣдаемая любовію къ Нему, восходитъ выше творенія, живетъ выше видимыхъ вещей и, наполнившись вся желаніемъ Божіимъ, никакъ не можетъ укрыться. Вѣдь и Господь обѣщалъ ей, говоря: *Отецъ твой, видя въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явь* (Матѣ. 6, 6), и опять: *да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуьки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ*

(Матѳ. 5, 16); ибо тогда сердце прыгаетъ и веселится, умъ бываетъ весь въ пріятномъ волненіи, лицо весело и радостно,—по словамъ мудраго: *сердцу веселящуся, лице цвѣтетъ* (Притч. 15, 13).» Потомъ я снова спросилъ его: «божественнѣйшій отче! объясни мнѣ, по любви къ истинѣ, что такое душа, и какъ она созерцается святыми?» Выслушавъ мой вопросъ, онъ ласково и, по обыкновенію его, съ нѣкоторымъ пониженіемъ голоса отвѣчалъ мнѣ такъ: «Возлюбленное чадо мое духовное! *высшихъ себе не ищи, и крѣпльшихъ себе не испытай* (Сирах. 3, 21), — потому что ты, будучи еще младенцемъ, т. е. несовершеннымъ, не можешь переварить твердѣйшую пищу, т. е. понять предметы, превышающіе силы твои, — какъ и пища совершенныхъ мужей бесполезна пѣжнымъ младенцамъ, нуждающимся въ молокѣ.» А я, припавши къ ногамъ его, и крѣпко ухватившись за нихъ, еще настойчивѣе просилъ объяснить мнѣ столь важный предметъ. Согласившись на усиленную мою просьбу, онъ сказалъ мнѣ кратко: «кто не увидитъ воскресенія души своей, тотъ не можетъ узнать въ точности, что такое умная душа.» Но я, обращаясь къ нему съ должнымъ благоговѣніемъ, снова предложилъ вопросъ: «открой мнѣ, отче, достигъ ли ты въ мѣру сего восхожденія,—т. е. узналъ ли, что такое умная душа?»— «Да», отвѣчалъ онъ мнѣ съ великимъ смиреніемъ.— «Ради любви Господней, научи же и меня этому», сталъ я послѣ сего смиренно просить его: «это можетъ принести душѣ моей великую пользу.» Тогда божественный сей и по всему досто- чтимый мужъ, похваливъ мое усердіе, преподавалъ мнѣ слѣдующее: «Когда душа употребляетъ все свое усердіе и подвизается посредствомъ дѣятельныхъ добродѣтелей, при должномъ разсужденіи,—тогда она низлагаетъ всѣ страсти, и подчиняетъ ихъ себѣ. А если страсти покорены,—ее окружаютъ естественныя добродѣтели, и слѣдуютъ за ней, какъ тѣнь за тѣломъ; и не только слѣдуютъ, но и учатъ ее, и настав-

ляютъ тому, что выше естества,—учатъ какбы восхожденію по духовной лѣствицѣ. Когда же умъ, благодатию Христовою, взойдетъ къ тому, что выше естества, тогда, просвѣщаемый сіяніемъ Святаго Духа, онъ простирается къ ясному видѣнію,—тогда, сдѣлавшись выше самого себя, по мѣрѣ данной ему отъ Бога благодати, весьма ясно и чисто видитъ сущности вещей, и уже совсѣмъ не такъ, какъ умствуютъ о томъ виѣшніе мудрецы, кидающіеся только за тѣнью вещей, а нестарающіеся, какъ должно, слѣдовать существенному дѣйствию природы. Вѣдь и божественное Писаніе говоритъ: *осуетилось несмысленное ихъ сердце, и глаголющеся быти мудри, обзюродьша* (Римл. 1, 21. 22). Потомъ душа, принявшая обрученіе и благодать Святаго Духа, по причинѣ множества видѣній, какія она видитъ, мало по малу оставляетъ прежнія, и переходитъ къ высшимъ и божественнѣйшимъ,—какъ говоритъ апостоль Павелъ: *задняя забывая, въ предняя же простираяся* (Филип. 3, 13),—и такимъ образомъ поистинѣ отбрасываетъ всякую боязнь и страхъ и, прилѣпившись любовію къ Жениху Христу, видитъ, что природныя ея помыслы совершенно умолкаютъ и, по писанію святыхъ отцовъ, остаются назади. Достигнувъ безвидной и неизглаголанной красоты, она теперь, осіяваемая свѣтлымъ сіяніемъ и благодатию Святаго Духа, бесѣдуетъ только съ Богомъ, а просвѣтившись этимъ безпредѣльнымъ свѣтомъ, и имѣя стремленіе къ одному Богу, она, по причинѣ чуднаго и новаго своего измѣненія, совсѣмъ уже не чувствуетъ смиреннаго, земнаго и вещественнаго своего тѣла; ибо является чистою и свѣтлою, безъ всякой примѣси вещественнаго пристрастія,—является существомъ (*φύσις*) собственно умнымъ, каковъ былъ, до грѣхопаденія, родоначальникъ нашъ Адамъ. Онъ сперва былъ покрытъ благодатию безпредѣльнаго свѣта,—а потомъ, по причинѣ горькаго преступленія, обнажился отъ свѣтоносной этой славы.» Ко всему такому боже-

ственная сія глава присовокупила, что «человѣкъ, чрезъ трудолюбивое упражненіе въ умной молитвѣ, достигшій столь дивной высоты и увидѣвшій чисто собственное свое устроеніе, въ какое онъ пришелъ благодатію Христовою, уже увидѣлъ и воскресеніе души своей, прежде чаемаго общаго воскресенія, — такъ что душа, такимъ образомъ очистившаяся, можетъ говорить съ божественнымъ Павломъ: *аще въ тѣлѣ, аще кромѣ тѣла, не въмѣ* (2 Коринѣ. 12, 2). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она и недоумѣваетъ, и изумляется тому, и взываетъ съ удивленіемъ: *о глубина богатства, премудрости и разума Божія! яко не испытани судове Его и неизслѣдовани путіе Его* (Римл. II, 33).» О такихъ-то предметахъ сподобился я слышать отъ пребожественнаго этого отца!

Что сказать теперь объ ученикахъ сего преподобнаго отца? Достойно возвѣстить о всѣхъ ихъ подвигахъ и ангельской ихъ жизни я не нахожу въ себѣ довольно силы; скажу лишь кратко, — что по наставнику можно отчасти судить и объ ученикахъ его.

Первымъ его ученикомъ былъ святой Герасимъ. Онъ, какъ мы выше сказали, происходилъ изъ Эврипа, и послѣ пользовался еще наставленіями святѣйшаго патріарха Исидора. Этотъ новый Герасимъ былъ, можно сказать, отсвѣтомъ древняго іорданскаго. Какъ тотъ шелъ путемъ апостольскимъ, и дикую пустыню іорданскую превратилъ въ многолюднѣйшую страну, населивъ ее земными ангелами; такъ и этотъ, исполнившись божественной благодати и бывъ просвѣщенъ отъ Бога, является въ Элладу и обходитъ апостольски всю ту страну, насыщая сладчайшимъ ученіемъ о добродѣтели всѣхъ алкавшихъ и жаждавшихъ тамъ слова Божія. Не упустилъ онъ здѣсь, подобно іорданскому Герасиму, въ многолюдной сей пустынѣ, основать и много убѣжищъ благочестія и чистоты, и преподать насельникамъ ихъ подобающія правила высокой нравственности, для достиженія первоздан-

ной чистоты челоуѣка. Подвизаясь такимъ образомъ, и сподобившись здѣсь уже зрѣть славу, предуготованную избраннымъ Божиимъ, онъ отшелъ къ Господу наслаждаться сею славою—уже не на краткія мгновенія, а навсегда.

Второй ученикъ преподобнаго былъ Іосифъ, соотечественникъ Герасима. Іосифъ не имѣлъ высокаго внѣшняго образованія, но, будучи богатъ внутреннею, истинною мудростію, даруемою отъ Святаго Духа, подобно онымъ славнымъ рыбакамъ, побѣдившимъ царей и царства, посрамившимъ мудрецовъ міра, громилъ латинскихъ умниковъ. Праведная его ревность по православію послужила крѣпкимъ оплотомъ для православныхъ христіанъ противъ злословія латинянъ, и утвердила многихъ изъ нихъ на пути святой истины. Но о всѣхъ его трудахъ и подвигахъ въ пользу Церкви, о великодушій въ несеніи своего креста, и о прочихъ сокровенныхъ и явныхъ его добродѣтеляхъ составитель этой біографіи не нашелъ себя въ состояніи рассказать надлежащимъ образомъ. Потому и намъ остается только съ благоговѣніемъ дивиться чудному во святыхъ Своихъ Богу и величать Его угодниковъ.

Далѣе блаженный біографъ святаго Григорія просить насъ выслушать о третьемъ ученикѣ сего святаго, — о нѣкоемъ чудномъ аввѣ Николаѣ. Николай былъ родомъ изъ Аѳинъ, и достигъ уже старости, когда, державшій въ то время скипетръ Греціи, царь Михаилъ Палеологъ, по политическимъ расчетамъ, увлекся къ суемудрію римской Церкви. Отступивши самъ отъ чистоты православія, царь старался и всѣхъ своихъ подданныхъ увлечь за собою въ ту же бездну гибели. Но когда божественный Николай сталъ небоязненно проповѣдывать, въ отечествѣ своемъ, слово Божіе, и училъ народъ хранить православіе, — не принимать гнилыхъ догматовъ латинскихъ, — Палеологъ послалъ къ нему латинскихъ мудрецовъ, для убѣжденія принять западное злоуѣріе, — и послалъ съ обыкновенными латинскими доказательствами — ле-

стію, бичомъ и мечомъ. Жестокосердые и безчеловѣчные слуги, встрѣтивъ со стороны его сопротивленіе, связали его, наложили на него цѣпи, обрили честную его брану, били его безъ милосердія палками, попирали ногами и безжалостно влачили по улицамъ. Но страдалецъ Христовъ и эти, и другія скорби, какъ-то — ссылки, расхищенія его имѣнія, заключенія въ темницы, переносилъ, слава и благодаря Бога. Но скоро эта гроза прошла. Когда, по смерти царя Палеолога, невѣста Христова — Церковь, Божіею милостію, стала опять наслаждаться глубокимъ миромъ, бывшій въ то время святѣйшій патріархъ Іосифъ употреблялъ всевозможные способы рукоположить божественнаго Николая во архіерея; но онъ, по своей скромности и глубокому смиренію, уклонился отъ этой высокой іерархической чести и, любя безмолвіе, удалился на святую Аѳонскую гору. Тогдашній протъ святой горы, видя его украшеннымъ всѣми видами добродѣтели, сдѣлалъ его, противъ воли, экклісіархомъ въ честномъ карейскомъ храмѣ. Но, спустя немного времени, онъ встрѣтился съ чуднымъ Григоріемъ—и, лишь только услышалъ сладчайшую его бесѣду, со всѣмъ усердіемъ души, тотчасъ же сдѣлался ученикомъ его: ибо какъ магнитъ, съ неизреченною отъ природы силою, влечетъ къ себѣ желѣзо; такъ и божественный учитель нашъ Григорій, душеполезными своими словами (которыя, всякій мудрый не погрѣшитъ, если назоветъ словами жизни вѣчной), привлекалъ къ себѣ видѣвшихъ его и бесѣдовавшихъ съ нимъ. И какъ было во время земной жизни нашего Искунителя,—лишь только увидѣлъ Его Андрей, тотчасъ оставилъ Предтечу Іоанна и слѣдовалъ за сладчайшимъ Іисусомъ,—такъ часто случалось и во время божественнаго Григорія. Стремившіеся къ высотѣ добродѣтелей, усматривая, что онъ достигъ крайняго благоговѣнія, невозмутимаго спокойствія и тишины и полнаго просвѣтленія души, немедленно оставляли прежнихъ своихъ старцевъ и, притекая къ

нему, подчинялись ему совершенно. Такъ поступилъ и досто-
почтенный этотъ Николай, не смотря даже на преклонность
своихъ лѣтъ. Подъ мудрымъ и божественнымъ водителъ-
ствомъ святаго Григорія, онъ скоро сдѣлался искуснымъ во
всякой добродѣтели, а смиреніемъ даже и превзошелъ всѣхъ
своихъ собратій и соучениковъ.

Потомъ жизнеописатель святаго Григорія повѣствуетъ
еще о нѣкоемъ досточудномъ ученикѣ его Маркѣ. — Маркъ
отечествомъ своимъ имѣлъ Клазомены; пришедши въ воз-
растъ, принялъ иноческій образъ въ монастырѣ Исаака, ко-
торый былъ въ Солуни, а чрезъ нѣсколько времени при-
былъ на святую Аѳонскую гору, и здѣсь подчинилъ себя
святому Григорію. Стяжавъ умную молитву и трезвеніе,
онъ былъ, какъ бы сказать, сокровищницею и хранилищемъ
всѣхъ добродѣтелей и дѣятельныхъ; въ особенности же отли-
чался смиреніемъ и послушаніемъ, которое оказывалъ не-
только предстоятелю, но и всему братству, и даже служилъ
работомъ всѣмъ страннымъ. Посему, удивляясь ему, всѣ хва-
лили его и питали къ нему любовь и расположеніе. Свя-
щеннолѣпный видъ его дышалъ какимъ-то духовнымъ бла-
гоуханіемъ, и имѣлъ чудное на другихъ вліяніе, такъ что
увидѣвшій его одинъ разъ чувствовалъ въ своей душѣ нѣ-
кое освященіе и влеченіе къ смиренномудрію Маркову, и
этого чуднаго Марка бралъ себѣ въ образецъ добродѣтели.
Пришедши даже въ глубокую старость, божественный Маркъ
возлагаемая на него послушанія исполнялъ съ великою ра-
достію и усердіемъ. Проходя, на примѣръ, службу повара,
онъ никогда не показывалъ отягощенія или нерадѣнія. По-
сему и Богъ, призирающій на кроткихъ и смиренныхъ серд-
цемъ, наградилъ его глубокимъ душевнымъ миромъ, невозму-
тимою тишиною сердца, исполнилъ неизреченною радостію
и веселіемъ, — или, иначе сказать, Маркъ сдѣлался свѣтлѣй-
шимъ органомъ Святаго Духа, обителію Тріедиаго. При-

мѣръ сего божественнаго Марка служилъ назиданіемъ для многихъ. Многіе, видя его подвиги и слушая благодатную его бесѣду, получали себѣ обильную душевную пользу. Въ числѣ назидающихся ангельскою его жизнію былъ и я, и притомъ преимущественно предъ другими; ибо, будучи сожителемъ ему почти до самой его смерти, я пользовался самою искреннею его дружбою. У насъ была какбы одна душа въ двухъ тѣлахъ, и мы не знали, что мое, что твое. Отсюда выходило то, что кто называлъ Каллиста, тотъ вдругъ прибавлялъ къ нему и Марка, и опять, кто говорилъ о Маркѣ, тотъ видѣлъ въ немъ и Каллиста. Всѣ отцы, обитавшіе тамъ въ скиту, смотрѣли на насъ, на наше единомысліе, какое мы имѣли между собою, благодатию Христовою, какъ на похвальный примѣръ,—и если когда, по зависти діавольской, случалось нѣкоторымъ изъ нихъ вступать въ разногласіе между собою, тотчасъ приводили они себѣ на память насъ,—и разногласіе исчезало.

Божественный отецъ нашъ Григорій благословилъ быть такому между нами единомыслію до кончины нашей и, движимый благодатию Святаго Духа, присовокупилъ, что если мы будемъ находиться въ этомъ единеніи духа, то удостоимся царства небеснаго. Такое наше дружество продолжалось цѣлыхъ 28 лѣтъ. Предъ смертію своею, Маркъ вынужденъ былъ тѣлесною болѣзнію перейти изъ скита въ лавру и оставаться тамъ до своей кончины: но тѣлесное разлученіе наше никогда не нарушало духовнаго нашего единенія. Блаженный Маркъ, ежедневно восходя отъ силы въ силу, сталъ на высшей степени совершенства, такъ что должнымъ образомъ и рассказать о всѣхъ его добродѣтеляхъ невозможно. И то, о чемъ я рассказаль, рассказано мною противъ его воли,—ибо онъ, по смиренію своему, заповѣдалъ мнѣ не говорить о его добродѣтеляхъ. Но такъ какъ похвала святыхъ относится къ Богу, то я, для душевной пользы

и назиданія другихъ, и счелъ справедливымъ не молчать о подвигахъ его.

Скажу, — говоритъ блаженный патріархъ, — еще объ одномъ, достойномъ похвалы, ученикѣ святаго Григорія, — Іаковѣ. Онъ, наставленіями и водительствою божественнаго Григорія, достигъ такой высоты добродѣтелей, что удостоился принять и санъ архіерейства, — сдѣлался епископомъ Сербіи.

Не умолчу и о чудномъ Ааронѣ. Онъ былъ лишенъ тѣлеснаго зрѣнія; — поэтому святой Григорій весьма много сострадалъ ему. Божественный Григорій объяснялъ Аарону, что слѣпота тѣлесныхъ очей не только очищаетъ душевныя, но и даруетъ вѣчный свѣтъ тѣмъ, которые переносятъ ее съ благодарностію, надѣясь во всемъ несомнѣнно на Бога, и что когда мы, помощію и благодатію Божіею, очистимъ сердца наши, посредствомъ горячей и постоянной молитвы, тогда просвѣщается нашъ умъ и разумъ, которые въ душѣ — какбы два ока. А если просвѣтятся и отверзутся очи души нашей, то человекъ, сдѣлавшись въ Богѣ духовнымъ, видитъ естественно, — какъ видѣлъ и Адамъ прежде своего преступленія. Объяснялъ ему святой Григорій и паденіе нашего праотца, и возстановленіе его въ первобытное совершенство. Слушая эти и подобныя этимъ наставленія, и слагая ихъ въ сердцѣ своемъ, Ааронъ, съ глубокимъ сокрушеніемъ сердца, просилъ Бога такъ: «Господи Боже мой! низу склонившагося воздвигнувшій, словомъ единымъ разслабленнаго стянувшій и очи слѣпаго разверзшій, воздвигни и меня, неизреченнымъ Твоимъ благоутробіемъ, и, погрязшую въ тинѣ грѣха, окаянную мою душу не презри, и не дай ей погрязнуть во рвѣ отчаянія, но, какъ щедрый, отверзи очи сердца моего, всели въ него страхъ Твой, дай мнѣ разумѣть заповѣди Твои и творить волю Твою!» И не вотще была такая смиренная и изъ глубины души молитва слѣпца: онъ былъ услышанъ Богомъ, и очи души его про-

свѣтлѣлись такъ, что онъ не нуждался болѣе и въ зрѣніи тѣлесномъ. Теперь ненуженъ уже сталъ ему и вожатый въ пути. Мало того,—онъ видѣлъ дѣйствія другихъ даже на далекомъ отъ себя разстояніи. Разъ они ходили съ вышесказаннымъ Іаковомъ къ одному монаху. Бывъ еще далеко отъ келіи этого монаха, Ааронъ, просвѣщенный свыше, сказалъ Іакову: «монахъ, къ которому мы идемъ, держитъ въ рукахъ своихъ священное Четвероевангеліе и читаетъ такое-то начало Евангелія.» Пришедши въ келью монаха, и испытавъ съ точностію, нашли, что предсказанное Аарономъ было истинно. Но это только малое изъ многаго.

Нельзя не упомянуть и о другихъ ученикахъ преподобнаго — Моисеѣ, Лонгинѣ, Корниліѣ, Исаіѣ и Климентѣ. Всѣ они, подѣ мудрымъ, отеческимъ водительствоиъ святаго Григорія, украсившись и дѣланіемъ и видѣніемъ, потомъ сами пріобрѣли себѣ многихъ учениковъ, и мирно почили, предавъ души свои въ руцѣ Божіи.

Такъ какъ я вспомнюлъ уже о чудномъ Климентѣ, то полезно будетъ рассказать немногое изъ того, что даровалъ ему Богъ. Климентъ былъ родомъ изъ Болгаріи, и на родинѣ имѣлъ должность пастуха овецъ. Въ одну ночь, находясь на стражбѣ своей, онъ, подобно тѣмъ древнимъ пастырямъ, сподобился особеннаго посѣщенія свыше,—увидѣлъ нѣкій чудный свѣтъ, сіявшій надъ его безсловесными и надъ всѣмъ пастбищемъ. Климентъ въ это время былъ полонъ и радости, и вмѣстѣ недоумѣвалъ о видѣніи. Онъ почелъ было этотъ свѣтъ за естественное разсвѣтаніе, такъ какъ, незадолго предъ симъ освѣщеніемъ, засыпалъ на жезлѣ своемъ. Но, во время такого его размышленія, свѣтъ этотъ, въ виду его, мало по малу восшелъ на небеса, и оставилъ послѣ себя тьму и ночь. Вскорѣ послѣ сего, Климентъ удалился на святую Аѳонскую гору и, въ скиту Морфину¹, под-

¹ Въ области лавры святаго Аѳанасія. Этимъ именемъ престопа родіе на-

чинилъ себя одному монаху, простому, но благоговѣйному и добродѣтельному. Все обученіе Климента у этого инока состояло только въ молитвѣ: «Господи помилуй!» По прошествіи немногаго времени, Климентъ былъ снова удостоенъ божественнаго свѣта, и, рассказавъ своему старцу объ этомъ видѣніи, просилъ отъ него объясненія. Но старецъ его, не имѣя самъ опытности въ духовныхъ предметахъ, пошелъ съ нимъ, для разсужденія объ этомъ, къ божественному Григорію. Климентъ рассказалъ святому Григорію о себѣ все подробно, и послѣ того горячо просилъ Григорія причислить его къ благой его дружинѣ. Преподобный, какъ подражатель Христу, жаждая спасенія всѣхъ, принялъ его съ радостію, и научилъ его всему, что можетъ служить къ вѣчному нашему спасенію. Для души Климента,

---

звало, существовавшую здѣсь въ 12 вѣкѣ, латинскую православную обитель (какъ можно видѣть изъ актовъ аѳонскихъ) Амальфи. А знаменитый паломникъ нашъ Барскій передаетъ объ этомъ слѣдующій, основанный на преданіи, рассказъ: «Отъ монастыря (лавры) два часа прешедше, обрѣтаемъ пиргъ, — си есть столпъ, мурованный еще древними лѣты, егда тамо мѣръ жительствоваше. Создася, якоже повѣствуютъ, отъ нѣкоего царя и вельможи, ради упокоенія дщери своей, именуемой Морфину, яже тамо многими лѣты безмолвствоваше, веселяся отъ красоты мѣста: ибо стоитъ на холмѣ зѣло красномъ, недалече отъ моря, яко на выстрѣляніе лука; окрестъ же — воды текущія и горы, съ густымъ лѣсомъ, яже суть воскрилія Аѳона, и зеленѣютъ лѣтозрочно, въ зимѣ и въ лѣтѣ, не точію сего ради, яко есть мѣсто тепло, отъ дыханія морскаго, но и естественно вся святая гора имать благодать сію, яко много обрѣтается въ ней таковыхъ древесъ, яже въ зимѣ и въ лѣтѣ на себѣ имутъ листвіе зеленое, отъ пшже въ странахъ російскихъ не обрѣтаются. Мѣсто же оное речется столпъ красоты, — или отъ имени предреченныя дѣвы, или отъ естественныя красоты мѣста, ибо первѣе нарицашеся Евъ Морфину, послѣди же, отъ простобесѣда языка общенароднаго, слово умался и наречется Морфину, еже знаменуеть: зрачное (см. Путеш. его по св. м., 647 стр.).» Во время послѣдняго раззоренія святой горы (1536 г.), магистромъ родосскимъ, мон. Амальфиновъ, котораго развалины, подъ названіемъ Морфину, подаютъ поводъ къ разнымъ сказаніямъ, теперь уничтоженъ, — говоритъ г. Григоровичъ (См. его Очеркъ путешествія по европ. Турціи. Казань. 1848 г., стран. 91. См. объ этомъ также и у г. Муравьева, въ его Письмахъ съ Востока. Ч. 1, стр. 124 и 275).

съ теченіемъ времени сдѣлавшейся боговидною, духовныя видѣнія уже не были непонятны. Сказывалъ онъ о себѣ, что, сколько разъ ни посылалъ его божественный Григорій въ священную лавру, во время пѣнія тамошними отцами— «Честнѣйшую...», онъ всегда видѣлъ свѣтлое облако, нисходившее съ неба на лавру, и покрывавшее оную. Когда же кончалась пѣснь «Честнѣйшей», это облако, въ его глазахъ, снова восходило со свѣтомъ на небо.

Душеспасительными наставленіями божественнаго Григорія пользовались не только его ученики, но и всякій, кто приходилъ къ нему. Поэтому почти всякій считалъ великимъ для себя несчастіемъ не быть у святаго Григорія, и не сподобиться слушать его ученіе. И такъ какъ слово его имѣло помазаніе, то всегда производило благотворные плоды въ сердцахъ слушателей. Какъ, въ самое время ученія великаго Петра, во домѣ Корнилія, сошелъ на слушателей его Духъ Святой: такъ было и съ тѣми, которыхъ училъ божественный Григорій;—это сказывали миѣ сами испытавшіе силу его ученія. «Въ то самое время», говорили они, «когда святой Григорій разсуждалъ о чистотѣ души и о томъ, какимъ образомъ человѣкъ дѣлается, по благодати, богомъ, въ душахъ нашихъ пробуждалось нѣкое божественное, неудержимое стремленіе къ добродѣтели и неизъяснимая любовь къ Богу.» Святой Григорій побуждалъ упражняться въ умной молитвѣ и храненіи ума какъ пустынниковъ, такъ и киновіатовъ,—рѣшительно всѣхъ.

Но доброненавистникъ діаволъ не могъ быть равнодушнымъ къ такимъ подвигамъ святаго Григорія. Онъ возбудилъ противъ преподобнаго мнимоученыхъ монаховъ, — такъ что, движимые завистію къ нему, они предприняли рѣшительное намѣреніе прогнать его со святой горы. Съ ними, по невѣденію, согласились и нѣкоторые простецы и неопытные въ тайнахъ духовныхъ. Завистники и духовные невѣжды крича-

ли божественному Григорію: «не учи насъ пути, котораго мы не знаемъ»,—разумѣя подъ нимъ умную молитву и блюденіе ума. Преподобный, видя разгаръ зависти, далъ мѣсто злу, и умолчалъ навремя. Потомъ, взявъ съ собою одного своего ученика и нѣкоего подвижника Исаію, много пострадавшаго отъ царя Михаила Палеолога за несогласіе свое съ суемудріемъ лжепатріарха Іоанна Векка, явился, для разсужденія о своемъ ученіи, въ протать. Протъ ласково принялъ ихъ и началъ дружески и косвенно замѣчать божественному Григорію,—только не о томъ, зачѣмъ онъ училъ о трезвеніи и умной молитвѣ; ибо протъ былъ не изъ числа завистниковъ и духовныхъ невѣждъ, — а о томъ, зачѣмъ онъ училъ безъ его позволенія. Но, зная чрезвычайные подвиги святаго Григорія и истинную высоту божественнаго его ученія, онъ оставилъ все, и искренно подружился съ нимъ. Бесѣдуя съ Григоріемъ и Исаією, онъ говорилъ: «сегодня я бесѣдую съ главами апостоловъ, Петромъ и Павломъ.» Недоброжелательствующіе святому Григорію отцы, видя ласковый пріемъ, сдѣланный ему протомъ святой горы, и слыша похвалы главы иноческой своей семьи божественному учителю, убѣдились въ истинѣ его ученія,—и съ того времени всѣ вообще,—и пустынники и непустынники, съ великою радостію, признали и имѣли общимъ своимъ учителемъ божественнаго Григорія. Но такъ какъ число приходящихъ къ нему для душевной пользы весьма умножилось, что отнимало у него любимое имъ безмолвіе, то онъ, чтобъ избавиться отъ посѣтителей, рѣшился употребить хитрость, — сталъ перемѣнять мѣста своего обитанія и, многократно перемѣняя ихъ, удалялся иногда въ самыя отдаленныя и непроходимыя пустыни. Но горящій свѣтильникъ нигдѣ не могъ укрыться; градъ, стоящій верху горы добродѣтелей, не могъ утаиться отъ взоровъ, ищущихъ его. Желаящіе слышать изъ медоточныхъ его устъ божественное его ученіе являлись къ не-

му вездѣ. Поэтому, снисходя къ трудамъ и усердію приходящихъ, онъ, въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ, въ которыхъ оставался жить, строилъ келіи, въ сторонѣ отъ своей, чтобы помѣстить ихъ.

Агаряне, громившіе уже тогда Грецію, грозили истребленіемъ и порабощеніемъ и святой горѣ. Святой Григорій, съ одной стороны потому, что испыталъ уже желѣзное ярмо этихъ варваровъ, какъ мы сказали вначалѣ, а съ другой, не желая лишиться безцѣннаго для него безмолвія, рѣшился отправиться опять на Синай, — безмолвствовать на святой вершинѣ его. Узнавъ же, что не найти ему искомага спокойствія и тамъ, — ибо нечестивые сарацины огненною лавою распространились тогда по всему Востоку, — отложилъ путешествіе и переходъ на Синай и, желая найти себѣ гдѣ нибудь другое мѣсто, удобное для созерцательной своей жизни, посѣтилъ тогда многія мѣста. Пробывъ нѣсколько времени въ Солуни, онъ отправился въ Митилень, а оттуда, чрезъ Константинополь, прибылъ въ Сизополь. Въ окрестностяхъ Сизополя, нашелъ было онъ, въ одной пустынѣ, удобное для себя убѣжище, и уже основался тамъ, но подвергся преслѣдованіямъ зависти отъ тамошнихъ пустынниковъ, и даже съ опасностію лишенія жизни. Не могли побѣдить этой злой страсти ни своимъ великодушіемъ, ни кротостію, онъ снова возвратился, чрезъ Сизополь, въ Царьградъ. А такъ какъ нечестивые сыны рабыни тогда немного успокоились и не тревожили святой горы, то онъ изъ Константинополя прибылъ опять на Аѳонъ. Въ этомъ странствованіи я, съ другимъ ученикомъ святаго, былъ неотступнымъ его спутникомъ. Во время пребыванія въ пустынѣ сизопольской, сочинены имъ 150 трезвенныхъ главъ, исполненныхъ дѣланія и созерцанія ¹.

Съ неподдѣльнымъ расположеніемъ и великою радостію

---

¹ Эти главы помѣщены въ первой части Добротолюбія.

приняли святаго въ лаврѣ, куда онъ теперь прибылъ, и прибытіе его почитали духовнымъ своимъ торжествомъ. Съ благословенія старшей братіи лавры, святой вблизи выстроилъ нѣсколько келій, въ разныхъ мѣстахъ, для себя и своихъ учениковъ, и бесѣдовалъ тамъ съ однимъ Богомъ. Когда же, по Божію попущенію, агаряне снова начали утѣснять святую гору, преподобный, не могши безмолвствовать внѣ лавры, вошелъ внутрь ея. Но многолюдная, совокупная жизнь была не по немъ. Для своего созерцанія, онъ жаждалъ уединенія, а потому, взявъ съ собою одного ученика, тайно вышелъ изъ лавры, и отправился въ Адрианополь; отсюда же удалился въ одну гору, называемую «Скрытная». Здѣсь нашелъ онъ мѣсто, дѣйствительно удобное для своей жизни; но гора вся почти наполнена была разбойниками. Возбуждаемые завистливымъ діаволомъ, боявшимся, чтобъ святой не обратилъ пустыню въ жилище земныхъ ангеловъ, они много беспокоили его. Святой Григорій не отчаявался, ибо зналъ, что для нагаго хищники тлѣнныхъ вещей неопасны. Здѣсь услышалъ онъ о благочестіи болгарскаго царя Александра; вслѣдствіе сего, возложивъ упованіе на Бога, всегда споспѣшествующаго благимъ намѣреніямъ Своихъ служителей, посылаетъ къ царю своихъ учениковъ, и чрезъ нихъ, извѣщая его о себѣ и о своихъ бѣдствіяхъ, просить себѣ, во имя Божіе, помощи его и защиты отъ разбойниковъ. Слухъ о благочестіи этого царя не обманулъ святаго Григорія: чтя добродѣтель и добродѣтельныхъ, принялъ онъ съ радостію предложеніе святаго, — и сдѣлалъ болѣе, чѣмъ просилъ преподобный. Этотъ державный любитель благочестія на той горѣ воздвигъ цѣлую обитель, со всѣми къ ней хозяйственными принадлежностями, и все устроилъ въ ней поцарски; послалъ также святому и довольное количество денегъ, на содержаніе его дружины; пожертвовалъ, для будущаго пропитанія братіи обители, нѣсколько деревень и

одно озеро, для рыбной ловли; прислалъ множество воловъ и овецъ и большое количество рабочаго скота. (Впослѣдствіи на этой горѣ возсіяли еще три лавры). Здѣсь святой мирно окончивалъ остатокъ земнаго своего странствованія, продолжая заботиться о благѣ души всѣхъ и cadaго. Онъ горѣлъ желаніемъ всю вселенную обогатить знаніемъ восхожденія на высоту дѣланія и созерцанія, и стремился возжечь во всѣхъ пламенную любовь къ этому восхожденію. По-истинѣ и объ немъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно сказать сіи божественныя слова: *во всю землю изыде въщаніе его, и въ концы вселенныя сила глаголовъ его* (Псал. 18, 5);—ибо онъ не только у грековъ и болгаръ, но и у сербовъ и дальше, если не самъ, своимъ лицомъ, то, по крайней мѣрѣ, чрезъ своихъ учениковъ, разсѣивалъ божественное свое ученіе. И силѣ слова его рѣдко не уступала всякая лютость. Даже свирѣпыхъ тѣхъ словесныхъ волковъ,—дикихъ тѣхъ разбойниковъ и убійцъ,—онъ претворялъ въ кроткихъ и разумныхъ овецъ, и вводилъ ихъ непорочными агнцами въ ограду превѣчнаго Пастыря и Просвѣтителя душъ нашихъ.

Таковы, изъ многихъ, нѣкоторые подвиги святаго Григорія! Такова жизнь этой чудной и блаженной души!—Но настало наконецъ и для него время отдать общій долгъ смерти. И такъ, труженикъ сей о Бозѣ, немного и недолго поблѣвъ, предалъ блаженную свою душу въ руцѣ Божіи, и восшелъ на небеса, дабы наслаждаться тамъ всегда желаемымъ имъ въ земной юдоли Христомъ,—которому слава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО
ДІОНИСІЯ,
КТИТОРА ОБИТЕЛИ ВЪ ЧЕСТЬ КРЕСТИТЕЛЯ ІОАННА,
ЧТО НА СВЯТОЙ ГОРЬ АВОНСКОЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮНЯ 25-ГО.

Креподобный Діонисій родился близъ горъ Касторійскихъ, въ селеніи, называемомъ Корица. Родители его были незнатнаго рода и, при довольствѣ сельской жизни, вели себя благочестиво. Не смотря на столь обыкновенное свое происхожденіе, благородный Діонисій, при родительской попечительности, получилъ начатки классическаго образованія, и наконецъ, при содѣйствіи благодати Божіей, достигъ до такой степени разсудительности, что, подобно жаждущей животворныхъ водъ лани, восхотѣлъ оставить все чувственное и временное, чтобы пріобрѣсти духовное и вѣчное, и всего себя посвятилъ на служеніе Богу. И Богъ, видя пламенную его къ Нему любовь и желаніе спастись, устроилъ спасеніе его слѣдующимъ образомъ:

¹ Изъ Νέος παραδεισος.

У Діонисія былъ старшій братъ, именовъ Θεодосій. Какъ братья по плоти, при одинаковыхъ сердечныхъ качествахъ и характерахъ, они и въ образѣ жизни держались одинаковыхъ правилъ. Будучи 18-ти лѣтъ отъ роду, Θεодосій захотѣлъ видѣть Константинополь, чтобъ тамъ, между благочестивыми иноками, найти себѣ опытныхъ руководителей на жизненномъ пути, и принять отъ нихъ необходимыя въ такомъ случаѣ наставленія. Оставивъ отчизну, родителей и брата своего Діонисія, бывшего тогда еще дитятею, онъ отправился въ царственный градъ, и прежде всего явился въ патриархію, какъ въ исключительное мѣсто и пристанище иноковъ испытанной жизни, составляющихъ цвѣтъ и красоту Церкви. Испросивъ позволеніе поселиться тамъ, онъ сколько, съ одной стороны, усвоялъ себѣ начатки подвижнической жизни, столько, съ другой, и обучался всему, что необходимо знать, въ отношеніи внѣшняго образованія. При отличныхъ способностяхъ, Θεодосій въ удовлетворительной степени изучилъ священное Писаніе и догматы вѣры, — вслѣдствіе чего и сдѣлался предметомъ всеобщаго уваженія и любви, тѣмъ болѣе, что былъ нрава кроткаго, въ обхожденіи и бесѣдахъ со всѣми ласковъ, въ жизни подвижнической удивителенъ, и, сверхъ того, самый видъ его былъ увлекателенъ и благороденъ. Такія свойства души Θεодосія не могли утаиться и отъ самого патриарха. Услышавъ о добродѣтельной жизни его, онъ обратилъ на него особенное вниманіе, и рукоположилъ его сначала въ діакона, а потомъ, какъ сильнаго въ словѣ и дивнаго въ знаніи священнаго Писанія, — и во священника.

По принятіи священства, Θεодосій повелъ жизнь гораздо строже и возвышеннѣе прежняго, а это самое и было впоследствии виною сердечнаго влеченія его къ пустынной тишинѣ и безмолвію, такъ какъ обращеніе съ міромъ, невольныя отношенія къ нему и дружескія связи нетолько

не представляютъ средствъ къ развитію душевныхъ силъ, но часто подавляютъ чувство долга и священныхъ обязанностей къ Богу. Въ такомъ стремленіи духа къ уединенію, мысль Θεодосія остановилась на святой Аѳонской горѣ, куда и удалился онъ изъ Константинополя. По прибытіи сюда, посѣтивъ монастыри и нѣкоторыя изъ келій, онъ вступилъ въ число братства обители Филоѳеевской. Здѣшніе братіи, соотвѣтствуя во всѣхъ отношеніяхъ названію обители, — боголюбивые (*φιλόθεοι*), — сначала служили для Θεодосія образцомъ подражанія и соревнованія въ подвижнической жизни; а потомъ онъ превзошелъ всѣхъ, и самъ сдѣлался для другихъ примѣромъ и украшеніемъ своего боголюбиваго братства. Между тѣмъ какъ Θεодосій такимъ образомъ преуспѣвалъ въ подвигахъ иноческой жизни, скончался игумень Филоѳеевской обители: вся братія на его мѣсто просила Θεодосія, какъ опытнаго и достойнаго быть вождемъ духовнаго стада. Истинный послушникъ, помня священные свои обѣты, сложенные предъ алтаремъ въ присутствіи братій, которымъ предалъ себя въ безусловное повиновеніе, Θεодосій принялъ жезлъ настоятельскаго правленія и, при содѣйствіи благодати, такъ мудро руководилъ всѣхъ и cadaго порознь по стезямъ иноческаго житія, что славою имени его наполнилась святая гора, и многіе стали приходить къ нему для душевной пользы.

Теперь скажемъ и о приходѣ брата его, Діонисія, на Аѳонскую гору, и то, какимъ образомъ онъ сдѣлался ктиторомъ чуднаго монастыря Предтечи, а потомъ уже договоримъ остальное и о мудромъ Θεодосіѣ.

По отбытіи Θεодосія въ Константинополь, малолѣтний Діонисій мало по малу мужалъ и, слѣдуя тайному влеченію мысли, особенно при извѣстіяхъ о братѣ Θεодосіѣ, проходившемъ со славою иноческую жизнь, пламенно желалъ посвятить себя также на служеніе Господу Богу. Слыша, что

братъ его—на святой горѣ Аѳонской, и что тамъ находится много старцевъ высокой жизни, рѣшился онъ отправиться туда же. Но, когда узналъ тамошнее положеніе—не принимать въ монастыри слишкомъ юныхъ, и что за нарушение этого наказываются строго, по завѣту древнихъ отцовъ, рѣшился отложить свое намѣреніе до совершенныхъ лѣтъ, хотя это было слишкомъ тяжело его сердцу. Наконецъ, кончивъ такой искусь терпѣнія, онъ, какъ орелъ, понесся на святую гору, и, какъ жаждущая лань, устремился къ прохлаждѣ живительныхъ водъ: притомъ ему сильно хотѣлось не только пустынныхъ подвиговъ, но и свиданія съ братомъ, о которомъ уже зналъ, что онъ игуменствуетъ въ Филоѳеевской обители. Трудно выразить радость братскаго свиданія! Вся обитель была тронута, и все братство радовалось прибытію Діонисія, который, съ своей стороны, всматриваясь въ образъ жизни иноческой, и видя взаимность общенія мира и любви въ братіи, восклицалъ съ Давидомъ: *се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Псал. 132, 1)! Чрезъ нѣсколько дней, игумень постригъ Діонисія, и онъ благодарилъ и прославлялъ Господа, совершившаго съ нимъ то, чего желалъ онъ отъ всего сердца. Подъ мудрымъ руководствомъ брата своего Θεодосія, началъ онъ преуспѣвать въ подвигахъ, подражая, по своимъ силамъ, благочестивымъ старцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Θεодосій сталъ занимать Діонисія особенно чтеніемъ священнаго Писанія и изученіемъ божественныхъ догматовъ Церкви, и наконецъ, какъ свидѣтельствовавшаго въ чистотѣ жизни, сдѣлалъ его сначала епископомъ,—какое послушаніе исполнялъ онъ весьма прилежно,—а потомъ, чрезъ эрисскаго епископа, рукоположилъ его въ діакона, по достиженіи же 30-ти лѣтъ,—и въ пресвитера. Тогда-то особенно Діонисій, по мѣрѣ духовнаго своего возвышенія, началъ возвышаться чистотою мысли и сердца, смирялъ себя предъ Богомъ, въ чувствѣ недостойности тѣхъ

щедротъ благодати, которыя удивилъ Онъ на немъ,—такъ что, по словамъ святаго апостола Павла, *забывая задняя, въ предняя же простираясь* (Филип. 3, 13), при помощи Божіей, восходилъ отъ силы въ силу и царственно низлагалъ и сокрушалъ главу невидимаго врага—князя тьмы вѣка сего. Такимъ образомъ, эти два брата, среди отцовъ обители, просіяли, какъ двѣ яркія звѣзды, и славился ихъ ради Богъ, прославляющій славящихъ Его. Но божественный Діонисій, въ преизбыткѣ сердечной любви къ Богу, стремясь къ болѣе высшимъ подвигамъ поста, молитвы и совершенной нестяжательности, какъ одинъ изъ древнихъ богоносныхъ отцовъ, чувствовалъ, что среди множества братій, съ коими нужно, по необходимости, имѣть общеніе, а иногда и непріязненные столкновенія, трудно себя вести такъ, какъ бы желалъ. Вслѣдствіе сего и вознамѣрился онъ погрузиться въ глубокую пустыню, гдѣ бы, при совершенномъ безмолвіи и невозмутимой тишинѣ, можно было, безъ развлеченія, заниматься умною молитвою и бесѣдовать только съ однимъ возлюбленнымъ Спасителемъ и Богомъ. Впрочемъ, чтобъ и въ этомъ отношеніи не увлечься своеволіемъ, онъ обратился къ опытнымъ старцамъ, открылъ имъ свою мысль, и требовалъ на нее совѣта. Получивъ же отъ нихъ благословеніе на такой подвигъ, онъ вышелъ изъ обители тайно, чтобы не останавливали его, и, поднявшись почти на самый верхъ малаго Аѳона, нашелъ, въ южной части его, пещеру и близъ ней источникъ прекрасной воды, такъ что все способствовало ему тамъ къ безмолвной жизни. Обрадованный этимъ, Діонисій благодарилъ Господа, и остался тамъ, не имѣя даже существенныхъ потребностей жизни,—хлѣба, и иной одежды, кромѣ той, которую носилъ,—и то изорванной. Какъ истинный раздражитель безстрастной ангельской жизни, блаженный не обращалъ вниманія ни на немощъ природы, ни на ея требованія, но, ставши выше всего чувственнаго, пи-

тался болѣе чтеніемъ священнаго Писанія и молитвою, и оправдывалъ на себѣ сказанное Господомъ: *не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ будетъ чловѣкъ* (Матѣ. 14, 4). Пищею же для плоти служили ему каштаны и дикія травы, а когда приходило желаніе вкусить хлѣба, онъ спускался для того или къ какой нибудь кельѣ, или являлся въ монастырь, и потомъ опять погружался въ пустынную свою пещеру. Такъ протекло три года. Постоянно очищая молитвою и постомъ чувства душевныя и тѣлесныя, Діонисій наконецъ достигъ совершенства. Тогда, наставляемый Богомъ, явился къ нему одинъ изъ опытныхъ и благочестивыхъ подвижниковъ святой горы, и просилъ благословенія поселиться возлѣ его пещеры. Съ большимъ трудомъ упросилъ онъ строгаго въ этомъ отношеніи Діонисія. За нимъ вскорѣ пришелъ другой братъ,—и оба они, построивъ себѣ каливы, подчинили себя Діонисію, съ безусловнымъ, съ своей стороны, послушаніемъ старческой его волѣ. Но какъ градъ не можетъ укрыться, стоя верху горы,—такъ и подвиги Діонисія огласились всюду, и славою его имени наполнилась святая гора. Слѣдствіемъ сего было то, что многіе, приходя къ нему для наставленія и совѣтовъ, изъявляли желаніе остаться подъ старческимъ его водительствоиъ и управленіемъ. Діонисій сначала не соглашался на это, но когда тѣ настоятельно просили и умоляли его, онъ отвѣчалъ имъ: «Братіе возлюбленные! я уклоняю васъ отъ себя, и уклоняюсь отъ васъ не почему нибудь другому, а единственно потому, что мѣсто здѣшнее дико и строга. Если же непремѣнно хотите быть при мнѣ, то поднимитесь на гору выше,—и тамъ найдете мѣсто удобное: понравится,—живите, а я даю слово навѣщать васъ и, по силамъ моимъ, помогать вамъ, въ сердечныхъ вашихъ нуждахъ.» Согласившись на это, они построили, въ сѣверной части горы, кельи, съ церковію во имя крестителя Іоанна, которая называется и нынѣ древнимъ Предтечею. Такимъ об-

разомъ, вокругъ преподобнаго Діонисія составилось избранное общество пустынной братіи, и онъ являлся къ нимъ по субботамъ, для литургіи, при совершеніи которой, приобщая ихъ святыхъ Таинъ, оставался съ ними въ теченіе двухъ дней, для назиданія и утѣшенія ихъ, а вечеромъ въ воскресенье, взявъ у нихъ себѣ хлѣба и пустынныхъ растений, уходилъ въ свою пещеру. Но такъ какъ на горѣ, въ теченіе зимы, особенно въ сѣверной части, слишкомъ холодно, и братіи много страдали отъ холода, то, съ благословенія старца, они опустились внизъ, на западную сторону, и, построивъ себѣ каливы, развели тамъ виноградники, а между прочимъ построили себѣ небольшое судно, потому что, при умноженіи братства, стали имѣть нужду въ жизненномъ продовольствіи и въ общеніи съ другими мѣстами святой горы. Если случалось имъ выгружать пшеницу, или другія какія либо вещи, святой, какъ образецъ трудолюбія, самъ участвовалъ съ братіями въ послушаніяхъ,—тѣмъ болѣе, что отъ природы былъ силенъ и могучъ. Онъ говорилъ при этомъ, что начальствующій долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ примѣромъ для братіи. Часто преподобный проводилъ ночи въ набережной каливѣ, и тогда какъ братіи, по обыкновенію, вставали въ полночь, для отправленія утрени на открытомъ воздухѣ, не имѣя на то храма, и онъ также, въ теченіе всей службы, стоялъ безъ развлеченія, какъ неподвижный столпъ, возносясь мыслию и сердцемъ къ Богу.

Однажды, во время утрени, Діонисій, на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии, по Божіей волѣ, устроенъ монастырь, вдругъ увидѣлъ дивный свѣтильникъ, ярко горѣвшій до самаго разсвѣта. Сначала, полагая, что это дѣйствіе непріязненной силы, святой никому не рассказывалъ о своемъ видѣніи, но такъ какъ оно продолжало повторяться многія ночи сряду, то онъ передалъ о немъ одному прозорливому и богодухновенному старцу,—іеромонаху Дометію, жившему при храмѣ

Пресвятая Богородицы. Чтобъ повѣрить видѣніе, мудрый Дометій пошелъ самъ къ святому Діонисію: видѣніе трижды повторилось въ присутствіи Дометія. Убѣжденные, такимъ образомъ, въ дѣйствительности божественнаго чуда, они открыли объ ономъ всѣмъ братіямъ. Всѣ собрались къ камню, гдѣ являлся необычайный свѣтъ, освидѣтельствовали, нѣтъ ли тутъ какого нибудь свѣтящаго тѣла, подѣ влияніемъ физическаго дѣйствія, и, когда ничего не открыли, Дометій пророчески изрекъ божественному Діонисію: «Богу угодно, чтобы здѣсь построена была святая обитель, куда соберутся иноки и прославится въ нихъ Богъ; поэтому не медли начать оную, не заботясь о потребностяхъ вещественныхъ; всемогущій Богъ пошлетъ тебѣ все нужное, и я, съ своей стороны, буду содѣйствовать, чѣмъ могу.» То же сказали и братіи, обѣщаясь помогать своему старцу въ устроеніи обители. Такимъ образомъ, помолившись, очистили они мѣсто, и прежде всего постарались воздвигнуть башню, чтобъ оградить себя и—впослѣдствіи обитель—отъ морскихъ разбойниковъ. Что же касается до продовольствія и денегъ, необходимыхъ въ подобномъ случаѣ на многосложныя нужды и расходы,—то слава имени Діонисія и высокая жизнь его влекли къ нему, не только отъ мѣстъ святой горы, но и изъ отдаленнаго міра, людей, жаждущихъ его слова, утѣшеній и старческихъ совѣтовъ,—и эти-то духовныя чада его щедрою рукою сыпали ему деньги и все необходимое для возникающей его обители. Между тѣмъ какъ Діонисій трудился надъ основаніемъ своей обители, братъ его Θεодосій, игумень филоѳеевскій, однажды, предъ праздникомъ Благовѣщенія, вышелъ съ другими братіями ловить рыбу. Во время ловли, ночью, напали на нихъ турки разбойники и, схвативши въ плѣнъ, отвезли въ Бруссу, гдѣ продали (въ неволю) тамошнимъ христіанамъ, которые, купивъ ихъ, даровали имъ полную свободу, предоставляя имъ идти, кто куда

хочетъ. Тогда какъ иные возвращались на святую гору, божественный Θεодосій, по Божію устроению, прибылъ въ Константинополь. Патріархъ и прочіе, знавшіе его прежде, весьма обрадовались его прибытію, — тѣмъ болѣе, что одна изъ византійскихъ обителей не имѣла игумена. Впрочемъ, Θεодосій оставался тамъ недолго. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ прибылъ онъ въ Константинополь, въ Трапезунтѣ скончался митрополитъ. На ту пору, въ этомъ городѣ находился императоръ Алексѣй Комнинъ, повелѣніемъ коего, было предписано патріарху избрать на осиротѣвшую кафедру трапезунтской Церкви достойнаго понести жезлъ и бремя іерархическаго служенія. Жребій сего высокаго служенія, волею Божіею и избраніемъ какъ патріарха, такъ и клира его, палъ на смиреннаго Θεодосія, который, кромѣ чистоты сердечной и святости жизни, и въ другихъ отношеніяхъ, — какъ-то, въ отношеніи внѣшняго вида, былъ привлекателенъ, — украшался патріархальною бородою до самыхъ чреслъ, и притомъ славился силою и сладостію слова и привѣтливостію въ обхожденіи. Но что всего важнѣе, — онъ имѣлъ обширныя и глубокія свѣденія о Церкви, въ догматическомъ и каноническомъ отношеніяхъ. И такъ, не внимая извиненіямъ Θεодосія, отрицавшагося отъ столь высокаго званія, подъ предлогомъ собственнаго недостойнства и трудности церковнаго правленія, патріархъ рукоположилъ его и возвелъ на степень митрополита. Такимъ образомъ, Θεодосій долженъ былъ отправиться по назначенію, — къ своей паствѣ, въ Трапезунтъ, гдѣ и былъ принятъ торжественно и съ радостію императоромъ и всею Церковію. Услышавъ объ этомъ, радовался и божественный Діонисій, что братъ его возведенъ на степень митрополита, — слава Бога, такъ дивно и вопреки нашимъ предначертаніямъ и волѣ располагающаго судьбами нашей жизни. Зная также, по слухамъ, что Θεодосій пользуется особенною внимательностію и расположеніемъ императора, Діонисій впоследствии пред-

принималъ путешествіе въ Трапезунтъ, къ брату, чрезъ ходатайство котораго ожидалъ для своей, только что возникшей, обители царственныхъ пособій и обезпеченія. Впрочемъ, не полагаясь въ этомъ случаѣ на свое собственное сужденіе, онъ обратился къ преподобному Дометію, и требовалъ отъ него совѣта на свое предположеніе. Дометій, съ своей стороны, благословилъ его намѣреніе, — и Діонисій, въ соупутствіи учениковъ своихъ, отправился въ Трапезунтъ. Свиданіе братьевъ было трогательно. Діонисій рассказалъ Θεодосію о начавшемся строеніи обители, объяснилъ ему побужденія къ столь важному дѣлу, и наконецъ просилъ братскихъ его пособій, а особенно — ходатайства его предъ императоромъ. Θεодосій съ участіемъ выслушалъ его, и представилъ объ этомъ лично государю. Послѣ милостивыхъ распросовъ со стороны императора о положеніи святой горы, Діонисій, ободренный внимательностію его и снисхожденіемъ, рѣшился изложить предъ нимъ собственныя свои нужды, и наконецъ предложилъ ему быть ктиторомъ возникающей его обители, въ подражаніе державнымъ его предкамъ, основавшимъ на святой горѣ обители, — чрезъ что и хранится память ихъ и переходитъ изъ рода въ родъ, и изъ вѣка въ вѣкъ, съ молитвою о спасеніи душъ ихъ. Императоръ, тронутый словами старца, съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе и, обезпечивши обитель изъ царскихъ своихъ сокровищъ, данною ей грамотою, обязалъ и преемниковъ своего престола имѣть о ней попеченіе. И притомъ, кромѣ отпущенныхъ суммъ Діонисію, императоръ, тою же грамотою¹, предписалъ выдавать монастырю ежегодно по тысячѣ серебрянныхъ монетъ изъ царскихъ сокровищъ, — что и было исполняемо долгое время. Такимъ образомъ, Діонисій, про-

---

¹ Хрисовулы, данныя императоромъ Алексѣемъ Комнинымъ обители Діонисіевской, хранятся въ архивѣ обители.

бывъ нѣсколько времени у брата своего и обласканный императоромъ, весело отправился отъ нихъ, прославляя промыслъ Божій, такъ дивно устроившій дѣла его. Но, находясь въ Черномъ морѣ, вдругъ и онъ и прочіе замѣтили нѣсколько турецкихъ суденъ, несшихся къ нимъ навстрѣчу. При видѣ варваровъ, на всѣхъ напалъ страхъ; но Діонисій, твердо уповая на Бога, сказалъ спутникамъ: «не бойтесь ничего; — подождите немного, и вы увидите силу Божию;—возложимъ всю надежду на Господа, и Онъ отклонитъ отъ насъ опасность.» Между тѣмъ варвары, приближаясь къ нимъ, открыли ружейный огонь. Тогда преподобный, воздѣвъ длани свои къ небу, со слезами, помолился такъ: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, прославляемый присно со Отцемъ и Духомъ! услыши меня, недостойнаго раба Твоего, и, ради предстательства Пречистыя Твоя Матери и Предтечи и Крестителя Твоего, избавь насъ отъ враговъ нашихъ.» Во время молитвы (сколь велико дерзновеніе преподобнаго предъ Богомъ!), вдругъ предсталъ великій Предтеча, съ жезломъ въ правой рукѣ, и успокоилъ всѣхъ бывшихъ съ Діонисіемъ; варварамъ же грозилъ смертію, если они осмѣлятся приблизиться и не уйдутъ назадъ. И угрозы Предтечи сопровождались дѣйствительною казнію варварамъ: руки у нихъ внезапно потеряли силу и оцѣпенѣли. Видя столь славное чудо и скорую помощь свыше, всѣ, находившіеся съ преподобнымъ, благодарили Господа,—вопія: «слава Тебѣ, всемогущій Царю, чрезъ Крестителя и Предтечу Своего избавившему насъ отъ смертной опасности!» Спасенные такимъ образомъ, Діонисій и ученики его благополучно прибыли къ святой горѣ, въ свою обитель. Когда братіи узнали, какъ Господь помогъ имъ, всѣ радостно прославили божественный Его промыслъ. А Дометій замѣтилъ при этомъ преподобному, что всякому благому дѣлу нужно только начало, равно какъ и основанію обители; въ остальномъ же—

Господь помощникъ. «И такъ, начинай теперь строение съ усердіемъ», продолжалъ онъ. Тогда преподобный приступилъ къ зданію обители, и воздвигъ, въ честь святаго Предтечи, великолѣпный храмъ, устроилъ водопроводы и все, что входитъ въ составъ монастырскихъ зданій. Такимъ образомъ возникла обитель Предтечи Господня, въ 6888 году отъ сотворенія міра, или въ 1380 году отъ Рождества Христова.

Впрочемъ, отпущенными изъ царскихъ сокровищъ суммами зданія обители исправлены не во всѣхъ отношеніяхъ: святой Діонисій, съ своей стороны, считалъ исключительною потребностію стѣнную живопись въ соборномъ храмѣ, что и вызвало его снова въ Трапезунтъ, для личныхъ объясненій съ императоромъ объ остальныхъ нуждахъ священной его обители. Императоръ, какъ и прежде, благосклонно выслушалъ уважительныя просьбы старца, и исполнилъ ихъ съ сердечною радостію и удовольствіемъ. Но, тогда какъ, радуясь о новыхъ пособіяхъ своей обители, преподобный славилъ Бога и весело спѣшилъ къ своему братству, всегдашній врагъ человѣческаго спасенія, завистливый сатана, попущеніемъ Божиимъ, готовилъ жестокой и чувствительный ударъ для его сердца. По прибытіи къ святой горѣ, святой никого не нашелъ въ монастырѣ: потому что набѣжали туда турки, и взяли всѣхъ братій въ плѣнъ, забравъ съ ними и церковныя драгоценности. Увидѣвъ это, онъ предался великой скорби и плачу; но ни одного оскорбительнаго и ропотнаго слова не произнесъ на Господа, зная, что это наведено на него отъ ненавистника добра—діавола. Черезъ нѣсколько времени, какъ истинный пастырь расхищеннаго стада, сердечно сокрушаясь о страдальческомъ его положеніи въ плѣну невѣрныхъ, онъ всѣхъ своихъ пасомыхъ выкупилъ, и они снова собрались воедино. Но такой чадолюбивый подвигъ дорого стоилъ Діонисію: истративъ данныя отъ царскихъ щедротъ суммы на искуп-

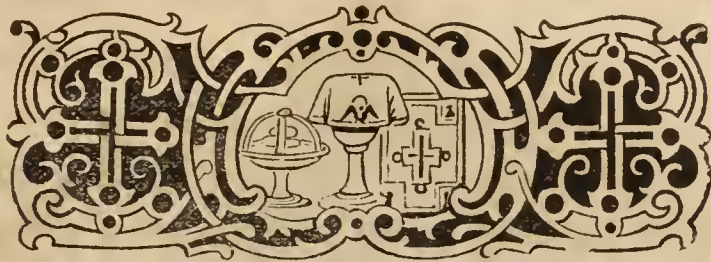
леніе чадъ своихъ и на окончательное устройство обители, онъ остался попрежнему безъ средствъ, какъ въ отноше- ніи жизненныхъ продовольствій, такъ касательно и прочихъ церковныхъ нуждъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, снова обратился онъ къ божественному Дометію, и требовалъ его совѣта, — что дѣлать въ такой крайности: идти ли опять къ императору, или оставить дѣло на произволъ неисповѣ- димыхъ судебъ Божіихъ. Когда же Дометій положительно из- рекъ, чтобъ отправиться еще разъ къ императору, Діонисій, не смотря на множество путевыхъ неприятностей и трудовъ, принялъ совѣтъ его съ безусловною покорностію и, остав- ляя монастырь, поручилъ его старческому надзору и попечи- тельности Дометія. «Тебѣ, отецъ мой», сказалъ онъ прощаль- нымъ голосомъ, «по Господѣ Богѣ и послѣ великаго Предте- чи, — тебѣ поручаю обитель сію: предчувствую, что мнѣ не видѣть ни ея, ни тебя, отецъ мой!» — «Да», отвѣчалъ вдохно- венный старецъ: «мы уже не узримъ другъ друга на зем- лѣ; за то тамъ, — въ небесахъ, — предъ лицомъ Божіимъ, бла- женствуя безконечно, не разстанемся во вѣки.» — Такъ и сбылось.

По прибытіи въ Трапезунтъ, преподобный разсказалъ брату своему, а потомъ, представленный къ императору, пе- редалъ и ему о случившемся несчастіи, и смиренно испра- шивалъ царственныхъ пособій для своей обители. импера- торъ съ участіемъ выслушалъ старца, и утѣшилъ его надеж- дою на возможную помощь съ царской его стороны. Но святой Діонисій не дожиль до того дня, когда императоръ предпо- жилъ исполнить свое слово; потому что, чрезъ нѣсколько послѣ сего дней, наступилъ преподобному послѣдній день жизни на землѣ. Призвавъ брата своего и попросивъ императора, онъ поручилъ заботливости ихъ обитель свою, и при нихъ же, обра- тившись съ молитвою о нихъ къ Богу, тихо испустилъ по- слѣдній вздохъ жизни, — отошелъ ко Господу, на 72-мъ году отъ

роду. Это было 25-го іюня. Братъ его, митрополитъ трапезунтскій, торжественно отдалъ послѣдній долгъ преподобному, — съ должною честію и благоговѣніемъ совершилъ погребеніе тѣла его, отъ коего впослѣдствіи истекло множество чудесъ — для призывавшихъ молитвенно преподобнаго въ помощь себѣ. Между тѣмъ братіи, сопутствовавшіе преподобному, были облагодѣтельствованы богатою милостынею, какъ отъ императора, такъ и отъ митрополита, и потомъ отправились на Аѳонскую гору. Когда вѣсть о кончинѣ преподобнаго была передана ими монастырю, — всѣ рыдали о лишеніи такого отца. А святой Дометій, утѣшавшій ихъ поначалу, хотѣлъ было уйти отъ нихъ на безмолвіе; но все братство, со слезами, пало къ ногамъ его, и просило не оставлять ихъ совершенными сиротами, но заступитъ мѣсто преподобнаго Діонисія. Послушливый Дометій тронулся слезами ихъ, и нехотя принялъ на себя правленіе обителію — до тѣхъ поръ, пока не отошелъ ко Господу, въ глубокой старости. Богу нашему слава во вѣки. Аминь.

ПРЕПОДОВНЫЙ И БОГОНОСНЫЙ ОТЕЦЪ НАШЪ

В Е О Д О С І Й,

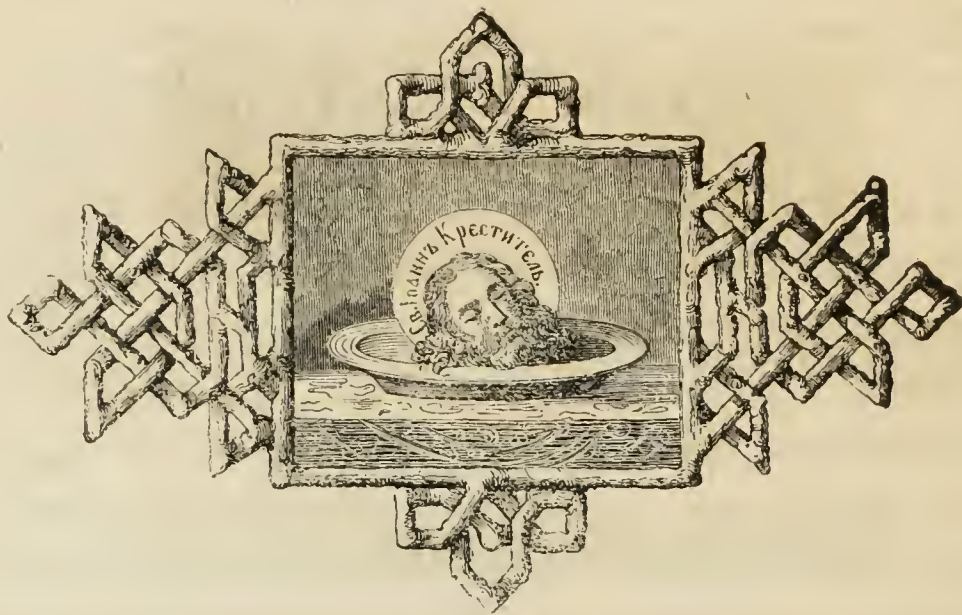
МИТРОПОЛИТЪ ТРАПЕЗУНТСКІЙ.

ПАМЯТЬ ЕГО ЯНВАРЯ 11-ГО.

нъ былъ сначала игуменомъ обители Филофеевской, потомъ возведенъ на кафедру митрополитскую въ Трапезунтъ. (См. о немъ въ житіи святаго Діонисія, ктитора обители честнаго Предтечи,—бывшаго его брата по плоти).

ПРЕПОДОБНЫИ
 ДОМЕТІЙ,
 ИГУМЕНЪ ДОНИСІАТСКІЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮНЯ 25-ГО.

Духоносный и богоносный отецъ нашъ Дометій былъ сподвижникомъ и другомъ святаго Діонисія, ктиторъ обители честнаго Предтечи, а послѣ кончины его, — пастыремъ и игуменомъ сей обители.

¹ Изъ Ακολουθία τῶν ἀγιορειτῶν πατέρων.

ПРЕПОДОБНЫЙ
ГРИГОРІЙ ВИЗАНТІЙСКІЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО АПРѢЛЯ 6-ГО.

Нреподобный отецъ нашъ Григорій родомъ былъ изъ Византіи, а равноангельскимъ своимъ житіемъ просіялъ въ предѣлахъ лавры святаго Аѳанасія. Объ этомъ отцѣ извѣстно только то, что онъ былъ наставникомъ божественнаго Григорія Паламы въ трезвенномъ любомудріи, и что, за равноангельскую высоту своей жизни, удостоился принимать пищу изъ рукъ ангельскихъ.

— 0 —

¹ Оттуда же.

ПРЕПОДОБНЫЙ
ГРИГОРИЙ,
ДОМСТИКЪ ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ОКТЯБРЯ 1-ГО.

Въ лаврѣ святаго Аѳанасія просіялъ также высокимъ своимъ житіемъ и благоговѣйнѣйшій пѣвецъ и домстикъ, преподобный Григорій. Онъ особенно извѣстенъ по слѣдующему славному, чудесному событію, которому удостоился быть причастнымъ. — Святѣйшій вселенскій патріархъ Каллистъ (см. о немъ ниже), во дни патріарха Филоѳея и во время игуменства въ лаврѣ преподобнѣйшаго Іакова Прикана, опредѣлилъ на литургіяхъ Василия Великаго, во время диптиховъ (на задостойникѣ), пѣть: «о Тебѣ радуется»; но преемникъ его, святѣйшій Филоѳей, отмѣнилъ постановленіе своего предшественника, повелѣвъ пѣть: «Достойно есть», какъ кратчайшее. Отъ этого въ Церкви родилось нѣкоторое недоумѣніе. Разъ, наканунѣ Свѣтовъ (Богоявленія), Григорій александрійскій ² повелѣлъ сему домстику Григорію пѣть: «о Тебѣ радуется», — но державшіеся стороны Филоѳея противились сему: однакожь, Григорій александрійскій настоялъ, и dome-

¹ Изъ *ἱερά καθήκοντα* (стр. 136).

² Кто онъ былъ, — въ источникѣ не показано.

стикъ пропѣлъ: «о Тебѣ радуется...» Послѣ бдѣнія, совершавшагося на сей великій праздникъ, легкой сонъ, на нѣсколько времени, смежилъ очи утомившагося пѣвца Григорія, и — о чудо! — онъ видитъ предъ собою Владычицу міра, которая говоритъ ему: «пріими воздаяніе за твое пѣніе, domestiche! — много благодарю тебя за твою пѣснь въ честь Мою.» Сказавъ это, Она дала ему златницу, которая тогда же была повѣшена на святой иконѣ Богородицы, въ сей святой лаврѣ. Съ того времени, Церковь опредѣлила — на литургіяхъ Василия Великаго и на навечеріяхъ пѣть: «о Тебѣ радуется»¹.

---

¹ И Каллистъ и Филовей, по Мелетію (том. 3, 203), восходили на престоль по дважды: въ которое изъ ихъ патріаршествованій случилось это, — въ источникѣ не показано.

ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦЪ НАШЪ

НИКОДИМЪ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮЛЯ 11-ГО.

Этотъ богоносный отецъ дивнымъ своимъ житіемъ просіялъ въ предѣлахъ ватопедскихъ. О немъ извѣстно, что онъ былъ старцемъ и по Христѣ наставникомъ въ любомудріи божественнаго Григорія Паламы.

¹ Изъ *Ακολουθία ἁγιορείτων πατερων.*

КРАТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СВЕДЕНІЕ
О НИКИФОРѢ МОНАХѢ.

реподобный отецъ нашъ Никифоръ, провождавшій подвижническую жизнь на святой Аѳонской горѣ, и процвѣтавшій въ сороковыхъ годахъ четырнадцатаго столѣтія, былъ наставникомъ и тайноводителемъ Григорія ессалонискаго, въ высокомъ ученіи подвижническаго любомудрія, — какъ самъ нѣгдѣ о томъ свидѣтельствуеть. Въ свободномъ отъ попеченій безмолвіи, бесѣдуя съ однимъ собою, и чрезъ то неизреченно соединяясь съ премірнымъ, высочайшимъ Предметомъ желаній, онъ получилъ блаженный даръ всуществленнаго въ сердцѣ свѣта благодати. Такимъ образомъ, будучи сперва самъ богато одаренъ неизобразимымъ боготворнымъ сокровищемъ, этотъ блаженный послѣ, въ подлежащемъ сочиненіи, отечески и обильно преподалъ и намъ оное, если желаемъ удостоиться одинаковыхъ съ нимъ наградъ. Здѣсь изъ жизнеописаній святыхъ отцовъ собралъ онъ разныя мѣста, дающія понятіе о трезвеніи, вниманіи и молитвѣ, и, присовокупивъ нѣчто отъ себя, такимъ об-

разомъ, для желающихъ спасенія, поставилъ самые вѣрныя вѣсы священнаго трезвенія и лѣствицу чистой, неразсѣянной молитвы и проистекающихъ изъ нея благъ.

И такъ, восходите, восходите всѣ, желающіе, чтобы обиталъ въ васъ Христосъ, и хотящіе, во образъ Духа Святаго, преображаться отъ славы въ славу, чтобы тѣмъ обоготвориться и сподобиться свѣтлаго достоянія спасаемыхъ.

НИКИФОРА МОНАХА

СЛОВО

О ТРЕЗВЕНИИ И ХРАНЕНИИ СЕРДЦА, ИСПОЛНЕННОЕ НЕМАЛОЙ ПОЛЬЗЫ.

Вы, которые желаете узрѣть велелѣпное явленіе божественнаго свѣта Спасителя нашего Іисуса Христа, которые сердечно хотите ощутить пренебесный огонь! — которые тщитесь опытомъ и чувствомъ удостовѣриться въ примиреніи съ Богомъ; которые, чтобы найти и приобрѣсть сокровенное сокровище на полѣ сердецъ вашихъ, оставили все мірское; которые вознамѣрились отнынѣ свѣтло возжечь свѣтильники душевные, и все настоящее отринули; которые ищете познать и получить, разумѣніемъ и опытомъ, царствіе небесное, внутри васъ находящееся, — приидите, я преподамъ вамъ науку вѣчной, небесной жизни, или, лучше, — способъ, по которому дѣйствующій безъ труда и утомленія вводится въ пристанище безстрастія, и не подвергается никакому обману или возмущенію отъ бѣсовъ,

кромѣ того случая, когда мы, по непослушанію, выходимъ далеко внѣ той жизни, въ которую васъ ввожу,—подобно какъ и Адамъ нѣкогда, презрѣвъ заповѣдь Божию, подружившись со змѣемъ и возмнивъ, что онъ вѣренъ, до пресыщенія напитался отъ него плодомъ прельщенія, и такимъ образомъ бѣдственно низринулъ себя и всѣхъ потомковъ своихъ во глубину смерти, мрака и тлѣнія. И такъ, дайте мнѣ, братія, возводитъ себя, или, правильнѣе, — возвратимся къ себѣ самимъ, отвращаясь совѣта змѣинаго и круженія въ вещахъ, влекущихъ насъ къ землѣ; ибо примиренія и союза съ Богомъ достигнуть можно не иначе, какъ прежде употребивъ всѣ усилія—возвратиться къ себѣ, или, лучше, войти въ себя, устранившись отъ коловращенія міра и суетнаго попеченія, и держаться неослабно царствія, внутри насъ сущаго. Дѣло необычайное! Потому жизнь монашеская и называется искусствомъ искусствъ и наукою наукъ; ибо это преподабіе приноситъ намъ не тѣ тлѣнныя вещи, въ которыхъ лучшее погребается худшимъ, но общаетъ дивныя нѣкія и неизреченныя блага, которыхъ око не видѣло и ухо не слышало, и которыя на сердце человѣку не восходили (1 Кор. 2, 9). Также и брань наша—не противъ крови и плоти: но противъ началъ, и властей, и міродержителей тьмы вѣка сего (Ефес. 6, 12). Если же настоящій вѣкъ есть тьма: то да бѣжимъ отъ него; а бѣжать должно мыслию. Ничего да не будетъ у насъ общаго со врагомъ Божиимъ: ибо кто захочетъ быть ему другомъ, тотъ будетъ врагъ Божій (Іак. 4, 4); а сдѣлавшемся врагомъ Божиимъ кто поможетъ? И такъ, станемъ подражать отцамъ нашимъ и, подобно имъ, искать сокровища внутри сердецъ нашихъ, чтобы, обрѣтши оное, держать его крѣпко, дѣлая и вмѣстѣ храня (Быт. 3, 15); ибо къ сему опредѣлены мы въ самомъ началѣ. Если же явится другой Никодимъ,—станетъ спорить и скажетъ: «какъ можетъ кто либо войти въ свое сердце, и тамъ дѣлать или

жить?»—подобно какъ возразилъ Спасителю и тотъ: «какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ? неужели можетъ онъ вторично войти въ утробу матери своей, и родиться (Иоан. 3, 4)?» — то да слышитъ и нынѣ, что духъ дышетъ, гдѣ хочетъ. Кто съ такимъ невѣріемъ относится къ предметамъ дѣятельности, тому какъ достигнуть области созерцанія?—вѣдѣтельница къ созерцанію есть дѣятельность. Тому нельзя удостовѣриться въ противномъ, безъ доказательствъ изъ писаній. И такъ, раскроемъ житія святыхъ, и что ими письменно изложено, представимъ въ этомъ словѣ, въ пользу многихъ,—чтобы каждый могъ убѣдиться разсужденіями ихъ и отложить всякое сомнѣніе. И такъ, начавъ слово отъ великаго отца нашего, перейдемъ потомъ къ послѣдующимъ, и, по возможности, собравъ нѣкоторыя изреченія и дѣянія ихъ, предложимъ все это для увѣренія.

Изъ житія преподобнаго отца нашего Антонія.

«Нѣкогда къ аввѣ Антонію шли два брата. Въ пути недостало у нихъ воды, отчего одинъ умеръ, а другой былъ близъ смерти. Не могли болѣе идти, онъ лежалъ на землѣ и ожидалъ послѣдняго вздоха. Антоній, находясь на горѣ, позвалъ случившихся тутъ двухъ монаховъ и сказалъ имъ: «Возьмите кувшинъ воды, и бѣгите по египетской дорогѣ; изъ двухъ шедшихъ одинъ уже умеръ,—умретъ и другой, если не поспѣшите. Миѣ открылось это въ молитвѣ.» Монахи пошли, и нашли одного лежащаго мертвымъ, и погребли его; а другаго, сохранивъ ему жизнь водою, привели къ старцу: разстояніе было на день пути. —Еслибы кто спросилъ, для чего Антоній не сказалъ объ этомъ прежде, чѣмъ одинъ изъ путешественниковъ умеръ, то вопросъ былъ бы неправиленъ: потому что опредѣленіе смерти зависѣло не отъ Антонія, а отъ Бога,—который одному опредѣлилъ умереть, а о другомъ открылъ Антонію. Антоніево чудо состояло только въ томъ,

что онъ, находясь на горѣ, имѣлъ сердце трезвенное, — и Господь показалъ ему отдаленное.»

Видишь, что Антоній, за трезвеніе сердца, сдѣлался боговидцемъ и провидцемъ; ибо въ сердцѣ Богъ является уму—вначалѣ, по словамъ Іоанна Лѣствичника, какъ огонь, очищающій любителя, потомъ,—какъ свѣтъ, озаряющій умъ, и содѣлывающій его боговидцемъ.

Но да перейдетъ слово къ прочимъ отцамъ.

Изъ житія святаго Θεодосія, начальника общежитія.

«Божественный Θεодосій такъ проишень былъ сладкою стрѣлою любви, и такъ связанъ узами ея, что дѣломъ исполнилъ эту высокую и божественную заповѣдь: *возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумніемъ твоимъ.* А сіе не иначе могло быть, какъ чрезъ устремленіе всѣхъ естественныхъ силъ души не къ какимъ либо настоящимъ вещамъ, но единственно къ возжеланію Создателя. И это-то называю я умною дѣятельностію души. Такимъ образомъ, онъ и тогда, когда умолялъ, былъ многимъ страшенъ, и тогда, когда укорялъ,—любезенъ, и во всемъ пріятенъ. Кто столько, какъ онъ, полезенъ, даже при обращеніи со многими? Кто столь искусенъ собирать чувства и обращать ихъ внутрь—такъ, чтобы среди самыхъ волненій пребывать въ большей тишинѣ, нежели среди пустыни, и быть одинакову во многолюдствѣ и въ уединеніи?»

Видите, что и великій Θεодосій, чрезъ то, что собиралъ чувства и вводилъ ихъ внутрь, проишень былъ любовію къ Создателю.

Изъ житія святаго Арсенія.

«Чудный Арсеній остерегался, между прочимъ, чтобы ни

письменныхъ вопросовъ не предлагать, ни писемъ не писать. И это — не потому, чтобы онъ не могъ. Какъ не мочь писать тому, кому такъ же легко было прекрасно говорить, какъ другимъ легко только говорить? Причиною сказаннаго была привычка къ молчанію и то, что онъ неохотно показывался. Посему-то и въ церквахъ, и въ собраніяхъ, онъ всячески старался — и не видѣть никого, и не быть видимымъ отъ другихъ. Чтобы скрыться, онъ становился за столпомъ, или за какою либо другою преградой, и, не будучи примѣчаемъ, избѣгалъ сообщенія съ другими, съ намѣреніемъ внимать себѣ, собирать умъ внутрь, и такимъ образомъ удобно возноситься къ Богу.»

Такъ и этотъ божественный мужъ, земной ангелъ, внутрь собираетъ умъ, чтобы тѣмъ удобнѣе возноситься къ Богу.

Изъ житія святаго Павла Латрсакаго.

«Божественный Павелъ всегда жилъ въ горахъ и пустыняхъ, обращаясь съ дикими звѣрями, какъ съ сосѣдями, и дѣлясь съ ними пищею; иногда, впрочемъ, приходилъ и въ лавру, удостоивая посѣщенія братію: онъ увѣщавалъ и училъ не малодушествовать, не облѣиваться отъ трудныхъ дѣлъ добродѣтели, но со всякимъ вниманіемъ и разсужденіемъ держаться евангельскаго житія, и благодушно противоборствовать духамъ злобы. Притомъ излагалъ имъ и способъ, которымъ могли бы они и прежнія страстныя впечатлѣнія изглаждать, и новыя сѣмена страстей отвергать.»

Примѣчай, какъ этотъ божественный отецъ училъ невѣдущихъ учениковъ способу, какимъ можно отражать нападенія страстей. Способъ его былъ не иной, какъ храненіе ума; ибо симъ только, а не другимъ, оно совершается.

Но простремъ слово далѣе.

Изъ житія святаго Саввы.

«Божественный Савва, нашедши, что отрехшійся отъ міра и правила монашеской жизни вѣрно изучилъ, и уже могъ хранить умъ свой и противоборствовать сопротивнымъ помысламъ, да и изгналъ изъ мысли памятованіе мірскихъ вещей, давалъ ему келію въ лаврѣ, — какъ скоро тотъ былъ слабъ и немощенъ тѣломъ; а когда здоровъ и крѣпокъ, то повелѣвалъ строить келію ему самому.»

Видишь, какъ и божественный Савва требовалъ отъ учениковъ храненія ума, и потомъ, давая имъ келіи, позволялъ сидѣть въ нихъ. Что же будетъ съ нами, которые въ келіяхъ сидимъ праздно, — даже и не вѣдая, есть ли на свѣтѣ храненіе ума?

Изъ житія аввы Агаѳона.

«Одинъ братъ спросилъ авву Агаѳона, говоря: «скажи миѣ, авва, что больше, — тѣлесный трудъ, или храненіе внутренности?» Авва отвѣчалъ: «Человѣкъ подобенъ дереву: тѣлесный трудъ — листья, а храненіе внутренности — плодъ. Какъ, по словамъ Писанія, *всякое дерево, неприносящее плода, посякаютъ, и бросаютъ въ огонь* (Матѳ. 3, 10), такъ, очевидно, надобно говорить и о храненіи ума. Впрочемъ, для покрова и украшенія, нужны и листья, которые суть тѣлесный трудъ.»

Чудно, какой приговоръ произнесъ этотъ святой на всѣхъ, неимѣющихъ храненія ума, а хвлящихся одною дѣятельностію, — сказавъ, что всякое дерево, неприносящее плода, — то есть, храненія ума, — а имѣющее одни листья, — то есть, дѣятельность, — посякаютъ и бросаютъ въ огонь. — Страшно рѣшеніе твое, отче!

Слова аввы Марка къ Николаю.

«И такъ, если хочешь, сынъ мой, имѣть внутри соб-

ственный свѣтильникъ—умнаго свѣта духовнаго познанія, чтобы ты могъ непреткновенно ходить въ глубочайшей ночи сего міра, и чтобы, по пророческому изреченію, отъ Господа управляемы были стопы твои,—чтобы, то есть, ты крѣпко восхотѣлъ пути (Псал. 36, 23) евангельскаго, и съ пламенною вѣрою, чрезъ желаніе и молитву, сдѣлался причастникомъ совершенныхъ евангельскихъ заповѣдей Господнихъ; то я покажу тебѣ удивительный способъ и изобрѣтеніе духовнаго искусства, требующее не тѣлеснаго труда или подвига, но труда духовнаго, ума и внимательной мысли, вспомошествоваемой страхомъ и любовію къ Богу; этимъ искусствомъ тебѣ можно будетъ удобно прогнать полчище враговъ. И такъ, если хочешь одержать побѣду надъ страстями,—то, молитвою и помощію Божіею, войди въ самого себя, проникни во глубину сердца, преслѣдуй сихъ трехъ сильныхъ исполиновъ: забвеніе, лѣность и невѣденіе, которые составляютъ подкрѣпленіе мысленныхъ иноплеменниковъ,—чрезъ которыхъ входятъ, дѣйствуютъ, живутъ и усиливаются въ душахъ любосластныхъ и прочія злыя страсти. Чрезъ великую внимательность и напряженіе ума, съ вышней помощію, нашедши невѣдомое многимъ, ты можешь, такимъ образомъ, при великой тщательности и молитвѣ, избавиться отъ злыхъ исполиновъ; ибо усердіемъ къ истинному познанію, къ памятованію слова Божія и къ доброму согласію,—если таковое усердіе, посредствомъ дѣятельной благодати, прилежно возбуждается и тщательно сохраняется въ сердцѣ,—изглаждаются въ немъ слѣды забвенія, невѣденія и лѣности.»

Видишь ли согласіе духовныхъ изреченій! Видишь ли, какъ ясно излагается въ нихъ искусство вниманія!

Смотри также, что говорятъ намъ и слѣдующіе.

Слова святаго Іоанна Лѣствичника.

«Безмолвникъ—тотъ, кто домогается чуда—въ тѣлесномъ домѣ заключить безтѣлесное. Безмолвникъ—тотъ, который сказалъ: *я сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣсн. 5, 2). Затвори дверь келіи—для тѣла, дверь языка—для слова; и двери внутреннія запри отъ духовъ. Сидя на высотѣ, наблюдай, и если уже умѣешь, то примѣчай, какъ, когда, откуда, въ какомъ числѣ и какіе подкрадываются тати, чтобы войти и похитить виноградъ. Когда стражъ утомится,—встанетъ, помолится, потомъ опять сядетъ, и мужественно примется за то же дѣло. Иное дѣло—наблюденіе помысловъ, а иное—храненіе ума. Сколько отстоять востокъ отъ запада,—столько и послѣднее отъ перваго, и гораздо труднѣе того. Какъ тати, увидѣвши лежащее на нѣкоторомъ мѣстѣ царское оружіе, не кидаются на него, какъ случится: такъ и собравшій къ сердцу молитву не просто окрадывается отъ мысленныхъ разбойниковъ.»

Слышишь слова, открывающія чудное дѣланіе сего великаго отца! Но мы, бродя какъ будто во тьмѣ, и какъ будто въ ночное сраженіе,—ходя, такъ сказать, поверхъ душеполезныхъ духовныхъ словъ, добровольно слѣпотствуемъ, и оставляемъ оныя безъ вниманія.

Смотри еще и въ послѣдующемъ, что пишутъ намъ отцы, въ руководство къ трезвенію.

Слова аввы Исаіи.

«Когда кто отлучитъ себя отъ порока, и точно познаетъ всѣ грѣхи, какіе учинилъ предъ Богомъ (ибо не увидитъ грѣховъ, если не отлучитъ себя отъ нихъ отлученіемъ горькимъ): тогда достигшій этой степени обрѣтаетъ плачъ и молитву, и способность стыдиться предъ Богомъ, при воспоминаніи злой любви къ страстямъ. И такъ, да подвизаемся, братія, по силѣ нашей: и Богъ поможетъ намъ, по множе-

ству милости Своей. И если мы не соблюли сердца нашего, какъ отцы наши, то постараемся сдѣлать, по крайней мѣрѣ, то, что намъ возможно, — сохранить тѣла наши безъ грѣха, какъ требуетъ Богъ, — и будемъ увѣрены, что въ это, постигшее насъ, время глада Онъ сотворитъ съ нами милость, какъ и со святыми Своими.»

Здѣсь великій сей отецъ ободряетъ и самыхъ немощныхъ, говоря: если мы и не соблюли сердца нашего, какъ отцы наши, — да сохранимъ, по крайней мѣрѣ, тѣла наши безъ грѣха, какъ требуетъ Богъ, — и Онъ сотворитъ милость и съ нами. — Великое видно въ семъ отцѣ милосердіе и снисхожденіе.

Слова Макарія Великаго.

«Главнѣйшее дѣло подвижника есть то, чтобы онъ, вошедши въ свое сердце, вступилъ въ брань съ сатаною и возненавидѣлъ его, и, противоборствуя своимъ помысламъ, сражался съ нимъ. А кто, по наружности, и хранитъ тѣло свое отъ растлѣнія и блуда, внутренно же — прелюбодѣйствуетъ, и любодѣйствуетъ съ помыслами: тому нѣтъ никакой пользы, что онъ имѣетъ тѣло дѣвственное; ибо въ Писаніи сказано: «взглянувшій на женщину съ похотствованіемъ — уже любодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ.» Вѣдь есть блудъ, тѣломъ совершаемый, и есть блудъ души, — когда она сообщается съ сатаною.»

Этотъ великій отецъ, повидимому, противорѣчитъ словамъ вышеприведеннаго отца, аввы Исаіи; — а на самомъ дѣлѣ нѣтъ: ибо и тотъ увѣщаваетъ насъ хранить тѣла наши, какъ требуетъ Богъ, — Богъ же требуетъ чистоты, не только тѣлесной, но и духовной; — и этотъ, на основаніи евангельскихъ заповѣдей, предписываетъ намъ то же самое.

Слова Діадоха.

«Всегда живущій въ своемъ сердцѣ совершенно чуждается

житейскихъ красотъ; ибо, ходя духомъ, плотскихъ похотей знать не можетъ. И такъ, когда таковой ходитъ въ оградѣ добродѣтелей, имѣя самыя добродѣтели какбы стражами входовъ,—тогда ухищренія бѣсовъ противъ него бываютъ уже недѣйствительны.»

Прекрасно сказалъ этотъ святой, что ухищренія враговъ бываютъ недѣйствительны тогда, когда мы пребываемъ во глубинѣ сердца нашего; онѣ тѣмъ болѣе недѣйствительны, чѣмъ долѣе мы тамъ остаемся.

Но я знаю, что недостало бы миѣ времени, еслибы я захотѣлъ, въ настоящемъ сказаніи, приводить слова всѣхъ отцовъ; И такъ, приведу еще одного или двухъ, и поспѣшу окончить слово мое.

Слова Исаака Сиріанина.

«Старайся войти въ храмину, находящуюся внутри тебя, —и увидишь храмину небесную; ибо и та и другая — одна, и однимъ входомъ открываются обѣ. Лѣствица къ царствію оному скрыта внутри тебя,—то есть, въ душѣ твоей. И такъ, омой себя отъ грѣха, — и найдешь тамъ степени, по которымъ восходить можешь.»

Слова Карпаѳія.

«Великій подвигъ и трудъ потребенъ въ молитвахъ, чтобы обрѣсти невозмущаемое состояніе мысли,—другое пѣкое небо въ сердцѣ, гдѣ живетъ Христосъ,—какъ говоритъ апостоль: «или вы не знаете самихъ себя, что Іисусъ Христосъ живетъ въ васъ? — развѣ только вы не то, чѣмъ должны быть?»

Слова Сүмеона Богослова.

«Діаволь съ бѣсами, съ того времени, какъ, нарушеніемъ послушанія, удалилъ человѣка изъ рая, открылъ себѣ удобство умственно возмущать мыслящую силу человѣка — ночью

и днемъ, у одного много, у другаго мало, у иного больше. И не иначе можно оградить ее, какъ непрестаннымъ памятованіемъ о Богѣ, водрузившись въ сердцѣ силою крестною; ибо къ этому ведетъ мысленный подвигъ, для совершенія котораго каждый христіанинъ вступилъ на поприще Христовой вѣры,—а иначе онъ вотще подвизается. Къ такому подвигу направляются всѣ многоразличныя упражненія всякаго злостраждущаго ради Бога, дабы подвигнуть милосердіе Всеблагаго, да дастъ Онъ паки оное первое достоинство, и да впечатлѣется въ мыслящей силѣ Христосъ,—какъ говоритъ апостолъ: «чада мои, которыми я паки болѣзную, пока не вообразится въ васъ Христосъ.»

Понимаете ли, братія, что есть духовная наука, или способъ, который дѣйствующаго по нему скоро возводитъ къ безстрастію и боговидѣнію? Увѣряетесь ли, что всякая дѣятельность является предъ Богомъ, какъ листье на деревѣ, безъ плода, и остается тщетною во всякой душѣ, неимѣющей храненія ума? И такъ, поспѣвшимъ, постараемся хранить умъ, чтобы не умереть безплодными, и не раскаяваться бесполезно.

Вопросъ. Изъ настоящаго сочиненія мы познаемъ, какой былъ образъ дѣйствованія у благоугодившихъ Господу, и что *есть* нѣкое дѣланіе, скоро освобождающее душу отъ страстей и съ любовію къ Богу сочетавающее то, что потребно всякому воину Христову;—въ этомъ мы не сомнѣваемся, и даже весьма увѣрены. Но просимъ научить насъ, что есть вниманіе, и какъ сподобляются снискать оное?—ибо въ семъ дѣлѣ мы совсѣмъ несвѣдущи.

Отвѣтъ. Во имя Господа нашего Іисуса Христа, рекшаго: «безъ Меня не можете дѣлать ничего»,—призвавъ Его въ помощника и содѣйственника, я потщусь, по возможности, показать, что есть вниманіе, и какъ въ немъ, при благоволеніи Божиемъ, можно успѣть.

Нѣкоторые святые называли вниманіе храненіемъ ума, другіе — блюденіемъ сердца, иные — трезвеніемъ, иные — умнымъ безмолвіемъ, или покоемъ, иные иначе. Всѣ эти названія означаютъ одно и то же. Разумѣй это подобно тому, какъ еслибы кто сказалъ: хлѣбъ, или ломоть, или кусокъ. Что же есть вниманіе, и какія свойства его, примѣчай тщательно: вниманіе есть признакъ искренняго покаянія; вниманіе есть воззваніе души горѣ, ненавидѣніе міра и обращеніе къ Богу; вниманіе есть отверженіе грѣха, и воспріятіе добродѣтели; вниманіе есть несомнительное доказательство прощенія грѣховъ; вниманіе есть начало созерцанія, или, лучше, — основаніе созерцанія: ибо чрезъ оное Богъ преклоняется, и является уму; вниманіе есть невозмущенное состояніе ума, или, лучше, — неизмѣнность этого состоянія, милостію Божіею душѣ дарованная: вниманіе есть низложеніе помысловъ, святилище памятованія о Богѣ и сокровищница терпѣнія въ напастяхъ; вниманіе есть источникъ вѣры, надежды и любви. Кто не увѣруетъ, тотъ не приметъ приходящихъ отвнѣ скорбей; а кто не приметъ съ радостію скорбей, тотъ не скажетъ Господу: *Ты заступникъ мой и приближище мое* (Псал. 90, 2); не полагая же приближища своего во Всевышнемъ, наперсникомъ любви Его никто не будетъ. Въ этомъ изъ великихъ великомъ дѣлѣ многіе, если не всѣ, успѣваютъ преимущественно чрезъ наставленіе; ибо немного такихъ, которые безъ наставленія, усиленіемъ только собственнаго упражненія и теплотою вѣры, получили это отъ Бога, — а немного — не законъ. И такъ, надобно искать незаблудшаго какого нибудь наставника, — надобно, чтобы онъ, указывая намъ встрѣчающееся, при вниманіи, одесную и ошуюю, то есть, недостатки и излишества, приходящія отъ лукаваго, училъ и руководствовалъ насъ, открывалъ намъ искушенія, которыя самъ претерпѣлъ, и такимъ образомъ несомнѣнно показывалъ намъ тотъ мысленный путь, наставляя, какъ удобнѣе проходить его.

Если нѣтъ наставника, то должно искать его усильно. А когда не находишь,—призови Бога, съ сокрушеніемъ и слезами, и, поклонившись Ему, съ признаніемъ своей бѣдности, поступи, какъ я скажу тебѣ....

Сядь, собери умъ свой, и принуждай его нисходить въ сердце. Когда умъ войдетъ туда, послѣдующее за тѣмъ будетъ не безъ радости и веселія. Какъ мужъ, отлучавшійся изъ дома своего, по возвращеніи, не знаетъ, что и дѣлать, отъ радости, что увидѣлся съ женою и дѣтьми: такъ и умъ, по соединеніи съ душою, исполняется несказанной радости и веселія. И такъ, братъ мой, приучай умъ свой нескоро выходить оттуда. Правда, вначалѣ ему не нравится сжатіе и тѣснота внутренности: но привыкши, онъ уже не захочетъ носиться внѣ; ибо внутри насъ есть царствіе небесное, которое разсматривая и чистою молитвою ища, онъ все внѣшнее почтетъ тягостнымъ и отвратительнымъ. Если ты, сказаннымъ образомъ, скоро войдешь умомъ въ показанное тебѣ мною мѣсто сердечное, то благодари Бога и прославляй, веселись, и держись сего дѣланія всегда: оно научитъ тебя тому, чего ты не знаешь. Надобно тебѣ примѣчать и то, что когда умъ твой туда входитъ, тогда не должно оставаться въ молчаніи и бездѣйствіи, но имѣть непрестаннымъ дѣломъ и занятіемъ молитву: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!»—и никогда не прекращать ея; ибо это, удерживая умъ отъ воспаренія, дѣлаетъ его неприкосновеннымъ и неприступнымъ для нападеній врага и, со дня на день, вводитъ его въ любовь и желаніе божественное.

Но если ты, братъ мой, много трудившись, не можешь войти въ область сердца, какъ я тебѣ показалъ, то поступи, какъ скажу,—и, при содѣйствіи Божіемъ, найдешь искомое. Ты знаешь, что словесная сила у всякаго человѣка находится въ груди; ибо, хотя и молчатъ уста наши, мы говоримъ и желаемъ, и молитвы творимъ и псалмопѣнія, и

другое подобное — внутри персей. И такъ, словесной своей силѣ, изгнавъ изъ нея всякій помысль (ибо можешь изгнать, если захочешь), дай тотъ же урокъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!» — и принуждай ее, вмѣсто иного помышленія, всегда внутри произносить это самое. Сдержавъ сіе въ продолженіи нѣкотораго времени, ты чрезъ то, безъ всякаго сомнѣнія, получишь доступъ къ сердцу, — какъ мы тебѣ написали, и какъ сами дознали опытомъ.

Съ многовождедѣннымъ же и сладостнымъ вниманіемъ, придетъ къ тебѣ и весь ликъ добродѣтелей: любовь, радость, миръ, и прочія, чрезъ которыя всѣ прошенія твои исполнятся, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, — съ которымъ Отцу, купно и Святому Духу, слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦЪ НАШЪ
ГРИГОРІЙ,
КТИТОРЪ ОБИТЕЛИ ГРИГОРІАТСКОЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ДЕКАБРЯ 7-ГО.

тчествомъ сего святаго отца, по преданію и по сохранившейся ему службѣ, была Сербія ². Пещера, въ которой онъ ангельски подвизался, сохраняется еще и донынѣ. Устроенная имъ обитель освящена во имя святителя Христова Николая, но называется Григоріатомъ, въ честь своего ктитора. Недавній составитель панегирика въ честь сего отца, почерпнувшій скудныя о немъ свѣденія изъ мѣстныхъ источниковъ, нашелъ въ актахъ аѳонскихъ подпись его, 1405-го г. Къ сожалѣнію, полная его біографія погибла, вмѣстѣ съ другими актами обители, отъ пожаровъ, изъ коихъ особенно былъ истребителенъ бывшій во второй половинѣ прошедшаго столѣтія.

---

¹ Съ рукописи.

² И весьма статочно. Барскій, въ первое свое посѣщеніе горы Аѳонской, упоминаетъ о болгарскихъ книгахъ въ этой обители, а во второе ужъ ничего о нихъ не говоритъ (см. его Путешествіе по святымъ мѣстамъ, стр. 148 и 720). Стало быть, монастырь этотъ былъ сначала славянскій, а не греческій.

ПРЕПОДОБНЫЙ

ДАМІАНЪ
ЕСФИГМЕНСКІЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ФЕВРАЛЯ 23-ГО.

Преподобный отецъ этотъ безмолвствовалъ въ скиту Есфигменскомъ, называемомъ Самарія, и пользовался особенною дружбою св. Космы Зографскаго, какъ видно изъ житія его. Блаженный Даміанъ былъ истиннымъ послушникомъ и твердымъ хранителемъ отеческихъ повелѣній: это видно особенно изъ слѣдующаго. Онъ имѣлъ отъ старца своего заповѣдь—никогда не спать внѣ своей каливы. Разъ пошелъ онъ къ одному духовнику, жившему близъ обители Хиландарской, но, не заставши его дома, ожидалъ до тѣхъ поръ, пока день не склонился уже къ вечеру. Исполнивъ свое порученіе, святой пошелъ въ свою каливу. А такъ какъ былъ уже вечеръ, и время случилось туманное и дождливое, то братіи той келіи просили его переночевать у нихъ: но Даміанъ, помня заповѣдь своего старца, не согласился на ихъ просьбу, и пошелъ въ свою каливу; по причинѣ же великаго дождя и тьмы, сбился скоро съ дороги. Не зная ни того, куда ему идти, ни гдѣ онъ находится, преподобный воззвалъ изъ глубины души: «Господи Іисусе Хри-

¹ Изъ 'Ακολουθία τῶν ἁγιωρεϊτῶν πατέρων.

сте, спаси меня,—погибаю!» и—о чудо!—въ то же время очутился, какимъ-то образомъ, предъ своею каливою. По успѣніи же треблаженнаго, до 40 дней, изъ гроба его исходило неизреченное и столь великое благоуханіе, что даже внизу ¹, въ монастырѣ Есфигменскомъ, на разстояніи получаса почти ходу, отцы чувствовали оное. Такъ Богъ прославилъ Своего угодника, за богоугодную чистоту и истинную высоту его жизни! Молитвами его, да сподобимся и мы наследовать вѣчную славу. Аминь.

---

¹ Самарія есть гора; въ одной изъ пещеръ этой горы подвизался и отецъ нашего русскаго иночества—преподобный Антошій, въ честь котораго устроена теперь тамъ церковь.

**КАЛЛИСТЪ,
ПЕРВЫЙ ПАТРИАРХЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ ¹.**

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮНЯ 20-ГО.

 вятый отецъ нашъ Каллистъ сначала подвизался во святой Аѳонской горѣ, въ лежащемъ въ области иверской скиту Магула (теперь онъ въ развалинахъ), подъ духовнымъ руководствомъ святаго Григорія Синаита, котораго впоследствии онъ описалъ и жизнь; потомъ, съ аскетическаго поприща, въ 1350 году, восшелъ, послѣ патріарха Исидора, на вселенскую константинопольскую патріарше-скую кафедру, и занималъ оную при Іоаннѣ Кантакузенѣ и Іоаннѣ Палеологѣ. Славенъ былъ святитель этотъ своими добродѣтелями, — какъ свидѣтельствуется Кантакузенъ (книг. 4, глав. 3). Послѣ двухъ лѣтъ святительствованія, онъ оставилъ кафедру, и удалился, для безмолвія, въ устроенную имъ обитель въ честь святаго Маманта: мѣсто его занялъ

¹ Изъ синаксаря.

Филоеѣй,—какъ свидѣтельствуемъ тотъ же Кантакузенъ. Когда же Кантакузенъ перемѣнилъ царскую жизнь на иноческую, и царемъ сдѣлался Іоаннъ Палеологъ; тогда Каллисть, возвратившись изъ Тенедоса, куда удалялся, восшелъ на патріаршескую кафедру во второй разъ. Въ 1368 году, онъ былъ посланъ отъ царя посломъ въ Феры ¹, къ Елисаветѣ, женѣ краля сербскаго: но, достигнувъ Феръ, онъ тяжело заболѣлъ, и тамъ скончался,—гдѣ и погребенъ Елисаветою, съ подобающимъ великолѣпіемъ (Истор. Мелет., том. 3, стр. 203). Святой Каллисть, бывъ посланъ въ Феры, на пути туда, посѣтилъ святую гору, гдѣ встрѣтилъ Максима Кавсокаливскаго, который сказалъ о немъ слѣдующее прореченіе: «старецъ этотъ потерялъ свою старицу (т. е. Константинополь)», и когда патріархъ уходилъ отъ Максима, то послѣдній вслѣдъ ему запѣлъ слѣдующую надгробную пѣснь: «блажени непорочни, въ путь ходящіи...» (см. жит. свят. Максима).

---

¹ Феры былъ городъ въ Фессаліи магнасійской, который вообще нынѣ называется Еницари, или, по другимъ, Сидро,—какъ говоритъ Мелетій. А другіе говорятъ, что Феры были въ Сербіи.—Никодимъ.

КАЛЛИСТЪ,
ВТОРОЙ ПАТРИАРХЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО НОЯБРЯ 22-ГО.

Святый этотъ патриархъ носилъ названіе Ксанѳопула. Сначала онъ подвизался въ монастырѣ Ксанѳопуловъ, находившемся, по Мелетію (том. 3, стр. 203), на святой горѣ Аѳонской ², потомъ, въ 1392 году, восшелъ на престолъ патриаршескій, и святительствовавъ при Мануилѣ Палеологѣ. Оставивъ же патриархію константинопольскую, — пишетъ Симеонъ Солунскій (стр. 201, гл. 295), — онъ нашелъ единомысленнаго съ собою Игнатія, называвшагося тоже Ксанѳопуломъ, и бывшаго изъ одного съ нимъ города: тѣсно соеди-

¹ Изъ синаксаря.

² Это, кажется, монастырь Пантократора; ибо я самъ читалъ собственноручную записку этого Каллиста, находящуюся въ Пантократорской обители, въ которой онъ говоритъ, что безмолвествовалъ въ келіи святаго Оцуфрія, находящейся въ Пантократорской обители, и что обитель сія есть его. — Никодимъ.

нившись, они жили такъ, какбы у нихъ была одна душа въ двухъ тѣлахъ. Духовно, богомудро и весьма высоко любово-мудрствовали они объ умной молитвѣ въ 100 главахъ,—изложивши совершенный о ней разумъ въ совершенномъ числѣ. Главы эти помѣщены въ книгѣ, извѣстной подъ названіемъ «Добротолюбіе» (стр. 1017; въ нашемъ изданіи— част. 2, стр. 54). Потомъ, о Каллиствѣ и Игнатіѣ говоритъ еще Сѹмеонъ Солунскій (тамъ же), что они получили божественное осіяніе, какъ апостолы на горѣ, и что, при излитіи благодати не только въ сердца ихъ, но даже и на лица, казались блистающими солнцевидно, — подобно Стефану, или великому тому Моисею (Объ этомъ Каллиствѣ см. у Мелетія, томъ 3, стр. 239) ¹.

---

¹ Можно сказать, что все, что авторъ синаксаря, слѣдуя Мелетію (том. 3, стр. 103 и 139), говоритъ въ немъ о двухъ Каллистахъ, въ Добротолюбіи, приписано только одному (см. стр. 1015, въ нашемъ— част. 2, стр. 54). С. А. П.

Многіе говорятъ, что находящіяся въ Добротолюбіи главы, подъ именемъ Каллиста Тиликуди (въ нашемъ пѣть), Каллиста патріарха, Каллиста Катафигіота, суть труды Каллиста Кеаноопула, и что Каллиствѣ этотъ называется различными именами. Катафигіотомъ онъ названъ отъ обителя Богородицы, именуемой Катафиги, и находящейся въ епархіи артекой: есть преданіе, что Каллиствѣ тамъ безмолвствовалъ. Другіе вышеупомянутыя главы приписываютъ первому Каллисту, патріарху константинопольскому.

См. о сихъ Каллистахъ и въ Христ. Чтеніи 1843 года, част. 4, стр. 428 430 и 432.—С. А. П.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВОЙ ЧАСТИ

А Т О Н С К А Г О П А Т Е Р И К А .

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	1
В Ъ К Ъ 9 - й.	
Жизнь преподобнаго и богоноснаго отца нашего Петра. Память его іюня 12-го	9
Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Евфимія Новаго Тессалоникскаго. Память его октября 14-го	37
Жизнь преподобнаго и богоноснаго отца нашего Павла Ксиропотамскаго. Память его іюля 28-го.	59
В Ъ К Ъ 10 - й.	
Жизнь преподобнаго и богоноснаго отца нашего Аѳанасія. Память его іюля 5-го	69
Преподобный Іоаннъ Иверскій. Память его мая 13-го.	113
Жизнь преподобнаго и богоноснаго отца нашего Евфимія Новаго (Иверскаго). Память его мая 13-го	115
Преподобный Георгій Иверскій. Память его мая 13-го	126
Жизнь преподобныхъ и богоносныхъ отцевъ нашихъ Евфимія и Неофита Дохіарскихъ. Память ихъ ноября 9-го.	157
В Ъ К Ъ 12 - й.	
Жизнь преподобнаго и богоноснаго отца нашего Іоанна Кукузеля. Память его октября 1-го	171
Преподобный Сумеонъ, ктиторъ Хиландаря. Пам. его февр. 13-го.	177
В Ъ К Ъ 13 - й.	
Жизнь святаго Саввы, перваго архіепископа сербскаго. Память его января 14-го	178

Преподобномученики, пострадавшие отъ латиномудренныхъ—царя
Михаила Палеолога и патриарха Вѣкка, за обличеніе ихъ въ ереси. 273

Жизнь преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сумона Муроточиваго. Память его декабря 28-го. 275

В Ъ К Ъ 14-й.

Жизнь преподобнаго и богоноснаго отца нашего Космы, отшельника Зографскаго. Память его сентября 22-го 294

Жизнь, подвиги и чудеса преподобнаго и богоноснаго отца нашего Максима Кавсокаливскаго. Память его января 13-го. . . 303

Житіе святаго Григорія Паламы, архіепископа вессалоникскаго. Память его ноября 14, и еще во вторую недѣлю великаго поста. 323

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Нифонта. Память его іюня 14-го 346

Житіе иже во святыхъ отца нашего Леанасія, патриарха константинопольскаго. Память его октября 28-го 355

Жизнь преподобнаго и богоноснаго отца нашего Григорія Синаита. Память его апрѣля 6-го. 367

Жизнь преподобнаго Діонисія, ктитора обители въ честь Крестителя Іоанна, что на св. горѣ Аѳонской. Память его іюня 25-го . 389

Преподобный и богоносный отецъ нашъ Θεодосій, митрополитъ трапезунтскій. Память его января 11-го. 403

Преподобный Дометій, игумень діонисіатскій. Пам. его іюня 25-го. 404

Преподобный Григорій Византійскій. Память его апрѣля 6-го . 405

Преподобный Григорій, доместикъ великія церкви. Память его октября 1-го 406

Преподобный отецъ нашъ Никодимъ. Память его іюля 11-го. . 408

Преподобный отецъ нашъ Никифоръ. Память его мая 4-го . . 409

Преподобный отецъ нашъ Григорій, ктиторъ обители Григоріатской. Память его декабря 7-го 424

Преподобный Даміанъ Есфигменскій. Память его февраля 23-го. 425

Каллистъ, 1-й патриархъ константинопольскій. Память его іюня 20-го. 427

Каллистъ, 2-й патриархъ константинопольскій. Память его нояб-
ря 22-го 429

АВОНСКІЙ ПАТЕРИКЪ.

АФОНСКІЙ
ПАТЕРИКЪ

или

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ СВЯТЫХЪ,

НА СВЯТОЙ АФОНСКОЙ ГОРѢ ПРОСІЯВШИХЪ.

Тако глаголетъ Господь: будетъ въ послѣдняя дни явлена гора Господня, и домъ Божій на версѣ горъ, и превознесетъ превыше холмовъ, и придутъ къ ней вся языцы. И пойдутъ языцы мнози, и рекутъ: придите, и взыдемъ на гору Господню, и въ домъ Бога Іаковля, и возвѣститъ намъ путь свой, и поидемъ по нему.

Исаи гл. 2, ст. 1—4.

ЧАСТЬ II.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ.

ИЗДАВЕНІЕМЪ РУССКАГО ПАВТЕЛЕИМОНОВА МОНАСТЫРЯ НА АФОНѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1867.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Ценсуры печатать
позволяется. Февраля 18 дня, 1866 года.

Цензоръ, Архимандритъ Макарій.

Печатано въ типографіи духовнаго журнала «Странникъ» (близъ Смольнаго монастыря,
въ домѣ Экгардта, № 60—3.)

Иже (святые всѣ) вѣрою побѣдиша царствія, содѣяша правду, получиша обѣтованія, заградиша уста львовъ, угазиша силу огненную, избѣгоша острѣя меча, возмогша отъ немощи, быша крѣпцы во бранехъ, обратиша въ бѣгство полки чуждыхъ; инии же избѣени быша, не пріемше избавленія, да лучшее воскресеніе улучатъ; друзіи руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узами и темницею, каменіемъ побѣени быша, претрени быша, искушени быша, убійствомъ меча умроша: проидоша въ милотехъ и въ козяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени; ихже не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитающесе и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастехъ земныхъ.

Евр. 11, 33—39.

Поминайте юзники, аки съ ними свързани. Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, иже взирающе на скончаніе жителства, подражайте вѣрѣ ихъ.

Евр. 13, 3. 6.

ВѢКЪ XV.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОВНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

НИФОНТА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО АВГУСТА 11-ГО.

тчество божественнаго Нифонта — Морея, или нынѣшняя Греція: онъ происходилъ отъ родителей славныхъ благородствомъ и значеніемъ въ мірѣ, но еще болѣе славившихся благочестіемъ и добродѣтелію, которыя возвышаютъ человѣка и предъ Богомъ и предъ людьми. Имя отца Нифонтова Мануиль, а матери Марія. При св. крещеніи онъ былъ наименованъ Николаемъ. По достиженіи лѣтъ отроческихъ, отданъ былъ онъ въ училище, гдѣ и обратилъ на себя особенное вниманіе всѣхъ какъ скромностію поведенія, такъ и устраненіемъ себя отъ дѣтскихъ игръ, всегда свойственныхъ первому возрасту. Между тѣмъ, вмѣсто занятія дѣтскими увеселеніями, онъ, какъ мудрая пчела, носился къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ могъ быть слушателемъ старческихъ разсужденій и подражателемъ жизни добродѣтельной. При

¹ Изъ νεον ἐκλόγιον.

такихъ прекрасныхъ сердечныхъ свойствахъ, имѣя быстрыя дарованія, Николай въ короткое время превзошелъ всѣхъ своихъ сверстниковъ въ наукахъ. Исключительнымъ и любимымъ его занятіемъ, въ свободное время, было чтеніе жизнеописаній святыхъ, которымъ и старался онъ по силамъ подражать въ подвижничествѣ, такъ что, для храненія цѣломудрія, обыкновенною его пищею былъ хлѣбъ съ водою. Къ поддержанію Николая и къ утвержденію его въ начаткахъ подвижнической жизни много способствовалъ въ то время іеромонахъ, именемъ Іосифъ, всѣми уважаемый за добродѣтельную жизнь. При частыхъ съ нимъ бесѣдахъ о столь возделѣнномъ для Николая предметѣ, какъ пустынное безмолвіе, Николай упросилъ старца Іосифа, чтобъ тотъ тайнымъ образомъ увелъ его въ какой нибудь монастырь, зная, что явное удаленіе могло имѣть много препятствій и неприятныхъ слѣдствій. Старецъ съ удовольствіемъ выслушалъ юного Николая, и скрылся съ нимъ изъ училища. Прежде всего обратились они въ Епидавріонъ, такъ какъ тамъ славился въ то время святостію жизни отшельникъ 'Антоній. Когда странники явились къ сему св. старцу, онъ съ радостію принялъ ихъ, и какъ скоро отверзъ старческія свои уста, и сладкія рѣчи его потекли, Николай не могъ безъ увлеченія слушать ихъ, такъ что наконецъ падши къ ногамъ Антонія, залился слезами и просилъ, чтобъ Антоній позволилъ ему остаться при немъ. Напрасно выставлялъ онъ труды подвижничества и жестокость иноческаго житія, особенно юность возраста Николая, желая отклонить отъ себя юношу: чѣмъ болѣе устрашалъ онъ Николая не для всѣхъ выносимыми трудами пустынной жизни, тѣмъ усильнѣе Николай стоялъ въ своемъ намѣреніи, изъясняя готовность на все, чего требуютъ долгъ и обязанности иночества. Старецъ удивился такой теплотѣ усердія и непреклонности желаній Николая, и принялъ его, далъ ему келью и наставленіе, какъ вести себя и ратовать

противъ плоти и ловительства сатаны. Не долго однакожь добрый Николай оставался подъ старческимъ искусомъ: какъ истинное чадо послушанія, онъ подражалъ во всемъ старцу своему и, спустя немного времени, просилъ себѣ ангельскаго образа. Если такъ, сказалъ ему божественный Антоній, то знай, что по принятіи сего образа, ты долженъ совершать большіе подвиги и труды, чтобъ врагъ, какъ навѣтникъ и завистникъ иноческаго смиренія, не могъ сокрушить и низложить тебя. Ктому же, кромѣ крестнаго и скорбнаго пути нѣтъ инаго къ небу. Послѣ такихъ и подобныхъ тому наставленій, старецъ Антоній постригъ Николая и нарекъ его Нифонтомъ.

Съ того времени блаженный Нифонтъ совершенно посвятилъ себя Богу, и восходилъ отъ силы въ силу духовнаго совершенства. Но и врагъ не дремалъ. То мыслью объ оставленномъ богатствѣ, то памятію о родителяхъ, не переставалъ онъ возмущать спокойствіе и миръ души, чтобы увлечь его вснять: въ такихъ случаяхъ Нифонтъ тотчасъ являлся къ старцу, и припадая со слезами къ ногамъ его, открывался ему въ помыслахъ, которыми ратовалъ его сатана, и, благодатію Божіею, молитвы и утѣшенія старческаго были для него тогда оплотомъ и цѣльбою. Между тѣмъ Нифонтъ занимался рукодѣльемъ: прекрасный краснописецъ,—онъ отъ этого занятія пріобрѣталъ себѣ пропитаніе. Что же касается до прочихъ особенностей уединенной его жизни, — то онъ болѣе всего украшался молчаливостію, строго хранилъ уста свои отъ празднословія, и даже въ обыкновенныхъ трудахъ бесѣдовалъ не иначе, какъ по благословенію старца: любимымъ же занятіемъ было для него чтеніе святаго Писанія, которое такъ трогало его, что, при чтеніи божественныхъ истинъ, онъ никогда не обходился безъ слезъ. Вслѣдствіе всего этого Нифонтъ и былъ во всѣхъ отношеніяхъ иноческой жизни совершенъ и оставался свѣтлымъ образцомъ под-

ражанія. Не долго, впрочемъ, пользовался онъ опытнымъ водительствоиъ и наставленіями своего старца Антонія: преисполненный дней, лѣтъ и славы подвижнической, онъ мирно отшелъ ко Господу. Горько и неутѣшно оплакивалъ Нифонтъ незамѣнимую для себя потерю, и послѣ кончины старца, пробывъ еще довольное время въ безмолвіи, удалился оттуда въ крѣпость, такъ называемую Нардасъ, гдѣ прославился тогда добродѣтельною жизнію старецъ Захарія, выходецъ со Святой Горы. Чтобъ изучить правила и чинъ иночества аѳонскаго, Нифонтъ остался при Захаріи.

Въ то самое время Восточная Церковь, по случаю Флорентійскаго Собора, была въ волненіи; ибо на этомъ соборѣ, изъ видовъ политическихъ, Іоаннъ Палеологъ предательски уклонился на сторону римской каѳедры. Востокъ рѣшительно отвергъ унію, а мудрый Захарія съ божественнымъ Нифонтомъ, желая оказать содѣйствіе въ пользу волнуемой Церкви, удалились въ Аскалонъ, гдѣ силою слова и убѣжденій утверждали и умоляли христіанъ оставаться вѣрными православію, постановленіямъ святыхъ Апостоловъ и вселенскихъ Соборовъ, основаннымъ на незыблемомъ Камени, Иже есть глава Церкви—Христось. Наконецъ померъ Іоаннъ Палеологъ; ему наслѣдовалъ Константинъ, братъ его, который объявилъ торжественно Флорентійскій Соборъ недѣйствительнымъ, предательскимъ для Восточной Церкви, и уничтожилъ всѣ его постановленія.

Между тѣмъ наступила страшная година. Востокъ и столицу его Константинополь турки, въ 1453 году, покорили своему владычеству. Смутамъ и неистовству, кровопролитію и насиліямъ со стороны турокъ не было предѣловъ и границъ. Несчастные христіане влачили съ мѣста на мѣсто, въ надеждѣ скрыться отъ непріязни на нѣкоторое время, пока водворится спокойствіе; а блаженный Захарія съ Нифонтомъ удалились на одну изъ пустынныхъ горъ, откуда

потомъ перешли въ Ахриду — въ монастырь Пресвятыя Богородицы, и въ немъ остались въ числѣ прочей братіи.

Въ то самое время скончался митрополитъ Ахридскій Николай: собрались епископы, клиръ и народъ, и просили убѣдительно Захарію занять святительскую кафедру Ахридской церкви, какъ достойнаго по добродѣтельной своей жизни и благодатному образованію. Долго смиренный старецъ отрекался отъ іерархическаго достоинства, извиняясь собственными немощами и тяжестью апостольскаго служенія Церкви Христовой. Однакожь, общія моленія народа и клира превозмогли: Захарія былъ рукоположенъ въ архіерея. Тогда блаженный Нифонтъ, чувствуя стѣснительнымъ для себя оставаться при немъ, смиренно просилъ у него благословенія удалиться, для безмолвія, на Святую Гору. — Когда я болѣе всего требую твоего присутствія и нуждаюсь въ тебѣ, при многосложномъ и тяжкомъ, возложенномъ на меня, званіи, отвѣчалъ на это Захарія, — въ то время ты хочешь оставить меня: въ нуждахъ познаются истинные друзья и чада, — за чѣмъ же отрекаешься отъ меня, чадо мое, Нифонте? продолжалъ архіерей, заливаясь слезами. Слезы старца поразили и тронули божественнаго Нифонта, и онъ, не имѣя силы противиться волѣ своего владыки, тоже заплакалъ. Слѣдующую ночь провели они въ молитвѣ и бдѣніи: потомъ, къ разсвѣту, архіерей, погружившись въ дремоту, видитъ Ангела Господня, который приказываетъ дать Нифонту свободу, и не удерживать его отъ пути. Такимъ образомъ Захарія и божественный Нифонтъ разстались, безусловно слѣдуя волѣ Господней, въ чаяніи, если восхоцетъ Господь, еще увидѣть другъ друга въ настоящей жизни. По прибытіи на Святую Гору, Нифонтъ прежде всего остановился въ обители Ватопедской, которая посвящена имени Пресвятыя Богородицы: тамъ нашелъ онъ много опытныхъ подвижниковъ, которымъ и подражалъ. Потомъ удалился на Карею, гдѣ тогда про-

томъ Горы былъ Данииль, старецъ отлично строгой жизни, славившійся даромъ разсудительности. Обрадованный прибытіемъ Нифонта, протѣ ласково принялъ его и сказалъ: давно и отъ многихъ слышалъ я о тебѣ, а потому и просилъ Бога, чтобъ удостоилъ меня видѣться съ тобою въ настоящей жизни, — и вотъ всеблагій Богъ исполнилъ смиренное мое моленіе, зная, какъ ты необходимъ для здѣшной братіи, требующей и образца подражанія, и мудрыхъ назиданій.— Не требуютъ здравіи врача, отвѣчалъ на это смиренный Нифонтъ. Не для того я прибылъ сюда, чтобы пользоваться, а пользоваться отъ другихъ.— Не для тебя, возразилъ божественный Данииль, дана тебѣ отъ Бога благодать и даръ слова, но болѣе для пользы другихъ. Значить, когда просятъ отъ тебя слова утѣшенія и совѣтовъ, — грѣхъ отказывать. Съ этого времени божественный Нифонтъ остался на Святой Горѣ, подобно пчелѣ, носясь по пустыннымъ обителямъ и скитамъ сколько для собственной пользы, столькожъ и для пользы другихъ, и силою своего слова утѣшалъ всѣхъ. Келейнымъ же его занятіемъ было, какъ и прежде, переписываніе книгъ, отъ чего онъ пріобрѣталъ себѣ насущный хлѣбъ.

Какъ впрочемъ ни восхищался божественный Нифонтъ безмятежіемъ всей Горы и каждой ея обители порознь: но обитель Предтечи — такъ называемая Діонисіатъ — казалась для него во всѣхъ отношеніяхъ единственною. Вслѣдствіе сего, посѣтивъ Пантократоръ и лавру святаго Аѳанасія, онъ избралъ себѣ постояннымъ жилищемъ Діонисіатъ. Игумень и братія радовались о водвореніи у нихъ святаго Нифонта, и согласно собственному его желанію былъ онъ здѣсь облеченъ въ ангельскій образъ. Между тѣмъ братія просили его о принятіи священства, но Нифонтъ, сознавая себя недостойнымъ столь высокаго званія, по началу отказался, а потомъ, когда просьбы усилились, — не могъ устоять противъ убѣжденій братской любви. Такимъ образомъ онъ былъ возведенъ

на степень священства. Впрочемъ такое отличіе не только не возвысило его мысли о себѣ, и не произвело непріязненныхъ движеній въ сердцѣ, измѣняющемся въ чувствахъ смиренія при переменѣ состоянія: но еще болѣе располагало его къ смиренію, къ строгимъ подвигамъ и терпѣнію. По свѣдѣтельству современнаго великаго старца Петронія, Нифонтъ былъ не только свѣтиломъ для своей обители, но и для всей Святой Горы. Однажды этотъ Петроній, по встрѣтившейся надобности, остался съ божественнымъ Нифонтомъ въ обители. Когда наступила полночь, Петроній всталъ на молитву, и видитъ, что Нифонтъ уже совершаетъ свое обычное молитвословіе съ поднятыми вверхъ руками: дивный свѣтъ окружалъ Нифонта, и этотъ свѣтъ, озаря самую Гору, досягалъ небесъ. Полный страха, Петроній безъ чувствъ палъ на землю. Напрасно смиренный Нифонтъ впоследствии умолялъ старца никому не открывать видѣнія. Петроній, возвратившись въ обитель, тайно передалъ о томъ игумену, который строго воспретилъ — никому другому не объявлять сего до времени, зная, что это одно можетъ удалить отъ нихъ Нифонта, составляющаго красоту обители своимъ смиреніемъ и чистотою своей жизни.

Въ тѣ дни скончался солунскій митрополитъ Парѳеній. Слава добродѣтельной жизни Нифонта, образованія его и сладкихъ бесѣдъ, которыми увлекалъ и трогалъ онъ слушателей — были уже вѣдомы въ Солуни давно. Вслѣдствіе сего общій голосъ со стороны клира и народа, при избраніи новаго митрополита осиротѣвшей солунской каѳедрѣ, вызывалъ на нее божественнаго Нифонта. Двумъ изъ епископовъ, подвѣдомыхъ солунской Церкви, было дано порученіе отъ клира и народа пойти и вызвать изъ аѳонской пустыни на святительскую каѳедру желаемаго Нифонта. Зная смиреніе его и любовь къ жизни пустынной, епископы, по прибытіи на Святую Гору и въ обитель Предтечи, не вдругъ объявили

ему желаніе и просьбы солунскихъ гражданъ: это прежде тайнымъ образомъ передано было игумену и нѣкоторымъ изъ старшихъ братій. Тяжко было слышать имъ о вызовѣ отъ нихъ смиреннаго Нифонта и о всегдашней съ нимъ разлукѣ. Послѣ многихъ, со стороны игумена, возраженій на убѣжденія епископовъ — отпустить съ ними Нифонта, епископы и бывшіе при нихъ изъ клира видя, что ничего не успѣтъ имъ собственными силами, обратились съ теплыми слезами къ Богу и Предтечѣ, испрашивая свыше содѣйствія къ успѣшному окончанію возложеннаго на нихъ порученія солунской Церкви. Между тѣмъ блаженный Нифонтъ, замѣтивъ прибытіе епископовъ, спросилъ игумена о цѣли ихъ прибытія. Ни слова не отвѣчалъ на это старецъ. — Не печалься, сказалъ тогда Нифонтъ игумену: я знаю зачѣмъ прибыли епископы, и надѣюсь, что никто не разлучитъ меня съ вами и съ обителью; я здѣсь кончу жизнь мою, по обѣщанію божественнаго Предтечи. Я молилъ его объ этомъ, и молитва моя услышана. — Буди тебѣ, возлюбленный, по глаголу твоему. Но видишь ли ты епископовъ, о которыхъ меня спрашивалъ? это посланные отъ всего клира и народа солунскаго для того, чтобъ взять тебя и возвести на святительскую кафедру солунской митрополіи. Хотя ты и надѣнешься еще сюда возвратиться, продолжалъ игумень, заливаясь слезами, но я уже не увижу тебя болѣе. Такъ и случилось. Впослѣдствіи, когда пришелъ во второй разъ блаженный Нифонтъ на Святую Гору въ обитель Предтечи, игумена сего уже не засталъ въ живыхъ. Горько заплакалъ смиренный Нифонтъ при словахъ игумена, — палъ на помость храма, гдѣ такъ бесѣдовалъ съ своимъ старцемъ, и воскликнулъ: значу ли я что нибудь? мнѣ ли грѣшному принять на слабыя рамена мои бремя апостольскаго служенія? Пока такимъ образомъ горько плакалъ и стоналъ онъ, братія стеклись въ церковь на плачь его, и никто не зналъ причины печали его

и слезъ. Тогда игумень възвѣстиль собравшемуся братству о цѣли прибытія къ нимъ епископовъ и солунскихъ клириковъ. Плачь и слезы сдѣлались общими. Нифонта окружили, обнимали, рыдали и плакали всѣ братія, прощаясь съ нимъ. Смятеніе было такъ сильно во всей обители, что епископы и клирики воспользовались этимъ, и тогда же, явившись въ храмъ, предъ лицомъ Бога и братіи вручили Нифонту пригласительныя грамматы клира и народа солунскаго. Напрасно смиренный Нифонтъ отрекался своимъ недостойнствомъ и желаніемъ — въ пустыни кончить свою жизнь. Самъ игумень, дотолѣ не хотѣвшій разлуки съ нимъ, принялъ сторону епископовъ и, вмѣстѣ съ ними, убѣждалъ его не противиться званію и волѣ Божіей. Въ эту ночь мнѣ повелѣно отъ самого Господа не удерживать тебя, продолжалъ игумень: итакъ, иди, куда зоветъ тебя Богъ, и не забывай насъ. Съ нашей стороны ты былъ и будешь навсегда, гдѣ бы ты не былъ, чадомъ нашей обители. Сказавъ это, игумень и потомъ братія со слезами обняли блаженнаго Нифонта и простились съ нимъ.— Да будетъ, отцы мои и братія, воля Господня и ваша, сказалъ наконецъ имъ Нифонтъ: иду въ путь, назначенный мнѣ Богомъ, но и великая бѣда идетъ за мною; молитесь о мнѣ!

Такимъ образомъ блаженный Нифонтъ, по прибытіи въ Солунь, былъ возведенъ на степень святительскаго достоинства, къ неописанной радости вѣрныхъ и на бѣду западныхъ миссіонеровъ, разсѣвавшихъ всюду нововведенія флорентійскаго соборща или лжесобора. Чтобъ уничтожить и нанести рѣшительный ударъ имъ, Нифонтъ тотчасъ, по вступленіи на кафедру, на основаніи божественныхъ догматовъ, переданныхъ Церкви Апостолами и святыми вселенскими Соборами, сталъ каждодневно трудиться въ проповѣди, побуждалъ вѣрныхъ и убѣждалъ не увлекаться мудрованіями Запада, но твердо и нерушимо хранить православіе отцевъ, и вмѣстѣ съ

тѣмъ поддерживать духъ терпѣнія къ безропотному несенію иновѣрнаго рабства и ига магометанской власти, въ чаяніи за то небесныхъ наградъ. При семъ Нифонтъ, какъ истинный отецъ и пастырь, не забывалъ также бѣдныхъ и нищихъ, умоляя и прося богатыхъ дѣлиться съ ближними всѣмъ, чѣмъ только возможно съ ихъ стороны, и подавая имъ собою трогательный образецъ и примѣръ состраданія; ибо много разъ хаживалъ онъ одинъ среди ночи къ бѣднымъ и больнымъ, утѣшалъ ихъ и доставлялъ имъ успокоеніе, убѣждая къ благодарному терпѣнію предъ Богомъ. Премудрый Нифонтъ обращалъ къ Христовой Церкви много и невѣрныхъ отъ заблужденія ихъ. Поэтому, какъ тѣнь за тѣломъ, такъ носилась вслѣдъ за нимъ слава о святой его жизни. А наконецъ, по своимъ подвигамъ и по ревности къ православію, сдѣлался онъ извѣстнымъ и великой Церкви.

Черезъ два года, по встрѣтившейся надобности въ разсужденіи о дѣлахъ церковныхъ, вызвали его въ Константинополь. Это было, конечно, и не безъ особеннаго устроенія Промысла, какъ увидимъ впослѣдствіи. Въ Константинополѣ онъ принятъ былъ съ уваженіемъ патріархомъ и его сѹнодомъ, равно какъ клиромъ и вѣрными. Здѣсь утѣшилъ его Господь свиданіемъ и съ Захаріею, бывшимъ его наставникомъ. Радость при такой нечаянной встрѣчѣ для обоихъ была невыразима, но и непродолжительна. Не по многихъ послѣ сего дняхъ святѣйшій Захарія заболѣлъ и отошелъ ко Господу. Вслѣдъ затѣмъ скончался патріархъ константинопольскій, и жребій общаго избранія на кафедру вселенской Церкви палъ на блаженнаго и смиреннаго Нифонта, вопреки собственной его волѣ и желанію. Итакъ, Богу угодно было поставить его на свойственной ему степени іерархическаго служенія вселенской Церкви, и онъ, въ духѣ апостольской ревности и неусыпнаго вниманія къ высокому своему званію, оправдалъ надежды православнаго стада Христова, смущаемаго запад-

нымъ фанатизмомъ. Не менѣе благотворно дѣйствовалъ онъ и на собратій, страждущихъ подъ тяжкимъ игомъ рабства магометанскаго, равно какъ и на самыхъ агарянъ, привлекая ихъ силою слова и святостію жизни отъ тьмы заблужденія къ свѣту евангельской истины. Радовалась Церковь Христова и украшалась такимъ своимъ свѣтильникомъ, но къ сожалѣнію не долго. Изъ числа собственныхъ ея чадъ, принадлежавшихъ къ клиру, нашлись враги, которымъ божественный Нифонтъ казался несносенъ. Дѣйствуя подъ вліяніемъ доброненавистника—діавола и власти султанской, они успѣли въ своемъ замыслѣ противъ св. патріарха: онъ былъ низложенъ и изгнанъ изъ патріаршаго дома. Не столько трогало невиннаго страдальца изгнаніе съ патріаршей кафедры, потому что онъ зналъ, что клирики были не иное что, какъ орудіе тайныхъ козней сатаны: для блаженнаго Нифонта гораздо больнѣе была разлука съ любимой паствой, которой онъ ничего не желалъ, кромѣ мира и спасенія. Впрочемъ, поручая себя волѣ Божіей, радостно сложилъ онъ съ себя достоинство патріаршее, молясь Господу о прощеніи враговъ его и о покаяніи ихъ, и удалился въ Сизополь, въ монастырь честнаго Предтечи, въ чаяніи найти тамъ сладкую тишину безмолвія. Но, по словамъ Господа, *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Матѣ. 5, 14): и здѣсь слава дивной жизни не дала блаженному Нифонту покоя и желаемой тишины; множество народа начало стекаться, чтобъ слышать, или по крайней мѣрѣ видѣть святѣйшаго изгнанника. Два года протекли такимъ образомъ для св. Нифонта въ изгнаніи. По истеченіи сего времени, Богу угодно было опять воззвать его на патріаршій престолъ константинопольскій. Но ненавистникъ церковнаго мира и опять не оставилъ его въ покоѣ. Однажды, возвращаясь въ патріаршую изъ приходской церкви послѣ литургіи, онъ встрѣтилъ нечаянно на пути султана,—и по приличію отдалъ ему честь. Гордый повели-

тель, усвоивъ себѣ богоподобное владычество, въ неистовствѣ своего киченія, остался недоволенъ почтительностію патріарха, и въ виду всего народа укорилъ и обезчестилъ его, упрекая въ невѣжествѣ противу царской власти, и тотчасъ, по прибытіи во дворець, отдалъ приказъ, сослать патріарха въ заточеніе въ Адріанополь, подъ строгимъ надзоромъ янычаръ. Только Богъ свидѣтель, — что потерпѣлъ въ пути невинный страдалецъ отъ мусульманъ! А въ Адріанополѣ хотя и оставался онъ подъ особеннымъ наблюденіемъ турецкаго правительства, но Богъ даровалъ ему въ утѣшеніе то, что мѣсто пребыванія его назначено было при церкви первомученика Стефана, гдѣ онъ немолчно славилъ Господа, и свободно служилъ Ему единому, не имѣя въ виду никакой человѣческой помощи и утѣшенія.

Между тѣмъ слава добродѣтельной и святой жизни Нифонта донеслась до Валахіи. Тогдашній господарь Радуль пламенно желалъ видѣть его, и Богъ исполнилъ его желаніе слѣдующимъ образомъ. Оставаясь въ зависимости отъ Порты, господарь долженъ былъ по обязанности явиться лично въ Константинополь: путь его лежалъ чрезъ Адріанополь, и господарь не щадилъ ничего съ своей стороны, ходатайствуя предъ турецкими властями Адріанополя о дозволеніи видѣть блаженнаго Нифонта, что ему и было дозволено. Свиданіе господаря съ патріархомъ утѣшило обоихъ до такой степени, что господарь, въ преизбыткѣ сердечной радости и привязанности къ святѣйшему изгнаннику, тронутый сладкими его бесѣдами, увлекательнымъ смиренномудріемъ и безусловною преданностію волѣ Божіей, убѣдительно сталъ просить, чтобъ онъ изъявилъ желаніе посѣтить Валахію, и быть для нея архипастыремъ, а ходатайство предъ Портою объ увольненіи Нифонта изъ Адріанополя на святительскую кафедру Валахіи, господарь принималъ на себя. Блаженный Нифонтъ, съ своей стороны, изъявилъ готовность вступить на поприще но-

выхъ подвиговъ апостольскаго служенія, а Радуль, по окончаніи своихъ дѣлъ въ Константинополѣ, къ невыразимой радости собственнаго сердца и къ благу своей Церкви, имѣлъ желаемый успѣхъ въ ходатайствѣ предъ Портою относительно Нифонта. Радуль и блаженный Нифонтъ прибыли вмѣстѣ въ Валахію, и отъ всего народа приняты были съ восторгомъ и искреннею радостію.—Отнынѣ ты намъ наставникъ и пастырь, говорилъ Радуль св. Нифонту, представляя его своему народу; твои слова для насъ—законъ!—Благословенно твое желаніе, отвѣчалъ на это божественный Нифонтъ. Дай Богъ, чтобъ ты сдержалъ свое слово и обѣтъ до твоей кончины! Впрочемъ прошу и умоляю тебя, государь, если погрѣшишь въ чемъ либо, какъ человѣкъ, не уклоняйся отъ отеческаго моего и духовнаго назиданія; потому что для всего народа ты примѣръ какъ въ отношеніи къ добродѣтели и благочестію, такъ и въ уклоненіи отъ путей Господнихъ. — Ты нашъ отецъ, возразилъ государь; что полезно для душъ нашихъ, — твори необинуясь: мы съ радостію и безусловнымъ повиновеніемъ готовы слушать и исполнять твои наставленія и совѣты!

Чтобъ дѣйствовать на исправленіе народной нравственности удовлетворительнѣе, блаженный Нифонтъ, по занятіи кафедры, прежде всего созвалъ помѣстный Соборъ, подъ предсѣдательствомъ самого государя и верховныхъ его сановниковъ, и изложилъ на немъ правила нравственности христіанской и догматы Церкви, какъ основаніе общественнаго мира и залогъ благословенія свыше, убѣждая строго содержать ихъ и слѣдовать имъ неуклонно. Для лучшаго въ этомъ случаѣ успѣха, открылъ онъ двѣ новыя епархіи, рукоположилъ епископовъ и далъ имъ въ руководство правила; — какъ достойно править ввѣренною имъ паствою. Въ заключеніе, обратившись къ государю, просилъ его, какъ властителя, наказывать безчинныхъ, не зрѣть на лице ни великаго ни ма-

лаго, и творить праведный судъ, вѣдая, что есть Богъ и страшный судъ, гдѣ должно будетъ каждому отвѣчать за исполненіе священныхъ своихъ обязанностей.

Такъ же точно внушалъ онъ неукоризненно проходить званія какъ іереямъ, такъ и инокамъ, убѣждая ихъ духомъ кротости и любви, и грозя имъ судомъ Божиимъ. Народъ, видѣвшій такія распоряженія новаго своего владыки, слыша при частыхъ священнодѣйствіяхъ его сладкія бесѣды, полныя убѣжденія любви, увлекательныя силою слова, нарекъ св. Нифонта Златоустомъ своего времени, и съ особеннымъ усердіемъ и жаждою стекался въ церковь для видѣнія своего пастыря, и для слышанія отъ него назидательныхъ поученій. Но по мѣрѣ того, какъ Нифонтъ старался отвлечь свою паству отъ безнравственности, которая тогда усилилась особенно отъ пьянства, какъ источника всѣхъ плотскихъ паденій, — и врагъ всякой истины и добра — діаволъ старался ратовать противъ блаженнаго и никакъ не терпѣлъ златословесныхъ его ученій.

Нѣкто — сановникъ Богданъ, человѣкъ безнравственной жизни и дурнаго характера, за свои преступленія подпалъ въ своемъ отечествѣ подъ судъ высшей власти. Чтобъ избѣгнуть заслуженной казни, онъ скрылся и, оставивъ домъ, жену и дѣтей, пришелъ въ Валахію, имѣлъ случай воспользоваться вниманіемъ господаря Радула, и такъ расположилъ его въ свою пользу, что тотъ, оставивъ его при себѣ, вопреки каноновъ церковныхъ и закона гражданскаго, рѣшился выдать за него собственную свою сестру, хотя и зналъ, что Богданъ женатъ и имѣетъ семейство. Когда совершился противузаконный бракъ. дѣйствительная жена, узнавъ о томъ, написала письмо св. Нифонту, жалуясь и доказывая, что Богданъ женатъ и имѣетъ дѣтей. Это дѣло огорчило кроткаго Нифонта. Пригласивъ къ себѣ Богдана, онъ передалъ ему жалобу жены его, и убѣждалъ съ своей стороны не растор-

гать узъ законнаго брака. Безнравственный Богданъ взбѣсился, наговорилъ святителю много грубостей и удалился отъ него съ угрозами отмстить за себя и за свою честь, которую такъ чернить Нифонтъ, въ угоду брошенной имъ женѣ. Чтобъ достигнуть своей цѣли, онъ обратился къ Радулу, горько жалуясь на блаженнаго Нифонта. Самъ Нифонтъ явился къ господарю и, предъявляя письмо, которое писала къ нему Богданова жена, просилъ не нарушать божественныхъ правилъ Церкви. вмѣсто того, чтобы принять въ уваженіе законныя оправданія святителя, Радулъ возражалъ, что люди мирскіе не могутъ безусловно слѣдовать требованіямъ церковнымъ. Мое дѣло, отвѣчалъ Нифонтъ, строго слѣдить за нравственностію паствы, и я свято исполняю мою обязанность. Для чегожъ иначе, твоя свѣтлость, и вызывалъ меня сюда, если не для того, чтобъ, не смотря на лица, обличать неправду и беззаконіе, и требовать отъ всѣхъ строгаго храненія законоположеній Церкви! Не свои собственные я проповѣдую вамъ законы, а законы божественные, за которые готовъ положить мою душу. Если же вы не хотите слушать меня, я чистъ предъ Богомъ! Вслѣдъ затѣмъ онъ оставилъ дворецъ и, пришедши въ церковь, приказалъ созвать народъ, преподалъ ему назидательное слово, потомъ, облачившись въ святительскія одежды, торжественно отлучилъ отъ Церкви беззаконнаго Богдана, съ новою незаконною его женою, и всѣхъ участниковъ преступнаго брака его. Наконецъ въ пророческомъ духѣ изложилъ грядущія на Валахію смуты, предсказалъ Радулу и Богдану несчастную смерть за беззаконіе ихъ и, сложивъ съ себя знаки первосвященническаго достоинства на св. престолъ, облобызалъ св. иконы, и удалился изъ церкви.

Узнавъ все это, Радулъ, вмѣсто раскаянія въ виновности своей, предписалъ всюду — не имѣть никакого сношенія, никакой связи съ Нифонтомъ, въ противномъ же случаѣ

угрожалъ читателямъ святителя смертною казнію и отнятіемъ всякой ихъ собственности въ пользу общественную. Между тѣмъ блаженный Нифонтъ, уступая мѣсто гнѣву, тайно поселился въ домъ одного дворянина изъ рода бессарабовъ, по имени Неанка, духовнаго своего сына.

Между тѣмъ Радуль, размышляя объ отлученіи своемъ отъ Церкви, невольно трепеталъ гнѣва Божія; потому что хотя и гнѣвался на святаго, однакожъ зналъ, что онъ истинно праведенъ и богочестивъ. Чтобы смягчить сердце блаженнаго Нифонта, онъ почтительно пригласилъ его къ себѣ и ласково началъ просить извиненія, оправдывая бракъ Богдана соизволеніемъ на то великой константинопольской Церкви. Вслѣдъ затѣмъ началъ онъ просить, чтобъ съ своей стороны и Нифонтъ благословилъ Богдана и новую его супругу. — Радуль, Радуль! отвѣчалъ на это съ тяжелымъ вздохомъ св. Нифонтъ, что бы ты ни обѣщалъ мнѣ, какъ бы ты ни умолялъ меня о соизволеніи на преступный бракъ Богдана, — все напрасно. Вспомни, не ты ли вызвалъ меня сюда: за что же гонишь меня? Если я сдѣлалъ какую неправду, свидѣтельствуй о ней. Мой долгъ — обличать беззаконіе, въ устраненіе соблазна для другихъ, и я исполняю это. Вспомни, ты вызвалъ меня сюда, ты же и гонишь меня отсюда. Я удаюсь, куда Господь укажетъ мнѣ путь; но знай, что великое зло и безчисленныя скорби постигнутъ твою область: самъ ты умрешь несчастнымъ и ужаснымъ образомъ. Будетъ время, поищете меня и не обряцете!

При этихъ словахъ блаженный Нифонтъ удалился и, при свиданіи съ Неанкомъ, сказалъ ему: чадо! великое бѣдствіе постигнетъ здѣшнее мѣсто. Впрочемъ премилосердый Богъ сохранитъ тебя, если исполнишь мой отеческій завѣтъ; даже ты будешь возвеличенъ, славно будетъ имя твое, — и тогда вспомни меня, духовнаго твоего отца! Между тѣмъ я, съ своей стороны, не престану ходатайствовать о тебѣ

предъ Богомъ. Они разстались. Неанкъ залился слезами и рыдалъ горько о разлукѣ съ божественнымъ своимъ пастыремъ. Въ сопутствіи Макарія и Іоасафа, учениковъ своихъ, св. Нифонтъ прибылъ въ Македонію, а оттуда удалился на Св. Гору, и поселился въ обители Ватопедской. Съ искреннею радостію и уваженіемъ приняли его святогорцы, прославляя Бога, удостоившаго ихъ видѣть вселенскаго владыку. Изъ самыхъ сокровенныхъ пустынь стекались къ нему подвижники сколько для принятія благословенія, столько же съ другой стороны и для назидательныхъ бесѣдъ его.

Одинъ изъ учениковъ его, Макарій, чрезвычайно строгій подвижникъ и ревностный въ исполненіи иноческихъ обязанностей, до такой степени воспламенился божественною любовію къ Господу, что наконецъ сталъ искать и желать мученическаго подвига и смерти. Впрочемъ, не довѣряя влеченію и тайнымъ побужденіямъ собственнаго сердца, онъ открылся блаженному Нифонту, и просилъ отеческаго его совѣта, и въ случаѣ соизволенія — благословенія на страдальческій подвигъ за имя Христова. Святой Нифонтъ, съ своей стороны, оградивъ Макарія знаменіемъ честнаго и животворящаго креста, молился о немъ и отпустилъ съ миромъ на желанный подвигъ. Недолго, блаженный по самому имени, Макарій оставался на земли: въ Солунѣ онъ торжественно исповѣдалъ Христа, и проклялъ Магомета, за что, послѣ многихъ пытокъ и истязаній, турки отсѣкли ему голову. Такимъ образомъ принялъ онъ вѣнецъ мученическій. Божественный Нифонтъ провидѣлъ это духомъ. Знаешь ли, чадо, сказалъ онъ другому своему ученику Іоасафу: сегодня страдальчески скончался братъ твой Макарій, и радостно душею несется въ небеса. — Вскорѣ послѣ сего, взявъ съ собою Іоасафа, Нифонтъ, тайнымъ образомъ, удалился изъ обители ватопедской, и въ видѣ поселянина пришелъ въ монастырь Діонисія, въ которомъ былъ, какъ говорятъ, такой уставъ,

переданный ктиторомъ обители: приходящаго въ монастырь для монашества, прежде всего опредѣлять въ черные труды, а именно — ходить за рабочимъ скотомъ, возить дрова и исполнять всѣ низшія послушанія на опредѣленное время. Впослѣдствіи, когда оканчивался такой искусь, послушника, по усмотрѣнію настоятеля, принимали въ монастырь и причисляли къ братіи. Такимъ образомъ и святой Нифонтъ, какъ невѣдомый пришлецъ, былъ сдѣланъ муларщикомъ для ухода за рабочимъ скотомъ. Пока трудился онъ такимъ образомъ, покрываемый отъ всѣхъ Богомъ, по распоряженію константинопольской великой Церкви, искали его всюду, для возведенія вновь на вселенскую кафедру по силѣ султанскаго фирмана. Посланные были и на Святой Горѣ: но блаженный Нифонтъ остался невѣдомъ никому, пока было на то соизволеніе свыше. Однажды, въ числѣ прочихъ, онъ назначенъ былъ караульнымъ на сосѣдственномъ холмѣ, по причинѣ морскихъ разбойниковъ, нечаянно напавшихъ на Святую Гору, расхищавшихъ все и плѣнявшихъ. Когда наступила ночь, божественный Нифонтъ сталъ на молитву. Вдругъ надъ молившимся поднялся пламень огненный, въ видѣ столпа отъ земли до самаго неба: самъ блаженный Нифонтъ сдѣлался, какбы свѣтлымъ, огненнымъ, что замѣтили находившіеся въ окрестности на стражѣ иноки, и одинъ бывший при Нифонтѣ. — Трепетень и въ страхѣ отъ видѣннаго чуда, послѣдній явился въ монастырь и рассказалъ всѣмъ о славѣ молившагося собрата. Тоже подтвердили и другіе монахи.

Ужаснулись старцы и вся братія обители, недоумѣвая, что за чудный появился между ними подвижникъ. Съ общими мольбами обратились они къ Господу, прося явить, — кто такой угодникъ, такъ прославляемый свыше и для всѣхъ невѣдомый въ обители. Богъ открылъ имъ тайну: игумену монастыря представилось въ видѣніи, что онъ находится въ

храмъ. Тамъ является божественный Предтеча и говоритъ ему: собери братство, и выйдите на встрѣчу патріарху Нифонту; высота смиренія его да будетъ образцомъ для васъ; онъ—патріархъ, а снизошелъ до состоянія одного изъ вашихъ рабочихъ. Пораженный симъ, игумень долго не могъ придти въ себя. Потомъ, когда успокоилась его мысль, приказалъ ударить въ доску, собрались братія, и онъ разсказалъ имъ о видѣніи Предтечи Господня. Тогда всѣ узнали въ своемъ муларщикѣ патріарха Нифонта. Пока это происходило, святѣйшій работникъ отправился за дровами въ лѣсъ. Когда же замѣтили, что онъ возвращается съ своего послушанія, всѣ вышли къ кладбищенской церкви на встрѣчу ему и, какъ патріарху, почтительно поклонились. Тронутый до слезъ неожиданнымъ торжествомъ собственнаго своего смиренія, Нифонтъ повергся предъ всѣми и плакалъ. — Кончился искусъ терпѣнія твоего, вселенная свѣтильниче, говоритъ ему настоятель, цѣлуя святительскую его десницу: довольно смиренія твоего для смиренія собственной нашей немощи. Плакалъ блаженный Нифонтъ, глубоко потрясенный событіемъ; плакали братія и наипаче тѣ, которые, по невѣдѣнію, огорчали его, и прося прощенія, лежали у ногъ его. Для того, отцы и братія мои, скрылъ меня Господь отъ вашей любви, сказалъ наконецъ святой Нифонтъ, что самъ я просилъ Его о томъ, чтобы во смиреніи моемъ помянулъ меня Господь. Вы знаете, что человѣческая слава и любовь міра сего отчуждаютъ насъ отъ царствія Божія,—*аще пріобрѣщемъ міръ весь и отщетимъ душу нашу, что пользы* (Марк. 8, 36), сказалъ Господь.

Потомъ онъ торжественно вошелъ въ монастырь, окружаемый братствомъ, и посвятилъ себя всей строгости иноческой жизни, не переставая раздѣлять съ братією всякаго рода труды, хотя отъ старости, бѣдствій и изгнаній былъ уже немощенъ и слабъ въ тѣлесныхъ силахъ. Кромѣ про-

чихъ занятій, онъ посѣщаль немощныхъ, утѣшалъ печальныхъ, и я, говоритъ составитель жизни святаго Нифонта, Киръ Гавріиль, тогдашній протъ Святой Горы, много разъ приходя и оставаясь тамъ для слышанія назидательныхъ бесѣдъ его, видалъ, что онъ то копалъ въ огородѣ, то помогалъ на мельницѣ, то спускался къ пристани для разгрузки и нагрузки кораблей, и трудился такимъ образомъ неутомимо, чтобы другіе на него не роптали и не теряли чрезъ то награды за трудъ свой. При всемъ томъ сатана не переставалъ ратовать противу него. Нашлись люди, которые всѣ труды и подвиги смиреннаго Нифонта порочили, приписывая ихъ лицемѣрію, а сладкія его бесѣды называли пустословіемъ. Впрочемъ зная, что все это — дѣйствіе сатаны, онъ просилъ Бога о помощи и силѣ къ перенесенію искушеній до кончины; а потому и враговъ своихъ прощалъ, молясь о ихъ спасеніи и забывая высокоость своего достоинства.

Однажды братія везли на кораблѣ монастырскую пшеницу съ метоховъ; возсталъ буря, и корабль, носясь въ виду обители, находился въ крайности. Замѣтивъ это, святой Нифонтъ пренебрегъ бурей и отправился на корабль. Лишь только ступилъ онъ на палубу, — буря утихла, и настала невозмутимая тишина. Тогда братія пали къ стопамъ святителя, умоляли его умиловити Бога и испросить у него благодать, чтобъ когда ни случится имъ быть въ морѣ, никакая опасность, никакая бѣда и бѣдствіе не постигали ихъ. Богъ дастъ вамъ по желанію, отвѣчалъ блаженный, съ условіемъ, — если будете свято исполнять положенное правило и службы церковныя, если не будете празднословить. Потомъ преклонивъ колѣна на якорѣ, простеръ вверхъ длани и очи свои, и молился довольно долго, благословилъ якорь и сказалъ: слушайте, братія, храните этотъ якорь въ приличномъ мѣстѣ; когда же наступитъ буря, спускайте его въ море, и — будьте покойны. Съ того времени дѣйствительно каждый

разъ, когда бывали братія на морѣ, и возставала буря, опускали они якорь въ волны съ призываніемъ имени святаго Нифонта, и дѣлалась тишина. Знаменія такого рода, отъ безчувственнаго металла, такъ поражали иноковъ, что во время кажденія еуміагомъ иконъ при совершеніи правила, кадили они и якорь, отдавая такимъ образомъ честь святому Нифонту. Самый якорь наименовали «Патріархомъ»,—и когда наступала въ морѣ буря, обыкновенно восклицали: пустите въ море Патріарха. Этотъ якорь, какъ драгоценность и святыню, хранили въ Діонисіатѣ болѣе 150 лѣтъ.

Наконецъ наступило для блаженнаго Нифонта время отхода изъ времени въ вѣчность къ желаемому Господу: кромѣ глубокой старости, онъ зналъ и по божественному откровенію, что время это близко, а потому призвалъ къ себѣ братство и объявилъ о наступающей своей кончинѣ. При этомъ случаѣ отечески убѣждалъ онъ всѣхъ строго хранить обѣты монашеской жизни, и всѣми силами стараться достигать наслѣдія царствія небеснаго. Горько плакали братія, внимая прощальной бесѣдѣ своего отца. Теперь, продолжалъ святой Нифонтъ, скажите, братія мои, что вамъ необходимо, и чего бы я испросилъ вамъ у Господа прежде, чѣмъ предамъ Ему духъ мой. Святѣйшій владыко, отвѣчали рыдающіе братія, оставь намъ, какъ безцѣнную святыню, разрѣшительныя молитвы, которыя бы читались надъ каждымъ изъ умирающихъ братій въ напутствіе въ вѣчность, съ полною увѣренностію ради твоихъ святыхъ молитвъ получить на страшномъ судѣ помилованіе и прощеніе.

Тронутый такимъ спасительнымъ прошеніемъ окружающей братіи, Нифонтъ заплакалъ, помолился Богу, чтобъ Онъ исполнилъ желаніе отцовъ и, обратившись къ ученику своему Іоасафу, сказалъ: пиши, что я буду говорить, и это будетъ послѣдній даръ обители. — Такимъ образомъ святой Нифонтъ составилъ разрѣшительныя молитвы умирающимъ,

а потомъ, обращаясь къ Іоасафу, сказалъ: я отхожу ко Господу, а ты, чадо, поди въ Константинополь. Тамъ ожидаетъ тебя страдальческій подвигъ и вѣнецъ райской славы. Потомъ, простившись съ братією, онъ приобщился божественныхъ Таинъ и тихо предалъ Господу духъ свой 11-го августа, будучи 90 лѣтъ. Быстро разнеслось по Святой Горѣ извѣстіе о кончинѣ святаго Нифонта: множество иноковъ стеклось для отданія послѣдняго долга почившему патриарху, проводившему всю жизнь въ постоянныхъ бѣдствіяхъ и гоненіяхъ, и искушенному въ терніи какъ злато въ горнилѣ. Такимъ образомъ при многочисленномъ стеченіи святогорскихъ отцовъ, торжественно и при общемъ плачѣ и слезахъ, схоронили священные останки Нифонта.

По кончинѣ блаженнаго Нифонта ученикъ его Іоасафъ не замедлилъ исполнить предсмертный завѣтъ его: онъ отправился въ Константинополь, исповѣдалъ тамъ имя Христова предъ агарянами, проклиная ложнаго ихъ Магомета, за что и вынесъ отъ нихъ множество разныхъ мукъ, а наконецъ былъ обезглавленъ, и такимъ образомъ совершилъ страсготерпческій свой подвигъ.

Теперь скажемъ и о послѣдствіяхъ изгнанія изъ Валахіи божественнаго Нифонта. Когда онъ удалился оттуда, прежде всего произошли въ Церкви валахійской многія смуты и нестроенія отъ собственнаго ея клира: а затѣмъ открылась чрезвычайная засуха, наступилъ жестокій голодъ, и тогда сознались всѣ, что это—слѣдствія преступнаго изгнанія свѣтѣйшаго Нифонта. Въ сознаніи виновности своей господарь Радулъ старался развѣдать и узнать, гдѣ находится блаженный изгнанникъ, но, какъ прорекъ Нифонтъ, оставляя Радула, — искали его и не обрѣли.

Вслѣдъ за кончиною божественнаго Нифонта, Радула постигла неизлечимая болѣзнь: тѣло его закипѣло ранами, и заразительный смрадъ ихъ до того былъ невыносимъ, что

никто не могъ приблизиться къ несчастному страдальцу. Въ этомъ мучительномъ положеніи онъ скончался и погребенъ былъ въ обители святаго Николая, такъ называемой *Нталю*, самимъ Радуломъ построенной. Но и по смерти гнѣвъ Божій не пересталъ поражать жестокаго гонителя новаго Златоуста: къ ужасу народа, могила Радула въ теченіи трехъ дней, какъ могила царицы Евдоксіи, гонительницы Златоуста, тряслась. Между тѣмъ бѣдствовалъ и добрый Неанкъ, любимецъ блаженнаго Нифонта, заступившій мѣсто господаря Радула: Михна, а послѣ него Владулъ жестоко тѣснили невиннаго Неанка. Впрочемъ, по прореченію святаго, молитвами его, не только не былъ онъ въ конецъ утѣсненъ и сокрушенъ, но впослѣдствіи, избраніемъ всего народа еще возведенъ въ достоинство господаря всей Угро-Влахіи.

При такомъ счастливомъ переворотѣ обстоятельствъ, видя какъ предсказанія божественнаго Нифонта исполнились вѣрно и точно, Неанкъ положилъ непремѣнно перенести святыя его мощи въ Валахію — сколько для славы страны и въ залогъ благословенія свыше, столькоже съ другой стороны и для того, чтобъ несчастный Радулъ, чрезъ присутствіе Нифонта, получилъ себѣ какую нибудь пользу и милость за гробомъ. Дѣйствуя такимъ образомъ въ духѣ Θεодосія, который перенесеніемъ изъ Кукузъ, святыхъ мощей Златоустаго, доставилъ матери своей Евдоксіи утѣшеніе и миръ, и благочестивый Неанкъ отправилъ игуменовъ двухъ монастырей и двухъ знатныхъ сановниковъ на святую гору, въ обитель Діонисія, съ грамотами и многими дарами, прося отпустить къ нему въ Валахію святыя мощи божественнаго Нифонта. Такое желаніе Неанка поразило скорбію обитель святаго Діонисія. Впрочемъ, не смѣя противиться волѣ господаря, и вмѣстѣ не дерзая съ своей стороны коснуться святыхъ мощей Нифонта, старцы и братія обители святаго Діонисія предоставили самимъ посланнымъ раскопать могилу и взять

оттуда святая мощи. Тогда одинъ изъ сановниковъ, великій Логоетъ, взявъ заступъ, перекрестился и сказалъ: по вѣрѣ господаря моего, принимаю на себя это дѣло въ полномъ упованіи, что усердіемъ и любовію нашею не огорчится нашъ архипастырь, учитель и отецъ. Едва только разрылъ Логоетъ могилу, и открылись мощи святаго Нифонта, неизъяснимое благоуханіе разлилось кругомъ и наполнило воздухъ. Такимъ образомъ онѣ были вынуты изъ могилы, вложены въ драгоценный ковчегъ и внесены въ церковь. И по церкви разлился чудный ароматъ и благовоніе. На открытіе мощей блаженнаго Нифонта изъ келлій, изъ скитовъ и монастырей стекло множество иноковъ, и когда совершалось по сему случаю бдѣніе, Богъ прославилъ святаго даромъ чудотворенія. Одинъ монахъ, будучи нѣмъ, пришелъ поклониться и облобызать мощи святаго Нифонта, и въ то самое время, какъ лобызалъ ихъ, развязался у него языкъ, и исчезла его нѣмота. Такимъ же точно образомъ и слѣпецъ, будучи приведенъ къ мощамъ, лишь только коснулся ихъ, прозрѣлъ. Много и другихъ чудесъ совершилось отъ мощей святаго, которыя не ввожу въ составъ его жизнеописанія, говоритъ біографъ, чтобъ не утомить вниманія читателей и слушателей, въ полной увѣренности, что и приведенныхъ выше двухъ чудныхъ событій довольно для убѣжденія въ святости и великомъ дерзновеніи Нифонта предъ Богомъ. Чрезъ три дня послѣ сего посланные Неанка, и нѣкоторые изъ братіи обители отправились въ Валахію. Переправившись чрезъ Дунай, они послали извѣстіе господарю о своемъ приближеніи. Тогда на встрѣчу святыхъ мощей блаженнаго Нифонта отправился соборъ архіереевъ, іереевъ, діаконовъ и монаховъ: а какъ скоро приблизились они къ Бухаресту, самъ благочестивый господарь со множествомъ народа, съ свѣтильниками и еуміамомъ встрѣтилъ Нифонта, какбы живаго, и заливаясь слезами, палъ на гробницу, а потомъ под-

нявъ на свои рамена, при пособіи сановниковъ, внесъ мощи въ монастырь *Италѡ* и поставилъ на могилу Радула. Цѣлую ночь совершалось бдѣніе: Неанкъ и весь народъ умоляли святаго Нифонта о прощеніи Радула.

Наконецъ утомившійся бдѣніемъ господарь Неанкъ погрузился въ тихій сонъ, и ему видится: могила Радула раскрылась, тѣло его казалось черно какъ уголь, и отъ него исходилъ невыносимый смрадъ. Неанкъ понималъ ужасное положеніе Радула, скорбѣлъ и усердно ходатайствовалъ предъ святымъ Нифонтомъ за несчастнаго. Вдругъ представляется Неанку, что св. Нифонтъ всталъ изъ своей гробницы, приблизился къ Радулову трупу и омылъ его свящ. водою; тогда зловоніе и смрадъ исчезли: Радулово тѣло сдѣлалось чистымъ и свѣтъ заигралъ въ лицѣ его. Могила Радула закрылась, а св. Нифонтъ, приблизившись къ Неанку, сказалъ: видишь, чадо, какъ я исполнилъ твою молитву. Исполни же и ты мой завѣтъ: мирно управляй ввѣреннымъ тебѣ народомъ, и отправь въ монастырь мой часть мощей моихъ, въ утѣшеніе подвизающихся тамъ братій. Видѣніе кончилось. Сильно потрясенный чувствомъ радости, Неанкъ пришелъ въ себя и торжественно воззвалъ: слава Богу, прославившему раба своего возлюбленнаго Нифонта! Тогда же рассказалъ онъ всѣмъ видѣнное, и народъ прославилъ Бога. На слѣдующій день къ божественной литургіи со всѣхъ странъ Валахіи стеклось множество народа. Безчисленное множество всякаго рода больныхъ, приближавшихся со слезами и вѣрою къ св. мощамъ блаженнаго Нифонта, отъ одного прикосновенія, получали молитвами его исцѣленіе.

Господарь видя, что чудодѣйственныя силы святаго каждый день умножаются, собралъ мѣстный соборъ, и положено праздновать святому Нифонту 11-го августа, въ день его кончины. Для сего была составлена ему и служба. Между тѣмъ благочестивый Неанкъ устроилъ золотую

раку, въ видѣ многоглавой церкви, украшенную драгоценными камнями и эмалью; на крышкѣ ея съ внутренней стороны былъ изображенъ блаженный Нифонтъ, а предъ нимъ въ молитвенномъ положеніи на колѣнахъ — смиренный Неанкъ. Устроивши такимъ образомъ раку, онъ вложилъ въ нее св. мощи, и отправилъ ихъ въ аеонскую Діонисіатскую обитель, отдѣливъ отъ нихъ для себя главу и руку. Тогда же въ замѣнъ оставляемой имъ у себя святыни, въ даръ сей обители принесъ онъ св. главу Предтечи и Крестителя Господня Іоанна въ златомъ ковчегѣ, украшенномъ драгоценными камнями, и воздвигъ много зданій въ монастырѣ, на собственное иждивеніе, почему и поставляется въ ряду прочихъ ктиторовъ обители. — Св. главу и руку божественнаго Нифонта, доколѣ живъ былъ Неанкъ, имѣлъ при себѣ, въ освященіе и оплотъ противу непріязни и навѣтовъ, а умирая, завѣщалъ эту святыню прекрасному, построенному имъ, монастырю Арцезъ, гдѣ она и понынѣ находится. О всемъ да будетъ слава Отцу и Сыну и Св. Духу. Аминь.

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО
ОТЦА НАШЕГО

НЕКТАРІЯ,

ПОДВИЗАВШАГОСЯ НА СВЯТОЙ ГОРЬ АФОНСКОЙ ВЪ
СКИТУ КАРЕЙСКОМЪ, ВЪ КЕЛЛИ АРХАНГЕЛОВЪ,
ИМЕНУЕМОЙ *Γαγάρι* ВО 2-й ПОЛОВИНЬ XV ВЪКА ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ДЕКАБРЯ 5-ГО.

Божественный Нектарій родился въ такъ называемой нынѣ Бетоліи, и нареченъ былъ при св. крещеніи Николаемъ. Когда турки намѣревались занять это мѣсто, мать преподобнаго, работая на гумнѣ, забылась краткимъ сномъ и видитъ Пресвятую Богородицу, повелѣвающую ей бѣжать тотчасъ съ мужемъ и дѣтьми и скрыться въ какой нибудь невѣдомой странѣ, объявляя ей, что турки плѣняютъ область ихъ. Лишь только видѣніе кончилось, она объявила о семъ мужу, и они, нимало не медля, взяли дѣтей своихъ, оставили родину и скрывались до тѣхъ поръ, пока агаряне, плѣнивши Бетолію, по расхищеніи и разграбленіи ея, не рассыпались для грабежа и неистовствъ по другимъ мѣстамъ. Такъ было спасено то благочестивое семейство, предстательствомъ Богородицы, Которой съ того времени оно съ особенною вѣрою, признательностію и любовію поручило себя.

¹ Изъ *νεον ἐκλόγιον*.

Родитель Нектарія въ это время былъ уже преклонныхъ лѣтъ, а потому, съ согласія жены своей, оставилъ міръ и яже въ мірѣ, и взявъ съ собою Николая и другаго сына, удалился въ монастырь святыхъ Безсребренниковъ, находившійся близъ сосѣдственной горы въ окрестностяхъ Бетоліи. Тамъ онъ принялъ ангельскій образъ, подъ именемъ Пахомія, и благоугождая Господу, прилагалъ всевозможное стараніе о воспитаніи дѣтей, обучая ихъ страху Господню, и утверждая въ правилахъ христіанской нравственности.

Такъ мирно текла жизнь его. Между тѣмъ надобно сказать, что тамошніе христіане имѣли обыкновеніе удѣлять часть плодовъ и всѣхъ произведеній земли, по собственному усердію каждаго, въ пользу монастыря святыхъ Безсребренниковъ, гдѣ подвизался съ дѣтьми Пахомій. Такое приношеніе бывало ежегодно на память святыхъ безсребренниковъ Косьмы и Даміана. Однажды, когда такимъ образомъ совершалась память ихъ, и предложена была трапеза и приличное угощеніе, истощился запасъ винограднаго вина. Чтобъ очистить и вымыть опорожненный сосудъ, старецъ Пахомій, зажегши свѣчу, пошелъ на это послушаніе съ своими дѣтьми. Но лишь только взялся за сосудъ, чувствуетъ, что онъ еще не тронуть и полонъ вина. На это чудо сошлись братія и всѣ прилучившіеся чтители памяти святыхъ Безсребренниковъ: вкусивши вина, они нашли, что вино чрезвычайно легко, ароматно и пріятно на вкусъ. Тогда всѣ прославили Бога, прославившаго симъ знаменіемъ святыхъ Безсребренниковъ. Между тѣмъ Николай, назидаясь образцами высокой иноческой жизни въ монастырѣ святыхъ Безсребренниковъ, и видя, что безмолвіе тамъ неудовлетворительно по причинѣ стекающихся мірянъ, удалился оттуда на Святую Гору. Здѣсь онъ избралъ себѣ старца, именемъ Діонисія, опытнаго въ жизни духовной, и остался при немъ. Этотъ Діонисій, по прозванію Агарикъ, былъ сынъ одного изъ знаменитыхъ въ свое

время вельможъ константинопольскаго двора и, по любви къ Господу, презрѣлъ все и поселился на Святой Горѣ, подчинивъ себя водительство одного изъ аѳонскихъ старцевъ, именемъ Филоѳея.

Впрочемъ Діонисій не вдругъ принялъ къ себѣ Николая. Онъ прежде представилъ его къ своему старцу Филоѳею, который, имѣя даръ прозорливости, прежде нежели Николай что либо сказалъ о себѣ, назвалъ его и отца его по имени, и съ любовію принялъ къ себѣ въ подвижничество.

Такимъ образомъ Николай, поселившись на Святой Горѣ, вскорѣ принялъ иноческій образъ съ именемъ Нектарія, и безусловно предалъ себя послушанію старческой волѣ и строгому исполненію великаго своего обѣта.

Напрасно врагъ добра — діаволъ, возставалъ на него сначала помыслами, предубѣждая его противу старца, и стараясь разлучить его съ нимъ, въ надеждѣ впоследствии сокрушить его безъ огражденія старческихъ молитвъ и совѣтовъ. Вѣдь сатана знаетъ, что пока послушникъ находится при старцѣ, трудно уловить его въ сѣти, такъ какъ онъ имѣетъ несокрушимый противу сего оплотъ — молитвы и наставленія отеческія. Впрочемъ неудача въ одной брани не затрудняетъ врага, неистощимаго въ вымыслахъ злобы: онъ нападаетъ на послушнаго Нектарія съ другой стороны. Старецъ Филоѳей, кромѣ Нектарія, имѣлъ еще ученика. Этого послѣдняго сатана до того озлобилъ и подвигъ на зависть и ненависть противъ Нектарія, что несчастный сталъ явно говорить Филоѳею и Діонисію, чтобъ прогнали Нектарія, иначе онъ или его убьетъ, или самаго себя. Старцы трепетали отъ ужаса, слыша такіе демонскіе замыслы. Напрасно вразумляли они несчастнаго, убѣждали и молили его примирить свое сердце и подавить чувство злобы и зависти, напрасно грозили ему судомъ Божіимъ и геенною: онъ ничего не хотѣлъ слышать, но требовалъ исполненія своего желанія. Чтобъ

уступить гнѣву, старцы предложили Нектарію удалиться отъ нихъ на малое время, пока завистливый братъ его придетъ въ чувство. Напутствуя Нектарія старческими молитвами, они отправили его къ тогдашнему проту Святой Горы, Данилу, который принялъ его съ любовію, и съ отеческою заботливостію наставлялъ и укрѣплялъ его въ подвигахъ иноческой жизни.

Во время пребыванія Нектарія у прота, скончался въ глухой старости боголюбивый Филоѳей. Тогда Діонисій ὁ Ἰαγυριε, не вынося безнравственнаго поведенія своего ученика, пригласилъ къ себѣ Нектарія въ сожитіе, какъ брата по духу, а несчастному предоставилъ искать другаго мѣста и другаго старца. Такимъ образомъ Діонисій съ Нектаріемъ мирно проводили жизнь, питаясь отъ своего руководѣлія, и по силамъ помогая бѣднымъ: а тотъ несчастный братъ ихъ, не пришедши въ чувство смиренія и раскаянія, переходилъ съ мѣста на мѣсто, потомъ удалился въ міръ, и тамъ, предавшись невоздержности, скончался жалкимъ образомъ среди народной площади, даже безъ обычнаго напутствія христіанскаго. Вотъ что значитъ братоненавидѣніе и зависть! Гибельныя слѣдствія ихъ въ полной мѣрѣ испытываетъ человѣкъ еще въ настоящей жизни, и часто отходитъ въ вѣчность безъ всякой надежды спасенія! Надобно беречь себя отъ столь богоненавистныхъ пороковъ!

Наконецъ и блаженный Діонисій, послѣ многихъ скорбей и тѣсноты иноческой жизни, достигъ совершенства духовнаго, и мирно отошелъ къ Господу. Потеря столь искренняго друга и отца сильно поразила Нектарія. Съ этой поры всѣ мысли его, всѣ желанія и надежды перенеслись въ загробный міръ. Желая скорѣе соединиться съ любимымъ и любящимъ его Господомъ, и видѣться съ своими старцами, онъ посвятилъ себя всей строгости пустынныхъ подвиговъ: постъ и бдѣнія истощили тѣлесныя его силы, тогда какъ духъ его

болѣе и болѣе мужалъ и окрылялся. Врагъ видѣлъ это и терзался. Наконецъ, какъ Іовъ, блаженный Нектарій былъ преданъ на испытаніе и искусь. Чтобъ возбудить въ немъ чувство малодушія и жалобы, врагъ поразилъ его чрезвычайными болѣзнями тѣлесными: но истинный подвижникъ былъ непоколебимъ и въ этихъ страдальческихъ искушеніяхъ очистившись, какъ злато въ горнилѣ, мирно предалъ духъ свой Господу. Это было 1500 года 5 декабря. По истеченіи четырехъ лѣтъ, ученики его раскрыли его могилу, и райскій ароматъ разлился отъ святыхъ его мощей. Тогда же былъ устроенъ приличный ковчегъ, въ которомъ положены были мощи преподобнаго, съ изображеніемъ священнаго его лика на лицевой доскѣ, и ковчегъ поставленъ въ келейной церкви. Его молитвами да сподобимся и мы царствія небеснаго. Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ И БОГОНОСНЫЙ ОТЕЦЪ НАШЪ
ФИЛОНЕЙ КАРЕЙСКІЙ.

ПАМЯТЬ ЕГО ДЕКАБРЯ 5-ГО.

Этотъ святой отецъ подвизался въ карейской келліи Іагари, былъ старцемъ преподобнаго Нектарія, и за высокую чистоту своей жизни сподобился отъ Бога дара прозорливости. Смотри о немъ въ вышеписанномъ житіи преподобнаго отца нашего Нектарія.

ВѢКЪ XVI.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНАГО

ДИОНИСИЯ,

ПОДВИЗАВШАГОСЯ ДОЛГОЕ ВРЕМЯ НА СВЯТОЙ ГОРѢ
АВОНСКОЙ И СКОНЧАВШАГО ЖИЗНЬ НА ОЛИМПѢ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ЯНВАРЯ 24-ГО.

лагословенъ Богъ, укрѣпляющій и нынѣ рабовъ Своихъ, мужественно ратующихъ на невидимыхъ супостатовъ демоновъ: эти избранные, при содѣйствіи благодати Божіей, низлагая полчища сатаны, вѣнчаются и прославляются Богомъ, въ обличеніе маловѣрныхъ, которые, уклоняясь на пути разврата и суеты, оправдываютъ собственную свою гибель и дѣйствіе своихъ страстей тѣмъ, что будто нынѣ не тѣ времена, чтобъ угождать Богу такъ, какъ люди угождали Ему прежде. Очевидная ложь: появленіе и въ наши времена мучениковъ и преподобныхъ по всему подобныхъ древнимъ святымъ, доказываетъ, что время не можетъ имѣть никакого вліянія на спасеніе истинно желающихъ спасенія,

¹ Изъ *νεός παράδεισος*.

и что оно зависитъ отъ нашего собственнаго изволенія и рѣшимости неуклонно шествовать по крестнымъ стезямъ евангельскаго самоотверженія, при помощи Божіей, которая какъ прежде, такъ и нынѣ неистощима для людей и неизмѣнима, какъ неизмѣнимъ въ существѣ своемъ Богъ. Изъ числа многихъ, подтверждающихъ собою эту истину, мы указываемъ на богоноснаго Діонисія, который превзошелъ и древнихъ: потому что тогда было много добродѣтельныхъ, и одинъ изъ нихъ подражалъ и соревновалъ другому; а нынѣ, при маломъ числѣ опытныхъ, недивно, если нѣкоторые, не имѣя въ виду образцовъ подражанія, ослабѣваютъ въ строгихъ подвигахъ христіанскаго благочестія. Цѣль, съ которою я предлагаю повѣствованіе о богоугодной жизни преподобнаго Діонисія, есть та, чтобы сколько съ одной стороны пресѣчь ложныя мнѣнія людей нынѣшняго свѣта о невозможности въ наше время угождать Богу, столько съ другой, — доставить спасающимся утѣшеніе и примѣръ къ поддержанію силъ подвижческаго ихъ духа. А что буду я говорить совершенную правду, и не напишу отъ себя ничего, кромѣ того, что рассказали мнѣ богоносные и достовѣрные отцы, въ томъ свидѣтель Богъ. Я твердо помню, что долгъ и справедливость требуютъ не скрывать душеполезныхъ повѣстей, но передавать ихъ всѣмъ и каждому съ тѣмъ, чтобы, зная ихъ, всякій подражалъ дѣяніямъ и подвигамъ святыхъ. Итакъ, оставите вниманіе на этомъ моемъ повѣствованіи.

Въ фанарійской епархіи есть селеніе, называемое Платиною: въ немъ родился преподобный Діонисій. Родители его были люди бѣдные, но благочестивые — Николай и Феодора, которые, съ трудомъ доставляя себѣ пропитаніе, воспитывали своего младенца съ особенною попечительностію. По ночамъ, когда лежалъ онъ въ колыбели, видѣли они чудное явленіе: надъ нимъ, какъ солнце, сіялъ крестъ, проявлявшій, какъ думали они, будущее его назначеніе, то-есть, что онъ

отречется міра и всѣхъ плотскихъ мудрованій, по словамъ святаго Апостола, *и распнется Христу* (Гал. 2, 19). Видя такое чудное дитя, родители его прославляли Бога, и радовались о немъ. Когда исполнилось отроку 6 лѣтъ, отдали его учиться начаткамъ какъ внѣшняго образованія, такъ и священному Писанію. Прилежаніе и природныя дарованія, существенно же благодать Святаго Духа, до такой степени открылись въ юномъ Діонисіѣ, что онъ въ короткое время, изучивъ все необходимое для ума, образовалъ и свое сердце въ строгихъ правилахъ христіанской нравственности, такъ что былъ дивомъ для многихъ, видѣвшихъ, какъ онъ хранилъ себя отъ дурнаго сотоварищества и свойственныхъ юному возрасту игръ, какъ постоянно упражнялся въ чтеніи божественныхъ книгъ, и во всенощныхъ молитвахъ, и какъ наконецъ подавлялъ въ себѣ всякое непріязненное чувство плотскаго мудрованія, и томилъ свое тѣло, возвышаясь такимъ образомъ надъ всѣмъ чувственнымъ, и окриляясь божественнымъ желаніемъ духа молитвеннаго. Въ то время родители его померли. Вслѣдствіе сего, по своей нестяжательности и по бѣдности родителей, не имѣя даже необходимаго, юноша бралъ дѣтей и обучалъ ихъ грамотѣ и чистописанію, и это было источникомъ жизненнаго его продовольствія. Между тѣмъ видя, какъ все временное суетно, какъ все въ мірѣ отвлекаетъ человѣка отъ существенныхъ его занятій своимъ спасеніемъ, юный Діонисій рѣшился оставить все и посвятить себя иноческой жизни. Тогда какъ занимала его эта спасительная мысль, и не давала ему покоя, — прибылъ въ селеніе то, гдѣ пребывалъ Діонисій, одинъ священно-инокъ изъ *τὰ μετέωρα* монастырей, именемъ Анѳимъ. Діонисій познакомился съ нимъ, подробно вывѣдалъ отъ него о правилахъ подвижнической ихъ жизни, и наконецъ рѣшился отправиться съ нимъ, не взявъ изъ родительскаго стяжанія ничего, кромѣ одного серебрянаго стакана, который подарилъ сему

самому Аноиму. По прибытіи въ Метеоры, онъ подчинилъ себя извѣстному тогда по добродѣтельной жизни старцу, именемъ Саввѣ, и повиновался ему съ великимъ смиреніемъ, видя въ немъ для себя образецъ подражанія въ исполненіи иноческихъ обязанностей. Впрочемъ, не долго пребылъ тамъ Діонисій. Зная по слухамъ о чрезвычайныхъ удобствахъ Святой Аѳонской Горы для безмолвія и пустыннаго подвижничества, онъ просилъ позволенія у старца удалиться на Аѳонъ. Искренно любившій скромнаго и смиреннаго своего послушника, старецъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался на то, тѣмъ болѣе, что въ Діонисіѣ видѣлъ онъ и сподвижника въ духовной жизни, и опору старческихъ своихъ дней. Боясь же, чтобы онъ не убѣждалъ тайно, старецъ заперъ ворота обители и спряталъ лѣстницы. Но напрасно. Юноша зналъ, что побужденія его къ странствованію на Святую Горы чисты и пріятны Господу, а потому, не давши еще въ Метеорахъ обѣтовъ иноческихъ, рѣшился тайно скрыться оттуда безъ соизволенія и вѣдома старческаго. Итакъ, въ одну ночь, возлагая твердое упованіе на Владыку Христа, онъ спустился съ монастырской ограды и, при помощи Божіей, не потерпѣвъ ничего, не смотря на высоту стѣнъ, потекъ на Аѳонъ, какъ лань—на источники водные. По прибытіи туда, онъ прежде всего распросилъ: гдѣ бы ему найти старца, чтобы подъ его руководствомъ могъ онъ положить начало подвижнической жизни, — и ему указали на чуднаго Серафима. Діонисій явился къ старцу и принять былъ имъ съ радостію, сначала какъ странникъ, а потомъ мудрый Серафимъ сталъ понимать его, какъ ученика, и изложивъ ему правила совершенной отшельнической жизни, оставилъ его у себя. Подъ строгимъ водительствою его, юный Діонисій день ото дня такъ преуспѣвалъ въ подвижничествѣ, что чрезъ нѣсколько времени былъ удостоенъ ангельскаго образа, и потомъ рукоположенъ въ діакона. Чрезвычайное бла-

гоговѣніе въ священнослуженіи, трогательное смиреніе Діонисія и преуспѣяніе его въ опытахъ подвижнической жизни восхищали, удивляли и радовали старца. Такъ, напримѣръ, однажды въ Вербное Воскресенье, отслуживши литургію, преподобный удалился изъ кельи въ пустынный лѣсъ и пробылъ тамъ до Великой Субботы. Впослѣдствіи, на вопросъ старца: чѣмъ онъ питался въ теченіе столькихъ дней и гдѣ находился? преподобный отвѣчалъ ему, что былъ въ скиту Каракаллѣ, питался каштанами и укропомъ. Старець удивился.

Между тѣмъ дивный Серафимъ былъ избранъ протомъ горы, а вслѣдствіе сего, по правиламъ тогдашняго времени, послали его въ Валахію въ сопутствіи игуменовъ. Чтобъ и Діонисій имѣлъ своего рода послушаніе, общимъ совѣтомъ старческимъ положено рукоположить его въ пресвитера для служенія въ протатскомъ соборѣ, вмѣсто отправлявшагося Серафима. По возвращеніи же послѣдняго, оставаясь по прежнему съ нимъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, преподобный сталъ наконецъ проситься на безмолвіе для болѣе возвышенныхъ подвиговъ и постоянного молитвословія, что было съ давняго времени предметомъ пламеннаго его желанія. Серафимъ хотя и весьма желалъ удержать его при себѣ, для успокоенія своей старости, однакожъ не хотѣлъ стѣснять свободу его и подавлять въ немъ стремленіе къ безмолвію, и потому предоставилъ ему на волю идти куда хочетъ, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы онъ по временамъ приходилъ къ нему для взаимныхъ бесѣдъ о пользахъ души и о случающихся демонскихъ искушеніяхъ, особенно ратующихъ на мысль и сердце. Такимъ образомъ, получивъ старческое благословеніе на подвиги пустынной жизни, онъ началъ искать мѣста, которое бы имѣло всѣ условія для безмолвія. И Богъ указалъ ему желаемое мѣсто. Близъ скита Каракаллы нашелъ онъ глубокую и неудобопроходимую пустыню.

Погрузившись въ нее, онъ устроилъ себѣ тамъ тѣсную каливу, или шалашъ, и какъ труженически жилъ, одинъ только Богъ видѣлъ и вѣдалъ. Пищу его составляли каштаны, которыми Святая Гора изобилуетъ, и рѣдко когда вкушалъ обыкновенный хлѣбъ, въ сосѣдственныхъ кельяхъ, куда былъ иногда приглашаемъ для священнодѣйствія. Нестяжательность его была такова, что куда бы ни отправлялся онъ изъ своей пустыни, всегда оставлялъ дверь келліи незатворенною, потому что въ ней не было ничего, на что бы могла покуситься непріязненная рука татя. Впослѣдствіи устроилъ онъ при своей каливѣ небольшой храмъ въ честь Пресвятыя Троицы, при которомъ и оставался три года, ангельски славословя Бога день и ночь, и проходя безстрастно жизненный свой путь, вслѣдствіе чего и удостоивался божественныхъ откровеній. Наконецъ пожелалъ онъ видѣть и святыя мѣста, гдѣ Спаситель нашъ былъ распятъ, чтобъ тамъ созерцать событія жизни Христовой, и усладить свое сердце видѣніемъ самыхъ мѣстъ, гдѣ они совершились во спасеніе Адама всеродна падшаго. Такое желаніе конечно свойственно всѣмъ, кто пламенѣетъ серафимскою любовію ко Христу, — свойственно такъ же, какъ взаимно любящіе, за отсутствіемъ любимаго лица, желаютъ по крайней мѣрѣ имѣть предъ очами или одежду любимаго, или то, что входитъ въ составъ принадлежащихъ ему вещей. Итакъ, преподобный, оставивъ Святую Гору, отправился въ Іерусалимъ, гдѣ и поклонился всѣмъ святымъ мѣстамъ съ невыразимою радостію и веселіемъ духа. Іерусалимскій патріархъ тогдашняго времени, зная жизнь и чистоту преподобнаго, усиливался оставить его при себѣ, съ цѣлію избрать его преемникомъ своей каѳедры, какъ достойнаго принять жезлъ іерархическаго служенія: но преподобный ни подъ какимъ видомъ не согласился на такое предложеніе, извиняясь своими немощами, и смиренно отклонивъ отъ себя честь, которой удо-

стоиваль его святѣйшій, оный удалился на Святую Гору для обычныхъ подвиговъ въ невозмутимой тишинѣ пустынаго своего безмолвія. Здѣсь Господь за великіе подвиги уже осязаемо явилъ ему особенное свое о немъ промышленіе и отеческую попечительность, что ясно замѣтилъ преподобный при обновленіи и распространеніи своего храма. Въ то самое время, какъ онъ занимался перестройкою его, одинъ изъ знакомыхъ ему братій посѣтилъ его и видитъ, что два незнакомца содѣйствуютъ ему во всѣхъ его занятіяхъ. На вопросъ—кто они? преподобный отвѣчалъ посѣтителю, что онъ не видѣлъ и не видитъ при своихъ работахъ никого сторонняго. Между тѣмъ какъ такимъ образомъ они разговаривали,—незнакомцы исчезли будто молнія. Изъ этого преподобный заключилъ, что Богу пріятенъ трудъ его. Подобнымъ образомъ въ субботу сырной недѣли Богъ чудесно послалъ ему и брашна въ подкрѣпленіе тѣлесныхъ силъ для достойнаго совершенія четырехдесятидневнаго поста.

Не менѣе трогательно попеченіе Промысла и о сохраненіи жизни преподобнаго отъ разбойническаго на нее посягательства. Когда преподобный безмолвствовалъ въ пустыни, многіе изъ иноковъ Святой Горы обращались къ нему для совѣтовъ и назиданія, что видя, одинъ разбойникъ, въ той мысли, что проходящіе къ святому даютъ ему деньги, вознамѣрился убить его и похитить имущество. Однажды онъ тайно подкрался къ кельи преподобнаго и скрылся въ сосѣдственномъ потокѣ съ цѣлю, когда будетъ можно, исполнить гибельное свое намѣреніе: однакоже прождавъ весь день, не видѣлъ онъ Діонисія, тогда какъ навѣрное зналъ, что его не было дома, и что, возвращаясь, онъ непременно долженъ былъ проходить мимо его потокомъ. Чтобъ убѣдиться, точно ли преподобный возвратился, разбойникъ приходитъ къ кельи, и видитъ тамъ преподобнаго. Это удивило его. На вопросъ: какъ, когда и какимъ путемъ возвращался онъ въ свою келью?

преподобный отвѣчалъ, что возвратился обыкновеннымъ путемъ чрезъ потокъ. Пораженный страхомъ, разбойникъ палъ къ ногамъ святаго и, чистосердечно исповѣдавъ грѣхъ свой и посягательство на жизнь его, просилъ у него прощенія и ходатайства предъ Богомъ. Незлобивый старецъ простилъ разбойника, много говорилъ ему о покаяніи и, при содѣйствіи благодати Божіей довелъ его до того, что онъ тогда же далъ слово исправиться и, удалившись въ одинъ изъ монастырей, при Божіей помощи, сдѣлался добрымъ и искуснымъ монахомъ. А преподобный между тѣмъ, тронутый особеннымъ о немъ Промысломъ Божіимъ, въ теченіе семи лѣтъ неослабно подвизался въ своемъ безмолвіи, такъ что наконецъ слава добродѣтельной его жизни, по волѣ Божіей, вызвала его изъ пустыни; ибо братія Филоѳеевской обители, лишившись игумена, убѣдительно просили преподобнаго заступить его мѣсто, и быть для нихъ отцемъ и настоятелемъ. Смиранный Діонисій сначала отказывался отъ предлагаемаго достоинства, признавая себя слабымъ понести столь тяжкое бремя правленія, но впослѣдствіи узнавъ, что на то есть воля Господня, оставилъ свое безмолвіе ради спасенія братій, и вступилъ въ должность настоятеля Филоѳеевской обители, которая тогда состояла въ вѣдѣніи болгаръ. По принятіи правленія обителью, онъ прежде всего озаботился приведеніемъ ея въ порядокъ. А чтобы поддержать источникъ удовольствія, самъ лично отправился въ Константинополь для испрошенія милостыни, въ чемъ и помогъ ему Господь въ весьма удовлетворительной степени. Но такъ какъ среди пшеницы всегда бываютъ плевелы, то и въ числѣ братства Филоѳеевской обители нашлись иноки, которые, теряя изъ виду собственное благо, и пренебрегая обѣтами ангельскаго образа, начали роптать и жаловаться на преподобнаго Діонисія, поставляя ему въ вину измѣненіе нѣкоторыхъ обычаевъ прежней ихъ жизни и строгость правилъ въ отношеніи къ

церковной службѣ. Видя, что ропотъ этотъ не перестаетъ, — преподобный, свыкшійся съ безмолвіемъ и тишиною, а не съ смутами жизни, сложилъ съ себя званіе игумена и, въ сопутствіи нѣсколькихъ искренно преданныхъ ему братій, удалился въ Веррію, гдѣ и поселился въ скитѣ преподобнаго Антонія, состоявшаго въ то время только изъ 20 иноковъ. Здѣсь по прежнему проводилъ онъ жизнь въ неусыпныхъ трудахъ братскаго послушанія, и подавалъ собою примѣръ подвижническаго безстрастія и ангельской чистоты. Тамъ обновилъ онъ храмъ Предтечи, и для иноческаго своего общества составилъ правила, самъ исполняя въ виду всѣхъ то, чему училъ другихъ. Вслѣдствіе сего многіе изъ Верріи притекали къ нему и, внимая сладкимъ его бесѣдамъ, оставляли міръ и вручали себя мудрому его водительство на крестныхъ стезяхъ иноческаго труда.

Тогда какъ преподобный заботился не только о пользахъ собственнаго своего скита, но и о спасеніи мірянъ, нарочно для сего посѣщая селенія ихъ, и увѣщевая христіанъ къ добродѣтельной жизни, — епископъ Верріи отшелъ къ Господу. Сиротствующая паства, желая имѣть у себя пастыремъ преподобнаго, обратилась къ нему съ убѣдительною и настоятельною просьбою принять жезлъ іерархическаго правленія. Смиранный Діонисій сколько съ своей стороны ни отказывался отъ этого высокаго званія, считая себя недостойнымъ, — но просьбы не умолкали. Чтобъ избавиться отъ докучливости людей, онъ просилъ ихъ дать ему время на размышленіе и на узнаніе воли Божіей. Народъ успокоился; а между тѣмъ, при наступленіи ночи, преподобный скрылся. Такимъ образомъ кафедру веррійской церкви занялъ нѣкто аѳинянинъ именемъ Неофитъ, котораго впрочемъ чрезъ годъ лишили оной, какъ не оправдавшаго высокое свое достоинство жизнию. Чтобы снова не палъ жребій святительства на преподобнаго, и чтобъ избавиться молвы народной, преподобный

удалился на Олимпійскую Гору. Тамъ въ мѣстечкѣ, лежащемъ при подошвѣ горы, развѣдалъ онъ чрезъ одного изъ поселянъ о положеніи Олимпа и, узнавъ, что на Олимпѣ есть мѣста, чрезвычайно удобныя для иноческаго безмолвія, при его водительство и указаніи, достигъ горняго мѣста, гдѣ понынѣ существуетъ монастырь Святой Троицы, и видя живописное положеніе и красоты тамошней пустынной природы, исполнился радости и веселія, и сказалъ: остаюсь жить здѣсь на горѣ, потому что она имѣетъ всѣ удобства для уединенной жизни! Такимъ образомъ, питаясь подаяніемъ означеннаго селянина, преподобный погрузился въ пустыню и провелъ въ ней довольное время. Между тѣмъ молва скоро разнеслась по окрестностямъ Олимпійскихъ горъ о сокровенномъ подвижникѣ. Вслѣдствіе сего одинъ изъ иночествующихъ явился къ преподобному и просилъ позволенія остаться при немъ: а потомъ нашлись и другіе подражатели ихъ жизни, и такимъ образомъ общество избранныхъ умножилось до того, что преподобный поставленъ былъ въ необходимость выстроить кельи и церковь. Но тамъ не дремалъ и врагъ, гдѣ возникалъ иноческій ликъ для славословія Божія: нашлись люди, которые дали знать владѣтелю того мѣста, гдѣ поселился преподобный, по имени Сакку—агарянину, что въ предѣлахъ его владѣнія какой-то инокъ строитъ монастырь. Агарянинъ взбѣсился. Онъ тотчасъ явился въ Лариссу къ турецкому агѣ, въ вѣдѣніи коего состоялъ Олимпъ съ его окрестностями, и жалуюсь на своеволие иноковъ, требовалъ, чтобъ ихъ предали суду, а между тѣмъ возникающій монастырь, какъ начатый безъ его позволенія, уничтожили. Горько было преподобному, когда одинъ изъ преданныхъ ему, священникъ литохорійской деревни извѣстилъ его о начавшихся противъ него козняхъ. Чтобы дать мѣсто гнѣву, онъ, со слезами, удалился оттуда въ мѣсто, такъ называемое Загора, почти сосѣдственное Олимпу. Хотя и здѣсь нашелъ онъ не

менѣе удобствъ для безмолвной жизни, какъ и на Олимпѣ; хотя и въ этомъ мѣстѣ слава подвижнической жизни окружила его множествомъ собравшихся иноковъ: но Богъ призывалъ его на первое мѣсто къ Олимпу и своими судьбами устроилъ славное и торжественное туда возвращеніе слѣдующимъ образомъ. — Съ того самаго времени, какъ удалился преподобный съ Олимпа, вслѣдствіе непріязненныхъ противъ него дѣйствій агарянина, въ окрестностяхъ той горы сдѣлалась чрезвычайная засуха и бездождіе, такъ что жителямъ грозили голодъ и пагуба. Къ большей печали ихъ, нанеслась необычайная гроза, и градомъ выбило фруктовыя деревья, виноградники и нивы, и даже повредило самыя жилища. Громы раздражались съ необыкновенною силою, молніи сверкали ослѣпительно, поражая всѣхъ страхомъ и ужасомъ. Напрасно совершали молебствія и плакали: гнѣвъ Божій не утихалъ. Тогда всѣ поняли причину своихъ бѣдствій. Самъ агарянинъ, виновникъ изгнанія преподобнаго Діонисія и братства его, ужаснулся и затрепеталъ, когда объяснили ему христіане, что Богъ караетъ ихъ за святаго отшельника. Наконецъ онъ рѣшился послать отъ себя нарочныхъ, въ соупутствіи нѣсколькихъ христіанъ, съ просьбою къ преподобному, чтобы, не помня обидъ съ его стороны, онъ возвратился на Олимпъ и продолжалъ тамъ уединенную свою жизнь. Незлобивый старецъ былъ тронутъ смиреніемъ своего врага, и снова погрузился въ невозмутимую тишину олимпійскихъ своихъ пустынь. Съ того времени подвижническая жизнь преподобнаго Діонисія текла спокойно. Чтобъ чаще имѣть въ своей памяти святаго Іерусалимскія мѣста, онъ и на Олимпѣ одинъ изъ возвышенныхъ холмовъ назвалъ Елеонскою горою; одно мѣсто — Голгоѳою, а другое — Виѳанією, куда и удалялся для совершеннаго безмолвія и тайныхъ молитвъ. Между тѣмъ преподобный положилъ себѣ за правило подниматься на вершину Олимпа два раза въ годъ для совер-

шенія литургіи, а именно 20-го іюля и 6-го августа, когда мы празднуемъ преображеніе Христа Спасителя. Тамъ построилъ онъ и храмъ во имя пророка Іліи, куда монахи ежегодно въ день его памяти, т. е. 20-го іюля, ходятъ и донынѣ. За такимъ образомъ ангелоподобной его жизни, слава слѣдовала какъ тѣнь за тѣломъ; а потому братство его до того умножилось, что онъ долженъ былъ устроить для него обитель, что и исполнилъ, самъ трудясь наравнѣ съ рабочими, и питаясь только овощами. — Теперь время сказать и о нѣкоторыхъ изъ чудесъ его.

По удаленіи Діонисія изъ обители, принадлежащее ей мѣсто, весьма полезное и въ томъ отношеніи, что тамъ находилась пещера, съ живительнымъ источникомъ воды, занялъ пастухъ, устроилъ свой шалашъ и скотный дворъ. Ученики преподобнаго напрасно просили его удалиться: пастухъ и слышать не хотѣлъ. Наконецъ преподобный возвратился и, узнавъ объ этомъ насиліи, кротко убѣждалъ пастуха оставить обитель въ покоѣ и не отнимать достоянія иноческаго: но тотъ, вмѣсто повиновенія, досаждалъ старцу и знать его не хотѣлъ. Тогда преподобный присовокупилъ: если есть воля Божія жить здѣсь инокамъ, то ты увидишь это... И несчастный пастухъ увидѣлъ слѣдствія своего безразсудства. Въ тотъ же день, когда стада его разсыпались на пустынныхъ пажитяхъ вокругъ монастыря, отъ скалы отторгся огромный камень, и передавилъ значительную часть овецъ. Мало того: въ стадахъ пастуха день отъ дня умножался падежъ, такъ что въ короткое время онъ лишился всѣхъ стадъ, и самъ впалъ въ тяжкій недугъ, отъ котораго никакія обыкновенныя средства не могли возставить его. Когда о его несчастіи узнали сосѣди, и вывѣдали о причинахъ недуга, — посоветовали ему обратиться къ преподобному, и просить у него прощенія и исцѣленія. Больной такъ и сдѣлалъ. Преподобный, тронутый страдальческимъ его поло-

женіемъ, благословилъ его и, въ теченіе седмицы питая братскою трапезою, совершенно возвратилъ ему здравіе.

Въ другой разъ преподобному случилось быть въ мѣстечкѣ называемомъ Турія, для исповѣди тамошнихъ христіанъ, такъ какъ они питали чувство особеннаго благоговѣнія и преданности къ нему. Въ числѣ ихъ былъ одинъ отъявленный и давній врагъ сего божественнаго таинства, не только, не исполнявшій никогда этого христіанскаго долга, но и насмѣхавшійся надъ всѣми, кто исполненіе его считалъ необходимымъ условіемъ къ очищенію себя отъ сквернъ грѣховныхъ. Узнавъ объ этомъ несчастномъ, преподобный просилъ, чтобъ убѣдили его придти къ нему для бесѣды. Несчастный послушался. Но вмѣсто того, чтобъ принять съ убѣжденіемъ наставленіе святаго старца вразсужденіи таинства исповѣди, онъ началъ отвергать предъ нимъ силу исповѣди; такъ что преподобный, сильно огорченный демонскимъ его вольномысліемъ, строго изрекъ слова святаго апостола Павла: такъ какъ ты развращаешь правые пути Господни и издѣваешься надъ словами моими, и надъ заповѣдями Христовыми, несчастный,—то вотъ рука Господня на тебѣ и гнѣвъ безъ милости на домѣ твоёмъ. Пусть чрезъ тебя уцѣломудрятся и другіе! Съ этими словами преподобный оставилъ несчастнаго и удалился въ свою пустыню. Судъ Божій не замедлилъ. Едва только удалился преподобный, беззаконникъ впалъ со всѣмъ домомъ своимъ въ недугъ, отъ котораго умерло его семейство, а самъ онъ остался въ жалкомъ и страдальческомъ положеніи. Тогда нѣкоторые изъ сродниковъ его возвѣстили о немъ святому, и убѣдительно просили его придти и оказать помощь несчастному. Сострадательный старецъ не отрекся: онъ отправился въ селеніе, но прежде нежели прибылъ къ больному,—этотъ несчастный испустилъ духъ безъ христіанскаго напутствія. Преподобный горько жалѣлъ о такомъ событіи. Подобное сему случилось и въ селеніи свя-

той Екатерины. Входя однажды туда, преподобный видит безчинныя игры и хороводы дѣвиць съ юношами. Сильно огорченный столь явными соблазнами и сатанинскимъ торжествомъ разврата, блаженный приближается къ толпѣ дѣвиць и кротко говоритъ имъ: для чего вы, будучи дѣвицами, такъ безстыдно играете съ юношами, поете соблазнительныя пѣсни, возбуждающія сладострастіе и въ васъ, и въ нихъ, и забываете, что смерть и судъ Божій близокъ къ вамъ. Дѣвицы смутились и молчали, кромѣ одной, которая, отличаясь отъ другихъ особеннымъ безстыдствомъ, отвѣчала насмѣшливо: «Ахъ, вы лжемонахи! что тебѣ за нужда до насъ? знай себя. Сами-то живете вы дурно, а другихъ учите цѣломудрію». — Благословенъ Богъ, устрояющій все на пользу! строго произнесъ тогда старецъ. Чтобъ и другіе научились скромности, — ты будешь примѣромъ того, какъ грозно караетъ Господь дѣвическое безстыдство. Сказавъ это, онъ удалился. Вслѣдъ за этимъ, на несчастную дѣвицу, прежде чѣмъ дошла она до дома отца своего, вдругъ напалъ бѣсъ: испуская пѣну, она билась о землю и была въ самомъ жалкомъ положеніи. Пораженные такою нечаянностію родители ея не знали, что съ нею происходитъ. Тогда одна изъ подругъ несчастной, бывшая свидѣтельницею ея безстыдства предъ святымъ старцемъ, рассказала имъ о случившемся. Вслѣдствіе сего они отыскиали преподобнаго, и припадая къ стопамъ его, смиренно просили за свою несчастную дочь. Незлобивый старецъ былъ тронутъ слезами ихъ и помолившись исцѣлилъ бѣсновавшуюся; а она въ благодарность Господу Богу за такое милосердіе, посвятила Ему свое дѣвство, и кончила жизнь въ покаяніи.

Монахъ въ Верріи, знавшій нѣсколько грамоту, случайно увидѣлъ гадательную книгу, и съ любопытствомъ разбирая тайны сатанинскаго гаданія, невольно увлекся вѣрою къ нимъ. Это не прошло ему даромъ: въ слѣдующую ночь онъ

увидѣлъ предъ собою эѳіопа исполинскаго роста, который говорилъ: «ты меня призывалъ, и вотъ я. Что тебѣ угодно — все исполню, только поклонись мнѣ». Господу Богу моему поклоняюсь и тому единому служу, отвѣчалъ инокъ, угадывая, кто такой—эѳіопъ. — «Такъ ты не кланяешься мнѣ? для чего же и призывалъ меня, позволяя себѣ чтеніе гадательныхъ моихъ тайнъ?» Съ этимъ словомъ сатана далъ сильную пощечину иноку и исчезъ. Чувство боли и страха пробудило инока: щека его распухла и почернѣла такъ, что страшно было посмотрѣть на нее. Съ каждымъ днемъ боль усиливалась и безобразила инока;—отъ опухоли наконецъ не видно было и глазъ. Освѣдомившись о причинѣ столь странной болѣзни, знакомые инока дали знать объ этомъ преподобному Діонисію, который тотчасъ явился и, по совершеніи молитвы къ Богу и Божіей Матери, помазалъ елеемъ больное мѣсто. Инокъ тотчасъ исцѣлѣлъ и прославилъ Бога.

Одна старушка—вдова впала въ болѣзнь, и изъявила преподобному желаніе облечься предъ смертію, которой чаяла, въ ангельскій образъ: не бойся, старица, отвѣчалъ ей божественный Діонисій,—но принятіи образа иноческаго, ты будешь жить еще 12 лѣтъ. Такъ и было, какъ предсказалъ боговдохновенный старецъ. Другая женщина имѣла у себя единственнаго сына, который, по чувству особеннаго сердечнаго влеченія, удалился на Олимпъ, и тамъ отъ преподобнаго принялъ постриженіе, а потомъ, желая видѣть свою мать, съ благословенія старческаго явился къ ней. Образъ иночeskій, который принялъ юноша отъ руки преподобнаго, сильно смутилъ несчастную. Въ порывѣ сердечнаго негодованія на поступокъ сына, она схватила съ него камилавку и, попирая ее ногами, требовала, чтобъ сынъ ея, по прежнему одѣлся въ мірскія одежды. Бѣдный сынъ повиновался. Черезъ нѣсколько дней послѣ сего пришелъ въ то селеніе святой: въ числѣ прочихъ подошла къ нему и та жена, и приблизилась поцѣло-

вать руку его.— Не приближайся ко мнѣ, несчастная, дерзновенно поправшая ангельскій образъ: надѣясь имѣть сына помощникомъ въ старости своей, строго сказалъ ей старецъ, ты увидишь, что завтра умретъ онъ злою смертію; наслаждайся же слѣдствіями твоего безразсудства и дерзости! И дѣйствительно, на другой день сынъ ея оборвался съ высокаго дерева и, по предсказанію преподобнаго, испустилъ духъ. Другая старица, изъ деревни Платарійской, по имени Егина, увидѣвши святаго, сказала ему: не могу болѣе работать по старости моей и пропитывать себя, попроси Господа, чтобы Онъ упокоилъ меня. — Не скорби, отвѣчалъ преподобный: ты сегодня умрешь. Вотъ тебѣ три сребреника на погребеніе. Такъ и случилось. Старица внезапно занемогла и, передавши слова преподобнаго собравшимся къ ней сосѣдямъ, мирно вздохнула въ послѣдній разъ.

Но наконецъ такъ много чудодѣйствовавшей и имѣвшей даръ предвѣдѣнія, много пострадавшей отъ злыхъ людей, особенно отъ агарянъ, божественный Діонисій, и самъ приблизился къ исходу своему отъ времени въ вѣчность, отъ земли—въ обители Отца небеснаго. Находясь въ монастырѣ Димитріадскомъ, когда братія читали полунощницу, преподобный, совершенно уже изнемогшій въ силахъ, присѣлъ немного отдохнуть. (Это было въ январѣ). По окончаніи полунощницы, служащій іеромонахъ подошелъ къ преподобному и, полагая, что онъ погрузился въ сонъ, тихонько тронулъ его. Болѣзненный старецъ не далъ отвѣта; а тотъ снова прикоснулся къ нему и почувствовалъ, что тѣло его безжизненно, и только слабое дыханіе проявляло еще не отлѣтѣвшую душу его. Пока окружавшіе заботились о предсмертномъ положеніи старца, онъ вдругъ произнесъ: слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ! Благодарю Тебя, Владычица, за Твою милость. На вопросъ братіи: какъ онъ чувствуетъ себя? святой Діонисій слабымъ голосомъ сказалъ, что душа его была

уже внѣ тѣла, и онъ готовъ былъ явиться къ Богу; но, чувствуя еще необходимость въ покаяніи, просилъ Владычицу— дать миѣ на то время, и—вотъ молитва моя услышана. Ведите же меня на Олимпъ, потому что тамъ долженъ я умереть. Желаніе его было исполнено. Впрочемъ онъ не хотѣлъ окончить послѣдніе дни свои въ устроенной имъ киновіи, а просилъ проводить его на Голгоескую скалу, устроенную имъ въ память палестинской Голгоѣы, и тамъ собравшимся братіямъ объявилъ, что время его отшествія къ Богу уже наступило. Плачъ и слезы иноковъ о разлукѣ съ нимъ, сильно потрясли старческое сердце. Передавъ имъ въ прощальной своей бесѣдѣ необходимыя условія къ достиженію царствія Божія, святой Діонисій распустилъ братію, и оставилъ при себѣ только двухъ учениковъ. Черезъ три дня послѣ сего онъ удалился въ свой олимпійскій Елеонъ, чрезвычайно безмолвный и пустынный; но скончался въ низменной своей пещерѣ, близъ киновіи, гдѣ первоначально жилъ по прибытіи на Олимпъ. Чрезвычайно трогателенъ послѣдній предсмертный завѣтъ преподобнаго къ братіи. — Живите по уставу Святой Горы, говорилъ умирающій старецъ, и подвизайтесь по возможности и силамъ, и Господь не оставитъ васъ. Питайте другъ къ другу любовь, лобызайте странническую жизнь, смиреніе, молчаніе, молитву;—посты, преданные намъ святыми отцами, храните строго, всего же болѣе берегитесь демонскаго самочинія и непокорности: самочиніе горше всего! Кто въ киновіи будетъ имѣть какую нибудь собственность — деньги или одежды, такового изгоняйте, какъ нечистую овцу, могущую заразить и прочихъ. Какъ можно чаще исповѣдуйте свои помыслы, зная, что кто скрываетъ ихъ отъ духовника, тотъ позволяетъ гнѣздиться въ душѣ своей демонамъ. Если случится между кѣмъ неприязнь, — примиряйтесь прежде захожденія солнца, какъ повелѣваетъ Господь. Берегитесь праздности. Кто можетъ, и не рабо-

таеть, того, по заповѣди Апостола (2 Сол. 3, 10), *не слѣдуетъ допускать къ трапезѣ*, а кто имѣеть надобность идти изъ монастыря, тотъ пусть сказываетъ о томъ игумену. Если позволить онъ, хорошо; а кто уйдетъ тайно, на его душѣ грѣхъ, и онъ самъ виновенъ въ своей гибели. Изнемогающаго терпите и исправляйте, какъ свой собственный членъ; сходокъ по кельямъ — да избавить Богъ, а особенно да не входитъ никто въ связь съ молодыми. Вѣнецъ же всего — любовь къ Богу. Если исполните заветъ мой, — милостивъ Богъ: наградою за то будетъ царствіе Его. Если удостоюсь дерзновенія предъ Богомъ, и я съ своей стороны не оставлю васъ. А это узнаете изъ того, если со многими трудами и потомъ устроенные мною монастыри придутъ въ совершенство. Видя сіе, знайте, что я получилъ дерзновеніе предъ Богомъ ходатайствовать о васъ. Въ заключеніе онъ помоллся о своихъ духовныхъ чадахъ, благословилъ ихъ и вслѣдъ за тѣмъ чрезъ нѣсколько дней, а именно 24 января, мирно отшелъ ко Господу. Святое тѣло его было погребено въ церковномъ притворѣ, устроенномъ собственными его руками: а впоследствии, чрезъ нѣсколько лѣтъ, оно было открыто. Неизъяснимое благоуханіе понынѣ остается явнымъ свидѣтельствомъ благодатнаго проявленія славы, вѣнецъ которой въ свѣтлости святыхъ преподобный Діонисій пріялъ отъ десницы Бога, прославляющаго славящихъ Его. Аминь.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО
ТЕОФИЛА МИРОТОЧИВАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮЛЯ 3-ГО.

Нреподобный Теофилъ, по значенію имени своего, другъ Божій (*φίλος Θεοῦ*), родился въ мѣстечкѣ Зики (*Ζύχρα*), находящемся въ Македоніи, отъ родителей благочестивыхъ и добродѣтельныхъ, и потому воспитаніе получилъ истинно христіанское. Когда пришелъ онъ въ возрастъ, отдали его для начального образованія въ училище, а потомъ онъ посвятилъ себя и высшимъ наукамъ. При врожденныхъ способностяхъ ума, онъ въ короткое время кончилъ внѣшнее свое образованіе; но при успѣхахъ внѣшняго любомудрія, старался особенно объ образованіи сердца въ правилахъ строгой христіанской нравственности: любимымъ его занятіемъ было, избѣгая бесѣдъ юношескихъ, чаще всего безчинныхъ, входить въ общеніе съ старцами и добродѣтельными мужами.

¹ Изъ рукописи Пантократорской келліи святаго Василія.

Къ тому же бѣольшую часть времени посвящалъ онъ чтенію божественныхъ писаній, по заповѣди премудраго Сираха, который говоритъ: *съ разумливыми буди размышленіе твое и вся повѣсть твоя въ законъ Вышняго* (9, 20). Слѣдствіемъ этого было то, что благочестивый юноша, преуспѣвая въ различныхъ подвигахъ добродѣтели, былъ, по слову святаго Давида, *какъ древо при источникахъ водъ, дающее во время плодъ свой* (Псал. 1, 3). Чтеніе божественнаго Писанія и житій святыхъ и благочестивыхъ мужей, невольнымъ образомъ располагало его къ сильному подражанію имъ: такъ Аврааму подражалъ онъ въ страннопріимствѣ, прекрасному Іосифу въ цѣломудріи, Іову въ терпѣніи и мужествѣ, Моисею и Давиду въ кротости, и прочимъ праведникамъ въ различныхъ подвигахъ. А это самое обратило на него общее вниманіе: такъ что наконецъ, какъ образецъ добродѣтельной жизни, былъ онъ возведенъ на степень священства. Съ того времени обходилъ онъ разныя мѣста, назидая христіанъ словомъ и примѣромъ своей жизни; внослѣдствіи же и самъ, для назиданія душевнаго, прилѣпился къ епископу рандинійскому Акакію, и остался при немъ. Этотъ епископъ рукоположенъ былъ въ сей санъ патріархомъ константинопольскимъ Нифонтомъ, и былъ самымъ искреннимъ его другомъ. Въ то время святѣйшимъ патріархомъ Нифонтомъ получены были изъ Мѣсѣри письма, въ коихъ извѣщали его о великихъ преславныхъ чудесахъ, явленныхъ Богомъ чрезъ тогдашняго святаго патріарха александрійскаго Іоакима въ постыжденіе и посрамленіе богоубійственнаго еврейскаго рода, въ похвалу же и утвержденіе православной и истинной нашей вѣры и всѣхъ насъ христіанъ. Чудеса были слѣдующія:

Въ Египтѣ свирѣпствовала ужасная чума: этою смертною язвою поражены были Мисиръ и его окрестности. Одинъ изъ еврейскихъ врачей, отъявленный врагъ христіанъ, распус-

тиль всюду между турками молву, что виною постигшаго ихъ несчастія — христіане; ибо христіане, объясняль имъ еврей, пускають въ воду крестъ, что и сдѣлалось причиною настоящей смертной болѣзни. Эта клевета на христіанъ распространилась всюду, такъ что наконецъ сдѣлалась вѣдомою и египетскому султану. Хотя султанъ былъ и мусульманинъ, но весьма любилъ и почиталъ святаго патріарха, сколько за добродѣтель его, столько за мудрость и благоразуміе, а потому донесеніе враговъ креста Христова на христіанъ оставилъ безъ вниманія. Окаянный еврей, видя, что не достигъ цѣли такою клеветою, вымыслилъ на христіанъ новый ковъ. Верховный визирь былъ природный еврей. Этого-то любимца царева еврей-врачъ избралъ орудіемъ своей злобы противъ христіанъ. Визирь успѣлъ довести султана до того, что тотъ, не смотря на свое уваженіе къ патріарху, потребовалъ его въ Диванъ для личныхъ объясненій въ взводимой на христіанъ клеветѣ. Патріархъ явился на судъ. Султанъ сначала велъ съ нимъ длинную бесѣду о вѣрѣ, и наконецъ видя, что онъ съ сильнымъ убѣжденіемъ и ясными доказательствами оправдалъ вѣру христіанскую, и уничижилъ исламизмъ, приказалъ ему, въ оправданіе евангельскихъ словъ, переставить съ мѣста гору, сосѣдственную Мисиру. Святѣйшій патріархъ не поколебался въ духѣ вѣры. Испросивъ нѣсколько дней для молитвы, онъ съ вѣрными христіанами постомъ, бдѣніемъ и молитвами умилоствлялъ Господа, и просилъ, да не посрамитъ ихъ въ виду невѣрныхъ и да не похулится ими святое имя Его. Въ назначенное время, при стеченіи множества народа, патріархъ во имя Христова сказалъ горѣ, чтобъ она двинулась съ своего мѣста и перешла на другое: гора сотряслась въ основаніи и оставила свое мѣсто. Остановленная наконецъ тѣмъ же именемъ Христовымъ, она и понынѣ называется по-турецки: дуръ - даго, станъ гора. Это чудо поразило нечестивыхъ. Не зная, чѣмъ поколебать

силу Христовой вѣры, враги ея приготовили смертоносный ядъ и убѣдили царя, чтобы повелѣлъ онъ патриарху выпить его, ибо Христось, говорили они, сказалъ въ Евангеліи, *аще что и смертно испіютъ, не вредитъ имъ* (Марк. 16, 18). Султанъ и это принялъ, и приказалъ подать патриарху ядъ. Полный вѣры въ силу креста Христова, патриархъ осѣнилъ смертную чашу крестомъ и выпилъ поданное. Напрасно ожидали, что онъ тотчасъ умретъ: патриархъ остался совершенно невредимъ. Послѣ сего, ополоскавши стаканъ водою, онъ просилъ, чтобъ выпилъ ее еврей: отказаться было нельзя, потому что самъ султанъ того требовалъ. Итакъ, онъ выпилъ воду, и въ тожъ мгновеніе умеръ. Пораженный такими чудесами, султанъ приказалъ обезглавить визиря, а на прочихъ евреевъ наложилъ пеню, чтобы на ихъ иждивеніе были сдѣланы водопроводы отъ Нила внутрь Мисира, а святаго патриарха превознесъ почестями ¹. Когда о сихъ дивныхъ событіяхъ узналъ, изъ писемъ, патриархъ Нифонтъ въ Константинополѣ, тотчасъ послалъ въ Александрію епископа рандинійскаго киръ Акакія, о которомъ говорено было выше, съ преподобнымъ Теофиломъ и другими, чтобъ они узнали подробно и удостовѣрились собственными очами въ томъ, что случилось. При этомъ святой Нифонтъ писалъ александрійскому патриарху Іоакиму, благодаря Господа, что Онъ услышалъ молитву его и совершилъ чрезъ него такія чудеса на славу и величіе рода христіанскаго, и потомъ просилъ благосклонно принять посланныхъ отъ него людей. Итакъ, они немедленно отправились въ Александрію и были приняты съ великою радостію и благосклонностію святѣйшимъ патриархомъ, который удержалъ ихъ у себя довольное время. Преподобный Теофилъ, своею добродѣтелію и образованіемъ, об-

---

¹ Объ этомъ событіи упоминаетъ и нашъ путешественникъ Трифонъ Коробейниковъ, бывшій на Востокъ въ 1583 году. См. его Путешествіе. Спб. 1841, стр. 44—48.

ратилъ на себя особенное его вниманіе. Изъ Александріи съ епископомъ Акакіемъ и прочими отправился онъ на Синайскую Гору, а оттуда, чрезъ пустыни, во святой градъ Іерусалимъ. Тамъ поклонились они живопріемному гробу Господа нашего Іисуса Христа и прочимъ святымъ мѣстамъ, поѣхали на Оаворскую гору, Дамаскъ. Здѣсь встрѣтили они патріарха антїохійскаго, отъ котораго вручены были имъ письма къ патріарху константинопольскому. Изъ Дамаска возвратились они опять въ Іерусалимъ, гдѣ епископъ Акакій заболѣлъ и скончался. По смерти Акакія, напутствуемые благословеніемъ патріарха іерусалимскаго, съ письмами для доставленія патріарху константинопольскому, возвратились они въ Константинополь, и представились тогдашнему святѣйшему патріарху Пахомію, бывшему митрополиту сихнійскому, потому что святой патріархъ Нифонтъ, пославшій ихъ съ этими порученіями, въ продолженіе ихъ странствованія оставилъ кафедру. Патріархъ Пахомій принялъ ихъ честно и благословилъ труды, подъятыя ими въ путешествіи; въ святомъ же Теофилѣ усмотрѣвъ мужа добродѣтельнаго и ученаго, удержалъ его при себѣ, и поручилъ ему письменныя дѣла патріархіи, съ должностію нотарія и экзарха великой Церкви. Теофилъ несъ эти обязанности довольно долго и уважаемъ былъ всѣми за его добродѣтели. Но видя и чувствуя, что при довольствѣ внѣшней жизни и при оказываемомъ ему уваженіи, нѣтъ, или мало существенной пищи для духа, онъ оставилъ свою должность и удалился на Святую Гору, въ монастырь Ватопедскій.

Чтобы безъ старческаго руководства въ жизни иноческой, при мудрованіяхъ собственнаго сердца, не впасть въ заблужденіе и прелесть, онъ ввѣрилъ себя находившемуся въ то время на покоѣ въ Ватопедской обители епископу, и безусловно подчинилъ ему свою волю, исполняя всякаго рода послушанія, и каждодневно принося Господу Богу безкров-

ную жертву. А когда отшелъ ко Господу старецъ-епископъ, преподобный Теофилъ удалился въ обитель Иверскую, съ цѣлю и тамъ найти образцы подражанія. Такъ онъ учился у одного совершенному послушанію, у другаго смиренію, отъ иного любви къ Богу и ближнему, кротости и долготерпѣнію. Вслѣдствіе сего Теофилъ сдѣлался сосудомъ избраннымъ Святаго Духа и образцомъ иноческихъ добродѣтелей. Между тѣмъ, по порученію обители, какъ краснописецъ, онъ келейнымъ занятіемъ имѣлъ для себя переписку книгъ, обветшавшихъ отъ долговременности. Изъ числа сихъ книгъ многія въ бібліотекѣ монастыря Иверскаго хранятся и донинѣ. И такъ какъ, по слову Господню, *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Матѣ. 5, 14), то и преподобный Теофилъ сдѣлался славенъ своею добродѣтельною жизнію не только во Святой Горѣ, но и въ окрестныхъ дальнихъ мѣстахъ; такъ что Солунь, лишившійся въ то время архипастыря, усиленно старался убѣдить святаго Теофила къ принятію архіерейскаго достоинства. Но смиренномудрый Теофилъ и слышать не хотѣлъ о томъ. Между тѣмъ случилось тогда быть въ Тессалоникѣ патриарху константинопольскому Теолипту: тессалоникійцы обратились къ нему съ прошеніемъ о дарованіи имъ въ архипастыря аѳонскаго отшельника Теофила. Святый патриархъ, съ своей стороны, принялъ въ нихъ участіе и писалъ собственноручное письмо Теофилу (ибо прежде былъ очень друженъ съ святымъ Теофиломъ, какъ его соотечественникъ), прося его идти въ Тессалоникъ для свиданія, и ни слова не упоминая о прошеніи солунянъ.

Преподобный понялъ, съ какою цѣлю приглашаетъ его святыи патриархъ въ Тессалоникъ, и потому, чтобъ уклониться отъ столь высокаго достоинства и избѣжать чрезъ то временной славы и почитанія, немедленно принялъ великую схиму; святому же патриарху отвѣчалъ, что тяжкая болѣзнь заставила его принять великую схиму, и отказаться отъ слу-

женія священническаго, — и что, по причинѣ болѣзни, онъ ни подь какимъ видомъ не можетъ прибыть, по требованію его, въ Солунь. Такимъ образомъ, извиняясь въ невозможности свиданія съ святымъ патріархомъ здѣсь, онъ просилъ у него прощенія и молитвъ, и присовокупилъ, что, по благодати Господней, увидится съ нимъ въ царствіи небесномъ. Такой отвѣтъ, съ одной стороны, опечалилъ святаго патріарха, а съ другой обрадовалъ, что Теофилъ такъ преуспѣваетъ въ истинномъ смиреніи и иноческихъ подвигахъ.

Близъ обители Иверской уединенно подвизался тогда игумень, именемъ Діонисій. Любя безмолвіе и преподобный Теофилъ, съ позволенія игумена и братіи, построилъ малую келью вблизи игумена Діонисія, и дѣлилъ съ нимъ труды глубокаго отшельничества, назидаясь примѣромъ высокой его жизни и мудрыми его бесѣдами. Взаимность любви ихъ была такъ тѣсна, что, казалось, жила въ нихъ одна душа. Въ это время прославился подвижническою жизнію нѣкто, жившій на Кареѣ Кириллъ. Чтобъ получить и отъ него душевную пользу, и подражать его жизни, святой Теофилъ оставилъ свое безмолвіе и перешелъ на Карею, къ Кириллу. Когда находился у него преподобный, часто приходилъ къ нимъ для служенія литургіи протъ Святой Горы, старецъ Серафимъ, бывшій духовникомъ Кирилла. Протъ обратилъ вниманіе на Теофила, возлюбилъ его за святую жизнь, и съ той поры, даже до смерти, Теофилъ и протъ остались искренними между собою друзьями. Но недолго оставался божественный Теофилъ на Кареѣ. Сильное желаніе безмолвія увлекло его въ предѣлы Пантократора, въ келью святаго Василія, имѣвшую всѣ условія глубокаго уединенія и невозмутимой тишины безмолвія. Келья требовала поправокъ, а святой Теофилъ ни внести за нее монастырю условленную цѣну, ни обновить ее не могъ, не имѣя у себя ни лепты: въ такой степени онъ усвоилъ себѣ иноческую нестяжательность. Протъ, ста-

рецъ Серафимъ, помогъ ему въ этой крайности. Такимъ образомъ святой Теофилъ погрузился въ пустыню на безмолвіе, имѣя сподвижникомъ одного брата Исаака. Такое удаленіе святаго Теофила отъ всѣхъ, сильно подѣйствовало на прота. Устроивъ вокругъ протатскаго собора галерею, воздвигнувъ колокольню и расписавъ внутренность собора, онъ испросилъ себѣ у старцевъ Святой Горы увольненіе отъ должности прота, и удалился на пустынный покой, гдѣ вмѣстѣ съ святымъ Теофиломъ постоянно упражнялся въ чтеніи священнаго Писанія и святыхъ отцевъ, извлекая оттуда существенную и безсмертную пищу для безсмертнаго духа. Исключительнымъ же подвигомъ преподобнаго Теофила было такъ называемое святыми отцами умное дѣланіе или храненіе ума непрестанною сердечною молитвою Иисусовою, то-есть: Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя. По слову святаго Каллиста, есть два рода иноческаго дѣланія: одно—для укрощенія страстей—и состоитъ въ постѣ, бдѣніи, колѣнопреклоненіяхъ и прочихъ подвигахъ внѣшнихъ; а другое — для очищенія ума и сердца отъ нечистыхъ мыслей, что совершается строгимъ вниманіемъ, съ непрестанною молитвою сердечною къ Господу Иисусу, творимою втайнѣ, и съ болѣзненнымъ чувствомъ и страдательнымъ воплемъ души, какъ учатъ божественные отцы. Умнымъ симъ дѣланіемъ и священою молитвою, плачемъ и слезами, раждающимися отъ сей молитвы, онъ очистилъ сердце свое отъ страстей и нечистыхъ помысловъ и, низложивши демоновъ вконецъ, сдѣлался чистымъ и избраннымъ жилищемъ Святаго Духа. И такъ какъ, по словамъ святаго Діонисія Ареопагита, божественная любовь не видитъ и не знаетъ ничего, кромѣ своего предмета, — преподобный Теофилъ, пламенѣя любовію къ Богу, ни о чемъ иномъ не думалъ, кромѣ Иисуса: Иисусъ былъ дыханіемъ его; Иисусъ былъ жизнію его; Иисусъ былъ всегда въ сердцѣ его. Теофилъ, подобно святому Павлу апостолу,

не жилъ болѣе, но Христосъ жилъ въ немъ; а потому, подобно святому Павлу, удостоился онъ божественныхъ даровъ Святаго Духа, предвидѣлъ будущее, зналъ тайны сердечныя и помышленія человѣческія, *достигъ въ мужа совершенна и въ мѣру возраста исполненія Христова*, какъ говоритъ святой Апостолъ (Ефес. 4, 23).

Наконецъ, будучи исполненъ дней, святой предузналъ смерть свою, и началъ готовиться къ исходу въ вѣчность. Между прочимъ написалъ онъ исповѣданіе вѣры и завѣщаніе духовное, а предъ смертію пожелалъ, чтобъ совершили надъ нимъ таинство елеосвященія. Это было въ пятокъ. Простившись со всѣми, въ субботу пріобщился онъ въ храмъ пречистыхъ таинъ Христовыхъ въ чувствѣ благодаренія Богу о всемъ, и наконецъ призвалъ ученика своего Исаака для объявленія ему послѣдней воли своей. Смиранный въ теченіе всей своей жизни, святой Теофилъ и по смерти не хотѣлъ почитанія человѣческаго: онъ далъ Исааку заповѣдь, чтобъ не было объявляемо о смерти его, когда предастъ онъ духъ свой Богу; чтобъ не призывались іереи для совершенія надъ нимъ обычнаго погребенія, но чтобы Исаакъ оцѣпилъ ноги его вервю, и выбросилъ тѣло по возможности. Объявивъ такимъ образомъ послѣднюю волю ученику своему, преподобный Теофилъ распростерся на одрѣ: Господи Іисусе Христе! прими духъ мой, произнесъ онъ, и почилъ сномъ преподобнической смерти, въ лѣто отъ Рождества Христова 1548 года, іюля 8, въ воскресный день прежде восхожденія солнца.

Послушный ученикъ его Исаакъ въ точности выполнилъ заповѣди святаго: привязавши къ ногамъ его вервь, онъ увлекъ мощи его въ лѣсъ. По всей Святой Горѣ разнесся слухъ о смерти преподобнаго; стеченіе монаховъ, особенно знакомыхъ и друзей преподобнаго, было большое: всѣ желали видѣть и поклониться могилѣ его, и при ней принять

благословеніе усопшаго. Чтобъ не лишить сего приходящихъ, ученикъ его показалъ имъ взрытое мѣсто, гдѣ будто бы погребенъ преподобный. Но монахи Иверской обители и Пантократора сомнѣвались въ мѣстѣ погребенія святаго по какому-то тайному чувству, которое и не обмануло ихъ; потомъ иноки обрѣли въ лѣсу святые мощи Теофила, взяли ихъ и хранили у себя въ глубокой отъ другихъ тайнѣ.

По истеченіи 40 дней приходитъ Исаакъ въ лощину видѣть мощи и, къ изумленію, не находитъ ихъ. По долгомъ испытаніи, наконецъ онъ узналъ, что мощи находятся въ Пантократорской обители. Является туда и проситъ старцевъ, чтобъ они отдали ему останки его отца, какъ его собственность, но панкраторцы и слышать не хотѣли объ этомъ. Такимъ образомъ протекло довольно времени. Къ утѣшенію Исаака, посѣтилъ тогда Святую Гору Макарій, епископъ Ериссы. Исаакъ обратился къ нему съ жалобою на обитель Пантократорскую, и просилъ принять съ своей стороны участіе въ этомъ дѣлѣ. Макарій не замедлилъ. Пригласивъ афонскихъ игуменовъ, прибылъ онъ въ Пантократоръ, отдѣлилъ для сей обители отъ мощей святаго Теофила руку, а прочія части предоставилъ ученику. Тогда перенесли ихъ торжественно изъ Панкратора въ келейную церковь святаго Василія, гдѣ безмолвствовалъ преподобный, и съ того времени начали они источать благовонное миро во свидѣтельство богоугодной его жизни.

Такова жизнь преподобнаго отца нашего Теофила муроточиваго; такъ онъ подвизался, и такъ прославленъ отъ Бога на земли и на небѣ, при жизни и по смерти. Да подражаемъ и мы преподобному въ нестяжательности, кротости, смиреніи, чистотѣ, безмолвіи и любви къ Богу и ближнему, дабы и намъ наслѣдовать съ нимъ царствіе небесное во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

МАКАРІЯ НОВАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ОКТЯБРЯ 6-ГО.

Мреподобномученикъ Христовъ Макарій былъ родомъ изъ одного виѳинскаго селенія, называемаго Кіонъ: отецъ его именовался Петромъ, а мать Анеусою. Въ отроческихъ лѣтахъ онъ былъ отданъ родителями одному благочестивому шведу для наученія его ремеслу, у котораго блаженный научился не только сему искусству, но и христіанскому благочестію. Когда святой былъ 18-ти лѣтъ, отецъ его самовольно отрекся вѣры Христовой, и принялъ нечестивую, агарянскую, а чтобы имѣть болѣе чести, поселился въ Бруссъ, гдѣ находилось множество агарянъ. Разъ пришелъ Мануиль (такъ названъ былъ святой во святомъ крещеніи) въ Бруссу для покупки вещей, относящихся къ его ремеслу: нечестивѣйшій отецъ, обрѣвши его на рынкѣ, насильно по-

¹ Изъ νέον λειμονάριον.

влекъ его въ судилище, говоря, что въ то время, когда онъ принималъ вѣру агарянскую, и этотъ сынъ его обѣщался обратиться въ эту вѣру. Сколько ни противился святой, сколько ни отрицался, сколько ни утверждалъ, что онъ никогда не давалъ такого обѣщанія, но противъ воли его былъ тогда же обрѣзанъ нечестивцами. Черезъ нѣсколько дней по полученіи нечестиваго невольнаго этого обрѣзанія, блаженный скрылся изъ Бруссы и удалился на Святую Аѳонскую Гору. Осмотрѣвъ здѣсь все монастыри и скиты, обрѣлъ онъ въ скиту святыя Анны одного добродѣтельнаго старца, и подчинился ему Христа ради; старецъ сей скоро одѣлъ его въ святой образъ иноческій съ переименованіемъ изъ Мануила Макаріемъ. И кто можетъ достойно рассказать о дивныхъ подвигахъ святаго, совершенныхъ имъ по принятіи сего ангельскаго образа? о его самоумерщвленіи, о каждодневномъ изліяніи слезъ (ибо святой, помня невольное свое отлученіе отъ Христа, чрезъ обрѣзаніе, излилъ все Петровы слезы), и о крайнемъ его послушаніи своему старцу? 12 лѣтъ провелъ святой въ этихъ подвигахъ; но такъ какъ не могъ онъ стяжать мира душевнаго, то сталъ просить своего старца, чтобы онъ далъ ему позволеніе отправиться въ Бруссу—туда, гдѣ онъ принялъ невольное обрѣзаніе, чтобы тамъ ему явить себя христіаниномъ, а Христа исповѣдать Богомъ истиннымъ; чтобы тамъ излить кровь свою, и тѣмъ смыть мрачное пятно съ души своей. Долго старецъ останавливалъ его отъ сего предпріятія, говоря, что покаяніе, имѣя силу божественнаго крещенія, измоетъ все нечистоты его. Но, честный отче, со смиреніемъ святой отвѣчалъ старцу своему: какъ я предстану въ страшный день суда предъ страшное судилище Владыки Христа, имѣя на себѣ знаменіе отреченія отъ вѣры моей? Боюсь, чтобы мнѣ не услышать онаго страшнаго гласа: *уже отвержется Мене предъ человеки, отвергнется его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, уже на небесахъ* (Матѳ.

10, 13). Какъ я буду столько дерзокъ, что осмѣлюсь надѣяться быть сопричисленнымъ къ избраннымъ рабамъ Божиимъ съ этою скверною печатію! Нѣтъ, отче, не буду я покоенъ во всю мою жизнь, если не совершу моего намѣренія: дай мнѣ позволеніе и молитву твою. Старець, видя непреклонность его мысли, посовѣтовался съ другими старцами, — и они, судя по степени возжегшагося въ душѣ святаго пламени, присовѣтовали старцу его дать ему позволеніе. Итакъ, напутствовавъ его старческими своими молитвами и благословеніемъ, всѣ они отпустили его въ путь.

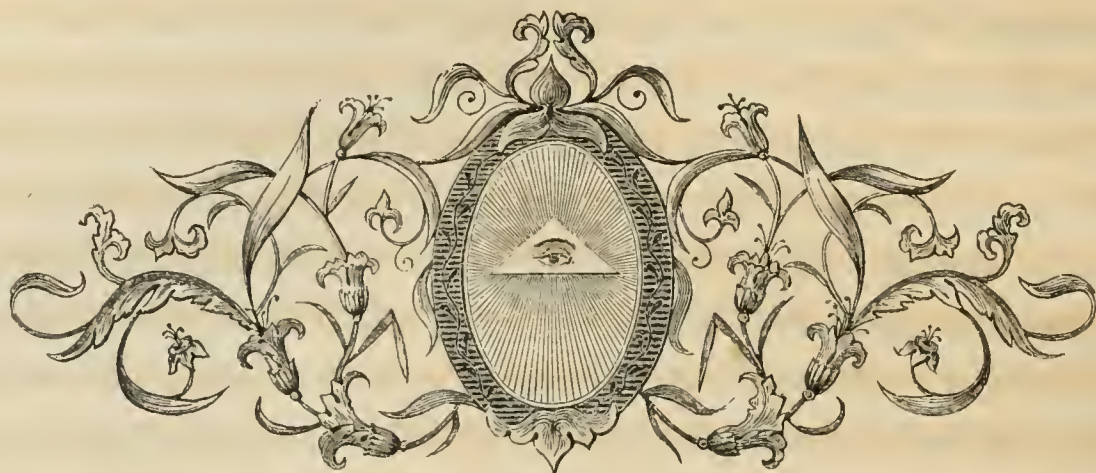
Когда святой явился въ Бруссу, нечестивцы, увидѣвъ его въ иноческомъ одѣяніи, вопрошали другъ друга: не тотъ ли это, который отрекся своей вѣры и принялъ нашу? Приблизившись къ нему, они спросили объ этомъ его самого. Да, отвѣчалъ святой, это я: но такъ какъ я понялъ, что вѣра ваша ложная и скверная, то оставилъ ее, и принялъ снова мою прѣжнюю истинную; совѣтую и вамъ отвергнуться таковой нечистой и лживой вѣры, проклясть Магомета, увѣровать въ Господа Іисуса Христа и креститься, дабы избавиться вѣчныхъ мученій. Не терпя болѣе слышать дерзновеніе святаго, нечестивцы свирѣпо устремились на него, готовы были растерзать его на части, и безъ милости нанося ему побои, привели его въ судилище. Тамъ судьи безчинно кричали: этотъ дерзкій самъ принялъ нашу вѣру, признавъ ее лучшею, а теперь оставилъ ее и, нагло поносить, — теперь безстыдно прокликаетъ великаго нашего пророка! Тогда судья говоритъ святому: ты позналъ, что наша вѣра есть лучшая, поэтому самъ добровольно и принялъ ее, а теперь отрекся ея, и сдѣлался калогеромъ: возвратись же, говорю тебѣ, опять въ нашу, и будешь нами почтенъ, и примешь отъ насъ великіе дары, въ противномъ же случаѣ на части раздроблю плоть твою. Святой отвѣчалъ ему: вѣры вашей я отнюдь не возлюбилъ; вы обрѣзали меня насильно, безъ моей воли,

это знают единовѣрные твои, пусть только засвидѣтельствуютъ истину: никогда я не отрицался Христа, никогда и не отрекусь отъ Господа моего. Варваръ судья, выслушавъ святаго, и видя его очень истощеннымъ отъ подвижничества, смягчился, и хотѣлъ отпустить его; къ тому же имѣлъ онъ на то и согласіе муллы: но нечестивцы взбѣсились, услышавши объ этомъ. Пришедши къ судья, они безчинно вопили: ты врагъ нашей вѣры, тебѣ слѣдуетъ принуждать народъ обращаться въ правую нашу вѣру, а ты и обратившихся въ нее однажды, и потомъ снова возвращающихся въ свою прежнюю, оставляешь ненаказанными, — донесемъ на тебя царю, и т. п. Судья, устыдившись своего милосердія, или убоявшись безчиннаго народа, и самъ разсвирѣпѣлъ на мученика, и ко всѣмъ оправданіямъ его былъ уже безчувственъ. Онъ повелѣлъ повѣсить святаго подъ мышки, такъ чтобы только концы пальцевъ ногъ его могли касаться земли, но чтобы онъ не могъ ступить на нее всею подошвою: между тѣмъ въ то же время однажды въ день велѣлъ снимать его съ висѣлицы и бить. Когда мученикъ въ этихъ варварскихъ мукахъ провелъ 40 дней, — мучитель велѣлъ представить его къ себѣ, и говорить ему: уцѣломудрился ли ты отъ этого наказанія, или еще остаешься въ упорствѣ своемъ? Но знай, продолжалъ тиранъ, что испытанное тобою наказаніе есть только малая тѣнь предъ тѣми мученіями, какія имѣешь ты испытать. Святый отвѣчалъ ему на то: я даже прошу тебя, нечестивецъ, испытай надо мною все, что внушитъ тебѣ отецъ твой діаволъ. Послѣ того мучитель далъ слѣдующее безчеловѣчное опредѣленіе: связавши у мученика ноги, стремглавъ опустить его въ глубокой, мрачный, сухой колодезь, и однажды въ день вытягивать его оттуда и бить, а потомъ опять туда опускать. Въ этомъ мученіи святый провелъ 90 дней. Въ одну ночь внезапно явился въ колодезьъ божественный свѣтъ, раздались ангельскія пѣснопѣнія, и

ощутилось чудное благоуханіе. Тамъ же находился тогда и нечестивый отецъ святаго и споспѣшествовалъ всѣмъ мученіямъ своего сына: пришедши къ колодезю, онъ наклонился посмотрѣть туда, и въ то же мгновеніе выпали у него изъ мѣстъ своихъ глаза, и онъ остался слѣпымъ на всю свою жизнь. Въ колодезѣ томъ находился съ мученикомъ одинъ агарянинъ, терпѣвшій это мученіе за какую-то свою вину: увидѣвъ сіяніе божественнаго свѣта, онъ увѣровалъ во Христа, и послѣ былъ замученъ нечестивцами. Мучитель, узнавъ о случившемся въ колодезѣ чудѣ, велѣлъ представить святаго къ себѣ, и спрашивалъ: что за свѣтъ сходилъ въ колодезь, какія слышались тамъ пѣнія, откуда чудное ощущалось тамъ благоуханіе? Святый отвѣчалъ: кто вѣруеть въ Христа, тотъ не только можетъ увидѣть это, но и другое большее сего,—и началъ-было говорить ему отъ Писанія, которому научился на Святой Горѣ. Находившіеся тамъ агаряне слушали святаго со вниманіемъ. Но мучитель, убоявшись, чтобы они не увѣровали во Христа, тогда же рѣшилъ, вывести мученика изъ Бруссы на потокъ, и тамъ немедленно отсѣчь ему голову, что и было съ поспѣшностію исполнено. Мощи святаго оставались непогребенными въ потокѣ: всякую ночь вѣрныя видѣли, что сходилъ на нихъ свыше божественный свѣтъ. Въ одну ночь нѣкоторые изъ христіанъ взяли ихъ тайно и погребли, а потомъ раздѣлили: честную главу мученика послали на Святую Гору, въ скитъ святаго Анны, гдѣ онъ подвизался; часть изъ мощей его взяла мать, и унесла въ свое отечество, а часть осталась въ Бруссѣ. Молитвами святаго мученика Макарія да получимъ и мы царствіе небесное. Аминь.

Святый преподобномученикъ Макарій новый пострадалъ въ Бруссѣ 1590 года, октября 6-го.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО
ГЕРАСИМА НОВАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ОКТЯБРЯ 20-ГО.

Многосвѣтлая эта и новоявленная звѣзда — божественный Герасимъ происходилъ изъ находящагося въ Пелопонесѣ селенія Трикала: родители его были благочестивы, благородны и богаты; отецъ назывался Димитріемъ, а мать Кали. Будучи сыномъ такихъ родителей, Герасимъ отъ юности былъ воспитываемъ ими въ христіанскихъ, благочестивыхъ нравахъ; когда же достигъ возраста, способнаго къ принятію ученія книжнаго, родители отдали его въ наученіе всему полезному, чему онъ, обладая счастливыми умственными дарованіями, и научился скоро, въ достаточной степени. Достигши же совершеннолѣтія, блаженный сталъ замѣчать бренность и суету всего мірскаго, и потому, оставивъ міръ со всеми мнимыми его благами и удовольствіями, отечество и сродниковъ, удалился въ островъ Закинѣъ, на которомъ проживъ нѣсколько времени и не обрѣвши того, чего желала душа его, отправился въ Элладу. Для пользы душевной обошедши всю ее, онъ удалился въ Фессалію, а спустя нѣсколько времени, оставилъ и ее, и прибылъ въ предѣлы Эв-

¹ Изъ νέον λειμονάριον.

ксинскаго Понта. Тамъ посѣтивъ и осмотрѣвъ Константинополь и все мѣста, лежащія въ окрестностяхъ, Пропонтиду и Халкидонъ, удалился онъ на Святую Аѳонскую Гору. Живя здѣсь довольно времени, Герасимъ принялъ великій ангельскій образъ и, обращаясь съ тамошними подвижниками, видѣлъ много примѣровъ добродѣтели ихъ, и такимъ образомъ получилъ великую для души своей пользу. Между тѣмъ сильное возымѣлъ онъ желаніе поклониться святымъ іерусалимскимъ мѣстамъ, куда вскорѣ и отправился. Поклонившись имъ, пожелалъ онъ поклониться и богосщественной горѣ Синайской; исполнивши же это, отправился въ Антиохію, Дамаскъ, Александрію, прошелъ весь Египетъ и Варварію ¹. Наконецъ, возвратившись изъ своего путешествія опять въ Іерусалимъ, онъ сдѣлался тамъ кандилонжигателемъ при храмѣ святаго Гроба Господня. Блаженнѣйшій тогдашній патріархъ Германъ, видя добродѣтельную его жизнь, рукоположилъ его по чину въ иподіакона, діакона и наконецъ въ пресвитера, въ каковомъ санѣ оставался онъ при патріаршескомъ домѣ 12 лѣтъ, содѣйствуя его святѣйшеству въ управленіи дѣлами. Принявъ этотъ санъ, блаженный не вознерадѣлъ о подвигахъ добродѣтели, но тѣмъ болѣе умножалъ ихъ со

---

¹ Да не покажется кому нибудь страннымъ, что преподобный отецъ нашъ Герасимъ обошелъ столько мѣстъ. Богоносный этотъ человѣкъ, говорившій съ Давидомъ къ Богу: *свѣтильникъ ногами моими законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ* (Псал. 118, 105), переходилъ изъ мѣста въ мѣсто отнюдь не вслѣдствіе какого либо непостоянства, или будто какой нибудь заблудшій: онъ ходилъ по волѣ и манію божественному, — отъ однихъ пользовался, а другихъ самъ пользовалъ. Читай повѣствованіе о преподобныхъ Варнавѣ и Софроніи, которымъ пресвятая Богородица повелѣла путешествовать три года, чтобы они пересмотрѣли многіе монастыри, и въ различныхъ мѣстахъ видѣли монашеское житіе для лучшаго и большаго изученія иноческой жизни. Состав. сего жизнеописанія.

О Варнавѣ и Софроніи повѣсть положена тоже въ *νέον λεμονάριον*, память ихъ августа 18. Смотри и въ нашей Четьи-Миней житіе св. Мартиніана. Февраля 13. С. А. II.

дня на день. Во время пребыванія своего въ Іерусалимѣ, онъ ходилъ для безмолвія на Іорданъ, и здѣсь, къ удивленію, укрѣпляемый Божіею благодатію, возмогъ совершить то, что мы слышимъ о великихъ пророкахъ — боговидцѣ Моисеѣ и ревнителѣ Іліи:—онъ, при помощи Божіей, подобно имъ, и по подражанію Спасителю нашему, возмогъ пропоститься непрерывно 40 дней и 40 ночей, отнюдь ничего не ѣвши и не пивши. Похвала и великая похвала тебѣ, служитель Христовъ, Герасимъ! этимъ постомъ своимъ ты заграждаешь уста тѣхъ легкомысленныхъ и малодушныхъ, которые говорятъ, будто были когда-то такія чудныя дѣла, но теперь нельзя быть имъ; ибо человѣческое естество изнемогло. Ты заграждаешь уста подобныхъ людей, и показываешь великимъ своимъ дѣломъ, что не естество, а произволеніе христіанъ изнемогло, и добродѣтель оскудѣла, для которой укрѣпляется свыше немощная плоть,—такъ что эти паче человѣка подвиги совершаются при помощи Божіей; естество же человѣческое, ни въ какое время само по себѣ, безъ помощи свыше, не было способно совершать ихъ. Но возвратимся къ своему предмету.

Послѣ чудныхъ своихъ на Іорданѣ подвиговъ, божественный Герасимъ возвратился въ іерусалимскую патріархію, но не могли уже безмолвствовать тамъ по своему желанію, ибо сорокодневный тотъ постъ, кажется, совершенно окрылилъ его божественною любовію, и потому душа его стала искать совершеннаго безмолвія,—выпросилъ у патріарха позволеніе идти, куда наставитъ его Господь. Получивъ благословеніе, прибылъ онъ въ Критъ, но не нашедши тамъ мѣста сообразнаго съ святымъ стремленіемъ своей души, удалился въ Закинѣ. Здѣсь, обрѣтши на верху горы пещеру въ мѣстѣ стремнистомъ и непроходимомъ, пребылъ онъ въ ней, укрѣпляемый божественною силою, совершенно одинъ, 5 лѣтъ, и проводилъ жизнь какбы безплотную, питаясь одними только зелія-

ми. Но такъ какъ не было воли Божіей остаться ему здѣсь до конца жизни, и такъ какъ ангельскіе его подвиги должны были послужить спасительнымъ примѣромъ и для другихъ; — то онъ оставилъ это мѣсто, и перешелъ на противоположащій островъ Кефалонійскій, гдѣ, поселившись на одномъ мѣстѣ, называемомъ Пещеры, пребылъ въ одной пещерѣ 11 мѣсяцевъ, и подвизался дивными подвигами. Но и здѣсь безмолвіе его нарушалось многими, приходившими къ нему пользы ради; поэтому, наставляемый Богомъ, онъ перешелъ отсюда въ другое безмолвнѣйшее мѣсто, именуемое Омала. Нашедши въ томъ мѣстѣ нѣкую ветхую церковь, онъ обновилъ ее, назвалъ Новымъ Іерусалимомъ, и рѣшился тамъ провести остатокъ своей жизни, такъ какъ мѣсто то было согласно съ желаніемъ души его, жаждавшей безмолвія. Но благоговѣйные и богочестивые островитяне, видя добродѣтельное его житіе, и вполне довѣряя его опытности въ духовной жизни, стали принуждать его многими и горячими прошеніями принять на себя смотрѣніе за дочерьми ихъ, да руководствовать и другихъ благоговѣйныхъ, желавшихъ житія богоугоднаго. Блаженный, движимый по Бозѣ любовію, и помня слова учителя языковъ: *никто же своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. 10, 24), преклонился на усердныя и теплыя моленія ихъ, почему, при содѣйствіи ихъ, и создалъ монастырь, въ который, подъ мудрое его духовное руководство, собралось 25 старицъ. Принявъ на себя эту тяготу, святой умножилъ свои подвиги, и столько же наставлялъ словесное свое стадо примѣромъ своей многоопытной, высокой, духовной жизни, сколько и назидательными внушеніями.

Преподобный очистилъ себя безпримѣрнымъ почти воздержаніемъ, или лучше, постояннымъ постомъ; ибо въ продолженіе цѣлыхъ 30-ти лѣтъ не вкушалъ хлѣба, а питался только зеліями, побѣдилъ страсти различными тѣлесными зло-

страданіями, колѣнопреклоненіями, долужаніями, всенощными бдѣніями, непрестанными слезами и теплыми къ Богу молитвами, и такимъ образомъ, достигнувъ высоты святости, сдѣлался жилищемъ Святаго Духа, и удостоился дара чудесъ еще въ этой жизни. Въ одно время случилось въ Кефалоніи бездождіе и великая засуха. Жители острова, зная дерзновеніе святаго къ Богу, обратились къ нему съ теплыми слезами, и умоляли сотворить моленіе къ Господу славы и Творцу всяческихъ, чтобы Онъ помиловалъ созданіе рукъ Своихъ, и не до конца прогнѣвался на людей, согрѣшившихъ предъ Нимъ. Долго святой, по своему смиренномудрію, отказывался отъ сего, считая прошеніе ихъ выше своей силы; но наконецъ, глубоко тронутый теплыми мольбами и многими слезами страждущаго народа, и вполне соболѣзнуя ихъ бѣдствію, умилосердился надъ ними, — въ глубочайшемъ смиреніи и умиленномъ сокрушеніи сердца своего обратился къ Богу о людяхъ согрѣшившихъ къ Нему, и искренно кающихся, — и праведный Судія живыхъ и мертвыхъ, творящій волю боящихся Его, и слушающій молитву ихъ, тотчасъ же ниспослалъ обильный дождь на изсохшую землю, прославляя вѣрнаго своего служителя, и показывая всѣмъ, какое дерзновеніе имѣетъ онъ къ Нему. А сколько освободилъ онъ бѣснующихъ отъ мученія нечистыхъ духовъ, сколько уврачевалъ отъ различныхъ болѣзней, немощныхъ, сколько сотворилъ и другихъ различныхъ чудесъ, — не достанетъ и времени для повѣствованія о всемъ этомъ. Наконецъ святой, послѣ столь чудной своей жизни, платя общій долгъ смертности, приблизился къ блаженной своей кончинѣ, о которой узналъ по божественному откровенію за нѣсколько дней. По сему призвавъ къ себѣ всѣхъ старицъ, и поучивъ ихъ довольно, онъ объявилъ имъ, что приспѣлъ конецъ его жизни; получилъ отъ нихъ прощеніе, благословилъ ихъ какъ духовный отецъ и, помолившись о нихъ, мирно предалъ мирный

духъ свой въ руцѣ Божіи. Всего житія его на земли было 70 слишкомъ лѣтъ. Преподобный почилъ 1579 года августа 15-го; но такъ какъ въ этотъ день празднуется честное ус-пеніе Пресвятыя Богородицы, то память его перенесена на 2 октября, въ которое было перенесеніе святыхъ его мощей. Перенесеніе же это происходило слѣдующимъ образомъ: всѣ несомнѣнно были увѣрены въ святости преподобнаго, по великимъ его подвигамъ и чудесамъ, совершеннымъ имъ еще при жизни; поэтому, когда послѣ погребенія его прошли два года, рѣшились совершить перенесеніе святыхъ мощей его, и, о чудо! онѣ послѣ двухлѣтняго въ землѣ пребыванія обрѣлись совершенно цѣлыми и полными райскаго благоуханія. При перенесеніи этомъ случилось находиться (какбы посланному отъ Бога для засвидѣтельствованія истины) и одному патріаршескому экзарху тогдашняго патріарха константинопольскаго Іереміи. Кромѣ того, при перенесеніи мощей святаго совершилось отъ нихъ много знаменій и чудесъ, которыя и впослѣдствіи во множествѣ совершались и продолжаютъ совершаться для всѣхъ, съ вѣрою и благоговѣніемъ къ нимъ притекающихъ, во славу Божію и въ явленіе великаго предъ Богомъ дерзновенія сего угодника. Но мы, желая соблюсть краткость въ своемъ повѣствованіи, изъ множества ихъ расскажемъ объ одномъ, и потомъ окончимъ нашу повѣсть.

По смерти святаго, одна женщина, мучимая бѣсомъ, пришла въ монастырь его, въ надеждѣ избавиться отъ лукаваго духа святыми его молитвами, и осталась тутъ до полученія чаемаго избавленія. Въ одну ночь мучившій несчастную бѣсъ, по адской своей злобѣ, ввергнулъ ее въ находившійся тамъ колодезь, въ намѣреніи потопить ее. Старицы, безмолвствуя въ своихъ келліяхъ, совсѣмъ не знали случившагося съ бѣснуемою, но вдругъ услышали въ затворахъ своихъ обычный голосъ преподобнаго: поспѣшите скоро, бѣснуемая находится въ крайней бѣдѣ, и нуждается въ избавленіи. Немедлен-

но старицы бросились туда и сюда, ищутъ ее вездѣ по монастырю, и не находя нигдѣ, заглядываютъ наконецъ въ колодезь, и, о чудо! видятъ ее тамъ стоящею повѣрхъ воды, какбы кѣмъ держимою. Тотчасъ же постарались онѣ вытащить ее оттуда, и стали спрашивать о случившемся съ нею. Тогда она торжественно отвѣчала: какъ скоро я, по дѣйствию демона, упала въ колодезь, — вдругъ, лишь только погрузилась въ глубину его, ясно увидѣла святаго Герасима, который, схвативъ меня, вынулъ изъ воды, и я болѣе уже не погружалась, и отъ адскаго мучителя теперь освободилась. Въ это время всѣ, осязательно видя дивныя дѣла Божіи, велегласно прославили Бога, и отъ всей души благодарили вѣрнаго Его раба, святаго Герасима. Святой Герасимъ по виѣшнему виду былъ подобенъ святому Θεодосію Киновіарху, только у святаго Герасима борода была немного руса. Святыми его молитвами да помилуетъ и спасетъ и насъ Господь Богъ, яко благій и челоуѣколюбець. Аминь.

СТРАДАНИЕ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

ДАМІАНА ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ФЕВРАЛЯ 23-ГО.

Подвижникъ Христовъ Даміанъ имѣлъ своимъ отечествомъ нѣкое селеніе Рихованъ, въ епархіи Аграфской. Родившись отъ родителей благочестивыхъ, онъ отъ юности возжелалъ иноческой жизни; поэтому, оставивъ міръ и яже въ мірѣ, удалился на святую Аѳонскую Гору, и здѣсь, въ священной обители Филоѳея, принявъ на себя ангельскій образъ, сталъ подвизаться достойно своего званія. Но желая еще большихъ подвиговъ, онъ чрезъ нѣсколько времени оставилъ монастырь, и удалился на безмолвіе къ одному знаменитому того времени безмолвному подвижнику, владѣвшему даже даромъ чудесъ, именемъ Дометію. Водительствомъ и душеполезными наставленіями безмолвника сего онъ пользовался три года, восходя отъ силы въ силу и преуспѣвая во всѣхъ добродѣтеляхъ; такъ что за неослабную ревность и усердіе, тщательность и точность въ исполненіи всѣхъ заповѣдей Божіихъ, сподобился слышать божественный гласъ, призывающій его къ служенію ближнимъ: Даміанъ, таково было божественное ему вѣщаніе, не своей только пользы

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

должно тебѣ искать, но и пользы другихъ. Посему онъ тотчасъ же оставилъ Святую Гору, удалился въ предѣлы Олимпійскія, и сталъ тамъ вездѣ съ дерзновеніемъ и велегласно проповѣдывать слово Божіе, возбуждая христіанъ къ покаянію и удаленію отъ неправдъ и пороковъ, и призывая всѣхъ къ храненію заповѣдей Божіихъ и творенію добрыхъ и богоугодныхъ дѣлъ. Разсѣдался отъ злобы доброненавистникъ діаволь, смотря на братолюбивые его труды и, не терпя ихъ, возбудилъ противъ него многихъ лжеименныхъ христіанъ, которые начали навѣтовать на жизнь его и, называя его прельщеннымъ и обманщикомъ, стали жестоко преслѣдовать. Подражая подвигоположнику Христу, святой далъ мѣсто гнѣву и удалился оттуда въ предѣлы Киссовскіе и Ларисскіе, гдѣ также проповѣдь слова Божія составляла существенный предметъ его занятій. Подвергнувшись и тамъ нареканіямъ, зависти и преслѣдованіямъ злобы, онъ удалился въ верхніе предѣлы Аграфской епархіи, и всюду наставлялъ христіанъ пребывать твердыми въ вѣрѣ и хранить заповѣди Господни. Но діаволь не дремалъ: онъ и тамъ воздвигъ противъ святаго нѣкоторыхъ небоющихся Бога и забывшихъ свои обязанности христіанъ и они, движимые челоуѣконенавистникомъ, преслѣдовали его, называя прельщеннымъ и лжемонахомъ; почему святой оставилъ и эти предѣлы, и возвратился въ Киссово. Возжелавъ безмятежія, онъ построилъ тамъ монастырь и, собравъ братію, сталъ вмѣстѣ съ нею деннонощно возсылать молитвы и благодареніе Господу Богу: впрочемъ многіе и туда приходили къ нему для душевной пользы; — ибо, будучи облеченъ силою свыше, онъ творилъ великія знаменія и чудеса, а изъ устъ его текли рѣки душеполезныхъ ученій.

Разъ по нѣкоторымъ монастырскимъ нуждамъ, а болѣе для пользы христіанъ, шелъ онъ въ селеніе Вулгарини. На пути сюда, схваченный агарянами, былъ онъ представленъ

властителю ларисскому, съ безстыдными клеветами, будто онъ возмущаетъ христіанъ. Поэтому властитель велѣлъ сначала бить святаго жестоко, потомъ, наложивъ на шею и ноги его тяжелыя цѣпи, ввергнуть его въ темницу; затѣмъ варваръ нечестивецъ непрерывно 15 дней продолжалъ истязывать его, то нанося ему жестокия раны, то устрашая, то лаская его и обольщая всевозможными способами, въ намѣреніи заставить мужественнаго воина Христова отречься отъ Христа. Но мучитель не въ состояніи былъ склонить къ этому мученика, и притомъ видѣлъ, что онъ, не смотря на всѣ его муки, съ мужествомъ обличаетъ вѣру ихъ въ лжепророка, со многимъ дерзновеніемъ проповѣдуетъ Христа Богомъ истиннымъ, и готовъ, ради любви Его, претерпѣть безчисленныя мученія; поэтому, весь исполнившись гнѣва, повелѣлъ мучитель тотчасъ же умертвить мученика и сожечь трупъ его. Палачи немедленно взяли его и повѣсили, но въ минуту вздергиванія его кверху, одинъ изъ нихъ ударилъ его по головѣ желѣзомъ; въ ту же минуту случилось, что веревка оборвалась, и мученикъ упалъ съ высоты на землю полумертвымъ. Тогда эти окаянные еще живаго его бросили въ огонь, и сожгли, а пепель высыпали въ рѣку Пиніонъ. Такъ блаженный преподобномученикъ Даміанъ принялъ мученическій вѣнецъ! Молитвами его да избавимся всѣ мы сѣтей вражіихъ, и да сподобимся царствія небеснаго. Аминь.

Преподобномученикъ Даміанъ пострадалъ въ 1568 году.

ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦЪ НАШЪ
ДОМЕТІЙ ФИЛОФЕЕВСКІЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО АВГУСТА 7-ГО.

Знаменосный этотъ безмолвникъ Дометій ангельски подвижался въ предѣлахъ обители Филофеевской. 3 года безмолвствовалъ съ нимъ и преподобномученикъ Даміанъ Филофеевскій (см. выше).

¹ Изъ Ἀκολουθία τῶν ἀγιορειτῶν Πατέρων.

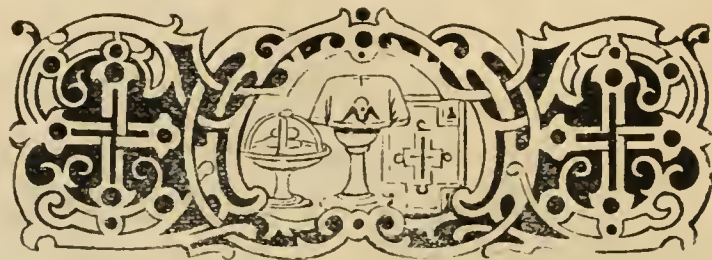

ПРЕПОДОБНЫЙ
ЛЕОНТІЙ ПРОЗОРЛИВЫЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮНЯ 18-ГО.

Нреподобный отецъ нашъ Леонтій былъ родомъ изъ Аргоса Пелопонесскаго, подвизался же въ обители святаго Діонисія. Онъ въ теченіе 60 лѣтъ, проведенныхъ имъ въ монастырѣ, однажды только вошелъ въ него, и однажды вышелъ изъ него (т. е. изнесенъ по преставленіи своемъ). За высоту своей жизни сподобился онъ дара прозорливости и пророчества, а по смерти источилъ миро отъ божественныхъ своихъ мощей, какъ повѣствуетъ священный Малакса, протоіерей навплійскій. Преподобный Леонтій отшелъ ко Господу въ 1605 году, марта 16 дня, будучи 85 лѣтъ.

¹ Тамъ же.

ПРЕПОДОБНЫЙ
ΘΕΟΝΑ,
МИТРОПОЛИТЪ СОЛУНСКІЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО АПРѢЛЯ 4-ГО.

Богоносный отецъ нашъ Θεона, сначала подвизался въ обители Пантократора, проходя въ ней должность череднаго священника, что видно и изъ житія преподобномученика Іакова Иверскаго. Потомъ, облобызавъ безмолвіе, онъ соединился на подвижническомъ поприщѣ съ этимъ преподобномученикомъ, подвизавшимся въ то время въ Иверскомъ скиту честнаго Предтечи. Когда же божественный Іаковъ пошелъ въ міръ проповѣдывать слово Божіе, послѣдовалъ за нимъ и Θεона вмѣстѣ съ другими, и былъ съ нимъ неразлученъ почти до самой мученической его кончины. Послѣ страсотерпческой кончины своего старца, онъ былъ предстоятелемъ и пастыремъ въ монастырѣ святой Анастасіи, находящемся въ Галачистѣ, а потомъ, наконецъ, былъ возведенъ и на кафедру митрополитскую въ Солуни. Святыя мощи его и донинѣ находятся цѣлыми въ вышесказанномъ монастырѣ святой Анастасіи. Смотри о немъ въ слѣдующемъ за симъ житіи преподобномученика Іакова и учениковъ его діакона Іакова и Діонисія.

¹ Оттуда же.

СТРАДАНИЕ СВЯТАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА
І А К О В А,
И ДВУХЪ УЧЕНИКОВЪ ЕГО,
ІЕРОДІАКОНА ІАКОВА И ДІОНИСІЯ МОНАХА ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО НОЯБРЯ 1-ГО.

Іаковъ родомъ былъ изъ одного селенія епархіи Ка-
сторійской. Родители его именовались Мартинъ и
Параскева. Въ молодости занимаясь пасеніемъ овецъ,
и приобрѣтши отъ нихъ богатство, онъ чрезъ то возбудилъ въ
братѣ своемъ, какъ Авель въ Каинѣ, зависть. Несчастнѣйшій братъ
оклеветалъ его предъ турецкимъ правительствомъ въ томъ,
что будто бы нашелъ онъ сокровище. Чтобъ избѣжать съ одной
стороны братней зависти, съ другой—преслѣдованія турокъ,
Іаковъ удалился въ Константинополь, и тамъ, чрезъ продажу
овецъ своихъ, весьма разбогатѣлъ. Однажды, находясь у ту-
рецкаго эфенди въ гостяхъ, услышалъ онъ, сверхъ чаянія,

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

что этотъ восхваляетъ чистоту христіанской вѣры, и разска- залъ Іакову, какъ жена его, одержимая бѣсомъ, приведена была къ тогдашнему патріарху святому Нифонту, который едва только началъ читать надъ нею священное Евангеліе, къ уди- вленію самого его эфенди и слугъ, вдругъ отверзся церковный кровъ и свѣтъ небесный окружилъ патріарха, бѣсноватую и всю церковь. Слыша это отъ агарянина, Іаковъ умилился и пришелъ къ патріарху просить его совѣтовъ вразсужденіи своего положенія. Бесѣды святителя до того разстрогали его, что онъ тогда же триста тысячъ піастровъ роздалъ нищимъ, удалился на Святую Гору и, обошедши ея монастыри, всту- пилъ въ братство обители Дохіарской. Потомъ перешелъ от- туда въ запустѣвшій скитъ Иверскій честнаго Предтечи, и возобновилъ его, подчинивъ себя одному старцу, именемъ Игнатію. Тамъ проводилъ онъ въ безмолвіи ангельскую жизнь въ постѣ, всенощныхъ бдѣніяхъ и различныхъ подвигахъ самоотверженія. При такой жизни непрестанно ратуемый отъ діавола чрезъ различныя мечты и привидѣнія, онъ, наконецъ, при помощи Божіей, низложилъ его въ конецъ и пріялъ за- логи божественнаго Духа, возвысившись до такой чистоты, что былъ удостоенъ откровеній небесныхъ, подобно апостолу Павлу: явлены были ему какъ райскія обители, такъ и узи- лица адовы, и по дару свыше, онъ видѣлъ тайны сердечныя и сокровенныя мысли и чувства всѣхъ и каждаго изъ при- ходившихъ къ нему. И дара чудесъ удостоилъ его Господь. Молитвою извелъ онъ въ скиту Предтечи ключевую воду, которая съ тѣхъ поръ и называется агіасмою святаго Іако- ва. Двукратно, по молитвѣ его, сосудъ наполнялся елеемъ. А въ Ватопедѣ онъ исцѣлилъ одержимаго бѣсомъ послушника; разъ во время бездождія, подобно Іліи, низвелъ съ неба дождь. Нѣкогда въ пути, сопровождаемый братомъ, былъ за- стигнутъ онъ великимъ туманомъ и темнотою, такъ что они под- вергались опасности упасть въ стремнистыя мѣста; но когда

святой Іаковъ помолился, туманъ раздѣлился надвое, и путь имъ открылся. Однажды, тоже въ пути, возжаждавши и, не находя воды, онъ помолился, и ключъ воды покотился предъ нимъ.

Такъ какъ онъ желалъ бѣльшаго безмолвія, то оставилъ скитъ Іверскій и удалился во внутреннюю часть пустыни Аѳона, гдѣ съ шестью учениками своими подвизался уединенно, и полагалъ восхожденія въ сердце своемъ къ таинствамъ божественныхъ созерцаній: въ теченіе недѣли, кромѣ только субботы и воскресенья, онъ не разговаривалъ ни съ кѣмъ. Кратко сказать: для всей Святой Горы онъ былъ истиннымъ того времени путеводителемъ по пути спасенія. Наконецъ пришло ему желаніе посѣтить Этолію. Собравъ учениковъ своихъ, онъ взошелъ на вершину Аѳонской Горы помолиться, и въ молитвѣ провелъ тамъ всю ночь,—и вотъ вдругъ видитъ предъ собою старца, который объявляетъ, что Богу угодно, чтобы онъ шелъ въ предѣлы Этоліи. Такимъ образомъ онъ съ учениками своими удалился съ горы, и пришелъ въ крѣпость, именуемую Петрою, о которой предсказывалъ, что послѣ трехъ дней она сдѣлается жертвою пожара. Оттуда посѣтилъ онъ Метеоры, и поучивъ тамошнихъ иноковъ, отправился въ Навпакту, въ монастырь Честнаго Предтечи, лежащій близъ деревни, именуемой Тревекиста. Тамъ, находясь среди многихъ братій, онъ проводилъ время въ обычныхъ подвигахъ постничества. Между тѣмъ христіане окрестныхъ селеній, узнавши о прибытіи въ предѣлы ихъ великаго старца, начали стекаться къ нему во множествѣ. Преподобный всѣхъ ихъ принималъ, утѣшалъ, назидалъ и творилъ множество чудесъ. Такъ, бѣсновавшуюся дѣвицу освободилъ отъ демона; мальчика, который пожиралъ угли вмѣсто обычной пици, по дѣйству діавольскому, осѣненіемъ честнаго креста освободилъ отъ насилія сатанинскаго; иѣкоего волхва христіанина предалъ сатанѣ въ изможденіе за

то, что онъ не хотѣлъ сознаться въ волшебствѣ своемъ. Оставаясь тамъ, много совершилъ онъ и другихъ чудесъ.

Такія чудеса и множество стекающагося со всѣхъ сторонъ народа имѣли слѣдствіемъ то, что мѣстный архіерей Акакій, по зависти и другимъ преступнымъ побужденіямъ, подстрекаемый завистниками славы святаго, донесъ турецкому правительству, что странный старецъ, поселившійся въ Требекистѣ, неизвѣстно съ какою цѣлю, а вѣроятно съ неприязненною, собираетъ вокругъ себя множество народа, и не диво, если произведетъ мятежъ. Мусульмане смутились: они донесли объ этомъ бею трикальскому, который немедленно отрядилъ 18 вооруженныхъ кавасовъ, чтобъ схватить обвиняемаго. Все происходившее святой, между тѣмъ, предвидѣлъ по откровенію свыше, предсказалъ о томъ ученикамъ своимъ, убѣждая ихъ къ подвигу, и всю ночь проводилъ безъ сна. Это было на воскресенье. Преподобный велѣлъ какъ можно скорѣе совершить божественную литургію. Однакоже еще до окончанія оной агаряне окружили храмъ, какъ дикіе звѣри. Видя ихъ, ученики преподобнаго затрепетали. Кого ищете? спросилъ святой агарянь. Авву, отвѣчали они. Это я, говоритъ онъ имъ. Тогда посланные объявили ему повелѣніе бея. Ласково просилъ преподобный агарянь успокоиться отъ пути, угостилъ ихъ, растроганныхъ привѣтливостію его, и вмѣстѣ съ ними въ сопровожденіи двухъ учениковъ своихъ, явился къ бею. Долго бей пыталъ преподобнаго, то ласкою, то угрозою и пыткою вывѣдывая — справедливъ ли на него доносъ, и не нашедши никакой вины, ввергъ его въ темницу на 40 дней, до тѣхъ поръ, пока обо всемъ донесетъ Портѣ, и узнаетъ какое оттуда получится повелѣніе. Находясь въ темницѣ, двое учениковъ его, Θεона (который прежде подвизался въ обители Пантократорской, а послѣ сдѣлался ученикомъ святаго) и Маркіанъ, спросили его: что станетъ съ монастыремъ и братіями послѣ его

смерти? Когда освободимся мы изъ рукъ царскихъ?—Онъ отвѣчалъ имъ таинственно: мы опять будемъ вмѣстѣ близъ Солуня, въ монастырѣ святыя Анастасіи, находящемся въ Галачистѣ. Слѣдовательно мы будемъ неразлучны и въ нынѣшній вѣкъ и въ будущій. Дѣйствительно, тамъ, въ Галачистѣ, близъ Солуня, въ монастырѣ святыя Анастасіи находятся мощи сего преподобнаго и пострадавшихъ съ нимъ двухъ учениковъ его. Мощи святаго Θεоны, бывшаго игуменомъ этой обители и впоследствии архіепископомъ Солуня, тамъ же и цѣлы. Преподобный изъ темницы написалъ посланіе къ братіямъ, находящимся въ Энтревекистѣ, убѣждая ихъ къ достойному прохожденію своего иноческаго званія. Вмѣсто себя назначилъ онъ имъ игуменомъ Θεону, строго совѣтуя покаяться ему, какъ отцу. Въ заключеніе же просилъ, по смерти его и его сподвижниковъ, совершить по нихъ сорокоустіе. Между тѣмъ отъ султана Селима пришло повелѣніе представить святаго съ учениками его, Іаковомъ и Діонисіемъ, въ Адрианополь, куда они и были отправлены въ оковахъ; султанъ отправился въ Димотихонъ, гдѣ святыя исповѣдники и были ему представлены. Смотря грозно на святаго, султанъ спросилъ его: для чего ты привлекъ къ себѣ множество христіанъ? кто тебѣ позволилъ это? развѣ ты властитель какой?—Святой отвѣчалъ: ты властитель и царь въ этомъ мірѣ, а мнѣ дана другая власть отъ Бога.—Царь говоритъ ему: какая власть дана тебѣ отъ Бога?—Святой отвѣчалъ: учить закону Божию единовѣрныхъ мнѣ христіанъ, да исполняя заповѣди Его, уклоняются отъ всякаго зла. — Ты лжешь! съ гнѣвомъ воскликнулъ султанъ. Сознайся въ своемъ преступленіи, въ которомъ обвиняетъ тебя мое правительство донесеніемъ. — Я сознался чистосердечно во всемъ, сказалъ преподобный. Если не вѣришь, я въ рукахъ твоихъ: дѣлай, что хочешь. Тогда султанъ повелѣлъ сѣчь его и учениковъ его бичами. Ни слова не произнесъ и не

простоналъ преподобный при тяжкомъ мученіи, какъ будто не онъ, а кто другой претерпѣвалъ бичеваніе. Вслѣдъ за тѣмъ ввергли ихъ въ темницу.

На другой день была новая пытка. По повелѣнію султана, истязатели сжимали бинтами главы ихъ, отчего святыи не потерпѣлъ никакого зла, а у діакона Іакова выступилъ изъ своего мѣста глазъ. На этого діакона болѣе всего нападалъ султанъ, видя его благообразіе и красоту лица, и всячески старался отвлечь его отъ Христа, но напрасно. Послѣ сего, святыхъ исповѣдниковъ связали и отправили въ Адрианополь для новыхъ пытокъ. Спустя немного времени, прибылъ туда Селимъ-паша: докладывая о содержащихся въ узахъ трехъ инокахъ, онъ говорилъ, что одинъ изъ нихъ пророчески предсказываетъ людямъ будущее. Царь, слыша это, обрадовался, и немедленно приказалъ призвать преподобнаго. Когда явился узникъ, султанъ спросилъ его: сколько лѣтъ я буду еще жить?—Девять мѣсяцевъ, отвѣчалъ преподобный.— Не знаешь, что говоришь, возразилъ султанъ. Я долженъ еще быть въ Родосѣ.— Ты умираешь, и зачѣмъ же хочешь въ Родосъ? Пророчество преподобнаго впослѣдствіи сбылось. Хотя султанъ и не вѣрилъ этому пророчеству, однако тайный страхъ овладѣлъ имъ. По его повелѣнію, преподобнаго опять ввергли въ темницу. Чтобъ найти благословную причину убить невинныхъ, султанъ послалъ одного изъ нашей своихъ спросить святаго: какого онъ мнѣнія о своемъ Христѣ и о Магометѣ. Когда паша предложилъ преподобному этотъ вопросъ, онъ отвѣчалъ съ твердостію: Христосъ нашъ есть совершенный Богъ и совершенный человекъ, и потомъ объяснилъ ему таинство воплощенія, и вседомостроительство спасенія Божія и промысленія о человекѣ.— Но какъ думаешь ты о нашемъ пророкѣ, спросилъ паша преподобнаго.— Магометъ вашъ не пророкъ, а обманщикъ и льстецъ, врагъ Христа Бога нашего и вѣры нашей. Никто

изъ людей такъ не прогнѣвалъ Бога, какъ Магометъ, и кто надѣется на него, и имѣетъ его за пророка, тотъ погибшій. Паша передалъ все это султану. Султанъ взбѣсился. Тогда же послалъ онъ въ темницу янычаръ, обѣщая имъ милость свою, если только убѣдятъ преподобныхъ, какимъ бы то ни было образомъ, отречься Христа. Однакожъ все было тщетно. Султанъ повелѣлъ представить предъ него святыхъ. Когда они предстали, варваръ приказалъ раздроблять плоть ихъ мучительными орудіями и сокрушать челюсти ихъ, а другіе между тѣмъ принуждали ихъ ѣсть мясо, зная, что монахамъ не позволяетъ того законъ. Впродолженіе этой пытки кровь мученическая текла ручьями и напитала землю. Однакожъ преподобномученики не поколебались въ духѣ терпѣнія. По повелѣнію царя, ихъ ввергли опять въ темницу, гдѣ и пробыли они три дня. Наконецъ султанъ, недовольный столькими пытками, повелѣлъ истязателямъ вывести святыхъ на новое мученіе. Прежде всего онъ приказалъ вырѣзать съ нихъ ремни отъ сосцевъ до плечъ, вырвать внутренности святаго старца, и уксусомъ, смѣшаннымъ съ солью, поливать раны его; учениковъ же его сѣчь долгое время бичами. Такимъ образомъ измученныхъ и еле дышущихъ снова ввергли ихъ въ темницу. Но еще предстоялъ страдальцамъ конечный подвигъ. Видя, что они ни во что вмѣняютъ всякаго рода мучительства, султанъ велѣлъ разрывать на части ноги ихъ желѣзными когтями, бока ихъ опалать огнемъ, и безъ милости обтирать раны ихъ грубыми полотнами, намоченными солью. Такимъ образомъ мучимые въ теченіи 17 дней, наконецъ страдальцы осуждены были на висѣлицу. Когда святой Іаковъ пришелъ на мѣсто смертное, на диво смотрящихъ, имѣя на ногахъ только кости, лишенные плоти, а двухъ учениковъ его исполнители приговора привели совершенно изнемогшихъ; тогда попросилъ онъ нѣсколько времени для молитвы и, получивъ позволеніе, діакона Іакова по-

ставилъ по правую руку, а Діонисія по лѣвую, и сказалъ имъ: чада мои! время отойти намъ къ возлюбленному Христу, за котораго удостоились мы пострадать. Итакъ, помолимся Ему о всемъ мірѣ, о Церкви, и возблагодаримъ за то, что Господь, освободивъ насъ отъ суетнаго міра, удостоиваетъ наслѣдія безконечнаго царствія Своего. Тогда всѣ трое пали на землю, и поклонились трижды Богу; потомъ вынулъ преподобный три сокровенныя частицы животворящихъ Таинъ Христовыхъ и, преподавъ ихъ ученикамъ своимъ, приобщился и самъ. Наконецъ, поднявъ длани и очи на небо, великимъ гласомъ возопилъ: Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой! и тихо скончался, съ улыбкою на устахъ. — Видя это, воины изумились и возвѣстили о семъ султану, который повелѣлъ и мертвое тѣло повѣсить; а по правую и по лѣвую сторону святаго повѣсили учениковъ его. Такъ скончались добродѣльные мученики, и приняли вѣнецъ страдальческій. Это было 1520 года, 1-го ноября. Честныя мощи ихъ выкупили нѣкоторые изъ христіанъ, унесли въ селеніе, именуемое Албани, и положили оныя въ трехъ отдѣльныхъ гробницахъ. Каждое воскресенье и праздникъ являлся свѣтъ небесный надъ гробами святыхъ мучениковъ. И это видѣніе замѣчали всѣ тамъ обитающіе. Послѣ страдальческой кончины святыхъ, одинъ артинскій священникъ, именемъ Николай, имѣвшій брата, поселившася при рѣкѣ Дунаѣ, пожелалъ видѣть его, для чего и отправился сухимъ путемъ. По прибытіи въ Адрианополь заболѣлъ у него конь, такъ что онъ не могъ ни продолжать путь впередъ, ни возвратиться назадъ. Въ такой крайности, онъ вспомнилъ святаго Іакова и помолился ему такъ: святой преподобномучениче Христовъ Іакове! помоги мнѣ страннику и путешественнику на земли чуждой. И животное тотчасъ исцѣлилось. Въ чувствѣ признательности немедленно отправился онъ на мѣсто, гдѣ покоились мощи преподобномучениковъ, рассказалъ туземцамъ

случившееся съ нимъ несчастіе, отъ котораго избавился предстательствомъ святыхъ, и убѣдительно просилъ, чтобы открыли мощи ихъ. Просьба его была уважена. Когда открыли гробъ преподобномученика Іакова, дивное благоуханіе разлилось отъ святыхъ мощей его. Съ позволенія туземцевъ, взялъ священникъ главу святаго и нѣкоторые останки, а прочее оставилъ на мѣстѣ. Обогатившись такимъ безцѣннымъ сокровищемъ, онъ не желалъ утаить его, но хотѣлъ предоставить ученикамъ святаго чудоточные его останки. Впрочемъ не зналъ, гдѣ находятся ученики его. Между тѣмъ ему случилось быть на метохѣ аѳонскаго Діонисіатскаго монастыря, который находился въ Руфанѣ. Тамъ узналъ онъ отъ діонисіатскихъ иноковъ, что въ сосѣдствѣ съ ними отшельничаютъ ученики святаго, а именно на Святой Горѣ въ монастырѣ Симонопетрскомъ. Это извѣстіе чрезвычайно обрадовало священника. Онъ разсказалъ тогда инокамъ о чудодѣйственныхъ мощахъ святаго, и что онъ имѣетъ ихъ при себѣ. Услышавъ это, экономъ метоха, именемъ Неофитъ, больной однимъ глазомъ, просилъ открыть святые мощи, и когда, призывая преподобномученика въ помощь, приложился къ нимъ, тотчасъ исцѣлѣлъ глазъ его. Въ признательность за исцѣленіе экономъ самъ сопутствовалъ священнику на Святую Гору, гдѣ и отыскалъ учениковъ святаго. Трудно выразить радость учениковъ, узрѣвшихъ страсготерпческія мощи своего отца и наставника: они цѣловали ихъ, радовались и благодарили Господа. Потомъ послали священника съ однимъ монахомъ, Теофиломъ, въ Адрианополь, и перенесли прочіе останки преподобнаго и учениковъ его, спстрадавшихъ ему.

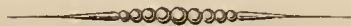
Отъ божественныхъ мощей святаго совершилось и другое чудо. Священникъ, именемъ Каллистъ, имѣлъ поврежденные глаза и уста, такъ что глаза перекошились и уста были искривлены. Когда онъ приложился къ божественнымъ

мощамъ, органы эти стали въ свое мѣсто, — и исцѣлившійся, прославляя Бога, всюду проповѣдывалъ о своемъ исцѣленіи. Не много протекло времени, какъ ученики святаго, по причинѣ бѣдности и нуждъ обители, а больше во исполненіе пророчества святаго, удалились изъ Симонопетрскаго монастыря съ мощами святыхъ въ мѣстечко Галачиста, близъ Солуня. Тамъ въ монастырѣ святой Анастасіи узорѣшительницы, уже запустѣвшемъ, поселились они, возобновили его и подвизались о Господѣ. Между тѣмъ слава и чудеса отъ святыхъ мощей привлекли туда въ малое время до 100 братій, при игуменѣ Θεонѣ, который былъ впослѣдствіи ѳессалоникскимъ архіепископомъ.

Изъ числа ихъ братства одинъ іеромонахъ, именемъ Варлаамъ, вышелъ нѣкогда изъ повиновенія у игумена, и тотчасъ взбѣсился такъ сильно, что демонъ мучилъ его до 30-ти разъ въ сутки. Сжалившись надъ несчастнымъ, игуменъ напоилъ его водою, въ которую погрузилъ святыя мощи преподобномученика, и братъ исцѣлѣлъ. Точно такимъ же образомъ получилъ здравіе одинъ бѣсновавшійся изъ рабочихъ монастырскихъ. Впрочемъ чудодѣйствовали не только честныя мощи святаго, но и нѣкоторыя части одежды его: полагаемыя на женщинъ, трудно раждающихъ, онѣ облегчали роды ихъ. — Одинъ ѳессалоникійскій гражданинъ, именемъ Филиппъ, бѣдствуя разъ на морѣ, лишь только призвалъ имя святаго въ помощь, освободился отъ опасности потопленія. Въ благодарность за такое благодѣяніе онъ доставлялъ монастырю, до самаго конца жизни своей, масло для церковныхъ лампадъ. Тотъ же Филиппъ, давши туркѣ 700 піастровъ въ долгъ, когда по времени потребовалъ отъ него, мусульманинъ не только отрекся отъ платы долга, но и ожесточился противу займодавца. Филиппъ, не надѣясь получить своего долга правомъ суда, обратился съ молитвою къ святому Іакову и, полагаясь на его помощь, пошелъ къ должнику своему вто-

рично. Мусульманинъ, дотолѣ неистовый, съ любовію и ласкою принялъ Филиппа, и тотчасъ же вручилъ ему долгъ.— Такова жизнь, мученичества и чудеса св. преподобномученика Іакова! Его молитвами и спострадавшихъ съ нимъ да удостоимся и мы царствія небеснаго ¹. Аминь.

---

¹ Преподобномученику Іакову и сомученикамъ его есть служба, которая поется погодно въ свящ. скиту честнаго Предтечи, и въ обители св. Анастасіи, гдѣ и мощи ихъ почиваютъ.

СТРАДАНИЕ ПРЕПОДОБНАГО

МАКАРІЯ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО СЕНТЯБРЯ 14-ГО.

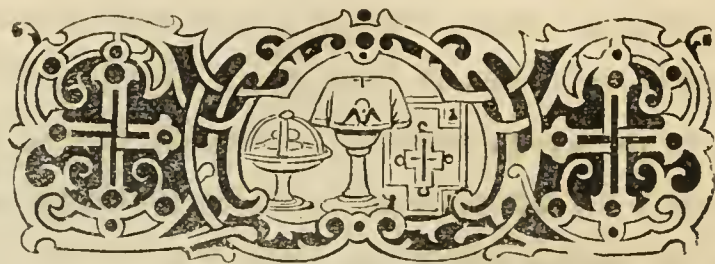
откуда родомъ и отъ какихъ родителей происходилъ преподобный Макарій, исторія намъ не передала. Извѣстно только, что онъ былъ ученикомъ святѣйшаго патриарха константинопольскаго Нифонта, въ жизни коего и упоминается, что онъ скончался мученически. Находясь при святомъ Нифонтѣ, онъ былъ подражателемъ его подвиговъ и высокой ангельской жизни. Между тѣмъ у него родилось пламенное желаніе окончить жизнь свою страдальчески за Господа. Не въ силахъ будучи преодолѣть тайныхъ и постоянныхъ къ тому побужденій, онъ открылся во всемъ божественному Нифонту, безмолвствовавшему тогда въ обители Ватопедской, по вторичномъ удаленіи съ престола константинопольскаго. Выслушавъ Макарію, и провидя духомъ дѣйствіе въ этомъ воли Божіей, святой Нифонтъ кротко сказалъ: съ Богомъ, чадо, въ путь святыхъ страдальцевъ, желаніе твое Господь исполнить и, по Своей неизреченной милости, даруетъ тебѣ вѣнецъ мученичества. Напутствовавъ его молитвою, и осѣнивъ знаменіемъ честнаго креста, патриархъ облобызалъ его, и отпустилъ отъ себя съ миромъ. Благосло-

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

венный же Макарий, напутствованный молитвами святого Нифонта, удалился со Святой Горы въ Солунь. Тамъ уллучилъ онъ время, когда мусульмане, по своей привычкѣ къ праздности, собрались во множествѣ, сталъ посреди ихъ, и торжественно началъ исповѣдывать, что Христосъ есть Сынъ Божій, совершенный Богъ и человекъ, ради спасенія нашего сшедшій съ небесъ; потомъ началъ объяснять имъ правоту вѣры христіанской. Изступленные турки, видя такое дерзновеніе инока, бросились на него, били палками, пронзали кинжалами до того, что кровь потоками струилась изъ ранъ его; наконецъ ввергли его въ темницу. Утромъ собрались они, привели мученика въ судилище свое, и начали ласкать его, стараясь обѣщаніями даровъ увлечь его отъ вѣры Христовой въ исламизмъ.—О, если бы вы познали истину и правоту вѣры нашей христіанской, крестились во имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ святую Троицу, и оставили свое заблужденіе! воскликнулъ святой Макарий. Но едва это произнесъ онъ, какъ турки схватили его, начали бить, поражать кинжалами, и наконецъ отсѣкли честную главу его. Такимъ образомъ преподобный предалъ Господу въ мукахъ духъ свой. Между тѣмъ святой Нифонтъ, уединяясь въ Ватопедѣ, провидѣлъ Духомъ Святымъ мученическую кончину блаженнаго Макарія, и сказалъ другому ученику своему Иоасафу: знай, чадо, что собратъ твой Макарий скончался сего дня мученически, и возносится на небеса, торжествуя и радуясь о Господѣ. Его молитвами да удостоимся и мы небеснаго блаженства. Аминь.

Преподобный Макарий пострадалъ 1523 года.

СТРАДАНИЕ ПРЕПОДОБНАГО
ІОАСАФА ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ОКТЯБРЯ 26-ГО.

преподобный Іоасафъ былъ ученикомъ святѣйшаго патріарха константинопольскаго Нифонта. Стараясь по силамъ подражать добродѣтельной жизни и подвигамъ учителя своего, онъ достигъ такой высоты совершенства любви къ Богу, что желалъ пролить и свою кровь за Него. И когда объявилъ о такомъ желаніи блаженному Нифонту, тотъ, провидя духомъ, что есть на то званіе и воля свыше, предсказалъ ему, что онъ совершитъ подвигъ мученичества въ Константинополѣ. Итакъ, послѣ кончины святаго Нифонта, благословенный Іоасафъ отправился въ Константинополь, и тамъ, явившись въ судилище турецкое, проповѣдалъ съ великимъ дерзновеніемъ предъ всѣми мусульманами таинство Святыя Троицы, и таинство воплощенія Сына и Слова Божія, Его смерть крестную за наше спасеніе, и прочее. Удивленные дерзновеніемъ инока и изступленные турки, послѣ различныхъ мукъ, наконецъ отсѣкли святую его главу. Такимъ образомъ блаженный Іоасафъ получилъ мученическій вѣнецъ отъ подвигоположника Христа Іисуса, коему слава во вѣки. Аминь.

Преподобный Іоасафъ пострадалъ въ 1536 году.

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

ВѢКЪ XVII.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО НИЛА МУРОТОЧИВАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО НОЯБРЯ 12-ГО.

Святый и блаженный Нилъ, возсіявъ въ позднія времена, подвигами своими превзошелъ многихъ даже и древнихъ подвижниковъ. Новое доказательство, что добродѣтель, благочестіе и любовь къ Богу не опредѣляются временами и годами, но имѣютъ свое основаніе въ нашей волѣ и произволеніи.

Святый Нилъ былъ сынъ благочестивыхъ и православныхъ родителей, имѣвшихъ свое жительство въ Мореѣ или нынѣшней Греціи, въ селеніи, именуемомъ святаго Петра, Законійской епархіи. Воспитаніе его ограничивалось предѣлами мѣста его рожденія. Въ раннихъ еще лѣтахъ лишился онъ своихъ родителей, но нашелъ ихъ въ дядѣ своемъ іеромонахѣ Макаріѣ. Этотъ дядя былъ бдительнымъ и искреннимъ надзирателемъ за всѣми движеніями ума и сердца сего

¹ Съ рукописи Лаврской келліи Нила преподобнаго.

будущаго сосуда благодати Святаго Духа. И не тщетными оказывались многозаботныя попеченія пѣстуна надъ его воспитанникомъ. Племянникъ, обладая прекрасными природными дарованіями, при неусыпномъ и искреннемъ о немъ стараніи дяди, оказалъ быстрые успѣхи въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. По этому юный Нилъ, достигнувъ законнаго возраста, удостоенъ былъ рукоположенія во іеродіакона, а потомъ и во іеромонаха. Такимъ образомъ достопочтенный дядя и достойный его племянникъ единодушно подвизались подвигомъ добрымъ. Но сіи высокія и дѣвственныя души, бывъ уязвлены пламенною и всецѣлою любовію къ пресладкому Небесному Жениху, во славу Его, возгорѣли желаніемъ подвиговъ большихъ. Нашедши настоящее свое мѣстопробываніе недостаточнымъ для осуществленія такого пламеннаго своего желанія, они удалились изъ своего отечества, и пришли на святую Аѳонскую Гору. Посѣтивъ здѣшніе обители, скиты и пустыни, съ цѣлію обрѣсти мѣсто, удобное для безмолвія и высокихъ подвиговъ, наконецъ пришли они въ одно мѣсто, издревле называемое Святыя Камни. Это мѣсто тогда было еще пусто и не заселено, такъ какъ отличалось чрезвычайною дикостію и безводностію. Блаженный Макарій и божественный Нилъ, найдши его однакожъ весьма удобнымъ для глубокаго безмолвія и совершенно соответствующимъ святымъ своимъ намѣреніямъ, исполнились тою радостію, какую ощущаютъ обрѣтшіе многоцѣнное сокровище. Полные этой неподдѣльной радости, они явились въ Лавру, и просили благословенія на владѣніе этимъ мѣстомъ ¹ и на устроеніе тамъ келлій. Игумень Лавры ² съ своею старшею братією, видя чистоту и божественное желаніе просителей, которые и самую своею наружностію внушали къ себѣ почтеніе и уваженіе, съ радостію согласились на ихъ про-

¹ Оно находится въ области Лавры.

² Въ настоящее время Лавра идіорномъ.

шеніе, и въ знакъ своего согласія на то, дали имъ письменное увѣреніе. А священный Макарій, по обыкновенію Горы ¹, внесъ въ Лавру небольшой денежный вкладъ, какъ дань дружбы. Получивъ такимъ образомъ право на владѣніе мѣстомъ, блаженные труженики приступили къ расчищенію его. Какихъ же стоило имъ это трудовъ, сколько при этомъ пролито ими поту! Но души, разжигавныя ревностію по Богѣ, не замѣчали своихъ трудовъ, и вскорѣ восталъ, какбы Фениксъ, святыи храмъ въ честь и славу Царя небеснаго, съ помѣщеніями при немъ для земныхъ ангеловъ, имѣющихъ славословить Его во дни и въ ноци. Скоро, по устроеніи келлій, божественный Макарій мирно почилъ о Бозѣ отъ бремени праведныхъ трудовъ своихъ, сдѣлавъ племянника своего наслѣдникомъ во всемъ и достойнымъ преемникомъ и правителемъ келлій.

Послѣ сего блаженный Нилъ, болѣе и болѣе разжигаясь пламенемъ любви къ Виновнику своего бытія, желая совершенной неразвлекаемости въ занятіи высочайшимъ предметомъ своей любви, какбы сказать, стремясь слить свою любовь съ превѣчною Любовію, находитъ и это мѣсто не совсѣмъ соотвѣтствующимъ святымъ стремленіямъ пламенной его души. Посему онъ отыскиваетъ другое, болѣе способное удовлетворить его стремленію, и поселяется въ немъ. Мѣсто это въ то время, по своей дикости, суровости и обилію наводящихъ ужасъ исполинскихъ скалъ и стремнинъ, было недоступно не только для людей, но и для имѣющихъ обыкновеннымъ прибѣжищемъ высокія горы и камни (Псал. 103, 18) ². Отсюда само собою разумѣется, что для истинной

¹ Желавшаго имѣть ясное понятіе объ обыкновеніи, соблюдаемомъ на Святой Горѣ при покуикѣ кѣмъ-либо мѣсть или келлій, также объ условіяхъ здѣшней келейной жизни и о различіи келлій отъ калиты и кавыи, просимъ прочтати объ этомъ въ писмахъ Святогорца къ друзьямъ своимъ. См. I ч., письмо 13, стр. 153, изданіе 1850 года.

² Оно не болѣе было отрадно и во время посѣщенія Святой Горы знаменитымъ.

любви къ Богу собственно нѣтъ опасностей и трудностей. Она ихъ вовсе не замѣчаетъ, если только всецѣло занята своимъ высокимъ предметомъ. Примѣръ тому — безчисленное множество мучениковъ, великомучениковъ и подвижниковъ, удивившихъ своими подвигами не только человѣковъ, но и Ангеловъ. Опасенія трудностей на стезѣ любви къ Богу выражаютъ еще неискренность и неполноту ея. Проникнутые ею всецѣло, предъ лицомъ неба и земли, свидѣтельствовали, что ихъ ничто ни въ семъ, ни въ будущемъ вѣкѣ не можетъ разлучить отъ предмета пламенной ихъ любви (Рим. 8, 38). Такъ и сего божественнаго труженика, блаженнаго Нила, что заставило презрѣть все трудности и непріятности, даже самую опасность жизни? Всецѣлая любовь души его къ Богу.

Истинно любящіе Бога и живущіе по Богу всячески ста-

нтымъ нашимъ паломникомъ Барскимъ. Вотъ что пишетъ онъ объ немъ: «отъ жилища, именуемаго Келія Безбрадаго, иже мало, яко на верженіе камня, или далѣе, обрѣтается пещера, надъ великимъ, глубокимъ и ужаснымъ удолиемъ, въ ней же скиташеся нѣкій преподобный отецъ святогорскій Нилъ, идѣже и до нынѣ самая она пещера, и храмъ во имя его именуется, и мощи его повѣствуютъ быти тамо предъ пещерою, подъ зѣло великимъ камнемъ, иже перукосѣчно самъ съ верху паде промысломъ Божіимъ, во время, егда хотяху понести его мощи на иное мѣсто; путь же къ нему толь зѣло страшный и бѣдный, яко унываетъ сердце грядущаго по немъ. Поклонившися убо азъ тамо, умлился и помыслихъ, яко тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ ходящіе спасаются, широкимъ же шествующіе погибаютъ, ибо по реченному: тѣсенъ есть путь и прискорбенъ вводяй въ животъ вѣчный; келій же или каливъ тамо отнюдь нѣсть, жестокости ради и тѣснаго мѣста» (545 стр.). Мѣсто это и теперь необитаемо, но только посѣщается съ довольною затруднительностію чтущими память высокаго аѳонскаго подвижника XVI вѣка. Сто четырнадцать ступеней сводятъ пришельцевъ къ церкви, которая воздвигнута въ небольшомъ объемѣ надъ могилою преподобнаго Нила. Отъ нея, близъ сѣверной стѣны, начинается подъемъ по 27 ступенямъ въ самую пещеру святаго Нила, извѣщенную въ отвѣсной скалѣ, надъ небольшимъ заливомъ. А на четверть часа ходу отъ этого мѣста, стоитъ келья во имя всѣхъ святыхъ, называемая обыкновенно Ниловою, по храненію въ ней святыхъ мощей преподобнаго Нила и по безмолвствованію тамъ сего угодника.

раются скрывать свои добродѣтели, плачь и слезы, опасаясь стрѣль тщеславія и похвалы людской; желаютъ, чтобъ умъ ихъ не былъ стѣсняемъ заботами о суетномъ и мірскомъ, но чтобы былъ постоянно устремленъ къ Богу. Такъ точно и божественный Нилъ, желая, чтобы и самые сподвижники не слышали сердечныхъ его воздыханій и молитвъ къ Богу, и не видѣли подвиговъ и слезъ, чтобы умъ его и сердце постоянно заняты были Богомъ, чтобы можно было всего себя посвятить Богу, и чтобы никто не могъ прерывать небесныхъ его упражненій, нашель мѣсто для своего уединенія неприступное почти ни для какого живаго существа, нашель и, не обращая вниманія на невыразимыя трудности и даже опасности жизни, поселился въ немъ. А поселившись, мужественно терпѣлъ онъ до конца своей жизни всякую тѣсноту и бѣдствіе, презрѣвъ всякое тѣлесное упокоеніе и человѣческое утѣшеніе. Какіе же подвиги видѣла пещера, вмѣстившая сего мужественнѣйшаго подвижника! Коликимъ она оросилась изліяніемъ теплыхъ слезъ плакавшаго по Богѣ день и ночь! Какой борьбы съ демонами и какихъ побѣдъ надъ ними была она свидѣтельницею! И послѣ побѣдъ надъ темными силами, коликими она освятилась небесными видѣніями и ликостояніями Ангеловъ, являвшихся сюда для утѣшенія равноангельскаго подвижника! Всего этого хорошо мы не знаемъ, это извѣстно только Всевѣдцу. Но для насъ и одно мѣсто его подвиговъ есть безмолвный и громогласный проповѣдникъ о величіи ихъ; не менѣе того свидѣтельствуеть о томъ же и прославленіе потомъ мертвенныхъ священныхъ его останковъ.

Вотъ настало время и окончанія земныхъ злостраданій сего славнаго подвижника, и упокоенія его тамъ, гдѣ ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ ктому (Апок. 21, 4). Умерщвлявшій по вся дни свое тѣло безболѣзненно отдаетъ общій долгъ смертности, и отходить къ Тому, коего душа

его желала отъ юности, возносясь на небеса въ иѣснопѣніяхъ и дориношеніи Ангеловъ. Въ тѣснѣйшей своей пещерѣ, ознаменованной и освященной столькими дивными подвигами его, онъ мирно предалъ въ руцѣ Божіи мирный свой духъ. При ней же братія его келліи благоговѣнно предали землѣ многопобѣдное и многотерпѣливѣйшее его тѣло. А чудный во святыхъ Своихъ великодаровитый Мздовоздатель, славно прославляющій славящихъ Его, въ вѣрное и ясное свидѣтельство чистой и божественной жизни сего высокаго подвижника, прославилъ его тѣмъ, что изъ гроба его впоследствии начало истекать благовонное муро съ цѣлительными силами. Муро это, какъ свидѣтельствуется преданіе, текло въ такомъ обиліи, что стекало внизъ по стремнинѣ даже до самаго моря ¹. И когда разнеслась о семъ слава всюду, стали во множествѣ стекаться сюда христіане отъ самыхъ отдаленныхъ странъ Востока, приставая своими лодками (лодками) ниже и прямо пещеры, чтобъ получить сего священнаго мюра во исцѣленіе и освященіе души и тѣла. Отъ этого самаго, говорятъ, и мѣсто, находящееся ниже пещеры Ниловой, названо *καρφοστάσιον* (кораблестояніе). Преподобный же съ того времени нареченъ муроточивымъ. При этомъ рассказываютъ, что ученикъ, оставшійся послѣ святаго Нила и бывший очевидцемъ скромности и глубокаго смиренія своего старца при земной его жизни, не вынося молвы отъ множества стекающихъ мірянъ, тревожившихъ покой Святой Горы, будто бы рѣшился жаловаться своему прославленному старцу на него самаго, что онъ, вопреки своимъ словамъ — не искать и не имѣть славы на земли, а желать ея только на небесахъ, — весь міръ скоро наполнитъ славою своего имени и нарушитъ чрезъ то спокойствіе Святой Горы, когда во множествѣ начнутъ приходить къ нему для исцѣленій: и это такъ подѣй-

---

¹ Это будетъ въ отвѣсѣ сажень по крайней мѣрѣ 60.

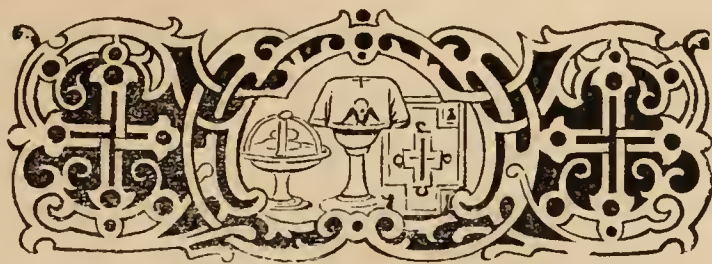

ствовало на святаго муроточца, что тогда же муро изсякло. Въ недавнее время нѣкоторые изъ кавсокаливскихъ отцевъ, получившіе исцѣленіе отъ различныхъ болѣзней чрезъ благоговѣйное — молитвенное призываніе святаго въ помощь себѣ, по чувству святой благодарности рѣшились построить при его пещерѣ храмъ. 1815 года отъ Р. Х. 7-го мая, было приступлено къ постройкѣ. Коная мѣсто для основаній храма, открыли незамѣчаемый дотолѣ сводъ, и вдругъ вышло изъ онаго неизреченное благоуханіе. Надобно сказать, что до того времени, хотя всѣ были увѣрены, что гробъ преподобнаго и мощи его находятся при его пещерѣ, но никто не зналъ опредѣленно, въ какомъ именно мѣстѣ. Для непытливой вѣры достаточно было только знать, что тамъ находится чтимая ею святыня. Итакъ, разломавъ этотъ сводъ, нашли подъ нимъ безцѣнное сокровище—священныя мощи святаго, благоухавшія неизъяснимымъ райскимъ ароматомъ. Тотчасъ же сообщили объ этомъ лаврѣ. Лавра немедленно послала туда іереевъ. Іереи, взявъ съ величайшимъ благоговѣніемъ изъ-подъ свода святыя мощи, перенесли ихъ въ Лавру, гдѣ въ то время находился константинопольскій патріархъ славный Григорій и участвовалъ при встрѣчѣ святыхъ мощей. Лавра, прилично украсивъ черепъ и челюсть святой главы, первый оставила у себя, положивъ его во святомъ алтарѣ вмѣстѣ съ другими святыми мощами, вторую же отослала въ келлію святаго Нила, во освященіе пребывающихъ тамъ и приходящихъ туда ради благоговѣнія къ святому и почитанія его памяти. Между тѣмъ оконченъ былъ устройствомъ и священный храмъ при пещерѣ святаго Нила. Онъ, сообразно съ пространствомъ мѣста, можетъ вмѣстить не болѣе 10 или 15 человѣкъ. Позади алтаря сего храма означено мѣсто, гдѣ былъ гробъ святаго.

Вотъ краткое описаніе жизни преподобнаго отца нашего Нила, который, какъ вѣрный рабъ и благодарный дѣлатель,

послужилъ Владыкѣ и Богу нашему въ привременной жизни, и прославилъ Его въ тѣлеси своемъ, умертвивъ душевредныя страсти и злыя похоти плоти, презрѣвъ всякое временное упокоеніе тѣла, и даже самыя необходимыя его нужды. За что и всещедрый дародатель Богъ прославилъ его здѣсь на землѣ, освятивъ временно злострадавшее его тѣло, и давъ мертвеннымъ его останкамъ благодать исцѣленія недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ съ вѣрою къ нимъ притекающихъ; паче же онъ прославляется нынѣ на небесахъ, веселясь своимъ духомъ со всѣми святыми и съ Ангелами, и наслаждаясь невечернимъ свѣтомъ и неизреченною красотою Трїипостаснаго Божества. Молитвами и ходатайствомъ преподобнаго отца нашего Нила да достигнемъ и мы въ мѣру возраста и исполненія Христова, и да сподобимся наслаждаться купно съ нимъ блаженною и нестарѣющею жизнію. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

КИПРИАНА НОВАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮЛЯ 5-ГО.

вященномученикъ Христовъ Кипріанъ родился въ мѣстечкѣ Клитзѣ, въ епархіи Литрійской и Аграфской.

Получивъ приличное воспитаніе и хорошее образованіе въ законѣ Божіемъ и въ правилахъ христіанской нравственности, онъ оставилъ міръ, принялъ монашескій образъ и удостоенъ священства. Для лучшаго охраненія себя отъ соблазновъ міра, онъ удалился на святую Аѳонскую Гору, пріобрѣлъ себѣ келью въ предѣлахъ Котломужской обители съ церковію великомученика Георгія, и въ сожительствѣ двухъ иноковъ подвизался тамъ, какъ трудолюбивая пчела, собирая сладкій медъ добродѣтелей чрезъ подражаніе преподобнымъ старцамъ Святой Горы; наконецъ, по истеченіи времени, и самъ своими чрезвычайными подвигами сдѣлался примѣромъ для тамошнихъ иноковъ.

Но при своей высокой жизни, при многоразличныхъ умерщвленіяхъ плоти, — въ чрезвычайномъ воздержаніи, продолжительномъ постѣ, всенощныхъ бдѣніяхъ, колѣнопреклоненіяхъ и долужаніяхъ, въ непрестанныхъ молитвахъ —

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

онъ считалъ себя совершенно недостойнымъ никакой милости Божіей, полагая, что только пролитіе крови и страдальческая смерть за Христа могутъ засвидѣтельствовать любовь къ Нему, умершему на крестѣ ради нашего спасенія. Въ такомъ сердечномъ убѣжденіи, онъ только и мыслилъ, только и желалъ, чтобъ удостоиться мученической кончины за Христа, взывая съ божественнымъ Павломъ: *кто ны различитъ отъ любви Божія, — скорбь ли или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда или мечь* (Рим. 8, 35)? и поя съ пророкомъ Давидомъ: *что воздадимъ Господеву о всѣхъ, яже воздаде намъ* (115, 3). Когда онъ открылъ свои мысли и желанія святымъ отцамъ Горы, они возбраняли ему, опасаясь за немощь плоти. Однако онъ, подвизаемый духомъ, оставилъ Святую Гору, и отправился въ Фессалонику. Тамъ, явившись въ сонмище агарянъ, началъ онъ говорить нашѣ: я пришелъ объявить тебѣ и прочимъ агарянамъ, что вы находитесь въ пагубномъ мракѣ заблужденія, и не можете видѣть истины. Ученіе вашего пророка есть адскій мракъ; напротивъ, краше солнца есть евангельское ученіе Господа нашего Иисуса Христа, и одна истинная вѣра — христіанская, исповѣдующая Трїиностаснаго Бога. Спаситель Господь нашъ Иисусъ Христосъ, истинный Богъ и совершенный человекъ въ двухъ естествахъ, но въ одномъ лицѣ, есть исполненіе закона и пророковъ. А потому, принявъ отъ Него божественное Евангеліе, мы, христіане, знаемъ, что кто явится послѣ Него съ своимъ ученіемъ — оно ложно и недостойно принятія. Сами посудите, вашъ Магометъ, пришедшій послѣ Христа, какое принесъ вамъ ученіе? Судя по немъ, вы должны сознаться, что онъ льстецъ и обманщикъ. Нашъ Господь пророчествовалъ въ святомъ своемъ Евангеліи: *Азъ придохъ во имя Отца Моего, и не приемлете Мене: аще инъ придетъ во имя свое, того приемлете* (Іоан. 5, 43). Магометъ вашъ пришелъ съ собственнымъ своимъ ученіемъ, и вы увлеклись

этимъ обманщикомъ. Паша, слыша такое обличеніе, приказалъ выгнать святаго, говоря предстоящимъ: что это за сумазбродъ? онъ не стоитъ того, чтобъ заниматься съ нимъ! И, сказавъ это, велѣлъ своимъ кавасамъ бить его. Выгнанный изъ турецкаго судилища, святой Кипріанъ удалился изъ Θεссалоники въ Царьградъ, въ чаяніи тамъ получить мученическую смерть.

По прибытіи въ Константинополь, чтобъ успѣшнѣе дѣйствовать, онъ рѣшился, по незнанію турецкаго языка, написать свою рѣчь на бумагѣ и передать ее верховному визирю и прочимъ туркамъ. Вотъ что написалъ онъ по гречески: Нечестивые агаряне! долго ли вамъ обманываться? доколѣ не будете вѣровать въ Господа нашего Іисуса Христа, Который есть истинный Богъ и совершенный нашего ради спасенія человѣкъ? Вы вѣруете въ Магомета, и называете его пророкомъ, тогда какъ онъ—не пророкъ, а обманщикъ: онъ совершенно обезумилъ васъ. Очувствуйтесь, увѣруйте въ Христа истиннаго Бога и окреститесь, да наслѣдуете царствіе небесное. Изложивъ это, онъ продолжалъ исповѣдывать Іисуса Христа Богомъ истиннымъ, Творцемъ неба и земли и всего видимаго и невидимаго, Судією живыхъ и мертвыхъ, а Магомета уничижать, приглашая визиря и всѣхъ прочихъ агарянъ къ познанію истины христіанской вѣры. Съ этою обличительною хартіею явился онъ во дворецъ визиря, и просилъ турецкихъ писцовъ перевести написанное имъ на ихъ собственный языкъ. Но такъ какъ никто изъ агарянъ не зналъ греческаго языка, то блаженный и оставался безъ отвѣта, пока одинъ, обратившійся въ магометанство, грекъ, взявъ бумагу, не прочиталъ ея по турецки. Тяжко было туркамъ слышать хулы на ихъ Магомета: они, какъ изступленные, бросились на святаго Кипріана, и съ ругательствами выгнали его изъ дворца. Между тѣмъ одинъ изъ кавасовъ, отдавъ бумагу случившимся тамъ по дѣламъ своимъ христіа-

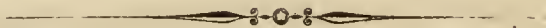
намъ, сказалъ имъ: скажите иноку, чтобъ онъ скрылся отсюда, а то узнаетъ про него визирь, и сожжетъ его, или пошлетъ въ каторгу. Но святой Киприанъ, получивъ бумагу, лишь только уллучилъ время, когда визирь принималъ просителей, устремился къ нему. Напрасно кавасы били его безъ милости, не допуская къ визирю: чѣмъ болѣе мученику возбраняли, тѣмъ болѣе усиливался онъ идти къ визирю, такъ что начальникъ кавасовъ, видя его, и не зная причины, изъ состраданія спросилъ: за что вы бьете бѣднаго инока, и почему не позволяете ему явиться къ визирю. Это — поноситель нашей вѣры и нашего пророка, отвѣчали неистовые кавасы, и потому мы не позволяемъ ему нарушить спокойствіе визиря, его насмѣшками надъ нашимъ пророкомъ. Тогда мученика представили предъ визиря. Визирь, по обыкновенію агарянской лицемѣрной кротости, спросилъ ласково святаго: чего ты старецъ (геронта) хочешь отъ меня. — Твоего спасенія, верховный визирь, отвѣчалъ святой Киприанъ. Оставь заблужденіе, отрекись отъ Магомета, какъ обманщика, и вѣруй въ сладчайшаго Іисуса Христа, истиннаго Бога, окрестись во имя святой Троицы, и сдѣлайся христіаниномъ: чрезъ это ты наслѣдуешь небесное царствіе. Визирь изумился смѣлости инока, и спросилъ его: откуда ты и въ какомъ монастырѣ воспитывался. — Всѣ церкви и монастыри, какія есть подъ небомъ, мои собственныя, отвѣчалъ святой Киприанъ. — Визирь: не послалъ ли тебя съ этими словами греческій патриархъ? — Нетолько не послалъ онъ меня, но я даже не видѣлъ его, какъ пришелъ сюда. — Визирь говоритъ ему опять: не пьянъ ли ты? — Мученикъ отвѣчалъ: и хлѣба еще не вкушалъ. — Ты или глупъ, или сумасшедшій, продолжалъ визирь. — Я рѣшился придти къ тебѣ и бесѣдовать о томъ, чтобъ ты увѣровалъ въ Господа нашего Іисуса Христа, истиннаго Бога, и чрезъ то наслѣдовалъ небесное царствіе, неизмѣнное конца. Это дѣло не сумасшедшаго и не глупца,

сказалъ исповѣдникъ. Слыша такіе удовлетворительные отвѣты и видя дерзновеніе мученика, визирь пришелъ въ недоумѣніе, и началъ думать, какимъ бы образомъ отвлечь старца отъ Христа, и привести его къ магометанской вѣрѣ. Прежде всего онъ употребилъ ласкательства.—Такъ какъ ты ни пьянъ, ни несмысленъ, то оставь твою вѣру и исповѣдай нашего пророка. Ты знаешь, что все, что ни создалъ Богъ, для него создалъ. Если увѣруешь въ нашего пророка, я удостою тебя великой почести, поставлю тебя однимъ изъ первыхъ въ моей палатѣ. — Никогда не будетъ этого, эфенди. Я вѣрую въ Господа моего Іисуса Христа, въ Котораго вѣровать и тебя убѣждаю, да будешь сыномъ свѣта и дня; познай заблужденіе, и оставь вѣру пророка, потому что она ложная, и если не оставите своего заблужденія, и не познаете Бога тріипостаснаго и единосущнаго, Отца, Сына и Святаго Духа, нѣтъ вамъ никакой надежды спасенія. Слыша это, визирь убѣдился въ непоколебимости святаго вразсужденіи его вѣры, и потому приказалъ отвести его къ шейхъ-исламу, къ верховному изъ духовныхъ сановниковъ. Когда предсталъ мученикъ предъ шейхъ-ислама, онъ спросилъ его: кто ты, и что проповѣдуешь намъ? Мужественный исповѣдникъ говорилъ ему тоже самое, что и визирю. Изступленный агарянинъ, слыша святаго, закипѣлъ гнѣвомъ, не далъ ему кончить бесѣды, и приказалъ отсѣчь голову мученика въ Фонари, въ поруганіе обитающимъ тамъ знаменитымъ христіанамъ. Исполнитель казни передалъ мученика, скованнаго, кавасамъ, которые и повлекли его въ Фонари. Чудно было видѣть священномученика въ это время: онъ шелъ не какъ на смерть, а какъ на торжество. На лицѣ его игралъ свѣтъ, какъ проявленіе внутренней радости и чистоты души его. Достигнувъ двери, вводящей въ патриаршескій дворъ, онъ преклонилъ колѣна, и оградившись знаменіемъ честнаго креста, благодарилъ Бога, удостоившаго его кончить жизнь

путемъ мученическимъ. Здѣсь еще турки убѣждали его признать Магомета великимъ пророкомъ, и не дѣлаться виновникомъ собственной смерти. Уничижая и понося ихъ лжепророка, святой Киприанъ преклонилъ блаженную выю свою подъ мечъ, и былъ обезглавленъ, и такимъ образомъ получилъ мученическій вѣнецъ. Его молитвами да удостоимся и мы съ нимъ царствія небеснаго. Аминь.

Преподобный Киприанъ пострадалъ въ Константинополѣ въ 1679 года, іюля 5-го дня, въ субботу.

СТРАДАНИЕ ПРЕПОДОБНАГО

ДАМАСКИНА ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО НОЯБРЯ 13-ГО.

лаженный Дамаскинъ пострадалъ въ царство султана Махмета, при патриархѣ Іаковѣ, урожденцѣ Хиоскомъ. Родился онъ въ Галатѣ константинопольской, въ приходѣ Богородицы Елеусы (милующей) отъ благочестивыхъ родителей Кириака и Кириакіи: имя его въ мѣрѣ было Діалеантъ; въ отрочествѣ остался онъ сиротою. Безъ руководства и надзора родительскаго, Діалеантъ, по искуству швецъ, велъ себя безнравственно и, бывъ схваченъ турецкимъ правительствомъ въ преступленіи, для избѣжанія наказанія, отрекся отъ христіанской вѣры. Достигши же совершеннаго возраста, часто воспоминалъ онъ объ обѣтованіяхъ Евангелія, о святости и чистотѣ христіанской вѣры и, чувствуя въ какую палъ бездну погибели, отрекшись Христа, рѣшился удалиться на Святую Гору, и тамъ оплакивать тяжкій свой грѣхъ. Итакъ, онъ прибылъ на Гору и поступилъ въ лавру святаго Аѳанасія; 12 лѣтъ оплакивалъ свое паденіе, изнурялъ себя разнообразными трудами подвижничества, и безусловно слѣдовалъ совѣтамъ духовнаго своего старца, кото-

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

рому, по приходѣ, открылъ несчастное свое положеніе, и всецѣло подчинился. Здѣсь принялъ онъ святую схиму съ именемъ Дамаскина. Не смотря однакоже на то, что своею строгою жизнію превосходилъ многихъ тогдашняго времени иноковъ, не смотря на всѣ свои труды и слезы, онъ считалъ свой грѣхъ столь тяжкимъ, что никакіе подвиги, казалось ему, не могли удовлетворить за него правдѣ Божіей. Одно, на чемъ успокоивалась мысль его—пострадать и умереть за Христа, слова Котораго онъ постоянно содержалъ въ памяти: *иже исповѣсть Мя предъ чловѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ: а иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. 10, 32, 33). Когда онъ открылъ свое желаніе—идти на смерть за Христа, никто не одобрялъ того, изъ опасенія немощи чловѣческой, чтобъ послѣднее не оказалось горше перваго. Въ то время въ лаврѣ находился патріархъ константинопольскій Діонисій: ему надлежало отправляться въ Константинополь. Дамаскинъ открылъ ему свое желаніе; патріархъ благословилъ его на подвигъ, и взялъ съ собою въ Константинополь.—Я возвращусь опять на Святую Гору, сказалъ ему патріархъ, а ты вступишь въ подвигъ мученичества и умрешь за Христа: помолись Ему и о мнѣ, да милостивъ будетъ мнѣ въ исходѣ моемъ. По прибытіи въ Константинополь, Дамаскинъ снялъ съ себя иноческое одѣяніе, чтобы, при исповѣданіи имени Христова, не навлечь на иноковъ гнѣва, когда мусульмане услышатъ отъ инока хулу на Магомета. Подобный случай гоненія на иноковъ былъ прежде немногихъ лѣтъ, когда пострадали два инока, Кипріанъ и Гавріиль. Потомъ пріобщившись святыхъ Таинъ Христовыхъ въ храмъ святаго Николая, что въ Галатѣ, Дамаскинъ пошелъ въ Софію, и тамъ началъ молиться, ограждаясь знаменіемъ честнаго креста. Мимо проходившіе агаряне, видя христіанина въ Софійской мечети моля-

шагося, изумились. Впрочемъ, почитая его помѣшаннымъ, не обращали вниманія. По молитвѣ Дамаскинъ, видя, что никто изъ турокъ не тревожится, вышелъ изъ Софїи. На пути встрѣтилъ онъ имама, читающаго книгу. — Писано ли что нибудь въ книгѣ твоей о Христѣ. — Да не будетъ сего мусульманину, отвѣчалъ ученый. — Что хочешь сказать этимъ, мусульманинъ? Между тѣмъ подошли и окружили ихъ агаряне, слушали Дамаскина и насмѣхались надъ нимъ, какъ надъ неистовымъ. Тогда спросилъ ихъ исповѣдникъ: хотите ли слышать слово къ пользѣ вашей? — Хотимъ, скажи, отвѣчали они. — Мученикъ говоритъ: Христосъ есть Богъ истинный, Творецъ всего видимаго и невидимаго. — Ты безумецъ, возразили они. — Не я, а вы безумны и несмысленны, если не вѣруете, что Христосъ есть истинный Богъ. Не обращая вниманія, какъ на неистоваго, турки оставили его. Оттуда переходитъ святой исповѣдникъ въ мечеть султана Мехмета, и тоже проповѣдуетъ тамошнимъ имамамъ, но и они только прогнали его, какъ неистоваго. Недовольный неисполненіемъ своего желанія, Дамаскинъ удалился къ мѣсту, такъ называемому Касипани, и тамъ громко, среди мусульманъ, воззвалъ: мусульмане! одна вѣра Христова есть истинная, а ваша вѣра ложная: васъ обманулъ Магометъ, и вы за свое заблужденіе будете наказаны. Но какъ громко ни обличалъ онъ турокъ, — и тамъ никто не обратилъ на него вниманія. На другой день утромъ, пришедши во дворецъ визиря, Дамаскинъ началъ говорить: одна вѣра христіанская есть истинная, и Христосъ есть Богъ истинный, а ваша вѣра ложная. Изступленные турки схватили его, били безъ милости, и наконецъ, какъ неистоваго, выгнали. На третій день является исповѣдникъ въ мечеть, называемую Сегизани, близъ казармъ янычарскихъ. Когда турки, послѣ обычныхъ своихъ молитвъ, выходили изъ мечети, онъ громко говорилъ имъ: несчастные! кого вы почитаете? чего надѣетесь отъ ложнаго

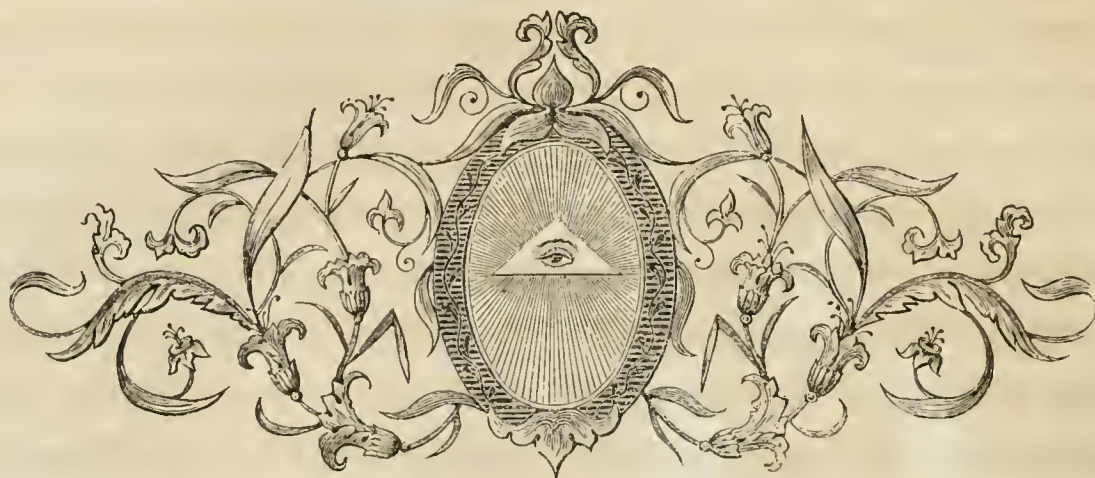

пророка вашего? Одна есть истинная вѣра — вѣра христіанская. Но какъ и прежде, принимая исповѣдника за помѣшаннаго, никто не обратилъ на него вниманія. Сильно огорченный тѣмъ, что и здѣсь не достигъ желанія, онъ нечаянно возвратился въ Галату; всю слѣдующую ночь провелъ въ молитвѣ, и смиренно вопіялъ ко Господу: не возгнушайся мною, смиреннымъ рабомъ Твоимъ, едиnorodный Сыне Божій, удостой меня пролить кровь мою и положить животь мой за Тебя, моего Господа. На утро, въ день воскресный, вставши, пошелъ онъ въ мечеть, что у Топханы, въ которой прежде въ молодости имѣлъ несчастіе отречься отъ Христа, и признать Магомета за великаго пророка. Множество агарянъ стеклось тогда въ мечеть на утреннюю молитву. Исповѣдникъ, ставши посреди турокъ, возопилъ: бѣдные! зачѣмъ вы собираетесь? на кого вы надѣетесь? горе вамъ, несчастные, вѣчная мука ждетъ васъ! Христосъ единъ есть Богъ истинный! Услышавъ такое обличеніе, турки исполнились гнѣва, устремились на исповѣдника, били его безъ милосердія, и наконецъ повлекли къ надзирателю галатійской части Константинополя. Здѣсь исповѣдникъ проклялъ Магомета и гнусное его ученіе, чего не терпя слышать, агарянинъ отправилъ его къ визирю съ описаніемъ досажденія и безчестія, какое произносилъ исповѣдникъ на Магомета и на ученіе его. Прочитавъ донесеніе, визирь спросилъ Дамаскина: правда ли то, что о тебѣ здѣсь пишется. — Да, все правда, отвѣчалъ тотъ. — Прощаю тебя, кротко сказалъ визирь исповѣднику: ты нашъ подданный, твоя обязанность платить подать царю, и сего ради тебѣ даруется жизнь. Но, какъ кажется, ты нищій, и потому желаешь смерти. Мученикъ говоритъ: напротивъ, я богаче тебя: такъ какъ имѣю сокровище вѣры въ моемъ сердцѣ, и вѣра моя краше солнца. Ты имѣешь много мірскаго богатства, которое собралъ: но сегодня владѣешь имъ, а завтра возметъ его другой. Сокровище

же вѣры моей пребываетъ во вѣки въ царствіи небесномъ. Визирь, видя, что мученикъ твердъ въ своемъ исповѣданіи, и не увлекается его словами, издалъ рѣшеніе отсѣчь ему голову. Исполнители приговора и казни, связавъ его, повлекли въ Фонари. Тамъ, предъ вратами патріаршескаго двора, мученикъ, благодаря Бога за исполненіе желанія, всталъ на колѣна, преклонилъ выю подъ мечъ, и — его обезглавили. Кровь брызнула, и священныя ея капли пали на дверь со-противной лавки торговой. Прилучившійся тогда игумень монастыря *μικρόν μονήν*, именемъ Макарій, купилъ дверь, принесъ въ монастырь свой для освященія его каплями крови мученической. Между тѣмъ святыя мощи, по приказанію турковъ, лежали на мѣстѣ усѣченія цѣлыхъ три дня на улицѣ, предъ патріаршескимъ дворомъ. Наконецъ христіане подкунили стражей, взяли ихъ оттуда и положили въ кайкъ, чтобъ перевестъ ихъ на островъ Халки въ монастырь Святыя Троицы; но отцы обители Пресвятыя Богородицы, находящейся на томъ же островѣ Халки, предупредили ихъ, взяли оныя въ свою обитель, и погребли честно позади святаго жертвенника. Молитвами святаго преподобномученика Дамаскина да удостоитъ Спаситель и насъ всѣхъ царствія Своего. Аминь.

Преподобномученикъ Дамаскинъ пострадалъ 1681 года, ноября 13-го.

СТРАДАНИЕ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

ИЛИИ АРДУНИСЪ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ЯНВАРЯ 31-ГО.

течествомъ сего блаженнаго Илии было лежащее въ Мореѣ селеніе Каламатанъ. По занятію онъ былъ цирюльникъ, но такъ какъ отъ природы обладалъ благоразуміемъ, былъ искусенъ въ обхожденіи съ людьми и опытенъ въ дѣлахъ житейскихъ; то всѣ представители того селенія имѣли къ нему уваженіе и, всегда дружески обращаясь съ нимъ, нерѣдко пользовались его совѣтами. Разъ въ разговорѣ между представителями народа зашло слово и о различныхъ и весьма тяжкихъ повинностяхъ и безчисленныхъ притѣсненіяхъ, какія испытывали тогда плѣнные морейскіе христіане. Благословенный Илія со многою болѣзнію и скорбію сердца предлагалъ представителямъ, что нужно всячески позаботиться объ облегченіи христіанъ отъ тяжкихъ податей, ибо предстоитъ опасность, что иные изъ нихъ отрекутся вѣры своей и отуречатся. Представители отвергли мнѣніе Илии, и гово-

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

рили, что не видится изъ этого никакой опасности для христіанъ. Тогда Илія, полный ревности о благѣ ближнихъ, желая показать, что и другіе могутъ поступить такъ же, въ простотѣ сердца говоритъ имъ: пусть дастъ мнѣ кто нибудь фесь (красная скуфья), я перемѣню націю. Одинъ изъ представителей, желая пошутить надъ нимъ, послалъ ему фесь; но Илія, забывъ о ловительствѣ діавола и не могши вдругъ очнуться отъ коварнаго сатанинскаго его омраченія, тотчасъ пошелъ къ мѣстному судѣ, и отрекся своей вѣры. Такой его поступокъ причинилъ великую скорбь и печаль всѣмъ тамошнимъ христіанамъ. Спустя, впрочемъ, немного времени, онъ пришелъ въ самага себя, горько плакалъ и много сокрушался о своемъ безуміи, и желая загладить свое преступленіе и принести плоды достойные покаянія, удалился оттуда на Святую Гору — какъ спасительное пристанище всѣхъ обуреваемыхъ волнами житейскихъ напастей: съ великимъ сердечнымъ сокрушеніемъ исповѣдалъ онъ здѣсь нѣкому духовнику грѣхъ свой, съ любовію и усердіемъ исполнилъ назначенный ему подобающій канонъ; по исполненіи же онаго былъ помазанъ священнымъ муромъ, и такимъ образомъ сопричисленъ къ словесному стаду Христову. Сдѣлавшись снова овцею стада Христова, онъ уже не хотѣлъ отдавать жизни своей суетному міру, но рѣшился посвятить ее исключительно Богу, и потому пріялъ на себя иноческій образъ. Восемь лѣтъ, по принятіи на себя ангельскаго образа, провелъ онъ въ дивныхъ аскетическихъ подвигахъ; но помня слова Господа и Спасителя нашего: *иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ* (Матѣ. 10, 33), никогда не имѣлъ полного мира въ душѣ и покоя въ совѣсти, почему открылъ духовнику своему, что онъ имѣетъ намѣреніе и желаніе смыть свое преступленіе не слезами только, но и кровію своею. Духовникъ, похваливъ его намѣреніе, совѣтовалъ ему отпра

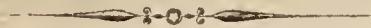

виться въ Каламатанъ, и съ дерзновеніемъ исповѣдать Христа тамъ, гдѣ Его отвергся. Итакъ, взявъ благословеніе и молитву отъ духовнаго отца своего, онъ оставилъ Святую Гору; и скоро прибылъ въ Каламатанъ. Прибывъ сюда, онъ объявилъ о своемъ намѣреніи мѣстнымъ духовникамъ; но они, боясь за него, останавливали его отъ такого начинанія. Не смотря на то, Илія, твердо уже рѣшившійся на священномученической подвигъ, презрѣлъ всякій страхъ, и является на базарную площадь, чтобы тамъ замѣтили его турки. Сначала они не узнали его; когда же онъ прошелъ по улицѣ дважды и трижды, признали въ немъ прежняго своего собрата, и стали кричать въ слѣдъ ему: не ты ли это Мустафа Ардунисъ. — Да, говоритъ имъ тогда святой съ дерзновеніемъ, это я, но только не Мустафа, а Илія и христіанинъ православный,—и безъ всякой боязни началъ поносить ихъ вѣру, и проповѣдывать Христа Богомъ истиннымъ. Услышавъ это, нечестивцы тогда же, послѣ довольныхъ побоевъ, представили его судѣ, свидѣтельствуя, что этотъ человекъ самъ добровольно принялъ нашу вѣру, даже просилъ насъ о ней, а теперь безчеститъ ее. Такъ какъ мученикъ и на вопросъ судьи о его вѣрѣ отвѣчалъ ему тоже, что и представившимъ его, то по судейскому повелѣнію ввергнуть былъ въ темницу и узы, чтобы тамъ могъ лучше размыслить о себѣ. Когда въ тяжкомъ томъ узилищѣ провелъ онъ нѣсколько дней, его представили предъ судью на второе испытаніе. Но видя бесплодность всѣхъ усиленныхъ стараній, нечестивый судья рѣшилъ — мученика сжечь; почему палачи тотчасъ же схватили его и повели на мѣсто казни, гдѣ все было уже готово. Исполнители казни бросили его въ пламя, но, о чудо! огонь не коснулся ни рясы страстотерпца, ни даже волосъ его: дрова и все прочее стараемое вещество испепелились, а мученическое тѣло осталось цѣло и безъ всякаго поврежденія; душа же Іліи между тѣмъ ликовала уже въ горнихъ селеніяхъ,

предстоя престолу Всевышняго. Такимъ образомъ ратоборець Христовъ Ілія принялъ отъ Него неувядаемый вѣнецъ мученичества. Вечеромъ стерегушіе мученическое тѣло ясно видѣли снисшедшій съ небеси и окружившій его свѣтъ. Видя это, агаряне говорили: такъ какъ огонь нашъ не сожегъ его, то Самъ Богъ послалъ огонь съ неба для сожженія. Христіане, давши агарянамъ довольно сребрениковъ, взяли святыя мощи, издававшія изъ себя неизреченное благоуханіе, и погребли ихъ честно и благоговѣйно въ церкви, отдѣливъ, впрочемъ, отъ нихъ святую главу, и съ благоговѣніемъ положивъ оную въ одномъ монастырѣ того мѣста, называемомъ Вурканонъ. Святою главою сею и донинѣ совершаются дивныя и преславныя чудеса. При этомъ же случаѣ благочестивая жена, баба учителя каламатанскаго Діонисія, взяла себѣ въ освященіе отъ мученическаго тѣла ребро, отъ коего тоже совершилось много чудесъ во славу святаго мученика и Господа нашего Іисуса Христа, Коему подобаесть всякая слава, честь и поклоненіе со безначальнымъ Его Отцемъ, и Пресвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Святой преподобномученикъ Ілія пострадалъ въ 1686 г.

СТРАДАНИЕ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

РОМАНА ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ФЕВРАЛЯ 16-ГО И ЯНВАРЯ 5-ГО.

Благословенный Романъ былъ родомъ изъ Карпениси, и происходилъ отъ родителей простыхъ и безграмотныхъ, но благочестивыхъ. По причинѣ ихъ безграмотности и Романъ оставался безграмотнымъ, и не имѣя никакого понятія о догматахъ вѣры, ничего не зналъ, кромѣ того, что онъ христіанинъ. Разъ, услышавъ разговоръ нѣкоторыхъ о святомъ гробѣ Господа нашего, и тронувшись имъ, онъ немедленно пошелъ въ Иерусалимъ, съ благоговѣніемъ поклонился живопріемному гробу Господню и всѣмъ тамъ святымъ мѣстамъ, и пришелъ въ священную лавру святаго Саввы освященнаго. Слыша тамъ чтенія о мученіяхъ, какимъ подвергались святые мученики за имя Христово для полученія будущихъ вѣчныхъ благъ, онъ спрашивалъ: что такое будущія блага? Получивъ же о нихъ понятіе, возжелалъ самъ достигнуть сихъ благъ подвигомъ мученичества. Возвратив-

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

шись въ Іерусалимъ, онъ объявилъ о такомъ своемъ намѣреніи тогдашнему патріарху; но святитель Божій останавливалъ его отъ страдальчества, какъ по причинѣ неизвѣстности конца сего великаго и страшнаго дѣла, такъ и по тому, чтобы не послѣдовало какого нибудь зла святому гробу. Романъ, однакожъ, непремѣнно желалъ мученичества и не могъ болѣе подавлять въ себѣ это желаніе, или, такъ сказать, не могъ утушить пламени, возгорѣвшагося въ сердцѣ его: почему, удалившись оттуда, явился въ Солунь, и тотчасъ представъ предъ тамошняго судью, дерзновенно исповѣдалъ предъ нимъ Христа Богомъ истиннымъ, Творцемъ всего видимаго и невидимаго и Спасителемъ человѣковъ, пророка же агарянскаго назвалъ баснословомъ, обманщикомъ и врагомъ всякаго добра и счастья человѣческаго, а вѣру ихъ признавалъ обманомъ и прелестію, какъ исполненную басней и достойную смѣха. Не терпя такого дерзновенія, судья велѣлъ бить его безъ пощады: варвары, принуждая его отречься Христа, изъ спины его вынули нѣсколько ремней, изрѣзали ему щеки. Кромѣ этихъ вынесъ тогда мученикъ за имя Христова и другія разныя мученія. Но такъ какъ страстотерпецъ оставался твердъ въ своемъ исповѣданіи, то судья приговорилъ его на посѣченіе.

Случилось тогда быть тамъ капитану солунскихъ кораблей: онъ сталъ просить себѣ у судьи мученика для корабельной службы, говоря, что это наказаніе для него будетъ жесточе мечаго посѣченія: на кораблѣ будетъ онъ мучиться во всю свою жизнь. — Это разсужденіе капитана понравилось всѣмъ нечестивцамъ, и они съ удовольствіемъ подарили ему мученика. Итакъ капитанъ, взявши его, обрилъ ему бороду и волосы и назначилъ работу—грести весломъ. Спустя немного времени нѣкоторые изъ христіанъ, друзья капитана, давъ ему нѣсколько сребренниковъ, освободили страдальца отъ тяжкой работы, и препроводили его на Святую Гору.

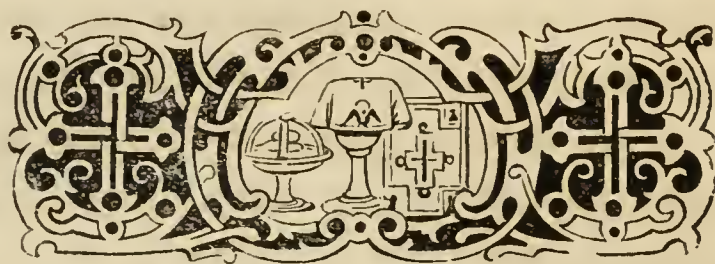
Явившись туда, онъ избралъ себѣ въ наставники въ духовной жизни дивнаго въ то время подвижника преподобнаго Акакія, безмолвствовавшего въ скитѣ Кавсокаливскомъ, и сталъ ангельски подвизаться подъ его руководствомъ. Впрочемъ душа Романа не была спокойна: онъ былъ какбы чужой въ настоящей жизни, не заботился ни о пищѣ, ни о питіи, ибо мысль его постоянно была устремлена къ желанному для него подвигу мученичества. Для лучшаго рѣшенія этого вопроса, съ общаго согласія оба—старецъ и ученикъ, наложили на себя на нѣсколько дней постъ, и предались тепло и усердной молитвѣ къ Господу Богу, чтобъ Онъ открылъ имъ о томъ волю Свою; скоро преподобный Акакій получилъ откровеніе, что есть на то воля Божія, и что Романъ славно совершитъ за Христа мученической свой подвигъ. Итакъ, Романъ, въ день пятидесятницы, облекшись въ ангельскій образъ, и утвердившись молитвами старца своего и тамошнихъ отцевъ, отправился въ Константинополь. Прибывъ сюда, святой употребилъ слѣдующее средство, чтобы заявить себя агарянамъ: изъ безчисленнаго множества бѣгавшихъ тамъ собакъ, поймалъ онъ одну, привязалъ къ себѣ за поясъ и сталъ таскать ее посреди базара. Турки, видя такое нечестивое, по ихъ понятію, дѣйствіе, спросили его: зачѣмъ таскаетъ онъ собаку; мученикъ отвѣчалъ имъ: чтобы кормить ее, какъ христіане кормятъ васъ агарянь. Разгнѣванные такимъ его отвѣтомъ, мусульмане устремились на него, какъ неукротимые звѣри, и начали бить его безъ милости: набившись довольно, они представили его къ самому визирю, который, слыша отъ устъ мученика тѣже слова, предалъ его нечестивцамъ на мученіе до тѣхъ поръ, пока не отречется своей вѣры. Нечестивые слуги взяли его, бросили въ сухой колодезь, куда, обыкновенно, бросаютъ убійць, и продержали его тамъ 40 дней, не давая ему ни пищи, ни питія; потомъ вынувъ, опять безжалостно мучили его; но не

могши склонить къ своему нечестію, донесли о томъ визирю. — Нечестивый судья велѣлъ лишить его жизни мечемъ. Тотчасъ же палачи взяли его, и приведши на мѣсто казни, чрезъ отнятіе тамъ честной главы его, препроводили святую душу его къ праведному Судіи всѣхъ Богу. Святая мощи его, когда отрублена была глава, были какбы живыя и пали сами на востокъ, чему позавидовавъ, агаряне начали бить и гнать оттуда христіанъ, которыхъ стеклось туда множество. Святость страстотерпическихъ этихъ мощей божественная благодать благоволила явить людямъ осіяніемъ ихъ небеснымъ свѣтомъ, который освѣщаль ихъ цѣлыхъ три ночи, пока нечестивцы стерегли ихъ: свѣтъ сей видѣли всѣ и дивились. Христіане, славя Бога, радовались этому, агаряне же посрамлялись. Тогда случился тамъ англійскій корабль: онъ купилъ святая мощи за 600 піастровъ, и увезъ ихъ въ Англию. Такъ блаженный Романъ получилъ вѣнецъ мученичества во славу Христа Бога нашего. Аминь.

Преподобномученикъ Романъ пострадалъ въ 1694 году.

ВѢКЪ XVIII.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО ІЕРОФЕЯ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО СЕНТЯБРЯ 13-ГО.

лаженный Іерофей, въ позднія времена просіявшій въ подвижничествѣ, какъ солнце, родился въ 1686 году въ Мореи, въ деревнѣ Каламати, отъ родителей благочестивыхъ и богатыхъ, Димона и Асимины. Когда прошло время младенческаго возраста, и Іерофей достигъ 7-ми лѣтъ, родители отдали его въ училище. При счастливыхъ природныхъ дарованіяхъ, прилагая съ своей стороны прилежаніе, блаженный отрокъ оказывалъ быстрые и удивительные успѣхи, тѣмъ болѣе, что, не увлекаясь обыкновенными играми и забавами дѣтскаго возраста, дни и ночи проводилъ въ занятіяхъ. Такимъ образомъ онъ прекрасно понялъ и изучилъ латинскій и эллинскій языки, исключительно впрочемъ посвящая себя чтенію священнаго писанія, какъ основанію всѣхъ прочихъ наукъ.

¹ Изъ νέον ἐκλόγιον.

Радовались родители о такомъ благонравномъ и прилежномъ своемъ сынѣ. Когда Героеей достигъ тѣхъ лѣтъ, въ которыя обыкновенно родители болѣе заботятся о женитьбѣ дѣтей своихъ, чѣмъ о настроеніи ихъ духа и мысли къ болѣе существеннымъ и высокимъ цѣлямъ, — Димонъ и Асмина начали думать, какъ устроить бракъ своего сына, въ чаяніи видѣть въ немъ и въ его дѣтяхъ утѣху и подпору въ своей старости. Вслѣдствіе сего найдена была ими достойная сына ихъ дѣвица, и все необходимое къ столь радостному семейному событію уже готовилось, безъ всякаго на то согласія блаженнаго Героея. Онъ видѣлъ родительскую заботливость, и горько скорбѣло невинное его сердце: ему не хотѣлось огорчить родителей своимъ упорствомъ; тяжелы казались и узы брачныя, потому что его мысль и желанія постоянно клонились къ пустынному безмолвію и къ сохраненію своего дѣвства. Въ такой крайности онъ обратился къ Богу, прося у Него божественной помощи и средствъ избѣгнуть отъ молвы и смутъ житейскихъ, и удалиться куда нибудь въ пустыню. Богъ послушалъ его. За двѣ или за три недѣли до брака, родители его скончались мирно, и отошли на вѣчный покой. Пораженный столь дивнымъ промышленіемъ Божиимъ, Героеей отдалъ приличнымъ образомъ послѣдній долгъ своимъ родителямъ и тайно скрылся изъ своей родины въ Закиноѣ, гдѣ находились нѣкоторые изъ богатыхъ его сродниковъ. Съ этой поры онъ посвятилъ себя совершенно наукамъ. Родственники съ своей стороны предлагали ему, для высшаго образованія въ философіи, отправиться на ихъ содержаніи во Францію; но онъ не согласился, потому что ему желалось прежде видѣть святую Гору Аѳонскую, которая тогда славилась нѣсколькими учеными мужами. Тамъ онъ поселился при одномъ отшельникѣ, въ кельи святаго Артемія, и въ тишинѣ, въ совершенномъ безмолвіи проводя время, съ особеннымъ тщаніемъ занялся изученіемъ аскети-

ческихъ твореній, и чтеніемъ патериковъ, изъ которыхъ видѣлъ съ одной стороны чрезвычайные, сверхъ естественные подвиги пустынниковъ, по 40 и по 60 лѣтъ проводившихъ жизнь въ удаленіи отъ всѣхъ, съ другой и несчастныя слѣдствія прелести и вѣрованія своему сердцу, высокаго мнѣнія о себѣ и проч. Такимъ образомъ, разсматривая различные пути иноческаго спасенія, онъ пожелалъ избрать для себя болѣе безопасный, по коему бы могъ пройти безъ преткновенія и уклоненія отъ истины. Мысль его всего болѣе останавливалась на подвигѣ мученичества: но и при семъ онъ страшился произвольнаго вызова на столь высокій подвигъ, безъ особеннаго призванія Божія. Итакъ онъ рѣшился ожидать указанія свыше, а между тѣмъ въ обители Иверской принялъ постриженіе и ангельскій образъ, и вскорѣ, въ соупутствіи одного изъ старцевъ той обители, отправился въ Константинополь. Здѣсь онъ чаялъ найти поприще для страдальческаго подвига, постоянно оставаясь подъ вліяніемъ агарянской власти, и имѣя частыя встрѣчи съ ними; даже молилъ Господа доставить ему случай торжественно исповѣдать имя Его; но Промыслъ хранилъ его среди невѣрныхъ для пользы другихъ. Изъ Константинополя Героей отправился въ Валахію, и продолжая свое образованіе у Марка кипрянина, наставника тамошняго училища, былъ рукоположенъ отъ митрополита софійскаго Авксентія въ діакона, а отсюда, спустя немного времени, для окончательнаго слушанія философіи, чрезъ Константинополь удалился въ Венецію. Такимъ образомъ съ обширными свѣдѣніями, съ глубокимъ и точнымъ знаніемъ языковъ латинскаго и эллинскаго, онъ снова возвратился на Святую Гору для того, чтобъ по совершенномъ образованіи себя во внѣшнемъ любомудріи, образовать сердце свое и волю въ духовномъ высреннемъ отношеніи, что состоитъ въ исполненіи воли Божіей, въ подавленіи страстей и въ твореніи добрыхъ дѣлъ. Для сего погрузился онъ

въ пустыню близъ Иверской обители, называемую *Χαυή*. Чтобъ удобнѣе очистить свой умъ и достигнуть чрезъ то совершенства созерцательной жизни, онъ строго и неуклонно слѣдовалъ условіямъ пустынночества: изнурялъ себя постомъ, бдѣніемъ и неусыпною молитвою. Такая назидательная жизнь обратила на него вниманіе, и Богъ призвалъ его въ достоинство священства, которое и получилъ онъ, будучи 30-ти лѣтъ, отъ неокесарійскаго митрополита Іакова, безмолвствовавшаго въ Иверской обители. Возвышеніе въ санъ не возвысило смиреннаго Іерофея, и не только не было ему предложено къ уменьшенію подвиговъ, а напротивъ возбудило въ немъ ревность къ большимъ трудамъ и къ болѣе строгому безмолвію. Постъ его такъ былъ чуденъ, что онъ въ теченіи трехъ или четырехъ дней ничего не вкушалъ, а если и вкушалъ иногда, то, вмѣсто хлѣба, чечевицу. Смотря на такое самоумерщвленіе, искренній ученикъ его Мелетій однажды укорилъ его, и назвалъ самоубійцею. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ на это: самоубійцею называется тотъ, кто умираетъ съ голода, а я даю чреву пищу и не желаю только знать, нравится ли она, или не нравится ему. Случилось, что въ великую четырехдесятницу вкушалъ онъ только разъ въ недѣлю, а временемъ оставался безъ пищи въ теченіе двухъ недѣль сряду. Впрочемъ такой чрезвычайный постъ онъ строго таилъ отъ другихъ; а потому, если когда и случалось ему кушать съ другими, разрѣшалъ на все позволительное монахамъ, чрезъ что съ одной стороны избѣгалъ и высокой мысли о своемъ постничествѣ. Также точно строгъ былъ онъ и въ отношеніи къ сну. Основываясь на словахъ великаго Арсенія ¹, изрекшаго: подвижнику довольно для сна въ теченіе сутокъ и одного часа, — старался слѣдовать сему правилу. При такихъ подвигахъ молитва умная, то-есть, Гос-

¹ Смотр. Чет.-Мин. Св. Димитрія Ростовскаго. Мая 8-го.

поди Иисусе Христе Сыне Божій помилуй мя, была постояннымъ его занятіемъ, жизнию его сердца и дыханіемъ устъ его.

Чрезвычайные подвиги наконецъ истощили блаженнаго Героеа такъ, что не смотря на крѣпость природныхъ силъ, онъ едва наконецъ могъ уже выносить и небольшія странствія изъ обители. Радостворный плачь и любовь, яже есть, по Апостолу, союзъ совершенства, были дарованы ему отъ Бога въ высшей степени. Случалось, когда какой нибудь нищій просилъ у него милостыни, и не было у него, что бы дать ему, онъ снималъ съ себя рясу, и отдавалъ ее, замѣняя ее впослѣдствіи для себя постельнымъ одѣяломъ. Монастырь Иверскій какъ только узнавалъ объ этомъ, давалъ ему другую одежду, которая снова переходила къ бѣднымъ.

Сія самая любовь впослѣдствіи убѣдила его согласиться на усиленные и смиренные просьбы скопелитовъ перейти на островъ съ другими монахами по причинѣ великой смертности. Тамъ пробылъ онъ 8 лѣтъ, занимаясь образованіемъ юношества, бесѣдами въ церкви съ народомъ и принятіемъ исповѣдующихся.

Такъ и въ такихъ великихъ подвигахъ протекла жизнь преподобнаго Героеа. Чувствуя и зная по откровенію свыше близость смертнаго часа, онъ пожелалъ провести остатокъ дней своихъ въ невозмутимой тишинѣ и удаленіи отъ всѣхъ и отъ всего земнаго: для сего взялъ своего ученика Мелетія іеромонаха, бывшаго образцемъ исправленій подвижническихъ, удалился съ нимъ на необитаемый островъ, называемый *Поѣрх*, куда обыкновенно посылались виновные отъ царей въ заточеніе. Ему сопутствовали еще Іоасаѡъ и Симеонъ. По прибытіи туда, чрезъ нѣсколько времени, онъ заболѣлъ, и тихо отшелъ ко Господу, 13-го сентября 1745 года, на 59 году временной своей жизни. Отдавши послѣдній долгъ своему старцу, Мелетій возвратился на Святую Гору въ обитель Иверскую. А когда протекло три года, онъ, по обыкно-

венію восточному, отправился за останками преподобнаго, изъ коихъ честную главу и челюсти доставилъ въ монастырь, гдѣ и понынѣ хранятся они въ числѣ другихъ святыхъ мощей. Изъ многихъ цѣлительныхъ силъ, источившихся отъ мощей преподобнаго Героея, приведемъ только слѣдующія:

Нѣкто Каллиникъ иверецъ, находясь въ Константинополѣ, имѣлъ съ собою часть отъ мощей преподобнаго: женщина, отъ чрезмѣрной боли глазъ лишившаяся зрѣнія, и страдавшая ими жестоко, отъ прикосновенія къ святымъ симъ мощамъ получила исцѣленіе, — и прославила Бога и угодника Его. Также и другая женщина, лежавшая 3 года на болѣзненномъ одрѣ и жестоко страдавшая, отъ лобзанія сихъ святыхъ мощей, съ призываніемъ въ помощь преподобнаго, исцѣлилась.

И на святой Аѳонской Горѣ многихъ исцѣлилъ онъ отъ смущенія плотскихъ страстей и отъ зубныхъ болѣзней. Такъ сильно предстательство праведнаго, въ особенности по смерти, когда съ бѣльшимъ дерзновеніемъ ходатайствуетъ онъ предъ Богомъ о притекающихъ къ его молитвенной помощи.

Такова, братія, была жизнь преподобнаго отца нашего Героея! Такъ онъ подвизался, такъ трудился, и такъ торжественно побѣдилъ плоть, міръ и діавола. Поистинѣ можетъ и онъ сказать съ апостоломъ Павломъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее соблюдается мнѣ вънецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія* (2 Тим. 4, 7, 8). Аминь.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО
АКАКІЯ НОВАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО АПРѢЛЯ 12-ГО.

Нреподобный Акакій ² родился въ аграфскомъ селе-
ніи, извѣстномъ подѣ именемъ Галацы. Родители
его были благочестивы. При святомъ крещеніи онъ названъ
Анастасіемъ. Отецъ его умеръ, и онъ остался сиротою съ
меньшимъ братомъ. Анастасій, какъ старшій, при матери за-
нимался хозяйствомъ, а потому, не имѣя времени и возмож-
ности учиться, остался безграмотнымъ. Между тѣмъ, ходя въ
церковь, и слушая житія святыхъ мужей, воспламенялся бо-
жественною ревностію подражать жизни ихъ по силамъ и
возможности, что и началъ съ лѣтъ отроческихъ. Когда при-
шелъ онъ въ возрастъ, мать задумала женить его, а самъ
Анастасій, устраниаясь отъ всего земнаго и чувственнаго,

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

² Его лично зналъ знаменитый нашъ паломникъ Барскій. См. описаніе его путешествія по святымъ мѣстамъ, стр. 544.

прилѣплялся духомъ къ Богу, не хотѣлъ совершенно слышать о женитьбѣ, и, скрываясь отъ всѣхъ, уединенно молился Богу. Такіе начатки духовныхъ его подвиговъ, со дня на день приращаясь, наконецъ сдѣлались существенною потребностію его духа, такъ что, прилагая труды къ трудамъ, много разъ забывалъ онъ возвращаться домой. Мать же его, въ подобныхъ случаяхъ ища его и находя въ пустынномъ безмолвіи, увѣщавала оставаться съ нею, заняться хозяйствомъ и жениться. Но все было напрасно. Юный Анастасій и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ, непреклонно оставаясь въ намѣреніи—посвятить себя подвижнической жизни. Наконецъ, чтобы не быть предметомъ материнской суеты, и свободнѣе слѣдовать тайнымъ побужденіямъ молитвеннаго духа, онъ на 23 году возраста своего удалился изъ дому въ предѣлы Загоры, въ священную обитель святаго Діонисія олимпійскаго, во имя Святыя Троицы, называемую Сурвія, лежавшую на мѣстоположеніи селенія Макриница, и тамъ, послѣ обычныхъ искусовъ монастырскаго послушанія, былъ облеченъ въ ангельскій образъ и названъ Акакіемъ.

Въ ту же самую ночь, когда Акакій принялъ постриженіе, удостоился онъ божественнаго видѣнія. Ему казалось, будто держалъ онъ свѣтильникъ, пылавшій такимъ чрезвычайнымъ свѣтомъ, что сіяніе этого свѣта разливалось по всей окрестности; что, конечно, знаменовало свѣтъ добрыхъ дѣлъ подвижнической его жизни. Вслѣдствіе сего онъ такъ безусловно покорилъ себя волѣ настоятеля и братіи, и такъ обрекъ себя на труды всякаго рода, что заслужилъ общую любовь и расположеніе въ обители. Но такъ какъ постоянныя отвлеченія по монастырскимъ нуждамъ и всегдашнія послушанія не давали ему времени заняться собственно собою, то онъ часто проводилъ ночи въ горахъ и пустынныхъ лѣсахъ, подвизаясь въ молитвѣ, и питаясь одною травою чрезъ

тѣлесныя его силы. Такое его удаленіе блазнило нѣкоторыхъ изъ братіи: нашлись люди, которые думали, что онъ прельстился, и потому старались отвлечь его отъ безмолвія. А тѣ, которые знали хорошо жизнь его, боясь, чтобъ онъ не удалился оттуда или не впалъ въ тайныя сѣти врага, совѣтовали ему оставить столь высокую жизнь, и идти наравнѣ съ другими среднимъ путемъ, въ надеждѣ, что Богъ, по благоутробію Своему, принимаетъ и малое какъ великое, смотря по силамъ человѣка. Тяжело это было для чуднаго Акакія. Не имѣя силъ подавить въ себѣ чувство божественной любви, и боясь увлечься молвою жизни общественной, онъ рѣшился удалиться и удалился оттуда на Святую Гору въ скитъ святыхъ Анны. Впрочемъ недолго оставался здѣсь. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ малой пещерѣ, онъ пожелалъ видѣть скиты для собственнаго назиданія, чтобъ тамъ, обращаясь съ монахами высокой жизни, принять ихъ за образецъ себѣ, и такимъ образомъ, подобно пчелѣ, собрать сладкій медъ добродѣтели. Близъ обители святаго Григорія нашедши въ кельѣ двухъ честныхъ старцевъ, онъ остался съ ними на годъ, подѣ тѣмъ предлогомъ, чтобъ научиться дѣлать ложки, въ самой же вещи для того, чтобъ присмотрѣться къ образу отшельнической ихъ жизни. Но тогда какъ преподобный Акакій оставилъ Загоріатскіе предѣлы, и не зная, гдѣ найти по сердцу мѣсто со всѣми условіями безмолвія и пустынной тишины, вдругъ напали на него мрачныя помыслы. Одинъ помыслъ увлекалъ его въ прежнее мѣсто Загору, а другой убѣждалъ идти на какой нибудь необитаемый островъ, гдѣ бы никто не препятствовалъ его подвигамъ. Въ бурномъ смятеніи духа, не имѣя силъ противустать нападеніямъ сатаны, и не зная на что рѣшиться, онъ сѣлъ на камень и погрузился въ тихій сонъ: вдругъ видитъ предъ собою чернаго, чрезвычайно безобразнаго и страшнаго исполина.—При видѣ его спящій Акакій затрепеталъ, и слы-

шить, что кто-то тихо говоритъ ему: вотъ это сатана, рѣшившійся уничтожить тебя. Отъ страха онъ тотчасъ пробудился, и воскликнулъ: горе мнѣ! сатана хочетъ погубить меня! Тогда же пошелъ онъ къ духовнику киръ Галактіону, уединявшемуся на Катунакѣ, чтобъ открыться ему въ смутившихъ его помыслахъ, и просить его совѣта въ отноше- ніи жизни.

Когда Акакій рассказалъ ему все случившееся съ нимъ, тотъ посовѣтовалъ ему поселиться въ скиту Кавсокаливскомъ, что и исполнилъ преподобный, — двадцать лѣтъ подвизался тамъ въ кельи преображенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ ложки.

Пищею для него былъ хлѣбъ, а питіемъ вода, — и то чрезъ два или три дня, больше же питался онъ дикими травами или каштанами. По истеченіи двадцатилѣтней борьбы съ своею собственною плотію и ея страстями и съ полчищами сатаны, онъ спустился въ пещеру, гдѣ жилъ прежде святой Максимъ Кавсокаливскій. Тамъ жизнь его была совершенно ангельская. Мало того, что уничтожилъ онъ страстныя движенія плоти жаждою, трудами, холодомъ, наготою и иными безчисленными злостраданіями; онъ, вмѣсто хлѣба, сушилъ дикія травы и, превращая толченый мраморъ въ видъ муки, смѣшивалъ его съ зеліемъ. Впослѣдствіи, рассказывая объ этомъ для пользы другихъ, говорилъ онъ, что отъ употребленія такой пищи у него открывалось кровохарканіе. По началу такіе подвиги для сосѣдственныхъ иноковъ казались прелестью и заблужденіемъ, а потому каждый изъ нихъ совѣтовалъ ему жить такъ, какъ кто удобнѣе находилъ для своей немощи, на что съ своей стороны, къ успокоенію ихъ, онъ по своему смиренію и соглашался, а между тѣмъ, какъ безмолвникъ, проводилъ дни свои въ обычныхъ своихъ подвигахъ. Чѣмъ сильнѣе подвизался онъ, тѣмъ жесточе нападали на него ненавистники добра — демоны, не переставая тре-

вожить его различными образами, видимо и невидимо, и въ намѣреніи уклонить его отъ божественнаго евангельскаго пути, — иногда нападали на него помыслами, иногда утруждали и обезсиливали его тѣлесными немощами. Но зная сатанинскія козни, онъ обращался къ молитвѣ, и уничтожалъ ихъ подобно паутинѣ. Случалось и то, что демоны устрашали его различными воплями и страшными видѣніями, преобразуясь въ ужасныхъ звѣрей или гигантовъ черныхъ и смрадныхъ. Такъ, однажды преподобный по надобности вышелъ изъ пещеры; возвращаясь въ нее обратно, онъ увидѣлъ чувственно предъ пещерою множество цыганъ съ женами и дѣтьми, упражнявшихся въ обыкновенныхъ занятіяхъ семейной жизни и разговаривавшихъ между собою. Увидѣвъ такое дѣйствіе сатаны, преподобный улыбнулся и сказалъ: Господи Іисусе Христе, Избавителю и Боже мой, освободи меня отъ лукавства демонскаго, предстательствомъ пречистой Твоей Матери. Аминь. Вслѣдъ затѣмъ онъ оградилъ себя знаменіемъ креста, и — привидѣніе исчезло какъ дымъ. Подвизаясь такимъ образомъ, преподобный Акакій удостоился дара умной молитвы и божественныхъ откровеній, и при такихъ благодатныхъ дарахъ возвысился надъ всѣми движеніями страстей, надъ прираженіями сатаны, и былъ исполненъ Духа Святаго, такъ что и самый видъ лица его проявлялъ душевную благость.

Въ это время возвратился къ преподобному страдавшій за Христа Романъ Карпенисіотъ, и остался при немъ на долгое время, раздѣляя съ нимъ труды подвизничества. Но такъ какъ Романъ велъ себя какбы странникъ въ настоящей жизни, и непрестанно томился желаніемъ мученическаго вѣнца, то оба они, по общему совѣту, пропостившись нѣсколько дней и помолившись Богу о дарованіи терпѣнія и силы въ страдальчествѣ, получили откровеніе, что Богу угодно произволеніе Романа, и что онъ, при Божіей помощи, совер-

шить свой подвигъ. И такъ Романъ, принявши святую схиму, оставилъ Святую Гору, и молитвами преподобнаго окончилъ жизнь свою страсотерпически, о чемъ подробно пишется въ его біографіи. Преподобный же Акакій съ того времени обрекъ себя еще на высшіе противъ прежняго труды постнической жизни, и чтобъ имѣть болѣе уединенія, оставилъ свою келью, и удалился въ пещеру преподобнаго Ананасія. Разъ стоя на молитвѣ, онъ пришелъ въ восторгъ, и видитъ преподобномученика Романа въ бѣлой одеждѣ и неизреченномъ свѣтѣ: лице его сіяло краше солнца. Преподобный обрадовался видѣнію страдальца; но тотъ, отвращаясь отъ старца, показывалъ видъ неудовольствія за то, что этотъ оставилъ пещеру, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ провелъ довольное время въ постническихъ трудахъ, и приготавлиалъ его къ страдальческому вѣнцу. Напрасно старецъ просилъ прощенія у святаго Романа. Преподобномученикъ сдѣлался невидимъ. Это устрашило преподобнаго. Онъ тогда же воротился въ свою пещеру, гдѣ видѣлъ много разъ преподобномученика въ райской славѣ, и удостоивался сладкой съ нимъ бесѣды. Съ тѣхъ поръ остался онъ навсегда въ той пещерѣ, и впоследствии устроилъ тамъ небольшую келью собственными руками, гдѣ проводилъ жизнь свою ангельски въ алчбѣ, жаждѣ и въ злостраданіяхъ разнаго рода, имѣя одну только ветхую рясу, которую и надѣвалъ лишь тогда, когда хотѣлъ видѣть кого нибудь изъ приходящихъ къ нему. Притомъ всѣмъ онъ и не показывался, а только нѣкоторымъ изъ близкихъ къ нему по отношеніямъ духовной жизни. Между тѣмъ слава о его жизни пронеслась вездѣ, и всѣ текли къ нему молитвы ради и пользы, а нѣкоторые и оставались при немъ. Нѣкогда, совершая свои молитвы, онъ пришелъ въ изступленіе, и увидѣлъ чуднаго мужа, который, взявъ его за руку, привелъ въ поле, казалось безграничное, гдѣ было множество дивныхъ зданій, но пустыхъ. Удивляясь этому, онъ спросилъ своего

вожатаго: отчего они пусты. — Это мѣсто приготовлено для тѣхъ изъ христіанъ, отвѣчалъ тотъ, которые платятъ туркамъ подати и иныя повинности, и терпятъ все это ради Христа съ благодарностію. Когда кончилось видѣніе, утромъ преподобный призвалъ своихъ учениковъ, и сказалъ имъ: если есть у васъ деньги, идите и заплатите харачъ (подать), чтобъ и намъ имѣть участіе съ тѣми, которые платятъ туркамъ повинности. При семъ рассказалъ онъ имъ о своемъ видѣніи.

Духовникъ, именемъ Сильвестръ, человекъ весьма благочестивый, заслуживающій всякаго довѣрія, говорилъ, что видалъ преподобнаго много разъ, когда онъ молился и говорилъ: Господи Іисусе Христе; изъ устъ его тогда выходилъ пламень огненный. Святой Акакій удостоился и дара прозорливости, потому что предсказывалъ многимъ то, что должно было случиться съ ними. Зналъ и душевное настроеніе братій, такъ что многимъ открывалъ собственныя, сердечныя ихъ тайны.

Сіяя такую святою жизнію, преподобный сподобился предпослать къ Богу мученическимъ путемъ и другаго подвижника Христова, именемъ Никодима. Благословляя его на мученичество, святой Акакій вручилъ ему свой старческой жезлъ. О всемъ этомъ подробно говорится въ біографіи преподобномученика.

На томъ мѣстѣ, гдѣ подвизался преподобный Акакій, собралось довольно братіи, выстроили они каливы, и такимъ образомъ устроился скитъ отцевъ, который молитвами и предстательствомъ преподобнаго умножился и процвѣтаетъ съ тѣхъ поръ до нашего времени. Но такъ какъ тамъ не было воды, то преподобный, взявъ нѣкоего брата, именемъ Тимоѳея, привелъ его на средину скита, и показывая мѣсто, сказалъ ему: здѣсь поконай, и благостию Христовою, найдешь воду весьма пріятную и здоровую. Такъ и случилось: вода

найдена, и въ такомъ обилии, что ея было достаточно не только на потребности братіи, но даже и для устройства мельницы.

Преподобный, устроивъ скитъ, въ числѣ прочихъ строгихъ законоположеній, поставилъ братіи въ обязанность и то, чтобъ не имѣть не только богатства или роскоши, но ни постели, ни двухъ одеждъ, и говорилъ, что ничто такъ не питаетъ и не умножаетъ страстей, какъ долгій сонъ. Напротивъ, ничто такъ не уничтожаетъ его и не подавляетъ, какъ бдѣніе, и что для побѣжденія страстей монахъ долженъ имѣть преимущественно двѣ тѣлесныя добродѣтели, именно: постъ и бдѣніе; ибо всѣ прочіе подвиги и труды, при удовлетвореніи тѣла объяденіемъ и сномъ, не имѣютъ цѣны и достоинства. На вопросъ: сколько долженъ спать монахъ? онъ отвѣчалъ, что для истиннаго монаха довольно половины часа, какъ это показывалъ и самъ дѣломъ, не смотря на крайнюю старость и болѣзненное состояніе. Преподобный Акакій былъ совсѣмъ неграмотенъ, но при всемъ томъ божественное писаніе изучилъ основательно, и зналъ очень хорошо, такъ что рѣшалъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ трудныя и глубокія тайны его. Онъ имѣлъ благоговѣніе ко всѣмъ святымъ, а наипаче къ преподобному Максиму Кавсокаливскому, который, говорилъ онъ, многократно удостоивалъ его своего явленія. А когда врагъ наводилъ на него уныніе, — онъ призывалъ сего святаго въ помощь и чувствовалъ благодатное его предстательство. Преподобный Максимъ являлся ему обыкновенно въ священническомъ облаченіи, осіяваемый небесною славою, и сопутствуемый безмѣрнымъ множествомъ монаховъ, озаренныхъ райскимъ свѣтомъ. То, что видѣлъ и слышалъ я много разъ, не хочу скрывать, продолжаетъ описатель житія преподобнаго Акакія, ученикъ его, іеромонахъ Кавсокаливскаго скита, Іона. Сидя много разъ ночью, я подсматривалъ за всѣми движеніями старца, кото-

рый, проводя ночи безъ сна въ молитвѣ, къ разсвѣту только успокоивался не надолго. Самый видъ преподобнаго производилъ дивное дѣйствіе на страдавшихъ отъ помысловъ. Стоило только посмотреть на его лице, чтобъ умиротворить сердце и чувства!

Іерусалимскій патріархъ Хрисанъ пришелъ нѣкогда на Святую Гору для поклоненія и, слыша о преподобномъ, пожелалъ видѣть его. Бесѣды старца, высокія его понятія о таинствахъ вѣры, строгая разсудительность и святая жизнь удивили іерарха и чрезвычайно тронули. Впослѣдствіи онъ вездѣ и всѣмъ говорилъ, что онъ видѣлъ новаго Ілію и Іоанна Крестителя, видѣлъ больше того, что слышалъ о святомъ Акакіѣ, и прославлялъ Бога, что въ его время явилъ Господь такого свѣтильника вѣры!

Нѣкогда, читая слова святаго Симеона новаго богослова, нашелъ я мѣсто, говоритъ о себѣ іеромонахъ Іона, гдѣ онъ выражается такъ: ежели христіанинъ не увидитъ Христа здѣсь, въ настоящей жизни, не увидитъ Его и въ будущей (слов. 3). Пораженный такими словами, спросилъ я о нихъ преподобнаго, и онъ отвѣчалъ: да, чадо мое, не сомнѣвайся въ этомъ. Христіанинъ долженъ еще здѣсь сердечными очами зрѣть Христа и вообразить Его въ сердцѣ своемъ (Гал. 4, 19), какъ сказалъ святой апостоль Павелъ: иначе невозможно.— А ты видалъ ли Христа? спросилъ я еще старца.— Видалъ, сказалъ онъ. — Чтожъ Онъ тебѣ говорилъ и говоритъ? — Онъ говоритъ: гряди по Миѣ, т.-е. исполняй Мои заповѣди; и однакожъ, продолжалъ старецъ, я не послѣдовалъ Ему, — и заплакалъ горько и безутѣшно. — Какимъ же образомъ видитъ человекъ здѣсь Христа, чувственно или умственно? спросилъ я опять старца. — Умственно, отвѣчалъ онъ. Впрочемъ знай, что удостоившійся таковаго дара и божественнаго откровенія, при чистотѣ духа и плоти, смотритъ на умственное, какъ на чувственное. Итакъ, когда читаешь

ты о высокихъ истинахъ слова Божія, и трогается сердце твое, не уклоняйся мыслию отъ этихъ истинъ, и какъ можно чаще читай божественное Писаніе. Блаженъ, кто дѣлаетъ такъ, ибо онъ удостоится великихъ даровъ.

Нѣкоторые спрашивали его о соблазнительномъ дѣйствіи на мысли видѣнія красивыхъ лицъ. Я не знаю, что сказать вамъ на это, отвѣчалъ онъ: потому что никогда, при возрѣніи на прекрасныя черты лица, не ощущалъ укоризненнаго чувства и соблазна; напротивъ, когда вижу красивыя лица, невольно возбуждаюсь къ славословію Творца столь прекраснаго созданія, и восхищаюсь тѣмъ.

Вразсужденіи скитскаго устава, онъ говорилъ: не предписывайте себѣ правилъ, не принимайте ихъ и отъ другихъ: довольно съ насъ, ежели мы, при помощи Божіей, свято выполнимъ заповѣди Христовы и завѣтъ святыхъ отцевъ; потому что гдѣ законъ, тамъ и преступленіе.

Преподобный удостоился, какъ мы сказали, и дара прозорливости. Многимъ онъ очень ясно предсказывалъ будущее; а кто не хотѣлъ открыть своего сердца и помысловъ, онъ самъ открывалъ таковымъ собственныя ихъ тайны, и подавалъ приличное наставленіе. Смирненіе преподобнаго Акакія можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Однажды въ воскресенье, братія, собравшись по обычаю въ церковь, просили проигумена Неофита, по сердечному расположенію къ преподобному, чтобы онъ пришелъ изъ лавры въ скитъ, построилъ двѣ церкви и двѣ кельи и остался тамъ до кончины, подвизаясь по силѣ — а потомъ опредѣлилъ имъ новаго дикая, т. е. правителя скита. Проигумень, вставши, взялъ свою трость, и отдавая ее преподобному, сказалъ: возьми, отецъ, жезлъ, и будь вождемъ здѣшней братіи. Поцѣловавъ руку преподобнаго, Акакій принялъ жезлъ безъ всякаго прекословія, но съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобъ смирить свой помыслъ, онъ съ того времени не только никогда не бралъ въ руки сего

настоятельнаго жезла, но и своего собственнаго, обычнаго въ старости посоха, тогда какъ прежде, по причинѣ старости, ходилъ всегда съ посошкомъ или съ палкою.

Предъ концемъ своей ангельской жизни онъ удостоился предпослать къ Богу и третьяго преподобномученика, названнаго препростымъ, Пахомія Россіянина, который, при благодати Божіей, напутствованный молитвами преподобнаго, совершилъ свой страдальческій подвигъ за Христа въ исповѣданіи вѣры. Всего житія на земли преподобнаго Акакія было близъ ста лѣтъ. Наконецъ, вслѣдъ за преподобномученикомъ Пахомиемъ, и онъ отошелъ ко Господу 1730 года 12 апрѣля, предузнавъ свою смерть, что и открылъ одному монаху, именемъ Аѳанасію, пришедшему изъ скита святыя Анны для принятія молитвы его. Я иду, Аѳанасій, говорилъ преподобный, въ путь далекій, и болѣе здѣсь мы не увидимъ другъ друга. Общій плачь и горькія слезы старцевъ и иноковъ Святой Горы были данью преподобному Акакію, по его блаженной кончинѣ. Да удостоимся и мы молитвами его царствія небеснаго. Аминь.

СТРАДАНИЕ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

НИКОДИМА ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮЛЯ 11-ГО.

Святый преподобномученикъ Никодимъ родился въ Албаніи. Родители его были благочестивы, и когда достигъ онъ совершеннолѣтія, сочетали его бракомъ, отъ котораго имѣлъ онъ и дѣтей. Между тѣмъ входя въ постоянныя связи и знакомства съ агарянами, Никодимъ увлекся чувственными обѣщаніями корана ихъ; въ угодность имъ отрекся отъ вѣры Христовой, и наконецъ дошелъ до такой степени безнравственности, что, не смотря на убѣжденіе и слезы домашнихъ, насильно потурчилъ и дѣтей своихъ, кромѣ одного, котораго христіане успѣли похитить и тайнымъ образомъ отправить на Святую Гору. Впрочемъ, такой поступокъ вразсужденіи сына его не скрылся отъ него. Узнавъ, что сынъ находится на Святой Горѣ, онъ понесся туда съ

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

цѣлю непремѣнно отыскать свое дитя, и отмстить всей Святой Горѣ, какъ только можно, по собственнымъ его силамъ и средствамъ. Онъ такъ предположилъ: но человеколюбивый Богъ, желающій всякому спасенія, судьбами его жизни расположилъ иначе, — вмѣсто того, чтобъ допустить преступнаго отца до увлеченія сына въ исламизмъ, онъ и самого его, несчастнаго отверженника, привлекъ къ Себѣ чрезъ покаяніе, такъ что Святая Гора сдѣлалась для него въ нѣкоторой степени виновницею спасенія. Безмолвіе, постническіе труды, лишенія всякаго рода и удаленіе отъ всего чувственнаго, даже отъ связей родственныхъ, — все это, видѣнное имъ на Святой Горѣ, въ инокахъ, по прибытіи туда, поразило его до крайности: онъ вспомнилъ минувшее, когда и для его сердца не были чужды надежды загробнаго міра и райскія красоты, и тѣ обѣтованія Христовы, которыя отъ магометовыхъ такъ далеки, какъ далеки, или еще дальше, чѣмъ небо отъ земли, или свѣтъ отъ мрака; онъ вспомнилъ, что и самъ принадлежалъ когда-то Христу, и горько, неутѣшно заплакалъ о гибельномъ своемъ состояніи. Мысли его переродились: онъ обратился опять къ Богу съ раскаяніемъ, и не выходя со Святой Горы, принялъ на себя ангельскій образъ, съ именемъ Никодима. Три года день и ночь оплакивалъ онъ свое богоотступство, изнуряя плоть постомъ и многоразличными лишеніями и подвигами. Наконецъ, услышавъ отъ нѣкоторыхъ отцевъ такія рѣчи, что кто отрекся Христа предъ людьми, тому очень полезно исповѣдать Его снова предъ ними, рѣшился непремѣнно искупить грѣхъ свой страдальческою кровію. Чтобъ узнать, пріятно ли это будетъ Богу, и есть ли на то Его воля, онъ обратился за совѣтомъ къ преподобному Акакію, подвизавшемуся въ Кавсокаливскомъ скитѣ. Долго плакалъ онъ у ногъ старца Акакія, прося его молитвъ и рѣшенія — что ему дѣлать въ стѣснительномъ положеніи духа, требующаго страдальческаго подвига.

Преподобный, пользовавшийся на Святой Горѣ общеою славою и довѣріемъ, какъ подвижникъ дѣйствительно святой, ласково поднялъ Никодима, и—потомъ немного отступивъ отъ него, обратился съ молитвою къ Богу. Кончивъ свою молитву, онъ тихо что-то сказалъ Никодиму, и потомъ, когда тотъ долго и горько плакалъ, вручилъ ему старческій жезлъ, съ словами: иди съ Богомъ, Богъ тебѣ въ помощь: подвигъ совершишь и мученическій вѣнецъ за него готовится въ небесахъ. Такимъ образомъ напутствованный отъ преподобнаго старческими молитвами и благословеніемъ, Никодимъ, едва движущійся отъ постнаго изнуренія, отправился въ путь. Между тѣмъ, предъ исходомъ его со Святой Горы, удостоилъ его Господь божественнаго своего явленія, укрѣпилъ его и открылъ ясно все мученія, которыя онъ долженъ претерпѣть за имя Его и даже показалъ ему самое мѣсто, гдѣ будетъ усѣчена его глава. Утѣшенный и утвержденный такимъ благоволеніемъ Господа, Никодимъ весело потекъ на поприще страдальчества. Со Святой Горы онъ прямо прибылъ въ Албанію, на свою родину, и тамъ торжественно предъ знавшими его турками исповѣдалъ Христа истиннымъ Богомъ, а Магомета уничижилъ, какъ льстеца и обманщика. Турки представили его къ пашѣ. И здѣсь блаженный Никодимъ повторилъ свое исповѣданіе, уничижая исламизмъ. Взбѣшенный этимъ паша приказалъ ринуть его съ высокой террасы своего дома внизъ, въ чаяніи раздробить его тѣло на части: однакожь вышло напротивъ. Страдалецъ, по благодати Божіей, остался невредимъ, и тогда же снова явился къ пашѣ. Паша затрепеталъ, видя предъ собою того, котораго считалъ убившимся до смерти. Чтобъ удовлетворить неистовству толпы, требовавшей казни уничижителя великаго пророка, паша отдалъ страдальца на волю ихъ. Трое сутокъ истощались неистовые турки во всевозможныхъ родахъ мучительства надъ Никодимомъ, и наконецъ видя, что нѣтъ возможности

и силъ поколебать его твердость, на показанномъ ему отъ Господа мѣстѣ, обезглавили его. Такимъ образомъ, совершивъ страдальческій подвигъ, блаженный Никодимъ удостоился вѣнца райской славы. Святыя мощи его и понынѣ остаются цѣлы, разливая благоуханіе и источая цѣльбы для приходящихъ къ нимъ съ молитвою и вѣрою. Молитвами его да удостоимся и мы царствія небеснаго. Аминь.

Преподобный Никодимъ пострадалъ 1722 года, іюля 11 дня.

СТРАДАНИЕ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

ПАХОМІЯ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО МАЯ 21-ГО.

Святый Пахомій былъ изъ Малой Россіи, сынъ благочестивыхъ родителей. Въ молодости похитили его татары, и продали одному туркѣ, художествомъ кожевнику, который и увезъ его съ собою въ свою отчизну, въ такъ называемое мѣстечко Усаки, находящееся въ области Филладельфійской. Мусульманинъ, научивши юношу мастерству своему, всячески старался увлечь сего невиннаго въ магометанство; но Пахомій, хорошо понимая художество и прилежно занимаясь имъ, и слышать не хотѣлъ о Магометѣ и нечестивомъ его ученіи. Напрасно въ бѣшенствѣ и неистовствѣ гнѣва турокъ употреблялъ палочныя побои, угрозы и голодъ, — юный Пахомій все выносилъ съ радостію и твердостію духа. Такимъ образомъ цѣлыхъ 27 лѣтъ оставался онъ въ рабствѣ и плѣну, служа жестокому туркѣ, какъ господину, съ полнымъ усердіемъ и преданностію. Между тѣмъ безчеловѣчный турокъ, видя, что не можетъ подѣйствовать на сердце мужественнаго юноши ни угрозами, ни побоями, ни пытками, пустился на сатанинскія хитрости: у него была дочь — дѣвица, и ее-то онъ задумалъ употребить орудіемъ

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

къ увлеченію Пахомія въ сладострастіе и отступничество отъ вѣры Христовой. Турокъ началъ ласкать его, уговаривать, и предлагая ему въ замужество дочь свою, обѣщался сдѣлать полнымъ наслѣдникомъ всего своего имущества; но дѣвственный юноша съ твердостію и презрѣніемъ отвергъ ласки и предложенія своего господина, предпочитая цѣломудріе всѣмъ сокровищамъ міра, и вопія съ Апостоломъ: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовы; скорбь или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или мечь* (Рим. 8, 35). Наконецъ, господинъ его, видя непремѣнность его мысли, освободилъ его, и далъ ему позволеніе идти куда хочетъ. Пахомій прославилъ Господа, и уже совсѣмъ было готовился въ путь, какъ вдругъ опасно заболѣлъ. Между тѣмъ сосѣдніе турки, узнавъ о всемъ, что происходило съ Пахоміемъ, и не желая выпустить его изъ своихъ рукъ, захотѣли самую болѣзнь его употребить въ свою пользу. Собравшись въ домъ, гдѣ лежалъ въ болѣзни юноша, они ложно разгласили, что во время болѣзненныхъ припадковъ онъ отрекся отъ Христа, и далъ имъ слово потурчиться, какъ скоро поправится въ силахъ. Вслѣдствіе сего, когда онъ началъ поправляться отъ болѣзни, его насильно одѣли въ турецкое платье, не совершивъ впрочемъ, по своимъ законоположеніямъ, обряда обрѣзанія. Какъ ни отвращался, какъ ни отрицался и какъ ни проклиналъ Магомета и его ученіе Пахомій, турки слышать не хотѣли, твердя одно, что онъ уже однажды навсегда отрекся отъ своей вѣры и принадлежитъ ихъ пророку. Дѣлать было нечего: Пахомій въ негодованіи удалился оттуда въ Смирну подъ видомъ купца, и тамъ сбросивъ съ себя турецкое платье, отправился на святую Аѳонскую Гору, гдѣ, близъ Свято-Павловской обители, у одного добродѣтельнаго старца Іосифа, имѣвшаго особенный даръ разсужденія, и провелъ 12 лѣтъ въ послушаніи, принявъ отъ него ангельскій образъ, и исповѣдавши все, что съ нимъ происходило, и что случи-

лось въ минувшихъ годахъ. Въ это самое время въ Кавсокаливскомъ скитѣ славился чудною жизнію преподобный Акакій. Пахомій неоднократно слыхалъ о великомъ его подвижничествѣ и, желая по силамъ подражать ему и научиться опытомъ иночества, переселился туда, шесть лѣтъ провелъ подъ руководствомъ преподобнаго Акакія, питался трудами рукъ своихъ, такъ что наконецъ и самъ сдѣлался образцемъ истинно подвижнической жизни и украшеніемъ своего времени. Слѣдствіемъ сего и было то, что всѣ его любили и пользовались назидательнымъ примѣромъ жизни его.

Но между тѣмъ какъ такимъ образомъ Пахомій восходилъ отъ силы въ силу духовной жизни, сердце его невольно трепетало, когда смущенный помыслъ приводилъ ему на мысль— не отрекся ли онъ въ самомъ дѣлѣ Христа въ болѣзненномъ припадкѣ и въ безпамятствѣ. Вѣдь безъ повода турки не могли же привязаться ко мнѣ, думалъ онъ, и облечь меня въ одежды зеленаго цвѣта, который принадлежитъ собственно торжеству нечестивой ихъ вѣры. Долго не могъ онъ преодолѣть душевнаго своего волненія, и наконецъ открылся въ томъ своему духовному старцу, прося у него благословенія на мученическій подвигъ. Старецъ, полагая, что это слѣдствіе гордости, а не благодатныхъ дѣйствій Духа, укорилъ его, побранилъ и выгналъ отъ себя. Не смотря однакожъ на то, Пахомій въ теченіе цѣлаго года докучалъ своему старцу желаніемъ мученичества, и цѣлый годъ старецъ билъ его, уничижалъ и томилъ канонами, думая, что Пахомій страдаетъ отъ духа гордости. Наконецъ видя, что эта мысль не оставляетъ Пахомія, вмѣстѣ съ нимъ обратился съ молитвою къ Богу, прося открыть святую Его волю, а потомъ оба они обратились къ совѣтамъ извѣстныхъ тогда старцевъ, особенно же дивнаго Акакія, которые и благословили юношу на желаемый подвигъ. Итакъ, Пахомій, въ сопровожденіи своего старца Іосифа, отправился со Святой Горы къ прежнему

своему господину, въ мѣстечко Усаки. Тамъ турки тотчасъ узнали Пахомія, и лишь только появился онъ, схватили его и представили къ своему эфенди, начальнику мѣстечка, объявляя, что Пахомій былъ въ рабствѣ у ихъ сосѣда, и по собственной волѣ отрекся Христа, вслѣдствіе чего и принять ими въ магометанство, и прилично одѣтъ, а теперь измѣнилъ своему слову, и является въ монашескомъ христіанскомъ платьѣ. Правда ли это? спросилъ эфенди Пахомія. — Лжецы ложь и говорятъ, дерзновенно отвѣчалъ святой мученикъ. Даже и на мысль не приходило мнѣ отречься Христа Бога истиннаго, продолжалъ онъ. Если бы и всѣ безчисленные виды мукъ истожили они надо мною, и придумали разные роды смерти, ничто не заставило бы меня никогда отречься христіанской вѣры, которую исповѣдую истинною, а вашу ложною и нечестивою! Терять времени и словъ съ тобою нечего, вскричалъ въ бѣшенствѣ судья: или сбрось съ себя эти одежды, и, какъ далъ прежде слово, — будь нашъ, или ждетъ тебя самая мучительная смерть. Выбирай любое! Когда святой Пахомій избралъ послѣднее, его отвели въ темницу, гдѣ онъ и пробылъ двое сутокъ безъ пищи, безъ питія, и безъ утѣшеній со стороны христіанскаго слова. Наконецъ на третій день турецкое правительство рѣшило умертвить святаго. Эту вѣсть передалъ ему тюремный надзиратель. Съ чувствомъ невыразимой радости, прославляя Бога, выслушалъ эту вѣсть святой мученикъ, и всю слѣдующую ночь провелъ въ славословіи и молитвенномъ подвигѣ. Утромъ, когда представили его къ судьямъ для конечнаго истязанія, Пахомій съ прежнимъ дерзновеніемъ исповѣдалъ Господа Іисуса, за что и былъ отданъ исполнителямъ смертнаго приговора. Когда повлекли его связаннаго на мѣсто казни, множество турокъ и христіанъ слѣдовали за нимъ: первые изъ нихъ неистовствовали надъ страстотерпцемъ, оплевывая и понося его, а послѣдніе, то-есть христіане — желали ви-

дѣть блаженную его кончину. Тогда какъ въ тайной молитвѣ за всѣхъ, святой Пахомій, достигши мѣста своей смерти, преклонилъ колѣна, палачъ не хотѣлъ обезглавить его, и шепталъ ему въ полголоса, чтобъ онъ не губилъ напрасно своей жизни, а лучше отрекся бы своего Христа, и наслаждался земнымъ блаженствомъ, которое предоставляетъ ему Магометъ и вѣрныя его рабы. — Дѣлай то, что тебѣ приказано, отвѣчалъ святой Пахомій, и не теряй напрасно времени! и святая глава дивнаго страсотерпца — была отсѣчена! Такимъ образомъ Пахомій получилъ славный вѣнецъ мученичества: святыя мощи его чрезъ три дня взяты были христіанами, и честно похоронены. А палачъ, едва только отсѣкъ голову мученика, тотчасъ взбѣсился, кричалъ и испускалъ пѣну, бѣгалъ по городу, и послѣ немногихъ дней умеръ. Въ то время, когда такъ торжественно и дивно страдалъ за Христа святой Пахомій, старецъ его Іосифъ скрывался отъ страха турокъ, потомъ узнавъ, что ученикъ его усѣченъ, прославилъ Господа, пришелъ на мѣсто, гдѣ лежало страдальческое тѣло его, поклонился и, заливаясь слезами, сказалъ: итакъ, мой возлюбленный Пахомій, ты достигъ и получилъ желаемое; молись же теперь Господу о мнѣ и о всѣхъ призывающихъ тебя въ помощь. Когда, наконецъ, похоронили святыя мощи мученика, и старецъ его Іосифъ чрезвычайно тревожился мыслию, чтобъ не провѣдали о немъ турки, и когда отъ этой мысли трепеталъ онъ и ужасался, является ему въ сонномъ видѣніи Пахомій, осіяваемый небеснымъ свѣтомъ, и весело говоритъ ему: не бойся, старецъ! ты будешь охраненъ! Преподобный мученикъ Пахомій тогда же видимо прославленъ отъ Бога чудесами: одна христіанка того мѣста, страдая отъ юности головою болѣзнію, съ вѣрою призвала въ помощь преподобномученика Пахомія и, помазавъ болѣзненные части кровію его, совершенно исцѣлилась отъ долговременной своей болѣзни. Въ признатель-

ность за то, она передала на святую Аѳонскую Гору извѣстіе о святомъ мученикѣ и объ исцѣленіи своемъ, прося тамъ написать святую икону его и прислать ей въ благословеніе, что и было исполнено, въ честь и память святаго преподобномученика Пахомія, въ славу же Христа Бога съ Отцемъ и Духомъ Святымъ славимаго. Аминь.

Святой Пахомій пострадалъ 1730 года, мая 5, въ день Вознесенія, однако память его, неизвѣстно почему, празднуется 21 сего мѣсяца. Святые мощи его находятся на островѣ Патмосѣ, въ монастырѣ святаго Іоанна Богослова. О святомъ Пахоміи повѣствуется и въ *Εὐαγγελική σάλπιγξ* см. стр. 327.

СТРАДАНИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ХРИСТОВА

КОНСТАНТІЯ РОССІЯНИНА ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ДЕКАБРЯ 26-ГО.

Нреблаженный іеромонахъ Константій былъ родомъ Великороссіянинъ. Состоя при россійскомъ императорскомъ посольствѣ въ Константинополѣ священникомъ, онъ проводилъ жизнь свою тихо и мирно. Въ то время, въ царствованіе императрицы всероссійской Елисаветы Петровны, возникли непріязненные дѣйствія между Турціею и Россіею. Русское посольство, по сему случаю, выбыло изъ предѣловъ враждебной Порты, но іеромонахъ Константій, какъ чуждый политическихъ смуть и отношеній, производившихъ разрывъ между сильными державами, не захотѣлъ оставить Востока. Зная, между тѣмъ, что святая Гора Аѳонская всегда была въ сторонѣ отъ военныхъ потрясеній, онъ отправился туда и поселился въ лаврѣ святаго Аѳанасія. Пока продолжались военныя дѣйствія, онъ, въ видѣ простаго странника, посѣтилъ Іерусалимъ и прочія святыя мѣста, а потомъ опять возвратился на Святую Гору, въ ожиданіи окончанія войны и вожделѣннаго мира. Въ то время былъ знакомъ съ нимъ

¹ Изъ *νεον μαρτυρολόγιον*, а въ Собраніи синаксарей онъ названъ и Константиномъ.

и я, говорить составитель сего житія ¹, такъ какъ служивалъ съ нимъ литургію въ лаврѣ — въ церкви Неофита, который очень любилъ его. Константій былъ мужъ мудрый и добродѣтельный; обращаясь съ нимъ, мы часто разговаривали о Россіи, а особенно о церковныхъ нашихъ нуждахъ и о прочихъ духовныхъ предметахъ. Когда же, по милости Божіей, кончилась война Турціи съ Россіею, и по прежнему водворился миръ, тогда іеромонахъ Константій отправился со Святой Горы въ Константинополь для занятія, по прежнему, священнической должности при посольской церкви. Посланникъ принялъ его съ любовію, и относился къ нему съ чувствомъ уваженія и почтенія. Но чрезъ нѣсколько времени послѣ сего, Богъ вѣсть отъ какой причины, между посланникомъ и іеромонахомъ Константиємъ возникли неудовольствія. Никто положительно не зналъ о поводахъ къ неприятымъ между ними отношеніямъ, и если въ свое время говорили о томъ, то говорили гадательно и различно. Можетъ быть изъ страха и опасенія дурныхъ для себя послѣдствій со стороны высшаго своего правительства, а можетъ быть и для того, чтобъ подвергнуть посланника строгой отвѣтственности и гнѣву царскому, іеромонахъ Константій рѣшился на чрезвычайный поступокъ: онъ тайно скрылся изъ посольства, и явившись въ султанскій дворецъ, въ турецкомъ верховномъ диванѣ, объявилъ, что желаетъ лично представиться султану, чтобъ предъ нимъ и въ виду всѣхъ мусульманъ отречься отъ Христа, и исповѣдать Магомета истиннымъ пророкомъ великаго Аллаха. Можно себѣ представить, какъ велико было торжество невѣрныхъ! По желанію несчастнаго Константія, его представили къ султану, и увы! въ слухъ всѣхъ отрекся онъ своего Господа и вѣры въ Него, и призналъ мусульманизмъ спасительнымъ, а Магомета великимъ пророкомъ. Султанъ осыпалъ его милостями, и по-

¹ Іеромонахъ лавры Іона.

лились на него почести. Но немного протекло дней, какъ бѣдный отверженецъ пришелъ въ чувство: всеблагій Господь, *не хотая смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему* (Лезек. 18, 32), коснулся Своею благодатию отступническаго его сердца, и мысль Константія вдругъ озарилась божественнымъ свѣтомъ: онъ глубоко почувствовалъ страшное свое паденіе, и во всей силѣ понялъ—съ какой высоты и въ какую бездну погибели низвергся несчастный. Долго, горько, чрезвычайно горько плакалъ онъ о своемъ бѣдствіи, и, подобно кающемуся Петру, взывалъ о помилованіи. Наконецъ, презирая стыдъ и страхъ, повязалъ онъ ветхимъ платкомъ свою голову, и въ изодранной ряскѣ явился во дворецъ султана. Тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, и при тѣхъ же самыхъ царедворцахъ султана, бросилъ онъ на полъ турецкое платье, которымъ одѣли его въ минуты его отступленія, попиралъ, топталъ его, и громогласно проклиналъ Магомета и его ученіе, проклиналъ и всѣхъ его послѣдователей. Такой поступокъ кающагося Константія привелъ всѣхъ турокъ въ бѣшенство и гнѣвъ: безъ всякаго суда и допросовъ, они схватили его, и на дворцовой площади отсѣкли ему голову, въ то самое время, когда онъ, проклиная Магомета, исповѣдалъ Христа единымъ истиннымъ Богомъ. Такимъ образомъ пріялъ онъ съ радостію мученическій вѣнецъ. Молитвами его и насъ да спасеть Господь Богъ. Аминь.

Святой Константій пострадалъ въ 1743 году.

СТРАДАНИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ДАМАСКИНА ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ЯНВАРЯ 16-ГО.

вященномученикъ Дамаскинъ родился въ селеніи Терновской епархіи, такъ называемомъ Габрово. Удалившись изъ своего отечества, прибылъ онъ на Святую Гору и, принявъ иночество въ монастырѣ Хиландарѣ, былъ въ послѣдствіи рукоположенъ въ діакона, потомъ въ іеромонаха, а наконецъ возведенъ на степень игумена той же обители. По нѣкоторымъ нуждамъ монастыря долженъ былъ онъ отправиться въ Болгарію, въ селеніе Систово, откуда, по исполненіи порученій и нуждъ обители, намѣревался возвратиться на Святую Гору, и собирался уже въ путь. Но какъ нѣкоторые изъ турокъ оставались должны ему, то онъ потребовалъ съ нихъ долгъ. Турки не только не хотѣли отдать по обязанности, но посовѣтовавшись между собою, отняли у него и то, что онъ имѣлъ собственнаго на подворьѣ. Мало было оскорбить такимъ образомъ смиреннаго инока, — турки одну изъ турчанокъ подозрительнаго поведенія тайно провели на подворье, оставили ее внутри иноческаго жилища, и потомъ напали на метохъ, разбили дверь съ шумомъ и крикомъ, и

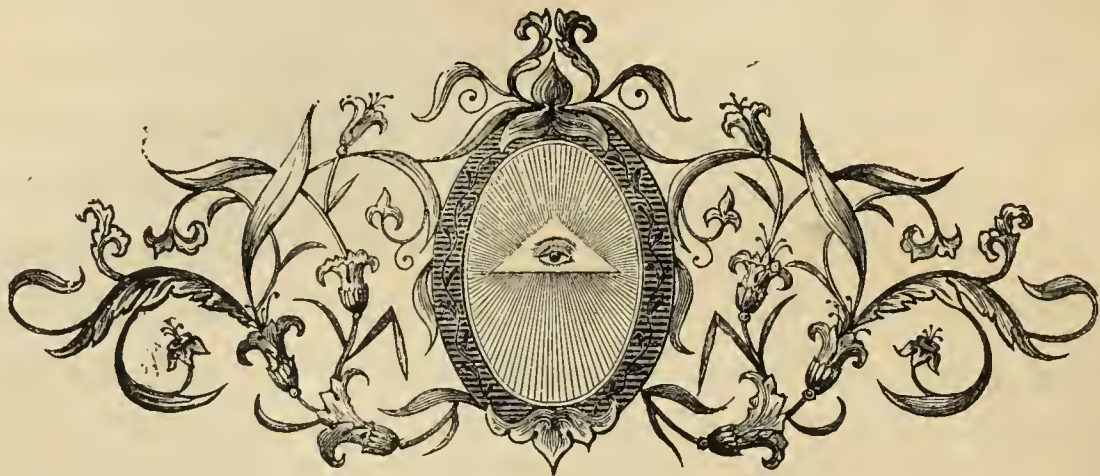
¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

нашедши турчанку въ иначескомъ подворьѣ, тотчасъ же связали невиннаго Дамаскина; все, что могли, расхитили у него, и наконецъ, какъ виновнаго въ похищеніи агарянской женщины, представили въ турецкое судилище, неистовствуя и клевета на преподобнаго старца, что онъ осквернилъ законъ ихъ. Правитель мѣстечка ясно видѣлъ и понималъ, что это клевета, а потому всячески старался оправдать невиннаго; но вопль разъяренной толпы турокъ превозмогъ, такъ что, вопреки суду и законамъ, не внимая ни угрозамъ, ни требованію главнаго старшины, они схватили божественнаго Дамаскина, и повели на висѣлицу. Одно средство—избавиться незаслуженной смерти оставалось въ отреченіи отъ Христа и въ признаніи Магомета пророкомъ; но страдалецъ, не смотря на ласки и обѣщанія турокъ, тоекратно предлагавшихъ ему всевозможныя блага и наслажденія жизни, если только отречется отъ своей вѣры, и приметъ законъ ихъ; не взирая и на самую смерть, спокойно отвѣчалъ: я христіаниномъ родился, христіаниномъ и умру; ведите меня, куда хотите. Тогда привели его на мѣсто казни, съ связанными назадъ руками. Между тѣмъ какъ турки готовились повѣсить святаго Дамаскина, онъ попросилъ у нихъ позволенія помолиться Господу. Турки не отказали ему въ этомъ, — и святой мученикъ, обратившись на Востокъ, помолился, оградилъ себя знаменіемъ креста, и сказалъ убійцамъ, что онъ готовъ на смерть. Его повѣсили. Такъ получилъ святой Дамаскинъ страдальческій вѣнецъ. Впрочемъ божественный гнѣвъ скоро постигъ неистовыхъ его убійцъ. Вслѣдъ за его кончиною, переправляясь чрезъ Дунай, они потонули, и такимъ образомъ еще здѣсь на землѣ получили должное наказаніе за невинную кровь священномученика Дамаскина. Молитвами его да спасетъ насъ Господь. Аминь.

Священномученикъ Дамаскинъ пострадалъ въ 1771 году.

ПОДВИГИ И СТРАДАНИЯ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
КОСМЫ РАВНОАПОСТОЛЬНАГО.

СКОНЧ. ВЪ 4-Й ДЕНЬ АВГУСТА, 1779 ГОДА.

ей воистину Божій человѣкъ, учитель и проповѣдникъ Евангелія, Косма, родомъ изъ Этоліи, изъ одного небольшаго селенія, именуемаго Мегадендронъ, былъ сынъ благородныхъ родителей. Воспитанный и наставленный ими, по апостольскому слову, *въ наказаніи и ученіи Господни* (Ефес. 6, 4), этотъ юный христіанецъ, когда совершилось ему двадцать, а можетъ быть, и болѣе лѣтъ, началъ обучаться грамматикѣ подъ руководствомъ архидіакона Ананіи Дервишана. Но такъ какъ въ то время было въ великой славѣ ватопедское на Святой Горѣ училище, то Косма, со многими другими своими соучениками, перешелъ въ Ватопедъ. Тамъ докончилъ онъ изученіе грамматики подъ руководствомъ учителя Панагіота Паламы, а потомъ выслушалъ и логику отъ учителя Николая Царцулія изъ Мецовой, который съ ученѣйшимъ Евгеніемъ¹ управлялъ тамошнимъ учи-

¹ Булгаромъ, который впослѣдствіи былъ архіепископомъ екатеринославскимъ и херсонскимъ (съ 1775 по 1779 годъ).

лицемъ. Косма носилъ тогда еще мірское имя Константа, но и въ мірской одеждѣ украшался уже благолѣпіемъ монашескаго образа, не щадилъ трудовъ и приучалъ себя къ совершенному подвижничеству. Но вотъ славное то училище, по удаленіи изъ него учителей, къ несчастію, снова опустѣло; тогда добрый Константъ, удалившись оттуда, пошелъ въ святую обитель Филошееву. Тамъ сперва постриженъ былъ онъ въ монахи, и со всѣмъ усердіемъ преуспѣвалъ въ трудахъ монашеской жизни; а потомъ, когда для обители понадобился священникъ, по сильному убѣжденію и прошенію отцевъ, рукоположенъ въ іеромонаха.

Будучи еще міряниномъ, блаженный издавна имѣлъ въ сердцѣ своемъ сильное желаніе, всѣмъ тѣмъ, чему учился, послужить на пользу братій своихъ христіанъ, и часто говорилъ: какую великую нужду въ Божіемъ словѣ имѣютъ братія мои, христіане! Поэтому, ученые должны стремиться не въ господскіе дома, не ко двору вельможъ, и не для богатства и знаменитости расточать свою ученость, но, чтобы пріобрѣсти небесную награду и неувядающую славу, всего болѣе обязаны учить простой народъ, живущій въ великомъ невѣжествѣ и грубости. Но при всемъ такомъ желаніи, при всей пламенной ревности, горѣвшей въ его сердцѣ, о пользѣ многихъ, онъ съ другой стороны представлялъ и всю трудность дѣла апостольской проповѣди, и, какъ мужъ смиренномудрый и скромный, не отваживался самъ собою на это предпріятіе, не уразумѣвъ прежде Божія на то изволенія. Почему, желая извѣдать, угодно ли намѣреніе его Богу, онъ открываетъ божественное писаніе и тотчасъ встрѣчаетъ апостольское изреченіе: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. 10, 24), то-есть, пусть каждый ищетъ не того, что полезно для него самого, но что принесло бы пользу брату его.

Основавшись на этомъ, открываетъ онъ свое намѣреніе

духовнымъ отцамъ и, получивъ отъ нихъ позволеніе, идетъ въ Константинополь для свиданія съ роднымъ своимъ братомъ, учителемъ Хрисанѳомъ, который обучаетъ его особенному риторскому искусству правильнаго собесѣдованія. Здѣсь объявляетъ онъ мысль свою благоговѣйнымъ архіереямъ и учителямъ, и слыша, что всѣ единогласно побуждаютъ его приступить къ этому дѣлу Божію, беретъ письменное дозволеніе у патріарха Серафима, бывшаго изъ Делвина. Блаженный началъ проповѣдывать Евангеліе царствія небснаго сперва въ церквахъ и селеніяхъ константинопольскихъ, потомъ простерся въ Навпактъ, въ Врахори, въ Мисолонги и въ другія мѣста, а оттуда снова пришелъ въ Константинополь. Затѣмъ, испросивъ совѣта у тогдашняго патріарха Софронія, и получивъ отъ него снова дозволеніе и благословеніе, началъ еще съ большею горячностью и ревностью проповѣдывать слово Евангелія. Обошелъ почти всѣ княжества и, научивъ христіанъ приносить покаяніе и творить дѣла достойныя покаянія, возвратился на Святую Гору въ лѣто 1775-ое. Посѣщая тамошніе монастыри и скиты, онъ говорилъ поученія отцамъ, и провелъ нѣсколько времени въ чтеніи божественныхъ отеческихъ книгъ. Но такъ какъ отъ любви, какою сердце его (какъ самъ онъ неоднократно говорилъ о томъ многимъ отцамъ) пламенѣло къ пользѣ христіанъ, не могъ онъ медлить долѣе; то удалился со Святой Горы и, начавъ съ селеній въ окрестностяхъ ея, продолжалъ проповѣдывать въ Θεссалоникѣ, въ Верріи и во всей почти Македоніи; прошелъ области Химару, Акарнанію, Этолію до самой Арты и Превезы, а оттуда отплылъ на острова: святовую Мавру и Кеѳалонію. И гдѣ ни проходилъ блаженный, вездѣ было великое стеченіе христіанъ, которые съ умиленіемъ и благоговѣніемъ внимали благодати и сладости словесъ его, а это сопровождалось исправленіемъ нравовъ и духовною пользою. Ученіе его, подобно ученію рыбаей, было

весьма просто, спокойно и кротко, чѣмъ и доказывалось не сомнѣнно, что оно исполнено благодати кроткаго и молчаливаго Святаго Духа. Особливо же на островѣ Кеѳалоніи священный этотъ учитель сѣяніемъ божественнаго ученія произвелъ великій душеполезный плодъ.

Между тѣмъ и Богъ свѣще споспѣшествовалъ ему и утверждалъ слово его знаменіями и чудесами, какими утверждалъ нѣкогда проповѣдь и святыхъ своихъ Апостоловъ. На островѣ томъ былъ одинъ бѣдный портной, у котораго съ давнихъ лѣтъ правая рука была суха и не дѣйствовала. Пришедши къ святому, этотъ мастеровой просилъ исцѣлить его. Блаженный далъ ему такой совѣтъ, чтобы онъ приходилъ и съ благоговѣніемъ слушалъ проповѣдь, и тогда Богъ умилосердится надъ нимъ. Сухорукій послушался сего совѣта, и едва выслушалъ проповѣдь святаго, на другой же день совершенно исцѣлился. Другой расслабленный, услышавъ о такомъ необычайномъ происшествіи, велѣлъ, чтобы во время проповѣди блаженнаго приносили его туда на одрѣ, и чрезъ нѣсколько дней сталъ совершенно здоровъ, славя Бога и благодаря святаго. И въ крѣпости Ассѣ былъ одинъ благородный человѣкъ, страдавшій жестокимъ недугомъ въ ушахъ, такъ что съ давнихъ лѣтъ почти лишенъ былъ слуха. Съ благоговѣніемъ и вѣрою пришедши туда, гдѣ училъ святой, онъ скоро сталъ ясно слышать, и съ того времени не чувствовалъ уже болѣзни. На Кеѳалоніи есть селеніе, называемое Курули. Проходя этимъ селеніемъ въ лѣтнее время, святой ощутилъ на пути жажду, и попросилъ воды изъ находившагося тамъ по близости безводнаго колодезя; жители говорили, что въ колодезѣ воды нѣтъ, но ради послушанія пошли, достали со дна колодезя нѣсколько грязи и земли съ водою, и принесли ее. Святой, взявъ ее въ уста свои, испилъ немного, и съ того времени колодезь тотъ, къ удивленію, сталъ источать чистую воду, и всегда былъ полонъ

зимою и лѣтомъ, даже содѣлался цѣлебнымъ отъ многихъ недуговъ.

По причинѣ множества народа, не вмѣщавшагося ни въ какой церкви, Косма по необходимости проповѣдывалъ внѣ селеній въ полѣ. Посему имѣлъ онъ обычай напередъ объявлять, гдѣ хотѣлъ остановиться и говорить проповѣдь: въ томъ мѣстѣ приготавливали и ставили большой деревянный крестъ; потомъ, при древѣ креста утвердивъ кафедру, Косма восходилъ на нее и училъ; по окончаніи же проповѣди, кафедру бралъ онъ съ собою, куда шелъ далѣе, а крестъ оставался на мѣстѣ во всегдашнее напоминаніе о его проповѣди. И гдѣ были поставлены эти кресты, тамъ Богъ являлъ впоследствии много чудесъ. Такъ, среди аргостольскаго торжизца, на томъ же островѣ Кеѳалоніи, у одного креста, оставленнаго святымъ, открылся чудесный источникъ, никогда не оскудѣвающій водою.

Съ Кеѳалоніи блаженный переправился на островъ Закиноѳъ, въ сопровожденіи болѣе нежели десяти судовъ, наполненныхъ благоговѣйными кеѳалонянами. Но здѣсь благословенный сей проповѣдникъ не имѣлъ успѣха, и потому преподавалъ ученіе недолго. Отсюда возвратился онъ опять на Кеѳалонію и пошелъ въ Корифы, гдѣ съ честію принять всѣми, особенно же тамошнимъ княземъ. А такъ какъ собралось туда великое множество и изъ прочихъ селеній слушать проповѣдь святаго, то начальники города, боясь, какъ бы въ иныхъ не возбудилась зависть къ нему, стали просить его скорѣе удалиться. Поэтому, чтобы не быть причиною соблазновъ и смятеній въ народѣ, Косма перешелъ оттуда въ противоположную область Стереи или Арванитіи, называемую сорокъ святыхъ, и тамъ сталъ учить христіанъ, посѣщая мѣста, гдѣ было болѣе грубаго невѣжества, гдѣ благочестіе и жизнь христіанская подвергались опасности совершенно утратиться, гдѣ люди предавались множеству худыхъ

дѣлъ, убійствамъ, татьбѣ и тысячамъ другихъ беззаконій, и своими пороками постепенно дѣлались иногда хуже нечестивыхъ. Въ такихъ одичавшихъ и огрубѣвшихъ сердцахъ христіанскихъ, священный Косма посѣвлялъ сѣмя слова Божія и, при содѣйствіи Божіей благодати, стяжалъ много великихъ плодовъ: свирѣпыхъ сдѣлалъ кроткими, разбойниковъ добрыми, безжалостныхъ и немилосердыхъ милосердыми, неблагоговѣйныхъ благоговѣйными, невѣжественныхъ и непонимавшихъ ничего божественнаго обучилъ и побудилъ ходить къ святымъ службамъ, однимъ словомъ, закоснѣвавшихъ въ грѣхахъ привелъ къ искреннему покаянію и исправленію. Потому всѣ стали говорить, что въ ихъ время явился новый апостоль.

По наставленію его вездѣ, и въ большихъ и въ малыхъ селеніяхъ, заводимы были училища, въ которыхъ дѣти даромъ обучались священнымъ письменамъ, чрезъ что утверждались въ вѣрѣ и благочестіи, и руководились къ добродѣтельной жизни. По его же убѣжденію богатые купили болѣе четырехъ тысячъ большихъ мѣдныхъ купѣлей, и во всегдашнее по себѣ поминовленіе роздали ихъ по церквамъ, для благоприличнаго крещенія въ нихъ христіанскихъ дѣтей. Подобно сему Косма и всѣхъ, кто имѣлъ способы, убѣждалъ покупать отеческія книги, христіанскія поученія, четки, малые кресты, головныя покрывала, гребни. Книги раздавалъ онъ въ подарокъ тѣмъ, которые знали грамоту, или обѣщались учиться; покрывалами (которыхъ было куплено свыше сорока тысячъ) надѣлялъ женщинъ, чтобы онѣ ходили съ покрытыми головами; гребни давалъ людямъ, обѣщавшимся не брить волосъ на головѣ¹ и жить добродѣтельно, по христіански; четками и крестами (которыхъ куплено болѣе пятидесяти тысячъ) обдѣлялъ простой народъ, приказывая всякому молиться за вкладчиковъ.

¹ Какъ это дѣлають турки.

Блаженнаго Косму сопровождали до сорока или пятидесяти іереевъ. Когда намѣревался онъ изъ одной области перейти въ другую, тогда приказывалъ христіанамъ прежде исповѣдываться, поститься, совершать бдѣніе при множествѣ горящихъ свѣтильниковъ. Для сего были у него устроены деревянные подсвѣчники, изъ которыхъ на каждомъ можно было поставить до ста свѣчъ; подсвѣчники эти разбирались, и онъ переносилъ ихъ съ собою съ одного мѣста на другое. Свѣчи всѣмъ раздавались даромъ, іереи совершали освященіе елея, всѣ христіане были помазуемы, въ заключеніе же Косма говорилъ проповѣдь. А такъ какъ народъ слѣдовалъ за нимъ во множествѣ, по двѣ и по три тысячи человѣкъ, то съ вечера приказывалъ онъ готовить по нѣскольку мѣшковъ съ хлѣбомъ и котловъ съ вареною пшеницею тамъ, гдѣ надлежало собраться народу; потомъ отправлялись туда въ путь, и такимъ образомъ всѣ пользовались приготовленною пищею, и молились за живыхъ и за умершихъ.

Богъ и въ Албаніи, какъ въ другихъ мѣстахъ, совершилъ чрезъ блаженнаго много чудесъ. Одинъ чиновный турокъ, побуждаемый или евреями, или бѣсомъ, возымѣлъ такую ненависть къ святому, что однажды, сѣвъ на коня, пустился за нимъ въ слѣдъ, съ намѣреніемъ догнать и сдѣлать ему зло, но конь на бѣгу сбросилъ турка на землю, и онъ разшибъ себѣ правую ногу; воротившись же домой, нашелъ онъ умершимъ своего сына: поэтому, раскаялся, послалъ къ святому письмо и просилъ у него прощенія. Первые аги изъ филиатовъ отправились видѣть святаго и слышать его проповѣдь: тогда было лѣто, и они остановились на ночлегъ среди поля; вотъ, около пяти часовъ ночи видятъ, что небесный свѣтъ, подобно облаку, покрываетъ то мѣсто, гдѣ пребывалъ святой, о чемъ сами рассказывали христіанамъ. Поэтому утромъ, пришедши къ святому, аги не устами только, но отъ всего сердца просили его помолиться о нихъ.

Еще одинъ чиновный турокъ страдалъ жестокою каменною болѣзнію. Услышавъ о святомъ, послалъ онъ раба своего и пригласить Косму, чтобы пришелъ онъ и помолился о немъ, ибо надѣялся, что по молитвѣ святаго Богъ исцѣлитъ его. Святой не соглашался идти, отзываясь, что онъ человекъ грѣшный. Турокъ въ другой разъ прислалъ раба съ сосудомъ воды, и велѣлъ просить святаго, чтобы благословилъ воду. Тогда святой, видя великое благоговѣніе турка, далъ ему двѣ заповѣди: не пить водки, и раздать бѣднымъ десятую часть своего богатства; турокъ обѣщаль исполнить это. Косма благословилъ воду: больной сталъ пить ее и въ сорокъ дней совершенно исцѣлился; а послѣ того подавалъ великія милостыни.

Противъ Фанари, на мѣстѣ называемомъ Лукуриси, владѣвшій тѣмъ мѣстомъ турокъ, видя крестъ, поставленный святымъ по сказанному выше обычаю, что то-есть онъ говорилъ тамъ проповѣдь, взялъ его и понесъ къ себѣ въ домъ съ намѣреніемъ въ сторожкѣ своего виноградника сдѣлать изъ него двѣ ножки къ кровати. Вдругъ, о чудо! съ туркомъ дѣлается страшное какое-то потрясеніе: не въ силахъ онъ устоять на ногахъ, падаетъ на землю, долгое время бьется, точить пѣну, скрежещетъ зубами, какъ бѣснующійся. Наконецъ подняли его двое проходившихъ мимо турковъ и, когда пришелъ онъ въ себя, тотчасъ понялъ, что пострадалъ отъ Божія гнѣва за дерзкое покушеніе взять и унести честный крестъ. Поэтому онъ пошелъ и поставилъ его опять на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде, и каждый день приходилъ лобызать его съ великимъ благоговѣніемъ. Впослѣдствіи же, когда священный учитель Косма проходилъ тѣмъ мѣстомъ въ другой разъ, турокъ пришелъ къ нему на поклоненіе, въ присутствіи всѣхъ разсказалъ чудо, и смиренно просилъ прощенія.

Такъ какъ святой обличалъ женщинъ, носившихъ на себѣ

наряды, и убѣждалъ въ своихъ поученіяхъ, отложить всѣ убранства; то нѣкоторыя изъ нихъ стали носить черное платье. Одна богатая женщина въ Корицѣ имѣла у себя сына, и убирала ему голову множествомъ серебряныхъ монетъ и другими излишними нарядами. Святой неоднократно совѣтовалъ этой женщинѣ раздѣлить всѣ эти уборы бѣднымъ дѣтямъ, ежели захочетъ, чтобы сынъ ея былъ живъ: но женщина не послушалась. Наконецъ, Косма говоритъ ей: если не снимешь съ ребенка нарядовъ, то вскорѣ лишишься его. Но какъ она и въ этотъ разъ не повиновалась святому, то на слѣдующій день нашла сына своего въ постели мертвымъ, и тогда только поняла, что Богъ наказалъ ее за непослушаніе.

Святой, куда ни приходилъ, вездѣ училъ христіанъ—по воскреснымъ днямъ не дѣлать торговъ, не заниматься работами, но ходить въ церковь и слушать тамъ святую службу и Божіе слово, и тѣхъ, которые не слушались въ этомъ святаго, Богъ вразумлялъ различными наказаніями. Такъ, въ мѣстечкѣ, называемомъ Халкіада, на часъ пути отъ Арты, одинъ купецъ осмѣлился торговать въ воскресный день, и вдругъ отнялась у него рука. Пришедши же къ святому, и испросивъ у него прощенія въ грѣхѣ своемъ, онъ чрезъ нѣсколько дней исцѣлился. Подобнымъ образомъ, въ Паргѣ, одинъ рабочій захотѣлъ въ воскресный день продать свою работу, и лишился за то употребленія руки. Но исповѣдавъ грѣхъ свой святому и выслушавъ отъ него наставленіе, онъ вмѣстѣ съ прощеніемъ получилъ и исцѣленіе руки...

Блаженный Косма въ поученіяхъ своихъ много разъ говорилъ явно, что на евангельскую проповѣдь призванъ онъ самимъ Іисусомъ Христомъ, и что изъ любви къ Господу прольетъ кровь свою. Наконецъ, предсказаніе его приблизилось къ исполненію. И это было слѣдующимъ образомъ: Апостольскій сей учитель ни въ Θεссалии, ни въ Кастореи, ни въ Янниѣ, ни въ другихъ странахъ, гдѣ были евреи, ни-

когда не отверзалъ устъ своихъ противъ нихъ, но училъ только христіанъ хранить правду и покорность тѣмъ властямъ, какія далъ Богъ. Сами албанцы, приходя туда, гдѣ святой училъ на открытыхъ поляхъ, слышали это изъ устъ его, и провозглашали его человекомъ Божиимъ. Посему и Курт-паша, когда дошла до него добрая эта молва, потребовалъ Косму къ себѣ, и бесѣда святаго столько понравилась пашѣ, что самую кафедру, которую, по сказанному выше, устроилъ себѣ святой, чтобы учить съ нея народъ, велѣлъ обить бархатомъ. Но какъ въ предшествовавшіе вѣка лукавый этотъ родъ христоненавистниковъ евреевъ обнаруживалъ всегда крайнюю злобу на христіанъ, такъ и теперь жившіе въ Яннинѣ богоненавистные евреи, не терпя, что проповѣдуется вѣра и евангеліе Іисуса Христа, наговорили пашѣ, будто бы священный Косма подосланъ, и обольщаетъ турецкихъ подданныхъ, приглашеніемъ ихъ въ Россію. Но Божій Промыслъ на этотъ разъ сохранилъ Косму отъ такого смертоноснаго навѣта, и христіане, по сему случаю, потерпѣли только значительный ущербъ въ имѣніи. Однакожъ, священный Косма съ сего времени началъ обличать лукавство и непримиримую ненависть евреевъ къ христіанамъ. И какъ ясно было доказано, что все, въ чемъ евреи обвиняли предъ пашею святаго, была чистая выдумка и явная клевета, то онъ снова пришелъ въ Яннину. Здѣсь во первыхъ, убѣдилъ онъ христіанъ, чтобы день общаго торга перенесли они съ воскресенья на субботу; а это евреямъ причинило великій убытокъ. Во вторыхъ, провозглашалъ евреевъ явными врагами, готовыми дѣлать христіанамъ всякое зло и во всякое время. Въ третьихъ, запрещалъ христіанамъ носить на головахъ своихъ длинныя кисти и все тому подобное, что покупали они у евреевъ, и внушалъ, что богоубійцы оскверняютъ все, что ни продаютъ христіанамъ, и потому ничего не должно покупать у евреевъ. Раздраженные этимъ евреи пошли къ

Курт-пашѣ, дали ему много мѣшковъ денегъ, и просили, чтобы лишилъ святаго жизни. Паша, посовѣтовавшись съ своимъ хотзою ¹, положилъ въ мысляхъ умертвить Косму при его посредствѣ, что и сдѣлано такимъ образомъ. Святой имѣлъ обычай, какъ скоро приходилъ куда, брать сперва дозволеніе у мѣстнаго архіерея и намѣстниковъ его, а также кого-либо изъ христіанъ посылалъ за дозволеніемъ и къ гражданскимъ начальникамъ, и послѣ сего проповѣдывалъ уже безпрепятственно. Такъ, пришедши въ одно албанское селеніе, называемое Коликонтаси, взялъ онъ дозволеніе у мѣстнаго архіерея; развѣдавъ же о мѣстопробываніи гражданскихъ начальниковъ, и узнавъ, что главный мѣстный правитель Курт-паша находится въ селеніи, называемомъ Берати, отстоящемъ на двѣнадцать часовъ пути, а хотза этого паша живетъ близко, послалъ къ послѣднему испросить у него дозволеніе, и началъ учить. Однако же, не удовольствовавшись этимъ, искалъ онъ случая самому увидѣть хотзу и удостовѣриться въ его расположеніи. Христіане долго удерживали отъ сего Косму, говоря: ты никогда не дѣлалъ этого прежде, и не ходилъ самъ къ агарянскимъ начальникамъ просить у нихъ дозволенія, но не могли удержать его. Сказавъ, что не измѣнитъ своего намѣренія, святой беретъ съ собою четырехъ иноковъ и одного іерея, который могъ бы служить переводчикомъ, и отправляется къ хотзѣ. Хотза притворно говоритъ, что есть у него письмо отъ Курт-паши, по которому приказано послать Косму къ пашѣ для собесѣдованія, а между тѣмъ даетъ приказъ своимъ держать святаго подъ стражею, и пока не будетъ отосланъ къ пашѣ, не позволять ему сходить со двора. Тогда благословенный этотъ учитель понялъ, что намѣреваются умертвить его, и за то прославилъ и возблагодарилъ Владыку Христа, дарующаго

---

¹ Домашній учитель вѣры.

ему возможность теченіе апостольской своей проповѣди увѣнчать мученичествомъ. Обращаясь къ сопутникамъ своимъ инокамъ, онъ говоритъ словами псалма: *продохохъ сквозь огонь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Псал. 65, 12), и всю ночь славословя Господа во псалмахъ, не показываетъ даже признака скорби о томъ, что долженъ лишиться жизни, но взираетъ съ радостнымъ лицомъ, какъ будто идетъ на веселіе и ликованіе. Какъ скоро наступилъ день, семь человекъ агарянъ взяли и посадили его на коня, подъ предлогомъ представить Курт-пашѣ. Но чрезъ два часа пути подъѣзжаютъ къ большой рѣкѣ и объявляютъ ему приказъ Курт-паши предать его смерти. Святой съ радостію выслушалъ такое опредѣленіе, и преклонивъ колѣна, началъ молиться Богу, благодарилъ и прославлялъ Его за то, что Онъ даруетъ ему милость изъ любви ко Господу принести теперь въ жертву Ему жизнь свою, чего всегда желала душа его. Совершивъ молитву, возстаетъ онъ, крестовидно благословляетъ всѣ четыре страны міра, и молится о всѣхъ христіанахъ, чтобы они хранили наставленія его. Мучители сажаютъ его у одного дерева, и хотятъ связать ему руки; но святой не допускаетъ ихъ, говоря, что противиться не будетъ, и самъ сложилъ руки крестъ на крестъ, какбы связанные. Потомъ приложилъ онъ священную главу свою къ дереву: мучители обвязали веревкою шею его и удавили, а святая душа его воспарила на небеса. Такъ, блаженный Косма, это достолюбезное украшеніе міра, и какъ равноапостольный, и какъ священномученикъ сподобился пріять отъ Господа сугубый вѣнецъ, на шестьдесятъ пятомъ году жизни.

Обнаживъ честное тѣло его, агаряне повлекли его и съ большимъ камнемъ на шеѣ бросили въ рѣку. Узнавъ объ этомъ, христіане вскорѣ пришли искать мощей святаго, опускали въ рѣку сѣти, употребляли и другіе способы, но найти ихъ не могли. Чрезъ три уже дня одинъ благоговѣйный іерей,

по имени Маркъ, изъ находящагося близъ селенія Коликонтаси Ардевузскаго монастыря Введенія Пресвятыя Богородицы, сотворивши крестъ, отправился на поиски на однопарусной ладьѣ, и вскорѣ — о чудо! видитъ, что святыя мощи плаваютъ поверхъ воды, и преподобный, какъ живой, стоитъ въ прямомъ положеніи. Маркъ немедленно приближается къ мощамъ, объемлетъ и извлекаетъ ихъ изъ воды. Когда поднялъ онъ мощи, — изъ медоточивыхъ устъ святаго истекло въ рѣку много крови. Прикрывъ мощи своею рясою, іерей перенесъ ихъ въ упомянутый выше Богородичный монастырь, и честно предалъ погребенію позади святаго алтаря.

По кончинѣ святаго происходило слѣдующее: Курт-паша, раскаявшись глубоко въ томъ, что введенъ былъ въ обманъ и ради суетной корысти умертвилъ человѣка невиннаго и миролюбиваго, велѣлъ отпустить монаховъ, сопровождавшихъ святаго, въ упомянутый выше Богородичный монастырь, гдѣ и назначилъ имъ пребываніе. Монахи, пришедши туда, мощи святаго нашли уже погребенными, и чтобы болѣе удостовѣриться въ страдальческой его кончинѣ, вмѣстѣ съ другими іереями и христіанами откопали гробъ и нашли, что хотя онѣ три дня были въ рѣкѣ, какъ Іона въ китовомъ чревѣ, однакоже не имѣли на себѣ никакихъ признаковъ тлѣнія, но благоухали, и святой казался будто почивающимъ. Облобызавъ благоговѣнно святыя останки сіи, иноки снова предали ихъ погребенію.

Въ это время прилучилось находиться тамъ одной бѣсноватой женщинѣ, изъ дальнихъ мѣстъ слѣдовавшей за святымъ при жизни его и желавшей себѣ исцѣленія. Какъ-скоро увидѣла она, что гробъ святаго открытъ, — сильно потрясъ ее бѣсъ, и вскорѣ потомъ она совершенно исцѣлилась, слава Бога и святаго. Нѣкто изъ агарянъ на томъ мѣстѣ, гдѣ умертвили святаго, взялъ камилавку его и, возвращаясь къ хотзѣ, надѣлъ ее себѣ на голову, чтобы пересмѣхать свя-

таго. Въ ту же минуту вдругъ сталъ онъ бѣсноватымъ, сбросилъ съ себя одежды свои, бѣгалъ и кричалъ, что онъ убилъ подвижника. Узнавъ объ этомъ, паша велѣлъ ввергнуть его въ узы, и тамъ въ мученіи испустилъ онъ духъ.

Въ упомянутомъ выше селеніи Коликонтаси, сказавъ послѣднюю проповѣдь, святой оставилъ тамъ, по обычаю, водруженный въ землю крестъ. По кончинѣ его, христіане каждую ночь видѣли сіявшій надъ симъ крестомъ небесный свѣтъ; почему, въ день воздвиженія честнаго креста, іерей и народъ съ крестнымъ ходомъ пришли туда и, взявъ тотъ крестъ, поставили его позади алтаря, близь гроба святаго, во всегдашнее напоминаніе о чудѣ.

Когда ученики святаго, получивъ совершенную свободу отъ паши, открыли мощи святаго, тогда нѣкоторые изъ нихъ взяли съ собою части сихъ мощей и разнесли ихъ по разнымъ мѣстамъ, и отъ тѣхъ святыхъ мощей многіе недужные получали исцѣленіе. Особливо поразительно это было на островѣ Наксіи, куда два ученика святаго, пришедши съ извѣстіемъ о страданіи его и явившись къ начальнику тамошняго училища священноучителю Хрисанѳу, брату священномученика, принесли съ собою нѣсколько волосъ изъ брады святаго. Въ это время одна женщина, въ такъ называемомъ новомъ селеніи, бывшая въ самомъ тяжкомъ и смертельномъ недугѣ, принявъ съ благоговѣніемъ сіи волосы, вдругъ ощутила въ себѣ сверхъестественную силу, и вскорѣ, по молитвамъ святаго священномученика Космы, получила совершенное здравіе. Его молитвами да сподобимся и мы небеснаго царствія! Аминь.

СТРАДАНИЕ МУЧЕНИКА

ΘΕΟΔΩΡΑ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ЯНВАРЯ 30-ГО.

Блаженный Θεодоръ былъ родомъ изъ Митилина, имѣлъ жену и дѣтей. Разъ чѣмъ-то разгнѣванный, отрекся онъ Христа и принялъ магометанство; но потомъ, вышедши изъ омраченія и пришедши въ себя, раскаялся въ своемъ безумномъ дѣлѣ и, оставивъ свою родину, прибылъ на Святую Гору. Здѣсь исповѣдалъ онъ одному духовнику свой грѣхъ и исполнилъ назначенный имъ канонъ; затѣмъ, по исполненіи его, былъ помазанъ священнымъ мѣромъ, и такимъ образомъ, причислившись къ словесному стаду Христову, сталъ подвизаться въ духовныхъ подвигахъ, и подвизался уже довольно времени. Но душа его, не имѣя полного покоя, не была довольна этими подвигами: она всегда стремилась къ другому, высшему подвигу, какбы требуя, чтобы омыто было кровію преступное отреченіе его отъ Христа. Итакъ, блаженный, бывъ укрѣпленъ молитвою духовна-

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

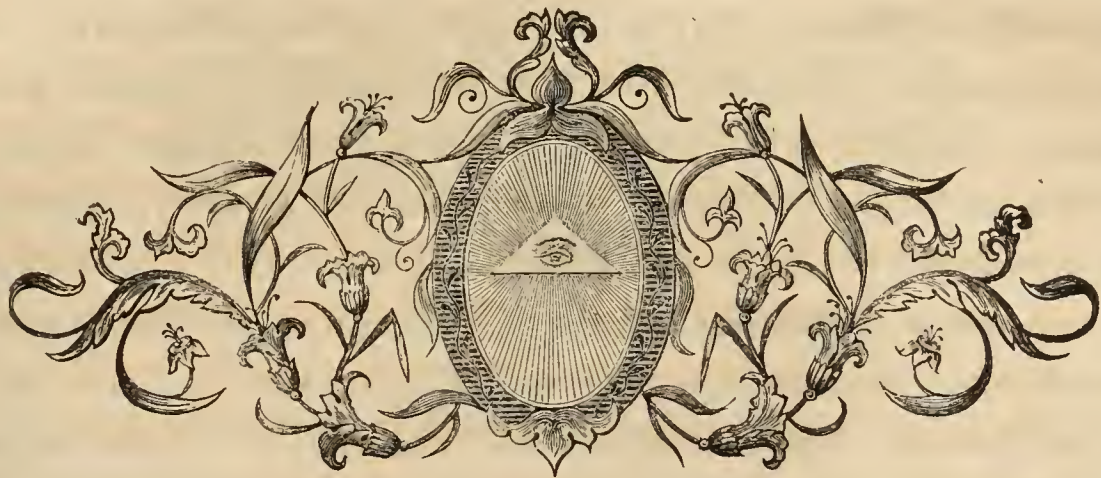

го своего отца, возвратился въ свое отечество, предсталъ предъ судью того мѣста и спрашиваетъ его: кто обиженъ или осмѣянъ, тотъ можетъ ли имѣть право искать удовлетворенія? Разумѣется можетъ, отвѣчалъ судья. Мученикъ: я имѣлъ вѣру христіанскую, но бывъ омраченъ діаволомъ, оставилъ ее и принялъ вапу. Теперь я пришелъ въ себя и вижу, что моя вѣра есть неподдѣльное и доброе золото, а ваша—ничтожный металлъ, и съ этимъ словомъ, снявъ тотчасъ съ головы своей повязку, бросаетъ ее предъ судьейю, а самъ надѣваетъ черную скуфью, которую имѣлъ за пазухой.—Что ты дѣлаешь, дуракъ? съума ты сошелъ? заревѣлъ нечестивый судья. Мученикъ: нѣтъ, я нахожусь въ сознаниіи и полномъ разумѣ. Судья еще нѣсколько разъ повторилъ ему то же; но мученикъ отвѣчалъ, что онъ сознаетъ себя и весьма хорошо понимаетъ дѣло. Тогда судья велѣлъ заключить его въ темницу. Изъ темницы мученикъ двукратно выводимъ былъ на испытаніе, но тщетно. Такимъ образомъ, видя страстотерпца твердымъ и непоколебимымъ въ исповѣданіи Христовой вѣры, онъ приговорилъ его къ смерти, а для исполненія надъ нимъ своего приговора, отослалъ его къ назирю Омеръ-Агѣ, который, съ своей стороны, тоже употребилъ всѣ средства, чтобы привлечь святаго къ своему нечестію, но все было напрасно; почему блаженный преданъ былъ палачамъ, которые, взявши его, повели на мѣсто казни. Эти лютые звѣри, безъ всякой милости, бія на пути страстотерпца, наконецъ привели его на мѣсто, называемое Парма-капи. Между тѣмъ, какъ вели его сюда, глашатай шелъ впереди всѣхъ и вопилъ, что всякій, отвергающійся правой вѣры, страдаетъ такимъ же образомъ. Достигши того мѣста, мученикъ сотворилъ молитву, и испросивъ прощенія у всѣхъ тамъ случившихся христіанъ, самъ взошелъ на высокій камень, съ любовію облобызалъ веревку, которою имѣлъ быть удушенъ, и чрезъ нѣсколько минутъ блаженная душа его предстала

престолу Вѣчной Правды. Честныя мученическія мощи были брошены въ море, но чрезъ нѣсколько дней море выбросило ихъ на берегъ; почему христіане, взявши у судіи позволеніе, честно погребли ихъ при храмѣ святаго Іоанна Предтечи. Потомъ, однакожъ, не оказалось ихъ на своемъ мѣстѣ: искали ихъ, но напрасно, не найдены онѣ и донынѣ, и никто не знаетъ, что съ ними сдѣлалось. Дивному же во святыхъ своихъ Богу слава и держава во вѣки. Аминь.

Мученикъ Θεодоръ пострадалъ 1784 года.

СТРАДАНИЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА
ЮАННА БОЛГАРИНА ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО МАРТА 5-ГО.

лаженный Юаннъ былъ родомъ изъ Болгаріи. По нѣ-
коему случаю, забывши предосторожность противъ
козней діавола, онъ отрекся Христа; но чрезъ нѣсколько вре-
мени, пришедши въ чувство, раскаялся въ своемъ преступле-
ніи. Въ чувствѣ раскаянія, оставивъ свое отечество, прибылъ
онъ на Святую Гору, и избралъ себѣ жилищемъ лавру святаго
Аѳанасія: здѣсь находился три года въ услуженіи у одного
духовнаго старца; но такъ какъ совѣсть никогда не давала
ему покоя, то онъ былъ всегда унылъ, печаленъ и молча-
ливъ; самый этотъ наружный видъ его показывалъ всѣмъ,
что онъ потерпѣлъ какое нибудь величайшее зло. Не могли
болѣе сносить угрызений совѣсти, онъ оставилъ Святую Гору,
прибылъ въ Константинополь, одѣлся тамъ въ турецкія одеж-
ды, и въ такомъ видѣ вошелъ въ мечеть святыя Софіи. Явив-
шись здѣсь, онъ сталъ творить на себѣ знаменіе честнаго
креста, и молиться по обычаю христіанскому, что чрезвы-
чайно поразило находившихся тамъ агарянъ. Смущенные,

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

они подбѣгаютъ къ нему, и съ суровостію спрашиваютъ: для чего онъ такъ дѣлаетъ. Тогда блаженный небоязненно исповѣдалъ, что онъ христіанинъ, и какъ христіанинъ творитъ на себѣ знаменіе крестное, и покланяется Христу, Который есть истинный Сынъ Божій и Богъ. Нечестивцы хотѣли было отвлечь его отъ этого святаго исповѣданія, но видя непреложность его мысли, тотчасъ же обезглавили его внѣ двора святой Софіи. Такимъ образомъ блаженный Іоаннъ пріялъ свѣтлый вѣнецъ мученическій отъ Христа Бога нашего, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

Святой Іоаннъ пострадалъ на 19 году своего возраста, въ 1784 году.

СТРАДАНИЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ГЕОРГІЯ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ОКТЯБРЯ 2-ГО.

Блаженный Георгій былъ родомъ изъ Филадельфіи, сынъ христіанскихъ родителей. Пришедши въ возрастъ, онъ удалился изъ своего отечества, и поселился въ Карачасу — одномъ мѣстечкѣ епархіи Иліопольской. Здѣсь ослѣпившись вихремъ мірской суеты, принялъ онъ исламизмъ, но спустя немного дней послѣ несчастнаго признанія лжи истинною, тьмы свѣтомъ, отрезвился отъ умнаго ослѣпленія, живо почувствовалъ тяжесть своего преступленія, горько о немъ плакалъ, и искалъ средствъ къ своему исправленію. Почему, улучивъ удобное время, онъ удалился оттуда, прибылъ на Святую Гору, исповѣдалъ тамъ одному духовнику свой грѣхъ, исполнилъ назначенный имъ канонъ и, по исполненіи его, былъ помазанъ священнымъ мѣромъ. Привившись такимъ образомъ къ духовной маслинѣ — Христу, онъ довольно лѣтъ всячески подвизался для умилоствленія Бога, прогнѣваннаго великимъ его преступленіемъ отреченія, однако душа его никогда не имѣла въ себѣ полного мира. Размышляя о словахъ Господа: *иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже*

¹ Изъ νέον μαρτυρολόγιον.

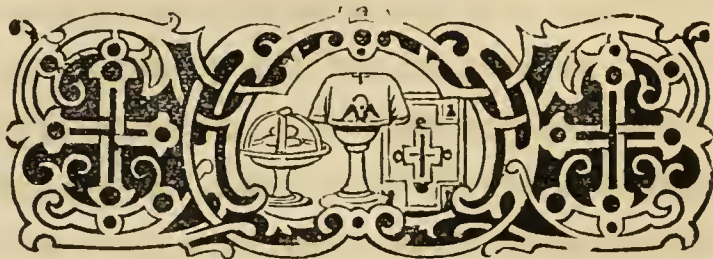

на небесахъ (Матѳ. 10, 33), блаженный не находилъ никакого другаго средства загладить свое отреченіе отъ Христа, кромѣ исповѣданія Его предъ тѣми, предъ которыми отрекся Его, и кромѣ проліянія за Него крови своей; размышляя же о семъ, воспламенился наконецъ непремѣннымъ желаніемъ мученичества. Объявивъ объ этомъ намѣреніи своему духовнику и нѣкоторымъ другимъ духовнымъ отцамъ, и нашедши ихъ согласными съ своимъ желаніемъ, онъ роздалъ все, какое было у него имѣніе, отцамъ въ милостыню, прося ихъ молитвъ, столь нужныхъ ему для предстоящаго великаго подвига, и, оставивъ Святую Гору, прибылъ въ Карачасу. Турки, увидѣвъ его здѣсь, узнали, и тотчасъ же схвативъ его, привели къ судѣ и свидѣтельствовали, что этотъ человекъ въ такое-то время отрекся Христа и сдѣлался туркою, а теперь, явившись сюда, ходитъ въ христіанскихъ одеждахъ.—Правда ли это? спросилъ судья Георгія. — Совершенная правда, съ великимъ дерзновеніемъ отвѣчалъ мученикъ Христовъ: Я дѣйствительно тотъ хаджи Георгій, который въ такое-то время по безумію своему отрекся своей вѣры, и принялъ вашу; но сходявъ въ разныя мѣста, я хорошо понялъ, что вѣра ваша ложная, и потому теперь пришелъ сюда за тѣмъ, чтобъ отдать вамъ ее назадъ. Великъ мой грѣхъ, что я — оставилъ первую мою вѣру, которая есть чистое неподдѣльное золото, и принялъ вашу,—этотъ ничтожный металлъ. Итакъ, исповѣдую предъ вами, что я снова христіанинъ, именуюсь Георгіемъ, и за любовь ко Христу готовъ излить всю мою кровь.—Теперь дѣлай со мною, что хочешь. Судья, чтобы перемѣнить мысль его, употребилъ всѣ средства; но мученикъ стоялъ въ вѣрѣ Христовой твердо и непоколебимо. Видя эту непреклонность его мысли, судья велѣлъ слугамъ своимъ ввернуть страстотерпца въ темницу, и мучить его тамъ до тѣхъ поръ, пока отвратятъ его отъ христіанства. Получивъ такое нечестивое повелѣніе, слуги устремились на страдальца

Христова, какъ неукротимые звѣри и, ввергнувъ его въ темницу, 8 дней мучили лютѣйшими муками: они — діавольскіе слуги, растянули его ноги въ деревѣ до того, что такъ называемые пахи едва не разрывались, затѣмъ принесли металлическую, сильно раскаленную чашку, и надѣли ее на голову ему, какъ скуфью; потомъ обвили веревкою голову его, и стянули ее такъ сильно, что бѣлки глазъ его выступили изъ своихъ мѣстъ. Но мужественный воинъ Христовъ, отъ таковыхъ безчеловѣчныхъ мукъ полумертвый, взывалъ: если и еще что сдѣлаете мнѣ, не отрекусь вѣры своей: христіаниномъ родился, христіаниномъ живу, христіаниномъ и умру. И такъ, нечестивцы, не могли привести его къ своему нечестию, возвѣстили о томъ судѣ, и онъ тогда же подписалъ мученику смертный приговоръ, по которому палачи, взявши его изъ темницы, привели на мѣсто казни, и тамъ обезглавили. Это совершилось въ 1794 году. Такъ пріялъ блаженный Георгій вѣнецъ мученической отъ подвигоположника Христа Бога нашего, Которому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе со безначальнымъ Его Отцемъ и пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Его Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТАГО НОВОМУЧЕНИКА

КОНСТАНТИНА ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО НОЯБРЯ 14-ГО.

Нужественнѣйшій этотъ новомученикъ Христовъ Константинъ, мѣстомъ рожденія своего и воспитанія имѣлъ безводный островъ Идру: отецъ его назывался Михалаки, а мать Мариною. Достигши оснадцатилѣтняго возраста, Константинъ перешелъ на жительство въ Родось, и тамъ часто бывалъ въ конакѣ правителя Родосскаго, обще именуемаго Хасанъ-капитана. Скверный этотъ Хасанъ, видя усердіе и расторопность юноши, употребилъ все свое стараніе, чтобы разстроить мысли его и обратить въ магометанство и, окаянный, ласкательствами и многими дарами успѣлъ наконецъ достигнуть своего намѣренія. Три года несчастный отверженникъ находился въ этой прелести, пользуясь великою честію и славою отъ своего совратителя. Впрочемъ онъ не былъ безчувственъ, подобно другимъ, къ великому ихъ бѣдствію, и не остался до конца въ глубокомъ своемъ паденіи; но вскорѣ по отреченіи, обличаемый совѣстію, сталъ печалиться, воздыхать, плакать и рыдать о великомъ своемъ

¹ Изъ νέον λειμονάριον.

злополучіи: роздалъ въ милостыню нищимъ всѣ свои сребреники, любилъ христіанъ и съ великимъ благоговѣніемъ почиталъ іереевъ Божіихъ. Въ одинъ особенно день огонь божественной любви такъ сильно возгорѣлся въ сердцѣ его, что онъ рѣшился было тотчасъ предстать предъ господина своего, и явно исповѣдать предъ нимъ вѣру Христову, и сдѣлалъ бы это, если бы только духовный отецъ не удержалъ его отъ такой рѣшимости. Когда мученикъ Христовъ исповѣдалъ изъ глубины сердца духовнику всѣ свои грѣхи, и объявилъ ему о своемъ намѣреніи и рѣшимости,—духовникъ, опасаясь, чтобы онъ, юный и нѣжный, по причинѣ люто-сти мученій, вторично не отрекся Христа, совѣтовалъ ему оставить на этотъ разъ свое намѣреніе и рѣшимость, а лучше удалиться куда нибудь, и оставаться тамъ до мужественнаго возраста, когда съ бѣльшею легкостію можетъ вынести жестокость мученій. Сынъ послушанія повиновался благоразумному совѣту духовника своего, и чрезъ нѣсколько дней, вмѣняя въ уметы и дымъ всю славу и всѣ удовольствія, удалился изъ адскаго того дома въ Крымъ. Тамъ пробылъ онъ три года, живя какъ прилично истинному христіанину, а потомъ снова возвратился въ Константинополь. Это было въ патриаршество святѣйшаго Кир-Григорія. Живя въ Константинополѣ, онъ усердно искалъ опытнаго духовника для врачеванія уязвленной своей души, и наконецъ, по желанію своему, обрѣлъ его въ великой Христовой Церкви (прежняго его духовника не было тогда уже въ Константинополѣ). Пришедши къ нему, добрый Константинъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ и теплымъ умиленіемъ исповѣдалъ ему всѣ свои грѣхи, а особенно отреченіе отъ Христа, и горько плача о своемъ несчастіи, просилъ помощи его. Духовникъ представилъ Константина къ его святѣйшеству. Знаменитый этотъ владыка, возрадовавшись о благомъ обращеніи погибшаго, и многое сказавъ на пользу души его, отослалъ его на Святую

Гору, дабы онъ, вооружившись молитвами тамошнихъ преподобныхъ отцевъ, возмогъ побѣдить побѣдившаго его діавола.

Итакъ, Константинъ, прибывъ на Святую Гору, пришелъ въ священную обитель Иверскую и жилъ тамъ нѣсколько времени, со всѣмъ усердіемъ служа и повинуюсь тамошнимъ преподобнымъ отцамъ, и часто исповѣдуясь какъ находившимся въ обители духовнымъ отцамъ, такъ и подвизавшемуся въ скиту честнаго Предтечи той же обители, славному и общему всей почти Горы духовнику, іеромонаху Сергію. Особенно же часто обращался онъ съ горячими мольбами къ тамошней святой и чудотворной иконѣ Госпожи Богородицы, именуемой Портайтисса, изъ глубины души прося Владычицу міра, да подастъ Она ему крѣпость и силу побѣдить исконнаго врага человѣческаго, и мужественно претерпѣть за вѣру и любовь Сына Ея давно желаемыя имъ мученія: ибо послѣ того, какъ онъ отрекся Христа, не было у него мира въ совѣсти во все продолженіе жизни; ему всегда казалось, что онъ слышитъ ушесами сердца своего страшное слово Христа Господа: *иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небспхъ* (Матѣ. 10, 33). Помысль этотъ былъ глубоко напечатлѣнъ въ благородной душѣ его, и снѣдалъ его какъ червь, мучилъ какъ палачъ, ибо по Соломону: *моль костемъ сердце чувственно* (Притч. 14, 30), и, по Григорію Богослову: умъ многопопечительный, моль снѣдающая кости.

Наконецъ, укрѣпленный неодолимою силою Госпожи Богородицы, и оградившись Ея благодатію, блаженный, не смотря на то, что былъ останавливаемъ духовниками и отцами обители, говорившими ему, что можно спасти душу свою и безъ кроваваго мученичества, рѣшился непремѣнно исповѣдать Христа тамъ, гдѣ отрекся Его, и потому, взявши молитвы отцевъ, какъ духовныя оружія, удалился съ Горы и прибылъ прямо въ Родосъ. Прибывъ туда, онъ счелъ пер-

вымъ долгомъ очистить совѣсть свою покаяніемъ и, по исповѣди, объявилъ духовнику о своемъ намѣреніи. Духовникъ, боясь неизвѣстности исхода столь важнаго дѣла, совѣтовалъ ему оставить свое намѣреніе и возвратиться на Святую Гору, ободряя его милостію и благоутробіемъ Бога, любезно приемлющаго искреннее грѣшныхъ покаяніе. Но горячій рачитель Христовъ Константинъ, весь преданный любви къ Христу и исповѣданію Его и слышать не хотѣлъ словъ духовника: чѣмъ болѣе духовникъ и другіе удерживали его отъ мученичества, тѣмъ болѣе возрасталъ въ желаніи его, и насколько тѣ старались своими словами погасить пламень сердца его, настолько болѣе огонь сей разгарался въ немъ.

Итакъ, твердо рѣшившись на великій и страшный подвигъ, блаженный вознесъ пламенную молитву ко Христу Богу, чтобы Онъ услышалъ его въ часъ сей, и подалъ ему силу побѣдить побѣдившаго его врага, и попрасть всѣхъ его слугъ, во славу и честь святаго Своего имени, — и послѣ сего, по пророку Исаи: *явленъ быхъ не ищущимъ мене, обрѣтохся не вопрошающимъ о мнѣ* (65, 1), пошелъ самъ собою какъ овца на заколеніе, въ домъ прежняго своего господина. Представъ предъ него, Константинъ говоритъ ему: привѣтъ тебѣ отъ меня, раба твоего, господинъ! А тотъ: какой же ты мнѣ рабъ? Мученикъ съ дерзновеніемъ: я Константинъ, — тотъ, кого ты убѣдилъ отречься сладчайшаго моего Іисуса, и вѣровать въ пророка твоего Магомета. Нечестивый: не знаю я, кто ты, ибо вижу въ тебѣ калогера, — мученикъ былъ въ монашескомъ одѣяніи, — но если ты мой, то для чего надѣлъ эту черную одежду, которая не принадлежитъ нашей вѣрѣ. Сними это черное презрѣнное платье, я облеку тебя въ одежду бѣлую и свѣтлую, дамъ тебѣ денегъ, сколько тебѣ нужно, ты будешь радоваться и веселиться со мною, всѣ христіане будутъ бояться тебя и кланяться тебѣ. На все это воинъ Христовъ отвѣчалъ ему: Господинъ!

совѣтую и тебѣ увѣровать во Христа Бога истиннаго: тогда, просвѣтившись душевно, ты увидишь истинный свѣтъ, а теперь, помраченный нечестіемъ, ты слѣпъ; тогда, исповѣдавъ Христа истиннымъ Богомъ, ты сподобишься небеснаго царствія. узришь неизреченныя блага рая, и будешь вѣчно радоваться и веселиться въ райскихъ селеніяхъ со всѣми ангелами и святыми Божиими человѣками. Нечестивый судья въ отвѣтъ: кто это, Хасанъ, научилъ тебя такъ пустословить? Я сдѣлалъ тебя своимъ сыномъ въ намѣреніи женить тебя и сдѣлать участникомъ въ моемъ наслѣдіи, а ты презрѣлъ мои блага, и одѣлся въ это гнусное одѣяніе. Тогда предстоявшій Хасану агарянинъ, видя что онъ смутился, ударилъ мученика; но повелитель возбранилъ ему и повелѣлъ только ввергнуть страдальца въ темницу. Черезъ три дня мучитель, весь пылая гнѣвомъ на мученика, сѣлъ въ свое кресло и тотчасъ велѣлъ представить его предъ себя. Когда мученикъ былъ представленъ, нечестивецъ въ бѣшенствѣ спросилъ его: дерзкій и скверный! какъ ты третьяго дня дерзнулъ говорить предо мною? отвѣчай мнѣ. Ратоборецъ Христовъ, нисколько не убоившись безумнаго гнѣва нечестиваго судьи, дерзновенно отвѣчалъ: Я совѣтовалъ тебѣ увѣровать во Христа Бога истиннаго, ибо вѣра ваша ложная и нечистая: вы вѣруете лжецу, который научилъ васъ не истинѣ какой нибудь и добру, а баснословію, и заповѣдалъ вамъ творить всѣ нестерпимыя даже для уха и языка плотскія нечистоты; а вы, слѣпые, вѣруете ему, какъ пророку, за что вмѣстѣ съ нимъ пойдете въ геенну, и будете тамъ горѣть огнемъ вѣчнымъ вмѣстѣ съ братьями вашими — демонами. Но умоляю тебя, сдѣлайся христіаниномъ, и будешь радоваться вѣчною радостію со Христомъ въ небесныхъ селеніяхъ.—Хвала свободѣ устъ твоихъ, мужественный подвижникъ Господень! слава великодушію твоему, достойному небесныхъ похвалъ! Поистинѣ и исполнились на мученикѣ

слова премудраго Соломона: *праведникъ яко левъ уповая ходитъ* (Притч. 28, 1) и Давида пророка: *многолахъ о свидѣніихъ Твоихъ предъ цари, и не стыдяся* (Псал. 118, 46). Представитель нечестія, выслушавъ дерзновенныя эти слова, весь измѣнился отъ гнѣва, и не могши болѣе переносить толикаго дерзновенія мученика, въ бѣшенствѣ завопилъ: бейте безжалостно этого безстыднаго и дерзкаго; выдерните изъ головы его волосы, раздерите ногтями на части плоть его, сокрушите камнями челюсти его, чтобъ онъ умѣлъ говорить съ княземъ. Всякій можетъ себѣ представить (и потому нѣтъ нужды описывать), что претерпѣлъ подвижникъ Христовъ отъ нечестивцевъ, когда они и по природѣ злобные, безчинные, скорые и рѣшительные на всѣ неистовства противъ всѣхъ, исповѣдующихъ ихъ нечестія, получили полное на всѣ лютоści разрѣшеніе. Какъ дикіе и кровожадные звѣри, изрыгая вмѣстѣ хулы и на Христа Бога, устремились они на агнца Христова, чтобы съ одной стороны насытить врожденную свою злобу, съ другой удовлетворить звѣрскому праву своего князя. Мужественный же подвижникъ Христовъ, незлобиво и великодушно претерпѣвая все, взывалъ къ Господу словомъ благоразумнаго того разбойника: *помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!* Наконецъ, послѣ лютыхъ и звѣрскихъ мученій, беззаконники ввергли полумертваго страстотерпца въ темницу, и тамъ по шеѣ и ногамъ связали его тяжкими цѣпями. На другой день мучитель, сѣвши въ свое кресло, повелѣваетъ представить мученика для вторичнаго испытанія. Ну что, раскаялся ли, говоритъ онъ мученику, съ притворною кротостію, во вчерашнемъ пустословіи, Хасанъ? Мученикъ: я не Хасанъ, а христіанинъ, — имя мое Константинъ, и слова мои были не пустословіе: я исповѣдую Отца, Сына и Святаго Духа, въ трехъ лицахъ единаго Бога истиннаго: Сему поклоняюсь, сего прославляю, вѣру же вашу проклиною. Тогда нечестивый судья повелѣлъ бить его, и

тотчасъ же дали ему 500 палочныхъ ударовъ въ спину и 500 по ногамъ, такъ что свалились всѣ ногти съ ногъ его, а кровью его обагрился весь полъ. Но храбрый воинъ Христовъ, мужественно претерпѣвая болѣзни, только взывалъ: помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ. Нечестивцы, подумавъ, что онъ уже умеръ, — ибо отъ звѣрскаго тиранства лишился наконецъ чувствъ, — подняли его съ земли, и бросили, какъ бездушнаго, въ темницу. Тогда какъ блаженный едва живой лежалъ въ темницѣ и былъ уже при дверяхъ смерти, Самъ Владыка Христосъ предсталъ предъ него, и божественною Своею силою исцѣливъ его раны, возвратилъ ему здравіе, и даже возстановилъ самые ногти ногъ его. Черезъ три дня мучитель повелѣлъ слугамъ своимъ извергнуть изъ темницы трупъ мученика; но слуги, пришедши туда, находятъ его совершенно здоровымъ, безъ всякаго признака прежнихъ ранъ. Мучитель, по причинѣ душевной слѣпоты, не видя здѣсь никакого знаменія, сказалъ мученику: понравилось ли тебѣ, Хасанъ, то, что я сдѣлалъ? Исповѣдуй же, что наша вѣра лучше всѣхъ другихъ, и я дамъ тебѣ все, что прежде обѣщалъ. Тогда мужественнѣйшій Константинъ сказалъ: послушай меня, князь, я объясню тебѣ всю правду. Ты очень хорошо знаешь, что прежде трехъ дней изранилъ все мое тѣло бичеваніями, многими палочными ударами исторгъ всѣ ногти ногъ моихъ, бросилъ меня полумертвымъ въ темницу, — и теперь гдѣ эти раны, гдѣ искорененные ногти? Посмотри, остался ли какой признакъ ранъ; смотри, не достаетъ ли какого ногтя? Владыка мой Христосъ посѣтилъ меня въ темницѣ и исцѣлилъ меня отъ ранъ, даже возстановилъ и ногти ногъ моихъ, какъ Богъ истинный и врачъ душъ и тѣлесъ. Слѣдовательно я достойно поклоняюсь Ему, вашего же Магомета, какъ обманщика и учителя всякой нечистоты, отвращаюсь, дабы ему не уподобиться и не наследовать вмѣстѣ съ нимъ вѣчнаго мученія; да и тебя при этомъ,

господинъ, умоляю, —открой очи души твоей, поклонись Господу Иисусу Христу, Которому и твои родители поклонялись, и до сихъ поръ еще остаются въ христіанствѣ. Мученикъ сказалъ истину; ибо мучитель, бывъ родомъ грузинецъ, но плѣненный агарянами, оставилъ отеческую вѣру и принялъ агарянскую. Уязвленный, какбы какимъ жаломъ, свидѣтельствомъ мученика о его происхожденіи, мучитель усрамился бывшихъ тамъ агарянъ, и потому тотчасъ же, прекративъ истязаніе, повелѣлъ снова ввергнуть мученика въ темницу, и заключить ноги его въ кандалы. Три дня и три ночи провелъ мученикъ въ этомъ мучительномъ состояніи. Въ теченіе сихъ дней въ ту же темницу заключили и еще христіанъ (двое изъ нихъ были іереи) и четырехъ турокъ. Въ одну изъ сихъ ночей Богъ, къ славѣ мученика Своего, прославившаго Его исповѣданіемъ, сотворилъ слѣдующее чудо: среди глубокой ночной тьмы, въ часъ полуночный, въ темницѣ внезапно возсіялъ великій свѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мученикъ разрѣшился отъ узъ: тотчасъ же сталъ онъ на востокъ, и началъ молиться. Христіане, увидѣвъ это чудо, всѣ встали и поклонились, а турки отъ удивленія и страха завопили: аллахъ! аллахъ! Въ ту минуту разнесся слухъ между темничными стражами, что въ темницу упалъ огонь: немедленно вошли они туда, но ничего другаго не нашли, кромѣ того, что мученикъ стоялъ разрѣшенный отъ узъ, и молился. Видя это, спросили они находившихся тамъ христіанъ и турокъ: кто разрѣшилъ отъ узъ этого злаго человѣка? Турки отвѣчали: мы всѣ въ эту ночь спали, но въ полночь вдругъ увидѣли въ темницѣ великій свѣтъ, а этого калогера кланяющимся, — и отъ удивленія воззвали: аллахъ! аллахъ! Болѣе ничего не можемъ сказать.

Тогда воины о всемъ возвѣстили князю, который запретилъ имъ говорить, что видѣли они, какъ будто бы это было грѣшно и противно вѣрѣ ихъ. А туркамъ и бывшимъ въ

темницѣ христіанамъ онъ суесловилъ: видите, — такъ какъ этотъ калогеръ грѣшенъ, то Богъ бросилъ огонь пожечь васъ; остерегайтесь же рассказывать о томъ, чтобы послѣ васъ и мнѣ не умереть. Съ этого времени онъ не приводилъ уже мученика въ судилище, боясь чуда, случившагося въ темницѣ; слуги злобы немилосердо мучили страдальца только на мѣстѣ.

Богъ въ честь мученика Своего сотворилъ и другое чудо. Одинъ агарянскій имамъ, чтобъ ударить мученика, поднялъ на него скверную свою руку, и божественный судъ тотчасъ же праведно наказалъ неправеднаго: вся рука его почернѣла. Отъ этого агаряне исполнились страха и трепета, и никто уже не дерзалъ беспокоить мученика, видя, что Богъ любитъ его и мститъ всѣмъ, оскорбляющимъ его. 5 почти мѣсяцевъ послѣ того пробылъ Константинъ въ темницѣ, претерпѣвая голодъ и жажду, и страдая отъ насѣкомыхъ и другихъ бѣдъ и скорбей, съ какими естественно всегда сопряжено темничное заключеніе осужденныхъ. Въ это время одинъ благословенный христіанинъ чрезъ каждые 10 дней приносилъ ему святое причастіе и давалъ приобщаться св. таинъ. Сподобляясь сей небесной пищи, блаженный забывалъ всѣ скорби и злостраданія, и исполнялся неземной радости. Причина, по которой мучитель столь долго держалъ мученика въ темницѣ, была та, что онъ не смѣлъ самовластно умертвить Идріотца, боясь силы и власти, какую Идріотцы имѣютъ при дворѣ царскомъ, и особенно у капитана-паши архипелажскаго. Поэтому онъ написалъ капитану Георгію (родомъ Идріотцу), находившемуся тогда въ Александріи, извѣщая его о дѣлѣ мученика, и такимъ образомъ, ожидая отъ него отвѣта, отлагалъ окончательный приговоръ о страдальцѣ. Подвижникъ Христовъ, узнавъ объ этомъ, написалъ изъ темницы письмо къ тому же капитану и просилъ его усердно, ради имени Божія, не препятствовать ему совершить подвигъ мучениче-

скій: это, говорилъ онъ, будетъ верхъ любви, которую окажетъ онъ своему соотечественнику. и высочайшее благодѣяніе. О, чудное рвеніе, которымъ горѣло сердце твое, мужественнѣйшій Константинъ! О, неугасимый огонь божественной любви, которая жгла всѣ твои внутренности! Капитанъ Георгій, получивъ такое письмо отъ мученика, и увидѣвъ изъ него пламенное его желаніе пострадать за имя Христова, написалъ князю родосскому, что мы не знаемъ этого человека, потому дѣлай съ нимъ что хочешь. Получивъ этотъ отвѣтъ, мучитель положилъ умертвить мученика. Тогда же повелѣлъ вывести страдальца изъ темницы, и представивъ его предъ себя, спрашивалъ его рѣшительно: раскаялся ли онъ, и отрекается ли Христа. Константинъ съ такимъ же мужествомъ отвѣчалъ ему: я сказалъ уже тебѣ, что я христіанинъ, и не отрекусь Христа моего для лжеца, обманщика и учителя всякой нечистоты, хотя бы ты и на безчисленные куски изрубилъ мое тѣло. Видя непреложность мысли его, мучитель далъ окончательное рѣшеніе — умертвить его въ темницѣ. Посему нечестивцы 14 ноября въ 5 часовъ ночи задушили тамъ храбраго ратоборца Христова, и такимъ образомъ препроводили блаженную душу его въ руки Божіи для принятія отъ Него неувядаемаго вѣнца мученическаго. Тѣло же его святое князь далъ позволеніе христіанамъ взять и погребсти, какъ они знаютъ. Они взяли мощи изъ темницы и съ честію погребли ихъ въ храмъ Пресвятыя Богородицы въ Варусіонѣ. А преблагій Богъ, прославляя Своего угодника благодатною силою мощей его, при погребеніи ихъ совершилъ много чудесъ: многое множество больныхъ исцѣлилось тогда отъ различныхъ болѣзней.

По блаженной кончинѣ мученика, добрая мать его, узнавши, что возлюбленный сынъ ея прославилъ Бога изліяніемъ своей крови, и что въ Родосѣ погребено многострадальное тѣло его, отправилась туда, чтобы перенести святыя мощи

сына своего въ отечество, — что она, при содѣйствіи помянутаго капитана Георгія, и успѣла сдѣлать. При перенесеніи мощей святаго Константина, какъ и при погребеніи, совершилось много чудесъ, о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы здѣсь скажемъ.

Одинъ родосскій христіанинъ, пораженный громовою стрѣлою, лишился слуха и голоса, даже сошелъ съ ума, и нѣсколько времени находился въ этомъ жалкомъ положеніи: но лишь только подвели его къ мощамъ святаго Константина, — о чудо! — онъ сталъ здоровъ, началъ славить и благословлять Бога. Тамъ же былъ одинъ бѣсноватый, подобный упоминаемому въ Евангеліи, который имѣлъ въ себѣ легионъ бѣсовъ. И этотъ, какъ евангельскій, три уже года не обиталъ въ селеніяхъ, бѣгалъ по горамъ нагой и босой, и нетолько не обиталъ въ жилищахъ съ людьми, но ни съ кѣмъ изъ нихъ не хотѣлъ даже и говорить. Къ этому несчастному лишь только приблизили святая мощи новомученика, бѣсъ тотчасъ же вышелъ изъ него, и исцѣлѣвшій велегласно сталъ славить Бога и благодарить святаго Его угодника. Такъ Богъ чудесъ благоволилъ прославить прославившаго Его добродѣднаго новомученика Константина! Святими его молитвами да спасетъ и насъ Господь Богъ, яко благій и человѣколюбецъ. Аминь.

Св. Константинъ пострадалъ въ Родосѣ 1800 году.

ВѢКЪ XIX.

СТРАДАНИЕ СВЯТАГО СЛАВНАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

ЛУКИ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО МАРТА 23-ГО.

И реподобномученикъ Лука былъ родомъ изъ Адрианополя: отецъ его именовался Аѳанасіемъ, а мать Домникою. Оставшись послѣ отца сиротою 6-ти лѣтъ, Лука воспитывался въ крайней бѣдности. Тѣснимая бѣдностію, мать передала его одному загорійскому купцу, чтобы онъ у этого купца навикалъ купеческому ремеслу. Благонамѣренный купецъ, взявъ отрока-сироту подъ свое смотрѣніе, обходился съ нимъ добросовѣстно. Разъ случилось хозяину Луки быть по торговымъ своимъ оборотамъ въ Константинополь. Тамъ въ одинъ день Лука, вышедши изъ дому, побранился съ турченкомъ и даже прибилъ его; увидѣвъ это, находившіеся

¹ Изъ νέον λειμονάριον.

тутъ же турки, какъ неукротимые звѣри, устремились на него, и схвативъ его, хотѣли въ своей ярости умертвить. Лука (имѣвшій тогда 13-ть лѣтъ отъ роду), видя эту внезапную бѣду, смутился, и отъ чрезвычайнаго страха закричалъ: пустите меня, я потурчусь, — и этимъ тотчасъ остановилъ бѣшенство, погасилъ гнѣвъ ихъ. Тогда же взялъ его къ себѣ одинъ именитый турокъ и, съ великою радостію приведши въ проклятый свой домъ, повелѣлъ ему тутъ же отречься Христа и исповѣдать нечестивую ихъ вѣру, — что Лука и сдѣлалъ. Но когда мысли его успокоились и сердце освободилось отъ страха, когда пришелъ онъ въ себя, — тотчасъ позналъ великое свое бѣдствіе, и сталъ горько раскаяваться въ своемъ поступкѣ. Потому хотя нечестивецъ — турокъ и показывалъ великую къ нему благосклонность и любовь, хотя ласкалъ его обѣщаніями всевозможныхъ благъ; однако благочестивый отрокъ, не смотря на свои 13 лѣтъ, являлся какбы уже достигшій въ мужа совершенна. въ мѣру возраста, и не прельщался суетою міра. Но такъ какъ у Луки не было способъ избѣгнуть сѣтей, устроенныхъ ему діаволомъ, то онъ сдѣлалъ что могъ, — извѣстилъ своего хозяина и просилъ, чтобы онъ постарался, какъ знаетъ, избавить его, прежде чѣмъ его обрѣжутъ. Получивъ эту вѣсть, хозяинъ тотчасъ же пошелъ къ русскому посланнику, и объяснивъ ему подробно все дѣло, просилъ его избавить отъ гибели бѣдствующую душу. Посланникъ принялъ это прошеніе, и тотчасъ же послалъ своего человѣка просить у Аги отрока, но тотъ со многими оправданіями отвѣчалъ посланному, что отрокъ по своей волѣ пришелъ къ нимъ и сдѣлался туркомъ, что никто не искалъ его, никто къ тому не принуждалъ его, и что отдать его назадъ, стало быть, нельзя. Выслушавъ это, посланный удалился, а нечестивецъ, убоявшись, чтобы не стали просить отрока вторично, тотчасъ же связавъ ему руки, безъ всякаго съ его стороны согласія, обрѣзалъ его.

Узнавъ объ этомъ, посланникъ сказалъ купцу: дѣло уже кончено, теперь ничего другаго не выйдетъ, кромѣ бесполезныхъ безпокойствъ и хлопотъ: извѣсти отрока, чтобы онъ отыскалъ удобное время уйдти оттуда, и когда уйдетъ, пусть придетъ сюда. Извѣстившись объ этомъ отъ купца, Лука чрезъ нѣсколько дней уллучилъ удобное время, и убѣжавъ изъ проклятаго того дома, прибѣжалъ въ Галату. Тамъ сняли съ него турецкую одежду, одѣли въ христіанскую и отправили въ Смирну; а изъ Смирны прибылъ онъ въ Тиръ, гдѣ нѣсколько времени оставался никѣмъ незнаемый. Въ Тирѣ случилось ему довольно тяжело заболѣть: опасаясь смерти, рѣшился онъ объявить одному духовнику все съ нимъ бывшее. Духовникъ, просвѣщенный свыше, утѣшивъ его въ скорби, отечески совѣтовалъ ему, что неполезно для него, при такихъ обстоятельствахъ, ходить туда и сюда по турецкимъ мѣстамъ, а слѣдуетъ идти на Святую Гору, и тамъ позаботиться о вѣчномъ своемъ спасеніи. Съ радостію принялъ отрокъ духовный сей совѣтъ и, спустя нѣсколько дней, когда болѣзнь его облегчилась, удалился въ тихое пристанище спасенія—на Святую Гору.

Прибывъ сюда, сначала поступилъ онъ въ лавру святаго Аѳанасія, а оттуда, чрезъ нѣсколько времени, удалился въ обитель Иверскую. Здѣсь объявилъ онъ, что былъ потурченъ, но что еще не причисленъ къ стаду Христову; для сего послали его въ скитъ Предтечи къ одному духовнику, который и муропомазалъ его, по чину святой Церкви. Изъ Иверской обители чрезъ нѣсколько времени перешелъ онъ въ обитель Ставроникитскую, гдѣ и былъ облеченъ въ иноческое одѣяніе. Вскорѣ однакожъ Лука оставилъ и эту обитель, и перешелъ въ монастырь Зографскій, гдѣ тоже оставался недолго; ибо куда онъ ни приходилъ, общій врагъ человѣческаго спасенія наносилъ ему различныя искушенія и не давалъ умириться душевно. Всевидѣць Богъ, предвидя конецъ его

искушеній, попускалъ сатанѣ строить ему разные ковы. Наконецъ искушенія увеличились до того, что онъ даже оставилъ Святую Гору, и удалился въ міръ, съ намѣреніемъ быть тамъ кандиловжигателемъ въ какой либо церкви; но Богъ не благоволилъ совершиться его намѣренію, предопредѣляя его для другой цѣли, почему, бывъ въ Кидоніи, въ Мосхонисіи, въ Митиленѣ, въ Смирнѣ, онъ нигдѣ не обрѣлъ себѣ мѣста. Такимъ образомъ, встрѣчая вездѣ неудачу, и съ тѣмъ вмѣстѣ страшась свирѣпствовавшей тогда въ Смирнѣ чумы, возвратился онъ опять на Святую Гору, и поступилъ въ обитель Ксиропотамскую. Но пробывъ здѣсь не долго, перешелъ въ монастырь Котлomuшъ, а отсюда, спустя немного, снова явился въ скитъ честнаго Предтечи къ духовнику, и на исповѣди объявилъ ему всѣ свои искушенія. Духовникъ старался пристроить его въ какомъ нибудь скитѣ; но такъ какъ онъ былъ безбородый, то нигдѣ не принимали его. Послѣ того духовникъ употребилъ за него ходатайство еще въ монастырѣ святаго Григорія. Здѣсь, по ходатайству старца, приняли его, и чрезъ нѣсколько времени даже удостоили прислуживанія въ церкви, и блаженный Лука было успокоился; но врагъ человѣческой въ отношеніи къ нему никогда не былъ покоенъ, и вотъ наконецъ прогнали блаженнаго и изъ Григоріата.

Впрочемъ всѣ эти искушенія (ихъ было много, и только для краткости мы не описываемъ всѣхъ), можно сказать не обинуясь, происходили по строенію Божію, ради благой для Луки цѣли. Внимайте: бывъ выгнанъ изъ Григоріата, онъ сталъ наконецъ размышлять самъ съ собою такъ: Святая Гора есть пристанище спасенія, въ ней безмолвствуетъ такое множество иноковъ, и всѣ они наслаждаются миромъ, почему же я одинъ не могъ оставаться ни въ какомъ мѣстѣ! Ясно, что нѣтъ этому другой причины, кромѣ той, что я ношу на себѣ скверную печать діавола (то-есть обрѣзаніе), и потому не

могу умиротвориться ни въ какомъ мѣстѣ, не могу сдѣлать никакого преуспѣянія въ добродѣтели. Что же остается мнѣ? остается одно: пойти и съ дерзновеніемъ исповѣдать Христа, и тѣмъ отвергнуть отъ себя діавольскую печать, и смыть съ себя грѣхъ отреченія изліяніемъ моей крови: это успокоитъ меня, это будетъ моимъ спасеніемъ. Такъ размысливъ и со слезами помолившись въ церкви, Лука приходитъ къ своему старцу и объявляетъ ему свои помыслы. Долго старался старецъ отклонять его отъ сего намѣренія, страшась за неизвѣстность конца. Если другіе не хотятъ держать тебя, говорилъ онъ ему, я соглашаюсь удалиться съ тобою куда нибудь, и мы во всю жизнь будемъ неразлучны. Многое и другое говорилъ ему старецъ, но не могъ убѣдить его отказаться отъ своей мысли; поэтому блаженный, удалившись оттуда, пришелъ въ скитъ святыхъ Анны къ нѣкому іеромонаху Виссаріону, его знакомому. Тотъ принялъ его, какъ отецъ чадолюбивый, со всею благосклонностію и любовію, но видя его печальнымъ и унылымъ, желалъ знать причину его скорби и сѣтованія. Лука объявилъ ему все прошедшее, а также открылъ намѣреніе—пострадать за имя Христово. Виссаріонъ, выслушавъ его, сказалъ: намѣреніе твое хорошо, но обстоятельства твои не позволяютъ тебѣ привести его въ дѣйствіе. Ты очень юнъ и миловиденъ, а турки весьма злы и непопулярны; посему я опасуюсь, какбы вмѣсто смерти не пришлось тебѣ впасть въ какое нибудь искушеніе: безмолвствуй лучше здѣсь, и покаяніе можетъ спасти тебя. Но Лука, представляя Бога помощникомъ всѣмъ благимъ нашимъ намѣреніямъ и начинаніямъ, не хотѣлъ оставить своей мысли. Виссаріонъ послалъ его посоветоваться объ этомъ къ духовнику Ананіи. И Ананія похвалилъ его мысль, но не совѣтовалъ ему рѣшиться на великій и страшный сей подвигъ, представляя на видъ лютость мукъ и множество другихъ искушеній. Однакожь блаженный и теперь оставался при своемъ намѣ-

реніи; и Ананія по крайней мѣрѣ посовѣтовалъ ему прежде искусить себя и приготовиться какъ можно лучше—колѣнопреклоненіями, молитвами и другими подвигами. Лука съ радостію согласился на это. Виссаріонъ и Ананія съ общаго согласія назначили ему разные подвиги. Лука охотно принялъ предписанный себѣ канонъ, и сталъ подвизаться, непрерывно размышляя о смерти за Христа Господа. Но доброненавистникъ, по зависти ко спасенію его, снова подвигся противу него: онъ возмутилъ миръ священной дружины Виссаріоной; такъ что блаженному предстояла было опасность выйти и оттуда, не исполнивъ даже канона. Но хотяй все́мъ спастися устроилъ такъ, что ускорилося время отбытія его на подвигъ мученичества, и такимъ образомъ все́ противъ него злоумышленія исконнаго нашего врага явились тщетными. Вскорѣ нашелся каикъ, идущій чрезъ Митилень въ Смирну. Рѣшили послать Луку съ этимъ каикомъ въ Митилень, тѣмъ болѣе, что и самъ мученикъ желалъ совершить свой подвигъ тамъ. По случаю отбытія его совершили надъ нимъ елеосвященіе, приобщили его пречистыхъ Христовыхъ таинъ, исполнили и другія приготовленія къ пути. Тогда Лука убѣдительно, со слезами сталъ просить Виссаріона, чтобъ онъ облечь его въ великій ангельскій образъ, и сопутствовалъ ему на мученіе. Духовникъ Ананія убѣждалъ Виссаріона исполнить эту просьбу мученика. Виссаріонъ склонился на убѣжденія Ананія, и потому, постригши Луку, сталъ самъ готовиться съ нимъ въ путь. Изготовивъ все, 10-го марта вошли они въ каикъ, а 13-го были уже въ Тенедосѣ. Благословенный, видя тамъ турокъ, и горя великимъ усердіемъ къ мученичеству, сказалъ Виссаріону: Отче! вотъ и здѣсь есть турки, что препятствуетъ мнѣ пострадать! Совершу теперь же подвигъ мой. О любовь, горящая ко Христу! Эвнухъ Кандакіи говорилъ нѣкогда Филиппу: *се, вода что возбраняетъ ми креститися* (Дѣян. 8, 36). Сколь велико было усердіе того

креститься въ водѣ: столь же сильно и усердіе Луки—креститься своею кровію; но послѣднее крещеніе, конечно, тяжелѣе и труднѣе воднаго. Впрочемъ, Виссаріонъ, не желая поступить вопреки благословенію старцевъ скита о мученикѣ, и по другимъ причинамъ, не исполнилъ пламеннаго стремленія Луки. Скоро прибыли они потомъ въ Митилень и, вышедши на берегъ, два дня провели въ молитвенныхъ подвигахъ въ домѣ священника Парѳенія, череднаго церкви святой великомученицы Варвары. Въ это время діаволъ, желая воспрепятствовать мученику исполнить святое свое намѣреніе, наносилъ ему разные хульные помыслы, такъ что старецъ вынужденъ былъ читать надъ нимъ заклинательныя молитвы. Потомъ оба они приобщились святыхъ Христовыхъ таинъ. Тогда Лука, переодѣвшись въ мірское платье, и поблагодаривъ старца своего за подъятыя имъ для него труды, воздавъ также благодарность и упокоившему ихъ священнику и, призвавъ на нихъ благословеніе свыше, пошелъ въ турецкое судилище, въ сопровожденіи старца своего, благочестиваго Парѳенія и другаго священника церкви святой великомученицы Варвары. Простившись съ этими проводниками въ послѣдній разъ на дорогѣ, Лука отсталъ отъ нихъ, и вошелъ въ незаконное судилище: то было низшее судебное мѣсто. Не достигнувъ здѣсь исполненія своего желанія, потому что Назиръ выгналъ его отсюда, — святой Лука идетъ въ Меккеме и, представъ тамъ предъ кади, говоритъ ему съ великимъ дерзновеніемъ: справедливо ли смѣяться надъ отрокомъ, — каковъ я? — Кади: кто осмѣялъ тебя? — Мученикъ: Осмѣялъ меня одинъ мусульманинъ, давши мнѣ печать (то-есть обрѣзаніе). Судья, не понимая притчи, просилъ посмотреть эту печать; а мученикъ, вмѣняя стыдъ за Христа въ славу, безчестіе въ честь, тотчасъ началъ поднимать свою одежду. Тогда нечестивцы поняли въ чемъ дѣло, устыдились и закричали: что ты хочешь дѣлать? стой, стой! По этому поводу, мученикъ

началъ говорить: когда я былъ отрокомъ 13 лѣтъ, вы осмѣяли меня: я принялъ вашу вѣру, не различая тогда хорошо истины отъ лжи, и пробылъ въ этомъ заблужденіи нѣсколько времени; но пришедши въ возрастъ, узналъ, что вѣра ваша ложная, и тотъ, кого вы называете пророкомъ, не пророкъ, а обманщикъ и баснословъ. Итакъ, удостовѣрившись, что богослуженіе ваше есть тьма, я предъ вами нынѣ отрекаюсь его и исповѣдую прежнюю христіанскую мою вѣру, которая есть свѣтъ истинный; вѣрую и поклоняюсь, какъ Богу истинному, Господу моему Іисусу Христу, въ Котораго если не увѣруете и вы, какъ я, будете вѣчно мучиться. — Откуда ты? спросилъ его судья. — Здѣшній, отвѣчалъ мученикъ. — Гдѣ же ты былъ донынѣ? — Въ Россіи. — Зачѣмъ не оставался тамъ? — Мученикъ: книги наши повелѣваютъ намъ такъ: гдѣ кто отрекся своей вѣры, тамъ долженъ и исповѣдать ее. — Какъ ты явился сюда? — На русскомъ кораблѣ, отвѣчалъ мученикъ. — Гдѣ конакъ твой? — Я нигдѣ не останавливался, но прямо пришелъ сюда. Судья, обратившись къ другимъ, сказалъ: это сумасшедшій; испытайте, узнаетъ ли онъ свои башмаки. Мученикъ тотчасъ побѣжалъ вонъ и, схвативъ свои башмаки, принесъ ихъ предъ нечестивцевъ, и сказалъ: судья! не сумасшедшій я, какъ ты называешь меня, вотъ мои башмаки, я купилъ ихъ здѣсь въ городѣ. — Судья: жаль мнѣ тебя, дитя мое! Если не послушаешь меня, испытать тебѣ такія муки, о которыхъ ты никогда и не слышалъ: размысли объ этомъ хорошенько. — Я уже давно размыслилъ о всѣхъ этихъ мукахъ, потому-то и пришелъ сюда: дѣлайте со мною что хотите; чистой и непорочной моей вѣры не отрекусь, христіанинъ я, христіаниномъ и умру, Христу моему кланяюсь, Христа моего желаю; здѣсь, по невѣдѣнію, я отрекся Его, здѣсь же снова и исповѣдую Его съ полнымъ сознаниемъ. Агаряне все еще то обѣщаніями, то угрозами хотѣли было отвратить его отъ Христа; но мученикъ пре-

бывалъ твердъ, какъ адамантъ. Судья и бывшіе съ нимъ, видя непреложность мыслей мученика, велѣли отвезть его на конакъ Назира. Туда явился и старецъ мученика, желая еще разъ видѣть его; впрочемъ они не вели здѣсь никакой бесѣды, чтобы предъ агарянами не явить себя товарищами. Тамъ мученикъ, отъ проклятыхъ колицидовъ (воиновъ Назира), вытерпѣлъ страшные побои за то, что попросилъ благословенія и молитвы у вошедшаго по своему дѣлу къ Назиру митрополита Митиленскаго. Страстотерпецъ о всемъ этомъ радовался. Митрополитъ, узнавъ о мученикѣ, тотчасъ послалъ по церквамъ своимъ граматы, съ приглашеніемъ всѣхъ христіанъ молиться за него Господу Богу, и весь почти островъ подвигся на молитву, ибо всюду прошла о немъ вѣсть. Между тѣмъ Назиръ то обѣщаніями различныхъ благъ, — въ числѣ которыхъ высшимъ поставлялъ усыновленіе его себѣ, — то угрозами старался отвлечь его отъ вѣры Христовой, но все было напрасно. Въ это время позвали Назира въ мечеть для прочтенія царскаго фирмана, и туда же повлекли мученика. Въ мечеть собралось многое множество агарянъ и предъ всѣмъ этимъ множествомъ около двухъ часовъ нечестивцы производили испытаніе надъ мученикомъ, стараясь совратить его въ свое нечестіе и ласкательствами, и обѣщаніями, и устрашеніями, не употребляя, впрочемъ, никакихъ тиранствъ. Досточудный же Лука съ мужествомъ сверхъестественнымъ, и такъ мудро отвѣчалъ всѣмъ имъ, столь ясно обличалъ ложь противубожной ихъ религіи, что всѣ удивлялись, гдѣ и когда этотъ отрокъ изучилъ такую мудрость. Безумные, они не понимали, что язвительныя для нихъ паче стрѣлъ слова мученика изливались не отъ мудрости естественной: на немъ исполнялось обѣщаніе Подвигоположника нашего: *Егда предаютъ вы, не пецѣтесе, како или что возлагаете: дастбоя вамъ въ той часъ, что возлагаете: не вы бо будете глаголющии, но Духъ Отца вашего*

глаголяй въ васъ (Матѣ. 10, 19, 2). И: Азъ дамъ вамъ уста и премудрость, ей же не возмогутъ противитися или отвѣщати вси противляющіися вамъ (Лук. 21, 15). Нечестивцы, не могли заградить устъ мученика, столь ясно обличавшаго ихъ, скрежетали на него зубами, и отъ безмѣрнаго стыда и негодованія на его дерзновеніе сказали ему: три дня даемъ тебѣ сроку, — размысли о себѣ хорошенько: исповѣданіе нашей вѣры будетъ для тебя виною радостей и всякаго благополучія, а упорство твое навлечетъ на тебя множество мукъ и горькую смерть, и, тотчасъ же, ввергши его въ темницу, забили ноги его въ дерево. Въ это время начальникъ темничной стражи часто приводилъ мученика предъ себя и то ласкательствами, то обѣщаніями, то устрашеніями старался совратить его на путь нечестія, но блаженный пребывалъ твердъ какъ адамантъ. Между тѣмъ христіане митиленскіе, даже самъ ихъ владыка и старецъ святаго Виссаріонъ, не смотря на множество явныхъ опасностей, имѣли о немъ усердное попеченіе, и старались то подать ему христіанское утѣшеніе, то сподобить его пречистыхъ Христовыхъ Таинъ. Для сего одинъ христіанинъ, подъ видомъ неплатежа харача (подати), охотно подвергъ себя заключенію въ темницѣ къ мученику. Наконецъ, когда тридневный срокъ исполнился, Назиръ, призвавъ предъ себя мученика, говоритъ ему: рѣшено повѣсить тебя, но я весьма жалѣю о тебѣ, и потому убѣждаю послушаться меня: размысли, — другаго времени для этого у тебя уже не будетъ. Мученикъ: если ты жалѣешь о мнѣ, то пошли меня скорѣе къ моему Христу; тогда я увѣрюсь, что ты точно жалостливъ и поистинѣ желаешь мнѣ добра. Итакъ, совершенно отчаявшись привлечь мученика въ свою пагубу, нечестивецъ велѣлъ вести его на висѣлицу. Приведши мученика на мѣсто казни, беззаконники сначала привязали веревку, дабы, видя ее, онъ устрашился: потомъ палачъ, надѣвши ему петлю на шею, сказалъ: испо-

вѣдуй Магомета! — Мученикъ: Христу моему поклоняюсь и въ Него вѣрую. Тогда другой нечестивецъ, глумясь, говоритъ ему: пусть же придетъ Христосъ и освободить тебя изъ рукъ нашихъ. — Мученикъ: я не хочу, чтобы Онъ освободилъ меня, но хочу умереть за любовь Его. Наконецъ варвары подняли мученика кверху, и онъ, молясь, безъ всякаго смущенія и потрясенія, предалъ въ мирѣ праведную душу свою Богу, столь пламенно имъ возлюбленному. Это было въ 1802 году, марта 23-го въ воскресенье, во второмъ часу. Святое тѣло его висѣло на мѣстѣ казни три дни и три ночи. Лице праведника было бѣло, какъ кринь, очи его и уста благолѣпно закрыты, и онъ казался болѣе спящимъ, нежели умершимъ. Во все это время благодатное тѣло его не только не подверглось никакой естественной порчѣ, а напротивъ, издавало изъ себя неизреченное благоуханіе. Христіане, проходя мимо, — ибо приближаться къ мощамъ было запрещено подъ страхомъ смерти, — и благоговѣйно ощущая райское это благоуханіе, радовались, веселились и славили прославляющагося во святыхъ Своихъ Бога, и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ всей души благодарили Его, что Онъ укрѣпилъ такого отрока (16-ти лѣтъ) столь мужественно подвизаться, и столь славно посрамить и побѣдить видимыхъ и невидимыхъ враговъ.

Чрезъ три дня нечестивцы, отрѣшивши добропобѣдное тѣло мученика, привязали къ шеѣ его огромный камень, и съ нимъ вмѣстѣ ввергли его въ пучину морскую; но, о чудо! огромный камень сдѣлался легче пера, и плавалъ вмѣстѣ съ мощами, поверхъ морскихъ волнъ, къ удивленію и изумленію всѣхъ зрящихъ, христіанъ и агарянъ! Въ то же время поднялась тамъ (и только тамъ, ибо въ другихъ мѣстахъ была совершенная тишина) страшная буря, и грозила потопить преступническій тотъ каикъ, съ котораго повержены были въ пучину мощи праведника. Посему агаряне уже не

дерзнули преслѣдовать ихъ. Ночью христіане тайно взяли святыя сіи мощи, невидимую силою вынесенныя на берегъ, и съ благоговѣніемъ предали ихъ землѣ. Подобно другимъ Богъ благоволилъ и сего Своего угодника прославить чудесами. Нѣкоторыми изъ оставшихся одеждъ его исцѣлилось нѣсколько страждущихъ отъ различныхъ болѣзней.—Молитвами святаго славнаго сего новомученика да избавимся и мы всѣ отъ душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ, а наипаче отъ вѣчныхъ мукъ адскихъ, и да сподобимся царствія небеснаго. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТАГО НОВОПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА
ИЛАРІОНА¹.

ПАМЯТЬ ЕГО СЕНТЯБРЯ 20-ГО.

Новопреподобномученикъ Христовъ Иларіонъ происходилъ съ острова Крита. Отець его именовался Франческо (Φραντζέσκος), мать Екатериною, а ему отъ святой купѣли было имя Іоаннъ. Кромѣ Іоанна, отецъ его имѣлъ еще двухъ сыновъ и двухъ дочерей. Воспитанный родителями своими въ благихъ нравахъ, онъ наученъ былъ ими и грамотѣ, и потому отъ юности сохранялъ доброе настроеніе души. Дядя Іоанновъ, имѣвшій достаточныя врачебныя свѣдѣнія, отправляясь въ Константинополь, взялъ туда и его съ собою. Болѣе 10-ти лѣтъ пробылъ у него Іоаннъ. Но такъ какъ дядя рѣшительно ничему не училъ его, и никуда не выпускалъ, то Іоаннъ удалился отъ него и поступилъ въ услуженіе къ одному хіосскому купцу, называемому тоже Франческомъ. Разъ

¹ Съ рукописи скита св. Анны.

Франческо, отправляясь въ Хіосъ, оставилъ Іоанна съ другомъ, служившимъ у него, христіаниномъ, въ лавкѣ своей, безъ должнаго учета находящемуся у него въ лавкѣ товару. Возвратившись изъ Хіоса, Франческо сталъ подозрѣвать ихъ, и преимущественно Іоанна въ утайкѣ 300 піастровъ вырученныхъ ими за товаръ, и грозилъ нанести ему много зла, хотѣлъ даже снять съ него рубашку, если онъ не выплатитъ означенной суммы. Іоаннъ обратился-было за помощію къ дядѣ своему, но тотъ отказалъ ему въ помощи. Не перенося такого насилія и несправедливой клеветы, и возмодушествовавъ отъ печали, Іоаннъ пошелъ въ царскій сераль къ матери султана и представши предъ такъ называемаго по турецки Башъ-агу (начальникъ надъ агами, глава ихъ)¹, объявилъ ему о своемъ горѣ и просилъ у него помощи. Изувѣръ, отверзши скверныя свои уста, изbleвалъ свой ядъ: великое, говоритъ, доставлю тебѣ счастье, если только потурчишься, такъ какъ я много могу и у царя и у матери его. Іоаннъ, омраченный какъ стѣснительнымъ своимъ положеніемъ, такъ и дѣйствиємъ діавола, согласился на нечестивое предложеніе,—и Башъ-ага тотчасъ же доложилъ о томъ султаншѣ, а султанша извѣстила царя. Посему несчастнаго отверженца немедленно потурчили, одѣли его въ драгоцѣнное платье и опредѣлили къ нему ходзу для обученія его турецкой граматѣ: — и велика была радость въ царскомъ сералѣ!

Но всеблагій Пастырь и Посѣтитель нашихъ душъ не попустилъ словесной своей овцѣ навсегда оставаться въ когтяхъ мысленнаго волка — исконнаго чловѣкоубійцы. Чрезъ три дня Іоаннъ, вышедши изъ омраченія и пришедши въ себя, весьма раскаялся въ своемъ безуміи, и сталъ искать

---

¹ Въ поганныхъ этихъ сераляхъ, обыкновенно, бываетъ множество чиновниковъ, высшихъ и низшихъ.

способа убѣжать изъ проклятаго этого дворца. Черезъ 12 дней случай представился, и радостный Іоаннъ, убѣгая какъ птица отъ сѣтеловящихъ, тотчасъ же вышелъ изъ адскаго того дома и пошелъ къ прежнему своему духовнику іеромонаху Симеону, жившему въ Бембеки (одно мѣсто въ Константинополѣ), тихо вошелъ въ его комнату, и прилично привѣтствовалъ старца. Духовникъ не узналъ его, и спрашивалъ: кто онъ. — Чадъ твое духовное, отвѣчалъ ему Іоаннъ. — Чтожъ это на тебѣ за платье?—Іоаннъ: запри дверь, и я расскажу о себѣ. Послѣ сего несчастный отверженникъ съ многими слезами рассказалъ ему о всемъ, что съ нимъ случилось, и просилъ его помощи. Духовникъ боялся, не видѣлъ ли кто, какъ онъ входилъ къ нему, но Іоаннъ увѣрилъ его, что никто не видѣлъ. Тогда духовникъ, оставивъ его у себя запертымъ, пошелъ посоветоваться съ сосѣдомъ своимъ купцомъ русскимъ, тоже духовнымъ своимъ сыномъ. Приведи его сюда, говорилъ ему россъ; черезъ два дня пойдетъ въ Россію корабль, отправимъ его туда. И дѣйствительно, черезъ два дня Іоаннъ, одѣтый въ русское платье, отправленъ былъ ими въ Крымъ, и пробылъ тамъ 10 мѣсяцевъ. Въ Крыму хотя пользовался онъ совершеннымъ внѣшнимъ покоемъ, однакожъ, такъ какъ не было у него покоя внутренняго, то, для примиренія съ своею совѣстію и Богомъ, онъ рѣшился на подвигъ мученичества, и потому возвратился въ Константинополь.

Прибывъ сюда, онъ явился къ сказанному духовнику и объявилъ ему о своемъ намѣреніи. Но духовникъ посоветовалъ ему сначала отправиться, для духовнаго своего исправленія, на Святую Гору, а тамъ пусть будетъ что угодно Богу. Іоаннъ повиновался благому его совѣту. Прибывши на Святую Гору, онъ пришелъ въ обитель Іверскую. Іверцы послали его въ скитъ честнаго Предтечи къ духовнику Сергію, а Сергій заблагоразсудилъ препроводить его въ скитъ

святыхъ Анны къ іеромонаху Виссаріону, который, назадъ тому годъ, сопутствовалъ въ Митилень преподобному Лукѣ, славно тамъ пострадавшему. Пришедши въ скитъ святыхъ Анны, Іоаннъ, для лучшаго достиженія своей цѣли, рѣшился употребить посредничество: для этого обратился онъ къ духовнику киръ-Меѳодію и, рассказавъ ему о себѣ все, просилъ его подвигнуть сказаннаго Виссаріона принять его въ свое общество. Виссаріонъ, не смотря на совокупную ихъ о томъ прилежную просьбу, сначала рѣшительно отказывался, но Іоанна это не привело въ отчаяніе. Обильныя и горячія слезы его, умиленные просьбы согрѣли наконецъ душу Виссаріона, и онъ согласился принять къ себѣ Іоанна, но съ тѣмъ, чтобы никто изъ внѣшнихъ не зналъ о томъ. Итакъ, Виссаріонъ, принявъ къ себѣ Іоанна, по своей силѣ, повелъ его трудными стезями подвижничества. Черезъ нѣсколько времени для большаго безмолвія заключилъ онъ Іоанна на 40 дней въ одной кельѣ близлежащаго, запустѣвшаго скита святаго Василія, давъ ему приличныя наставленія для молитвы и для чтенія четвероевангелія. Но доброненавистникъ діаволъ, по обычной своей злобѣ, желая воспрепятствовать благому дѣлу Іоанна, возбуждалъ въ немъ, особливо ночью, великія страхованія, которыхъ не въ состояніи будучи болѣе переносить, Іоаннъ чрезъ 12 дней ночью возвратился къ своему старцу. Не могу болѣе, отче, сидѣть одинъ, смиренно говорилъ ему Іоаннъ, прошу посадить меня подлѣ себя. Тогда Виссаріонъ заключилъ его въ одной келліи своего дома, и назначилъ ему приличный канонъ; а пищею его, какъ и въ келліи скита святаго Василія, были только хлѣбъ и вода, и то лишь къ вечеру. Спустя немного, Іоаннъ сталъ просить своего старца, чтобы онъ удостоилъ его ангельскаго образа. Согласившись на то, Виссаріонъ самъ, какъ іеромонахъ, постригъ его съ переименованіемъ изъ Іоанна Иларіономъ. По воспріятіи иноческаго образа, Иларіонъ простерся къ болѣ-

шимъ подвигамъ. Читая новый мартирологій, онъ воспламенился сильнымъ желаніемъ мученичества, и сталъ умолиительно просить у старца своего согласія на пламенное свое желаніе. Старець убѣждалъ его къ терпѣнію до времени, но Иларіонъ былъ непреклоненъ въ своей мысли. Виссаріонъ, видя непреложность намѣренія его, извѣстилъ о томъ помянутаго духовника Меѳодія и старца своего Іоасафа. Всѣ они совокупно стали убѣждать Иларіона къ терпѣнію на нѣкоторое время, представляя ему, что помыслъ этотъ можетъ быть родился въ немъ отъ врага; но Иларіонъ со слезами просилъ ихъ благословить его на великій и священный подвигъ. Видя такую твердость помысла его, они изъявили наконецъ свое согласіе. Тогда Иларіонъ палъ къ ногамъ своего старца, и просилъ его сопутствовать ему въ столицу для утѣшенія, какъ сопутствовалъ онъ святому Лукѣ въ Митиленъ. Старець отвѣчалъ, что ему нѣтъ нужды сопутствовать, потому что онъ въ совершенномъ возрастѣ (Иларіону было 26 лѣтъ), а Лука былъ юнъ — только 16-ти лѣтъ, и потому нуждался въ помощи. Но слезы Иларіона подвигли даже всѣхъ присутствующихъ умолять старца согласиться на просьбу его, каковое согласіе, къ неизглаголанной своей радости, блаженный наконецъ и получилъ.

Послѣ сего Виссаріонъ, по установленному чину, явился въ лавру святаго Аѳанасія ¹, для полученія позволенія отправиться со Святой Горы, и позволеніе тогда же получено. Въ то время случился тамъ бывший вселенскій патріархъ Григорій. Виссаріонъ объявилъ ему тайно о своемъ дѣлѣ, святитель порадовался этому, помолился о мученикѣ, и снабдилъ Виссаріона рекомендательными письмами къ одному своему другу. Приготовившись такимъ образомъ, Виссаріонъ съ ученикомъ своимъ отправился со Святой Горы 10-го сен-

---

¹ Ибо скитъ святая Анны принадлежитъ къ лаврѣ.

тября, и прибылъ въ Константинополь 16-го того же мѣсяца, въ пятницу. Утромъ въ субботу старецъ приобщилъ мученика Христовыхъ Таинъ, которыя имѣлъ готовыми во святой дароносицѣ. Ночь съ субботы на воскресенье провели они въ бдѣніи и молитвѣ. Въ ночь сію совершаемо было бдѣніе о мученикѣ и въ скитѣ святыя Анны; потому что мученикъ, отправляясь въ Константинополь, просилъ скитянь въ слѣдующую недѣлю совершить о немъ и о старцѣ его бдѣніе, и цѣлую потомъ седмицу править о нихъ молебствіе. Мученикъ, по бывшему ему во снѣ откровенію, указалъ старцу мѣсто, гдѣ обезглавятъ его, предсказалъ ему, что христіане выкупятъ мощи его, и что старецъ своими руками погребетъ его тѣло; и все это, какъ увидимъ ниже, оправдалось самымъ дѣломъ. Поутру въ воскресенье, еще до разсвѣта, старецъ опять приобщилъ мученика Христовыхъ Таинъ; потомъ одѣлъ его въ турецкое платье, и тогда ратоборецъ Христовъ пошелъ на давно желаемый имъ подвигъ за святое Господа Иисуса имя. Старецъ проводилъ его, и, давъ ему послѣднее цѣлованіе, простился съ нимъ и пролилъ много слезъ. Отсюда мученикъ направился прямо къ тому дворцу, въ которомъ онъ безумно отвергся своего Создателя, и великую радость произвелъ во всемъ дворцѣ своимъ туда приходомъ, ибо пропадалъ 16 мѣсяцевъ. Пришедши туда, мученикъ тотчасъ же явился къ самому Башъ-агѣ, и облобызалъ руку его. Нечестивецъ очень обрадовался и спрашивалъ его, гдѣ онъ былъ столько времени, и что сдѣлалъ съ тою одеждою, въ которую облекли его? Мученикъ ему на то: Уѣзжалъ я въ Россію, и за недостаткомъ денегъ для моихъ расходовъ, продалъ данную мнѣ вами одежду. — Ага: я приготовлю другую. Но по прошествіи получаса мученикъ говорилъ агѣ тихимъ голосомъ: знаешь ли по какой причинѣ я пришелъ сюда? — Нѣтъ, отвѣчаетъ ему тотъ. — Мученикъ: Сдѣлавшись туркомъ, я послѣ трехъ дней раскаялся въ этомъ, а чрезъ

12 дней убѣждалъ, какъ и самъ ты знаешь, и удалился въ Россію. Много плакалъ я о своемъ безуміи, и снова сдѣлался христіаниномъ, такъ какъ хорошо понялъ, что вѣра ваша есть прелесть и мракъ, а христіанская есть истина и свѣтъ; потому, оставивъ обманъ и тьму, я обратился къ истинѣ и свѣту, и теперь прокливаю и вѣру вашу и ваше салавати (символъ магометанской вѣры). Слыша это, нечестивецъ выходилъ изъ себя; а мученикъ продолжалъ: имѣй терпѣніе, господинъ мой, я скажу тебѣ, для чего въ самой вещи пришелъ я сюда, — тогда оставишь гнѣвъ и исполнишься радости. Нечестивецъ, скрѣпя сердце, сталъ слушать. Много, продолжалъ потомъ мученикъ, много получилъ я отъ тебя благодарній: ты сдѣлалъ меня своимъ сыномъ, и изъ всего дворца проименовалъ меня одного арапоглунъ (сынъ араба, — ага былъ арабъ), сдѣлалъ меня ичъ-агою (начальникъ надъ виночерпіями) у царя; поэтому я не могу и не хочу явиться не благодарнымъ предъ тобою — моимъ благодѣтелемъ. Одежду эту я надѣлъ для того, чтобы удобнѣе было мнѣ встрѣтиться съ тобою и отблагодарить твою высокославность. Послушай же благаго моего совѣта, — пойдѣмъ въ Россію: есть уже туда и готовый корабль, тамъ сдѣлаешься ты христіаниномъ, и такимъ образомъ спасешь свою душу; я обѣщаю тебѣ всегда пребывать съ тобою и служить тебѣ, какъ моему отцу, до самой моей смерти. Лучше этого благодарнія никто и никогда оказать тебѣ не можетъ. Выслушавъ Иларіона, служитель нечестія одичалъ отъ ярости, и началъ мученика бить своимъ чубукомъ, пока не изломалъ его. Вслѣдствіе естественно происшедшей отъ этого тревоги, узнали о ней всѣ во дворцѣ, и стеклись туда. Мученикъ, несколько не смутившись, говоритъ агѣ: Такую-то ты воздаешь мнѣ благодарность. Я надѣялся, что ты примешь благой мой совѣтъ, и обрадуешься, а ты бьешь меня! Тогда въ удивленіи и недоумѣніи ага обращается къ мученику: что

это съ тобою?—Мученикъ: Христіаниномъ я былъ, христіанинъ я и теперъ, и проклинаю вѣру вашу и ваше салавати. Это произнесъ онъ трижды, потомъ сбросилъ съ своей головы повязку, попраля ея, и надѣлъ на себя черную скуфью, которую имѣлъ готовую за пазухой. Служители тотчасъ же схватили съ головы его скуфью, и снова надѣли на него сарики; мученикъ опять сбросилъ его съ себя, за что тѣ дали ему нѣсколько палочныхъ ударовъ. Послѣ того Ага подзвалъ его ближе къ себѣ и сталъ склонять къ отреченію отъ Христа, то обѣщаніями всевозможныхъ благъ, то угрозами великихъ мученій: но мученикъ оставался твердъ въ своей мысли, не обольщаясь обѣщаніями, и не ужасаясь угрозъ. Тогда ага отослалъ мученика къ Валедекягя (какбы адъютантъ султанши), предъ которымъ однако святой не только не отвергся Христа, но еще самого его убѣждалъ сдѣлаться христіаниномъ. Извѣстившись объ этомъ, Башъ-ага послалъ мученика съ двумя челювѣками къ Бостанжи-пашѣ (начальникъ царскихъ тѣлохранителей). Кровожадный этотъ тиранъ сначала хотѣлъ ласками перемѣнить мысль страсотерпца, но не видя въ томъ успѣха, подвергъ его страшнымъ и невыносимымъ мученіямъ, которыя состояли въ вывихиваніи и ломаніи членовъ всего его тѣла. А такъ какъ мученикъ и въ этихъ лютейшихъ мученіяхъ пребывалъ твердымъ въ своей мысли, и презиралъ тиранства, то ага послалъ его съ двумя чаушами къ Пашѣ-капти, чтобы еще и тамъ помучили его. Нечестивецъ этотъ, три раза высѣкши его такъ называемыми фаланга ¹, ввергнулъ его въ темницу, и забилъ ноги его въ мучилищное дерево. Находясь здѣсь, мученикъ сподобился пріобщиться пречистыхъ Христовыхъ Таинъ, до-

---

¹ Устраивается круглое дерево известной длины, къ нему прикрѣпляется веревка. Веревкою этою туго притягиваются къ дереву обнаженные ноги подвергаемаго наказанію, и тогда по подошвамъ ихъ бьютъ гибкими прутьями: весь этотъ мучительскій приборъ называется: фаланга.

ставленныхъ ему однимъ христіаниномъ. Во вторникъ, по обычаю, былъ диванъ, на который представили и мученика. Представъ предъ незаконное это соборище, святой страдалецъ говорилъ: я пришелъ сюда изъявить благодарность Агѣ моему, — я хотѣлъ взять его съ собою въ Россію, чтобы тамъ сдѣлался онъ христіаниномъ; а неблагодарный Ага явился для меня виновникомъ столькихъ тяжкихъ мученій. Диванъ послѣ того спросилъ мученика: кто ты? — Мученикъ: Христіанинъ. — Судьи: говори салавати, ты знаешь сколько испыталъ, а сколько имѣешь еще испытать, того не знаешь. Тогда мученикъ дерзновенно возгласилъ: анаеема и салавати вашему и тѣмъ, которые говорятъ его; дѣлайте со мною, что хотите, — сладчайшаго моего Іисуса никогда не отрекусь! А нечестивцы ему въ отвѣтъ: кто же принудилъ тебя сдѣлаться туркомъ; не самъ ли ты того захотѣлъ? — Мученикъ: Сознаюсь, я горько осмѣянъ, но теперь позналъ истину и свѣтъ, — совѣтую и вамъ выйти изъ облажающей васъ тьмы, и оставить басни льстеца вашего Магомета. Разговоръ этотъ велъ мученикъ на турецкомъ языкѣ, ибо зналъ его хорошо. Нечестивцы, видя наконецъ невозможность поколебать твердость души мученика, присудили его къ вечному усѣченію: посему палачъ тотчасъ же взялъ его и привелъ на мѣсто казни, на то самое мѣсто, о которомъ предсказалъ старцу мученикъ, какъ мы выше сказали, т. е. въ балукъ-базарѣ на одномъ перекресткѣ. Ратоборецъ Христовъ, проникнутый необыкновенною радостію о приближеніи того часа, въ который онъ предстанетъ предъ Господа Спаса своего, столь имъ возлюбленнаго, посиѣшалъ на смерть съ такою скоростію, что, не смотря на крайнее тѣлесное свое изнеможеніе, шелъ опережая палача. Достигши мѣста казни, святой самъ преклонилъ здѣсь свои колѣна, и простеръ подъ мечъ свою шею; между тѣмъ уста его тихо двигались, — онъ тайно читалъ символъ вѣры: ибо старецъ его заповѣдалъ ему предать

Богу духъ свой съ символомъ въ устахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ честная глава его отдѣлилась отъ святаго тѣла, а праведная душа отошла къ престолу Нелицепрiятной Правды для полученiя сугубаго вѣнца — преподобническаго и мученическаго. Это было 20 сентября, во вторникъ, въ 6-й часъ дня, 1804 года.

Лишь только обезглавленъ былъ святой, одинъ благоговѣйный христiанинъ, именемъ Николай, тщательно наблюдавшій за ходомъ настоящаго дѣла, тотчасъ же извѣстилъ о томъ мученикова старца, который, получивъ вожделѣннѣйшее это извѣстiе, немедленно съ радостiю пошелъ на мѣсто казни видѣть святаго своего ученика-мученика. Съ неизъяснимымъ удовольствiемъ увидѣлъ онъ святыя мощи его, но ему нельзя было много здѣсь медлить. Отсюда пошелъ онъ въ патриархию, куда явившись, обратился съ убѣдительною просьбою къ протосинкелу Киръ-Юанникiю, чтобы онъ подвигнулъ христiанъ выкупить мученическiя мощи; ибо сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, говорилъ Виссарiонъ протосинкелу, что турки хотятъ или сжечь ихъ, или бросить въ море. Протосинкель, выслушавъ старца, велегласно прославилъ и возблагодарилъ Бога, что Онъ и въ настоящiя времена сподобляетъ насъ видѣть мучениковъ, изливающихъ кровь свою съ такимъ мужествомъ и терпѣнiемъ за имя Его, показывая въ нихъ истинное утверждене Церкви православной. Протосинкель съ удовольствiемъ обѣщалъ Виссарiону споспѣшествовать этому святому дѣлу, и немедленно извѣстилъ о томъ нѣкоторыхъ благоговѣйныхъ христiанъ: а сiи, съ радостiю принявъ его предложенiе, всячески старались выкупить мученическое тѣло изъ рукъ нечестивцевъ. Получивъ многострадальное тѣло Иларiона, старецъ Виссарiонъ съ христолюбцами самъ честно погребъ оное на островѣ Протѣ въ церкви Преображенiя, подлѣ недавно (назадъ тому 3 года) пострадавшаго мученика хiосскаго Димитрiя. Вспомнивъ же

предсказанія мученика о всемъ этомъ, старецъ плакалъ отъ умиленія и радости. Нижнее платье мученика и часть волосъ съ головы его христіане раздѣлили между собою въ освященіе. Великую радость во всѣхъ христіанахъ константинопольскихъ возбудила мученическая кончина святаго Иларіона.

Прославляющія *Мя прославлю* (1 Царств. 2, 30), говоритъ Господь, верховный правитель нашихъ судебъ, что мы и видимъ почти ежедневно на самомъ опытѣ. Поэтому всемогущей и всесвятой волѣ Его благоугодно было прославить нѣкоторыми знаменіями и прославившаго Его новомученика святаго Иларіона. Одинъ христіанинъ, прибывшій изъ Константинополя на Проту для погребенія святыхъ его мощей, издавна страдалъ лютою болѣзнію, но движимый благоговѣніемъ и любовію къ мученику, съ трудомъ и подвигомъ, даже великимъ, прибылъ на островъ для облобызанія святыхъ мощей, и тутъ же въ награду за подвигъ и вѣру свою получилъ желаемое здравіе; ибо едва больной съ вѣрою и благоговѣніемъ приложился къ святымъ мощамъ, — о чудо! — тотчасъ оказался здоровымъ, — сталъ славить и благословлять Бога, и благодаря мученика, благополучно отошелъ восвояси.

Замѣчательно и то, что мученическія мощи, оставаясь непогребенными 4 дня (по обычаю мусульманъ, тѣла обезглавленныхъ остаются на мѣстѣ казни 3 дня), не издавали никакого запаха: на лицѣ мученическомъ ярко сіяли свѣтъ и радость.

Еще чудо. Одинъ христіанинъ въ Константинополѣ именемъ Константинъ, просилъ старца Виссаріона придти въ домъ его и благословить его семейство. Старецъ исполнилъ его просьбу. Одна изъ дочерей сего Константина, именемъ Александра, 8-ми лѣтъ отъ роду, имѣла въ себѣ тайнаго бѣса. Когда старецъ, по благословенію прочаго Константинова семейства, поднялъ руку свою, чтобъ благословить и Александру, — бѣсъ сотрясъ ее, бросилъ о-земь, и она, несчастная, въ страшныхъ конвульсіяхъ каталась по полу, точила

пѣны, и наконецъ сдѣлалась недвижима, какбы мертва. Жалкое открылось зрѣлище! Всѣ были въ трепетѣ. Старець Виссаріонъ имѣлъ у себя въ холстинѣ кровь и волосы святаго Иларіона. Подошедши къ несчастной, онъ перекрестилъ ее сею святынею и произнесъ: святой Иларіоне! помоги мнѣ въ часъ сей, и—о чудо!—не успѣлъ еще старецъ кончить изображеніе на ней крестнаго знаменія, дѣвица изблевала кровь, и встала съ земли совершенно здоровою. Константинъ всѣмъ и каждому проповѣдывалъ о чудѣ, которое совершено мученикомъ надъ его дочерью, и съ тѣхъ поръ ежегодно съ благоговѣніемъ праздновалъ память мученика. Потомъ и всѣ, слышавшіе объ этомъ чудѣ, славили и благодарили Бога. Вскорѣ послѣ того старецъ Виссаріонъ нашелъ попутный корабль, отправился на Святую Гору, куда, при помощи Божіей, чрезъ два дня благополучно и прибылъ.

По прошествіи слишкомъ года, Богъ благоволилъ сотворить чрезъ святаго Иларіона и еще одно чудо. Вышесказанный Константинъ имѣлъ въ Константинополѣ нѣкоего друга. У того друга дитя лежало въ тяжелой болѣзни, и наконецъ врачами приговорено было уже къ смерти. У Константина было нѣсколько крови и волосъ мученика Иларіона. Взявъ эту святыню, онъ пришелъ въ домъ друга своего, и нашелъ родителей рыдающими о своемъ дѣтищѣ, ибо всѣ думали, что оно уже при смерти. Когда святыня сія, съ благоговѣніемъ и вѣрою, возложена была на умирающее дитя, оно,—о чудо!—тотчасъ обнаружило признаки жизни, и наконецъ, по молитвамъ святаго, съ помощію Божіею, мало по малу получило совершенное здравіе.

Такъ подвизался, такъ побѣдилъ святой Иларіонъ прежде побѣдившаго его діавола! и такъ прославленъ отъ Христа Бога въ царствіи небесномъ! Молитвами и предстательствомъ святаго мученика Иларіона да сподобимся и мы всѣ соцарствія со Христомъ Господомъ нашимъ. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

ПРОКОПІЯ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮНЯ 25-ГО.

Преподобномученикъ Прокопій происходилъ изъ мѣстъ, смежныхъ съ Варною, и былъ сынъ благочестивыхъ родителей. Достигши двадцатилѣтняго возраста, онъ возжелалъ иноческой жизни, и потому, оставивъ родителей, отечество и сродниковъ, удалился на святую Аѳонскую Гору. Прибывъ сюда, рѣшился онъ сначала присмотрѣться къ существующимъ здѣсь различнымъ родамъ жизни: испытавъ же всѣ ихъ, избралъ наконецъ жизнь аскетическую, и подчинился одному старцу, именемъ Діонисію, подвизавшемуся въ скиту честнаго Предтечи; а чрезъ нѣсколько времени принялъ отъ него и святой образъ иноческой, коего желалъ такъ давно. Блаженный отъ природы былъ незлобивъ, украшался особенною простотою нрава, и многихъ удивлялъ своею добротою, послушаніемъ старцу своему и терпѣніемъ въ трудахъ аскетической жизни. Но врагъ человѣческаго

¹ Изъ νέον Λειμονάιον.

спасенія діаволъ, не терпя видѣть въ юношѣ такія добродѣтели, восталъ на него въ злобѣ своею сильною духовною бранію, и каждодневно навѣвалъ на душу его помыслы уйти въ міръ. Не устоялъ бѣдный Прокопій противъ этихъ темныхъ навѣтовъ, и рѣшился удалиться изъ мѣста своихъ подвиговъ. Вотъ оставляетъ онъ Святую Гору, и является въ Смирну. По прибытіи же его сюда, вражіимъ дѣйствіемъ приходитъ ему въ голову другой помыслъ, еще хуже прежняго, именно, такъ какъ онъ оставилъ подвиги покаянія и не пребылъ въ терпѣніи до конца, но удалился въ міръ, то непременно долженъ подвергнуться мученію. Смущеніе души его особенно увеличилось, когда память давала ему знать, что многіе окаявали удаленіе его изъ скита, и повергая его въ отчаяніе, приводила къ рѣшимости опустить изъ своихъ рукъ якорь благочестивой вѣры. Какъ тамъ не подумалъ онъ искать старческихъ наставленій, забылъ взять отеческое благословеніе; такъ и здѣсь не размыслилъ открыть комунибудь мрачную свою мысль, попросить у когонибудь добраго совѣта, а слѣдствіемъ этого и было горькое и жалкое, его паденіе ¹. Итакъ, не объявивъ никому своего намѣренія въ одинъ день приходитъ онъ къ городскому судѣ. Увидѣвъ его, стражи спрашиваютъ: чего ты желаешь; развѣ намѣренъ судѣ принести какую жалобу, или хочешь сдѣлаться мусульманиномъ?—Да, отвѣчаетъ имъ Прокопій. Стражи, въ полной радости и торжествѣ, тотчасъ же представили его къ судѣ. Нечестивый судья, не менѣе стражей своихъ обрадовавшись этому, спрашивалъ Прокопія: истинно ли хочетъ онъ обратиться въ ихъ вѣру. — Да, истинно, отвѣчалъ ему несчастный отверженецъ, забывъ и строгіе свои обѣты, и обѣщанія вѣчныхъ радостей и угрозы вѣчныхъ мукъ. Но такъ какъ онъ предсталъ предъ судью не въ монашескомъ

¹ Подобное сему слѣдствіе презрѣнія старческаго благословенія было надъ пренеподобнымъ Малхомъ. См. четьи-минеи св. Дмитрія Ростовскаго. Марта 26.

одѣянїи, а въ мірскомъ, то судья спросилъ его: для чего носитъ онъ бороду.— Отступникъ отвѣчалъ: такъ какъ я давно рѣшился перемѣнить вѣру, то и отпустилъ ее прежде времени. Это еще болѣе обрадовало судью, ибо изъ этого онъ увидѣлъ, что отверженецъ обращается къ ихъ религіи отъ души. Тогда же нечестивецъ огласилъ его душепагубнымъ своимъ оглашеніемъ, велѣлъ ему произнести нѣкоторыя хульные слова (что отступникъ и сдѣлалъ), и совѣтовалъ ему пребывать твердымъ въ своей рѣшимости, а чрезъ 15 дней турки наложили на него уже и печать своего нечестія (обрѣзали). Но дивны судьбы Твои, Боже! Лишь только отступникъ принялъ на себя гнусную эту печать, какъ мысль его измѣнилась, совѣсть начала уязвлять его, и онъ, прежде отчаянный, пришелъ теперь въ чувство, и рѣшился непременно искать душевнаго исцѣленія. Улучивъ удобное время, онъ тайно приходитъ къ прежнему своему другу духовнику, который зналъ его еще въ скитѣ. Духовникъ, видя его въ агарянскомъ одѣянїи, изумился и спрашивалъ: что такое сдѣлалось съ нимъ. Зачѣмъ онъ въ такомъ достойномъ слезъ и рыданія положенїи. Тогда отверженникъ рассказалъ все, съ нимъ происшедшее, и къ этому присоединилъ, что онъ имѣетъ намѣреніе смыть съ души своей ужасный грѣхъ отреченія изліяніемъ своей крови. Духовникъ ему на то: братъ! хорошо, безъ сомнѣнїя, и свято даже то, что ты говоришь мнѣ, но подумай о великихъ и лютыхъ мученїяхъ, какія внушитъ нечестивцамъ отецъ ихъ діаволь! Размысли, говорю, хорошенько, чтобъ тебѣ, вмѣсто побѣдителя, не сдѣлаться вторично побѣжденнымъ, и вмѣсто искателя вѣнца — явиться достойнымъ слезъ! Если ты пришелъ посоветоваться со мною, какъ съ духовникомъ, то говорю тебѣ съ чувствомъ друга и отца, что милость Божія къ намъ грѣшнымъ безпредѣльна, и что нѣтъ грѣха, побѣждающаго человеколюбіе Божіе: посему совѣтую тебѣ возвратиться туда, откуда ты

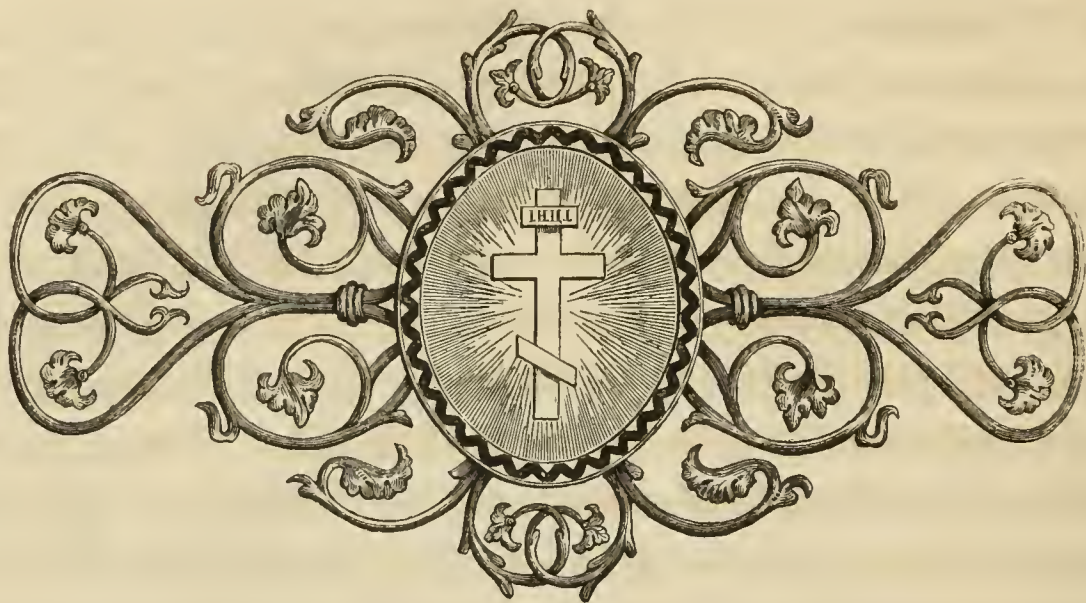
пришелъ, и тамъ оплакивать свой грѣхъ; надѣюсь — Богъ явить тебѣ свою милость. Но кающійся отверженникъ отвѣчалъ ему: знаю и я, что мнѣ нужно будетъ терпѣть отъ нечестивцевъ безчисленные и лютыя мученія; но я несомнѣнно уноваю, что помощь Божія, всегда укрѣплявшая и укрѣпляющая мучениковъ, поможетъ и мнѣ вынести всѣ страданія за имя Христово. Духовникъ, видя твердость его мысли, благословилъ его намѣреніе. Съ этого времени мученикъ началъ чаще бывать у друга своего духовника, но дѣлалъ это съ великою осторожностію до 15 дней, пока не исцѣлилась нѣсколько рана беззаконнаго обрѣзанія. Когда же получилъ онъ облегченіе отъ болѣзни, то въ одинъ день, пришедши къ духовнику, говоритъ ему: этотъ день есть послѣдній нашего съ тобою свиданія, ибо я рѣшился сегодня же предстать предъ нечестивцевъ, и потому пришелъ проститься съ тобою. Тогда оба они пропѣли молебенъ Госпожѣ Богородицѣ, и поцѣловавъ другъ друга послѣднимъ цѣлованіемъ, вышли вмѣстѣ изъ дома духовника, который, издали слѣдуя за нимъ, проводилъ его до самаго судилища. Мученикъ, представъ предъ судью, сбросилъ съ головы своей сарикъ (зеленую повязку), и съ великимъ дерзновеніемъ началъ обличать религію ихъ и поносить основателя ея. Нечестивцы сначала думали перемѣнить его мысль побоями и заключеніемъ въ темницу, но не видя съ этой стороны успѣха, обратились къ обѣщаніямъ ему всевозможныхъ благъ, высокихъ должностей и чиновъ. — Если бы вы дали мнѣ даже весь міръ, и тогда не возмogli бы перемѣнить моего расположенія, отвѣчалъ имъ на льстивыя ихъ обѣщанія мученикъ.

Беззаконники, видя непреложность его мысли, и слѣдуя съ точностію вновь полученному тогда фирману, который извѣщалъ ихъ, что царство агарянъ находится въ опасности отъ нападающихъ на него враговъ, и повелѣвалъ имъ скорѣе рѣшать всѣ великія и малыя дѣла, чтобы принять-

ся за отвращеніе опасности, пришли въ великое смущеніе, и не находили времени заниматься муками, вслѣдствіе чего и положили немедленно отсѣчь ему голову. Когда мученикъ приведенъ былъ на мѣсто казни, его спокойствіе, смѣлость, мужество привели въ изумленіе находившихся тамъ агарянь, и никто изъ нихъ не смѣлъ обезглавить его: варвары, при этомъ случаѣ, какбы устыдившись сами себя, стали побуждать другъ друга: но и тутъ никто изъ нихъ не рѣшился заклать мученика. Былъ тамъ одинъ отверженецъ отъ Христа, извѣстный всѣмъ своею свирѣпостію, и превосходившій другихъ въ злобѣ: привели его на мѣсто казни, и онъ исполнилъ то, чего не могли сдѣлать варвары отъ природы, и такимъ образомъ препроводилъ душу страдальца къ Судіи праведнѣйшему для полученія отъ Него вѣнца мученическаго. Это было въ Смирнѣ въ 1810 году, 25-го іюня, въ день субботній. Святыми молитвами страстотернца Христова Прокція да сподобимся и мы всѣ вѣчныхъ благъ. Аминь.

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТАГО НОВАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

ЕВѢИМІЯ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО МАРТА 21-ГО И МАЯ 1-ГО.

Семнымъ отечествомъ этого новаго ратоборца Христова было селеніе Димитцани въ Пелопонесѣ. Родители его, извѣстные въ томъ мѣстѣ своимъ благочестіемъ, были: Панагіотъ и Марія. Кромѣ святаго Евѣимія благочестивый Панагіотъ имѣлъ въ семействѣ своемъ еще трехъ сыновъ: Георгія, Христа и Іоанна, и одну дочь Екатерину. Евѣимій былъ младшій изъ дѣтей его. Но Евѣиміемъ назывался онъ въ иночествѣ, а при святой купѣли получилъ имя Елевѣерія по слѣдующему замѣчательному случаю: Когда матери его настало время разрѣшиться этимъ сыномъ, она въ родахъ своихъ терпѣла невыносимыя боли, такъ что младенецъ не только не подавалъ никакой надежды на явленіе свое въ міръ, но, какъ другой Веніаминъ, подвергалъ опасности жизнь и самой своей матери. Страдавшая такимъ об-

¹ Съ рукописи скита святаго Предтечи.

разомъ мать его, отчаявшисьъ въ человѣческой помощи, обратилась къ небесному заступленію, и съ теплыми мольбами просила Владыку Христа, да ходатайствомъ святаго мученика Елевѳерія освободитъ рабу свою отъ тяжкаго этого бремени, обѣщаясь наименовать рожденное отроча Елевѳеріемъ, если оно будетъ пола мужескаго. Тотчасъ послѣ сей молитвы раждается этотъ чудный младенецъ и по обѣту матери получаетъ наименованіе Елевѳерія. Когда достигъ онъ возраста, могущаго воспринимать книжную мудрость, его отдають въ общее сельское училище, гдѣ преподавались только начатки науки. При прекрасныхъ отъ природы дарованіяхъ ума и неослабномъ прилежаніи, онъ въ короткое время выучился здѣсь такъ называемой общей граматѣ, и потому перешелъ отсюда въ высшее училище эллинскаго языка, и сколько могъ учился съ роднымъ братомъ своимъ Іоанномъ грамматикѣ и прочимъ преподаваемымъ здѣсь предметамъ. Выслушавъ въ этомъ учебномъ заведеніи потребное для себя количество уроковъ, оба они перешли въ Константинополь въ училище такъ называемое Куручесліе. Изъ Константинополя же, чрезъ нѣсколько времени, оба они опять отправились въ Яссы къ отцу, пребывавшему тамъ съ старшими двумя ихъ братьями по дѣламъ торговли. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Яссахъ, въ душѣ Елевѳерія родилась благая мысль — отправиться на святую Аѳонскую Гору, и сдѣлаться монахомъ, почему скрывшись отъ отца и братій, онъ, можно сказать, полетѣлъ было изъ міра, какъ птица отъ тетень. Но это святое его намѣреніе не вдругъ пришло въ исполненіе. Желая пройти на Святую Гору чрезъ Константинополь, онъ встрѣтилъ на этомъ пути непредвидѣнныя препятствія по причинѣ бывшихъ тогда замѣшательствъ, по случаю войны между Россією и Турцією, и потому отправился въ Одессу въ намѣреніи найти тамъ лучшей и удобнѣйшей способъ исполнить свое намѣреніе. Не нашедши же

и здѣсь желаемого, онъ возвратился въ Бухарестъ. Сдѣлавшись извѣстнымъ тамошнему консулу Галліи, и потомъ нѣкому русскому чиновнику, онъ остался при нихъ и, пользуясь благоволеніемъ ихъ, прожилъ тамъ полтора года. Въ это время врагъ спасенія человѣковъ воспользовался противу Елевѳерія всею своею хитростію. Пребывая тамъ, Елевѳерій не сталъ уже вспоминать о Святой Горѣ, но видя, что міръ, плоть и діаволъ отворяютъ ему широкую дверь ко всякаго рода удовольствіямъ, онъ опрометью ринулся на этотъ льстивый призывъ разврата и, старая весь въ пламени юношескаго сладострастія, сдѣлался страшнымъ гиѣздилищемъ порока и грѣха. Но такъ какъ для совершенія грѣха не рѣдко требуются и расходы, то раболѣпствуя страстямъ и грѣху, глубже и глубже погружаясь въ пропасть ада, онъ часто входилъ и въ большіе долги. Случилось въ то время быть въ Бухарестѣ со стороны Турціи посланникамъ для переговоровъ о мирѣ съ воевавшею тогда Россіею: явившись къ нимъ, Елевѳерій присталъ къ одному изъ капиджи. Это сдѣлалъ онъ частію для того, чтобы могъ безъ страха и изобильнѣе пользоваться наслажденіями бухарестскими, частію же для того, чтобы имѣть ему лучшую возможность съ капиджи достигнуть Константинополя, ибо, какъ самъ онъ намъ рассказывалъ послѣ, пресыщеніе грѣхомъ стало уже причинять ему скуку, — что по истинѣ и бываетъ наконецъ съ душою грѣшника, какъ утверждаетъ и божественный Іоаннъ Лѣствичникъ. Спустя немного времени, посланники Порты отправились въ Шумлу, и медлили тамъ по причинѣ разныхъ обстоятельствъ. Это пребываніе Елевѳерія въ Шумлѣ оказалось для него злосчастливымъ; ибо съ одной стороны тяготясь медленностію роковаго своего путешествія, съ другой не вынося жестокости Кауджи — господина своего, и сверхъ того подстрекаемый однимъ спутникомъ своимъ адрианопольцемъ, по имени Константиномъ, который назадь тому нѣсколько

дней потурчился, днѣ пришелъ самопроизвольно съ этимъ отверженцемъ къ находившемуся тамъ рейсъ-эффенди именемъ Галлина, и увы! по легкомыслію и вѣтренности отрекся Христа, и увѣровалъ въ лжепророка Магомета, а чрезъ три дня, по лживому его закону, принялъ и преступное обрѣзаніе. Но, благодать Всесвятаго Духа, какъ видно, не совсѣмъ оставила его: находясь въ этихъ несносныхъ болѣзняхъ обрѣзанія, онъ снова вспомнилъ отеческое благочестіе, съ трепетомъ превозносилъ умомъ имя сладчайшаго Іисуса, вспомнилъ небеснаго Отца блудный этотъ сынъ, и желалъ призвать божественную его помощь; но пріавъ печать и начертаніе мысленнаго звѣря — антихриста, не въ состояніи былъ ни рукъ своихъ воздѣть къ небу, ни владыку-умъ праведно направить къ трисолнечному свѣту безначальнаго Божества; поэтому прибѣгъ къ единственному съ его стороны средству — слезамъ, и, какъ второй Петръ, заплакалъ горько, весьма горько; а жизнелюбецъ Іисусъ конечно принялъ эти слезы, и вознаградилъ его отреченіе, какъ и первоверховнаго изъ Апостоловъ.

Такимъ образомъ несчастный Елевѣерій оставался съ тѣми безбожниками, имѣя весь умъ занятымъ мыслию объ отреченіи, и показывался совсѣмъ не тѣмъ, какимъ прилично было ему казаться. Посему люди рейсъ-эффенди, подозрѣвая его въ намѣреніи бѣжать, тщательно стерегли его, не давали ему позволенія выйти вонъ изъ сатанинскаго того дома и, при этомъ строгомъ надзорѣ за нимъ, прилежно наблюдали также за всѣми его словами и движеніями. Въ одинъ день увидѣли они на немъ небольшой крестъ, который онъ носилъ на себѣ и прежде отреченія, и тогда еще имѣлъ его какъ знакъ прежняго своего благочестія, и какъ сокровенное орудіе противъ діавола со всѣми его клеветами. Взбѣсилъ этотъ крестъ нечестивцевъ: они тотчасъ же взяли его и показали рейсъ-эффенди, обвиняя Елевѣерія, что онъ продолжаетъ мудрство-

вать, какъ христiанинъ, и носить христiанское знаменiе! Поборникъ нечестiя Эфенди убѣдилъ ихъ мудрыми словами, что Решить (мусульманское имя Елевѳерiя) совсѣмъ не заслуживаетъ осужденiя, если только имѣетъ при себѣ христiанскiя знаменiя, ибо можетъ ли онъ въ продолженiе этихъ немногихъ дней почувствовать всю сладость ихъ вѣры? оставьте его, онъ самъ со временемъ придетъ, — о хула! — къ богопознанiю. Такими мудрыми словами господина слуги на время успокоились. Послѣ четырехмѣсячнаго пребыванiя въ Шумлѣ, Ефенди со всею своею толпою прибылъ въ Адрианополь. Елевѳерiй, видя въ свитѣ господина своего болѣе звѣрей, нежели людей (ибо нѣкоторымъ изъ нихъ показалась непрiятною ласковость рейсъ-эфенди, которую онъ выразилъ Елевѳерiю, и потому ревнители нечестивой вѣры злопамятствовали на новаго своего товарища), чувствовалъ страхъ и справедливое опасенiе, какбы нечестивцы не умертвили его на пути, и тогда онъ умеръ бы (увы!) въ безбожной той вѣрѣ. Посему когда прибыли они въ Адрианополь и когда православные, такъ какъ прибытiе мусульманъ случилось въ день субботнiй, оставляя всѣ свои занятiя, обыкновенно ходятъ совершать вечернее славословiе воскресшему изъ мертвыхъ Христу Богу, — Елевѳерiй тотчасъ скрылся отъ этихъ дiавольскихъ слугъ, и бѣжалъ въ митрополию, искать свиданiя съ митрополитомъ той страны Кирилломъ (этотъ Кириллъ послѣ занималъ вселенскую константинопольскую патриаршескую кафедру) — но узнавъ, что онъ тоже въ церкви, вмѣстѣ съ христiанами совершаетъ вечернюю службу, приходитъ и сюда. Глубоко тронута было здѣсь сердце отверженника, когда онъ увидѣлъ дiакона, кадящаго народъ внѣ храма: отступникъ думалъ, что только онъ одинъ лишается благодати священнаго еимiама. Посему, растроганный отверженникъ съ великою силою удержавшись отъ слезъ, и давши видъ, что идетъ изъ Константинополя съ нужными

къ владыкѣ письмами, просилъ непосредственнаго съ нимъ собесѣдованія. Его преосвященство, узнавъ объ этомъ отъ діакона, ради ли вечерни, или по подозрѣнію, или по иной какой причинѣ, послалъ епитропа церкви узнать о письменносцѣ и его нуждѣ, и взять отъ него письма. Елевѣерій, видя такой оборотъ дѣла, сказалъ самъ себѣ: несчастная надежда обманула меня, и мало посторонившись рассказалъ епитропу между прочимъ о своемъ отреченіи, и просилъ отъ него малой помощи, состоявшей единственно въ снабженіи его греческимъ одѣяніемъ. Слыша о предметахъ такой важности, и притомъ въ то время, когда въ Адрианоуполь входили невѣрныя войска, эпитропъ отъ страха ли, чтобы не потерпѣть тамошнимъ христіанамъ какого несчастія, или отъ естественнаго немилосердія, отклонилъ просьбу Елевѣерія, и даже на томъ мѣстѣ поднялъ неприличный шумъ; этотъ шумъ прогналъ оттуда сѣтующаго по прежней святой вѣрѣ отверженника. Такая неудача не ослабила въ немъ однакожь любви и ревности къ святой вѣрѣ: въ одинъ день, встрѣтивъ нѣкоего благонамѣреннаго христіанина, онъ рассказалъ ему кратко о своемъ состояніи, и убѣдительно просилъ принести ему греческія одежды въ опредѣленное мѣсто и время.

Добрый этотъ христіанинъ исполнилъ желаніе Елевѣерія; но дѣйствіемъ лукаваго и сія мысль его осталась безъ исполненія, ибо онъ не могъ скрыться отъ безчинной и беззаконной толпы слугъ рейсъ-эффенди. Такъ какъ сердце его постоянно снѣдалось невыносимою скорбію, то онъ казался всегда мрачнымъ и печальнымъ и не рѣдко проливалъ слезы: сердцу веселящуся, говоритъ Мудрый, лице цвѣтетъ, въ печалѣхъ же сущу, сѣтуетъ (Прич. 15, 13). Поэтому одни изъ сорабовъ поносили его, другіе старались всѣми способами одушевить; особенно же господинъ, видя своего прозелита въ такомъ состояніи, чѣмъ ни ласкалъ его, чтобъ только утѣшить; даже объявилъ его своимъ сыномъ: но эти пагубныя утѣ-

шенія и преступныя радости далеки были отъ души Елевѳерія, тоскующей по небесной родинѣ. Жалкій отверженникъ, слушая суетныя и лживыя обѣщанія нечестивцевъ, говорилъ, что онъ такъ печалится о матери своей, а между тѣмъ мысленно съ Давидомъ вопіялъ: разжеся сердце мое, и утробы моя измѣнишася отъ окаяннаго моего отреченія отъ Тебя, Христе! Пробывши въ Адрианоуполѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, агаряне возвратились наконецъ въ Константинополь. Несчастнѣйшій Елевѳерій не имѣя позволенія и здѣсь свободно выходить изъ дома, и видя себя крѣпко стрегомымъ, не находилъ такимъ образомъ никакого человѣческаго средства къ освобожденію своему изъ сатанинскаго того дома, и прибѣгъ къ небесной помощи: съ теплыми мольбами и горькими слезами обращается онъ къ богоневѣстѣ Владычицѣ, общей христіанскаго рода предстательницѣ, готовой ходатаицѣ грѣшныхъ, отъ всей души прося Ее извести его изъ этой глубины погибели, и быть ему, какъ другой Маріи Египетской, ходатайцею и споручницею къ Сыну ея Богу, котораго онъ безумно отрекся. Таковыя моленія кающагося отверженника не остались тщетными: не презрѣла всемилостивая Владычица горькихъ его слезъ и тяжкихъ воздыханій,—вскорѣ, при небесной помощи и божественномъ покровѣ, онъ улучилъ случай къ свободному изшествію изъ этого дома, полнаго нечестія и беззаконія. Адскій драконъ, не желая выпустить изъ когтей своей жертвы, и потому всячески ухищряясь ослабить и перемѣнить святую рѣшимость и благочестивое настроеніе души жалкаго отступника, поставилъ было ему новую сѣть на пути его обращенія къ истинной вѣрѣ. Вдругъ приносятъ въ даръ Елевѳерію драгоцѣннѣйшія одежды отъ жень рейсъ-эффенди съ обѣщаніемъ ему всѣхъ возможныхъ еще большихъ благъ. Мужественнѣйшій Елевѳерій, видя явное коварство и ухищреніе отца преисподней, посмѣялся его кознямъ: впрочемъ съ притворною радостію и удовольствіемъ

принялъ онъ все ему посланное, и чрезъ принесшаго раба изъявилъ пославшимъ великую свою благодарность. Всю ночь послѣ этого обольстительнаго событія раскаявающійся отступникъ провелъ въ теплыхъ моленіяхъ и слезныхъ прошеніяхъ къ Царицѣ небесной о дарованіи ему способа и удобства скрыться изъ этого адскаго дома. Поутру, лишь только солнце начало разливать живительные лучи, и золотить ими верхи горъ, Елевѣерій возведши очи и умъ свой къ мысленному солнцу правды Христу, и прося Его быть ему свѣтомъ и путеводствомъ, врагамъ же его осязаемою тьмою, да не увидятъ его исхода, пріялъ дерзновеніе выйти изъ дома ненавистнаго ему господина для взысканія небеснаго жениха, какъ пѣсенная невѣста, и, покрываемый осѣненіемъ свыше, вышелъ изъ онаго никѣмъ незамѣченный.

Освободившись изъ этого адскаго жилища, онъ почти съ быстротою птицы прибѣжалъ прямо въ патріаршую, отыскавъ тамъ одного знакомаго ему духовника, родомъ изъ Пелопонеса, исповѣдалъ ему о себѣ все подробно, и наконецъ просилъ у него христіанскихъ одеждъ. Духовникъ, можетъ быть, по невозможности скоро найти ихъ, или страха ради, не исполнилъ просьбы Елевѣерія, и сказавъ ему лишь нѣсколько душеполезныхъ словъ, отпустилъ его отъ себя съ миромъ. Отсюда съ такою же скоростію пришелъ онъ во дворецъ російскаго посольства и здѣсь, вздохнувши наконецъ свободно, громко возопилъ: слава Тебѣ, изведшему насъ изъ ада и тьмы смертныя, Христе Боже! Изумились всѣ въ этомъ дворцѣ видя Елевѣерія въ турецкихъ одеждахъ, тогда какъ прежде знали его христіаниномъ (ибо живя прежде въ Константинополѣ, онъ нерѣдко бывалъ въ томъ дворцѣ и потому всѣмъ былъ тамъ извѣстенъ). Узнавши отъ него всѣ случившіяся съ нимъ событія, русскіе поболѣли душею, и тотчасъ же снявши съ него агарянскія одежды, одѣли его въ христіанскія и отъ радости составили общее торжество

и праздникъ, велегласно прославляя Бога за освобожденіе раба своего изъ пасти мысленнаго звѣря. Черезъ четыре дня нашлось судно, плывшее въ Стримонскій заливъ (отъ рѣки Стримонъ), но имѣвшее необходимость быть и на Святой Горѣ: Елевѣерій нанялъ это судно, и имѣлъ спутникомъ нѣкоего боголюбиваго христіанина пелопенезскаго, изъ древней Патры, именуемаго Іоанномъ. Христолюбивый этотъ Іоаннъ приготовился было уже отправиться на другомъ суднѣ въ Россію, но узнавши отъ Елевѣерія всѣ бывшія съ нимъ приключенія, рѣшился сопутствовать ему на святую Аѳонскую Гору. Достигши Святой Горы, они пристали къ Лаврѣ святаго Аѳанасія. Здѣсь встрѣтили они святѣйшаго патріарха прежде бывшаго Константинопольскаго Г. Григорія, пребывавшаго тамъ на покоѣ. Съ глубокою скорбію Елевѣерій разсказалъ его святѣйшеству всѣ подробности своей жизни: соболѣзновала и сострадала великая патріаршеская душа скорбѣвшему по Богѣ отступнику. Безчисленныя возслалъ достойный патріархъ благодаренія Богу, никогда не хотящему смерти грѣшника, за преславное освобожденіе Елевѣерія изъ сѣтей діавольскихъ; боголюбиваго же поистинѣ спутника елевѣеріева благословилъ, ублажилъ похвалами и обѣщая ему великія награды отъ Христа Бога за любовь его къ брату, отпустилъ въ мирѣ, и заповѣдалъ никому другому не разсказывать о семъ дѣлѣ. А получившаго рану отъ врага рода человѣческаго діавола и духовно болящаго Елевѣерія удержалъ онъ при себѣ, и назначилъ ему ходить каждый день къ благоговѣйному и добродѣтельному духовнику лаврскому Мелетію, родомъ изъ Крита, для слушанія умилоостивительныхъ молитвъ по учрежденію Церкви. Черезъ 40 дней Елевѣерій помазанъ былъ святымъ муромъ, и такимъ образомъ избавившись отъ плѣна, воспріялъ первое предочное именованіе христіанина, снова вписался въ небесный каталогъ православныхъ, и снова сдѣлался рабомъ Христовымъ: на-

знаменовавшись печатію Пресвятаго Духа, онъ опять получилъ право быть согражданиномъ Ангеловъ, чадомъ Божиимъ и сонаслѣдникомъ Христовымъ. — Укрѣпившись духовно, и исполнившись безмѣрной святой радости, Елевѣерій приходитъ въ скитъ святыхъ Анны, является къ священному тому мужу Василию, саномъ іерею, который уже нѣсколькихъ Христоотступниковъ представилъ Христу мучениками, и вчинилъ ихъ въ небесные лики страсотерпческіе, бывъ имъ содѣйствователемъ и сопутникомъ на подвиги мученичества иногда съ опасностію своей жизни и съ большими изъ собственного своего состоянія расходами. Пришедши къ славному сему духовнику, Елевѣерій съ сокрушеннымъ сердцемъ и смиреннымъ духомъ исповѣдалъ ему всю прошедшую свою жизнь. Сострадая состоянію его и милосердую о немъ, блаженная та душа удержала его при себѣ, много утѣшала и упокоивала тѣлесно и духовно. Пробывъ тамъ дней 20, подвизаясь по силѣ своей въ трудахъ отшельническихъ, Елевѣерій началъ убѣждать этого духовника, чтобъ онъ далъ ему позволеніе отправиться въ Константинополь, и предать себя тамъ на мученія. Долго духовникъ противился такому его намѣренію, однако наконецъ и противъ воли своей согласился на его желаніе и далъ ему такую заповѣдь: если онъ узнанъ будетъ самими агарянами, пусть вступаетъ на поприще страдальчества; въ противномъ же случаѣ да не дерзаетъ подвергать себя опасности. Тронутый милосердіемъ къ себѣ Божиимъ, Елевѣерій съ радостію принялъ эту старческую заповѣдь, и усердно явился одинъ въ Константинополь: но въ продолженіе цѣлыхъ 8 дней, не смотря на то, что видѣлся онъ съ знакомыми ему шестью рабами Рейсъ-Эффенди, по судьбамъ, вѣдомымъ одному Богу, не былъ узнанъ ни ими, ни другимъ кѣмъ либо изъ мусульманъ. Уязвившись невыразимою печалію отъ этой неудачи, и почитая за величайшее для себя несчастіе, онъ является къ прежде-

сказанному духовнику патриаршескаго дома, рассказываетъ ему о себѣ, объявляетъ и заповѣдь своего старца, и говоритъ, что рѣшился нарушить эту заповѣдь и предстать произвольно предъ проклятыми мусульманами; ибо не можетъ болѣе переносить внутри жгущаго его пламени любви Христовой. Духовникъ различными словами и образами старался воспрепятствовать этому намѣренію, но немогши отклонить его, далъ ему позволеніе, и пожелалъ благополучнаго совершенія высокаго и священнаго подвига. Итакъ, въ слѣдующій день,—это было свѣтоносное преображеніе Господа нашего Іисуса Христа, Елевоерій, приобщившись пречистыхъ Таинъ, и вооружившись симъ страшнымъ для демоновъ оружіемъ, потекъ съ дерзновеніемъ предстать предъ безбожныхъ агарянъ: но, по неисповѣдимымъ судьбамъ промысла Божія, все невѣдомымъ для насъ образомъ на пользу нашу строящаго, встрѣчаетъ онъ на пути одного святогорской лавры монаха именемъ Панкратія, родомъ изъ Пелопонеса. На вопросъ его, Елевоерій чистосердечно рассказываетъ ему, какъ знакомому своему, о своемъ намѣреніи и непремѣнномъ рѣшеніи; но благоразумный и благонамѣренный Панкратій совѣтуетъ ему лучше возвратиться на Святую Гору, посвятить себя аскетическимъ подвигамъ, испытать себя точнѣе и совершеннѣе, и такимъ образомъ, болѣе укрѣпившись по душѣ и по тѣлу, и сдѣлавшись болѣе твердымъ въ своемъ намѣреніи и желаніи, потомъ уже вступить на высокій и страшный подвигъ мученичества. Представивъ эти и подобныя этимъ благословныя причины, Панкратій ослабляетъ рвеніе души Елевоерія, и онъ наконецъ отказывается въ настоящее время исполнить свое намѣреніе, и по здоровому совѣту своего благожелателя рѣшается возвратиться на Святую Гору. Но ненавистникъ добра исконный врагъ человѣческаго рода діаволь, прозирая, кажется, возшествіе его тамъ на высоту добродѣтелей, начинаетъ смущать его раз-

личными помыслами, и убѣждаетъ теперь же отправиться и въ Иерусалимъ, и на Синай, а потомъ и еще въ какую нибудь страну. Познавъ такую діавольскую хитрость, блаженный, при божественной помощи, препобѣждаетъ эти лукавыя внушенія, и отплываетъ на Святую Гору съ нѣкоторымъ проигуменомъ священной дохіарской обители Евгениемъ митиленцемъ. Прибывъ на Святую Гору, Елевѣерій пробылъ у этого проигумена два мѣсяца, а потомъ отъ него перешелъ въ священную обитель есфигменскую. Изъ Есфигмена же, спустя немного, возвратился опять въ Дохіаръ. Здѣсь узналъ онъ отъ одного іеромонаха, именемъ Досіѳея, что въ Иверской обители находится двоюродный братъ его Онуфрій, и заплакалъ отъ радости, помышляя объ удовольствіи, какое произойдетъ при свиданіи ихъ, и о лучшемъ способѣ приведенія чрезъ него въ исполненіе своего намѣренія. Но, стыдясь своего отреченія, не пошелъ онъ тогда къ Онуфрію, хотя и былъ къ тому побуждаемъ Досіѳеемъ, а напротивъ чрезъ нѣсколько времени удалился въ такъ называемый пиргъ, принадлежащій ставроникитской обители, къ преподобнѣйшему духовному іерею Кириллу митиленцу. Этотъ, принявъ отъ него исповѣдь, послалъ его въ священный скитъ честнаго Предтечи къ преподобнѣйшему Харлампію. Идя въ названный скитъ, Елевѣерій зашелъ и въ священную обитель иверскую, чтобы видѣться съ братомъ своимъ Онуфріемъ. Глубоко-трогательна была встрѣча ихъ. Онуфрій, потрясенный до глубины души, неутѣшно рыдалъ о великомъ несчастіи Елевѣерія: какихъ горькихъ словъ не произнесъ онъ тогда! Звѣрь лютъ, говорилъ онъ, какъ другой Іаковъ, снѣде тя ¹, брате, кровоядецъ лютый разтерза тя, Елевѣеріе! и многое тому подобное высказалъ онъ брату своему. Тоже и Елевѣерій пролилъ потоки слезъ изъ очей своихъ. Получивъ здѣсь великую для души пользу, Елевѣерій

¹ Быт. 37, 33.

удалился оттуда къ упомянутому духовнику Харлампію. Спустя 29 дней, по усиленной просьбѣ Онуфріевой, принялъ къ себѣ Елевѣерія находящійся въ томъ же скиту Предтечи преподобнѣйшій духовникъ іерей Никифоръ. Искренно исповѣдавшись новому духовнику своему, Елевѣерій съ радостію исполнилъ назначенный ему канонъ. Первымъ трофеемъ его надъ діаволомъ подъ новымъ симъ духовнымъ руководствомъ была побѣда его надъ демономъ чревонеистовства. Одинъ разъ томясь отъ долгаго поста и воздержанія, онъ увидѣлъ нѣсколько луковиць: тотчасъ пришелъ ему помысль тайно съѣсть одну изъ нихъ (а между тѣмъ ему не велѣно было ѣсть ничего другаго, кромѣ подаваемого кушанья, которое было сухой хлѣбъ и вода). Когда подана была ему обычная въ 9-мъ часу пища, и когда подавшій ее удалился, Елевѣерій взялъ луковицу на свой столъ, чтобъ съѣсть ее. Но вспомнивъ о грѣхѣ преслушанія и тайноядѣнія, блаженный пришелъ въ ужасъ, ибо въ ту минуту налегли на него непомѣрною тяжестію различные противорѣчущіе другъ другу помыслы, съ которыми боролся онъ цѣлыхъ три часа, пока наконецъ съ гнѣвомъ бросилъ луковицу на землю, съ яростію растопталъ ее, и вкусилъ только поданной ему пищи. (Подобное сему видимъ и въ житіи святаго Саввы освященнаго, — разумѣемъ поступокъ его съ яблокомъ). Но кто же можетъ рассказать по достоинству о послѣднихъ его подвигахъ — о безмѣрномъ его постѣ, терпѣніи во время бдѣній, о всегдашнихъ слезахъ, о чрезвычайномъ сокрушеніи, о всенощныхъ стояніяхъ, о безпрестанной и неразвлекаемой молитвѣ, о смиреніи духа, кротости, собранности и неразъединности мысли, о постоянномъ вниманіи, о ласковости ко всѣмъ, о безмолвіи, молчаніи, состраданіи и благоутробіи? Такимъ образомъ Елевѣерій въ малое время какбы однимъ нѣкіимъ исполинскимъ шагомъ переступилъ и совершилъ почти всѣ виды добродѣтелей и совершенно поправилъ му-

дрованіе плоти и страсти ея; а чрезъ это душа его, возвысившись надъ чувственностію и вся объятая божественнымъ раченіемъ при стремленіи горѣ, уже не прилѣплялась ни къ чему временному, — почему и казался онъ какбы не принадлежащимъ сему міру. Между тѣмъ, отъ постоянного занятія мыслію о горней отчизнѣ, въ душѣ его болѣе и болѣе возжигалось пламенное желаніе мученичества, такъ что наконецъ онъ объявляетъ духовному отцу своему о непремѣнномъ своемъ намѣреніи вступить на подвигъ мученичскій, и проситъ у него на то согласія: однакожь опытный старецъ не соизволилъ пока на его желаніе, а предписалъ ему увеличить подвиги и усерднѣе просить у Бога милости. Блаженный съ радостію и охотою принялъ старческое предписаніе и умножилъ свои посты, бдѣнія, молитвы и слезы; но то было истинное чудо, что, находясь въ такомъ злостраданиі, онъ всегда былъ свѣтелъ и постоянно веселъ. При чрезвычайныхъ своихъ подвигахъ, приснопамятный занимался еще чтеніемъ божественнаго Евангелія и другихъ душеполезныхъ книгъ. Читая въ новомъ мартирологіи о подвигахъ и побѣдахъ святыхъ новомучениковъ, онъ болѣе и болѣе разогрѣвался сердечнымъ желаніемъ мученичества; а когда мы выставляли ему жестокость этого подвига, нестерпимость мукъ, лютость невѣрныхъ мучителей, высоту и неудобоисполнимость страданій, онъ всегда давалъ на это одинъ отвѣтъ: я никогда не размышляю о таковыхъ бѣдахъ и трудностяхъ, и не измѣряю ихъ; но чувствую только великую печаль и неизреченную болѣзнь въ сердцѣ моемъ, что не имѣю тысячи тѣлъ, чтобы предать всѣ ихъ на мученичскія страданія и тысячи головъ для закланія за любовь Христову. Нѣкогда Елевѣерій просилъ имѣвшаго о немъ попеченіе старца Акакія, да сотворитъ молитву къ Богу, и узнаетъ достовѣрно, есть ли воля Божія принять ему мученіе и какъ предстать предъ мучителей, самому ли собою или

ждать пока они узнаютъ и возмутъ меня. Акакій такое дѣло считалъ выше своего достоинства, и потому отказывался исполнить его просьбу: но Елевѣерій не переставалъ усиленно просить его о томъ. Чадо! хотя я и недостойнъ, говорить ему наконецъ Акакій, но по заповѣди сотворилъ о тебѣ молитву къ Богу и удостовѣрился, что есть воля Божія вступить тебѣ на подвигъ мученія; притомъ, ты долженъ идти для исповѣданія имени Христова предъ мучителей самъ собою, какъ самъ собою отрекся отъ Господа: противное обыкновенно врачуется противнымъ. Услышавъ это, блаженный исполнился радости и неизреченнаго духовнаго веселія, и съ того времени еще болѣе увеличилъ свои подвиги, прося у Бога ускоренія времени къ совершенію мученичества. Въ ту пору такое умиленіе и плачь дарованы ему были отъ Бога, что никто не видалъ его безъ слезъ и воздыханій: безъ нихъ онъ не вкушалъ даже пищи. Помня о своемъ паденіи и пророкъ Давидъ говорилъ: забыхъ снѣсти хлѣбъ мой отъ гласа воздыханія моего (Псал. 101, 6). Таковыя слезы и такой плачь были нѣкогда и у блаженнаго Августина, когда здраво размышлялъ онъ о прежней своей жизни, какъ повѣствуетъ о немъ исторія. Идя постоянно путемъ подвижничества, и всегда думая только о мученичествѣ, Елевѣерій въ одну ночь видитъ сонное видѣніе, будто онъ, находясь внѣ своей каливы, весь былъ облитъ чрезвычайнымъ свѣтомъ, исходившимъ изъ креста, который составилъ изъ свѣтлѣйшихъ звѣздъ, и видимъ былъ на восточной сторонѣ неба. Изумленіе и удивленіе овладѣли Елевѣеріемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ сердцѣ его чувствовалась и неизреченная радость. Близъ креста сего замѣтилъ онъ нѣкоего прекраснаго юношу, который говорилъ ему: Елевѣерій! вотъ орудіе, силою котораго первый царь христіанскій, великій Константинъ, побѣдилъ враговъ своихъ: взявши оное, теки и ты въ путь свой.— Проснувшись послѣ сего видѣнія, онъ тотчасъ палъ на землю.

и съ обильными слезами славилъ и благодарилъ Бога. Знаменіе это служило ему яснѣйшимъ увѣреніемъ въ истинности его боренія и сильнѣйшимъ къ тому побужденіемъ. Но по смиренномудрію своему онъ сохранилъ эту тайну до самаго часа отправленія своего на мученичество. Отправляясь на страданія, онъ рассказалъ намъ еще и о другомъ утѣшительнѣйшемъ своемъ видѣніи, оно было слѣдующее: одинъ разъ видѣлъ я, говорилъ онъ, высокій и прекрасный тронъ, на немъ съ великимъ велелѣпіемъ и славою сидѣла нѣкая чудная жена; кругомъ трона стояло безчисленное множество воиновъ и рабовъ, изъ которыхъ каждый дѣлалъ этой дивной женѣ поклоненіе, и потомъ удалялся. Тогда, подобно другимъ, съ великимъ страхомъ и сознаниемъ своего недостойнства, приблизился къ ней, съ моимъ поклономъ, и я. Богородица положила мнѣ на голову свою руку, и нѣсколько минутъ держала ее: въ это время я проснулся и почувствовалъ въ сердцѣ своемъ неизъяснимую радость, а вскорѣ за тѣмъ изъ очей моихъ невольно потекли слезы обильною струею и особенно усладили мою душу. Не явныя ли это доказательства великаго попеченія Богоматери объ Елевѣеріѣ! Послѣ сего еще болѣе усилился пламень души его, и онъ снова попросилъ позволенія и молитвы на отправленіе его въ благословенный путь, но видя всѣхъ насъ непреклонными, сталъ скорбѣть и печалиться, пока наконецъ, отбросивъ стыдъ, рѣшился настойчиво требовать нашего согласія, — и мы согласились нехотя. Послѣ сего онъ преисполнился невыразимой радости. Но такъ какъ приготавлилась къ закланію овца Христова, то Елевѣерій остригаетъ власы главы своей и, съ ними отвергнувъ всякое земное мудрованіе, всего себя посвящаетъ Христу: дѣлается монахомъ, и принимаетъ имя Евѣимія вмѣсто Елевѣерія. Въ одинъ день старецъ Акакій, рассказывая ему о славѣ мучениковъ на небесахъ и о дерзновеніи ихъ, просилъ его, чтобы онъ, въ часъ мученической своей кончины, умо-

лилъ Всевышняго о скорѣйшемъ его разрѣшеніи отъ тѣла, и о помѣщеніи его тамъ, на небесахъ, въ сожительствѣ вмѣстѣ съ нимъ. Евѡимій по своему смиренномудрію сначала отрицался отъ этого, называя себя чуждымъ такого дерзновенія и недостойнымъ; но потомъ, еще болѣе убѣждаемый къ тому Акакіемъ, отвѣчалъ: нѣтъ еще воли Божіей, отче, отыти тебѣ изъ сей жизни: послѣ меня придетъ къ вамъ другой братъ, котораго прошу полюбить и позаботиться о немъ какъ о мнѣ, — онъ имѣетъ шествовать въ горняя тоже путемъ мученичества. Предсказаніе это вполнѣ оправдалось, ибо вскорѣ послѣ кончины святаго Евѡимія, на его мѣсто пришелъ святой Игнатій: (смотри его житіе). Акакій разъ въ келліи Евѡимія нашелъ записку, въ которой были написаны числа пять тысячъ, двѣ тысячи, три тысячи и проч. Что это? спросилъ его старецъ. Отче! такъ какъ мы намѣреваемся отправиться въ путь, а на морѣ я не могу исполнить положеннаго мнѣ канона, то удвояю его теперь, да не осужденъ буду какъ лѣнивый рабъ. Акакій одобрилъ такую его точность относительно монашескаго канона, похвалилъ внимательность его къ своей обязанности, и такое приготовленіе къ закланію за любовь Христову. Такіе дивные подвиги Евѡимія и избираемый имъ прекрасный путь мученичества весьма опечалили сатану: посему онъ, ненавидя добро, рѣшился возбудить робость въ душѣ его, и если можно, воспрепятствовать его мученичеству. Въ одну ночь Евѡимій видитъ во снѣ, будто собралось къ нему множество безобразныхъ еѡіоповъ: сначала они произвели странный шумъ и неясный гулъ, потомъ развели большой огонь и, обратившись къ Евѡимію, говорятъ: вотъ человѣкъ идетъ на мученія, а не разсуждаетъ о томъ, что мы побѣдимъ его. Бросимте-ка его въ этотъ огонь, и посмотримъ, можетъ ли онъ перенести мученичество; — и проклятые какъ будто дѣйствительно рѣшились бросить его въ средину огня. Пробу-

дившись, Евѳимій призвалъ божественную помощь, и такимъ образомъ освободился отъ діавольской той доуки, разрушилъ какъ паутину сѣти демонскія. Но настало наконецъ и вождѣнное для Евѳимія время отшествія его въ святой и богопріятный путь. Умилительно было прощаніе Онуфрія съ Евѳиміемъ. Когда Евѳимій зашелъ въ обитель Иверскую проститься съ нимъ, онъ ввелъ Евѳимія во храмъ Богородицы Портаитиссы и, приблизивъ его къ чудотворному Ея образу, говорилъ со слезами: въ руки Твои предаю, Госпоже, сего вольнаго мученика; будь ему, всенепорочная, дверью въ царство небесное, укрѣпляй его на брань противу невидимыхъ и видимыхъ враговъ, и представь его Сыну Твоему и Богу жертвою совершенною и благоугодною.

Итакъ, 21-го февраля, провождаемый многими отцами, Евѳимій удаляется со Святой Горы, въ сопровожденіи одного изъ послушниковъ духовнаго отца его, Григорія, который посланъ съ нимъ по просьбѣ Онуфрія. Послѣ великихъ бурь и бѣдъ, претерпѣнныхъ ими по дѣйствию лукаваго на морѣ, 2-го марта прибыли они въ Каллиполь. Евѳимій, узнавши, что тамъ живутъ три паши съ множествомъ турецкихъ войскъ, и что тамъ же есть и нѣкоторые изъ людей рейсъ-эфенди, отъ великаго усердія къ мученичеству, говоритъ Григорію: отче! вотъ и здѣсь есть турки, — что препятствуетъ мнѣ свидѣтельствовать предъ ними правую мою вѣру? совершу подвигъ мой и тутъ. — О мысль боголюбивая! О любовь ко Христу огненная! Вотъ турки, говоритъ блаженный, — что препятствуетъ мнѣ принять желаемую смерть? Се вода, говорилъ евнухъ Кандакіи, что возбраняетъ ми креститься? (Дѣян. 8, 36). Какое имѣлъ тотъ усердіе креститься въ водѣ, такое же имѣлъ и Евѳимій креститься своею кровію — крещеніемъ изъ всѣхъ крещеній труднѣйшимъ. На это пламенное его желаніе, впрочемъ, не соизволилъ Григорій. Здѣсь было только совершено надъ Евѳиміемъ елеопомазаніе, по-

томъ они оба приобщились пречистыхъ Таинъ, и 9-го того же мѣсяца марта, отправившись отсюда, прибыли въ Артаки: здѣсь выслушали они акаѣистную пѣснь Богородицѣ, и снова приобщились пречистыхъ Таинъ. Изъ Артаки 19-го марта, въ четвертокъ 6-й недѣли великаго поста, прибыли въ Галату константинопольскую, и остановились у нѣкоего благословеннаго христіанина, именуемаго Григоріемъ, который принялъ ихъ, какъ людей Божіихъ, и оказывалъ имъ великія ласки. Наканунѣ цвѣтоносной недѣли надъ Евѣиміемъ снова совершено было елеосвященіе, и опять оба они приобщились пречистыхъ Таинъ. Въ недѣлю же Ваій въ храмѣ святаго Предтечи на божественной литургіи еще сподобились пренебеснаго сего дара, и послѣ литургіи отправились прямо на одинъ кефалонійскій корабль, капитанъ котораго принялъ ихъ съ радостію и любовію. Здѣсь Евѣимій снялъ съ себя свои одежды, и одѣлся въ заранѣе приготовленныя турецкія. Тогда, поклонившись спутнику своему Григорію, Евѣимій сказалъ: благослови отче, твоего слугу и брата. Богъ заплатитъ вамъ за всѣ благодѣянія, какія оказали вы мнѣ недостойному,—и наградитъ тебя небесными дарами за труды твои. Сокрушился сердцемъ Григорій, и началъ проливать слезы о разлукѣ съ Евѣиміемъ. Не возбуждай, отче, своими слезами, скорби въ моемъ сердцѣ, а лучше проси Бога, чтобъ Онъ благопоспѣшилъ мнѣ славно побѣдить врага діавола, и мужественно окончить великій подвигъ. Давъ наконецъ послѣднее о Христѣ цѣлованіе спутнику своему Григорію и всѣмъ, находившимся тамъ христіанамъ, (которые стояли тогда съ непокровенными главами, невольно трепеща всѣмъ тѣломъ, и удивляясь такому дерзновенію его и мужеству), приснопамятный приѣмлетъ въ руки свои крестъ и ваія, взятые имъ въ церкви святаго Предтечи, и вооружившись сими оружіями, переходитъ съ корабля на сушу, и мужественно идетъ, какъ пѣсенная невѣста, обрѣсти слад-

каго и таинственнаго Жениха. Казалось, сего сладчайшаго Обручника, Пастыря и Посѣтителя душъ нашихъ, нигдѣ нельзя было обрѣсти ему такъ скоро, какъ во дворцѣ тирановъ и игемоновъ, посему, слясь проникнуть въ нихъ, онъ взывалъ къ Нему на пути: Владыко Іисусе Христе! Ты, пребывая святою Своею плотію на грѣшной нашей землѣ, не отвергъ того мѹра, которое боголюбивая блудница изліяла на пречистую главу Твою: не возгнушайся же мною грѣшнымъ, пріими и отъ меня не мѹро, а самую мою кровь, которую спѣшу теперь излить ради любви Твоей; и какъ той блудницѣ не возбранилъ входа въ домъ Симона прокаженнаго, такъ, Владыко, сотвори и для меня свободнымъ входъ во дворцы безбожныхъ мучителей агарянскихъ, да проповѣдаю тамъ имя Твое святое, да постыжу прельстившаго меня діавола, и посрамлю прокаженную этихъ безбожниковъ вѣру. Такъ говорилъ онъ со многими слезами и великою болѣзнію сердца, и о томъ же умолялъ Пренепорочную Владычицу, какъ поручницу, посредницу и помощницу нашу непобѣдимую. Произвольный страдалецъ Евѹимій благополучно достигъ всего желаемаго. Небоязненно сотворивъ на себѣ знаменіе честнаго креста, онъ является въ высокую Порту, идетъ далѣе и, никѣмъ не остановленный, предстаетъ наконецъ предъ самаго намѣстника царя агарянскаго, называемаго ими визиремъ (Рушутъ-паша), и безъ всякаго смущенія или страха говоритъ ему: господинъ! я христіанинъ еще отъ предковъ, отецъ мой называется Панагіотомъ, мать Марією, имѣю и другихъ трехъ братьевъ и одну сестру (пересказываетъ имена ихъ) и всѣ мы христіане. Эти одежды, которыя теперь ношу, далъ мнѣ ты, и чтобы удостовѣриться тебѣ, что я христіанинъ, вотъ крестъ, который неложная наша христіанская вѣра дала намъ въ истинное оружіе противу всѣхъ враговъ, вотъ и ваія, которыя тоже знаменіе христіанское; а чтобъ ты еще болѣе увѣрился въ сказанномъ мною, вотъ

я попираю знаменіе безбожной и беззаконной вѣры твоей — при этомъ снимаетъ онъ съ головы своей зеленую повязку, бросаетъ ее на землю и попираетъ, — и несчетно проклинаю предъ тобою, называемаго вами пророкомъ обманщика Магомета. Визирь изумился, видя двадцатилѣтняго юношу, который предсталъ предъ него съ такимъ безстрашіемъ, и съ толикимъ мужествомъ и дерзновеніемъ называетъ вѣру ихъ беззаконною, а пророка ихъ обманщикомъ. Ничего не проговоривъ въ это время на дерзновеніе Евѳиміа, онъ обратился къ предстоящимъ своимъ слугамъ, и съ великимъ негодованіемъ сказалъ имъ: для чего допускаютъ они къ нему такихъ людей? потомъ приказалъ особому своему чиновнику испытать, не пьянъ ли этотъ дерзкій, или не дуракъ ли онъ? Нѣтъ, отвѣчалъ Евѳимій: умъ мой здоровъ, потому-то и исповѣдую Іисуса моего Христомъ Богомъ истиннымъ и творцемъ неба и земли, а себя самага христіаниномъ, и желаю умереть христіаниномъ по любви ко Христу моему. Такъ пьянъ ты? говорилъ визирь. И не пьянъ, отвѣчалъ мученикъ; вотъ уже три дня, какъ я даже ничего и не ѣлъ. Тогда визирь велѣлъ ввергнуть его въ темницу. — Слуги тотчасъ взяли его, бросили въ одну смрадную и мрачную тюрьму, гдѣ забили ноги его въ мучилищное дерево и наложили на него тяжелыя цѣпи. Черезъ часъ Евѳимій представленъ былъ предъ визиря для вторичнаго испытанія. Пришелъ ли ты въ себя, или остаешься еще въ прежней твоей прелести? спрашиваетъ его нечестивый судья. Мученикъ: было сказано тебѣ, судья, что я христіанинъ и сынъ христіанскихъ родителей, что я отъ всей души вѣрую во Іисуса Христа Бога истиннаго, который содѣлался человѣкомъ ради спасенія насъ человѣковъ, и который паки приидетъ и будетъ судить людей, дабы воздать комуждо по дѣломъ его (Рим. 12, 16). Визирь: оставь это бесполезное суесловіе, обратись въ нашу вѣру, въ которой ты уже былъ, и примешь отъ меня великія почести и богатства. Мученикъ: да не будетъ мнѣ, го-

сподинъ, отречься истиннаго Бога, сладчайшаго моего Иисуса, и принять вашу вѣру, которая исполнена только басней и разврата. Вѣдь и жизнь самага вашего учителя была до крайности гнусная, и притомъ онъ имѣлъ бѣса: такъ этотъ бѣснующій вашъ наставникъ и васъ научилъ творить всякаго рода нечистоту,—и вы вѣруете въ него, какъ въ пророка! Не срамъ ли это человѣку, существу, одаренному отъ Бога разумомъ? Визирь: если ты не отречешься своего Христа и не будешь туркою,—жестокимъ предамъ тебя мукамъ. О, непусти, воззвалъ велегласно мученикъ, чтобы я отрекся Тебя, Христе Царю, ни словомъ, ни дѣломъ, хотябы разрѣзали это снѣдное для червей тѣло мое на куски. Послѣ сего визирь повелѣлъ наложить на голову мученика зеленую повязку, которую онъ бросилъ на землю и потопталъ. Повязку надѣли: но Евѡимій, снявъ ее, разодралъ на двое, и бросилъ въ визиря, говоря: возьми себѣ свое, а мнѣ оставь мое. Разгнѣвавшись, визирь приказалъ тотчасъ же снова бросить его въ темницу и бить прежестoko. Слуги его, истые звѣри, немедленно схватили страдальца и безжалостно избивъ его, ввергли въ темницу. Тамъ собравшись, какъ вороны на трупъ, нечестивцы то устрашали мученика, то обольщали обѣщаніемъ всѣхъ благъ міра сего; храбрый же Христовъ подвижникъ каждому изъ нихъ давалъ приличные отвѣты, во всемъ осмѣивалъ ихъ и уничижалъ преступную вѣру ихъ. Чрезъ три часа отъ начала истязаній, мученикъ, по опредѣленію визиря, представленъ былъ на третье испытаніе. Пришелъ ли ты въ раскаяніе, или еще остаешься въ своемъ упорствѣ? спрашивалъ визирь мученика. Но мученикъ со всею свободою отвѣчалъ такъ: Одна есть истинная вѣра христіанская, судья, и одинъ Богъ тріипостасный, тварію славимый, Отецъ Сынъ и Святой Духъ,—едино нераздѣльное естество Божества.—Въ сіе имя я крестился, и содѣлался сыномъ Божиимъ по благодати: какъ же мнѣ послѣ

сего увѣрвать въ этого жалкаго обманщика, богоборнаго лже-пророка вашего Магомета? Бывъ здѣсь на землѣ жилищемъ сатаны, онъ и теперь находится въ объятіяхъ отца своего діавола, и васъ слѣпыхъ, которые увѣрвали въ него, какъ въ пророка, ожидаетъ одна вмѣстѣ съ нимъ мука. Знайте, что никто столько не прогнѣвалъ Бога, какъ вашъ бѣсноватый пророкъ, который столько душъ увлекъ съ собою въ погибель, куда и вы жалкіе самопроизвольно стремитесь. Истинно говорю вамъ, если не оставите этой прелести своего обманщика, и не сдѣлаетесь христіанами, на вѣки погибнете, — преданы будете горькимъ вѣчнымъ адскимъ мукамъ. — Хвала свободѣ устъ твоихъ, мужественный подвижникъ Господень! Слава великодушію твоему, небесныхъ похвалъ достойному! Когда предстатель нечестія услышалъ эти дерзновенныя слова, — весь измѣнился отъ гнѣва, не въ состояніи былъ уже переносить такое дерзновеніе и смѣлость мученика, и, совершенно отчаявшись поколебать рѣшимость и твердость мыслей его, осудилъ его на вечное усѣченіе. Тогда палачъ взялъ Евѣимія и хотѣлъ было связать ему назадъ руки, но мученикъ говоритъ: для чего тебѣ вязать меня, когда я пришелъ сюда незваннымъ? вѣдь ты не привелъ меня какъ преступника? Послѣ нѣкотораго раздумья палачъ оставилъ его.

Итакъ, славный борецъ вышелъ изъ безбожнаго того судилища, — и чудо было истинно преславное: не уныніе или страхъ смерти, а необыкновенная радость и особенное веселіе выражались на лицѣ его, — это засвидѣтельствовали не только христіане, но и самые враги нашей вѣры; — мученикъ шелъ, держа въ правой рукѣ крестъ, въ лѣвой ваія, — и казалось, что шелъ не на смерть, а въ невѣстнической чертогъ. Достигши опредѣленнаго мѣста, палачи остановились. Въ это время мученикъ, ставши лицомъ на востокъ и простерши руки къ небу, произнесъ о себѣ и о всемъ мірѣ

пламенную ко Господу Богу молитву. По окончаніи молитвы, сотворилъ онъ на себѣ крестное знаменіе, облобызалъ крестъ, который держалъ въ рукахъ, и весь полный радости и благодати Божіей, самъ безъ приказанія преклонилъ колѣна и главу свою со словами: Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой. Тогда богоненавистный палачъ ударилъ его во главу, но не отсѣкъ ее за одинъ разъ: — сѣки вѣрнѣе, сказалъ палачу мученикъ при этой неудачѣ. — О чуднаго твоего мужества, свѣтлѣйшій подвижниче! — и палачъ ударилъ во второй разъ, но опять неудача, — онъ отсѣкъ у страдальца только одинъ кусокъ тѣла. Послѣ сего беззаконникъ этотъ заклалъ уже мученика, какъ овцу, въ горло, и такимъ образомъ исполнилось прореченіе мученика, который еще прежде говорилъ, что заколютъ его какъ овцу. Итакъ, мужественный, непобѣдимый и преславный Евѡимій получилъ наконецъ столь пламенно желаемую имъ блаженную кончину 1814 года въ 22-й день мѣсяца марта, въ Вербное воскресенье, въ 6-мъ часу дня. Къ изумленію всѣхъ зрителей, подвижническое тѣло его и по закланіи оставалось стоящимъ на колѣнахъ. Чтобъ не посрамляться болѣе, нечестивцы намѣренно толкнули его и уронили. Спутникъ Евѡимія Григорій, узнавъ отъ одного христіанскаго христіанина о кончинѣ его, весь исполнился неизреченной радости, и летя какбы на крыльяхъ, спѣшилъ видѣть ратоборца, такъ славно восторжествовавшаго надъ діаволомъ. Надобно сказать, что разставшись съ мученикомъ, Григорій отправился туда, гдѣ они остановились; а предъ тѣмъ мученикъ далъ ему заповѣдь, возвратившись въ свое мѣсто, молиться о немъ Богу цѣлыхъ три часа, и потомъ освѣдомиться о немъ. Григорій такъ и поступилъ. Черезъ три часа, когда мученикъ послѣ истязаній веденъ былъ уже на смертную казнь, онъ посылаетъ упомянутаго христіанина узнать о страстотерпцѣ. Христіанецъ этотъ, сподобившись видѣть кончину мученика, извѣщаетъ о ней Григорія. До среды на-

ступающей недѣли (25 марта) Григорій не удалялся оттуда. А потомъ палачи подняли подвижническое тѣло и, по желанію Григорія, отнесли оное на островъ Проту; ибо хотя съ великимъ трудомъ и за большую сумму, Григорій однакожь успѣлъ наконецъ купить у нихъ святыя сіи мощи. О чудо! чрезъ эти три дня изъ тѣла мученика текла еще теплая кровь; но славнѣе всего было чудо съ честною главою страсотерица: когда Григорій взялъ ее, и лобызая со слезами, отъ умиленія бесѣдовалъ съ мученикомъ какбы съ живымъ, тогда священная сія глава открываетъ очи, и какбы живая, веселымъ и пріятнымъ взоромъ смотритъ на Григорія и на всѣхъ предстоящихъ, и это совершилось дважды въ присутствіи многихъ. Итакъ, добрый сей и вѣрный спутникъ Григорій, одѣвъ тѣло мученика по иноческому чину, положилъ его внутри храма Преображенія Господня. Остановившись пока въ Константинополѣ по погребеніи мученика, онъ беспокоился и недоумѣвалъ, касательно возможности и способовъ перенесенія мученическихъ мощей на Святую Гору. Но сострадательнѣйшій и братолюбивый мученикъ Евѳимій является старцу своему во снѣ, и утѣшительно устраняетъ страхъ его и печаль обѣщаніемъ, что онъ въ свое время самъ возметъ мощи свои и помѣститъ ихъ на Святой Горѣ. Какъ исполнилось это мученическое обѣщаніе, расскажем въ жизнеописаніи святаго преподобномученика Игнатія. И другое чудо совершено было святымъ новомученикомъ, тоже еще во время пребыванія Григорія въ Константинополѣ. У одного константинопольскаго христіанина, имѣвшаго жительство въ Галатѣ, Еммануила Маргаритова, сынъ шести лѣтъ, именемъ Янкъ, страдалъ тягчайшею горячкою: четыре уже дня лежалъ онъ безъ чувствъ, и въ выздоровленіи его отчаявались не только его сродники, но и врачи. Позванъ былъ въ домъ Еммануила съ мученическими одеждами Григорій. Лишь только больной былъ перекрещенъ окровавлен-

ными одеждами мученика, и напоенъ водою отъ орошенія сихъ, — о чудо! — тотчасъ открылъ глаза, попросилъ еще того же питья, потомъ нѣжно облобызалъ мученическія одежды, — и съ той минуты сталъ здоровъ.

Обрѣвши наконецъ попутный корабль, Григорій прибылъ на немъ на Святую Гору, какъ добрый ангелъ — вѣстникъ свѣтлаго исповѣданія и упорной борьбы новаго преподобномученика святаго Евѣимія. Привезъ онъ туда и знаменіе славной побѣды мученика — власы честной его главы и окровавленные его одежды, имѣвшія неизреченное небесное благоуханіе. Для славы Божіей, не умолчимъ и о чудѣ, которое совершилъ мученикъ во время пути Григорія на Святую Гору. 21-го числа апрѣля прибыли мы изъ Константинополя въ Ченаклисъ: такъ рассказываетъ о себѣ самъ сподобившійся испытать совершенное мученикомъ чудо, одинъ христіанинъ изъ Месимвріи, именемъ Христодулъ. Тамъ я тяжело заболѣлъ сильнымъ ознобомъ и головою болью, и полагалъ, что уже стою близъ смерти: но лишь только напоили меня водою съ окровавленной одежды и волосъ новомученика Евѣимія, — великъ Ты, Христе Царю, — тотчасъ сдѣлался здоровъ, прибылъ со старцемъ Григоріемъ на Святую Гору и поклонялся тамъ священнымъ монастырямъ въ вождедѣнномъ здоровьѣ. Одинъ житель кидонійскій, именемъ Антоній, тяжело заболѣлъ горячкою. Пришли друзья посѣтить его, между ними былъ нѣкто, по имени Кириакъ. Этотъ Кириакъ сталъ рассказывать тамъ о совершившемся недавно мученичествѣ святаго: больной, со вниманіемъ, вѣрою и благоговѣніемъ слушающъ разсказъ, чувствовалъ, что онъ получаетъ облегченіе отъ своей болѣзни. Съ окончаніемъ разсказа о мученикѣ, болѣзнь страждущаго дѣйствительно прекратилась. Почувствовавъ себя здоровымъ, онъ всталъ съ постели и благодарилъ святаго къ изумленію всѣхъ присутствующихъ, съ которыми тотчасъ же пошелъ и прогуляться. Да и у самаго

сказаннаго Кириака исцѣлился отъ одежды святаго больной сынъ, въ благодарность за что онъ послалъ святому прекрасную лампаду. Корабль, везшій сію лампаду, подвергся великой морской бурѣ; но лишь только повѣсили на парусы находившіяся на немъ одежды святаго, — море укротилось. Надобно замѣтить, что Григорій, пребывая въ Константинополѣ, роздалъ многимъ христіанамъ части отъ одеждъ мученика, и ими многіе исцѣлялись отъ различныхъ болѣзней, на примѣръ, у одного константинопольскаго врача, именованнаго Марина, девятилѣтняя дочь исцѣлилась отъ бѣльма на глазу. Немало совершено было святымъ Евѣиміемъ и другихъ чудесъ. Одинъ житель острова Проты не нашелъ инаго врачевства противъ скверныхъ плотскихъ своихъ помысловъ, которые часто беспокоили его, кромѣ имени и гроба святаго новомученика Евѣимія. Молитвами сего святаго да избавимся и мы отъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и сподобимся получить царствіе небесное. Богу же нашему слава и держава въ нескончаемыя вѣки вѣковъ. Аминь.

ЖИТІЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТАГО СЛАВНАГО НОВАГО ПРЕПОДОБНО-
МУЧЕНИКА

ИГНАТІЯ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ОКТЯБРЯ 20-ГО, И МАЯ 1-ГО.

Новый этотъ воинъ Христовъ и мученикъ Игнатій происходилъ изъ селенія Эски-Загора, епархіи Терновской. Отець его назывался Георгіемъ, а мать Марією. Позднѣе переселившись въ Филиппополь, они отдали тамъ Игнатія, называвшагося прежде Іоанномъ, учиться священной граматѣ. Обладая хорошими умственными способностями, онъ столько успѣлъ въ ученіи, что въ короткое время прекрасно изучилъ славянскій свой языкъ. Такъ какъ съ юности любилъ онъ безмолвіе и монашескую жизнь, то скоро удалился отъ родителей въ гору Рыльскую, и поступилъ въ тамошній монастырь, гдѣ подчинившись одному жестокому старцу, оставался у него шесть лѣтъ, чтобы совершеннѣе образоваться въ наукахъ; а между тѣмъ служилъ онъ во храмѣ обители, и читалъ въ немъ всякую суточную службу, терпя съ великимъ незлобіемъ безчеловѣчіе старца. Но въ одинъ день, когда старцемъ святаго совершенно овладѣлъ демонъ гнѣва, такъ что и жизнь блаженнаго была въ опасности, онъ, устрашившись этого, тотчасъ удалился въ свое отече-

¹ Съ рукописи Спита святаго Предтечп.

ство. Впрочемъ и тамъ подвергся величайшимъ искушеніямъ, хотя и не пострадалъ отъ нихъ.

Въ то время открылась у турокъ война противъ сербовъ. Нечестивцы, посылая противъ нихъ войска свои, принуждали и отца святаго идти на войну, и думали сдѣлать его тысященачальникомъ, какъ человѣка великорослаго и храбраго; но онъ отказался отъ этого, говоря: не могу идти противъ единовѣрныхъ мнѣ христіанъ, и за то былъ прободенъ въ правый бокъ, а потомъ дикими агарянами и обезглавленъ, и такимъ образомъ явился истиннымъ мученикомъ истинной нашей вѣры. Не удовлетворившись этимъ, нечестивцы въ гнѣвѣ своемъ и бѣшенствѣ похитили жену и двухъ дочерей закланнаго ими мученика, и страхомъ принудили ихъ потурчиться. Видя такое несчастіе матери и сестръ, Іоаннъ переодѣлся и скрылся въ домѣ нѣкоей честной старицы. Однакожъ злодѣи узнали гдѣ онъ скрывается, и въ одинъ день послали нѣсколькихъ турокъ схватить его; къ счастью, посланные нечестивцы никогда прежде не видали Іоанна, и потому, хотя онъ самъ говорилъ имъ, что такого человѣка въ этихъ мѣстахъ не являлось, удалились отъ него и ничего ему не сдѣлали. Тогда добрая та старица отправила святаго въ Валахію. Переходя здѣсь изъ мѣста въ мѣсто, онъ наконецъ достигъ Бухареста, гдѣ познакомившись со святымъ преподобномученикомъ Евѡиміемъ, соединился съ нимъ столь тѣсною дружбою, что, казалось, въ двухъ тѣлахъ ихъ была одна душа.

Живя въ Бухарестѣ и видя, что онъ находится въ опасности впасть въ туземныя беззаконія и непотребства, святой вздумалъ удалиться отъ этихъ адскихъ сѣтей, а для сей цѣли не находилъ лучшаго мѣста, какъ Святую Гору. Идя въ это училище подвижничества, онъ имѣлъ необходимость быть въ Шумлѣ, гдѣ встрѣтилъ друга своего святаго Евѡимія, который прежде его удалился изъ Бухареста, и

тамъ въ Шумлѣ, какъ мы рассказали въ жизнеописаніи его, отрекся Христа (см. жизнеописаніе его). Видя друга своего въ такомъ состояніи, Іоаннъ безмѣрно скорбѣлъ о его злополучіи, и старался удалиться оттуда поскорѣе, чтобы и съ нимъ не случилось какого нибудь несчастія, по причинѣ бывшихъ тогда военныхъ смуть. Между тѣмъ, какъ онъ питалъ въ себѣ такія расположенія и мысли, пришло въ то мѣсто нѣсколько турецкихъ воиновъ, для грабежа. Расхищая и грабя въ томъ домѣ все имъ встрѣчавшееся, они между прочимъ обратились къ Іоанну, и стали принуждать его отречься своей вѣры и сдѣлаться туркою. Устрашившись угрозъ ихъ, несчастный Іоаннъ далъ имъ обѣщаніе: тѣ, повѣривъ одному его слову, и потому оставивъ его въ покоѣ, занялись опять грабежомъ: тогда онъ, улучивъ удобный случай, тотчасъ убѣжалъ оттуда, шелъ день и ночь и достигъ Ески-Загоры. Отсюда съ однимъ святогорскимъ проигуменомъ изъ священной обители Григорія прибылъ онъ на Святую Гору и поступилъ въ эту обитель. Но проживъ здѣсь нѣсколько времени, и потомъ переходя въ нѣкоторыя другія мѣста, удалился онъ наконецъ въ скитъ святыя Анны къ приснопамятному мужу, іерею Василию. Съ достойнымъ этимъ іереемъ, по какой-то нуждѣ, случилось ему разъ отправиться въ Солунь: во время пребыванія ихъ тамъ за исповѣданіе православной Христовой вѣры пострадалъ святой преподобномученикъ Давидъ. Іоаннъ, увидѣвъ святаго повѣшеннымъ за исповѣданіе имени Христова, столь сильно воспламенился огнемъ божественной любви, что восхотѣлъ и самъ страдать, и только былъ остановленъ однимъ святогорскимъ старцемъ, который, тогда же взявъ его отъ іерея Василія, прибылъ съ нимъ обратно въ скитъ святыя Анны. Спустя нѣсколько дней по прибытіи своемъ въ этотъ скитъ, старецъ заболѣлъ, и скоро почилъ о Господѣ. Іоаннъ поскорбѣлъ о смерти его, — ибо ублажалъ и хвалилъ его какъ

добродѣтельнаго отца, — и потомъ удалился оттуда въ скитъ кавсокаливскій.

Здѣсь, отъ одного изъ братій скита честнаго Предтечи, Іоаннъ узналъ о недавнемъ мученичествѣ друга своего святаго преподобномученика Евѳимія: услышавъ объ этомъ, онъ соревновалъ Евѳимію и, отъ всей души радуясь его участи, славилъ и благодарилъ Господа Бога. Восторженный такимъ слухомъ и возбуждаемый своею радостію, онъ поспѣшилъ отправиться въ скитъ честнаго Предтечи, чтобы явиться тамъ къ преподобнѣйшему духовнику Киръ Никифору, старцу и наставнику Евѳимія, и усердно просить его о принятіи себя подъ духовное руководство. Никифоръ, узнавши все его прошедшее, принялъ его и поручилъ надзору послушника своего, старца Акакія.

Итакъ, здѣсь — въ этой благой пристани безмолвія и добраго водительства — святой утвердился помыслами своими, какбы на якорѣ, и уже не расхищался душею, но съ радостію слѣдовалъ наставленіямъ духовнаго своего отца, и съ великимъ усердіемъ и горячностію исполнялъ все ему повѣляемое. Одна была цѣль святаго — подвиги, и онъ день отъ дня умножалъ ихъ, и возрасталъ въ добродѣтели какъ древо при исходищахъ водъ. Пищею его были только хлѣбъ и вода, и то въ малой мѣрѣ; денноночныя колѣнопреклоненія составляли его утѣшеніе; размышленіе объ имени Іисуса съ непрестанною къ Нему молитвою составляло его жизнь; кромѣ сего, онъ занимался чтеніемъ священнаго Евангелія, и имѣлъ святое обыкновеніе многожды на день произносить привѣтственный гимнъ Богоматери, къ коей имѣлъ великое благоговѣніе, и часто со слезами просилъ ее сподобить его мученической кончины. Находясь въ таковыхъ подвигахъ, и столько удручая и порабощая свое тѣло, онъ однакожь всегда казался веселымъ. Замѣчательно и то, что святое соревнованіе составляло, такъ сказать, пружину его добро-

дѣтелей, и было его двигателемъ: онъ никогда не хотѣлъ остаться позади какого либо совершителя добродѣтели, тѣмъ болѣе позади друга своего святаго Евѣимія; ежедневно размышляя о мученичествѣ его, онъ старался исполнить все, что творилъ святой Евѣимій, чтобы подобно ему привлечь на себя мученическую благодать. И то нужно сказать, что, при такомъ благочестивомъ соревнованіи, блаженный обладалъ и смиренномудріемъ: въ чемъ превышалъ онъ святаго друга своего, того не измѣрялъ, а въ чемъ оставался позади, то старался пріобрѣсть, и часто съ теплотою сердца просилъ святаго мученика, да благопоспѣшитъ и ему вступить въ великій подвигъ мученичества, и да укрѣпитъ его въ семъ подвигѣ. Такіе подвиги и боголюбезныя дѣянія святаго могли ли казаться пріятными врагу добра—дѣволу? онъ, какъ исконная злоба, всячески старался остановить святаго на этомъ чудномъ пути добродѣтели, и дѣйствовалъ противъ него то помыслами мірскаго пристрастія, то самолюбіемъ, то славолюбіемъ и непокореніемъ, а иногда сластолюбіемъ. Разъ, эта древняя злоба воздвигла въ многотрудномъ тѣлѣ святаго такую плотскую брань, что онъ, сожигаемый адскимъ этимъ пламенемъ плотской похоти, палъ на землю и долго лежалъ какъ полумертвый; потомъ, получивъ себѣ малую ослабу, пришелъ къ попечителю своему старцу Акакію и, объяснивъ ему свою бѣду, просилъ у него утѣшенія: добрый старецъ, какъ и подобало, утѣшилъ и утвердилъ его словами божественными и примѣрами святыхъ мужей. Послѣ сего блаженный подвижникъ пришелъ въ церковь, взялъ въ руки свои икону Богоматери, и лобызая ее, со слезами просилъ Приснодѣву помочь ему въ бѣдѣ его, и избавить отъ этой несносной брани и навѣта дѣвольскаго. Не оставила Богоневѣстная раба своему искушаться сильнѣе, чѣмъ сколько могъ онъ: благодатию Богоматери, окружило его нѣкое неизреченное и неописанное благоуханіе, и съ того времени

оставила его эта смертоносная брань. Но всё свои труды и подвиги добродѣтели блаженный вмѣнялъ ни во что, имѣя всегда одну цѣль — мученичество: часто со слезами просилъ онъ у старца своего позволенія и молитвы на сей подвигъ. Но такъ какъ старецъ до времени не давалъ ему позволенія, то онъ пребывалъ въ великой печали, не ослабѣвая, впрочемъ, въ трудахъ и подвигахъ аскетическихъ. Съ теченіемъ времени, видя непремѣняемость его желанія умереть за имя Христово, и проразумѣвая духомъ, что есть на то воля Божія, старецъ постригъ его въ иноки, переименовалъ вмѣсто Іоанна Игнатіемъ, и наконецъ согласился на его намѣреніе, — далъ ему столь горячо желаемое имъ позволеніе отправиться, по его желанію, въ царствующій градъ.

Григорій, сопровождавшій на подвиги страдальчества друга Игнатіева, святаго Евѣимія, назначается духовнымъ отцемъ сопровождать и его въ столицу. Безпрекословно принявъ это старческое повелѣніе, и оградившись общими молитвами и благословеніемъ всѣхъ во Христѣ братій и отцевъ скита, доблестный этотъ старецъ Григорій отправляется съ подвижникомъ, какъ съ агнцемъ незлобивымъ, влекомымъ на закланіе, въ честную обитель Иверскую. Здѣсь они, поклонившись чудотворной иконѣ Владычицы нашей Богородицы Портантиссы, и испросивши отъ тамошнихъ отцевъ и братій молитвъ о себѣ, удалились въ лавру, а оттуда 20 сентября отправились въ Константинополь, и наконецъ, послѣ великихъ бурь, бѣдъ и трудностей, которыя испытали на пути, достигли туда въ 29-й день сего мѣсяца.

Къ счастью Григорія и Игнатія, христоролюбивый оный Іоаннъ, столько послужившій святому Евѣимію, находился и тогда въ Константинополѣ: узнавъ отъ нихъ о цѣли ихъ прибытія въ столицу, онъ немедленно приготовилъ имъ все нужное для ихъ цѣли. Имѣя такимъ образомъ все въ готовности, они почли всего болѣе приличнымъ предстать Игна-

тію въ судилище въ день будущей пятницы. Срочный день наступилъ. Тогда всѣ пріобщились пречистыхъ Таинъ, сняли съ Игнатія одежды его и одѣли въ турецкія, и, блаженный, принявъ отъ спутника своего, пролившаго много слезъ о разлукѣ съ нимъ, теплую молитву, воздалъ ему, за отеческое его благодѣяніе, подобающее благодареніе и, какъ жаждущій елень на источники водные, съ веселіемъ и радостію потекъ въ сопровожденіи упомянутаго спутника на великій и священный подвигъ, въ высокую оттоманскую Порту. Такъ какъ въ то время диванъ по нѣкоторымъ причинамъ былъ отложенъ нечестивцами до будущаго вторника, то святой возвратился безъ успѣха съ великою печалію. Въ промежутокъ этихъ дней онъ нѣсколько разъ ходилъ туда и всегда приходилъ домой съ великою скорбію о неудачѣ. Опечаленный такими неудачами, блаженный рѣшился о благопоспѣшеніи ему въ его намѣреніи вознести молитву къ Богоматери, предъ чудотворною ея иконою, находящеюся въ домѣ нѣкоего христіанскаго христианина, жившаго не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста квартированія Григоріева. Григорій благословилъ его на это дѣло. Когда Игнатій съ усердіемъ молился предъ сею иконою, и съ теплыми слезами умолялъ Богородицу, да благоустроитъ Она путь его къ мученичеству, въ полночь, — кто изречетъ силы Твоя, Богоневѣсто Владычице! — происходитъ какой-то шумъ, внезапно отъ иконы Богородицы отдѣляется свѣтлый вѣнецъ и возлагается на Игнатія. По рассказамъ людей, тайно наблюдавшихъ за святымъ, это было трижды. На другой день послѣ сего узнали, что въ тотъ день будетъ диванъ, и святой съ великою радостію и тщаніемъ пошелъ въ незаконное судилище. Вошедши туда, онъ съ великимъ дерзновеніемъ говоритъ судьѣ: въ отрочествѣ моемъ, судья, я, принужденный вами, турками, далъ слово отречься святой моей вѣры; теперь пришелъ сюда взять это слово назадъ, и проповѣдать

предъ вами Христа моего Богомъ истиннымъ и творцемъ всей твари, — съ этимъ словомъ бросаетъ онъ на землю съ головы своей зеленую повязку. — Судья, видя и слыша это, съ гнѣвомъ спросилъ святаго: кто тебя привелъ сюда? монахъ ты, или мірской? Мученикъ: я пришелъ одинъ, водимый силою Христа моего, и показалъ икону Господа нашего Иисуса Христа, которую скрывалъ у себя за пазухой вмѣстѣ съ крестомъ. Судья: оставь бѣсловіе, и приди въ самага себя. Знай, что ты непокорствомъ своимъ навлечешь на себя самыя тяжкія наказанія и самую горькую смерть; въ противномъ же случаѣ мы дадимъ тебѣ много даровъ, чтобы ты жилъ въ совершенномъ довольствѣ всю твою жизнь, и произведемъ тебя въ чины, чтобы ты радовался съ нами всегда. Размысли объ этомъ хорошенько. Мученикъ отвѣчалъ смѣясь: дары твои и достоинства, какъ привременныя, возвращаю тебѣ, лицу тоже временному; наказанія же и смерть, которыми меня устрашаешь, для меня не новое извѣщеніе, я и прежде моего пришествія сюда зналъ объ нихъ, и жду ихъ отъ тебя, — или лучше, я для того и пришелъ сюда, чтобы ты умертвилъ меня за Христа моего, Который есть вѣчный и бессмертный Богъ, Котораго и дары вѣчны и бессмертны. Лжепророкъ же вашъ есть учитель погибели, отступникъ Божій и другъ діавола, и ученіе его было бѣсовское, — огонь вѣчный его наслѣдіе, и вы суетные будете съ нимъ мучиться вмѣстѣ, если не увѣруете во Христа Бога истиннаго. Судья весь измѣнился отъ гнѣва и, не могши отъ ярости говорить, сдѣлалъ знакъ вывести мученика вонъ. Одинъ изъ предстоящихъ слугъ, схвативъ его, потащилъ было насильно, но мученикъ, давъ ему пощечину, прибѣжалъ предъ судью, преклонилъ предъ нимъ колѣна и, обличая вѣру его, наклонялъ выю, и поощрялъ заклать его. Тогда слуги, взявши его насильно, ввергли въ темницу, забили ноги его въ мучилищное дерево, и наложили на шею тя-

желыя цѣпи. Къ этимъ страданіямъ его лютые звѣри приложили еще другія болѣзни: принуждая страдальца отречься своей вѣры, они жестоко били его и насмѣхались надъ нимъ. Мужественный подвижникъ Христовъ все переносилъ съ благодареніемъ и, подобно святымъ Апостоламъ (Дѣян. гл. 5), радовался, что онъ страждетъ за святое и приснославное имя своего Господа. По окончаніи присутствія, судья велѣлъ представить мученика на собственное, особое испытаніе. Въ это время онъ прежде всего спросилъ страсотерпца: кто привелъ его туда? Мученикъ отвѣчалъ: Господь мой Іисусъ Христосъ привелъ меня сюда. Судья: приди, сынъ мой, въ самага себя, и не будь столько упоренъ и гордъ, — иначе испытаешь такія мученія, о какихъ никто и не слыхалъ; кромѣ того не надѣйся, что тебя усѣкнутъ, и что христіане возьмутъ кровь твою въ свое освященіе, — я повѣшу тебя. Мученикъ: усѣкнешь ли меня, судья, или повѣсишь, ты равное окажешь мнѣ благодѣяніе; я все приѣмлю съ радостію ради любви ко Христу моему. Тогда судья велѣлъ ввергнуть мученика въ одну сокровенную и мрачную темницу. Слутникъ же его Григорій, извѣстившись о томъ, что мы выше рассказали, оросилъ землю слезами, и отъ всей души молилъ подвигоположника Христа Бога, да укрѣпитъ Онъ своего подвижника на пути мученическомъ, и благопоспѣшитъ ему славно и боголюбезно совершить трудное поприще страданій. Также и многіе другіе боголюбивые христіане, желая мученику полнаго въ святомъ предпріятіи его усиѣха, раздавали множество денегъ въ милостыню.

Мученикъ, находясь въ мрачной оной темницѣ, считалъ ее другимъ для себя раемъ, а мученія — удовольствіями и наслажденіями. Но какія испыталъ тамъ страсотерпецъ мученія отъ немилосердыхъ слугъ діавола, неизвѣстно намъ до нынѣ, не смотря на то, что мы тщательно о томъ распрашивали. Впрочемъ, всѣ константинопольскіе христіане едино-

гласно говорятъ, что испытанныя тамъ блаженнымъ отъ беззаконниковъ мученія были велики, и что, мучимый ими за имя Христово цѣлыхъ два дня, онъ показалъ великое мужество: послѣ всѣхъ этихъ жестокихъ мученій, обольстительныхъ обѣщаній и ласкательствъ, воинъ Христовъ и мученикъ явился непоколебимымъ и непреложнымъ. Между тѣмъ судья снова велѣлъ представить его на испытаніе, и когда увидѣлъ, что онъ съ непостижимымъ дерзновеніемъ исповѣдуетъ божество Іисуса Христа, а суетную ихъ вѣру сильно посрамляетъ, и учителя оной называетъ бѣсноватымъ; то, отчаявшись въ своемъ успѣхѣ, далъ конечное свое рѣшеніе—удавить его. Діавольскіе слуги тотчасъ взяли этого незлобиваго агнца Владыки Христа, и повлекли его на смерть. Достигнувъ мѣста, такъ называемаго по турецки, парма - капи, они задушили здѣсь мученика, и повѣсили его на деревѣ. Такимъ образомъ 8 октября 1814 года въ четвертокъ въ 7 часовъ, приснопамятный Игнатій оставилъ эту юдоль плача и съ высоты висѣлицы, отлетѣлъ на небеса, какбы нѣкая убѣленная голубица, чтобы получить тамъ отъ вѣчной правды троякій вѣнецъ: дѣвственническій, подвижническій и мученическій.

Узнавъ о всеславной кончинѣ святаго Игнатія, Григорій едва не лишился ума отъ радости, и бѣгая туда и сюда, пришелъ наконецъ на мѣсто казни, гдѣ повѣшенъ былъ мученикъ, поклонился ему издали, и плакалъ отъ радости: приблизиться къ нему онъ не могъ, потому что не былъ допускаемъ стрегущими его невѣрными воинами. Черезъ три уже дня онъ за дорогую цѣну купилъ у палачей эти мученическія мощи, а потомъ взялъ мощи и прежде пострадавшаго святаго Евѣимія, которыя были погребены на островѣ Протѣ, какъ мы рассказали это въ его житіи, и удалился изъ Константинополя 13 октября; 20 же октября съ безцѣннымъ симъ сокровищемъ благополучно прибылъ на Святую

Гору. Мощи обоихъ мучениковъ положены были въ новозданномъ храмѣ при келліи духовника Никифора.

Въ Галатѣ константинопольской были двое несчастныхъ: бѣснуемый и разслабленный. Одинъ случившійся тамъ монахъ, служащій у Пресвятыя Богородицы Кикку, имѣлъ у себя скуфью святаго Игнатія, которую онъ купилъ у палачей: лишь только наложилъ онъ ее послѣдовательно на того и другаго изъ болящихъ, съ призываніемъ имени святаго, тотчасъ, — о чудо, — разслабленный возвратилъ крѣпость, а бѣснуемый пришелъ въ умъ, во славу Христа Бога, съ Нимъ же безначальному Отцу и Всесвятому и Животворящему Духу держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТАГО СЛАВНАГО НОВАГО ПРЕПОДОБНО-
МУЧЕНИКА

А К А К І Я ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО МАЯ 1-ГО.

НОВЫЙ ЭТОТЪ ПРЕПОДОБНО-МУЧЕНИКЪ АКАКІЙ, или во святой купѣли Аѳанасій, былъ сынъ родителей христіанскихъ, сіявшихъ благочестіемъ. Мѣстомъ ихъ жительства было Неохори (въ Синаксарѣ, Нивори) — селеніе въ Македоніи, лежащее близъ великаго города Солуня. Не имѣя возможности въ томъ селеніи пріобрѣтать даже необходимое для жизни, они удалились оттуда со всѣмъ своимъ семействомъ, и поселились въ городѣ Серезѣ. Между дѣтьми ихъ, Аѳанасій былъ старшій, тогда было ему 9 лѣтъ. Желая, чтобы онъ съ молодыхъ лѣтъ научился какому нибудь полезному ремеслу, а не скитался празднымъ, они отдали его одному башмачнику. Но это не только не принесло Аѳанасію пользы, а напротивъ причинило ему ужасный вредъ и привело къ бѣдствію; ибо башмачникъ, взявшій его на свое попеченіе, для наученія своему искусству, вмѣсто благоразумныхъ наставленій и разумленій, употреблялъ ежедневные, безразсудные и жестокіе побои. Не перенося жестокостей своего хозяина несовершен-

¹ Съ рукописи Скита святаго Предтечи.

нолѣтній Аѳанасій желалъ освободиться отъ видимаго, безчеловѣчнаго этого тирана, и непримѣтно, сверхъ чаянія впалъ въ когти мысленнаго человѣкоубійцы — діавола. Въ одинъ день, именно святой и великой пятницы, баншачникъ — хозяинъ Аѳанасія, движимый, можетъ быть, отъ демона, съ большимъ противъ прежняго немилосердіемъ избилъ его. Отъ частыхъ побоевъ, совершенно разслабѣвшій духомъ, Аѳанасій вышелъ изъ дому своего хозяина, плакалъ, рыдалъ, шелъ самъ не зная куда, а день склонялся уже къ вечеру. Удрученный безмѣрною скорбію и горестію, онъ къ своему несчастію встрѣчается тогда съ двумя оттоманками. Эти фуріи, выражая коварное милосердіе къ сѣтующему и голодному Аѳанасію, взяли его за руку и ввели въ домъ свой, у воротъ котораго онъ тогда находились. Здѣсь, послѣ многихъ ядоносныхъ, но подслащенныхъ словъ, онъ поставили ему трапезу, и съ тѣмъ вмѣстѣ предложили, проклятыя, отречься истиннаго Хлѣба, спешаго съ небесе, Господа нашего Іисуса Христа. Аѳанасій, отъ жестокостей своего хозяина, уже совершенно потерявшій и силу воли и терпѣніе, ктомуужь думавшій, что онъ нашелъ наконецъ истинное избавленіе и покой, — увы! отрекся Іисуса Христа. Лишь только окаянные эти оттоманки услышали согласіе Аѳанасія на отреченіе отъ святой вѣры, тотчасъ, обрадовавшись, отвели его къ хазнатари. Хазнатари Юсуфъ-бей, услышавъ отъ этихъ женщинъ объ отреченіи Аѳанасія, пришелъ въ восторгъ и, поблагодаривъ ихъ за такое богатое ему приношеніе, безъ отлагательства времени совершилъ надъ нимъ нечестивое обрѣзаніе, съ переименованіемъ его изъ христіанскаго имени оттоманскимъ. Все это совершилось въ вечеръ великой пятницы, и при томъ безъ всякаго вѣдома Аѳанасіевыхъ родителей. Такимъ образомъ окончательно поставивъ съ собою Аѳанасія на погибельную стезю, Хазнатари оставилъ его въ своемъ домѣ, даже усыновилъ его, и съ того дня питалъ къ нему любовь, равно какъ и

жена его, и Аѳанасій началъ жить на славу. 9-ть уже лѣтъ пробылъ онъ въ безбожномъ томъ домѣ и, въ такомъ жалкомъ положеніи, достигъ восемнадцатилѣтняго возраста. Въ это время госпожа его, расположенная къ нему доселѣ невинно, мало по малу чистую свою любовь къ нему перемѣнила на любовь сатанинскую. Въ одинъ день, немоги уже болѣе удерживать себя, она открыла ему преступную свою страсть и, для достиженія гнусной своей цѣли, прибѣгла къ способу, какой употребила жена Пентефріева въ отношеніи къ цѣломудренному Іосифу. Но благословенъ Богъ!—какъ тогда показалъ Онъ богобоязненнаго Іосифа побѣдителемъ бѣснующейся египтянки; такъ и теперь, укрѣпивъ Аѳанасія, показалъ его побѣдителемъ неистовствующей оттоманки. Извѣстно однакожъ, что посрамленная, неистовая любовь всегда прелается въ ненависть, и воспламеняется безумною местию; поэтому и посрамленная агарянка рѣшилась непременно отмстить невинному Аѳанасію, и употребила для того способъ тоже подобный способу египтянки, т.-е. оклеветала его мужу своему въ томъ, будто онъ хотѣлъ сдѣлать ей насиліе. Агарянинъ, выслушавъ жалобу жены своей, немедленно выгналъ Аѳанасія изъ своего дому, давъ ему полную свободу идти куда хочетъ,—другаго же какого нибудь наказанія онъ употребить не рѣшился. Получивъ эту вожделѣнную свободу, Аѳанасій отъ всего сердца возслалъ благодареніе Спасителю Богу и, безъ всякой отсрочки или уклоненія куда нибудь, пошелъ въ Солунь къ возлюбленнымъ своимъ родителямъ, куда они переселились изъ Сереза съ тѣхъ поръ, какъ получили горчайшее извѣстіе о своемъ сынѣ. Сверхъ всякой надежды увидѣвъ живымъ того, кого считали уже мертвымъ, они исполнились неизреченной радости; а особенно восторгъ ихъ былъ неописанный, когда услышали изъ устъ его, что онъ рѣшительно оставляетъ скверную вѣрѣ агарянскую, и отъ всей души соприсчисляется къ словесному стаду Христову. Послѣ нѣ-

сколькихъ дней пребыванія его у нихъ, мать говоритъ ему: Сынъ мой любезнѣйшій! знай, что долгое твое здѣсь пребываніе неполезно ни намъ, твоимъ родителямъ, ни тебѣ; ибо если будетъ извѣстно агарянамъ о твоёмъ здѣсь существованіи, — будемъ бѣдствовать и мы, и ты. Посему совѣтую тебѣ, сынъ мой, чтобы не испытать бѣдствій и намъ и тебѣ, для спасенія не столько временнаго, сколько вѣчнаго, — удались въ спасительное пристанище грѣшныхъ, на святую Аѳонскую Гору, куда отшедши, сопутствуемый матерними моими молитвами, и исповѣдавшись тамошнимъ духовнымъ отцамъ о своемъ паденіи, ты омоешь оное теплыми слезами. Да прими во вниманіе и то, что какъ ты предъ безбожниками произвольно отрекся Іисуса Христа Бога нашего, такъ подобаетъ тебѣ съ дерзновеніемъ и исповѣдать Его предъ ними, и за любовь Его — потерѣть смерть, чтобы чрезъ изліяніе крови своей загладить тебѣ беззаконіе свое, и сопричислену быть къ истиннымъ воинамъ и друзьямъ Христа Бога нашего. Вотъ истинно благочестивая и чадолюбивая мать! она не жалѣла тѣла сына своего, которое подлежитъ смерти и тлѣнію, но любила душу его безсмертную и нетлѣнную. Съ радостію услышавъ отъ матери своей то, чего желалъ и самъ, Аѳанасій, безъ отлагательства времени, взявъ въ помощь для будущихъ своихъ подвиговъ материнскія молитвы, и удалился на святую Аѳонскую Гору, куда прибывъ, вступилъ въ священную обитель Хилендарскую. Пробывъ въ ней довольное время, онъ, по совѣту отцевъ той же обители, отправился въ скитъ священной киновіи Ксеновской къ преподобнѣйшему духовнику того скита іеромонаху киръ Николаю: духовникъ выслушавъ подробное его исповѣданіе, прочиталъ надъ нимъ отъ святой нашей Церкви установленныя умиловительныя молитвы и помазалъ его святымъ мѣромъ. Послѣ сего онъ возвратился въ Хилендарь, а по прошествіи года своего тамъ пребыванія, удалился въ

обитель Иверскую. Въ шестимѣсячное свое здѣсь пребываніе онъ услышалъ о недавно пострадавшихъ двухъ святыхъ преподобномученикахъ, Евѳиміѣ и Игнатіѣ, которые подвизались въ иноческихъ трудахъ въ принадлежащемъ той же обители Иверской скитѣ честнаго Предтечи, подъ руководствомъ преподобнѣйшаго іеромонаха Никифора (смотри житіе Евѳимія и Игнатія). Узнавъ подробнѣе объ этихъ преподобномученикахъ, Аѳанасій возжегся ревностію послѣдовать ихъ примѣру, и потому рѣшился непременно отправиться къ наставнику новомучениковъ сихъ іеромонаху Никифору. Но чтобы отшествіе его къ нему не сдѣлалось извѣстнымъ кому либо въ обители, онъ возвратился опять изъ Иверской въ Хилендарскую обитель, а оттуда, спустя 10-ть дней, удалился въ скитъ честнаго Предтечи, и явился къ духовнику іеромонаху Никифору, которому искренно во всемъ исповѣдавшись, объявилъ и о желаніи своемъ слѣдовать по стопамъ преподобномучениковъ Евѳимія и Игнатія. Духовникъ, по долгу, объяснилъ ему всѣ трудности, которыя непременно нужно испытать, чтобы получить по желанію своему мученическую кончину; но видя душевную его теплоту и твердость мысли, согласился причислить его къ святой своей дружинѣ и, какъ прежнихъ двухъ мучениковъ, поручилъ его надзору послушника своего старца Акакія, который, принявши на свое попеченіе Аѳанасія, тоже тщательно руководилъ и его на трудныхъ стезяхъ аскетическихъ подвиговъ. Усердно началъ было подвизаться Аѳанасій въ постахъ, бдѣніяхъ и молитвахъ, но скоро доброненавистникъ діаволь, не могши равнодушно смотрѣть на ревностно подвизающагося противъ него юношу, при томъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ уже неоднократно низложенъ, возмущаетъ его душу разными противными помыслами;—и юный подвижникъ, забывъ о необходимости быть осторожнымъ противъ козней вражескихъ, повинуется обаянію искушителя: не рассказавъ ни духовнику

Никифору, ни попечителю своему Акакію о темныхъ своихъ помыслахъ, и никому не сказавшись, онъ въ глубокую и мрачную ночь удаляется изъ спасительнаго своего убѣжища, и идетъ, самъ не зная куда. Послѣ семичасоваго блужданія, когда разсѣялся уже мракъ, онъ видитъ себя предъ обителію Котломушскою, гдѣ отдохнувъ отправляется въ обитель Симопетрскую съ однимъ отцемъ котломушскимъ, шедшимъ туда на праздникъ Рождества Христова. По прошествіи праздника, Аѳанасій сталъ просить игумена Симопетры о дозволеніи ему остаться въ его обители. Дозволеніе, послѣ нѣкотораго прекословія со стороны игумена, получено: но чрезъ нѣсколько дней, по причинѣ произведеннаго имъ нѣкоего соблазна, онъ тѣмъ же игуменомъ высланъ изъ обители. Нужно впрочемъ замѣтить, что, прежде этой высылки его отсюда, разъ явился ему во снѣ одинъ честный старецъ, и повелѣвалъ ему возвратиться къ духовнику Никифору. Аѳанасій спросилъ явившагося: кто онъ? старецъ отвѣчалъ: я ктиторъ обители сей. Однако онъ не послушалъ этого небеснаго повелѣнія и отправился опять въ Хилендарь. Начальствующіе сей обители, помня прежнее его удаленіе изъ Хилендаря безъ ихъ вѣдома, сначала не соизволяли на принятіе его, но наконецъ, умилосердившись, приняли, и опредѣлили ему жить внѣ обители: въ скоромъ времени онъ снова оставилъ этотъ монастырь. Сильно тронувшись рѣзкимъ замѣчаніемъ о его поведеніи, сдѣланнымъ ему однимъ старцемъ Хилендарской обители, онъ рѣшился, подобно блудному сыну, возвратиться къ отцу своему духовному, то-есть іеромонаху Никифору. Явившись къ нему, онъ словами блуднаго сына—отче! согрѣшихъ на небо и предъ тобою—со слезами просилъ о вторичномъ принятіи его въ святое общество, обѣщая болѣе уже не удаляться изъ него. Духовникъ отвѣчалъ ему: теперь мы не принимаемъ тебя: иди въ какой хочешь монастырь, плачь тамъ о грѣхахъ своихъ; силенъ

Богъ и тамъ спасти тебя ради покаянія и слезъ твоихъ. Выслушавъ такой отвѣтъ духовника, онъ тотчасъ же припалъ къ ногамъ его и, обильными слезами орошая и лобызая ихъ, щедротами Божиими, именемъ Госпожи нашей Богородицы и прежде его пострадавшихъ святыхъ, Евѣиміа и Игнатія, умолялъ о принятіи его. Духовникъ, умилосердившись, принялъ его съ условіемъ въ точности исполнять всѣ его повелѣнія, и опять поручилъ его надзору старца Акакія. Принявъ подъ свое попеченіе, Акакій помѣстилъ его въ отдѣльное жилище, и назначилъ ему подвиги больше прежнихъ. Аѳанасій съ любовію и безпрекословно принималъ и исполнялъ все назначаемое ему, такъ что въ малое разстояніе времени, усердно подвизаясь, достигъ толикаго умиленія, что глаза его сдѣлались двумя приснотекущими источниками, изливающими обильныя слезы. Достигши такого состоянія, онъ сталъ просить духовнаго своего отца удостоить его ангельскаго образа: духовникъ, видя теплоту души его, въ четвертую недѣлю святой четыредесятницы облекъ его во святое одѣяніе, переименовавъ изъ Аѳанасія Акакіемъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ сего, духовникъ Никифоръ и дружина его признали, что приспѣло время Акакію отправляться на мученичeskій подвигъ, почему и стали къ тому готовиться: старцу Григорію присуждено было, какъ Евѣимію и Игнатію, сопутствовать и Акакію на это славное и святое дѣло. Скоро былъ найденъ корабль, и они въ 1-й день мѣсяца апрѣля отправились со Святой Горы. Тихо и безмятежно было ихъ плаваніе, въ чемъ они ясно видѣли промысль о себѣ Божій, и многія за то возсылали ему благодаренія. Во время плаванія старецъ Григорій, увидѣвъ благочестіе и благоговѣніе начальника корабля и корабленниковъ, тайно рассказалъ имъ о намѣреніи Акакія, и просилъ ихъ содѣйствовать ему въ святомъ его дѣлѣ. Съ любовію и радостію благочестивые корабленники изъявили свое соизво-

леніе на просьбу старца. Апрѣля 23-го, послѣ заката солнца, прибыли они въ Галату константинопольскую. На другой день (понедѣльникъ) старецъ Григорій и Акакій, въ сопровожденіи одного только шкипера, отправились къ нѣкому знакомому христіанину именемъ Григорію, занимавшемуся въ Галатѣ торговлю. Съ радостію принялъ ихъ христіанинъ этотъ, и оказывалъ имъ большія ласки. Шкиперъ, замѣтивъ, гдѣ были они приняты, тотчасъ же возвратился на свой корабль. Итакъ у добраго сего христіанина Григорій и Акакій занялись приготовленіемъ къ исполненію святаго своего намѣренія. Въ это время Акакій, желая скорѣе видѣть тотъ вождельный для него часъ, когда онъ предстанетъ предъ лице мучителей, нѣсколько разъ докучалъ Григорію дать ему позволеніе отправиться къ тиранамъ: но Григорій, опытный въ сихъ дѣлахъ мужъ, всегда останавливалъ его ревность, приводилъ ему на память достоинство благовременности, соблюдающейся во всѣхъ вещахъ (Еккл. 3, 1). Въ слѣдующую субботу, по выслушаніи литургіи и приобщеніи пречистыхъ Христовыхъ Таинъ, они прямо изъ церкви пошли на привезшій ихъ туда корабль. Здѣсь Григорій одѣлъ ратоборца Христова Акакія въ турецкія одежды, которыя приготовилъ имъ добрый тотъ шкиперъ, а братъ его добровольно вызвался проводить Акакія къ визирю; ибо самъ Акакій не зналъ туда дороги. Тогда Акакій, сокрушаясь о разлукѣ со старцемъ своимъ Григоріемъ, со слезами припалъ къ ногамъ его и просилъ его благословенія, тоже и Григорій немало при семъ пролилъ слезъ, и наконецъ облобызалъ его и благословилъ идти на священный и великій подвигъ. Итакъ Акакій и путеводитель его пошли, и скоро достигли дворца, гдѣ находится верховное оттоманское судилище. Здѣсь разстался съ Акакіемъ вожатый его. Много умолялъ онъ Акакія ходатайствовать о немъ предъ Владыкою нашимъ Христомъ Богомъ; но Акакій, именуя себя окаяннѣйшимъ отступникомъ отъ вѣры

Христовой, и потому считая себя недостойнымъ никакой милости Божіей, вовсе не признавалъ въ себѣ возможности просить оной у Бога даже и себѣ, слѣдовательно тѣмъ менѣе другимъ. Съ непостижимымъ дерзновеніемъ и неизреченною радостію и мужествомъ божественный Акакій вошелъ внутрь крыльца этого судилища, и прежде всего встрѣтилъ тамъ втораго дверника визиря, который у оттомана называется и письмоношцемъ. Мусульманинъ этотъ спросилъ святаго: кто онъ и по какой причинѣ пришелъ туда? Богомудрый Акакій рассказалъ ему объ отреченіи своемъ въ девятилѣтнемъ возрастѣ отъ христіанской вѣры, также и о мѣстѣ своего происхожденія, безстрашно и мужественно исповѣдалъ предъ нимъ христіанскую вѣру, а магометанскую изобличилъ, посрамилъ и опровергъ, наставника же ихъ Магомета проклялъ, называя его обманщикомъ и лжепророкомъ. Наконецъ въ доказательство своего отреченія отъ нечестивой агарянской вѣры, снявъ съ головы своей зеленую повязку, бросилъ ее на землю и, насмѣхаясь надъ агарянами, топталъ ее и плевалъ на нее. Дверяблюстителю, неожиданно увидѣвъ такую дерзость святаго, билъ его сколько могъ; но такъ какъ время не позволяло представить его тогда же визирю, то онъ, наложивъ желѣза на ноги мученика, заключилъ его до вечера въ темницу. Въ наставшій вечеръ, всѣ присутствующіе беззаконнаго того судилища долго съ коварствомъ ласкали мученика, и обольщали его обѣщаніями всевозможныхъ и неисчислимыхъ благъ; но онъ былъ твердъ, какъ адамантъ, во своемъ мнѣніи, ясно и громко исповѣдывалъ вѣру Христову, а агарянскую обличалъ и посрамлялъ. Тогда нечестивцы приступили къ пыткамъ. Но мученикъ, претерпѣвая ихъ, казался веселымъ, и какбы вовсе не страдалъ; потомъ послѣ этихъ тиранствъ снова былъ вверженъ въ темницу. На другой день (воскресенье) въ 4-мъ часу дня діавольскіе слуги, снявши съ него оковы, представили его предъ визиря,

который, будучи по существу своему волкъ, облекся тогда въ кожу овчую. Но употребленные имъ коварство, ласки и лесть не имѣли никакого дѣйствія на страстотерпца: стоя выше всѣхъ обаяній, онъ оставался непоколебимъ въ своемъ исповѣданіи истинной вѣры Христовой, и мужественно обличалъ Магомета и преподанную имъ лживую вѣру. Подобно скалѣ, недвижимо и твердо стоящей среди ярящихся бурныхъ волнъ океана, святой былъ несокрушимъ отъ сатанинскихъ къ нему прираженій. Тогда визирь, хотя и самъ ясно выслушалъ исповѣданіе мученика, но ради обычнаго своего высокомерія, скрывая свое смущеніе и гнѣвъ, повелѣлъ служителямъ своимъ отвезть его, какъ преступника, къ определенному суду города, какъ будто для надлежащаго разсмотрѣнія его дѣла. Когда же и тамъ мученикъ остался непоколебимъ въ своей мысли,—въ тотъ же день съ утвержденія визиря послѣдовало конечное о немъ рѣшеніе: завтра отсѣчь ему голову. Въ вечеръ того же дня (то-есть воскресенья) Григорій получилъ отъ нѣкоторыхъ мучениколюбцевъ подробное извѣстіе о всѣхъ доселѣ претерпѣнныхъ Акакіемъ мученіяхъ, и потому исполнившись безмѣрной радости, отъ всей души славилъ и благодарилъ Господа Бога за толикія милости, излитыя Имъ на своего подвижника. Для духовнаго утѣшенія святаго Акакія, Григорій считалъ благоприличнымъ и необходимымъ сподобить его пріобщенія пречистыхъ таинъ Христовыхъ, но не зналъ, какъ достигнуть этого. Кто рѣшится проникнуть къ страдальцу въ темницу, куда онъ снова былъ ввергнутъ послѣ истязаній предъ градскимъ судьей? По нѣкоторомъ раздумьи, Григорій обратился съ просьбою объ этомъ къ сказанному вожатаю Акакія: тотъ согласился. Послѣ сего онъ просилъ іереевъ храма Богородицы въ Галатѣ, чтобъ они дали ему часть пренебеснаго хлѣба для мученика. Іереи не отказали въ этомъ: съ великимъ благоговѣніемъ заключивши въ дароносицу часть преж-

деосвященнаго хлѣба, они вручили ее Григорію, а онъ передалъ ее вожатаю. Мучениколюбивый этотъ юноша успѣлъ благополучно исполнить данное ему порученіе; ибо входя въ темницу, онъ не встрѣтилъ ни одного изъ стражей темничныхъ, потому и вошелъ туда безпрепятственно, — всѣ они, по обычной своей прозорливости и слабой внимательности къ своему дѣлу, когда входилъ въ темницу мучениколюбецъ, занимались завтракомъ. Но совсѣмъ противный входу въ темницу случился выходъ его изъ ней. Къ выходу его изъ темницы стражи уже стояли на своихъ мѣстахъ: видя, что гяуръ (невѣрный) вошелъ въ темницу безъ ихъ вѣдома, они съ неистовыми воплями начали бить его, чѣмъ и какъ могли, и избили до безпамятства; такъ что послѣ онъ не могъ рассказать, какимъ образомъ избавился отъ рукъ взбѣсившихся нечестивцевъ. Избавившись отъ нихъ и явившись внѣ темницы невѣдомымъ ему самому образомъ, онъ началъ мало по малу приходить въ чувство. Ощущая же невыносимую боль во всемъ тѣлѣ, сталъ онъ размышлять о скорбяхъ своихъ и мукахъ мученика, сравнивать болѣзни свои со страданіями страстотерпца, и думать о томъ, какой будетъ для святаго конецъ сихъ страданій. Во время такого размышленія своего онъ вдругъ видитъ множество неистовавшихъ турковъ, идущихъ и влекущихъ за собою божественнаго Акакія, какъ преступника, со связанными назади руками; мучители поносили его, оплевывали и били безъ милости. Мучениколюбецъ разсудилъ слѣдовать за ними, чтобы видѣть конецъ всего этого. Вся эта нестройная толпа пришла на мѣсто, по турецки называемое—парма-капи, находящееся на третьемъ холмѣ константинопольскаго седмихолмія. Лишь только возведенъ былъ сюда святой Акакій, палачъ заревѣлъ: наклони колѣна, невѣрный! Безъ всякаго трепета, съ неизъяснимымъ мужествомъ и особеннымъ веселіемъ выслушалъ мученикъ этотъ вопль: ставши на колѣна, онъ пре-

клонилъ святую свою голову, и громогласно сказалъ палачу: опускай твой мечъ, только смѣло и мѣтко (какое мужество!), и въ ту же минуту священная глава отдѣлилась отъ многопобѣднаго тѣла, а праведная душа, отрѣшившись отъ узъ плоти, свободно, легко и безпрепятственно вознеслась въ горнія селенія, въ сопровожденіи ликовъ ангельскихъ. Это совершилось въ 1-й день мая мѣсяца 1816 года въ понедѣльникъ въ 5-мъ часу дня. Когда собѣдствовавшій и созлострадавшій съ мученикомъ мучениколюбецъ тотъ о всемъ этомъ извѣстилъ старца Григорія, тотъ отъ всей души прославилъ и возблагодарилъ Господа нашего Іисуса Христа, укрѣпившаго въ мученичествѣ преподобномученика Его. За симъ первую его заботою было—купить святое тѣло мученика: на богоугодное это дѣло онъ поспѣшилъ подвигнуть многихъ православныхъ и боголюбивыхъ христіанъ, которые съ благоговѣніемъ и усердіемъ приняли его предложеніе. Черезъ три дня,—ибо нечестивцы издревле имѣютъ обыкновеніе стеречь всѣхъ обезглавленныхъ осужденниковъ три сутки тамъ, гдѣ обезглавлять ихъ, что случилось и со святымъ Акакіемъ: святое тѣло его отъ 5 часа понедѣльника до 7 часа среды лежало брошенное на землѣ,—только чрезъ три дня, говорю, христіане, заплативъ палачу условленную сумму (800 піастровъ), получили позволеніе взять святое тѣло мученика. Съ мѣста казни было оно перенесено въ сопровожденіи множества христіанъ на морской берегъ, гдѣ было сложено въ заранѣе приготовленное влагалище, и тотъ же часъ перевезено на привезшій Григорія со Святой Горы въ Константинополь корабль; ибо благочестивый шкиперъ его, по благоговѣнію къ мученику, согласился и отвезть Григорія на Святую Гору вмѣстѣ съ тѣломъ мученическимъ. Корабль этотъ тогда же въ 5 часу ночи двинулся и, управляемый рукою Всевышняго, благополучно достигъ Святой Горы въ 9-й день мая. Съ корабля священныя мощи преподобномученика бывъ перенесены въ

келлію, гдѣ онъ въ жизни своей подвизался, съ благоговѣніемъ погребены въ новосозданномъ при келліи сей храмѣ, въ честь прежде его пострадавшихъ двухъ преподобномучениковъ святыхъ Евѳимія и Игнатія. Богопріятными молитвами преподобномученика сего да сподобимся и мы соцарствія съ нимъ на небесѣхъ, по благодати Христа Бога нашего, съ Коимъ Отцу и Святому Духу подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТАГО СЛАВНАГО НОВАГО ПРЕПОДОБНО-
МУЧЕНИКА

ОНУФРІЯ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ЯНВАРЯ 4-ГО.

В течествомъ божественнаго Онуфрія было селеніе Габрово епархіи Терновской. Родители его были христіане болгарскаго рода, принадлежали къ людямъ богатымъ и въ своемъ мѣстѣ пользовались извѣстностію. Онуфрій во святомъ крещеніи былъ наименованъ Матѳеемъ. Когда достигъ онъ возраста, способнаго воспринимать книжное ученіе, тогда родители отдали его въ училище, гдѣ оказывалъ онъ успѣхи въ граматѣ сообразно съ своими способностями и возрастомъ. На восьмомъ или девятомъ году его жизни, родителямъ случилось за какую-то вину оштрафовать его: оскорбившись родительскимъ наказаніемъ, онъ, по дѣтскому неразумію, выразился предъ находившимися тамъ турками, что онъ намѣренъ потурчиться, и это случилось-бы, еслибы родители не успѣли искуснымъ и ловкимъ образомъ похитить его отъ турковъ. Казалось, Матѳеей попрежнему остался христіаниномъ, такъ какъ не произносилъ изувѣрнаго исповѣданія хриstopротивной вѣры нечестивцевъ, и не принималъ незаконнаго ихъ обрѣзанія. Что думали объ этомъ дѣлѣ родители

¹ Съ рукописи скита святаго Предтечи.

его, при несовершеннѣтнемъ его возрастѣ, какъ судили о несчастіи, которому подвергся сынъ ихъ въ послѣдствіи, и что при этомъ дѣлали они, не знаю, говоритъ жизнеописатель: но когда Матѳеѣй пришелъ въ надлежащій возрастъ, и сталъ понимать предметы самостоятельнѣе, — тотчасъ удалился изъ отечества, прибылъ на святую Аѳонскую Гору и вступилъ въ братство славянскаго Хилендарскаго монастыря. Здѣсь скоро принялъ онъ на себя иноческій образъ, изъ Матѳея переименованъ Манассіею, и подвизался достойно своего званія. Спустя нѣсколько времени, братія нашли его достойнымъ хиротоніи и онъ рукоположенъ былъ во іеродіакона¹. Но такъ какъ, по божественнымъ отцамъ, сколько человѣкъ преуспѣваетъ въ добродѣтели, столько же просіяваетъ и смиреніемъ, такъ что тогда даже и малѣйшіе грѣхи кажутся ему великими, и онъ сердечно сокрушается о нихъ, и приноситъ умиленное въ нихъ покаяніе; то и блаженный Манассія, преуспѣвая въ добродѣтели и пересматривая всѣ свои дѣянія отъ начала жизни, увидѣлъ несказанную важность отроческаго своего паденія, — въ ужасающихъ образахъ представилось ему дѣтское его отреченіе отъ всеблагаго Создателя. Читая въ святомъ евангеліи слова всемилостиваго своего Владыки, Христа Спасителя: всякъ, иже исповѣсть Мя предъ чловѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ; а иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ (Матѳ. 10, 32, 33), — и имѣя ихъ въ умѣ своемъ, Манассія постоянно носилъ въ душѣ своей страхъ, — что если не принесетъ онъ довольныхъ и достойныхъ плодовъ покаянія за

¹ Можетъ быть онъ не исповѣдалъ духовнику о своемъ заблужденіи, или духовникъ не счелъ этого препятствіемъ къ хиротоніи, не знаю. Жизнеописаніе. По 10-му правилу 1-го Вселенскаго собора не могутъ быть удостоиваемы священнослужительскаго сана отречшіеся христіанской вѣры и приносившіе жертву идоламъ. См. изъясненіе сего правила на 305 стр. Опытъ курса церковнаго законодѣвія архимандрита Іоанна, т. 1-й, Спб. 1851. С. Л. П.

свое отроческое отреченіе? Вѣдь и Христось отвержется его предъ небеснымъ Своимъ Отцемъ. По этой-то причинѣ блаженный Манассія, не смотря на то, что совершалъ дивные подвиги за свой грѣхъ отреченія, никогда не имѣлъ мира въ своихъ помыслахъ, но всегда считалъ свои подвиги недостаточными къ умилостивленію Бога;—и чудно то, что въ началѣ было въ немъ страхомъ, впоследствии содѣлалось пламеннымъ желаніемъ и неудержимымъ влеченіемъ исповѣдать Христа предъ человѣками и принять за Него мученическую смерть. Впрочемъ хотя желаніе мученичества, обращаясь въ умѣ блаженнаго день и ночь, болѣе и болѣе возрастало, онъ, имѣя въ виду человѣческую немощь, удерживался отъ сего, и отъ всей души просилъ Христа Спасителя открыть ему, есть ли на то воля Его благая, угодная и совершенная, по божественному Апостолу (Римл. 12, 2), и тогда только молилъ утвердить его непоколебимо въ этомъ помыслѣ, укрѣпить желаніе его божественною Своею благодатію, и дать ему силу и дерзновеніе исповѣдать Его Богомъ и человѣкомъ совершеннымъ, творцемъ всего видимаго и невидимаго предъ врагами своей вѣры. Такимъ образомъ желаніе мученичества и память о немъ постоянно были присущи душѣ блаженнаго. Но такъ какъ, по писанному, помышленія смертныхъ боязлива, и погрѣшительна умышленія наша (Прем. Сол. 9, 14), то о намѣреніи и желаніи своемъ онъ объявилъ нѣкоторымъ опытнымъ духовнымъ старцамъ, и смиренно просилъ у нихъ духовнаго ихъ совѣта.— Старцы посоветовали ему размыслить глубже о своемъ намѣреніи, и не устремляться на такой страшный подвигъ, не обдумавъ его зрѣло. Человѣкъ Божій внялъ благому старческому совѣту, и сталъ терпѣливо подвизаться въ постническихъ трудахъ, восходя отъ силы въ силу. Между тѣмъ въ то время совершилъ мученичество преподобномученикъ Евѳимій: подъ этимъ вліяніемъ сердце его еще болѣе разгорѣлось, и желаніе мученичества

въ немъ возрасло. Слыша о мученической смерти и другаго преподобномученика Игнатія, онъ воспламенился опять новымъ огнемъ, и желаніе исполнить святое намѣреніе неимоვნѣрно усилилось. Когда же узналъ блаженный о мученичествѣ и третьяго преподобномученика Акакія, тогда терпѣніе его уже истощилось, въ душѣ его возжегся свѣтлый и великій пламень любви ко Христу, и родилось твердое и непремѣнное намѣреніе принять за Него мученическую смерть.

Впрочемъ надобно замѣтить, что блаженный Манассія всегда показывалъ великое во всемъ разсужденіе: поэтому, не объявляя своего намѣренія другимъ, онъ идетъ въ священный скитъ честнаго Предтечи къ одному славному и искуснѣйшему въ дѣлѣ духовничества духовнику преподобнѣйшему Никифору, — (онъ-то былъ духовнымъ наставникомъ и трехъ упомянутыхъ преподобномучениковъ, счастливо приготовившимъ ихъ на мученіе), — чистосердечно исповѣдуетъ ему свое желаніе, и горячо проситъ его принять себя въ свою келлію, чтобы приготовить его къ мученичеству, какъ сдѣлалъ онъ уже съ другими тремя преподобными. Не откажусь принять тебя къ себѣ, говоритъ ему опытный этотъ духовникъ, но прежде предложу тебѣ нѣкоторыя условія: 1) чтобы никто изъ внѣшнихъ не зналъ объ этомъ; 2) объявляю тебѣ, что свой искусъ и приготовленіе долженъ ты совершить такъ, чтобы еще прежде мученичества подвизался, какбы былъ въ страданіяхъ мученичества. Согласенъ ли на это?—Согласенъ, съ радостію отвѣчалъ блаженный. Получивъ такимъ образомъ столь пламенно желаемое имъ согласіе искуснаго сего духовнаго старца, явился онъ въ свой монастырь, и съ разсужденіемъ распорядился своими вещами: деньги, какія имѣлъ, раздѣлилъ въ милостыню, довольное ихъ количество далъ и монастырю, чтобы онъ доставлялъ должное пропитаніе отцу его; а отецъ его, принявъ на себя иноческій образъ, жилъ вмѣстѣ съ нимъ, и въ то время оставался еще въ живыхъ.

Потомъ святой показываетъ видъ, будто хочетъ идти въ Иерусалимъ для поклоненія святымъ мѣстамъ, и такимъ образомъ скрывается отъ всѣхъ, даже и отъ самого отца своего, идетъ къ сказанному духовнику, и заключается внутри его келліи на условіи, какое они между собою положили.

Итакъ духовникъ, принявъ къ себѣ блаженнаго, помѣстилъ его одного въ отдѣльную келейку, стоящую въ особомъ мѣстѣ отъ главной келліи, далъ ему наставленія, что дѣлать и какъ подвизаться, повелѣлъ одному своему ученику исключительно имѣть о немъ попеченіе, чтобы такимъ образомъ благословенный ни съ кѣмъ другимъ не могъ имѣть никакого общенія, и одинъ молился Богу. Заключившись въ подвижническое это мѣсто, преподобный началъ совершать дивные духовные подвиги: въ первые сорокъ дней заключенія своего онъ вкушалъ пищу иногда чрезъ три, иногда чрезъ два дня, — и то самое малое количество хлѣба и воды, — болѣе ничего (сваренной же хотя и скудной пищи, во все время искуса своего, вкушалъ онъ иногда лишь въ субботы и недѣли), поклоновъ земныхъ полагалъ въ сутки не менѣе трехъ съ половиною тысячъ, а поясныхъ — безъ числа; молитва постоянно пребывала въ устахъ и въ умѣ его; плачь, сокрушеніе и умиленіе были неотлучны съ нимъ, — глаза его были какбы два приснотекущихъ источника слезъ; о бдѣніи же его и упоминать излишне, оно было почти непрерывное; сухояденіе и малояденіе составляли для него наслажденіе и удовольствіе. Но такъ какъ отъ безмѣрнаго поста тѣлесныя силы его истощевались, и онъ ослабѣвалъ для другихъ тѣлесныхъ трудовъ, то, по духовному своему разсужденію, старецъ его сокращалъ и умѣрялъ многодневный постъ, и онъ, какъ истинный сынъ послушанія, непрекословно повиновался во всемъ духовному своему отцу, свято исполняя его волю. Такъ прошло четыре мѣсяца и онъ искусилъ какъ злато въ горнилѣ, отъ возжегшагося въ душѣ его сильнаго пламени

любви Христовой, утвердилось въ немъ рѣшительное желаніе мученичества. Въ это время онъ принялъ на себя великій ангельскій образъ, и изъ Манассіи переименованъ былъ Онуфріемъ.

Послѣ сего, сообразно съ разсужденіемъ, волею, мыслию и благословеніемъ духовнаго его старца и другихъ опытныхъ отцевъ, рѣшено было ему отправиться со Святой Горы въ Хіосъ, и тамъ открыть себѣ поприще мученическихъ подвиговъ. Но такъ какъ по писанію, блази два паче единого, (Екклес. 4, 9), то разсудительный старецъ его далъ ему въ спутники и помощники одного своего послушника, по имени Григорія, родомъ изъ Пелопонеса, мужа дѣятельнаго и въ такомъ дѣлѣ весьма опытнаго; ибо этотъ же разсудительный и почтенный инокъ Григорій былъ уже прежде Онуфрія наставникомъ и сопутникомъ въ Константинополь трехъ упомянутыхъ преподобномучениковъ: Евѡимія, Игнатія и Акакія ¹. Приготовивъ все нужное для пути и взявъ рекомендательныя письма отъ важнѣйшихъ лицъ Святой Горы, Онуфрій и Григорій отправились въ путь, и наконецъ благополучно прибыли въ Хіосъ. Нашедши тамъ все по своему желанію, они много прославляли Бога за благое Его о нихъ промышленіе. Прибывъ сюда въ субботу, 29 декабря, они уединились въ отдѣльной комнатѣ у принявшаго ихъ къ себѣ домохозяина, и семь дней провели въ подвижническихъ трудахъ — въ безмолвіи, молитвѣ, постѣ, слезахъ, въ причащеніи пречистыхъ, животворящихъ Христовыхъ Таинъ, и въ ожиданіи грядущей пятницы, какъ дня святыхъ спасительныхъ страстей Христовыхъ, чтобы блаженному въ сей день предстать въ судилище, исповѣдать доброе исповѣданіе и сдѣлаться причастникомъ Владычныхъ страданій. Въ одну изъ сихъ молитвенно-труженическихъ ночей блаженный Онуфрій видѣлъ слѣдующее утѣшительное видѣніе: очень утрудившись, онъ сѣлъ,

---

¹ См. ихъ жизнеописанія.

и вскорѣ тонкій и легкій сонъ на нѣсколько мгновений успокоилъ утомившіяся его чувства. Забывшись такимъ образомъ, онъ видитъ, будто стоитъ предъ нимъ ликъ іереевъ и архіереевъ и чинъ воиновъ. Ставъ предъ нимъ они говорятъ ему: иди, царь хочетъ видѣть тебя. Благоговѣйный какой-то трепетъ объялъ тогда блаженнаго: для чего, отвѣчалъ онъ имъ съ робостію, хочетъ видѣть меня царь? что я за человѣкъ? и могу ли быть достойнымъ предстать предъ царя? смиренно прошу васъ, если есть способъ и возможность, оставьте меня.—Этого быть не можетъ, отвѣчали ему небесные посѣтители; не медля слѣдуй за нами. Въ соупутствіи сихъ священныхъ чиновъ онъ приходитъ въ нѣкое открытое и обширное мѣсто, облитое неизреченнымъ свѣтомъ и, видя тутъ, на сіяющемъ неизъяснимою красотою тронѣ, сидящаго царя, кланяется ему до земли. Царь, обращаясь къ предстоящимъ, говоритъ: для него готова обитель, и указалъ на другое мѣсто — свѣтлѣйшее. Созерцая это видѣніе, блаженный опомнился, всталъ, и сердце его было полно неземной радости и утѣшенія, и искренней благодарности къ Царю Христу, который милостиво призываетъ его къ Себѣ. Прославивъ Бога, онъ усердно просилъ и небоявленнаго Василя; ибо это была ночь святой его памяти,—да ходатайствуетъ о немъ предъ Богомъ сильными своими молитвами. Очевидно было, какъ чувствовалъ блаженный Онуфрій божественное дѣйствіе духовной теплоты внутрь сердца своего; ибо когда въ слѣдующую ночь, лишь только оставила его эта теплота на нѣкоторое время,—всего его, по причинѣ скрытія божественной благодати, объялъ страхъ и трепетъ, и онъ сказалъ старцу: отче! божественный огонь угасъ въ сердцѣ моемъ,—за что я окаянный потерпѣлъ это несчастіе? За что потерпѣлъ? спрашиваешь, отвѣчалъ ему старецъ:—ты возгордился, и за это скрылась отъ тебя благодать Божія, и вотъ сдѣлаться тебѣ посмѣшищемъ и радостію демоновъ, печалію для анге-

ловъ, и предметомъ глумленія для людей. Увы мнѣ бѣдному! сказалъ тогда святой. Жаль мнѣ трудовъ моихъ, жаль и добрыхъ надеждъ братій: вмѣсто того, чтобъ услышать имъ о новомъ мученикѣ, они услышатъ о вторичномъ отверженцѣ отъ Христа;—несчастный! придешь ли ты въ самага себя? Само собою разумѣется, что всякій изъ насъ можетъ понять, какое блаженный питалъ въ эти минуты расположеніе духа, и въ какую погрузился онъ глубину смиренія. Онъ тотчасъ же упалъ къ ногамъ старца, плакалъ долго, плакалъ горько и неутѣшно, потомъ всталъ на молитву, ручьями проливая слезы, и до тѣхъ поръ молитвенно изливалъ предъ Богомъ въ этой сладкой печали святую свою душу, пока опять не почувствовалъ въ сердцѣ своемъ обычной теплоты; да и самъ старецъ его не окончилъ молитвенныхъ своихъ воздыханій и воплей за ученика своего къ Богу, пока ученикъ смиренно не сказалъ ему: отче! благословенъ Богъ, мнѣ теперь хорошо. Старецъ однако всегда былъ внимателенъ къ ухищреніямъ діавольскимъ. Изъ предосторожности къ нимъ, на разсвѣтѣ, онъ велѣлъ ему просить молитвъ о себѣ у всѣхъ тамъ находившихся, и сынъ послушанія, припадая къ ногамъ ихъ, лобызалъ оныя и просилъ молитвъ за себя, со многимъ смиренномудріемъ. Въ тотъ же день святой одинъ заключенъ былъ въ церкви, которая находилась въ части ихъ жительства. Здѣсь онъ предался всей силѣ молитвы, горячо и со всецѣлою преданностію Господу Богу изливалъ чувствованія своей тоскующей по небесной отчизнѣ души, такъ что эта сладкая его по Бозѣ печаль, великое его умиленіе и сокрушеніе сердца не могли оставаться сокровенными отъ другихъ: онъ сталъ устами вопіять къ своему Создателю и языкомъ выражалъ Ему свою скорбь объ утратѣ имъ первобытнаго достоинства;—ибо отъ избытка сердца уста глаголютъ (Матѣ. 12, 34), говоритъ святое Писаніе. Услышавъ эти его сокрушенные гласы, разсудительный его старецъ, въ то вре-

мя не воспрепятствовалъ ему явно изливать предъ Богомъ печаль души своей, ибо зналъ, что онъ былъ весь возвышенъ и вдохновенъ. Послѣ однако снова употребилъ прежнюю свою въ отношеніи къ нему осторожность, и говорилъ ему: ужели ты не слышалъ заповѣди Господа: да не увѣсть шуйца твоя, что творить десница твоя (Матѳ. 3, 6)? Для чего ты, тщеславный и гордый, дѣлаешь свою молитву гласною? Конечно, не для чего другаго, какъ только для того, чтобы хвалили тебя, что ты благоумилень. Погубилъ ты опять, несчастный, трудъ свой, осмѣялъ тебя духъ гордости. Блаженный, какъ истинный подражатель смиреннаго и кроткаго Іисуса, стоялъ, смотря долу и точа слезы, и кротко, смиренно говорилъ: согрѣшилъ, отче, прости меня, и помолись о мнѣ Богу, чтобы Онъ избавилъ меня отъ сѣтей дьявольскихъ. Такимъ-то образомъ искусный сей старецъ Григорій, наставникъ четырехъ мучениковъ, старался сохранить ученика своего отъ всякаго помысла тщеславія и гордости, и возвестъ его на высоту смиренія, доставить ему способъ низложить отца преисподней и достигнуть въ мѣру святости. Но это изъ многихъ только нѣкоторые примѣры мудраго его водительства другихъ на пути къ смиренію.

Всю ночь съ четвертка на пятницу святой Онуфрій провелъ въ пламенной къ Господу Богу молитвѣ, готовясь, сколько можно, достойно принести Ему въ жертву душу и тѣло свое:— бодрствовалъ съ нимъ и его старецъ. Послѣ утренней службы блаженный Онуфрій приложился къ иконамъ и къ находящимся въ тамошней церкви мощамъ святыхъ, въ числѣ коихъ были и мощи новыхъ мучениковъ, со всѣмъ благоговѣніемъ поклонился и имъ, потомъ приобщился преждеосвященныхъ Христовыхъ Таинъ. За этимъ старецъ его, обривши у него еще съ вечера на головѣ волосы и бороду, одѣлъ его въ приготовленныя для него особыя одежды. Послѣ всего этого Онуфрій, когда землю покрывала еще тьма, вы-

шелъ изъ дому съ однимъ вожатымъ,—ибо въ другое время онъ не бывалъ въ Хіосѣ,—и съ дневнымъ свѣтомъ сынъ свѣта явился посреди того селенія, никому тамъ невѣдомый. На дорогѣ онъ встрѣтился съ однимъ благонамѣреннымъ христіаниномъ, по ремеслу хлѣбникомъ, и объявилъ ему о своемъ намѣреніи. Добрый этотъ христіанинъ доставилъ мученику способъ купить необходимые для него красные башмаки, потомъ ходилъ съ мученикомъ въ христіанскую больницу, въ храмы святой Матроны Хіоградской и Богородицы, именуемой Обрадованной. Святой въ Божіихъ храмахъ съ великимъ благоговѣніемъ лобызалъ святыя иконы, и усердно поклонялся имъ, а въ храмѣ Богородицы отслужили ему даже молебень. По всей дорогѣ, надобно замѣтить, онъ раздавалъ милостыню; когда же вышелъ изъ храма Богородицы,—пошелъ прямо въ Мехкеме. Пришедши сюда, онъ спрашиваетъ о предстоятелѣ этого судилища. На что тебѣ онъ? говоритъ ему чередной стражъ. Имѣю дава ¹, отвѣчалъ ему мученикъ. Есть фетуфа? спрашиваетъ его нечестивецъ. Нѣтъ, говоритъ святой Онуфрій. Такъ ничего и быть не можетъ, говоритъ ему нечестивецъ,—и потому тутъ же прогнали святаго изъ незаконнаго судилища. Не достигнувъ своей цѣли, святой пришелъ въ домъ того добраго христіанина—хлѣбника, и долгое время плакалъ горько, плакалъ съ нимъ по состраданію и тотъ христіанинъ, и наконецъ посоветовалъ мученику идти опять въ Мехкеме, но такъ, чтобы никому ничего не сказывать, а тотчасъ же поднять самому занавѣсъ, отдѣляющій присутствующихъ отъ народа, и такимъ образомъ представиться непосредственно незаконному собору судей.

---

¹ Дава—процессъ тяжущихся о чемъ нибудь лицъ, разсматриваемый низшимъ судебнымъ мѣстомъ; когда же одно изъ тяжущихся лицъ бываетъ недовольно рѣшеніемъ этого мѣста, и желаетъ перенести свое дѣло въ какое нибудь высшее судилище, — переносящему свое дѣло, въ доказательство, что онъ имѣетъ право, дается ему отъ низшаго свидѣтельство,—это фетуфа.

Пришедши туда, святой поступилъ такъ, какъ былъ наученъ, и достигъ своей цѣли: къ счастію его, случились тогда тамъ всѣ аги и аяны, ибо день былъ пятничный.— Святой желалъ дерзновенно исповѣдать Христа Богомъ предъ многими,— и вотъ онъ началъ говорить предъ лицомъ того собора: Назадъ тому 15 лѣтъ я потерпѣлъ опасную рану въ этомъ мѣстѣ, и съ того времени донинѣ обошелъ много различныхъ мѣстъ, а раны своей уврачевать не могъ; наконецъ врачи говорятъ мнѣ: если я не пойду въ то мѣсто, гдѣ былъ пораненъ, рана моя не исцѣлится; поэтому вотъ я пришелъ снова сюда, чтобы излечить ее. Какая же твоя рана, спрашиваетъ его Кади, и чего ты отъ насъ хочешь? Рана моя, отвѣчалъ мученикъ, такого рода: будучи отрокомъ, я, по неразумію своему, отвергся христіанской моей вѣры, и исповѣдалъ вашу; впрочемъ никогда не служилъ ей, но всегда жилъ въ христіанствѣ и по-христіански, находясь въ мѣстахъ христіанскихъ. Потомъ, пришедши въ возрастъ, позналъ я великость содѣланнаго мною зла, чрезъ отреченіе святой своей вѣры и, почитая это отреченіе какбы за нѣкоторую смертную рану души моей, обошелъ многія мѣста, для уврачеванія себя покаяніемъ; но помыслы мои при размышленіи,— сколь великій сдѣлалъ я грѣхъ, отрекшись истинной моей вѣры, и исповѣдавши вашу ложную, никогда не успокоивались. Итакъ, теперь я дерзновенно исповѣдую себя предъ всѣми вами христіаниномъ, проклиная вашу вѣру, и отрицаюсь отъ ней,— и съ этимъ вмѣстѣ бросилъ онъ предъ ними зеленую головную повязку, которой одна часть попала въ лице Кади, а другая Муфти. Нечестивцы, видя такое дерзновеніе святаго, онѣмѣли: одинъ только юный и честолюбивый Эмиръ возревновалъ за зеленую повязку и прежде всѣхъ началъ говорить святому: что ты это дѣлаешь? подними и положи себѣ на голову эту святую вещь. Мученикъ, услыша, что гнусную ту повязку называетъ онъ святою, поэтому по-

воду, какъ преступный тотъ зеленый цвѣтъ, такъ и самаго лжепророка ихъ описалъ такими низкими и поносными словами, какихъ, какъ сказывалъ послѣ Кади одному домашнему своему христіанину, ни уста не могутъ произнести, ни ухо—слышать. Тогда всѣ завопили: человѣкъ этотъ не долженъ жить, и тотчасъ позвали череднаго военного чиновника, чтобы онъ ввергъ его въ темницу, и забилъ ноги его въ мучилищное дерево, пока они не кончатъ своего поклоненія. Когда святой выгнанъ былъ вонъ, одинъ конакчій (гостинникъ) далъ ему двѣ сильныхъ пощечины. Чиновникъ же, по повелѣнію присутствія, тотчасъ взялъ святаго, привелъ его въ темницу муселима, и вложилъ ноги его въ мучилищное дерево. Здѣсь одинъ агарянинъ наговорилъ мученику множество ругательныхъ словъ. Прилучившіеся тогда въ темницѣ христіане спрашивали святаго о имени и отечествѣ его: мученикъ, скрывая истину, чтобы не дать подозрѣнія, что онъ инокъ, отвѣчалъ имъ, что онъ изъ великаго Тернова, а имя ему Матѳей. Между тѣмъ нечестивцы, вышедши изъ мечети, снова побесѣдовали между собою и, всѣ единогласно присудивъ предать святаго Онуфрія смерти, тотчасъ послали за нимъ въ темницу. — Когда онъ приведенъ былъ оттуда, судьи въ немногихъ словахъ спросили его, какъ онъ думаетъ? и такъ какъ увидѣли, что мысль его непреложна, то рѣшили отсѣчь ему голову, а тѣло, — не давши никому снять съ него ни одной одежды, — не смотря на то, что онѣ были новыя, — даже и самую землю, гдѣ канетъ кровь его, взять, и все вмѣстѣ бросить въ море. По силѣ такого рѣшенія вывели его вонъ изъ Мехкеме, и повели на смертную казнь. Пришедши на мѣсто казни, мученикъ избралъ для сего то самое мѣсто, гдѣ былъ обезглавленъ, не за-долго предъ нимъ пострадавшій, святой новомученикъ Марко. Когда Онуфрій преклонилъ здѣсь свои колѣна, поваръ Муселима далъ ему ударъ ножомъ въ горло, и мученикъ, склонивъ впередъ святую

свою главу, упалъ на землю безъ всякаго сотрясенія какого либо тѣлеснаго члена; потомъ другой нечестивецъ, стоявшій съ боку мученика, далъ ему еще два удара ножемъ, и такимъ образомъ препроводилъ святую душу его къ столь возжелѣнному для него и столь пламенно взысканному имъ Іисусу. Такъ совершилъ священный подвигъ мученичества новый сей преподобномученикъ Онуфрій! Это было въ Хіосѣ 1818 года января 4-го, въ день пятничный, въ часъ 9-й дня, на 32-мъ году возраста преподобномученика. На сіе зрѣлище стекло большое множество христіанъ, мужей, женъ и дѣтей, не смотря на то, что объявленіе о событіи не успѣло еще распространиться по всему городу. Когда мученикъ совершилъ свой подвигъ, радость разлилась въ душахъ всѣхъ христіанъ; славная побѣда надъ діаволомъ добропобѣднаго Онуфрія возбудила сладкій духовный трепетъ въ сердцахъ ихъ, а славословіе и благодареніе въ устахъ: всѣ тѣмъ болѣе исполнялись духовнаго радованія, что каждый имѣлъ святое намѣреніе взять что нибудь изъ останковъ мученическихъ для своего освященія; но не продолжительно было это ихъ чаяніе, скоро замѣнилось оно уныніемъ и печалью. Сверхъ всякаго ожиданія увидѣли они, что нечестивцы, по совершеніи казни надъ мученикомъ, рѣшились святыя мощи его тотчасъ же бросить въ море. Нужно было видѣть, до какой степени озлобился князь тьмы противъ мученика за побѣду его надъ нимъ. По рѣшенію наставленнаго имъ мучителя, нечестивцы мученическое тѣло со всѣми на немъ одеждами, немедленно взяли и положили въ большой куль, а чтобы не капала кровь на землю, куль положили въ открытую бочку, выкопали даже и самую землю, гдѣ упало мученическое тѣло, и гдѣ кануло нѣсколько капель святой крови, наполнили этимъ два куля, и все вмѣстѣ положивъ въ лодку, отвезли въ открытое море, и тамъ повергли въ пучину морскую: они не дозволили даже хамаламъ ¹

¹ Хамаль—носильщикъ.

изъ грековъ поднять съ земли святыя мощи, но подняли ихъ сами. Такимъ образомъ не только чего нибудь изъ святыхъ мощей, или изъ одеждъ святаго, либо сколько нибудь персти, на которой лежали святыя останки, окаянные не допустили взять никому изъ христіанъ, но и лодку, въ которую клали мощи, когда бросали ихъ въ море, тщательно вымыли, опасаясь, какъ бы христіане по благоговѣнію къ памяти мученика не стали лобызать въ ней то мѣсто, гдѣ лежали святыя его мощи. А что сдѣлалось со святыми мощами по вверженіи ихъ въ море, мы не можемъ сказать ничего вѣрнаго, а только славимъ славимаго во святыхъ своихъ Бога, и чтимъ друга его и мученика святаго Онуфрія, ежегодно ему празднуемъ, и ходатаемъ его предъ престоломъ Божиимъ имѣемъ непостыднымъ. Молитвами убо и предстательствомъ преподобномученика Онуфрія да сподобимся и мы наслѣдовать царство небесное¹. Аминь.

---

¹ О сихъ четырехъ мученикахъ: Евѣмїѣ, Игнатїѣ, Акакіѣ и Онуфріѣ говоритъ во своихъ письмахъ Святоторець (см. ч. 1, стр. 30): только разсказъ о нихъ переданъ ему превратно и погрѣшительно противъ хронологїи. Духовный старецъ этихъ новыхъ мучениковъ Григорїй, соутствовавшій имъ на страстотерпческіе подвиги, далъ въ нашъ Русскъ частицы трехъ мучениковъ: святаго Евѣмїя, Игнатїя и Акакія, и собственно въ церковь Русскую,— въ греческой же, части двухъ изъ нихъ были еще ранѣе.

**СВЯТЫЕ, ВРЕМЯ ЖИЗНИ КОТОРЫХЪ НЕ ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ
ИСТОЧНИКАМИ, ЗАКЛЮЧАЮЩИМИ ВЪ СЕБѢ ЖИЗНЕОПИ-
САНІЯ ИХЪ.**

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

Ф И Л О Ф Е Я ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ОКТЯБРЯ 21-ГО.

емная отчизна божественнаго Филоѳея, нареченнаго при святомъ крещеніи Теофиломъ, была Хрисополь, что въ Македоніи. Родители его были изъ города Елатіи азіатской. По чувству страха и опасеній со стороны безчеловѣчныхъ турокъ, оставивъ Елатію, удалились они въ Хрисополь, гдѣ скончался отецъ Филоѳея, оставивъ въ сиротствѣ брата его и его самаго. Мать ихъ, проводя скитальческую жизнь въ землѣ чужой, гдѣ не было у ней ни родственныхъ связей, ни пріязни дружества, какъ странница съ своими сиротами, оставалась въ презрѣніи у гражданъ и терпѣла отъ нихъ различныя обиды. Въ такомъ страдальческомъ положеніи, она оплакивала вдовій свой жребій, а дѣти ея—свое сиротство. Въ тогдашнее время турки, при безнаказанности со стороны правительства и при варварскомъ владычествѣ своемъ надъ христіанами, отнимали у нихъ дѣтей, и либо насильно, либо ла-

¹ Изъ *νεδος παραδεισος*.

сками увлекали ихъ въ исламизмъ, дѣлая ихъ такимъ образомъ изъ чадъ божественнаго свѣта чадами тьмы и заблужденій. Въ числѣ прочихъ похищенъ былъ отъ вдовствующей матери и Филоѳеи съ своимъ братомъ, и представленъ къ Амирѣ, который приказалъ ихъ бросить въ темницу. Несчастливая мать, заливаясь слезами, плакала то о дѣтяхъ своихъ и вдовствѣ, то объ убожествѣ и совершенномъ пренебреженіи отъ всѣхъ, и все свое утѣшеніе находила только въ чаяніи милости и заступленія отъ Царицы Небесной, Пресвятой Дѣвы, Маріи Богородицы, къ Которой молитвенно прибѣгала, въ плачѣ и въ страдальческихъ слезахъ поручая Ей какъ себя, такъ въ особенности дѣтей, и умоляя Ее о спасеніи ихъ отъ козней сатанинскихъ и избавленіи отъ плѣна агарянскаго. Молясь съ вѣрою, она была услышана; дѣти ея чудеснымъ образомъ спасены и выведены изъ темницы. Это произошло слѣдующимъ образомъ: въ одну ночь явилась находящимся въ темницѣ дѣтямъ ея Богоматерь въ видѣ ихъ матери, и сказала: встаньте, дѣти мои возлюбленные, и слѣдуйте за Мною. Дѣти вскочили отъ радости: между тѣмъ двери темницы растворились сами собою, и Богоматерь, выведши оттуда дѣтей, привела ихъ въ монастырь (въ городѣ Неаполѣ), посвященный пречистому Ея имени. Это было во время утрени. Приказавши имъ остаться въ этой обители, Она убѣждала ихъ, чтобъ слушались игумена и братію, а въ заключеніе, повелѣвала принять на себя ангельскій образъ. Я, продолжала мнимая мать, спустя нѣсколько времени приду къ вамъ: успѣвайте, дѣти, въ подвигахъ духовной жизни, и прощайте! При этихъ словахъ Она благословила ихъ, и стала невидима. Послѣ утрени, принимая благословеніе отъ игумена, дѣти рассказали ему о случившемся съ ними, — и тотъ, по вдохновенію свыше, понялъ изъ этого, что они выведены изъ темницы чудеснымъ образомъ. Прославляя всемогущество Бога, онъ поручилъ

дѣтей одному изъ своихъ старцевъ для обученія ихъ священному Писанію и правиламъ иноческой жизни. Скоро успѣли они въ духовномъ образованіи, и согласно сердечному ихъ влеченію и побужденіямъ духа, игумень постригъ ихъ въ иночество, и назначилъ имъ должность еkkлeсiаршескую. Безусловное послушаніе, назидательный образъ жизни и видимое преспѣваніе во всѣхъ родахъ добродѣтелей иноческихъ, скоро обратили на нихъ вниманіе всей обители: старцы радовались о нихъ и прославляли Бога. Особенно Теофилъ, нареченный въ ангельскомъ образѣ Филоѳеемъ, отличался безропотнымъ послушаніемъ и дивнымъ смиреніемъ. Между тѣмъ мать Филоѳея, не имѣя никакихъ свѣдѣній о похищенныхъ и отнятыхъ у нея дѣтяхъ, рѣшилась и сама оставить міръ и посвятить себя подвигамъ иноческой жизни. Вслѣдствіе сего она оставила Елатію, и по тайному водительство Промысла, удалилась въ тотъ же городъ Неаполь¹, гдѣ и вступила въ женскую обитель. Тамъ она скоро приняла постриженіе отъ того самаго старца, который постригалъ ея дѣтей, и наречена была Евдокіею. Находясь въ такомъ близкомъ между собою разстояніи, мать и дѣти рѣшительно не знали другъ друга, и въ этой неизвѣстности протекло нѣсколько времени.

Разъ, по случаю храмоваго праздника, въ мужескую обитель, гдѣ подвизался преподобный Филоѳей съ братомъ своимъ, въ числѣ прочихъ монахинь женскаго монастыря, пришла и Евдокія. Когда кончилась божественная литургія, младшій изъ дѣтей Евдокіи, встрѣтивъ своего брата, занимавшагося должностію еkkлeсiарха, случайно назвалъ его вслухъ по прежнему мірскимъ именемъ. При имени Теофила, Евдокія вздохнула, и невольно увлекаемая чувствомъ материнской любви, начала всматриваться въ лица двухъ братьевъ: ея

---

¹ Неаполь или Наніусъ—древній Сихемъ.

сердце билось невыразимо! Не долго могла она удерживаться отъ внутреннихъ волненій и порывовъ материнской нѣжности: Евдокія подошла къ нимъ, назвала каждого изъ нихъ по имени, и когда сами братья въ старческихъ ея чертахъ узнали черты незабвенной матери,—тотчасъ упали въ ея объятія, и сладко плакали, благословляя Бога, соединившаго ихъ едино. На вопросъ ея: когда и какимъ образомъ освободились они изъ плѣна, дѣти отвѣчали: ты сама лучше знаешь это; къ чему же любопытствуешь! Не ты ли, исхитивъ насъ изъ рукъ турковъ, привела сюда? И не ты ли велѣла намъ жить въ сей обители, обѣщаясь придти къ намъ? Мать поняла тайны судебъ Божіихъ: изъ этого убѣдилась она въ особенномъ представительствѣ Божіей Матери, и прославила Ея помощь и дивное спасеніе. На слезы радости и на трогательное свиданіе матери съ дѣтьми ея, собралась вся братія и, слыша чудное происшествіе, торжествовала духовно. Съ того времени Евдокія, оставаясь въ обители, до конца подвижническихъ своихъ дней, служила Богу съ бѣльшимъ противъ прежняго усердіемъ и славилла особенное представительство Богоблагодатной Дѣвы Маріи Богородицы, избавившей дѣтей ея отъ нечестивыхъ турокъ, и мирно отошла ко Господу. По ея кончинѣ, и дѣти ея подвизались въ своей обители, неукоризненно проходя свое званіе, и оставаясь образцомъ подражанія для братства. Между тѣмъ врагъ, всегда завистливый къ подвижническимъ успѣхамъ святыхъ людей и ненавидящій добро, видя Филоею на высотѣ совершенства духовнаго, и не имѣя собственныхъ силъ вредить ему, избралъ орудіемъ своего ратованія и козней одну дѣвицу. Несчастливая, Богъ вѣсть, по какимъ побужденіямъ сердца, вступивши въ женскій монастырь въ число непорочныхъ агницъ Христовыхъ, имѣла свободный входъ въ обитель, гдѣ подвизался Филоею,—такъ какъ настоятель былъ духовнымъ ея старцемъ,—и постоянно встрѣчаясь съ пре-

подобнымъ, плѣнилась его видомъ, возмутилась преступными движеніями плотскихъ страстей, и начала искать удобнаго времени къ приведенію въ дѣйство задуманнаго грѣха. Врагъ съ своей стороны не замедлилъ доставить ей случай къ тому, и бѣдная, въ безстыдствѣ своемъ, рѣшилась не только объясниться въ своей укоризненной страсти къ непорочному Филоѳею, но и насильно влекла его къ исполненію безпутнаго ея желанія. Напрасно божественный Филоѳей напоминалъ ей долгъ ея, обѣты ангельскаго образа, и страшный судъ Божій за подобное преступленіе: она не только не внимала его убѣжденіямъ, но видя его непреклонность, какъ древняго Іосифа, безстыднѣе перваго нападала на него, какъ новая египтянка. Сначала Филоѳей, въ надеждѣ на исправленіе несчастной, скрывалъ отъ всѣхъ укоризненную ея склонность, но въ послѣдствіи, видя опасное ея положеніе, и не довѣряя своимъ собственнымъ чувствамъ въ ратованіи и брани подобнаго рода, вынужденъ былъ открыться во всемъ игумену, убѣждаясь къ тому немало и тѣмъ, чтобъ не могъ и другой кто либо впасть въ искусительныя сѣти женской страсти, и погубить свой постническій трудъ. Слѣдствіемъ сего было то, что несчастную выслали изъ обители, какъ повиную въ соблазнѣ. Между тѣмъ братія, узнавши цѣломудріе Филоѳея, дивились твердости его и прославляли его, какъ новаго Іосифа, устоявшаго противу обольщеній преступной страсти. А божественный Филоѳей, чувствуя съ своей стороны опасность и тлетворныя слѣдствія человѣческой похвалы, рѣшился оставить монастырь. Долго игумень противился его намѣренію; но наконецъ, видя непреклонность его мысли, уступилъ ему. Такимъ образомъ, простившись съ братією, и напутствуемый старческимъ благословеніемъ и любовію, онъ радостно пошелъ, подобно жаждущей лани, на святую Гору Аѳонскую, какъ въ небурное и тихое пристанище. Тамъ, по прибытіи своемъ, онъ прежде всего посту-

пилъ въ число братства Діонисіатскаго монастыря, какъ новоначальный, и всѣ роды послушанія проходилъ съ безусловною готовностію и усердіемъ, такъ что братія и настоятель не могли нарадоваться ангельской его жизни, благодаря Бога за дарованіе имъ такого брата. Протекло такимъ образомъ довольно много времени; Филоѳей, чувствуя необходимость безмолвія послѣ многолѣтнихъ трудовъ послушанія, рѣшился удалиться въ какую нибудь изъ сосѣдственныхъ пустынь. Чтобъ не было со стороны обители препятствія къ исполненію давняго и сердечнаго желанія, онъ притворился глухонѣмымъ, слѣдствіемъ чего и было то, что ему позволили вести себя такъ, какъ угодно было ему самому. Тогда-то, удалившись изъ обители, онъ погрузился въ невозмутимую тишину пустыни, отстоявшей на шесть стадій отъ обители, и исключительно посвятивъ себя молитвеннымъ подвигамъ, хранилъ строгій постъ, часто по цѣлой недѣлѣ ничего не вкушалъ, а если и вкушалъ когда, то лишь хлѣбъ съ водою. При такихъ подвигахъ и строгихъ лишеніяхъ плоти, какъ и прежде, онъ не избѣгъ упорной брани и искусовъ завистливаго сатаны, который, не надѣясь увлечь его въ сѣти адскаго своего ловительства обыкновенными средствами, рѣшился ринуть его со скалы въ пропасть, и такимъ образомъ положить конецъ его подвигамъ. Для этого сатана принялъ жалкій видъ человѣка, потерпѣвшаго кораблекрушеніе. Явившись на одной изъ сосѣдственныхъ прибрежныхъ скалъ, онъ жалобно кричалъ и умолялъ преподобнаго сойти и помочь ему въ бѣдственномъ его положеніи. Не подозрѣвая тайныхъ покушеній врага, преподобный, тронутый несчастіемъ мнимаго человѣка, спустился къ нему, желая знать, чего онъ хочетъ, и едва только приблизился къ нему на отвѣсный край скалы, сатана ринулъ его въ пропасть, но не успѣлъ въ своемъ чаяніи. Богъ сохранилъ раба своего совершенно невредимымъ. Вслѣдъ за тѣмъ напали было на преподобнаго разбойничавшіе на

морѣ турки: при видѣ ихъ, ученики святаго (ихъ было трое) въ испугѣ скрылись въ лѣсъ, а преподобный, безъ смущенія и боязни оставаясь въ кельи, перекрестился, воздѣлъ руки свои къ небу, и молилъ Господа, чтобъ Самъ Онъ, спасшій Израиля отъ рукъ Фараона, спасъ и его съ учениками отъ разбойническаго нападенія. Едва только кончилъ онъ молитву свою, море разыгралось, и турки, видя опасность своихъ кораблей, готовыхъ разбиться о прибрежныя скалы, бросились на нихъ, и скрылись изъ виду. Снова спасенный такимъ чуднымъ образомъ отъ опасности, преподобный Филоѳей усерднѣе прежняго подвизался съ учениками, и такъ угодилъ Богу своею строгою жизнію, что удостоился наконецъ дара прозорливости. Однажды въ Ватопедѣ, на праздникѣ, за литургіею, святой во время великаго выхода увидѣлъ ворона, кружившагося надъ однимъ изъ служившихъ іеромонаховъ: изъ этого онъ понялъ, что несчастный служитель олтаря недостойно совершаетъ божественное свое служеніе. Преподобный кротко замѣтилъ іеромонаху о чрезвычайной важности іерейскаго служенія, и наконецъ убѣждалъ его оставить священнодѣйствіе, что тотъ и принялъ со смиреніемъ. Такимъ образомъ дивный Филоѳей, постоянно возвышаясь по степенямъ подвижничества къ совершенству духовной жизни, наконецъ достигъ глубокой старости, и мирно почилъ смертнымъ сномъ, будучи 84-хъ лѣтъ отъ роду. Когда насталъ часъ праведнической кончины, преподобный строго запретилъ ученикамъ погребать его тѣло, велѣлъ бросить оное съ безчестіемъ въ лѣсъ на расхищеніе и въ снѣдь звѣрямъ и птицамъ, что ученики и исполнили въ точности по смерти его. Но Богъ, прославляющій святыхъ своихъ и возвышающій смиренныхъ, не допустилъ его мощамъ оставаться въ безвѣстности и униженіи. Одинъ старецъ, занимаясь рыболовствомъ, остался переночевать на морѣ. Только предъ утромъ вдругъ видитъ въ лѣсу чрезвычайный свѣтъ: при-

нявши это за обыкновенный свѣтъ отъ разведеннаго огня, онъ пошелъ туда для того, чтобъ погрѣться. Но каково было его удивленіе, когда онъ, вмѣсто огня, находитъ головной черепъ, уложенный на разсыпавшихся костяхъ, отъ котораго исходилъ удивительный свѣтъ и сіяніемъ своимъ озарялъ сосѣдственныя мѣста! Пораженный чудомъ, онъ сначала затрепеталъ и хотѣлъ удалиться оттуда; но потомъ ободрился, палъ предъ смертными останками невѣдомаго угодника, такъ дивно прославленнаго по смерти Богомъ, и взявши ихъ, удалился въ свою келью, съ тѣмъ, чтобъ такое безцѣнное сокровище скрыть у себя. Однакожъ Богу не угодно было это. Въ слѣдующую же ночь старецъ видитъ во снѣ преподобнаго Филоея, который грозно приказалъ ему немедленно отдать главу ученикамъ его, что старецъ тогда же и исполнилъ, рассказывая имъ о видѣнномъ имъ чудѣ. Какъ божественный даръ, какъ залогъ старческихъ молитвъ и благословенія свыше, ученики приняли главу преподобнаго своего учителя и, прославляя Бога, такъ прославляющагося во святыхъ своихъ, просили его помощи и содѣйствія къ достойному хожденію по стопамъ дивнаго старца. Преподобный Филоей скончался 21 дня октября, и нынѣ наслаждаясь нескончаемымъ блаженствомъ во свѣтлости святыхъ, немолчно славословитъ святую Троицу, Ей же и отъ насъ подобаетъ слава и поклоненіе во вѣки. Аминь.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

СҮМЕОНА БОСАГО,

НОВАГО ЧУДОТВОРЦА ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО АПРѢЛЯ 19-ГО.

Нреподобный Сүмеонъ происходилъ изъ духовнаго званія. Отець его Андрей былъ священникомъ. Поэтому родители его, бывшіе духовнаго званія, сами не упустили изъ виду дать своему сыну приличное воспитаніе. Когда Сүмеонъ достигъ возраста отроческаго, его отдали въ училище, гдѣ, при прекрасныхъ дарованіяхъ, онъ скоро оказалъ быстрые успѣхи, такъ что всѣ дивились и радовались, видя это. Когда же Сүмеонъ достигъ 15-лѣтняго возраста, епископъ Димитріады Пахомій, находившійся подъ вѣдѣніемъ Лариской епархіи, взялъ его къ себѣ: отъ него внослѣдствіи Сүмеонъ удостоенъ былъ и монашества и іеродіаконства. Впрочемъ онъ не долго пробылъ при епископѣ: мысль влекла его къ безмолвію и уединенію, и онъ удалился оттуда въ предѣлы горы Олимпійской, въ монастырь, такъ называемый *’Οικονόμισον* близъ Киссары. Тамъ онъ посвятилъ себя всей строгости иноческой жизни и подвигамъ безмѣрнымъ. Чтобъ плоти не дать покоя, и непорядочнымъ движеніямъ страстей—

¹ Изъ книжки заключающей въ себѣ только службу сему преподобному и жизнь его, и изданной печатью въ Смирнѣ 1646 года.

силы, онъ на ложе свое клалъ камни, и такимъ образомъ погружался въ малый и несладкій сонъ для того только, чтобъ подкрѣпить плоть и не разстроить умственныхъ силъ. Съ Олимпійской горы святой Сѹмеонъ перешелъ на Аѳонскую и вступилъ въ братство лавры святаго Аѳанасія. Высокая жизнь его и чрезвычайные подвиги скоро обратили на него вниманіе настоятеля лавры и братій, по волѣ которыхъ онъ былъ рукоположенъ во іерея. Здѣсь будучи еще на степени іеродіакона, разъ святой Симеонъ выказалъ особенную черту смиренной высоты души своей. Нѣкто изъ братій, желая испытать его, однажды шутя сказалъ ему въ церкви: какъ красивы, діаконъ, твои волосы! Святой Сѹмеонъ, дабы не дать претыканія брату, въ то время промолчалъ; но пришедши въ келью, тотчасъ остригъ свои волосы и, встрѣтивъ потомъ брата того, отдалъ ихъ ему и сказалъ: возьми, братъ, мои волосы, — они тебѣ очень нравятся. Братъ устыдился, не ожидая этого оборота дѣла; а другіе, видя такой поступокъ діакона, съ удивленіемъ хвалили его.

Спустя не много времени, Симеонъ изъ лавры перешелъ въ обитель Филоѳеевскую. Здѣсь, проходя послушанія монастырскія съ прочими братіями, онъ нетолько не оставилъ строгости прежней своей жизни, но еще усугубилъ ее. Братія Филоѳеевская, видя безмѣрные его подвиги, невольно исполнялась чувствомъ уваженія къ нему, и многіе изъ братій старались по возможности подражать ему. По прошествіи же нѣкотораго времени, братія по благоговѣнію, какое онъ возбуждалъ въ нихъ, просили его быть ихъ руководителемъ въ шествіи къ небеснымъ радостямъ. Но святой Симеонъ, по своему смиренію, рѣшительно отказался отъ такого бремени, и только уже послѣ многихъ и усиленныхъ прошеній и моленій согласился принять въ руки свои жезлъ настоятельской. Ставъ на сей священной степени, и сдѣлавшись по сему образомъ и примѣромъ для другихъ, онъ возвысилъ мѣру

поста, молитвы, воздержанія и другихъ богоугодныхъ подвиговъ. Всѣ радовались и благодарили Бога, пославшаго имъ такого путеводителя и пастыря, и особенно потому, что онъ ни одинъ день не оставлялъ своей паствы безъ душеполезныхъ наставленій и благихъ увѣщаній.

Но ненавистникъ добра, завистливый діаволь, постоянный врагъ спасенія человѣческаго, не могъ терпѣть богоугодной жизни святаго Симеона, которая имѣла столь благодѣтельное вліяніе на всю братію. Поэтому своими хитрыми, адскими внушеніями и убѣжденіями успѣлъ онъ возмутить многихъ, слабыхъ душею братій, противъ сего наставника и попечителя о загробной ихъ участи. Святой, видя непріязнь къ себѣ своихъ подчиненныхъ, терпѣлъ и молился, пытался и убѣждать ихъ: но убѣжденія его оставались безъ дѣйствія,—и онъ снова терпѣлъ и молился. Наконецъ злоба ихъ, раздуваемая исконнымъ нашимъ врагомъ, достигла послѣднихъ предѣловъ. Святой, видя совершенное ихъ окаменѣніе и ожесточеніе въ злобѣ противъ него, далъ мѣсто непріязни, и удалился отъ своей ожесточившейся паствы.

Оставивъ филоѳеевскую обитель, святой Симеонъ прибылъ на гору Фламурія, смежную съ Загорою. Первая его жизнь здѣсь превышаетъ всякое удивленіе; она была совершенно безплотная—ангельская. Въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ онъ имѣлъ своимъ убѣжищемъ и пристанищемъ одну яблонь. Всякій можетъ судить, велика ли такая защита противъ безмѣрной стужи во время зимы и нестерпимаго зноя солнечнаго во время лѣта, также противъ напора вѣтровъ, дождей и снѣговъ, когда онъ къ тому жъ, будучи босъ, едва едва прикрывалъ наготу свою одною только, и то ветхою одеждою. Постелью ему для полученія хотя малаго уснокоенія многотруднаго тѣла служила земля, огня онъ не зажигалъ,—два великихъ свѣтила день и ночь проливали для него свѣтъ и теплоту, если только послѣднюю можно получать

отъ ночнаго свѣтила. Ко всему этому присовокупите днемъ и ночью молитвенныя стоянія и колѣнопреклоненія, брань внутреннюю и внѣшнюю, воздвигаемую врагомъ всякаго добра, постъ, или лучше сказать, совершенное почти лишеніе себя пищи, ибо онъ, подобно птицамъ небеснымъ, не зналъ ни посѣвовъ, на собираній въ житницы. Этому мы должны только благоговѣнно дивиться и славить Бога, укрѣпляющаго и хранящаго рабовъ своихъ въ подвигахъ во славу Его.

По прошествіи трехъ лѣтъ такихъ его подвиговъ, нѣкоторые боголюбцы нашли его, дивились этой чрезвычайной строгости его жизни, благоговѣли предъ нимъ и, уязвившись любовію къ нему, рѣшились остаться при немъ. Не вдругъ святой принялъ ихъ въ сожитіе къ себѣ, но долго отклонялъ ихъ отъ намѣренія. Когда же, и послѣ многихъ со стороны его увѣщаній и прекословій, они оставались непреклонны и изъявляли твердое и рѣшительное желаніе переносить всякую тѣсноту жизни подвижнической, онъ оставилъ ихъ при себѣ. Для упокоенія ихъ, онъ на первый разъ сдѣлалъ имъ соломенные каливы. Впослѣдствіи къ нимъ пришли еще двое, и ихъ составилось 7 человекъ. Тогда онъ сталъ заботиться о пропитаніи своей братіи, и потому дѣлалъ небольшіе хлѣбные посѣвы. Послѣ сего, такъ какъ скоро прошла о немъ молва по всѣмъ окрестностямъ, начали уже приходиться къ нему многіе, — одни для того, чтобъ видѣть его, а другіе изъявляли желаніе раздѣлить съ нимъ трудный голгоетскій путь къ небу. По прошествіи 7-ми лѣтъ, святой Симеонъ построилъ небольшую церковь во имя святыхъ Троицы, гдѣ и совершалъ ежедневно божественную литургію. Потомъ пришли къ нему іереи и діаконы, и были ему помощниками въ священнослуженіи. Такимъ образомъ святой Симеонъ мало по малу составилъ киновію. Устроивъ въ возможно-удовлетворительной степени братію свою, онъ рѣшился посвятить себя апостольскому служенію. Съ этою цѣлію про-

шелъ онъ весь Эпиръ и всю Θεссалію. Вездѣ проповѣдуя слово Божіе, святыи колеблющихся въ вѣрѣ утверждалъ, сомнѣвающихся увѣрялъ, предавшихся разврату отклонялъ отъ пути погибели, твердыхъ въ вѣрѣ подкрѣплялъ, всѣхъ и каждаго убѣждалъ любить другъ друга, не предаваться чародѣйству, чтить воскресные и праздничные дни славословіемъ и посѣщеніемъ храмовъ Божіихъ. Путешествіе святаго по этимъ мѣстамъ было весьма нужно; ибо большая часть жителей ихъ, по причинѣ оскудѣнія просвѣщенія, были крайне грубы. Съ врачевствомъ для душъ и тѣлесъ святыи явился также и въ древній городъ философовъ— Аѳины. Аѳиняне приняли его съ великимъ благоговѣніемъ. Даже и архіерей того времени Лаврентій, обошелся съ нимъ ласково и почтительно. Здѣсь онъ каждый праздникъ и воскресный день отверзалъ свои уста для наставленія христіанъ. Врачуя много различныхъ болѣзней, исцѣлилъ онъ тамъ и одного бѣсноватаго. Изъ Аѳинъ Симеонъ перешелъ въ Еврипъ. И здѣсь также изъ устъ его обильно лили съ поученія къ народу о благочестіи, и сѣянное имъ слово Божіе не было безплодно: христіане съ усердіемъ притекали къ нему и, исповѣдуясь, исправляли свою жизнь; ибо ученіе свое святыи подтверждалъ и чудесами. Поэтому всѣ христіане питали къ нему величайшее благоговѣніе, и имя его носилось на устахъ всѣхъ, такъ что онъ былъ почти единственнымъ предметомъ бесѣдъ ихъ.

Тогда противники христіанской вѣры—турки, видя великое дерзновеніе святаго и благоговѣніе, оказываемое ему христіанами, и подстрекаемые завистію, оклеветали его предъ Аяномъ (градоначальникомъ) Еврипа. Они ложно доносили, что пришедшій сюда одинъ христіанскій іерей ежедневно учитъ турокъ и убѣждаетъ ихъ сдѣлаться христіанами, поносить славную нашу вѣру, нарицая ее ложною и исполненною заблужденій. Отъ этого настoitъ опасность, какбы турки не сдѣлались греками. Услышавъ такой доносъ, Аянь

немедленно послалъ своихъ кавасовъ схватить преступника и, связавъ его, привести на базарную площадь для публичнаго сожженія. У турокъ за исполненіемъ дѣло не стоитъ. Обвиняемый тотчасъ же, безъ дальнихъ изслѣдованій, былъ представленъ на мѣсто казни. Когда собирали дрова, тогда и святой, будучи въ оковахъ, подобно другимъ, старался класть въ кучу дрова. Видя это, державшій его за цѣпь говорилъ ему: дрова эти собираются для тебя, ибо вышло повелѣніе Аяна сжечь тебя; слѣдовательно ты заботишься о своей смерти. Святой: я съ своей стороны отъ души желаю этого, и если есть на то воля Божія,— жгите меня. Услышавъ этотъ разговоръ одинъ арабъ и нѣкоторыя женщины, немедленно пошли къ матери Аяна и просили ее всевозможными средствами освободить святаго отъ смерти. Мать, движимая чувствомъ состраданія къ невинности святаго, тотчасъ явилась къ сыну своему, и говоритъ: сынъ мой! что ты хочешь дѣлать? какой вредъ тебѣ причинилъ этотъ человѣкъ? для чего ты хочешь взять на себя этотъ грѣхъ? Аянь: что за грѣхъ будетъ мнѣ, если я умерщвлю порицателя нашей свѣтлой вѣры и совратителя нашихъ правовѣрныхъ въ греческую вѣру? Мать ему на то: все это, сынъ мой, ложь и сущая неправда и клевета: если же ты сдѣлаешь ему какое нибудь зло, я предамъ себя смерти.— Ступай на свое дѣло, и не безпокойся о томъ, что тебя не касается, важно отвѣчалъ сановный сынъ своей матери. — Но бойся сдѣлать какое либо зло этому человѣку; я тебя увѣряю, что все сказанное тебѣ о немъ ложь, и потому, если хочешь узнать истину, позови его къ себѣ на домъ, и подробно распроси самого о дѣлѣ,—значительно еще замѣтила мать сыну, и вышла. По уходѣ ея, соправители Аяна разсудили: а вѣдь хорошо говоритъ госножа наша, твоя мать, ефенди. Приведи обвиняемаго сюда, и допроси его самъ, и по отвѣтамъ его уже дѣлай надъ нимъ судъ, какой опредѣляетъ нашъ законъ.

Тогда посланъ былъ человѣкъ на мѣсто казни,—и приговоренный къ смерти былъ представленъ въ оковахъ предъ свѣтлыя очи ефенди. Его свѣтлость, увидѣвъ святаго босымъ и почти нагимъ,—ибо онъ покрытъ былъ одною только ветхою ряскою,—неволью почувствовалъ къ нему благоговѣніе и потому ласково сталъ говорить ему: я слышу, будто ты хочешь отвлечь насъ отъ нашей вѣры и сдѣлать насъ греками,—правда ли это? Я, господинъ, учу христіанъ дѣлать то, что повелѣваетъ намъ священное Евангеліе. Аянъ: а что говорить евангеліе?—Святой: повелѣваетъ не красть, не исполнять нечистыхъ пожеланій плоти, не желать ничего чужаго, любить другъ друга, отдавать кому слѣдуетъ царскія дани, держать твердо вѣру свою, чтить воскресные и праздничные дни; ибо воскресный день есть первый день, въ который началъ Богъ созиданіе міра, и въ сей же день воскресъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и потому мы, какъ христіане, непременно должны чтить Владыку нашего въ день сей. Аянъ еще спросилъ: въ пятницу ли Богъ создалъ міръ, или въ воскресенье? Святой: въ воскресенье Онъ началъ твореніе, а въ пятницу кончилъ; въ пятницу же Евреи распяли Христа, а въ воскресенье Онъ воскресъ.

Такимъ образомъ Аянъ, не нашедши въ святомъ ничего достойнаго смерти, повелѣлъ развязать его и дать ему совершенную свободу. Освободившись отъ узъ, святой сталъ всюду съ бѣльшимъ дерзновеніемъ проповѣдывать слово Божіе. Черезъ нѣсколько послѣ сего времени онъ посѣтилъ обитель свою на горѣ Фламурийской. Можно ли выразить радость паствы горячо любившей своего пастыря и столь долго съ нимъ разлученной?—Но пребываніе отца съ любящими его дѣтьми не было продолжительно: святой, устроивъ всѣ дѣла въ своей обители, снова оставилъ ее, и прибылъ въ Константинополь, гдѣ весьма ласково былъ принятъ тогдашнимъ патріархомъ константинопольскимъ.

Токъ благочестивыхъ ученій и здѣсь неизсякаемо струился изъ медоточныхъ устъ его,— и не вотще. Многіе текли къ нему и, исповѣдуя грѣхи свои, исправляли свою жизнь. А многіе, оставляя міръ и яже въ мірѣ, просили у него ангельскаго образа, поручая ему себя въ совершенное послушаніе; и онъ всѣхъ, желающихъ носить легкое иго Христово, принималъ и посылалъ въ свою киновію. А надобно сказать, что многіе, движимые славою имени его и любовію къ нему, отъ всюду приходили, всюду слѣдовали за нимъ, и пламенно желали принять отъ руки его иноческій ангельскій образъ. Съ великою для многихъ пользою пробывъ нѣкоторое время въ Константинополѣ, онъ наконецъ здѣсь мирно отшелъ въ небесныя селенія, за многіе труды и подъятыя имъ на земли подвиги, наслаждаться уготованными ему тамъ благами, вмѣсто оставленныхъ имъ благъ міра сего. Святое же тѣло его самъ патріархъ со своимъ священнымъ синклитомъ съ честію похоронилъ въ Халкахъ въ храмѣ Пресвятыя Богородицы.

По истеченіи 2-хъ лѣтъ послѣ погребенія святаго, иноки обители фламурійской прибыли въ столицу по своимъ монастырскимъ дѣламъ. Исправивъ ихъ, при своемъ отбытіи изъ ней, они рѣшились перенести мощи своего отца въ свой монастырь, и испросили на то позволеніе мѣстнаго начальства. Итакъ, изготовивъ для святыхъ мощей приличный ковчегъ, они открываютъ гробъ святаго. Но лишь только былъ онъ открытъ, тотчасъ же всѣ присутствующіе облагоухались райскимъ ароматомъ,— и потекли цѣльбоносныя чудеса отъ одного только прикосновенія къ святымъ мощамъ. Такъ, одинъ ремесленникъ—канатчикъ, страдавшій трудною и опасною болѣзнію, состоявшею въ томъ, что съ кашлемъ выходила изъ внутренности его мокрота густая и зловонная, отдалявшая отъ него всѣхъ,— лишь только облобызалъ главу преподобнаго,— о чудо!—токъ этого зловонія прекратился. Тогда всѣ находившіеся тамъ, видя преславное это чудо, вѣрные и не-

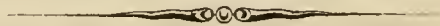

вѣрные воззвали громогласно: Господи помилуй! Исцѣлѣвшій же, прославляя Бога, не преставалъ благодарить Его угодника, и въ благодарность за свое исцѣленіе, полученное имъ отъ главы святаго, устроилъ для ней превосходную раку. Послѣ сего монахи, взявъ священные останки своего отца, принесли ихъ въ свой монастырь. Съ того времени слава о чудодѣйственной силѣ мощей святаго прошла во все мѣста, гдѣ онъ ходилъ и училъ.

Скажемъ еще объ одномъ изъ безчисленныхъ чудесъ, бывшихъ отъ мощей сего преподобнаго. Иноки обители его, отправляясь для сбора милостыни, по обыкновенію здѣшнихъ монастырей, взяли изъ священныхъ останковъ святаго, въ небольшомъ ковчегцѣ, палецъ, и во время пути носили его съ собою. Бывъ въ крѣпости орейской, они встрѣтили больного, страдавшаго чрезмѣрною опухолью во всехъ членахъ тѣла. Лишь только онъ услышалъ о носимой ими святынь, умолялъ ихъ оказать ему помощь въ страдальческомъ его положеніи. Иноки, какъ дѣти отца, ставившаго любовь къ ближнему верхомъ всехъ добродѣтелей, и всю свою жизнь съ неимовѣрною ревностію трудившагося для блага ближняго, охотно склонились на моленіе несчастнаго. Они пришли въ домъ его и совершили водоосвященіе, — ибо при нихъ былъ и іерей. По окончаніи водоосвященія, больной лишь только облобызалъ святыя мощи и напился святой воды, тотчасъ же освободился отъ своей неизлѣчимой болѣзни; ибо въ то же время излилась изъ него зловонная матерія, спала опухоль, и весь организмъ пришелъ въ естественное свое положеніе. Исцѣлѣвшій, въ живой признательности къ Богу, остальную свою жизнь, какъ очевидный даръ Божій, рѣшился посвятить Ему; поэтому, немедленно оставивъ міръ, онъ принялъ на себя иноческій образъ, имѣніе же свое отписалъ монастырю своего цѣлебника. Когда и другіе узнали о чудотворности святыхъ мощей, тотчасъ стали жертвовать монастырю, вся-

кій по своему усердію и состоянію, а нѣкоторые пожертвовали ему даже и недвижимыя имѣнія,— и такимъ образомъ для монастыря составился метохъ, которымъ онъ владѣетъ и донынѣ.

Таковы чрезвычайныя подвиги святаго Сѹмеона! Будемъ по своимъ силамъ подражать ему въ своей жизни, если не въ состояніи вполнѣ достигнуть того безстрастія, какого достигъ онъ: да за лишеніе здѣсь благъ видимыхъ, временныхъ, удостоимся вечерять на трапезѣ Агнца непорочнаго и пречистаго Христа во царствіи Его. Ему слава и держава всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ ГАВРИИЛЪ ИВЕРСКІЙ ¹.

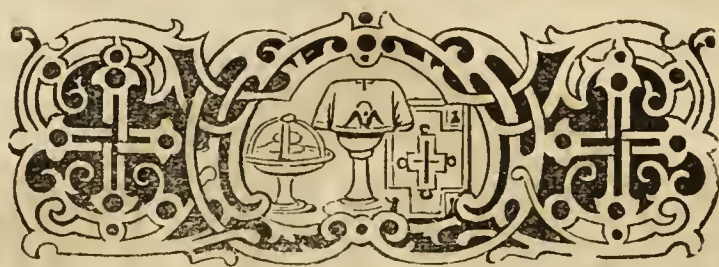
ПАМЯТЬ ЕГО МАЯ 13-ГО.

нъ былъ родомъ изъ Грузіи (Иверіи), отшельнически подвизался въ предѣлахъ Иверской обители, и за высоту своей жизни удостоился услышать божественный гласъ, повелѣвавшій ему сойти съ неприступныхъ высотъ, гдѣ онъ подвизался, на море, и принять съ онаго чудотворную икону Госпожи Богородицы Портаитиссы ².

¹ Изъ *Ακολουθία τῶν ἁγιορείτων Πατέρων*.

² Какъ о сей, такъ и другихъ чудотворныхъ аѳонскихъ иконахъ мы не говорили здѣсь пространно, потому что сказали о нихъ въ особой повѣсти собственно о всѣхъ аѳонскихъ чудотворныхъ иконахъ. См. книгу подъ названіемъ: Вышній покровъ надъ Аѳономъ.

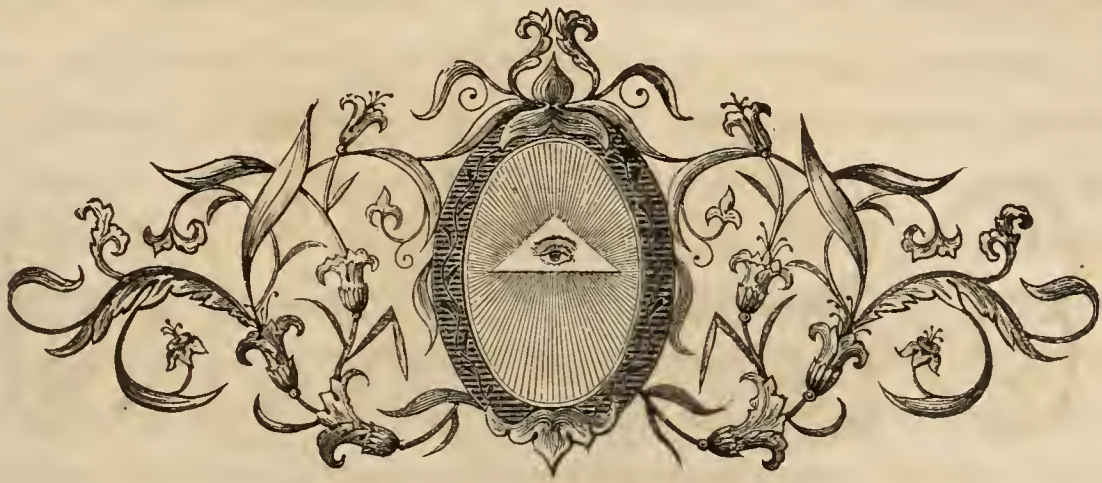
ПРЕПОДОБНЫЙ ГЕННАДІЙ ВАТОПЕДСКІЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО НОЯБРЯ 17-ГО.

Нреподобный отецъ нашъ Геннадій въ славной обители Ватопедской проходилъ должность дохіара, и во время своей службы удостоился видѣть слѣдующее чудо: въ одинъ годъ во время его служенія случился недостатокъ въ маслѣ, такъ что въ запасѣ оставался уже только одинъ сосудъ съ съ нимъ. Преподобный, желая сохранить эти остатки для церковныхъ лампадъ, не сталъ болѣе давать масла братіи. Но игумень обители, твердо уповая на помощь Богоматери, имени которой посвящена обитель, велѣлъ ему отпускать масло. Дохіаръ повиновался волѣ своего игумена. Въ одинъ день, когда святой Геннадій вошелъ въ дохіарную въ чайніи найти бывший съ масломъ сосудъ пустымъ, увидѣлъ его полнымъ, такъ что масло даже переливалось чрезъ края сосуда, и текло вонъ изъ дверей дохіарной. Тогда всѣ прославили Бога и Пресвятую Богородицу, такъ матерински заботящуюся о своихъ чтилеляхъ, и отъ души возблагодарили Ее предъ Ея святою иконою, въ то время тамъ, въ дохіарной, стоявшею. (Икона сія и теперь находится въ дохіарной).

¹ Изъ νέον λειμονάριον.

ПРЕПОДОБНЫЙ НЕОФИТЪ
ПРОСМОНАРІЙ ВАТОПЕДСКІЙ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ЯНВАРЯ 21-ГО.

Преподобный этотъ отецъ нашъ Неофитъ просіялъ тоже въ обители ватопедской. Нѣкогда будучи на одномъ метоухѣ по дѣламъ монастырскимъ, онъ тяжело заболѣлъ и близокъ уже былъ къ смерти: тогда съ теплою молитвою обратился къ Богоматери, чтобы Она даровала ему здравіе, и, — о чудо! — вдругъ слышитъ онъ отъ иконы Богородицы гласъ, что ему дается еще годъ, чтобы въ продолженіе сего времени надлежащимъ образомъ приготовиться къ исходу изъ настоящей жизни. Получивъ такимъ образомъ здравіе, онъ возвратился въ монастырь. По окончаніи года, въ одинъ недѣльный день, приготовляясь къ приобщенію святыхъ Христовыхъ Таинъ, онъ снова услышалъ отъ иконы Богоматери гласъ, что приспѣло уже время исхода его изъ этой жизни. Что и исполнилось; ибо за приобщеніемъ Христовыхъ Таинъ послѣдовалъ мирный исходъ его ко Господу.

¹ Изъ *νόες Παράδεισος*.

ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦЪ НАШЪ

А Г А П І Й ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО МАРТА 1-ГО.

Преподобный Агапій былъ послушникомъ одного добродѣтельнаго старца, безмолвствовавшего въ Ватопедскомъ скитѣ Колицѣ: теперь скитъ этотъ не существуетъ. Въ одно время вышелъ онъ на море помыть свои одежды, а тамъ случились агаряне: они тотчасъ взяли его и, увезши съ собою, продали въ Магнезїи одному тоже агарянину, у котораго святой находился 12 лѣтъ въ оковахъ, и ежедневно работалъ съ усердіемъ. Съ полною вѣрою и горячими слезами день и ночь молился Агапій Госпожѣ Богородицѣ, скорой всѣмъ съ вѣрою прибѣгающимъ къ ней помощницѣ, дабы Она, какъ Сама знаетъ, освободила его отъ горькаго этого плѣна и тяжелой работы. Вняла наконецъ Всемиловитая моленіямъ раба своего. Въ одну ночь, явившись ему во снѣ, Она велитъ ему идти безъ всякаго страха къ своему старцу.

¹ Изъ *αἰὼς Παράδεισος*.

О чудо! — пробудившись, Агапій видитъ, что цѣпи съ него спали, и двери были отверзты. Тогда святой понялъ, что это сдѣлано чудодѣйствіемъ Богородицы, и потому тотчасъ же безъ всякаго препятствія, вышедши изъ дома агарянина, прибылъ на Святую Гору къ своему старцу. Но старецъ этотъ, увидѣвъ его, опечалился, ибо думалъ, что онъ тайно убѣжалъ отъ своего господина, и сказалъ ему: Чадо! агарянина ты обманулъ, но Бога никто и никогда не обманетъ; въ часъ всеобщаго суда ты долженъ будешь отдать отвѣтъ за тѣ сребренники, которые истратилъ твой господинъ на покупку тебя, чтобы имѣть тебя помощникомъ себѣ въ своихъ нуждахъ: поэтому, если ты истинно желаешь себѣ спасенія, иди назадъ къ своему господину и служи ему. Поступивъ такъ, ты будешь истиннымъ рабомъ Божиимъ и вѣрнымъ Его служителемъ; когда же Богъ просвѣтитъ господина твоего, онъ самъ дастъ тебѣ отпускъ. Любящій Бога и Богомъ возлюбленный Агапій, принявъ эти слова старца своего, какъ отъ Бога, возвратился къ купившему его. Агарянинъ, неожиданно увидѣвъ его, удивился. Какъ онъ ушелъ отъ него и почему возвратился? спрашивалъ его варваръ. Тогда святой подробно объяснилъ ему все дѣло. Удивился и даже изумился варваръ добродѣтели Агапіева старца и высотѣ святой христіанской вѣры, а съ тѣмъ вмѣстѣ смягчилась отъ умиленія и зачерствѣлая душа его. Скоро, взявъ съ собою Агапія и двухъ сыновей своихъ, пришелъ онъ на Святую Гору къ старцу Агапіеву, и требовалъ отъ него себѣ и дѣтямъ своимъ крещенія. Бывъ надлежащимъ образомъ утверждены въ вѣрѣ Христовой, варвары эти были крещены, а послѣ того приняли на себя и ангельскій образъ, и богоугодно поживъ въ добродѣтельномъ подчиненіи сначала старцу Агапіеву, а по смерти его Агапію, отошли въ царствіе небесное радоваться съ прочими преподобными отцами во Христѣ Иисусѣ, Которому подобаетъ честь и поклоненіе во вѣки, аминь.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

Θ Ε Ο Φ Α Ν Α ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО АВГУСТА 19-ГО.

Преподобный отецъ нашъ Теофанъ происходилъ изъ славнаго города Янины. Отъ младенческихъ почти пеленъ возлюбивъ чистоту и непорочность души и тѣла, преподобный сохранялъ и сохранилъ ихъ во всю свою жизнь. Пришедши въ возрастъ, онъ ради любви къ Богу оставилъ родъ, отечество, сродниковъ, друзей, словомъ,—все, что такъ или иначе, много или мало препятствуетъ душѣ въ стремленіи ея къ горнему отечеству. Оставивъ міръ и яже въ мірѣ, онъ удалился изъ отечества своего на Святую Гору, и поступилъ тамъ въ братство обители Дохіарской. Здѣсь онъ скоро принялъ на себя и иноческій образъ, и сталъ подвизаться ангельски. Постъ его, молитва, бдѣніе, пренебре-

¹ Изъ книжки заключающей въ себѣ только службу сему святому и жизнь его, и отпечатанной въ Венеціи 1654 года.

женіе мнимыхъ благъ земныхъ, забота о сохраненіи въ чистотѣ всѣхъ внѣшнихъ чувствъ своихъ, умерщвленіе плоти, попеченіе о чистотѣ души, о соблюденіи ума отъ нечистыхъ помысловъ, противодѣйствіе нападеніямъ нечистыхъ духовъ, усиливавшихся поколебать святаго его стремленія къ ангельскому совершенству, были истинно дивны. За такое совершенство въ добродѣтели онъ единогласно и единодушно всею братіею былъ избранъ игуменомъ¹ обители. Сдѣлавшись вождемъ и пастыремъ словесныхъ овецъ Христовыхъ, онъ еще болѣе увеличилъ свои подвиги,—постъ приложилъ къ посту, воздержаніе къ воздержанію, бдѣніе ко бдѣнію, молитву къ молитвѣ, лишеніе къ лишенію, кратко: онъ проводилъ жизнь на землѣ какбы не земную, во плоти какбы—безплотную, вообще, жилъ какъ будто бы въ чужомъ тѣлѣ.

Божественный Теофанъ, такъ подвизаясь и свято управляя ввѣренною ему отъ Бога словесною паствою, долженъ былъ однако, по судьбамъ и цѣлямъ, вѣдомымъ только Верховному Распорядителю нашихъ судебъ, испытать посѣщеніе его однимъ злключеніемъ. Онъ имѣлъ племянника—сына сестры своей. Племянника этого нечестивые агаряне плѣнили, отвезли въ Константинополь, и тамъ обратили въ исламизмъ. Горько было святой душѣ Теофана переносить это бѣдствіе; потому онъ немедленно отправился въ Константинополь и, при помощи Божіей, успѣлъ исхитить изъ рукъ нечестивцевъ несчастную жертву изувѣрства ихъ. Счастливо совершивъ это святое дѣло, онъ возвратился въ свой монастырь вмѣстѣ съ юнымъ своимъ племянникомъ, скоро послѣ того удостоилъ его иноческаго образа, и сопричислилъ къ братству обители. Но отцы монастыря, боясь, чтобы не огласилось это дѣло, и чтобы имъ не потерпѣть какихъ нибудь бѣдствій отъ лютыхъ варваровъ—сыновъ погибели, за обращеніе людей изъ ихъ вѣры въ христіанскую, стали роптать на своего пастыря,

¹ Нынѣ Дохіаръ и Діоритмъ.
II.

и питать негодование какъ на него, такъ и на племянника его. Святый, видя происходящее изъ-за-него въ обители нестроение, и подражая подвигоположнику—Христу, далъ мѣсто неправосудному гнѣву, и вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ, бывшимъ для неразумныхъ камнемъ претыканія, удалился не только изъ обители дохіарской, но даже со Святой Горы, и прибылъ въ Веррію. Здѣсь, въ скитѣ Предтечи, онъ создалъ храмъ въ честь Богоматери, собралъ довольное число иноковъ, далъ имъ правила жизни, утвердилъ ихъ чинъ, и ввелъ у нихъ прекрасный порядокъ. Послѣ сего божественный Теофанъ, оставивъ здѣсь своего племянника, удалился одинъ въ Наусу. Тоже и въ Наусѣ, обрѣтши благоприличное мѣсто, воздвигъ онъ превосходный храмъ во имя и честь Архангеловъ и, построивъ монастырь, собралъ довольное число иноковъ, сдѣлался ихъ пастыремъ и отцемъ, и мудро руководя ихъ по труднымъ стезямъ подвижничества, велъ къ небесной нашей отчизнѣ. Проживъ здѣсь довольно времени, онъ возвратился въ созданную имъ въ Верріи первую обитель; ибо эти, созданныя имъ обители считали его однимъ общимъ своимъ отцемъ. Достигши же наконецъ глубокой старости, долженъ былъ онъ, подобно всѣмъ смертнымъ, отдать необходимую дань природѣ. Предъзнавъ по откровенію о своей кончинѣ, онъ созвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ иноковъ, объявилъ имъ объ этомъ и вмѣстѣ утѣшалъ много плакавшихъ братій, обѣщая имъ никогда не разлучаться съ ними духомъ своимъ, а наконецъ мирно и покойно предалъ въ руцѣ Божіи мирный духъ свой.

Создатель и Промыслитель нашъ Господь Богъ обѣщаль прославлять прославляющихъ Его (Цар. 2, 30): по неложному сему обѣщанію, Онъ благоволилъ прославить и сего прославившаго Его своими ангельскими подвигами, богоноснаго отца нашего Теофана, многими знаменіями и чудесами какъ въ жизни его, такъ особенно по смерти. Скажемъ о

нѣкоторыхъ изъ нихъ хотя кратко. Когда святой возвращался изъ Константинополя на Святую Гору, случилось всеѣмъ, находившимся съ нимъ въ кораблѣ, за недостаткомъ прѣсной воды терпѣть жажду; тогда онъ молитвою своею къ Богу соленую морскую воду превратилъ въ сладкую, и сдѣлалъ ее годною для питья,—чѣмъ спасъ всеѣхъ, бывшихъ на кораблѣ, отъ неминуемой смерти. Во время же этого плаванія онъ молитвою своею укротилъ разсвирѣпѣвшее и угрожавшее кораблю потопленіемъ море,— и вмѣсто разъяренной бури наступила тогда на морѣ невозмутимая тишина.

А по смерти святаго силою молитвъ его совершались и теперь совершаются безчисленные чудеса для всеѣхъ, которые съ вѣрою приходятъ къ мощамъ его (и донинѣ находящимся въ Наусѣ), и съ любовію призываютъ его на помощь. Одинъ мучимый бѣсомъ, бывъ при погребеніи святаго, отъ одного только благоговѣйнаго и съ вѣрою лобзанія честныхъ ногъ его избавился отъ этого лютаго мучителя. И потомъ не разъ лукавые эти мучители человѣка выходили изъ мучимыхъ ими отъ одного лишь благоговѣйнаго прикосновенія страдальцевъ къ мощамъ сего святаго.

При томъ удивительно, что святой благоволилъ оказывать благодатную свою помощь не только вѣрнымъ; но и невѣрнымъ. Одинъ агарянинъ страдалъ проказою на головѣ. Много истратилъ онъ уже денегъ на врачей, въ надеждѣ исцѣленія, но не видѣлъ отъ нихъ никакой помощи: почему, оставивъ ихъ, пришелъ въ монастырь безилотныхъ (т. е. еефановъ), и попросилъ тамъ воды съ мощей святаго, и,— о чудо! — лишь только сею водою вымылъ свою голову,— проказа, какъ чешуя, спала съ головы его. И еще: одинъ изъ Батолиі, имѣя сухую правую руку, почти все свое имѣніе истощилъ на врачей для уврачеванія ея, но не получилъ отъ нихъ никакой пользы. Между тѣмъ одно только благоговѣйное его прикосновеніе къ мощамъ безмезднаго врача,

преподобнаго отца Теофана, сдѣлало больную его руку здоровою, какъ и другая.

Нѣсколько разъ Науса спасалась отъ моровой язвы, а однажды отъ бездождія, благоговѣйнымъ призываніемъ на помощь святаго Теофана. Избавленіе отъ моровой язвы получали и другія селенія чрезъ принесеніе туда мощей святаго.

Одна кровоточивая жена, много лѣтъ страдавшая этою лютою болѣзнію, безъ пользы истощивъ на врачей все свое состояніе, пришла въ монастырь святаго, — и лишь только выпила немного воды съ мощей его, тотчасъ же освободилась отъ несносной своей болѣзни.

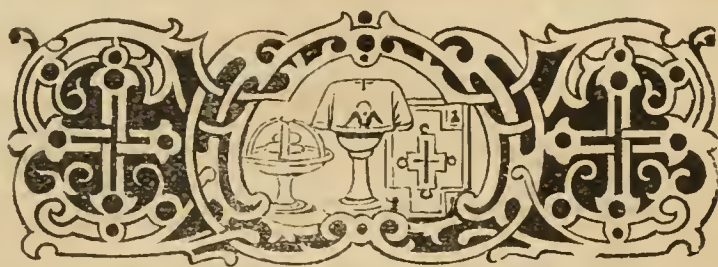
Одинъ іеромонахъ въ обители безплотныхъ, видя великое множество притекающихъ къ мощамъ святаго Теофана, и досадуя на это, хотѣлъ скрыть мощи нѣгдѣ въ тайномъ мѣстѣ, но, — о чудо! — за такое его намѣреніе тотчасъ же разслабѣли у него и лишились движенія руки и ноги. Ясно видя неблаговоленіе святаго быть мощамъ его отъ людей сокровенными, онъ раскаялся въ своемъ замыслѣ, и тогда же получилъ исцѣленіе. А другой монахъ той же обители хотѣлъ было изъ честной главы святаго вынуть зубъ, и имѣть его при себѣ изъ благоговѣнія: но и это было неугодно святому; ибо монахъ наказанъ былъ за то слѣпотою, — почему раскаявшись въ своемъ замыслѣ, онъ оставилъ его, за что и получилъ отъ святаго исцѣленіе. Въ 1451 году въ крѣпости Веррійской одинъ христіанинъ, принявъ вѣру агарянскую, и бывъ облеченъ за то отъ нечестивцевъ саномъ властительскимъ, сдѣлался неукротимымъ звѣремъ для христіанъ Христовой Церкви. Христіане, и особенно монастыри христіанскіе много претерпѣли отъ него бѣдъ. Всюду распространяя страхъ и трепетъ и злодѣянιάмъ своимъ нигдѣ не встрѣчая препоны, преступный отверженникъ грозилъ напасть и на Наусу, преимущественно же разрушить монастырь Теофана, а монаховъ въ немъ погубить. Въ самомъ дѣлѣ, онъ,

окаянный, въ безумной своей злобѣ, дѣйствительно разграбилъ обитель его и многое въ ней разрушилъ; но тогда же насталъ и конецъ его звѣрству: — по молитвамъ оскорбленнаго имъ святаго, злой злѣ извергъ отступническую свою душу.

Безчисленное множество и другихъ преславныхъ чудесъ совершилось и теперь совершается святыми мощами преподобнаго этого отца для всѣхъ, съ вѣрою и благоговѣніемъ къ нимъ притекающихъ, во славу Бога, и въ доказательство богоугодной жизни преподобнаго. — Посильнымъ подражаніемъ равноапостольному житію богоноснаго отца нашего Теофана да сподобимся и мы всѣ вселиться и веселиться въ царствѣ неизреченной славы и вѣчнаго блаженства. Аминь.

СВЯТЫЕ, ПАМЯТЬ КОИХЪ ПРАЗДНУЕТСЯ МѢСТНО.

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНІЙ ПЕЧЕРСКІЙ
ОДИННАДЦАТАГО ВѢКА.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮЛЯ 10-ГО.

Такъ-какъ русскимъ уже узвѣстно житіе основателя русскаго иночества; то мы помѣщаемъ здѣсь свѣдѣніе только о началѣ подвиговъ богоноснаго сего отца ¹.

Атоній родился въ городѣ Любечѣ, на берегахъ Днѣпра, когда только еще начало распространяться христіанство на Руси, и съ юныхъ лѣтъ пожелалъ житія иноческаго, о которомъ могъ лишь слышать, но не имѣлъ случая видѣть иноковъ. Человѣколюбивый Господь вложилъ ему въ сердце идти въ страну греческую, чтобы тамъ постричься,— и онъ сдѣлался странникомъ, подражая странствовавшему ради нашего спасенія Господу. Достигнувъ Царьграда, онъ отплылъ оттуда на святую Аѳонскую Гору, гдѣ обошелъ всѣ обители, видѣлъ жительство святыхъ отцевъ, свыше естества чело-вѣческаго подражавшихъ во плоти житію ангельскому,— и сердце его разгорѣлось Христовой любовію поревновать житію ихъ. Наконецъ Антоній водворился здѣсь, въ одной изъ обителей во имя Вознесенія Господня: она была основана не

¹ Жлт. св. росс. ц. іюль.

за-долго до его пришествія (на берегу моря, почти у входа въ полуостровъ Аѳонскій, тамъ гдѣ нынѣ стоитъ Есфигмень) святымъ архіепископомъ солунскимъ Василиемъ, на память блаженнаго его учителя Евѳимія новаго (смотри житіе Евѳимія въ первой части Патерика стр. 115—125), который спасся недалеко отъ ней и оставилъ по себѣ малый скитъ. Тогда не существовала еще знаменитая иверская лавра, а ватопедская была разрушена арабами, и только что основалась лавра великаго Аѳанасія. Игуменомъ есфигменскимъ, по списку ста осмидесяти предстоятелей различныхъ обителей аѳонскихъ, которые въ 973 году скрѣпили уставную грамоту въ протатѣ, былъ тогда Теокистъ: къ нему пришелъ преподобный Антоній, и просилъ удостоить его ангельскаго образа. Теокистъ, духовнымъ окомъ прозрѣвъ въ немъ избранный сосудъ благодати, исполнилъ желаніе юноши (въ мірѣ Антипы), и научилъ его совершенству иноческому: съ его благословенія русскій пришлецъ поселился въ дикой пещерѣ, на обрывѣ скалы, надъ шумящею у ея подошвы бездною, на разстояніи одного поприща отъ обители, и сталъ подвизаться, полагая въ сей пещерѣ молитвенное начало всему иночеству русскому.

Не малое время пребылъ онъ на Святой Горѣ, и уже возмужалъ въ подвигѣ, когда игумену его было извѣщеніе свыше, отпустить преподобнаго на родину: и не одинъ разъ, а дважды былъ посылаемъ туда Антоній отцемъ своимъ духовнымъ. — Какъ голубица ноева изъ ковчега, не обрѣтшая въ первый разъ опоры ногамъ своимъ, онъ возвратился сюда обратно; но уже не возвратился, подобно ей, во второй разъ, съ вѣтвію масличною, ибо самъ въ землѣ своей сдѣлался плодovитою маслиною, и окрестъ его духовной трапезы собрались и утвердились безчисленныя чада его, какъ новосаженія масличныя. Отпуская его въ первый разъ, игумень сказалъ: Антоній, иди опять въ Россію, чтобы тамъ послу-

жить для утверждения многихъ, и да будетъ надъ тобою благословеніе Святой Горы. Антоній, принявъ это благословеніе, какбы изъ устъ Божіихъ, пошелъ въ путь, и помышлялъ о грядущей судьбѣ иночества на своей родинѣ, котораго благословенное сѣмя долженъ былъ посѣять въ ней.

Достигши Кіева, онъ поселился въ дремучемъ лѣсу на Берестовѣ, въ пещерѣ варяжской: но скоро, по причинѣ кровопролитныхъ смуть отъ Святополка, удалился опять на Святую Гору въ любимую свою пещеру. По умиротвореніи земли русской, было вторичное извѣщеніе игумену Теооктисту на Святой Горѣ. Гласъ Божій таинственно провѣщалъ ему: пошли Антонія опять на Русь, ибо тамъ онъ нуженъ Мнѣ. Повиновался игуменьъ небесному гласу и, призвавъ Антонія, сказалъ ему: Богу угодно, чтобы ты опять шелъ въ Россію, ибо отъ тебя возникнетъ тамъ много черноризцевъ: будь же надъ тобою благословеніе Святой Горы, иди съ миромъ. Блаженный Антоній, принявъ это вторичное благословеніе, пришелъ опять въ Кіевъ, въ дремучій лѣсъ на Берестово, и обрѣтши готовую уже пещеру Иларіонову, на томъ холмѣ, гдѣ любилъ молитвенно уединяться, предпочелъ ее дикимъ пещерамъ варяжскимъ. Господи! со слезами воззвалъ онъ къ Богу, да будетъ на мѣстѣ семъ благословеніе святой Горы Аѳонской: молитвою отца моего духовнаго, который постригъ меня, утверди меня здѣсь. И тутъ онъ водворился, продолжая аѳонскій подвигъ строгой жизни, вкушая только хлѣбъ и воду, а иногда ничего во всю недѣлю; во бдѣніи же пребывалъ день и ночь, и руками своими прилежно копалъ землю, распространяя пещеру. Мало по малу начали къ нему собираться благочестивые молитвенники, прося духовнаго его совѣта, а нѣкоторые желали и сожителствовать съ нимъ, и такимъ образомъ, скажемъ словами святого горца, съ кіевскихъ горъ, какъ свѣтильникъ съ высокаго свѣщника, преподобный Антоній началъ разливать на всѣ

стороны Россіи немерцающій свѣтъ святой иноческой жизни русскаго иночества. Скончался онъ въ 1063 году.

Память преподобнаго Антонія празднуется здѣсь въ монастырѣ есфигменскомъ торжественно. Надъ пещерою, въ которой онъ отшельнически подвизался, въ новѣйшее время воздвигнута во имя его церковь ¹ и при ней нѣсколько келлій для житія безмолвнаго. Пещера аѳонская святаго Антонія, въ числѣ многихъ другихъ посѣтителей, видѣла и Его Императорское Высочество Великаго Князя Константина Николаевича, осчастливившаго Святую Гору своимъ посѣщеніемъ въ 1845 году.

---

¹ И русская, на Аѳонѣ, обитель святаго Пантелеимона имѣетъ храмъ во имя преподобнаго Антонія, Θεодосія и всѣхъ кіево-печерскихъ угодниковъ; онъ воздвигнутъ близъ обители на горѣ. Неизлишне упомянуть при этомъ, что кромѣ храма преподобныхъ печерскихъ, внутри монастыря двѣ церкви посвящены русскімъ святымъ: преподобному Сергію и святому Митрофану. Память спсхъ свѣтильниковъ русской Церкви торжественно празднуютъ оба общества Русска—греческое и русское (для грековъ переведены на греческій языкъ служба и житіе симъ святымъ). Еще греческое общество наравнѣ съ русскимъ празднуетъ память преподобнаго Сергія и Германа Валаамскихъ, копхъ благолѣпная икона, присланная съ Валаама, составляетъ украшеніе Пантелеимонова собора.

КРОМЪ СВЯТАГО АНТОНІА, НА СВЯТОЙ ГОРѢ АѦОНСКОЙ ПОД-
ВИЗАЛИСЬ ЕЩЕ СЛѢДУЮЩІЕ ПРЕПОДОБНЫЕ ОТЦЫ РОССІЙ-
СКОЙ ЦЕРКВИ:

ПРЕПОДОБНЫЙ АРСЕНІЙ КОНЕВСКІЙ.

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮНЯ 12-ГО.

Влаженный Арсеній происходилъ изъ великаго Новго-
рода. Сердце его, разгораясь Христовой любовью, по-
будило его оставить міръ, чтобы искать безмолвной жизни; сперва удалился онъ въ сосѣдную великому Новгороду оби-
тель, на Лисьей Горѣ, и тамъ, совершивъ иноческій искусь, постригъ власы свои и сдѣлался совершеннымъ инокомъ: вся братія смотрѣла на него какъ на данный ей свыше образецъ житія монашескаго.

Давно уже возникло въ душѣ преподобнаго Арсенія же-
ланіе посѣтить святую Гору АѦонскую, и онъ воспользо-
вался пришествіемъ въ Новгородъ нѣсколькихъ аѦонскихъ ино-
ковъ. Когда эти иноки прибыли, онъ со слезами припалъ къ ногамъ игумена, и умолялъ отпустить его. Долго игумень не соглашался на его прошеніе, чувствуя, какое будетъ отъ того лишеніе для обители, хотя наконецъ не могъ не уступить слез-
ному моленію ревностнаго инока. Радостно пошелъ Арсеній въ путь свой съ благословеніемъ отеческимъ, и благополучно достигъ Святой Горы, гдѣ былъ съ любовью принятъ игу-

меномъ Іоанномъ. Настоятель велѣлъ пришельцу подвизаться въ общихъ трудахъ съ братією. Посему прошелъ Арсеній по порядку всѣ монастырскія службы, начиная съ древодѣланія и печенія хлѣбовъ, и всякую службу исполнялъ съ чрезвычайнымъ смиреніемъ и послушаніемъ, считая себя за худшаго изъ братіи. Игумень, узнавъ искусство русскаго пришельца ковать мѣдные сосуды, занялъ его предпочтительно этимъ рукодѣльемъ; и въ глубокомъ безмолвіи ковалъ онъ сосуды для потребности монастырской, посвящая на то цѣлый день, а ночь проводилъ въ молитвѣ, едва позволяя себѣ мало отдыха, ибо былъ крѣпокъ и мужественъ. Безмездно трудился онъ не только для своей обители, но и для другихъ святогорскихъ монастырей; ибо отъсюду приносили ему мѣдь для кованія сосудовъ, какъ только слышали о его искусствѣ. Неизвѣстно, въ какой собственно обители подвизался Арсеній, должно однако навѣрное полагать, что въ Русикѣ, ибо это было общее пристанище всѣхъ русскихъ пришельцевъ.

Опасаясь, чтобы множество приходившихъ къ нему не обременило братіи его обители, принялъ онъ благословеніе отъ своего игумена обойти всѣ монастыри Святой Горы, чтобы потрудиться на пользу каждаго изъ нихъ, не ради злата и сребра, но для душевнаго спасенія, и въ такомъ подвигѣ пробылъ еще три года. Тогда пришло ему желаніе возвратиться въ родную землю, чтобы тамъ поставить обитель во славу Матери Божіей, къ которой имѣлъ теплую вѣру. Арсеній сталъ просить игумена объ отпускѣ на родину, и тотъ, исполненный духа прозорливости, пророчески сказалъ ему, что Господь воздвигнетъ чрезъ него обитель въ странѣ сѣверной, которая спасется его молитвами отъ многихъ бѣсовскихъ прелестей и суевѣрій. Отечески благословилъ его настоятель двойною иконою—Владычицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на одной сторонѣ, и нерукотвореннаго образа Спасова на другой; далъ ему при томъ и уставъ общежительный

Святой Горы и, отпуская, такъ помолился надъ нимъ: Боже отецъ нашихъ, призри отъ престола славы Твоей на раба твоего Арсенія, да почіетъ на немъ всегда благодать Духа Твоего Святаго и пребудетъ съ нимъ благословеніе Твое.

Въ 1393 году блаженный Арсеній возвратился въ Великій Новгородъ, неся съ собою чудную икону со Святой Горы. Здѣсь предсталъ онъ архіепископу Іоанну, которому повѣдалъ все бывшее съ нимъ на Святой Горѣ, и просилъ у него благословенія создать на сѣверѣ обитель во имя Рождества Богородицы. Съ миромъ отпустилъ его владыка, — и Арсеній съ иконою Богоматери, отплылъ въ озеро Ладожское. Побывъ въ обители Валаамской, рѣшился онъ идти на безмолвіе въ болѣе уединенныя мѣста, — и промысломъ Божиимъ достигши пустыннаго острова Коневскаго, основалъ обитель Коневскую, гдѣ прогналъ первоначально отъ древняго идольскаго требища лукавыхъ духовъ съ ихъ мечтами и страхованіями.

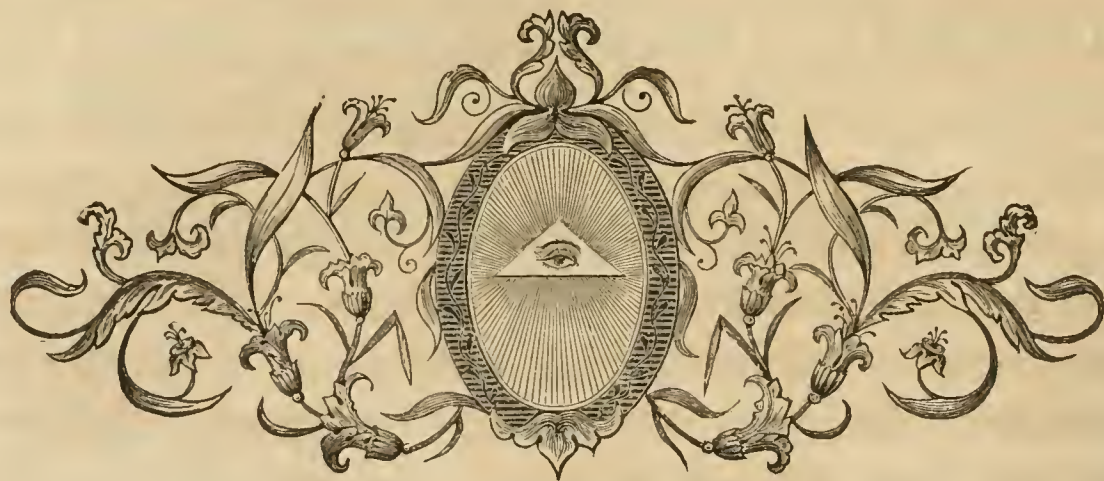
По устроеніи обители и умноженіи братій, преподобный Арсеній опять пошелъ на Святую Гору Аѳонскую, — это было уже при новгородскомъ архіепископѣ Симеонѣ, — и замедлилъ въ своемъ странствованіи. Случилась тогда великая скудость въ его обители, такъ что братія, одолѣваемые голодомъ, хотѣли разойтись. Но одинъ изъ старцевъ, по имени Іоакимъ, украшенный благочестіемъ и сѣдинами, взошелъ на сосѣднюю къ обители гору, гдѣ сперва подвизался преподобный, и молилъ небесную питательницу Матерь Божию, низпослать имъ насущный хлѣбъ. Послѣ долгой молитвы, воздремалъ старецъ и, сквозь тонкій сонъ, явилась ему Матерь Божія въ небесной славѣ. Не скорби, старче, сказала Она тихимъ голосомъ, скажи братіи, чтобы не расходились отъ этого мѣста; ибо вскорѣ прибудетъ къ вамъ самъ Арсеній съ обиліемъ всего нужнаго для обители. На другой день Арсеній дѣйствительно приплылъ на двухъ большихъ судахъ, и привезъ съ собою множество припасовъ. Послѣ многолѣтнихъ подвиговъ,

въ глубокой старости предалъ онъ Господу чистую свою душу 1444 года іюня 2, на память преподобныхъ Онуфрія и Петра аѳонскихъ, по примѣру коихъ уединялся на святой Горѣ Аѳонской.

(Житія святыхъ Россійской Церкви, іюнь).

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛЬ СОРСКИЙ
ПЯТНАДЦАТАГО ВѢКА
СЪ ПРЕПОДОБНЫМЪ ИННОКЕНТИЕМЪ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО НИЛА МАЯ 7-ГО, А ПРЕПОДОБНАГО ИННОКЕНТИЯ МАРТА 1-ГО.

Преподобный Ниль сначала жилъ въ Кириловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ, потомъ предпринялъ путешествіе по востоку, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ преподобнымъ Иннокентіемъ, и долго оставался на Аѳонѣ. На Святой Горѣ, какъ райская пчела носился онъ по заоблачнымъ высотамъ, среди аѳонскихъ отцевъ, и подарилъ наше русское иночество дивнымъ своимъ произведеніемъ, содержащимъ не вычитанныя только истины скитскаго безмолвія, но и дознанныя опытомъ, пройденныя искусомъ и запечатлѣнныя опытами собственной его жизни, безстрастной-ангельской. Плодомъ его странствованія на Святой Горѣ было изученіе правилъ пустыннаго уединенія, безмолвной молитвы и духовнаго трезвенія. Почему, если преподобнаго Антонія печерскаго мы называемъ первоначальникомъ иночества въ Россіи, то преподобнаго Нила Сорскаго, по всей справедливости,

можно назвать первенцемъ скитскаго подвижничества. Любимымъ занятіемъ его было, по собственному сознанию, испытывать божественныя Писанія: прежде заповѣди Господни и толкованія ихъ; далѣе апостольскія преданія, потомъ житія и ученіе святыхъ отецъ. Этимъ, говоритъ онъ, я внимаю, и яже согласна моему разуму, ко благоугожденію Божію и къ пользѣ души, списую себѣ, и тѣми поучаюся, и въ томъ животъ и дыханіе имѣю. Преподобный Нилъ скончался въ 1508 году, а спутникъ его преподобный Иннокентій въ 1491 году. Каждый въ своей собственной пустыни: первый въ Сорской, а послѣдній близъ Вологды.

(Хр. Чт. 1853, II).

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКСИМЪ ГРЕКЪ ¹
ШЕСТНАДЦАТАГО ВѢКА.

ПАМЯТЬ ЕГО ВЪ ЛАВРѢ СВ. СЕРГІЯ АВГУСТА 13-ГО.

тчествомъ преподобнаго Максима былъ городъ Арта въ Албани, близъ Епира. Тамъ получилъ онъ первоначальное образованіе, въ основаніе котораго положенъ былъ страхъ Божій — начало всякой премудрости. Изъ любви къ наукѣ онъ долго странствовалъ по западу: но любовь эта, сколь ни сладостна была сердцу Максима, не отвлекла однако ревностнаго подвижника отъ страны отечественной, и онъ предпочелъ мирное уединеніе аѳонское свѣтскому шуму запада.—Аѳонъ былъ тогда зеркаломъ духовной учености востока, и много было философовъ между его иноками, въ высшемъ смыслѣ любомудрія духовнаго, основанномъ не на одномъ созерцаніи, но и на дѣлахъ подвижнической жизни. После бѣдственнаго паденія Царьграда, на Аѳонѣ сосредото-

---

¹ Жит. св. Росс. Церк. Августъ.

чились всё богатѣйшія книгохранилища греческія въ двадцати его обителяхъ, между коими ватопедская славилась особенно тѣми сокровищами церковной науки, которыя оставили ей два иночествовавшіе въ ней императора: Андроникъ Палеологъ и Кантакузенъ. Тамъ предпочтительно поселился преподобный Максимъ, какъ трудолюбивая пчела, собирая духовный медъ со всёхъ благовонныхъ цвѣтовъ аѳонскихъ, и тамъ, въ безвѣстной тишинѣ, думалъ мирно окончить дни свои; но Господь судилъ иначе.

Великій Князь російскій Василій Іоанновичъ, обративъ вниманіе на множество древнихъ греческихъ книгъ собственнаго его хранилища, пожелалъ найти ученаго грека для разбора ихъ. Посему писалъ онъ въ 1615 году къ патріарху и на святую Гору Аѳонскую, чтобы присланъ былъ къ нему мужъ просвѣщенный для перевода и исправленія книжнаго: бояринъ великокняжескій поѣхалъ съ милостынею Государя своего на Святую Гору. Преподобный отецъ протъ (старейшина надъ всёми настоятелями аѳонскими) избралъ для сего честнѣйшаго Максима изъ священной обители ватопедской, какъ искуснаго въ божественномъ Писаніи и способнаго къ истолкованію всёхъ книгъ церковныхъ и эллинскихъ,

Вызванный такимъ образомъ съ Аѳона въ Россію, преподобный, послѣ сорокалѣтняго ученаго и страдальческаго подвига, окончилъ тамъ дни свои, и сподобился—если не вѣнца мученическаго, то славы исповѣдника, долготерпѣніемъ въ скорбяхъ, въ узахъ и темницѣ за любовь къ наукѣ и истинѣ въ исправленіи церковныхъ книгъ. Скончался онъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ въ 1656 году.

ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦЪ НАШЪ
Θ Ε Ο Λ Ι Π Τ Ξ,
ЕПИСКОПЪ ФИЛАДЕЛЬФІЙСКІЙ ¹.

14-го ВѢКА.

ПАМЯТЬ ЕГО ВЪ 1-Ю НЕДЕЛЮ ПО НЕДЕЛѢ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ.

Могомудрый отецъ нашъ Θεολиπтъ сначала подви-
зался въ предѣлахъ Карей, а потомъ былъ возведенъ
на святительскую кафедру въ Филадельфiи. Онъ былъ настав-
никомъ Григорiя Паламы въ иноческомъ любомудрiи, какъ
самъ божественный Григорiй свидѣтельствуеть о томъ (φιλοκαλ.
Стр. 361). Превосходныя бесѣды благословеннаго Θεολиπта
находятся въ Добротолубiи, стр. 845 (въ русскомъ изданiи
ч. 2, стр. 44).

¹ Изъ Ακολουθiα τῶν ἀγιορειῶν Πατέρων.

ТЕОЛИПА,
МИТРОПОЛИТА ФИЛАДЕЛЬФІЙСКАГО
С Л О В О,

изъясняющее сокровенное во Христѣ дѣланіе, и кратко показывающее трудъ монашескаго обѣта.

Монашескій обѣтъ есть древо высокое, вѣтвистое и плодоноснѣйшее. Корень его есть удаление всего тѣлеснаго; вѣтви — безпристрастіе души, и то, чтобъ къ тѣмъ предметамъ, которые оставлены, никакой привязанности не имѣть; плодъ — богатство добродѣтелей, благотворная любовь и отъ сихъ непрестанное веселіе; ибо плодъ духовный, говоритъ Апостоль, есть любовь, радость, миръ и проч. (Гал. 5, 22). Приближеніе ко Христу снискивается удаленіемъ отъ міра. Міромъ я называю любовь къ чувственнымъ предметамъ и плоти. Кто отчуждается отъ сихъ познаниемъ истины, тотъ соединяется со Христомъ чрезъ снисканіе къ Нему любви, за которую, отвергнувъ все мірское, купилъ многоцѣнный бисеръ — Христа. Во Христа облекся ты чрезъ спасительное крещеніе, омылъ скверну божественною банею, получилъ сіяніе духовной благодати и благородство обновленія. Но что произошло, или что человѣкъ потерпѣлъ отъ безразсудства? Чрезъ любовь къ міру измѣнилъ божественныя запечатлѣнія, чрезъ пристрастіе къ плоти повредилъ образъ,

мракомъ страстныхъ помысловъ затмилъ душевное зеркало, чрезъ которое является умное солнце, Христось.

Ты страху Божию пригвоздилъ душу; ты узналъ слѣпоту мірскаго непостоянства; уразумѣлъ, какъ мысль разсѣивается въ шумѣ народномъ; увидѣлъ, коль много житейскія заботы причиняютъ людямъ пустаго развлеченія. Ты уязвился стрѣлою любви къ безмолвію; взыскалъ мира помышлений, ибо зналъ реченное: взыщи мира, и пожени его (псал. 33, 15). Ты возжелалъ тамъ обрѣсть спокойствіе, поелику слышалъ: обратися, душе моя, въ покой твой (Псал. 114, 6). И посему ты разсудилъ, что благородство, дарованное благодатію въ крещеніи, но потерянное произволеніемъ въ мірѣ чрезъ страсти, возвращается опять добрымъ произволеніемъ. Самымъ дѣломъ сіе показывая, ты пришелъ въ священную обитель, облекся въ честныя одежды покаянія, и отъ добраго сердца обѣщался пребыть въ монастырѣ даже до смерти. Второе уже обязательство далъ ты Богу: первое, вступая въ настоящую жизнь; второе, приближаясь къ концу сей жизни. Тогда таинствомъ вѣры ты со Христомъ соединился, нынѣ покаяніемъ ко Христу приблизился. Тамъ благодать тебѣ дарована, здѣсь ты принялъ въ обязательство. Тогда, бывъ младенецъ, не разумѣлъ дарованнаго тебѣ достоинства, и хотя потомъ, пришедъ въ возрастъ, узналъ великость дара, но былъ непокоренъ. Нынѣ, пришедши въ совершенный разумъ, разумѣешь силу союза. Смотри, чтобы нарушивъ и сіе обѣщаніе, какъ нѣкій сосудъ, вовсе сокрушенный, ты не былъ выброшенъ во тьму кромѣшную, гдѣ плачь и скрежетъ звуковъ (Матѣ. 22, 13).

Кромѣ пути покаянія, нѣтъ инаго пути ко спасенію. Слыши, что вѣщаетъ Давидъ: Вышняго положилъ еси прибѣжище твое (Псал. 90, 9). И ежели ты избралъ тѣсную по Христѣ жизнь: то не приблизится зло (ст. 10), въ каковое ты вдавался, обращаясь въ мірѣ. Когда ты началъ идти пу-

темъ покаянія, не послѣдуетъ за тобою любовь къ стяжаніямъ, роскошь, честь, украшеніе, невоздержаніе чувствъ. Не пребудутъ беззаконники предъ Тобою (Псал. 5, 6), — разсѣяніе мысли, плѣнненіе ума, ослабленіе при противныхъ помыслахъ, и иное всякое добровольное уклоненіе и возмущеніе. Ниже срѣтится тебѣ любовь къ родителямъ, братьямъ, сродникамъ, друзьямъ и знаемымъ. Ниже будешь имѣть въ себѣ безвременное и бесполезное о нихъ воспоминаніе и бесѣду. Ежели симъ образомъ возлюбишь отреченіе тѣломъ и душою, рана мученія не приблизится душѣ твоей, и стрѣла печали не пронзитъ сердца твоего, ниже опечалитъ лица твоего; ибо притупляютъ жало печали тѣ, которые сластолюбивой жизни удалились и отринули пристрастіе ко всему сказанному. Христосъ является въ душѣ подвижающейся, и даетъ сердцу неизглаголанную радость: а духовную радость никогда не могутъ отнять никакія мірскія пріятности или скорби; ибо добрыя занятія, и спасительныя воспоминанія, и божественныя размышленія, и слова премудрости, служатъ подвижнику и хранятъ его на всѣхъ путяхъ дѣланія его предъ Богомъ. И потому наступитъ онъ на всякое безсловесное пожеланіе и страсть базразсудную, какъ на аспида и василиска, и поперетъ, какъ льва гиѣвъ и сладострастіе, какъ змія. А сего причиною то, что онъ, отъ людей и всѣхъ сказанныхъ предметовъ удалившись, всею своею надеждою къ Богу прилѣпляется, и познаніемъ Бога обогащается, и всегда Бога мысленно въ помощь себѣ призываетъ. Яко на Мя, говоритъ Богъ чрезъ Давида, упова, и избавлю его, покрюю его, яко позна имя Мое: воззоветъ ко мнѣ, и услышу его, и нетокмо отъ бѣдъ изму, но и прославлю его (Псал. 90, 14, 15).

Видишь подвиги о Богѣ подвижающихся и плоды оныхъ. Итакъ постарайся званію дѣломъ соотвѣтствовать. По тѣлу содѣлался ты монахомъ, отринь и мысли о предметахъ; перемѣнивъ наружный образъ, новымъ учини и внутренній:

удались и отъ собесѣдованія и отъ сродниковъ своихъ; ибо ежели отъ внѣшняго развлеченія не уединишься, — не можешь противустать извнутри на тебя нападающимъ. Ежели не побѣдишь явно противъ тебя воюющихъ, — не прогонишь и тайныхъ враговъ. Когда же избѣгнешь внѣшнихъ разсѣянностей, — и внутренніе помыслы престанутъ. Тогда оживетъ умъ въ дѣлахъ и словахъ духовныхъ, и вмѣсто обращенія съ сродниками и знаемыми будешь навывать добродѣтелямъ, вмѣсто пустыхъ словъ, каковыя бывають въ мірскихъ разговорахъ, будутъ просвѣщать и вразумлять душу представленіе и познаніе раждающихся въ мысли божественныхъ словъ. Когда разрѣшены чувства, — душа бываетъ во узахъ; когда же чувства связаны, — душа получаетъ свободу. По захожденіи солнца бываетъ ночь: такъ Христосъ удаляется отъ души, и тьма страстей объемлетъ ее, и мысленные звѣри терзають оную. Возсіяло чувственное солнце, и звѣри собираются въ свои убѣжища: возсіяваетъ Христосъ на тверди молящейся мысли, и всякій мірскій образъ исчезаетъ, и любленіе плоти преходитъ, и умъ выходитъ на дѣло свое, т.-е., на размышленіе о божественномъ, даже до вечера. И дѣланія духовныхъ трудовъ оно не опредѣляетъ продолженіемъ времени и не измѣряетъ, но пребываетъ въ ономъ до конца настоящей жизни, когда душа разлучится отъ тѣла. Это и пророкъ показываетъ говоря: Коль возлюбихъ законъ Твой, Господи, весь день поученіе мое есть (Псал. 118, 93); то-есть, днемъ называетъ онъ все время настоящей жизни каждаго.

Итакъ, оставь внѣшнія бесѣды и сражайся со внутренними помыслами дотолѣ, пока обрѣтешь мѣсто чистой молитвы, и домъ, въ которомъ обитаетъ Христосъ, просвѣщаясь и наслаждаясь познаніемъ и зрѣніемъ Его, и готовъ будучи оскорбленія за Него почитать радостію, а сладостей мірскихъ, какъ нѣкоей горечи, не терпѣть. Отъ вѣтровъ въ морѣ возстають волны, и ежели не успокоятся вѣтры, волны не перестаютъ,

и море не утихаетъ: такъ и духи злобы возбуждаютъ въ душѣ нерадиваго память родителей, братьевъ, сродниковъ, пріятелей, пиршествъ, собраній, зрѣлищъ, и всякихъ другихъ сладостныхъ воображеній, и побуждаютъ выходить изъ уединенія зрѣніемъ и языкомъ и тѣломъ, дабы и настоящей часъ тщетно былъ проведенъ, и слѣдующій, когда будешь внутри келліи одинъ, прошелъ въ воспоминаніи того, что было видѣно и говорено. Такимъ образомъ жизнь монаха бываетъ бесполезна, когда мірскія дѣла, памятованіемъ о нихъ, изображаются въ мысли, какъ на снѣгу остаются слѣды ногъ ходящаго. Еще ли даемъ пищу звѣрямъ, когда умертвимъ ихъ? Еще ли коснемъ въ дѣлахъ и помыслахъ безсловеснаго любленія и привычки, когда умертвимъ мудрованіе плоти? или начнемъ жить о Христѣ, какъ общались? Слѣдъ ногъ на снѣгу или сіяніемъ солнца уничтожается, или сильнымъ дождемъ смывается: такъ и безобразныя въ мысли воспоминанія сластолюбивыхъ привычекъ и дѣлъ исчезаютъ, когда Христосъ возсіяваетъ въ сердцѣ чрезъ молитву и сокрушеніе, изливающее слезный дождь. И такъ, еще ли монахъ будетъ поступать не по разуму, когда истребитъ находящіяся въ мысли впечатлѣнія? Исполненіе добродѣтелей совершается по тѣлу, когда оставишь обращеніе съ міромъ. Добрыя памятованія печатлѣются и божественныя слова вселяются въ душѣ, когда воспоминанія прежнихъ дѣлъ изгладишь непрестанными молитвами, совершаемыми въ мысли съ теплымъ сокрушеніемъ; ибо просвѣщеніе памяти вѣрою Божіею и сокрушеніе сердца вовсе изглаждаютъ память злыхъ дѣлъ.

Подражай мудрости пчель, которыя, видя множество летающихъ вокругъ ихъ осъ, пребываютъ внутри улья и избѣгаютъ наносимаго имъ вреда. Осами почитай мірскія обращенія. Со многими тщаніемъ избѣгая ихъ, пребывай внутри обители. И отсюда старайся опять войти во внутреннѣйшее убѣжище души, гдѣ есть домъ Христа, въ которомъ зрится

миръ, радость и истинное спокойствіе, сіи дары Христа—мысленнаго солнца, какъ нѣкоторые лучи отъ Него низпосылаемые, и какъ нѣкоторая подаваемая душѣ награда, вселяющаяся въ нее съ вѣрою и добрымъ желаніемъ. И такимъ образомъ, сидя въ семь домѣ, памятуй о Богѣ, отводи умъ отъ всего, и къ Богу въ безмолвіи обращайся, и все расположеніе сердца изливай предъ Нимъ, и любовію къ Нему прилѣпляйся.

Памятованіе о Богѣ есть созерцаніе Бога, влекущаго къ Себѣ зрѣніе и стремленіе ума, и свѣтомъ, отъ Него исходящимъ, озаряющаго оный. Умъ, обращающійся къ Богу, утишаетъ всѣ помышленія вещественныхъ образовъ, зритъ невещественно, и просвѣщаетъ зрѣніе свое не познаваніемъ, но причинѣ высоты и непостижимости предмета созерцаемаго, но познаетъ по причинѣ истиннаго существованія Того, Который собственно есть, и единъ превыше всего есть, и множествомъ благодати, отсюда проистекающей, питая любовь свою и собственное тщаніе умножая, удостоивается непрестаннаго спокойствія и блаженства. Сіи суть признаки прилежнаго памятованія.

Молитва есть разговоръ души съ Господомъ, представляющей глаголы прошенія со всецѣлымъ обращеніемъ ума къ Богу; ибо когда душа часто воспоминаетъ имя Господне, и умъ нелѣпно прилежитъ призыванію имени Божія,—свѣтъ познанія Бога, какбы свѣтлымъ облакомъ осѣняетъ всю душу. За тщательнымъ памятованіемъ Бога слѣдуетъ любовь и радость. Помянухъ Бога, говоритъ Давидъ, и возвеселихся (Псал. 76, 4), а за чистою молитвою,—познаніе и сокрушеніе; въ онъже день призову Тя, се познахъ, яко Богъ мой еси Ты (Псал. 55, 16). И еще: жертва Богу духъ сокрушенъ (Псал. 50, 19); ибо когда умъ и мысль предстоятъ Богу прилежнымъ вниманіемъ и теплымъ моленіемъ,—послѣдуетъ и сокрушеніе души. А когда умъ, слово и духъ обращаются къ Богу, умъ вниманіемъ, слово призываніемъ, духъ

сокрушеніемъ и любовію, тогда весь внутренній человѣкъ служитъ Господу. Возлюбиши, сказано, Господа твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслию твоею (Матѳ. 32, 27).

Должно знать тебѣ и то, что ты не можешь почестъ себя молящимся, когда умомъ далекъ отъ молитвы: тогда бесполезно трудишься ты и тщетно подвизаешься; тогда устами псалмонѣніе совершается, а умъ индѣ скитается, будучи развлекаемъ страстями и предметами такъ, что и разумѣніе поемаго чрезъ то теряется. Это бываетъ и въ мысли; ибо часто, когда мысль износитъ глаголы молитвы, умъ не слѣдуетъ ей, не внимаетъ Богу, съ Которымъ разговоръ бываетъ чрезъ молитву, а тайно отвлекается какими-нибудь помыслами. И мысль, по обыкновенію, говоритъ рѣчи, а умъ лишается познанія Бога. Посему и душа тогда является безразсудною и безпорядочною, когда умъ разсѣянъ какими-нибудь мечтаніями и развлеченъ, либо чѣмъ прельщается, или чего желаетъ. Когда познаніе не снискано молитвой, и имѣющей въ ономъ нужду не прибѣгаетъ къ Могущему даровать утѣшеніе, чѣмъ удовольствуется душа? какъ возвеселится сердце, которое создано для молитвы, а истинной молитвы не творитъ? Возвеселится сердце ищущихъ Господа (Псал. 104, 3): а ищетъ Господа тотъ, кто всею мыслию и горячимъ расположеніемъ припадаетъ къ Богу, и всякой мірской помыслъ отрываетъ познаніемъ Бога и любовію, возраждающимися изъ непрестанной и чистой молитвы.

Дабы яснѣе показать, какъ памятованіе Бога производитъ созерцаніе въ умѣ, и чистая молитва разглагольствіе въ мысли, я представляю въ примѣръ тѣлесное око и языкъ. Извѣстно, что зрачокъ для глаза и произношеніе слова для языка: тоже память для ума и молитва для мысли. Какъ глазъ, зрительнымъ чувствомъ принявъ подлежащій предметъ, не издаетъ никакого гласа, но посредствомъ зрѣнія

получаетъ познаніе зримаго: такъ и умъ, когда памятованіемъ усердно обращается къ Богу, въ единеніи ощущаемаго желанія и въ молчаніи простѣйшаго разумѣнія, озаряется божественнымъ сіяніемъ, получая залогъ будущей свѣтлости. И какъ языкъ, произнося рѣчи слова, слышащему неизвѣстное хотѣніе ума являетъ: такъ и мысль, вѣщая краткія рѣчи молитвы, весьма часто и съ горячностью прошеніе души открываетъ всевѣдцу Богу. И усерднымъ тщаніемъ и всегдашнимъ сокрушеніемъ сердца отверзается чловѣколюбивое сердце Милосердаго, и многое спасеніе получается. Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ (Псал. 50, 19).

Къ чистой молитвѣ можетъ тебя руководствовать и то, что происходитъ при царѣ земномъ. Когда предстаешь царю, — и тѣломъ стоишь прямо, и языкомъ безмолвствуешь, и взоромъ ему внимаешь, и чрезъ то царское благоволеніе себѣ привлекаешь. Такъ и ты поступай, хотя будешь въ церкви, хотя въ уединеніи самъ съ собою; ибо, собираясь о Господѣ съ братією, какъ тѣломъ стояніе чинишь и языкомъ пѣснопѣніе совершаешь, — такъ имѣй и умъ внимающій словамъ и Богу, и вѣдущій, съ кѣмъ онъ разглагольствуетъ и бесѣдуетъ. Когда мысль охотно и чисто прилежитъ молитвѣ, — сердце удостоивается неотъемлемой радости и мира неизглаголаннаго. А въ домѣ уединенъ будучи, бодрствуй, и мысленную совершай молитву. Когда умъ трезвенъ и духъ сокрушенъ бываетъ, — и сердце будетъ открываться тебѣ по мѣрѣ трезвенія, и познаніе получишь чрезъ молитву. И чрезъ сокрушеніе снищешь ты мудрость, которая удаляетъ безсловесную похоть и водворяетъ божественную любовь.

Вѣрь мнѣ, истину говорю тебѣ. Ежели во всякомъ твоёмъ дѣлѣ будешь имѣть неразлучную мать благихъ — молитву; то не будешь безпеченъ, доколѣ оная покажетъ тебѣ Жениха, и внутрь чертога введетъ тебя и исполнитъ неизреченной славы и веселія: ибо молитва, побѣждая всѣ препят-

ствія, уравниваетъ трудный путь добродѣтели и идущему дѣлаетъ его удобнымъ. Смотри образъ мысленной молитвы. Какъ разглагольствіе, она истребляетъ страстные помыслы; какъ возношеніе ума къ Богу, прогоняетъ мірскія помышленія; какъ сокрушеніе души, умерщвляетъ любовь плотскую. Молитва, немолчно призывающая имя Божіе, зрится согласіемъ и соединеніемъ ума, слова и души. Гдѣ, говоритъ Христосъ, два или три будутъ собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ (Матѣ. 18, 20). Такимъ образомъ молитва, отвлекая силы души отъ развлеченія страстей, и съ самими собою и съ самою трехчастною душею соединяя ихъ, уподобляетъ Богу, единому въ трехъ Лицахъ; ибо во первыхъ посредствомъ добродѣтелей омываетъ душу отъ сквернъ грѣха, потомъ живописуетъ въ ней красоту божественныхъ печатей святымъ познаніемъ, и представляетъ ее Богу. Душа тотчасъ познаетъ Творца своего: въ онъже день призову Тя; се познахъ, яко Богъ мой еси Ты. И познается отъ Него: позна, сказано, Господь сущія своя. Познаетъ Онъ чрезъчистоту образа; ибо всякій образъ имѣетъ сходство съ первообразомъ; познаетъ по подобію въ добродѣтеляхъ, чрезъ которыя и имѣетъ познаніе Бога, и отъ Бога познается. Желаящій снискать благосклонность царя, троякій употребляетъ способъ: или словами проситъ, или въ молчаніи предстоитъ, или повергается къ ногамъ могущаго подать помощь. И чистая молитва, соединивъ въ себѣ и умъ, и слово, и духъ, словомъ призываетъ, умомъ внимаетъ неразсѣянно призываемому Богу, духомъ являетъ сокрушеніе, смиреніе и любовь, и тако чтитъ безначальную Троицу, Отца, и Сына и Святаго Духа, единого Бога.

Какъ различіе яствъ возбуждаетъ желаніе ко вкушенію ихъ: такъ различные виды добродѣтелей возбуждаютъ стремленіе ума. Посему мысленнымъ правяся путемъ, собирай глаголы молитвы, и разглагольствуй съ Господомъ, взывая

всегда и не преставаая. Часто молись и подражай беззаворству вдовицы, которая подвигла жестокаго судію. Тогда будешь ходить духомъ, не станешь внимать плотскимъ пожеланіямъ, и не прервешь творимой непрестанно молитвы мірскими помыслами. Храмомъ Божиимъ содѣлаешься, воспѣвая Бога постоянно. Такимъ образомъ, моляся мыслию, удостоишься придти въ памятованіе Бога, войти въ неприступное ума, тайными созерцаніями зрѣть Невидимаго, и изліяніями познаванія и любви будешь служить единъ единому только Богу.

Когда же почувствуешь себя ослабѣвающимъ въ молитвѣ, — возьми книгу, читай внимательно, и познавай, то-есть, не съ торопливостію пробѣгая слова, но съ размышленіемъ вникая въ оныя и умъ обогащая. Такимъ образомъ занимайся чтеніемъ, да мысль насладится разсужденіемъ, и чтенное будетъ незабвеннымъ. А отсюда болѣе возбудится твоя теплота въ божественныхъ размышленіяхъ: Въ поученіи моемъ, говоритъ Давидъ, разгорится огонь (псал. 38, 4). Какъ пища, будучи разжевываема зубами, услаждаетъ вкусъ, такъ божественныя слова, разсуждаемыя въ душѣ, питаютъ мысль и услаждаютъ: Коль сладка гортани моему словеса Твоя (псал. 118, 103)! Выучивай и евангельскія слова, также повѣствованія святыхъ отцевъ и житія ихъ всегда читай, и имѣй сіи занятія во время ночное, да мысль, утружденную молитвою, снова укрѣпишь чтеніемъ и размышленіемъ словъ божественныхъ, и возбудишь въ ней большую охоту къ молитвѣ. Устами совершай псалмонѣніе, но голосомъ весьма тихимъ и при постоянствѣ ума, дабы не оставить какого слова невыразимымъ. Но если иѣчто опуститъ умъ, — повторяй стихъ дотолѣ, какъ умъ опять будетъ слѣдовать тому, что говоришь. Умъ можетъ вмѣстѣ и иѣтъ устами и памятовать Бога. Познай сіе изъ опыта естественнаго: ибо какъ бесѣдующій и разговаривающій съ кѣмъ, внимасть сему и взорами, такъ и поющій устами, можетъ внимать Богу и памятію.

Колѣнопреклоненій не оставляй: поелику колѣнопреклоненіе, образуя грѣхопаденіе, представляетъ образъ исповѣди, а востаніе, изображая раскаяніе, знаменуетъ обращеніе къ жизни добродѣтельной. Каждое колѣнопреклоненіе совершай съ мысленнымъ Христа призываніемъ, да, припадая душою и тѣломъ Господу, умилоставишь Бога душъ и тѣлесь. И если руками будешь дѣлать какое спокойное дѣло, съ мысленною молитвою, для прогнанія сна и лѣности, — и сіе укрѣпляетъ подвижническій трудъ; ибо всѣ извѣстныя занятія, совершаемыя съ молитвою, возбуждаютъ умъ, прогоняютъ скуку, душѣ подають большую бодрость, а уму остроту и охоту къ занятіямъ мысленнымъ.

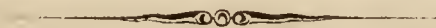
Когда, оставивъ дѣло, выходишь изъ келліи, тѣлесныя очи къ землѣ обращай, а мыслию прилежи памятованію Бога. Вошедъ въ храмъ и ставъ на мѣсто, не празднословь языкомъ съ близстоящимъ монахомъ, ниже умомъ разсѣивайся въ суетностяхъ; но языкъ только во псалмопѣніи, а мысль въ молитвѣ содержи. По окончаніи пѣнія отходи къ себѣ, и опредѣленное тебѣ правило начни. Пришедъ въ трапезу, не смотри частей братіи, ниже дай въ душѣ твоей части худымъ помысламъ. Но видя и приемля, что тебѣ предложено, устамъ пищу, слуху слышаніе чтомага, а душѣ молитву давай, да тѣломъ и духомъ питаясь, всецѣло славишь исполняющаго во благихъ желаніе твое (Псал. 102, 5). Вставши отъ трапезы, чинно и въ молчаніи иди въ свою келлію, и какъ трудолюбивая пчела прилежи добродѣтелямъ. Когда выйдешь съ братією на какую монастырскую службу: пусть руки дѣлають, уста молчатъ, а умъ памятуеть Бога. И если кто подвигнется къ празднословію, -- въ отвращеніе безпорядка, возставъ, чини раскаяніе.

Помыслы удаляй, и не позволяй имъ входить въ сердце и оставаться; ибо удержаніе страстныхъ помысловъ оживляетъ страсти, а умъ умерщвляетъ. Но когда вторгаются они

тотчасъ старайся умерщвлять ихъ стрѣлою молитвы. Если же упорно сопротивляются и возмущаютъ мысль, и иногда перестаютъ, иногда нападаютъ; то знай, что они предварительно согласіемъ желанія подкрѣплены; посему, право имѣя на душу, войною произволенія возмущаютъ и тревожатъ ее. Итакъ должно ихъ открыть посредствомъ исповѣди, поелику злые помыслы, будучи открываемы, прогоняются. Какъ при появленіи свѣта, тьма удаляется; такъ и свѣтъ исповѣди уничтожаетъ страстные помыслы, которые помрачаютъ душу. Такъ какъ тщеславіе и нерадѣніе, давашія мѣсто помысламъ, низложены стыдомъ исповѣди и строгостію правила, то, нашедши мысль свободною отъ страстей и пребывающею въ непрестанной и удобосовершаемой молитвѣ, они со стыдомъ убѣгаютъ. Когда подвижникъ силится молитвою посѣкать возмущающіе его помыслы, и скоро посѣкаетъ, и заключаетъ отъ нихъ мысль, какъ воюющій и сражающійся; однакожь вовсе не очищается: ибо любить причины обезпокоивающихъ помысловъ—покой плоти, и мірское любочестіе, въ которыхъ и признанія учинить не хочешь. Такъ какъ поддерживаетъ онъ права непріятелей, то и мира не получаетъ. У кого, кто удерживаетъ чужое имѣніе, не требуютъ его тѣ, коимъ оно принадлежитъ? И кто, по требованію, не возвращая удерживаемаго несправедливо, свободенъ бываетъ отъ заимодавцевъ? Когда же подвизающійся, вспомооществуемый памятованіемъ Бога, возлюбитъ уничиженіе и озлобленіе плоти, и безъ стыда учинитъ признаніе помысловъ, тотчасъ враги удаляются; мысль, сдѣлавшись свободною, имѣетъ непрестанную молитву и непрерывное занятіе въ божественныхъ предметахъ. Всякій помысль, возстающій въ сердцѣ, совершенно истребляй, какъ разрушающій любовь и миръ. Всякое же приключеніе, приходящее отъ вѣ, мужественно пріемли, какъ научающее спасительному терпѣнію,—терпѣнію, которое даруетъ пребываніе и покой на небесахъ.

Такимъ образомъ проводя дни, будешь спокойно жить въ настоящей жизни, и увеселяться блаженными надеждами; а при исходѣ съ дерзновеніемъ перейдешь отсюда, и отъидешь въ мѣста покоя, которыя уготовалъ тебѣ Господь, въ мздовоздаяніе за понесенные здѣсь труды, и будешь соцарствовать съ Нимъ, Которому надлежитъ всякая слава, честь и поклоненіе, кунно со безначальнымъ Его Отцемъ, и всесвятымъ и благимъ и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ФЕОЛИПТА,

МИТРОПОЛИТА ФИЛАДЕЛЬФІЙСКАГО.

Девять главъ.

1. Умъ, удаляющійся внѣшнихъ, и внутрь собирающійся, возвращается къ себѣ, то-есть соединяется съ естественнымъ мысленнымъ своимъ словомъ, и чрезъ слово, въ существѣ его находящееся, сопрягается съ молитвою, а чрезъ молитву восходитъ къ познанію Бога, со всею любительною силою и желаніемъ. Тогда похоть плоти истребляется, всякое сладострастное чувство престааетъ, и земныя красоты дѣлаются непріятными; ибо душа плѣняется красотой Христа, презрѣвъ все тѣлесное и до тѣла относящееся. Христу послѣдуетъ душа дѣлами благочестія и цѣломудріемъ помысловъ, и поетъ: Приведутся царю дѣвы въ слѣдъ Его (Псал. 44, 15). Христа воображаетъ и зритъ предъ собою и говоритъ: Предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть (Псал. 15, 8). Христу прилѣпляется любовію и взываетъ: Господи, предъ Тобою все желаніе мое (Псал. 37, 10). Христу всегда внимааетъ и вопіетъ: Очи мои выну ко Господу (Псал. 24, 15). Христу собесѣдуетъ чистою молитвою, и услаждаетъ Его веселяся: Да усладится Ему бесѣда моя, азъ же возвеселюся о Господѣ (Псал. 103, 34). Богъ приѣмлетъ разглагольствіе въ молитвѣ, и за любовь, призываніе и прошеніе помощи Его даруетъ молящейся душѣ неизреченную радость.

Ибо вспоминая Бога въ бесѣдѣ молитвенной, она утѣшается отъ Господа: помянухъ Бога, говоритъ Давидъ и возвеселихся (Псал. 76, 4).

2. Убѣгай чувствъ, и побѣдишь чувственныя пожеланія. Убѣгай и воображенія въ мысли пріятныхъ предметовъ, и побѣдишь сладострастіе помысловъ. Когда же умъ не пріемлетъ воображеній, и не даетъ начертываться и напечатлѣваться въ себѣ ни образамъ вещей сладостныхъ, ниже похотливымъ помысламъ: тогда находится въ простотѣ и, дѣлаясь превыше всего чувственного и умнаго, восходитъ въ помышленіе о Богѣ, и ничего другаго, кромѣ имени Господа, непрестаннымъ памятованіемъ въ глубинѣ себя не произноситъ, какъ младенецъ произноситъ толеко имя отца своего. Воззову, говоритъ Господь къ Моисею, о имени Моемъ, Господь предъ тобою (Исход. 33, 19). Какъ Адамъ, сотворенный изъ персти рукою Божіею, учинился въ душу живу дуновеніемъ божественнымъ: такъ и умъ, возсозданный добродѣтелями, частымъ призываніемъ Господа отъ чистой мысли и горячаго желанія, получаетъ божественное измѣненіе, животворится и обоготворяется познаваніемъ и любленіемъ Бога.

3. Если всегдашнею и истинною молитвою совершенно отрѣшишься отъ земныхъ пожеланій и, какъ въ состояніи сна, успокоишься отъ всякаго помышленія не о Богѣ, но совершенно утвердишься въ одномъ памятованіи Бога: то возсозиждется въ тебѣ, какбы другая помощница, любовь къ Богу; ибо взываніе въ усердной молитвѣ привлекаетъ божественную любовь, а божественная любовь пробуждаетъ умъ къ зрѣнію тайнъ. Тогда умъ, сочетавшись съ любовію, раждаетъ мудрость, а чрезъ мудрость открываетъ неизреченное; ибо Богъ Слово, призываемый воплемъ усердной молитвы, беретъ разумѣніе ума, какбы нѣкое ребро, и, восполнивъ мѣсто онаго благимъ расположеніемъ, даруетъ добродѣтель—созидаеъ свѣтотворную любовь, и приводитъ къ изступленному

уму, спящему и покоющемуся отъ всякаго земнаго пожеланія. А сія любовь обрѣтается другою помощницею ума, успокоившагося отъ безсловеснаго пристрастія къ предметамъ чувственнымъ, почему и пробуждаетъ умъ, какъ чистый, къ глаголамъ мудрости. Тогда, взирая на любовь и услаждаясь, онъ открываетъ другимъ, посредствомъ слова, тайныя свойства добродѣтелей и невидимыя дѣйствія познанія.

4. Отрѣшись совершенно всего чувственнаго, и оставь законъ плоти,— и духовный законъ напишется въ твоёмъ умѣ; ибо какъ духомъ ходящій похоти плотской не совершаетъ, говоритъ Апостоль (Галат. 5, 16); такъ и удаляющійся чувствъ и чувственнаго, то-есть, плоти и міра, начинаетъ духомъ ходить и духовная мудрствовать. И сему научись изъ того, что Богъ содѣлалъ во Адамѣ до преслушанія.

5. Кто подвизается въ храненіи заповѣдей, и въ раю молитвы пребываетъ, и неотлучно находится при Богѣ всегдашнимъ памятованіемъ; того освобождаетъ Богъ отъ сластолюбивыхъ дѣяній плотскихъ, и отъ всѣхъ чувственныхъ побужденій, и отъ всѣхъ мысленныхъ воображеній, и, учинивъ его мертвымъ для страстей и грѣха, дѣлаетъ причастнымъ божественной жизни: ибо какъ спящій, и мертвому подобенъ, и живъ есть,—подобенъ мертвому бездѣйствіемъ тѣла, живъ есть дѣйствіемъ души; такъ и ходящій духомъ умираетъ плоти и міру, живетъ же мудрованіемъ духа.

6. Если понимаешь, что ты поешь, то получаешь познаніе; чрезъ познаніе снискиваешь разумѣніе; изъ разумѣнія раждается исполненіе познаннаго; исполненіе приноситъ опытное знаніе; а знаніе по опыту даетъ истинное созерцаніе; изъ сего возсіяваетъ мудрость въ свѣтолучныхъ словахъ благодати, наполняетъ свѣтомъ мысленный воздухъ, и находящимся внѣ показываетъ сокровенное.

7. Сперва умъ ищетъ и обрѣтаетъ, потомъ соединяется съ обрѣтеннымъ. Исканіе производится размышленіемъ, а

соединеніе—любовію. Исканіе чрезъ размышленіе имѣетъ концемъ истину, а соединеніе любви—благо.

8. Кто возносится надъ непостояннымъ бытіемъ вещей, и отвергаетъ желаніе преходящихъ, тотъ не взираетъ на то, что внизу, не вожделѣваетъ земныхъ пріятностей. Ему открыто созерцаніе горняго; онъ созерцаетъ красоты небесныя, зреть блаженство безсмертныхъ. Какъ привязанному къ вещамъ земнымъ, и къ прилѣпившемуся плотскимъ утѣхамъ небеса заключены, потому что умныя очи таковаго помрачены: такъ презирающій дольніе предметы и отвращающійся ихъ имѣетъ возвышенный умъ, и зреть славу вѣчныхъ, и усматриваетъ свѣтлость, уготованную святымъ. Таковый пріемлетъ въ себя любовь Божію, нисходящую свыше, и бываетъ храмомъ Духа Святаго, и вожделѣваетъ божественныхъ хотѣній, и Духомъ Божіимъ водится, и удостоивается усыновленія, и имѣетъ Бога благоволящимъ и милостивымъ къ нему; ибо всѣ водимые Духомъ Божіимъ суть сыны Божіи.

9. По причинѣ немощи, да не оставишь молитвы и на одинъ только день, доколѣ есть въ тебѣ дыханіе, слушая говорящаго: егда немоществую, тогда силенъ есмь (2 Кор. 12, 10). Дѣлая сіе, большую получишь пользу, и немощи тотчасъ избавишься, при содѣйствіи благодати. Гдѣ утѣшеніе Духа, тамъ немощь или скорбь не будетъ продолжительна.

СТРАДАНИЕ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

НИКИТЫ.

ПАМЯТЬ ЕГО АПРѢЛЯ 4-ГО.

блаженный и священный сей отецъ нашъ Никита отечествомъ своимъ имѣлъ Албанію, ангельски же подвизался на святоименной сей Горѣ—сначала въ русскомъ монастырѣ, проходя въ немъ должность череднаго священника; потомъ, возжелавъ глубочайшаго безмолвія, удалился отсюда въ скитъ святыя Анны; а наконецъ распалившись пламенемъ горячайшей любви ко Христу Богу, и рѣшившись непременно излить кровь свою за Него, излившаго безцѣнную свою кровь за весь родъ человѣческій, удалился со Святой Горы въ Серры (Серезъ). Представъ тамъ предъ главнаго агарянскаго управителя того мѣста, со всеѣмъ мужествомъ и дерзновеніемъ, онъ исповѣдалъ предъ нимъ Христа истиннымъ Богомъ, а Магомета и вѣру его обличилъ и проклялъ. Цѣлый сеймъ изъ духовныхъ и гражданскихъ лицъ собралъ управитель этотъ для суда надъ мученикомъ. Но все средства, употребленныя нечестивцами для обращенія блаженнаго къ ихъ нечестію, оказались тщетными. Ласкательства ихъ святой презрѣлъ, а муки ихъ, которыя хотя были самыя без-

человѣчныя, вынесъ съ невыразимымъ мужествомъ и твердостью. Нечестивцы мучили святаго слѣдующимъ образомъ: стягали честную его главу винтами, за ногти пальцевъ рукъ и ногъ его забивали острыя иглы, вѣшали его стремглавъ, огнемъ опаляли всѣ части тѣла его, — и все это происходило не одинъ разъ, и всякой разъ послѣ таковыхъ звѣрскихъ истязаній повергали его въ душную темницу. Наконецъ беззаконники, не въ состояніи будучи побѣдить твердость страсто-терпца, присудили удавленіемъ лишить его жизни, что и было ими совершено въ вечеръ великой субботы, 4 апрѣля 1808 года. Черезъ три дня послѣ казни, христіане выкупили у нечестивцевъ честныя мощи священномученика, и съ честію погребли ихъ при церкви святаго Николая, близъ городской страннопріимницы. Подобно другимъ святымъ благословилъ Богъ прославить и сего священномученика Никиту нѣсколькими чудесами въ явленіе дерзновенія его предъ Собою. Молитвами же священномученика Никиты да сподобимся и мы всѣ царствія Христова¹. Аминь.

---

¹ На вопросъ нашъ здѣшнимъ грекамъ: почему они не имѣютъ въ своемъ монастырѣ полного и подробнаго синаксарія святаго ихъ монастыря, и не позаботились включить имя священномученика Никиты въ греческую Минею, гдѣ включены мученики и 19-го вѣка до 1819 года? Но они простодушно отвѣчали: «кому же было у насъ, братія, въ тѣ несчастныя времена писать что нибудь или приводить въ извѣстность дѣла нашего монастыря? Теперь-то, съ нашимъ сюда явленіемъ, и у насъ появились люди, могущіе что нибудь написать и другое кое-что сдѣлать, а тогда!... Если бы не письмо почтеннаго Серронскія обители настоятеля, то мы, пожалуй, и не знали бы, что монастырь нашъ имѣетъ одного отшедшаго къ Богу мученическою кончиною». Письмо это писано въ обитель Русикъ уже въ 1809 году февраля 19, и подписано настоятелемъ Серронской обители, іеромонахомъ Константиємъ и какимъ-то врачомъ Николаемъ. Святый Никита, идя на мученическій подвигъ, какъ видно изъ письма, былъ въ этой обители, и приготавлился въ ней къ великому подвигу; по этому-то настоятель сей обители и счелъ долгомъ записать день кончины мученика, и извѣстить о ней обитель Русикъ, какъ первое мѣсто ангельскихъ его подвиговъ. Изъ этого-то письма мы и заимствовали немногія свѣдѣнія о священномученикѣ Русика Никитѣ. А сколько и еще святыхъ по

такowymъ и подобнымъ причинамъ остаются міру неизвѣстными! Такъ напримѣръ, въ обители Діонисіатской остаются непрославленными четыре преподобномученика, пострадавшіе за имя Христова со всѣмъ мужествомъ, дерзновеніемъ и дивнымъ терпѣніемъ, именно по тому, что страстотерическіе подвиги ихъ не были приведены въ извѣстность въ свое время. Хотя духовный старецъ приготовлявшій ихъ къ мученичеству еще и теперь живъ, но на всѣ наши распросы о времени ихъ страданія, онъ могъ сказать намъ съ достовѣрностію только то, что они пострадали прежде греческаго востанія. Преподобномученики сіи: Христофоръ и Іосифъ, пострадавшіе въ Адрианополѣ, Геннадій въ Еврипѣ и Павелъ въ Пелопонесѣ. Впрочемъ въ обители Діонисіатской они чтутся какъ святые. С. А. П.

СТРАДАНИЯ СВЯТАГО СЛАВНАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

ГЕДЕОНА¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ДЕКАБРЯ 30-ГО.

овоявленная сія звѣзда мысленныя тверди, новый преподобномученикъ Гедеонъ происходилъ изъ одного селенія епархіи Димитріадской, именуемаго Капурна, лежащаго близъ Макриницы, мѣстечка той же Димитріады, отъ родителей бѣдныхъ, но православныхъ и благочестивыхъ. Отецъ его назывался Авгириносомъ, мать Кирацою, а самъ онъ до иночества Никономъ, и былъ перворожденнымъ въ семействѣ этого Авгириноса, имѣвшаго еще трехъ сыновей и четырехъ дочерей. Въ это время Никону было 12 лѣтъ. У матери его былъ двоюродный братъ, занимавшійся торговлею въ Велестинѣ, гдѣ тогда жили и родители святаго. По причинѣ крайней своей бѣдности они отдали ему своего сына на воспитаніе, и святой сталъ служить дядѣ своему со всѣмъ усердіемъ и вѣрностію. Понравился отрокъ Никонъ, — а онъ былъ дѣйствительно расторопенъ и благоразуменъ, — одному велестинскому агарянину, именемъ Алинъ; поэтому нечести-

¹ Изъ книжки заключающей въ себѣ только службу сему святому и его жизнеописаніе; она напечатана въ Константинополѣ 1840 года.

вещь насильно похитилъ его и, приведши въ свой домъ, заставилъ служить въ поганомъ своемъ гаремѣ, а впослѣдствіи ласками своими совратилъ его и въ свою пагубу, и переименовалъ изъ христіанскаго имени агарянскимъ. Два только мѣсяца пребывалъ Никонъ въ этомъ нечестіи, служилъ же агарянину цѣлое лѣто. Пришедши въ чувство и познавъ достойное слезъ паденіе свое, отрокъ Никонъ отъ всего сердца сталъ раскаяваться, и, подобно Петру, горько плакалъ, а потомъ отыскавши удобный случай, тайно убѣждалъ изъ нечестиваго того дома къ своему отцу. Но какое могъ ему оказать покровительство отъ сильныхъ и злобныхъ тирановъ отецъ — человекъ бѣдный и незначительный? Впрочемъ онъ сдѣлалъ въ пользу сына своего, что могъ, самъ тайно отправилъ отрока въ другое селеніе, именуемое Керамиди, и тамъ представилъ ему спастись, какъ онъ знаетъ и какую будетъ имѣть къ тому возможность, преимущественно же совѣтовалъ изыскать средства отправиться на святую Аѳонскую Гору. Много претерпѣлъ отъ беззаконниковъ бѣдный Авгириносъ за то, что доставилъ сыну своему способъ убѣжать отъ нихъ. Тоже и Никонъ, разставшись съ отцемъ своимъ, какъ сирота, какъ безпріютный, много вытерпѣлъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, когда скитался тамъ и сямъ. Наконецъ, послѣ этой горькой скитальческой жизни, прибылъ онъ на святую Аѳонскую Гору, и сначала съ благоговѣніемъ обошелъ всѣ, находящіяся въ ней монастыри и даже отшельническія келліи, въ намѣреніи обрѣсти опытнаго духовника, которому бы могъ раскрыть свою совѣсть, и получить отъ него пластырь и обязаніе для уязвленной своей души. Обходя же такимъ образомъ Святую Гору, онъ достигъ наконецъ и священной обители святыхъ и всехвальныхъ апостоловъ, именуемой Каракалъ. Здѣсь нашелъ онъ, чего искала растерзанная душа его, поэтому и остался въ братствѣ тамошнихъ святыхъ отцовъ. Тамъ исповѣдалъ Никонъ страшный грѣхъ

своего отступничества, и былъ причисленъ къ Церкви Христовой по установленному ею чину, а скоро наконецъ, сподобившись и великаго ангельскаго образа съ именемъ Гедеона, сталъ подвизаться достойно своего званія. Отцы монастыря, видя его благоговѣніе, послушаніе ко всѣмъ, усердіе къ своему дѣлу, и прочія иноческія добродѣтели, единогласно избрали его въ еkkлисіархи. Бывъ возведенъ на священную сію степень, блаженный приложилъ къ посту посты, къ колѣнопреклоненіямъ колѣнопреклоненія, къ бдѣніямъ бдѣнія, и другіе аскетическіе подвиги къ прежнимъ своимъ трудамъ, и цѣлыхъ 35 лѣтъ подвизался въ этихъ дивныхъ, ангельскихъ подвигахъ. Но часто, читая и слыша повѣствованія о святыхъ мученикахъ, съ терпѣніемъ и мужествомъ полагавшихъ души свои за сладчайшаго Іисуса, и своими страданіями и мученіями достигшихъ славы царствія небеснаго, къ тому же обличаемый своею совѣстію въ ужасномъ грѣхѣ отреченія, онъ сталъ многолѣтніе дивные свои подвиги считать недостаточными къ умилостивленію разгнѣваннаго имъ Бога, и мысль его останавливалась только на мученичествѣ. Онъ думалъ, что изліяніемъ только своей крови можетъ смыть съ души своей темнѣйшее пятно, уничтожить на себѣ сатанинскую печать. Отъ сихъ размышленій мало по малу родилась въ немъ непремѣнная рѣшимость добровольно предстать предъ нечестивцевъ, и исповѣдать Христа истиннымъ Богомъ, Котораго онъ, по безумію своему, нѣкогда отрекся. Посему, взявъ отъ настоятеля¹ обители позволеніе и благословеніе, и испросивъ у ея отцовъ святыхъ о себѣ молитвъ, отправился онъ въ Велестину—туда, гдѣ безумно отрекся своего Спасителя. Представъ предъ тамошніа агарянскія власти, святой со всѣмъ мужествомъ, со всею неустрашимостію, со всѣмъ дерзновеніемъ исповѣдалъ предъ ними Христа, вѣру

¹ Каракалъ и до нынѣ киновія.

же ихъ обличилъ, а великаго пророка ихъ проклялъ. Для лучшаго же успѣха въ своей мысли онъ притворился юродивымъ, и дѣлалъ иногда самыя оскорбительныя для нечестивыхъ юродства. Но ни обличенія его, ни юродства не имѣли никакого успѣха. Всякій разъ,—ибо святой не однажды рѣшался на исповѣданіе,—всякій, говорю, разъ, послѣ жестокихъ побоевъ, онъ былъ только выгоняемъ изъ нечестиваго судилища. Покушался было онъ совершить свой подвигъ въ другихъ мѣстахъ, но и тамъ не имѣлъ успѣха. Съ великою поэтому скорбію возвратился онъ опять на Святую Гору. Стало быть, пострадать тогда преподобному,—еще не было воли Божіей. Проживши только годъ на Святой Горѣ, блаженный взялъ позволеніе у своего настоятеля, и снова оставилъ ее, опять прибылъ въ Велестину, ибо возжегшійся въ душѣ его пламень любви Христовой постоянно побуждалъ его, какъ жаждущаго еленя, скорѣе течь на источники водъ мученическихъ. Снова предсталъ онъ тамъ предъ нечестивыхъ судей, и снова съ дерзновеніемъ исповѣдалъ Христа Богомъ, а Магомета укорилъ; но, какъ и прежде, получилъ за то только жесточайшіе побои. Однакожь святой былъ твердъ и непреклоненъ въ своей мысли и, горя непремѣннымъ желаніемъ мученичества, пришелъ послѣ сего въ одно сосѣднее селеніе, гдѣ, представъ предъ тамошняго управителя, съ дерзновеніемъ поносилъ гнусную его религію. Тогда управитель этотъ написалъ къ главному начальнику того мѣста Вели-пашѣ, жившему въ Турново, что одинъ гяуръ нагло поноситъ ихъ религію. Вели-паша за дерзкимъ этимъ хулителемъ ихъ вѣры послалъ двухъ воиновъ. Святой предсталъ предъ него, и съ такимъ же дерзновеніемъ исповѣдалъ Христа, а Магомета обличилъ. Для обсуждения и разсмотрѣнія столь важнаго дѣла Вели-паша созвалъ цѣлый сеймъ изувѣровъ духовныхъ и гражданскихъ чиновъ изъ подвѣдомственныхъ себѣ окрестныхъ селеній. Нечестивцы сначала ласками

хотѣли было увлечь святаго въ свою пагубу, а потомъ употребили безчестіе: Гедеона посадили на осла лицомъ къ задѣ, надѣли на голову его уродливый колпакъ, дали ему въ руки хвостъ этого животнаго, и такимъ образомъ возили его по всѣмъ улицамъ селенія: но онъ еще болѣе сталъ обличать ихъ вѣру, и хулить ея основателя. Не въ состояніи будучи болѣе сносить такого дерзновенія, нечестивцы просили пашу немедленно умертвить хулителя ихъ вѣры и великаго ихъ пророка. Смерть святаго была самая мучительная. У него, какъ у Іакова персянина (см. ноября 27 дня), были по одиначкѣ обрублены, кромѣ головы, всѣ члены святаго его тѣла, а потомъ по обрубленіи членовъ, бросили его еще живаго въ отхожія мѣста пашинскаго дворца, гдѣ мученикъ и предалъ уже святую свою душу въ руцѣ Божіи. Впрочемъ христіане отыскали средства получить въ свои руки всѣ раздробленныя сіи мученическія мощи, и съ честію погребли ихъ въ церкви святыхъ всехвальныхъ 12 апостоловъ въ Турновѣ. Впослѣдствіи часть страсотерпческихъ сихъ мощей была принесена и на Святую Гору въ обитель Каракальскую, гдѣ мученикъ подвижался. Всеблагій же Богъ, подобно другимъ угодникамъ Своимъ, различно Имъ прославленнымъ, благоволилъ прославить и сего различными знаменіями и чудесами. Святый Гедеонъ еще при жизни предсказалъ паденіе Вели-паши, что и оправдалось самымъ дѣломъ въ скоромъ времени. Молитвами святаго преподобномученика Гедеона да сподобимся и мы всѣ царствія небеснаго, съ благоугодившими Богу отъ вѣка. Аминь.

Преподобномученикъ Гедеонъ пострадалъ 1818 года декабря 30-го, въ лежащемъ въ Фессаліи селеніи Турново (см. Турново).

СТРАДАНИЯ СВЯТАГО НОВАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

НЕКТАРІЯ ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ПОЛЯ 11-ГО, ПРАЗДНУЕТСЯ ВЪ СКИТѢ СВ. АННЫ.

Святой Нектарій происходилъ изъ одного мѣстечка Малой Азіи, находящагося въ епархіи ефесской, и называемаго Вріулла, или въ простонародіи Вурла. Оставшись послѣ отца сиротою, въ 17-ти лѣтнемъ возрастѣ, онъ, по причинѣ крайней бѣдности, для снисканія пропитанія себѣ и бѣдной своей матери, поступилъ къ одному агарянину въ пастухи верблюдовъ.

Въ отечествѣ его въ то время случилась великая смертность отъ чумы; поэтому всѣ почти жители того селенія, боясь чумы, удалились въ поля, а въ числѣ ихъ былъ и господинъ Николая,— это было имя Нектарія до иночества. У удалившихся въ тѣ поля агарянь, кромѣ Николая, въ услу-

¹ Съ рукописи скита св. Анны.

женіи при такой же должности случилось еще другихъ 6-ть юношей грековъ. Совершенно удаленные отъ всякаго съкѣмъ нибудь сообщенія, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныя времена, они были обмануты агарянами, которые натолковали имъ, что всѣ христіане въ отечествѣ ихъ умерли, и что остались въ живыхъ только эти пастухи, да господа ихъ агаряне. Итакъ представляя, что у нихъ нѣтъ теперь ни родителей, ни состоянія, они рѣшились всѣ съ общаго совѣта, чтобы имѣть способы къ жизни, принять вѣру своихъ господъ, и сдѣлали это. Когда прекратилась чума,— всѣ они возвратились въ свои жилища, возвратился также и господинъ Николая. По возвращеніи своемъ въ селеніе, Николай узналъ, что мать его жива и здорова, и чрезвычайно обрадовавшись этому, тотчасъ же пошелъ повидаться съ нею, одѣтый въ турецкое платье. Но благочестивая и мужественнѣйшая та женщина и добрая мать, увидѣвъ его въ такомъ одѣянніи, говоритъ ему: не являйся ко мнѣ! я не знаю, кто ты таковъ. Юноша сознается ей, что онъ сдѣлался туркомъ. Но добрая и истинная христіанка, еще съ большею силою говоритъ: прочь отсюда! я не родила тебя туркомъ, а родила христіаниномъ Николаемъ; удались отсюда сейчасъ же, чтобы не видѣли тебя глаза мои¹. Слова доброй матери до глубины пронзили сердце сына, какбы острыя стрѣлы; теперь только позналъ онъ важность своего бѣдствія, и съ великою скорбію, не отвѣчая ни одного слова благочестивой своей матери, удалился отъ ней. Пришедши такимъ образомъ въ себя, онъ сталъ молиться отъ всей души Богу и Отцу щедротъ, чтобы Онъ помиловалъ его, какъ познавшаго беззаконіе свое, и имѣющаго грѣхъ свой предъ собою выну, чтобы Онъ Самъ, имже вѣсть образомъ, наставилъ его на путь правый. Уда-

---

¹ Подобнымъ образомъ поступили съ Іаковомъ Персяниномъ жена его и мать. См. его житіе ноября 26.

лившись отъ матери, онъ не зашелъ уже въ проклятый домъ своего господина, но тогда же пошелъ въ Смирну. Тамъ встрѣтилъ онъ дядю своего, которому объявилъ ужасный свой грѣхъ. Дядя, одѣвъ его во французское одѣяніе, препроводилъ въ Константинополь, а потомъ совѣтовалъ ему отправиться въ Россію для покаянія въ великомъ своемъ грѣхѣ. Юноша прибылъ въ Константинополь, а оттуда, по совѣту другихъ, переѣхалъ въ Валахію, но, не нашедши тамъ ожидаемой для души пользы, возвратился въ Смирну. Здѣсь онъ опять встрѣтилъ своего дядю, который теперь прогналъ его отъ себя за то, что онъ не послушалъ его совѣта. Впрочемъ все это происходило такъ, по Божіей волѣ и промыслу. Нѣкоторые изъ смирнскихъ христіанъ представили Николая одному, случившемуся тамъ, святогорскому духовнику, мужу благочестивому, которому съ сокрушеннымъ и умиленнымъ сердцемъ и со многими слезами исповѣдалъ онъ все свое прошлое. Духовникъ, поучивъ его довольно и утѣшивъ, совѣтовалъ ему отправиться на Святую Гору, гдѣ онъ вѣриѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, обрѣтетъ безопасность душевную и тѣлесную. Послушался Николай совѣта его. Прибывъ туда, онъ нашелъ одного соотечественника, подвизавшагося тамъ въ нѣкоей келліи, который принялъ его съ братскою любовію и упокоилъ тѣлесно, потомъ представлялъ его многимъ опытнымъ духовникамъ пользы ради душевной. Отъ частыхъ сокрушенныхъ исповѣданій въ сердцѣ треблаженнаго болѣе и болѣе возрастала божественная любовь, и мало по малу возжигалось желаніе сподобиться ему излить кровь свою за любовь сладчайшаго нашего Іисуса, о чемъ объявилъ онъ и святымъ тѣмъ духовникамъ, которые, по долгу своему, старались отклонить его отъ таковаго его намѣренія, высказывая ему многія опасности, съ которыми соединено мученичество. Между тѣмъ онъ узналъ, что въ скиту святыхъ Анны подвизается одинъ его соотечественникъ, именемъ Стефанъ. Въ на-

деждѣ обрѣсти тамъ большее безмолвіе и большее удобство къ посильнымъ подвигамъ, Николай пошелъ къ нему и, пришедши туда, дѣйствительно нашелъ желаемое. Преподобный Стефанъ благосклонно принялъ его въ свое общество, и назначилъ ему извѣстные подвиги. По дѣйствию сатаны, много впрочемъ испыталъ онъ и искушеній отъ своего братства, которое никакъ не хотѣло, чтобы жилъ съ ними Нектарій. Но христоподражательный Стефанъ все перенесъ съ крайнимъ терпѣніемъ по любви ко Христу и брату своему, и благодать Пресвятаго Духа скоро наградила его за такое терпѣніе, просвѣтивши помраченныя діавольскою завистию души сподвижниковъ его, такъ что они наконецъ не только умиротворились касательно Нектарія, но даже стали благодарить Бога, что Онъ сподобилъ ихъ покоить у себя будущаго мученика и представить въ немъ вѣчной Его правдѣ чистый сосудъ Его благодати. Почему всѣ стали съ любовію и охотно заботиться о приготовленіи всего необходимаго для пути его на мученическій подвигъ, о которомъ Нектарій объявилъ преподобнѣйшему Стефану тотчасъ же, по своемъ къ нему прибытіи. Кромѣ того, приснопамятный Нектарій, по зависти къ нему доброненавистника, испыталъ на Святой Горѣ много и другихъ различныхъ искушеній и скорбей, но все терпѣлъ безъ ропота, и даже благодаря и слава Бога и Госпожу Богородицу, — въ той мысли, что это дѣлалось съ нимъ для очищенія грѣховъ его и для спасенія души.

Кто же можетъ достойно рассказать о подвигахъ Нектарія послѣ того, какъ онъ сподобился принять иноческій ангельскій образъ, о его постахъ, долужаніяхъ, колѣнопреклоненіяхъ, всенощныхъ молитвахъ, непрерывномъ изліяніи слезъ? Но всѣ сіи подвиги блаженному Нектарію казались малыми; вкусивъ однажды божественнаго нектара Христовой любви, онъ ощутилъ въ душѣ своей неугасимый огонь. Священный этотъ пламень, усиливаясь болѣе и болѣе, побуждалъ

его, какъ жаждущаго еленя, течь, сколько можно скорѣе, на источники водъ мученическихъ. Наконецъ мужественный юноша объявляетъ своему старцу, преподобнѣйшему Стефану, что онъ уже не въ состояніи болѣе выносить жгущаго его огня, и просить его дать ему позволеніе отправиться на страдальческій подвигъ. Благословенный этотъ мужъ, взирая на нѣжное его сложеніе и юный возрастъ, всячески старается остановить его на нѣкоторое время, но безъ успѣха. Послѣ сего онъ объявляетъ объ этомъ дѣлѣ разнымъ духовникамъ, которые, взирая на юность Нектарія и страшась неизвѣстности, каковъ будетъ ходъ дѣла, тоже всячески старались отклонить блаженнаго отъ предпринимаемаго имъ великаго и страшнаго подвига; но все было напрасно. На всѣ ихъ убѣжденія мужественный Нектарій отвѣчалъ, что съ его стороны нужно только начало, а божественная сила совершитъ и докончитъ уже непреложное его желаніе; что онъ имѣетъ твердое упованіе на благоутробіе и помощь сладчайшаго Іисуса, за котораго намѣренъ излить кровь свою, равно какъ и на предстательство о немъ Госпожи Богородицы. Святые отцы, видя до какой степени непреложна мысль Нектарія, всѣ, отъ всей души, отечески благословили его на великій подвигъ, а мучениколюбивый старецъ его Стефанъ самъ изъявилъ желаніе сопутствовать ему для утѣшенія его. И такъ, оба они, бывъ снабжены молитвами и благословеніемъ всѣхъ преподобныхъ отцовъ скита, отправились въ путь, и скоро достигли отечества Нектаріева; блаженный непремѣнно хотѣлъ исповѣдать Христа Богомъ тамъ, гдѣ неразумно отрекся Его. А чтобы отклонить отъ тамошнихъ христіанъ подозрѣніе, будто онъ имѣлъ съ ними когда какое либо сношеніе, или подвигнуть ими на великое дѣло исповѣданія, онъ явился туда въ оттоманскомъ одѣяніи, и въ этомъ видѣ жилъ тамъ до нечестиваго и всесквернаго мусульманскаго праздника байрама, при наступленіи котораго казался даже праздную-

щимъ съ нечестивцами. Но послѣ трехъ дней этого мерзкаго байрама онъ предсталъ предъ судью, и, какъ обычно, привѣтствуя его по турецки, съ великимъ дерзновеніемъ сказалъ ему: Ефенди! я рожденъ христіаниномъ, но въ малолѣтствѣ прельщенъ былъ однимъ изъ здѣшнихъ, хусеинъ-агою, который обѣщалъ мнѣ множество всякаго рода благъ, и я, какъ отрокъ неразумный, увы! отрекся сладчайшаго моего Исуса, Бога истиннаго, и сдѣлался туркомъ: пришедши потомъ въ зрѣлый возрастъ и, увидѣвши, что обѣщанія свои онъ употребилъ только для обольщенія меня, я удалился отъ него, и даже изъ того мѣста, и пребывалъ до сего времени въ Хезаерли—такъ мученикъ сказалъ, чтобы не открылось, гдѣ онъ жилъ.— Теперь же, когда я понялъ всю великость бѣдствія, которому подвергся, отрекшись по неразумію своему истинной и непорочной вѣры христіанской, и принявши вашу гнусную, на мнѣ лежитъ обязанность отказаться отъ ней и возвратить ее вамъ. Съ этимъ словомъ онъ тотчасъ же сбросилъ съ себя сарики и фесъ и сказалъ: возьмите эти знаки вашей вѣры: христіаниномъ я родился, христіаниномъ и умру. Изумило судью такое безстрашіе Нектарія, но видя юность его и красоту, нечестивецъ надѣялся ласкательствами убѣдить его. Послѣ многихъ льстивыхъ обѣщаній, онъ наконецъ тихо говоритъ мученику: вижу тебя, сынъ мой, весьма юнымъ и несовершеннымъ въ разумѣ, и полагаю, что ты не отъ себя говоришь все это; поди же, разсуди хорошенько, что такое твое дерзновеніе, такое безстрашіе навлекутъ на тебя страшныя наказанія, которыхъ ты не перенесешь. Святой: но я хорошо размыслилъ уже о всѣхъ этихъ наказаніяхъ, и потомъ пришелъ сюда проповѣдывать Христа Богомъ истиннымъ. Судья еще сказалъ ему безъ гнѣва: поди, поди—размысли. Святой удалился. На другой день онъ снова предсталъ предъ судью и говоритъ ему: вотъ, ефенди, я пришелъ сказать тебѣ, что, по приказанію твоему, размыслилъ,

и сего дня говорю тебѣ тоже, что и вчера говорилъ, то-есть, что я съ сокрушеніемъ сердца оплакиваю грѣхъ мой, и попираю всескверную вашу вѣру, какъ ложную и безбожную. Судья, исполнившись великой ярости, отослалъ его къ князю того мѣста. Но такъ какъ князя не было тогда дома, то намѣстникъ его бросилъ святаго въ темницу, забивши ноги его въ мучилищное дерево и повѣсивши на шею тяжелую цѣпь. Многіе знатные и богатые агаряне приходили къ страдальцу въ темницу, и всячески старались совратить его съ истиннаго пути, но онъ всѣмъ имъ отвѣчалъ, что всѣ блага ихъ вмѣняетъ въ уметы, и презираетъ даже весь міръ, угрозъ же ихъ не боится. По прошествіи пяти дней заключенія святаго, явился и князь, который еще въ отсутствіи своемъ узналъ все его касающееся и потому, рыкая на него какъ левъ, тотчасъ же велѣлъ представить его предъ себя. Сначала, впрочемъ, съ кроткою улыбкою спросилъ мученика: ты тотъ, котораго держатъ въ темницѣ за оставленіе нашей вѣры послѣ добровольнаго принятія ея тобою? Да, отвѣчалъ мученикъ, это я. Князь: какой гяуръ сказалъ тебѣ, что ты сдѣлаешься святымъ за такую дерзость? Мученикъ: благоутробіе Господа моего Іисуса Христа; да, Онъ помилуетъ меня, очиститъ полученную мною чрезъ печать мерской вашей вѣры скверну, и просвѣтитъ душу мою ради изліянія моей крови. И какъ будто къ тебѣ, нечистый, сказалъ ему князь,— сошелъ самъ Богъ для удостовѣренія въ этомъ! Да, говоритъ ему мученикъ. Князь, видя дерзновенную его смѣлость, еще съ ласкательствомъ говоритъ ему: приди, другъ мой, въ себя, пожалѣй юности своей, благообразія своего, сохраняй нашу вѣру, я сдѣлаю тебя моимъ сыномъ, дамъ тебѣ много благъ, и поставлю тебя выше всѣхъ; въ противномъ же случаѣ умерщвлю тебя безжалостно. Блага твои и чести съ тобою и съ религіею твоею да будутъ въ погибель; о наказаніяхъ же твоихъ и мукахъ небрегу, отвѣчалъ ему мученикъ. Посрамленный нечестивецъ, не зная, что дѣлать, велѣлъ снова

ввергнуть его въ темницу, наложить на него цѣпи тяжелѣе прежнихъ, и забить ноги его въ кандалы еще болѣе мучительныя. Но блаженный о всемъ этомъ радовался и веселился, славя и благодаря Господа Бога. Мѣстные же христіане и преподобный Стефанъ не преставали возносить о мученикѣ теплыя молитвы ко Всевышнему. Нѣкоторые изъ нихъ успѣли даже проникнуть къ мученику въ темницу, и доставить ему Пречистыя Христовы Тайны; приобщившись ихъ, онъ получилъ новую бодрость, силу, крѣпость и радость духовную. Съ другой стороны и нечестивый князь не преставаля чрезъ другихъ прельщать мученика обѣщаніемъ ему благъ, но, не видя успѣха, велѣлъ палачамъ своимъ безжалостно мучить его. Мученія были безчеловѣчны: Нектарія безъ всякой милости били палками, на голову его налагали мѣдныя раскаленные чашки, такъ что святой отъ этихъ звѣрскихъ мученій лишился чувствъ, и тогда снова его, какбы нѣкую бездушную массу, бросили въ темницу. Но дѣйствіемъ божественной силы мученикъ, въ постыжденіе безбожныхъ агарянъ и для утвержденія вѣры православныхъ, явился снова здоровъ и благолѣпенъ. Тогда съ понятными развѣ только ему самому чувствами умиленія возблагодарилъ онъ и прославилъ Бога, прославляющаго прославляющихъ его рабовъ (1 Цар. 2, 30). Между тѣмъ варваръ князь, не видя возможности какимъ либо образомъ обратить мученика въ свою пагубу, издалъ на него конечный приговоръ: обезглавить его, — что и было совершено на площади, такъ называемой Малказа, а добропобѣдное мученическое тѣло повелѣлъ бросить въ нѣкій сухой колодезь, и завалить его землею и камнями, и это было въ точности исполнено. Впрочемъ, чрезъ нѣсколько дней, христіане успѣли тайно взять святыя мощи изъ этого колодезя, и раздѣлили ихъ между собою въ освященіе: одну часть ихъ преподобный Стефанъ унесъ на Святую Гору, другую взяла себѣ мать мученика,

а третью — мѣстные христіане. Святыми молитвами новомученика Нектарія да сподобимся и мы всѣ узрѣть вѣчное царство Христа Царя нашего небеснаго. Аминь.

Преподобномученикъ Нектарій пострадалъ 1820 года, іюля 11-го, 20-ти лѣтъ отъ роду.

ЖИЗНЬ И МУЧЕНИЕ СВЯТАГО СЛАВНАГО НОВОМУЧЕНИКА

КОНСТАНТИНА

изъ агарянъ, мучившагося въ Кидоніи и скончавшагося въ Царѣградѣ 1819 года *).

ПАМЯТЬ ЕГО ІЮНЯ 2-ГО.

Святой Константинъ родился на островѣ Митиленѣ, въ селеніи такъ называемомъ Высокогорскомъ, и воспитанъ въ нечестіи магометанскомъ. Впрочемъ, не смотря на то, еще въ младенчествѣ своемъ показалъ онъ будущее свое назначеніе; ибо однажды только въ день питался матернею грудью и, какъ впоследствии было дознано, въ теченіи младенческихъ своихъ лѣтъ всегда былъ тихъ, никогда не плакалъ, хотя плачь и слезы обыкновенно свойственны сему возрасту. Будучи очень миловиденъ лицомъ, онъ въ самый разцвѣтъ своей юности сталъ испытывать сатанинскія козни, и это началось такъ: бѣсъ вошелъ въ женщину, жившую въ сосѣдствѣ съ родителями отрока, и возбудилъ въ ней желаніе умертвить его какимъ бы то ни было образомъ. И вотъ, въ одинъ день, она приходитъ къ матери отрока и лаская его, начинаетъ просить, чтобъ та пустила его прогуляться съ нею. Мать, ничего не подозревая, съ удо-

¹ Изъ *νέον μαρτυρολόγιον* 1856 года.

вольствіемъ соглашается на ея предложеніе. Такимъ образомъ отрокъ и коварная сосѣдка отправились за городъ. Когда они были уже далеко отъ дому, она подала отроку заранѣе приготовленный въ видѣ сладостей ядъ; а онъ, по дѣтской простотѣ, и разлакомился имъ. Но едва только скушалъ гостинецъ, ядъ обнаружилъ свое дѣйствіе: у бѣднаго отрока заболѣли глаза, и въ этомъ худомъ состояніи былъ онъ возвращенъ матери. Не понимая причины, отъ чего это случилось, мать горько плакала о болѣзни бѣднаго своего сына, и хотя были приняты въ послѣдствіи мѣры къ исцѣленію болѣзни, но отрокъ жестоко страдалъ цѣлыхъ три года. Къ большому же несчастію, по истеченіи сего времени, напала на него и другая болѣзнь, такъ называемая оспа, отъ которой онъ совершенно лишился зрѣнія. Страданія сына были такъ невыносимы и жестоки, что мать его съ часу на часъ ожидала его смерти: но всеблагій Богъ, не хотяй смерти грѣшника, видя незлобіе и терпѣніе отрока, восхотѣлъ призвать его изъ тьмы магометанскаго нечестія въ свѣтъ истинной вѣры, и устроилъ это слѣдующимъ образомъ: Онъ внушилъ не подалеку жившей съ родителями отрока христіанкѣ, навѣстить больнаго. Развѣдывая о причинѣ болѣзни его, и утѣшая сѣтующую мать, она наконецъ стала просить у ней позволенія сносить сына ея въ христіанскую церковь, и тамъ погрузить его въ святой водѣ. Я увѣрена, сказала она, что Богъ нашъ исцѣлитъ его. Мать согласилась. Итакъ, взявши больнаго, благоговѣйная эта женщина принесла его въ церковь, и когда омыла его тамъ святою водою.... о, дивныхъ чудесъ Твоихъ, Христе Царю!.. слѣпой прозрѣлъ, и только одинъ глазъ его остался нѣсколько закрытымъ по судьбамъ, вѣдомымъ единому Господу. Когда онъ приведенъ былъ къ матери исцѣлившимся, удивленная симъ чудомъ, она прославила Христа Бога, и перемѣнила скорбь свою на радость. Но такъ какъ, за нѣсколько лѣтъ назадъ тому, мужъ

ея скончался, то она, вышедши за другаго, переселилась съ нимъ и съ дѣтьми своими изъ Митилены въ Магнезію, что въ Анатолиі, гдѣ и оставались они нѣкоторое время. Между тѣмъ отчимъ исцѣлѣвшаго отрока, предаваясь пьянству, часто и жестоко въ нетрезвомъ видѣ билъ какъ его, такъ и прочихъ братьевъ, чего не перенося, мать бросила его, и удалилась съ ними въ Смирну. Тамъ старшій братъ Константина сдѣлался ювелиромъ; а при немъ находился и этотъ юноша... Надобно замѣтить, что, по обыкновенію городскому, при первомъ появленіи зелени и плодовъ, обыкновенно носятъ ихъ по домамъ людей высшаго сословія, по сему, слѣдуя совѣту старшаго брата своего, сталъ заниматься этимъ и Константинъ, и нерѣдко между прочимъ раніе плоды и зелень носилъ въ митрополичій домъ, гдѣ по временамъ неволью входилъ въ бесѣды самъ и прислушивался къ бесѣдамъ другихъ лицъ, состоявшихъ при митрополиі. Такимъ образомъ мало по малу онъ изучилъ греческій языкъ. Имѣя же постоянныя связи и сношенія съ христіанами, онъ, при содѣйствіи благодати Божіей, наконецъ началъ чувствовать въ своемъ сердцѣ тайную склонность и привязанность къ христіанскому благочестію. Въ одинъ день, находясь въ митрополичьемъ домѣ, онъ встрѣтилъ духовника и попросилъ, чтобъ тотъ что нибудь почиталъ ему изъ христіанскихъ книгъ. Духовникъ исполнилъ желаніе юноши: началъ читать, — и тотъ, внимательно слушая, какъ воскъ отъ огня разогрѣвался чувствомъ божественной сладости, и съ того дня, уязвленный божественною любовію, онъ возимѣлъ непремѣнное намѣреніе, отрекшись магометанскаго нечестія, приобщиться къ святой Христовой Церкви. Въ это самое время въ Смирнѣ открылась сильная чума. Въ слѣдствіе чего онъ съ двумя изъ своихъ искреннихъ друзей христіанской вѣры, къ которымъ питалъ чрезвычайно сильную привязан-

ность и любовь братскую, отправился въ церковь святаго великомученика Георгія, въ чаяніи спасенія и сохраненія себя отъ всеобщаго губительства и напрасной смерти. По вѣрѣ ихъ, чувственная смерть не коснулась ихъ: но, къ сожалѣнію, лукавый врагъ уловилъ бѣднаго юношу любострастіемъ и плотскою нечистотою до того, что сердце его совершенно сдѣлалось безчувственнымъ и хладнымъ къ тайнымъ дѣйствіямъ божественной благодати. Впрочемъ и здѣсь человеколюбивый Богъ не оставилъ до конца своего избранника: несчастный юноша скоро почувствовалъ пустоту сердечную и горько плакалъ о своемъ заблужденіи и утратѣ дѣвственной чистоты и цѣломудрія. Чтобъ не увлечься снова въ сѣти сатанинской страсти и не погубить въ конецъ сердечной чистоты, кающійся юноша, не сказавшись друзьямъ своимъ, и утаившись отъ всѣхъ, отправился на попутномъ суднѣ къ святой горѣ Аѳонской, и прежде всего остановился у новаго скита, гдѣ пробылъ до 12-ти дней съ однимъ изъ скитской братіи. Здѣсь онъ въ первый разъ открылся жившему съ нимъ брату, что онъ магометанинъ, и присоветовалъ, что давно отъ всего сердца желаетъ принять святое крещеніе, и сдѣлаться христіаниномъ. Эта исповѣдь поразила брата: онъ немедленно отправился въ обитель святаго Павла, и объявилъ о семъ тамошнимъ старцамъ, которые Впрочемъ, по страху ли, или по другимъ причинамъ, отклоняя отъ себя такое важное дѣло, приказали извѣщавшему ихъ о томъ брату обратиться къ лавру Святаго Аѳанасія. Горько было слышать бѣдному юношѣ отказъ старческой: Впрочемъ, уступая необходимости, онъ отправился чрезъ скитъ святой Анны въ лавру; но, по чрезвычайной усталости и пасмурной погодѣ, а что всего вѣроятнѣе, по тайному водительство Промысла, вмѣсто лавры, спустился въ Кавсокаливскій скитъ, гдѣ, ласково принятый тогдашнимъ дикеемъ Гавріиломъ, открылъ ему свои помыслы и давно таив-

шееся желаніе креститься. Дерзай, чадо, воскликнулъ вдохновенный старецъ, выслушавъ юношу: Богъ исполнитъ твое желаніе, только имѣй терпѣніе, и тогда же, созвавши старцевъ своего скита, и открывъ имъ намѣреніе пришедшаго къ нимъ юноши, требовалъ ихъ совѣта, какъ быть и что имъ дѣлать въ столь важномъ и чрезвычайно дивномъ дѣлѣ. И общимъ совѣтомъ положили этого дѣла не начинать имъ самимъ собою, какъ зависящимъ отъ лавры, но отослать туда юношу на разсмотрѣніе болѣе опытныхъ старцевъ. Однако и въ лаврѣ юноша не былъ счастливѣе. Когда духовникъ и старцы лаврскіе выслушали его и узнали желаніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и то, что онъ родомъ турокъ, — убоялись принять его, опасаясь за послѣдствія столь необычайнаго случая, а потому и рѣшили отправить юношу къ святому патриарху Григорію, находившемуся тогда въ изгнаніи и безмолвствовавшему въ Иверѣ. Горько заплакалъ юноша, услышавъ рѣшеніе лаврскихъ старцевъ. Медленность дѣла и неудачи сокрушали его, такъ что слѣдующую ночь, заливаясь слезами, онъ провелъ всю безъ сна, и только уже къ утру не много успокоился. И что же! Не печалься, вдругъ произнесла ему кроткимъ голосомъ представшая предъ него Госпожа наша Дѣва Богородица, сіяя неизреченнымъ свѣтомъ. Не печалься, продолжала Она съ веселымъ лицомъ, но пойдѣ опять въ Кавсокаливскій скитъ. Самъ Богъ Сынъ Мой, къ которому ты приходишь, заботится о тебѣ. Юноша пробудился, но предъ нимъ уже никого не было. Тогда же онъ отправился въ скитъ и, передавши видѣніе свое дикею, требовалъ его совѣта, что ему дѣлать. Удивленный разговоромъ юноши и тронутый его слезами, старецъ не медля препроводилъ его къ патриарху съ однимъ изъ скитскихъ братій.

Когда юноша, по прибытіи въ Иверъ, явился къ святителю Григорію и, павши къ ногамъ его, трогательно и со слезами просилъ, чтобъ окрестили его и сдѣлали христіани-

номъ, патріархъ кротко спросилъ его: чего ты хочешь отъ насъ, не имѣющихъ ничего, какъ ты видишь? не униженнѣйшіе ли мы паче всѣхъ народовъ и особенно васъ турокъ, владѣющихъ царствомъ, и славою, и всѣми сокровищами и наслаженіями земной жизни? Дивно, что ты только одинъ пренебрегаешь всѣмъ чувственнымъ, тогда какъ тысячи тысячъ не щадятъ ничего для достиженія того, что ты добровольно оставляешь! Одумайся, размысли, чтобъ послѣ не раскаяваться. Заливаясь слезами юноша молчалъ... Что же ты ничего не говоришь, продолжалъ святой патріархъ, желая еще болѣе испытать его? вмѣсто отвѣта, юноша потупившись плакалъ. Тогда святой патріархъ, тронутый его слезами, ласково сказалъ: чрезъ нѣсколько времени я приду въ Кавсокаливу и окрещу тебя, только приготовь себя къ тому, а главное храни въ тайнѣ и не объявляй никому, кто ты такой! И такимъ образомъ, огласивъ его съ нареченіемъ имени Михаилъ, святой патріархъ отпустилъ его съ миромъ. Возвратившись въ Кавсокаливу, юноша провелъ тамъ, въ кельѣ старца своего, почти 6-ть мѣсяцевъ, постоянно искушаемый сатаною и тѣснимый имъ: то тайный помыслъ говорилъ и убѣждалъ его бѣжать оттуда, представляя разные предлоги, то омрачалъ умъ его различными страхованіями и мечтами. Тогда какъ этимъ способомъ сатана ратовалъ противъ Михаила, и Михаилъ не переставалъ вооружаться на него молитвою, да равно и братія утѣшали его. Въ одинъ вечеръ пришелъ къ нему братъ, именемъ Герасимъ, провѣдать его. Останься на ночь эту, говоритъ ему юноша, и почитай мнѣ какуюнибудь книгу въ утѣшеніе. Братъ остался, и когда началъ читать ему, демонъ чувственно явился за дверью, прося впустить его внутрь. Полагая, что это ктонибудь изъ братій, они вышли, но не увидѣвъ никого, смутились, впрочемъ снова вошли въ келью и продолжали читать. А демонъ, спустя не много времени, опять пришелъ и пытался отво-

рить дверь, что невольно встревожило юношу и читавшаго брата. Когда снова вышли они и никого не увидѣли у дверей, тогда прочли предъ ликомъ Богоматери архангельское привѣтствіе: Богородице Дѣво, радуйся! и прочая, и легли спать.

Между тѣмъ отлагательство крещенія отъ времени до времени сильно тревожило Михаила, онъ трогательно умолялъ и упрашивалъ скитскаго старца дикей исполнить сердечное и давнее его желаніе — креститься, и тотъ, видя великое усердіе его и горячность, наконецъ назначилъ день, когда должно было совершиться надъ нимъ святое таинство. Юный Михаилъ былъ внѣ себя отъ тайной радости. Когда же при погруженіи его въ святую купѣль, съ произнесеніемъ словъ: крещается рабъ Божій Константинъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, — великъ Ты Господи, и чудны дѣла Твои! такъ просвѣтилось лице его, что предстоящіе не могли смотрѣть на него, отчего одинъ изъ бывшихъ при семъ чудномъ событіи невольно сказалъ: новопросвѣщенный Константинъ точно безплотный! Въ то же самое время и глазъ, которымъ онъ прежде ничего не видѣлъ, исцѣлился.

Когда такимъ образомъ исполнилось давнее и сердечное желаніе Константина, и онъ удостоился святаго крещенія, пришло ему на мысль сходить въ Иверскую обитель къ Богородицѣ, Вратарницѣ, Которой обѣщался онъ принести въ даръ лампаду: для чего испросивъ благословеніе у старца своего, отправился туда съ однимъ изъ скитской братіи. Потомъ на обратномъ пути изъ Ивера зашелъ онъ въ скитъ честнаго Предтечи, ибо слышалъ, что тамъ безмолвствуетъ опытный старецъ, бывшій духовникомъ нѣкоторыхъ новыхъ мучениковъ, недавно пострадавшихъ трехъ его учениковъ. Когда прибылъ онъ туда, и увидѣлъ страдальческія мощи недавно пріившихъ мученичество, сердце его забилося невыразимо, такъ что какъ воскъ отъ огня, таялъ онъ въ чувствѣ божественной теплоты и умиленія. Съ этого мгновенія

у него родилась непремѣнная мысль— пролить свою кровь за Христа, и тѣмъ засвидѣтельствовать предъ всѣми свою любовь къ Нему. Бесѣды старца, о которомъ мы упомянули выше, еще болѣе утвердили его въ желаніи мученичества, такъ что, возвратившись въ Кавсокаливу къ старцу своему, онъ не могъ быть покойнымъ ни на минуту. Душевное волненіе отпечатлѣвалось и на самомъ лицѣ его: онъ былъ печаленъ и унылъ, такъ что старецъ, замѣтивъ въ немъ перемѣну, смутился и невольно спросилъ, что съ нимъ сдѣлалось и отъ чего онъ такъ печаленъ? Какъ мнѣ не печалиться, отвѣчалъ съ чувствомъ Константинъ, когда истинные рабы Христовы кровью засвидѣтельствовали свою вѣру, а я что принесу въ даръ Господу? Какіе плоды моей вѣры, моей любви къ Нему? Признаюсь, отче, продолжалъ онъ со вздохомъ, когда лобызалъ я мощи святыхъ новыхъ мучениковъ, что въ скиту святаго Предтечи,— желаніе послѣдовать примѣру ихъ родилось въ душѣ моей,— и мысль о томъ не даетъ мнѣ покоя. Благослови, я хочу страдать за Христа: вотъ причина моего душевнаго волненія!... Благословенъ Богъ, чадо, отвѣчалъ дикей. Если это угодно Богу, Онъ Самъ Всемогущій исполнитъ твое желаніе, ими же вѣсть судьбами.

Вслѣдствіе сего старецъ, видя непреклонность мысли Константина и въ слѣдующіе за тѣмъ дни, и не имѣя силъ отклонить его отъ начинанія, прежде всего назначилъ ему— пробить въ совершенномъ безмолвіи и затворѣ 40 дней, постоянно пребывать въ молитвѣ и постѣ, твердо уповая, что Самъ Богъ устроитъ о немъ по Своей святой волѣ. Послушный Константинъ съ радостію принялъ заповѣдь старческую и въ точности исполнилъ ее, оставаясь въ глубокой тишинѣ кельи и молясь Богу, да исполнитъ Онъ желаніе сердца его. Въ первую ночь, когда Константинъ, по совершеніи правила, заснулъ, ему представилось, будто бы онъ находится въ церкви святой Софіи: открывается покровъ сего святилища,— и въ воз-

душныхъ высотахъ онъ зреть Господа Иисуса, окруженнаго множествомъ ангеловъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, осіяваясь неизреченною славою, отдѣлился отъ прочихъ, приблизился къ Константину и, взявъ его за руку, хотѣлъ восхитить предъ Господа. Оставъ его, вдругъ послышался голосъ отъ Господа, рано еще, и—Константинъ пробудился. Когда этотъ сонъ передалъ онъ старцу своему, тотъ замѣтилъ ему кротко: изъ этого видно, что нѣтъ еще воли тебѣ Божіей на подвигъ страдальческій. Поэтому, чадо, будь послушенъ и спасешься. И послушный Константинъ покорился старцу, оставшись при немъ и исполняя все, что онъ ни приказывалъ дѣлать. Такъ протекло довольно времени. Однажды бывши въ церкви, Константинъ услышалъ слова пророка Іереміи: изводяи честное отъ недостойнаго, яко уста моя есть (15, 19), и тайный помысль напомнилъ ему объ оставленной имъ въ Магнези сестрѣ, убѣждая его пойдти туда и обратитъ ее въ христіанскую вѣру. Не въ силахъ будучи уничтожить сего помысла, онъ исповѣдалъ его старцу своему, а тотъ, не рѣшаясь самъ собою дать соизволеніе Константину на его желаніе и тайное побужденіе, послалъ его въ скитъ святыя Анны къ духовнику киръ-Іосифу, сказавъ ему, что какъ скажетъ этотъ духовникъ, такъ пусть и будетъ, потому что устами его изречется воля Господня. Когда же Константинъ, пришедши къ означенному духовнику, открылъ ему свои помыслы, — старецъ благословилъ ихъ и далъ ему свободу отправиться для спасенія погибающей сестры. Между тѣмъ патріархъ Григорій и прочіе старцы Святой Горы, свидѣтельствованные въ жизни и извѣстные въ отдаленныхъ предѣлахъ, дали отъ себя рекомендательныя писъма въ Магнезію, къ тамошнимъ представителямъ святой Церкви, и въ особенности кидонійскому даскалу Григорію, чтобы тотъ принялъ Константина и, во всемъ руководствуя его, поспѣшествовалъ благополучному окончанію похвальнаго его дѣла.

Наконецъ достигъ онъ Кидоніи, представился тамошнему даскалу, познакомился со всѣми, кому былъ рекомендованъ, и, такъ какъ оттуда не было тогда судна, которое бы отходило въ Анатолійскіе предѣлы, то разсудилось ему заняться необширною продажею фруктовъ и прочихъ овощей. Однажды, занимаясь этимъ своимъ дѣломъ, и бесѣдуя съ сосѣдственными христіанами, онъ былъ узнанъ человѣкомъ здѣшняго аги, который знавалъ его тогда еще, какъ онъ былъ туркомъ и находился въ Смирнѣ. Чтобъ не ошибиться, турокъ тайно спрашивалъ о немъ сосѣда, торговавшего съ нимъ рядомъ: тотъ отозвался, что вовсе не знаетъ, кто онъ и откуда, а между тѣмъ турокъ замѣтилъ, что Константинъ ему знакомъ, потому что былъ одной съ нимъ вѣры, и рожденъ въ турецкомъ исповѣданіи, хотя теперь и называется христіаниномъ.

Вечеромъ, когда стали всѣ расходиться по домамъ, сосѣдъ, подошедши къ Константину, тайно спросилъ его: правду ли говоритъ прислужникъ здѣшняго аги, что ты родомъ турокъ, и что онъ хорошо зналъ тебя и знаетъ. Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ смутившійся Константинъ, я чистый христіанинъ!

Это обстоятельство сильно встревожило Константина: онъ не могъ заснуть всю ночь, волнуясь страхомъ и многоразличными помыслами, беспокоившими его сердце, такъ что на утро рѣшился непременно бѣжать куда нибудь; но Богъ не допустилъ совершиться этому. На утро Константинъ дѣйствительно вышелъ къ морской пристани, нашелъ матросовъ, запасавшихся на путь прѣсною водою и отправлявшихся на своемъ суднѣ въ Смирну. Когда же по взаимномъ соглашеніи о цѣнѣ, за которую взяли матросы доставить Константина въ Смирну, онъ прыгнулъ уже въ кайкъ, чтобъ на немъ уѣхать на судно, тотъ же человѣкъ аги появился у пристани и, увидѣвъ Константина, готоваго оставить городъ, закричалъ матросамъ: требую именемъ правительства,

чтобъ они не смѣли брать съ собою пассажира, потому что его требуетъ къ себѣ мѣстный ага. Матросы, застрашенные такимъ образомъ, высадили на берегъ Константина, а сами отправились къ своему мѣсту. Константина схватили полицейскіе служители и представили агѣ. Скажи намъ, юноша, кто ты такой, откуда пришелъ сюда и какъ тебя зовутъ, кротко спросилъ ага. Изъ далекаго мѣста, отвѣчалъ онъ, ѣдемъ въ Анатолію и пристали здѣсь: я христіанинъ, имя мое Константинъ. Ага продолжалъ: а если найдется здѣсь человекъ, который засвидѣтельствуетъ, что ты турокъ, что будешь тогда отвѣчать? Я христіанинъ, возразилъ Константинъ, а вашего Магомета знать не хочу: анаѣема ему, какъ льстецу и обманщику! Ты лжешь, крикнулъ ага,—ты былъ туркомъ! Да, подтвердилъ тогда человекъ аги, выступивъ на средину, онъ турокъ! Потомъ обращаясь къ Константину, продолжалъ: развѣ я не знаю, что ты братъ такого-то турка, что вы продавали ожерелья въ Смирнѣ, не правда ли? Тогда Константинъ, по апостолу Павлу, оставивъ ложь лжецамъ, началъ говорить истину, ибо видѣлъ, что наступило для него время законнаго мученичества. Итакъ, онъ отвѣчалъ дерзновенно: да, былъ я туркомъ, такимъ же нечестивымъ и безнравственнымъ, какъ вы; но когда Богъ просвѣтилъ меня, и я увѣрился, что вѣра ваша ложна, исполнена мерзостей и заблужденій,— бросилъ ее, и сдѣлался христіаниномъ, потому что вѣра христіанская есть истинная и непорочная, и только христіане достойны небесной жизни и царствія Божія. Тутъ ага приказалъ бить его, и потомъ заключить въ темницу, до времени, пока размыслить, что дѣлать съ Константиномъ. Между тѣмъ онъ написалъ къ нашѣ Мосхонирійскому (Μοσχονηριου), прося какъ можно скорѣе прибыть къ нему для весьма важнаго дѣла. Мосхонирійскій паша не замедлилъ, и святаго мученика потребовали въ судилище для истязанія и отвѣтовъ. Когда Константинъ предсталъ предъ турецкихъ вла-

стителѣй, они, съ видомъ состраданія и кротости, спросили: одумался ли ты, несчастный, и разсудилъ ли о своемъ положеніи? если ты останешься вѣренъ нашему закону и великому пророку,— проси, что тебѣ угодно, даже требуй отъ насъ: почестей ли хочешь, богатство ли нужно, говори.— Говорить нечего съ вами, отвѣчалъ дерзновенно святой мученикъ.— Пустословіе ваше и останется пустословіемъ; потому что никто и ничто не разлучитъ меня отъ любви Христовой. Если такъ, грозно сказали турки, если ты не хочешь слушать убѣжденій кротости, то заставимъ, принудимъ тебя горькими муками послушать насъ. И вслѣдъ за тѣмъ приказали бить его палками по пятамъ, а потомъ снова бросили въ темницу. Между тѣмъ слухъ о страдальческомъ подвигѣ юнаго Константина пронесся повсюду, и многіе изъ христіанъ приходили къ нему, тайно отъ агарянъ, для утѣшеній. Святой же просилъ какъ ихъ молитвъ, такъ особенно іерейскихъ, чтобы совершить ему мужественно подвигъ мученичества.

Въ это время одинъ цыганъ, мѣдникъ, извѣстный звѣрскимъ своимъ характеромъ и демонскою злостію, явившись предъ мѣстнаго агу, хвастался въ угодность ему, что если позволить и дать ему во власть христіанина, онъ сдѣлаетъ то, что тотъ непременно отречется отъ Христа, и исповѣдуетъ великаго ихъ пророка. Опытъ моей силы я уже явилъ назадъ тому 10 лѣтъ на одномъ, подобномъ нынѣшнему христіанинѣ, Георгіи, который, правда, не отрекся своей вѣры, но за то умеръ самою злою смертію. Ага съ удовольствіемъ принялъ предложеніе цыгана, и тотъ окаянный до того истощилъ сатанинскую свою злобу надъ невиннымъ юношею, что объ этомъ даже слышать ужасно. Прежде всего цыганъ надѣлъ на голову святаго мученика раскаленный мѣдный шлемъ, отъ чего дымъ выходилъ даже изъ ноздрей страдальца. Потомъ свинцовыми шарами онъ такъ стиснулъ мускулы и самый черепъ его, что глаза выступили изъ мѣстъ своихъ.

При всемъ томъ св. Константинъ не поколебался въ духѣ, но мужественно вынесъ жестокія эти пытки. Вслѣдъ за тѣмъ его снова заключили въ темницу, и обложили ноги деревомъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней святой мученикъ былъ опять представленъ въ судилище. Тамъ, на вопросъ аги: кто онъ такой, и перемѣнилъ ли свои мысли въ отношеніи къ вѣрѣ, онъ отвѣчалъ: вы хуже дикихъ звѣрей.—Люди ли вы? Развяжите, по крайней мѣрѣ здѣсь, въ виду вашемъ, руки мои, и я скажу вамъ, кто я. Когда же онъ былъ развязанъ, тогда, перекрестившись, громко воскликнулъ: видите, кто я! Итакъ, не думайте, чтобъ я измѣнилъ Господу моему въ угодность вамъ. Теперь дѣлайте, что хотите! Тогда паша Мосхонирійскій, исполнившись яростію, вскочилъ съ своего мѣста и, обнаживши мечъ, вонзилъ его въ грудь святаго мученика крестообразно, говоря: развѣ такъ объясняются съ нами? И чтоже, — о, чудесь Твоихъ, Христе Царю всемогущій! — Въ то самое мгновеніе, когда отъ удара мечемъ разодралась одежда мученика, блеснулъ, какъ молнія, на груди его золотой крестъ, что безумныхъ агарянъ ожесточило еще болѣе, такъ что, по долгомъ бичеваніи, они наконецъ обложили его цѣпью отъ мышекъ до самой шеи, и такимъ образомъ оставили на день, а ночью держали въ темницѣ отягченнаго цѣпями и деревсмъ. Такого рода мучительство сильно тревожило христіанъ кидонійскихъ: они боялись, чтобъ юный страдалецъ не изнемогъ духомъ терпѣнія. Особенно опасался этого даскалъ Григорій, почему и посылалъ тайно въ темницу аѳонскаго ученика своего Іоанна для утѣшенія святаго, и утвержденія его въ страдальческомъ подвигѣ. И такого рода опасенія были, сколько съ одной стороны, справедливы, столько съ другой, — для утѣшенія мученика необходимы, потому что, кромѣ тѣлесныхъ страданій, онъ выносилъ жестокія нападенія и даже видимыя страхованія отъ сатаны, который, стараясь поколебать твердость страстотерпца Христова, въ теченіе почи, являлся предъ

нимъ то въ видѣ женщины, или гадкаго и страшнаго еѳіопа, то въ образѣ пса и вола, а наконецъ и во всемъ своемъ сатанинскомъ безобразіи и безстыдствѣ. Впрочемъ, при сладкихъ и утѣшительныхъ бесѣдахъ Іоанна, или, вѣрнѣе, при содѣйствіи благодати Божіей, страдалецъ оставался въ духѣ вѣры и терпѣнія неизмѣненъ. А въ то же время и во всѣхъ Кидонійскихъ церквахъ совершались всенощныя бдѣнія и литіи о поддержаніи святаго Константина въ мученичествѣ. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь удостоила мученика божественнымъ своимъ явленіемъ Пречистая Госпожа Богородица. Сіяя неизреченнымъ свѣтомъ и небесною славою, Она кротко произнесла: радуйся Константинъ, вѣрный слугитель Сына Моего и Мой избранниче! твоя молитва услышана: Я пришла утѣшить тебя, и возвѣстить тебѣ, что Сыну Моему угодно, чтобы страдальческій свой подвигъ ты окончательно совершилъ, и пролилъ за Него кровь твою въ Константинополь. Итакъ, объяви отъ имени Моего народу сего города, чтобы они молились не о тебѣ, а лучше бы заботились о своемъ собственномъ положеніи и жребіи; ибо грѣхи ихъ превзошли мѣру долготерпѣнія Божія, и Сынъ Мой въ праведномъ Своемъ судѣ положилъ предать ихъ, какъ нѣкогда Содомъ и Гоморру, огню, потому что грѣхи этихъ людей, новыхъ содомитянъ, вопіютъ на небо, и гнѣвъ Божій не замедлитъ. Горькій плѣнъ и всегубительство огня уже близки. — Молятся они и о бездождіи. Ради твоего ходатайства, имъ надо будетъ это, какъ только ступишь ты на корабль. Впослѣдствіи такъ и было, какъ изрекла Богоматерь. Едва только мученикъ вошелъ въ корабль, чтобы по опредѣленію нечестиваго градоначальника Кидонійскаго, явиться на судъ высшаго правительства Порты, немедленно пошелъ проливной дождь. По прибытіи въ столицу, святаго привели въ такъ называемыя бани, — мѣсто ка-торги и самыхъ тяжелыхъ и изнурительныхъ работъ и пытки, и предали его надзирателю, который по законоположенію ото-

бралъ отъ святаго показаніе, — кто онъ и за какую вину представляется туда. Когда надзиратель узналъ, что святой Константинъ, отрекшись Магомета, прилѣпился ко Христу, и остается непоколебимъ въ исповѣданіи имени Его, — тотчасъ приказалъ бить его по пятамъ, и потомъ заключилъ въ темницу. Въ темницѣ, по его желанію и тайной просьбѣ, навѣстилъ его духовникъ. Въ бесѣдѣ своей съ юнымъ страдальцемъ, духовникъ, видя, что онъ такъ молодъ, говорилъ ему между прочимъ: хорошо, Константинъ, исповѣданіе, но и мученія невѣрныхъ турокъ ужасны. Итакъ, подумай, испытай себя, и если страшишься ихъ, не лучше ли позаботиться о своей свободѣ. При Божіей помощи, мы выручимъ тебя отсюда. Что ты говоришь, отецъ духовный; посмотри на меня, сказалъ святой мученикъ, и, открывъ ноги, показалъ ему такъ называемые пахи. — Духовникъ невольно содрогнулся. — Ноги его одна отъ другой были разорваны на два пальца въ то время, когда они были забиваемы въ дерево въ растяженномъ положеніи. Да и самое лице мученика, не говоря о другихъ частяхъ тѣла, отъ двадцати-осьми-дневнаго давленія цѣпью, было совершенно истерзано. Духовникъ съ чувствомъ благоговѣнія смотрѣлъ на раны юнаго мученика, и дивился истинно-страдальческому его подвигу. Смотрите, продолжалъ строго святой мученикъ, не вздумайте золотомъ и подарками выкупить меня и даровать мнѣ свободу. Избави васъ Богъ отъ этого: чрезъ нѣсколько дней я окончу свой подвигъ, какъ открыла мнѣ Владычица; прошу тебя, сдѣлай одолженіе, отнеси отъ меня поклонъ патриарху киръ-Григорію, который знаетъ меня, кто я такой, и молится о мнѣ. Скажи ему, что ты видѣлъ меня, и что увидишь еще впоследствии. Послѣ сего онъ съ миромъ отпустилъ отъ себя духовника. На слѣдующій день утромъ потребовали снова мученика въ судилище, и когда увидѣли, что онъ остается твердъ въ своемъ исповѣданіи, послѣ жестокихъ пытокъ опять заключили его

въ бани, для новыхъ тамъ мученій. Наконецъ видя, что никакими муками, ни самыми ужасными пытками не въ силахъ поколебать твердость святаго страдальца, безнравственные потомки Агари пытались обольстить и увлечь его обѣщаніями всевозможныхъ благъ и наслажденій жизни. Но и послѣ всего этого, когда святой мученикъ, вмѣсто согласія, сталъ убѣждать магометанъ, чтобъ и они, подражая ему, отреклись своего заблужденія и нечистой вѣры лживому Магомету, взбѣшенный и пристыженный судья, вскочивъ съ мѣста, собственными своими преступными руками началъ бить мученика по щекамъ, и потомъ, вытолкнувъ его изъ судилища вонъ, издалъ рѣшительный приговоръ, — задушить его! Какія пытки и конечныя мученія потерпѣлъ святой Константинъ въ послѣднія свои минуты, когда исполнители смертнаго приговора накиннули петлю, и начали душить его, это знаетъ только Всевѣдущій Подвигположникъ, вѣнчающій достойно избранныхъ своихъ вѣнцемъ райской славы и безконечнаго блаженства. Святой Константинъ началъ страдальческій подвигъ свой за Господа Іисуса 23 апрѣля 1819 года, а окончилъ 2-го іюня. Итакъ, мученія его продолжались 40 дней. Турки, опасаясь, чтобъ примѣръ обращенія Константина изъ ихъ нечестивой вѣры въ истинную христіанскую не подѣйствовалъ и на другихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобъ христіане не стали хвалиться, что имѣютъ святые мощи новаго мученика, обратившагося изъ магометанъ, не позволили никому изъ вѣрныхъ взять его тѣло, считая для себя за стыдъ, что единовѣрецъ ихъ будетъ предметомъ чествованія христіанской Церкви, а похоронили его на своемъ кладбищѣ, среди мусульманскихъ гробовъ. Между тѣмъ кавсокаливскій старецъ дикей, узнавши о блаженной кончинѣ святаго мученика, послалъ одного изъ своихъ учениковъ въ Кидонію, чтобъ собрать свѣдѣнія о его мученичествѣ; посланный дѣйствительно исполнилъ это, хотя и не имѣлъ возможности найти въ Кон-

стантинополѣ святыхъ его мощей. Впрочемъ Господь помогъ ему отыскать и выкупить у турокъ часть мученической одежды, съ которою, какъ съ драгоценнымъ сокровищемъ, и возвратился онъ благополучно на святую Гору Аѳонскую въ Кавсокаливскій скитъ, гдѣ почтили и доднесь чтутъ съ усердіемъ и любовію память сего новаго мученика и чудотворца. Чудотворенія святаго Константина въ Кавсокаливскомъ скиту проявились слѣдующимъ образомъ: тамъ заболѣла голова у одного послушника въ то самое время, какъ часть одежды была принесена изъ Константинополя. Когда узналъ это братъ, принесшій сіе сокровище, приходитъ къ больному, и говоритъ: вотъ одежда святаго новаго мученика Константина, обогрѣнная страдальческою его кровію: вѣруешь ли, что онъ можетъ исцѣлить тебя? Вѣрую, отвѣчалъ болящій, и когда на ночь обложилъ мученическою одеждою голову, — къ утру и признака болѣзни не осталось. Другой братъ, страдая зубною болѣзнію, только что молитвенно призвалъ на помощь святаго Константина, боль утихла, и онъ совершенно исцѣлился. Такъ же точно и одинъ священникъ, близкій къ помѣшательству, едва только прикоснулся и съ вѣрою приложился къ одеждѣ святаго Константина, — выздоровѣлъ. Таково мученіе новопросіявшаго великомученика и многоцѣднаго Константина, который какъ благоуханная роза процвѣлъ изъ терна, и показалъ столь великую ревность по благочестивой нашей вѣрѣ, что и божественныхъ откровеній и видѣній Владычицы нашей Богородицы удостоился, предвѣдѣнія будущаго, а наконецъ и страстотерпческой кончины, и теперь, предстоя святой Троицѣ на небесахъ со святыми ангелами въ ликѣ святыхъ мучениковъ, удостоился равныхъ съ ними наградъ и вѣнцовъ безсмертной славы. И мы его святыми молитвами да сподобимся небеснаго царствія. Аминь.

МУЧЕНИЕ СВЯТАГО СЛАВНАГО НОВАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА
АГАΘАНГЕЛА ЕСФИГМЕНСКАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО АПРѢЛЯ 19-ГО.

тотъ ангелоименитый, имѣющій право на все похвалы святой, былъ родомъ изъ Ены—города области Фракійской. Во святомъ крещеніи имѣлъ онъ имя Аѳанасія. Родители его, бѣдные богатствомъ тлѣннымъ, были богаты богатствомъ вѣчнымъ: чистою православною вѣрою. Кромѣ сего святаго имѣли они еще трехъ дѣтей. Отецъ его именовался Константиномъ, а мать Кристалліею. Аѳанасій лишился своего родителя въ юныхъ лѣтахъ и, для поддержанія себя и семейства въ жизни, занялся мореходствомъ. На этомъ жизненномъ пути онъ вступилъ въ тѣсныя дружественныя отношенія съ однимъ морякомъ, по имени Анастасіемъ, и всюду былъ съ нимъ неразлучно. Разъ случилось этому Анастасію плавать на турецкомъ кораблѣ. Тутъ же былъ съ нимъ и

¹ Съ рукописи Есфигменскаго монастыря.

Аѳанасій. По окончаніи срока плаванія, Анастасій оставилъ корабль. Съ Анастасіемъ хотѣлъ уйти и Аѳанасій, но шкиперъ—турка остановилъ его противъ воли—тирански, и Аѳанасій, по молодости своей, будучи неопытенъ въ тайнахъ свѣтской жизни, застращенный туркою, остался у него. Съ теченіемъ времени турка, видя природную понятливость и смышленность Аѳанасія, не могъ быть равнодушнымъ къ нему.—Онъ задумалъ усыновить его себѣ и сдѣлать наслѣдникомъ своихъ имѣній, склонивъ его прежде въ исламизмъ. Безъ этого нечестивецъ не хотѣлъ оказать ему такого благодѣянія. Впрочемъ, до времени онъ скрывалъ отъ Аѳанасія эту тайну, и только отъ единовѣрныхъ своихъ не таилъ своего намѣренія.

По прошествіи почти трехъ лѣтъ, плыли они разъ изъ Константинополя въ Смирну. Въ числѣ пассажировъ былъ у нихъ тогда и смирскій судья. Нелицепріятный представитель правосудія корана, видя послушность, услужливость, усердіе къ дѣлу и прочія достоинства въ юношѣ, поощрялъ нечестиваго оттомана употребить всевозможныя средства къ обращенію Аѳанасія къ ихъ нечестію. Этимъ поощреніемъ еще болѣе воспламенился нечестивый и беззаконный владѣтель невиннаго юноши, и рѣшился непременно исполнить свое намѣреніе. Но зная природный характеръ Аѳанасія, онъ былъ увѣренъ, что ласками ничего не успѣетъ сдѣлать, и потому придумалъ употребить насиліе. Вскорѣ Аѳанасій, намѣреваясь оставить своего благодѣтеля, сталъ просить у него, даже настойчиво, расчета себѣ за службу. Тогда варваръ видя, что пріспѣло время совершенія давно задуманнаго имъ намѣренія, рѣшился наконецъ употребить жестокость, чтобъ не лишиться лакомой своей добычи. Итакъ, вечеромъ того дня, въ который положено такое рѣшеніе, велѣлъ онъ Аѳанасію зажечь фонарь и идти съ нимъ, показывая видъ, что хочетъ отправиться въ другую часть города. Когда они шли по до-

рогѣ, у которой были оттоманскіе гробы, свирѣпый турка внезапно схватилъ юношу, въ одно мгновеніе выдернулъ скрытый дотолѣ мечъ, легко ранилъ имъ несчастнаго, а потомъ убійственное это орудіе поднесъ и къ горлу его. Юноша, изумленный такимъ внезапнымъ и неожиданнымъ оборотомъ дѣла, умолялъ варвара со слезами пощадить его жизнь, и припоминалъ ему много прежнихъ своихъ услугъ. Варваръ отвѣчалъ: не оставляю тебя живымъ, если не будешь со мною единовѣрнымъ. Одно средство къ спасенію: исповѣдуй величіе нашего славнаго пророка, и сдѣлайся мусульманиномъ. Отецъ преисподней радъ былъ этому случаю, и нашелъ способъ со- вратить несчастнаго съ пути праваго самымъ благовиднымъ образомъ. Угрожаемый смертію юноша, по дѣйствию лукаваго, сказалъ въ своемъ помыслѣ: изъявлю теперь согласіе, дабы освободиться мнѣ изъ рукъ этого кровопійцы, а завтра отрекусь отъ своего слова, и уйду отъ нечестивца. Итакъ, Аѳанасій, убоявшись смерти тѣлесной, не утрашился душевной, согласился, — о горе! — быть оттоманомъ, и такимъ образомъ изъ безсмертнаго сдѣлался причастнымъ смерти, изъ чада Божія сталъ жалкимъ рабомъ діавола. Въ чувствѣ сатанинской радости варваръ поцѣловалъ отступника, и наименовалъ его оттоманскимъ именемъ. Сцена эта происходила въ глубокую ночь; тогда былъ шестой часъ ночи (самая полночь), слѣдовательно все спало сномъ непробуднымъ, только нечестивецъ этотъ бдѣлъ, подобно христуубійцамъ, бдѣвшимъ въ ночь преданія Сына Божія на смерть. Но не смотря на глубокую ночь, онъ въ великой своей радости, полного горькой печали юношу тотчасъ привелъ въ незаконное свое судилище и немедленно послалъ разбудить судью. Представитель незаконнаго закона, тотчасъ проснувшись и узнавъ объ этомъ, весьма былъ радъ. Это былъ тотъ самый судья, о которомъ мы упомянули выше. Жалкій юноша оборачивался туда и сюда, чая среди незаконнаго сонмища встрѣтить кого

нибудь изъ христіанъ: но напрасно,— не было ни одного. Между тѣмъ множество изувѣровъ, подобно хищнымъ птицамъ, слетающимся отвсюду на трупъ, окруживъ его, принуждали произнестъ преступное исповѣданіе ихъ вѣры. Врагъ истины и правды снова не далъ опомниться несчастному, снова хитро обманулъ его; отверженникъ опять сказалъ самому себѣ: произнесу теперь это глупое исповѣданіе, потомъ въ сію же ночь убѣгу и скроюсь. Но на дѣлѣ вышло не такъ: съ того времени никуда не отпускали уже его одного до совершенія на немъ беззаконнаго обрѣзанія. Спустя немного времени послѣ сего, тяжело заболѣлъ несчастный отступникъ, и много скорбѣлъ, страшась умереть отверженникомъ неба. Оправившись отъ болѣзни по божественной благодати, онъ просилъ у своего господина позволенія побывать въ своемъ отечествѣ для свиданія съ родными. Нечестивый тиранъ извѣстилъ письменно тамошнихъ оттомановъ о намѣреніи своего раба, и отпустилъ его. Неусыпно бдящій за гибелью челоувѣческою отецъ тьмы вездѣ слѣдовалъ за своею жертвою. Прозелитъ-оттоманъ, при первомъ свиданіи съ своимъ сиротствующимъ семействомъ, передалъ ему все свое состояніе, какое имѣлъ, но потомъ врагъ всякаго мира успѣлъ разсорить его съ родными по экономическимъ дѣламъ; такъ что отверженникъ, явившись въ нечестивое свое судилище, взялъ отъ него писменный документъ на то, чтобъ впредь ни онъ не имѣлъ кровныхъ своихъ сродниками, ни они не считали его своимъ сродникомъ, и чтобы ни они не имѣли участія въ его имѣніи, ни онъ не простиралъ видовъ на ихъ владѣніе. Такимъ образомъ среди этихъ семейныхъ смуть, по дѣйствию лукаваго, онъ не могъ и подумать о гибели своей души. По оставленіи родныхъ, былъ онъ въ Константинополѣ, а отсюда возвратился опять въ Смирну. Пробывъ малое послѣ того время у господина своего, отверженникъ и съ нимъ не поладилъ по экономіи. Этотъ раздоръ съ варваромъ чуть

было не стоить ему самой жизни. Но выказанная здѣсь жестокость господина-варвара доставила тѣснимому имъ отступнику достаточный случай уйти отъ него, и безъ его позволенія, куда бы онъ ни захотѣлъ. Итакъ, обиженный отступникъ при удобномъ случаѣ, удалился, отъ жестокаго своего господина, и съ того времени, при Божіей помощи, началъ возставать отъ чрезвычайнаго своего паденія, чтобъ снова вписать свое имя въ книгу безсмертія. Для этого прежде всего, когда спрашивали его объ имени, не сталъ онъ уже сказываться оттоманскимъ сквернымъ своимъ именемъ, а называлъ себя настоящимъ, полученнымъ во время божественнаго крещенія, т. е. Аѳанасіемъ. Но послѣ бѣгства своего изъ Смирны Аѳанасій, переходя съ мѣста на мѣсто, претерпѣлъ много трудовъ, видѣлъ много опасностей и испыталъ много бѣдствій; ибо нечестивый господинъ его, когда бѣгство совершилось, оклеветалъ его въ кражѣ у него значительнаго количества денегъ, и потому, взявъ отъ начальства своего позволеніе, вездѣ искалъ его. Наконецъ по волѣ Господа, не хотящаго смерти грѣшнику, раскаявающійся отступникъ, спасшись отъ преслѣдованій своего тирана, пришелъ на святую Аѳонскую Гору, въ нищенскомъ христіанскомъ платьѣ. Въ намѣреніи обрѣсти здѣсь себѣ пристанище, онъ обошелъ монастыри и скиты, и исповѣдывался многимъ духовникамъ. Наконецъ, по совѣту одного изъ нихъ, онъ пришелъ въ священную обитель Есфигменскую, гдѣ игумень Евѳимій исповѣдывалъ его и, узнавъ отъ него все, далъ ему у себя пристанище. Тутъ сначала назначено ему было послушаніе въ трапезѣ, которое онъ проходилъ съ великимъ усердіемъ. Но лукавый діаволь, завидуя спасенію его, началъ смущать его злыми помыслами, и такъ сильно, что бѣдный Аѳанасій не зналъ покоя отъ этихъ вражескихъ нападеній ни на одинъ часъ. Впрочемъ и раскаявающійся грѣшникъ неусыпно бдѣлъ и ратовалъ за свое спасеніе, — и чистосердечною своею исповѣдію, и по-

стояннымъ призываніемъ грознаго для демоновъ, спасительнаго же для насъ, имени Господа нашего Іисуса Христа и Госпожи Богородицы—единой непостыдной нашей надежды, побѣдилъ искушителя. Но лукавый въ вражескихъ своихъ дѣйствіяхъ безстыденъ и упоренъ. Не могли побѣдить раба твоего имъ помыслами, онъ воздвигъ на него брань мечтательную. Разъ представилось Аѳанасію во снѣ, будто онъ находится въ извѣстной ему кофейнѣ. Кофейщикъ, не смотря на то, что былъ прежде другъ его, и оказывалъ ему многіе знаки чести, тогда не хотѣлъ и взглянуть на него. Видя такую холодность стараго друга къ своему пріятелю, сидѣвшіе тамъ оттомане говорятъ кофейщику: отчего не хочешь ты говорить съ другомъ своимъ? Тогда кофейщикъ, обратившись къ Аѳанасію, сталъ дружески упрекать ему: милый другъ мой! что это съ тобою! ты для меня непонятенъ: что заставило тебя удалиться отъ твоего господина, милаго, добраго и сострадательнаго, и убѣжать къ этимъ злымъ монахамъ,—гдѣ, кромѣ бѣдствій, ничего другаго тебѣ не предстоитъ?—А какую ты скорбь навелъ на насъ, которые употребили столько трудовъ и заботъ, чтобъ только доставить тебѣ блаженное состояніе, въ которомъ ты находился, пребывая у своего господина. За что ты насъ оставилъ, и обратился къ смертельнымъ нашимъ врагамъ? О, аллахъ! аллахъ! При этихъ словахъ кофейщикъ и присутствующіе тутъ оттомане на взрыдъ заплакали. Это сильно подѣйствовало на Аѳанасія, такъ что и самъ онъ заплакалъ. При ударѣ въ колоколъ, въ самую полночь, къ иноческому канону, Аѳанасій, пробудившись, нашелъ дѣйствительно глаза свои заплаканными, и не могъ надивиться этому явленію. Потомъ вышелъ онъ изъ своей кельи, и видитъ человѣка, сидѣвшаго на берегу морскомъ и бросавшаго камень. Удивляясь этому, Аѳанасій говоритъ про себя: чего ищетъ тотъ человѣкъ въ такое время въ монастыря. Только что подумалъ онъ такъ, человѣкъ, си-

дѣвшій на берегу, тотчасъ приближается къ нему и говоритъ: а! ты полагаешь, что освободился отъ меня, что я тебя оставлю? Говоря это, онъ швырнулъ въ Аѳанасія камнемъ, но камень пролетѣлъ возлѣ головы его, и ударился въ стѣну. Видя это, Аѳанасій понялъ, что значитъ сонъ его, и къ чему клонились помыслы его. Посему онъ немедленно возвращается въ свою келью, и павъ на землю, со слезами проситъ Господа нашего Иисуса Христа и Пренепорочную Его Матерь, да не попустятъ ему совершенно впасть въ сѣти лукаваго діавола, старающагося извлечь его изъ общества спасающейся братіи. По довольной теплой молитвѣ, Аѳанасій ощутилъ нѣкоторое сердечное успокоеніе, и помыслы его стали мало помалу разсѣиваться. Черезъ нѣсколько послѣ сего времени, находясь съ прочею братіею у вечерни, онъ не могъ простоять всей службы, по причинѣ глазной, сильно въ то время мучившей его болѣзни. Почему онъ и ушелъ прежде окончанія службы въ свою келью, гдѣ въ сокрушеніи сердца и скорби духа началъ изливать обильныя слезы, говоря себѣ: увы мнѣ несчастному! если я не могу перенести такой боли, то какъ претерплю мученіе! Надобно сказать, что мысль о мученичествѣ была ему присуща съ самаго его поступленія въ Киновію; ибо однихъ иноческихъ подвиговъ онъ никакъ не считалъ довольными къ заглаженію жалкаго своего отступничества, и потому хотѣлъ непременно примириться съ Вѣчною Правдою проліяніемъ своей крови. Полный такихъ размышленій, онъ палъ съ молитвою въ устахъ на колѣна, и пробылъ въ семъ молитвенномъ состояніи два часа, прося Госпожу нашу Богородицу, да укрѣпитъ Она его совершить отъ души желаемое имъ мученичество. Будучи въ такомъ молитвенномъ положеніи, онъ немного забылся, и тонкій, легкій сонъ упокоилъ утомленные его предшествующими подвигами чувства. Вдругъ видитъ онъ Жѣну небесной красоты, осіяваемую необыкновеннымъ свѣтомъ, и Она съ ангельскою ласкою го-

ворить ему: о чемъ скорбишь ты, чадо, и печалишься? Аванасій отвѣчалъ: какъ не скорбѣть, Госпоже моя, когда при безчисленныхъ, другихъ грѣхахъ моихъ, превышающихъ мѣру всякаго милосердія, я отрекся еще и Господа моего предъ лукавымъ и беззаконнымъ судилищемъ, и принялъ нечестивое ихъ заблужденіе! Мучась этимъ, теперь я желалъ бы, предъ тиранами снова исповѣдать Господа моего Богомъ истиннымъ и претерпѣть отъ нихъ мученіе и смерть за святое имя Его; но чувствую себя весьма слабымъ, и меня премного сокрушаетъ это. Небесная Посѣтительница ласково сказала ему: дерзай чадо! ты получишь желаемое тобою мученіе. Иди въ Смирну для подтвержденія того, что было въ Адрианополѣ; ибо многіе изъ слышавшихъ отамошнемъ не вѣрятъ этому. Иди теперь, ибо время удобное. Юноша, пробудившись, исполнился великой радости, и излилъ обильныя благодарныя слезы Пресвятой Богородицѣ, лобызая и мѣсто, на которомъ видѣлъ Ее. Поутру приходитъ онъ ко мнѣ, смиренному, и рассказываетъ все подробно (какъ и прежде рассказалъ мнѣ вышеписанное; ибо отъ начала поступленія его въ Киновію, игумень назначилъ меня путеводителемъ его, и повелѣлъ ему открывать мнѣ всѣ свои помыслы, чтобы за тѣмъ получать отъ меня наставленія). Я¹ внимательно выслушалъ его видѣніе, и сначала сказалъ ему: нужно быть осторожнымъ, и не вдругъ съ полною вѣрою принимать всѣ видѣнія; ибо у лукаваго сѣтей много. Потомъ пришли мы оба къ игумену:

---

¹ Это—дидаскалъ и іерокурксъ Германъ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ ему теологовъ. Онъ скончался только въ 1851-мъ году, оставивъ послѣ себя много прекрасныхъ произведеній своего пера. Желаящій ближе знать этого замѣчательнаго человѣка, пусть читаетъ о немъ въ письмахъ г. Муравьева, видѣннаго его при своемъ посѣщеніи святыни Афонской. Смотри его письма съ Востока ч. 6 стр. 219—221. Покойный Германъ всегда отзывался съ особеннымъ уваженіемъ о русскомъ благочестиволюбознательномъ посѣтителѣ святыхъ мѣстъ. Память объ іерокурксѣ Германѣ на Афонѣ еще свѣжа, какъ вчерашній день.

тутъ Аѳанасій снова разсказаль ему подробно о своемъ видѣніи. Игумень заблагоразсудилъ какъ настоящее, такъ и вышесказанное видѣніе сообщить вселенскому патріарху Григорію, пребывавшему тогда въ обители Иверской, поэтому и послалъ меня къ нему. Святой патріархъ, увидѣвъ меня, прежде чѣмъ я успѣлъ что нибудь произнестъ, началъ разсказывать мнѣ, что въ Адріанополѣ нынѣ пострадали нѣкоторые изъ христіанъ съ такимъ дерзновеніемъ и твердостію, что удивили самихъ турковъ. Выслушавъ его святѣйшество, я сказалъ ему: владыко мой! это, сегодня пришедшее извѣстіе еще ранѣе сообщено Святой Горѣ. Святой патріархъ отвѣчалъ: мною только сейчасъ получено письмо объ этомъ. Тогда я сказалъ ему: владыко! если не повѣришь тому, что разскажу тебѣ, то пошли письмо къ игумену для удостовѣренія. Святой іерархъ спросилъ меня: что же случилось? Тогда я разсказаль ему подробно о всемъ, что видѣлъ юноша. Выслушавъ меня, патріархъ пролилъ слезы, прославляя Бога, различно устрояющаго спасеніе насъ грѣшныхъ, и потомъ сказалъ мнѣ: чадо мое! все видѣнное истинно, и есть отъ Бога, а не отъ прелести врага: видѣнная Жена есть Владычица наша Богородица. Иди съ миромъ: благоразумно назидайте юношу, и приготовьте его къ мученичеству, котораго и я желаю; но скажите ему, чтобъ онъ потерпѣлъ до конца святой четыредесятницы, дабы могъ хорошо приготовиться на столь великое дѣло, и тогда пусть идетъ съ миромъ и благодатію Божіею. Испросивъ высокаго благословенія и молитвъ святаго іерарха себѣ и юношѣ, я возвратился въ свою кинувію, и извѣстилъ о всемъ игумена (святый Григорій спустя немного времени призванъ былъ снова занять кафедру вселенскаго патріарха). Передавъ юношѣ благожеланія и благословеніе его святѣйшества, я сказалъ ему, что мысль патріарха согласна съ мыслию и желаніемъ нашего святаго старца, т. е. чтобы ты потерпѣлъ исполненіемъ своего свя-

таго желанія до конца святой чотыредесятницы, дабы приготовиться тебѣ надлежащимъ образомъ, чтобы бореніе твое было законно и съ успѣхомъ. Благопокорный сынъ благословенія оказалъ послушаніе, но дни и часы казались ему годами.

Когда наступила святая чотыредесятница, игумень благословилъ намъ обоимъ съ Аѳанасіемъ отправиться въ Иверскій скитъ честнаго Предтечи, и тамъ оставаться на нѣкоторое время въ келліи духовника Никифора, гдѣ бы будущій мученикъ приготовился на великій подвигъ чрезъ пребывавшаго тамъ старца Григорія, какъ уже въ томъ дѣлѣ опытнаго; ибо Григорій имѣлъ счастье приготовить уже чотырехъ преподобномучениковъ: Евѳимія, Игнатія, Акакія и Онуфрія ¹, которымъ онъ даже сопутствовалъ на мученіе, и принесъ святыя мощи ихъ въ эту келлію (святаго Онуфрія нѣтъ мощей, онѣ потоплены агарянами въ морѣ ²). Пришедши въ келлію Никифора, мы съ благоговѣніемъ облобызали священныя мощи святыхъ преподобномучениковъ и святыя изображенія ликовъ ихъ. Лобызая святыню Аѳанасій веселился духомъ, и пламень души его послѣ сего еще болѣе усилился. Духовникъ Никифоръ и все его небольшое братство приняли насъ братски. Видя все это, исконный доброненавистникъ не дремалъ. Онъ успѣлъ возбудить въ одномъ сосѣдѣ духовника Никифора зависть къ нему. Движимый ею, или лучше, самимъ лукавымъ, сосѣдъ употребилъ всевозможныя средства вытѣснить насъ отъ благочестиваго духовника. По немощи человѣческой, я не могъ удержаться отъ порицанія этого завистника. Слыша мои порицанія, Аѳанасій сказалъ мнѣ: если намъ кажутся непріязненными дѣйствія этого человѣка, то теперь какими покажутся предъ Бо-

---

¹ См. о сихъ преподобномученикахъ во 2-й части сего Патерика.

² См. его жизнеописаніе.

гомъ мои великіе и ужасные грѣхи? Воспользовавшись смиренными словами юноши, я смирился и пересталъ роптать на жалкаго завистника. Не успѣвъ въ своемъ предпріятіи, мы возвратились въ свою обитель и рассказали игумену о препятствіяхъ къ нашему тамъ пребыванію. Поэтому онъ опредѣлилъ заключить юношу въ особую келью, и начать подвиги по руководству сказаннаго старца Григорія, а мнѣ велѣлъ какъ можно чаще навѣщать его. Тогда я вмѣстѣ съ другими, чтобы хорошо испытать терпѣніе его, представилъ ему всю великость, неудобоисполнимость и опасность предпринимаемаго имъ подвига, представилъ ему горечь мукъ, лютость тирановъ, жестокость варваровъ, и наконецъ, послѣ такого описанія, сказалъ, что я не могу сопутствовать ему. Вся мрачность картины предстоящихъ ему мученій нисколько не тронула его, но отрицаніе мое сопутствовать ему на мученіе показалось такъ тяжело и скорбно, что онъ проплакалъ горько всю ночь. Поутру онъ отдалъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія: отче святой! до другаго воскресенья тѣло мое въ твоихъ рукахъ; испытай меня, если угодно, чѣмъ хочешь: желѣзомъ, цѣпями, повѣсь меня стремглавъ, пожалуй, возьми меня съ собою на кладбище, и заставь переносить къ тебѣ камень, дѣлай со мною все, что только положить тебѣ на сердце Богъ,—я буду благодаренъ. А въ другое воскресенье я отъищу судно въ Ену, испрошу тамъ молитвъ у своей матери, и отправлюсь на мученіе, если ты не хочешь идти со мною по робости; вѣдь нельзя же мнѣ взять тебя насильно. Вотъ мое мнѣніе. Сходи къ старцу, скажи ему о всемъ этомъ, и приди ко мнѣ отъ него съ отвѣтомъ. Прочитавъ эту записку, я отнесъ ее къ игумену. Игумень немедленно послалъ меня утѣшить его. Возлюбленный братъ, сказалъ я ему пришедши отъ игумена, очень рады мы—я и честный Геронта (игумень)—пламенному твоему желанію испытать мученія изъ любви ко Господу нашему. Но теперь

нѣтъ нужды тебѣ претерпѣвать отъ насъ ни одного изъ упомянутыхъ въ запискѣ твоей мученій, ибо видна твердая твоя рѣшимость на всѣ мученія. Господь да управитъ твое намѣреніе. Начни же съ нынѣшняго дня предуготовительныя подвиги къ такому великому дѣлу; эти подвиги будутъ—искреннее и частое покаяніе, постъ и молитва. И я отнынѣ твой. Выслушавъ это Аѳанасій почувствовалъ въ душѣ своей великую сладость и неизреченную радость, и сталъ съ полнымъ усердіемъ поститься и молиться; а я былъ неотлученъ отъ него въ видахъ утѣшенія. Чрезъ двѣ недѣли онъ, по приказанію игумена, заключенъ былъ въ пиргъ¹ гдѣ принималъ хлѣба и воды столько, чтобъ только не умереть, и клалъ по 1070 поклоновъ и по 4000 малыхъ: но число ихъ день отъ дня еще увеличивалъ. Въ первую ночь своего заключенія онъ слышалъ внѣ пирга голоса всевозможныхъ родовъ и ладовъ,—и смущался сими воплями и кличемъ всю ночь, но непрерывною молитвою побѣдилъ такую мечтательную брань. Во вторую ночь увидѣлъ, хотя и старался закрывать свои глаза, множество эѳіоповъ, которые бѣгали, то вверхъ, то внизъ, и суетились всевозможнымъ образомъ, стараясь возмутить духъ его; но молитвою и всесильнымъ знаменіемъ креста разсѣялъ и уничтожилъ безсильныхъ демоновъ. На третью ночь эти мечтанія значительно уменьшились. На четвертую никто уже ему не являлся, за то настала для него брань внутренняя,—свинцомъ давили душу его тоска и грусть. Поутру онъ разсказалъ мнѣ объ этомъ невыносимомъ стѣсненіи души. Тогда я предложилъ ему выйти изъ пирга въ мою келью, но онъ уже не захотѣлъ, боясь противоборникамъ явиться бѣглецомъ. По крайней мѣрѣ, продолжалъ я, не останется ли мнѣ съ тобою въ пиргѣ для утѣшенія? но и на это не согласился, сказавъ: я одинъ буду

¹ Пиргъ—башня.

сидѣть въ заключеніи, и при помощи Господа и Богородицы, не возмогутъ безсильные демоны побороть меня;—безъ воли Божіей, что могутъ они сдѣлать мнѣ? и съ этимъ вмѣстѣ предложилъ мнѣ ускорить отправленіемъ его на мученіе. Слѣдующую ночь онъ уже провелъ мирно,—не испытывалъ тяготы душевной и не былъ обезпокоиваемъ духами злобы.

Въ четвертое воскресенье великаго поста онъ призванъ былъ къ литургіи, облеченъ въ ангельскій образъ, нареченъ Агаангеломъ, приобщился пречистыхъ и животворящихъ Таинъ, и снова возвратился въ пиргъ. Съ этого времени лице его сіяло какимъ-то божественнымъ свѣтомъ благодати, радость духа его была невыразима, умъ постоянно устремленъ на небеса, въ сердцѣ его возжегся божественный огонь, и онъ съ великимъ усердіемъ сталъ вдаваться въ большіе и большіе подвиги. Теперь (говорилъ онъ мнѣ) заключите меня въ самую мрачную темницу,—въ оковы, забейте ноги мои въ дерево, оставьте меня въ постѣ,—все я приму съ радостію и веселіемъ. Нашедши въ пиргѣ цѣпь, онъ надѣлъ ее на свою плоть, оказавшійся тамъ волосяной мѣшокъ носилъ вмѣсто рубашки, умножилъ и число поклоновъ, такъ что совершалъ ихъ по 3000 великихъ и 8000 малыхъ въ каждыя сутки; читалъ четвероевангеліе, книги: *τὸν μαρτυρολόγιον, σὺντηρία ἀμαρτανῶν* и *τὸν ἐκλογίον*, а икосы Богородицѣ прочитывалъ по дважды въ день; занимался умною молитвою, и наконецъ отъ всего сердца возжелалъ смерти за Христа.

Почему теперь снова предложилъ онъ мнѣ отправить его на подвигъ страданій, чувствуя, что не можетъ болѣе переносить своего желанія мученичества. Я на это отвѣчалъ ему: многіе желаютъ смерти, тяготясь подвигами подвижничества. Мое замѣчаніе огорчило его; онъ сказалъ мнѣ: этимъ словомъ ты связалъ меня; посему съ этого времени онъ не сталъ открывать мнѣ желаній своего сердца, но сталъ чаще ходить къ игумену, и просить его скорѣй послать его на мученіе.

Вскорѣ игумень объявилъ въ трапезѣ всей братіи, чтобы всѣ они каждый особо въ назначенную ночь сотворили продолжительную молитву, и просили у Бога откровенія, есть ли всесвятая Его воля на то, чтобы послать сего брата на мученичество. И вотъ въ ту опредѣленную ночь игумену показалось, будто всѣ мы трое идемъ куда-то вмѣстѣ: игумень, я смиренный, и мученикъ Агаѳангель. На пути встрѣтилъ насъ одинъ священнолѣпный старецъ, одѣянный свѣтлою одеждою (похожій на святаго Николая). Приблизившись къ игумену, онъ спросилъ: кто изъ нихъ хочетъ идти на мученіе? игумень отвѣчалъ: этотъ юноша. Юноша, приблизившись къ сему святому старцу, поклонился ему до земли, и облобызалъ правую его руку. Святой старецъ сказалъ ему: добраго дѣла ты пожелалъ, чадо, поспѣши же исполнить твое желаніе, ты получишь въ немъ благопоспѣшеніе. Поутру онъ рассказалъ мнѣ видѣніе, и мы со слезами прославили Бога.

Съ этого времени игумень сталъ готовить все нужное къ нашему путешествію. Въ началѣ 6-й недѣли великаго поста въ сердцѣ Агаѳангела разъ ночью возгорѣлась такая ревность, что ему показалось, будто онъ вылетѣлъ изъ двери пирга, и пошелъ въ Смирну. Послѣ сего онъ отворилъ дверь пирга и пришелъ въ мою келью; но нашедши меня спящимъ, сошелъ на паперть храма и молился тамъ съ колѣнопреклоненіемъ и слезами до удара въ колоколъ. Потомъ же возвратился въ пиргъ и заперся. Во время дня, когда я посѣтилъ его, онъ рассказалъ мнѣ объ всемъ, и присовокупилъ: нѣтъ, отецъ мой, я желаю смерти не для того, чтобъ освободиться отъ трудовъ: да не будетъ! Напротивъ, радуюсь утружденію, но не могу удержать стремленія сердца моего, старающаго желаніемъ смерти за Христа. Подожди еще не много, возлюбленный, сказалъ я ему, доколѣ найдемъ мы корабль, и тогда немедленно отправимся. Потомъ, пришедши къ игумену, онъ рассказалъ ему о всемъ. Игумень велѣлъ

намъ побывать въ упомянутой выше келліи духовника Никифора для лобызанія во второй разъ святыхъ мощей находящихся тамъ новомучениковъ, и для полученія наставленій отъ сказаннаго старца Григорія; а прочей братіи назначилъ снова молитву къ Господу Богу, да пошлетъ Онъ, ими же вѣсть судьбами, въ пристань обители нашей какойнибудь корабль, отходящій въ Смирну. Возвратившись изъ келліи Никифора, оба мы предались безмолвію, — Агаѳангель въ пиргѣ, я въ своей кельѣ, и такимъ образомъ ожидали исполненія усердной молитвы братій.

И не вотще была эта молитва. Съ острова Хіоса шель въ Смирну корабль нѣкоего Константина, мужа благоговѣйнаго, какъ и все его товарищество на кораблѣ; но за совершеннымъ отсутствіемъ вѣтра онъ остановился ниже Тасса. Въ великій пятокъ вечеромъ корабль этого Константина, при совершенной тишинѣ моря, вдругъ явился предъ нашимъ монастыремъ. Всѣ корабельщики, видя такое переставленіе своего корабля, недоумѣвали объ этомъ явленіи. Около 6-го часа великой субботы мученикъ отперъ дверь пирга, и видитъ въ пристани монастырской большой корабль. Тотчасъ же бѣжитъ онъ на берегъ, и узнаетъ отъ корабельщиковъ, что они ѣдутъ въ Смирну. Несказанно обрадовавшись сему, онъ тогда же идетъ къ игумену, рассказываетъ ему объ этомъ и проситъ послать его съ этимъ кораблемъ. Услышавъ отъ игумена, что для него собственно и пришелъ этотъ корабль, и что ему плыть на семь суднѣ, — онъ весь, такъ сказать, превратился въ радость. Пришелъ онъ и ко мнѣ, рассказалъ о прибытіи корабля и рѣшеніи игумена касательно его, и мы оба духовно радовались, славя Бога. Но узнавъ отъ корабельщиковъ, что они отправляются въ слѣдующій день, т.-е. въ Свѣтлое Воскресеніе, я весьма опечалился; ибо для насъ требовалось еще нѣсколько времени для приготовленія, главное же, — намъ нужно было еще побывать въ келліи духовника

Никифора, чтобы получить окончательныя наставленія отъ старца Григорія. Впрочемъ игумень утѣшилъ меня во всемъ этомъ, ибо за старцемъ Григоріемъ послалъ онъ нарочнаго, и Григорій явившись въ нашу обитель, много насъ пользовалъ, а между тѣмъ добрый нашъ геронта и начальника корабля уговорилъ остаться до понедѣльника. Такимъ образомъ мы для должнаго приготовленія имѣли въ своей власти два дня. Въ вечеръ понедѣльника игумень удостоилъ Агаангела и великаго ангельскаго образа, — облекъ его во святую схиму. Братія, по чину, привѣтствуя его съ принятіемъ сего святаго образа, орошали полъ храма слезами, и просили Бога мысленно, да укрѣпитъ его въ великомъ подвигѣ. Въ четвертый часъ ночи мы вошли въ корабль въ сопровожденіи игумена и старшей братіи.

Опуская описаніе плаванія нашего по морю, я обращаюсь прямо къ цѣли нашего стремленія — нашему явленію въ Смирну. Когда мы къ ней приближались, мученикъ былъ погруженъ въ легкій сонъ. Пробудившись, онъ принимаетъ видъ пасмурный, угрюмый, тогда какъ въ другіе дни былъ всегда веселъ и живъ. На вопросъ мой о причинѣ такого страннаго для меня явленія, онъ не говорилъ мнѣ ничего, кромѣ словъ: оставь меня. Между тѣмъ глаза его были полны слезъ. Убо явшись такой переменны съ нимъ, я сѣлъ подлѣ него и усилилъ свои вопросы о причинѣ угрюмости его. Наконецъ онъ сказалъ мнѣ: святой Евѳимій (первый изъ преподобномучениковъ, о коихъ мы сказали выше) сейчасъ являлся мнѣ, будто онъ пришелъ ко мнѣ, обнялъ меня и, облобызавъ, сказалъ мнѣ: «пришло время!» Но теперь я размышляю о томъ, когда душа моя выйдетъ изъ моего тѣла, какъ избѣгну я воздушныхъ мытарствъ, при таковыхъ безчисленныхъ моихъ грѣхахъ! Это-то размышленіе смущаетъ и мучитъ меня, вотъ тебѣ и причина моего сѣтованія. Братъ! сказалъ я ему на это, видѣніе твое божественно, истинно, а скорбный по-

мысль твой отъ врага. Онъ злоумышляетъ смутить тебя, чтобы ввергнуть сначала въ боязливость, а потомъ въ отчаяніе. Знай, воздушные мытареначальники не посмѣютъ приблизиться къ той душѣ, которая отходитъ мученическою смертию. Услышавъ отъ меня это и подобное этому, Агаѳангелъ оставилъ свою угрюмость: радость и веселіе снова поселились въ душѣ его, и отпечатлѣвались на лицѣ его.

Когда мы вошли въ смирскій заливъ, онъ сказалъ мнѣ съ великою радостію: отецъ мой! много веселится душа моя о чрезвычайной радости, которую получаютъ смирскіе христіане въ день моего умерщвленія (что и исполнилось, о чемъ скажемъ ниже).—Въ Фомино воскресенье вечеромъ мы вошли въ смирскую пристань. Нѣкоторые изъ братій нашей обители, жившіе тогда въ Смирнѣ по нуждамъ монастыря, узнавши о нашемъ прибытіи, пришли къ намъ, и приняли насъ съ великою радостію. Вышедши изъ корабля, мы успокоились въ домѣ епитропа обители нашей, именемъ Константина¹, который, узнавъ о намѣреніи юноши, весьма радовался, что удостоился принять въ домъ свой мученика Христова,—и ласки его обильно посыпались на насъ. Пребывая у сего богобоязливаго епитропа, мы приготовили все нужное для нашей цѣли. Въ четвертокъ утромъ,—когда бываетъ оттоманское собраніе въ судилищѣ,—Агаѳангела мы вычесали, облекли въ турецкія одежды, не оставивъ на немъ никакого знака иноческаго, кромѣ парамана (который пришили назадъ къ рубашкѣ), дали ему деревянный святогорскій крестъ и небольшое на бумагѣ изображеніе Христова Воскресенія,—это изображеніе онъ долженъ былъ поднять предъ судилищемъ

---

¹ Этихъ епитроповъ каждая святогорская обитель содержитъ въ тѣхъ мѣстахъ, съ которыми она имѣетъ частыя сношенія по своимъ нуждамъ. Это или арендаторъ святогорской извѣстной обители, или иногда просто домохозяинъ, къ которому иноки какой нибудь обители прибываютъ и остаются у него во все время исправленія нуждъ своей обители.

во время своего исповѣданія (что онъ и сдѣлалъ, какъ увидимъ ниже); потомъ сотворили довольно продолжительную молитву, по окончаніи которой лобызали другъ друга, заливаясь слезами, и— тогда я позволилъ ему идти съ Божіею милостію. Получивъ наконецъ окончательное мое рѣшеніе на свое пламенное желаніе, Агаѳангелъ не шелъ изъ дому своего благодѣтеля, а летѣлъ, такъ что въ два почти прыжка онъ миновалъ весь довольно просторный дворъ епитропова дома, хотя казалось, что отъ многого поста и молитвы до изнеможенія ослабѣли тѣлесныя его силы. Видя такую походку, женщины съ верху дома зывали со слезами: честь благодатному юношѣ! слава его мужеству! радость его усердію! и подобное сему. Былъ третій часъ дня, когда Агаѳангелъ бодро вошелъ въ судилище. Но такъ какъ тамъ не случилось тогда главнаго судьи по причинѣ болѣзни его, то онъ въ величайшемъ неудовольствіи ждалъ его внѣ до 7-го часа, и узнавши, что судья въ тотъ день не придетъ въ судилище, вошелъ въ оное со всѣмъ дерзновеніемъ, а тамъ былъ сынъ главнаго судьи, намѣстникъ и предсѣдатель лукаваго и беззаконнаго сего собранія. Когда спросили его: что ему нужно? исповѣдникъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ Мехметъ-капитаномъ, то-есть прежнимъ жестокимъ господиномъ его, и что желаетъ, чтобы призвали его сюда для рѣшенія того дѣла. Посланные привели нечестивца въ судилище; предсталъ предъ лице нечестивыхъ судей и Христовъ исповѣдникъ, и на вопросъ предсѣдателя, какое у него дѣло? отвѣчалъ дерзновенно: судья, когда я поступилъ въ услуженіе къ этому человѣку, тогда былъ христіаниномъ; но онъ прельстилъ меня, и сдѣлалъ туркою. Теперь я снова христіанинъ, и вѣрую въ Иисуса Христа, Котораго исповѣдую Богомъ истиннымъ. Съ лукавою лестію и слегка укоривъ исповѣдника Христова, присутствующіе въ судилищѣ совѣтовали ему раскаяться въ своемъ согрѣшеніи. Но онъ, вынувъ сокрытый

за пазухою крестъ, и поднявъ его предъ собраніемъ, сказалъ громогласно на турецкомъ языкѣ: вотъ оружіе Господа моего Иисуса Христа Бога истиннаго! оно спасетъ меня и всѣхъ христіанъ, а васъ осудитъ. Во мгновение ока предстоящіе выхватили крестъ изъ рукъ его, и снова льстиво укоривъ его, побуждали придти въ себя, возчувствовать свое заблужденіе, и произнестъ исповѣданіе лживой ихъ вѣры. Въмѣсто того онъ вынулъ изъ за пазухи изображеніе Воскресенія Христова и, поднявъ оное на высоту, воззвалъ громкимъ и яснымъ голосомъ: такъ воскресъ Господь мой Иисусъ Христосъ, такъ воскреситъ Онъ и меня и всѣхъ вѣрующихъ въ Него! васъ же и пророка вашего низринетъ во глубину вѣчнаго мученія! Немедленно выхватили они и это изображеніе изъ рукъ его, и предсѣдатель сказалъ съ притворною кротостію: этотъ юноша, кажется, обиженъ и не въ своемъ духѣ, у него круженіе головы, — почему отведите его въ другую комнату, и поощрите многими дарами и чинами, чтобы онъ пришелъ въ себя. Вслѣдствіе такого рѣшенія предсѣдателя нѣкоторые изъ членовъ судилища и ученые мусульманскіе, болѣе другихъ посвященные у нихъ въ таинства ихъ заблужденій, — увели исповѣдника Христова въ особенныя комнаты, позвали сюда еще и другихъ мудрѣйшихъ себя льстецовъ и обманщиковъ, искуснѣйшихъ въ нечестіи, и начали изрыгать изъ скверныхъ своихъ устъ всевозможную лесть и коварство. Дорогой нашъ! говорили они, что съ тобою? скажи намъ со всею откровенностію: не чувствуешь ли ты себя больнымъ по душѣ или по тѣлу, и особенно по душѣ? или, можетъ быть, имѣешь нужду въ деньгахъ, и потому такъ поступаешь? Нѣтъ, отвѣчалъ имъ дерзновенно исповѣдникъ, какъ и самому предсѣдателю, тѣло и умъ у меня здравы и неповрежденны, а въ деньгахъ нужды не имѣю, но хочу воспріять обратно святую мою вѣру, которой коварно и насильно лишилъ меня прежній мой деспотъ. Это было только

начало лести. Послѣ этого, такъ сказать, вступленія, оболъщеніямъ и обѣщаніямъ не было конца: принесли и положили предъ исповѣдникомъ груды золота, множество златотканыхъ, драгоценныхъ одеждъ и прочихъ лестныхъ для чувственности предметовъ, увѣряли его въ искренней своей къ нему любви и расположеніи, льстили ему высокимъ значеніемъ въ свѣтѣ, даже честію при царскомъ дворѣ, предоставленіемъ въ полное его владѣніе великолѣпныхъ палатъ, сочетаніемъ съ богатѣйшею и прекраснѣйшею невѣстою, снабженіемъ его множествомъ богатства, однимъ словомъ, — хотѣли излить на него всевозможныя блага сей жизни; не забывали также пусто-словить и о наградахъ ему въ жизни будущей, — гдѣ обѣщали великую милость ихъ пророка, имѣющую выразиться доставленіемъ ему въ полное его обладаніе множества невыразимой, ангельской красоты прелестницъ, и неисчислимыхъ родовъ льстящихъ вкусу снѣдей. Это суесловіе и буесловіе продолжалось болѣе часа. Исповѣдникъ Христовъ на все это срамословіе не отвѣчалъ ничего, погруживъ умъ свой во внутреннюю молитву, — и едва, едва слышалъ скверную ихъ болтовню. Истощившись же наконецъ въ лести и обѣщаніяхъ, нечестивцы спросили его: убѣждается ли онъ увѣщаніями ихъ? Исповѣдникъ въ короткихъ словахъ отвѣчалъ: гнушаюсь я и вами, и увѣщаніями, и обѣщаніями вашими, и всѣми вещами, какія вы принесли предъ меня: Христа только моего люблю, Христа моего ищу, Христомъ моимъ желаю наслаждаться. Отвѣтъ его былъ переданъ богохульному собранію въ точныхъ словахъ. Тогда прежній его господинъ сталъ взводить на исповѣдника многія клеветы, и между прочимъ то, будто онъ при бѣгствѣ своемъ похитилъ у него много драгоценныхъ вещей; но члены суда не вняли симъ клеветамъ и, видя совершенную ложь этого нечестивца, приказали даже выгнать его изъ собранія: такимъ образомъ исповѣдникъ освободился отъ этого лютаго звѣря. Между тѣмъ

предсѣдатель позвалъ исповѣдника еще разъ на средину и вмѣстѣ съ лукавымъ своимъ собраніемъ разлился предъ исповѣдникомъ въ своей лести, разсыпался въ своихъ обѣщаніяхъ ему благъ за обращеніе его на путь ихъ погибельный. Исповѣдникъ, по прежнему, хранилъ молчаніе, и на вопросъ нечестивцевъ: убѣдился ли онъ словами ихъ? отвѣчалъ тоже, что и въ первый разъ. Послѣ того токъ лести прекратился, суетныя обѣщанія благъ остановились. Отселѣ судья началъ выказывать исповѣднику Христову то, чего онъ и желалъ, то-есть, сталъ грозить ему горькою смертію, и перечислять ему всѣ роды мученій. Исповѣдникъ на это отвѣчалъ дерзновенно, безъ всякаго трепета, безъ всякой робости, со всею свободою, говоря: все то, о чемъ ты говоришь, я принимаю съ величайшимъ удовольствіемъ, и прошу не медлить привести въ исполненіе твои слова; я готовъ терпѣть за Христа моего все,—это всего болѣе докажетъ твою ко мнѣ любовь. О, блаженный языкъ! скажу и я съ великимъ Василиемъ, прозвучавшій въ наши времена такое исповѣданіе, которымъ очистился воздухъ, оскверненный нашими грѣхами! О, умъ пребожественный и твердый, который восхвалили лики ангеловъ! О, руки всечестныя, возвысившія чистый крестъ и Воскресеніе Христово съ такимъ мужествомъ предъ лукавымъ собраніемъ! Какія нестерпимыя раны нанесли вы злымъ демонамъ! О, душа славная, которую преславный Господь славы преславно прославилъ въ пренебесной славѣ! Но возвратимся къ нашему разсказу.

Судья, видя великое дерзновеніе исповѣдника, твердость и непреклонность его мысли, скинулъ себя маску лисицы и обнаружилъ природную свою львиную жестокость и безчеловѣчіе. Раздѣньте этого пса! свирѣпо заревѣлъ онъ своимъ, подобнымъ себѣ, слугамъ, и на исповѣдникѣ въ одинъ мигъ осталось только нижнее платье. Вслѣдъ за симъ истязанія его начались съ того, что одинъ изъ присутствующихъ далъ

ему сильную пощечину, какую нѣкогда тотъ архіерейскій слуга Божественному нашему Подвигоположнику. Вѣрный рабъ Его и истинный исполнитель божественныхъ Его заповѣдей немедленно подставилъ ему и другую ланину честнаго своего лица, и сказалъ: бей и по этой. Потомъ страстотерпецъ былъ немилосердо связанъ, и отведенъ въ палаты Муселима. Но такъ какъ Муселимъ въ тотъ день дѣлами не занимался, то мученика принялъ въ свое распоряженіе намѣстникъ его. И этотъ нечестивецъ рѣшился тоже испытать всѣ мѣры къ совращенію его съ истиннаго пути. Онъ первоначально принялъ на себя личину агнчей кротости. Но видя безуспѣшность съ этой стороны, облекся потомъ въ одежду волчью, каковъ былъ на самомъ дѣлѣ. Не получая же успѣха ни отъ лести, ни отъ угрозъ, онъ приказалъ наконецъ своимъ слугамъ заключить мученика въ темницу, забилъ ноги его въ дерево, и надѣлъ на него тяжелую цѣпь. Адскіе слуги-кровопійцы къ этимъ жестокостямъ своего господина не упустили приложить и свои лютости. Ведя мученика въ темницу, они, окаянные, дергали цѣпь во всѣ стороны съ такою силою, что многіе, видѣвшіе такую ихъ лютость, думали, что мученическая голова спадетъ съ своего тѣла; но мученикъ, терпя это, радовался и веселился духомъ. По Божію устроенію, оказались тогда невинно заключенными въ той же темницѣ два христіанина. Одинъ изъ нихъ былъ православный, именемъ Николай, человѣкъ чисто христіанскаго настроенія: онъ-то мнѣ впослѣдствіи рассказалъ подробно все, что слышалъ изъ устъ святаго, и что видѣлъ своими глазами, а другой армянинъ, тоже человѣкъ благонамѣренный. Оба они, движимые сострадательностію, ночью вынули ноги мученика изъ дерева, даже въ присутствіи нѣкоторыхъ стражей-агарянъ, которые сами благоговѣли къ страдальцу, и называли его мученикомъ. Эти два христіанина всю ночь утѣшали мученика, ободряли его въ его начинаніи примѣрами многихъ му-

чениковъ, потомъ зажгли и огня, и рукою мучениколюбца Николая, мученикъ написалъ ко мнѣ, смиренному рабу, письмо, въ которомъ кратко изобразилъ, что претерпѣлъ онъ до того часа. Это письмо получилъ я чрезъ нашего епитропа. Поутру съ первымъ разсвѣтомъ, мучениколюбцы снова заключили ноги его въ дерево, и такимъ образомъ это человѣколюбивое дѣло ихъ совсѣмъ не было извѣстно тиранамъ.

По наступленіи дня, князь, узнавъ о мученикѣ, былъ недоволенъ тѣмъ, что раздѣли его въ судилищѣ, и незаконно присвоили себѣ одежды его; почему приказалъ возвратить его въ судилище, и надѣть на него все его платье, и потомъ представить его къ нему одѣтымъ. Итакъ, въ третій часъ дня явились въ темницу палачи и, связавъ назадъ руки мученика, отвели его въ судилище. Дорогою эти изступленные въ трехъ мѣстахъ ставили его на колѣна, и играли предъ глазами его мечомъ, чтобы устрашить его, не зная, что онъ отъ души желалъ такой смерти, и боялся только одного — пощады своей жизни. Посему не тогда исполнялся онъ страхомъ, когда нечестивцы ставили его на колѣна, и взмахивали надъ головою его мечомъ, а тогда, когда снова поднимали его на ноги, не причинивъ ему никакого вреда; ибо становясь на колѣна, онъ надѣялся получить всею душею желаемый имъ мученическій вѣнецъ, а поднимаясь на ноги, разубѣждался въ томъ, и думалъ, что нечестивцы схватятъ этотъ вѣнецъ съ головы его. Итакъ, преславный борецъ, представленный въ судилище, и опять различнымъ образомъ испытанный, снова выказалъ все свое мужество. Посему судья, видя неизмѣнность мысли его, и съ тѣмъ вмѣстѣ крайне удивившись мужеству души его, одѣлъ его во всѣ его одежды, и послалъ къ князю, по его повелѣнію.

Множество христіанъ православныхъ и инославныхъ и даже большое число нечестивцевъ, думая, что поведутъ мученика на мѣсто казни, собрались около судилища, и ждали

тамъ окончанія дѣла до двухъ часовъ. Но узнавъ, что возвращаютъ его одѣтымъ во дворецъ князя, всѣ разошлись, — православные въ печали, опасаясь возвращенія его въ нечестіе, а прочіе съ удовольствіемъ, что не видѣли трагической сцены. Тутъ же въ народѣ находился и прежній нечестивѣйшій его деспотъ. Одинъ изъ агарянъ сказалъ ему: вотъ ведутъ его одѣтымъ: видно перемѣнилъ онъ образъ своихъ мыслей. А свирѣпый этотъ звѣрь отвѣчалъ: отнюдь не думаю, я очень хорошо знаю упорство его. Слышалъ эти слова и я смиренный и, вспомнивъ прореченіе Каіафы, весьма утѣшился; ибо въ сильномъ страхѣ находилась тогда несчастная моя душа, такъ какъ я въ ту пору не получалъ еще ни письма отъ него, ни другаго вѣрнаго извѣстія о немъ.

Когда мученикъ былъ представленъ предъ князя, князь прежде всего велѣлъ заключить его въ темницу. Тогда воины раздѣли его, отвели подъ стражу, и какъ прежде заключили въ мучилищное дерево и въ цѣпь.

Въ это время сказанный благодѣтель нашъ Константинъ, чрезъ одного вѣрнаго православнаго христіанина, получилъ отъ мученика два письма: одно изъ нихъ было писано ко мнѣ, а другое къ нему. Между тѣмъ Константинъ узналъ и то, что сдѣлали съ мученикомъ и воины князя, о чемъ тоже рассказалъ онъ мнѣ. Тогда оба мы со слезами прославили Бога и, получивъ такимъ образомъ благія надежды въ будущемъ, отвергли всякое сомнѣніе.

Чрезъ два или три часа по отведеніи мученика въ темницу, князь приказалъ привести его предъ себя. Лишь только этотъ мусульманинъ увидѣлъ его, тотчасъ велѣлъ одѣть его въ одежду украшенную сплошь золотомъ, потомъ посадилъ его подлѣ себя, и пошло угощеніе на славу, — принесли все, что только оттоманская преступная чувственность можетъ измыслить для удовлетворенія своихъ прихотей. Надѣвъ на себя маску кротости, нечестивый князь не забылъ при этомъ

выразить лукавую сердечную свою болѣзнь о немъ, не упустилъ и польстить ему обѣщаніемъ всѣхъ благъ. Мученикъ во все время такого обаянія хранилъ глубокое молчаніе. Ослѣпленный этимъ Осмаиль заключилъ, что онъ своею лестію подѣйствовалъ на мученика въ свою пользу, и потому тотчасъ же велѣлъ принести воду для совершенія нечестиваго омовенія. Увидѣвъ это отвратительное приготовленіе, мученикъ немедленно всталъ, и поклонившись по-христіански, сказалъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго! Изумленный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, нечестивецъ спросилъ мученика: что ты дѣлаешь? Мученикъ отвѣчалъ ему: творю собственное мое пречестное поклоненіе. Тогда сынъ погибели, понявшій непреклонность мысли его, и постыженный безуспѣшностію льстивыхъ своихъ совѣтовъ и обѣщаній, велѣлъ снять съ него золотую одежду, одѣть его въ принадлежащія ему одежды, и отвезъ снова въ темницу.

Знакомый мученику Николай, удивившись этой внѣшней его перемѣнѣ, убоялся за него, и потому, сидя въ темничномъ углу, тужилъ о немъ духомъ. Но мученикъ, приблизившись къ нему, сказалъ: не бойся, братъ! не будетъ того, чтобъ эти нечестивцы перемѣнили мою мысль: съ силою и благодатію Христовою, я есмь и буду всегда однимъ и тѣмъ же Агаѳангеломъ; поэтому презираю козни ихъ, и обольщеній ихъ не слушаю, пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ. Видя такую рѣшимость мученика, добрый Николай радовался, однакожь при этомъ сказалъ ему: кажется, что другъ княжескій хіосецъ Аѳанасій, ходатайствуетъ предъ нимъ, чтобы освободить тебя. Услышавъ объ этомъ, мученикъ тотчасъ же написалъ къ Аѳанасію письмо, въ которомъ заклиналъ его, именемъ Божиимъ, ни о чемъ не просить князя, но оставить нечестивымъ дѣлать съ нимъ, что хотятъ; вмѣсто же этого суетнаго ходатайства предъ княземъ, пусть

лучше христіане приносять Господу Богу моленіе объ укрѣпленіи его въ мученическомъ подвигѣ. Получивъ такое письмо, Аѳанасій пошелъ въ мѣтрополію, и показалъ его архіерею. Многіе бывшіе тамъ христіане, со слезами прославляя Бога, говорили: это письмо похоже на то, которое написалъ святой Игнатій Богоносецъ римскимъ христіанамъ, убѣждая ихъ не дѣлать о немъ никакого ходатайства, но дозволить нечестивымъ бросить его звѣрямъ. Въ это время принесъ и я отъ игумена нашей обители письма—какъ тому же архіерею, такъ и прежнему моему старцу Епифанію, архимандриту святаго гроба Господня, въ которыхъ игумень нашъ просилъ ихъ, назначить христіанамъ молитву къ Господу Богу о укрѣпленіи мученика. Прочитавъ предъ всѣми находившимся тамъ христіанами письма игумена и Аѳанасія, архіерей рѣшилъ совершить въ ту ночь моленіе къ Богу о укрѣпленіи мученика, и потому приказалъ своимъ іереямъ, чтобъ они сообщили объ этомъ всѣмъ христіанамъ, мужамъ и женамъ. Вслѣдствіе чего всѣ христіане въ ту ночь усердно, со слезами молились о новомъ мученикѣ. Даже и армянскій архіерей, побуждаемый сказаннымъ, заключеннымъ въ темницѣ армяниномъ, собралъ своихъ армянъ въ церковь и совершилъ съ ними о укрѣпленіи мученика всенощное бдѣніе, усердно прося Бога услышать ихъ прошеніе. Но возвратимся къ продолженію своего разсказа.

Находясь въ темницѣ, и какбы предугадывая будущее, святой вдругъ во время ночи сталъ просить товарищей своего заключенія двухъ тѣхъ христіанъ отшить отъ рубашки его параманъ, чтобы нечестивые не обезчестили его. И опасеніе его было не напрасно; ибо лишъ только христіане отшили отъ рубашки его параманъ, пришли нѣсколько нечестивцевъ и, взявъ рубашку, всю ночь производили надъ ней чары. Опасаясь дѣйствій волшебства, армянинъ совѣтовалъ мученику не надѣвать рубашки, когда принесутъ ее, но мученикъ отвѣчалъ: сила

Господа нашего Іисуса Христа, къ большому ихъ постыжденію, побѣдитъ всѣ чарованія ихъ. Рано утромъ нечестивцы принесли рубашку, и приказали мученику надѣть ее. Стратотерпецъ, сотворивъ на себѣ знаменіе честнаго креста, безъ всякой боязни и сомнѣнія надѣлъ ее. Тѣ долго ожидали дѣйствій богохульныхъ своихъ чарованій, но, не видя никакой переменны въ мученикѣ отъ этой одежды, ушли съ великимъ удивленіемъ и стыдомъ для себя и для отца ихъ діавола. Послѣ сего святой склонился на землю, и предался легкому сну, но вскорѣ вдругъ всталъ онъ и сказалъ товарищамъ своего заключенія христіанамъ: радуйтесь со мною, братія мои! сего дня прежде 5-го часа меня обезглавятъ. Послѣ сего, сгарая нетерпѣніемъ соединиться со Христомъ, онъ нѣсколько разъ спрашивалъ ихъ: который часъ! и всякій разъ на отвѣты ихъ говорилъ съ великою радостію и веселіемъ: еще три часа, еще два часа! Около 4-хъ часовъ явились къ темницѣ дикіе волки. Николай слегка тронулъ мученика, и онъ, опомнившись ¹, исполнился неизреченною радостію; отъ этой радости прыгалъ онъ, какъ божественный Давидъ, скакавшій предъ сѣннымъ ковчегомъ, — прыгалъ съ такою легкостію, что блаженною своею главою едва не касался потолка темничнаго. Простившись съ своими друзьями, онъ птицею полетѣлъ къ дверямъ темницы. Провожая его, они просили умолить Бога о прекращеніи свирѣпствовавшей тогда чумы. Мученикъ отвѣчалъ имъ съ глубокимъ смиреніемъ: не обращайтесь ко мнѣ, христіане, съ такою просьбою; я человекъ грѣшнѣйшій въ мірѣ, — какое же могу имѣть дерзновеніе предъ моимъ Создателемъ? Молите лучше о мнѣ Бога, да проститъ онъ безчисленные мои грѣхи. Такое-то великое смиреніе сохранила до кончины своей всеблаженная и божественная эта душа! Отперши двери, звѣри

---

¹ Такъ какъ онъ въ это время забылся на мгновеніе.

воины съ великою яростію схватили мученика и, туго связавъ его, повели въ незаконное свое судилище. Нечестивые судьи, снова испытывали его, и нашли мысль его еще тверже. Среди разныхъ испытаній говорили они ему и слѣдующее: господинъ твой свидѣтельствуеть, что ты похитилъ у него не малую сумму денегъ и разныя дорогія вещи. Отдай намъ все это, мы посадимъ тебя на корабль и отправимъ въ Россію, гдѣ вѣрно спасется твоя жизнь. Мученикъ отвѣчалъ: въ томъ, что говоритъ господинъ мой, мнѣ нѣтъ нужды оправдываться, ибо вы хорошо знаете истину; а если бы я захотѣлъ въ Россію, то не явился бы къ вамъ добровольно. Краткимъ этимъ отвѣтомъ онъ и клевету господина своего осмѣялъ, и ясно показалъ имъ мужество души своей, и твердость своей мысли. И такъ незаконные судьи, не видя никакого успѣха отъ преступныхъ своихъ усилій совлечь мужественнаго борца съ пути истины, издали конечное рѣшеніе отрубить ему голову. Выслушавъ такое незаконное ихъ рѣшеніе, адскіе исполнители нечестивыхъ велѣній, ихъ взяли мученика, и повели его съ дикимъ воплемъ предъ мечеть Асаръ, гдѣ было опредѣлено совершить надъ нимъ казнь. Провожая мученика Христова на казнь, незаконники одѣли его со всею лѣпотою. Такимъ образомъ онъ шель на смерть, будто женихъ на брачный пиръ. Украшая такъ мученика, они и сами того не понимая, уготовляли его къ вѣчной радости на бракъ Агнца непорочнаго и пречистаго Христа. Такъ какъ о казни надъ страстотерпцемъ было оглашено съ самаго еще утра по всему городу; то на мѣстѣ ея собралось безчисленное множество народа всѣхъ націй, всякаго возраста, пола и состоянія. Всѣ, не спуская глазъ, смотрѣли на ангеловидное лице мученика. Явившись къ изувѣрному своему чтилищу (т. е. мечети Асаръ—мѣсту казни), нечестивцы еще разъ принуждали мученика поклониться по магометански, но онъ, занявъ свой умъ молитвою, не обра-

тилъ на нихъ вниманія. Тогда раздѣвъ его, они постановили его на колѣна. Въ это время опять пришелъ скверный его господинъ и, наклонившись разговаривалъ съ нимъ вслухъ. Явился также туда и одинъ лживый ихъ законоучитель, и говорилъ мученику: много буду я скорбѣть, если допущу умертвить тебя: пойдешь со мною, я дамъ тебѣ возможность и средства бѣжать, куда ты захочешь. Но мученикъ даже и не обратился къ нимъ: потупивъ очи свои долу, а умъ устремивъ къ Богу, онъ молился внутренно. Простерши съ усердіемъ свою выю, наконецъ сказалъ онъ безъ всякаго смущенія предстоящимъ исполнителямъ казни: чтоже не исполняете вы своего дѣла? Тогда главный изъ нихъ приказалъ ударить, и святая глава его почти во мгновеніе ока отдѣлилась отъ тѣла. Это было 19-го апрѣля въ субботу въ 6-й часъ ¹ дня 1819 года. Святый имѣлъ отъ роду 19 лѣтъ. Такъ пострадалъ преподобномученикъ Агаѳангелъ, сначала всею душою отвергшійся всего, что есть въ мірѣ, а потомъ принесшій себя въ жертву благопріятну Богу.

Доброненавистники, сыны рабыни, желая лишить христіанъ утѣшенія взять не только тѣло, но даже и кровь мученика, заранѣе приготовили особыхъ людей, по ремеслу красильщиковъ, съ сосудами, полными воды, и приказали имъ вылить ее на кровь святаго, чтобы смыть ее на мѣстѣ ея изліянія. Въ этомъ послѣ горько раскаявались они, но было поздно. Христіане опять получили надъ ними побѣду: кровь мученика досталась имъ въ руки, а тѣ потеряли большое количество денегъ, которыя могли бы выручить, продавая имъ капли крови страстотерпца. Кровь же святаго получили христіане такимъ образомъ: изъ красильщиковъ, опредѣленныхъ для уничтоженія ея, одинъ былъ благочестивый христіанинъ. Успѣвши стать прежде другихъ на то мѣсто, гдѣ упала му-

---

¹ Исчисленіе времени разумѣется здѣсь восточное.

ченическая глава, и излилась изъ нея ручьемъ святая кровь, онъ сбросилъ на кровь головное свое покрывало, показывая видъ, что оно съ головы его упало само собою. Въ одну минуту завернулъ онъ въ это покрывало кровь мученика. Находившіеся же тамъ христіане, схвативъ у красильщика безцѣнное это покрывало, немедленно раздѣлили оное между собою на малыя части. Увидѣвши такой оборотъ дѣла поклонники лжепророка, стали безъ всякой милости бить всѣхъ христіанъ, кто только имъ попадался. Послѣдователи Христовы, получая раны, радовались и славословили Бога: слава Тебѣ Боже! слава Тебѣ! вzywали они. Чудное тогда явилось зрѣлище! Ентузіазмъ между христіанами былъ всеобщій. Ревностію умереть за Христа воспламенились не только всѣ православныя христіане, но и армяне. И они громогласно призывали на себя смерть. Одинъ у насъ Христосъ, говорили они туркамъ, бившимъ православныхъ, мучьте и убивайте и насъ. Всѣ желали смерти, но ея не было: она, какбы убоившись такого множества жертвъ своихъ, скрылась.

Не солгалось предвѣдѣніе святаго страстотернца о радости христіанъ, какую доставила имъ славная его смерть, о чемъ мы упомянули выше. Весь народъ христіанскій громогласно и единогласно прославилъ тогда всесвятое имя Господа и Бога нашего Іисуса Христа, и ублажилъ славнаго Его служителя. Радость христіанъ была всеобщая: всѣ званія, состоянія, полы и возрасты торжествовали и веселились. Имѣсто казни мученика, пока находились на немъ святыя мощи его, было какбы великолѣпнымъ какимъ-то театромъ; ибо всякій почти христіанинъ, православный и неправославный, разъ по десяти въ день приходилъ туда, и съ радостію наслаждался зрѣніемъ лежавшихъ на земли святыхъ мощей. Множество мусульманскихъ воиновъ окружали это мѣсто съ оружіемъ въ рукахъ изъ опасенія, чтобы христіане не устремились и не похитили святыхъ мощей.

Въ воскресенье утромъ пришелъ туда одинъ клирикъ; приблизившись къ святымъ мощамъ, онъ сдѣлалъ предъ ними три земныхъ поклона, и облобызалъ ихъ съ благоговѣніемъ. Находившіеся здѣсь турки не препятствовали ему выражать свое благоговѣніе мученику, тогда какъ вчера съ бѣшенствомъ нападали на всѣхъ христіанъ, приближавшихся къ святымъ мощамъ. Это заняло меня. Я просилъ нѣкоторыхъ христіанъ, могшихъ бесѣдовать по турецки, спросить стражей о причинѣ перемѣны поведенія ихъ съ христіанами. Нечестивцы рассказали слѣдующее: въ эту ночь стерегли святая мощи только два бойкихъ турка, а прочіе стражи спали. Бодрствующіе вдругъ услышали надъ святыми мощами какой-то шорохъ, приблизившись же къ нимъ, увидѣли, что мощи находятся въ сидячемъ положеніи, и крайне изумились этому. Потомъ, съ трепетомъ наблюдая надъ ними, они замѣтили, что мощи вставали сами собою, и въ продолженіе трехъ часовъ трижды падали. Эти двое рассказали о такомъ чудѣ и прочимъ стражамъ, и другимъ мусульманамъ, и знакомымъ своимъ изъ христіанъ. Одинъ, видѣвшій это чудо сторожъ, просилъ нѣкоего благочестиваго христіанина изъяснить, что это значитъ? Видѣнное тобою чудо показываетъ то, отвѣчалъ ему христіанинъ, что хотя вы и усѣкнули мученика, но онъ живетъ во Христѣ, и встаетъ, когда хочетъ. Пораженные такимъ чудомъ, турки стали уважать святаго. называли его мученикомъ, и не препятствовали христіанамъ являться къ святымъ мощамъ его. Въ тотъ же день святая мощи начали издавать изъ себя райское благоуханіе. Слухъ о возможности посѣщенія святыхъ мощей и о благоуханіи отъ нихъ немедленно разнесся по всему городу. Посему христіане, и православные и неправославные, стали во множествѣ притекать къ святымъ мощамъ. Всѣ съ благоговѣніемъ разсматривали ихъ, и не находили въ нихъ никакого признака смертности, напротивъ всѣ ощущали отъ нихъ чудный рай-

скій ароматъ, который, къ большему удивленію всѣхъ, становился съ часу на часъ сильнѣе и сильнѣе. Чудное это явленіе въ христіанахъ произвело чувство душевнаго умиленія, а въ туркахъ сильную зависть и сумазбродную злобу. Почему нѣкоторые изъ нихъ, болѣе жестокіе и завистливые, взяли святую главу и укатали ее въ стоки нечистотъ, чтобъ она лишилась благовонія. Но, — о чудо! — вмѣсто того, чтобы божественной главѣ проникнуться запахомъ нечистотъ, онѣ отъ тука ея заняли благоуханіе, и святая глава стала благоухать болѣе прежняго.

Въ это время христіане пришли въ такое сердечное сокрушеніе, что если бы учили ихъ учителя всей вселенной цѣлые годы, то не произвели бы столько плода. Враги закоренѣлые и непримиримые примирались; раздавались щедрыя милостыни; пришли въ омерзеніе безчестные дома; маловѣріе и отчаяніе исчезли; много лѣтъ не видѣвшіе духовника, теперь притекали къ нему съ теплыми слезами; вольнодумцы и безбожники онѣмѣли; — на самыхъ даже агарянъ, не столь ожесточенныхъ, это явленіе произвело благодѣтельное вліяніе, — и они съ благоговѣніемъ называли святаго мученикомъ. Въ это время одинъ христіанинъ, именемъ Димитрій, знакомый мнѣ назадъ тому нѣсколько лѣтъ, страдая небреженіемъ о таинствахъ вѣры, и находясь подъ вліяніемъ вольнодумцевъ, пришелъ, чтобы приложить носъ свой къ шеѣ мученическаго тѣла, и почувствовалъ неизреченное благоуханіе. Посему онъ тотчасъ же бросилъ свое равнодушіе, проклиналъ вольнодумство и всякій видъ безбожія и, пришедши ко мнѣ, исповѣдался со слезами во всѣхъ своихъ грѣхахъ.

Въ третій день усѣкновенія мученика прошелъ по городу слухъ, что тѣло его будетъ брошено въ море. Почему всѣ бывшіе тамъ въ пристани корабли, большіе и малые, даже консульскіе всѣхъ христіанскихъ народовъ, расположились цѣпью по всей сторонѣ моря, лежащей къ городу. На всякій случай

иные изъ нихъ даже вооружились. Но божественная душа мученика не восхотѣла, чтобы при погребеніи честныхъ его останковъ было смущеніе. Стратотерпецъ хотѣлъ продлить радость, какую онъ доставилъ христіанамъ своею смертію. Такимъ образомъ безцѣнная благодѣньность Божія, по ходатайству его, внушила владѣющимъ святыми его мощами отдать ихъ для честнаго погребенія православнымъ христіанамъ. Поэтому въ поздній уже вечеръ того же дня оттоманскіе стражи взяли съ мѣста казни святыя мощи, и принесли ихъ къ правителю города. Здѣсь онѣ были переданы христіанамъ за нѣкоторую сумму денегъ. Кто можетъ описать радость и торжество христіанъ когда получили они безцѣнное для нихъ сокровище! Воздухъ облагоухали они ѳиміамомъ и другими многоцѣнными ароматами, тѣло мученическое обернули чистымъ полотномъ и положили его на златотканной плащаницѣ. А рогозину, на которой турки принесли святыя мощи съ мѣста казни къ градоправителю, христіане разрѣзали на мѣлкія части, и раздѣлили между собою въ освященіе себя.

Такъ благолѣпно украсивъ святыя мощи, христіане отъ градскаго правителя понесли ихъ съ великимъ благоговѣніемъ, торжественнымъ пѣніемъ и блистательнымъ освѣщеніемъ въ храмъ святаго Георгія. Въ обширномъ дворѣ сего храма встрѣтило его торжественное шествіе: два архіерея, облаченные въ полное архіерейское одѣяніе, со многими іереями, тоже свѣтло одѣтыми, и окруженными множествомъ народа. Клиръ и народъ были съ возженными свѣчами. Іерархи, съ священнымъ своимъ сонмомъ, встрѣтивъ святыя мощи, и поклонившись имъ до земли съ теплыми слезами, внесли оныя со псалмопѣніемъ внутрь храма. Когда здѣсь сладостно пропѣли мученическую службу, и всѣ христіане съ великимъ благоговѣніемъ приложились съ святымъ мощамъ, тогда сами іерархи положили ихъ въ великолѣпнѣйшемъ гробѣ святаго Дима, пострадавшаго назадъ тому 408 лѣтъ.

По погребеніи святыхъ мученическихъ мощей, смирскій архіерей собственноручно написалъ о мученикѣ подробное посланіе къ вселенскому патріарху. А патріархъ, снявъ копию съ сего письма, послалъ оную на Святую Гору. Окровавленное нижнее платье святаго первый взялъ себѣ слуга княжскій. Онъ также отрѣзалъ у святаго и малый палець. Все это купилъ у слуги г. Аѳанасій Хіосецъ, который, при моемъ отправленіи на Святую Гору, обѣщалъ отдать мнѣ купленное. Предъ отъѣздомъ своимъ я пришелъ къ нему за святынею. Въ то время у него было болѣе двадцати пяти человѣкъ посѣтителей. Намѣреваясь отдать мнѣ палець святаго, Аѳанасій лишь только открылъ небольшой серебряный ковчежець, въ которомъ былъ онъ скрытъ, понеслось изъ ковчежца неизреченное благоуханіе, которымъ наполнился весь домъ. Тогда всѣ мы, велегласно прославивъ Бога, съ великимъ благоговѣніемъ лобызали сію святыню. Аѳанасій же съ торжествующимъ видомъ возгласилъ: вольнодумцы и безбожники! вотъ этотъ палець не бывалъ ни въ чьихъ рукахъ, кромѣ рукъ турка, я самъ положилъ его въ этотъ ящикъ и заперъ въ немъ,— откуда же благоуханіе? и что оно значитъ? Итакъ, невѣріе во святое достоинство мощей, что иное будетъ означать, какъ не явную слѣпоту и безуміе? Послѣ сего онъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ: отецъ мой! вы имѣете много святыни на Святой Горѣ, подари мнѣ этотъ безцѣнный палець: я буду показывать его безбожникамъ и вольнодумцамъ для утвержденія истины святой вѣры нашей и для обращенія ихъ на путь правый.— Да будетъ по твоему святому желанію, былъ мой отвѣтъ. А платье святаго онъ отдалъ мнѣ. Изъ него я часть взялъ себѣ, а другую раздѣлилъ между посѣтителями Аѳанасіевыми, уважая ихъ усиленную о томъ просьбу. Аѳанасій, чрезъ нѣсколько дней отбывъ домой въ Хіосъ, нашелъ тамъ цервороднаго сына своего при смерти. Врачеваніе его медицина признала уже бесполезнымъ; но благо-

говѣнный Аѳанасій лишь только положилъ на него святой мученической палецъ и часть окровавленной одежды, данной и ему немного, больной тотчасъ всталъ совершенно здоровымъ.

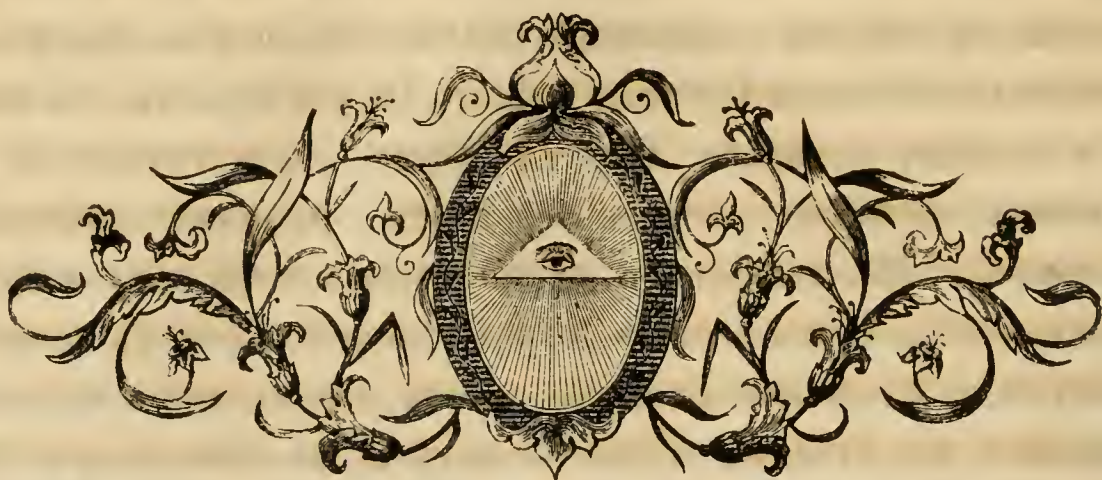
По окончаніи всѣхъ дѣлъ въ Смирнѣ, я долженъ былъ отправиться на Святую Гору. Когда мы приближались къ ней, случилась сильная буря. Лежа внутри корабля почти безъ чувствъ отъ качки, я вдругъ увидѣлъ предъ собою святаго, котораго лице сіяло небеснымъ свѣтомъ, и блистало неземнымъ веселиемъ. Братъ мой Агаѳангелъ! куда ты идешь? спросилъ я его. Въ монастырь нашъ, отвѣчалъ онъ мнѣ съ ангельскою улыбкою; — но прежде безъ всякой опасности пристанемъ къ Иверу, — море скоро утихнетъ. Ты, братъ мой, не умерь: продолжалъ я съ нимъ бесѣдовать. Нѣтъ, — не умерь, живу, какъ видишь, говорилъ онъ мнѣ сладкимъ голосомъ, и весело смотря на меня. Съ этимъ словомъ я пробудился, и сначала лобызалъ то мѣсто, на которомъ видѣлъ его стоящимъ, а потомъ позвалъ къ себѣ начальника корабля, и рассказалъ ему о своемъ видѣніи. Значить, по молитвамъ святаго Агаѳангела, съ нами не случится никакого несчастія! Всѣ бывшіе на кораблѣ одушевились, славили Бога и благодарили угодника Его. Дѣйствительно, спустя не много, море стало утихать, и вѣтеръ подулъ благопріятный, такъ что чрезъ два или три часа мы безопасно вошли въ пристань обители Иверской. Отсюда я послалъ извѣстіе о себѣ въ нашу киновію. Когда я приблизился къ монастырю, ко мнѣ на встрѣчу вышли игумень, іереи, и іеродіаконы, облеченные въ священныя одежды и вся братія съ возженными свѣчами. Прежде всего игумень и вся братія съ великимъ благоговѣніемъ облобызали окровавленные одежды святаго, изливая обильныя слезы радости. Потомъ игумень съ сими святыми одеждами сдѣлалъ крестный ходъ вокругъ монастыря въ сопровожденіи всего братства. Во все это время производился звонъ во всѣ колокола. Вшедши же во храмъ, и со-

творивъ подобающее славословіе, мы положили эти святыя одежды въ общемъ хранилищѣ святыхъ мощей во славу при-
снопамятнаго имени Господа нашего Іисуса Христа, въ честь
же и похвалу славнаго Его служителя, предстателя и за-
ступника нашего, святаго славнаго преподобномученика
Агаѳангела. Молитвами его да удостоимся и мы наслаждаться
небеснымъ блаженствомъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ,
Коему подобаеъ всякая слава, честь и поклоненіе со безна-
чальнымъ Его Отцемъ и Всесвятымъ и животворящимъ Его
Духомъ. Аминь.

ДЕЗТВАВАТЪ

О ПЕРЕНЕСЕНИИ СВЯТЫХЪ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

АГАѠАНГЕЛА.

Мощи святаго АгаѠангела недолго оставались во гробѣ святаго Дима.— Чрезъ пять мѣсяцевъ, открывъ гробъ его съ боковой стороны, нашли, что мощи святаго АгаѠангела разрѣшились. Посему тогда же, положивъ всѣ святыя кости новомученика въ особый кивотъ, поставили оный въ сосудохранилищѣ храма великомученика Георгія.

Въ 1844 году игуменъ обители Есфигменской, соименный святому новомученику, съ братствомъ своимъ, движимый достохвальнымъ уваженіемъ и благоговѣніемъ къ своему сокиновіату, преподобномученику, рѣшился перенести святыя останки его въ свою обитель. Почему и послалъ онъ въ Смурну одного изъ старшей своей братіи, іеромонаха¹ Макарія, съ вѣрительными и просительными грамотами ко архіерею города сего и почетнымъ гражданамъ—представителямъ христіанскаго въ ономъ общества. Іерархъ и почетные граждане города, нашедши просьбу отцевъ сокиновіатовъ святаго, благо-

¹ Теперь онъ имѣетъ санъ архимандрита.

словною, отдали имъ съ любовію святую и чудотворную главу мученика съ правою рукою и ногою его, прочія же части святыхъ мощей удержали у себя въ освященіе города ихъ. А для удостовѣренія, что сіи мощи точно святаго преподобномученика Агаѳангела, а не инаго кого, — почетные граждане Смирны дали Г. Макарію есфигменскому письменное свидѣтельство¹, подписанное блюстителями церкви святаго великомученика Георгія и іерархомъ города сего Аѳанасіемъ, и утвержденное печатію управленія церкви великомученика Георгія.

---

¹ Свидѣтельство это хранится въ актахъ монастырскихъ.

СТРАДАНИЕ СВЯТАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

ТИМОВЕЯ ЕСФИГМЕНСКАГО ¹.

ПАМЯТЬ ЕГО ОКТЯБРЯ 29-ГО.

ей преподобномученикъ Тимовей былъ родомъ изъ нѣкоего селенія Кусани епархіи Касіанійской, входившей въ область Оракійскую. Первое его имя было Триантафиль. Достигши совершеннолѣтія, онъ взялъ себѣ законную жену и имѣлъ отъ нея двухъ дочерей. Они жили безмятежно, воспитывая дѣтей своихъ въ христіанскомъ благочестіи. Но исконный доброненавистникъ позавидовалъ миру и благочестію этой смиренной четы. Онъ въ одномъ мусульманинѣ возбудилъ преступную страсть къ женѣ Триантафила. Движимый сею страстію, сладострастный турка насильно взялъ у Триантафила жену, заставилъ ее перемѣнить вѣру, и помѣстилъ въ своемъ гаремѣ. Мало по малу она свыклась—было съ но-

¹ Съ рукописи монастыря Есфигменскаго.

вою нечестивою вѣрою и увлекательною для чувственности жизнью. Тяжко скорбѣлъ Триантафилъ о гибели души жены своей, и съ горячностью молился о спасеніи ея. Опасаясь, чтобъ и дочери его не подверглись той же участи, онъ отдалъ ихъ на попеченіе своихъ сродниковъ, и обязалъ ихъ невинныхъ сихъ агницъ держать сокровенно, изъ опасенія насилія со стороны турокъ. Между тѣмъ не переставалъ онъ тайно увѣщавать и жену свою оставить нечестивую вѣру, грозя ей за вѣроломство вѣчнымъ наказаніемъ. Не долго оставалась Христова агница въ когтяхъ адскаго волка — губителя душъ человѣческихъ. Спустя немного времени, отверженица пришла въ чувство, и познала глубину своего паденія; но не въ силахъ была исторгнуться изъ рукъ турки, хотя и незаконнаго своего мужа, не знала и того, гдѣ ей скрыться отъ преслѣдованія его. Наконецъ для освобожденія себя изъ рукъ нечестивца она придумала средство самое смѣлое и съ тѣмъ вмѣстѣ весьма опасное: она тайно предложила Триантафилу притворно принять исламизмъ, чтобы, по освобожденіи ея отъ варвара, обоимъ имъ, оставивъ родину, одному идти на святую Гору и сдѣлаться тамъ инокомъ, а другой въ какой нибудь женскій монастырь. Услышавъ такое предложеніе погибающей своей жены, добрый Триантафилъ не долго думалъ надъ приведеніемъ его въ исполненіе. Подражая апостолу Павлу, готовому, для спасенія братіи его по плоти, самому быть отлученнымъ отъ Христа (Римл. 2, 3), рѣшается и онъ для спасенія жены своей отверженицы отвергнуться блаженной жизни. «Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя (Іоан. 15, 13), говоритъ Сама Воплощенная Истина», — и Триантафилъ немедленно явившись въ законопреступное судилище, предлагаетъ принять исламизмъ, если возвратятъ ему жену его. Можно вообразить себѣ при этомъ радость нечестивцевъ: они со всею готовностію обѣщали исполнить его требованіе.

И такъ онъ призналъ лживаго Магомета великимъ пророкомъ, принялъ и мерзское ихъ обрѣзаніе, а вслѣдъ за тѣмъ получилъ и жену свою. Когда мѣсяцевъ чрезъ пять послѣ того, какъ исповѣдалъ онъ мусульманскую вѣру, турки стали подозрѣвать его въ неискренности исповѣданія:—онъ тайно въ самомъ дѣлѣ жилъ по христіански,—представилась ему благословная причина, проститься съ сродниками и дочерьми своими, и отправиться вмѣстѣ съ женою въ Ену, а отсюда, тоже вмѣстѣ съ женою, тайно удалиться въ Кидонію. Здѣсь онъ оставилъ жену свою въ бывшемъ тамъ вблизи женскомъ монастырѣ. Устроивъ такимъ образомъ судьбу жены своей, самъ онъ прибылъ на святую Гору Аѳонскую. Не объявляя никому ни происхожденія, ни званія, ни состоянія своего, онъ первоначально помѣстился въ лаврѣ святаго Аѳанасія, и проходилъ тамъ послушаніе садовника, а со временемъ облекся и въ иноческій ангельскій образъ съ переименованіемъ Тимоѳеемъ. Около семи лѣтъ прожилъ онъ тамъ, въ хриstopодражательномъ смиреніи, и съ примѣрнымъ усердіемъ и неослабною ревностію исполнялъ всѣ обязанности иноческія. Услышавъ же о мученической кончинѣ въ Смирнѣ святаго новомученика Агаѳангела есфигменскаго, онъ и самъ возгорѣлъ желаніемъ пострадать за имя Христова. Поэтому съ позволенія представителей лавры ¹, перешелъ онъ въ киновію есфигменскую, и вскорѣ принялъ великую схиму. Послѣ сего онъ съ большимъ противъ прежняго рвеніемъ и усердіемъ началъ трудиться надъ воздѣлываніемъ нивы души своей. Смиреніе, кротость, послушаніе игумену и братіи, вниманіе къ себѣ, самоумерщвленіе и прочіе подвиги его были примѣрны. Но такъ какъ желаніе мученія возрастало въ немъ день ото дня; то онъ открылъ игумену свое намѣреніе, и смиренно просилъ послать его на мученичество. Игумень,

---

¹ Лавра штатный монастырь.

желая испытать его терпѣніе и горячность его души, оставилъ до времени исполненіе его желанія. Съ глубокимъ смиреніемъ и полною преданностію повиновался истинное чадо послушанія волѣ своего руководителя къ радостямъ неба, и опять сталъ терпѣливо исполнять свои обязанности. Между тѣмъ не оставлялъ и ходить иногда къ игумену, и смиренно съ теплыми слезами просить его умилосердиться надъ нимъ— исполнить его просьбу. Это испытаніе продолжалось довольно времени. Но когда опытный духовный руководитель увидѣлъ непремѣняемость мысли мученика, и что жаръ души его не только не охладѣваетъ, но еще со дня на день усиливается, то послалъ его ко мнѣ съ письмомъ, повелѣвая мнѣ сопутствовать ему на мученіе. Въ то время я¹ находился на берегахъ Пропонтиды въ епархіи Миріофитской, бывъ назначенъ отъ великой Церкви проповѣдникомъ Румелии. Не могу я пройти здѣсь молчаніемъ о достохвальномъ и примѣрномъ послушаніи сего мученика.

Упомянулъ я выше, что онъ имѣлъ двухъ дѣтей дѣвиць, которыхъ оставилъ малолѣтними у своихъ сродниковъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ заботились о нихъ вмѣсто родителей, и когда придутъ онѣ въ возрастъ, устроили супружеское ихъ счастье. Итакъ отправляясь изъ киноіи въ Пропонтиду для свиданія со мною, сей мученикъ предложилъ игумену о желаніи своемъ повидать дѣтей своихъ, и просилъ на то у него благословенія, ибо селеніе, гдѣ они живутъ, будетъ лежать на пути его. Игумень отвѣчалъ: сначала поди, чадо, къ наставнику своему, и спрости его объ этомъ, и если онъ позволитъ, сходи. Глубоко сложилъ въ сердцѣ своемъ это благословенное чадо послушанія заповѣдь своего духовнаго отца и путеводаителя къ небу. Когда онъ приближался къ селенію, гдѣ находились его дѣти, сердце его разогрѣлось

---

¹ Это тотъ же проповѣдникъ Германъ, который сопутствовалъ на мученіе св. новомученику Агафангелу есфигменскому. См. его страданіе.

такую любовію къ нимъ, что изъ глазъ его потекли ручьемъ слезы: но онъ не дерзнулъ нетолько войти въ то селеніе, боялся даже и посмотрѣть на него, опасаясь погрѣшить противъ долга послушанія. Между тѣмъ идя по за селеніемъ, онъ встрѣтился съ однимъ старымъ своимъ знакомымъ, шедшимъ въ то селеніе. Этотъ, узнавъ своего пріятели, просилъ его зайти къ нему въ домъ. Вѣрный послушникъ отвѣчалъ своему пріятели, что теперь не имѣетъ времени но на возвратномъ пути непременно побываетъ у него. Явившись въ селеніи пріятели Тимоѳея, извѣстилъ дѣвицъ — дѣтей его, что отецъ ихъ проходитъ мимо ихъ селенія, и что онъ теперь еще близко. Можно представить вспышку любви юныхъ сердецъ къ родителю своему, столь долго разлученныхъ съ нимъ. Любящія дѣти не побѣжали, а полетѣли вслѣдъ за отцомъ своимъ и, увидѣвъ его уходящимъ отъ нихъ усилили, свой бѣгъ: —напрягъ свои силы и растроганный отецъ, и бѣжалъ отъ нихъ дотолѣ, пока сталъ ими не видимъ. Сколько ни употребили онѣ моленій, воплей, сколько ни пролили слезъ,—все напрасно. Онѣ нетолько не услышали бесѣды родителя своего, но даже не увидѣли лица его. Разумѣется, было не каменное у него сердце. Онъ плакалъ много и горько, сердце его горѣло такимъ же жаромъ любви къ своимъ дѣтямъ, какъ и у нихъ къ нему: но онъ все-таки уходилъ отъ нихъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, желая быть точнымъ въ исполненіи обязанности послушанія. Вотъ какъ благословенный сынъ послушанія хранилъ послушаніе! Такъ же слушался онъ и меня, какъ увидимъ это ниже.

Наконецъ явился онъ ко мнѣ, и вручилъ мнѣ письмо отъ игумена. Прочитавъ письмо, я принялъ его съ радостію, и обходился съ нимъ благоговѣйно, нетолько какъ съ собратомъ и сокиновіагомъ, но и какъ съ искреннѣйшимъ рабомъ Христовымъ, паче же какъ съ другомъ Его, каковымъ именемъ самъ Онъ благоволилъ назвать божественныхъ своихъ апосто-

ловъ (Іоан. 15, 14, 15). Тогда случился тамъ одинъ іеромонахъ, по имени Евѳимій, человекъ жизни духовной¹: этотъ Евѳимій пожелалъ не только сопутствовать мученику на мученичество, но даже и самъ восхотѣлъ принять мученіе. Итакъ, своими наставленіями приготовили обоихъ ихъ къ мученичеству; я обрилъ имъ бороды, одѣлъ ихъ въ майнотскія² одежды, и велѣлъ имъ идти въ селеніе Кисани. Здѣсь должны они были явиться купцамъ, и прежде всего посѣтить тамошнихъ христіанъ, принявшихъ исламизмъ. Святой Тимоѳей долженъ былъ объявить имъ о себѣ, и напомнить о прежнемъ своемъ знакомствѣ, чтобъ возбудить и ихъ къ подражанію себѣ. Получивъ такія наставленія, блаженный Тимоѳей съ великою болѣзнію души и со слезами сталъ просить у меня позволенія сходить сначала проститься съ дѣтьми, которыхъ онъ крайне желалъ видѣть. Но я, давъ ему ясно понять, какой великій вредъ причинитъ это посѣщеніе святому его намѣренію, сказалъ: чадо! ты теперь иди съ благодатію Божіею на мученіе и назадъ не обращай; а я послѣ благого твоего боренія самъ посѣщу ихъ. Отъ благословеннаго сына послушанія, пререканія не было, онъ охотно оставилъ свое намѣреніе посѣтить дѣтей. Итакъ, они явились благополучно въ Кисани, и поступили по моему наставленію, то есть сначала сошлись съ потурчившимися христіанами. Но съ перваго же разу сѣяніе сѣмени слова Божія не имѣло успѣха, — они встрѣтили почву каменистую. Первый, кого они сначала посѣтили, вмѣсто того, чтобы тронуться ему напоминаніями о прежнемъ высокомъ его достоинствѣ сына благодати, благоразумными обличеніями въ вѣроломствѣ, справедливыми угрозами вѣчныхъ мукъ, вразумительными

¹ Онъ скончался здѣсь на Аѳонѣ, въ Пантократорскомъ монастырѣ, только въ 1852 году.

² Майноты — народъ греческій, извѣстный по своей храбрости и любви къ свободѣ.

убѣжденіями оставить нечестіе, удалиться изъ среды нечестивыхъ, и сдѣлаться снова послѣдователемъ Христовымъ, не стерпѣлъ дерзновенія ихъ, и донесъ на нихъ нечестивому ихъ судилищу. Судья велѣлъ представить ихъ предъ себя связанными. Здѣсь святой Тимоѳей, отрекшись заблужденія нечестивцевъ, исповѣдалъ, что онъ христіанинъ, и христіаниномъ желаетъ умереть. Когда такое же исповѣданіе произнесъ и іеромонахъ Евѳимій, и еще съ большею силою обличалъ ихъ заблужденіе,—судья, подвигшись на звѣрскій гнѣвъ, велѣлъ прежде всего стянуть имъ руки назадъ. У святаго Тимоѳея онѣ связаны были такъ туго, что плечи его соединились почти вмѣстѣ. Потомъ онъ написалъ святому Тимоѳею илами, то-есть рѣшительный приговоръ къ смерти. На слѣдующій день съ этимъ незаконнымъ илами послали ихъ связанными въ Адрианополь. Здѣсь за день предъ тѣмъ съ великимъ дерзновеніемъ исповѣдали вѣру Христову нѣкія два борца, іеромонахъ Николай и монахъ Варнава, и представили всю лживость и пагубу нечестія мусульманскаго. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ убѣжденій и угрозъ разсадили ихъ по разнымъ темницамъ, и опредѣлили бить по пятамъ каждый вечеръ, прибавляя каждодневно по два удара до конца того мѣсяца, начавши съ 38-ми ударовъ. Такое же рѣшеніе присудили и нашимъ исповѣдникамъ, и обоихъ ввергли въ ту темницу, гдѣ находился Варнава, заключивъ прежде ноги ихъ въ мучилищное дерево. Били впрочемъ только іеромонаховъ Евѳимія и Николая и монаха Варнаву, а святаго Тимоѳея оставили, объявивъ ему: въ твоёмъ илами написано, что если ты до конца настоящаго мѣсяца не обратишься въ нашу вѣру,—будешь умерщвленъ въ началѣ слѣдующаго.

Спустя два дня послѣ прибытія исповѣдниковъ въ Адрианополь, прибылъ туда и я, и остановился въ турецкой гостинницѣ, гдѣ не было ни одного христіанина. Это сдѣлалъ я для того, чтобы не обезпокоить никого изъ христіанъ, если

бы турки вздумали любопытствовать о моихъ дѣйствіяхъ. Тотчасъ же, по прибытіи своемъ, я освѣдомился чрезъ одного благонамѣреннаго христіанина о исповѣдникахъ. Отъ него узналъ я, что ихъ каждый вечеръ бьютъ, и что они весьма желаютъ приобщенія Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ, но что никто изъ священниковъ мѣстныхъ не смѣетъ идти въ темницу.

Тогда я пошелъ въ церковь, находящуюся при патриаршемъ домѣ, и взялъ тамъ шесть частицъ антидору, въ тотъ же день чрезъ одного христіанина, служащаго у нѣкоего собирателя податей, послалъ исповѣдникамъ три частицы при письмѣ, въ которомъ извѣщалъ, что завтра приду къ нимъ самъ въ темницу. Получивъ все это, они утѣшились духомъ, со слезами прославили Бога, и выражали мнѣ на бумагѣ искреннюю свою благодарность и горячее желаніе видѣть меня.

Сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, что сборщики податей за неплатежъ ихъ заключаютъ въ ту самую темницу, гдѣ находятся исповѣдники: тотчасъ же рѣшился я воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ. Убѣдилъ своего письмоносца, чтобы онъ объявилъ сборщику своему, что у меня нѣтъ законной подати. Лишь только мытарь услышалъ объ этомъ, тотчасъ приходитъ въ гостинницу, въ которой я находился, и, встрѣтивъ меня, требуетъ показать ему квитанцію на подать. Но такъ какъ я сказалъ ему, что не имѣю нетолько квитанціи, но даже и денегъ на то, чтобы получить ее, то онъ немедленно и отправилъ меня въ желанную мною темницу. Радость моя, при видѣ исповѣдниковъ Христовыхъ, была неописанна. Прежде всего я облобызалъ ихъ ноги, забитыя въ мучилищное дерево, потомъ уже мы обнимали со слезами другъ друга, и веселились духовно.

Нечестивцы, видя всю бесполезность своей жестокости надъ доблестными исповѣдниками Христовыми, съ вечера того дня перестали бить ихъ, ибо исповѣдники, не смотря на

жестокость ударовъ, не выражали ни скорби, ни чувства болѣзни, но выказывали всю твердость и мужество, и съ веселымъ лицомъ благодарили мучителей за ихъ удары, какъ за величайшее имъ благодѣяніе, а Господа своего Іисуса Христа, что Онъ, по безконечной своей благодати, сподобилъ ихъ принять за Него раны. Ктому жъ хотя зрителями біенія ихъ были и христіане и турки: но этими терзаніями невинныхъ жертвъ агаряне совсѣмъ не производили того дѣйствія на христіанъ, какого чаяли. Христіане радовались твердости исповѣдниковъ, и прославляли Бога, укрѣплявшаго ихъ, а нечестивцы, раздражаясь торжествомъ христіанъ, едва не лопались отъ злобы своей, и въ то же время не могли надивиться твердости страдальцевъ. Главное же, что, чудомъ Божиимъ, руки біющихъ безъ мѣры расслаблялись.

Всю ту ночь провелъ я съ исповѣдниками. Темницу мы обратили въ церковь, ибо тогда совершали тамъ всенощное бдѣніе. вмѣсто же назидательныхъ чтеній, исповѣдники, по убѣжденію моему, рассказывали свои подвиги, также вопросы мучителей и свои отвѣты имъ. По окончаніи бдѣнія я всѣхъ ихъ исповѣдалъ и приобщилъ Пречистыхъ Христовыхъ Таинъ. Поутру нѣкоторые изъ христіанъ заплатили мой харачъ (подать) и я вышелъ изъ темницы.

Съ этого времени, проживая въ помянутой гостинницѣ, я былъ съ исповѣдниками въ постоянномъ сношеніи. Они относились ко мнѣ съ нуждами и духовными и тѣлесными, и я въ точности исполнялъ ихъ нужды чрезъ одного вѣрнаго человѣка, иногда письменно разрѣшая ихъ недоумѣнія, иногда удовлетворяя какимъ нибудь тѣлеснымъ ихъ потребностямъ.

Въ концѣ октября святаго Тимоѣея снова представили предъ пашу. Еще разъ нечестивецъ тщетно испыталъ и лесть и угрозы для убѣжденія его произнести нечестивое ихъ исповѣданіе; но видя безуспѣшность своихъ усилій, издалъ ему конечное рѣшеніе. Почему кавасы его, связавъ исповѣдника,

предали его палачу, — и мечъ этого звѣря, въ 20-й день октября 1820 года, прекратилъ временныя страданія святаго преподобнаго отца нашего Тимоѳея, чтобы онъ получилъ за нихъ отъ Вѣчной Правды вѣчное праведное воздаяніе.

Смерть святаго Тимоѳея такъ постыдила пашу и всѣхъ бывшихъ тамъ магометанъ, что они, по прошествіи нѣсколькихъ дней, прочихъ, т. е. іеромонаховъ Евѳимія и Николая и монаха Варнаву, тоже подобно святому Тимоѳею, пламенно желавшихъ страсотерпческихъ вѣнцовъ, прогнали изъ города, не причинивъ имъ никакого вреда. Іеромонахъ Евѳимій не хотѣлъ было ни за что уйти изъ темницы, и говорилъ имъ: я пришелъ сюда не одинъ, или дайте мнѣ товарища моего, или пошлите и меня туда, куда послали его, иначе я отсюда не выйду, — и другое сему подобное. Но его насильно взяли изъ темницы, насильно посадили на корабль, и послали въ Ену.

Тѣло святаго нечестивцы ни за что не согласились продать мнѣ, хотя я чрезъ нѣкоторыхъ христіанъ обѣщалъ имъ какую угодно сумму денегъ. Желая смыть съ себя стыдъ и безчестіе, они, окаянные, рѣшились бросить его въ рѣку, — и бросили. По крайней мѣрѣ, я успѣлъ купить окровавленную одежды мученика. Проходя чрезъ родину страсотерпца, я посѣтилъ его дочерей и, какъ обѣщалъ ему при жизни, далъ имъ часть окровавленной одежды отца ихъ, а оттуда чрезъ Ену прибылъ на Святую Гору. Игуменъ и вся братія нашей обители вышли ко мнѣ на встрѣчу съ крестнымъ ходомъ, и съ честію и торжествомъ внесли внутрь храма окровавленную святую одежды мученика. Здѣсь всѣ лобызали ихъ съ благоговѣніемъ и со многими слезами. Послѣ же благоговѣйнаго лобызанія положили ихъ въ кивотѣ вмѣстѣ съ одеждами святаго Агаѳангела. Молитвами ихъ да удостоимся и мы вѣчной славы и небеснаго блаженства¹. Аминь.

¹ Духовный отецъ повомучениковъ Агаѳангела и Тимоѳея іерокириксъ Германъ, описалъ ихъ мученія, написалъ имъ и службы.

ОБРЪТЕНІЕ СВЯТЫХЪ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ЕВДОКИМА ВАТОПЕДСКАГО,

ВОСПОМИНАЕМОЕ 5-ГО ОКТЯБРЯ ¹.

Аогъ никогда не преставаѣлъ и не престаѣтъ чудодѣйствовать для возбужденія челоѣка — стремиться къ первобытному его достоинству, котораго онъ лишился въ своемъ праотцѣ, хотя, развлекаясь внѣшнимъ міромъ, челоѣкъ часто не въ состояніи бываетъ даже и замѣтить чудодѣйственную силу Божию, нетолько размыслить о ней, чтобы такимъ образомъ, познавъ свое достоинство и божественное происхожденіе, возноситься своею благоговѣйною мыслию къ Виновнику всего естественнаго и сверхестественнаго, и стремиться къ первому своему совершенству. Не увидитъ ли всякій дѣйствіе силы Всевышняго и изъ слѣдующаго событія, и не убѣдится ли, что она и въ наши времена не перестанетъ являть себя въ чудесныхъ дѣйствіяхъ?

Когда въ Ватопедѣ занималъ должность епитропа архимандритъ Филаретъ, началась въ монастырѣ небольшая перестройка, по слѣдующему случаю: увидѣли, что западная стѣна усыпальницы стала разваливаться: поэтому скевофилаксъ, архимандритъ Іаковъ, движимый благочестивымъ рас-

¹ Съ рукописи ватопедскаго монастыря.

положеніемъ къ памяти усопшихъ, рѣшился, по своимъ силамъ, исправить это мѣсто временнаго покоя бранныхъ ихъ останковъ. Призваны были мастера означеннаго дѣла; а для надзора надъ ними опредѣлилъ онъ нѣкоего инока, одноименнаго себѣ Іакова. Когда стали разбирать кровлю усыпальницы, нечаянно упало съ оной въ темную часть усыпальницы большое количество мусора на собранныя въ ней кости. Нужно было прежде главной работы отдѣлить кости отъ смѣсившагося съ ними мусора: но это можно было сдѣлать только на открытомъ и свободномъ мѣстѣ. Итакъ занялись прежде выпороженіемъ усыпальницы ¹. Это очищеніе гробницы производилось тремя работниками два дня. Наконецъ въ третій, который падалъ на первое число октября, 1841 года, около двухъ часовъ предъ полуднемъ, вдругъ изъ этого мусора изшелъ какой-то райскій ароматъ. Это крайне удивило всѣхъ. Чѣмъ болѣе разрывали мусоръ, тѣмъ благоуханіе дѣлалось ощутительнѣе, и наконецъ стало такъ сильно, что имъ прониклось все окружающее. Вслѣдъ за тѣмъ предъ глазами работниковъ явился человѣческій остовъ въ слѣдующемъ положеніи: черепъ его былъ обнаженъ и ничѣмъ не покрытъ, прочее же тѣло обвито какимъ-то хитомъ, спряденнымъ изъ хлопчатой бумаги. Находясь въ колѣнопреклоненномъ, или какбы сидячемъ на голеняхъ, положеніи, оно было прислонено лѣвымъ своимъ бокомъ къ восточной стѣнѣ усыпальницы: руки были крестовидно прижаты

---

¹ На Леонѣ, какъ извѣстно, каждое тѣло, по истеченіи трехъ лѣтъ, вырывается изъ земли: кости, оставшіяся отъ сожвшаго трупа, омываются, и потомъ складываются въ особаго рода зданіе, на то именно устроенное. Это то зданіе и называется усыпальницею (*κοιμητήριον*) или гробницею. При гробницѣ непременно устроится и церковь. Въ Ватопедѣ, какъ монастырѣ давнемъ, по причинѣ обилія костей, гробница дѣлится на двѣ половины. Нынѣ прежне темное отдѣленіе усыпальницы, послѣ описываемаго нами случая, сдѣлано тоже свѣтлымъ, въ него сдѣланъ входъ и со внѣшней стороны, а прежде было только одно окно изъ свѣтлаго отдѣленія.

къ груди, и подъ правою находилась небольшая икона, являющая Богородицу алтарницу. Кости сего остова плотно соединялись между собою сухими жилами и околостною кожицею.

Это явленіе поразило благоговѣйнымъ трепетомъ, и вмѣстѣ исполнило неизреченной радостью какъ мастеровъ, такъ и надзирателя за ними Іакова. Тотчасъ же дано было знать объ этомъ епитропу Филарету и прочимъ въ монастырѣ. Въ то время пребывали въ Ватопедѣ на покоѣ два іерарха: смирскій архіепископъ Хрисанъ, прежде много подвизавшійся противъ лютеранъ и кальвинистовъ, и адрианопольскій митрополитъ Григорій, здравствующій еще и теперь. Итакъ, съ епитропомъ и братією Ватопеда пришли видѣть чудо и эти іерархи. При семъ видѣніи, всѣхъ объялъ благоговѣйный ужасъ, всѣ сохраняли непонятное для нихъ самихъ молчаніе, и только съ удивленіемъ взирали другъ на друга. Наконецъ Хрисанъ смирскій началъ: почтенные отцы! что мы удивляемся сему и молчимъ! Не для изумленія Богъ явилъ намъ святость этого отца, мощи котораго теперь видимъ, исходящее отъ нихъ небесное благоуханіе обоняемъ. Кто другой кромѣ Бога нашего такъ помазалъ ихъ! Отъ кого другаго это божественное уханіе! Какъ кости и согнившая плоть могутъ сами по себѣ источать его? Изъ Евангелія мы знаемъ, что Лазарь, пробывъ только четыре дня во гробѣ, издавалъ зловоніе: смердитъ, сказано, четверодневенъ бо есть (Іоан. 11, 39). Такъ и быть должно; ибо самыя кости наши, по разрѣшеніи плоти, отдають землѣ нѣкую дань зловоніемъ, а сіи мощи истощаютъ божественное мвро. Святость этихъ мощей являютъ и около лежація при нихъ другія кости. Святыя мощи издають собственное свое благоуханіе, а подлѣ нихъ лежація едва, едва облагоухались отъ мощей близълежащихъ, чѣмъ и показываютъ, сколь они далеки отъ достоинства святыхъ мощей. Итакъ, не будемъ не

вѣрить божественному чуду, среди насъ нынѣ явившемуся. Я не говорю—не будемъ не вѣрить чуду; ибо оно совершенно очевидно: но говорю! прославимъ Бога, дивнаго во святыхъ своихъ, и почтимъ святаго Его угодника.

Съ іерархомъ Смирны согласились и адрианопольскій и всѣ предстоящіе, говоря: великъ Богъ христіанскій! Тогда, прославляя Бога, благоговѣнно перенесли святые мощи изъ усыпальницы въ находящійся при ней храмъ святыхъ Апостоловъ. Сдѣлавъ здѣсь имъ благоговѣнное поклоненіе, всѣ удалились въ монастырь, гдѣ снова возсылали славу Богу за чудо, и глубоко размышляли о новомъ этомъ у нихъ явленіи. На другой день епитропъ Филаретъ со старѣйшею и почетною братіею монастыря стали разсуждать о имени святаго,— ибо безъ имени не хотѣли они чтить святаго, явившагося въ ихъ монастырѣ; также и о томъ, какъ святые сіи мощи обрѣлись въ усыпальницѣ среди множества другихъ костей.

Изыскивая имя святому, всѣ желали наименовать его какъ нибудь сообразно съ обстоятельствами. И такъ, общимъ мнѣніемъ рѣшили назвать святаго Евдокимомъ (*εὐδοκίμω*) говоря, что Богъ благоволилъ чудодѣйствовать среди насъ въ такое время, когда люди нерадятъ объ обязанностяхъ христіанскаго благочестія и вѣры, и презираютъ ихъ изъ-за пустыхъ человѣческихъ выгодъ: этимъ призывали они всѣхъ христіанъ на путь божественный, а наипаче насъ, избирающихъ иноческую жизнь, желая тѣмъ побудить къ подражанію святымъ въ ихъ добродѣтельной и святой жизни. И по истинѣ, сказали всѣ, если святой считаетъ неприличнымъ прославиться подъ именемъ Евдокима; то да благоволилъ самъ объявить намъ свое имя. А когда приписываемое ему имя угодно, также когда и времени, въ которое мы живемъ, оно совершенно прилично, какъ выраженіе къ намъ благоволенія Божія для вразумленія заблудшихъ христіанъ; то да прославится онъ отъ насъ симъ призываніемъ. Такъ, святе, единогласно всѣ рекли, это имя

у насъ родилось отъ благочестиваго разсужденія. И вотъ общимъ совѣтомъ монашествующихъ въ Ватопедѣ, и прилучившихся тогда двухъ іерарховъ, за новоявленнымъ этимъ святымъ присудили оставить имя Евдокимъ ¹.

А о томъ, какъ обрѣлись въ усыпальницѣ мощи святаго въ томъ положеніи, о которомъ сказали мы выше, было много мнѣній. Предъ всѣми прочими было одобрено мнѣніе грамматика Никифора. Онъ говорилъ, что святой, предувѣдавъ часъ своей кончины, и никому ничего въ монастырѣ о томъ не сказавъ, взялъ честную икону въ свои объятія, и тайно изшедши изъ обители, вошелъ въ темное отдѣленіе усыпальницы, гдѣ думалъ лучше скрыться. Вошедши сюда и сказавъ: Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой,—онъ отшелъ въ вѣчныя обители. Это мнѣніе всѣми признано вдохновеннымъ и потому всѣми принято; ибо оно совершенно сообразно съ обстоятельствами. Въ самомъ дѣлѣ, если бы святой погребенъ былъ сначала внѣ усыпальницы, то какъ выкапывавшіе его изъ земли не ощутили бы благовонія мощей, когда ихъ переносили въ усыпальницу! или, ощутивъ оное и видя мощи еще одѣтыми, и въ объятіяхъ ихъ святую икону, какъ прошли о всемъ этомъ молчаніемъ! Съ другой стороны, если святой былъ положенъ въ темномъ мѣстѣ усыпальницы, то для чего съ иконою, для чего только онъ одинъ положенъ тамъ, и почему не зарытъ въ землю! Вѣдь туда собираютъ лишь кости отцевъ, и обыкновенно въ большомъ количествѣ. Изъ сего видно, сколь глубокое имѣлъ смиреніе святой: скрывая добродѣтели свои во время своей жизни, онъ не хотѣлъ явить и праведнической своей кончины. Мало сего: онъ и по смерти своей не хотѣлъ быть

---

¹ Такимъ образомъ подъ символическимъ этимъ именемъ теперь и чувствуется сей угодникъ Божій. О семъ самомъ святомъ говоритъ нашъ благочестивый посѣтитель Востока въ своихъ достойныхъ всякаго уваженія «Писмахъ съ Востока» (см. ч. 1 стр. 203).

знаемымъ и почитаемымъ отъ человѣковъ. Но Богъ, дивный во святыхъ Своихъ, взаимнопрославляющій прославляющихъ Его, не восхотѣлъ оставить своего угодника во все не узнааннымъ, но для пользы многихъ, прославилъ его и противъ его воли; ибо Онъ всегда прославляетъ святыхъ Своихъ къ похвалѣ добродѣтели и для посрамленія злобы.

Чтоже касается до времени, когда святой скончался, то если возьмемъ во вниманіе количество лежащихъ костей около святыхъ мощей, можемъ думать, что онъ не много времени почивалъ тутъ святыми своими мощами; ибо кости были еще не многочисленны. Тоже самое видно и изъ самой вновь сдѣланной части усыпальницы, въ которой находились мощи святаго, такъ какъ это зданіе оказывается построеннымъ послѣ плѣненія Константинополя. Недавность обнаруживаетъ и обрѣтшееся верхнее платье святаго такой работы, которая возвращаетъ насъ лѣтъ на сто, или много—на полтора-ста назадъ.

Общимъ также совѣтомъ положено совершить и бдѣніе по случаю обрѣтенія сихъ святыхъ мощей, и тѣмъ воздать славу Богу, явившему Себя намъ въ этомъ чудѣ. Итакъ, въ вечеръ субботы, 4-го октября, всѣ ватопедскіе отцы пришли съ возженными свѣщами въ усыпальницу. Совершивъ здѣсь святымъ мощамъ благоговѣнное поклоненіе, они съ подобающею честію, благоговѣніемъ и приличнымъ псалмопѣніемъ перенесли ихъ въ соборный въ монастырѣ храмъ, обошедши его прежде крестнымъ ходомъ въ предшествіи адрианопольскаго іерарха Григорія. Составивъ, по силамъ, также и службу святому, совершили бдѣніе, славя Бога, во всю ночь. А на утро послѣ литаніи и литургіи, благоговѣнно облобызавъ святые мощи, положили ихъ въ священномъ алтарѣ.

Если должно сказать и о чудесахъ святаго Евдокима, то мы изъ многихъ расскажемъ здѣсь только о двухъ, которыхъ были очевидцами, которыя совершились въ нашемъ мона-

стырѣ, и о которыхъ исцѣлившіеся проповѣдуютъ сами. Повѣствовать о всѣхъ чудесахъ святаго не позволяютъ намъ предѣлы краткаго сего описанія, ибо святость этого мужа скоро прославилась чудесами.

Одинъ монахъ, страдая недугомъ сильной чахотки, и отчаявшись въ человѣческой помощи, молитвенно призвалъ святаго Евдокима, говоря: святе! я грѣшенъ, но дерзаю просить тебя. Мѣропомазавшій тебя Богъ даровалъ тебѣ благодать исцѣленій. Посему многіе болящіе, призывая тебя съ вѣрою, получали исцѣленіе. Удиви же и на мнѣ силу твоей святости! Сіе и сему подобное говоря, онъ немного забылся, и слабый сонъ закрылъ утомленные его чувства. Вдругъ видитъ онъ нѣкоего достопочтеннаго монаха, который подошелъ къ нему, и далъ ему выпить небольшой сосудецъ какого-то врачевства. Больной, получивъ сосудецъ, выпилъ его. Явившійся налилъ ему и второй. Пія и этотъ, больной говоритъ: благо тебѣ да будетъ, отче, ибо ты напоилъ жаждущаго. Произнесши эти слова, онъ тотчасъ пробудился, и много дивился бывшему. Ему казалось, будто все это происходило наяву, ибо живо ощущалъ онъ дѣйствіе питія, — чувствовалъ, какъ оно отгоняло отъ его желудка и легкихъ всю прежнюю его болѣзнь. Между тѣмъ онъ вспомнилъ и о своей молитвѣ къ святому, и справедливо признавъ его своимъ цѣлителемъ, отъ всея души благодарилъ его, и вмѣстѣ славилъ Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. Потомъ пошелъ онъ къ духовнику монастыря, преподобному Нифонту, рассказалъ ему о чудѣ надъ собою, а затѣмъ возвѣстилъ и всей братіи монастыря.

Другой монахъ нашъ Гавріиль, самъ весьма искусный во врачеваніи, разъ почувствовалъ такое разстройство въ своихъ чреслахъ, что не могъ ни двигаться, ни сидѣть, ни избрать другое положеніе безъ страданія. Для освобожденія себя отъ этой жестокой болѣзни, онъ употребилъ все, что знаютъ

врачебная наука и опытъ; но его усилія были напрасны. Братія, глубоко тронувшись невыносимыми его страданіями, совѣтовали ему обратиться съ теплою молитвою къ святому Евдокиму. Внявъ такимъ благимъ совѣтамъ, онъ въ умиле- ній души сказалъ: если истинно, что святой Евдокимъ чудо- творецъ, и можетъ уврачевать меня, то я для священной его главы устрою серебряную раку. Лишь только далъ онъ такой обѣтъ—послѣ давней своей бессонницы вдругъ погру- жается въ тихій и сладкій сонъ и видитъ нѣкоего достопоч- теннаго и величественнаго монаха, имѣющаго густую бѣлую бороду. Явившійся, пришедши къ нему, коснулся бедръ его, и сказалъ: это ничего, не безпокойся. Больной: ты шутишь надо мною, старче, развѣ не видишь, какія претерпѣваю я страданія! Будь здоровъ, съ чувствомъ участія сказалъ ста- рецъ, и пошелъ отъ больнаго. Образъ видѣннаго имъ совер- шенно походилъ на образъ святаго Евѳимія великаго. Га- вріилъ, пробудившись, сначала думалъ, что все это дѣлается наяву, потому и спрашивалъ прислуживавшаго ему брата: что это за старецъ, который сейчасъ былъ здѣсь, и теперь толь- ко вышелъ изъ дверей?—Но сюда никто не приходилъ, такъ и отсюда никто не могъ выдти, отвѣчалъ братъ больному. Пришедши въ себя, Гавріилъ вспомнилъ, какъ обращался онъ къ святому Евдокиму, но ничего еще не говорилъ, думая, не игра ли это воображенія. Когда же почувствовалъ себя совершенно исцѣлившимся, тогда убѣдился, что приходившій къ нему и коснувшійся его былъ не другой кто, какъ свя- тый Евдокимъ, и что совершившееся съ нимъ было явленіе чудесное. Гавріилъ, желая немедленно исполнить свой свя- щенный обѣтъ, просилъ бывшаго тогда епитропомъ Филарета послать за мастеромъ золотыхъ дѣлъ. Просьба его была исполнена. Исцѣлившійся, на память будущимъ родамъ, ве- лѣлъ мастеру вырѣзать на раку слова: устроилъ эту раку для честной сей главы монахъ Гавріилъ, нашедшій святаго

Евдокима цѣлителемъ своего недуга. Молитвами святаго Евдокима да избавимся и мы всѣ отъ встрѣчающихся съ нами недуговъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, и да наслѣдуемъ царствіе небесное. Аминь.

Вотъ тѣ, скажемъ и мы съ приснославнымъ Никодимомъ, именуемые и извѣстные намъ святые, прозябшіе на святой сей Горѣ. Но есть и другіе безыменные и намъ неизвѣстные, изъ которыхъ одни умерщвлены были отъ нечестивыхъ арабовъ и агарянъ во многихъ обителяхъ прежде взятія Константинополя, а другіе благоугодили Богу и освятились въ различные времена и разнымъ образомъ. Если исчислять ихъ, они, по Давиду, умножатся дѣйствительно какъ песокъ: изотчу ихъ, и паче песка умножатся (Псал. 138, 17). Всѣ они суть тѣ огненные и высокіе столпы, которые стоятъ вокругъ Святой Горы, какъ видѣлъ ихъ въ бодрственномъ состояніи преподобный Марко, ученикъ Григорія Синаита; всѣ образуютъ то множество иноковъ, которые, какъ сподобился видѣть тотъ же Марко, стояли съ архангелами и ангелами кругомъ Богородицы, славя Ее и поклоняясь Ей,— тогда какъ Она, имѣя высокія и златыя палаты въ Мегали Вигла¹, сидѣла на тронѣ въ царственномъ великолѣпїи: такъ о видѣніи семъ пишется въ житїи святаго Максима кавсокаливскаго². Кратко сказать: всѣ они явили истиннымъ прореченіе Богоматери, которая извѣстила, что Гора сія назовется *Святою*, ибо эти подвижники освятили ее, прославили и сдѣлали чудною и именитою въ цѣломъ мірѣ³.

¹ Мѣсто на Аѳонѣ не въ дальнемъ разстояніи отъ перешейка аѳонскаго.

² По рукописному его жизнеописанію.

³ Такъ заключаетъ Никодимъ оное похвальное слово въ честь аѳонскихъ святыхъ, помѣщенное въ составленной имъ службѣ святымъ, на Аѳонѣ просїявшимъ.

Заклучимъ собраніе житій этихъ святыхъ приличною пѣснью Церкви, отъ нея имъ посвященною: «Что васъ наречемъ святіи? Херувимы ли? яко на васъ почилъ есть Христосъ. Серафимы ли? яко непрестанно прослависте Его. Ангелы ли? тѣла бо отвратистеся. Силы ли? дѣйствуете бо чудеса. Многая ваша имена, и большая дарованія: молитесь душамъ нашимъ.— Октоихъ гл. 8, понедѣльникъ утра на стиховнахъ стихиры.

Конецъ и Богу слава.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ ПАТЕРИКА.

Стран.

ВЪКЪ 15-й.

Жизнь преподобнаго и богоноснаго отца нашего Нифонта, архіепископа Константинопольскаго. Память его августа 11-го . . .	3
Краткое жизнеописаніе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Нектарія, подвизавшагося на святой горѣ Аѳонской въ скиту Карейскомъ, въ келліи архангеловъ, именуемой <i>Γαυάρι</i> во 2-й половинѣ XV вѣка. Память его декабря 5-го	29
Преподобный и богоносный отецъ нашъ Филовей Карейскій. Память его декабря 5-го.	34

ВЪКЪ 16-й.

Житіе преподобнаго Діонисія, подвизавшагося долгое время на святой горѣ Аѳонской и скончавшаго жизнь на Олимпѣ. Память его января 24-го	35
Жизнь преподобнаго и богоноснаго отца нашего Теофила мироточиваго. Память его іюля 8-го	53
Страданіе святаго преподобномученика Макарія Новаго. Память его октября 6-го	63
Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Герасима новаго. Память его октября 20-го	68
Страданіе преподобномученика Даміана. Память его февр. 23-го.	75
Преподобный отецъ нашъ Дометій филоѳеевскій. Пам. его авг. 6.	78
Преподобный Леонтій прозорливый. Память его іюня 18-го. . .	79
Преподобный Θεона митроп. солунскій. Память его апрѣля 4-го.	80
Страданіе святаго преподобномученика Іакова и двухъ учениковъ его: іеродіакопа Іакова и Діонисія монаха. Память ихъ ноября 1-го .	81
Страданія преподобнаго Макарія. Память его сентября 14-го	92
Страданіе преподобнаго Іоасафа. Память его октября 26-го .	94

ВЪКЪ 17-й.

Жизнь преподобнаго и богоноснаго отца нашего іеродіакона Нила Мироточиваго. Память его ноября 12-го.	95
Страданіе святаго преподобномученика Кипріана новаго. Па- мять его іюля 5-го.	103
Страданіе преподобнаго Дамаскина. Память его ноября 13-го.	109
Страданіе преподобномученика Іліи Ардунисть. Память его января 31-го.	114
Страданіе преподобномученика Романа. Память его февраля 16-го и января 5-го.	118

ВЪКЪ 18-й.

Жизнь преподобнаго и богоноснаго онца нашего Іерофея. Па- мять его сентября 13-го.	122
Жизнь преподобнаго отца нашего Акакія Новаго. Память его апрѣля 12-го.	128
Страданіе преподобномученика Никодима. Память его іюля 11-го.	139
Страданіе преподобномученика Пахомія. Память его мая 21-го.	143
Страданіе священномученика Христова Константія Россіяни- ка. Память его декабря 26-го	149
Страданіе священномученика Дамаскина. Память его января 16.	152
Страданіе священномученика Космы равноапостольнаго. Память его августа 4-го	154
Страданіе мученика Θεодора. Память его января 30-го.	168
Страданіе святаго мученика Іоанна Болгарина. Память его марта 5-го.	171
Страданіе святаго мученика Георгія. Память его октября 2-го.	173
Страданіе святаго новомученика Константина. Память его ноя- бря 14-го.	176

ВЪКЪ 19-й.

Страданіе святаго славнаго преподобномученика Луки. Память его марта 23-го.	187
Страданіе святаго новопреподобномученика Иларіона. Память его сентября 20-го.	199
Страданія святаго преподобномученика Прокопія. Память его іюня 25-го.	211
Житіе и страданіе святаго славнаго новаго преподобномуче- ника Евѳимія. Память его марта 22-го и маія 1-го.	216
Житіе и страданіе святаго славнаго новаго преподобномуче- ника Игнатія. Память его октября 20-го и маія 1-го.	243
Житіе и страданіе святаго славнаго новаго преподобномуче-	

ника Акакія. Память его мая 1-го.	Стрвн. 254
Житіє и страданіє святаго новаго преподобномученика Ону- фрія. Память его января 4-го.	267
Святые, время жизни коихъ не видно изъ источниковъ, заключающихъ ихъ жизнеописанія.	
Жизнь и подвиги преподобнаго отца нашего Филоея. Па- мять его октября 21-го.	281
Жизнь преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сумеона Бо- саго, новаго чудотворца. Память его апрѣля 19-го.	289
Преподобный Гавріиль Иверскій. Память его мая 13-го . .	299
Преподобный Геннадій ватопедскій. Память его ноябрю 17-го.	300
Преподобный Неофитъ, просмонарій ватопедскій. Память его января 21-го	301
Преподобный отецъ нашъ Агалій. Память его марта 1-го. .	302
Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего Теофана. Память его августа 19-го.	304

ВЪКЪ 11-й.

Святые, память коихъ празднуется мѣстно.

Антоній Печерскій. Память его іюля 10-го.	310
---	-----

ВЪКЪ 14-й.

Преподобный Арсеній Коневскій. Память его іюня 12-го . . .	314
--	-----

ВЪКЪ 15-й.

Преподобный Ниль Сорскій съ преподобнымъ Иннокентіемъ. Па- мять преподобнаго Нила мая 7-го, а преподобнаго Иннокентія мар- та 1-го.	318
---	-----

ВЪКЪ 16-й.

Преподобный Максимъ Грекъ. Память его въ Лаврѣ св. Сергія. августа 13-го.	320
--	-----

ВЪКЪ 14-й.

Преподобный отецъ нашъ Θεопитъ епископъ филладельфійскій. Память его въ 1-ю недѣлю по недѣлѣ всѣхъ Святыхъ	322
Θеопита митрополита филладельфійскаго, слово	323
Θеопита митрополита филладельфійскаго, 9 главъ.	336

ВЪКЪ 19-й.

Страданіє святаго священномученика Никиты. Память его апрѣля 4-го	340
Страданіє святаго славнаго преподобномученика Гедеона. Па- мять его декабря 30-го.	343

	Стран.
Страданіе святаго новаго преподобномученика Нектарія. Па- мять его іюля 11-го празднуется въ скитѣ св. Анны.	348
Жизнь и мученіе святаго славнаго новомученика Константина, изъ агарянъ, мучившагося въ Кидоніи и скончавшагося въ Царѣ- градѣ 1819 года. Память его іюня 2-го.	357
Мученіе святаго славнаго новаго преподобномученика Агаан- гела есфигменскаго. Память его апрѣля 19-го.	374
О перенесеніи святыхъ мощей преподобномученика Агаангела	410
Страданіе святаго преподобномученика Тимоѳея есфигменска- го. Память его октября 29-го.	412
Обрѣтеніе святыхъ мощей преподобнаго отца нашего Евдоки- ма ватопедскаго, воспоминаемое октября 5-го.	422
Заключеніе.	431

О Г Л А В Л Е Н І Е
 ОБЪИХЪ ЧАСТЕЙ АѦОНСКАГО ПАТЕРИКА,
 по времени празднованія памяти святыхъ.

Чис.	Мѣсяцъ Январь.	Час.	Стр.
	Мѣсяцъ Январь.		
4.	Память Преподобномуч. ватопедскихъ, пострадавшихъ отъ патріарха Векка и царя Михаила Пал.	1	
—	Преподобномученика Онуфрію	2	267
5.	Преподобномученика Романа	2	118
11.	Преподобнаго отца нашего Θεодосія митроп. трапезунскаго	1	403
13.	Святаго Максима кавсокаливскаго.	1	302
14.	Святаго Саввы архієпископа сербскаго	1	188
16.	Священномученика Дамаскина	2	152
21.	Препод. Неофита просмонарія ватопедскаго.	2	301
24.	Діонисія олимпійскаго.	2	35
30.	Мученика Θεодора	2	168
31.	Преподобномученика Иліп Ардунисъ	2	114
	Мѣсяцъ Февраль.		
13.	Преподоби. отца нашего Симеона, ктитора хиландар.	1	177
16.	Преподобномученика Романа	2	118
23.	Преподобнаго Даміана есфигменскаго	1	425
—	Преподобномученика Даміана.	2	75
	Мѣсяцъ Мартъ.		
1.	Преподобнаго отца нашего Агапія	2	302
—	Преподобнаго Иннокентія.	2	318
5.	Мученика Іоанна Болгарина	2	171
21.	Преподобномученика Евѡимія.	2	216
23.	Преподобномученика Луки.	2	187

Числ.	Мѣсяць Апрѣль.	Час.	Стр.
-------	-----------------------	------	------

4.	Преподоб. Θεоны митропол. солунскаго	2	80
—	Священномученика Никиты	2	340
6.	Преподоб. отца нашего Григорія Синапта	1	367
—	Преподоб. отца нашего Григорія византійскаго	1	405
12.	Преподоб. отца нашего Акакія Новаго	2	128
19.	Преподоб. и богоноснаго отца нашего Симеона босаго	2	289
—	Преподобномуч. Агафангела есфигменскаго	2	379

Мѣсяць Май.

1.	Преподобномученика Евѣимія	2	216
—	Преподобномученика Игнатія	2	243
—	Преподобномученика Акакія	2	254
4.	Преподоб. отца нашего Никифора	2	409
7.	Преподоб. Нила Сорскаго	2	318
13.	Преподоб. отца нашего Іоанна иверскаго	1	113
—	Преподоб. отца нашего Евѣимія новаго иверскаго	1	115
—	Преподоб. отца нашего Георгія иверскаго	1	126
—	Преподобномуч. иверскихъ, пострадавшихъ отъ патріарха Векка и царя Михаила Палеолога	1	273
—	Преподоб. Гавріила Иверскаго	2	299
21.	Преподобномученика Пахомія	2	143

Мѣсяць Іюнь.

2.	Новомученика Константина изъ агарянъ	2	357
12.	Преподобнаго отца нашего Петра	1	9
—	Преподобнаго Арсенія коневскаго	2	314
14.	Преподобнаго отца нашего Нифонта	1	346
18.	Преподобнаго Леонтія Прозорливаго	2	79
20.	Преподоб. отца нашего Каллиста 1-го патріар. констант.	1	427
25.	Преподобнаго отца нашего Діонисія ктитора обители св. Предтечи	1	389
—	Преподобнаго отца нашего Дометія игумена діонисіатскаго	1	404
—	Преподобномученика Прокопія	2	211

Мѣсяць Іюль.

5.	Преподобнаго отца нашего Аѳанасія и 6-ти учениковъ его съ нимъ пострадавшихъ	1	69
—	Преподобномученика Кипріана новаго	2	103
8.	Преподоб. отца нашего Теофила мпроточпваго.	2	53
10.	Преподоб. отца нашего Антонія печерскаго.	2	310
11.	Преподобнаго отца нашего Никодима	1	408

Числ.		Час.	Стр.
—	Преподобномученика Никодима	2	139
—	Преподобномученика Нектарія	2	348
28.	Преподоб. отца нашего Павла ксиропотамскаго	1	59

Мѣсяць Августъ.

4.	Священномученика равноапостольнаго Космы	2	154
7.	Преподоб. отца нашего Дометія филофеевскаго	2	78
11.	Преподоб. отца нашего Нифонта, архієписк. константин.	2	3
19.	Преподоб. и богоноснаго отца нашего Теофана новоявленна- го чудотворца	2	304

Мѣсяць Сентябрь.

13.	Преподоб. и богоноснаго отца нашего Героея	2	122
14.	Преподобномуч. Макарія, ученика Нифонта патріарха кон- стантинопольскаго	2	92
20.	Новопреподобномученика Иларіона	2	199
22.	Преподоб. отца нашего Космы зографскаго отшел.	1	294
—	Преподобномучен. зографскихъ, пострадавшихъ отъ патріарха Векка и царя Михаила Палеолога	1	273

Мѣсяць Октябрь.

1.	Преподоб. отца нашего Іоанна Кукузеля	1	171
—	Преподоб. отца нашего Григорія, Доместика Великой Церкви.	1	406
2.	Мученика Георгія	2	173
5.	Воспоминаніе обрѣтенія святыхъ мощей преподоб. отца на- шего Евдокима ватопедскаго	2	421
6.	Преподобномученика Макарія новаго	2	63
14.	Преподобнаго отца нашего Евѳимія новаго ессалоникскаго	1	37
20.	Преподобнаго и богоноснаго отца нашего Герасима новаго	2	68
—	Преподобномученика Игнатія	2	243
21.	Преподобнаго отца нашего Филоея	2	281
26.	Преподобномученика Іоасафа	2	94
28.	Преподобнаго отца нашего Аѳанасія патріарха константино- польскаго	1	355
29.	Преподобномученика Тимофея есфигменскаго	2	412

Мѣсяць Ноябрь.

1.	Преподобномученика Іакова и 2-хъ учениковъ его, іеродіако- на Іакова и Діонисія монаха	2	81
9.	Преподобныхъ отецъ нашихъ, Евфимія и Неофита дохіарскихъ.	1	157
12.	Преподоб. отца нашего Нила мироточиваго.	2	95
13.	Преподобномученика Дамаскина	2	109
14.	Преподоб. отца нашего Григорія Паламы: память его празд- нуется еще во 2-ю недѣлю Великаго Поста	1	323

Числ.		Част.	Стр.
—	Новомученика Константина	2	176
17.	Преподобнаго Геннадія ватопедскаго	2	300
22.	Преподобнаго отца нашего Каллиста, 2-го патріарха констан.	1	429

Мѣсяць Декабрь.

5.	Преподобномуч. карейскихъ, пострадав. отъ патріарх. Векка и царя Михаила Палеолога	1	273
—	Преподобн. и богоноснаго отца нашего Некторія карейскаго.	2	29
—	Преподоб. и богоноснаго отца нашего Филоея Карейскаго.	2	34
7.	Преподоб. отца нашего Григорія ктитора Григоріата	1	424
26.	Священномученика Константія Россіянина	2	149
28.	Преподобнаго отца нашего Симона мироточиваго симопетр- скаго	1	275
30.	Преподобномученика Гедеона	2	343
	Въ 1-ю недѣлю по недѣлѣ всѣхъ святыхъ преподобнаго от- ца нашего Θεоплпта, епископа Филадельфійскаго	2	321

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ПО АЛФАВИТУ

обѣихъ частей Афонскаго патерика.

	Част.	Стр.
Агапій преподобный отецъ	2	302
Агаѳангель преподобномученикъ есфигменскій	2	374
Акакій новый, преподобный отецъ.	2	128
Акакій преподобномученикъ	2	254
Антоній печерскій	2	310
Арсеній коневскій преподобный.	2	314
Аѳанасій преподобный отецъ, игуменъ лавры	1	69
Аѳанасій патріархъ константинопольскій	1	355
Гавріилъ иверскій, преподобный отецъ	2	299
Гедеонъ преподобномученикъ.	2	343
Геннадій преподобный отецъ ватонедскій	2	300
Георгій иверскій.	1	126
Георгій мученикъ	2	173
Герасимъ новый, преподобный отецъ	2	68
Григорій византійскій	1	405
Григорій ктиторъ Григоріата.	1	424
Григорій Доместикъ Великой Церкви	1	406
Григорій Палама.	1	323
Григорій Синаптъ	1	367
Дамаскинъ преподобномученикъ	2	109
Дамаскинъ священномученикъ.	2	152
Даміанъ преподобномученикъ	2	75
Даміанъ Есфигменскій	1	425
Діонисій ктиторъ Діонисіата	1	389
Діонисій олимпійскій, преподобный отецъ	2	35

	Част.	Стр.
Дометій игумень діонисіатскій	1	404
Дометій преподобный отецъ филовеевскій	2	78
Евдокимъ ватонедскій	2	422
Евѡнмій дохіарскій	1	157
Евѡнмій преподобномученикъ	2	216
Евѡнмій иверскій новый	1	115
Евѡнмій новый ѳессалоникійскій	1	37
Игнатій преподобномученикъ	2	243
Иларіонъ преподобномученикъ	2	199
Илія Ардунистъ преподобномученикъ	2	114
Іаковъ преподобномученикъ и два ученика его	2	81
Іероѡей преподобный отецъ	2	122
Іоаннъ иверскій	1	113
Іоаннъ Кукузель	1	181
Іоаннъ Болгаринъ мученикъ	2	171
Іоасафъ преподобномученикъ	2	94
Каллистъ 1-й патріархъ константинопольскій	1	427
Каллистъ 2-й патріархъ константинопольскій	1	429
Кириакъ новый преподобномученикъ	2	103
Константинъ новомученикъ изъ агарянъ	2	357
Константинъ новомученикъ	2	176
Константій священномученикъ Россіянинъ	2	149
Косма равноапостольный священномученикъ	2	154
Косма отшельникъ зографскій	1	294
Леонтій прозорливый, преподобный отецъ	2	79
Лука преподобномученикъ	2	187
Макарій преподобномученикъ, ученикъ патріархъ Нифонта	2	92
Макарій новый преподобномученикъ	2	63
Максимъ кавсокаливскій	1	302
Максимъ Грекъ преподобный	2	320
Нектарій преподобномученикъ	2	348
Нектарій Карейскій, преподобный отецъ	2	29
Неофитъ просмонарій ватонедскій, преподобный отецъ	2	301
Неофитъ дохіарскій	1	157
Никита священномученикъ	2	340
Никифоръ преподобный отецъ	1	409
Никодимъ преподобный отецъ	1	408

Содержание
Книжки по... 277
... 275

Список... 49, 44, 74, 81
... 78, 121/6 ...
... 78, Суховина - 348
... 374 | ... - 303

... 64

... 67

... 66

... 44, 72 | 193

... 23, 211 | 374

... 279, 296

акции
...
...

374
II

... 297

... 300

... 301

... 304

... 306

Магистр в Эрмитаж - 242

Оформление - 37

Ввод магистр в Эрмитаж - 41

253 (включая 351 ^{нефтяные работы}) (300000) (K-100)
 (20) Магистр - 103, 121, 132, 137, 174, 186,
 221 (включая 238, 251 (включая 259, 270
 284 ^{создания} 410) (на 20) II - 151
 и прозрачные - 104 (на 20) II - 171
автомат + 150 319, 320
создания 382
 (с автомат 1/2
Горюхи - 384

Копия
 А. С. Сидорова
 Т. П. Ковалева
 В. П. Ковалева
 С. В. Ковалева

Оформление
 Деканат
 В. П. Ковалева

Населен - Багратион - 325-7

Мелкие наборы - 373

Освоение - Кудрявиц
371-3

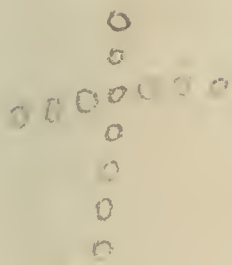
Корпусы 413, 361

Корпусы 413

Корпусы - 193
275

Корпусы
Корпусы
Корпусы
Корпусы
О. О. Корпусы

— 230
Корпусы

Корпусы - 249

О. О. Корпусы + Малые Корпусы - 312

Корпусы Латвии - 377

